СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ X

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюня 30-го дня 1848 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.
Цензоръ *А. Мехелинъ*.
Цензоръ *Н. Елагинъ*.

СОВРЕМЕННИКЪ

№ VII

(Іюль)

Санктпетербургъ

—

1848

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ:

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

СОВРЕМЕННИКЪ въ 1848 году выходитъ *перваго числа каждаго мѣсяца* книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ, съ картинкою парижскихъ модъ при каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

съ 12-ю картинками модъ и другими приложеніями:

Въ С. Петербургѣ безъ доставки: 15 руб. серебромъ.	*Съ пересылкою или доставкою:* 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, находящейся на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лопатина, при Конторѣ Агентства и Коммиссіонерства Языкова и К°.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Университетской типографіи, при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: ***Въ Контору Современника, въ С. Петербургѣ,*** или ***въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.***

I.

ХУДОЖНИКЪ.

— Э, господа, сказалъ молодой человѣкъ въ сюртукѣ послѣдняго покроя: — многіе заботятся слишкомъ о жизни!

Никто изъ насъ не сказалъ на это ни слова, докторъ и молодой литераторъ даже переглянулись между собою съ легкою усмѣшкою.

Какъ въ музыкѣ фальшивая нота деретъ уши, такъ какая-нибудь устарѣлая, вычурная мысль наводитъ уныніе и досаду въ кружкѣ порядочныхъ людей, болтающихъ между собою. Мнѣніе, высказанное молодымъ человѣкомъ, разомъ расхолодило нашъ дружескій разговоръ и во многихъ зародило самое невыгодное понятіе о новомъ нашемъ собесѣдникѣ. Мнѣ было вдвойнѣ тяжело, потому-что мнѣ хотѣлось выручить молодого человѣка и поддержать бесѣду. Время было холерное, душный вечеръ тяготѣлъ надъ городомъ, намъ такъ было пріятно си-

дѣть кружкомъ около окна, какъ пріятно всякому человѣку собираться вмѣстѣ съ другими въ кучку, при видѣ опасности.

— Мнѣніе ваше заслуживаетъ вниманія, сказалъ я послѣ короткаго молчанія : — именно потому, что вы молоды и здоровы. Въ первую пору молодости у людей бываетъ убѣжденіе,что никакое горе, никакая опасность не въ силахъ къ нимъ подобраться. Когда я слышу, что молодой человѣкъ шутя говоритъ о смерти, я перевожу его слова такимъ образомъ : пусть старики хлопочутъ и боятся : я молодъ, я здоровъ; что̀ со мною сдѣлается?

— Я не могу понять даже и этого, рѣзко сказалъ докторъ, который, наработавшись цѣлый день по больнымъ, подъ вечеръ чувствовалъ въ себѣ довольно жолчное расположеніе: — по моему, равнодушіе къ жизни есть шагъ къ варварству или остатокъ стараго невѣжества. Взгляните, гдѣ чаще случаются кровавые безпорядки : въ тѣхъ земляхъ, гдѣ большинству нечего терять съ жизнью, гдѣ человѣку «жизнь — копейка». Намъ ли, которые можемъ жить и трудиться, которые проникнули, на сколько были въ силахъ, въ очаровательную область науки, — намъ ли не дорожить жизнью?

— Однако, замѣтилъ М* : — если вслѣдствіе любви къ жизни, я подвергаюсь безпрестанному страху, мнительности и хлопотамъ, если въ пору такого душевнаго смятенія я неспособенъ ни къ труду, ни къ удовольствію, то пропадай такая любовь.

— Это тоже преувеличеніе, замѣтилъ докторъ. — Дорожить жизнью, не желать смерти — не значитъ еще малодушничать. И древніе эпикурейцы, и наши современники, которые видали на своемъ вѣку и славу и кое-какія радости, умирали тихо и спокойно, когда доходила до нихъ очередь. Кто не знаетъ остротъ, которыя отпускалъ Рабле за нѣсколько минутъ до своей смерти. Дѣло въ томъ, что опасеніе опасенію рознь, и не всякое опасеніе выказывается мучительно. Каждый изъ товарищей моихъ по медицинѣ цѣлый день, въ теперешнюю пору, подвергается опасности; что̀жь, развѣ мы исхудали, стосковались за это время?

— Я пойду дальше васъ, сказалъ литераторъ : — мое мнѣніе такое, что вездѣ, гдѣ есть нѣкоторая опасность, есть и своего рода наслажденіе. Человѣкъ такъ устроенъ, что всегда ча-

стичка его организма расположена къ наслажденію; чѣмъ слабѣе организмъ человѣка, тѣмъ доступнѣе ему наслажденія; чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ цѣль кажется краше. Люди, которые были подъ пулями, люди не воинственные, говорили мнѣ, что день, проведенный посреди опасности, навсегда остается пріятнымъ воспоминаніемъ. Лишняя минута покоя цѣнится только при безпокойной жизни, здоровье почитается благомъ, когда человѣкъ видитъ вокругъ себя больныхъ, — никогда человѣкъ такъ не выучивается гастрономіи, какъ при лишеніяхъ или при странствованіяхъ. Въ то время пробуждаются новыя силы, новыя ощущенія, о которыхъ не помышляемъ мы во времена спокойствія. При опасности, въ энергическомъ человѣкѣ напрягаются душевныя силы, въ насъ, людяхъ бывалыхъ, является инерція, которую не легко преодолѣть. Тотъ, который струсилъ бы въ чистомъ полѣ, можетъ съ успѣхомъ оборониться въ крѣпости; тотъ, который ни за что въ свѣтѣ не покажетъ носа въ край больной и опасный, спокойно перенесетъ тяжолое время, сидя у себя дома.

— Все это вѣрно и справедливо, замѣтилъ я: — а главное, можетъ быть подтверждено примѣрами. Я былъ ребенкомъ во время первой холеры, но кое-что помню. Ни тогда, ни теперь, не случалось мнѣ встрѣтить ни одного образованнаго человѣка, который, при опасности, впалъ бы въ мнительность и уныніе.

Всѣ, кромѣ доктора, подтвердили мои слова. Эскулапъ нашъ, видавшій и холеру въ Петербургѣ и чуму въ Константинополѣ, не сказалъ ничего. Молчаніе это мы поняли какъ вступленіе къ разсказу, разсказу медицинскому, разсказу въ высшей степени современному. Кто еще не курилъ, зажегъ сигарку, остальные занялись наливаніемъ грогу и подобныхъ антиэпидемическихъ средствъ.

«Осьмнадцать лѣтъ тому назадъ — началъ докторъ — сошелся я съ однимъ художникомъ, по фамиліи Корсовскимъ. Имя это до сихъ поръ помнятъ въ Академіи, потому-что то былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Судьба его была довольно странная: родители его, люди небогатые, слушать не хотѣли о страсти сына къ живописи, а готовили его къ военной службѣ. Поступивъ на службу, въ свободное время онъ ходилъ

въ Эрмитажъ и дома занимался рисованьемъ. Съ лѣтами развилась въ немъ страсть къ живописи; онъ вышелъ въ отставку и сталъ ходить въ классы, поселился, съ какимъ-то собратомъ художникомъ, на острову, близко Смоленскаго кладбища, иногда голодалъ, а впрочемъ занимался упорно и былъ очень доволенъ своей судьбой.

«Лѣтъ ему было около двадцати трехъ, собою былъ онъ очень красивъ, сложенія жиденькаго, нервическаго, до изумительной степени требующаго дѣятельности. Талантъ его не дожидался познаній механической части искусства; не умѣя писать масляными красками, онъ нетерпѣливо набрасывалъ на бумагу эскизы чрезвычайной оригинальности и энергіи. Раздражительность его мозговыхъ нервовъ была такъ сильна, что часто, послѣ утомительной работы, онъ не могъ засыпать и проводилъ ночи за книгою, ожидая, пока дневной свѣтъ позволитъ ему опять приняться за свои рисунки. Всѣ эти подробности передаю я вамъ съ цѣлью пояснить конецъ моей исторіи.

«Профессоръ, въ классѣ котораго находился Корсовскій, съ удовольствіемъ замѣчалъ успѣхи молодого человѣка, но не хотѣлъ преждевременными похвалами повредить таланту, который былъ весь въ будущемъ. Разъ какъ-то ему удалось взглянуть на эскизы, которые нашъ художникъ дѣлалъ собственно для себя и тщательно скрывалъ ото всѣхъ, и взглянувши, онъ былъ пораженъ ими. Самъ онъ былъ извѣстенъ въ Россіи, трудами добылъ себѣ и богатство и почетное мѣсто, много ѣздилъ по свѣту, но мало видѣлъ рисунковъ, которые бы своею оригинальностію, въ особенности же сочиненіемъ, могли обѣщать такъ много. Съ этихъ поръ онъ сталъ понемногу сближаться съ Корсовскимъ, приглашалъ его къ себѣ, всячески ободрялъ на трудномъ пути и даже изрѣдка предсказывалъ ему успѣхъ впереди. Но тутъ обстоятельства запутались: у стараго художника была семнадцатилѣтняя дочь, живая, миленькая дѣвочка, а что́ еще хуже, личико ея напоминало молодому любителю художествъ какую-то головку Гверчино, Доминикино или Перуджино. Вслѣдствіе этого важнаго обстоятельства, а еще болѣе вслѣдствіе одинокой жизни, нашъ художникъ влюбился по-уши въ дочь своего профессора. Онъ ей нравился также,

потому-что былъ хорошъ собой, уменъ, одѣвался прилично и если обѣщалъ что-нибудь нарисовать, непремѣнно исполнялъ, что́ случается рѣдко съ художниками. Старикъ отецъ часто, говоря съ нею, отзывался о Корсовскомъ съ отличной стороны, да еслибъ онъ и зналъ, что дочь можетъ въ него влюбиться, то не разсердился бы. Долголѣтняя опытность убѣждала его, что молодому человѣку остается три, много четыре года и до денегъ и до извѣстности, — стало быть партія была бы недурна.

«Дѣло въ томъ, что это превосходное время было неимовѣрно тяжолымъ временемъ для молодого художника. Онъ не смѣлъ предаться своей страсти, потому-что почиталъ совершенно невозможнымъ расчитывать на руку дѣвушки, которой отецъ былъ и богатъ, и извѣстенъ, да и къ тому же его наставникъ. Просто же волочиться за нею онъ не хотѣлъ, да еслибъ и хотѣлъ, такъ не смѣлъ, а еслибъ смѣлъ, такъ не умѣлъ, потому-что всю жизнь свою ему некогда было ѣздить въ общество и учиться обращенію съ прекраснымъ поломъ. Конечно и ему иногда мерещилось, что современемъ обстоятельства перемѣнятся, придетъ и слава и богатство, но сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ своемъ талантѣ, преобладало, какъ водится, надо всѣми розовыми мечтами.

«Всѣ почти мы здѣсь, господа, люди специяльные, уже пробившіе себѣ дорогу, стало быть каждый изъ насъ долженъ знать, что́ такое, въ жизни мыслящаго человѣка, значитъ болѣзнь, которую надо назвать сомнѣніемъ въ собственныхъ своихъ силахъ. Кто изъ насъ въ прежнія времена не останавливался надъ раскрытою книгою, надъ начатою статьею, надъ полуконченнымъ изслѣдованіемъ, и останавливался съ горькою мыслью, отъ которой трудъ терялъ все свое значеніе: есть ли во мнѣ что-нибудь? лучше ли я тысячи жалкихъ тружениковъ? Эта болѣзнь сгубила много умовъ, отъ которыхъ безъ нея вѣрно хоть что-нибудь да осталось бы. Такой болѣзнью страдалъ и Корсовскій, а въ немъ проявлялась она еще разрушительнѣе, потому-что для него не было хуже наказанія какъ ждать и быть въ неизвѣстности. Для его раздражительной натуры каждая минута сомнѣнія была ядомъ, потрясающимъ и безъ того напряженные нервы, возбуждающимъ всѣ душевныя силы къ

непомѣрной дѣятельности. Болѣе года уже работалъ онъ, не зная отдыха, не давая себѣ ни минуты развлеченія. Ему хотѣлось поскорѣе добиться какой-нибудь развязки; выставка приближалась, и къ этому времени онъ готовилъ картину. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи больше времени, онъ отказался отъ портретовъ и частныхъ работъ, которыя давали ему средства существовать, и цѣлый годъ питался только хлѣбомъ, молокомъ да подобнаго рода съѣстными припасами. За квартиру онъ задолжалъ и всякую недѣлю имѣлъ удовольствіе видѣть хозяина, который настоятельно, съ прибавленіемъ угрозъ, требовалъ уплаты за прожитое время.

«Такого рода жизнь легко переносится людьми совершенно грубыми или людьми зрѣлаго возраста, которыхъ цѣль въ жизни ясно обозначена, которые, терпя нужду, видятъ передъ собою въ будущемъ вѣрную, утѣшительную цѣль. Такъ ученый человѣкъ, страстно преданный своему предмету, не хочетъ и помышлять о мелкихъ потребностяхъ жизни. Но нашъ художникъ не подходилъ къ этому разряду: пока человѣкъ не убѣдился въ своихъ силахъ, любовь къ искуству развита въ немъ безтолково, почти безсознательно. А кромѣ того, любовь къ искусству какъ-то блѣднѣетъ, когда рядомъ съ нею находится первая любовь къ молодой дѣвушкѣ, любовь свѣтлая, страстная, почти безнадежная.

«Мелкія потребности жизни, или, яснѣе, невозможность удовлетворять этимъ потребностямъ, тѣснила Корсовскаго до послѣдней крайности. У него, какъ у бо́льшей части людей жиденькаго сложенія, потребности были аристократическія. Онъ любилъ роскошь, за отсутствіемъ роскоши любилъ чистоту, за невозможностью чистоты любилъ спокойствіе. Ничего этого ему не доставалось, а доставалось на его долю нищета холодная, пасмурная. Нѣсколько разъ нищета эта приводила его въ такое отчаяніе, что онъ начиналъ соображать — не бросить ли ему историческіе сюжеты, не приняться ли за малеваніе портретовъ да баталическихъ картинъ. По-крайней-мѣрѣ на этомъ пути легко добывать деньги.... Къ чести Корсовскаго, надо признаться, что онъ никогда не поддавался вліянію подобныхъ мыслей.

«У профессора своего бывалъ онъ рѣдко и будто опасался встрѣчаться съ его дочерью. Но уже молодые люди были крѣпко влюблены другъ въ друга, хотя никакихъ нѣжныхъ объясненій между ними не бывало. Робость и недовѣрчивость молодого человѣка и тутъ ему вредили: еслибъ онъ разговорился со своей очаровательницею, онъ могъ бы узнать, что ея отецъ, не видавъ еще его картины, расчитываетъ на нее какъ на замѣчательное явленіе, что даже одинъ разъ, толкуя съ кѣмъ-то о родителяхъ Корсовскаго, неподатливый на похвалу профессоровъ выразился такъ: «что онъ бы гордился всякую минуту такимъ сыномъ!» Все это знала молоденькая плутовка, знала она, что и Корсовскій отъ нея безъ памяти, только онъ одинъ ни о чемъ не догадывался и не помышлялъ, какъ близко было отъ него счастіе.

«Чѣмъ ближе подходило время выставки, тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе становился нашъ тудожникъ. Сомнѣніе въ своемъ талантѣ обратилось въ рѣшительное невѣріе. Первыя радостныя минуты при взглядѣ на свое созданіе быстро миновались. Картина опротивѣла Корсовскому. Онъ отъ чистаго сердца осуждалъ самого себя и наконецъ, недовольный ею въ высшей степени, рѣшился предварительно показать ее профессору. Пока тотъ еще собирался притти къ художнику, прошло нѣсколько дней, и можете себѣ представить, чего не перечувствовалъ въ эти дни нашъ пріятель! Голодный, безъ копейки въ карманѣ, полубольной, пролежалъ онъ все время на своей кровати, завѣсивши картину дырявою простынею. Ему становилось совѣстно смотрѣть на нее.

«Наконецъ профессоръ пріѣхалъ къ нему, открылъ картину, ахнулъ и бросился обнимать художника. При всемъ своемъ ожиданіи не могъ онъ предполагать въ немъ такихъ быстрыхъ, такихъ блестящихъ успѣховъ. Содержаніе взято было по данной темѣ изъ послѣднихъ пѣсенъ Иліады: тѣнь Патрокла, являющаяся Ахиллесу. Поэтическая страница великаго старца передана была на полотно достойнымъ образомъ. Мало того, что въ исполненіи была бездна страсти, юношеской граціи, — вся картина, всѣ подробности проникнуты были героическою, эллинскою жизнью, что̀ показывало рѣдкую въ то время начитанность и свѣдѣнія рисовальщика.

«Будто горячій камень свалился съ сердца художника, въ полъ-минуты произошло обычное превращеніе: съ любовью сталъ онъ смотрѣть на ту картину, къ которой еще сегодня боялся подойти, разглядывалъ всѣ подробности, распрашивалъ старика, будто затѣмъ, чтобъ учиться, въ самомъ же дѣлѣ, чтобъ послушать его похвалъ и поздравленій. Онъ былъ счастливъ выше всякой мѣры, но это было только начало.

«На выставкѣ толпа народу останавливалась передъ картиной Корсовскаго. Оттого ли,что фамилія его была немного извѣстна въ свѣтѣ, оттого ли, что сюжетъ съ тѣнью, въ ночной сумракъ, гармонировалъ съ тогдашней любовью къ фантастическому, только даже самые праздные зрители восхищались «Патрокломъ и Ахиллесомъ». Знатоки тоже хвалили, болѣе же всѣхъ любовались картиною молоденькая дочь стараго профессора да самъ Корсовскій. Днемъ ему было совѣстно стоять у своей картины, но подъ вечеръ, когда толпа расходилась, пробирался онъ въ знакомую залу и посреди заманчиваго полумрака долго не сводилъ глазъ съ своего созданія. За эти минуты самодовольствія — а кто можетъ упрекнуть человѣка за такое самодовольствіе — художникъ нашъ не взялъ бы благъ всего міра.

«Впрочемъ и въ земныхъ благахъ недостатка не было: одинъ богатый любитель купилъ модную картину, Корсовскій получилъ много заказовъ. и предложена ему была часть денегъ впередъ. Стали говорить объ отправленіи его въ Италію, о назначеніи ему постояннаго содержанія. Родители тронулись, сами пріѣхали къ сыну, дали и денегъ. Короче, изъ нищеты и ничтожества Корсовскій выдвинулся на такое завидное положеніе, о которомъ за мѣсяцъ назадъ и мечтать боялся. Счастіе не испортило, да и не могло испортить такого сосредоточеннаго человѣка. Онъ понималъ всю цѣну добра, которое къ нему привалило, зналъ ее, потому-что терпѣлъ нужду и горе, — а потому-то онъ и рѣшился умно распоряжаться своимъ счастіемъ. Для бывшаго труженика открылось море новыхъ удовольствій, не говоря уже объ отрадѣ работать спокойно, съ сознаніемъ, что работаешь не понапрасну. Просторное помѣщеніе, мягкая постель, деньги въ карманѣ, спектакль.... весь этотъ рядъ удовольствій, которыя мы

даже не признаемъ удовольствіями, составляютъ наслажденія для человѣка, только-что выбившагося изъ нужды.

«Пріятно было смотрѣть, какъ вознаграждалъ себя этотъ человѣкъ за прежніе годы лишеній, горя и тяжолаго сомнѣнія. Въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ онъ и прежде, занялъ онъ просторное помѣщеніе, самъ убралъ свой кабинетъ и мастерскую, работалъ только по утрамъ; но какъ живо, какъ успѣшно шла эта работа! Къ профессору ходилъ онъ чаще и чаще, толковалъ уже съ нимъ какъ съ братомъ по искусству и наконецъ сблизился еще болѣе съ его дочерью. Старикъ ласкалъ его и ухаживалъ за нимъ какъ за любимымъ сыномъ. Наконецъ въ одно утро мать нашего художника пріѣхала къ его бывшему наставнику, долго толковала съ нимъ и сказала наконецъ, что сынъ ищетъ руки его дочери. Вышло то, чего можно было ожидать: старикъ согласился, а молодой человѣкъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости.

«Оставалось одно препятствіе: Корсовскому надобно было осенью ѣхать въ Италію; отказаться отъ этой поѣздки значило повредить своему таланту; разлучиться же на такое время со своей невѣстою молодой человѣкъ ни за что не соглашался. Напрасно профессоръ толковалъ ему про Римъ, про голубое небо и про Ватиканъ: рѣчами этими раззадорилъ онъ только самого себя, и планъ былъ составленъ превосходный. Старикъ самъ рѣшился, въ началѣ весны, ѣхать съ дочерью въ Римъ, дожидаться тамъ жениха, по прибытіи его съиграть сватьбу и самому прожить съ молодыми, сколько позволятъ обстоятельства и срокъ отпуска.

«Передъ молодымъ человѣкомъ открылась перспектива, блистательнѣе которой трудно себѣ что-нибудь представить. Ѣхать въ обѣтованную землю художниковъ, встрѣтить тамъ свою милую невѣсту, обвѣнчаться и прожить съ нею нѣсколько лѣтъ въ очаровательнѣйшей изъ странъ Европы, — все это, согласитесь, можетъ свести съ ума человѣка, только-что прожившаго три года самой тяжолой жизни, которая только можетъ быть въ молодости.

«И точно, Корсовскій началъ часто задумываться, часто говорилъ онъ мнѣ: «все это такъ хорошо, что я боюсь не дождать-

ся конца», или «что, если теперь что-нибудь съ кѣмъ изъ насъ случится». Короче онъ началъ побаиваться потерять свое счастіе, какое-то тягостное чувство недовѣрія не давало ему покоя. Когда старикъ съ дочерью уѣхали за-границу, онъ сдѣлался еще боязливѣе, безпрестанно ходилъ на почту, и если письма являлись не такъ скоро, какъ онъ ожидалъ, то впадалъ въ совершенное отчаяніе.

«Несмотря на то, онъ былъ счастливъ, работалъ съ охотою, съ наслажденіемъ отдыхалъ и все думалъ о томъ, скоро ли удастся ему выѣхать въ Италію.

«Начинался іюнь мѣсяцъ 1831 года. Я только-что воротился изъ разъѣзда по южнымъ губерніямъ, и гулялъ по Каменному острову. Вечеръ былъ удивительный и гуляющихъ много. Въ одной изъ аллей встрѣтилъ я Корсовскаго. Онъ долго распрашивалъ меня о моей поѣздкѣ, и точно — было о чемъ спрашивать: холера въ тѣ времена гуляла по Россіи и дѣлала свое дѣло съ такою жестокостью, о которой нынѣшняя эпидемія даетъ только половинное понятіе. Когда я разсказывалъ эти событія, художникъ мой слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ. Казалось, какая-то новая, тяжолая мысль посѣтила его голову; не дождавшись конца моихъ разсказовъ, онъ рѣзко и быстро спросилъ меня. «А сюда придетъ болѣзнь?»

— Непремѣнно, отвѣчалъ я: — теперь она въ***, и ходъ ея очень ровенъ. Надо ждать ее въ концѣ мѣсяца.

— Это кончено, съ уныніемъ сказалъ художникъ: — теперь я вижу, куда идетъ дѣло. Я непремѣнно умру.

— И навѣрно умрешь, если будешь такъ думать. Вольно же напустить на себя мнительность.

— Да развѣ это моя вина?

— Отчасти ты и правъ. Коли не можешь пересилить своей трусости, уѣзжай отсюда.

— Да куда же ѣхать.

— Въ Финляндію, въ Архангельскъ, въ Сибирь, въ деревню.

— А какъ же картина?

— Какая картина?

— Боже мой, да пока я не кончу моей картины, меня не пустятъ въ Италію; что мнѣ дѣлать теперь! мнѣ нельзя ѣхать отсюда.

«Мнѣ стало его жалко не на шутку. Я видѣлъ, что трусость его происходила отъ болѣзненнаго раздраженія нервовъ, что трусость эта была почти извинительна, что боясь за свою жизнь, онъ боялся и за невѣсту, и за счастіе, и за славу, и за блестящую будущность. Долго успокоивалъ я его, высчитывалъ вѣроятности, сообщалъ разныя предохранительныя средства; наконецъ мнѣ удалось развеселить его. Я представилъ ему положеніе его въ драматическомъ видѣ: злая холера хотѣла вырвать у него счастіе, ему же оставалось бодро итти на борьбу съ нею, защищаться, шагъ за шагомъ отстаивать свое здоровье и постоянно хранить спокойное расположеніе духа. Мы разстались, а недѣли черезъ три страшная гостья явилась въ Петербургѣ.

«Я сказывалъ вамъ, что домикъ, въ которомъ жилъ Корсовскій, стоялъ на концѣ Васильевскаго острова. Въ той сторонѣ воздухъ чище, но одно обстоятельство было не совсѣмъ хорошо для нашего пріятеля: по той самой улицѣ возили покойниковъ на Смоленское кладбище. Когда увидѣлъ бѣдный художникъ цѣлые ряды гробовъ, тянувшихся въ сопровожденіи заплаканной публики, между факельщиками въ мантіяхъ и развороченныхъ шляпахъ, сердце его сжалось и мнительность окончательно восторжествовала.

«Онъ началъ просто чудить: стѣны своей квартиры обставилъ стклянючками съ разнымъ лѣкарствомъ и куреніями, самъ рѣшительно никуда не выходилъ, тому же хотѣлъ подвергнуть и своего слугу, только тотъ взмолился и выхлопоталъ себѣ позволеніе выходить изъ квартиры на довольно выходныхъ для себя условіяхъ. Ему запрещалось входить въ комнату барина, всѣ приказанія исполнялись имъ по звонку черезъ нѣсколько комнатъ. Корсовскій самъ стлалъ себѣ постель, садился обѣдать одинъ, за столъ, на которомъ уже стояли всѣ блюда; и можете судить, хороши были эти кушанья! Къ окну подходить онъ боялся, да толку въ томъ не было: чуть подымался по мостовой стукъ, художникъ зналъ уже, что по улицѣ, незнакомой съ экипажною ѣздою,

везутъ покойниковъ, и по продолжительности стука угадывалъ онъ объемъ процессіи. Маленькую отраду чувствовалъ онъ при началѣ ночи: еще одинъ день прошелъ безъ бѣды, еще можно надѣяться.

«Посреди этой насильственной праздности и мелкихъ, жалкихъ хлопотъ, единственнымъ занятіемъ его была отдѣлка картины, назначенной къ окончанію передъ отъѣздомъ въ Италію. Весь избытокъ силы и дѣятельности употреблялъ онъ на эту работу, но какъ онъ работалъ, много ли онъ работалъ, этого не могу сказать, потому-что Корсовскій, не выходя изъ дому, не хотѣлъ и пускать къ себѣ никого. Вы припомните, что въ то время эпидемія почиталась чрезвычайно заразительною.

«Одинъ только разъ, въ продолженіи странной его маніи, довелось мнѣ видѣть нашего пріятеля. Я возвращался пѣшкомъ по самой отдаленной улицѣ острова, отъ одного изъ больныхъ. Вечеръ былъ удивительно хорошъ, воздухъ свѣжъ и не душенъ, высокая трава росла около мостиковъ, деревянные, низенькіе домики изъ-за своихъ садовъ привѣтливо на меня посматривали. Мнѣ вообразилось, что я въ деревнѣ, далеко отъ шумнаго и больного города, и какъ-то легко стало у меня на душѣ. Мнѣ захотѣлось зайти къ какому-нибудь изъ близкихъ пріятелей, отдохнуть отъ тревожнаго дня и дружески поболтать, въ родѣ того какъ теперь мы болтаемъ. Въ это время наткнулся я на домикъ, въ которомъ жилъ Корсовскій, и постучался въ его двери.

«Заспанная и изумленная фигура лакея встрѣтила меня на порогѣ. На вопросъ, дома ли баринъ, отвѣтствовано было, что баринъ никуда не выходитъ, а потомъ слуга вдругъ спохватился и произнесъ: «дома ихъ нѣту». На это я велѣлъ ему проспаться и пошелъ въ комнаты.

«Художникъ встрѣтилъ меня у дверей и подалъ мнѣ руку съ такими ужимками, будто бы его заставляли трогать каленое желѣзо. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ мяться и видимо конфузиться.

— Ты меня извинишь.... говорилъ онъ: — мнѣ необходимо кончать работу.... отдохни пока.... а я пойду въ мастерскую.

«Онъ отворилъ уже дверь, но я объявилъ, что отчего же и мнѣ не посидѣть въ мастерской. Тогда Корсовскій совершенно поте-

рался, струсилъ даже и объявилъ, что теперь онъ ни за что въ свѣтѣ никому не покажетъ своей картины.

«Такая выходка была болѣе чѣмъ странна, но я все это приписывалъ одной мнительности. «Безсовѣстная ты голова», сказалъ я, «вижу я, что тебѣ хочется меня выгнать, изъ боязни. Это за то, что я лечилъ подобныхъ тебѣ чудаковъ.

— Ну, что̀, скоро *она* кончится? Корсовскій даже избѣгалъ слова: холера.

— А кто ее знаетъ?

— Скоро, скоро, я говорю тебѣ, скоро пройдетъ.

— Ну, тѣмъ лучше, замѣтилъ я, принимая всѣ эти рѣчи за обычныя выходки боязливыхъ паціентовъ. Мнѣ было досадно на художника; но когда я посмотрѣлъ на него снова, досада моя обратилась въ участіе. Онъ сильно исхудалъ, глаза его свѣтились лихорадочнымъ блескомъ, всѣ движенія его были порывисты. Видно было, что эта дѣятельная натура, засадившая самое себя въ невольное бездѣйствіе, сокрушалась подъ бременемъ собственной своей силы, которую некуда было дѣвать. Я сначала убѣждалъ его въ необходимости развлеченія, приглашалъ пройтись по улицѣ, наконецъ рѣшился на самый сильный изъ моихъ доводовъ.

«Ничто такъ не утѣшаетъ человѣка въ горѣ, какъ мысль, что страдаетъ не онъ одинъ, что такую же участь терпятъ и всѣ. Замѣчаніе это не дѣлаетъ чести человѣческой натурѣ, но не въ томъ дѣло. Я сталъ говорить Корсовскому, что стыдно и смѣшно напускать на себя дурь, толковалъ, что *всѣ* подвержены опасности, что другіе умираютъ. На это онъ горько засмѣялся и вспыльчиво отвѣчалъ:

— Другимъ полгоря умирать; развѣ у всѣхъ есть такая невѣста какъ у меня? развѣ всякой изъ здѣшнихъ жителей имѣетъ твердую увѣренность быть знаменитымъ художникомъ?

— Откровенно скажу тебѣ, продолжалъ онъ немного спустя: — мнѣ хотѣлось бы, страшно хотѣлось бы прожить еще лѣтъ пять. За эти пять лѣтъ я готовъ поплатиться тридцатью годами несчастій.

«Видя, что присутствіе мое тяготитъ его, я ушелъ и не показывалъ своей физіономіи въ тѣ края до самого окончанія эпидеміи.

«Наконецъ число заболѣвающихъ уменьшилось до единицы, болѣзнь прекратилась, миновало тяжолое время. На радости я такъ пообѣдалъ съ нѣкоторыми товарищами, что насъ чуть было не пристукнуло тутъ же. На другой день объѣздилъ я знакомыхъ, побывалъ на дачѣ, а вечеромъ пришла мнѣ мысль навѣстить мнительнаго моего пріятеля Корсовскаго. Я чувствовалъ къ нему сильное расположеніе и кромѣ того былъ увѣренъ, что съ прекращеніемъ холеры прекратятся и его чудеса, и онъ снова сдѣлается умнымъ, живымъ и вовсе не боязливымъ человѣкомъ.

«Двери и окна его квартиры были отворены, подъ окнами валялись разбитые пузырьки, мятою и хлоромъ воняло за десять саженъ. Видно было, что хозяинъ на радостяхъ выбросилъ вонъ весь свой медицинскій арсеналъ. Самъ художникъ встрѣтилъ меня, весь перепачканный красками, на порогѣ, и заключилъ меня въ свои объятія. Онъ исхудалъ какъ остовъ, руки его подергивало, глаза свѣтились какъ уголья.

— Отстрапалъ же ты себя, говорилъ я, пожимая его руку. — Поздравляю тебя, нѣтъ больше больныхъ въ городѣ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

«Въ отвѣтъ на мои вопросительные взгляды, онъ нетерпѣливо топнулъ ногою и потащилъ меня въ свою мастерскую.

— Вотъ она, вотъ она! закричалъ художникъ, жадно подбѣгая къ большой картинѣ, которая стояла посреди комнаты, освѣщенная двумя тусклыми лампами.

«Я взглянулъ на картину. До сихъ поръ не берусь передать вамъ того чувства, которое произвело на меня это странное, непонятное произведеніе огромнаго таланта. Изъ туманнаго, синеватаго фона рѣзко выступала фигура женщины, полная какой-то гробовой, но изумительной красоты. Черные волосы падали ей на самыя плечи, очаровательное лицо покрыто было могильной, безжизненной блѣдностью, а губы были красны какъ кровь. Въ правой рукѣ держала она красное знамя, кото-

рое, закинувшись назадъ, обгибалось около ея стройнаго стана. Мертвыя кости разсыпаны были подъ ногами красавицы, глаза ея будто говорили, и долго мерещился мнѣ взглядъ этихъ глазъ: въ немъ было что-то насмѣшливое, и страстное, и неумолимое. Это былъ вампиръ, одаренный красотою Психеи.

«Я забылся и долго глядѣлъ на это прелестное и страшное созданіе. Въ первый разъ въ жизни фантастическая сцена потрясла меня до глубины души. Осмыслѣ ея я догадывался, тѣмъ болѣе, что Корсовскій, пожирая глазами картину, боязливо шепталъ мнѣ:

— Сюжетъ картины....

«Я посмотрѣлъ ему еще разъ въ глаза и съ ужасомъ началъ предвидѣть, чтó все это значитъ. Оно было и нетрудно: Корсовскій понесъ такую ерунду, что слушать было тошно и грустно. Прелестная и страшная женщина ходила ночью по его комнатамъ, грозилась уморить его и не дать ему повидаться съ невѣстой. Долго художникъ умолялъ ее, наконецъ женское сердце, хотя и холерное, склонилось къ жалости. Страшная гостья соглашалась оставить и его и городъ, но приказывала ему написать себя, положить всю свою душу на эту картину и передать ея изображеніе позднему потомству. Дальнѣйшая часть исторіи осталась во мракѣ неизвѣстности, потому-что бѣдный художникъ понесъ величайшую дичь, неимѣющую отношенія даже и къ холерѣ.

«Не было больше сомнѣнія, помѣшательство ума было очевидно, а главное, разстройство мозга, начавшееся можетъ быть за двѣ, за три недѣли, имѣло все время, чтобъ развиться на свободѣ и угрожало вѣчнымъ сумасшествіемъ. *L'epée use le fourreau*, говоритъ пословица, и она оправдалась горестнымъ образомъ надъ бѣднымъ моимъ пріятелемъ. Не будь у него такого огромнаго таланта, будь менѣе онъ счастливъ, все бы обошлось просто и безъ бѣды.

«Два мѣсяца бездѣйствія, мнительности и одна неотступная мысль погубили Корсовскаго. Долго его лечили здѣсь, потомъ повезли на югъ и тамъ лечили, да видно не было толку, потому-что такой человѣкъ не можетъ затеряться какъ иголка. Еслибъ онъ былъ здоровъ, вѣрно о немъ было бы много слышно.

«Жаль, что не придалъ я фантастическаго колорита моему разсказу; извините меня, дѣло медицинское. А оно было бы тѣмъ легче сдѣлать, что превосходная, послѣдняя картина Корсовскаго неизвѣстно куда дѣвалась. Уничтожить ее самъ онъ не могъ, потому-что я не спускалъ съ него глазъ все время; можетъ быть кто-нибудь стянулъ, и валяется она себѣ на толкучемъ рынкѣ.

. . .

ТОМЪ ДЖОНСЪ.

КНИГА VI.

ГЛАВА III.

ДВА ВЫЗОВА КРИТИКАМЪ.

Помирившись съ сестрою, Вестернъ хотѣлъ въ ту же минуту поѣхать съ предложеніемъ къ Алльворти, и сестрѣ только съ трудомъ удалось уговорить его не безпокоить сосѣда во время болѣзни.

Алльворти, будучи еше здоровъ, далъ слово отобѣдать у сквайра; но его задержала болѣзнь. Оправившись онъ поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе.

Софья между тѣмъ заключила изъ разныхъ темныхъ словъ мистриссъ Вестернъ, что проницательная тетка догадалась о ея любви къ Джонсу. Она рѣшилась воспользоваться предстоящимъ обѣдомъ, чтобы разсѣять эти догадки: глубокую грусть свою скрыла она подъ маскою самой беззаботной веселости и цѣлый день разговаривала съ Блейфилемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Джонса.

Сквайръ былъ отъ дочери въ совершенномъ восхищеніи, почти ничего не ѣлъ и только лукаво подмигивалъ сестрѣ; но сестра была вовсе не такъ довольна происходившимъ.

Софья пересолила свою роль; сначала это озадачило тетку, и она начала было подозрѣвать тутъ притворство; но такъ-какъ сама она была женщина очень хитрая, то и подумала, что Софья тоже хитритъ; она припоминала, какъ часто дѣлала она племянницѣ намеки на ея любовь, и вообразила себѣ теперь, что племянница хочетъ разувѣрить ее въ этомъ, выказывая слишкомъ большую внимательность и вѣжливость къ предмету своей страсти. Это мнѣніе подтверждала и необыкновенная веселость Софьи; но оно было бы основательнѣе, если бы Софья прожила лѣтъ десять въ Гросвенорѣ (*), гдѣ молодыя дамы пріобрѣтаютъ удивительную способность играть страстью, вовсе не шуточною среди лѣсовъ миль за сто отъ Лондона.

Для человѣка, который хочетъ разгадать хитрость другого, весьма важно, чтобы его собственная хитрость была, такъ сказать, настроена на одинъ ладъ съ чужою. Люди очень хитрые часто даютъ промахи, воображая другихъ умнѣе, или, лучше сказать, лукавѣе, нежели они въ самомъ дѣлѣ. Слѣдующая исторія пояснитъ это тонкое замѣчаніе.

Три крестьянина преслѣдовали одного вильтширскаго вора. Одинъ изъ нихъ, малый довольно простой, увидѣвши гостинницу съ надписью «*Вильтширъ*», сказалъ: «зайдемте сюда: землякъ вѣрно здѣсь». Другой, похитрѣе, улыбнулся его простотѣ; но третій, самый хитрый, замѣтилъ: «да, войдемъ; онъ вѣрно расчелъ, что мы не станемъ искать его между земляками». Они вошли и обыскали весь домъ, а воръ, котораго они почти уже было нагнали, выигралъ между тѣмъ время и ушелъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне знали, да не обдумали, что онъ не умѣетъ читать.

Извините за отступленіе: я хотѣлъ сообщить вамъ неоцѣненный секретъ; всякой игрокъ согласится, что необходимо знать игру противника, чтобы обыграть его. Вотъ почему умный бываетъ игрушкою менѣе умнаго, вотъ почему такъ часто не понимаютъ людей простыхъ и прямодушныхъ и изъясняютъ поведеніе ихъ такъ криво; вотъ почему, наконецъ, и Софья могла обмануть хитрую тетушку.

Обѣдъ кончился, и гости ушли въ садъ. Вестернъ, совершенно убѣжденный въ справедливости замѣчаній сестры, отвелъ

(*) Часть Лондона, обитаемая преимущественно знатными.

Алльворти въ сторону и безъ всякихъ околичностей брякнулъ ему предложеніе женить Блейфиля на Софьѣ.

Алльворти былъ не такой человѣкъ, чтобы притти въ восторгъ отъ нежданнаго случая сдѣлать какое-нибудь пріобрѣтеніе или вообще улучшить свои мірскія обстоятельства. Такіе порывы умѣряла въ немъ философія, достойная мужа и христіянина. Онъ не становился на ходули, не говорилъ, что онъ выше всѣхъ радостей и горя, но зато не падалъ духомъ при первой неудачѣ и не пѣтушился при каждой улыбкѣ счастья.

Онъ выслушалъ предложеніе Вестерна очень спокойно, не измѣнивши выраженія своего лица, сказалъ, что находитъ эту мысль очень хорошею, пустился расхваливать Софью, замѣтилъ, что и въ денежномъ отношеніи этотъ бракъ будетъ выгоденъ, и наконецъ, поблагодаривши Вестерна за доброе мнѣніе о племянникѣ, заключилъ тѣмъ, что если молодые люди другъ другу нравятся, такъ онъ отъ всей души готовъ порѣшить это дѣло.

Такой отвѣтъ озадачилъ нѣсколько Вестерна; онъ ожидалъ, что Алльворти приметъ его предложеніе теплѣе. А насчетъ того, что нравятся ли молодые люди другъ другу, или нѣтъ, онъ отозвался такъ: «родители лучше всѣхъ могутъ судить, какая партія выгодна для ихъ дѣтей; я съ своеіі стороны по-крайнеймѣрѣ отвѣчаю за совершеннѣйшую покорность моей дочери; а если какой-нибудь молодчикъ и откажется отъ такой бабенки, такъ не велика потеря: найдутся и другіе».

Алльворти старался примирить обидчиваго сквайра, разсыпаясь въ похвалахъ Софьи и увѣряя, что Блейфиль безъ всякаго сомнѣнія будетъ радъ этому предложенію. Но все было напрасно: сквайръ наладилъ одно и разъ сто повторилъ: «я ни слова больше, ни слова.... не велика потеря, надѣюсь.... найдутся.»

Такъ они и разстались. Алльворти зналъ своего сосѣда слишкомъ хорошо и не могъ обидѣться его обращеніемъ. Онъ не одобрялъ привычки нѣкоторыхъ родителей стѣснять дѣтей своихъ въ выборѣ жены или мужа и ни за что не рѣшился бы принуждать въ этомъ отношеніи племянника, но тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ думалъ о союзѣ его съ миссъ Вестернъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ превозносили ее похвалами; онъ самъ нерѣдко имѣлъ случай удивляться ея уму, а сверхъ того не забывалъ и

ея богатства: деньги не могли его ослѣпить, но не былъ онъ и столько глупъ, чтобы презирать ихъ.

Здѣсь, несмотря на лай всѣхъ критиковъ въ мірѣ, хочу и долженъ я сдѣлать отступленіе — сказать нѣсколько словъ объ истинной мудрости, прекрасный примѣръ которой можно было видѣть на Алльворти.

Что̀ бы ни писалъ противъ богатства нищій поэтъ Гогарта, что̀ бы ни проповѣдывали противъ удовольствій люди сытые и богатые, а истинная мудрость не состоитъ въ презрѣніи этихъ благъ. Богачь можетъ быть столько же мудръ, какъ и любой нищій на улицѣ; можно наслаждаться любовью красавицы жены или дружбою вѣрнаго друга — и быть столько же мудрымъ, какъ какой-нибудь фанатикъ, который бичуетъ и моритъ себя голодомъ, задушивши въ сердцѣ своемъ всѣ общественныя стремленія.

Мудрый всѣхъ вѣрнѣе достигаетъ мірскихъ благъ; умѣренность, внушаемая ему мудростью, есть вѣрнѣйшій путь къ благосостоянію, и только при ней человѣкъ можетъ наслаждаться многимъ. Мудрый удовлетворяетъ всѣмъ своимъ желаніямъ, тогда-какъ глупецъ приноситъ все въ жертву одной страсти — и доходитъ до пресыщенія.

Мнѣ могутъ возразить, что нѣкоторые мудрецы прославились своею скупостью; но я отвѣчу, что въ этомъ отношеніи они не были мудрецы. Точно также можно сказать, что самые мудрые люди не знали въ молодости своей мѣры удовольствіямъ; но это оттого, что они не были тогда мудры.

Люди, небывавшіе въ школѣ мудрости, выставляютъ правила ея неудобоисполнимыми; а она учитъ насъ только болѣе обширному примѣненію истины, всѣмъ извѣстной въ жизни: не покупать ничего цѣною неправды.

Кто не забываетъ этого правила, пріобрѣтая на рынкѣ свѣта почести, богатства, удовольствія и другія пріятныя вещи, того нельзя не признать мудрымъ; онъ дѣлаетъ самыя выгодныя покупки, платитъ за нихъ небольшимъ трудомъ и сохраняетъ свое здоровье, чистоту душевную и добрую славу, — все то, чего лишаются, пріобрѣтая ихъ, другіе.

Изъ этой умѣренности извлекаетъ онъ еще два правила: не приходить въ неумѣренный восторгъ отъ выгодной купли и не

унывать, когда рынокъ пустъ или товаръ для него слишкомъ дорогъ.

Пора однако же вспомнить, о чемъ собственно я пишу, и не испытывать дольше терпѣнія кроткаго критика. Начнемъ новую главу.

ГЛАВА IV,

СОДЕРЖАНІЯ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАГО.

Возвратившись домой, Алльворти тотчасъ же сообщилъ Блейфилю предложеніе Вестерна и прибавилъ, что этотъ союзъ будетъ для него очень пріятенъ.

Софья не сдѣлала ни малѣйшаго впечатлѣнія на Блейфиля, не потому, чтобы сердце его было отдано другой, и не потому, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ красотѣ или не любилъ женщинъ; но желанія его были отъ природы такъ умѣренны, что онъ безъ труда могъ усмирять ихъ съ помощью философіи, ученія, или другимъ какимъ-нибудь способомъ. А что́ касается до страсти, о которой мы говорили въ первой главѣ этой книги, такъ въ немъ незамѣтно было и слѣда чего-нибудь подобнаго.

Но въ замѣнъ ея въ немъ были другія страстныя желанія, легко осуществимыя богатствомъ миссъ Вестернъ: сребролюбіе и честолюбіе владѣли имъ въ равной степени. Онъ не разъ думалъ объ удовольствіи владѣть ея капиталомъ и даже строилъ насчетъ этого свои планы; но молодость его и Софьи, и, главное, мысль, что Вестернъ можетъ еще жениться и прижить другихъ дѣтей, останавливала его отъ слишкомъ торопливаго стремленія къ этой цѣли.

Это послѣднее, самое существенное препятствіе было теперь устранено, потому-что предложеніе сдѣлалъ самъ Вестернъ. Послѣ краткаго молчанія Блейфиль отвѣчалъ Алльворти, что онъ еще и не думалъ о женитьбѣ, но что отеческая заботливость дяди преисполняетъ сердце его чувствомъ признательности, и что онъ согласенъ на все, что́ только будетъ ему пріятно.

Алльворти былъ отъ природы характера живого, и степенность его была плодомъ истинной мудрости и философіи, а не

флегматическаго темперамента. Въ молодости онъ былъ полонъ огня и женился по любви. Вотъ почему холодный отвѣтъ племянника не очень ему понравился; онъ невольно началъ выхвалять Софью и изъявилъ свое удивленіе, что такая дѣвушка не дѣлаетъ особеннаго впечатлѣнія на сердце молодого человѣка, если только оно не принадлежитъ уже другой.

Блейфиль увѣрилъ его, что оно не принадлежитъ никому, и пустился разсуждать о любви и бракѣ такъ премудро и благочестиво, что заставилъ бы замолчать человѣка, даже и не столько набожнаго какъ его *дядя*. Результатомъ всего оказалось, что онъ не-прочь отъ Софьи, и питаетъ къ ней уваженіе, вѣрную основу любви и дружбы въ людяхъ благоразумныхъ и добродѣтельныхъ. Дядя остался этимъ очень доволенъ; онъ не сомнѣвался, что невѣста также не замедлитъ полюбить своего жениха, и что слѣдовательно союзъ ихъ будетъ источникомъ счастья для всѣхъ. Съ согласія Блейфиля написалъ онъ Вестерну на слѣдующее утро, что племянникъ съ истинною признательностью и удовольствіемъ принимаетъ его предложеніе и готовъ явиться съ визитомъ къ невѣстѣ, когда ей угодно будетъ принять его.

Вестернъ пришелъ отъ этого письма въ восторгъ и отвѣчалъ въ ту же минуту; не упомянувши о дочери ни полусловомъ, онъ пригласилъ Блейфиля пріѣхать и сдѣлать ей предложеніе сегодня же послѣ обѣда.

Отправивши письмо, онъ пошелъ къ сестрѣ. Сестра читала и объясняла въ это время газету мистеру Супплю, и Вестернъ, дрожа отъ нетерпѣнія, принужденъ былъ слушать эти объясненія цѣлыхъ четверть часа, прежде нежели могъ сказать слово. Наконецъ онъ воспользовался минутною паузою и объявилъ сестрѣ, что имѣетъ сообщить ей нѣчто очень важное. «Къ вашимъ услугамъ, отвѣчала ему сестра. Дѣла на сѣверѣ идутъ прекрасно, и я не помню, когда мнѣ было такъ весело».

Супплъ удалился, и Вестернъ, разсказавши все случившееся, попросилъ ее сообщить все это Софьѣ, на что она и согласилась очень охотно. Благопріятное положеніе дѣлъ на сѣверѣ спасло его отъ тучи замѣчаній насчетъ его поведенія, дѣйствительно нѣсколько опрометчиваго и запальчиваго.

ГЛАВА V,

въ которой разсказывается, что происходило между Софьей и ея теткой.

Софья сидѣла у себя въ комнатѣ и читала, когда вошла къ ней тетка. Увидѣвши ее, она поспѣшно закрыла книгу; это поразило мистриссъ Вестернъ, и она спросила ее: «что это за книга? отчего ты какъ-будто боишься показать ее?»

— Я вовсе не боюсь показать ее, отвѣчала Софья. — Это твореніе одной молодой свѣтской дамы, умъ которой дѣлаетъ честь ея полу, а доброе сердце всему человѣчеству.

Тетка взяла книгу, взглянула и тотчасъ же положила ее назадъ.

— Да, сказала она: — эта дама хорошей фамиліи; только ее что-то не видно въ свѣтѣ. Я не читала этой книги; въ ней немного хорошаго; это говорили мнѣ люди, которые знаютъ толкъ въ этихъ вещахъ.

— Не смѣю противъ нихъ спорить, сказала Софья: — но мнѣ кажется, что тутъ много вѣрнаго природѣ; многія мѣста такъ трогательны, что стоили мнѣ слезъ.

— А ты любишь поплакать? спросила тетка.

— Люблю нѣжныя ощущенія, отвѣчала Софья: — и всегда готова купить ихъ цѣною нѣсколькихъ слезъ.

— Хорошо; а покажи мнѣ, какое мѣсто читала ты, когда я вошла, — вѣрно что-нибудь очень чувствительное, что-нибудь о любви. Ты покраснѣла, — тебѣ не мѣшало бы почитать такія сочиненія, изъ которыхъ можно научиться лучше скрывать свои мысли.

— Мнѣ не для чего скрывать свои мысли и нечего ихъ стыдиться, отвѣчала Софья.

— Стыдиться! воскликнула тетка. — Да я и не говорю, чтобы тебѣ было чего стыдиться. Только ты покраснѣла при словѣ любовь. Будь увѣрена, милая Софья, что отъ меня не укроется ни одна твоя мысль. Неужели ты думаешь, что обманувши отца, тебѣ удастся обмануть и меня? Неужели ты воображаешь себѣ, что я не отгадала причины твоей

чрезмѣрной внимательности къ Блейфилю? Нѣтъ, душа моя, я пожила-таки въ свѣтѣ: меня не проведешь. Не краснѣй; тебѣ нечего стыдиться этой страсти. Я сама одобряю твои чувства и склонила уже отца твоего на твою сторону. Я имѣю въ виду только любовь твою и готова сдѣлать для нея все, даже пожертвовать ей важнѣйшими интересами. Скажу тебѣ новость, которая порадуетъ тебя до глубины души. Будь со мною откровенна, и я постараюсь сдѣлать тебя счастливою, какъ ты только желаешь.

— Тетушка, отвѣчала Софья, глядя на нее простодушнѣе нежели когда-нибудь: — не знаю, чтó вамъ сказать. Въ чемъ вы меня подозрѣваете?

— Пожалуйста безъ притворства! возразила тетка. — Вспомни, что ты говоришь съ женщиной, съ теткой, желающей тебѣ добра. Вспомни, что тайна твоя для меня не новость, что я прочла ее вчера въ твоемъ хитро расчитанномъ поведеніи; и дѣйствительно, другого, кто не такъ хорошо знаетъ свѣтъ, ты и обманула бы. Вспомни наконецъ, что я вполнѣ одобряю твои чувства.

— Вы нападаете такъ невзначай, тетушка.... отвѣчала Софья: — я, конечно, не слѣпа.... если видѣть всѣ человѣческія совершенства въ одномъ лицѣ, проступокъ... Но возможно ли, чтобы вы и папенька смотрѣли моими глазами?

— Говорю тебѣ, что мы одобряемъ твой выборъ, сказала тетка: — и братъ назначилъ тебѣ принять жениха не дальше какъ сегодня же ввечеру.

— Сегодня ввечеру! повторила Софья, покраснѣвши во всю щоку.

— Да, душа моя, сегодня ввечеру, продолжала тетка. — Ты знаешь, какъ братъ нетерпѣливъ. Я сказала ему о твоей любви, которую замѣтила въ первый разъ въ тотъ вечеръ, когда, помнишь, ты упала въ обморокъ во время прогулки. Я читала въ душѣ твоей, когда ты лишилась чувствъ, читала, когда ты очнулась, читала въ тотъ вечеръ за ужиномъ и на другое утро за завтракомъ, — ты знаешь, я-таки видѣла свѣтъ. Я сказала объ этомъ брату, и братъ въ ту же минуту хотѣлъ сдѣлать предложеніе Алльворти. Онъ сдѣлалъ его вчера, и Алльворти, разумѣется, согласился съ радостью. Сегодня ввечеру надо тебѣ пріодѣться какъ можно получше.

— Сегодня ввечеру! воскликнула Софья: — вы меня пугаете, тетушка; мнѣ такъ страшно, что я готова, кажется, лишиться чувствъ.

— Ничего! отвѣчала тетка: — это скоро пройдетъ; онъ, надо отдать ему справедливость, прекрасный молодой человѣкъ.

— Да, сказала Софья: — я не знаю никого лучше. Какъ онъ храбръ и кротокъ! какъ уменъ и привѣтливъ! какъ ласковъ, любезенъ, хорошъ собою! Что за бѣда, что онъ низкаго происхожденія, если одаренъ такими качествами.

— Низкаго происхожденія? повторила тетка: — что̀ ты хочешь сказать? Блейфиль низкаго происхожденія?

Софья поблѣднѣла и едва слышнымъ голосомъ повторила: — Блейфиль?

— Да, Блейфиль, продолжала тетка: — о комъ же мы говоримъ?

— Боже мой! воскликнула Софья, готовая лишиться чувствъ: — я думала, что вы говорите о Джонсѣ; кто же, кромѣ него, заслуживаетъ....

— Теперь *ты* пугаешь меня, прервала ее тетка. — Такъ ты любишь Джонса, а не Блейфиля?

— Блейфиля! повторила Софья. — Не можетъ быть, чтобы вы говорили это серьёзно; иначе я несчастнѣйшая женщина!

Нѣсколько минутъ мистриссъ Вестернъ стояла какъ нѣмая, съ сверкающими отъ гнѣва глазами. Потомъ, собравши всю силу своего голоса, она прогремѣла слѣдующія слова:

— Возможно ли! и ты могла задумать обезчестить твою фамилію союзомъ съ незаконнорожденнымъ? Нѣтъ, кровь Вестерновъ не потерпитъ такого униженія! Если у тебя недостало смысла задушить такую чудовищную любовь, такъ хоть фамильная гордость должна бы была, казалось, не дать воли такой низкой страсти. А ты еще осмѣливаешься признаться въ ней *мнѣ!*

— Вы сами вызвали меня на это признаніе, отвѣчала дрожащая Софья. — Я никогда и никому не говорила о Джонсѣ; не сказала бы ни слова и теперь, если бы не думала, что вы одобряете мою любовь. Каково бы ни было мое мнѣніе объ этомъ несчастномъ, я хотѣла унести его съ собою въ могилу, — единственное мѣсто, гдѣ могу я найти теперь покой.

И она упала въ кресла, заливаясь слезами; ея безмолвная горесть тронула бы каменное сердце; но въ теткѣ она не пробудила никакого сочувствія. Напротивъ того, гнѣвъ ея еще усилился.

— Мнѣ легче проводить тебя въ могилу, сказала она громкимъ, раздраженнымъ голосомъ: — нежели знать, что ты обезчестила себя и родъ свой такимъ союзомъ. Господи! могла ли я думать, что доживу до такого сраму! родная племянница признается мнѣ въ любви къ такому человѣку! Вы первая, — да, миссъ Вестернъ, вы первая изъ вашей фамиліи, которой забрела въ голову такая недостойная мысль. Родъ вашъ всегда отличался умомъ своихъ женскихъ членовъ.

И на этотъ ладъ продолжала она съ четверть часа, пока наконецъ, надсадивши грудь, но еще далеко не изливши всего гнѣва, не заключила тѣмъ, что пойдетъ сейчасъ же разсказать все брату.

Тогда Софья бросилась къ ногамъ ея, схватила ея руку и со слезами на глазахъ начала просить ее хранить втайнѣ то, что она узнала; она умоляла ее подумать о вспыльчивости отца и увѣряла, что никакая страсть не заставитъ ее сдѣлать что-нибудь для него непріятное.

Съ минуту мистриссъ Вестернъ глядѣла на нее молча; потомъ, собравшись съ мыслями, сказала:

— Я не скажу брату ни слова, только съ однимъ условіемъ: обѣщай мнѣ принять Блейфиля сегодня ввечеру какъ жениха и вообще считать его твоимъ будущимъ мужемъ.

Софья была совершенно въ рукахъ у тетки; она ни въ чемъ не могла отказать ей рѣшительно и обѣщала обойтись съ Блейфилемъ такъ ласково и учтиво, какъ только позволятъ ей ея силы. Къ этому прибавила она однако же просьбу не торопиться свадьбой и сказала, что еще надѣется упросить отца не дѣлать ея несчастнѣйшею изъ женщинъ.

Мистриссъ Вестернъ отвѣчала, что это дѣло уже рѣшеное, котораго ничто не можетъ разстроить.

— Признаюсь тебѣ, прибавила она: — сначала я смотрѣла на это совершенно равнодушно и даже скорѣе имѣла кое-что противъ, когда еще не думала, что эта партія будетъ для тебя особенно пріятна; но теперь я вижу въ этомъ бракѣ вещь край-

не необходимую и, сколько отъ меня зависитъ, не позволю терять времени даромъ.

— По-крайней-мѣрѣ отсрочки я вправѣ ожидать отъ васъ и папеньки, сказала Софья. — Дайте же мнѣ время, я постараюсь побѣдить въ себѣ отвращеніе къ моему жениху.

— Этимъ меня не проведешь, отвѣчала тетка: — я слишкомъ хорошо знаю свѣтъ. Нѣтъ, когда я знаю, что сердце твое принадлежитъ другому, тутъ-то я и посовѣтую брату торопиться сватьбой какъ можно больше. Плохой былъ бы расчетъ затягивать осаду, когда непріятельская армія подъ бокомъ и готова снять ее. Нѣтъ, душа моя Софья! ты поддалась безрасудной страсти и не можешь удовлетворить ей съ честью; такъ лучше же избавлю я нашу фамилію отъ заботы беречь твою репутацію: когда ты выйдешь за-мужъ, это будетъ обязанностью твоего мужа. Надѣюсь, ты довольно благоразумна, и не надѣлаешь глупостей; впрочемъ замужство спасло многихъ женщинъ отъ гибели.

Софья очень хорошо поняла, что́ хотѣла сказать тетка, но не сочла нужнымъ отвѣчать ей на это. Она рѣшилась принять Блейфиля какъ можно учтивѣе; только съ этимъ условіемъ тетка обѣщала не говорить отцу о любви ея, открытіемъ которой была обязана не столько своей хитрости, сколько судьбѣ Софьи.

ГЛАВА VI,

РАЗГОВОРЪ СОФЬИ СЪ ГОНОРІЕЙ, КОТОРЫЙ ОХЛАДИТЪ НѢСКОЛЬКО РАСТРОГАННАГО ПРЕДЪИДУЩЕЮ ГЛАВОЮ ЧИТАТЕЛЯ.

Только-что вышла отъ Софьи тетка, какъ явилась Гонорія. Она сидѣла за работой въ сосѣдней комнатѣ; громкіе голоса разговаривавшихъ заставили ее прильнуть къ замочной скважинѣ, отъ которой она и не могла оторваться до самого конца разговора. Когда она вошла въ комнату, Софья стояла неподвижно, со слезами на глазахъ. Гонорія немедленно вызвала приличное количество слезъ и на свои рѣсницы и воскликнула: «Господи! что́ это съ вами?»

— Ничего, отвѣчала Софья.

— Какъ ничего? возразила Гонорія. — Нѣтъ, этого вы мнѣ не говорите; посмотрите, на что вы похожи; у васъ тутъ былъ такой разговоръ съ тетушкой....

— Оставь меня въ покоѣ, прервала ее Софья. — Я говорю тебѣ, что это ничего. Боже мой! къ чему родилась я на свѣтъ!

— Нѣтъ, сударыня, продолжала Гонорія: — ни за что не повѣрю, чтобы вы плакали такъ, изъ-за пустяковъ. Конечно я простая служанка, но я всегда служила вамъ вѣрою и правдою и не пожалѣю за васъ жизни.

— Ты не можешь мнѣ помочь, Гонорія, сказала Софья. — Я погибла невозвратно.

— Боже сохрани! воскликнула горничная. — Однако хоть я и не могу вамъ помочь, все-таки разскажите, чтó такое случилось; на душѣ станетъ легче.

— Папенька хочетъ выдать меня за человѣка, котораго я ненавижу и презираю.

— За кого же это? спросила Гонорія. — Вѣрно какой-нибудь отъявленный негодяй, а то за что бы вамъ презирать его.

— Имя его для меня ужасно, отвѣчала Софья. — Ты скоро его узнаешь.

Сказать правду, Гонорія уже знала о комъ идетъ рѣчь, и потому не приставала съ распросами.

— Конечно, сударыня, продолжала она: — не мнѣ вамъ совѣтовать; я простая служанка, и вы лучше меня знаете, чтó и какъ дѣлать, — только меня, прости Господи! никакой отецъ на свѣтѣ не выдалъ бы противъ воли. Папенька вашъ человѣкъ добрый; повѣрьте, онъ не захочетъ васъ за него выдать, когда узнаетъ, что вы ненавидите и презираете его. Если бы вы позволили мнѣ сказать ему объ этомъ.... оно конечно вамъ самимъ лучше бы съ нимъ поговорить, ну, да ужь если вы не хотите и имени его произносить....

— Ты ошибаешься, Гонорія: папенька рѣшилъ дѣло, не считая нужнымъ сказать мнѣ о немъ ни слова.

— Тѣмъ стыднѣе ему, сказала Гонорія. — Вѣдь вы выходите за-мужъ, а не онъ; а мало ли кто хорошъ собою, ну да не всѣмъ нравится. Повѣрьте, сквайръ не затѣялъ бы этого самъ, и право, кое-кому другому лучше бы не мѣшаться не въ свои дѣла; небось если бы имъ кто вздумалъ такъ прислужиться, такъ не сказали бы спасибо. Я простая служанка, да я по себѣ

знаю, что не всѣ мужчины одинаково нравятся. Вы богаты, да что вамъ въ томъ богатствѣ, если вы не можете жить съ тѣмъ, который на ваши глаза лучше всѣхъ. И право (не то, чтобы я это къ чему-нибудь говорила, а такъ) жаль, что не всѣ люди хорошаго происхожденія; по мнѣ такъ оно все равно, только-что денегъ будетъ поменьше; да чтó за важность? у васъ и своихъ станетъ на двоихъ; а куда вамъ ихъ дѣвать? Онъ, надо сказать правду, самый красивый, самый любезный, привѣтливый, — словомъ, молодецъ хоть куда.

— Чтò это ты вздумала такъ разговориться? сказала Софья. — Развѣ я подавала тебѣ когда-нибудь поводъ къ такимъ вольностямъ?

— Извините, сударыня, я это такъ, безъ умысла, отвѣчала она. — Это все оттого, что какъ встрѣтила я его сегодня поутру, такъ вотъ не выходитъ онъ у меня изъ головы, да и только. Вамъ самимъ стало бы его жаль, еслибъ вы его увидали. Бѣдняжка! Какъ бы еще съ нимъ чего не случилось. Онъ сегодня цѣлое утро ходилъ такой грустный, такой задумчивый, что, кажется, вотъ такъ и готова бы заплакать глядя на него.

— Глядя на кого? спросила Софья.

— На мистера Джонса, отвѣчала Гонорія.

— Гдѣ же это ты его видѣла?

— У канала, отвѣчала Гонорія. — Онъ тамъ цѣлое утро все ходилъ, ходилъ, ходилъ, а потомъ прилегъ на траву; вѣрно и до сихъ поръ лежитъ. Мнѣ было только совѣстно, — знаете ли, дѣвушкѣ какъ-то неловко, ато бы я подошла поговорить съ нимъ. Не сходить ли мнѣ, такъ, изъ любопытства, посмотрѣть, тамъ ли онъ еще?

— Нѣтъ, не нужно, отвѣчала Софья. — Чтò ему тамъ дѣлать? Онъ вѣрно ушелъ. Да и кромѣ того.... къ чему тебѣ ходить?... Кромѣ того ты мнѣ нужна здѣсь. Поди приготовь мнѣ шляпку и перчатки; я пойду съ тетушкой въ рощу.

Гонорія немедленно исполнила приказаніе. Софья надѣла шляпку и подошла къ зеркалу. Тутъ ей показалось, что лента на шляпѣ ей не къ лицу, и она послала горничную принести другую. Потомъ, нѣсколько разъ повторивши Гоноріи приказаніе ни подъ какимъ видомъ не оставлять работы, потому-что она непремѣнно должна быть окончена сегодня же, она сказала

еще что-то о прогулкѣ въ рощу и отправилась въ совершенно противоположную сторону, прямо къ каналу.

Джонсъ дѣйствительно былъ здѣсь, какъ сказала Гонорія. Онъ провелъ здѣсь цѣлыхъ два часа въ грустныхъ мечтахъ о Софьѣ и вышелъ изъ саду въ одни ворота въ ту самую минуту, когда Софья вошла въ другія. Такимъ образомъ нѣсколько минутъ, посвященныхъ перемѣнѣ ленты, были причиною того, что свиданіе не состоялось. Обстоятельство очень плачевное, изъ котораго прекрасная читательница можетъ извлечь для себя спасительный урокъ. Критикамъ же мужескаго пола я на-строго запрещаю вмѣшиваться въ это дѣло. Оно разсказано только для женщинъ, и только онѣ имѣютъ право разсуждать о немъ.

ГЛАВА VII.

МИНІАТЮРНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ФОРМАЛЬНАГО СВАТОВСТВА, И ДРУГАЯ КАРТИНА ВЪ НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ.

Кто-то замѣтилъ очень справедливо, что бѣда не приходитъ одна. Истину этого замѣчанія испытала теперь на себѣ Софья. Она не только обманулась въ надеждѣ увидѣть любимаго человѣка, но и должна была итти пріодѣться, чтобы принять того, котораго ненавидитъ.

Въ это послѣ-обѣда сквайръ Вестернъ въ первый разъ объявилъ дочери о намѣреніи выдать ее за-мужъ и прибавилъ, что тетка, какъ ему извѣстно, уже разсказала ей все. Нѣсколько слезъ невольно навернулись на глаза Софьи.

— Полно, полно, безъ бабьихъ сценъ, сказалъ Вестернъ. — Я все знаю. Сестра разсказала мнѣ все.

— Какъ? неужли тетушка мнѣ измѣнила? воскликнула Софья.

— Тетушка измѣнила? какже! возразилъ Вестернъ. Ты сама себѣ измѣнила вчера за обѣдомъ. Только развѣ слѣпой не увидѣлъ бы, что ты влюблена. Да вы, дѣвчонки, сами не знаете чего хотите: плачетъ, что я хочу ее выдать за того, кого она любитъ! И матушка твоя совершенно также выла и плакала, а черезъ двадцать четыре часа послѣ вѣнца какъ рукой сняло.

Блейфиль не промахъ и скоро осушитъ твои слезы. Ну же, веселѣе! Я жду его каждую минуту.

Софья увидѣла, что тетка сдержала свое слово. Она скрѣпилась сердцемъ, ожидая непріятнаго посѣщенія, и положила не подавать отцу ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію.

Скоро пріѣхалъ Блейфиль. Вестернъ побылъ съ нимъ минуты двѣ и потомъ оставилъ молодыхъ людей наединѣ.

Цѣлыхъ четверть часа продолжалось глубокое молчаніе. Разговоръ естественно долженъ былъ начать Блейфиль, но онъ оказался очень некстати скроменъ, то есть застѣнчивъ. Нѣсколько разъ онъ рѣшался, казалось, заговорить, но слова замирали у него на губахъ. Наконецъ изъ устъ его излился цѣлый потокъ вычурныхъ и высокопарныхъ комплиментовъ, на которые Софья отвѣчала потупленными взорами, полупоклонами и учтивыми полуфразами.

Блейфиль, самонадѣянный и плохо знавшій женщинъ, увидѣлъ въ этомъ скромное согласіе на свое предложеніе, и когда Софья встала и вышла изъ комнаты, будучи не въ состояніи выдерживать долѣе эту сцену, онъ приписалъ это женской застѣнчивости и утѣшился тѣмъ, что скоро будетъ наслаждаться ея сообществомъ вдоволь.

Онъ остался вполнѣ доволенъ успѣхомъ свиданія, ибо что̀ касается до романтическаго желанія исключительно обладать сердцемъ возлюбленной, оно и въ голову ему не приходило. Единственными предметами его желаній были ея богатство и сама она, и онъ не сомнѣвался, что скоро сдѣлается ихъ полнымъ владѣтелемъ: Вестернъ желалъ этого союза, и всѣмъ было извѣстно, что Софья всегда готова безпрекословно исполнять его волю. Кромѣ того онъ расчитывалъ на любезность собственной особы и увѣрилъ себя, что непремѣнно плѣнитъ дѣвушку, сердце которой, какъ онъ предполагалъ, никому еще не отдано.

Мысль о Джонсѣ не приходила ему и въ голову. Можетъ статься онъ думалъ, что такая скромная дѣвушка не можетъ чувствовать никакой привязанности къ человѣку, прослывшему за одного изъ первыхъ повѣсъ въ Англіи. Можетъ статься прозорливость его была усыплена поведеніемъ Софьи и самого Джонса, когда имъ случалось бывать вмѣстѣ при другихъ. И наконецъ, онъ былъ совершенно увѣренъ, что никто не можетъ

перебить ему дороги. Онъ воображалъ себѣ, что насквозь знаетъ Джонса, и презиралъ въ немъ глупца, который выпускаетъ изъ виду собственные интересы. Онъ и не подозрѣвалъ въ немъ любви къ Софьи, а что̀ касается до ея богатства, такъ онъ не думалъ, чтобы оно могло приманить къ себѣ такого нерасчетливаго человѣка. Кромѣ того онъ предполагалъ, что связь его съ Молли Сигримъ все-еще продолжается и окончится женитьбой. Джонсъ любилъ его съ самого дѣтства и не таилъ отъ него ничего, пока поведеніе Блейфиля во время болѣзни Алльворти не уничтожило этой привязанности. Ссора, возникшая между ними по этому случаю, была причиною того, что Блейфиль не зналъ о перемѣнѣ отношеній Джонса къ Молли.

Итакъ, Блейфиль не видѣлъ для себя никакихъ препятствій. Софья вела себя, думалъ онъ, какъ ведутъ себя всѣ дѣвушки при первомъ посѣщеніи жениха, и все это совершенно соотвѣтствовало его ожиданіямъ.

Вестернъ позаботился подстеречь Блейфиля при выходѣ изъ комнаты. Тутъ женихъ оказался такъ горячо влюбленнымъ въ его дочь, такъ довольнымъ ея пріемомъ, что старый джентльменъ пустился въ неописанномъ восторгѣ подплясывать и выдѣлывать самые странные скачки по залѣ. Онъ рѣшительно не умѣлъ владѣть собою ни въ какомъ случаѣ, и, покорный минутной страсти, всегда позволялъ ей увлекать себя къ самымъ дикимъ выходкамъ.

Когда Блейфиль, выдержавши сто поцалуевъ и объятій Вестерна, уѣхалъ, почтенный сквайръ немедленно отправился къ дочери, засыпалъ ее восклицаніями радости, сказалъ, чтобы она выбрала себѣ какіе хочетъ наряды и брильянты, что онъ затѣмъ только и богатъ, чтобы сдѣлать ее счастливою, бросился цаловать и душить ее въ своихъ объятіяхъ, называлъ ее самыми нѣжными именами и поклялся, что она его единственная радость на этомъ свѣтѣ.

Софья, видя отца въ такомъ нѣжномъ расположеніи духа, но не зная впрочемъ причины, подумала, что ей не встрѣтится болѣе благопріятной минуты высказать ему свои чувства относительно Блейфиля; а рано или поздно дѣло должно же было дойти до этого объясненія. Поблагодаривши его за всѣ его ласки, она прибавила съ необыкновенно кроткимъ взглядомъ:

— И это дѣйствительно правда, папенька, что видѣть меня счастливою для васъ величайшая радость?

Вестернъ поцаловалъ ее и поклялся, что это дѣйствительно такъ. Тогда Софья схватила его руку, упала передъ нимъ на колѣни и, въ жаркихъ выраженіяхъ завѣривши его въ своей любви и покорности, начала умолять его не дѣлать ея несчастнѣйшею изъ женщинъ, заставляя выйти за ненавистнаго ей человѣка. «Я прошу васъ объ этомъ, сказала она, столько же ради васъ, сколько и ради себя, если ваше счастье зависитъ отъ моего».

— Какъ? что̀ такое? спросилъ Вестернъ, дико уставивши на нее глаза.

— Не только мое счастье, продолжала Софья: — но и самая жизнь зависитъ отъ исполненія этой просьбы. Я не могу жить съ Блейфилемъ. Выдать меня за него значитъ убить меня.

— Ты не можешь жить съ Блейфилемъ! воскликнулъ Вестернъ.

— Не могу, клянусь вамъ жизнью! отвѣчала Софья.

— Такъ умри и не знай меня! закричалъ онъ, отталкивая ее отъ себя.

— Сжальтесь! заклинаю васъ, сжальтесь надо мною! воскликнула Софья, ухватившись за полу его платья. Не смотрите на меня такъ ужасно, не проклинайте меня! Неужели не трогаетъ васъ мое отчаянье? Неужели нѣжнѣйшій изъ отцовъ рѣшится растерзать сердце своей дочери, предать ее самой жестокой, томительной, медленной смерти?

— Вздоръ! бабьи гримасы! отвѣчалъ Вестернъ. — Предать смерти! Да развѣ замужство убьетъ тебя, что ли?

— О, такое замужство хуже смерти, возразила Софья. — Его отравитъ не равнодушіе, а ненависть: я ненавижу Блейфиля!

— Можешь ненавидѣть его сколько угодно, отвѣчалъ Вестернъ: — а все-таки будешь его женою.

И онъ подкрѣпилъ эти слова такою страшною клятвою, которую мы не рѣшаемся даже повторить.

— Я положилъ сыграть эту сватьбу, сказалъ онъ: — и если ты не согласишься, такъ я не дамъ тебѣ ни полъ-полушки, не подамъ тебѣ куска хлѣба, хоть умирай передо мною съ голоду.

Я такъ хочу, и этому не бывать иначе. Прошу объ этомъ поразмыслить.

Онъ оторвался отъ нея такъ стремительно, что она упала, и вышелъ изъ комнаты, оставивши ее на полу.

Въ залѣ Вестернъ встрѣтилъ Джонса; его дикій взглядъ; блѣдность лица, стѣсненное дыханіе поразили Тома, и онъ спросилъ, что съ нимъ случилось. Вестернъ разсказалъ ему все подробно и заключилъ разсказъ свой патетическими жалобами на несчастье отцовъ, которыхъ судьба надѣлила дочерьми.

Джонсъ, ничего еще незнавшій о затѣваемой свадьбѣ, былъ какъ громомъ пораженъ этой вѣстью; но черезъ минуту онъ собрался съ духомъ, и отчаянье, какъ говорилъ онъ послѣ, внушило ему мысль сдѣлать Вестерну предложеніе, для котораго надо было имѣть безпримѣрное безстыдство. Онъ попросилъ позволенія пойти къ Софьѣ и попробовать уговорить ее на бракъ съ Блейфилемъ.

Если бы сквайръ былъ даже столько проницателенъ, сколько былъ въ самомъ дѣлѣ недальновиденъ, то раздраженное состояніе, въ которомъ онъ находился въ эту минуту, сдѣлало бы его слѣпымъ. Онъ поблагодарилъ Джонса за его предложеніе и сказалъ ему: «ступай, ступай, пожалуйста постарайся сдѣлать, что можешь», — и завершилъ эти слова нѣсколькими страшными клятвами, что вытолкаетъ ее за порогъ, если она не согласится на этотъ бракъ.

ГЛАВА VIII.

СВИДАНІЕ ДЖОНСА СЪ СОФЬЕЙ.

Джонсъ, не теряя ни минуты, отправился къ Софьѣ и вошелъ къ ней въ то самое время, когда она вставала съ полу. Глаза ея были полны слезъ, и кровь проступила на губахъ. Онъ бросился къ ней и голосомъ, полнымъ любви и ужаса, спросилъ: «Софья! моя Софья! что значитъ это ужасное происшествіе?»

Съ минуту смотрѣла она на него молча, потомъ сказала: «Ради Бога, мистеръ Джонсъ! какъ зашли вы сюда? Уйдите, умоляю васъ, уйдите сію минуту!

— Не давайте мнѣ такого жестокаго приказанія, отвѣчалъ онъ. — Сердце мое обливается кровью больше, нежели ваши губы, но съ какою радостью пролилъ бы я всю мою кровь, чтобы спасти хоть каплю вашей!

— Я и безъ того обязана вамъ уже слишкомъ многимъ, сказала она и устремила на него долгій, полный глубокаго чувства взглядъ. Потомъ, вздрогнувши, какъ-будто отъ судорожной боли, прибавила: — о, зачѣмъ спасли вы мнѣ жизнь. Моя смерть принесла бы намъ обоимъ больше счастья.

— Больше счастья! воскликнулъ Джонсъ. — Нѣтъ, самая жестокая пытка не была бы для меня ужаснѣе вашей.... я не могу и вымолвить этого слова! Для кого же живу я, если не для васъ?

Въ голосѣ и взглядѣ его отражалось невыразимо-теплое чувство; онъ тихо взялъ ее за руку, и она ея не отдернула; да врядъ ли она и знала, чтó съ ней дѣлается. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; онъ не сводилъ своихъ глазъ съ Софьи, а она стояла потупивши взоръ въ землю. Наконецъ она опомнилась и, собравшись съ новыми силами, опять попросила его выйти, говоря, что она погибнетъ, если ихъ застанутъ вмѣстѣ. «О, вы не знаете, сказала она, чтó случилось въ это ужасное послѣ-обѣда!»

— Я знаю все, отвѣчалъ онъ: — жестокій отецъ вашъ разсказалъ мнѣ все и самъ прислалъ меня къ вамъ.

— Онъ прислалъ васъ ко мнѣ? Вы во снѣ.

— Дай Богъ, чтобы все это было не больше, какъ сонъ! Нѣтъ, отецъ вашъ прислалъ меня замолвить у васъ словечко въ пользу моего соперника. Я готовъ былъ воспользоваться всякимъ средствомъ, лишь бы повидаться съ вами. Промолвите же хоть слово! утѣшьте мое измученное сердце. Клянусь вамъ, никто еще не любилъ, никто еще не боготворилъ любимой женщины такъ, какъ я васъ. Не отнимайте вашей прекрасной, драгоцѣнной руки, — одна минута можетъ разлучить насъ на вѣки; повѣрьте, ничто, кромѣ этихъ ужасныхъ обстоятельствъ, не могло бы меня заставить забыть глубокую почтительность, которую вы всегда мнѣ внушали.

Она помолчала съ минуту и спросила его: — «чтó же хотѣли бы вы отъ меня услышать?»

— Обѣщайте мнѣ, отвѣчалъ онъ: — что вы никогда не отдадите вашей руки Блейфилю.

— Не произносите этого ненавистнаго звука. Будьте увѣрены, что я никогда не отдамъ ему того, что̀ въ моей власти не отдавать.

— Будьте же еще великодушнѣе: скажите, что я могу надѣяться.

— Увы! сказала она. Какую надежду могу я подать вамъ? Вы знаете, чего хочетъ отецъ мой.

— И знаю, возразилъ онъ: — что васъ не могутъ заставить согласиться.

— А что̀ повлечетъ за собою непослушаніе? Не моя погибель ужасаетъ меня больше всего: для меня невыносима мысль быть причиной несчастія отца.

— Онъ самъ будетъ причиной его, сказалъ Джонсъ: — если захочетъ прибѣгать къ власти, не данной ему природою. Подумайте, сколько я буду страдать, потерявши васъ, и спросите ваше сердце, кого жаль вамъ больше.

— Кого!... отвѣчала Софья. Неужели вы думаете, что я могла забыть, сколько бѣдствій навлеку я на васъ, если исполню ваше желаніе? Эта-то мысль и подастъ мнѣ силы просить васъ оставить меня навсегда, нейти навстрѣчу собственной гибели.

— Я не боюсь погибнуть: я боюсь только потерять васъ! сказалъ онъ: — если вы хотите спасти меня отъ жесточайшихъ мученій, отмѣните ваше рѣшеніе. Я не могу, — я не могу васъ оставить!

Они стояли безмолвные и трепещущіе. Софья была не въ силахъ отнять у него свою руку, и онъ едва могъ держать ее, какъ вдругъ эта сцена, вѣроятно показавшаяся многимъ изъ читателей слишкомъ длинною, была прервана явленіемъ совершенно другого рода, которое стоитъ того, чтобы посвятить ему новую главу.

ГЛАВА IX,

ГОРАЗДО БУРНѢЕ ПРЕДЪИДУЩЕЙ

Прежде мы должны однако же разсказать, что̀ происходило въ залѣ во время свиданія любовниковъ.

Едва только Джонсъ ушелъ къ Софьѣ, какъ въ залу вошла мистриссъ Вестернъ и въ ту же минуту узнала отъ брата всю сцену его съ дочерью.

Почтенная тетушка увидѣла въ этомъ нарушеніе условія, подъ которымъ она обязалась молчать о любви племянницы къ Джонсу, и сочла себя, слѣдовательно, вправѣ разсказать все, что знаетъ, брату. Безъ всякихъ околичностей и предисловій сообщила она ему все, во всей подробности.

Мысль о союзѣ Джонса съ дочерью никогда не приходила въ голову сквайра, ни въ минуты самыхъ жаркихъ порывовъ любви его къ Тому, ни при другихъ случаяхъ, которые могли бы, казалось, пробудить въ немъ хоть легкое подозрѣніе. Равенство состоянія и званія считалъ онъ для брака такимъ же необходимымъ условіемъ, какъ разность пола сочетающихся, и любовь дочери къ бѣдняку столько же невозможною, какъ къ какому-нибудь животному.

Вотъ почему слова сестры поразили его какъ громомъ. Дыханіе сперлось въ груди его отъ гнѣва и изумленія, и онъ не могъ сначала выговорить ни слова. Но это скоро прошло, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, голосъ его загрѣмѣлъ вдвое громче противъ прежняго; изъ груди его вырвался цѣлый залпъ ужасныхъ проклятій, и онъ пошелъ прямо къ комнатѣ Софьи, на каждомъ шагу разражаясь угрозой.

Подобно тому какъ голубь и голубка.... или (это сравненіе будетъ ближе) — подобно тому какъ Стрефонъ и Филлида, удалившіеся въ уединенную прохладу рощи насладиться бесѣдою застѣнчиваго Амура, плохого оратора передъ обществомъ, но неоцѣненнаго собесѣдника tête-à-tête, — вдругъ, среди всеобщей тишины природы, испуганные ударомъ грома, далеко раскатившимся по небу, вскакиваютъ съ дерновой скамьи, — она съ бѣлизною смерти на лицѣ, смѣнившей румянецъ любви, а онъ едва могущій поддержать свою дрожащую подругу, —

Или подобно тому, какъ два джентльмена, незнакомые съ туземнымъ остроуміемъ и шутками какой-нибудь сольсберійской таверны, гдѣ имъ вздумалось раскупорить бутылку другую, — пораженные внезапнымъ шумомъ цѣпей человѣка, идущаго по галлереѣ и играющаго роль бѣшенаго, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ спутниковъ его разъигриваютъ дураковъ, — вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и ищутъ, гдѣ бы укрыться отъ опасно-

сти, готовые рискнуть даже шеей, если бы окна не были переплетены желѣзною рѣшоткой, —

Такъ вздрогнула и поблѣднѣла Софья, услышавши грозный голосъ отца, гремящій проклятіями и клятвами уничтожить Джонса. Сказать правду, такъ и Джонсъ предпочелъ бы очутиться въ эту минуту въ другомъ мѣстѣ, если бы страхъ за Софью позволилъ ему подумать о себѣ.

Сквайръ быстро отворилъ дверь, — и въ ту же минуту гнѣвъ былъ забытъ: все вниманіе его привлекла къ себѣ Софья, замертво упавшая на руки своего собесѣдника. Это зрѣлище заставило умолкнуть ярость сквайра; онъ громко кликнулъ на помощь, потребовалъ воды, бросился къ дочери, потомъ къ дверямъ, потомъ опять къ дочери, не видѣлъ, чьи руки ее поддерживаютъ, и вѣроятно совершенно забылъ даже о существованіи Джонса. Положеніе дочери вытѣснило изъ головы его все прочее.

Мистриссъ Вестернъ и нѣсколько слугъ въ ту же минуту прибѣжали на помощь съ водою, спиртомъ и тому подобными средствами. Черезъ нѣсколько минутъ Софья очнулась и начала приходить въ себя; тетка и горничная увели ее изъ комнаты. Но передъ уходомъ мистриссъ Вестернъ не преминула сдѣлать брату нѣсколько поучительныхъ замѣчаній насчетъ его раздражительности, или, по ея выраженію, бѣшенаго сумасбродства.

Сквайръ вѣроятно не понялъ ея наставленія, склееннаго изъ полуфразъ съ присовокупленіемъ пожатія плечами и разныхъ междометій, или, если и понялъ, такъ рѣшительно не думалъ имъ воспользоваться. Успокоившись насчетъ дочери, онъ въ ту же минуту сдѣлался опять рабомъ умолкнувшаго на минуту гнѣва и непремѣнно затѣялъ бы драку съ Джонсомъ, еслибы Суппль, замѣчательно сильный, не удержалъ его за руки.

Джонсъ подошелъ къ Вестерну очень почтительно и просилъ его успокоиться, говоря, что покамѣстъ онъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, такъ онъ не можетъ съ нимъ изъясниться.

— Постой, вотъ мы съ тобою изъяснимся! отвѣчалъ сквайръ: — раздѣвайся-ка! Я тебя отдѣлаю на обѣ корки!

И онъ засыпалъ Джонса тысячью выраженій, употребляемыхъ обыкновенно деревенскими джентльменами во время споровъ.

Джонсъ отвѣчалъ на все это очень спокойно: «вы уничтожили во мнѣ этою выходкой всякую признательность за ваши прежнія ласки; мы квиты, но ваша брань не заставитъ меня поднять руку на отца миссъ Софьи».

Эти слова раздражили сквайра еще больше, такъ-что Суппль попросилъ Джонса уйти.

— Вы видите, сказалъ онъ: — присутствіе ваше только распаляетъ его; сдѣлайте милость, удалитесь; онъ не въ такомъ состояніи, чтобы съ нимъ можно было изъясниться; отложите это до другого времени.

Джонсъ послушался его совѣта и ушелъ. Суппль возвратилъ свободу рукамъ сквайра, и Вестернъ успокоился. Онъ даже поблагодарилъ его за то, что онъ его удержалъ: «я непремѣнно размозжилъ бы ему голову — сказалъ онъ — и было бы очень непріятно попасть на висѣлицу за этакую дрянь».

Суппль торжествовалъ. Возстановивши миръ, онъ пустился читать предлинную рѣчь противъ гнѣва, которая впрочемъ была способнѣе взбѣсить, нежели усмирить человѣка нетерпѣливаго, и пересыпалъ ее множествомъ цитатъ изъ древнихъ писателей, преимущественно изъ Сенеки, дѣйствительно разбиравшаго эту страсть съ такимъ умомъ и тщательностью, что только развѣ самый желчный человѣкъ не найдетъ въ его твореніи пользы и удовольствія. Въ заключеніе докторъ упомянулъ объ Александрѣ и Клитѣ; но такъ-какъ этотъ анекдотъ занесенъ у меня въ особый сборникъ подъ статьею: *пьянство*, то я и не хочу приводить его здѣсь.

Сквайръ не обратилъ никакого вниманія на анекдотъ, также какъ вѣроятно и на все разсужденіе; не дождавшись окончанія, онъ прервалъ его громкимъ приказаніемъ подать кружку пива и замѣтилъ (кажется, тоже очень справедливо), что гнѣвъ возбуждаетъ жажду.

Пропустивши въ горло порядочное количество пива, сквайръ опять заговорилъ о Джонсѣ и объявилъ, что завтра же поѣдетъ разсказать все Алльворти. Суппль попробовалъ было отговорить его отъ этого, но слова его вызвали только изъ устъ сквайра тучу клятвъ, непріятно поразившихъ благочестивое ухо священника. Противъ этого онъ не рѣшился однако же произнести никакой рѣчи, потому-что сквайръ считалъ это привилегіей свободно рожденнаго англичанина. Онъ утѣшилъ

себя тѣмъ, что все же не онъ подаетъ къ этому поводъ, и что не переступай онъ никогда черезъ порогъ, сквайръ клялся бы отъ этого не меньше. Впрочемъ, удерживаясь изъ учтивости отъ выговоровъ хозяину дома, Суппль не забывалъ пушить его косвеннымъ образомъ съ каѳедры. Это не исправило однако же самого сквайра, а оказало на его совѣсть странное дѣйствіе: онъ началъ такъ строго преслѣдовать закономъ божбу и клятвы, что только онъ одинъ, какъ лицо должностное, удержалъ за собою право безнаказанно клясться и божиться сколько душѣ угодно.

ГЛАВА X.

СКВАЙРЪ ВЕСТЕРНЪ У АЛЛЬВОРТИ.

Алльворти только-что удалился послѣ завтрака въ кабинетъ съ Блейфилемъ, довольный его разсказомъ о свиданьи съ Софьей, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Вестернъ и безъ дальнѣйшихъ околичностей началъ такъ:

— Надѣлали вы дѣла, нечего сказать! на добро выростили вашего негодяя Джонса! На васъ-то я не думаю: вы, я знаю, тутъ въ сторонѣ; а онъ, онъ.... нечего сказать, угостилъ!

— Чтó такое, мистеръ Вестернъ? спросилъ Алльворти.

— А такое, что дочь моя влюбилась въ вашего повѣсу! Шутка! Да я не дамъ ей ни гроша, ни полъ-полушки не дамъ! Я и всегда думалъ, не бывать изъ этого добру: чортъ знаетъ чье отродье воспитываютъ какъ джентльмена и пускаютъ въ порядочные дома. Счастье его, что не удалось мнѣ до него добраться, а ужь я бы его отдѣлалъ, я бы его проучилъ, кота проклятаго! Если она отъ него не отвяжется, такъ пусть идетъ въ одной рубашкѣ. Скорѣе я отдамъ мое имѣніе въ казну, — въ Ганноверъ, для подкуповъ!

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Алльворти.

— А чорта ли мнѣ въ вашемъ сожалѣніи! прервалъ его Вестернъ. — Куда весело потерять единственную дочь, потерять мою Софью, мою радость и утѣшеніе на старости лѣтъ! Дѣло рѣшеное: вонъ ее изъ дому, вонъ! пусть себѣ нищенствуетъ, пусть сгніетъ отъ голоду на улицѣ, а отъ меня не видать ей ни

копейки. Небось куда былъ чутокъ высматривать зайца; точно гончая; а онъ вишь за какимъ зайцемъ охотился! Хорошо же, голубчикъ, бери, радуйся: кромѣ шкурки ничего не получишь.

— Странно мнѣ слышать отъ васъ эти вещи, сказалъ Алльворти, послѣ того, что̀ было между моимъ племянникомъ и вашею дочерью не дальше какъ вчера.

— Послѣ этого-то свиданія все и открылось, отвѣчалъ Вестернъ. — Только-что уѣхалъ мистеръ Блейфиль, какъ эта собака уже и начала разнюхивать у меня пороги. А я еще такъ любилъ его, — славный охотникъ! Кто бы могъ подумать, что онъ увивается около дочери!

— Да, конечно, замѣтилъ Алльворти: — лучше бы было не давать ему повода съ ней сближаться; припомните, что я всегда былъ противъ его долгихъ отлучекъ изъ дому, хоть и, признаюсь вамъ, не подозрѣвалъ ничего такого.

— Да и кто же, чортъ возьми, могъ бы это подумать, сказалъ Вестернъ. — Вѣдь онъ пріѣзжалъ ко *мнѣ*, охотиться, а не любезничать съ ней.

— Какъ же это вы однако не замѣтили, что они влюблены? спросилъ Алльворти. — Вѣдь вы ихъ почти каждый день видѣли вмѣстѣ.

— Ни разу, отвѣчалъ Вестернъ: — честное слово, ни разу не видалъ я, чтобы они цаловались. При ней онъ дѣлался даже какъ-будто молчаливѣе обыкновеннаго, а она была съ другими всегда гораздо учтивѣе и внимательнѣе. Ужь насчетъ этого меня обмануть не легче кого другого, позвольте вамъ замѣтить.

Алльворти едва могъ удержаться отъ смѣху, однакожь удержался, не желая оскорбить Вестерна.

— Что̀ же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ? спросилъ онъ его.

— Вытолкайте этого негодяя въ ша̀шею, отвѣчалъ онъ: — а я сейчасъ же посажу мою красотку за замо́къ. Сколько она тамъ ни гримасничай, а будетъ за Блейфилемъ.

Онъ пожалъ ему руку, поклялся, что кромѣ его никому не бывать его зятемъ, и ушелъ, говоря, что ему надо спѣшить домой, потому-что тамъ ужасная кутерьма, и того и смотри, что дочь навостритъ лыжи.

Алльворти и Блейфиль, оставшись наединѣ, долго молчали; женихъ только вздыхалъ, больше съ досады, нежели съ горя:

потерять Софью было для него не такъ больно, какъ знать, что она предпочла ему Джонса.

Наконецъ дядя спросилъ, что̀ онъ намѣренъ дѣлать, и онъ отвѣчалъ:

— Можно ли спрашивать, кого послушается любящее сердце, разсудка или своей страсти? Разсудокъ велитъ мнѣ забыть женщину, которая любитъ другого, но страсть поддерживаетъ надежду, что когда-нибудь эта любовь обратится ко мнѣ. Есть однако же одно обстоятельство, которое должно бы было остановить меня, именно: несправедливость желанія вытѣснить человѣка изъ сердца, которымъ онъ уже обладаетъ; но воля мистера Вестерна неизмѣнна, и счастье всѣхъ требуетъ, чтобы и я не отступался отъ своего слова. Это не только спасетъ отъ несчастія отца, но и ихъ; они непремѣнно погибнутъ, если вступятъ въ бракъ: она лишится богатства, выйдетъ за нищаго, и небольшая часть доходовъ, которые отецъ не въ правѣ у нея отнять, перейдетъ въ руки развратной женщины, не прекратившей еще своей связи съ Джонсомъ. Впрочемъ это еще бы ничего; главное то, что онъ одинъ изъ величайшихъ мерзавцевъ въ мірѣ; если бы вы знали все, что̀ до сихъ поръ старался я отъ васъ скрывать, вы давно предоставили бы его своей судьбѣ.

— Какъ? сказалъ Алльворти. — Такъ онъ надѣлалъ еще что-нибудь хуже? Разскажи, что̀ такое.

— Позвольте не разсказывать, отвѣчалъ Блейфиль. — Это дѣло прошлое, — можетъ быть онъ уже раскаялся.

— Я приказываю тебѣ разсказать мнѣ все, сказалъ Алльворти.

— Вы знаете, отвѣчалъ Блейфиль: — я никогда не посмѣю васъ ослушаться, — но жаль мнѣ, что я заговорилъ объ этомъ, точно какъ-будто изъ желанія отомстить; а я, благодаря Бога, слишкомъ отъ этого далекъ. Если вы приказываете мнѣ говорить, такъ позвольте же быть заступникомъ Джонса: обѣщайте простить его.

— Я не принимаю никакихъ условій, возразилъ Алльворти. — Кажется, я уже довольно оказывалъ ему снисхожденія.

— Больше, нежели онъ стоитъ, сказалъ Блейфиль. — Въ тотъ самый день, когда вы лежали при смерти, когда я и всѣ домашніе проливали слезы, онъ вздумалъ шумѣть и безчин-

ствовать, напился пьянъ и пѣлъ пѣсни; и когда я ласково замѣтилъ ему, что это неприлично, онъ какъ бѣшеный выругалъ меня негодяемъ и прибилъ.

— Какъ! онъ смѣлъ тебя прибить? воскликнулъ Алльворти.

— Я на него не сержусь; это дѣло прошлое, отвѣчалъ Блейфиль. — Но чего я не могу ему простить, такъ это неблагодарности къ великодушнѣйшему изъ благодѣтелей. Вы простите однако же ему и это; онъ былъ одержимъ въ тотъ день злымъ духомъ, — иначе быть не можетъ: ввечеру мы вышли съ мистеромъ Тваккумомъ погулять, обрадованные признаками вашего близкаго выздоровленія, и застали его въ рощѣ.... Мистеръ Тваккумъ подошелъ къ нему и хотѣлъ сдѣлать ему выговоръ, но Джонсъ встрѣтилъ его кулакомъ, слѣды котораго вѣроятно еще и до сихъ поръ видны на его груди. Досталось и мнѣ, когда я вступился за моего учителя; да это ничего, я простилъ ему, и мистера Тваккума уговорилъ простить, зная, что если это дойдетъ до васъ, такъ Джонсу будетъ плохо. Мнѣ очень жаль, что я заговорилъ объ этомъ такъ неосторожно; но если вы приказали мнѣ разсказать вамъ все подробно, то позвольте же мнѣ и просить васъ предать все это забвенію.

— Не знаю, сказалъ Алльворти: — бранить ли, или хвалить тебя за то, что ты изъ добраго сердца хотѣлъ скрыть это отъ меня. Гдѣ мистеръ Тваккумъ? Я не то, чтобы не вѣрилъ тебѣ, а хочу только узнать всѣ подробности; пусть не говорятъ, что я несправедливъ, когда я накажу его примѣрнымъ образомъ.

Позвали Тваккума. Онъ подтвердилъ все сказанное Блейфилемъ и обнажилъ въ доказательство свою грудь, на которой Джонсъ очень четко расписался черными и синими знаками. Онъ сказалъ, что если бы не удерживалъ его Блейфиль, такъ онъ уже давно извѣстилъ бы обо всемъ Алльворти. «У него предоброе сердце, прибавилъ онъ, даже слишкомъ доброе: прощать такія вещи, кажется, уже и не годится».

Дѣйствительно, Блейфиль уговорилъ тогда Тваккума не жаловаться дядѣ и имѣлъ на то свои причины. Онъ зналъ, что болѣзнь умягчаетъ сердце, и что больной человѣкъ не расположенъ къ строгости. Кромѣ того, дѣло было тогда еще свѣжо, докторъ еще не уѣзжалъ и могъ открыть всю истину, и слѣдовательно ему не удалось бы представить все случившееся въ такомъ дурномъ свѣтѣ. Онъ рѣшился молчать, пока новая ша-

лость Джонса не подастъ повода разсказать этотъ случай и не увеличитъ его виновности. Онъ ждалъ — и выждалъ наконецъ этотъ случай. Уговаривая Тваккума хранить молчаніе, онъ имѣлъ въ виду еще и то, что это будетъ въ глазахъ Алльворти доказательствомъ его пріязни къ Джонсу; а это мнѣніе онъ старался поддерживать въ немъ всѣми силами.

ГЛАВА XI,

КРАТКАЯ, НО СПОСОБНАЯ РАСТРОГАТЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНАГО ЧИТАТЕЛЯ.

Алльворти поставилъ себѣ за правило не наказывать никого въ пылу гнѣва и отложилъ приговоръ до вечера.

Джонсъ явился къ обѣду, какъ и всегда, но у него было тяжело на сердцѣ, и онъ ничего не ѣлъ. Алльворти посматривалъ на него очень неласково, и это еще болѣе усилило его скорбь. Онъ догадался, что Вестернъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся между нимъ и Софьей; но давно прошедшая исторія съ Блейфилемъ и Тваккумомъ и въ умъ ему не приходила. Блейфиль взвелъ на него многое, въ чемъ онъ былъ вовсе не виноватъ; а что́ касается до остальнаго, такъ самъ онъ давно все это позабылъ, и потому никакъ не думалъ, чтобы Блейфиль могъ еще на него сердиться.

Когда обѣдъ кончился и слуги удалились, Алльворти обратился къ Джонсу съ длинною рѣчью, исчислилъ всѣ его проступки, въ особенности укоряя его въ тѣхъ, которые дошли до его свѣдѣнія только теперь, и сказалъ въ заключеніе, что если онъ не оправдается, такъ пусть не показывается впредь ему на глаза.

Трудно было Джонсу оправдываться. Онъ едва могъ понять, въ чемъ его обвиняютъ, потому-что Алльворти, говоря о шалостяхъ во время его болѣзни, изъ скромности не коснулся ничего, что́ относилось собственно къ нему, и въ чемъ однако же заключалась настоящая вина. Джонсъ не могъ отрицать фактовъ; сердце его было истерзано, онъ палъ духомъ и призналъ справедливость ихъ какъ преступникъ, въ минуту отчаянія безусловно предающійся въ руки правосудія. Онъ сказалъ только

въ заключеніе, что хотя и виноватъ во многомъ, но не сдѣлалъ однако же ничего такого, чтó заслуживало бы величайшаго изъ наказаній, какое только можетъ постичь его.

Алльворти отвѣчалъ, что онъ уже прощалъ ему слишкомъ часто, жалѣя его молодость и надѣясь на исправленіе; но что теперь онъ оказывается отъявленнымъ негодяемъ, которому грѣшно оказывать снисходительность или помощь.

— Дерзкая мысль соблазнить благородную дѣвушку, сказалъ онъ ему: — заставляетъ меня наказать тебя, чтобы самому оправдаться передъ людьми. Меня уже бранили за мою къ тебѣ снисходительность; теперь же могутъ подумать, что я потворствую такимъ гнуснымъ дѣламъ. Ты же зналъ, какъ ненавижу я подобныя вещи, и если бы хоть сколько-нибудь думалъ о моемъ спокойствіи и чести, если бы помнилъ мою дружбу, такъ ничего подобнаго не пришло бы тебѣ и въ голову. Стыдись, молодой человѣкъ! Едва ли есть наказаніе, которое равнялось бы твоей винѣ, — и я право не знаю, какъ оправдаться мнѣ передъ самимъ собою въ томъ, чтó хочу я теперь сдѣлать.... Однако же я воспиталъ тебя какъ сына и не выгоню тебя за порогъ нагого. Вотъ, возьми этотъ бумажникъ; въ немъ ты найдешь чѣмъ начать порядочный образъ жизни, если захочешь трудиться. Но если ты растратишь эти деньги на что-нибудь дурное, я не сочту моею обязанностью помочь тебѣ въ другой разъ, потому-что съ этого дня не хочу имѣть съ тобою никакихъ сношеній. И еще долженъ я тебѣ замѣтить, что всего больше огорчило меня твое поведеніе относительно этого молодого человѣка (онъ указалъ на Блейфиля), который поступалъ съ тобою такъ ласково и великодушно.

Это было для Джонса уже слишкомъ тяжело: онъ зарыдалъ и лишился, казалось, способности говорить и двигаться. Онъ не могъ даже немедленно исполнить приказанія Алльворти удалиться и вышелъ наконецъ, поцаловавши руку его съ жаромъ, какого нельзя было выказать притворно.

Неразумно будетъ со стороны читателя осудить Алльворти за жестокость приговора, если онъ подумаетъ, въ какомъ свѣтѣ представлялось ему тогда поведеніе Джонса. А между тѣмъ сосѣди, изъ недостатка ли разсудительности, изъ другихъ ли, худшихъ побужденій, хоромъ прокричали о его жестокости. Люди, которые прежде ставили ему въ вину воспитаніе незаконнорож-

деннаго (его собственнаго, по общему мнѣнію, сына), заводили теперь противъ него за то, что онъ выгналъ его вонъ. Особенно женщины взяли его сторону и вывели наружу столько исторій, что мнѣ и не пересказать ихъ.

Нельзя не замѣтить однако же одного: осуждая Алльворти, никто ни словомъ не упомянулъ о бумажникѣ, врученномъ имъ Джонсу; а въ немъ лежали пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Всѣ, напротивъ того, были согласны въ томъ, что безчеловѣчный отецъ выгналъ его безъ копейки, и нѣкоторые утверждали даже, что совершенно нагого.

ГЛАВА XII.

ЛЮБОВНЫЯ ПИСЬМА.

Джонсу приказано было немедленно выбраться изъ дому и объявлено, что платье и прочія его вещи будутъ ему присланы, куда онъ назначитъ.

И такъ онъ вышелъ. Около мили шелъ онъ не глядя и не думая куда. Тутъ небольшая рѣчка загородила ему дорогу, и онъ прилегъ на берегу ея, невольно проговоривши съ легкимъ негодованіемъ: здѣсь, по-крайней-мѣрѣ могу отдохнуть спокойно.

Имъ овладѣла сильнѣйшая скорбь; онъ рвалъ на себѣ волосы и велъ себя вообще какъ человѣкъ, предавшійся полному отчаянію.

Когда первая вспышка страсти миновалась, онъ началъ приходить въ себя, и скорбь его обратилась къ другимъ предметамъ, такъ-что наконецъ онъ началъ разсуждать, что́ ему дѣлать въ его жалкомъ положеніи.

Главный вопросъ былъ: какъ вести себя въ отношеніи Софьи? Мысль оставить ее страшно давила его сердце, но вѣроятность довести ее до нищеты ужасала его еще болѣе; кромѣ того, если бы, увлеченный страстью, онъ и предался на минуту желанію овладѣть ею, то вовсе не былъ еще увѣренъ, что она рѣшится принесть любви его такую великую жертву. Противъ союза съ нею говорила и вѣроятность огорчить Алльворти и очевидная невозможность успѣха, если бы онъ даже и рѣшил-

ся стремиться къ своей цѣли. Такимъ образомъ честь, подкрѣпленная безнадежностью, признательностью къ благодѣтелю и истинною любовью къ Софьѣ, усмиряла въ немъ порывы пламенныхъ желаній, и онъ рѣшился лучше оставить Софью, нежели довести ее съ собою до гибели.

Тому, кто не испыталъ этого самъ, трудно представить себѣ отрадную теплоту, разлитую во душѣ Джонса сознаніемъ одержанной надъ страстью побѣды. Гордость щекотала его такъ пріятно, что онъ былъ въ эту минуту почти вполнѣ счастливъ; но счастье это продолжалось именно только минуту: Софья снова воскресла въ его воображеніи и приправила радостное чувство побѣды скорбью, какую испытывалъ человѣколюбивый генералъ при видѣ падшихъ воиновъ, кровью которыхъ куплены его лавры; а передъ нашимъ побѣдителемъ лежали тысячи убитыхъ нѣжныхъ помысловъ.

Рѣшившись итти по стопамъ гиганта *Чести*, какъ называетъ ее гигантскій поэтъ Ли, Джонсъ положилъ написать Софьѣ прощальное письмо. Онъ зашелъ въ ближайшій домъ, досталъ тамъ бумаги и чернила и написалъ слѣдующее:

«Вспомните, въ какомъ положеніи я пишу къ вамъ это письмо, и я увѣренъ, что вы простите мнѣ его несвязное содержаніе. Каждое слово его прямо изъ сердца, переполненнаго до такой степени, что никакому языку не выразить его ощущеній.

«Я рѣшился исполнить ваше приказаніе и не увижу васъ болѣе. Приказаніе жестоко, — но это зависѣло отъ судьбы, а не отъ моей Софьи. Судьбѣ угодно было поставить условіемъ вашего спасенія, чтобы вы забыли о существованіи несчастнаго Джонса.

«Вѣрьте, я ни слова не сказалъ бы вамъ о моихъ страданіяхъ, если бы не зналъ, что вы и безъ того объ этомъ узнаете. Я знаю, какъ сострадательно ваше сердце, и не захотѣлъ бы пробуждать въ немъ горькаго сочувствія, въ которомъ вы не отказываете никому изъ страждущихъ. Какія бы ни дошли до васъ вѣсти о моей участи, не огорчайтесь и не тревожьтесь; я потерялъ васъ, — все остальное для меня ничтожно!

«О Софья! Тяжело мнѣ разстаться съ вами; еще тяжеле желать, чтобы вы меня забыли: но искренняя любовь требуетъ и того и другого. Простите мнѣ дерзкую мысль, что воспоминаніе обо мнѣ можетъ васъ безпокоить; принесите меня въ жертву ва-

шему покою, вообразите, что я никогда не любилъ васъ, подумайте, какъ мало я васъ стóю, и постарайтесь презирать меня за дерзкое притязаніе, достойное жесточайшей кары. Я не въ силахъ писать больше. — Да хранитъ васъ небо!»

Онъ хотѣлъ достать изъ кармана сургучь, но карманы оказались совершенно пусты. Предавшись отчаянью на берегу рѣки, онъ разбросалъ всѣ бывшія при немъ вещи и въ томъ числѣ и бумажникъ, полученный отъ Аллворти. Онъ его еще не открывалъ и вспомнилъ о немъ только теперь.

Въ домѣ нашлась однако же облатка. Запечатавши письмо, онъ пошелъ опять къ рѣкѣ искать потерянныя вещи. На дорогѣ онъ встрѣтилъ своего стараго пріятеля Блакъ Джоржа, отъ души пожалѣвшаго о его несчастіи, вѣсть о которомъ уже успѣла распестись по всему околодку.

Джонсъ разсказалъ егерю о своей потерѣ, и они пошли искать вмѣстѣ; они обыскали всѣ кустики, осмотрѣли каждую травку, обошли мѣста, гдѣ Джонсъ былъ и даже гдѣ онъ не былъ, но не нашли ничего. Вещи были однако же тутъ, на берегу рѣки, только искатели не догадались заглянуть туда, гдѣ онѣ лежали, т. е. въ карманъ Джоржа. Онъ нашелъ ихъ за нѣсколько минутъ до встрѣчи съ Джонсомъ и, увѣрившись въ ихъ цѣнности, тщательно припряталъ ихъ къ себѣ.

Выказавши такое усердіе, какъ-будто онъ и въ самомъ дѣлѣ надѣялся найти потерянное, егерь попросилъ Джонса припомнить, не былъ ли онъ еще гдѣ-нибудь.

— Если вы потеряли ихъ здѣсь, и такъ недавно, сказалъ онъ: — такъ онѣ должны бы, кажется, найтись. Сюда рѣдко кто заходитъ.

И дѣйствительно, самъ онъ зашелъ сюда по особенному случаю, съ цѣлью разставить силки на зайцевъ, чтобы на слѣдующее утро снабдить дичью одного разнощика въ Батѣ.

Джонсъ отказался отъ всякой надежды найти свои деньги и пересталъ о нихъ думать. Обратясь къ Джорджу, онъ спросилъ его очень серьёзно, хочетъ ли онъ оказать ему величайшую услугу въ мірѣ?

Джоржъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: вы знаете, что я готовъ сдѣлать для васъ все, чтó могу.

Вопросъ Джонса нѣсколько смутилъ его. Торгуя дичью, Джоржъ скопилъ на службѣ у Вестерна порядочную сумму де-

могъ, и подумалъ, что Джонсъ хочетъ попросить у него взаймы. Но опасеніе это было разсѣяно, когда Джонсъ попросилъ его доставить письмо Софьѣ. Егерь взялъ на себя эту порученность очень охотно; да и вообще готовъ былъ услуживать Джонсу: онъ питалъ къ нему признательность сколько могъ и былъ честенъ, какъ только можетъ быть честенъ человѣкъ, для котораго деньги выше всего на свѣтѣ.

Рѣшивши съ общаго совѣта, что удобнѣе всего передать письмо черезъ Гонорію, они разстались. Егерь пошелъ къ Вестерну, а Джонсъ въ таверну за полмили отъ рѣки, гдѣ долженъ былъ дождаться возвращенія посланнаго.

Пришедши къ Вестерну, Джорджъ тотчасъ же встрѣтилъ Гонорію. Сдѣлавши ей изъ осторожности нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, онъ отдалъ ей письмо и получилъ отъ нея таковое же къ Джонсу, которое она, по ея словамъ, цѣлый день носила за пазухой, и уже отчаялась найти средство переслать.

Егерь поспѣшилъ съ нимъ къ Джонсу. Джонсъ, взявши письмо, вышелъ въ другую комнату, съ нетерпѣніемъ сорвалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Невозможно выразить, что́ перечувствовала я со времени послѣдняго нашего свиданія. Снисходительность, съ которою вы ради меня перенесли оскорбленія моего отца, налагаетъ на меня относительно васъ обязанность, которой я никогда не забуду. Вы знаете его характеръ; прошу васъ, избѣгайте съ нимъ встрѣчи. Хотѣла бы я чѣмъ-нибудь васъ утѣшить; вѣрьте, что только развѣ величайшее насиліе заставитъ меня отдать мою руку тому, кого вамъ непріятно видѣть моимъ сопутникомъ въ жизни».

Джонсъ прочелъ и поцаловалъ эти строки разъ сто. Любовь снова расшевелила въ немъ страстныя мысли. Ему стало досадно за свое письмо къ Софьѣ, и еще болѣе за письмо къ Алльворти, написанное и отправленное во время отсутствія Джорджа. Въ этомъ послѣднемъ онъ далъ слово оставить всѣ помыслы о Софьѣ. Черезъ нѣсколько времени однако же, когда онъ снова былъ въ состояніи разсуждать хладнокровно, онъ ясно увидѣлъ, что письмо Софьи не улучшаетъ и не измѣняетъ его положенія, а развѣ только подаетъ ему тѣнь надежды на лучшую будущность. Это укрѣпило его въ прежней рѣшимости; онъ простился

съ Джорджемъ и пошелъ въ городъ, отстоявшій отсюда миль за пять, куда онъ просилъ Алльворти переслать его вещи.

ГЛАВА XIII.

ПОВЕДЕНІЕ СОФЬИ ВЪ НАСТОЯЩИХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ, КОТОРАГО НЕ ОСУДИТЪ НИ ОДНА ЖЕНЩИНА, СПОСОБНАЯ ПОСТУПИТЬ ТАКИМЪ ЖЕ ОБРАЗОМЪ. РАЗСМОТРѢНІЕ ЗАПУТАННАГО ВОПРОСА ПРЕДЪ ТРИБУНАЛОМЪ СОВѢСТИ.

Послѣдніе двадцать четыре часа Софья провела очень незавидно. Бо́льшую часть этого времени она должна была посвятить слушанію поученій тетки о благоразуміи. Мистриссъ Вестернъ увѣщевала ее вести себя какъ ведутъ себя люди въ образованномъ обществѣ, гдѣ любовь (такъ по-крайней-мѣрѣ она утверждала) обратилась теперь въ предметъ посмѣянія, и гдѣ женщины смотрятъ на замужство какъ мужчины на должность, то есть видятъ въ немъ только средство составить себѣ счастье и сдѣлать карьеру. На эту тему тетушка ораторствовала нѣсколько часовъ сряду съ особеннымъ краснорѣчіемъ.

Но глубокомысленныя рѣчи тетки, какъ мало ни гармонировали онѣ со вкусомъ и нравомъ Софьи, мучили ее меньше собственныхъ мыслей, недавшихъ ей во всю ночь сомкнуть глазъ.

Безсонница не заставила ее впрочемъ встать, и отецъ, возвратясь отъ Алльворти въ одинадцатомъ часу утра, засталъ ее еще въ постели. Онъ пошелъ прямо къ ней, растворилъ двери и, видя, что она еще не вставала, сказалъ: «А! такъ ты здѣсь? тутъ же и останешься!» Съ этими словами онъ замкнулъ дверь на замо́къ и вручилъ ключь Гоноріи съ строжайшимъ приказаніемъ стеречь Софью, съ обѣщаніемъ награды за вѣрную службу и страшнаго наказанія за измѣну.

Гоноріи приказано было не выпускать Софьи изъ комнаты безъ особеннаго разрѣшенія самого сквайра, а къ ней впускать только его и тетку, да самой входить для прислуги, если что понадобится. Давать ей позволено все, кромѣ пера, чернилъ и бумаги.

Сквайръ приказалъ дочери одѣться и явиться къ обѣду; она явилась и по окончаніи стола была снова отведена въ свою темницу.

Ввечеру тюремщица Гонорія принесла ей письмо, полученное отъ егеря. Софья прочла его внимательно раза два или три и потомъ бросилась на постель, заливаясь слезами. Гонорія изъявила на это великое изумленіе и просила сказать ей причину горя. Нѣсколько минутъ Софья не отвѣчала, потомъ, вдругъ вскочившіи на ноги, схватила горничную за руку и воскликнула: «Гонорія! я погибла!»

— Не дай Богъ, что̀ вы это! отвѣчала Гонорія. Да лучше бы было этому письму сгорѣть; я думала, что оно васъ порадуетъ, а то чортъ бы его побралъ.

— Ты добрая дѣвушка Гонорія, сказала Софья: — и нечего скрывать отъ тебя дольше мою слабость. Я отдала свое сердце человѣку, который забылъ меня.

— Неужли мистеръ Джонсъ такой измѣнникъ? спросила Гонорія.

— Въ этомъ письмѣ онъ прощается со мною навсегда, отвѣчала Софья: — и желаетъ даже, чтобы я его забыла. Могъ ли онъ этого желать, еслибы любилъ меня? могла ли такая мысль притти ему въ голову? могло ли такое слово слиться съ пера его?

— Конечно нѣтъ, отвѣчала Гонорія: — да если бы мнѣ первый вельможа въ Англіи сказалъ, чтобы я его забыла, я бы поймала его на этомъ словѣ. Право вы ужь и тѣмъ дѣлали ему слишкомъ много чести, что думали о немъ. Мало ли у насъ жениховъ! Вамъ стоитъ только выбрать любого; да вотъ, если смѣю сказать мое мнѣніе, недалеко искать, хоть бы и мистеръ Блейфилъ: и происхожденія честнаго, и будетъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, и красивѣе и образованнѣе Джонса. Да, никто ни въ чемъ его не упрекнетъ, за дѣвками не гоняется, и ему не подбросятъ ничьего отродья. Забыть его! скажите пожалуйста! Я не заставила бы повторить себѣ этого два раза. Да послѣ этого я не подпустила бы его къ себѣ, хоть будь онъ Богъ знаетъ что̀ такое, пока есть еще на свѣтѣ другіе молодые мужчины. А я вамъ правду говорю: мистеръ Блейфилъ....

— Не произноси этого ненавистнаго имени, прервала ее Софья.

— Чтожь, если онъ вамъ не нравится, и безъ него найдутся многіе, которые такъ и бросятся за вами ухаживать, только взгляните на нихъ ласково. Я думаю, во всемъ нашемъ графствѣ, да и въ сосѣднемъ, нѣтъ ни одного молодого человѣка, который не готовъ бы сейчасъ же предложить вамъ свою руку, только покажите ему видъ, что вамъ этого хочется.

— За кого ты меня считаешь, что говоришь мнѣ такія вещи? сказала Софья: — я ненавижу всѣхъ на свѣтѣ.

— Да и дались-таки они вамъ знать, продолжала Гонорія: — терпѣть оскорбленія отъ этакого нищаго, отъ этакого....

— Молчи, прервала ее Софья: — что за дерзость говорить при мнѣ о немъ такъ непочтительно? Онъ оскорбилъ меня?! Нѣтъ, его сердце страдало больше, когда онъ писалъ эти жестокія строки, нежели мое, когда я читала ихъ. О! онъ герой добродѣтели! Мнѣ стыдно за свою слабость, что я осудила его за то, чему должна бы была удивляться. Да, Гонорія! Совѣтуя мнѣ забыть его, онъ хотѣлъ только *моего* счастья! ему приноситъ онъ въ жертву и себя и меня. Страхъ погубить меня довелъ его до отчаянья.

— Я очень рада, сказала Гонорія: — что вы объ этомъ не забываете; дѣйствительно это значило бы погубить себя — отдать свое сердце человѣку, котораго выгнали вонъ изъ дому и у котораго нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Выгнали вонъ? поспѣшно спросила Софья. Что ты хочешь сказать?

— А то, отвѣчала Гонорія: — что какъ только сквайръ разсказалъ Алльворти о любви Джонса, такъ онъ въ ту же минуту приказалъ раздѣть его до-нага и выгналъ вонъ изъ дому.

— Это я причиною его несчастія! воскликнула Софья: — выгнали вонъ нагого! Гонорія! возьми всѣ мои деньги, возьми мои кольца, мои часы и отдай ему все это. Иди, отыщи его сейчасъ же.

— Ради Бога, сударыня, сказала Гонорія: — подумайте, что вѣдь если папенька замѣтитъ, что вещей то нѣтъ, такъ на мнѣ же ихъ спроситъ. Не совѣтую вамъ отдавать часы и брильянты. Довольно будетъ и наличныхъ денегъ; о нихъ и сквайръ ничего не узнаетъ.

— Такъ возьми же все до копейки, сказала Софья: — и отдай ихъ ему. Ступай, не теряй ни минуты.

Гонорія вышла, и нашедши Джорджа на крыльцѣ, вручила ему кошелекъ съ шестнадцатью гинеями, всѣмъ наличнымъ богатствомъ Софьи. Отецъ давалъ ей очень много, но ея собственная щедрость не позволила ей накопить сумму позначительнѣе.

Джорджъ, получивши кошелекъ, отправился къ тавернѣ; но дорогою пришла ему въ голову мысль, не удержать ли деньги у себя? Совѣсть возвысила свой голосъ и упрекнула его въ неблагодарности; но корысть возразила на это, что совѣсти слѣдовало бы подумать объ этомъ прежде, когда онъ утаилъ 500 ф. ст., а согласившись спокойно на похищеніе такой значительной суммы, глупо, и даже нѣкоторымъ образомъ подло, церемониться съ такою бездѣлицей. На это совѣсть, какъ ловкій адвокатъ, замѣтила, что большая разница между злоупотребленіемъ довѣренности и простою утайкою найденной вещи. Корысть же опять въ свою очередь назвала это пустою и смѣшною тонкостью и утверждала, что если человѣкъ уже отрекся однажды отъ чести, такъ нѣтъ никакой необходимости придерживаться ея въ другой разъ; и корысть безъ сомнѣнія переспорила бы совѣсть, если бы не подоспѣлъ къ ней на помощь страхъ, ясно доказавшій, что истинная разница между обоими случаями состоитъ въ различной степени не честности поступка, но безопасности; утаить найденные 500 ф. не было никакого риску, а утаить 16 гиней очень опасно, потому-что это легко можетъ быть открыто.

Такимъ образомъ при помощи страха совѣсть одержала рѣшительную побѣду въ душѣ Джоржа, и сдѣлавши ему нѣсколько комплиментовъ насчетъ его честности, заставила его отдать деньги Джонсу.

ГЛАВА XIV.

КРАТКІЙ РАЗГОВОРЪ ВЕСТЕРНА СЪ СЕСТРОЮ.

Мистриссъ Вестернъ цѣлый день не было дома. Возвратившись домой, она освѣдомилась о Софьѣ и получила въ отвѣтъ отъ сквайра, что онъ ее надежно припряталъ. «Она въ своей комнатѣ за замкомъ, сказалъ онъ: — ключь у Гоноріи».

Сквайръ посматривалъ какъ-то особенно лукаво и самодовольно; онъ вѣроятно ожидалъ, что сестра похвалитъ его за ум-

ное распоряженіе, но вмѣсто того долженъ былъ выслушать слѣдующія слова, произнесенныя съ самою презрительною миною: «Право, братецъ, трудно найти человѣка безразсуднѣе васъ! Почему вы не хотите предоставить этого дѣла мнѣ? Зачѣмъ вы мѣшаетесь? Мнѣ насилу удалось все уладить, а вы опять разстроиваете. Я стараюсь внушить племянницѣ правила благоразумія, а вы насильно вызываете ее на противное. Англичанки, слава Богу, не невольницы. Насъ нельзя сажать за замокъ, какъ испанокъ или итальянокъ. Мы имѣемъ такое же право на свободу, какъ и вы. Насъ можно убѣждать только логикой, а не насиліемъ. Я видѣла свѣтъ, братецъ, и знаю, что̀ къ чему ведетъ; если бы не ваше безразсудное вмѣшательство, такъ я увѣрена, что племянница вела бы себя сообразно законамъ благоразумія и приличій, которыя я ей внушала».

— Ну, да, я по вашему всегда неправъ, отвѣчалъ сквайръ.

— Нѣтъ, не всегда, а только когда мѣшаетесь въ дѣла, которыхъ не понимаете. Вы не можете не согласиться, что я таки видѣла свѣтъ, и Софьѣ лучше бы было не выходить изъ-подъ моего надзора. Это здѣсь, живя съ вами, набралась она романическихъ бредней о любви.

— Надѣюсь, вы не думаете, что я ее научилъ этимъ вздорамъ? возразилъ сквайръ.

— Ваше невѣжество, отвѣчала сестра: — истощаетъ мое терпѣніе, какъ говоритъ великій Мильтонъ (*).

— Убирайся съ твоимъ Мильтономъ! воскликнулъ сквайръ: — если бы онъ осмѣлился сказать мнѣ это въ глаза, такъ я далъ бы ему такого туза, что куда и величіе бы дѣвалось! Терпѣніе! Ужь если говорить о терпѣніи, такъ у меня его побольше, потому-что я позволяю тебѣ обращаться со мною какъ съ мальчикомъ. Ты думаешь, что если человѣкъ не бывалъ при дворѣ, такъ у него и мозгу нѣтъ? Да, держи карманъ! Хорошъ бы былъ свѣтъ, если бы всѣ на свѣтѣ были дураки, кромѣ дюжины круглыхъ головъ и ганноверскихъ крысъ. Нѣтъ! теперь не то время: въ дуракахъ-то останутся они, вотъ что̀. Я еще надѣюсь до этого дожить, пока эти ганноверскія крысы не съѣли еще всего зерна, оставивши намъ одну рѣпу.

(*) Читатель также истощитъ свое терпѣніе, если вздумаетъ искать это мѣсто въ Мильтонѣ. *Прим. автора.*

— Признаюсь вамъ, отвѣчала сестра: — вы говорите такъ премудро, что я васъ и не пойму. Ваша притча о рѣпѣ и ганноверскихъ крысахъ для меня непостижима.

— Вѣрю, что тебѣ не хочется объ этомъ и слышать, возразилъ сквайръ: — да интересъ цѣлой націи отъ этого ничего не потерпитъ.

— Желательно, чтобы вы подумали хоть немножко и объ интересѣ вашей дочери. Повѣрьте, она въ бо́льшей опасности, нежели наша нація.

— А ты же сейчасъ говорила, чтобы я предоставилъ это тебѣ, возразилъ сквайръ.

— Да, и если вы обѣщаете не вмѣшиваться, такъ я беру все на себя, отвѣчала сестра.

— Хорошо, изволь, сказалъ сквайръ: — женщина, противъ этого я не спорю, лучше всѣхъ съумѣетъ управиться съ женщиной.

Мистриссъ Вестернъ удалилась, ворча что-то о женщинахъ. Она пошла въ комнату Софьи и немедленно освободила ее изъ заключенія.

КНИГА VII.

ТРИ ДНЯ.

ГЛАВА I.

СРАВНЕНІЕ СВѢТА СЪ ТЕАТРОМЪ.

Свѣтъ часто сравнивали съ театромъ; многіе хорошіе писатели и поэты смотрѣли на человѣческую жизнь какъ на великую драму, сходную почти во всѣхъ своихъ подробностяхъ съ сценическими представленіями, изобрѣтенными, какъ говорятъ, Өеспсомъ, и принятыми во всѣхъ образованныхъ странахъ.

Это сравненіе сдѣлалось такъ обыкновенно, что множество словъ, относящихся собственно къ театру и употреблявшихся прежде только въ метафорическомъ смыслѣ, когда рѣчь шла о

жизни, прилагаются теперь безъ всякаго различія буквально и къ тому и къ другому. Такъ напр. слово *сцена* употребляется совершенно одинаково, говорятъ ли о жизни или о драматическомъ представленіи; и когда упоминается о *закулисныхъ интригахъ*, намъ даже скорѣе приходитъ на умъ Сентъ-Джемсъ, нежели Друриленъ.

Это легко себѣ объяснить: стòитъ только вспомнить, что театръ нечто иное какъ изображеніе, или, какъ говоритъ Аристотель, подражаніе дѣйствительности. Очевидно, что мы обязаны глубокимъ уваженіемъ тѣмъ, которые въ своихъ твореніяхъ или игрѣ умѣли такъ хорошо подражать жизни, что копію невольно смѣшиваешь съ оригиналомъ.

Но особеннаго уваженія къ этимъ господамъ не замѣчается; а напротивъ того, люди часто обращаются съ ними какъ дѣти съ своими игрушками, и освистать и ошикать ихъ находятъ пріятнѣе, нежели осыпать похвалами.

Еще много другихъ обстоятельствъ усиливаютъ въ нашихъ глазахъ сходство между театромъ и свѣтомъ. Многіе видятъ въ большинствѣ людского рода актеровъ, исполняющихъ не свои роли, на которыя они въ сущности имѣютъ также мало права, какъ актеръ, играющій короля, на престолъ и корону. На этомъ основаніи лицемѣръ можетъ быть названъ актеромъ, и греки обозначали ихъ обоихъ однимъ словомъ.

Скоротечность жизни тоже подала поводъ къ этому сравненію. Такъ безсмертный Шекспиръ говоритъ:

Чтò жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящій на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми. (*)

Но эта цитата такъ истаскана, что я хочу вознаградить за нее читателя другою, прекрасною, но извѣстною вѣроятно не многимъ. Она взята изъ поэмы подъ заглавіемъ *Божество*, изданной лѣтъ девять тому назадъ, и уже давно преданной забвенію, — въ доказательство того, что хорошія книги, также какъ и хорошіе люди, не всегда переживаютъ дурныхъ.

(*) Макбетъ дѣйст. V. Сцена 5.

Ты (*) истинный источникъ нашихъ дѣлъ,
Царей и царствъ творецъ и разрушитель!
Ты создалъ сцену безъ границъ, воздвигъ
Изъ безконечности вѣковъ театръ,
И въ немъ передъ тобой ряды героевъ
Проходятъ нескончаемою цѣпью
Блестящихъ призраковъ; они играютъ
Твоимъ перстомъ указанныя роли;
Ихъ жизнь и смерть, ихъ сила и безсилье,
Ихъ слава и позоръ ведутъ къ одной,
Тебѣ лишь одному извѣстной цѣли.
Минуту, двѣ они блестятъ въ лучахъ,
Но ты мигнулъ — и призраки исчезли!
На шумной сценѣ нѣтъ ихъ и слѣда,
И только въ памяти людской осталось
Преданье темное: *когда-то были.*

Впрочемъ въ этой, какъ и во всѣхъ прочихъ сходныхъ чертахъ жизни съ театромъ, брали во вниманіе только сцену. Никто, сколько я помню, не обратилъ взора на зрителей великой драмы.

Природа даетъ однако же свои лучшія представленія нерѣдко при многочисленной публикѣ, и зрители подаютъ такой же поводъ къ нашему сравненію, какъ и актеры. Въ обширномъ театрѣ временъ сидятъ друзья и недруги автора, слышатся рукоплесканія и свистки, шумъ и стукъ, — словомъ, все, что́ только можно видѣть и слышать въ королевскомъ театрѣ.

Разсмотримъ одинъ случай; посмотримъ напр., какое впечатлѣніе сдѣлала на публику сцена, представленная ей природою въ 12 главѣ предъидущей книги, гдѣ Блакъ Джорджъ уноситъ у своего друга и благодѣтеля 500 ф. стерлинговъ.

Занимающіе верхнюю галлерею свѣта зашумѣли, я въ томъ увѣренъ, очень сильно и пустили ему вслѣдъ сотню позорныхъ ругательствъ.

Ярусомъ пониже выразилось тоже негодованіе, но уже не такъ бранчиво и шумно; впрочемъ женщины и здѣсь послали Джорджа къ чорту, и многіе ждали ежеминутно появленія пары роговъ и рукъ съ когтями, которые схватятъ и унесутъ свою добычу.

(*) Богъ

Въ партерѣ мнѣнія оказались раздѣлены: любители геройскихъ добродѣтелей и безпорочныхъ характеровъ недовольны, что на сцену выведенъ примѣръ такого гнуснаго поступка, и что за нимъ не послѣдовало сейчасъ же строгаго наказанія. Нѣсколько пріятелей автора воскликнули: «Джорджъ конечно мерзавецъ, однако онъ вѣрно срисованъ съ натуры». А молодые критики, писцы, адвокаты, и т. п. всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что эта *грязная* сцена, и подняли шумъ и топотъ.

Что касается до ложъ, то въ нихъ зрители вели себя, какъ и всегда, чрезвычайно тонко и умно. Большая часть были заняты совершенно посторонними вещами. Нѣкоторые изъ тѣхъ немногихъ, которые поглядывали изрѣдка на сцену, отозвались о Джорджѣ, что онъ дурной человѣкъ, а другіе не хотѣли высказать своего мнѣнія, не услышавши прежде мнѣнія извѣстныхъ судей.

Мы же, имѣющіе входъ за кулисы великаго театра природы (право, безъ котораго писатель долженъ бы составлять только словари да букварн), мы можемъ осудить этотъ поступокъ не питая ненависти къ человѣку, которому природа можетъ быть не во всѣхъ своихъ пьесахъ дала по гнусной роли. Жизнь и тѣмъ еще похожа на театръ, что въ ней часто одинъ и тотъ же человѣкъ играетъ то злодѣя, то героя, и заслужившій наше удивленіе сегодня, будетъ можетъ статься завтра предметомъ нашего презрѣнія. Гаррикъ, котораго я считаю величайшимъ трагическимъ актеромъ, низходитъ иногда до роли дурака; тоже самое, по словамъ Горація, дѣлали въ древности Сципіонъ Великій и Лелій Мудрый; Цицеронъ говоритъ даже, что нельзя себѣ вообразить, какъ они *ребячились.* Впрочемъ они играли дураковъ, какъ Гаррикъ, только въ шутку; но другіе знаменитые мужи безчисленное число разъ дѣлали въ жизни дурачества очень серьёзно, такъ-что трудно рѣшить, чего было въ нихъ больше: ума или глупости, и чего собственно заслуживаютъ они отъ людей: хвалы или порицанія, удивленія или презрѣнія, любви или ненависти?

Люди, проведшіе часть жизни за кулисами этого великаго театра и коротко знакомые не только съ различными костюмами и переодѣваньями, но и съ дикимъ, причудливымъ нравомъ страстей, этихъ директрисъ театра (что касается до здраваго смысла, то онъ, какъ особа привиллегированная, очень лѣнивъ

и рѣдко мѣшается въ дѣло) — безъ сомнѣнія поняли значеніе гораціева нарѣченія *nil admirari*, — «ничему не удивляться».

Одинъ дурной поступокъ также мало дѣлаетъ человѣка негодяемъ, какъ дурная роль, сыгранная имъ на сценѣ. Страсти, какъ господа директоры театровъ, часто заставляютъ человѣка браться за роль противъ его воли и даже не принимая въ соображеніе его способностей. Человѣкъ, какъ и актеръ, могутъ оба осуждать свои собственные поступки. Нерѣдко случается видѣть въ человѣкѣ порокъ, который ему также не къ лицу, какъ роль Яго честной физіономіи мистера Вильяма Миллься.

Вообще, человѣкъ благородный и разсудительный никогда не спѣшитъ своимъ приговоромъ. Онъ можетъ осуждать слабость и даже порокъ, не питая ненависти къ виновному. Словомъ, на сценѣ и на свѣтѣ дѣлаютъ шумъ и подымаютъ тревогу однѣ и тѣже глупости, тоже ребячество, таже порочность сердца, тоже невѣжество. Чѣмъ хуже человѣкъ, тѣмъ щедрѣе онъ на эпитеты: негодяй и мерзавецъ, также какъ чѣмъ грязнѣе зритель въ театрѣ, тѣмъ способнѣе онъ находитъ въ пьесѣ грязныя сцены.

ГЛАВА II.

РАЗСУЖДЕНІЕ ДЖОНСА СЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Рано поутру Джонсъ получилъ свои вещи отъ Алльворти при письмѣ слѣдующаго содержанія.

«Милостивый государь!

«Дядюшка поручилъ мнѣ объявить вамъ, что такъ-какъ принятыя имъ относительно васъ мѣры были слѣдствіемъ зрѣлаго «размышленія и обстоятельствъ, очевидно доказывающихъ вашу испорченность, то вы никогда не будете въ состояніи ни «малѣйше измѣнить принятое имъ рѣшеніе. Онъ очень удивленъ «дерзостью, съ которою вы отказываетесь отъ всякихъ притязаній на особу, на которую и не могли ихъ никогда имѣть, «потому-что происхожденіемъ и богатствомъ она стоитъ неизмѣримо выше васъ. Еще мнѣ поручено сказать вамъ, что единственное доказательство привязанности, какого онъ еще отъ «васъ ожидаетъ, состоитъ въ томъ, чтобы вы немедленно оста-

«вили нашу сторону. Какъ христіянинъ, не могу не прибавить и «отъ себя лично совѣта серьёзно подумать о лучшемъ образѣ «жизни. О ниспосланіи же вамъ свыше силъ для исправленія «всегда готовъ молить небо

«вашъ покорный слуга

В. Блейфиль.»

Много противоположныхъ чувствъ вызвало въ Джонсѣ это письмо. Болѣе кроткія одержали однако же наконецъ верхъ надъ гнѣвными, слезы потекли изъ глазъ его и спасли его можетъ быть отъ сумасшествія или отчаянія.

Но скоро стало ему стыдно слезъ; онъ вскочилъ съ своего мѣста и воскликнулъ: «Хорошо же, я исполню послѣднее желаніе Алльворти, пойду сію минуту.... но куда? куда поведетъ случай. Если другіе считаютъ участь мою за ничто, такъ и по мнѣ все равно, что со мною ни будетъ. Неужли мнѣ одному слѣдуетъ заботиться о томъ, о чемъ никто.... никто? а она? моя Софья не равнодушна къ моей участи. И мнѣ покинуть моего единственнаго друга? и какого друга! Мнѣ не оставаться близь нея? — Но какъ остаться? Какъ надѣяться увидѣть ее, не подвергая ее гнѣву отца? И къ чему? Могу ли я захотѣть уговорить ее на собственную гибель? Купить удовлетвореніе моей страсти за такую цѣну? Бродить съ такимъ замысломъ какъ воръ, по этимъ окрестностямъ? Нѣтъ, прочь отъ меня такая мысль! Прощай, Софья! прощай моя милая....

И страстное чувство, сомкнувши уста его, выступило на рѣсницахъ.

Рѣшившись оставить эту сторону, онъ началъ думать, куда ему итти. Передъ нимъ разстилался, по выраженію Мильтона, цѣлый міръ, и Джонсу, не отъ кого было ждать ни утѣшенія, ни помощи. Всѣ его знакомые были знакомые Алльворти, и лишенный его любви онъ не могъ ожидать отъ нихъ пріязни. Люди съ вѣсомъ должны бы лишать другихъ своихъ милостей какъ можно осторожнѣе, потому-что вслѣдстіе такой опалы ихъ оставляютъ и всѣ прочіе.

Вторымъ предметомъ размышленія Джонса было: какое избрать себѣ занятіе и образъ жизни? Тутъ открылась ему плачевная перспектива: всякое ремесло требуетъ времени и, что еще хуже, денегъ; свѣтъ созданъ такъ, что *«изъ ничего ничего и не*

будетъ» — такая же аксіома въ жизни какъ и въ физикѣ, и человѣкъ безъ денегъ лишенъ всякаго средства пріобрѣсти ихъ.

Наконецъ море, гостепріимный другъ несчастныхъ, открыло ему свои объятія, и онъ въ ту же минуту рѣшился итти на его призывъ. Говоря просто, онъ вздумалъ поступить на корабль. Онъ ухватился за эту мысль съ жаромъ и не теряя времени нанялъ лошадей до Бристоля.

Теперь мы должны оставить на время нашего героя и разсказать, чтó случилось дальше съ Софьей.

ГЛАВА III.

РАЗЛИЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ.

Въ утро отъѣзда Джонса, мистриссъ Вестернъ позвала къ себѣ въ комнату Софью, объявила ей, что отецъ возвращаетъ ей свободу, и начала читать ей длинную рѣчь о замужствѣ. Она изображала его не романтическимъ источникомъ счастья, основаннаго на любви, какъ утверждаютъ поэты, и не божественнымъ уставомъ, имѣющимъ свою опредѣленную цѣль, какъ утверждаютъ богословы, но банкомъ, съ котораго умная женщина расчитываетъ получить возможно большіе проценты.

Выслушавши тетку, Софья отвѣчала, что она не можетъ спорить съ женщиной, превосходящей ее знаніемъ и опытностью, особенно чтó касается до предмета, о которомъ она такъ мало думала.

— Спорить! сказала тетка. — Да этого я отъ тебя и не жду. Мало извлекла бы я пользы изъ знанія свѣта, если бы принуждена была спорить съ дѣвушкой твоихъ лѣтъ. Я говорила только, чтобы научить тебя. Древніе философы, напримѣръ Сократъ, Алкивіадъ и другіе, не спорили съ своими учениками; и ты должна видѣть во мнѣ Сократа, не спрашивающаго твоего мнѣнія, но просто говорящаго тебѣ свое.

Изъ этихъ словъ читатель можетъ заключить, что она столько же была знакома съ философскими твореніями Сократа, какъ и Алкивіада.

— Я и не думала опровергать вашихъ мнѣній, отвѣчала Софья. — О замужствѣ я никогда не думала и думать не буду.

— Право, возразила тетка: — смѣшно, что ты хочешь со мною притворяться. Скорѣе повѣрю я французамъ, что они берутъ чужія крѣпости ради защиты собственной земли, нежели тебѣ, что ты еще не думала серьёзно о замужствѣ. Какъ-таки увѣрять меня, что ты и не помышляла о подобномъ союзѣ, когда я даже знаю, съ кѣмъ ты желала заключить его? Союзъ столько же неестественный и противный твоимъ интересамъ, сколько былъ бы противенъ интересамъ Голландіи сепаратный союзъ съ Франціей. Впрочемъ, если ты не думала объ этомъ до сихъ поръ, такъ совѣтую подумать теперь, потому-что братъ рѣшился немедленно заключить условіе съ Блейфилемъ, и я гарантировала его, поручившись за твое согласіе.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала Софья: — я должна ослушаться и васъ и папеньку. Стоитъ подумать только одну минуту, чтобы отвергнуть эту партію.

— Не будь я столько же знакома съ философіей, какъ самъ Сократъ, сказала тетка: — такъ ты истощила бы мое терпѣніе. Чтó имѣешь ты противъ Блейфиля?

— Очень много: я ненавижу его, отвѣчала Софья.

— Боже мой! научишься ли ты когда-нибудь правильному употребленію словъ? сказала тетка.—Я совѣтовала бы тебѣ почаще справляться съ лексикономъ Бэлея. Можно ли ненавидѣть человѣка, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ! Подъ словомъ *ненавижу* ты просто разумѣешь, что онъ тебѣ не нравится, а это еще не достаточная причина не выходить за него за-мужъ. Я знала много супруговъ, которые другъ другу вовсе не нравились, а между тѣмъ жили очень хорошо и прилично. Ужь повѣрь мнѣ, эти вещи я знаю лучше тебя. Ты не станешь, надѣюсь, отрицать, что я видѣла свѣтъ? увѣряю же тебя, что я не знаю ни одной женщины, которая не старалась бы хоть выказать, что мужъ ей не нравится. Плѣняться своимъ мужемъ, — да это такая романическая глупость, это такъ не принято, что и подумать объ этомъ смѣшно.

— Я однако же не выйду за того, кто мнѣ не нравится. Если я обѣщала папенькѣ не выходить противъ его воли, такъ могу, кажется, ожидать, что и онъ не захочетъ выдать меня противъ моего желанія.

— *Твоего* желанія? съ жаромъ воскликнула тетка: — признаюсь, нельзя не подивиться такой самоувѣренности. Въ твои

лѣта, будучи еще не за-мужемъ, говорить о своемъ желаніи! Впрочемъ, какія бы тамъ ни были твои желанія, ты знаешь, отецъ твой положилъ съиграть свадьбу; а я.... о! если ты вздумала говорить о своемъ желаніи, — я уговорю его поторопиться. У нея свои желанія! Скажите пожайлуста!

Софья бросилась передъ ней на колѣни, и слезы засверкали у нея на глазахъ. Она умоляла «сжалиться и не дѣлать ее несчастною изъ мести»; нѣсколько разъ повторила она, что «дѣло касается единственно ея, а не чьего-нибудь другого счастья».

Но тетка походила въ этомъ случаѣ на полицейскаго чиновника, который, съ надлежащимъ предписаніемъ въ рукѣ, беретъ подъ стражу несчастнаго должника, безстрастно глядя на его слезы. Напрасно бѣдный арестантъ старается пробудить въ немъ состраданіе, напрасно проситъ отстрочки, указывая на жену, на лепечущаго сына, на испуганную дочь: исполнитель слѣпъ и глухъ къ бѣдѣ, онъ выше всѣхъ человѣческихъ слабостей и предастъ жертву въ руки тюремщика.

Также слѣпа къ слезамъ Софьи, также глуха къ ея мольбамъ была мудрая тетка и также неизмѣнно рѣшилась предать ее въ руки тюремщика Блейфилда. Она отвѣчала ей съ большимъ жаромъ: «вы ошибаетесь, миссъ Вестернъ; дѣло касается не васъ однѣхъ, и *васъ* даже меньше всего. Съ этимъ бракомъ связана честь вашей фамиліи, вы только средство къ заключенію союза. Неужели вы думаете, что при заключеніи брачнаго договора между какими-нибудь двумя государствами, если напр. французская принцесса выходитъ за испанскаго принца, имѣютъ въ виду только интересы невѣсты? Нѣтъ, союзъ заключаютъ между собою двѣ державы. Такъ водится и въ знатныхъ фамиліяхъ, какова напримѣръ наша. Сущность дѣла заключается въ родственной связи двухъ фамилій. Честь фамиліи должна быть для тебя дороже твоихъ личныхъ наклонностей, и если примѣръ принцессъ не можетъ внушить тебѣ такого возвышеннаго образа мыслей, такъ по-крайней-мѣрѣ ты не имѣешь права жаловаться, что съ тобою поступаютъ не хуже, какъ съ принцессой.

— Надѣюсь, я никогда не обезчещу моей фамиліи, возразила Софья довольно рѣзко: — но что̀ касается до мистера Блейфилда, то я рѣшилась не выходить за него, и никакая сила не заставитъ меня перемѣнить это намѣреніе.

Вестернъ стоялъ все это время за дверью и подслушивалъ; теперь терпѣніе его лопнуло, и онъ вбѣжалъ въ комнату съ крикомъ: такъ вотъ же выйдешь! Унеси меня самъ чортъ, если не выйдешь!

Въ сердцѣ мистриссъ Вестернъ накопилось достаточное количество гнѣва противъ Софьи; но теперь онъ излился на сквайра.

— Зачѣмъ вы мѣшаетесь въ дѣло, сказала она: — которое вполнѣ предоставили мнѣ? Имѣя въ виду пользу нашей фамиліи, приняла я на себя посредничество, желая исправить ошибки, которыя надѣлали вы въ воспитаніи вашей дочери. Вы, братецъ, — да, вы, вашимъ безтолковымъ поведеніемъ уничтожили все, что посѣяла я въ ея нѣжномъ сердцѣ. Вы сами научили ее неповиновенію.

— Съ тобою самъ чортъ потеряетъ терпѣніе! воскликнулъ сквайръ: — я научилъ ее неповиновенію? — Вотъ она сама здѣсь на лицо.— Говори, Софья: приказывалъ ли я тебѣ когда-нибудь меня не слушаться? Не старался ли я угождать тебѣ, чтобы ты была послушна? — Да она и была послушна, когда была еще ребенкомъ, когда ты не бралась еще за ея воспитаніе и не набивала ей головы придворными бреднями. Я самъ, собственными ушами, слышалъ сію минуту, какъ ты учила ее вести себя какъ принцесса. Ты дѣлаешь изъ нея вига, такъ какого же ждать мнѣ отъ ея повиновенія?

— Братецъ, отвѣчала мистриссъ Вестернъ съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія: — нельзя сказать, какъ жалки ваши политическія разсужденія. Но я тоже призываю въ свидѣтели саму племянницу; пусть скажетъ, учила ли я ее неповиновенію. Говори, Софья, не старалась ли я, напротивъ того, дать тебѣ ясное понятіе обо всѣхъ отношеніяхъ человѣка къ обществу? не старалась ли я всѣми силами доказать тебѣ, что сама природа налагаетъ на дѣтей обязанность повиноваться родителямъ? не приводила ли я тебѣ слова Платона объ этомъ предметѣ? Ты рѣшительно не имѣла объ этомъ никакихъ понятій, когда я взялась за твое воспитаніе, и право едва ли понимала отношенія отца къ дочери.

— Это ложь! замѣтилъ Вестернъ: — она не такая дура, чтобы дожить до одинадцати лѣтъ — и не знать, что она сродни своему отцу.

— О пирамидальное невѣжество! воскликнула сестра: — и что за обращеніе! Васъ стоило бы, братецъ, поподчивать тростью.

— Чтожь, поподчуй, если можешь, отвѣчалъ сквайръ: — племянница вѣрно готова помочь тетушкѣ.

— Я презираю васъ какъ нельзя больше, сказала мистрисъ Вестернъ: — однако же не намѣрена сносить дольше вашихъ грубостей, и потому уѣзжаю отъ васъ сегодня же утромъ.

— Счастливой дороги! отвѣчалъ братъ: — ужь если пошло на то, такъ и я скажу тебѣ, что не могу дольше терпѣть твоей наглости. Ежеминутно повторяетъ мнѣ, что она меня презираетъ! Да этакъ, слушая тебя, чортъ возьми, и дочь забудетъ всякое ко мнѣ уваженіе.

— Есть за что и уважать такого кабана, возразила сестра.

— Кабана! воскликнулъ сквайръ (*). Я не кабанъ, и не оселъ, и даже не крыса; да, замѣтьте себѣ это, сударыня, — не крыса. Я кровный англичанинъ, не ганноверскаго помету, который только грызетъ нашу націю.

— Ты одинъ изъ тѣхъ мудрецовъ, отвѣчала сестра: — которыхъ безсмысленныя идеи погубили націю, ослабляя силу правительства, ободряя внѣшнихъ враговъ и лишая бодрости друзей.

— Ты опять за свою политику? воскликнулъ сквайръ. Такъ знай же, что я ее презираю столько же какъ....

И онъ произнесъ тутъ словцо, неупотребляемое въ печати, скрѣпивъ его приличнымъ жестомъ. Неизвѣстно, это ли собственно слово, или вообще неуваженіе брата къ ея политическимъ мнѣніямъ взбѣсило мистрисъ Вестернъ, только и она отвѣтила ему фразою, которую мы не можемъ повторить, и въ ту же минуту вышла вонъ. Ни братъ, ни племянница не думали остановить ее или пойти за нею вслѣдъ. Дочь была такъ убита горестью, а отецъ такъ взбѣшенъ, что оба не тронулись съ мѣста.

Сквайръ послалъ однако же вслѣдъ уходящей сестрѣ охотничій кликъ, которымъ привѣтствуютъ зайца, только-что поднятаго собаками. Онъ выкрикивалъ мастерски на множество манеръ, и для каждаго случая въ жизни былъ у него особенный кликъ.

(*) Мистриссъ Вестернъ назвала своего брата *мужикомъ*, *boor*, а ему сгоряча послышалось слово *кабанъ*, *boar*. Этого нельзя было передать въ точности.

Женщина, знающая, подобно мистриссъ Вестернъ, свѣтъ и изучившая философію и политику, непремѣнно воспользовалась бы теперь расположеніемъ сквайра и сказала бы ему нѣсколько тонкихъ комплиментовъ насчетъ его ума, во вредъ ушедшей соперницы. Но Софья была для этого слишкомъ проста. Этимъ мы не хотимъ однако же сказать, чтобы она была глупа, что̀ часто разумѣютъ подъ словомъ: проста. Напротивъ того, она отличалась умомъ, и не обладала только искусствомъ, изъ котораго женщины извлекаютъ для себя такъ много пользы, и которое, завися больше отъ сердца нежели отъ головы, часто бываетъ удѣломъ даже самыхъ тупоумныхъ.

ГЛАВА IV.

ПОРТРЕТЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ БАРЫНИ, СНЯТЫЙ СЪ НАТУРЫ.

Прокричавши свое *го! го!* и переведя духъ, Вестернъ началъ жаловаться въ очень патетическихъ выраженіяхъ на злую судьбу мужчинъ, «что имъ отъ бабъ житья нѣтъ на свѣтѣ». — Кажется, ужь на что далась мнѣ знать твоя мать, сказалъ онъ: — а не успѣлъ я развязаться съ нею, какъ ужь другая насѣла на шею. Да нѣтъ, шутки! я на себѣ ѣздить не позволю!

До несчастнаго сватовства Блейфиля Софья никогда не спорила съ сквайромъ; иногда только вступалась за мать, которую любила всей душой, несмотря на то, что лишилась ее на одинадцатомъ году своей жизни. Покойница была покорною слугою своего мужа, а онъ что̀ называется добрымъ мужемъ, т. е. бранилъ ее рѣдко (не больше одного разу въ недѣлю), бить вовсе не билъ, не подавалъ повода къ ревности и предоставлялъ ей полную свободу распоряжаться своимъ временемъ какъ ей угодно. По утрамъ онъ всегда выѣзжалъ на охоту, а по вечерамъ бесѣдовалъ съ друзьями за бутылкой. Жена видѣлась съ мужемъ только за столомъ, гдѣ имѣла удовольствіе заниматься разрѣзываніемъ яствъ, приготовленію которыхъ было посвящено ея утро. Изъ столовой она удалялась минутъ пять послѣ ухода прислуги, дождавшись только перваго тоста: за здоровье короля. Все это дѣлалось, кажется, по приказанію Вестерна; онъ придерживался того мнѣнія, что женщины должны являться къ

столу съ первымъ блюдомъ и уходить при первой круговой чаркѣ. Исполнять же его приказаніе было нетрудно, потому-что бесѣда собутыльниковъ, если только это можно назвать бесѣдой, никакъ не могла занять женщины. Она состояла изъ охотничьихъ разсказовъ, приправленныхъ приличными восклицаніями, изъ пѣсней очень вольнаго содержанія и нелестныхъ выходокъ противъ женщинъ и правительства.

Итакъ, Вестернъ имѣлъ удовольствіе видѣть свою супругу только за обѣдомъ; ложась спать, онъ бывалъ обыкновенно такъ пьянъ, что ничего не видѣлъ, и уѣзжалъ на охоту до свѣту. Такимъ образомъ она свободно могла распоряжаться своимъ временемъ; экипажъ и четверка лошадей всегда были къ ея услугамъ, но къ несчастью она не могла ими пользоваться: сосѣди и дороги были такъ дурны, что кто хоть сколько-нибудь дорожилъ своей шеей и временемъ, тотъ не рѣшался ѣздить съ визитами. Надо впрочемъ сказать правду, что она была не очень признательна своему мужу за его доброту; она вышла за него противъ воли, по желанію нѣжнаго отца, имѣвшаго въ виду только ея денежные интересы: имѣніе сквайра давало доходу до 3000 ф. ст. въ годъ, а ея состояніе простиралось всего только до 8000 фунтовъ. Это было можетъ статься и причиною ея мрачнаго расположенія духа; она была для своего мужа больше доброю служанкою, нежели доброю женою, и на шумныя ласки его не отвѣчала даже и привѣтливою улыбкой. Иногда любила она мѣшаться не въ свое дѣло, т. е. пользовалась рѣдкими случаями дѣлать супругу въ кроткихъ выраженіяхъ замѣчанія насчетъ его пьянства. Однажды она попросила его очень серьёзно съѣздить съ ней въ Лондонъ; но онъ рѣшительно не согласился и даже разсердился на нее за эту просьбу, будучи увѣренъ, что въ Лондонѣ всѣ мужья съ рогами.

Эта просьба и еще кое-что другое зародили въ немъ наконецъ чувство ненависти къ женѣ; этой ненависти не скрывалъ онъ при ея жизни и не могъ забыть ее даже послѣ ея смерти. Всякой разъ, когда что-нибудь раздосадуетъ его, неудача ли на охотѣ, болѣзнь ли какой-нибудь собаки, онъ вымѣщалъ свою досаду на покойницѣ, говоря: «вотъ порадовалась бы жена, будь она еще въ живыхъ».

И онъ старался говорить подобныя вещи въ особенности при Софьѣ; ноъ любилъ ее очень горячо, и ему было ужасно до-

еадно, что она любила мать больше, нежели его. Софья же съ своей стороны всегда усиливала въ подобныхъ случаяхъ его ревность: онъ не довольствовался тѣмъ, чтобы бранить мать въ присутствіи дочери, но еще требовалъ, чтобы Софья соглашалась съ его словами, — чего впрочемъ никогда не могъ достигнуть ни ласками, ни угрозами.

Нѣкоторые изъ читателей спросятъ можетъ быть: да почему же онъ не возненавидѣлъ дочери, какъ возненавидѣлъ мать? На это я отвѣчу имъ, что ненависть не проистекаетъ изъ любви, даже при посредствѣ ревности. Ревнивый можетъ убить, но ненавидѣть не можетъ. Этимъ положеніемъ, похожимъ на парадоксъ, который нелегко раскусить, заключимъ мы эту главу, предоставляя читателю поломать голову надъ труднымъ вопросомъ.

ГЛАВА V.

БЛАГОРОДНОЕ ПОВЕДЕНІЕ СОФЬИ ОТНОСИТЕЛЬНО СВОЕЙ ТЕТКИ.

Софья слушала отца молча и только вздыхала. Но сквайръ не понималъ языка вздоховъ и взглядовъ и называлъ все это чушью; онъ потребовалъ, чтобы она прямо подтвердила истину его словъ.

— Я знаю, началъ онъ по своему обыкновенію: — ты готова заступиться за всякаго, лишь бы только противъ отца: всегда берешь сторону твоей матери.

Софья не отвѣчала ни слова, и онъ продолжалъ:

— Что̀ ты, нѣмая, что́ ли? Что́ ты не отвѣчаешь? Говори: вѣдь мать твоя была несправедлива? А? Да ты, кажется, думаешь, что я не стою того, чтобы и говорить со мною?

— Ради Бога, отвѣчала Софья: — не изъясняйте моего молчанія такъ дурно. Я скорѣе готова умереть, нежели оказать вамъ неуваженіе; но какъ же мнѣ говорить, когда слова мои или огорчатъ отца, или оскорбятъ память несравненной, примѣрной матери?

— Да, а тетка твоя небось примѣрная сестрица? возразилъ сквайръ: — можетъ быть хоть насчетъ ея ты соблаговолишь

согласиться, что она вѣдьма? Это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію?

— Я обязана тетушкѣ многимъ, отвѣчала Софья: — она была мнѣ второю матерью.

— А мнѣ второю женою, такъ ты за нее и заступаешься. Небось скажешь, что она поступила со мною не какъ самая негодная сестра?

— Это значило бы солгать, сказала Софья. Я знаю, вы не сходитесь съ ней въ образѣ мыслей, но я тысячу разъ слышала отъ нея выраженія, доказывающія любовь ея къ вамъ, и думаю, что она не только не самая негодная сестра въ мірѣ, но что даже очень немногія изъ сестеръ привязаны къ своимъ братьямъ такъ какъ она.

— По просту сказать: я неправъ, возразилъ сквайръ: — ну, да, конечно, чтó и говорить! Женщины всегда правы, а мы всегда виноваты.

— Я этого не говорю, сказала Софья.

— Чего ты не говоришь? продолжалъ сквайръ: — ты имѣешь безстыдство утверждать, что она права; развѣ изъ этого не слѣдуетъ, что я неправъ? Да, дѣйствительно, можетъ быть я и неправъ, что позволяю этой ганноверской вѣдьмѣ переступать мой порогъ. Она пожалуй сдѣлаетъ еще на меня доносъ, и имѣніе мое возьмутъ въ казну.

— Напротивъ того, возразила Софья: — я знаю, что умри она вчера, такъ завѣщала бы все свое имѣніе вамъ.

Не знаю, сказала ли это Софья съ намѣреніемъ, или нѣтъ, только слова ея запали въ слухъ сквайра очень глубоко. Онъ сдѣлалъ такое же невольное движеніе, какое дѣлаетъ человѣкъ, пораженный пулею въ голову: вскочилъ, вытянулся и поблѣднѣлъ. Потомъ, помолчавши съ минуту, произнесъ съ разстановкою:

— Вчера! вчера она отказала бы мнѣ свое имѣніе! Право? почему же изъ всѣхъ дней въ году именно вчера? Стало быть если она умретъ завтра, такъ откажетъ его кому-нибудь другому, пожалуй даже и не родственнику?

— Тетушка вспыльчива, замѣтила Софья: — и я не ручаюсь за нее въ минуту гнѣва.

— Ты не ручаешься! воскликнулъ сквайръ: — а кто же, сдѣлай милость, довелъ ее до этого состоянія? Кто ее взбѣсилъ?

Кто же, если не ты, спорилъ съ ней такъ горячо, когда я вошелъ? Да и я съ ней развѣ не за тебя поссорился? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ мы съ ней только изъ-за этого и споримъ; а теперь ты взваливаешь всю вину на меня, какъ-будто я буду причиной, если имѣніе ея достанется постороннему! Впрочемъ этого и должно было ожидать: такъ ты всегда платишь мнѣ за мою любовь.

— Умоляю васъ, сказала Софья: — если я причиною этой ссоры, постарайтесь помириться, не отпускайте ее въ такомъ гнѣвѣ. У нея доброе сердце; нѣсколько ласковыхъ словъ, и все забыто.

— Не прикажешь ли итти просить за тебя прощенія? спросилъ сквайръ: — ты упустила зайца, а я бѣги, ищи его. Да, если бы я зналъ навѣрное....

Тутъ онъ замолчалъ, а Софья снова начала просить его и упросила пойти помириться съ сестрой. Отпустивши насчетъ сестры два, три ѣдкихъ сарказма, онъ поспѣшилъ отыскать ее, пока она еще не уѣхала.

Софья возвратилась въ свою комнату и предалась, если можно такъ выразиться, всей сладости сердечной скорби. Она нѣсколько разъ прочитала письмо Джонса, прижимала къ сердцу извѣстную муфту, и оросила ихъ слезами. Вѣрная Гонорія всѣми силами старалась между тѣмъ ее утѣшить. Она перечла ей десятка два молодыхъ людей, исчислила достоинства каждаго изъ нихъ, и говорила, что Софьѣ стоитъ только выбрать любого. Эта метода утѣшенія вѣроятно была уже употреблена въ подобномъ случаѣ съ успѣхомъ; иначе такая искусная практикантка, какъ Гонорія, не прибѣгнула бы къ ней теперь. Я даже слышалъ, что между горничными это средство слыветъ за одно изъ дѣйствительнѣйшихъ лекарствъ въ женской аптекѣ; но, потому ли, что болѣзнь Софьи была въ сущности не тѣмъ, чѣмъ казалась по симптомамъ, или почему другому, только услужливая горничная надѣлала больше вреда, нежели пользы, и до того наконецъ разсердила Софью (а это было не легко), что она съ гнѣвомъ велѣла ей выйти вонъ.

ГЛАВА VI.

СОДЕРЖАНІЯ ОЧЕНЬ РАЗНООБРАЗНАГО.

Сквайръ настигъ свою сестру въ ту самую минуту, когда она хотѣла сѣсть въ экипажъ, и отчасти силою, отчасти просьбами добился того, что она приказала откладывать. Достигнуть этого было ему нетрудно, потому-что сестра, какъ мы уже говорили, была нрава очень миролюбиваго и любила брата, несмотря на свое презрѣніе къ его недальновидности, или, лучше сказать, плохому знанію свѣта.

Несчастная Софья была принесена въ жертву при заключеніи мировой. Братъ и сестра въ одинъ голосъ осудили ея поведеніе, положили вести противъ нея войну и начали разсуждать, какія принять мѣры. Мистриссъ Вестернъ предложила немедленно заключить условіе съ Алльворти и немедленно же привести его въ исполненіе.

— Надо поступить рѣшительно, сказала она: — и я увѣрена, что у Софьи не достанетъ духу противиться. А подъ рѣшительными мѣрами я разумѣю собственно быстрыя мѣры. Арестъ или насиліе не поведутъ ни къ чему. Нашъ планъ долженъ быть основанъ на внезапности аттаки, а не на грубой силѣ.

Едва только рѣшили они этотъ вопросъ, какъ пріѣхалъ Блейфиль съ визитомъ къ невѣстѣ. Вестернъ въ ту же минуту отправился по совѣту сестры приказать дочери принять приличнымъ образомъ жениха и приправилъ свое приказаніе страшными клятвами и угрозами въ случаѣ непослушанія.

Бѣшеный нравъ сквайра ниспровергалъ всѣ преграды, и Софья, какъ предвидѣла тетка, не рѣшилась воспротивиться. Она согласилась принять Блейфиля, хотя едва была въ состояніи промолвить, что готова повиноваться приказу отца. Дѣйствительно, отказать наотрѣзъ нѣжно любимому отцу было не такъ легко, и не будь этой любви, такъ она отказала бы, вѣроятно, и при меньшей рѣшительности характера. Но подобныя явленія, проистекающія преимущественно изъ любви, привыкли приписывать одному страху.

Итакъ, согласно приказанію отца, Софья приняла Блейфиля. Подробное описаніе такихъ сценъ доставляетъ мало удо-

вольствія читателю, и мы послѣдуемъ правилу Горація, который совѣтуетъ не говорить о томъ, чего нельзя представить въ занимательномъ свѣтѣ, — правило превосходное для историковъ и для поэтовъ. Если бы всѣ ему слѣдовали, то много большихъ золъ (такъ можно назвать большую книгу) сдѣлались *бы* маленькими.

Блейфиль велъ себя при этомъ свиданіи такъ искусно, что будь на его мѣстѣ другой, такъ Софья открыла бы передъ нимъ всѣ тайны своего сердца. Но о Блейфилѣ она была такого дурного мнѣнія, что не рѣшалась быть съ нимъ откровенною; питая къ кому-нибудь недовѣрчивость, и самый простой человѣкъ ведетъ себя очень хитро и осторожно. Она держала себя очень принужденно, какъ требуется отъ дѣвушки, во второй разъ формально принимающей будущаго супруга.

Блейфиль сказалъ сквайру, что онъ очень доволенъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему Софьею; но сквайръ и сестрица его подслушивали у дверей и были имъ не такъ-то довольны. По совѣту сестры, Вестернъ рѣшился двинуть дѣло впередъ какъ можно скорѣе и обратился къ будущему зятю съ слѣдующею охотничьею аллегоріей, пустивши предварительно мастерское *го! го!* «Ату его! ату, дружище! Не спускай! Ату его! Мы съ Алльворти можемъ покончить дѣло сегодня же; а завтра и сватьба».

Блейфиль сложилъ самое довольное лицо и отвѣчалъ: «я разумѣется ничего на свѣтѣ не желаю такъ страстно, какъ сдѣлаться мужемъ Софьи и вступить въ родство съ вашей фамиліей; можете себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду я исполненія этихъ желаній, и если до сихъ поръ я не просилъ поторопиться сватьбой, такъ это единственно потому, что боялся оскорбить миссъ Софью, пренебрегши приличіями. Но если она, по вашему совѣту, согласится обойтись безъ нѣкоторыхъ формальностей....

— Формальности! прервалъ его сквайръ. — Вздоръ и чепуха! Завтра же, — слышишь? — завтра же быть ей твоею женою, и баста! Да, поживи-ка съ мое, такъ и ты узнаешь свѣтъ. Женщина никогда не скажетъ *да*, покамѣстъ можно не говорить; такъ ужь у нихъ заведено. Если бы я вздумалъ ждать согласія ея матери, такъ до сихъ поръ былъ бы холостякомъ. — Нѣтъ, дружище, впередъ! не зѣвать! Ату его! ату! завтра утромъ она твоя.

Блейфиль покорился силѣ краснорѣчія Вестерна; рѣшивши, что Вестернъ покончитъ сегодня ввечеру все необходимое съ Алльворти, Блейфиль уѣхалъ домой. Но прощаясь, женихъ просилъ, чтобы Вестернъ не принуждалъ своей дочери, и чтобы поспѣшность эта не была похожа на насиліе; такъ инквизиторъ, вручая свѣтскому судьѣ еретика, осужденнаго уже церковью, проситъ не дѣлать ему никакого насилія.

Блейфиль дѣйствительно произнесъ уже приговоръ надъ Софьей. Хотя онъ и сказалъ Вестерну, что очень доволенъ ея пріемомъ, но въ самомъ дѣлѣ убѣдился только изъ этого свиданія въ ея ненависти и презрѣніи и началъ питать къ ней такія же чувства. Спросятъ можетъ быть: почему же не прекратилъ онъ своего искательства? А именно потому-то и не прекратилъ, что почувствовалъ ненависть, также какъ и по другимъ причинамъ, которыя мы сейчасъ изложимъ.

Блейфиль былъ не такого горячаго темперамента, какъ Джонсъ, а кромѣ того имѣлъ еще разборчивый вкусъ, который руководствуетъ насъ при выборѣ предмета любви. Софья была въ его глазахъ очень аппетитнымъ кусочкомъ, въ родѣ фазана для гастронома. Тревога, происходившая въ душѣ ея, еще болѣе возвышала ея красоту: глаза блестѣли сквозь слезы еще ярче, и грудь подымалась отъ вздоховъ выше. Дѣйствительно, тотъ не видалъ красоты во всемъ ея блескѣ, кто не видалъ ея въ горѣ. Блейфиль заглядывался теперь на нее еще съ бóльшимъ аппетитомъ, нежели прежде, и отвращеніе къ нему невѣсты нисколько не охладило его желаній. Напротивъ того, оно еще возвысило прелесть будущаго счастія самолюбивою мыслью о побѣдѣ. И наконецъ самое мщеніе побуждало его итти къ своей цѣли, обѣщая торжество надъ соперникомъ Джонсомъ.

Кромѣ всего этого, имѣлъ онъ въ виду еще и другое — имѣніе Вестерна, которое должно было перейти все къ его дочери и ея дѣтямъ. Любовь сквайра къ Софьѣ была такъ безтолкова, что онъ не жалѣлъ ничего въ мірѣ, лишь бы купить согласіе ея выйти за-мужъ за избраннаго имъ человѣка — и быть съ нимъ несчастной.

Вотъ почему Блейфиль желалъ этого союза; онъ задумалъ обмануть Софью, притворившись влюбленнымъ, и обмануть отца ея и своего дядю, увѣривши ихъ, что и она его любитъ. Въ

настоящемъ случаѣ онъ руководствовался ученіемъ Тваккума, утверждавшаго, что цѣль освящаетъ средства; въ другихъ же слѣдовалъ системѣ Сквера, говорившаго, что цѣль не есть нѣчто существенное, лишь бы средства были согласны съ нравственною справедливостью. И едва ли встрѣчались ему въ жизни такія обстоятельства, при которыхъ нельзя бы было извлечь пользы изъ того или другого ученія.

Вестерна провести было нетрудно; онъ обращалъ на чувства своей дочери также мало вниманія, какъ и самъ Блейфиль. Но Алльворти смотрѣлъ на эти вещи совсѣмъ иначе, и его непремѣнно надо было обмануть. И тутъ помогъ ему Вестернъ: онъ увѣрилъ Алльворти, что Софья любитъ Блейфиля, и что всѣ подозрѣнія насчетъ Джонса были ложны. Блейфилю оставалось только подтвердить его слова, что̀ онъ и сдѣлалъ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, оставивши нѣсколько лазеекъ для своей совѣсти. Распрашивая Блейфиля о чувствахъ Софьи, Алльворти сказалъ, что онъ никакъ не намѣренъ участвовать въ принужденіи дѣвушки выйти за-мужъ противъ своихъ чувствъ; и Блейфиль отвѣчалъ ему на это, что «истинныя чувства дѣвушки узнать очень трудно, что Софья обходилась съ нимъ такъ какъ онъ желалъ, и что если вѣрить отцу, такъ она питаетъ къ нему любовь, какой вправѣ ожидать женихъ». — Что́ же касается до Джонса, прибавилъ онъ (мнѣ прискорбно назвать его негодяемъ, несмотря на то, что онъ вполнѣ заслуживаетъ это названіе своею неблагодарностью), — онъ вѣроятно нахвасталъ, изъ тщеславія, а можетъ быть и съ дурнымъ умысломъ. Если бы миссъ Вестернъ дѣйствительно питала къ нему какую-нибудь привязанность, онъ не отказался бы отъ такой богатой дѣвушки. Увѣряю васъ, что я самъ ни за что на свѣтѣ не согласился бы на ней жениться, если бы не былъ убѣжденъ, что чувства ея ко мнѣ сообразны съ моими желаніями».

Эта превосходная метода распространять ложь посредствомъ двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ выраженій успокоивала совѣсть многихъ обманщиковъ. Но если обдумать, что человѣкъ старается въ этомъ случаѣ обмануть Всевѣдѣніе, то едва ли можно найти въ этомъ способѣ хоть легкое успокоеніе, и тонкое различіе между высказанною и просто пущенною въ ходъ ложью не стоитъ труда примѣнять его къ дѣлу.

Слова Вестерна и Блейфиля успокоили Алльворти; условія бы-

ли заключены, и оставалось только скрѣпить ихъ судебнымъ порядкомъ; но господа адвокаты угрожали потратить на это столько времени, что Вестернъ вызвался дать вмѣсто подписи какую угодно присягу, лишь бы немедля везти молодыхъ въ церковь. Видя его нетерпѣніе, посторонній могъ бы принять его за жениха; но таковъ уже былъ сквайръ: онъ за все брался съ такимъ жаромъ, какъ-будто отъ исполненія одного этого дѣла зависитъ счастіе цѣлой жизни.

Настойчивость отца и жениха вѣроятно одержали бы верхъ надъ Алльворти, нелюбившимъ отдалять минуту счастья отъ кого бы то ни было, если бы сама Софья не прекратила всѣхъ сборовъ къ сватьбѣ. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ РѢШИМОСТЬ СОФЬИ, И ЕЩЕ БОЛѢЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ СТРАТАГЕМА ГОНОРІИ.

Гонорія имѣла въ виду преимущественно собственные интересы, но чувствовала привязанность и къ Софьѣ, которую трудно было знать и не любить. Узнавши новости, интересныя и важныя, по ея мнѣнію, для Софьи, Гонорія въ ту же минуту забыла непріятный выговоръ, полученный ею два дня тому назадъ, и поспѣшила съ вѣстями къ своей барышнѣ.

Быстро вошедши въ комнату, она заговорила, не давши Софьѣ опомниться.

— Какъ вамъ это понравится? я никакъ не могу опомниться отъ испуга; а разсказать вамъ надо, хоть вы можетъ быть и разсердитесь; какъ намъ слугамъ угадать, за что господа разсердятся, за что нѣтъ? а виновата всегда остается слуга. Господа не въ духѣ, а насъ бранятъ; а вамъ-то и очень есть отчего быть теперь не въ духѣ; вы просто изумитесь, чтó я вамъ скажу.

— Говори, пожалуйста безъ предисловій, сказала Софья: — едва ли что изумитъ или испугаетъ меня.

— Знаете ли, чтó я слышала? продолжала Гонорія. — Батюшка вашъ говорилъ Супплю, чтобы онъ приготовилъ сегодня

съ вечера свидѣтельство о бракосочетаніи, а что завтра утромъ васъ обвѣнчаютъ.

Софья поблѣднѣла и повторила: завтра утромъ?

— Да, завтра! отвѣчала Гонорія. — Я готова присягнуть, что сама собственными ушами слышала это отъ сквайра.

— Гонорія! сказала Софья: — ты поразила, ты испугала меня до такой степени, что я не могу опомниться. Что мнѣ дѣлать въ этомъ ужасномъ положеніи?

— Что я вамъ посовѣтую? отвѣчала Гонорія.

— Ради Бога, выдумай что-нибудь! продолжала Софья. — Вообрази себя на моемъ мѣстѣ и скажи, что бы ты сдѣлала?

— Да, если бы намъ можно было помѣняться мѣстами! воскликнула Гонорія. — Не то чтобы я желала видѣть васъ служанкой, а только будь я на вашемъ мѣстѣ, такъ я не задумалась бы ни минуты: по моему, Блейфиль премилый молодой человѣкъ.

— Полно говорить вздоръ! сказала Софья.

— Вздоръ! повторила Гонорія. — Оно конечно, и то правда, что чѣмъ одинъ сытъ, то другому отрава.

— Гонорія! сказала Софья. — Я скорѣе поражу себя кинжаломъ, чѣмъ соглашусь быть женою этого презрѣннаго человѣка.

— Что вы это? какія страшныя вещи вы говорите! воскликнула Гонорія. — Пожалуйста не допускайте до себя такихъ мыслей. Право, какъ подумаешь, такъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ. Вспомните только, что вѣдь и отпѣвать не станутъ; похоронятъ на большой дорогѣ и проколятъ шестомъ насквозь, вонъ какъ фермера Гальфпенни въ Оксъ-Кроссѣ. И душѣ его нѣтъ покоя; все съ тѣхъ поръ бродитъ; его многіе видѣли. Такія мысли внушаетъ намъ никто иной, какъ самъ лукавый. Ужь если вы чувствуете къ нему такое отвращеніе, что не можете рѣшиться жить съ нимъ, — оно и точно, бываетъ такое чувство, что скорѣе взялъ бы, кажется, лягушку въ руки, нежели коснулся до иного человѣка....

Софья была такъ погружена въ раздумье, что почти не слышала, что говоритъ Гонорія, и прервала ее теперь не въ отвѣтъ на ея слова:

— Гонорія, сказала она: — я рѣшилась. Я оставлю домъ отца моего сегодня ночью; и если ты дѣйствительно любишь меня, какъ увѣряешь, то уйдешь со мною.

— Хоть на край свѣта, отвѣчала Гонорія. — Только подумайте прежде о послѣдствіяхъ. Куда вы пойдете?

— Въ Лондонѣ есть у меня родственница, знатная дама; она нѣсколько мѣсяцовъ прожила въ деревнѣ у тетушки, была со мною очень ласкова и просила даже тетушку отпустить меня съ нею въ Лондонъ. Она женщина извѣстная, найти ее будетъ нетрудно, и я увѣрена, что она приметъ меня очень радушно.

— Не вѣрьте вы этимъ приглашеніямъ, сказала Гонорія. — Вотъ я служила прежде у одной дамы; она всѣхъ бывало зоветъ къ себѣ, а какъ услышитъ, что ѣдутъ, такъ и дастъ сейчасъ тягу. Да и кромѣ того, пусть она и въ самомъ дѣлѣ рада васъ видѣть, да если узнаетъ, что вы бѣжали отъ отца....

— Ты ошибаешься, Гонорія, прервала ее Софья. — Она смотритъ на это дѣло совсѣмъ не такъ серьёзно. Когда я отказалась ѣхать съ ней въ Лондонъ безъ позволенія отца, она засмѣялась, назвала меня провинціялкой и прибавила: изъ такой покорной дочери выйдетъ всепокорнѣйшая жена. Я не сомнѣваюсь, что она приметъ и защититъ меня; а папенька, увидѣвши, что я уже не въ его власти, можетъ быть образумится.

— Но какъ же вы думаете уйти? спросила Гонорія. — Гдѣ достать лошадей и экипажъ? На вашу лошадь нечего и расчитывать; всѣ въ домѣ знаютъ, что вы не въ ладу съ батюшкой, и Робинъ скорѣе позволитъ себя повѣсить, нежели дастъ вамъ съ конюшни лошадь безъ особеннаго приказанія сквайра.

— Я уйду пѣшкомъ, сказала Софья. — Ноги у меня, слава Богу, здоровыя. Носили же меня по цѣлымъ вечерамъ подъ звуки скрыпки со скучными кавалерами, такъ вѣрно не откажутся унести отъ ненавистнаго сопутника на цѣлую жизнь.

— Боже мой! Да знаете ли вы, что̀ вы говорите? возразила Гонорія. — Вы хотите уйти пѣшкомъ, ночью, однѣ?

— Нѣтъ, не одна: ты обѣщала итти со мною, сказала Софья.

— Я-то съ вами пойду хоть на край свѣта, отвѣчала Гонорія: — да что̀ въ томъ толку? Вѣдь я вамъ не защита, если нападутъ разбойники или негодяи какіе-нибудь. Я сама перепугаюсь не меньше васъ, ужь въ этомъ вы можете быть увѣрены, и они сдѣлаютъ съ нами съ обѣими все, что̀ захотятъ. Къ тому

же еще и ночи теперь ужасно холодныя: мы просто замерзнемъ.

— Скорая ходьба предохранитъ насъ отъ холоду, сказала Софья: — а если ты не можешь защищать меня противъ негодяевъ, Гонорія, такъ я тебя защищу: я возьму съ собою пистолетъ. Въ залѣ всегда виситъ ихъ заряженная пара....

— Вы пугаете меня все больше и больше, сказала Гонорія. — Неужели вы рѣшитесь стрѣлять? Я лучше Богъ знаетъ чѣмъ готова рискнуть.

— Отчего же? спросила Софья. — Неужели ты не рѣшишься выстрѣлить въ человѣка, который хочетъ тебя обезчестить?

— Конечно, отвѣчала Гонорія: — честь всякому дорога, особенно намъ, слугамъ; намъ безъ нея и ѣсть нечего; только я до смерти боюсь огнестрѣльнаго оружія; отъ него часто бываютъ такія несчастія.

— Хорошо, сказала Софья: — я сберегу твою честь иначе, не запасаясь пистолетами: въ первомъ городѣ возьму лошадей, а до тѣхъ поръ едва ли кто на насъ нападетъ. Я рѣшилась бѣжать, Гонорія, и если ты уйдешь со мною, такъ я обѣщаю наградить тебя щедро, какъ только позволятъ мои обстоятельства.

Это обѣщаніе подѣйствовало на Гонорію сильнѣе всѣхъ прочихъ доводовъ. Видя рѣшимость Софьи, она перестала ее отговаривать, и онѣ начали разсуждать о средствахъ исполненія своего проэкта. Тутъ встрѣтился очень затруднительный вопросъ: какъ взять съ собою свои вещи? Софья рѣшила его для себя очень скоро, потому-что, если женщина рѣшилась бѣжать къ любовнику или отъ любовника, то всѣ препятствія для нея ничто. Но Гонорію не одушевляла никакая страсть: она не видѣла впереди ничего особенно пріятнаго, и не гналъ ее никакой страхъ. Почти все ея имущество состояло въ платьяхъ, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ она питала нѣжнѣйшую привязанность: къ одному потому, что оно было ей къ лицу, къ другому потому, что оно подарено ей тѣмъ-то, къ третьему потому, что оно еще ново, къ четвертому потому, что давно къ нему привыкла, и такъ далѣе. Она не могла вынести мысли оставить ихъ въ домѣ на произволъ Вестерна, который въ ярости, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ растерзаетъ.

Итакъ, истощивши напрасно все свое краснорѣчіе, чтобы уговорить Софью остаться, изобрѣтательная Гонорія нашла средство взять свое добро съ собою: она рѣшилась устроить дѣло такъ, чтобы ее выгнали вонъ изъ дому. Софья одобрила эту мысль, но не видѣла, какимъ образомъ можно привести ее въ исполненіе.

— О! объ этомъ не безпокойтесь, сказала Гонорія: — мы, слуги, очень хорошо знаемъ, какъ добиться этой милости отъ господъ, хоть подъ часъ, когда они задолжали намъ жалованья больше, нежели могутъ тотчасъ же заплатить, они и молчатъ на наши дерзости. Но сквайръ не изъ такихъ, и если вы рѣшились бѣжать ночью, такъ я ручаюсь вамъ, что мнѣ откажутъ отъ мѣста сегодня же послѣ обѣда.

Онѣ рѣшили, что Гонорія уложитъ съ своими вещами ночное платье и кое-что изъ бѣлья Софьи, а прочія платья Софья готова была оставить также равнодушно, какъ матросъ бросаетъ черезъ бортъ чужія вещи для спасенія собственной жизни.

ГЛАВА VIII.

ССОРА, — ДѢЛО ОЧЕНЬ ОБЫКНОВЕННОЕ.

Едва только Гонорія вышла отъ Софьи, какъ что-то шепнуло ей, что принесши въ жертву Софью и открывши весь умыселъ сквайру, она можетъ составить себѣ счастье. Много обстоятельствъ говорили въ пользу измѣны. Надежда на значительную награду отъ сквайра искушала ея сребролюбіе; предпріятіе было опасно; успѣхъ невѣренъ; ночь, холодъ, разбойники наводили страхъ. Все это подѣйствовало на нее такъ сильно, что она почти готова была итти прямо къ сквайру и разсказать ему все.

Но Гонорія была судьею справедливымъ и не рѣшилась произнести приговоръ, не выслушавши обѣ стороны. Путешествіе въ Лондонъ оказалось очень краснорѣчивымъ защитникомъ въ пользу бѣгства съ Софьей: ей страшно хотѣлось побывать въ городѣ, гдѣ человѣка ожидаютъ, по ея мнѣнію, величайшія наслажденія. Во-вторыхъ, Софья была гораздо щедрѣе сквайра, и слѣдовательно за вѣрность можно было ожидать большей награды, нежели за измѣну. Гонорія еще разъ перебрала всѣ об-

стоятельства, наводившія на нее страхъ, и при внимательномъ разсматриваніи нашла, что они вовсе не такъ важны. Она начала уже окончательно развѣшивать на вѣсахъ совѣсти всѣ доводы *pro* и *contra*, и любовь къ Софьи уже значительно понизила чашку вѣрности, какъ вдругъ пришло ей на умъ одно обстоятельство, которое могло бы повлечь за собою опасныя слѣдствія, если бы всею тяжестью своею налегло на другую чашку. Она вспомнила, что еще далеко до того времени, когда Софья будетъ въ состояніи исполнить свое обѣщаніе. Она должна была получить имѣніе матери со смертью отца, да еще три тысячи фунтовъ стерлинговъ, отказанные ей дядею, когда достигнетъ совершеннолѣтія. Но до того и другого было еще далеко, а между тѣмъ мало ли что̀ могло случиться и помѣшать щедрости Софьи; а отъ Вестерна можно было ожидать награды сейчасъ же. Но въ эту критическую минуту добрый геній Софьи, или геній хранитель честности Гоноріи, или можетъ быть просто случай распорядился такъ, что не только спасъ ея вѣрность, но и облегчилъ исполненіе задуманной ею хитрости.

Горничная мистриссъ Вестернъ имѣла притязаніе считать себя гораздо выше Гоноріи. Во-первыхъ, она была знатнѣе родомъ; ея прабабушка съ материнской стороны была не то въ третьемъ, не то въ четвертомъ колѣнѣ кузиною одного ирландскаго пера. Во-вторыхъ, она получала больше жалованья; и въ третьихъ, бывала въ Лондонѣ, и слѣдовательно больше видѣла свѣтъ. Она держала себя съ Гоноріей всегда на благородной дистанціи и требовала отъ нея тѣхъ знаковъ уваженія, которые всѣ женщины непремѣнно требуютъ отъ женщинъ ступенью пониже. Но Гонорія не всегда придерживалась этой теоріи и часто нарушала требуемую отъ нея почтительность. Отъ этого общество Гоноріи очень не нравилось горничной мистриссъ Вестернъ, и ей давно хотѣлось уѣхать домой, гдѣ она безпрекословно господствовала надъ всею челядью. Ей было слѣдовательно очень досадно, что мистриссъ Вестернъ отмѣнила свое намѣреніе оставить домъ сквайра, и съ самого утра она была въ кисломъ расположеніи духа.

Она вошла въ комнату, въ ту самую минуту, когда Гонорія была погружена въ вышеизложенное размышленіе. Увидѣвши ее, Гонорія тотчасъ же обратилась къ ней съ слѣдующею обязательною фразою:

— А! такъ мы будемъ имѣть удовольствіе еще нѣсколько времени наслаждаться вашимъ обществомъ; а мы уже боялись лишиться его по случаю ссоры вашей госпожи съ сквайромъ.

— Незнаю, кого вы разумѣете подъ словомъ *мы*, отвѣчала она: — только здѣшніе слуги мнѣ не компанія. Я найду себѣ общество и получше. Я это не на вашъ счетъ говорю, мистриссъ Гонорія; вы дѣвушка благовоспитанная, и если бы побольше видѣли свѣтъ, такъ я даже не погнушалась бы пройтись съ вами по Сенъ-джемскому парку.

— Скажите пожалуйста какъ милостиво! отвѣчала Гонорія. — Мистриссъ Гонорія! Могли бы, кажется, назвать меня и по фамиліи; миссъ Вестернъ зоветъ меня Гоноріей, да это дѣло другое; а фамилія у меня все-таки есть, не хуже всякой другой. Не погнушалась бы пройтись со мною! Ха! ха! ха! Да чѣмъ я хуже васъ?

— Если вы *такъ* отвѣчаете на мою учтивость, такъ я должна вамъ замѣтить, мистриссъ Гонорія, что вы не то, чтó я. Въ деревнѣ поневолѣ сближаешься съ кѣмъ попало; но въ столицѣ я знаюсь только съ камеръ-фрейлинами знатныхъ барынь. Надѣюсь, между нами есть разница, мистриссъ Гонорія.

— Разумѣется есть, возразила Гонорія: — относительно лѣтъ и наружности.

При этихъ словахъ она прошлась передъ горничною мистриссъ Вестернъ съ самымъ оскорбительнымъ самодовольствомъ, поднявши носъ, закинувши голову и нарочно задѣвши юбкою за ея юбку. Соперница же отвѣчала на эту выходку съ самой язвительной улыбкой:

— Душенька, вы ниже моего гнѣва! Я не стану спорить съ наглою женщиной! Скажу вамъ только, что поведеніе ваше свидѣтельствуетъ о дурномъ происхожденіи и воспитаніи; вы только и годны, что въ горничныя деревенской барышнѣ.

— Я не позволю вамъ обижать мою барышню, сказала Гонорія. — Она гораздо лучше вашей: и моложе и въ тысячу разъ красивѣе.

Въ эту минуту, къ несчастью или къ счастью, вошла въ комнату мистриссъ Вестернъ, и изъ глазъ ея горничной тотчасъ же полились обильныя слезы. На вопросъ своей госпожи она отвѣчала, что причиною этихъ слезъ грубое обращеніе Гоноріи.

— Да это бы ничего, прибавила она: — но она осмѣливалась обижать при мнѣ васъ; назвала васъ безобразною, — да, сударыня, безобразною старою кошкой. Этого я ужь не могла вытерпѣть. Назвать васъ безобразною!

— Охота тебѣ повторять ея грубости! замѣтила мистриссъ Вестернъ и потомъ, обратясь къ Гоноріи, спросила: «какъ смѣла ты говорить обо мнѣ такъ непочтительно?

— Непочтительно? отвѣчала Гонорія: — да я и не думала произносить вашего имени; я сказала только, что кое-кто не такъ хорошъ собою, какъ моя барышня, а вѣдь это, вы сами знаете, сущая правда.

— Постой же, негодница! Я тебя научу, какъ разсуждать о чемъ не слѣдуетъ. Если братъ не расчитаетъ тебя сію же минуту, такъ я не останусь у него въ домѣ ни дня дольше. Ты сейчасъ же будешь отпущена.

— Чтожь такое, возразила Гонорія: — какъ-будто только и службы, что у сквайра. Хорошая слуга, слава Богу, не останется безъ мѣста; а если вы станете прогонять всѣхъ, кто не найдетъ васъ красавицей, такъ некому будетъ вамъ и прислуживать.

Мистриссъ Вестернъ сказала, или, вѣрнѣе, прогремѣла что-то въ отвѣтъ; но звуки походили больше на рычаніе, нежели на человѣческую рѣчь, и потому мы не можемъ передать словъ ея. Она отправилась искать брата, съ лицомъ, искаженнымъ яростью до такой степени, что походила больше на фурію, нежели на человѣка.

Горничныя, оставшись наединѣ, снова начали спорить и скоро перешли отъ словъ къ дѣлу, при чемъ побѣда увѣнчала менѣе знатную изъ нихъ, хотя и досталась ей не безъ потери крови, клочка волосъ и куска муссолина.

ГЛАВА IX.

МУДРЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЕСТЕРНА ВЪ КАЧЕСТВѢ СУДЬИ. СОВѢТЪ МИРОВЫМЪ СУДЬЯМЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО ЗНАНІЙ, НЕОБХОДИМЫХЪ ВЪ ПИСЦѢ. НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРИМѢРЪ РОДИТЕЛЬСКАГО БЕЗРАСУДСТВА И ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.

Философы доказываютъ иногда своими силлогизмами слишкомъ много, и политикамъ часто случается перехитрить не въ

непадъ. Тоже случилось теперь и съ Гоноріей: вмѣсто того, чтобы спасти свой гардеробъ, она едва не лишилась и бывшей на ней одежды, ибо сквайръ, услышавши объ оскорбленіи, нанесенномъ его сестрѣ, поклялся разъ двадцать сряду, что отошлетъ виновную въ Брейдвелль.

Мистриссъ Вестернъ была очень добра и всегда готова простить. Недавно еще простила она почталіона, опрокинувшаго экипажъ ея въ ровъ; въ другой разъ она нарушила даже законъ, отказавшись преслѣдовать судебнымъ порядкомъ человѣка, отнявшаго у нея на большой дорогѣ не только всѣ деньги, но даже и серьги, и пославшаго ее въ добавокъ къ чорту слѣдующею фразою: «для такихъ хорошенькихъ женщинъ, какъ вы, ненужно никакихъ украшеній, и потому убирайтесь къ чорту безъ серегъ». Но человѣкъ измѣнчивъ и иногда самъ на себя не походитъ: въ настоящемъ случаѣ она и слышать не хотѣла о прощеніи; ни притворное раскаяніе Гоноріи, ни просьбы Софьи не могли смягчить ея гнѣва, и она непремѣнно требовала отъ брата правосудія.

Къ счастью, писецъ Вестерна былъ такой человѣкъ, какимъ должны бы быть писцы всѣхъ мирныхъ судей, т. е. человѣкъ, хорошо знающій законы. Онъ шепнулъ на ухо сквайру, что онъ не вправѣ отослать Гонорію въ Брейвелль, потому-что она не уголовная преступница. «По закону — сказалъ онъ — нельзя отсылать въ Брейдвелль единственно за грубое обращеніе».

Въ важныхъ дѣлахъ, особенно что́ касалось до охоты, судья нашъ не всегда внималъ совѣтамъ своего писца; и вообще должно замѣтить, что въ этомъ пунктѣ многіе мирные судьи считаютъ себя облеченными неограниченною властью, въ силу которой, подъ предлогомъ обыска и отобранія вещей, служащихъ къ истребленію дичи, нерѣдко причиняютъ много вреда и даже совершаютъ преступленія.

Но проступокъ Гоноріи былъ не такъ опасенъ для общества, и судья выслушалъ писца благосклонно. У него и то уже было въ аппелляціонномъ судѣ два процесса за противозаконныя распоряженія, и онъ не имѣлъ никакой охоты навязать себѣ на шею еще третій.

Итакъ, сквайръ, принявши мудрое и значительное выраженіе лица, объявилъ сестрѣ, что по здравомъ размышленіи онъ находитъ, что «такъ-какъ настоящій случай не есть, по смыслу

закона, нарушеніе общественнаго спокойствія, какъ-то: ни взломъ дверей, ни разнятіе забора, ни разбитіе головы, ни другое тому подобное уголовное преступленіе, то за него и не полагается никакого наказанія».

Мистриссъ Вестернъ отвѣчала, что она лучше знаетъ законы, что она знаетъ примѣры, что слугъ строго наказывали за грубость, и въ заключеніе назвала одного мирнаго судью въ Лондонѣ, который, по ея словамъ, всегда готовъ отправить всякаго слугу въ Брейдвелль по желанію господъ.

— Въ Лондонѣ можетъ быть, возразилъ сквайръ: — но у насъ въ провинціи законъ говоритъ другое.

И они вступили въ длинное и ученое преніе о законахъ, которое я и сообщилъ бы моимъ читателямъ, если бы могъ надѣяться, что кто-нибудь пойметъ его. Спорный вопросъ былъ наконецъ представленъ на рѣшеніе писцу, который и рѣшилъ его въ пользу судьи, а мистриссъ Вестернъ принуждена была удовольствоваться тѣмъ, что Гоноріи отказано отъ мѣста.

Такимъ образомъ фортуна, позабавившись, по своему обыкновенію, двумя или тремя шутками, устроила все въ пользу нашей героини. Обманъ удался ей какъ нельзя лучше, особенно если вспомнить, что она пустилась на подобное предпріятіе въ первый разъ въ жизни. Мнѣ часто приходило въ голову, что мошенникамъ не совладать бы съ честными людьми, если бы послѣдніе почаще рѣшались на хитрости.

Гонорія сыграла свою роль въ совершенствѣ. Успокоившись насчетъ путешествія въ Брейдвелль, одно названіе котораго вызывало въ воображеніи ея самыя ужасныя картины, она снова приняла бодрое выраженіе лица и сдала свою должность такъ равнодушно, и даже съ такимъ презрѣніемъ, какое видано только при отставкѣ отъ гораздо высшихъ должностей. Если читателю угодно, мы даже скажемъ, что она *отказалась* отъ своей должности; впрочемъ это выраженіе всегда считалось за однозначащее съ словомъ отставленъ или выгнанъ вонъ.

Вестернъ приказалъ ей убраться какъ можно скорѣе, потому-что сестра его не хотѣла и одной ночи провести подъ одною кровлей съ такой безстыдной женщиной. Гонорія принялась за дѣло съ такимъ усердіемъ, что все было уложено еще до вечера. Получивши свое жалованье, она отправилась съ своимъ добромъ, къ удовольствію всѣхъ вообще, и Софьи въ особенно-

сти. Софья, назначивши мѣсто, недалеко отъ дому, гдѣ онѣ должны были сойтись въ страшный часъ полуночи, начала сама приготовляться къ бѣгству.

Но прежде она должна была выдержать два тягостныхъ посѣщенія, тетки и отца. Тетка говорила съ ней еще рѣшительнѣйшимъ тономъ, нежели прежде; отецъ же обошелся такъ круто и грозно, что вынудилъ у нея страхомъ притворное согласіе. Это такъ обрадовало сквайра, что отъ угрозъ и нахмуренныхъ бровей онъ мгновенно перешелъ къ ласкамъ и улыбкѣ. Онъ поклялся, что принадлежитъ ей весь, тѣломъ и душою, и что согласіе ея (такъ истолковалъ онъ себѣ слова: «вы знаете, я не должна и не могу ослушаться вашего приказанія») дѣлаетъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ далъ ей значительный банковый билетъ на тряпки, цаловалъ и прижималъ ее къ сердцу, и радостныя слезы закапали изъ глазъ, такъ недавно сверкавшихъ гнѣвомъ и яростью.

Такое поведеніе въ родителяхъ не рѣдкость, и читатель конечно не удивится поступкамъ Вестерна. Если же удивится, то я не берусь разъяснить ему причины поразившаго его явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что Вестернъ горячо любилъ свою дочь; такъ точно любятъ своихъ дѣтей и другіе, несмотря на то, что дѣлаютъ ихъ несчастными. Это дѣло очень обыкновенное, но я вижу въ немъ проявленіе неизъяснимѣйшаго процесса въ мозгу страннаго творенія, называемаго человѣкомъ.

Ласки отца подѣйствовали на нѣжное сердце Софьи такъ сильно, что пробудили въ ней мысль, которой не могли вызвать ни софизмы и политика тетки, ни угрозы сквайра. Она уважала и любила отца такъ глубоко, что не знала высшаго наслажденія, какъ доставлять ему удовольствіе. Мысль, что она осчастливитъ его своимъ согласіемъ на бракъ, врѣзалась въ ея умъ. Кромѣ того такой поступокъ являлся ей великимъ подвигомъ дочерней привязанности, и наконецъ, представляя себѣ все, что придется ей вытерпѣть, принеся себя въ жертву, она ощущала какое-то пріятное щекотаніе одной маленькой страстишки, которая, будучи вовсе нé сродни ни добродѣтели, ни благочестію, помогаетъ иногда исполненію ихъ законовъ.

Софья упивалась созерцаніемъ геройскаго подвига и начала уже говорить себѣ преждевременные комплименты, какъ вдругъ купидонъ, притаившійся въ муфтѣ, выскочилъ какъ пульчинел-

ло въ кукольной комедіи и уничтожилъ все вокругъ себя. Въ самомъ дѣлѣ (мы не хотимъ обманывать читателя, изъясняя поступки Софьи иначе) мысль о Джонсѣ и кое-какія отдаленныя надежды вдругъ разрушили все, что̀ дочерняя любовь, благочестіе и гордость создали общими силами.

Теперь, оставя на время Софью, мы должны возвратиться къ герою нашей исторіи.

ГЛАВА X,

СОДЕРЖАНІЯ ОЧЕНЬ ЕСТЕСТВЕННАГО.

Читатель припомнитъ, что мы оставили Джонса въ началѣ этой книги на пути въ Бристоль, откуда онъ рѣшился выйти въ море поискать счастья, или, вѣрнѣе, бѣжать отъ злой судьбы своей съ твердой земли.

Случилось (вещь очень обыкновенная), что взявшійся проводить его до города самъ не зналъ дороги. Сбившись съ пути и стыдясь освѣдомиться у другихъ, онъ поворачивалъ то вправо, то влѣво, пока не начало темнѣть. Джонсъ, догадываясь въ чемъ дѣло, сказалъ объ этомъ проводнику, но тотъ увѣрялъ, что они ѣдутъ куда слѣдуетъ, и что странно было бы ему не знать дороги въ Бристоль, хотя, правду сказать, удивительнѣе было бы, если бы онъ зналъ дорогу, по которой отъ роду не проѣзжалъ.

Джонсъ не повѣрилъ ему и въ первой деревнѣ спросилъ у крестьянина, эта ли дорога въ Бристоль?

— Да вы откуда? отвѣчалъ крестьянинъ.

— Все равно, нетерпѣливо возразилъ Джонсъ. — Я спрашиваю, это ли дорога въ Бристоль?

— Дорога въ Бристоль, повторилъ, почесывая за ухомъ, крестьянинъ. — Гм! по этой дорогѣ врядъ ли добраться вамъ до города къ ночи.

— Такъ укажи, сдѣлай милость, настоящую дорогу, сказалъ Джонсъ.

— Да вы должно быть Богъ знаетъ гдѣ сбились съ пути, отвѣчалъ крестьянинъ. — Эта дорога идетъ въ Глочестеръ.

— А въ Бристоль которая? спросилъ Джонсъ.

— Какъ которая? де вѣдь вы прямо оттуда.

— Такъ значитъ мы должны поворотить назадъ? сказалъ Джонсъ.

— Да, назадъ.

— Ну, а вотъ съ той горы куда поворотить?

— Никуда, ступайте все прямо.

— Да помнится, тамъ дорога расходится на двое, вправо и влѣво.

— Ну да, возьмите направо и ступайте себѣ прямо. Не забудьте только поворотить сперва направо, а потомъ налѣво, а потомъ опять направо, и тутъ будетъ господскій домъ, а тамъ ужъ ступайте все прямо да забирайте полѣвѣе.

Тутъ подошелъ къ нимъ еще одинъ и спросилъ Джонса, куда они ѣдутъ? Получивши удовлетворительный отвѣтъ, онъ тоже почесалъ за ухомъ, оперся на свою палку и сказалъ, «что они должны держаться правой дороги съ милю или полторы, а потомъ круто поворотить влѣво, и что такимъ образомъ они пріѣдутъ прямехонько къ Джону Бернсу».

— А кто это Джонъ Бернсъ? спросилъ Джонсъ.

— Какъ? Вы не знаете Бернса? Да откуда же вы?

Терпѣніе Джонса начало уже истощаться, когда къ нимъ подошелъ человѣкъ благообразной наружности (квакеръ, какъ оказалось послѣ) и сказалъ ему:

— Другъ мой! я вижу, ты сбился съ дороги; послѣдуй моему совѣту и не отправляйся въ путь ночью. Теперь уже почти совсѣмъ стемнѣло, и дорогу отыскать не легко; кромѣ того между этой деревней и Бристолемъ еще недавно пошаливали. Вотъ, недалеко отсюда, хорошая гостинница; тамъ ты можешь закусить и отдохнуть до завтра. И лошадей твоихъ накормятъ.

Джонсъ, подумавши съ минуту, рѣшился переночевать въ гостинницѣ, куда и проводилъ его квакеръ.

Трактирщикъ, человѣкъ очень учтивый, просилъ Джонса извинить его, если не все будетъ по немъ, потому-что жена его ушла со двора, спрятала почти все за замóкъ и взяла ключи съ собою. Дѣло состояло въ томъ, что любимая дочь хозяйки только-что вышла за-мужъ и уѣхала съ своимъ супругомъ въ это утро изъ отцовскаго дома. Она съ маменькой обобрали трактирщика почти до-чиста, забрали съ собой всѣ вещи и всѣ деньги. У него были и другія дѣти, но мать любила только одну дочь

и готова была принести ей въ жертву всѣхъ прочихъ вмѣстѣ съ мужемъ.

Джонсъ вовсе не былъ расположенъ къ бесѣдѣ и остался бы охотнѣе одинъ, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ честнаго квакера, который тѣмъ упорнѣе хотѣлъ остаться съ нимъ, что замѣтилъ на лицѣ его выраженіе грусти и вознамѣрился разсѣять ее своею бесѣдою.

Проведши вдвоемъ нѣсколько времени такимъ образомъ, что почтенный квакеръ могъ вообразить себя присутствующимъ на одной изъ безмолвныхъ сходокъ своей секты, онъ почувствовалъ въ себѣ вдругъ присутствіе какого-то духа, вѣроятно духа любопытства, и сказалъ: «Другъ мой! кажется, тебя постигло какое-то несчастіе. Ободрись. Можетъ статься ты потерялъ друга. Если такъ, то вспомни, что всѣ мы смертные, и что печаль твоя не принесетъ твоему другу никакой пользы. Всѣ мы рождены для горя. И у меня есть свое горе, и даже вѣроятно важнѣе твоего. Хотя я и получаю въ годъ 100 ф. чистаго дохода, чего съ меня достаточно, наслаждаюсь, благодаря моего Бога, чистою совѣстью, здоровъ, не имѣю долговъ и ни передъ кѣмъ не виноватъ, однако же при всемъ томъ жаль, если ты столько же несчастливъ, какъ я.

Квакеръ заключилъ свои слова глубокимъ вздохомъ, и Джонсъ отвѣчалъ ему: «очень жалѣю, что вы такъ несчастливы, въ чемъ бы ни состояло ваше несчастіе».

— О, другъ мой! продолжалъ квакеръ: — причиною его единственная дочь. Она была моимъ лучшимъ утѣшеніемъ на землѣ и на этой недѣлѣ бѣжала и вышла за-мужъ противъ моего согласія. Я прочилъ ее за другого, человѣка благонравнаго и достаточнаго; но она послѣдовала своему собственному выбору и ушла съ молодымъ человѣкомъ, у котораго нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Если бы она умерла, какъ, полагаю я, умеръ твой другъ, я былъ бы счастливъ.

— Это очень странно, сказалъ Джонсъ.

— Чтожь тутъ страннаго? Развѣ умереть не лучше, нежели нищенствовать? возразилъ квакеръ. — У мужа, какъ я уже сказалъ, нѣтъ ни гроша, а отъ меня она тоже не можетъ ожидать ни копейки. Она вышла по любви, такъ пусть же любовью и живетъ; пусть понесетъ свою любовь на рынокъ; посмотримъ, дадутъ ли за нее хоть грошъ.

— Конечно вамъ лучше знать ваши дѣла, сказалъ Джонсъ.

— Должно быть они уже давно задумали обмануть меня, продолжалъ квакеръ. — Они знакомы другъ съ другомъ съ самого дѣтства. Я всегда проповѣдывалъ ей противъ любви; тысячу разъ говорилъ я ей, что это вздоръ и суета. Негодница какъ-будто и слушала и, казалось, презирала всякое плотское желаніе, а потомъ вдругъ выпорхнула въ окно со втораго этажа, — я, правду сказать, началъ немножко подозрѣвать ее и замкнулъ дверь, собираясь на слѣдующее утро выдать ее за выбраннаго мною жениха. Но она обманула меня, ушла съ своимъ любовникомъ, и черезъ часъ они были уже перевѣнчаны. Только не выйти изъ этого добру. Пусть себѣ голодаютъ, или нищенствуютъ, или даже воруютъ, а я не дамъ имъ ни полушки.

При этихъ словахъ, Джонсъ вскочилъ и сказалъ: «извините! но я долженъ попросить васъ оставить меня наединѣ».

— Полно, полно, другъ мой, отвѣчалъ квакеръ: — не предавайся печали. Ты видишь, на свѣтѣ есть и кромѣ тебя несчастные.

— Вижу, что есть на свѣтѣ дураки, безумцы и подлецы, сказалъ Джонсъ. — Позвольте дать вамъ совѣтъ: призовите вашу дочь и зятя къ себѣ и не будьте единственной причиной несчастія той, которую вы, какъ вы говорите, любите.

— Призвать ее и ея мужа! воскликнулъ квакеръ. — Да скорѣе я призову къ себѣ двухъ величайшихъ враговъ моихъ!

— Хорошо; ступайте же домой или куда вамъ угодно, сказалъ Джонсъ: — только я не хочу оставаться съ вами дольше.

— Я никому не намѣренъ навязываться, другъ мой, отвѣчалъ квакеръ, опуская руку въ карманъ, какъ-будто съ намѣреніемъ достать денегъ. Но Джонсъ безъ всякихъ церемоній выпроводилъ его за дверь.

Разсказъ квакера такъ сильно поразилъ Джонса, что онъ слушалъ его съ какимъ-то дикимъ выраженіемъ во взорѣ. Квакеръ это замѣтилъ и, сообразивши взглядъ съ поведеніемъ Джонса, подумалъ, что онъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Поэтому онъ не оскорбился его обращеніемъ, а напротивъ того, началъ жалѣть о немъ. Онъ сообщилъ свое замѣчаніе трактирщику и попросилъ его обращаться съ своимъ постояльцемъ какъ можно учтивѣе.

— Нѣтъ, ужь насчетъ особенной учтивости извините, отвѣчалъ трактирщикъ. — Онъ хоть и въ шитомъ жилетѣ, а такой же джентльменъ, какъ и я; онъ просто подкидышъ; его воспиталъ одинъ богатый помѣщикъ миль за тридцать отсюда, а теперь выгналъ вонъ изъ дому, ужь конечно не за доброе дѣло. Я постараюсь выпроводить его отсюда какъ можно скорѣе; пожалуй и платы не потребую, лишь бы только убрался. Ато еще того и смотри хуже понесешь убытокъ; вотъ годъ тому назадъ украли же серебряную ложку.

— Какой онъ подкидышъ, Робинъ? сказалъ квакеръ. — Ты вѣрно принимаешь его за кого другого.

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ: — это говорилъ мнѣ его проводникъ. Онъ его хорошо знаетъ.

И дѣйствительно, расположившись у огня въ кухнѣ, проводникъ немедленно сообщилъ всей бывшей на лицо компаніи все, что́ зналъ и слышалъ о Джонсѣ.

Едва только квакеръ убѣдился, что Джонсъ и бѣденъ и не знатенъ, какъ состраданіе его исчезло; онъ пришелъ домой раздраженный, какъ какой-нибудь герцогъ, получившій обиду отъ самаго ничтожнаго человѣка.

Въ хозяинѣ тоже не осталось и тѣни уваженія къ своему гостю. Когда Джонсъ позвонилъ чтобы ему приготовили постель, ему отвѣчали, что постели ему не будетъ. Сверхъ того Робинъ вообразилъ себѣ еще, что Джонсъ пришелъ съ намѣреніемъ выждать благопріятную минуту и обокрасть его. Собственно ему нечего было опасаться въ этомъ отношеніи, потому-что жена и дочь очистили домъ отъ всякой движимости; но онъ былъ подозрителенъ отъ природы и боялся воровъ, особенно со времени пропажи серебряной ложки. Словомъ, въ страхѣ, что его хотятъ обворовать, онъ совершенно забылъ, что украсть у него рѣшительно нечего.

Джонсъ, видя, что постели ему не получить, усѣлся спокойно въ просторныя кресла, и сонъ, еще недавно бѣжавшій отъ него въ лучшихъ комнатахъ, великодушно посѣтилъ его въ этомъ скромномъ уголку.

Что́ касается до хозяина, то страхъ не позволилъ ему лечь спать. Онъ воротился въ кухню и сѣлъ къ очагу, откуда могъ стеречь единственный входъ въ каморку Джонса; въ окно же изъ этой каморки не могло пролѣзть никакое существо толще кота.

ГЛАВА XI.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ ОТРЯДОМЪ СОЛДАТЪ.

Хозяинъ рѣшился остаться у очага на всю ночь и не сводить глазъ съ дверей. Проводникъ и еще другой человѣкъ долго сидѣли съ нимъ вмѣстѣ, ничего не зная о его подозрѣніяхъ и сами ничего не подозрѣвая. Истинная причина ихъ бодорствованія, пиво, положила ему и конецъ. Выпивши непомѣрное его количество, они сначала очень возвысили свои голоса, но вскорѣ совершенно умолкли и погрузились въ сонъ.

Но никакой напитокъ въ мірѣ не могъ залить опасеній Робина. Онъ не дремалъ и не сводилъ глазъ съ дверей въ комнату Джонса. Вдругъ раздался сильный стукъ въ ворота; хозяинъ принужденъ былъ выйти и отворить; въ одну минуту кухня наполнилась красными кафтанами, поднявшими такой шумъ и гамъ, какъ-будто они берутъ гостинницу приступомъ.

Хозяинъ долженъ былъ оставить свой постъ и подавать многочисленнымъ гостямъ своимъ громко требуемое пиво. Возвратясь въ третій разъ изъ погреба, онъ увидѣлъ Джонса посреди солдатъ передъ очагомъ. Приходъ почтенной компаніи не разбудилъ бы только развѣ мертваго.

Компанія утолила наконецъ свою жажду, и оставалось расплатиться, — обстоятельство, часто бывающее причиною ссоръ и неудовольствій между низшимъ классомъ народа; тутъ всегда встрѣчаются непреодолимыя затрудненія въ распредѣленіи суммы такъ, чтобы каждый заплатилъ сумму, въ точности соотвѣтствующую выпитому имъ количеству пива. Такъ случилось и теперь; замѣшательство было тѣмъ больше, что нѣкоторые ушли очень поспѣшно, выпивши по кружкѣ и забывши заплатить свою часть.

Начался горячій споръ, въ которомъ каждое слово было подкрѣпляемо клятвой; по-крайней-мѣрѣ клятвъ было произнесено столько же, сколько и прочихъ словъ. Всѣ кричали разомъ, и каждый думалъ только о томъ, какъ бы на его долю пришлось поменьше, такъ-что по всей вѣроятности можно было предпологать, что бóльшая часть платы придется на долю самого хозяина, или, что́ все равно, вовсе не будетъ уплачена.

Джонсъ между тѣмъ разговаривалъ съ сержантомъ, не мѣшавшимся въ споръ, потому-что сержантъ съ незапамятныхъ временъ пользуется привиллегіей не платить ни копейки.

Споръ становился однако же все жарче и жарче и грозилъ разрѣшиться на военный манеръ, когда Джонсъ, выступивши впередъ, объявилъ, что онъ заплатитъ сполна всю сумму, простиравшуюся всего до трехъ шиллинговъ и четырехъ пенсовъ.

Споръ прекратился, и всѣ начали осыпать Джонса похвалами и благодарностью. Отовсюду слышались слова: благородный, добрый, бравый джентльменъ, и даже самъ хозяинъ перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе и усомнился въ разсказѣ проводника.

Сержантъ сказалъ Джонсу, что они идутъ противъ мятежниковъ и надѣются поступить подъ команду славнаго герцога Комберленда (*). Изъ этого читатель можетъ заключить (обстоятельство о которомъ мы не считали нужнымъ упомянуть раньше), что все это происходило во время самого разгара послѣдняго возмущенія. Мятежники вступили тогда уже въ Англію съ намѣреніемъ сразиться съ королевскимъ войскомъ и итти на столицу.

Въ характерѣ Джонса было что-то воинственное и геройское; онъ былъ горячій защитникъ протестанской религіи. Поэтому не удивительно, что среди обстоятельствъ, могшихъ увлечь человѣка къ предпріятію еще болѣе романическому, онъ вздумалъ отправиться въ походъ волонтеромъ.

Командиръ отряда всѣми силами старался поддержать въ немъ это намѣреніе. Онъ провозгласилъ во всеуслышаніе, что Джонсъ идетъ съ ними на врага; солдаты прокричали: «да здравствуетъ король Георгъ и ваше благородіе!» и поклялись, что готовы сражаться съ нимъ рядомъ до послѣдней капли крови.

Джентльменъ, всю ночь бесѣдовавшій въ гостинницѣ съ кружкой, былъ тоже убѣжденъ нѣкоторыми доводами, опущенными ему въ руку капраломъ, итти въ походъ съ прочими. Чемоданъ Джонса уложили въ повозку съ багажемъ, и все было

(*) Рѣчь идетъ здѣсь о возмущеніи, вслѣдствіе котораго претендентъ вышелъ на берегъ въ Шотландіи въ 1745 году. Онъ взялъ Эдинбургъ, разбилъ Джона Гопе близь Престона, вступилъ въ Англію, взялъ Карлейль, но принужденъ былъ оставить его при приближеніи герцога Комберлендскаго, одержалъ еще одну побѣду при Стирлингѣ надъ генераломъ Гавлеемъ и былъ потомъ разбитъ на-голову при Куллоденѣ 26 Апрѣля 1746 года. Онъ бѣжалъ, и возмущеніе въ Шотландіи было безъ труда усмирено.

готово къ отбытію. Въ эту минуту проводникъ подошелъ къ Джонсу и сказалъ: «вы не забудете, надѣюсь, что лошади простояли всю ночь, и что мы сдѣлали много лишняго пути»,

Джонсъ подивился безстыдству его требованія и разсказалъ солдатамъ, въ чемъ дѣло. Всѣ осудили проводника; одни говорили, что его надо связать по рукамъ и по ногамъ, другіе, что его надо отпотчивать шпицрутенами, а сержантъ, погрозивши ему тростью, пожалѣлъ, что онъ не подъ его командой.

Джонсъ удовольствовался однакоже отрицательнымъ наказаніемъ и ушелъ съ новыми товарищами, предоставивши проводнику жалкое средство мстить ему заглазною бранью, которой завторилъ и хозяинъ, говоря: «хорошъ молодецъ, нечего сказать! настоящій джентльменъ! пошелъ въ солдаты! Такимъ и щеголять въ шитыхъ жилетахъ! Правду говоритъ старая пословица: не все то золото, что̀ блеститъ. Слава Богу, что убрался отсюда».

Джонсъ цѣлый день шелъ съ сержантомъ и слушалъ занимательные разсказы о походахъ, въ которыхъ тотъ отъ роду не бывалъ, потому-что поступилъ на службу очень недавно и былъ произведенъ въ сержанты благодаря своему пронырству и умѣнью вкрасться въ милость начальства, а въ особенности за необыкновенную способность вербовать рекрутовъ.

Солдаты шумѣли и веселились, вспоминали разныя приключенія на послѣднихъ квартирахъ и не забывали острить и подсмѣиваться надъ офицерами, простирая свои шутки иногда почти до брани и клеветы. Это напомнило нашему герою обычай грековъ и римлянъ, предоставлявшій рабамъ въ извѣстные праздники полную свободу языка въ присутствіи господъ.

Небольшой отрядъ нашъ, состоявшій изъ двухъ взводовъ пѣхоты, прибылъ наконецъ на ночлегъ. Сержантъ доложилъ лейтенанту, командиру отряда, что они завербовали дорогою двухъ новыхъ рекрутовъ. «Одинъ изъ нихъ—сказалъ онъ—молодецъ на рѣдкость: футовъ шести росту, сложенъ хорошо и крѣпко; другой (т. е. Джонсъ) годится въ задніе ряды».

Новыхъ солдатъ представили командиру; осмотрѣвши молодца въ шесть футовъ росту, онъ обратился къ Джонсу и при первомъ на него взглядѣ невольно удивился. Джонсъ былъ хорошо одѣтъ, и въ глазахъ его свѣтилось благородное сознаніе собственнаго достоинства, что̀ рѣдко встрѣчается у людей простого званія и не всегда замѣтно у высшихъ.

— Сержантъ доложилъ мнѣ, сказалъ лейтенантъ Джонсу: — что вы желаете вступить въ отрядъ, ввѣренный моему начальству; если это правда, такъ мы очень рады чести, которую вы хотите оказать намъ, раздѣляя съ нами воинскіе труды.

Джонсъ отвѣчалъ, что онъ ни слова не говорилъ о вступленіи въ дѣйствительную службу, но что будучи ревностнымъ приверженцемъ той стороны, за которую они идутъ сражаться, онъ желаетъ находиться при отрядѣ волонтеромъ. Въ заключеніе онъ прибавилъ нѣсколько комплиментовъ лейтенанту и сказалъ, что ему будетъ очень пріятно поступить подъ его команду.

Лейтенантъ похвалилъ его намѣреніе, пожалъ ему руку и пригласилъ его отобѣдать съ нимъ и прочими офицерами.

ГЛАВА XII.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ОФИЦЕРОВЪ.

Лейтенанту, командиру отряда, о которомъ говорили мы въ предъидущей главѣ, было лѣтъ подъ шестдесятъ. Онъ поступилъ на службу очень молодымъ и былъ уже поручикомъ во время сраженія при Таньерѣ; въ этомъ дѣлѣ онъ получилъ двѣ раны и немедленно послѣ битвы произведенъ герцогомъ Марльборо въ лейтенанты.

Въ этомъ чинѣ онъ и оставался съ тѣхъ поръ, то есть около сорока лѣтъ. Сотни обогнали его по службѣ, и онъ имѣлъ непріятность состоять подъ начальствомъ юношей, отцы которыхъ были еще дѣтьми, когда онъ носилъ уже мундиръ.

Такая неудача зависѣла не оттого только, что у него не было друзей между людьми съ вѣсомъ. Онъ имѣлъ несчастіе не понравиться полковнику, долго командовавшему его полкомъ; и неудовольствіе это навлекъ онъ на себя не упущеніями по должности и не какимъ-нибудь проступкомъ: всему причиною были правила жены его, женщины замѣчательной красотою, и, несмотря на страстную любовь къ мужу, нехотѣвшей купить ему повышеніе цѣною благосклонности къ полковнику.

Положеніе бѣднаго лейтенанта было тѣмъ непріятнѣе, что терпя отъ нерасположенія полковника, онъ и не подозрѣвалъ

съ его стороны ничего подобнаго. Ни въ чемъ не чувствуя себя передъ нимъ виноватымъ, онъ не могъ предполагать, чтобы тотъ на него сердился. А жена, опасаясь послѣдствій, молчала и довольствовалась тѣмъ, что сохраняетъ вѣрность къ супругу.

Этотъ несчастный офицеръ (кажется, его можно назвать несчастнымъ) былъ человѣкъ съ большими достоинствами, не говоря уже о его воинскихъ заслугахъ: набоженъ, честенъ, добръ и, какъ командиръ, любимъ и уважаемъ не только своими подчиненными, но и всѣмъ полкомъ.

Прочіе офицеры, сопутствовавшіе ему теперь въ походѣ, были: лейтенантъ, родомъ французъ, успѣвшій забыть въ Англіи свой родной языкъ, но неуспѣвшій еще выучиться англійскому, такъ-что по настоящему онъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ и могъ изъясняться понятно только о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Кромѣ него были еще два поручика, люди очень молодые, изъ которыхъ одинъ получилъ воспитаніе у какого-то адвоката, а другой былъ сыномъ жены одного метръ-д'отеля въ знатномъ барскомъ домѣ.

По окончаніи обѣда Джонсъ разсказалъ собесѣдникамъ, какъ веселятся солдаты на походѣ. «И несмотря на всю ихъ шумливость, прибавилъ онъ, я готовъ побожиться, что при встрѣчѣ съ врагомъ они окажутся больше греками, нежели троянами.

— Греки и трояне? подхватилъ одинъ изъ поручиковъ. Это чтó за людъ? Я знаю всѣ войска въ Европѣ, а о такихъ не слышалъ.

— Не притворяйтесь такимъ неучемъ, мистеръ Нортертонъ, сказалъ лейтенантъ. О грекахъ и троянахъ вы вѣрно слышали, хоть можетъ быть и не читали Гомера въ переводѣ Попе. Гомеръ сравниваетъ, — мистеръ Джонсъ привелъ мнѣ на память это мѣсто, — троянъ со стадомъ кричащихъ гусей и хвалитъ молчаливость грековъ. Замѣчаніе нашего новобранца очень вѣрно.

— Да, я помню, сказалъ французъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ: — я читалъ въ школѣ мадамъ Дасіеръ, — греки и трояне сражались за женщину, — oui, oui, я все это читалъ.

— Чортъ бы побралъ этого Гомера! сказалъ Нортертонъ. Мнѣ больно за него доставалось; знаки и теперь еще, я думаю, видны. Вонъ нашъ Томасъ, у него въ карманѣ вѣчно торчитъ

этотъ Гомеръ. Клянусь честью, попадись онъ мнѣ только въ руки, прямо полетитъ въ огонь. Помню, еще былъ тамъ и другой молодецъ, Кордерій; тотъ тоже стоилъ мнѣ розогъ.

— Такъ вы были въ школѣ, Нортертонъ? спросилъ лейтенантъ.

— Былъ, провались она сквозь землю! отвѣчалъ поручикъ. И вздумалось же отцу послать меня туда! Старикъ хотѣлъ нарядить меня.... да нѣтъ, подумалъ я себѣ, шутишь. Вотъ и Джемми Оливеръ, и тотъ едва не попалъ въ крючки, а жаль было бы: онъ, хоть куда молодецъ. Отца надулъ почище моего: ни писать, ни читать не умѣетъ.

— Вы рекомендуете вашего товарища съ очень лестной стороны, сказалъ лейтенантъ, и притомъ справедливо. Только оставьте, пожалуйста, Нортертонъ, дурную привычку клясться. Вы очень ошибаетесь, если думаете, что это умно и хорошо. Желалъ бы я также чтобы вы поменьше нападали на пасторовъ. Клеветы на цѣлое сословіе никогда нельзя оправдать. Посудите сами, прилично ли это человѣку, идущему защищать протестантскую религію.

Мистеръ Аддерли, другой поручикъ, молча напѣвавшій до сихъ поръ какую-то пѣсенку и не слушавшій, казалось, о чемъ разговариваютъ, сказалъ теперь: *oh monsieur, on ne parle pas de la religion dans la guerre.*

— Хорошо сказано, Джакъ, подхватилъ Нортертонъ. Если бы все дѣло состояло въ религіи, такъ дѣло иное.

— Не знаю, господа, какого вы объ этомъ мнѣнія, сказалъ Джонсъ: - а по моему не можетъ быть ничего благороднѣе, какъ защищать свою религію. Читая исторію, я замѣтилъ, что храбрѣе всѣхъ сражались воины, одушевленные вѣрою. Я люблю моего короля и отечество не меньше всякаго другого, но и польза протестантской религіи въ числѣ немаловажныхъ причинъ, побудившихъ меня итти въ волонтеры.

Нортертонъ мигнулъ Аддерли и шепнулъ ему: «подразнимъ его, Аддерли.» — Потомъ обратившись къ Джонсу, сказалъ: я очень радъ, что вы поступили къ намъ въ полкъ: вы можете замѣнить у насъ пастора. Полагаю, вы были въ университетѣ; смѣю спросить, въ которомъ?

— Я не былъ ни въ какомъ университетѣ, отвѣчалъ Джонсъ: — не былъ даже и въ школѣ.

— Я заключалъ такъ изъ вашихъ обширныхъ познаній, сказалъ поручикъ.

— О, чтó до этого, возразилъ Джонсъ: — такъ можно узнать многое и не бывши въ школѣ, точно также какъ и бывши въ школѣ не научиться ни чему.

— Браво, волонтеръ! воскликнулъ лейтенантъ. Право, Нортертонъ, лучше вамъ оставить его покоѣ: не на того напали.

Острота Джонса не очень понравилась Нортертону; но онъ счелъ ее недостаточно обидною, чтобы отвѣчать на нее пощечиной или дуракомъ. Онъ промолчалъ, но рѣшился не пропустить перваго случая оскорбить Джонса.

Пришла очередь Джонса предложить тостъ, и онъ невольно назвалъ Софью, тѣмъ болѣе, что никто изъ присутствующихъ не могъ, какъ онъ думалъ, знать ее.

Но лейтенантъ, предсѣдатель попойки, не удовольствовался однимъ именемъ и спросилъ, какъ ея фамилія; Джонсъ, послѣ минутной нерѣшимости, отвѣчалъ: Софья Вестернъ. Тогда поручикъ Нортертонъ объявилъ, что не будетъ пить за ея здоровье, если никто за нее не поручится.

— Я зналъ одну Софью Вестернъ, сказалъ онъ: — половина всей молодежи въ Батѣ имѣла съ нею связи; можетъ быть это та самая.

Джонсъ торжественно завѣрилъ его въ противномъ и прибавилъ, что названная имъ Вестернъ дѣвушка знатнаго происхожденія и очень богатая.

— Ну, такъ и есть, продолжалъ Нортертонъ: — это та самая. Держу пари полдюжины бургонскаго, что Томъ Френчъ приведетъ ее къ намъ въ любую гостинницу въ Бриджъ Стритѣ.

Онъ описалъ ея наружность очень подробно и вѣрно (потому-что дѣйствительно видѣлъ ее когда-то съ теткой) и прибавилъ въ заключеніе, что отецъ ея богатый помѣщикъ въ Соммерсетширѣ.

Любящій не терпитъ никакихъ шутокъ насчетъ предмета своей любви. Однако же Джонсъ, влюбленный и смѣлый, не вдругъ вступился за Софью. Ему рѣдко случалось слышать шутки подобнаго рода, и онъ думалъ сначала, что Нортертонъ просто ошибается. Теперь онъ обратился къ поручику и сказалъ ему очень серьёзно: «прошу васъ избрать другой предметъ для

вашихъ шутокъ; я не позволю вамъ издѣваться надъ миссъ Вестернъ.»

— Какія тутъ шутки! возразилъ Нортертонъ. Я говорю серьёзно. Томъ Френчъ имѣлъ въ Батѣ и ее ея тетку.

— Въ такомъ случаѣ и я долженъ сказать вамъ очень серьёзно, отвѣчалъ Джонсъ: — что вы самый безстыдный лжецъ на свѣтѣ.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ поручикъ пустилъ въ него съ тучею проклятій бутылку, и Джонсъ, оглушенный ударомъ повыше праваго виска, упалъ со стула на полъ.

Побѣдитель, видя, что врагъ лежитъ безъ движенія и кровь ручьемъ течетъ изъ раны, хотѣлъ удалиться съ поля сраженія, на которомъ нельзя уже было стяжать новыхъ лавровъ, но лейтенантъ заступилъ ему дорогу. Нортертонъ настоятельно требовалъ, чтобы онъ его выпустилъ, представлялъ ему дурныя послѣдствія, если онъ останется, и спрашивалъ, могъ ли онъ поступить иначе?

— Вѣдь я только пошутилъ, говорилъ онъ. — Я отъ роду ничего дурного не слышалъ о миссъ Вестернъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ лейтенантъ. — Такъ васъ стоитъ повѣсить, во-первыхъ за такую шутку, а во-вторыхъ за то, что вы избрали такое оружіе. Я васъ арестую; вы выйдете отсюда не иначе, какъ подъ стражей.

Лейтенантъ имѣлъ такое вліяніе на Нортертона, что онъ не рѣшился бы обнажить противъ него шпагу, если бы она и была при немъ; но все оружіе было сначала повѣшено на стѣну, а потомъ припрятано, при началѣ спора, французомъ, такъ-что Нортертонъ принужденъ былъ спокойно дождаться окончанія дѣла.

Лейтенантъ попросилъ француза и Аддерли поднять Джонса съ полу; они приподняли его, но, не замѣчая въ немъ никакого признака жизни, опустили обратно на полъ, при чемъ Аддерли выбранилъ его за то, что онъ запачкалъ ему кровью мундиръ, а французъ сказалъ: «я ни за что не трону мертваго англичанина; въ Англіи есть, говорятъ, законъ, чтобы вѣшать того, кто послѣдній коснется до мертваго человѣка».

Лейтенантъ позвонилъ и приказалъ позвать мушкатеровъ и хирурга. Такое приказаніе и разсказъ слуги о томъ, что онъ видѣлъ, войдя въ комнату, привлекли туда хозяина, жену его,

слугъ и всѣхъ, кто только случился въ то время въ гостинницѣ.

Разсказать всѣ подробности и передать весь разговоръ послѣдовавшей за тѣмъ сцены я не могу, потому-что не могу писать двадцатью перьями вдругъ. Да удовольствуется читатель главнѣйшимъ.

Прежде всего позаботились о Нортертонѣ; онъ былъ отданъ подъ стражу шести мушкатерамъ подъ командою капрала и отведенъ изъ комнаты, которую оставилъ очень охотно, въ другую, куда ему вовсе не хотѣлось итти. Желанія честолюбія такъ ничтожны, что едва только поручикъ совершилъ свой подвигъ, какъ пожелалъ очутиться гдѣ-нибудь въ дальнемъ уголку міра, куда никогда не дошла бы вѣсть о его побѣдѣ.

Странно однако же, что лейтенантъ, человѣкъ добрый, позаботился прежде объ арестѣ преступника, а потомъ уже о помощи раненому. Впрочемъ мы сдѣлали это замѣчаніе не съ тѣмъ, чтобы изъяснить самый фактъ, а чтобы доставить только какому-нибудь критику случай похвастать разрѣшеніемъ психологической задачи. Просимъ этихъ господъ вѣрить, что мы не хуже ихъ видимъ, что въ человѣкѣ странно и неудобоизъяснимо, но разсказываемъ факты, по обязанности, такъ, какъ они есть, предоставляя читателю самому справляться съ книгою природы, откуда выписаны всѣ событія нашей исторіи, хотя и не всегда съ означеніемъ страницы.

Компанія, наполнившая теперь комнату, разсуждала однако же не такъ, какъ лейтенантъ. Они оставили поручика почти безъ вниманія, надѣясь увидѣть его послѣ въ болѣе интересномъ положеніи, и все любопытство ихъ обратилось на окровавленнаго Джонса; его усадили въ кресла, и скоро замѣтили въ немъ признаки жизни. Зрители, считавшіе его сначала мертвымъ, начали предлагать каждый свое средство; медикъ еще не являлся, и потому каждый считалъ себя обязаннымъ заступить его мѣсто.

Всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали пустить больному кровь, но исполнить совѣтъ было некому; всѣ кричали: «сходите за цирульникомъ» — и никто не трогался съ мѣста. Другіе совѣтовали, также совершенно напрасно, дать ему капель, и наконецъ хозяинъ приказалъ принести кружку крѣпкаго пива и ломоть сушонаго хлѣба, самыя спасительныя, по его словамъ, средства.

Дѣятельнѣе прочихъ была хозяйка; по-крайней-мѣрѣ казалось, что она дѣлаетъ дѣло: она отрѣзала у себя волосъ и старалась остановить ими кровотеченіе, терла раненому виски, и замѣтивши, что пиво дрянь, приказала служанкѣ достать изъ ея собственнаго шкафа графинчикъ водки. Джонсъ между тѣмъ очнулся, и она заставила его выпить порядочную рюмку драгоцѣнной влаги.

Скоро явился и хирургъ; осмотрѣвши рану, покачавши головою и осудивши всѣ сдѣланныя распоряженія, онъ приказалъ больному лечь въ постель, гдѣ мы его и оставимъ въ покоѣ до слѣдующей главы.

31½ лист.

СОВРЕМЕННИКЪ

№ VIII

(Августъ)

Санктпетербургъ

—

1848.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ:

I. СЛОВЕСНОСТЬ:

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА:

III. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ:

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

ОНА ПОГИБНЕТЪ!

ПОВѢСТЬ.

I.

ПЕТРЪ ИВАНЫЧЪ ВЫСИЦКІЙ.

Природѣ угодно было, въ началѣ текущаго столѣтія, поступить удивительно страннымъ образомъ. Она произвела въ двухъ разныхъ концахъ Россіи двухъ мальчиковъ, необычайно схожихъ по наружности, и потомъ столкнула ихъ въ Москвѣ, въ одномъ пансіонѣ. Мальчики тотчасъ же и подружились. Характеры ихъ, правду сказать, были противоположны, но при внимательномъ наблюденіи можно было и въ нихъ отыскать одну общую черту. Петя Высицкій, напримѣръ, показывалъ явные признаки преждевременной способности къ расчету и выкладкѣ; Коля Ногаевъ, наоборотъ, отличался положительнымъ къ тому презрѣніемъ. Кажется, между ними не могло быть и сравненія; однакожь они возбуждали совершенно одинаковое непріятное чувство. Во всякомъ воспитаніи есть рядъ явленій, оглашенныхъ

разъ-на-всегда, безъ апеляціи, хорошимъ, и другой, тоже безъ возврата, откинутый въ тѣнь и названный дурнымъ. Петя Высицкій постоянно, безвыходно держался въ чертѣ, отдѣлявшей избранныхъ учениковъ отъ школьной черни, Коля Ногаевъ, напротивъ, сдѣлался самымъ полнымъ представителемъ лентяя и замарашки; со всѣмъ тѣмъ они удержали свое удивительное сходство и на этихъ противоположныхъ точкахъ. Всякой понималъ, что Высицкій есть Ногаевъ, только сдѣлавшійся порядочнымъ школьникомъ, а Ногаевъ есть Высицкій, только превратившійся въ негодяя. Эта особенность положенія породила между ними трогательную дружбу. Слухи носились, что они условились при жизни помогать другъ другу, а послѣ смерти первый умершій долженъ былъ явиться въ 12 часовъ ночи къ оставшемуся въ живыхъ и поразсказать о себѣ. Дружба ихъ неизмѣнно продолжалась до окончанія курса, что̀ заставляетъ предполагать о легкости условій, заключавшихся въ контрактѣ. День своего выпуска они отпраздновали великолѣпнымъ обѣдомъ, на которомъ товарищи пропѣли хоромъ веселый гимнъ, почерпнутый въ рукописныхъ стихотвореніяхъ; потомъ, нѣжно поцаловавшись, друзья разстались. Высицкій, имѣвшій независимое состояніе, отправился на̀ службу въ Петербургъ, а Ногаевъ уѣхалъ въ степную деревню къ отцу, настоятельно требовавшему его прибытія.

Само собою разумѣется, между друзьями завязалась переписка. Высицкій обманулъ всѣ предположенія, составленныя о немъ товарищами и начальниками. Основываясь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертахъ, они прозрѣвали въ немъ человѣка съ крѣпкимъ, положительнымъ умомъ и пророчили ему великую будущность, находя въ характерѣ его множество элементовъ къ пріобрѣтенію извѣстности. Чѣмъ долѣе жилъ Высицкій, тѣмъ болѣе удалялся отъ этого идеала. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, изъ него вышелъ, напротивъ, человѣкъ непостояннаго характера, весьма податливый на состраданіе къ ближнему и сильно пріимчивый, особливо когда дѣло шло о благородномъ чувствѣ или поступкѣ. Почти въ одно время со вступленіемъ на службу, появилась въ немъ и рѣшительная наклонность къ разсужденію о жизни и разныхъ сторонахъ ея. Какъ трудно бываетъ, подумаешь, угадать развитіе человѣка! Отъ первыхъ годовъ молодости Высицкій сохранилъ только пот-

ребность опрятности въ одеждѣ и умѣреннаго щегольства. Все было просто и хорошо на немъ, не исключая даже и нѣсколько высокаго галстуха, который придавалъ головѣ его какую-то величавую неподвижность. Самыя очки, съ раннихъ поръ возложенныя имъ на себя, способствовали къ возбужденію интереса и участія во всѣхъ. Подъ стать физіономіи, Высицкій умѣлъ выдѣлать себѣ плавную, благородную, нѣсколько цвѣтистую рѣчь, которая преимущественно устремлена была на открытіе стороны нравственнаго величія во всемъ. Ею довершалъ онъ очарованіе, пріобрѣтенное въ обществѣ. Неистощимыя похвалы посыпались на него, едва показался онъ въ канцеляріи, отъ начальниковъ до послѣдняго канцеляриста включительно.

Ту же самую справедливую оцѣнку своихъ достоинствъ встрѣчалъ Высицкій и въ обществѣ, съ прибавкой еще правъ, въ которыхъ отказывали другимъ его сверстникамъ. Высицкому препоручали дѣтей, Высицкаго оставляли наединѣ со взрослыми дѣвушками и проч. Сверстники объясняли привилегіи эти той невыразимой скукой, какую онъ возбуждалъ вообще въ молодомъ поколѣніи; но объясненіе это для насъ не вполнѣ удовлетворительно. Даръ слова, которымъ природа щедро одарила Высицкаго, особенно способствовалъ его успѣхамъ въ свѣтѣ. Вездѣ, гдѣ нужно было сказать нѣсколько словъ отъ имени пяти или шести членовъ, тамъ хватались за Высицкаго, какъ за единственное спасеніе. Уже не говоря о томъ, что самъ покойникъ приведенъ былъ бы въ восхищеніе, если бы могъ видѣть порядокъ, какой обыкновенно установлялъ Высицкій на церемоніи, ему порученной, Петръ Иванычъ дѣлалъ еще болѣе. Онъ умѣлъ выводить изъ затрудненія всѣхъ присутствующихъ: отцу, потерявшему сына, онъ внушалъ, какъ печаль объ утраченномъ дѣтищѣ есть залогъ его любви къ остающимся; сыну, оплакивающему родителя, онъ строго говорилъ, какъ смерть налагаетъ на него обязанность подражать доблестямъ покойника; мужу надъ гробомъ жены представлялъ, что онъ видитъ на челѣ усопшей нѣжную благодарность къ человѣку, составлявшему ея счастіе на землѣ,—и словомъ, онъ умѣлъ держать всю печальную церемонію на высотѣ торжественнаго тона, ей приличнаго.

Въ письмахъ къ Ногаеву еще яснѣе выражалось его направленіе и установившійся образъ мыслей. Увѣдомляя товарища объ

успѣхахъ своихъ въ службѣ и въ обществѣ, онъ прибавлялъ глубокомысленныя и жаркія разсужденія о томъ, какая великая задача для человѣка перейти жизненное поле съ честію, оставивъ современникамъ благодарственное по себѣ воспоминаніе. Часто приглашалъ онъ Ногаева заняться серьёзно опредѣленіемъ будущей своей дѣятельности и заклиналъ не терять жизни праздно. Подробно и краснорѣчиво объяснялъ онъ ему, въ чемъ состоитъ истинное призваніе человѣка, приписывая строго наблюдать за чистотой своей мысли и благородствомъ побужденій. Ногаевъ не согласовался съ нимъ мыслями. Въ деревнѣ его отца квартировалъ кавалерійскій полкъ. Жизнь въ кругу добрыхъ товарищей показалась Ногаеву именно тѣмъ родомъ дѣятельности, къ которому онъ наиболѣе способенъ. Онъ опредѣлился въ полкъ. Въ отвѣтъ на глубокія, спасительныя истины Высицкаго, онъ писалъ, что съ удовольствіемъ читаетъ его разсужденія, что ему пріятно видѣть, какъ другъ его искусно излагаетъ высокіе предметы, что наконецъ онъ читалъ нѣкоторыя изъ его писемъ товарищамъ, изъ которыхъ одни остались очень довольны, а другіе говорили: пріятель твой долженъ быть странный человѣкъ, и тому подобныя вещи. Высицкій былъ внѣ себя отъ негодованія при каждой такой отпискѣ и часто восклицалъ: что̀ за глупецъ! Онъ ничего не понимаетъ! но вскорѣ одумывался. «Немудрено, говорилъ онъ самъ себѣ: — полюбить порядочнаго человѣка; гораздо почтнѣе открыть глаза пустому малому и возвысить его до себя!» И съ вящшимъ жаромъ настаивалъ онъ въ письмахъ своихъ къ Ногаеву на крайнюю необходимость видѣть жизнь во всей ея полнотѣ. Признательно сказать, была еще и другая причина его упорства въ образованіи пріятеля. Высицкій уже успѣлъ прихвастнуть у знакомыхъ дамъ тѣмъ, что съ раннихъ лѣтъ заключилъ союзъ дружбы съ существомъ одинаковаго съ нимъ пола и возраста, — что души ихъ сливаются въ одно чувство, помимо пространства, ихъ раздѣляющаго, — что какой бы ударъ судьба ни готовила ему, Высицкому, какую насмѣшку не принесла бы жизнь, у него, Высицкаго, всегда есть сердце, куда онъ перельетъ страданіе, всегда есть грудь, на которой онъ выплачетъ свои слезы!... Ну, разумѣется, не хотѣлось, чтобъ такой примѣрный другъ дѣйствительно оказал-

ся дуракомъ, какъ онъ величалъ его въ минуты весьма понятнаго гнѣва!

Обзаведясь другомъ дѣтства, Петръ Иванычъ все еще чувствовалъ какую-то неполноту въ своемъ существованіи. Дни его были, правда, порядкомъ хлопотливы: кромѣ обязанностей, налагаемыхъ службою и поддержаніемъ знакомствъ, онъ уже былъ членомъ многихъ обществъ благотворенія—и совсѣмъ тѣмъ, по собственному признанію, снѣдаемъ былъ внутренней пустотой. Все какъ-будто дѣлалъ онъ нѣчто постороннее, до него не касающееся; однакожъ пособить бѣдѣ было нелегко. Высицкаго принимали вездѣ какъ нельзя лучше; многія семейства оказывали ему даже несомнѣнные знаки довѣрія; но для души его, жаждавшей любви, этого было мало. Съ тоской обиженнаго самолюбія замѣчалъ онъ, что съ нимъ совѣтуются о дѣлахъ — и больше ничего, что его много хвалятъ, но забываютъ тотчасъ, какъ общество предается минутѣ наслажденія самимъ собой,—что, словомъ, къ нему всякой приходитъ какъ въ отворенный буфетъ, для удовлетворенія своей потребности, и потомъ пропадаетъ.... Изъ этого непріятнаго положенія одиночества между людьми, которое впрочемъ Высицкій объяснялъ самымъ лестнымъ образомъ для себя и самымъ позорнымъ для окружающихъ, вывели его вдругъ неожиданныя похороны. Вообще похороны всегда приносили счастіе этому человѣку!

Одинъ изъ товарищей Высицкаго по канцеляріи, тихій, скромный молодой человѣкъ, недавно женившійся на прехорошенькой дѣвушкѣ съ порядочнымъ приданымъ, имѣлъ неосторожность участвовать въ пикникѣ за городомъ, въ январѣ мѣсяцѣ. Какъ нарочно онъ попалъ въ число трехъ или четырехъ особъ, получившихъ воспаленіе въ мозгу тотчасъ по возвращеніи съ прогулки и умеръ, оставивъ молодую вдову послѣ одномѣсячнаго брака, обѣщавшаго много утѣшительныхъ явленій какъ для нихъ самихъ, такъ и для всѣхъ друзей ихъ. Бѣдная Настасья Сергѣевна, застигнутая врасплохъ несчастіемъ, не знала что́ и дѣлать. Высицкій явился тутъ кстати: онъ, по обыкновенію, принялъ на себя обязанность отдать товарищу послѣдній долгъ. Ловкость, съ какой онъ велъ себя при всѣхъ распоряженіяхъ, а особливо благоразумная умѣренность его совѣтовъ и утѣшеній, обращенныхъ къ супругѣ, были замѣчены какъ ею самой, такъ и всѣми присутствующими съ великимъ одобреніемъ.

Самое трудное предстояло еще впереди. Надобно было сообщить Настасьѣ Сергѣевнѣ настоящій тонъ для выраженія грусти,—тонъ, который не имѣлъ бы рѣзкихъ звуковъ отчаянія и вмѣстѣ не казался холодною, придуманною ролью. И опять Высицкій пособилъ всему дѣлу, замѣстивъ въ душѣ Настасьи Сергѣевны образъ потеряннаго мужа идеей вдовства и настоящее несчастіе другимъ, воображаемымъ. Съ тѣхъ поръ молодая вдова могла предаться вполнѣ тихой грусти и выдерживала утренніе визиты знакомыхъ дамъ съ успѣхомъ: у ней было основаніе, она чувствовала почву подъ ногами, благодаря Высицкому. Все это сдѣлалось исподоволь, въ вечернія бесѣды, которыя заслуживаютъ описанія.

По вечерамъ Настасья Сергѣевна никого не принимала, исключая Высицкаго. Она сидѣла тогда за столикомъ съ покрытой лампой и молча работала, между тѣмъ какъ одна благородная компаньонка, взятая ею на-время у пріятельницы, вязала кошелекъ въ сторонѣ. Тутъ являлся Высицкій, подсѣдалъ къ столику, настроивалъ свой голосъ подъ ладъ торжественной тишины, царствовавшей въ комнатѣ, и заводилъ мѣрную рѣчь, въ которой чуднымъ образомъ воспоминаніе о недавней утратѣ связывалось съ представленіемъ о другой таинственной сферѣ, гдѣ витаютъ духи и гдѣ все полно чудесъ, видѣній, сновъ. Это былъ совершенно новый міръ для Настасьи Сергѣевны: она вступала въ него, подъ покровительстомъ Высицкаго, съ трепетомъ и невольнымъ уваженіемъ къ вожатому своему. Вполнѣ предавалась она всему, чтó было неизъяснимо-сладкаго, отрадно-успокоивающаго въ этомъ разговорѣ, который держался такъ высоко надъ всѣмъ міромъ. Петръ Иванычъ разсказывалъ ей множество примѣровъ, какъ души, отлетѣвшія отъ свѣта сего, еще возвращаются назадъ къ любимымъ предметамъ, покинутымъ ими на землѣ. Со страхомъ, полнымъ наслажденія, выслушивала Настасья Сергѣевна повѣствованія Высицкаго о духѣ молодой женщины, пробѣжавшей невидимыми пальцами по арфѣ, которая составляла наслажденіе ея въ жизни и была поставлена юнымъ вдовцомъ въ собственной спальнѣ. Устремивъ неподвижные глаза на Высицкаго, Настасья Сергѣевна спрашивала его: чтó сдѣлалъ молодой человѣкъ? На всякой вопросъ подобнаго рода она получала всегда удовлетворительный отвѣтъ. Казалось, Петръ Иванычъ изучилъ всю литературу ни-

стическихъ видѣній, выходцевъ съ того свѣта, неожиданныхъ откровеній, непонятныхъ фактовъ. Онъ былъ неистощимъ въ разсказѣ чудныхъ исторій, сильно питавшихъ меланхолическую настроенность Настасьи Сергѣевны, предметъ которой уже перенесенъ былъ отъ грубой дѣйствительности въ благородную область поэзіи и воображенія. Когда дневной запасъ исторій приходилъ къ концу, Высицкій открывалъ новый источникъ для задушевныхъ бесѣдъ. Онъ говорилъ о переселеніи душъ, о печальномъ странствованіи ихъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ, пока не выберутъ онѣ свѣтила для новой жизни въ тѣлесной оболочкѣ,—о томъ, какъ ничто не пропадаетъ во вселенной, и какъ самый блескъ планетъ есть произведеніе совокупной мысли существъ, обитающихъ на нихъ. Чудно дѣйствовало все это на молодую женщину: она впервые знакомилась тутъ съ особеннаго рода грустію, неисключавшей прелести и близкой къ удовольствію. Что касается до Петра Иваныча, онъ былъ внѣ себя отъ восторга, открывъ наконецъ сочувствіе къ себѣ въ благородномъ, женскомъ сердцѣ. Дѣйствительно онъ замѣчалъ въ каждомъ словѣ Настасьи Сергѣевны приглашеніе отдаться безъ оглядки теченію своихъ мыслей и при разставаньи получалъ въ ласковомъ приглашеніи, въ нѣмой улыбкѣ, въ тихомъ пожатіи руки благодарность и похвалу за увлекательный вечеръ, проведенный вдвоемъ. Въ это время онъ носилъ передъ людьми еще выше и горделивѣе свою голову, поддерживаемую великолѣпнымъ галстухомъ. Иногда даже приходила ему мысль, что пріятель оказалъ ему немаловажную услугу смертію своею, но онъ тотчасъ же и отгонялъ ее съ негодованіемъ.

Мастерскимъ дѣломъ Высицкаго было устроеніе прогулокъ на кладбищѣ. По заведенному порядку, Настасья Сергѣевна рано утромъ увѣдомляла Высицкаго о намѣреніи своемъ *посѣтить отсутствующаго*, при чемъ письма ея были просто и довѣрчиво адресованы: *другу моего Антуана.* Почти всегда такъ она и называла Петра Иваныча. По пріѣздѣ на кладбище, Высицкій отпиралъ дверцу желѣзной рѣшоточки, окружавшей могилу, ключикомъ, который всегда носилъ при себѣ. Они садились на скамеечку, поставленную въ оградѣ, и передъ мраморной плитой, осыпанной цвѣтами, отдавались вполнѣ воспоминаніямъ. Тутъ въ каждомъ сѣроватомъ облачкѣ, которое неслось по небу, видѣли они знакомый образъ, въ каждомъ дуно-

веніи пронзительнаго весенняго вѣтра слышался имъ голосъ утраченнаго друга. Настасья Сергѣевна до того подчинилась обаянію Ѳысицкаго, что иногда, въ сильной душевной настроенности, умоляла безмолвную могилу отдать назадъ добычу, ею поглощенную. Въ подобныхъ случаяхъ Петръ Иванычъ обращалъ вниманіе молодой вдовы на шелестъ въ листьяхъ акацій, которыми усажена была внутренность оградки, и съ убѣжденіемъ говорилъ:

— Онъ здѣсь!... онъ между нами!... Слышите ли?...

Благоговѣйный ужасъ пробѣгалъ по членамъ Настасьи Сергѣевны. Они возвращались домой растроганные, какъ послѣ искуснаго представленія печальной драмы, и разставались предовольные другъ другомъ.

Такъ продолжалось уже нѣсколько мѣсяцовъ. Между знакомыми Петра Иваныча начинали носиться странные слухи, которыхъ онъ не старался опровергать, хотя въ тоже время ничего не дѣлалъ и для подтвержденія ихъ. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ собой, веселъ, добръ и разговорчивъ. Въ это же время онъ получилъ новое письмо отъ Ногаева, которое мы прилагаемъ здѣсь цѣликомъ.

«Любезный другъ Пьеръ!

«Ты можетъ быть уже слышалъ, mon cher, что я вышелъ въ отставку, но воображаю, какъ ты себѣ ломалъ голову «и какіе большіе глаза сдѣлалъ при семъ извѣстіи. Причина мо«его выхода въ отставку была совсѣмъ другая, чѣмъ смерть мо«его отца, какъ бы можно было съ перваго разу подумать: «вотъ почему вѣроятно ты и ошибся. Въ деревнѣ я оставилъ «прекраснаго управляющаго, но такъ-какъ я продалъ все мое «имѣніе, то мнѣ о ней безпокоиться уже не для чего. Да, я все «продалъ, до послѣдняго кола, и чувствую себя, mon cher, «совершенно свободнымъ. Безъ хвастовства можно сказать, что «я сдѣлалъ продажу чрезвычайно удачно и нисколько не раска«яваюсь, оставаясь теперь совершенно безъ копейки. Ты самъ «поймешь стеченіе обстоятельствъ, которыя могутъ служить къ «моему оправданію. Во-первыхъ, надо тебѣ сказать, я былъ «преслѣдуемъ фортуной въ картахъ очень долго, но, будучи все«гда честнымъ человѣкомъ, за священнѣйшую вещь считалъ «уплатить всѣ мои *les dettes d'honneur*. Вотъ причина, почему я

«продалъ имѣніе, и съ большой выгодой, какъ уже писалъ, не-«смотря на то, что въ немъ похоронены предки нашей фамиліи. «Также я думалъ, что люди, которые мнѣ должны, послѣдуютъ «моему примѣру и постараются расплатиться, но въ этомъ я «былъ съ ихъ стороны обманутъ. Ты знаешь, *on est toujours trahi* «*que par les siens!* Оставшійся за тѣмъ отъ расплаты капиталъ «я отдалъ, по совѣту аудитора Сихеля, котораго всегда считалъ «за аккуратнѣйшаго человѣка, нашему губернскому откупщику, «вскорѣ послѣ того и раззорившемуся до крайности. Такимъ об-«разомъ, уже не имѣя гроша денегъ, я вышелъ въ отставку; «это было единственная и настоящая причина моей отставки.

«Не подумай, чтобъ я лишился твердости духа при сихъ го-«неніяхъ судьбы и впалъ въ отчаяніе. Напротивъ, меня «поразило до слезъ, что товарищи, узнавъ о моемъ намѣ-«реніи покинуть ихъ, сдѣлали въ честь мою славный обѣдъ «по подпискѣ. На немъ я былъ удостоенъ лестнаго внима-«нія, которое умѣю вполнѣ цѣнить. Полагаю, что ты одо-«бришь планъ будущей моей жизни, который состоитъ теперь «въ томъ, чтобъ ѣхать въ Москву и жениться тамъ на дѣвушкѣ «съ хорошимъ приданымъ. Это есть единственное средство по-«править состояніе мое, нѣсколько растроенное, какъ ты могъ «видѣть изъ описанія моего. Притомъ же и остепениться пора. «Все мнѣ ужасно какъ надоѣло, mon cher Pierre, особливо пу-«стота существованія нашего! Исполненію моего проэкта пре-«пятствуетъ единственно неимѣніе денегъ, отъ чего ты можешь «меня избавить присылкою полуторы или двухъ тысячъ рублей. «Вотъ *для* чего я такъ подробно и разсказалъ тебѣ мои обстоя-«тельства. Назначенной суммы ты ни подъ какимъ видомъ не уменьшай, ибо она едва достаточна, чтобъ прилично показаться «въ общество. Во ожиданіи сей бездѣльной услуги, которую «прошу переслать ....ской губерніи, въ м. Брешево, прибавлю, «что оную возвращу съ благодарностію тотчасъ, какъ исполню «предначертаніе женитьбы. Симъ будешь ты споспѣшествовать «достиженію важной жизненной цѣли, о чемъ ты упоминалъ въ «своихъ письмахъ, кои я тщательно берегу и часто перечиты-«ваю. Притомъ же между нами можно употребить французскую «мысль, что *qui donne est celui qui est obligé*. За тѣмъ, прощай.

«Весь твой Иванъ Ногаевъ.»

Брешево. Мая 5-го дня.

По прочтеніи этого письма первая мысль Высицкаго была выслать другу просимыя деньги, присоединивъ къ нимъ доброе отеческое наставленіе; но вторая заставила остановиться. Ему показалось, что отдѣлаться отъ пріятеля, бросивъ ему кость, какъ голодной собакѣ, будетъ уже неприлично послѣ всего того, что́ онъ распустилъ о таинственныхъ нитяхъ, связывающихъ сердца ихъ, и о важности непреодолимыхъ влеченій вообще. Къ тому же лучшаго случая доказать на дѣлѣ свою способность къ подвигу, къ самопожертвованію, къ полнотѣ чувства нельзя было и вообразить. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, Высицкій присѣлъ къ столу и написалъ Ногаеву письмо, въ которомъ умолялъ осчастливить его своимъ пріѣздомъ, просилъ какъ милости позволенія отдать въ распоряженіе ему самого себя, свой домъ и состояніе свое. Отправивъ письмо на почту, Высицкій почувствовалъ неизъяснимое удовольствіе на сердцѣ, спрашивалъ самого себя, какое впечатлѣніе произведетъ поступокъ его на Настасью Сергѣевну, и, не будучи въ состояніи оставаться долго въ неизвѣстности на этотъ счетъ, самъ поѣхалъ разсказать о немъ. Къ удивленію, новая штука Высицкаго не произвела никакого впечатлѣнія на Настасью Сергѣевну!

И на это были весьма основательныя причины.... Въ душѣ молодой женщины произошла неожиданно важная перемѣна, которой Петръ Иванычъ, въ очарованіяхъ тріумфа, совсѣмъ и не примѣтилъ.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ протекло съ кончины супруга ея, уже сѣверная природа наша, послѣ многихъ тяжолыхъ усилій, одолѣла наконецъ зимній сонъ и покрылась нѣкотораго рода зеленью, а Высицкій продолжалъ смотрѣть важно, какъ въ ненастный день похоронъ. Онъ уже не могъ выбраться изъ направленія, разъ принятаго и имѣвшаго блестящіе результаты. Это часто случается съ людьми, встрѣтившими неожиданный успѣхъ на пути своемъ. Какъ органчикъ, заведенный и забытый въ пустой комнатѣ, онъ долженъ былъ играть свою пѣсенку до тѣхъ поръ, пока не остановится или не оборвется пружина. Онъ ничего не видѣлъ возлѣ себя. Чѣмъ болѣе все измѣнялось кругомъ его, тѣмъ болѣе каменѣли его рѣчь и физіономія въ одномъ выраженіи. Есть такія мозговыя устройства, которыя никакъ не могутъ схватить всего явленія вполнѣ: нравственное

бѣльмо мѣшаетъ имъ видѣть какую-нибудь одну изъ двухъ сторонъ его. Такъ Высицкій и не подозрѣвалъ, что уже давно Настасья Сергѣевна живетъ особенной двойственной жизнію: еще прислушивается къ его словамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто думаетъ про себя собственную свою думу. Въ голову не приходило Петру Иванычу, что въ душѣ ея свершается переломъ, грозящій конечнымъ разрушеніемъ его вліянію и отношеніямъ. Онъ продолжалъ колебать передъ нею свою истасканную и полинялую мантію фразъ и чувствъ, а уже въ сердцѣ молодой женщины возставала и росла ежеминутно потребность общественной жизни, свободы и удовольствія. И ничто не могло открыть глаза ему. Безъ вниманія пропустилъ онъ минуты ироніи, когда свѣжее чувство ея сталкивалось съ его устарѣлыми положеніями, лишенными теперь всей прелести. Еще менѣе могли вразумить его постоянная разсѣянность молодой вдовы, частые выѣзды къ знакомымъ и замѣтная скука, когда принуждена она была оставаться дома и принимать Высицкаго. Всему этому онъ отыскивалъ другія причины, если не истинныя, зато чрезвычайно хитро придуманныя. Неспособность его отгадать душевную перемѣну, несчастная глухота его къ тонкимъ оттѣнкамъ мысли составляли однакожь преступленіе въ глазахъ Настасьи Сергѣевны. Онѣ развивали въ ней мало-по-малу презрѣніе къ грубой, окостенѣлой природѣ Высицкаго. Она уже считала его недостойнымъ объясненія или разрыва и съ терпѣніемъ ждала того дня, когда, по старому условію, должна будетъ уѣхать на-лѣто въ деревню тетки, находившуюся во ста верстахъ отъ города, въ одномъ изъ близкихъ петербургскихъ уѣздовъ. Правда, какъ другъ дома и человѣкъ, оказавшій немаловажныя услуги, Высицкій былъ тоже приглашенъ посѣтить отшельницъ въ ихъ уединеніи, но Настасья Сергѣевна думала, что въ промежутокъ времени, который пройдетъ въ разлукѣ, Петръ Иванычъ пойметъ, что связь ихъ не можетъ имѣть продолженія, и отнесетъ ее къ одному изъ пріятныхъ воспоминаній своей жизни и истекшей зимы. Въ этомъ она ошибалась. Все могло быть кончено съ одной стороны, но Высицкому предстояло еще качаться долго туда и сюда, машинально, ровно, какъ той дѣтской игрушкѣ, которая никогда не опрокидывается, но длинно и правильно размѣриваетъ первоначальный толчокъ, сообщенный ей.

Наступилъ день отъѣзда Настасьи Сергѣевны. Высицкій рѣшился проводить ее до первой станціи. Тутъ, покуда перемѣняли лошадей, и онъ и она гуляли взадъ и впередъ по столбовому пути, смотря по сторонамъ на голую окрестность, покрытую болотистыми кочками, пнями срубленныхъ деревъ и гдѣ-гдѣ голодающимъ стадомъ. Высицкій говорилъ о пустотѣ, которая съ отъѣздомъ Настасьи Сергѣевны образуется для него въ шумной столицѣ, Настасья Сергѣевна отвѣчала улыбкой, чтобъ какъ-нибудь отвѣчать. Между ними все было тяжело и вяло. Наконецъ старая барыня-компаньонка, которую вдова увозила съ собой, подошла къ нимъ съ посинѣлыми щеками и, жалуясь на сырой вѣтеръ, способный воскресить всѣ затаенныя болѣзни, объявила, что лошади готовы, но извощикъ, кажется, пьянъ. Не обращая вниманія на слова ея, Настасья Сергѣевна сѣла поскорѣе въ карету, дала свою руку Высицкому, который съ нѣжностію поцаловалъ ее, и поѣхала. Въ ту же минуту Петръ Иванычъ вынулъ изъ кармана батистовый платокъ и сталъ имъ усердно махать вплоть до тѣхъ поръ, пока даль и пыль не скрыли отъ него кареты и улыбающагося личика молодой женщины, выглядывающаго изъ оконца.... Ему казалось, что все очень хорошо идетъ, когда уже рѣшительно ничто не шло.

Довольный собою, возвратился Высицкій назадъ въ городъ. Тихая, полу-свѣтлая грусть, именно та самая, которую онъ чрезвычайно уважалъ, наполняла его душу. Цѣлый часъ ходилъ онъ по Англійской набережной, то опуская голову внизъ, то подымая ее титанически къ небу. Почувствовавъ усталость, онъ перешелъ на Адмиралтейскій бульваръ и посидѣлъ немного на скамеечкѣ, весьма довольный пустотой, царствовавшей на немъ. Отдохнувъ, онъ поплелся на проспектъ, неся съ собой свою сладкую думу, остановился передъ двумя, тремя магазинами, зашелъ въ соборъ, наконецъ усѣлся въ окнѣ кандитерской и долго смотрѣлъ на проходящихъ, не замѣчая особенно никого. Уже поздно вечеромъ вернулся онъ домой, и тутъ лакей, снимая съ него длинный сюртукъ, сказалъ, улыбаясь какъ человѣкъ, увѣренный въ дѣйствіе заготовленнаго имъ сюрприза:

— А Иванъ Петровичъ пріѣхали.

— Возможно ли? вскричалъ Высицкій и бросился въ гостиную.

Тамъ сидѣлъ Иванъ Петровичъ въ рубашкѣ, въ широкихъ шальварахъ, съ карманами по бокамъ, и занимался приспособленіемъ огромнаго черешневаго чубука къ новокупленной стамбулкѣ....

— Ногаевъ!... Петя!... Ты ли это.

И они крѣпко сжали другъ друга въ объятіяхъ.

Когда первый пылъ дружественныхъ изліяній миновался, Ногаевъ, пощелкивая языкомъ въ чубукъ, произнесъ:

— А тебѣ кланяется, Петя, Настасья Сергѣевна Прѣсненская.

— Какъ?... гдѣ?... Ты....

— Именно я. На ловца звѣрь бѣжитъ, ты знаешь, Пьеръ. Я ихъ встрѣтилъ почти подъ самымъ городомъ, и во-первыхъ скажу, что очень хороша.... особенно глаза!... Какіе глаза, такъ....

— Послѣ, послѣ.... Зачѣмъ онѣ остановились? кто тебѣ сказалъ?... Вѣдь ты о нихъ и не слыхивалъ прежде!...

— Все очень просто, братецъ. Имъ попался пьяный ямщикъ. Онѣ отъѣхали верстъ пятокъ отъ первой станціи, да и остановились...

— Боже мой! Ужь не опрокинулъ ли онъ ихъ....

— Чтò мудренаго опрокинуть? Онъ можетъ быть и опрокинулъ бы ихъ въ самомъ дѣлѣ, если бы дальше поѣхали, да на шестой верстѣ ему пришла, съ-пьяна, идея сойти съ козелъ и бросить лошадей. Представь себѣ, Пьеръ, стоитъ подлѣ кареты, разливается-плачетъ, а везти не хочетъ....

— Отчего же, отчего же?

— Глупѣйшіе резоны, разумѣется.... Мнѣ человѣкъ Прѣсненской потомъ разсказывалъ.... Увѣряетъ, что онъ пьянъ, и не можетъ ѣхать.

— Чтò за вздоръ такой, Боже мой, чтò за вздоръ!

— Ну, чего же ты хочешь отъ необразованнаго человѣка, Пьеръ!... Только этакъ онъ уже держалъ ихъ цѣлый часъ. Тутъ я на нихъ и наѣхалъ и слышу, какъ старая баба, которая съ Прѣсненской-то ѣдетъ, кричитъ изъ окошка: «да ты не знаешь, голубчикъ, что у меня есть генералъ знакомый. Вотъ я ему пожалуюсь, такъ онъ тебя накажетъ; лучше поди сядь на козлы....» Умора, братецъ! А ямщикъ все свое твердитъ: «чтò мнѣ твой енералъ? Енаралъ тоже съ хмѣльнымъ не

поѣдетъ: ему надежнаго подавай; ато онъ и въ книгу запишетъ.»

— Чтóжь далѣе?...

— Вотъ тутъ Прѣсненская и обратилась ко мнѣ съ умильнымъ личикомъ изъ окошка: «Позвольте, говоритъ, васъ остановить. Помогите намъ убѣдить этого человѣка свезти насъ куда-нибудь, назадъ или впередъ. Мой человѣкъ ничего съ нимъ не можетъ, мы и подавно. Мнѣ совѣстно васъ безпокоить, но....» Чрезвычайно умно говорила; она должна быть преумная, Пьеръ?

— Это правда, но продолжай.

— Да нечего и продолжать болѣе.... Я взялся усовѣстить ямщика, подошелъ къ нему и сталъ увѣщевать. Онъ мнѣ отвѣчалъ, разумѣется, глупостями; тогда я разгорячившись побранилъ его. Это подѣйствовало на пьяницу, онъ встрехнулся, влѣзъ на козлы и поѣхалъ. Да я, братецъ, не промахъ, ссадилъ прѣсненской человѣка къ себѣ въ кибитку, велѣлъ ей ѣхать за нами, самъ сѣлъ на козлы кареты, рядомъ съ ямщикомъ, который между тѣмъ почти совсѣмъ отрезвѣлъ, и благополучно довезъ всѣхъ до станціи, а тамъ ужь имъ дали хорошаго человѣка.

Высицкій крѣпко сжалъ руку Ногаева и произнесъ:

— Ты поступилъ благородно, другъ мой!

— Да и Прѣсненская, Пьеръ, меня ужасть какъ благодарила!.. А какая она мастерица на любезности. Она узнала, что я съ тобой въ хорошихъ сношеніяхъ и говоритъ: «вашъ другъ хотѣлъ посѣтить насъ въ деревнѣ.... Неужели вы отпустите его одного на такую скуку.... пріѣзжайте сами.... мы оцѣнимъ ваше пожертвованіе» и прочее и прочее. Откуда это у нихъ берется; я совсѣмъ не умѣлъ отвѣчать ей.

Высицкій хотѣлъ еще знать нѣсколько подробностей, какъ то: о душевномъ состояніи Настасьи Сергѣевны, о выраженіи ея лица, о томъ, какія воспоминанія оставила ей столичная жизнь; но Ногаевъ отвѣчалъ такъ несообразно, что Петръ Иванычъ принужденъ былъ бросить свои распросы. Касательно общей поѣздки въ деревню, Петръ Иванычъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ другѣ. Ногаевъ не придавалъ никакого значенія приглашенію на станціи, считая его учтивой фразой, любезностію, *разговорнымъ языкомъ*, по собственному его выраженію. Съ трудомъ могъ его увѣрить въ противномъ Петръ Иванычъ,

неизвѣстно почему сильно пораженный проэктомъ визита вдвоемъ. Хватаевъ склонился на доводы пріятеля только тогда, когда тотъ клятвенно подтвердилъ ему справедливость и благоразуміе ихъ. Положено было отправиться въ деревню въ сентябрѣ мѣсяцѣ, ко дню рожденія Настасьи Сергѣевны, тому дню, въ который по случаю, полному — такъ казалось Высицкому — глубокихъ предзнаменованій, праздновалъ онъ и собственное свое появленіе на нашу планету.

II.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ НОГАЕВЪ.

За недѣлю до торжественнаго дня, о которомъ мы говорили, стали наѣзжать гости въ деревню. Во-первыхъ, появился ближайшій ихъ сосѣдъ съ женой и дочерью, робкой дѣвушкой, мало говорившей при людяхъ, но бросавшейся на шею молодой хозяйкѣ, тотчасъ какъ онѣ оставались наединѣ, и нѣжно цаловавшей ее. За нимъ показался другой, съ двумя дочерьми, изъ которыхъ одна играла на фортепьянахъ, а другая имѣла *талантъ* къ живописи и рисовала акварелью. Обѣ онѣ, по чувству благороднаго соперничества, безпрестанно ссорились другъ съ другомъ. Пріѣхалъ также и еще какой-то толстякъ, самъ говорившій про себя, что на-дняхъ его непремѣнно долженъ разбить параличъ. Собраніе довершалось нѣсколькими скромными чиновниками сосѣдняго города. Помѣщиковъ въ окрестности было мало, и всѣ они жили безвыѣздно въ Петербургѣ. Большая часть гостей деревни имѣла ту невыгоду, что Настасья Сергѣевна привыкла съ дѣтства, въ извѣстные сроки, видѣть ихъ у себя: умъ и глазъ уже не давали ей почти никакого впечатлѣнія при встрѣчѣ съ ними. Такъ бываетъ съ человѣкомъ, долго жившимъ въ одной комнатѣ, при одной и той же внѣшней обстановкѣ: предметы совершенно сглаживаются, лишаются жизни, какъ-будто не существуютъ. Вотъ почему съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ожидала она петербургскихъ знакомыхъ, особенно молодого человѣка большой дороги. Признательно сказать, мысль ея преимущественно на немъ и останавливалась, минуя стараго друга.... но, и то правда, подобнаго человѣка ей еще не случалось встрѣчать въ жизни!

Покойный супругъ Настасьи Сергѣевны, Антоній Семенычъ Прѣсненскій, былъ существо самаго нѣжнаго характера и страдалъ невообразимымъ разстройствомъ нервной системы. Малѣйшее противорѣчіе выводило у него слезы на глазахъ, краска стыдливости бѣзсмѣнно горѣла у него на лицѣ, и съ непонятнымъ самоотверженіемъ онъ постоянно считалъ самого себя причиной всѣхъ бѣдъ и несчастій на свѣтѣ. Онъ обвинялъ себя, если вечеръ былъ скученъ и долго тянулся, если дождь мѣшалъ прогулкѣ, а послѣ женитьбы даже за всякую нелѣпую пьесу, на которую попадали они съ Настасьей Сергѣевной въ театрѣ. Въ эти минуты онъ готовъ былъ рыдать какъ ребенокъ. Настасья Сергѣевна вышла за него, прельщенная именно тоииной этого чувства и болѣзненной его раздражительностію. Въ короткое время ихъ брака Прѣсненскій буквально страдалъ при каждомъ вѣтеркѣ, пахнувшемъ въ лицо Настасьи Сергѣевны, при каждомъ толчкѣ, полученномъ ею въ каретѣ, при каждой мозоли на ногѣ ея. Покуда молодая женщина распоряжалась домомъ и хозяйствомъ, Прѣсненскій то-и-дѣло приходилъ къ ней спрашивать, съ видомъ робкаго отчаянія: «составляетъ ли онъ счастіе ея жизни и не погубилъ ли онъ ея молодости и красоты?» Утѣшать это нѣжное, хрупкое существо вошло скоро у Настасьи Сергѣевны въ домашнія необходимости, наравнѣ съ заказомъ обѣда и попеченіями о туалетѣ; но и тутъ еще дѣло не обходилось безъ сценъ, полныхъ глубокой поэзіи чувства. Ласковыя, успокоивающія слова Настасьи Сергѣевны выводили снова теплые ручьи слезъ изъ глазъ Прѣсненскаго. Въ нѣжной благодарности целовалъ онъ руки ея и удалялся, по собственному признанію, уничтоженный превосходствомъ своей жены. Неизвѣстно, чѣмъ все это кончилось бы, если бы преждевременная смерть не вырвала его безжалостно изъ объятій и отъ попеченій молодой супруги.

И вдругъ явился человѣкъ, непоходившій ни на кого изъ знакомыхъ ея, а главное, отличавшійся какою-то самонадѣянностію. Героическій оттѣнокъ въ характерѣ Ногаева особенно поразилъ Настасью Сергѣевну, привыкшую видѣть около себя аркадскую слабость и незлобіе. Она не могла забыть незначительнаго происшествія, въ которомъ, казалось ей, Ногаевъ показалъ удивительное присутствіе духа. Ей хотѣлось видѣть Ногаева поближе.

Онъ явился, ведомый неизмѣннымъ другомъ своимъ. Въ пріѣздѣ ихъ было нѣчто торжественное. Высицкій влекъ за собою пріятеля какъ могущественный пароходъ влечетъ купеческое судно, ему обязанное спасеніемъ своимъ. Онъ представилъ Ногаева хозяйкамъ съ достоинствомъ и скромностію человѣка, избѣгающаго заслуженной похвалы. Эффектъ первыхъ минутъ свиданія былъ однакожь очень скоро нарушенъ Иваномъ Петровичемъ. Какъ ни подготовлялъ Высицкій дорогой пріятеля своего къ приличному поведенію въ семействѣ, гдѣ требованія на осторожность въ словахъ и поступкахъ были, такъ сказать, врожденны, но Ногаевымъ вдругъ овладѣлъ какой-то демонъ развязности. Какъ только увидалъ онъ себя въ кругу довольно многочисленнаго женскаго общества, котораго совсѣмъ не ожидалъ, то очертя-голову пошелъ на встрѣчу всѣмъ: эта была таже робость, таже застѣнчивость, но только выраженныя оригинально. Настасья Сергѣевна, удивленная быстрымъ перескокомъ Ивана Петровича черезъ церемоніялъ, установленный въ провинціи для составленія первыхъ знакомствъ, слѣдила за нимъ внимательно. Послѣ нѣсколькихъ словъ, обмѣненныхъ съ нею и старой теткой, Ногаевъ съ какою-то отчаянною дерзостію обошелъ все общество, заговаривая попеременно съ жонами, отцами, дочерьми и заранѣе готовый принять всякой отвѣтъ и даже удовольствоваться, при случаѣ, молчаніемъ. Черезъ полчаса онъ уже былъ совершенно *свой* между скромными чиновниками и отъ нихъ возвратился къ Настасьѣ Сергѣевнѣ объявить, что человѣкъ, сопровождавшій ее въ дорогѣ — *баба* и не заслуживаетъ никакого довѣрія. Съ тою же рѣшимостію итти до конца дѣла, будь что будетъ, подсѣлъ Ногаевъ къ теткѣ, объявилъ, что деревня ея представляетъ возможность устройства прекраснаго коннаго завода и вызвался представить ей планъ и свои мысли по этому предмету. Услыхавъ тутъ же отъ старой помѣщицы, что поутру сильнымъ вѣтромъ опрокинуло возъ сѣна на мужика, онъ скрылся изъ дому и отправился въ деревню посмотрѣть раздавленнаго. Въ этомъ случаѣ онъ уже дѣйствовалъ по внутреннему побужденію. Когда Настасья Сергѣевна спросила его потомъ: не знаетъ ли онъ какихъ-нибудь средствъ противъ сильныхъ ушибовъ, Ногаевъ очень просто отвѣчалъ: «нѣтъ!» Замѣтивъ снисходительное вниманіе къ себѣ у всѣхъ присутствующихъ, Иванъ Петровичъ понялъ

справедливость мысли, что рѣшимость бываетъ иногда лучшимъ расчетомъ, и весь предался чудной импровизаціи своей, которая часъ отъ часу пріобрѣтала болѣе смѣлости и оригинальности. Во все это время Высицкій внутренно страдалъ. Капризный ходъ, принятый его пріятелемъ, долженъ былъ, по мнѣнію его, поразить удивленіемъ все общество. Онъ вздумалъ искупить странности своего друга лукавой и вмѣстѣ снисходительной улыбкой; но улыбка эта какъ-то стерлась съ лица Высицкаго, когда онъ замѣтилъ, что Ногаевъ вмѣсто презрительнаго удивленія возбуждаетъ общее любопытство. Непонятною вещью казалось также Высицкому и поведеніе самой Настасьи Сергѣевны. Она видимо старалась раздѣлить поровну вниманіе свое между обоими пріятелями и въ пріемѣ своемъ нисколько не отличила стараго знакомаго отъ новаго, съ которымъ только случайно перекинула нѣсколько словъ на столбовой дорогѣ.

Успѣхъ, завоеванный Ногаевымъ въ обществѣ деревеньки, особенно ярко обозначился на другой день, вечеромъ, за чайнымъ столикомъ. Освобожденная вистомъ отъ присмотра и докучливаго наблюденія своихъ менторовъ, молодая часть общества собралась вокругъ стола въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Высицкій всегда считалъ минуты, проведенныя за чаемъ, лучшими въ своей жизни и такъ сказать обычной собственностію своей. Онъ тутъ вдохновлялся, выросталъ: онѣ были *его* по тому же праву, по которому произведеніе принадлежитъ автору. На этотъ разъ однакожь всѣ усилія Высицкаго поднять разговоръ на приличную степень высоты и притянуть нити его къ себѣ, какъ къ центру, разбились совершенно передъ выходками Ногаева. Иванъ Петровичъ ოковалъ всеобщее вниманіе, особливо когда вздумалъ разсказать необыкновенные случаи изъ собственной жизни.

Дружеская связь Ногаева и Прѣсненской росла почти съ такой же быстротой и силой, какъ ея прежняя съ Петромъ Иванычемъ. Чрезвычайно много способствовало развитію новой наклонности въ душѣ Настасьи Сергѣевны одно незначительное обстоятельство. Семейство молодой вдовы, какъ почти всякое семейство, имѣло свою тайну, свой странный секретъ, впрочемъ извѣстный всему околодку. Тайна эта заключалась въ отношеніяхъ племянницы и тетки. Обѣ онѣ повидимому жили мирно

другъ возлѣ друга. Тетка отдавала все свое имѣніе Прѣсненской, Прѣсненская называла тетку благодѣтельницей и второй матерью, а между тѣмъ онѣ постоянно вели скрытную борьбу. Каждое утро приходила Настасья Петровна цаловать руку тетки и каждый вечеръ принимала ея прощальное благословеніе, но тѣмъ только и ограничивалось выраженіе ея родственныхъ влеченій. Днемъ она не позволяла старухѣ ни малѣйшаго осужденія посторонних лицъ, къ чему та имѣла сильную наклонность, не оставляла ни одной невинной сплетни старухи безъ опроверженія и сопротивлялась всѣмъ мелочнымъ капризамъ ея. Старческая зависть тетки, готовая предать позору удовольствія, которыхъ раздѣлять не можетъ, встрѣчала особенно неутомимаго судью въ лицѣ племянницы. Запуганная тетка, съ другой стороны, держала себя чрезвычайно осторожно въ присутствіи Настасьи Сергѣевны, но зато не упускала случая безщадно осуждать заглаза ея вѣтренность и легкомысліе, даже съ первымъ встрѣчнымъ. Поведеніе обѣихъ мало способствовало возстановленію добраго согласія между ними. Все это однакожь нисколько не измѣняло коренного условія ихъ жизни, по которому старуха считалась благотворительнымъ существомъ, а племянница подпорой и утѣшеніемъ его. Онѣ такъ свыклись съ положеніемъ своимъ, что не замѣчали его странности. Нѣкоторые приближенные люди утверждали даже, что этотъ каждодневный домашней поединокъ составляетъ разсѣяніе старухи и необходимъ для поддержанія ея жизни.

Высицкій принялъ роль посредника между двумя враждующими сторонами. Когда приходилось къ слову, онъ объяснялъ попеременно той и другой, какое важное значеніе имѣютъ въ домашнемъ быту перемѣжающіеся порывы любви и гнѣва, столкновенія чувства и разсудка. Это игра противоположныхъ элементовъ, изъ которой образуется подъ конецъ полнота семейнаго счастія! Такое смѣлое опредѣленіе нравилось обѣимъ сторонамъ, потому-что оставляло ихъ на прежнихъ мѣстахъ; но Настасьѣ Сергѣевнѣ понравилось еще болѣе участіе, принятое Ногаевымъ въ самой борьбѣ. Иванъ Петровичъ вообще не любилъ старыхъ людей: они надоѣдали ему. Съ первыхъ дней выказалъ онъ свою антипатію къ мертвенной рѣчи старой тетки, къ безсильному коварству ея замѣчаній и наговоровъ, которые онъ передавалъ вьюлнѣ племянницѣ, поддѣлываясь иногда очень уда-

чно подъ голосъ и манеру ея родственницы. Онъ былъ весьма забавенъ тогда, и самъ не подозрѣвалъ, что Настасья Сергѣевна находитъ въ его добродушныхъ шуткахъ много свѣжести сердца, много вѣрности взгляда и врожденнаго отвращенія къ слабости характера!

Между тѣмъ Иванъ Петровичъ отыскалъ на конюшнѣ заслуженную лошадку и съ помощью ея устроилъ долгія прогулки по окрестностямъ. Онъ сдѣлался неизмѣннымъ кавалеромъ Настасьи Сергѣевны, которая любила кавалькады, но рѣдко имѣла удовольствіе дѣлать ихъ въ сопровожденіи хорошаго ѣздока. Остальные гости предоставлены были случаю и распоряжались какъ умѣли, забирали простыхъ лошадей и, къ великому удовольствію своему, скакали въ разныя стороны. Дамы и дѣвицы слѣдовали за ѣздоками въ бричкахъ, дрожкахъ, линейкахъ. Всѣ принимали участіе въ этихъ прогулкахъ, кто верхомъ, кто въ экипажѣ. Свита Прѣсненской походила на обозъ разбитой арміи, ретирующейся въ безпорядкѣ. Высицкій раза два попробовалъ держаться рядомъ съ Иваномъ Петровичемъ и его дамой, но всѣ кони, какіе только находились въ заводѣ деревни, словно заражены были обиднымъ предубѣжденіемъ къ его особѣ. Они то уносили его впередъ, то отставали непомѣрно, а нѣкоторые и совсѣмъ не хотѣли дѣлать прогулки подъ его начальствомъ. Настасья Сергѣевна умѣла почтить несчастіе: она, въ подобныхъ случаяхъ, ничего не говорила, даже не улыбалась, но зато Ногаевъ былъ внѣ себя отъ восторга и кричалъ сконфуженному пріятелю: «Вотъ видишь ли, Пьеръ, писать бумаги и ѣздить верхомъ — *c'est deux*, братецъ!» Опозоренный Высицкій бросилъ кавалькады и весь предался флорѣ деревни. Онъ сталъ усердно ботанизировать въ болотныхъ рощахъ, окружавшихъ деревню, думая, что долгія его отсутствія вызовутъ наконецъ упрекъ и ласковое замѣчаніе. Ничего не бывало. Настасья Сергѣевна встрѣчала его добродушно, но безъ всякаго желанія знать причину отлучки и занятія его. Одинъ только Ногаевъ благодарилъ Петра Иваныча отъ имени всего края за то, что онъ очищаетъ почву его отъ ядовитыхъ растеній. Тогда Высицкій вздумалъ подняться на хитрости: онъ началъ сближаться со старухой-теткой, искать преимущественно ея бесѣды и показывать всѣ признаки удовольствія, когда могъ провести съ ней нѣсколько часовъ. Надо отдать справедливость Петру Иванычу:

онъ хитро и уклончиво отбросилъ всѣ попытки старой барыни на откровенныя съ нимъ объясненія. Ему хотѣлось только возбудить посредствомъ досады и ревности то вниманіе, которое дремало въ Настасьѣ Сергѣевнѣ, по мнѣнію его, отъ излишней увѣренности въ себѣ. Не помогло и это. Настасья Сергѣевна часто заставала ихъ въ секретномъ разговорѣ, но не показывала скорби и нисколько не перемѣняла съ Высицкимъ своего снисходительнаго, но холоднаго обращенія. Кончалось тѣмъ, что Петръ Иванычъ вдругъ чувствовалъ упреки совѣсти и, недовольный собой, терзаемый раскаяніемъ, уходилъ въ свою комнату и тамъ билъ себя въ лобъ, восклицая: «Боже мой! зачѣмъ я дѣлаю это, зачѣмъ?» — А кто же зналъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?

Самый день торжества, кончившійся пышнымъ обѣдомъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, не принесъ никакого поученія Петру Иванычу. Въ этотъ день Настасья Сергѣевна сняла съ себя трауръ. Вмѣстѣ съ нимъ, казалось, она хотѣла сбросить всю длинную, тяжолую ткань печальныхъ мыслей, которую плела такъ упорно съ самой минуты своего несчастія. Высицкій и Ногаевъ были забыты. Она отдалась гостямъ, съ жадностью прислушивалась къ рѣчамъ, замѣткамъ, хохоту ихъ, какъ-будто въ людской молвѣ хотѣла освѣжить измученное сердце и утомленную голову. Оживленная рѣшимостью оторваться отъ воспоминаній несчастнаго года, прожитаго ею, Прѣсненская въ этотъ день просила разсѣянія у гостей и съ благодарностью принимала все, что̀ они могли дать: дикую остроту, тупой намекъ, простодушное слово. За столомъ ей видимо хотѣлось шуму, увлеченія. Съ одобреніемъ смотрѣла она на противоположный конецъ трапезы, гдѣ находился Ногаевъ въ обществѣ новыхъ своихъ друзей, скромныхъ чиновниковъ, и откуда, въ половинѣ обѣда, начиналъ подыматься сильный говоръ. Она поощряла шумный кружокъ взглядомъ, улыбкой, тайными приказаніями дворецкому и — странный капризъ женской души! — съ видимымъ наслажденіемъ наблюдала, какъ постепенно умирали въ немъ мысль и сознаніе, уступая мѣсто призраку и иллюзіи! Подумать можно было, что ей хотѣлось бы на минуту очутиться посреди или даже на мѣстѣ пирующихъ! Высицкій не вѣрилъ глазамъ своимъ, въ тоскѣ спрашивалъ самого себя: что̀ съ ней сдѣлалось? и только удивлялся, только удивлялся. Понять онъ ничего не могъ: онъ былъ изъ

породы людей, которые сдаются единственно на крайнюю и грубую очевидность.

И скоро наступила для него очевидность. Въ концѣ третьей недѣли все общество деревни разъѣхалось по домамъ, исключая нашихъ пріятелей, и одного изъ почетныхъ гостей, который говорилъ, что ему все равно гдѣ бы ни жить. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближался и срокъ 28 дневнаго отпуска, взятаго Высицкимъ. Онъ приготовлялся къ разлукѣ съ безпокойствомъ и грустію.

Разъ утромъ Настасья Сергѣевна проснулась довольно рано послѣ дурной, тревожной ночи, подошла къ окну и увидѣла, что крыши избъ, мостъ черезъ оврагъ и церковь на другой сторонѣ его покрыты первымъ осеннимъ снѣгомъ. Она отворила окно и съ наслажденіемъ стала впивать въ себя мокрый воздухъ и влажныя испаренія земли. Вся окрестность сіяла искрами; снѣгъ медленно таялъ подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, и было что-то укрѣпляющее и цѣлительное во всемъ этомъ свѣжемъ воздухѣ безъ теплоты, въ холодныхъ переливахъ свѣта на снѣгу и въ серебряномъ, матовомъ цвѣтѣ неба!

Настасья Сергѣевна рѣшилась сдѣлать послѣднюю прогулку верхомъ, долгую, упоительную, и потомъ запереться на всю зиму. «Сегодня прощусь съ людьми и природой, сказала она: — и послѣ никого уже не стану принимать....»

На этотъ разъ общество въ деревнѣ отобѣдало ранѣе обыкновеннаго. Положено было отправиться на прогулку всей семьей. Тетка приняла съ радостію предложеніе, къ изумленію Высицкаго, который считалъ ее заклятымъ врагомъ всѣхъ удовольствій. По обыкновенію, Прѣсненская и Ногаевъ поѣхали впередъ верхами; за ними слѣдовали старуха и Высицкій въ широкихъ, двойныхъ дрожкахъ, купленныхъ въ окрестностяхъ, неуклюжихъ и крѣпкихъ какъ бывшій ихъ хозяинъ. Кучеръ Сидорка, которому старуха исключительно ввѣрялась при выѣздахъ, былъ въ обыкновенномъ своемъ сѣромъ армякѣ, но подпоясался истасканнымъ золотымъ кушакомъ. На двухъ лошадкахъ, пѣгой и гнѣдой, извѣстныхъ въ околодкѣ скромнымъ своимъ поведеніемъ, блистали хомуты съ серебряной насѣчкой, но запряжены онѣ были веревками, составлявшими пышные банты на всѣхъ оконечностяхъ. Компаньонка, взятая на-прокатъ, не могла участвовать въ общемъ удовольствіи. Съ самаго пріѣзда изъ Петербурга, она постоянно страдала флюсомъ и почти че-

резъ день *обмирала*, относя послѣднюю немощь къ полнокровію своему.

Поѣздъ нашъ миновалъ чинно околицу, при поклонахъ караульщиковъ и поселянъ. Онъ спустился осторожно въ оврагъ, и покуда дрожки переѣзжали бревенчатый мостъ, заколебавшійся и заболтавшій что-то подъ ними, Ногаевъ и Прѣсненская были уже на противоположномъ возвышеніи, гдѣ красовалась сельская церковь. Тутъ Настасья Сергѣевна обернулась посмотрѣть на спутниковъ своихъ и увидала старуху и Высицкаго въ жаркой бесѣдѣ. Она тотчасъ же отвернулась и сказала Ногаеву съ презрѣніемъ: «они про насъ говорятъ».

Ногаевъ посмотрѣлъ тоже назадъ и отвѣчалъ: «пускай ихъ!... Надо же о чемъ-нибудь говорить».

Они выѣхали въ поле и продолжали слѣдовать шагомъ по дорогѣ, тянувшейся между голыхъ полей. Далеко на горизонтѣ темнѣлся кустарникъ, вѣтеръ ходилъ по степи. Романтическаго тутъ ничего не было; но всегда ли нужно романтическое для изліяній сердца и меланхолической настроенности?

— Помните ли вы минуту нашего перваго свиданія? сказала Прѣсненская задумчиво.

— А какъ же! отвѣчалъ Ногаевъ: — въ это время я былъ ужасно какъ разстроенъ и ѣхалъ въ Петербургъ совершенно безъ гроша денегъ.

— Скажите, Иванъ Петровичъ, продолжала Прѣсненская съ участіемъ: — что̀ могло привести васъ въ такое положеніе?

— Отношенія дружбы, Настасья Сергѣевна. Я пожертвовалъ дружбѣ все мое состояніе. Дружба меня раззорила, да это еще ничего бы, ато, можно сказать, я отдалъ дружбѣ самого себя и душу мою.

— Это какъ?

— Очень просто. Вы женщина, Настасья Сергѣевна, но поймете меня. Сколько разъ просиживалъ я ночи съ другими, когда спать хотѣлось; на какія шалости пускался, вы не повѣрите, чтобъ сдѣлать удовольствіе близкимъ людямъ. Бывало, мы съ ними веселимся и пьемъ, а у меня совсѣмъ другое на умѣ.... Я просто былъ рабъ дружбы.

— Все это хорошо, Иванъ Петровичъ, но все это показываетъ, что вы вели бурную жизнь.

— Чтò вы называете бурной жизнью, Настасья Сергѣевна? объяснитесь!

— Какъ чтó? Да вотъ напримѣръ то, что вы.... пили!

— А на это позвольте вамъ сдѣлать вопросъ по чистой совѣсти. Какъ вы думаете: жизнь бываетъ ли два раза для человѣка?

— Нѣтъ, не бываетъ.

— Ну, такъ и слѣдуетъ, что одинъ-то разъ надобно, чтó называется, насладиться ею за всѣ разы.

Настасья Сергѣевна замолчала. Она, казалось, вникала въ смыслъ методы, высказанной Ногаевымъ; потомъ она снова обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Разскажите мнѣ вашу жизнь, по-крайней-мѣрѣ на столько, на сколько я способна понять ее.

— Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ Ногаевъ. — Жизнь моя текла попросту: чтó вздумалось, то и дѣлалъ. Иногда выходило и худо, да чтó за бѣда! И хорошее и дурное, — все было на ладони. Съ товарищами жилъ я *à coeur ouvert* и ни отъ кого не прятался. Я знаю, нынѣшніе люди меня осудятъ, назовутъ пустой головой, и Богъ знаетъ чтó... вы, я думаю, сами слышали?

— Какъ же можно?

— Слышали, слышали.... ужь не краснѣйте, я это зналъ напередъ. Бóльшая часть дамъ любятъ разскащиковъ о слабостяхъ людей.

— Вы не совсѣмъ справедливы въ приговорѣ вашемъ дамамъ, Иванъ Петровичъ. Есть многія изъ нихъ, которыя умѣютъ оцѣнить благородство характера подъ всякой формой.

— Весьма немного такихъ, возразилъ настойчиво Ногаевъ. Если бы ихъ много было, такъ онѣ бы спросили у своихъ умниковъ: случалось ли имъ быть на краю гибели или у порога гроба, смѣю выразиться, отъ любви къ женщинѣ? На чтó они способны? Готовы ли они, напримѣръ, для одной минуты свиданья повергнуться даже въ пропасть: пускай потомъ дѣлаютъ со мной, чтó хотятъ. Этого они ничего не знаютъ!

— А вы знаете это? произнесла Прѣсненская вполголоса.

— Я знаю это, Настасья Сергѣевна, отвѣчалъ Ногаевъ, находившійся уже въ полнотѣ восторженнаго состоянія. Вы меня будете презирать, когда я разскажу вамъ мою исторію; но я

разскажу ее безъ утайки, какъ передъ роднымъ отцомъ — будь сказано безъ обиды вамъ. Я былъ причиною смерти, смерти отъ любви. Вы ужасаетесь: я самъ себя ужасаюсь, Настасья Сергѣевна, я ненавижу себя, я чувствую къ себѣ омерзѣнie, какого никто не можетъ имѣть, я иногда думаю... но это не то. Дѣвушка, въ которую я былъ влюбленъ, принадлежала къ купеческому сословію. Съ ней обращались самымъ неприличнымъ образомъ. Это еще болѣе увеличивало взаимную нашу привязанность, но между нами стояла тысяча препонъ. Я преодолѣлъ ихъ всѣ, уговоривъ Сашу скрыться у меня на квартирѣ. Никто не зналъ, куда она дѣвалась; прiятели ни разу не видали ея у меня, а на человѣка моего можно было положиться: онъ почти совсѣмъ потерялъ голосъ. Такимъ образомъ мы почти цѣлый годъ жили съ Сашей въ совершенномъ уединенiи. Я цѣлые дни проводилъ на колѣняхъ передъ ней, а ночи спалъ у ней въ ногахъ.... Она не выдержала и пала первая, Настасья Сергѣевна! Съ шестого мѣсяца сталъ я замѣчать, что она изнываетъ и слабѣетъ. Разумѣется, я хотѣлъ разлучиться на-время, но она мнѣ говорила, что не хочетъ жизни, что знаетъ жизнь, что ей довольно было жизни, и смотрѣла на меня, смотрѣла невыразимо. Вотъ этотъ взглядъ всегда преслѣдуетъ меня ночью.... Совершенно разслабленная, лежала она подъ конецъ въ моихъ объятiяхъ и цаловала мои руки: я совсѣмъ не хотѣлъ, да она говорила, что это облегчаетъ ее. Такъ она и умерла! Вотъ видите ли, Настасья Сергѣевна, до сихъ поръ не могу вспомнить этой картины безъ слезъ!

Ногаевъ вынулъ изъ кармана платокъ, приложилъ его сперва къ глазамъ, потомъ обтеръ усы и потомъ отправилъ его назадъ, въ прежнее мѣсто.

Настасья Сергѣевна ѣхала опустя голову и ни говоря ни слова. Шумъ нагонявшихъ дрожекъ вывелъ ее изъ странной задумчивости, которая вдругъ напала на нее. Она вздрогнула и, обратясь къ Ногаеву, произнесла скороговоркой:

— Полноте печалиться, Иванъ Петровичъ! Поѣдемте шибче!

— Съ большимъ удовольствiемъ, отвѣчалъ поспѣшно Ногаевъ и поднялъ лошадь свою въ галопъ.

Нѣсколько минутъ ѣхали они ровнымъ, мѣрнымъ галопомъ, такимъ, какимъ обыкновенно новичокъ въ сельской жизни разноситъ тоску свою по полямъ. Мало-по-малу Настасья Сергѣевна

стала увеличивать скорость бѣга: галопъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Съ намѣреніемъ ли предалась она рьяной ѣздѣ, или незамѣтно увлечена была конемъ своимъ, разрѣшить не умѣю, только черезъ четверть часа они уже неслись какъ-будто за ними была погоня. Ногаевъ слѣдовалъ за молодой вдовой хладнокровно и совсѣмъ не видалъ, что локоны Настасьи Сергѣевны, выхваченные вѣтромъ изъ-подъ шляпы, сильно били ей въ лицо, что вуаль ея разносился, и вся она, согнувшись, мучительно боролась съ летѣвшимъ ей навстрѣчу вихремъ. Ногаевъ скакалъ будто по приказу и смотрѣлъ только впередъ. Вскорѣ миновали они усадьбу и мчались уже по степи, которая начиналась за нею и, казалось, должна была кончиться только у полюса. Лѣсокъ, виднѣвшійся прежде на горизонтѣ, яснѣлъ болѣе и болѣе передъ глазами ихъ. Вскорѣ миновали они первые кустарники и неслись далѣе. Никому и въ голову не приходило спросить себя: что̀ подумаютъ покинутые ими далеко за собой старуха и Высицкій? Казалось, они хотѣли остановиться только на краю земли.

Случилось однакожь происшествіе, вдругъ возвратившее ихъ къ самимъ себѣ и въ сотый разъ доказавшее, что на свѣтѣ семъ ничего вѣрнаго не бываетъ.

Они уже были на противоположной закраинѣ лѣса, когда Ногаевъ послышалъ пронзительный крикъ съ лѣвой стороны своей и обернувшись не встрѣтилъ фигуры амазонки на лошади, какъ слѣдовало бы ожидать. Онъ осадилъ своего коня, быстро спрыгнулъ на землю и очутился лицомъ къ лицу съ Настасьей Сергѣевной, стоявшей въ страхѣ и изумленіи. Подъ вліяніемъ какого-то невыразимаго оцѣпѣненія, Ногаевъ не могъ произнести ни одного слова и хладнокровно смотрѣлъ, какъ рыжая лошадка Прѣсненской, освободившись отъ сѣдока своего, неслась черезъ всю степь кратчайшей дорогой къ деревнѣ и вѣроятно также къ знакомой конюшнѣ и любимому стойлу своему.

— Что̀ это значитъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Не знаю, отвѣчала Настасья Сергѣевна.

— Не ушиблись ли вы?

— Нѣтъ, не ушиблась.

Послѣ минуты молчанія, Ногаевымъ овладѣлъ неожиданно самый неистовый, гомерическій смѣхъ.

— Понимаю, понимаю, закричалъ онъ: — подпруга была слаба.... У Сидора дрожатъ руки послѣ оспы.... вотъ онъ и не

затянулъ ея.... Сѣдло свалилось и вы также съ нимъ.... Удивительно!

— Это правда, отвѣчала тоже смѣясь Настасья Сергѣевна: — но къ счастію я уже потеряла прежде стремена и отъ вѣтру бросила поводья.... Но что мы будемъ дѣлать, Иванъ Петровичъ?

— Какъ что дѣлать? возразилъ Ногаевъ, словно удивленный этимъ вопросомъ..... да мы....

Онъ былъ въ замѣшательствѣ.

— Далеко мы отъ деревни нашей? спросила Прѣсненская.

— Верстъ десятокъ будетъ, и если пѣшкомъ итти, такъ къ ночи поспѣешь. Бѣда только въ одномъ, что жилья кругомъ нѣтъ никакого. Будь жилье, такъ очень бы легко нанять какую-нибудь тележку, заплатить хозяину, что попроситъ, и доѣхать до деревни, пожалуй хоть въ одиночку.

— Какъ же быть? Да неужели мы въ самомъ дѣлѣ такъ скоро ѣхали? Ищите средства выпутаться изъ бѣды, Иванъ Петровичъ: такъ оставаться нельзя. Тетушка подыметъ теперь шумъ на весь уѣздъ, да и Высицкій еще.... это очень непріятно! Выдумайте что-нибудь непремѣнно.

Ногаевъ стоялъ въ раздумьи и вдругъ воскликнулъ:

— Выдумалъ,... но врядъ ли вы согласитесь.... Въ самомъ дѣлѣ, это невозможно.... Я совершеный глупецъ!... Извините, Настасья Сергѣевна!

— Говорите, что вы выдумали?

— Вы будете смѣяться. Мнѣ пришло въ голову, что отсюда если взять цѣликомъ по полямъ, вотъ какъ сдѣлала ваша лошадка, то черезъ полчаса хорошаго галопа можно пріѣхать къ ручью, который течетъ у васъ сзади дворовыхъ избъ. Тетушки не будетъ дома ранѣе часу, и мы бы могли вытти ей на встрѣчу и разсказать какую-нибудь басню; вотъ и все. Планъ чудеснѣйшій, да я забылъ, что для этого намъ надобно ѣхать на одной лошади вдвоемъ, вотъ какъ на картинахъ изображаютъ Матильду изъ крестовыхъ походовъ.... Это невозможно!

— Верхомъ вдвоемъ?

— Да, вдвоемъ верхомъ; но это нелѣпость.... простите меня!... а вѣдь больше ничего въ голову нейдетъ.

Настасья Сергѣевна посмотрѣла сперва на лошадь, потомъ на Ногаева, а наконецъ на небо. Небо было весьма неутѣшительно. Тамъ собиралась ночь, и между тѣмъ какъ вѣтеръ все

болѣе и болѣе крѣпчалъ, свистя въ кустарникѣ, наверху неслись густыя тучи, предвѣщая холодный и обильный дождь.

— Чтóжъ? поѣдемте вмѣстѣ, отвѣчала Настасья Сергѣевна рѣшительно.

— Возможно ли?... Браво, Настасья Сергѣевна! Вы героическая женщина! Вамъ бы въ Греціи родиться или ужь въ отечественную войну! Зато какое я вамъ сѣдло сдѣлаю.

Съ этими словами Хватаевъ бросился къ лошади, подвинулъ сѣдло къ гривкѣ, покрылъ его коврикомъ, устроилъ стремена, даже сдѣлалъ что-то въ родѣ спинки къ сѣдлу изъ двухъ платковъ, потомъ ловко вскочилъ на крупъ лошади и, показывая Настасьѣ Сергѣевнѣ заготовленное мѣсто, произнесъ:

— Къ вашимъ услугамъ! Милости просимъ.... Пожалуйте, да смѣлѣе.... *Куражъ, madame*!

Прѣсненская подошла бодро къ лошади, подала руку Ногаеву, занесла ногу въ стремя и сильнымъ прыжкомъ очутилась на сѣдлѣ. Иванъ Петровичъ слышалъ однакожь, какъ рука ея судорожно дрожала въ его рукѣ; но, не обращая особеннаго вниманія на внутреннее состояніе молодой вдовы, онъ продолжалъ:

— Усѣлись ли вы? Хорошо. Теперь намъ надо сдѣлать условіе. Во-первыхъ, не выпускайте ноги изъ стремени ни подъ какимъ видомъ; во-вторыхъ, скажите тотчасъ какъ вамъ будетъ неловко: я остановлюсь; а въ-третьихъ, вамъ надо держаться за что-нибудь: такъ вотъ отвороты моего сюртука. Извините, извольте ихъ взять.... Слѣдовало бы и еще....

— Будетъ и этого, отвѣчала Прѣсненская смѣясь. — Я стану держаться за сѣдло и за васъ. Вамъ позволяется придержать меня только въ самомъ крайнемъ случаѣ, да что еще вы должны будете отдать мнѣ потомъ отчетъ въ этомъ.

— Ненужно и повторять.... Теперь въ дорогу.... Разъ, разъ!... Вы видите, это также спокойно какъ въ іоахимовой каретѣ.

— Почти.... Ступайте шибче.

— Поѣдемъ и шибче, но тогда ужь будетъ: разъ, разъ, разъ, разъ!

Полчаса ѣзды до ручья, бѣжавшаго сзади служительскихъ обиталищъ деревни, прошло слишкомъ быстро для Ногаева и показалось странно долгимъ Настасьи Сергѣевнѣ. Они та-

лошировали молча по рыхлой землѣ, которую лошадь ихъ выбрасывала во всѣ стороны. Почти съ каждымъ движеніемъ ея, Прѣсненская, принужденная искать опоры, все болѣе наклонялась къ спутнику и крѣпче держалась за него. Вскорѣ осмотрительность женщины, чувство своей неприкосновенности совершенно замерли въ душѣ ея, уступивъ мѣсто одному опасенію: нарушить или остановить поѣздку. Правда, что-то ѣдкое и упрекающее еще лежало на сердцѣ ея, но уже безгласно какъ ослабѣвшій непріятель. Настасья Сергѣевна, страннымъ образомъ, только и занята была мыслію: ѣхать, ѣхать! Мало-по-малу пропала въ ней и послѣдняя искра самосохраненія: поѣздка уже казалась ей сномъ, фантазіей, кошемаромъ, который давитъ ее тяжело и упоительно вмѣстѣ. Она хотѣла насладиться призракомъ до конца, извѣдать все, что было въ немъ смѣлаго и необычайнаго.... Руки ея лежали на плечахъ Ногаева. Счастливый ѣздокъ могъ слышать на собственной груди біеніе сердца и прерывистое дыханіе неосторожной женщины. Надо отдать справедливость Ногаеву: онъ нисколько не удивлялся своему счастію и предоставлялъ, по обыкновенію, фортунѣ развязать это происшествіе, какъ ей угодно. Молча скакали они такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока ручей, мутно поднятый недавно сбѣжавшимъ снѣгомъ, бросился въ глаза Ивану Петровичу.

— Соберите всѣ ваши силы, сказалъ онъ, наклоняя голову къ Настасьѣ Сергѣевнѣ: — мы у ручья и сейчасъ должны будемъ сдѣлать прыжокъ, — сальто-мортале.

Вѣроятно случай этотъ переполнилъ мѣру рѣшимости, къ какой способна была Прѣсненская, потому-что она воскликнула вдругъ въ неописанномъ ужасѣ:

— Возможно ли?... Я не хочу!,... Назадъ!.... Пустите меня.

— Теперь поздно, отвѣчалъ Ногаевъ, сильно взявъ ее рукой и удерживая на сѣдлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вскрикнулъ страшнымъ образомъ и подтвердилъ воззваніе это убійственнымъ ударомъ хлыста по лошади. Конь, раздѣлявшій нѣкогда труды строевыхъ лошадей, вспомнилъ свою веселую молодость и прыжки черезъ барьеръ. Онъ поднялся и безъ особенныхъ усилій перескакнулъ на другую сторону. Ногаевъ держалъ крѣпко одной рукой Настасью Сергѣевну, а другой тотчасъ же остановилъ коня. Они были теперь почти у себя, дома, но къ несча-

стію, Прѣсненская не выдержала послѣдняго *сильнаго* ощущенія этой дороги: она потеряла чувства и лежала въ обморокѣ на рукахъ Ногаева.

Тутъ мы и покинемъ ихъ. Въ жизни каждаго человѣка есть такія минуты, которыя требуютъ огненнаго вдохновенія поэта и съ трудомъ ложатся подъ перо простого разскащика! Согласитесь однакожь, господа, что эта Прѣсненская весьма мало походила на петербургскую Прѣсненскую, столь осторожную и мечтательную.

Возвратимся поскорѣй къ г. Высицкому.

Для него наступила очевидность наконецъ. Отъ глаза Петра Иваныча, изощреннаго ревностію, не могло скрыться, что Прѣсненская унеслась съ провожатымъ своимъ тотчасъ, какъ послышала приближеніе дрожекъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не говорилъ ни слова. Старуха, удивленная и раздосадованная этимъ внезапнымъ молчаніемъ, вскорѣ велѣла Сидору повернуть назадъ къ деревнѣ. Выпустивъ старуху у крыльца, Высицкій, подъ предлогомъ головной боли, тотчасъ же удалился въ свою комнату. Онъ не слыхалъ, какъ почти вслѣдъ за тѣмъ прибыли Ногаевъ и Прѣсненская, рука въ руку, смѣясь и разсказывая толстяку, какую шутку они выдумали, съ цѣлью удивить и напугать тетушку. Петръ Иванычъ лежалъ у себя въ халатѣ на постели — и горько плакалъ, бѣдняга!

Люди, химически разложившіе слезу на составныя ея части, совершенно упустили изъ виду различныя группы и серіи слезъ. Это часто бываетъ съ учеными, отыскивающими одну общую формулу для всѣхъ явленій. Кто же, въ самомъ дѣлѣ, повѣритъ, чтобъ лицемѣрная слеза уличеннаго взяточника была одно и тоже со слезой, пролитой въ театрѣ, походила на алмазный токъ, вызванный великимъ поэтическимъ произведеніемъ.

Нелѣпость тутъ очевидна. Жалко, что отсырѣвшая подушка Высицкаго не была подвергнута анализу: она, можетъ статься, объяснила бы темную сторону вопроса. Высицкій плакалъ одинъ въ своей комнатѣ, при нагорѣлой свѣчѣ, и эта глухая, затаенная скорбь имѣла въ себѣ много поразительнаго, эффектнаго. Какъ ни былъ огорченъ Высицкій, но оригинальность собственнаго положенія была имъ замѣчена. Онъ горько рыдалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ себя какъ-то хорошо. Подите, разбирайте теперь слезы! Разъ мнѣ самому случилось ѣхать изъ

Петербурга въ Москву, въ дилижансѣ съ человѣкомъ, который четыре ночи страдалъ безсонницей. Я былъ удивленъ, замѣтивъ, съ какимъ удовольствіемъ слѣдилъ онъ въ зеркальцо, повѣшенное передъ нимъ, постепенно возрастающіе признаки болѣзни и муки на лицѣ своемъ! Шумъ въ сосѣдней комнатѣ вывелъ Петра Иваныча изъ прекрасно-тяжолаго состоянія его: онъ легко узналъ поступь и рѣчь Ногаева, возвращавшагося на покой послѣ ужина и дня, проведеннаго имъ съ такой пользой. Высицкій вскочилъ съ постели и сталъ ходить большими шагами. Въ сосѣдней комнатѣ спалъ его врагъ, коварное существо, укравшее всю его будущность!... Всякой человѣкъ, знающій, отъ какой бездѣлицы зарождается иногда преступная мысль, долженъ непремѣнно ужаснуться въ этомъ мѣстѣ нашего разсказа. Уже сколько разъ случаи, гораздо ничтожнѣе настоящаго, какъ напримѣръ: плохо притворенная дверь, бумажникъ, неосторожно выложенный, и проч. были причиною запутаннаго и кроваваго событія, ужасавшаго потомъ роковой своей тѣнью самые отдаленные народы! На этотъ разъ однакожь дѣло обошлось проще. Высицкій ходилъ большими шагами потому только, что въ головѣ его блеснула мысль отправиться къ Ногаеву и просить его, именемъ дружбы, уѣхать изъ деревни, снять очарованіе, подъ которымъ видимо находилась Прѣсненская, и возвратить такимъ образомъ ему, Высицкому, предметъ его любви, надеждъ, страданій,—больше ничего! Петру Иванычу казалось даже, что вызвавъ Ногаева на самопожертвованіе, онъ окажетъ услугу Ногаеву же.

Когда идея эта достаточно созрѣла въ головѣ Высицкаго, онъ взялъ свѣчку — и снова поставилъ ее на прежнее мѣсто. Какъ всѣ тонкія, эстетическія организаціи, Петръ Иванычъ имѣлъ врожденное отвращеніе отъ простого изложенья дѣла и вездѣ хотѣлъ имѣть приличную обстановку. Итти тотчасъ къ Ногаеву и высказать все, что было на душѣ, казалось ему слишкомъ обыкновенно. Онъ далъ время пріятелю успокоиться и отправился будить его въ ту самую минуту, когда крѣпкій и нѣсколько визгливыі носовой звукъ возвѣстилъ, что Ногаевъ предался первому, сладкому сну. Шумъ шаговъ и свѣтъ, внесенный въ комнату, мало подѣйствовали на могущественную натуру Ногаева, притомъ же и сильно утомленную происшествіями истекшаго дня. Высицкій сѣлъ на постель друга и при-

нужденъ былъ, что̀ называется, растолкать его. Покуда тотъ протиралъ глаза и озирался кругомъ въ недоумѣніи, Петръ Иванычъ рыдая началъ умолять его — сдѣлаться великимъ человѣкомъ, не упускать случая совершить прекрасный поступокъ, уѣхать изъ деревни.

Ногаевъ совершенно пришелъ въ себя только къ послѣднимъ словамъ друга:

— Такъ ты хочешь, чтобъ я уѣхалъ отсюда?

— Да, отвѣчалъ Высицкій: — и это будетъ однимъ изъ сладкихъ воспоминаній, какія останутся у тебя на всю жизнь!

— Помилуй, Петя, возразилъ Ногаевъ: — тебѣ извѣстно, что я *искалъ жениться* на дѣвушкѣ съ состояньемъ; вотъ теперь попадается мнѣ подъ руки молодая вдова съ хорошимъ приданымъ, такъ-что мнѣ и въ Москву не надо ѣхать; а ты хочешь... Не могу, братецъ, не могу. Проси чего-нибудь другого. Я пожалуй готовъ пожертвовать жизнію, если ужь тебѣ такъ нужно; а этого не могу.... Да кстати: оно и поздно. Я сегодня на прогулкѣ объяснился съ Настасьей Сергѣевной въ любви и просилъ ея руки и сердца. Она мнѣ ничего рѣшительнаго не сказала, но хотѣла дать отвѣтъ на-дняхъ.... Ты видишь!...

Высицкій сидѣлъ на постели пріятеля въ онѣмѣніи, какъ пораженный громомъ!...

На другой день онъ возвращался въ Петербургъ одинъ, по той дорогѣ, по которой проѣзжалъ еще такъ недавно въ сообществѣ Ногаева, увезеннаго имъ почти насильно изъ столицы въ деревню Настасьи Сергѣевны Прѣсненской.

III.

НАСТАСЬЯ СЕРГѢЕВНА ПРѢСНЕНСКАЯ.

Немаловажную услугу оказалъ бы всѣмъ страдающимъ *нѣжной страстью* тотъ человѣкъ, который привелъ бы явленія ея въ порядокъ. До сихъ поръ необходимыя слѣдствія обманутой любви, какъ-то: упрекъ, раскаяніе, тяжолое воспоминаніе живутъ безъ устава, безъ дисциплины, появляются, когда всего менѣе ожидаешь ихъ, убѣгаютъ не сказавшись напередъ и проч. Можно подумать, что имѣешь дѣло съ толпой черкесовъ или съ

гверильясами Сіерры-Моррены: въ благоустроенномъ обществѣ это нестерпимо. Совсѣмъ другое дѣло, если бы обратили ихъ пожалуй хоть въ перемежающуюся лихорадку. Тогда по-крайней-мѣрѣ въ извѣстный день можно бы приготовиться къ отпору, запереться въ спальнѣ, поставить передъ собой стаканъ сахарной воды, горѣть и дрожать, дрожать и горѣть, а къ утру вытти какъ ни въ чемъ не бывало. Разительнымъ примѣромъ этому можетъ служить Высицкій. По возвращеніи въ городъ, онъ явился въ канцелярію — и все пошло на-выворотъ. Онъ говоритъ съ начальникомъ и вдругъ пролетаетъ какой-то образъ, на сердцѣ становится горько, Высицкій блѣднѣетъ: надо переспрашивать приказанія. Онъ принимается сочинять бумагу и Богъ знаетъ откуда раздается знакомый голосъ: перо выпадаетъ изъ рукъ, и нестерпимая внутренняя боль откидываетъ его назадъ. Наконецъ Высицкій торопится домой и останавливается посреди тротуара, точно явился ему духъ Мыса Доброй Надежды и загородилъ дорогу. Досадно, по-истинѣ. Хорошо, что въ нашемъ климатѣ продолжается это недолго: бо̀льшею частію отъ одного срока третного жалованья до другого.

Но что̀ сказать, если къ мученіямъ неудовлетворенной страсти присоединилась еще и потеря духа, въ котораго вѣровали: тутъ ужь я не знаю, какъ и жить можно! Природа снабдила несчастнаго любовника одной только защитой противъ врага, его преслѣдующаго — болтливостію. Въ этомъ любовники походятъ на людей, слабыхъ грудью, которыхъ, говорятъ, излечиваютъ, заставляя пѣть. Потребность говорить о предметѣ условливаетъ, по всѣмъ логическимъ законамъ, другую потребность — имѣть человѣка, который бы васъ слушалъ. Конечно бывали примѣры, что влюбленные и со стѣнами говорили, но это уже такой высокій градусъ восторженности, какого не всякій и достичь можетъ. Извѣстна также уловка, употребляемая больными этого рода со слушателемъ. Они никогда не приступаютъ прямо къ дѣлу, а напротивъ, начинаютъ издалека, съ предметовъ постороннихъ и малозначительныхъ: основанія ассирійской монархіи Ассуромъ и т. д. Постепенно, черезъ всю промежуточную цѣпь фактовъ и понятій, приводятъ они васъ къ настоящему предмету, который занимаетъ мысли ихъ. Кто же, скажите, можетъ подчиниться такой продѣлкѣ, кромѣ друга? Высицкій искалъ души, въ которую могъ

бы слить собственный отстой какъ въ нечистую яму — и, разумѣется, не находилъ. Если уже просто не имѣть друга составляетъ порядочное несчастіе въ этомъ положеніи, то каково же сомнѣваться въ самой возможности существованія дружбы? Ужасно! Это ведетъ прямо къ ожесточенію, человѣконенавистничеству, мизантропіи, какъ дѣйствительно и случилось съ г. Высицкимъ.

Онъ рапортовался больнымъ, надѣлъ халатъ, уменьшилъ обѣдъ однимъ блюдомъ, взялъ на домъ порядочную охапку дѣлъ изъ канцеляріи и принялся очищать ихъ съ неописаннымъ усердіемъ. Казалось, ту любовь, въ которой онъ отказалъ роду человѣческому, Высицкій перенесъ на бумаги. Правда, въ нихъ дѣло шло тоже о людяхъ, но это были уже отвлеченные люди, неимѣвшіе облика. Высицкій едва вѣрилъ въ существованіе ихъ и обращался съ ними какъ съ тѣнями, показывая каждой приличное мѣсто. Три дня работалъ онъ неутомимо. На четвертый къ вечеру руки его упали въ изнеможеніи, и самъ онъ опрокинулся на спинку креселъ, подавленный усталостію. Мысль его однакожь была бодра. Работать онъ не могъ, но горевать — сколько угодно. Онъ погрузился въ задумчивость и совсѣмъ не слыхалъ, какъ въ передней его поднялся сперва шумъ, вскорѣ потомъ смѣненный обыкновенной тишиной. Глаза Высицкаго крѣпко привязаны были къ потолку, и такъ онъ смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока двѣ широкія ладони покрыли ихъ, внезапно распространивъ ночь вокругъ него.

— Кто это? спросилъ Высицкій съ сильнымъ выраженіемъ неудовольствія.

— Я! отвѣчалъ Ногаевъ, покатившись со смѣху и начавъ плясать по комнатѣ.

Высицкій вскочилъ, словно поднялъ его ударъ вольтова столба. Преступленія Ногаева вдругъ пронеслись мимо глазъ его. Въ первую минуту онъ хотѣлъ броситься на него и въ горькой рѣчи высказать ему все свое презрѣніе, но тотчасъ же и одумался: благоразуміе сдѣлалось у него привычкой и вошло въ натуру.

— Я не знаю, что́ могло привести васъ сюда, началъ онъ спокойно. — Послѣ всего, что́ произошло между нами, вы понимаете, я не имѣю права требовать отъ васъ совѣтовъ и услугъ.

и нисколько не намѣренъ предлагать вамъ свои. Между нами ничего не можетъ быть общаго, начиная съ этой крыши....

— Полно, братецъ, вздоръ нести, отвѣчалъ Хватаевъ, махнувъ рукой. — Я пріѣхалъ къ тебѣ потому, что Прѣсненская, сказать просто, выгнала меня изъ своей деревни. Кудажь мнѣ было дѣваться!

— Выгнала! воскликнулъ Петръ Иванычъ, всплеснувъ руками.

— Да, братецъ, выгнала! И еще безъ всякихъ церемоній — вотъ какія съ тобой были.

— Разскажи, что́ же такое у васъ тамъ случилось? говорилъ мягкимъ голосомъ Высицкій, сдѣлавшійся по прежнему добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ даже взялъ Ногаева за руку, усадилъ подлѣ себя на диванѣ и прибавилъ: — да не хочешь ли чаю..,. или можетъ быть ужинать.... мнѣ самому что-то вздумалось.... Приказывай, сдѣлай милость!... человѣкъ!

— Спасибо, Петя, а впрочемъ пожалуй! Вотъ что̀ случилось, братецъ. Какъ только ты уѣхалъ, точно я перемѣнился или у Прѣсненской бѣльмо выросло,только она меня возненавидѣла. На другой день твоего отъѣзда она еще говорила со мной поутру, а къ вечеру перестала говорить совсѣмъ. Усѣлась подлѣ тетки, смотритъ на насъ страннымъ образомъ, улыбается и ни одного слова. На третій день она уже просто не выходила изъ своей комнаты. Я было послалъ къ ней просить одной минуты разговора наединѣ; она отвѣчала, что не можетъ и не хочетъ никого видѣть, да и прибавить велѣла, что для этого, пожалуй, проживетъ цѣлый годъ у себя въ комнатѣ, если нужно будетъ. Другими словами: вы мнѣ надоѣли; пора вамъ убираться. Старуха, которой, ты знаешь, я порядкомъ насолилъ, такъ обрадовалась капризу племянницы, что поздоровѣла: просто летаетъ по дому и распоряжается всѣмъ. Больше ничего не оставалось мнѣ дѣлать какъ бить ретираду; я на слѣдующее утро и пустился въ обратный путь; вотъ все!

— Какъ непостижимо, Боже мой, какъ непостижимо! замѣчалъ Высицкій тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, изрѣдка пожимая плечами.

— Передъ самымъ отъѣздомъ однакожь я просилъ позволенія проститься съ Настасьей Сергѣевной. Старуха сидѣла въ

углу у окна, по обыкновенію, и послала сказать объ этомъ Прѣсненской. Пришелъ отвѣтъ: дескать, будутъ. Я жду. Вотъ выходитъ она въ бѣломъ платьѣ и прямо ко мнѣ: вы ѣдете, говоритъ. Я поклонъ и начинаю: позвольте мнѣ явиться къ вамъ въ Петербургѣ, чтобъ опять благодарить.... Она не дала мнѣ докончить и отвѣчаетъ: «въ Петербургѣ вамъ не до насъ будетъ; у васъ тамъ есть знакомые и друзья, которые имѣютъ на васъ больше права, чѣмъ мы!» Другими словами: не извольте безпокоиться, обойдемся и такъ. Потомъ, не дожидаясь отъ меня возраженія, она отвернулась и прямо къ теткѣ. Тутъ произошла, что̀ называется, совершенная картина!

— Да развѣ онѣ ужь помирились?

— Совершенно, братецъ. И кажется, она меня выдала старухѣ. Теперь она ластится къ ней: видно затѣваетъ что-то. Однакожь дослушай. Она подошла къ теткѣ, сорвала подушку съ дивана, бросила на полъ и стала на колѣни передъ старухой. Только скажу тебѣ, братецъ, она чудо какъ хороша была на колѣняхъ въ бѣломъ платьѣ; точно *гравировка* какая-нибудь.... Вотъ какъ стала она на колѣни, взяла руки у старухи, смотритъ ей въ глаза и начинаетъ говорить, да такъ сладко, такъ сладко.... «Тетушка, говоритъ, мы съ вами поѣдемъ въ Петербургъ.... Не правда ли? мы откроемъ домъ и станемъ принимать большое общество. Я хочу видѣть свѣтъ и людей. Не правда ли, другъ мой *maman*, вѣдь это такъ: намъ надо видѣть людей, какъ можно болѣе людей.» Вѣроятно это она въ насмѣшку мнѣ говорила. Чтожь такое? Развѣ она до сихъ поръ не людей видѣла, братецъ.

— Не понимаю, отвѣчалъ Высицкій, задумываясь. — А впрочемъ очень можетъ быть, что ей хотѣлось уколоть тебя: вѣдь женскіе капризы нелегко разгадать, любезный другъ. Впрочемъ опять къ чему же?...

— Ну, да какъ бы тамъ ни было, только мнѣ сдѣлалось невъ-терпежъ. Я собралъ силы и подошелъ къ рукѣ, сперва старухи: *прощай, батюшка, будь здоровъ*, говоритъ; потомъ къ Прѣсненской, и эта какъ статуя какая подала мнѣ руку да посмотрѣла молча... Я поскорѣе шмыгъ въ двери, да въ кибитку, да драла. Конечно я могъ бы отомстить за эти проводы: стоило только

пораэсказать, какія вещи бывали на прогулкахъ; да я не злой человѣкъ. Не хотятъ меня видѣть, ну и Господь съ ними. Я не напрашиваюсь. Пусть отыскиваютъ лучше. Прожили же мы безъ нихъ до сихъ поръ и они безъ насъ; проживемъ и еще...

— Ты поступилъ какъ слѣдуетъ честному человѣку; тебѣ не въ чемъ упрекать себя. Если передъ кѣмъ-нибудь ты виноватъ, такъ это только нередо мной. Да, любезный другъ, вспомни: ты не былъ откровененъ со мной, какъ я имѣлъ бы право ожидать; ты утаилъ отъ меня свои планы, и, чтò еще хуже, ты предалъ меня посмѣянію. Я безъ опасенія положился на твою преданность, на твою готовность къ услугѣ и жертвѣ, а ты въ это время завелъ интригу и оставилъ меня на позоръ всему свѣту. Это нехорошо, мой другъ, это нехорошо.

— Прости меня, любезный Петя, отвѣчалъ Ногаевъ съ робостію. — Что дѣлать, Петя! я влюбился какъ безумный; это меня и помрачило.

— И то правда, возразилъ Высицкій. — Страсть истинная, непреоборимая освѣщаетъ ярко одну сторону человѣка и оставляетъ всѣ другія въ темнотѣ. Ты подчинился общему закону, ты не виноватъ, что тѣнь отъ тебя покрыла окружающихъ, лишивъ ихъ на минуту дневного свѣта и теплоты. Такъ бываетъ при солнечномъ затмѣніи. Когда луна заслоняетъ свѣтило наше, появляются вдругъ всѣ ночныя звѣзды; но виновато ли солнце въ этомъ?... Я отъ души прощаю тебя, мой другъ.

Высицкій поднялся съ дивана, Ногаевъ немедленно послѣдовалъ его примѣру.

— Да, мой другъ, продолжалъ Петръ Иванычъ. — Мы оба равно виновны предъ судомъ нашей совѣсти. Мы помѣстили лучшія чувства души нашей въ сердцѣ женщины, которая недостойна была понять ихъ — и не поняла. Мы создали себѣ бронзовый истуканъ и поклонились ему какъ божеству. Чтó мудренаго, если идолъ на всѣ наши моленія, на вопли сердца отвѣчалъ пустымъ, холоднымъ звукомъ металла?... Дай мнѣ руку, *Jean*, и обнимемся въ залогъ нашего примиренія, а еще болѣе въ знакъ нравственнаго освобожденія нашего.

Они пали въ объятія другъ друга и нѣжно облобызались, послѣ чего Высицкій прибавилъ:

— Это женщина безъ сердца, вѣтренная, легкомысленная и пустая. Это непостоянная женщина! Я страшусь невольно за участь ея, когда только подумаю о ней: она приготовляетъ себѣ страшную будущность.... Она погибнетъ!

— Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ Ногаевъ. — Какъ же можно жить въ нашемъ свѣтѣ съ такими правилами?... Она погибнетъ!

П. А — ВЪ.

ТОМЪ ДЖОНСЪ.

КНИГА VII.

ГЛАВА XIII.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЛОВКОСТЬ ХОЗЯЙКИ, ИСКУССТВО ХИРУРГА И ТВЕРДАЯ КАЗУИСТИКА ПОЧТЕННАГО ЛЕЙТЕНАНТА.

Когда раненаго уложили въ постель и все въ домѣ поуспокоилось, хозяйка обратилась къ командующему офицеру съ слѣдующею рѣчью:

«Этотъ молодой человѣкъ велъ себя передъ вами, кажется, не такъ, какъ слѣдуетъ; если и умретъ, такъ подѣломъ ему: пригласили въ компанію къ джентльменамъ, такъ умѣй держать себя прилично; ато эти господа сейчасъ зазнаются, какъ говорилъ мой покойный мужъ. Я ни за что не позволила бы этакому шелапаю втереться къ джентльменамъ. Сначала-то я подумала, что онъ тоже офицеръ, да сержантъ уже сказалъ мнѣ, что просто рекрутъ.

— Вы ошибаетесь, любезная хозяюшка, отвѣчалъ лейтенантъ. Мой гость велъ себя какъ нельзя лучше, и его гораздо скорѣе можно назвать джентльменомъ, нежели поручика. Нортертону нечему будетъ порадоваться, если онъ умретъ; тогда полкъ нашъ избавится отъ буяна, который только срамитъ армію. А отъ суда ему не уйти, за это я вамъ ручаюсь.

— Скажите пожалуста, кто-бы это могъ подумать? сказала хозяйка. Чтожь, я очень рада, что вы хотите суда и расправы; обижать никого не слѣдуетъ, и если джентльменъ убьетъ простого человѣка, такъ и отвѣчай за него. У простого человѣка такая же душа и также хочетъ въ царство небесное.

— Я вамъ говорю, что вы ошибаетесь, отвѣчалъ лейтенантъ:— волонтеръ нашъ гораздо больше джентльменъ, нежели поручикъ.

— Да, оно конечно, продолжала хозяйка:—вотъ и мой первый мужъ — умный былъ человѣкъ — говаривалъ: сквозь кожу въ душу не влѣзешь. А волонтеръ вашъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ съ лица порядочный человѣкъ; я вѣдь когда увидѣла его въ первый разъ, такъ онъ былъ весь въ крови. Кто бы могъ это подумать! И кто его знаетъ, можетъ статься какая нибудь сердечная зазноба.... то-то горя будетъ отцу и матери, если умретъ! Поручикъ, правду вы говорите, только срамитъ армію; вотъ другіе офицеры, сколько я ихъ ни видѣла, совсѣмъ не то: ужъ по глазамъ видно, что не охотники проливать кровь, т. е. проливатъ по-штатски, какъ говаривалъ мой мужъ, царство ему небесное: ну, а на войнѣ разумѣется дѣло другое; тамъ ужъ ни кому нѣтъ пощады, и бранить ихъ не за что: чѣмъ больше убьютъ непріятелей, тѣмъ лучше; дай Богъ, чтобъ всѣхъ передушили.

— И, что вы это, возразилъ лейтенантъ съ улыбкою. *Всѣхъ* — это ужъ черезчуръ жестоко. Что за кровожадность!

— Нѣтъ, позвольте! отвѣчала хозяйка. Я вовсе не кровожадна; только насчетъ враговъ это дѣло другое. Какъ же не желать, чтобы ихъ передушили всѣхъ до-чиста? Тогда и войнѣ конецъ, и подати станутъ полегче; вѣдь теперь и подумать страшно, что мы платимъ! Сорокъ шиллинговъ за одни окна; а мы еще задѣлали всѣ, какія только было можно; чуть не въ потьмахъ живемъ.

И она намѣрена была еще долго продолжать варіяціи на эту тему, но ея прервалъ вошедшій въ это время хирургъ; лейтенантъ поспѣшилъ освѣдомиться о состояніи больного.

— Теперь ему, надѣюсь, лучше, отвѣчалъ хирургъ:—нежели было бы безъ моей помощи. Жаль только, что не позвали меня раньше.

— Черепъ однако же цѣлъ? спросилъ лейтенантъ.

— Гм, цѣлъ? отвѣчалъ хирургъ. Переломъ кости еще не самое дурное обстоятельство. Контузіи и разрывы мягкихъ частей часто сопровождаются опаснѣйшими симптомами, и послѣдствія ихъ бываютъ хуже. Непонимающіе дѣла думаютъ, что если черепъ цѣлъ, такъ и все благополучно; а я видывалъ такія контузіи, что по мнѣ пусть лучше весь черепъ будь разбитъ въ куски.

— Тутъ однако же нѣтъ, надѣюсь, такихъ худыхъ симптомовъ? сказалъ лейтенантъ.

— Симптомы, отвѣчалъ хирургъ: — не всегда бываютъ правильны и постоянны. Мнѣ случалосъ видѣть, что съ утра они были чрезвычайно неблагопріятны, потомъ къ полудню дѣлались благопріятны, а къ ночи опять неблагопріятны. О ранахъ можно справедливо сказать: *nemo repente fuit turpissimus*. Однажды, помню, призвали меня къ больному; онъ получилъ сильную контузію *in tibiam; cutis exterior,* наружные покровы, были порваны, оказалось обильное кровотеченіе, и даже внутреннія оболочки были такъ раздвинуты, что *os*, или кость, ясно виднѣлась въ глубинѣ раны. Вмѣстѣ съ тѣмъ показались и симптомы лихорадки; пульсъ былъ полный и указывалъ на флеботомію; я опасался помертвѣнія кости и тотчасъ же пустилъ ему изъ лѣвой руки двадцать унцовъ крови; я ожидалъ, что кровь окажется густою, *sanguis glutinosus et coagulatus*, какъ во всѣхъ плевритическихъ случаяхъ; но, къ удивленію моему, она была алая и по консистенціи мало отличная отъ крови совершенно здороваго человѣка. Тогда я приложилъ припарку, и послѣ трехъ или четырехъ перемѣнъ рана начала отдѣлять изъ себя густой гной, вслѣдствіе чего и сращеніе, *cohaesio*.... однако можетъ быть вы понимаете меня не совсѣмъ ясно?

— Сознаюсь, я не понялъ ни слова, отвѣчалъ лейтенантъ.

— Такъ зачѣмъ же испытывать ваше терпѣніе, продолжалъ хирургъ. Скажу вамъ въ двухъ словахъ, что черезъ шесть недѣль паціентъ мой могъ ходить также твердо, какъ ходилъ предъ контузіей.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ только, смертельна ли рана нашего волонтера, или нѣтъ?

— Хотѣть рѣшить послѣ первой перевязки, смертельна ли рана, или нѣтъ, отвѣчалъ докторъ:-слишкомъ самонадѣянно. Всѣ

мы смертные, и во время леченія нерѣдко являются симптомы, которыхъ не можетъ предвидѣть и самый искусный врачъ.

— Однако же какъ вы думаете: въ опасности онъ, или нѣтъ? спросилъ лейтенантъ.

— Въ опасности ли! отвѣчалъ докторъ:—безъ всякаго сомнѣнія. Да и кто же, даже среди совершеннаго здоровья, можетъ сказать, что онъ внѣ опасности? А вы спрашиваете о тяжелораненомъ! Все, что́ я могу сказать вамъ въ настоящую минуту— хорошо, что меня позвали, а еще лучше было бы, если бы позвали раньше. Завтра поутру я зайду опять, а до тѣхъ поръ дайте ему отдохнуть и кормите овсянкой.

— А ячменной воды съ виномъ можно? спросила хозяйка.

— Ячменной воды съ виномъ? Да, немного можно.

— А супу изъ курицы?

— И супу изъ курицы можно.

— И желе можно?

— Да, желе очень полезно при ранахъ: оно помогаетъ сращенію.

Къ счастью, хозяйка не спросила о крѣпкомъ бульонѣ и пряныхъ соусахъ: докторъ позволилъ бы все, лишь бы угодить хозяйкѣ, у которой часто обѣдалъ.

Едва только онъ ушелъ, какъ хозяйка начала расхваливать его лейтенанту, который въ продолженіи короткаго свиданія разумѣется не могъ составить себѣ такого высокаго понятія о его искусствѣ, какъ хозяйка и все ея сосѣдство. Докторъ былъ немножко шутъ, но это не мѣшало ему быть хорошимъ врачемъ.

Узнавши, что Джонсъ находится въ большой опасности, лейтенантъ отдалъ приказъ построже присматривать за Нортертономъ и хотѣлъ поутру передать его мирному судьѣ, а отрядъ поручить вести въ Глочестеръ французу, человѣку неумѣющему ни читать, ни писать, ни говорить на какомъ нибудь-языкѣ, но при всемъ томъ хорошему офицеру.

Ввечеру лейтенантъ послалъ спросить Джонса, не обезпокоитъ ли онъ его своимъ посѣщеніемъ? Джонсъ приказалъ его просить, и лейтенантъ нашелъ раненаго въ лучшемъ состояніи, нежели ожидалъ. Джонсъ увѣрилъ его даже, что если бы не строгое приказаніе доктора, такъ онъ всталъ бы съ постели, потому-что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, исключая сильную боль въ ушибенной сторонѣ головы.

— Я былъ бы очень радъ, сказалъ лейтенантъ: — если бы вы въ самомъ дѣлѣ были такъ здоровы, какъ вамъ кажется. Тогда вы сейчасъ же могли бы расчитаться съ обидчикомъ: въ такихъ случаяхъ другого выхода нѣтъ, и чѣмъ скорѣе дѣло кончится, тѣмъ лучше. Но вы еще не такъ здоровы, какъ воображаете, и это дало бы ему слишкомъ много преимущества.

— Однако же попробую, отвѣчалъ Джонсъ:—будьте такъ добры, достаньте мнѣ шпагу; у меня нѣтъ своей.

— Моя шпага къ вашимъ услугамъ, сказалъ лейтенантъ. — Вы храбрый человѣкъ; мнѣ нравится ваша смѣлость, но я боюсь за ваши силы: послѣ такого удара и потерявши столько крови, вы не могли не ослабѣть. Лежа въ постели, вы этого не чувствуете, а взявшись за оружіе очень почувствуете. Я несогласенъ, чтобы вы съ нимъ бились сегодня ввечеру; повремените; въ нѣсколько дней вы догоните нашъ отрядъ, и я даю вамъ мое честное слово, что если онъ не дастъ вамъ удовлетворенія, такъ будетъ выгнанъ изъ полка.

— А мнѣ хотѣлось бы покончить это дѣло сегодня же, сказалъ Джонсъ. До тѣхъ поръ оно не дастъ мнѣ покою.

— И, полноте, сказалъ лейтенантъ: — нѣсколько дней не сдѣлаютъ никакой разницы. Раны чести не то, чтó раны тѣла: онѣ не дѣлаются хуже, если помедлить леченіемъ. Для васъ совершенно все равно получить удовлетвореніе недѣлею позже.

— А если мнѣ сдѣлается хуже и я умру отъ раны? замѣтилъ Джонсъ.

— Тогда этого удовлетворенія и вовсе вамъ ненужно, отвѣчалъ лейтенантъ. Я засвидѣтельствую передъ цѣлымъ свѣтомъ, что вы ждали только выздоровленія и хотѣли поступить какъ слѣдуетъ благородному человѣку.

— А все-таки отсрочка меня тревожитъ, сказалъ Джонсъ. Все-таки скажу вамъ, что несмотря на всѣ мои прошедшія шалости, я въ душѣ истинный христіянинъ.

— Также какъ и я, сказалъ лейтенантъ. Я радовался, когда вы за обѣдомъ вступились за религію, и, признаюсь вамъ, теперь мнѣ даже нѣсколько обидно, что вы какъ-будто боитесь признаться мнѣ въ религіозныхъ чувствахъ.

— Посудите же, продолжалъ Джонсъ: — какъ ужасно должно быть для истиннаго христіянина питать въ груди своей злобу,

наперекоръ заповѣди осудившаго это чувство. Какъ питать мнѣ ее на одрѣ болѣзни?

Лейтенантъ поцаловалъ Джонса, пожалъ ему руку и ушелъ. Разсужденіе его не убѣдило однако же Джонса; онъ еще долго обдумывалъ этотъ вопросъ и дошелъ наконецъ до заключенія, послѣдствія котораго вы увидите въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIV.

СОДЕРЖАНІЯ ОЧЕНЬ СТРАШНАГО. НЕМНОГІЕ РѢШАТСЯ ПРОЧЕСТЬ ЕЕ НОЧЬЮ, ВЪ ОСОБЕННОСТИ НАЕДИНѢ.

Джонсъ съѣлъ порядочную порцію супа изъ курицы, или, точнѣе, изъ пѣтуха, и притомъ съ такимъ аппетитомъ, что готовъ былъ съѣсть еще и самого пѣтуха съ придачею фунта-другого окорока. Чувствуя себя здоровымъ и бодрымъ, онъ рѣшился встать и отыскать своего непріятеля.

Прежде всего онъ послалъ за сержантомъ; но сержантъ, къ несчастью, хлебнулъ черезъ край и храпѣлъ такъ немилосердно, что за богатырскимъ храпомъ никакой звукъ не могъ проникнуть въ его ухо.

Джонсъ продолжалъ однако же требовать, чтобы его добудились, и наконецъ одному широкогрудому буфетчику удалось разогнать сонъ сержанта и передать ему приглашеніе Джонса. Сержантъ, спавшій не раздѣваясь, всталъ и въ ту же минуту отправился на зовъ. Джонсъ не счелъ за-нужное сообщить ему о своемъ намѣреніи, хотя и могъ бы это сдѣлать совершенно безопасно, потому-что сержантъ зналъ, что́ такое честь. Онъ не выдалъ бы его тайны, также какъ и всякой другой, за которую не обѣщано никакой награды. Но Джонсу эти достоинства сержанта были неизвѣстны, и осторожность съ его стороны была похвальна.

Онъ началъ съ того, что попросилъ сержанта достать ему шпагу. «Мнѣ стыдно — говорилъ онъ — что у меня нѣтъ вещи самой необходимой для солдата, и я охотно заплачу вамъ за нее, что́ будетъ стоить. Эфесъ если и не серебряный, это ничего, — лишь бы клинокъ былъ хорошъ».

Сержантъ, знавшій обо всемъ случившемся и слышавшій, что Джонсъ въ большой опасности, заключилъ изъ этой просьбы, для которой его вытребовали среди ночи, что голова у Джонса не совсѣмъ въ порядкѣ, и, какъ человѣкъ въ здравомъ умѣ, положилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

— Извольте, я могу вамъ служить, сказалъ онъ. У меня есть превосходнѣйшая шпага. Ефесъ, точно, не серебряный, да оно и нейдетъ солдату, какъ вы сами замѣтили; а впрочемъ хорошій. Клинокъ же одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Это, я вамъ скажу, такой клинокъ.... такой клинокъ.... да вотъ постойте, я вамъ его принесу, такъ сами увидите. Очень радъ, что вы чувствуете себя лучше.

Онъ возвратился въ одну минуту и подалъ шпагу Джонсу. Джонсъ вынулъ ее изъ ножонъ, сказалъ, что она годится, и спросилъ, что она стоитъ?

Тутъ сержантъ началъ выхвалять свой товаръ: сказалъ, и даже подтвердилъ клятвою, что шпага взята у знатнаго французскаго офицера, въ сраженіи при Деттингенѣ.

— Я снялъ ее съ него самъ, собственными руками, говорилъ онъ. Ефесъ былъ золотой; я продалъ его одному изъ нашихъ джентльменовъ; вѣдь вы знаете, многіе изъ нихъ предпочитаютъ ефесъ шпаги клинку.

Джонсъ прервалъ его, прося объявить цѣну. Сержантъ, считая его за человѣка совершенно сумасшедшаго и близкаго къ смерти, подумалъ, какъ бы не дать промаху, запросивши слишкомъ мало. Послѣ минутной нерѣшимости, онъ спросилъ двадцать гиней и побожился, что дешевле не уступитъ и родному брату.

— Двадцать гиней! воскликнулъ Джонсъ въ величайшемъ изумленіи. Или вы считаете меня за сумасшедшаго, или думаете, что я отъ роду не видывалъ шпаги. Двадцать гиней! Право, отъ васъ я не ожидалъ, чтобы вы задумали обмануть меня. Возьмите вашу шпагу назадъ, — или нѣтъ, постойте, пусть она останется у меня: я покажу ее завтра поутру нашему командиру и скажу ему, сколько вы за нее требовали.

Сержантъ, какъ мы уже сказали, былъ въ полномъ умѣ и увидѣлъ теперь очень ясно, что и Джонсъ не рехнулся. Онъ въ свою очередь прикинулся крайне изумленнымъ и сказалъ:

— Кажется, я не запросилъ съ васъ лишняго. Вспомните, что вѣдь у меня только эта одна шпага и есть; я рискую получить выговоръ отъ начальника, если явлюсь безъ шпаги. Право, мнѣ кажется, двадцать шиллинговъ не дорого.

— Двадцать шиллинговъ! повторилъ Джонсъ. Да вѣдь вы только-что просили двадцать гиней?

— Что вы! отвѣчалъ сержантъ. Вы вѣрно меня не разслушали, или я обмолвился; со сна немудрено, — я еще не совсѣмъ очнулся. Двадцать гиней! то-то вы такъ вспылили; оно и понятно. Двадцать гиней? нѣтъ, увѣряю васъ, я хотѣлъ сказать двадцать шиллинговъ, и разсудивши хорошенько, вы, я увѣренъ, найдете, что это недорого. Не спорю, за эту цѣну вы можете купить шпагу и покрасивѣе, но....

Но Джонсъ прервалъ его, сказавши, что не намѣренъ торговаться и дастъ ему даже шиллингомъ больше. Онъ заплатилъ гинею и пожелалъ ему спокойной ночи и счастливаго пути, прибавивши, что вѣроятно нагонитъ отрядъ еще до Ворчестера.

Сержантъ раскланялся очень учтиво и ушелъ, довольный продажей и удачной поправкой сдѣланнаго промаха.

Джонсъ въ ту же минуту всталъ съ постели и одѣлся какъ слѣдуетъ, не забывъ даже надѣть бѣлый кафтанъ, съ яркими слѣдами струившейся по немъ крови. Взявши купленную шпагу, онъ хотѣлъ уже переступить за порогъ, какъ вдругъ мысль о предстоящемъ поступкѣ, вѣроятность лишить жизни другого или умереть черезъ нѣсколько минутъ самому остановила его.

— Изъ-за чего буду я рисковать моею жизнью? подумалъ онъ. — Изъ-за чести. И кто же мой противникъ? негодяй, оскорбившій меня безъ всякаго съ моей стороны къ тому повода.

Пробило полночь, и всѣ въ домѣ спали, исключая часового у дверей комнаты Нортертона, когда Джонсъ вышелъ отыскивать своего врага, о мѣстѣ заключенія котораго подробно разспросилъ буфетчика. Трудно вообразить себѣ что-нибудь ужаснѣе фигуры Джонса въ эту минуту. Свѣтлый кафтанъ его былъ въ крови; лицо, лишенное этой крови и еще двадцати унцовъ, выпущенныхъ докторомъ, было блѣдно какъ полотно; повязка на головѣ походила на чалму; въ правой рукѣ держалъ онъ шпагу, въ лѣвой свѣчу. Окровавленная тѣнь Банко была въ сравненіи съ нимъ ничто. Дѣйствительно, я думаю, что такого ужаснаго образа не являлось ни на какомъ кладбищѣ.

Когда часовой завидѣлъ Джонса, волосы его начали понемногу приподымать на немъ гренадерскую шапку, а колѣни застучали одно объ другое. Его начало бить какъ въ лихорадкѣ, онъ выстрѣлилъ и упалъ ницъ на полъ.

Выстрѣлилъ ли онъ отъ страху. или изъ храбрости, и цѣлилъ ли въ предметъ своего ужаса, не знаю; только къ счастью онъ далъ промахъ.

Джонсъ, видя его паденіе, догадался о причинѣ его испуга, и улыбнулся, нисколько ни думая объ опасности, которой самъ только-что подвергался. Онъ прошелъ мимо часового, не измѣнявшаго своего положенія, и вошелъ въ комнату, гдѣ былъ заключенъ Нортертонъ. Здѣсь, въ глубокой тишинѣ одиночества, нашелъ онъ — пустую кружку; пролитое на столъ пиво свидѣтельствовало, что комната еще недавно была обитаема; но теперь никого въ ней не было.

Джонсъ подумалъ было, что она ведетъ въ другую, но въ ней не оказалось другой двери, кромѣ той, у которой стоялъ часовой. Джонсъ нѣсколько разъ громко кликнулъ Нортертона; но отвѣта не было, и зовъ его только удвоилъ страхъ часового, окончательно убѣдившагося, что раненый волонтеръ умеръ, и что духъ его пришелъ искать своего убійцу. Онъ лежалъ полумертвый отъ страха, и я желалъ бы, чтобы его видѣли въ эту минуту нѣкоторые изъ господъ актеровъ, которымъ приходится иногда представлять обезумѣвшихъ отъ ужаса: тутъ они увидѣли бы разницу между неподдѣльнымъ испугомъ и кривляньями и судорогами, потѣшающими только раекъ.

Видя, что птичка улетѣла, и зная, что выстрѣлъ встревожитъ весь домъ, герой нашъ погасилъ свѣчу и тихонько прокрался назадъ въ свою комнату. Ему удалось уйти незамѣченнымъ; но это только потому, что на одной съ нимъ лѣстницѣ жилъ только какой-то подагрикъ, поневолѣ принужденный оставаться въ постели. Не успѣлъ Джонсъ еще дойти до своего порога, какъ комната, въ которой стоялъ часовой, была уже полна народа; жильцы сбѣжались, кто полуодѣтый, кто просто въ рубашкѣ; всѣ суетились и спрашивали другъ у друга о случившемся.

Наконецъ нашли часового, неподвижно лежащаго въ той же позиціи. Одни бросились поднимать его, другіе приняли его за трупъ, но тотчасъ же увидѣли свою ошибку: онъ не только на-

чалъ сопротивляться, но и ревѣть какъ быкъ. Ему вообразилось, что на него напалъ цѣлый сонмъ духовъ; воображеніе его, встревоженное приходомъ мертваго волонтера, превращало всѣхъ въ привидѣнія.

Наконецъ его поставили однако же на ноги, и внесли свѣчи. Тутъ, увидѣвши человѣка два, три своихъ товарищей, онъ пришелъ нѣсколько въ себя, но на вопросъ ихъ: чтó случилось? отвѣчалъ только: «кончено, пропащій я человѣкъ! прощайте, братцы! я его видѣлъ!»

— Кого ты видѣлъ, Джакъ? спросилъ одинъ изъ товарищей.

— Волонтера, чтó вчера убитъ.

И онъ разсказалъ, подтвердивши слова свои страшною клятвою, какъ волонтеръ, весь въ крови, пыша огнемъ изо рта и носу, прошелъ мимо него въ комнату Нортертона, схватилъ его за горло и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ при громовомъ ударѣ.

Разсказъ его былъ принятъ слушателями благосклонно. Женщины не усомнились ни въ одномъ словѣ. Бóльшая часть мужчинъ тоже повѣрили разсказу; но были между ними и скептики, старавшіеся обратить все это въ смѣшную сторону; сержантъ же, бывшій тоже въ комнатѣ, замѣтилъ разскащику очень холодно: «мы еще съ тобой объ этомъ потолкуемъ, мы тебѣ покажемъ, какъ спать и грезить стоя на часахъ.»

— Вы властны наказать меня, отвѣчалъ часовой: — но я говорю вамъ, что я не спалъ; пусть унесетъ меня нечистая сила, какъ унесла поручика, если я не видѣлъ мертвеца съ большими, огненными какъ факелы глазами.

Въ эту минуту вошли командиръ отряда и командирша дома. Первый еще не спалъ, когда услышалъ выстрѣлъ, и счелъ своею обязанностью встать, хотя и не предполагалъ, чтобы случилось что-нибудь важное; а вторая была очень испугана: ей тотчасъ вообразилось, что ложки и кружки отправились въ неизвѣстную экспедицію безъ ея вѣдома.

Появленіе командира было для бѣднаго часового едва ли еще не ужаснѣе явленія мертвеца. Повторяя разсказъ свой, онъ не забылъ подбавить въ него огня и крови; но новые слушатели оказались не изъ числа вѣрующихъ: лейтенантъ былъ незнакомъ съ боязнью этого рода, и, недавно видѣвши Джонса, зналъ, что онъ живъ. А хозяйка, хоть и не очень религіозная

женщина, вѣрила отчасти въ мертвецовъ, но замѣтила въ разсказѣ часового одно обстоятельство, которое, какъ ей навѣрно было извѣстно, противорѣчило истинѣ.

Исчезъ ли Нортертонъ среди грома и молніи, или ушелъ какъ-нибудь иначе, неизвѣстно, только его не было въ комнатѣ. Лейтенантъ вывелъ изъ этого почти такое же заключеніе, какъ и сержантъ, и приказалъ арестовать часового.

ГЛАВА XV.

ОКОНЧАНІЕ ПРЕДЪИДУЩІЙ ИСТОРІИ.

Лейтенантъ подозрѣвалъ часового не только въ томъ, что онъ заснулъ, но что онъ сознательно измѣнилъ своей обязанности. Не вѣря ни одному слову изъ разсказа о появленіи мертвеца, онъ подумалъ, что часовой былъ подкупленъ Нортертономъ и выдумалъ эту исторію для своего оправданія. Онъ тѣмъ больше утвердился въ этой мысли, что страхъ казался ему неестественнымъ въ человѣкѣ, извѣстномъ за одного изъ храбрѣйшихъ солдатъ въ цѣломъ полку, бывавшемъ въ сраженіяхъ, получившемъ нѣсколько ранъ и всегда съ честью исполнявшемъ долгъ воина.

Но чтобы и читатель не составилъ себѣ дурного о немъ мнѣнія, мы поспѣшимъ оправдать его.

Нортертонъ, какъ мы уже сказали, былъ вполнѣ удовлетворенъ славой своего подвига. Можетъ статься онъ видѣлъ на дѣлѣ, или слышалъ, или просто предполагалъ, что зависть идетъ по слѣдамъ славы. Я не хочу этимъ сказать, чтобы онъ вѣрилъ и поклонялся языческой богинѣ Немезидѣ; напротивъ того, я увѣренъ, что онъ даже и имени ея не слыхивалъ; но будучи отъ природы дѣятеленъ, онъ чувствовалъ сильную антипатію къ тѣснымъ квартирамъ въ Глочестерскомъ замкѣ, для входа куда его легко могъ снабдить билетомъ мирный судья. Кромѣ того онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ непріятныхъ размышленій о деревянномъ зданіи, которое я, по общепринятому обычаю, не называю по имени, хотя людямъ приличнѣе бы гордиться, нежели стыдиться зданія, приносящаго обществу пользы больше многихъ другихъ публичныхъ построекъ. Не излагая другихъ

побудительныхъ причинъ, скажу вамъ, что Нортертону очень хотѣлось уѣхать въ этотъ же вечеръ, и оставалось только обдумать, какъ привести въ исполненіе это довольно трудное предпріятіе.

Нортертонъ былъ нѣсколько горбатъ въ нравственномъ отношеніи, но зато совершенно прямъ станомъ и сложенъ молодецки. Бóльшая часть женщинъ находили его красавцемъ, потому-что у него было полное и румяное лицо и бѣлые зубы. Хозяйка наша была тоже любительница красотъ этого рода, и онѣ сдѣлали на нее значительное впечатлѣніе. Она искренно сожалѣла о молодомъ человѣкѣ и, услышавши отъ доктора, что волонтеру очень плохо, разочла, что и поручику скоро будетъ не лучше. Получивши позволеніе посѣтить его въ его комнатѣ и нашедши его въ грустномъ раздумьѣ, она еще усилила печаль его извѣстіемъ о безнадежномъ положеніи раненаго, а потомъ начала ему намекать на вещи, которыя онъ понялъ въ одну минуту. Скоро они объяснились какъ слѣдуетъ и въ заключеніе рѣшили, что по данному сигналу поручикъ отправится въ каминъ, а оттуда, сквозь отверзтіе, сообщавшееся съ очагомъ въ кухнѣ, перелѣзетъ въ отдѣленіе хозяйки, которая между тѣмъ позаботится объ удаленіи лишнихъ свидѣтелей.

У поручика хранились въ это время пятдесятъ фунтовъ стерлинговъ, не его собственныхъ, но принадлежащихъ всему отряду: капитанъ поручилъ Нортертону выдавать солдатамъ жалованье. А Нортертонъ счелъ за-лучшее ввѣрить эти деньги покамѣстъ хозяйкѣ, можетъ быть въ видѣ залога или ручательства въ томъ, что онъ возвратится и дастъ отвѣтъ передъ судомъ. Какъ бы то ни было, только хозяйка получила деньги, а Нортертонъ свободу.

Зная сострадательное сердце хозяйки, читатель ожидаетъ можетъ быть, что она заступится за часового, совершенно, какъ ей извѣстно, невиноватаго. Но, истощился ли уже весь запасъ ея сострадательности, или черты лица часового, не многимъ впрочемъ разнящіяся отъ физіономіи поручика, не могли пробудить въ ней нѣжнаго сочувствія, не знаю, только она не произнесла ни одного слова въ его защиту, а напротивъ того, начала декламировать противъ него, и объявила, воздѣвши глаза и руки къ небу, что ни за что на свѣтѣ не согласилась бы способствовать бѣгству убійцы.

Наконецъ все успокоилось, и большая часть обитателей дома снова залегли спать. Только хозяйка, побуждаемая природною дѣятельностью, или опасаясь за кухонную посуду, не чувствовала надобности въ отдохновеніи и уговорила офицеровъ провести часокъ, остающійся до выхода въ дальнѣйшій путь, за чашею пунша.

Джонсъ въ продолженіи этого времени не спалъ и слышалъ весь шумъ и тревогу въ домѣ. Ему хотѣлось узнать, что̀ тамъ происходитъ, и онъ позвонилъ; но на звонокъ, раздавшійся разъ двадцать сряду, не явился никто: у хозяйки былъ такой пиръ, что никакого колокола нельзя было разслышать за звономъ ея собственнаго языка, а буфетчикъ и служанка, сидѣвшіе въ это время въ кухнѣ (потому-что боялись оставаться наединѣ), пришли отъ звонка въ такой ужасъ, что остались на мѣстахъ своихъ какъ пригвожденные.

Наконецъ, въ счастливую паузу, звонъ коснулся слуха хозяйки, и она кликнула слугъ. Оба явились въ ту же минуту.

— Что̀ ты, не слышишь, что звонятъ, Джой? сказала она.— Почему ты нейдешь?

— Это не мое дѣло: пусть идетъ Бетти, отвѣчалъ Джой.

— Да и не мое дѣло ходить за джентльменами, сказала Бетти. — Правда, иногда я имъ прислуживала, да это по доброй волѣ; а ужь если на то пошло, такъ вотъ не пойду же.

Звонокъ раздался сильнѣе прежняго, и разсерженная хозяйка сказала Джою, что если онъ не пойдетъ сію же минуту, такъ она его выгонитъ вонъ изъ дому.

— Это какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Джой: — а только я чужую должность исправлять не стану.

Хозяйка обратилась къ Бетти и ласками старалась уговорить ее пойти. Но все было напрасно: Бетти была также неумолима, какъ Джой. Оба утверждали, что это не ихъ дѣло, и не хотѣли итти.

Тутъ лейтенантъ захохоталъ и сказалъ:

— Позвольте, я сейчасъ разрѣшу этотъ споръ.

Обратясь къ слугамъ, онъ прибавилъ, что вѣроятно они согласятся итти вмѣстѣ. На это они согласились въ ту же минуту и отправились. Лейтенантъ же разсѣялъ послѣ ихъ ухода гнѣвъ хозяйки, объявивши ей истинную причину ихъ упорства.

Скоро они возвратились съ извѣстіемъ, что раненый не только живъ, но и веселъ, какъ-будто никогда не бывалъ боленъ, и желаетъ увидѣться съ командиромъ передъ выступленіемъ его въ походъ.

Лейтенантъ тотчасъ же пошелъ къ Джонсу, разсказалъ ему всю сцену, происходившую въ залѣ, и прибавилъ, что намѣренъ примѣрно наказать часового.

Тогда Джонсъ разсказалъ ему о своемъ ночномъ путешествіи и просилъ не наказывать солдата, «который,» говорилъ онъ: «также невиноватъ въ побѣгѣ арестанта, какъ въ желаніи обмануть васъ выдуманной басней.»

Подумавши съ минуту, лейтенантъ отвѣчалъ: «Такъ-какъ вы оправдали его въ одномъ, то и нельзя уличить его въ другомъ, потому-что не онъ одинъ стоялъ на часахъ. — Хочется мнѣ, признаюсь вамъ, наказать его за трусость; только кто измѣритъ силу и вліяніе испуга такого рода? а передъ непріятелемъ онъ всегда держалъ себя хорошо. Обѣщаю вамъ возвратить ему свободу, когда отрядъ двинется съ мѣста. Да вотъ уже и въ походъ бьютъ! Прощайте.

Лейтенантъ ушелъ, а Джонсъ легъ и старался заснуть.

КНИГА VIII.

ДВА ДНЯ СЛИШКОМЪ.

ГЛАВА I.

НЕОБЫКНОВЕННО ДЛИННОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ О ЧУДЕСНОМЪ. ОДНА ИЗЪ ДЛИННѢЙШИХЪ ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ ГЛАВЪ ВО ВСЕМЪ ТВОРЕНІИ.

Приступая къ восьмой книгѣ нашей исторіи, въ которой мы должны будемъ разсказать много странныхъ и поразительныхъ событій, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ *чудесномъ*. Ради себя и другихъ, мы постараемся указать ему опредѣленныя границы; это очень необходимо, потому-что

критики (*) охотно бросаются въ этомъ отношеніи въ самыя противоположныя крайности: одни признаютъ, согласно съ г. Дасье, что невозможное можетъ быть вѣроятно (**), а другіе до того чужды всякой исторической и поэтической вѣры, что признаютъ за возможное и вѣроятное только то, чему они сами видѣли примѣры.

Во-первыхъ, благоразумно, кажется, требовать отъ писателя, чтобы онъ не выступалъ изъ границъ возможнаго и не забывалъ, что человѣкъ не можетъ повѣрить разсказу о дѣлѣ, невозможномъ для человѣка. Эта аксіома породила можетъ статься множество басень о древне-языческихъ божествахъ, созданіяхъ поэзіи. Поэтъ, желая дать волю своему необузданному воображенію, обращался къ сушествамъ, могущество которыхъ не подлежало измѣренію человѣка, или, правильнѣе, являлось уму его безграничнымъ; поэтому никакія разсказываемыя о нихъ чудеса не могли показаться ему нелѣпы. Это приводили въ оправданіе чудеснаго у Гомера; и дѣйствительно, оно можетъ быть и оправдываетъ его, не потому, какъ думаетъ Попе, что Улиссъ угощаетъ нелѣпыми выдумками феаковъ, извѣстныхъ своею глупостью, но потому, что поэтъ писалъ для язычниковъ, для которыхъ поэтическіе вымыслы были догматами вѣры. Что касается до меня лично, то, признаюсь, у меня очень сострадательное сердце: я жалѣю, что Полифемъ не согласился на молочную діэту и не сохранилъ своего глаза, и самъ Улиссъ не больше меня былъ опечаленъ, когда товарищи его были превращены въ свиней Цирцеею, выказавшей впрочемъ послѣ столько уваженія къ человѣческому тѣлу, что, по всей вѣроятности, она совершила это превращеніе не ради окороковъ. Желалъ бы я отъ всего сердца, чтобы Гомеру могло быть извѣстно правило Горація, какъ можно рѣже выводить на сцену сверхъестественныя силы. Тогда его боги не сходили бы на землю за всякимъ пустякомъ и не вели бы себя такъ, что не только теряешь всякое къ нимъ уваженіе, но и невольно надъ ними смѣешься. Это не могло не поколебать вѣрованій благочестиваго и умнаго язычника, и можетъ быть оправдано только предположеніемъ, которое мнѣ самому казалось иногда вѣроят-

(*) Здѣсь, какъ и большею частью, мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ всѣхъ читателей безъ исключенія.

(**) Счастье г. Дасье, что онъ былъ не ирландецъ.

нымъ, именно: что великій поэтъ нарочно хотѣлъ выставить съ смѣшной стороны суевѣріе своего вѣка и своей стороны.

Поэту нашего времени гораздо приличнѣе сдѣлать воззваніе къ какой-нибудь балладѣ, какъ сдѣлалъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Гомеръ, или къ кружкѣ пива, какъ авторъ Гудибраса; а изъ пива конечно почерпнуто гораздо больше вдохновенія въ стихахъ и прозѣ, нежели изо всѣхъ водъ Гиппокрены и Геликона.

Новѣйшему писателю можно позволить выводить на сцену только одинъ сортъ сверхъестественныхъ силъ, именно духовъ или мертвецовъ. Но и на эти явленія я совѣтую ему какъ можно больше скупиться. Они, какъ мышьякъ и другія опасныя лекарства, требуютъ чрезвычайной осторожности, и лучше совершенно воздерживаться отъ этого средства тѣмъ изъ господъ авторовъ, которые легко обижаются громкимъ хохотомъ читателя.

Что̀ касается до эльфовъ, фей и тому подобныхъ существъ, то я умалчиваю о нихъ нарочно; жаль было бы указывать границы дивной фантазіи, которой тѣсно въ предѣлахъ человѣческой природы; произведенія поэтовъ, одаренныхъ тако̀ю творческою фантазіею, должно считать за новосозданные міры, въ которыхъ они имѣютъ, слѣдовательно, право дѣлать что̀ имъ угодно.

Человѣкъ (за исключеніемъ самыхъ необыкновенныхъ случаевъ) есть высочайшій предметъ для пера современнаго намъ историка или поэта; и, разсказывая о дѣлахъ его, онъ долженъ остерегаться, какъ бы не перемахнуть за предѣлъ для него возможнаго.

Впрочемъ и возможность еще нѐ оправданіе для автора. онъ долженъ держаться въ границахъ вѣроятнаго. Аристотель, кажется, сказалъ, — или если не Аристотель, такъ другой умный человѣкъ (и изрѣченіе его будетъ имѣть столько же вѣсу, когда сдѣлается также старо), что дѣйствительность событія для поэта не оправданіе, когда онъ разсказываетъ что-нибудь невѣроятное. Это можетъ быть и справедливо относительно поэзіи, но на историка нельзя распространять этого правила; онъ обязанъ передавать событія такъ, какъ они совершались, хотя бы необычайность ихъ требовала отъ читателя очень много исторической вѣры. Таковы были: неудавшееся нашествіе Ксеркса, разсказанное Геродотомъ, и удачный походъ

Александра, описанный Арріаномъ. Такова была въ новѣйшее время побѣда, одержанная Генрихомъ V-мъ при Азинкурѣ, и Карломъ XII подъ Нарвою. Эти событія, чѣмъ больше о нихъ думаешь, тѣмъ удивительнѣе они кажутся.

Такіе-то факты, существенную часть исторіи, историкъ обязанъ разсказывать такъ, какъ они были, и непростительно было бы съ его стороны пропускать или измѣнять ихъ. Но есть и другіе факты, не столько важные и существенные; ихъ, хотя и они исторически доказаны, можно предавать забвенію ради невѣрія читателя. Такова напримѣръ исторія о явленіи духа Жоржа Вилльерса, которую лучше бы было подарить доктору Дрелинкуру, въ *pendant* къ духу мистриссъ Виль въ его «разсужденіи о смерти.»

Если историкъ рѣшится придерживаться того, что́ дѣйствительно было, и несмотря ни на какія свидѣтельства отвергать все, что́, по его убѣжденію, ложно, онъ будетъ иногда впадать въ чудесное, но всегда вѣроятное. Онъ часто будетъ поражать читателя удивленіемъ, но никогда не пробудитъ въ немъ холодной недовѣрчивости, о которой говоритъ Горацій. Всего чаще забываемъ мы о вѣроятности, переступая въ область вымысловъ; историкъ же остается ей вѣрнымъ, пока не измѣнитъ самому себѣ, т. е. не начнетъ писать романъ. Въ этомъ отношеніи историки, повѣствователи государственныхъ, всенародныхъ событій, имѣютъ много преимущества передъ нами, живописцами сценъ изъ частной жизни. Извѣстность факта надолго обезпечиваетъ имъ вѣру читателя; публичныя свидѣтельства, акты и согласныя сказанія многихъ писателей подтвердятъ истину словъ ихъ въ отдаленныхъ вѣкахъ. Такъ потомство вѣритъ въ Траяна и Антонина, Нерона и Калигулу; никто не сомнѣвается, что такіе герои добродѣтели и порока были нѣкогда повелителями міра.

Но мы, имѣющіе дѣло съ частными лицами, проникающіе въ самые отдаленные закоулки и добывающіе примѣры добродѣтели и пороковъ изъ пещеръ и темныхъ уголковъ, — мы находимся въ гораздо опаснѣйшемъ положеніи. Насъ не поддержитъ ни общеизвѣстность факта, ни согласные отзывы другихъ писателей, ни документы, и мы должны держаться не только возможнаго, но и вѣроятнаго, въ особенности разсказы-

вая о чемъ-нибудь прекрасномъ и благородномъ. Низости и глупости повѣрятъ скорѣе; тутъ сама натура помогаетъ вѣрѣ.

Если я скажу, что зналъ человѣка, который, благодаря проницательности своего ума, пріобрѣлъ себѣ огромное состояніе путемъ, дотолѣ для него вовсе незнакомымъ; что пріобрѣтая, онъ не сдѣлалъ ничего безчестнаго, не только не обидѣлъ и не притѣснилъ ни одного человѣка, но даже доставилъ много выгодъ торговлѣ и значительно усилилъ публичные доходы; что онъ явился человѣкомъ съ тонкимъ вкусомъ и благороднымъ сердцемъ, употребивши часть своего богатства на творенія, въ которыхъ высокое достоинство соединилось съ чистѣйшею простотою, а другую на благотворенія и на помощь людямъ достойнымъ и бѣднымъ; что онъ неутомимо отъискивалъ нуждающихся, всѣми силами старался облегчить ихъ положеніе и потомъ скрыть свой подвигъ; что домъ его, его сады, его столъ, его гостепріимство и благотворительность, — все говорило о благородствѣ его ума и сердца, все было богато и прекрасно, но безъ лишняго блеску и желанія выказаться; что онъ любилъ Бога и своего государя; что онъ былъ нѣжнымъ супругомъ, добрымъ родственникомъ, великодушнымъ патрономъ, вѣрнымъ другомъ, веселымъ собесѣдникомъ, кроткимъ господиномъ, радушнымъ хозяиномъ, покровителемъ бѣдныхъ и другомъ всего человѣчества; и если бы ко всему этому я прибавилъ еще эпитеты мудраго, мужественнаго, образованнаго, и тому подобные, то навѣрное могъ бы сказать:

Quis credet? nemo, Hercule! nemo;
Vel duo, vel nemo. (*)

А между тѣмъ я знаю такого человѣка. Но одинъ примѣръ не оправдываетъ автора, пишущаго для тысячъ, никогда не встрѣчавшихъ такого человѣка. Такихъ *rarae aves* слѣдовало бы предоставлять сочинителямъ эпитафій или какому-нибудь поэту, который нашпилитъ его имя на двустишіе или небрежно вплететъ его въ риѳму.

Наконецъ разсказываемыя дѣла должны быть не только возможны для человѣка и согласны съ человѣческою натурою вообще, но и гармонировать съ тою личностью, которой припи-

(*) Кто этому повѣритъ? Клянусь Геркулесомъ, никто!

сываются. Чтó въ одномъ кажется намъ только удивительнымъ, то въ другомъ является совершенно невозможнымъ.

Драматическіе критики называютъ это выдержанностью характера; и она требуетъ отъ писателя глубокаго соображенія и знанія человѣческой натуры.

Одинъ отличный авторъ замѣтилъ очень тонко и вѣрно, что восторженное состояніе не увлечетъ человѣка на дѣло, противорѣчащее его натурѣ, точно также, какъ быстрый потокъ не увлечетъ лодки противъ своего теченія. Я скажу даже, что поступить противъ своей натуры для человѣка вовсе невозможно, или что по-крайней-мѣрѣ нельзя вообразить себѣ ничего невѣроятнѣе и чудеснѣе. Припишите благороднѣйшіе подвиги М. Антонина Нерону и гнуснѣйшія злодѣянія Нерона Антонину, можно ли будетъ этому повѣрить? а между тѣмъ, относя ихъ къ тѣмъ личностямъ, которымъ они дѣйствительно принадлежатъ, мы дивимся имъ, но все-таки вѣримъ.

Наши новѣйшіе авторы комедій почти всѣ впадаютъ въ эту ошибку: герои ихъ вообще отъявленные негодяи, а героини безнравственныя женщины въ продолженіи первыхъ четырехъ актовъ; въ пятомъ они вдругъ дѣлаются людьми очень почтенными и добродѣтельными, а авторъ и не думаетъ оправдать передъ зрителемъ такое внезапное превращеніе. Да и какъ оправдать его, когда на это нѣтъ другой причины кромѣ того, что пьеса подходитъ къ концу; точно какъ-будто негодяю столько же естественно образумиться подъ конецъ пьесы, какъ и подъ конецъ жизни, чтó ежедневно случается въ Тибурнѣ, мѣстѣ, гдѣ приличнѣе бы всего происходить развязкѣ новѣйшихъ комедій, потому-что герои ихъ отличаются обыкновенно талантами, не только доводящими человѣка до висѣлицы, но и дающими ему возможность смотрѣть героемъ, когда уже петля надѣта на шею.

Въ этихъ границахъ писателю позволено, я думаю, обращаться къ чудесному сколько ему угодно; чѣмъ больше будетъ онъ удивлять читателя, не переступая за черту вѣроятнаго, тѣмъ больше привлечетъ онъ его вниманіе, тѣмъ больше плѣнитъ его. Великій геній сказалъ, что все искусство поэта заключается въ умѣньи смѣшивать вымыселъ съ истиною, съ цѣлью слить вѣроятное съ удивительнымъ «въ одно цѣлое.»

Всякой хорошій авторъ заключаетъ себя въ границы вѣроятнаго, но это еще не обязываетъ его изображать только харак-

теры и событія пошлые и вседневные, встрѣчающіеся на всякомъ перекресткѣ, во всякомъ домѣ, во всякомъ листкѣ газеты. Это не мѣшаетъ ему также изображать лица и вещи, какихъ бо́льшая часть читателей никогда не видывали.

Писатель правъ, если не нарушилъ этихъ законовъ, и можетъ требовать вѣры отъ читателя; а если читатель все-таки не вѣритъ, то виновенъ въ критическомъ невѣріи. Такимъ образомъ, помню я цѣлое собраніе писцовъ и прикащиковъ, которые въ одинъ голосъ осудили лицо молодой знатной леди, выведенное на сцену; а между тѣмъ дамы изъ высшаго круга находили его вѣрнымъ природѣ, и одна изъ нихъ, извѣстная своимъ отличнымъ умомъ, сказала даже, что видитъ въ немъ портретъ половины знакомыхъ ей молодыхъ дамъ.

ГЛАВА II.

ХОЗЯЙКА ПОСѢЩАЕТЪ ДЖОНСА.

Простившись съ лейтенантомъ, Джонсъ старался заснуть, но напрасно: онъ былъ слишкомъ встревоженъ и не могъ сомкнуть глазъ. Вплоть до утра пролежалъ онъ въ сладко мучительныхъ мечтахъ о Софьи. Наконецъ на дворѣ стало совершенно свѣтло; онъ потребовалъ чаю, и хозяйка сама почтила его своимъ посѣщеніемъ.

Тутъ она увидѣла его въ первый разъ, или, лучше сказать, въ первый разъ обратила на него вниманіе. Узнавши отъ лейтенанта, что Джонсъ вѣроятно изъ знатной фамиліи, она положила обойтись съ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Приступивши къ приготовленію чаю, она начала такъ:

«Какъ это вы себя такъ мало цѣните, что пристали къ этимъ дурнымъ людямъ? Они, пожалуй, тоже называютъ себя джентльменами, а помнили бы, какъ говаривалъ покойникъ мужъ, что денежки-то вѣдь мы имъ даемъ. Заплати имъ, да еще и прими ихъ и угости, — тяжело, нечего сказать. Вотъ и сегодня: двадцать человѣкъ у меня ночевали; этимъ господамъ ничѣмъ не угодишь; а взглянули бы вы на счетъ: просто копеечный! Право, принять цѣлое семейство какого-нибудь сквайра не столько хлопотъ; а съ него получишь за ноч-

легъ шиллинговъ тридцать или сорокъ, не считая за лошадей. А подите-ка съ этими людьми! каждый считаетъ себя ничѣмъ не хуже сквайра съ 500 фунтами годового дохода. Право, досадно слушать, какъ ихъ то-и-дѣло величаютъ *ваше благородіе*. Хорошо благородіе! съѣдаетъ за обѣдомъ на одинъ шиллингъ! А божба, а клятвы! слушать страшно! съ такими людьми какого ждать успѣха! Вотъ одинъ изъ нихъ обидѣлъ васъ такъ жестоко; я напередъ знала, какъ они его сторожить будутъ; вѣдь они всѣ за-одно; имъ это ни по чемъ, что вы были на-волосъ отъ смерти; они и убійцу выпустили бы. Господи! Да я ни за что на свѣтѣ не взяла бы себѣ на душу такого грѣха. Слава Богу, что вамъ лучше; оправитесь, такъ его все-таки можно будетъ потянуть къ суду. Возьмите себѣ въ адвокаты Смалля; я готова побожиться, что онъ выживетъ его изъ Англіи, если онъ и безъ того уже не далъ тягу; вѣдь эти молодцы сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. Ну, да это вамъ урокъ: воротитесь-ка лучше домой; ваши, я думаю, и Богъ знаетъ въ какомъ горѣ; а еще если бы знали, что́ случилось, — не дай Богъ! Полноте горевать-то! мы смекаемъ въ чемъ дѣло; ну чтожь, не одна, такъ другая, а такому молодцу какъ вы не со свѣчой искать красавицъ. Чего вы покраснѣли? (онъ дѣйствительно сильно покраснѣлъ.) Вы, думаете, я ничего не знаю? Не знаю миссъ Софьи?

— Какъ? вы знаете мою Софью? воскликнулъ, вскакивая съ своего мѣста, Джонсъ.

— Знаю ли! отвѣчала хозяйка. — Сколько разъ ночевала она въ этомъ домѣ.

— Съ теткой, не такъ ли? спросилъ Джонсъ.

— Да, съ ней. Я и тетку очень хорошо знаю. А миссъ Софья, надо отдать ей справедливость, чудо какъ хороша собой.

— Хороша собой! повторилъ Джонсъ.

Въ ней все небесное воплощено:
Невыразимая краса лица
И вѣра чистая, и свѣтлый духъ,
И несгараемый огонь любви.

Могъ ли я воображать, что вы знаете мою Софью!

— Да, вамъ хоть бы въ половину знать ее такъ какъ я, сказала хозяйка. Что́ бы вы дали, чтобы посидѣть возлѣ нея,

когда она въ постели, вотъ какъ я сижу теперь возлѣ васъ, а? А я сиживала. Чтó у нея за шейка, чтó за плечи, если бы вы знали! Она спала всегда на этой самой постели.

— Здѣсь, на этой постели?

— Да, да, здѣсь, гдѣ я отъ души желаю, чтобы она очутилась въ эту минуту; да она и сама этого желаетъ, я знаю; сколько разъ слышала я отъ нея ваше имя!

— Она вспомнила о бѣдномъ Джонсѣ? сказалъ онъ. — Нѣтъ, вы хотите только польстить мнѣ.

— Увѣряю васъ честью, и не будь мнѣ на томъ свѣтѣ покою, если я хоть на-волосъ прибавляю; она при мнѣ говорила о мистерѣ Джонсѣ, вещи, точно, очень скромныя, да думала то она, я знаю, больше, чѣмъ говорила.

— Она вспоминала о недостойномъ, сказалъ Джонсъ. Она сама доброта, сама кротость! Нужно же было родиться на свѣтъ такому несчастному и быть причиною хоть минутной тревоги въ ея нѣжномъ сердцѣ! А я готовъ бы перенесть жесточайшія муки, какими только можетъ терзать человѣка какой-нибудь злой демонъ, лишь бы доставить ей счастье; пытка не была бы для меня пыткой, если бы я зналъ, что Софья счастлива.

— Я сама говорила ей тоже; мистеръ Джонсъ, говорю, вѣрный любовникъ, повѣрьте мнѣ, подхватила хозяйка.

— Но скажите, пожалуйста, когда и гдѣ вы обо мнѣ слышали? Я здѣсь никогда не бывалъ, и не помню, чтобы когда-нибудь васъ видѣлъ.

— Да и гдѣ вамъ это помнить, отвѣчала хозяйка. — Вы были еще малюткой, когда я носила васъ на рукахъ, у сквайра.

— Такъ вы знаете и великодушнаго, благороднаго Алльворти?

— Конечно; кто въ нашей сторонѣ его не знаетъ!

— Слава о немъ разнеслась, безъ сомнѣнія, и дальше, сказалъ Джонсъ: — но только небо можетъ вполнѣ оцѣнить его небесную доброту. Люди не поймутъ его божественнаго сердца и недостойны любви его. Всѣхъ менѣе достоинъ ея я; я, сынъ неизвѣстныхъ родителей, вскормленный и воспитанный имъ какъ родное дитя, я имѣлъ несчастіе прогнѣвать его моимъ поведеніемъ. Я заслужилъ мое наказаніе и не буду столько неблагодаренъ, чтобы видѣть въ немъ несправедливость. Да, меня стоило выгнать вонъ изъ дому. Теперь вы знаете все, любезная хозяю-

шка, и вѣрно не осудите меня за то, что я пошелъ въ солдаты, въ особенности при такомъ небольшомъ запасѣ наличности.

Съ этими словами онъ показалъ хозяйкѣ довольно тощій кошелекъ, показавшійся ей совершенно пустымъ.

Хозяйка упала съ седьмого неба при этомъ открытіи. Она отвѣчала ему очень холодно:

— Конечно всякой самъ лучше знаетъ, что̀ ему дѣлать. — Кажется кто-то зоветъ. Сейчасъ, сейчасъ! Эта негодная прислуга никогда не слышитъ; надо пойти самой. Если вамъ что̀ понадобится, я пришлю служанку. Сейчасъ!

И съ этимъ словомъ она вышла не простившись изъ комнаты. Люди низшаго класса очень расчетливы на уваженіе; знатнымъ особамъ они готовы оказывать его въ надеждѣ на будущія отъ нихъ милости, но равнымъ себѣ не иначе, какъ увѣрившись предварительно, что имъ хорошо заплатятъ.

ГЛАВА III.

ВТОРОЙ ВИЗИТЪ ХИРУРГА.

Читатель можетъ подумать, что хозяйка знала о Джонсѣ очень много, и удивится, откуда взялось это знаніе; но дѣло было очень просто: лейтенантъ сказалъ ей, что поводомъ къ ссорѣ было имя Софьи, а что̀ касается до остальныхъ свѣдѣній, то изъ предъидущей сцены легко догадаться, откуда она ихъ почерпнула. Любопытство подмѣшивалось у нея ко всему, и она никого не отпускала изъ дому, не развѣдавши сколько можно о его имени, семейныхъ и денежныхъ обстоятельствахъ.

Едва только вышла она изъ комнаты, какъ Джонсъ погрузился въ мечты: онъ думалъ только о томъ, что лежитъ на той же постелѣ, гдѣ лежала когда-то Софья, и не обратилъ никакого вниманія на обращеніе хозяйки. Тысячи пріятныхъ мыслей роились въ его воображеніи, и мы описали бы ихъ подробно, если бы не знали, что только весьма малая часть нашихъ читателей влюблены такъ, какъ Джонсъ.

Въ этомъ состояніи духа засталъ его хирургъ. Нашедши пульсъ его безпокойнымъ и услышавши, что онъ не спалъ, докторъ объявилъ, что онъ въ большой опасности. Опасаясь

появленія лихорадки, онъ хотѣлъ пустить ему кровь, но Джонсъ не согласился.

— Я ито уже довольно потерялъ крови, сказалъ онъ. — Перевяжите мнѣ только рану, и я увѣренъ, что дня черезъ два я буду совершенно здоровъ.

— Дай Богъ черезъ два мѣсяца, возразилъ докторъ. — Здоровъ! Нѣтъ, отъ такихъ контузій такъ скоро не выздоравливаютъ. Позвольте вамъ замѣтить, что я не привыкъ принимать совѣты отъ паціентовъ, и непремѣнно долженъ пустить вамъ кровь.

Джонсъ однако же рѣшительно этого не хотѣлъ, и докторъ принужденъ былъ уступить, только замѣтилъ, что не отвѣчаетъ за послѣдствія, и въ случаѣ чего-нибудь надѣется, что Джонсъ не умолчитъ о неисполненномъ совѣтѣ врача. Это Джонсъ ему обѣщалъ.

Докторъ ушелъ въ кухню и началъ жаловаться хозяйкѣ на непослушаніе больного, не позволившаго пустить ему кровь, несмотря на присутствіе лихорадки.

— Да, обжорной лихорадки, подхватила хозяйка. — Сегодня за завтракомъ съѣлъ онъ два ужасныхъ ломтя хлѣба съ масломъ.

— Очень вѣрю, сказалъ докторъ: — аппетитъ является иногда во время лихорадки, и это легко себѣ объяснить: кислота, вызванная лихорадочною матеріею, раздражаетъ нервы грудобрюшной преграды и производитъ такимъ образомъ сильный позывъ на пищу, который трудно отличить отъ правильнаго аппетита. Но пища не переваривается, не смѣшивается съ желудочнымъ сокомъ, разъѣдаетъ отверстія сосудовъ и усиливаетъ такимъ образомъ лихорадочные припадки. Ему очень плохо, и если не пустить кровь, такъ, я думаю, онъ и не встанетъ.

— Когда-нибудь да надо же умереть, замѣтила хозяйка. — Впрочемъ это не мое дѣло. Надѣюсь, докторъ, вы не заставите меня держать его руку, когда будете бросать кровь. — Скажу вамъ на-ушко: не худо бы подумать, кто заплатитъ вамъ за труды?

— Какъ кто? спросилъ озадаченный докторъ. — Да развѣ онъ не джентльменъ?

— Я и сама такъ думала; но, какъ говаривалъ покойникъ мужъ, не все то золото, что́ блеститъ. Онъ голъ какъ соколъ,

говорю я вамъ. Вы пожалуйста не показывайте виду, что я вамъ это сказала; только знаете ли, люди, живущіе своими трудами, не должны утаивать такихъ вещей другъ отъ друга.

— И такой человѣкъ осмѣлился еще давать мнѣ совѣты? воскликнулъ разгнѣванный докторъ. — Чтобы я позволилъ унижать мое искусство паціенту, который не въ состояніи заплатить? Хорошо, что я еще во-время объ этомъ узналъ. Посмотримъ, согласится ли онъ на кровопусканіе, или нѣтъ.

Онъ немедленно взбѣжалъ наверхъ, съ шумомъ растворилъ дверь въ комнату Джонса и прервалъ самый здоровый сонъ, а что еще хуже, разогналъ пріятныя грезы о Софьи.

— Хотите вы пустить кровь или нѣтъ? закричалъ онъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что не хочу, отвѣчалъ Джонсъ. — Напрасно спрашиваете вы въ другой разъ; вы лишили меня самаго сладкаго сна.

— Не вы первый готовы проспать свою жизнь, возразилъ докторъ. — Сонъ не всегда полезенъ, также какъ и пища. Но спрашиваю васъ еще разъ, и въ послѣдній: хотите вы пустить кровь, или нѣтъ?

— И я отвѣчаю вамъ въ послѣдній разъ: не хочу.

— Въ такомъ случаѣ я умываю мои руки, сказалъ докторъ: — и прошу васъ заплатить мнѣ за труды. За два визита по пяти шиллинговъ, да по пяти шиллинговъ за двѣ перевязки, да полкроны за кровопусканіе.

— Надѣюсь, вы не оставите меня въ этомъ положеніи, сказалъ Джонсъ.

— Непремѣнно оставлю, отвѣчалъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ вы поступаете безчестно, и я не заплачу вамъ ни гроша.

— И прекрасно; чѣмъ скорѣе разстанемся, тѣмъ лучше; ато еще больше трудовъ пропало бы даромъ. И дернула же хозяйку нелегкая позвать меня къ этакому побродягѣ!

Съ этими словами онъ выбѣжалъ вонъ, а паціентъ обернулся на другой бокъ и скоро заснулъ. Но сновидѣніе уже не возвращалось.

ГЛАВА IV.

НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБАВНѢЙШИХЪ ВЪ МІРѢ ЦИРЮЛЬНИКОВЪ, НЕ ИСКЛЮЧАЯ БАГДАДСКАГО И ЦИРЮЛЬНИКА ВЪ ДОНЪ КИХОТѢ.

Пробило пять, когда Джонсъ проснулся послѣ семичасового сна и почувствовалъ себя такъ хорошо, что рѣшился встать и одѣться. Онъ раскрылъ свой чемоданъ, досталъ бѣлье и платье и, набросивши просторный кафтанъ, сошелъ въ кухню усмирить чѣмъ-нибудь тревогу въ желудкѣ.

Встрѣтивши хозяйку, онъ подошелъ къ ней очень вѣжливо и спросилъ: — нѣтъ ли чего-нибудь пообѣдать?

— Пообѣдать? отвѣчала она. — Нашли время для обѣда. Готоваго нѣтъ ничего, да и огонь уже погасъ.

— Однако же надо чего-нибудь съѣсть. Мнѣ рѣшительно все равно, что́: я отъ роду, кажется, не бывалъ такъ голоденъ.

— Есть тамъ кусокъ холодной говядины съ морковью.

— И прекрасно, сказалъ Джонсъ: — только вы бы меня очень обязали, приказавши его поджарить.

Хозяйка согласилась и замѣтила съ улыбкою, что очень рада видѣть его въ добромъ здоровьи. Въ обращеніи нашего героя было что-то неотразимо привлекательное, а хозяйка въ сущности была добрая женщина, только любила деньги такъ сильно, что ненавидѣла все, носящее на себѣ признакъ бѣдности.

Джонсъ воротился въ свою комнату заняться, пока приготовятъ обѣдъ, туалетомъ, и туда же явился по его требованію цирюльникъ.

Этотъ цирюльникъ, извѣстный подъ именемъ Литтль-Бенджамина, т. е. маленькаго Бенджамина, былъ человѣкъ чрезвычайно причудливый и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумный, что́ нерѣдко доводило его до небольшихъ непріятностей: пощочинъ, толчковъ, увѣчья, и т. п. Не всякой понимаетъ шутку, да и понимающимъ часто не нравится быть ея предметомъ. Но цирюльникъ былъ въ этомъ отношеніи неизлечимъ; сколько ни терпѣлъ онъ за свои выходки, а какъ только сверкнетъ въ головѣ шутка или острота, онъ не выдержитъ и скажетъ ее, ни обращая никакого вниманія ни на лицо, ни на время, ни на мѣсто.

Въ характерѣ его было много и другихъ особенностей, но я не исчисляю ихъ здѣсь потому, что читатель самъ увидитъ ихъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ этою необыкновенною личностью.

Джонсу, естественно, хотѣлось одѣться поскорѣе, и онъ попросилъ его поторопиться приготовленіемъ мыла. На это Бенджаминъ, ни въ какомъ случаѣ не измѣнявшій выраженія лица своего, отвѣчалъ съ особенною важностью:

— *Festina lente!* (¹) Эту пословицу заучилъ я, когда еще не умѣлъ держать въ рукѣ бритвы.

— Да вы, какъ я вижу, ученый, сказалъ Джонсъ.

— Пополамъ съ грѣхомъ, отвѣчалъ цирюльникъ. — *Non omnia possumus omnes* (²).

— Опять! сказалъ Джонсъ. — Я думаю, вы можете даже импровизировать стихи.

— Извините, *non tanto me dignor honore* (³).

Онъ началъ брить и продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ я вооружился бритвой, сэръ, я могъ отыскивать только двѣ достаточныя причины для бритья: одна — выростить бороду, другая — избавиться отъ нея. Вы, кажется, еще недавно брились ради первой изъ нихъ, и успѣхъ, какъ я вижу, вѣнчалъ ваше предпріятіе; о вашей бородѣ можно сказать, что она *tondenti gravior* (⁴).

— Ты любишь, какъ я вижу, шутить, сказалъ Джонсъ.

— И сильно ошибаетесь, возразилъ цирюльникъ. — Я, напротивъ того, слишкомъ вдался въ изученіе философіи; *hinc illae lacrymae* (⁵), вотъ источникъ моихъ несчастій. Меня погубили науки.

— Да, сознаюсь, ты ученѣе твоихъ товарищей по ремеслу, сказалъ Джонсъ: — только не вижу, какъ это могло повредить тебѣ.

— Отецъ лишилъ меня за это наслѣдства, сказалъ Бенджаминъ: — онъ былъ танцмейстеръ, а я выучился читать раньше, нежели танцовать. За это онъ меня не взлюбилъ и отказалъ все

(¹) Спѣши потихоньку.
(²) Не все возможно для всякаго.
(³) Такой чести я себѣ не приписываю.
(⁴) Не легко дается бритвѣ.
(⁵) Вотъ источникъ моихъ слезъ.

до копейки другимъ своимъ дѣтямъ. — Прикажете и виски.... а! что это? *hiatus in manuscriptis* (*). Я слышалъ, вы собираетесь на войну; значитъ это не правда.

— Отчего же такъ? спросилъ Джонсъ.

— Оттого, что вы, кажется, столько разсудительны, что не пойдете драться съ разбитой головой. Это все равно, что везти уголь въ Ньюкестль или лить воду въ море.

— Ты веселый малый, сказалъ Джонсъ: — и мнѣ нравится твоя веселость.

Джонсъ, изящно одѣтый, сошелъ внизъ; самъ Адонисъ былъ можетъ быть не прекраснѣе его, но красота его все-таки не тронула хозяйки, не походившей на Венеру ни наружностью, ни темпераментомъ. Счастье было бы для горничной Нанни, если бы она могла смотрѣть глазами хозяйки; но въ пять минутъ она влюбилась по уши, и это стоило ей послѣ много вздоховъ. Нанни была очень хороша собой и очень скромна; она отказала уже одному погребщику и двумъ молодымъ фермерамъ, но свѣтлыя очи нашего героя вдругъ разстопили ея ледяное сердце.

Столъ не былъ еще накрытъ, когда Джонсъ вошелъ въ кухню; да и не къ чему еще было накрывать его, потому-что обѣдъ и даже огонь, на которомъ ему слѣдовало готовиться, находились еще *in statu quo*. Это взбѣсило бы не одного философа, но Джонсъ замѣтилъ только хозяйкѣ очень ласково, что если кушанье такъ трудно разогрѣть, такъ онъ съѣстъ его и холоднымъ.

Заговорило ли въ хозяйкѣ сострадание, или стыдъ, или что другое, не знаю, только она выбранила слугъ за неисполненіе приказанія, котораго никогда не давала, приказала буфетчику накрыть столъ въ *Солнцѣ*, какъ называлась одна изъ ея комнатъ, и, съ жаромъ принявшись за дѣло, изготовила обѣдъ очень скоро.

Солнце, куда проводили Джонса, получило названіе свое какъ *lucus a non lucendo:* солнце едва ли когда-нибудь сюда заглядывало. Это былъ чуть ли не самый темный уголокъ въ цѣломъ домѣ. Джонсъ, мучимый голодомъ, ничего этого сначала не замѣтилъ, но кончивши обѣдъ, приказалъ буфетчику подать

(*) Пробѣлъ въ рукописи.

бутылку вина въ лучшую комнату и изъявилъ свое удивленіе, что его засадили въ такую конуру.

Буфетчикъ исполнилъ его приказаніе, и вскорѣ потомъ явился и цирюльникъ, которому Джонсъ приказалъ притти къ этому времени. Онъ не заставилъ бы себя ждать, если бы не заслушался въ кухнѣ хозяйки, разсказывавшей собравшимся вокругъ нея въ кружокъ слушателямъ исторію Джонса, половину которой узнала она отъ него же, а другую присочинила сама.

— Онъ, говорила она: — безъ роду и племени; его взялъ къ себѣ на воспитаніе сквайръ Алльворти, а теперь выгналъ вонъ изъ дому за разныя шалости, а главное за любовную связь съ молодой госпожей. Да кромѣ того онъ еще вѣрно стянулъ что-нибудь; денегъ у него немного, да и тѣмъ откуда иначе взяться?

— Онъ служитель сквайра Алльворти, говорите вы? спросилъ цирюльникъ. А какъ его зовутъ?

— Джонсъ, отвѣчала она: — такъ по-крайней-мѣрѣ онъ самъ себя называетъ; а впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ быть это и выдуманное имя. Онъ даже говорилъ мнѣ, что сквайръ держалъ его какъ родного сына, покамѣстъ они не поссорились.

— Если его зовутъ Джонсъ, такъ онъ сказалъ вамъ правду, замѣтилъ цирюльникъ. Я это знаю, у меня есть въ той сторонѣ знакомые. Говорятъ даже, что онъ дѣйствительно его сынъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ не зовется по отцу?

— Не знаю; только многіе сыновья зовутся не по отцамъ.

— Ну, если бы я точно знала, что онъ сынъ джентльмена, хоть и съ лѣвой стороны, я обошлась бы съ нимъ иначе. Эти господа часто выходятъ въ люди. Покойникъ мужъ мой всегда бывало говаривалъ: джентльмену услужи и поклонись, — на то онъ и джентльменъ.

ГЛАВА V.

РАЗГОВОРЪ ДЖОНСА СЪ ЦИРЮЛЬНИКОМЪ.

Все это происходило въ то время, когда Джонсъ обѣдалъ въ темномъ чуланѣ, и частью, когда онъ ожидалъ цирюльника въ залѣ за бутылкой вина. Дослушавши разсказъ хозяйки, Бенджа-

минъ явился къ Джонсу. Онъ налилъ ему стаканъ вина и выпилъ за его здоровье, назвавши его *doctissime tonsorum* (1).

— *Ago tibi gratias, domine* (2), отвѣчалъ цирюльникъ и, устремивъ на него пристальный взглядъ, спросилъ очень важно, какъ-будто узнавая въ лицѣ его знакомыя, хотя и давно видѣнныя черты: — позвольте васъ спросить, не Джонсъ ли ваше имя.

— Да, меня зовутъ Джонсъ.

— *Proh deûm atque hominum fidem* (3)! воскликнулъ цирюльникъ: — странные бываютъ на свѣтѣ случаи! Позвольте увѣрить васъ, мистеръ Джонсъ, въ моей искренней къ вамъ преданности. Вы, я вижу, меня не узнаете; да и не удивительно: вы видѣли меня только разъ, ито еще ребенкомъ. Скажите пожалуйста, какъ поживаетъ добрый скваiръ Алльворти, *ille optimus omnium patronus?* ()

— Вы меня, я вижу, знаете, сказалъ Джонсъ: — но я васъ, признаюсь, не помню.

— Это не удивительно, отвѣчалъ цирюльникъ. Мнѣ только странно, какъ это я васъ не узналъ съ перваго взгляда: вы ни на волосъ не измѣнились. Смѣю спросить, куда вы ѣдете?

— Если такой джентльменъ какъ вы путешествуетъ безъ прислуги, то можно предположить, что онъ хочетъ сохранить инкогнито, и мнѣ не слѣдовало бы, можетъ статься, произносить вашего имени.

— Признаюсь вамъ, сказалъ Джонсъ: — я никакъ не ожидалъ, чтобы меня знали въ этой сторонѣ, и вы меня очень обяжете, если никому не скажете моего имени, пока я отсюда не уѣду.

— *Pauca verba,* отвѣчалъ цирюльникъ. — Хорошо, если бы я одинъ зналъ, какъ васъ зовутъ, ато вѣдь и у другихъ есть языкъ. Я умѣю хранить тайну, въ этомъ и враги мои отдадутъ мнѣ справедливость.

— Однако же, г. цирюльникъ, ваши товарищи по ремеслу вообще не отличаются этою добродѣтелью.

---

(1) Ученѣйшiй изъ бородобрѣевъ.
(2) Благодарю васъ.
(3) О Боги и смертные!
(4) Лучшiй изъ благодѣтелей.

— Увы! отвѣчалъ Бенджаминъ. *Non si male nunc et olim sic erit* (¹). Я попалъ въ цирюльники случайно; бо́льшую часть жизни я провелъ между джентльменами, и знаю, какъ надо себя вести. Если бы вы почтили меня вашимъ довѣріемъ, какъ другихъ, я доказалъ бы вамъ, что получше ихъ умѣю хранить тайну. Я не произнесъ бы вашего имени въ публичной кухнѣ; кое-кто, скажу вамъ, поступилъ въ отношеніи васъ очень дурно: не только пересказано все, что́ вы сами разсказали о ссорѣ съАлльворти, но и прибавлено еще многое собственнаго изобрѣтенія, — вещи, которыя, я знаю навѣрное, несправедливы.

— Вы меня удивляете, сказалъ Джонсъ.

— Я говорю вамъ правду, отвѣчалъ Бенджаминъ: — а что разсказывалъ это никто другой какъ наша хозяйка, такъ объ этомъ и говорить нечего. Разсказъ ея меня просто поразилъ; надѣюсь, что все это выдумка. Я васъ люблю и уважаю, повѣрьте мнѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ благородно поступили съ Блакъ Джорджемъ. Объ этомъ всѣ тогда говорили, и я получилъ много писемъ, въ которыхъ подробно все разсказано. Это пріобрѣло вамъ тогда всеобщую любовь. Меня огорчилъ разсказъ хозяйки, и вотъ почему сдѣлалъ я вамъ нѣсколько вопросовъ, а не изъ пустого любопытства. Я люблю людей съ добрымъ и благороднымъ сердцемъ, и вотъ откуда проистекаетъ *amoris abundantia erga te* (²).

Несчастный легко вѣритъ всякому изъявленію дружбы; потому не удивительно, что Джонсъ повѣрилъ словамъ Бенджамина. Обрывки латыни, приводимыя имъ иногда довольно кстати, хоть и не свидѣтельствовали о глубокомъ знаніи древней литературы, но все-таки говорили, что Бенджаминъ стоитъ нѣсколько выше обыкновеннаго цирюльника. Джонсъ повѣрилъ всему, что́ тотъ сказалъ ему о своемъ происхожденіи и воспитаніи, и наконецъ, послѣ многихъ просьбъ его сказалъ: «такъ-какъ вы уже знаете о моихъ обстоятельствахъ многое и очень желаете повидимому узнать остальное, то я готовъ разсказать вамъ все, если вы будете имѣть терпѣніе выслушать меня».

(¹) Если теперь плохо, такъ по-крайней-мѣрѣ не всегда такъ было.
(²) Сильная любовь моя къ вамъ.

— Терпѣніе! воскликнулъ Бенджаминъ: — терпѣнія хватитъ у меня на сколько угодно. Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ оказываете.

Джонсъ разсказалъ ему всю исторію, забывши упомянуть только о нѣсколькихъ обстоятельствахъ, именно о случившемся въ день его поединка съ Тваккумомъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что хотѣлъ было поступить на корабль, но что обстоятельства заставили его перемѣнить это намѣреніе и привели его сюда.

Литтль-Бенджаминъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и не прервалъ его ни разу. Но когда разсказъ былъ конченъ, онъ замѣтилъ, что враги вѣроятно взвели на него что-нибудь поважнѣе, потому-что иначе такой добрый человѣкъ какъ Алльворти не выгналъ бы изъ дому того, кого любилъ прежде такъ горячо. Джонсъ отвѣчалъ, что и онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвается.

И дѣйствительно, всякой сдѣлалъ бы тоже замѣчаніе на мѣстѣ Бенджамина; разсказанныя Джонсомъ, всѣ обстоятельства являлись не въ томъ преступномъ свѣтѣ, въ которомъ умышленно были представлены Алльворти; и кромѣ того Джонсъ поневолѣ долженъ былъ умолчать о многихъ неизвѣстныхъ ему ложныхъ обвиненіяхъ. Вся эта исторія являлась теперь въ такомъ благопріятномъ для Джонса свѣтѣ, что сама злоба не могла бы обвинить его.

Джонсъ не хотѣлъ скрыть истины; напротивъ того, ему было бы очень непріятно, если бы слушатель обвинилъ Алльворти, а не его; но ужъ такъ созданъ человѣкъ: какъ ни будь онъ чистосердеченъ и откровененъ, а разсказъ о своихъ собственныхъ поступкахъ всегда выходитъ у него такъ, что пороки его являются очищенными и, какъ грязная жидкость, процѣживаясь сквозь уста его, оставляютъ грязь свою внутри человѣка. Факты остаются тѣже, но побудительныя причины, побочныя обстоятельства такъ различны, когда кто-нибудь самъ разсказываетъ свою исторію, или разсказываетъ его недоброжелатель, что и остальное кажется уже не тѣмъ.

Цирюльникъ выслушалъ исторію Джонса съ жадностью, но она его не удовлетворила. Какъ ни мало былъ онъ любопытенъ, а ему ужасно хотѣлось узнать еще одно: Джонсъ говорилъ ему о своей любви, о соперничествѣ съ Блейфилемъ, но умолчалъ

имя молодой особы. Хорошенько откашлявшись, Бенджаминъ довольно нерѣшительно попросилъ позволенія спросить объ имени той, которая, повидимому, была причиною всѣхъ несчастій. Джонсъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Такъ-какъ я уже разсказалъ вамъ мою исторію, а имя молодой леди, извѣстно здѣсь, кажется, уже слишкомъ многимъ, то я не скрою его и отъ васъ. Ее зовутъ Софья Вестернъ.

— *Proh deûm atque hominum fidem!* У сквайра Вестерна есть уже взрослая дочь!

— Да, сказалъ Джонсъ: — дочь, съ которой ничто въ мірѣ не сравнится. Свѣтъ не видывалъ еще такой красавицы; но красота послѣднее изъ ея достоинствъ. Что за умъ! что за доброта! Мнѣ въ цѣлый вѣкъ не перечесть ея добродѣтелей!

— У Вестерна взрослая дочь! повторилъ цирюльникъ. — А я помню отца еще мальчикомъ. *Tempus edax rerum.*

Вино было выпито, и Бенджаминъ непремѣнно хотѣлъ поставить и свою бутылку. Но Джонсъ рѣшительно отказался:

— Я и то уже выпилъ лишнее, сказалъ онъ: — теперь пойду къ себѣ въ комнату; хотѣлось бы что-нибудь почитать.

— Почитать? сказалъ Бенджаминъ. — Какую вамъ книгу, англійскую или латинскую? У меня есть преинтересныя на обоихъ языкахъ: *Erasmi colloquia*, Овидія *de Tristibus, Gradus ad Parnassum;* англійскія немного поистасканы, но первѣйшія сочиненія: лѣтопись Стова почти вся; шестой томъ Гомера Попе; третій томъ Зрителя; второй римской исторіи Ичарда; Робинзонъ Крузе; Ѳома Кемпійскій, и два тома твореній Тома Броуна.

— Вотъ это мнѣ вовсе незнакомая вещь, сказалъ Джонсъ. — Одолжите мнѣ одинъ томъ.

Цирюльникъ увѣрилъ его, что онъ останется доволенъ этой книгой; авторъ ея былъ въ его глазахъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ Британіи. Бенджаминъ жилъ рядомъ, и въ одну минуту сбѣгалъ за книгой; на прощаньи Джонсъ еще разъ попросилъ его хранить тайну, и онъ далъ въ этомъ торжественную клятву. послѣ чего они разстались: Бенджаминъ ушелъ домой, а Джонсъ къ себѣ въ комнату.

ГЛАВА VI.

ВЪ КОТОРОЙ ТАЛАНТЫ БЕНДЖАМИНА РАСКРЫВАЮТСЯ ВСЕ БОЛѢЕ И БОЛѢЕ, И ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТЪ, КТО ОНЪ ТАКОЙ.

На слѣдующее утро Джонсу было очень непріятно, что хирургъ его оставилъ и некому перевязать рану; онъ спросилъ у буфетчика, нѣтъ ли тутъ по сосѣдству другого хирурга? Буфетчикъ отвѣчалъ, что есть одинъ, и не далеко, да не ходитъ къ больнымъ, когда у нихъ былъ уже другой докторъ.

— А вотъ послушайтесь моего совѣта, прибавилъ онъ: — позовите вчерашняго цирюльника; лучше его никто въ цѣломъ королевствѣ не перевяжетъ вамъ раны. Онъ у насъ въ околодкѣ слыветъ за самаго искуснаго человѣка: нѣтъ еще и трехъ мѣсяцевъ какъ онъ здѣсь, а вылечилъ уже нѣсколько такихъ больныхъ, что просто чудо.

Буфетчикъ былъ немедленно отправленъ за Бенджаминомъ, который, узнавши, что его зовутъ въ качествѣ доктора, сдѣлалъ всѣ нужныя къ своему дѣлу приготовленія, и явился къ Джонсу совсѣмъ не со вчерашнимъ выраженіемъ лица, такъ-что его едва можно было признать за того же самаго человѣка.

— А, *tonsor!* сказалъ Джонсъ. — Я вижу, у васъ не одно ремесло. Почему вы не сказали мнѣ этого вчера?

— Хирургія, важно отвѣчалъ Бенджаминъ: — наука, а не ремесло. Я потому ничего не сказалъ вамъ объ этомъ вчера, что васъ пользовалъ, кажется, другой; а я не люблю мѣшаться въ практику моихъ товарищей. *Ars omnibus communis* (*). Позвольте осмотрѣть вашу голову, и я скажу вамъ мое мнѣніе.

Джонсъ не очень-то довѣрялъ своему новому доктору, но позволилъ ему снять повязку и взглянуть на рану. Увидѣвши ее, Бенджаминъ началъ качать головою; но Джонсъ довольно сердито попросилъ его не дурачиться и сказать ему, какъ онъ его находитъ.

— Отвѣчать вамъ на это какъ другъ или какъ хирургъ? спросилъ Бенджаминъ.

— Какъ другъ и безъ шутокъ, сказалъ Джонсъ.

(*) Искусство общее достояніе.

— Такъ увѣряю васъ честью, отвѣчалъ Бенджаминъ: — что надо много искуства, чтобы помѣшать вамъ выздоровѣть послѣ двухъ, трехъ перевязокъ. Если вы мнѣ позволите приложить мою мазь, такъ я отвѣчаю за успѣхъ.

Джонсъ согласился, и пластырь былъ наложенъ.

— Теперь, сказалъ Бенджаминъ: — позвольте мнѣ сдѣлаться опять самимъ собою; дѣлая операціи подобнаго рода, человѣкъ принужденъ сохранять важное выраженіе на лицѣ; иначе ему не позволятъ и тронуть больного. Вы не можете себѣ вообразить, чтó значитъ серьёзное лицо при серьёзномъ занятіи. Цирюльникъ можетъ васъ смѣшить, но въ рукахъ хирурга вы непремѣнно должны кричать.

— Господинъ цирюльникъ, или господинъ хирургъ, или господинъ хирурго-цирюльникъ, сказалъ Джонсъ....

— О, сэръ, прервалъ его Бенджаминъ: — *infandum, regina, jubes renovare dolorem!* Вы напоминаете мнѣ о жестокомъ разъединеніи двухъ братствъ, пагубномъ для обоихъ сословій, какъ пагубно всякое разъединеніе, по старинной пословицѣ: *vis unita fortior*. Нѣмногіе члены братства это еще понимаютъ. Чтò за ударъ былъ это для меня, соединяющаго въ себѣ оба званія!

— Будьте хирургъ или цирюльникъ, сказалъ Джонсъ: — вы все-равно остаетесь самымъ веселымъ чудакомъ, какого я только встрѣчалъ; въ вашей жизни вѣрно много замѣчательнаго, а я, согласитесь, имѣю нѣкоторое право узнать ее.

— Это правда, отвѣчалъ Бенджаминъ: — и я готовъ вамъ ее разсказать, когда вамъ будетъ время выслушать; исторія длинна.

— У меня никогда не было столько свободнаго времени какъ теперь, сказалъ Джонсъ.

— Такъ я начну мой разсказъ. Но прежде позвольте замкнуть дверь, чтобы никто не помѣшалъ.

Онъ заперъ дверь и, торжественно подошедши къ Джонсу, сказалъ:

— Прежде всего я долженъ объявить вамъ, что вы были моимъ жесточайшимъ врагомъ.

Такое начало поразило Джонса.

— Я вамъ врагъ? сказалъ онъ, глядя на Бенджамина довольно мрачно.

— Не сердитесь, отвѣчалъ Бенджаминъ. — Вѣдь я не сержусь. Вы и не думали замышлять противъ меня зло, потому-что были тогда еще ребенкомъ. Мнѣ стоитъ только сказать, кто я, и загадка тотчасъ для васъ объяснится. Слышали ли вы когда-нибудь, сэръ, о нѣкоемъ Партриджѣ, который имѣлъ честь прослыть за вашего родственника и несчастіе лишиться изъ-за этой чести куска хлѣба?

— Да, я слышалъ объ этомъ Партриджѣ и всегда считалъ себя человѣкомъ близкимъ къ нему.

— Этотъ Партриджъ — я; но я не родственникъ вашъ.

— Какъ, воскликнулъ Джонсъ: — возможно ли, чтобы это было причиною вашихъ несчастій?

— Конечно возможно. Люди ненавидятъ обыкновенно даже и невинную причину своихъ страданій; но у меня другая натура. Я полюбилъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о вашемъ поступкѣ съ Блакъ Джорджемъ, и изъ необыкновенной встрѣчи нашей заключаю, что вамъ суждено вознаградить меня за всѣ непріятности, перенесенныя ради васъ. Наканунѣ того дня, когда я васъ увидѣлъ, мнѣ снилось, что я споткнулся о стулъ и не ушибся, — очевидно хорошее предвѣщаніе; а прошедшую ночь опять снится мнѣ, будто я ѣду позади васъ на бѣлой какъ снѣгъ лошади; этотъ сонъ тоже предвѣщаетъ много счастья, и я намѣренъ ѣхать за этимъ счастьемъ хоть на край свѣта, если только вы позволите.

— Желалъ бы имѣть возможность вознаградить васъ за непріятности, которыхъ я былъ причиною; но это не въ моей власти. Впрочемъ я не откажу вамъ ни въ чемъ, что́ отъ меня зависитъ.

— А исполнить мое желаніе зависитъ совершенно отъ васъ: позвольте мнѣ сопровождать васъ на походѣ. Это желаніе во мнѣ такъ сильно, что отказъ вашъ убьетъ и цирюльника и хирурга разомъ.

Джонсъ отвѣчалъ съ улыбкою, что не хочетъ нанесть обществу такого значительнаго ущерба. Онъ привелъ однако же нѣсколько доводовъ, чтобы отклонить Бенджамина (котораго мы будемъ впредь называть Партриджемъ) отъ его намѣренія; но все было напрасно.

— Кромѣ того скажу вамъ еще, прибавилъ Партриджъ: — позволите вы мнѣ или нѣтъ, а я все-таки иду въ походъ.

Джонсъ, полюбившій Партриджа столько же, сколько и онъ его, и внимавшій, совѣтуя ему остаться, голосу не собственнаго желанія, но пользы ближняго, согласился, видя его рѣшимость, взять его съ собою, но, опомнившись, тутъ же прибавилъ:

— Вы можетъ быть думаете, что я въ состояніи васъ содержать; разувѣрьтесь въ этомъ.

Съ этими словами онъ досталъ свой кошелекъ, высыпалъ изъ него девять гиней, и объявилъ, что это все его богатство.

Партриджъ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ ввѣряется его щедрости въ будущемъ, и убѣжденъ, что Джонсъ скоро пріобрѣтетъ много денегъ.

— А теперь, сказалъ онъ:—я, кажется, богаче васъ, и прошу васъ распоряжаться моими средствами безъ церемоній. Сдѣлайте одолженіе, возьмите все къ себѣ, и позвольте мнѣ слѣдовать за вами въ качествѣ слуги: *nil desperandum est Teucro duce et auspice Teucro.*

Джонсъ ни за что однако же не хотѣлъ согласиться на это предложеніе.

Они положили отправиться въ дорогу на слѣдующее утро; но тутъ оказалось маленькое затрудненіе: чемоданъ Джонса былъ такъ великъ, что безъ лошади его нельзя было взять съ собою.

— Если смѣю подать совѣтъ, сказалъ Партриджъ: — мнѣ кажется, этотъ чемоданъ можно оставить здѣсь со всѣми вещами и взять съ собою только нѣсколько бѣлья. Это будетъ мнѣ нести нетрудно, а прочее платье мы замкнемъ надежно у меня на квартирѣ.

Предложеніе его было тотчасъ же принято, и онъ отправился снарядиться въ путь.

ГЛАВА VII.

ПОЧЕМУ ПАРТРИДЖЪ РѢШИЛСЯ ИТТИ ВЪ ПОХОДЪ, И ПОЧЕМУ ДЖОНСЪ ПЛОХО ЕГО ПОНЯЛЪ. НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ АНЕКДОТОВЪ О ХОЗЯЙКѢ.

Партриджъ былъ одинъ изъ суевѣрнѣйшихъ на свѣтѣ людей; но онъ не вздумалъ бы отправиться въ походъ съ Джонсомъ единственно вслѣдствіе видѣнныхъ имъ во снѣ стула и

бѣлой лошади, и имѣя ввиду только надежду поживиться частью добычи, захваченной на полѣ сраженія. Размышляя обо всемъ слышанномъ отъ Джонса, онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы Алльворти прогналъ своего сына за такіе ничтожные проступки. Онъ заключилъ изъ этого, что вся эта исторія нечто иное, какъ выдумка Джонса, и что Джонсъ, котораго онъ зналъ изъ получаемыхъ имъ писемъ за повѣсу, просто убѣжалъ изъ отцовскаго дома. Онъ забралъ себѣ въ голову, что уговоривши молодого человѣка воротиться домой, онъ окажетъ Алльворти услугу и тѣмъ снова пріобрѣтетъ его расположеніе. Онъ даже думалъ, что сквайръ только притворялся на него сердитымъ и принесъ его въ жертву своей доброй славѣ. Это подтверждала нѣжная заботливость добраго сквайра о найденышѣ, строгость его къ Партриджу, сознававшему свою невинность, и потому никакъ не предполагавшему, чтобы другой могъ серьёзно считать его виновнымъ, и наконецъ тайно доставляемая ему денежная помощь послѣ уничтоженія публичной пенсіи, свидѣтельствовавшая въ глазахъ его о желаніи сквайра вознаградить его за несправедливость. Люди не любятъ приписывать дѣляемыя имъ благотворенія чистому желанію помочь, если только могутъ изъяснить ихъ изъ другихъ причинъ. Итакъ, онъ не сомнѣвался, что если ему удастся привести юношу обратно домой, то Алльворти возвратитъ ему свою благосклонность и щедро наградитъ за трудъ, и онъ снова поселится въ родной сторонѣ, чего самъ Улиссъ не желалъ пламеннѣе его.

Чтó касается до Джонса, то онъ повѣрилъ всему, чтó сказалъ ему Партриджъ, т. е., что онъ идетъ въ походъ единственно изъ любви къ нему и приверженности къ своей партіи,—отсутствіе осторожности и недовѣрчивости, достойное порицанія. Къ этимъ прекраснымъ качествамъ ведутъ только два пути: долговременная опытность и натура; второй путь несравненно лучше, не только потому, что раньше приводитъ къ цѣли, но и потому, что вѣрнѣе; человѣкъ, тысячу разъ обманутый другими, все еще можетъ надѣяться встрѣтить честнаго человѣка, между тѣмъ какъ тотъ, которому внутренній голосъ говоритъ, что это невозможно, долженъ быть очень простъ, чтобы позволить обмануть себя. Джонсъ не получилъ этого дара отъ природы и не успѣлъ еще пріобрѣсти его опытностью; ко всему, чтó дости-

гается этимъ путемъ, мы рѣдко доходимъ прежде сѣдыхъ волосъ.

Бо́льшую часть дня Джонсъ провелъ съ новымъ знакомымъ, хозяиномъ дома, или, лучше сказать, мужемъ хозяйки. Хозяинъ только-что сошелъ внизъ послѣ сильнаго припадка подагры, благодаря которой половину года просиживалъ онъ у себя въ комнатѣ, а другую проводилъ расхаживая безъ всякаго дѣла по дому, куря трубку и бесѣдуя съ пріятелями за бутылкой. Воспитанъ онъ былъ такъ, чтобы ничего не дѣлать, и растратилъ небольшое наслѣдство, полученное отъ трудолюбиваго дяди фермера, на охоту, скачки и пѣтушьи драки. Хозяйка наша вышла за него за-мужъ, питая кое-какія надежды, которыя онъ уже давно не въ состояніи былъ осуществить, и возненавидѣла его за это отъ всего сердца. Но мужъ былъ характера крутого, и жена принуждена была довольствоваться только частыми, нелестными для него сравненіями съ первымъ супругомъ. Имѣя всѣ доходы въ своемъ распоряженіи, она охотно взяла на себя управленіе домомъ, а управленіе мужемъ предоставила, послѣ долгой и безплодной борьбы, ему самому.

Вечеромъ, когда Джонсъ удалился въ свою комнату, легкій споръ возникъ между супругами насчетъ ихъ гостя.

— Ты, я вижу, изволилъ бесѣдовать съ нашимъ джентльменомъ, сказала жена.

— Да, мы съ нимъ раскупорили бутылочку, отвѣчалъ мужъ. — Онъ настоящій джентльменъ, знаетъ толкъ въ лошадяхъ. Молодъ еще, правда, мало бывалъ въ свѣтѣ, скачкахъ на двухъ, на трехъ, я думаю, не больше.

— А, такъ онъ изъ вашего десятка, сказала жена. — Разумѣется, если охотникъ до лошадей, такъ ужь конечно джентльменъ. Такіе джентльмены по мнѣ хоть бы и на глаза никогда не попадались. Нечего сказать, есть мнѣ за что любить охотниковъ до лошадей!

— Конечно есть, возразилъ мужъ: — вѣдь и я, ты знаешь, былъ такой же охотникъ.

— Противъ этого спорить нельзя, сказала жена: — много пріобрѣлъ, должно сознаться! можно все положить себѣ въ глазъ, какъ говаривалъ покойникъ мужъ, и будешь видѣть не хуже прежняго.

— Убирайся съ твоимъ покойнымъ мужемъ!

— Не оскорбляй того, кто лучше тебя. Будь онъ живъ, такъ ты не осмѣлился бы этого сказать.

— Чтóжь, ты думаешь ты храбрѣе меня? А ты сколько разъ съ нимъ ссорилась.

— Если это и случилось, такъ я всегда послѣ раскаявалась; и если онъ былъ столько добръ, что прощалъ мнѣ сказанное въ сердцахъ, такъ не тебѣ меня упрекать. Онъ былъ мнѣ мужемъ, да, настоящимъ мужемъ; если я и бранила его сгоряча, такъ никогда не называла мошенникомъ: это значило бы солгать.

Она еще долго продолжала говорить въ этомъ тонѣ, но онъ уже не слышалъ ея, потому-что, зажегши свою трубку, ушелъ какъ могъ проворнѣе. Поэтому мы не передаемъ монолога ея и читателю.

Рано поутру Партриджъ явился къ Джонсу, совсѣмъ снаряженный въ дорогу, съ сумкою за плечами. Эта сумка была его собственной работы, ибо въ числѣ прочаго онъ былъ и порядочный портной. Онъ уложилъ въ нее все свое бѣлье, т. е. четыре рубахи; теперь онъ присоединилъ къ нимъ восемь рубахъ Джонса и, взявши чемоданъ съ остальными его вещами, хотѣлъ отправиться съ нимъ домой; но хозяйка заступила ему дорогу и объявила, что не позволитъ выносить вещей, пока постоялецъ не расчитался.

Хозяйка была, какъ мы уже сказали, неограниченною повелительницею въ стѣнахъ своего дома, и слѣдовательно нельзя было не подчиниться ея волѣ. Счетъ былъ тотчасъ же написанъ и оказался гораздо значительнѣе, нежели можно было ожидать по угощенію. По этому поводу мы должны разоблачить нѣкоторыя правила трактирщиковъ, считаемыя ими за тайны своего ремесла. Первое: если въ домѣ есть что-нибудь хорошее (случай чрезвычайно рѣдкій), то подавать его только особамъ, путешествующимъ съ большою свитою. Второе: за самую дрянную провизію выставлять ту же цѣну, что и за самую лучшую. Третье: если проѣзжій требуетъ мало, то брать съ него за каждую вещь вдвое, такъ чтобы итогъ счета всегда выходилъ одинъ и тотъ же.

Заплативши хозяйкѣ по счету, Джонсъ отправился съ Партриджемъ въ путь; хозяйка же не соблаговолила даже пожелать

нихъ счастливой дороги, потому-что у ней останавливались, какъ кажется, обыкновенно люди знатные, а не мелочь.

ГЛАВА VIII.

ДЖОНСЪ ПРИХОДИТЪ ВЪ ГЛОЧЕСТЕРЪ И ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ВЪ КОЛОКОЛѢ. ОПИСАНІЕ ЭТОЙ ГОСТИННИЦЫ И ВСТРѢЧА СЪ ЯБЕДНИКОМЪ.

Джонсъ и Партриджъ, или маленькій Бенджаминъ (прозванный маленькимъ вѣроятно въ ироническомъ смыслѣ, потому-что онъ былъ почти шести футовъ росту) прибыли въ Глочестеръ безъ особенныхъ приключеній и остановились въ гостинницѣ подъ вывѣскою Колокола, заведеніи, дѣйствительно очень хорошемъ, которое я рекомендую всѣмъ пріѣзжающимъ въ этотъ старинный городъ. Хозяинъ — братъ знаменитаго проповѣдника Вайтфильда, но рѣшительно чуждъ пагубнаго участія методистовъ, равно какъ и другихъ ересей. Онъ человѣкъ честный и простой. Жена его имѣетъ сильную претензію на красоту, и дѣйствительно еще недурна собою. Она была бы замѣтна въ самомъ образованномъ кругу, но, сознавая свои достоинства, остается довольною тѣмъ образомъ жизни и тою средою, въ которую поставили ее обстоятельства. Это — слѣдствіе ея ума и темперамента, потому-что теперь она столько же чужда методистскаго образа мыслей, какъ и мужъ ея; но сначала доводы деверя сдѣлали на нее, по ея собственному признанію, такое впечатлѣніе, что она даже запаслась широкою шляпой. Не чувствуя однако же въ продолженіи трехъ недѣль ничего особеннаго, она отложила шляпу въ сторону и отстала отъ секты. Словомъ, она женщина очень добрая и до такой степени услужливая, что только развѣ самый капризный гость останется недоволенъ ея угощеніемъ.

Мистриссъ Вайтфильдъ стояла на дворѣ, когда вошелъ туда Джонсъ съ своимъ спутникомъ. Проницательный взглядъ ея тотчасъ же открылъ въ его наружности не простого человѣка. Она немедленно приказала слугѣ отвести ему комнату и пригласила его къ себѣ обѣдать, на что онъ и согласился очень охотно, потому-что послѣ такой долгой ходьбы и поста былъ

бы радъ бесѣдѣ и угощенію и похуже тѣхъ, какія нашелъ у новой хозяйки.

Кромѣ Джонса и хозяйки за столомъ сидѣлъ адвокатъ изъ Сольсбери, по имени Доулингъ, тотъ самый, который привезъ Алльворти извѣстіе о смерти мистриссъ Блейфиль, и еще одинъ гость, тоже выдававшій себя за юриста и жившій гдѣ-то недалеко отъ Линлинча въ Соммерсетширѣ. Онъ выдавалъ себя, говорю я, за юриста, но былъ собственно не больше, какъ продажный ябедникъ и совершенный невѣжда, ничтожная приказная тварь, готовая за полкроны сбѣгать на край свѣта.

Этотъ юристъ учащалъ когда-то на кухню Алльворти; онъ видѣлъ Джонса, узналъ его теперь и началъ распрашивать о семействѣ сквайра тономъ близкаго знакомаго. Онъ дѣйствительно старался втереться въ знакомство Алльворти, но принужденъ былъ удовольствоваться пріязнію его ключника. Джонсъ отвѣчалъ ему учтиво, хотя и признался, что никогда его не видалъ; онъ догадался, что собесѣдникъ его разъигрываетъ не свою роль.

Такъ-какъ разговоръ съ подобными людьми невыносимъ для умнаго человѣка, то Джонсъ ушелъ тотчасъ же по окончаніи обѣда, и безчеловѣчно оставилъ ему въ жертву мистриссъ Вайтфильдъ, — участь, на которую сильно жалуется Горрисъ и другіе образованные содержатели гостинницъ, обязанные занимать своихъ гостей.

Едва только Джонсъ вышелъ изъ комнаты, какъ юристъ обратился къ мистриссъ Вайтфильдъ и спросилъ ее вполголоса, знаетъ ли она, что это за птица?

— Я вижу этого джентльмена въ первый разъ, отвѣчала она.

— Джентльмена! хорошъ джентльменъ! воскликнулъ юристъ. — Побочный сынъ молодца, котораго повѣсили за конокрадство. Его подкинули Алльворти.

— Знаемъ, знаемъ, что вы разумѣете, подхватилъ Доулингъ, съ лукавой улыбкой.

— Сквайръ приказалъ его взять въ комнаты, продолжалъ раскащикъ: — всему свѣту извѣстно, что онъ порядочный трусъ, — боялся, какъ бы не попасть по этому случаю въ какой-нибудь процессъ. Подкидыша вскормили и вспоили. Онъ переломилъ руку священнику Тваккуму, единственно за то, что тотъ останавливалъ его отъ пороковъ, выстрѣлилъ сзади въ

мистера Блейфиля и наконецъ, во время болѣзни Алльворти, взялъ барабанъ и началъ бить тревогу по всему дому, чтобы не дать ему заснуть. Такихъ гадостей надѣлалъ онъ дюжины двѣ, пока наконецъ, дней пять тому назадъ, какъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ оттуда, Алльворти не велѣлъ его раздѣть до-нага и выгналъ вонъ изъ дому.

— И по-дѣломъ, замѣтилъ Доулингъ: — я родного сына выгналъ бы, если бы онъ хоть половину такихъ проказъ надѣлалъ. А позвольте спросить, какъ его зовутъ?

— Какъ его зовутъ? Томъ Джонсъ.

— Джонсъ! повторилъ Доулингъ, какъ-будто озадаченный. — Джонсъ, который жилъ у Алльворти?

— Тотъ самый.

— Я слышалъ о немъ много, сказалъ Доулингъ: — но ничего дурного.

— Если хоть половина того, что̀ мы сейчасъ слышали, замѣтила хозяйка, правда, такъ я должна сознаться, что отъ роду не встрѣчала такой обманчивой наружности, какъ у мистера Джонса. Онъ смотритъ совсѣмъ не тѣмъ; и признаюсь вамъ, судя по этой короткой съ нимъ бесѣдѣ, нельзя пожелать себѣ собесѣдника пріятнѣе и образованнѣе.

Юристъ вспомнилъ теперь, что онъ забылъ подкрѣпить разсказъ, по своему обыкновенію, клятвою, и посыпалъ клятвами такъ щедро, что хозяйка поспѣшила остановить его увѣреніемъ, что она нисколько не сомнѣвается въ его словахъ.

— Я не сталъ бы разсказывать такихъ вещей ни о комъ, сказалъ онъ: — если бы не зналъ, что все это сущая правда. Какая мнѣ польза чернить человѣка, который не сдѣлалъ мнѣ зла? Увѣряю васъ, что каждое слово изъ того, что́ я сказалъ вамъ, фактъ, извѣстный всему околодку.

Мистриссъ Вайтфильдъ не имѣла никакой причины думать, что онъ находитъ свои выгоды клеветать на Джонса, и читатель не осудитъ ее конечно за то, что она повѣрила его словамъ, подтвержденнымъ клятвами.. Она созналась внутренно, что не умѣетъ разбирать физіономій, и составила себѣ такое дурное понятіе о гостѣ, что пожелала избавиться отъ него какъ можно скорѣе.

Дурное мнѣніе ея усилилъ еще разсказъ мистера Вайтфильда, пришедшаго изъ кухни, гдѣ Партриджъ не замедлилъ объя-

вить честной компаніи, что «хотя онъ и несетъ на себѣ сумку и довольствуется обществомъ слугъ, пока Томъ Джонсъ (какъ называлъ онъ его) веселится въ залѣ, однако же онъ ему не слуга, а другъ и товарищъ, и джентльменъ не хуже самого мистера Джонса.»

Доулингъ слушалъ все молча, кусалъ ногти, морщился, улыбался и посматривалъ какъ-то особенно; наконецъ онъ открылъ ротъ и сказалъ, что Джонсъ, какъ ему кажется, смотритъ совсѣмъ не такимъ человѣкомъ. Потомъ торопливо спросилъ свой счетъ, говоря, что къ вечеру непремѣнно долженъ быть въ Гирьфордѣ, и жалуясь на такую бездну дѣла, что хоть разорваться на части.

Юристъ тоже удалился, и вскорѣ потомъ Джонсъ прислалъ просить хозяйку къ себѣ на чай. Но она отказалась, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, что это его нѣсколько поразило. Скоро замѣтилъ онъ совершенную перемѣну въ ея обращеніи; на-мѣсто прежней привѣтливости явилась холодная, строгая учтивость, и это до такой степени показалось ему непріятно, что онъ рѣшился отправиться дальше сегодня же, хотя уже было поздно.

Внезапную перемѣну въ обращеніи хозяйки Джонсъ изъяснялъ не совсѣмъ для нея лестно; онъ приписывалъ ее отчасти женскому непостоянству и капризамъ и началъ подозрѣвать, что обязанъ отсутствіемъ внимательности отсутствію при немъ лошадей. Лошади платятъ за ночлегъ въ гостинницѣ больше своихъ ѣздоковъ, и потому считаются содержателями за лучшихъ гостей. Надо однако же отдать справедливость мистриссъ Вайтфильдъ: ея образъ мыслей былъ возвышеннѣе. Она получила хорошее воспитаніе и принимала джентльменовъ очень вѣжливо, не разбирая, пѣшкомъ ли они пришли, или пріѣхали. Дѣло въ томъ, что она считала нашего героя за негодяя, и самъ Джонсъ не только не осудилъ, но даже похвалилъ бы ее за дурное обращеніе, если бы зналъ его причину. Это одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сильно увеличиваютъ вину человѣка, несправедливо пятнающаго доброе имя другого: сознающій себя за негодяя не можетъ сердиться на того, кто обращается съ нимъ холодно и неласково, и даже напротивъ того, долженъ презирать тѣхъ, которые ока-

зываютъ ему вниманіе, если только они не убѣждены, что онъ оклеветанъ.

Джонсъ былъ не въ такомъ положеніи; онъ не зналъ причины поведенія хозяйки и слѣдовательно имѣлъ полное право на нее сердиться. Онъ расплатился и ушелъ, къ великому неудовольствію Партриджа, который, послѣ тщетныхъ попытокъ убѣдить его остаться, долженъ былъ наконецъ взять свою суму и итти за своимъ другомъ.

ГЛАВА IX.

РАЗГОВОРЪ ДЖОНСА СЪ ПАРТРИДЖЕМЪ О ЛЮБВИ, ХОЛОДѢ, ГОЛОДѢ И ДРУГИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ. ПАРТРИДЖЪ ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ОТКРЫВАЕТЪ СВОЕМУ ДРУГУ РОКОВОЙ ТАЙНЫ.

Тѣни высокихъ горъ начинали уже далеко разстилаться по долинамъ; птицы удалились на покой; высшій классъ смертныхъ сидѣлъ за обѣдомъ, а низшій за ужиномъ; словомъ, часы пробили пять, когда Джонсъ вышелъ изъ Глочестера. Грязная рука Ночи уже готовилась задернуть міръ темною завѣсою; но ее остановилъ мѣсяцъ, проспавшій гдѣ-то цѣлый день, чтобы бодрствовать всю ночь, и выглянувшій изъ-за горизонта съ лицомъ широкимъ и багровымъ. Джонсъ привѣтствовалъ прекрасное свѣтило и спросилъ, обратясь къ своему спутнику, случалось ли ему когда-нибудь наслаждаться такимъ прекраснымъ вечеромъ?

Партриджъ замедлилъ отвѣтомъ, и Джонсъ, не дожидаясь его, началъ выхвалять красоту мѣсяца и продекламировалъ нѣсколько мѣстъ изъ Мильтона, безспорно лучше всѣхъ прочихъ поэтовъ воспѣвшаго небесныя свѣтила. Потомъ онъ разсказалъ Партриджу анекдотъ о двухъ пріятеляхъ, читанный имъ въ «*Зритель*»: что въ разлукѣ они бесѣдовали другъ съ другомъ, созерцая въ условленный часъ луну, и находили отраду въ мысли, что оба любуются въ одно и тоже время однимъ и тѣмъ же предметомъ. «Эти пріятели, прибавилъ онъ: — были способны понимать нѣжнѣйшія движенія благороднѣйшей изъ людскихъ страстей».

— Можетъ статься, отвѣчалъ Партриджъ: — только я позавидовалъ бы имъ больше, если бы они были способны не чув-

ствовать холода. Я совсѣмъ почти замерзъ и серьёзно боюсь, какъ бы не лишиться носа, пока дойдемъ до новой гостинницы. Право, можно ожидать, что насъ постигнетъ какое-нибудь несчастіе въ наказаніе за глупость убѣжать ночью изъ превосходнѣйшей гостинницы. Я въ жизнь мою не видалъ лучшаго помѣщенія, и первѣйшему лорду у себя въ домѣ, я думаю, не лучше, нежели гостямъ въ этомъ заведеніи. И оставить такой домъ и пойти крестить по полямъ Богъ знаетъ куда, *per devia rura viarum!* Я не говорю ничего; но другіе право скажутъ, что мы не совсѣмъ въ своемъ умѣ.

— Какъ вамъ не стыдно, мистеръ Партриджъ, сказалъ Джонсъ: — надо быть мужественнѣе; вы идете навстрѣчу врагу, такъ неужели побоитесь мороза? — Жаль, не у кого спросить, по которой дорогѣ намъ итти.

— Смѣю ли предложить мой совѣтъ? спросилъ Партриджъ.— *Interdum stultus opportuna loquitur.*

— Куда же по вашему итти, направо или налѣво?

— Ни направо, ни налѣво. Вѣрнѣе всего поворотить назадъ. Черезъ часъ мы будемъ опять въ Глочестерѣ; а если итти впередъ, такъ одному Богу извѣстно, когда мы доберемся до жилья; я вижу по-крайней-мѣрѣ миль за пятдесятъ впередъ и на всемъ этомъ пространствѣ ни одного дома.

— Вы наслаждаетесь обширнымъ видомъ, замѣтилъ Джонсъ: —и лучи мѣсяца конечно придаютъ ему много красоты. Я поверну однако же налѣво; эта дорога ведетъ, кажется, прямо вонъ къ этимъ горамъ, а оттуда недалеко до Ворчестера. Если вы не хотите итти со мною, вернитесь; а я рѣшился итти впередъ.

— Можете ли вы думать, что я васъ оставлю? сказалъ Партриджъ. — Я совѣтовалъ столько же для васъ, сколько и для себя. Но если вы идете впередъ, такъ я слѣдую за вами. *I prae, sequar te.*

Они прошли нѣсколько миль молча; Джонсъ только вздыхалъ, а Партриджъ стоналъ, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Вдругъ Джонсъ остановился и, обращаясь къ своему спутнику, сказалъ:

— Кто знаетъ, Партриджъ, можетъ быть прекраснѣйшая изъ женщинъ тоже смотритъ въ эту минуту на этотъ мѣсяцъ.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ Партриджъ: — однако если бы я могъ созерцать въ настоящую минуту жирный росбифъ, такъ это бы лучше было.

— Можно ли говорить такія вещи! возразилъ Джонсъ. — Неужели ты никогда не любилъ, или время изгладило изъ твоей памяти всѣ слѣды этого чувства?

— О, если бы я никогда его не знавалъ! отвѣчалъ Партриджъ. — *Infandum, regina, jubes renovare dolorem.* Я испыталъ всю сладость и всю горечь этой страсти.

— Значитъ твоя возлюбленная была къ тебѣ жестока?

— Очень жестока: она вышла за меня за-мужъ. Теперь, слава Богу, ея нѣтъ уже въ-живыхъ, и если бы я вѣрилъ, что она на лунѣ, какъ читалъ я въ одной книгѣ, гдѣ сказано, что луна есть мѣстопребываніе душъ умершихъ, то ни за что не рѣшился бы туда взглянуть, боясь увидѣть тамъ покойницу. А вотъ для васъ я желаю, чтобы мѣсяцъ превратился въ зеркало, и чтобы миссъ Вестернъ смотрѣлась въ него въ эту минуту.

— Какая мысль, Партриджъ! воскликнулъ Джонсъ. — Она могла родиться только въ умѣ влюбленнаго. О Партриджъ! если бы я могъ надѣяться увидѣть ее еще разъ! Но эти золотые сны разсѣялись на-всегда, и мнѣ остается только одно спасеніе отъ страданій въ будущемъ: забыть ту, которою я нѣкогда былъ счастливъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ отчаяваетесь увидѣть опять миссъ Вестернъ? спросилъ Партриджъ. — Послѣдуйте моему совѣту, и я ручаюсь вамъ, что вы не только увидите ее, но и заключите въ свои объятія.

— Не пробуждай во мнѣ подобныхъ мыслей! воскликнулъ Джонсъ. — Я уже довольно боролся съ моими желаніями.

— Странный же вы любовникъ, если не желаете этого.

— Оставимъ этотъ разговоръ, сказалъ Джонсъ. — Но что́ же ты хотѣлъ посовѣтовать?

— Сказать вамъ по-солдатски, — направо кругомъ! Пойдемъ-те, откуда пришли. Мы будемъ въ Глочестерѣ еще ночью, хоть и поздно. А идучи впередъ, кажется, во-вѣки-вѣковъ не дойдемъ ни до какого жилища.

— Я уже сказалъ вамъ, что пойду впередъ, отвѣчалъ Джонсъ. — Но васъ прошу воротиться. Благодарю васъ за компанію и прошу принять отъ меня гинею, какъ слабый знакъ

моей признательности. Съ моей стороны было бы даже жестоко позволить вамъ сопутствовать мнѣ дальше, потому-что, сказать вамъ откровенно, единственная цѣль моя умереть славною смертью за короля и отечество.

— Спрячьте ваши деньги, сэръ, возразилъ Партриджъ. — Теперь я не приму отъ васъ ничего, потому-что я богаче васъ. Вы рѣшились итти впередъ, а я рѣшился слѣдовать за вами. Теперь, зная ваше непремѣнное намѣреніе, я даже обязанъ не покидать васъ. Моя цѣль гораздо благоразумнѣе: вы хотите, если только можно, пасть въ сраженіи, а я всѣми силами намѣренъ постараться выйти цѣлъ и невредимъ. Я даже утѣшаю себя надеждою, что намъ немного предстоитъ опасности.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что побѣда останется на нашей сторонѣ, только не безъ сраженія.

Партриджъ не отвѣчалъ на это ничего. Слова Джонса привели его въ крайнее смущеніе. Партриджъ всему этому повѣрилъ и составилъ себѣ ложное понятіе о Джонсѣ, которое едва и не высказалъ прежде, нежели замѣтилъ свою ошибку.

Онъ рѣшился отказаться наружно отъ своихъ мнѣній въ пользу человѣка, съ судьбою котораго связано было его счастье, ибо онъ никакъ не могъ повѣрить, чтобы отношенія Джонса къ Алльворти были дѣйствительно такъ дурны, какъ тотъ говорилъ. Онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ сосѣдями сквайра и наслышался, даже слишкомъ много, о горячей привязанности Алльворти къ Джонсу, который, какъ ему писали, назначенъ его наслѣдникомъ, и котораго самъ онъ считалъ его роднымъ сыномъ.

Вотъ почему онъ думалъ, что какъ бы они ни поссорились, а помирятся при возвращеніи Джонса. Онъ ожидалъ для себя самого выгодъ отъ добраго расположенія молодого человѣка и не сомнѣвался, что если уговоритъ его воротиться домой, то снова войдетъ въ милость къ Алльворти.

Мы уже замѣтили, что Партриджъ былъ человѣкъ очень добродушный и чистосердечно привязался къ Джонсу. Но и личныя выгоды были вѣроятно въ числѣ причинъ, побудившихъ его отправиться съ нимъ въ походъ или по-крайней-мѣрѣ не разставаться съ нимъ, когда онъ узналъ, что они, подобно нѣкоторымъ благоразумнымъ отцамъ съ ихъ сыновьями, идутъ одной дорогой. Меня навело на это предположеніе сдѣланное мною замѣ-

чаніе, что любовь, дружба, уваженіе и тому подобныя чувства хотя и составляютъ сильныя пружины человѣческихъ поступковъ, однако люди рѣдко выпускаютъ изъ виду личную выгоду. Это превосходный медикаментъ: онъ какъ пилюли Уарда мгновенно оказываетъ вліяніе именно на ту часть тѣла, которую вы имѣли ввиду, — на языкъ, на руку, и т. д., и заставляетъ ихъ дѣйствовать сообразно съ вашею цѣлью.

ГЛАВА X.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Къ концу своего разговора путешественники наши очутились у подошвы очень крутой горы. Джонсъ остановился, взглянулъ наверхъ и промолчалъ съ минуту. Потомъ сказалъ, обращаясь къ Партриджу:

— Хотѣлось бы мнѣ побывать на вершинѣ этой горы: видъ оттуда долженъ быть очаровательный, особенно при такомъ освѣщеніи; торжественный блескъ, разливаемый на предметы мѣсяцемъ, заключаетъ въ себѣ невыразимую прелесть для воображенія, настроеннаго на грустный ладъ.

— Вѣрю, отвѣчалъ Партриджъ. —Но если на вершинѣ горы раждаются грустныя думы, такъ у подошвы должны раждаться веселыя, и я ихъ предпочитаю. Признаюсь вамъ, отъ одной мысли итти на эту вершину меня подираетъ морозъ по кожѣ. Выше этой горы, кажется, нѣтъ на свѣтѣ. Ужь если итти куда-нибудь, такъ лучше въ домъ, гдѣ можно обогрѣться.

— Пожалуй, иди, ищи его, только не уходи такъ далеко, чтобы не могъ меня слышать; сошедши назадъ, я тебя кликну.

— Въ своемъ ли вы умѣ? спросилъ Партриджъ.

— Если взойти на эту гору по твоему безумно, такъ нѣтъ. Но ты жалуешься на холодъ, такъ оставайся внизу; я не прохожу больше часу.

— Извините, я рѣшился итти за вами куда бы то ни было.

Партриджъ боялся остаться одинъ; онъ былъ трусъ во всѣхъ отношеніяхъ, но больше всего боялся привидѣній; а ночь и пустынное мѣсто, казалось, такъ ихъ и вызывали.

Въ эту минуту Партриджъ замѣтилъ мерцаніе за деревьями и, какъ казалось, очень невдалекѣ.

— Наконецъ мы пришли къ жилищу, воскликнулъ онъ: — можетъ быть къ гостинницѣ. Умоляю васъ, если вы хоть сколько-нибудь жалѣете себя и меня, пойдемте туда. Гостинница это или нѣтъ, все равно; если только тамъ живутъ христіане, они не откажутъ въ уголкѣ путникамъ въ нашемъ жалкомъ положеніи.

Джонсъ уступилъ наконецъ просьбамъ Партриджа, и они пошли прямо къ тому мѣсту, гдѣ свѣтился огонь. Скоро пришли они къ дверямъ дома, или хижины, потому-что зданіе это можно было назвать и тѣмъ и другимъ именемъ. Джонсъ постучался нѣсколько разъ, но отвѣта не было. Тогда Партриджъ, воображеніе котораго было полно мертвецовъ, привидѣній и вѣдьмъ, началъ дрожать и произнесъ: «съ нами крестная сила! тутъ вѣрно всѣ вымерли. Теперь темно, а минуту тому назадъ я видѣлъ свѣтъ отъ свѣчи. Такія вещи, говорятъ, случались не разъ.

— Какія вещи? сказалъ Джонсъ. — Люди вѣрно спятъ; или, чтó еще вѣроятнѣе, боятся открыть дверь, потому-что мѣсто очень пустынное.

Онъ началъ кликать очень громко, и наконецъ какая-то старуха, выглянувши въ окно, спросила, кто они и чего имъ надо?

Джонсъ отвѣчалъ, что они путешественники, сбились съ дороги, и увидѣвши въ окнѣ свѣтъ, пришли въ надеждѣ найти здѣсь убѣжище и обогрѣться.

— Кто бы вы ни были, вамъ тутъ дѣлать нечего, отвѣчала старуха: — и я никого не впущу сюда ночью.

Человѣческій голосъ разсѣялъ страхъ Партриджа, и онъ съ жаромъ началъ просить позволенія войти и обогрѣться, говоря, что почти совсѣмъ замерзъ, — чему страхъ былъ причиною почти столько же, сколько и холодъ. Онъ увѣрялъ старуху, что спутникъ его одинъ изъ первѣйшихъ сквайровъ графства и прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ убѣжденіямъ, исключая самаго убѣдительнаго, которое представилъ наконецъ Джонсъ, т. е. къ обѣщанію дать старухѣ полъ-кроны. Противъ такого искушенія она не могла устоять, тѣмъ болѣе, что благородная фигура Джонса, освѣщенная лучами мѣсяца, и ласковость его рѣчи увѣрили ее, что передъ ней не воры. Она согласилась впустить ихъ въ домъ, и Партриджъ, къ невыразимой радости своей, нашелъ здѣсь пылающій каминъ.

Но не успѣлъ онъ отогрѣться, какъ воображенiе снова начало тревожить мозгъ его. Не было на свѣтѣ вещи, въ которую онъ вѣрилъ бы такъ непоколебимо, какъ въ колдовство; а стоявшая передъ нимъ старуха была съ лица вѣдьмою изъ вѣдьмъ. Она какъ двѣ капли воды походила на описанную Отваемъ въ его «*Сиротѣ*», и живи она въ царствованiе Якова I, такъ ее повѣсили бы безъ всякаго суда, за одну наружность.

Многiя обстоятельства усиливали подозрѣнiе Партриджа: она жила одна, въ глухомъ мѣстѣ; жилище ея казалось снаружи слишкомъ для нея хорошо, но внутри было убрано еще лучше и съ отличнымъ вкусомъ. Сказать правду, такъ и Джонсъ былъ немало удивленъ; комната, замѣчательная своею чистотою, была украшена множествомъ игрушекъ и рѣдкостей, достойныхъ обратить на себя вниманiе знатока и художника.

Покамѣстъ Джонсъ разсматривалъ всѣ эти вещи, а Партриджъ, сидя у огня, дрожалъ въ увѣренности, что они въ гостяхъ у вѣдьмы, старуха сказала: «не замѣшкайтесь здѣсь, господа; господинъ мой скоро придетъ домой, и я ни за двѣ кроны не согласна, чтобы онъ васъ засталъ.

— А, такъ у васъ есть господинъ, сказалъ Джонсъ: — извините меня, я, признаюсь вамъ, удивился, нашедши у васъ въ домѣ столько прекрасныхъ вещей.

— О, отвѣчала она: — если бы хоть двадцатая часть ихъ принадлежала мнѣ, я почитала бы себя богатою. Но пожалуйста, не оставайтесь здѣсь дольше; я жду его съ минуты на минуту.

— Не бойтесь, сказалъ Джонсъ: онъ не будетъ сердиться за то, что вы сжалились надъ полузамершими.

— Богъ вѣсть, возразила старуха: — онъ странный человѣкъ, совсѣмъ не похожъ на другихъ. Ни съ кѣмъ не ведетъ знакомства и выходитъ только ночью, чтобы не встрѣчаться съ людьми; да и сосѣди боятся съ нимъ встрѣтиться: онъ ходитъ въ такомъ костюмѣ, что поневолѣ испугаешься съ непривычки. Его прозвали «*Горцемъ*», потому-что онъ ходитъ по ночамъ на гору, и простой народъ боится его, кажется, больше самого сатаны. Онъ ужасно разсердится, если застанетъ васъ здѣсь.

— Не будемъ же его раздражать, сэръ, сказалъ Партриджъ. — Я отдохнулъ и согрѣлся какъ никогда въ жизни. Пойдемте

пожалуйста. Вонъ надъ каминомъ виситъ пара пистолетовъ; можетъ быть они заряжены, а придетъ хозяинъ, такъ кто намъ порукою, что онъ за нихъ не схватится?

— Не бойся ничего. Партриджъ, сказалъ Джонсъ: — я защищу тебя.

— Нѣтъ, насчетъ этого будьте спокойны: онъ никому не сдѣлаетъ зла, сказала старуха; оружіе у него только для собственной защиты. На насъ уже нѣсколько разъ нападали въ этомъ домѣ, и вотъ не дальше, какъ нѣсколько ночей тому назадъ, опять тутъ вокругъ шатались воры. Удивляюсь я, какъ его до сихъ поръ не убили на ночныхъ его прогулкахъ; и то правда, всѣ его боятся, да и кромѣ того, поживиться съ него, думаютъ, нечѣмъ.

— Изъ этой коллекціи рѣдкостей, сказалъ Джонсъ: — я заключаю, что онъ много путешествовалъ.

— Да, очень много, отвѣчала старуха: — немного найдется людей, которые знаютъ столько какъ онъ. Должно быть онъ испыталъ неудачи, несчастную любовь; не знаю навѣрное, только что-нибудь да было, потому-что вотъ я живу у него около тридцати лѣтъ, и за все это время онъ разговаривалъ врядъ ли съ шестью живыми людьми.

Она опять начала просить ихъ уйти, и Партриджъ поддерживалъ ея просьбы; но Джонсъ, желая увидѣть необыкновеннаго хозяина, нарочно старался протянуть время. Хотя старуха заключала всѣ свои отвѣты приглашеніемъ удалиться, а Партриджъ дошелъ даже до того, что рѣшился дернуть Джонса за рукавъ, онъ не переставалъ задавать новые вопросы, пока наконецъ старуха не сказала съ испуганнымъ лицомъ, что слышитъ сигналъ господина. Въ тоже время снаружи послышалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ: «подавай сюда деньги, мошенникъ, или мы тебѣ шею свернемъ!»

— Господи! воскликнула старуха. — Это кто-то напалъ на него. Что́ тутъ дѣлать?

— Пистолеты эти заряжены? спросилъ Джонсъ.

— Нѣтъ, не заряжены, ей-Богу, не заряжены. Пощадите! восклицала старуха, принимая гостей своихъ за такихъ же разбойниковъ, какъ и напавшихъ на ея господина.

Джонсъ, не отвѣчая ей ни слова, схватилъ со стѣны старую саблю и бросился вонъ. Старикъ хозяинъ просилъ пощады у

двухъ напавшихъ на него грабителей. Но Джонсъ, безъ лишнихъ распросовъ, началъ такъ усердно работать саблей, что негодяи тотчасъ же оставили свою жертву, и, не нападая на нашего героя, бросились бѣжать прочь. Довольный освобожденіемъ старика, онъ не хотѣлъ ихъ преслѣдовать. Да и кромѣ того, по крику и воплямъ бѣглецовъ можно было догадаться, что имъ порядочно досталось.

Джонсъ поспѣшилъ поднять стараго джентльмена, упавшаго во время схватки, и спросилъ его, не раненъ ли онъ? Старикъ устремилъ на него долгій, пристальный взглядъ и отвѣчалъ: «нѣтъ, ничего. Благодарю васъ.»

— Я вижу, сэръ, сказалъ Джонсъ, что вы боитесь даже тѣхъ, которые имѣли счастье спасти васъ. Я и не обвиняю васъ за недовѣрчивость, только въ настоящемъ случаѣ она напрасна. Вы видите передъ собой друзей. Мы сбились съ дороги, прозябли и взяли смѣлость обогрѣться у васъ въ домѣ; мы собирались уже отправиться дальше, когда услышали, что вы зовете на помощь. Само Провидѣніе привело насъ, кажется, сюда.

— Да, кажется, сказалъ старикъ.

— Увѣряю васъ, что все было такъ, какъ я вамъ говорю, сказалъ Джонсъ. — Вотъ ваша сабля; я взялъ ее для вашей защиты и возвращаю ее теперь владѣльцу.

Старикъ взялъ саблю, обагренную кровью его враговъ, нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на Джонса и произнесъ наконецъ со вздохомъ:

— Извините меня, молодой человѣкъ! Я не всегда былъ такъ недовѣрчивъ, и не люблю неблагодарности.

— Такъ благодарите же Провидѣніе, пославшее вамъ помощь, сказалъ Джонсъ. Я только исполнилъ долгъ человѣка, сдѣлалъ для васъ то, что́ сдѣлалъ бы для всякаго другого въ вашемъ положеніи.

— Дайте же въ васъ всмотрѣться, сказалъ старикъ. Человѣкъ ли вы? Да, можетъ статься. Войдите ко мнѣ въ хижину. Вы мой спаситель.

Старуха была въ двойномъ страхѣ: она боялась барина и за барина; услышавши однако же, что господинъ ея спасся и ласково разговариваетъ съ Джонсомъ, она ободрилась; но Партриджъ, увидѣвши странно одѣтую фигуру хозяина, затрепеталъ больше прежняго.

И дѣйствительно, наружность старика поразила бы человѣка и мужественнѣе Партриджа. Хозяинъ былъ очень высокаго росту, съ длинною, бѣлою какъ снѣгъ бородою. Одѣтъ онъ былъ въ ослиную кожу, слегка окроенную на маноръ кафтана. Сапоги и шапка были тоже изъ кожъ другихъ животныхъ.

Едва только хозяинъ переступилъ черезъ порогъ, какъ старая служанка начала поздравлять его съ избавленіемъ отъ бѣды

— Да, отвѣчалъ онъ: — я избавился, благодаря моему спасителю.

— Благослови его Господи! сказала старуха. — Я боялась, какъ бы вы не разсердились, что я его впустила; да я и не впустила бы, если бы не разглядѣла при мѣсяцѣ, что онъ джентльменъ и почти совсѣмъ замерзъ. Добрый ангелъ привелъ его сюда и подалъ мнѣ мысль впустить его въ домъ.

— Очень жалѣю, сказалъ хозяинъ, что нечѣмъ мнѣ угостить васъ. — Не хотите ли развѣ рюмку водки? У меня есть превосходная.

Джонсъ отказался въ учтивыхъ выраженіяхъ, и старикъ продолжалъ:

— Куда же это вы шли, когда сбились съ дороги? Признаюсь вамъ, меня удивляетъ нѣсколько, что такой человѣкъ какъ вы путешествуетъ пѣшкомъ среди глухой ночи. Вы должно быть изъ здѣшнихъ, потому-что, судя по наружности, вѣроятно не имѣете привычки путешествовать безъ лошадей.

— Наружность обманчива, отвѣчалъ Джонсъ. — Человѣкъ часто кажется не тѣмъ, что́ онъ есть. Я не здѣшній и право самъ почти не знаю, куда иду.

— Кто бы вы ни были и куда бы вы ни шли, отвѣчалъ старикъ, — я обязанъ вамъ слишкомъ многимъ.

— Повторяю вамъ, что вы мнѣ не обязаны ничѣмъ, сказалъ Джонсъ.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ старикъ: — если я отгадалъ, судя по лицу вашему, въ теченіи жизни своей вы уже испытали горе и несчастіе.

— Да, отвѣчалъ Джонсъ: — я дѣйствительно самый несчастный изъ людей.

— Можетъ быть у васъ былъ другъ или вы любили женщину... сказалъ старикъ.

— Вы произнесли два слова, сказалъ Джонсъ: — которыя готовы привести меня въ отчаянье.

— Да, я знаю, каждое изъ нихъ отдѣльно способно довести человѣка до отчаянья, сказалъ старикъ. — Я не распрашиваю больше; можетъ быть любопытство завлекло меня уже слишкомъ далеко.

— Я съ своей стороны не могу осудить въ васъ именно то, что̀ такъ сильно шевелится въ эту минуту во мнѣ самомъ. Извините, если я скажу вамъ, что все, что̀ я ни видѣлъ и ни слышалъ въ этомъ домѣ, пробудило во мнѣ живѣйшее любопытство. Что-нибудь необыкновенное заставило васъ избрать такой образъ жизни, и вы, я думаю, тоже не миновали несчастій.

Старикъ вздохнулъ и промолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ, серьёзно глядя на Джонса, сказалъ:

— Читалъ я гдѣ-то, что пріятная наружность тоже рекомендательное письмо. Если это правда, то трудно отрекомендовать человѣка лучше васъ. Кромѣ того, я былъ бы неблагодарнѣйшимъ чудовищемъ, если бы не имѣлъ къ вамъ довѣрія. Однако мнѣ очень жаль, что я могу отблагодарить васъ только на словахъ.

Джонсъ отвѣчалъ на то, что именно словами можетъ онъ отблагодарить его какъ нельзя лучше. «Я уже признался вамъ, сказалъ онъ: — что вы подстрекнули мое любопытство; говорить ли, какъ много обязали бы вы меня, еслибъ удовлетворили ему? Позвольте васъ спросить, — если только этому не препятствуютъ особенныя причины, — скажите, что̀ побудило васъ удалиться отъ общества людей и начать родъ жизни, для котораго вы очевидно не рождены?

— Послѣ всего случившагося я почти считаю себя не вправѣ отказать вамъ въ чемъ бы то ни было, сказалъ старикъ. — Если вы хотите выслушать исторію несчастливца, извольте, я разскажу вамъ ее. Вы заключаете очень справедливо, что судьба человѣка, убѣгающаго отъ общества людей, должна быть необыкновенна: глубокая филантропія (это можетъ показаться парадоксомъ, но оно такъ), глубокая филантропія заграждаетъ готовность убѣгать и ненавидѣть людей, не столько за ихъ личные, себялюбивые пороки, сколько за гнусные поступки съ другими, — за зависть, злобу, предательство и тому по-

добное. Истинный филантропъ ненавидитъ эти пороки и скорѣе готовъ отречься отъ общества, нежели жить и имѣть съ ними дѣло. Я не хочу вамъ сдѣлать этимъ комплимента, но вы кажетесь мнѣ не изъ числа тѣхъ, которыхъ должно убѣгать. Изъ немногихъ сказанныхъ вами словъ я догадываюсь даже, что въ нашей участи есть кое-что общаго, хотя я и надѣюсь, что ваша судьба еще измѣнится къ лучшему.

Они сказали другъ другу еще нѣсколько комплиментовъ, и хозяинъ хотѣлъ уже было начать свой разсказъ, но его прервалъ Партриджъ. Подозрѣнія его разсѣялись, но слѣды страха были еще не совсѣмъ изглажены, и онъ напомнилъ хозяину о его превосходной водкѣ. Водка немедленно была подана, и Партриджъ проглотилъ порядочную рюмку.

Тогда старикъ началъ свою исторію безъ дальнѣйшихъ предисловій.

ГЛАВА XI.

ГОРЕЦЪ НАЧИНАЕТЪ РАЗСКАЗЫВАТЬ СВОЮ ИСТОРІЮ.

«Я родился въ 1657 году, въ деревнѣ Маркъ, въ Соммерсетширѣ. Отецъ мой былъ такъ называемый джентльменъ-фермеръ. Онъ владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ, дававшимъ около 300 ф. въ годъ, и нанялъ еще другую землю, приносившую почти столько же дохода. Онъ былъ благоразуменъ, трудолюбивъ и хорошій хозяинъ, такъ-что могъ бы жить въ покоѣ и довольствѣ, если бы домашней жизни его не отравила сумасбродная женщина. Это сдѣлало его можетъ быть несчастнымъ, но не довело до бѣдности, потому-что онъ держалъ ее дома, и рѣшился лучше терпѣть вѣчную грозу, нежели разстроить свое состояніе, потворствуя ея затѣямъ. Съ этой Ксантиппой....

— Такъ звали жену Сократа, замѣтилъ Партриджъ.

— Къ этой Ксантиппой прижилъ онъ двухъ сыновей. Я младшій изъ нихъ. Онъ хотѣлъ дать намъ обоимъ хорошее воспитаніе; но старшій братъ, къ несчастію любимецъ матери, рѣшительно не хотѣлъ учиться; лѣтъ пять или шесть пробылъ онъ

въ школѣ безъ всякой пользы, и отецъ, увѣдомленный наконецъ начальникомъ училища, что сыну его не къ чему оставаться дольше въ заведеніи, принужденъ былъ уступить желанію жены своей и взять моего брата домой, или, какъ говорила матушка, освободить изъ рукъ тирана. Этотъ тиранъ наказывалъ однако же брата гораздо меньше, чѣмъ заслуживала его лѣность, хотя все-таки больше, нежели хотѣлось ученику. Ученикъ не переставалъ жаловаться маменькѣ, а маменька внимать жалобамъ сынка.

— Да, да, и я зналъ такихъ маменекъ, сказалъ Партриджъ: — мнѣ тоже приходилось терпѣть отъ нихъ напраслину. Такихъ родетелей не мѣшало бы наказывать наравнѣ съ ихъ дѣтьми.

Джонсъ замѣтилъ ему, чтобы онъ не прерывалъ разскащика, и старикъ продолжалъ:

«Итакъ, братъ мой, пятнадцати лѣтъ отъ роду простился съ ученьемъ и со всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ своей собаки и ружья. Немудрено слѣдовательно, что онъ сдѣлался отличнымъ стрѣлкомъ. Оно можетъ показаться вамъ невѣроятнымъ, если я скажу, что онъ не только всегда попадалъ въ неподвижную цѣль, но и не давалъ промаха и по воронѣ въ летъ: однако же это дѣйствительно было такъ. Съ такимъ же искусствомъ отыскивалъ онъ заячьи норы и скоро прослылъ однимъ изъ первыхъ охотниковъ въ графствѣ, — слава, которою онъ и маменька его гордились столько же, какъ если бы онъ слылъ за перваго ученаго въ мірѣ.

«Оставшись въ школѣ, я счелъ сначала участь мою тяжеле братниной, но скоро перемѣнилъ этотъ взглядъ. Я дѣлалъ успѣхи, трудъ становился для меня съ каждымъ днемъ легче, и я такъ полюбилъ занятія, что праздники сдѣлались для меня самыми скучными днями. Матушка никогда меня не любила; теперь же, замѣтивши особенную ко мнѣ привязанность отца, и предпочтеніе, отдаваемое мнѣ передъ братомъ нѣсколькими образованными людьми, въ особенности приходскимъ священникомъ, она возненавидѣла меня и сдѣлала для меня пребываніе въ домѣ родителей до того непріятнымъ, что такъ называемый *черный понедѣльникъ* (*) былъ для меня самымъ бѣлымъ днемъ въ году.

(*) Первый понедѣльникъ послѣ праздниковъ.

«Окончивши курсъ ученія въ таунтонской школѣ, я поступилъ въ эксетерскую коллегію въ Оксфордѣ и пробылъ тамъ четыре года. Къ концу этого времени случай отвелъ меня отъ занятій и положилъ начало всему постигшему меня впослѣдствіи.

«Въ той же коллегіи учился нѣкто сэръ Джорджъ Грешамъ, молодой человѣкъ, имѣвшій ввиду получить огромное состояніе; но по волѣ отца онъ не могъ вступить въ полное имъ распоряженіе до двадцатипятилѣтняго возраста. Впрочемъ, благодаря щедрости опекуновъ, ему нечего было жаловаться на предусмотрительность и осторожность отца; они давали ему во время пребыванія его въ университетѣ по 500 ф. ст. въ годъ. Онъ держалъ лошадей, позволялъ себѣ другія прихоти и жилъ вообще такъ широко и безпутно, какъ если бы и самъ управлялъ своимъ имѣніемъ, ибо кромѣ пятисотъ фунтовъ, получаемыхъ отъ опекуновъ, онъ находилъ средство истрачивать еще до тысячи. Ему минулъ уже двадцать одинъ годъ, и слѣдовательно онъ имѣлъ большой кредитъ.

«Въ числѣ многихъ довольно дурныхъ качествъ, было въ немъ одно худжее. Онъ находилъ наслажденіе доводить до крайности молодыхъ людей побѣднѣе его, завлекая ихъ въ образъ жизни, превышающій ихъ средства. Чѣмъ лучше, чѣмъ достойнѣе, чѣмъ воздержнѣе былъ молодой человѣкъ, тѣмъ радостнѣе торжествовалъ онъ его гибель. Такимъ образомъ игралъ онъ роль соблазнителя, отыскивая безпрестанно новыя добычи.

«Къ несчастію, и я познакомился и сблизился съ этимъ человѣкомъ. Я слылъ за прилежнато студента, и онъ тѣмъ пламеннѣе желалъ увлечь меня. Это было ему нетрудно, потому-что хотя я и занимался науками съ наслажденіемъ, но другія удовольствія были для меня еще привлекательнѣе: я былъ горячъ, честолюбивъ и чрезвычайно влюбчивъ.

«Скоро сдѣлался я участникомъ во всѣхъ затѣяхъ сэра Джорджа, и вступивши однажды на это поприще, не могъ удовольствоваться второстепенною ролью. Я не отставалъ ни отъ кого и ни въ чемъ; я сталъ отличаться во всѣхъ буйствахъ и шалостяхъ, и имя мое стояло всегда первымъ въ спискѣ виновныхъ. Люди, вмѣсто того, чтобы пожалѣть обо мнѣ какъ о жертвѣ сэра Джорджа, меня же обвиняли за то, что будто бы я развратилъ

этого полнаго надеждъ юношу. Наконецъ я получилъ выговоръ отъ вице-канцлера университета и чуть-чуть не былъ исключенъ изъ числа учениковъ.

«Само собою разумѣется, что при такомъ образѣ жизни нельзя было успѣть въ наукахъ, и чѣмъ больше предавался я удовольствіямъ, тѣмъ больше отставалъ отъ занятій. Но это еще не все. Издержки мои превосходили не только сумму, получаемую мною постоянно, но и прибавочныя деньги, которыя я выманилъ у отца подъ предлогомъ расходовъ необходимыхъ по случаю предстоящаго повышенія моего на степень баккалавра изящныхъ искусствъ. Эти требованія сдѣлались однако же наконецъ слишкомъ часты и неумѣренны, такъ-что отецъ мой началъ обращать понемногу вниманіе на легкіе намеки постороннихъ людей о моемъ поведеніи и на громкіе возгласы моей матери. «Такъ вотъ онъ каковъ, нашъ умникъ — говорила она — нашъ «великій ученый, опора и честь своего семейства! Я напередъ «знала, что изо всей этой учености выйдетъ. Онъ раззоритъ насъ, «это ясно; а старшему брату отказывали въ самомъ необходи«момъ. лишь бы ему дать окончательное образованіе, — онъ, «вишь ли, возвратитъ все съ процентами! Хороши проценты, «нечего сказать!»

«Отецъ началъ присылать мнѣ вмѣсто денегъ выговоры; это ускорило мое паденіе; но если бы онъ пересылалъ мнѣ даже всѣ свои доходы, то и это недолго могло бы поддерживать человѣка, который рѣшился не отставать отъ сэра Грешама.

«Очень вѣроятно, что недостатокъ денегъ и невозможность продолжать жить на такую ногу образумили бы меня, если бы я оглянулся, не запутываясь еще въ долги, отъ которыхъ теперь не было никакой надежды освободиться. Въ этомъ-то состояло великое искусство сэра Джорджа доводить другихъ до гибели, потомъ смѣяться надъ ними, какъ надъ глупцами, которые вздумали соперничать съ такимъ богачемъ, какъ онъ. Съ этою цѣлью онъ даже самъ давалъ взаймы небольшія суммы, чтобы поддержать кредитъ своей жертвы у другихъ; такъ-что, благодаря именно этому кредиту, человѣкъ погибалъ безвозвратно.

«Я потерялся, дошелъ почти до отчаянья и готовъ былъ почти на все, чтобы поправить свои дѣла.

Онъ остановился на минуту и потомъ воскликнулъ: «да, и послѣ столькихъ лѣтъ я стыжусь еще объ этомъ вспомнить! Я долженъ краснѣть, разсказывая это дѣло».

Джонсъ попросилъ его не упоминать о непріятныхъ для него обстоятельствахъ, но Партриджъ поспѣшилъ прибавить:

— Нѣтъ, пожалуйста разскажите. Я лучше отказываюсь отъ всего остальнаго. Увѣряю вамъ, что не стану ничего и никому пересказывать.

Джонсъ хотѣлъ сдѣлать своему спутнику замѣчаніе, но хозяинъ предупредилъ его, снова начавши свой разсказъ:

— Я жилъ съ однимъ очень скромнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ получалъ немного, но жилъ расчетливо и скопилъ гиней около сорока. Онѣ лежали у него въ конторкѣ; я это зналъ и воспользовался однажды удобнымъ случаемъ: вытащилъ у него во время сна ключь изъ кармана и овладѣлъ его деньгами. Ключь я положилъ обратно къ нему въ карманъ, притворился спящимъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока товарищъ мой всталъ и началъ молиться.

«Излишняя осторожность часто губитъ трусливаго вора. Такъ случилось и со мною; если бы я смѣло взломалъ конторку, на меня не пало бы даже и подозрѣніе. Но такъ-какъ воръ очевидно отмыкалъ ее настоящимъ ключемъ, то товарищъ мой, замѣтивши пропажу, не усомнился ни на минуту, что это мое дѣло. Онъ былъ не изъ храбраго десятка, слабѣе меня и побоялся уличить меня въ глаза. Онъ пошелъ немедленно къ вице-канцлеру и, подкрѣпивши свое показаніе хорошимъ о немъ мнѣніемъ начальства, безъ труда получилъ предписаніе арестовать человѣка, пользовавшагося дурною славою въ университетѣ.

«Къ счастью я провелъ слѣдующую ночь внѣ коллегіи. На-утро, возвращаясь въ Оксфордъ, я встрѣтилъ одного изъ моихъ товарищей, который сказалъ мнѣ нѣсколько словъ, заставившихъ меня поворотить на другую дорогу.

— Позвольте, прервалъ его Партриджъ: — сказалъ онъ вамъ о предписаніи арестовать васъ?

Но Джонсъ попросилъ хозяина продолжать, не обращая вниманіе на неумѣстные вопросы его спутника, и старикъ продолжалъ:

«Не смѣя и думать о возвращеніи въ Оксфордъ, я естественно напалъ на мысль отправиться въ Лондонъ. Я сказалъ объ этомъ одной изъ знакомыхъ; она начала было возражать, но когда я ей показалъ, сколько у меня денегъ, она тотчасъ же согласилась. Мы переѣхали полемъ на Сиренсестерскую дорогу и на второй день къ вечеру были уже въ Лондонѣ.

«Вспомните, гдѣ и съ кѣмъ я былъ, и вы легко догадаетесь, что денегъ моихъ стало мнѣ не надолго. Обстоятельства мои стали хуже прежняго, я терпѣлъ недостатокъ въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни, и что́ дѣлало положеніе мое еще ужаснѣе, такъ это то, что спутница моя принуждена была переносить тѣже лишенія. Видѣть любимую женщину въ нуждѣ, не быть въ состояніи помочь ей и въ тоже время знать, что самъ довелъ ее до этого положенія, это такая пытка, которой не можетъ вообразить себѣ тотъ, кто не испыталъ ея.

— Вѣрю, и жалѣю о васъ отъ всего сердца, сказалъ Джонсъ, потомъ прошелся раза два неровными шагами по комнатѣ, извинился и сѣлъ опять на свое мѣсто съ словами: «Благодарю Бога, что со мной этого не случалось!

«Это обстоятельство, продолжалъ старикъ: — до такой степени усилило ужасъ моего положенія, что оно сдѣлалось рѣшительно невыносимо. Мнѣ легче было бы переносить самыя жестокія лишенія, голодъ и жажду, нежели оставлять безъ удовлетворенія малѣйшія прихоти женщины, которую я полюбилъ такъ страстно, что хотѣлъ на ней жениться, зная, что она не пользовалась очень хорошей репутаціей. Доброе созданіе не согласилось однако же на союзъ, за который меня осудили бы въ свѣтѣ; она видѣла, что я страдалъ за нее, ей стало жаль меня, и она рѣшилась положить конецъ моему горю. Скоро нашла она средство выпутать меня изъ затруднительнаго положенія: покамѣстъ я ломалъ голову, какъ бы достать ей минуту удовольствія, она устроила заключеніе меня въ тюрьму.

«Здѣсь въ первый разъ началъ я размышлять о моей прошедшей жизни, о моихъ проступкахъ, о несчастіяхъ, навлеченныхъ мною на самого себя, и о горѣ отца моего. И когда ко всему этому присоединилась еще мысль объ измѣнѣ женщины, то жизнь сдѣлалась для меня такъ отвратительна, что смерть встрѣтилъ бы я какъ лучшаго друга, если бы ея не сопровождалъ позоръ.

«Вскорѣ настало время съѣзда судей, и я былъ переведенъ въ Оксфордъ, гдѣ ожидалъ неотразимой улики и приговора. Но, къ моему удивленію, никто не явился противъ меня обвинителемъ, и вслѣдствіе этого я былъ выпущенъ на свободу. Товарищъ, котораго я когда-то обокралъ, уѣхалъ изъ Оксфорда и не захотѣлъ хлопотать по этому дѣлу.

— Вѣроятно онъ не хотѣлъ пролить вашу кровь, сказалъ Партриджъ: — и это понятно. Если бы кого-нибудь повѣсили на основаніи моего показанія, я послѣ этого ни за что не рѣшился бы спать одинъ въ комнатѣ: такъ и ждалъ бы, что придетъ мертвецъ.

— Право, трудно рѣшить, замѣтилъ Джонсъ: — чего въ тебѣ больше, ума или храбрости.

— Можете смѣяться сколько вамъ угодно, отвѣчалъ Партриджъ: — а вотъ, если позволите, я разскажу вамъ маленькую исторію, такъ вы перемѣните ваше мнѣніе. Въ приходѣ, гдѣ я родился....

Джонсъ хотѣлъ было заставить его замолчать, но старикъ попросилъ дать ему волю разсказывать, и Партриджъ продолжалъ:

«Въ приходѣ, гдѣ я родился, жилъ фермеръ по имени Брейдль; у него былъ сынъ Фрэнсисъ, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды. Я былъ съ нимъ вмѣстѣ въ школѣ; онъ дошелъ до Посланій Овидія и могъ иногда строчки три перевесть не заглядывая въ лексиконъ. По воскреснымъ днямъ онъ никогда не пропускалъ обѣдни и пѣлъ псалмы отлично хорошо. Одно только за нимъ водилось: любилъ выпить лишнее.

— Хорошо, прервалъ его Джонсъ: только что́ же мертвецъ-то, мертвецъ?

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Партриджъ: — онъ не заставитъ себя ждать. Вотъ пропадаетъ вдругъ у отца его сѣрая кобыла, превосходная лошадь; вскорѣ потомъ молодому Фрэнсису случилось быть на ярмаркѣ въ Гиндонѣ, — это было въ.... нѣтъ однако же, дня я не припомню; ну, да все равно, когда бы оно ни случилось, только Фрэнсисъ видитъ вдругъ — на пропавшей лошади ѣдетъ незнакомый человѣкъ. Франкъ тотчасъ же: «держи его!» Дѣло происходило въ самой серединѣ ярмарки, уска-

кать было нельзя, молодца схватили и привели къ судьѣ; судьею былъ, помню, Виллоуби, человѣкъ очень почтенный; онъ посадилъ его въ тюрьму. Наконецъ, когда пріѣхалъ къ общему засѣданію судья Педжъ, арестантъ и Фрэнсисъ были сведены на очную ставку. Никогда не забуду я, съ какимъ лицомъ судья спросилъ у него, что́ имѣетъ онъ сказать противъ арестанта. Франкъ задрожалъ какъ листъ. «Ну, говоритъ, что́ скажешь? Говори внятно, не мямли». А потомъ вдругъ заговорилъ съ Франкомъ очень ласково и загремѣлъ на арестанта. На вопросъ его, имѣетъ ли обвиненный что-нибудь сказать въ свое оправданіе, арестантъ отвѣчалъ, что лошадь имъ найдена. «Скажи по-«жалуйста, какой счастливецъ! сказалъ судья. Я сорокъ лѣтъ «разъѣзжаю по своему округу, и мнѣ ни разу не случилось найти «лошади. Однако знаешь ли, что́ я тебѣ скажу? Вѣдь тебѣ по-«счастливилось больше, нежели ты думаешь: ты нашелъ не «только лошадь, но и веревку». Никогда не забуду я этой минуты; всѣ захохотали, да и нельзя было не засмѣяться. Судья сказалъ еще нѣсколько остротъ, да я забылъ ихъ. Это презанимательная вещь, — судъ и расправа на жизнь и смерть. Одно только, помню я, показалось мнѣ жестоко: адвокату обвиненнаго не позволили говорить, несмотря на то, что онъ хотѣлъ сказать только нѣсколько словъ. А противникъ его говорилъ передъ тѣмъ противъ него цѣлыхъ полчаса. Мнѣ показалось не совсѣмъ хорошо, что столько людей напали на одного: и судья, и всѣ члены, и присяжные, и совѣтники, и свидѣтели,—всѣ были противъ бѣдняка, закованнаго въ цѣпи. Обвиненнаго повѣсили, и съ тѣхъ поръ Франкъ не зналъ покоя. Въ потьмахъ ему безпрестанно мерещился мертвецъ.

— Такъ въ этомъ-то и вся исторія? спросилъ Джонсъ.

— Нѣтъ, позвольте, отвѣчалъ Партриджъ: — однажды, возвращаясь изъ пивной лавочки по длинному, узкому и темному переулку, Франкъ встрѣчается вдругъ съ мертвецомъ; мертвецъ былъ весь въ бѣломъ и напалъ на него; Франкъ, малый сильный, началъ отбиваться, но кончилось тѣмъ, что мертвецъ поколотилъ его жестоко. Кое-какъ доползъ Франкъ до дому, но вслѣдствіе испуга и побоевъ долженъ былъ пролежать недѣли двѣ; это засвидѣтельствуетъ вамъ весь приходъ.

— Хозяинъ улыбнулся, а Джонсъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Смѣйтесь, если хотите, сказалъ Партриджъ:—другіе тоже смѣялись, особенно одинъ сквайръ, отъявленный смѣльчакъ. Онъ даже утверждалъ, что Франкъ дрался съ теленкомъ, потому-что на другое утро въ переулкѣ нашли мертваго теленка съ бѣлою головою. Какъ-будто теленокъ станетъ нападать на человѣка! Франкъ самъ говорилъ мнѣ, что встрѣтилъ именно мертвеца. А выпилъ онъ въ тотъ вечеръ не больше двухъ квартъ.

— Мистеръ Партриджъ кончилъ свою исторію и не будетъ больше, надѣюсь, прерывать васъ, сказалъ Джонсъ: — сдѣлайте одолженіе, продолжайте вашъ разсказъ.

ГЛАВА XII.

ГОРЕЦЪ ПРОДОЛЖАЕТЪ СВОЮ ИСТОРІЮ.

«Свобода была мнѣ возвращена, продолжалъ хозяинъ: — но доброе имя потеряно безвозвратно, потому-что большая разница оправдаться передъ судомъ, или передъ совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ. Я сознавалъ свою вину, и мнѣ стыдно было смотрѣть въ глаза людямъ. Я рѣшился оставить Оксфордъ на другой же день на зарѣ, чтобы не встрѣтить никого изъ знакомыхъ.

«Первая мысль моя была возратиться домой и просить прощенія у отца. Но надежда на примиреніе была слишкомъ слаба: я зналъ, что отецъ мой ненавидитъ все безчестное, а матушка не заступится за меня.

«Я поспѣшилъ возвратиться въ Лондонъ, гдѣ можно жить какъ въ пустынѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть среди людей. Вездѣ есть однако же свои неудобства: люди, которые не обращаютъ на васъ вниманія, не станутъ ни кормить, ни одѣвать васъ, и вы можете умереть съ голоду среди Лиденгальскаго рынка точно также,

какъ въ аравійской пустынѣ. Я былъ въ то время избавленъ отъ великаго зла, какъ называютъ его нѣкоторые писатели, не въ мѣру имъ обремененные, то есть былъ безъ копейки денегъ. Пріятелей и знакомыхъ у меня тоже не было. Однажды вечеромъ, когда я голодный проходилъ по внутреннему двору Темпля, кто-то кликнулъ меня вдругъ по имени. Я оглянулся и узналъ одного изъ моихъ университетскихъ товарищей, оставившаго университетъ около года тому назадъ, когда меня не постигало еще ни одно несчастіе. Ватсонъ обрадовался встрѣчѣ и тотчасъ же предложилъ распить съ нимъ бутылку вина. Сначала я было отказался, говоря, что мнѣ некогда, но онъ продолжалъ просить; тогда голодъ осилилъ во мнѣ гордость, и я признался, что со мною нѣтъ денегъ. Ватсонъ отвѣчалъ, что старымъ товарищамъ нечего между собою считаться, и мы пошли въ улицу Фрейерсъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, собраны воедино всѣ удовольствія. Въ тавернѣ Ватсонъ обратился прямо къ виночерпію, оставивши безъ вниманія повара; онъ думалъ, что я уже давно отобѣдалъ. Я однако же объяснилъ моему товарищу, что ходилъ на другой конецъ города за очень нужнымъ дѣломъ и успѣлъ перехватить только одну котлетку, такъ-что теперь не мѣшало бы велѣть подать и бифстексу. Подкрѣпившись виномъ и пищей, я ободрился, тѣмъ болѣе, что случившееся во время нашей разлуки полагалъ для товарища моего неизвѣстнымъ.

«Но разочарованіе не замедлило. Поднявши стаканъ и взявши меня за руку, онъ сказалъ: «поздравляю тебя съ честнымъ освобожденіемъ отъ суда!» Я почти сгорѣлъ отъ стыда, но Ватсонъ, замѣтивши это, прибавилъ: «стыдиться тебѣ нечего. Ты оправданъ, и никто не можетъ назвать тебя преступникомъ. А скажи мнѣ по правдѣ, — вѣдь я твой товарищъ, — ты точно его обокралъ? Полно, не бойся меня, вѣдь я не приказная строка. Я самъ сдѣлалъ бы на твоемъ мѣстѣ тоже.» Я признался, но замѣтилъ, что сумма была впятеро меньше, нежели какъ о томъ писалъ товарищъ мой. «Жаль, очень жаль, сказалъ онъ. Впрочемъ, если ты послѣдуешь моему совѣту, такъ въ другой разъ этого не случится.

«Вино было допито; Ватсонъ замѣтилъ, что засѣданіе уже

началось, и непремѣнно требовалъ, чтобы я пошелъ съ нимъ. Я отвѣчалъ, что кошелекъ мой, какъ ему извѣстно, пустъ. Я ожидалъ, что онъ ссудитъ меня небольшою суммой, но вмѣсто того получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Вотъ, есть о чемъ думать! Рискни, только знай, съ кѣмъ рисковать. Я укажу тебѣ, съ кѣмъ играть, а то вѣдь ты тутъ никого не знаешь.»

«Мы пришли въ игорный домъ; тутъ Ватсонъ, къ моему удивленію, досталъ изъ кармана значительную сумму и положилъ ее передъ собою на столъ.

«Нечего разсказывать, какъ играло тутъ людьми счастье, или, лучше сказать, кости. Горы золота переходили изъ рукъ въ руки, и богачъ въ нѣсколько секундъ дѣлался нищимъ.

«Что́ касается до меня, то сначала я выигралъ, но подъ-конецъ спустилъ все назадъ. Ватсонъ вскочилъ, говоря, что проигралъ и не хочетъ играть больше. Изъ игорнаго дому мы пошли съ нимъ опять въ таверну. Онъ заказалъ роскошный ужинъ, и вскорѣ къ намъ пристали еще нѣсколько игроковъ; но они пришли совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы поужинать: они отказывались отъ вина, жалуясь на нездоровье, и угощали двухъ молодыхъ людей, обреченныхъ ими на жертву. Послѣ они обобрали ихъ до-чиста, и часть добычи досталась на мою долю, хотя я и не былъ посвященъ въ ихъ тайны.

ГЛАВА XIII.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРІИ ГОРЦА.

«Товарищъ мой открылъ мнѣ новое поприще; скоро я познакомился со всѣми членами шайки, и тайны ихъ ремесла перестали быть для меня тайнами. Впрочемъ, какъ человѣкъ горячій и любящій выпить, я не былъ посвященъ въ важнѣйшія таинства, требовавшія хладнокровія и осторожности. Ватсонъ, также невоздержный, безпрестанно переходилъ отъ богатства къ бѣдности; обыгравши какихъ-нибудь новичковъ, онъ спускалъ

весь выигрышъ за бутылкою вина своимъ друзьямъ. Такъ, среди волненій измѣнчиваго счастья, прожили мы два года.

«Однажды вечеромъ, вышедши изъ игорнаго дому безъ копейки денегъ, увидѣлъ я на улицѣ какое то смятеніе и толпу народа. Я подошелъ и узналъ, что какіе-то негодяи ограбили и прибили неизвѣстнаго человѣка. Онъ былъ весь въ крови и едва держался на ногахъ. Человѣческое чувство не совсѣмъ еще во мнѣ погасло: я предложилъ ему мою помощь, и несчастный попросилъ меня отвести его куда-нибудь въ таверну и послать за хирургомъ. Хирурга къ счастью застали мы въ ближайшей гостинницѣ, и онъ объявилъ, перевязывая его раны, что онѣ не смертельны. Узнавши, что незнакомецъ только сегодня утромъ пріѣхалъ въ Лондонъ, что лошадь его осталась въ гостинницѣ въ Пикадилли, и что у него нѣтъ почти никого знакомыхъ въ городѣ, хирургъ предложилъ ему свой экипажъ, и шепнулъ на ухо, что если ему нужны деньги, такъ онъ и этимъ готовъ ему служить.»

«Но незнакомецъ не думалъ благодарить его; онъ уже нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на меня, потомъ, вскрикнувши: «сынъ мой!», лишился чувствъ.

«Я дѣйствительно узналъ въ немъ отца. Не могу вамъ выразить, что́ почувствовалъ я въ эту минуту; скажу только, что когда онъ пришелъ въ себя, я усадилъ его въ экипажъ хирурга и отвезъ домой въ гостинницу, гдѣ онъ остановился.

«Здѣсь, оставшись со мною наединѣ, онъ кротко упрекнулъ меня за долгое молчаніе, потомъ извѣстилъ меня о смерти моей матери, просилъ возвратиться съ нимъ домой, и сказалъ, что единственною причиною его поѣздки въ Лондонъ было желаніе исхитить меня изъ омута, въ которомъ я провожу мою жизнь.

«Сердце мое еще не совсѣмъ очерствѣло; я обѣщалъ исполнить его желаніе и уѣхать съ нимъ, какъ только онъ будетъ въ состояніи отправиться въ дорогу. Наканунѣ отъѣзда я пошелъ проститься кое съ кѣмъ изъ пріятелей и въ особенности съ Ватсономъ. Ватсонъ старался уговорить меня остаться, но безъуспѣшно.

«Мы пріѣхали съ отцомъ домой. Здѣсь, обезпеченный во всѣхъ отношеніяхъ, я съ жаромъ предался чтенію, особенно

философскихъ книгъ. Я прочелъ всего Аристотеля и Платона и другихъ греческихъ писателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ я изучать и другую книгу, въ сравненіи съ которой вся языческая философія не болѣе какъ сонъ, именно св. Писаніе. Такъ провелъ я четыре года, къ концу которыхъ смерть любимаго отца снова измѣнила образъ моей жизни. Братъ мой сдѣлался господиномъ въ домѣ. Наши вкусы и характеры были совершенно различные, намъ трудно было ладить, и мы скоро разстались.

«Я отправился, по совѣту доктора, на воды въ Батъ. На другой день послѣ моего туда пріѣзда, пошелъ я гулять вдоль рѣки и сѣлъ на берегу отдохнуть. Вдругъ на противоположномъ берегу послышались чьи-то жалобы, и кто-то бросился въ воду. Я тотчасъ же кинулся на помощь; недалеко отъ меня рыбакъ удилъ рыбу; съ нимъ мы вытащили изъ воды утопленника; сначала онъ не подавалъ никакого признака жизни, но потомъ, когда мы употребили извѣстныя средства, нача́лъ дышать и двигать руками и ногами. По совѣту случившагося тутъ же аптекаря, мы отнесли его домой и уложили въ теплую постель; а на другой день я услышалъ, что онъ уже совершенно здоровъ.

«Я пошелъ къ нему, съ цѣлью узнать, что̀ побудило его къ отчаянному поступку, и нельзя ли помочь ему. Съ перваго же взгляда мы узнали другъ друга; то былъ Ватсонъ.

«Ватсонъ признался, что его довела до мысли о самоубійствѣ крайность положенія, слѣдствіе порочной жизни. Я старался доказать ему преступность его замысла, но слова мои сдѣлали мало впечатлѣнія. Вмѣсто того, чтобы возражать на мои доводы, онъ только улыбнулся и сказалъ: «странную вижу я въ тебѣ перемѣну! Говоришь ты красно, только если не сыщешь человѣка, который далъ бы мнѣ сто фунтовъ наличными, такъ я долженъ умереть съ голоду; а эта смерть хуже всякой.»

«Я отвѣчалъ ему, что я дѣйствительно измѣнился, понялъ все безуміе прежняго образа жизни и раскаялся. «Я дамъ тебѣ сто фунтовъ прибавилъ я, если они тебѣ необходимы, только съ тѣмъ, чтобы ты не спустилъ ихъ опять въ кости.

«При этихъ словахъ онъ встрепенулся.» Неужели же я не извлекъ никакой пользы изъ опытности? сказалъ онъ. Нѣтъ, въ другой разъ фортунѣ неудастся меня обанкротить. Сто фунтовъ съ тобою?»

«Со мною былъ только банковый билетъ въ 50. Я отдалъ его Ватсону и обѣщалъ принесть остальное на другой день поутру. Я зашелъ къ нему однако же въ тотъ же вечеръ — и засталъ его за картами. Онъ игралъ съ извѣстнѣйшимъ игрокомъ; деньги мои перешли къ его партнеру, который, получивши ихъ, немедленно удалился.

«Въ эту минуту вошелъ аптекарь, говоря, что пришелъ сообщить намъ важныя новости, — что герцогъ монмоутскій вышелъ на западный берегъ съ сильною голландскою арміею, между тѣмъ какъ другой значительный флотъ, угрожая Норфольку, дѣлаетъ въ его пользу диверсію. Почтенный аптекарь былъ страстный политикъ, но почерпаемыя имъ изъ частныхъ писемъ извѣстія рѣдко бывали вѣрны. Такъ случилось и теперь. Вскорѣ стало извѣстно, что герцогъ дѣйствительно вышелъ на берегъ, но только диверсіи со стороны Норфолька не было никакой.

Я и Ватсонъ приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, но онъ вскорѣ обезславилъ себя постыдными противъ меня поступками, убѣжалъ, и хорошо сдѣлалъ.

«Я отсталъ отъ партіи и нѣсколько дней скитался по полямъ какъ дикій звѣрь, боясь измѣны и встрѣчи съ людьми. Наконецъ пришелъ я сюда. Пустынность мѣста подала мнѣ мысль поселиться здѣсь. Я поселился сначала съ матерью моей теперешней служанки, и жилъ здѣсь, пока извѣстіе о великой революціи не породило опасеній. Тогда я посѣтилъ свой домъ и уладилъ дѣла съ братомъ. Я предоставилъ ему все, а онъ выплатилъ мнѣ тысячу фунтовъ и назначилъ ежегодную пенсію. Потомъ я возвратился сюда, и съ тѣхъ поръ исторія моей жизни — бѣлая страница.

— И съ тѣхъ поръ вы жили безвыѣздно здѣсь? спросилъ Джонсъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ: — я путешествовалъ и перебывалъ почти во всѣхъ странахъ Европы.

— Вы устали, сказалъ Джонсъ: — и мнѣ совѣстно васъ утруждать. Но, признаюсь вамъ, я очень желалъ бы услышать замѣчанія, сдѣланныя вами во время вашихъ путешествій.

— Извольте, я удовлетворю ваше любопытство, сколько могу, и въ этомъ отношеніи, сказалъ старикъ, и не дожидаясь вторичной просьбы, продолжалъ, какъ найдете вы въ слѣдующей книгѣ.

III.

АНТОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВАТЫЙ.

Въ блестящемъ сонмѣ сподвижниковъ Екатерины II явился, въ числѣ замѣчательныхъ дѣятелей XVIII столѣтія, воинъ храбрый и умный, отличавшійся необыкновенною способностью сразу обнять и обсудить предметъ; онъ горячо любилъ свое Запорожье и, пользуясь постоянно благосклонностію Императрицы, дѣятельно ходатайствовалъ при дворѣ за своихъ земляковъ, несмотря на молодость и малый чинъ, управляя умами старыхъ сѣчевиковъ: это Антонъ Васильевичъ Головатый.

Никто не могъ быть женатъ въ Сѣчи (¹); одинъ только Головатый получилъ разрѣшеніе вступить въ бракъ, увѣривъ начальство, что желаетъ быть священникомъ въ войскѣ, но женившись, не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія, и жена его все время жила на хуторахъ въ Сѣчи.

Головатый былъ средняго росту, имѣлъ смуглое лицо, носилъ большіе усы и оселедецъ, который заматывалъ нѣсколько разъ за лѣвое ухо, говорилъ просто, свободно, чисто изъяснялся по-русски, изрѣдка украшая свою рѣчь запорожскими поговорками. Сперва онъ былъ казакомъ-товарищемъ Кущовскаго куреня, въ 1770 году назна-

(¹) Только неженатые составляли собственно товарищество или Сѣчь Запорожскую, могли участвовать въ военныхъ подвигахъ и избирались въ старшины. Нарушеніе этого устава въ Кошѣ почиталось уголовнымъ преступленіемъ и наказывалось даже смертію.

ченъ въ команду, находившуюся *при боку* кошевого Калнышевскаго (Петро Калнижъ), скоро достигъ званія полковаго старшины, а 3-го іюля 1771 года, какъ человѣкъ грамотный и знающій *распорядокъ* судебный, избранъ писаремъ въ Самарскую полавку, вмѣсто Павла Попатенка. Къ 1773 году Головатый ѣздилъ въ столицу съ объясненіями по случаю постройки Днѣпровской линіи, въ 1774 году снова отправленъ къ Императрицѣ съ двумя челобитными: въ одной челобитной запорожскаго войска сказано, что: «вѣрноподданнически просимъ В. И. В. земли и угодья войска Запорожскаго Низовою сею (т. е. правою) стороною Днѣпра, подъ Елисаветградскую провинцію, а того Донскому войску отшедшія и самовольно *владящими* (поселенцами) захваченныя, какъ оныя по всесвѣтному знанію и весьма древнѣйшей давности, суть единаго войска Запорожскаго Низоваго, добровольно подъ державу Высочайшаго Всероссійскаго В. И. В. престола, пришедшаго, все войску Запорожскому возвратить, и какъ на сіи возвращенныя, совсѣми живущими, такъ и на тѣ, кои обома сторонами Днѣпра будучи собственные единаго войска Запорожскаго Низоваго, за симъ войскомъ остаются, при нашихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ, владѣнію таковому какъ и предки наши имѣли, не только въ недавнемъ времени, но егда и подъ польскою короною были, да и прежде, Высочайшую В. И. В. грамоту пожаловать, коей къ полученію, сего подноситель войска Запорожскаго Низоваго, полковой старшина *Антонъ Головатый* и препровождается къ В. И. В. и т. д. (12-го марта 1774 года). Въ другой челобитной изложены были жалобы на главнаго командира Новороссійской губерніи, генерала Воейкова, комендантовъ крѣпости св. Елисаветы и др. Отправляясь, Головатый получилъ изъ Сѣчи инструкцію: «если согласнаго съ просьбою чрезъ два мѣсяца не сдѣлается, такъ съ вѣдома кого надлежитъ имѣть, возвращаться въ Кошъ.» Явясь въ столицу, онъ увидѣлъ, что Дворъ занятъ турецкою войною, и потому не надѣялся на успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Но Императрица милостиво выслушала его, вручила ему грамоту отъ 22-го мая 1774 года, въ которой изъявила готовность простить запорожцевъ, если они своими поступками не навлекутъ снова ея гнѣва. «Сколько съ одной стороны — вѣщала она — вѣрность и храбрость войска запорожскаго является въ настоящей войнѣ къ своей отмѣнной хвалѣ и истинному Е. В. удовольствію, столько съ другой стороны производятъ въ ней огорченіе продолжающіяся безпокойства и замѣшательства, по поводу границъ, въ земляхъ между сѣчью и Новороссійскою губерніею». Государыня приказала: «Оставить все въ настоящемъ положеніи, прислать ко двору Е. И. В. двухъ или трехъ депутатовъ, снабдивъ ихъ всѣми документами и граматами, дающими право на владѣніе ихъ землями».

Потемкинъ, назначенный 31 мая 1774 года новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать пользамъ запорожцевъ и исклалъ кошевому Калнышевскому съ Головатымъ письмо, карманные *дзигарки* (т. е. часы) и оксамиту (бархату). Такимъ образомъ Головатый явился въ кошъ съ царскою грамотою, письмомъ и подарками (1).

Запорожцы, прочтя грамоту, посовѣтовались на большой войсковой радѣ и порѣшили, что правительство, недовольное своевольными поступками Сѣчи, предпринимаетъ какую-то рѣшительную мѣру, и что для отвращенія опасности немедленно надо избрать вновь депутацію и послать въ столицу, испрашивая снисхожденія у самой Императрицы. Депутатами избрали: войскового эсаула *Сидора Бѣлаго* (2), войскового старшину *Логина Мощенскаго* и полкового старшину *Антона Головатого*. Депутаціи вручены были тѣже акты, которые Головатый и прежде возилъ съ собою; но тогда, по случаю войны съ Турціею, они не могли быть разсмотрѣны. Сверхъ того, по принятому въ Запорожьѣ обычаю, съ ними послано нѣсколько *подводъ съ презентами* (3), для важнѣйшихъ лицъ при Дворѣ.

Депутаты получили изъ Коша двѣ инструкціи: одну явную, а другую секретную. Въ первой написано: «Принявъ отъ войска Запорожскаго Низоваго всеподданнѣйшую къ Е. И. В. просьбу, поѣзжать въ С. Петербургъ, къ Высочайшему Е. И. В. двору; куды за прибытіемъ и за явкою у его сіятельства г. генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, объявить о себѣ и просить у его сіятельства и у кого надлежитъ, доставленія васъ къ Е. В. для поданія просьбы и по оной ходатайства: о возвращеніи войску всѣхъ отшедшихъ и захваченныхъ зъ подъ войска земель и пожалованіи чрезъ васъ Высочайшею Е. И. В. граммагою, утверждающею оныя за войскомъ Запорожскимъ. При немъ сверхъ грамагы 7146 и универсала гетмана Хмельницкаго 1655 г. съ чего копіи при просьбѣ чрезъ васъ препровождаемой приложены, вручаются вамъ копіями: выпись изъ *договора* вѣчнаго мира Россійскаго съ Польскимъ государствомъ, 1686 года, III пункта въ Бѣлой церкви заключеннаго, и выписку изъ конституціи сейму 1717 году въ Варшавѣ бывшаго, о границахъ между трехтеміровымъ и староствомъ Каневскимъ. Еслижъ потомъ согласнаго просьбѣ чрезъ

(1) О началѣ службы Головатаго Квитка ограничился слѣдующими словами: «Головатый былъ въ Сѣчи какимъ-то чиновникомъ, *кажется*, войсковымъ писаремъ». См. От. Зап. 1839 года, № 10.

(2) У Основьяненки (Квитки) вмѣсто *Сидора* Бѣлаго сказано, что въ депутаты назначенъ *Семенъ* Бѣлый. См. От. Зап. за 1839 г. № 10, стат. Головатый.

(3) Презенты состояли изъ лошадей, вина, фруктовъ, мѣховъ, виязги, лимоннаго сову, свѣжей и сушеной рыбы и т. п.

три мѣсяца не сдѣлается, такъ съ вѣдома кого слѣдуетъ, возвращаться въ Кошъ. 24 сентября 1774 года.» Въ секретной инструкціи исчислялись границы запорожскихъ владѣній и приказано было требовать всѣ упомянутыя въ ней земли (¹).

Надо замѣтить, что запорожцы издавна приглашали значительныхъ вельможъ записываться въ сѣчевые казаки, чтобы имѣть всегда при дворѣ сильныхъ защитниковъ. Такъ въ сѣчевики вписались Л. А. Нарышкинъ, генералъ Стрекаловъ и Г. А. Потемкинъ; послѣдній числился въ Кущовскомъ куренѣ и извѣстенъ былъ подъ именемъ «Грицко Нечёса». Къ нимъ-то въ случаѣ нужды и прибѣгала Сѣчь съ просьбою о помощи.

Депутаты были уже далеко отъ родной Сѣчи, какъ тамъ получено письмо Потемкина отъ 8 декабря 1774 года; но оно писано было не прежнимъ товарищемъ «Грицко Нечосою», а строгимъ судьею запорожцевъ. Онъ упрекалъ ихъ въ разныхъ безпорядкахъ и увѣдомлялъ, что «предложилъ новороссійскому губернатору Г. М. Черткову, чтобы онъ со всѣми до того принадлежностями, такъ какъ и описаніемъ причиненныхъ жителямъ оной губерніи обидъ и разореній, явился къ нему, и въ тоже самое время слѣдуетъ неминуемо быть и ожидаемымъ отъ войска Запорожскаго депутатамъ». Не доброе предвѣщало это письмо, сѣчевики призадумались; не унывалъ одинъ кошевой: «що буде то буде — говорилъ онъ — а буде що Богъ дасть».

Между тѣмъ депутаты въ сопровожденіи двадцати одного человѣка, по три отъ каждой паланки, выдержавъ карантинъ въ Царичанкѣ,

---

(¹) Только часть этой инструкціи дошла до насъ. Она состоитъ изъ трехъ пунктовъ и даетъ намъ полное понятіе о владѣніяхъ запорожскаго Коша:

«1) Трехтеміровъ со всѣю принадлежностью и Чигринъ, нынѣ въ Польской сторонѣ остающіеся, по универсаламъ и по записямъ давные отъ Королей Польскихъ, оставаться должны владѣнію Запорожскому, до Тясьмины по Днѣпру.

«2) Отъ Тясмина внизъ по Днѣпру и чрезъ Лиманы Днѣпровый и Боговый по Очаковскіе улусы, а тою стороною Бога по рѣчку Синюху; Синюхою-же и прочими рѣчками и Тясьминою даже до Днѣпра; въ сихъ рѣкахъ, какъ и въ прогнойныхъ озерахъ и приморскихъ берегахъ, всякіе довольства при своихъ вольностяхъ, Запорожскіе Казаки имѣли и имѣютъ нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ, кои не отошли зъ подъ владѣнія Запорожскаго.

«3) На той сторонѣ Днѣпра отъ устья Орели, оная рѣка до вершины ея, и отъ вершины чрезъ степь прямою линіею до устья рѣки Дону, а отъ онаго внизъ по надъ Азовскимъ моремъ, до Татарскихъ границъ; и отъ устья Орели по надъ Днѣпромъ до Татарскихъ-же границъ: всѣ земли состояли съ прежде и внутри ихъ Самарь и прочіе во владѣніи Запорожскомъ, какъ съ ними и пришли зъ подъ Польской державы, до захваченія Узюмскими, Торскими, Бахмутскими, нѣкоторыхъ земель подъ поселеніе и приморскихъ косъ и прочіи степу, до отдачи Донскимъ козакамъ». См. Ист. Нов. Сѣч. изд. I, стр. 331.

пріѣхали въ Москву (¹) въ декабрѣ мѣсяцѣ 1774 года; скоро прибыла въ столицу и Императрица со всѣмъ дворомъ и министрами. Представившись Императрицѣ, Головатый увѣдомилъ кошевого Калнышевскаго отъ 6 февраля 1775 года, что: «Коня бѣлаго при письмѣ Великому князю Е И. В. Павлу Петровичу нами доставлено, за котораго Е. В. вашей вельможности и всему войску Запорожскому, изустно при нашей бытности благодарилъ; а каштановатый Григорію Александровичу г. генералу Потемкину отданъ.» Въ слѣдующемъ письмѣ Головатый ясно высказываетъ свои опасенія насчетъ успѣха въ ихъ дѣлѣ: «Теперь уже мы вступили въ дѣло, только не весьма весело кажется; господа генералы: Потемкинъ, Вяземскій и братъ мой (по куреню) Стрекаловъ сердиты: Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ и др. пр. пр. ласково съ нами обходятся. Мы теперь не непротивъ прочихъ прежде бывшихъ въ радости живемъ, почти всякій день отъ Новороссійской губерніи получаемъ новыя вѣсти. Прямо сказать, всякаго дня новая радость, а просителей на насъ, вокругъ нашей Запорожской земли живущихъ, у Григорія Александровича въ компатахъ не продути, такъ тѣсно. Только отдымайсь да отдымайсь. И самъ тутъ Потемкинъ чрезмѣрно пужаетъ за все и угрожаетъ симъ, что онъ Е. В. докладъ учинитъ; такъ сердитъ, что и сказать нельзя. Слыхали мы отъ Потемкина, что въ недавнемъ времени, Коммиссарскій писарь *Вырминка* наѣхавъ на слободу Лиховку, разорилъ; тутъ намъ хорошій былъ пиръ; котораго (писаря) поймали и везутъ въ Москву, что то будетъ? якъ привезутъ, почуемъ. А *Велигура* Калміусскій полковникъ, отрѣзалъ косы у Донцовъ по Міусъ и за се у Потемкина пили мы крѣпкій пуншь. Нашихъ Дунайцевъ (т. е. казаковъ, служившихъ на Дунаѣ по волѣ Коша въ лодкахъ) оболгалъ какой-то генералъ, что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы иттить пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства, а когда мы ему сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ не вѣритъ; такъ я ему сказалъ: «какъ въ свѣтѣ есть ложь, они бѣдные остались по причинѣ своихъ лодокъ, да хотя и пошли пѣшкомъ, какъ сказано на грабительства, но что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватокъ, а узду за поясъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на ихъ и коней весьма скоро добуть могутъ, чтобъ не пѣшому быть каждому.» Завѣряю васъ, что̀ уже надъ нами не происходитъ! Только не трусимъ да и вы держитеся добре за корму; что Богъ дасть! въ его святой воли все зависитъ.»

7 Апрѣля 1775 года писалъ Головатый, что докладъ о ихъ челобитной уже сдѣланъ Императрицѣ и будетъ разсматриваться въ со-

---

(¹) У Квитки сказано, что депутаты посланы были въ Петербургъ.

вѣтъ. Потомъ сообщалъ, что за раззореніе Царицанскаго карантина, за удержаніе пикинернаго офицера и другія буйства виновные взяты въ самыхъ предѣлахъ войска и какъ преступники привезены въ Москву, для суда. Изъ этого Кошъ и депутаты могли заключить, что правительство дѣйствуетъ рѣшительно. Далѣе онъ описываетъ: «Генералъ Стрекаловъ сказалъ: «а земли, что называются въ челобитныхъ вашихъ, нашими, почему де вы ихъ присвоили?» На что мы ему отвѣтствовали: «что съ ними пришли подъ державу Россійскую въ подъ Польской короны, имѣемъ письменные на то документы.» А Стрекаловъ говорилъ: «когда до вы измѣнили (1709 г.), то земли и права свои потеряли.» — «Правда,» мы ему сказали: «когда были мы подъ державою Турецкою, то съ тимижъ и пришли подъ Россію, съ симижъ землями, да имѣемъ покойницы Анны Іоанновны Императрицы граматы простительныя, всѣхъ нашихъ винъ; она оставила насъ при всѣхъ нашихъ правахъ, вольностяхъ и земляхъ, по прежнему. Какъ онѣ и не отходили отъ насъ, такъ такъ и есть, и надѣемся вѣрно, что въ Россіи архива не сгорѣла, въ нихъ есть прежнихъ государей отпуски граматъ въ войско, съ якихъ ясно усмотрѣть можете, когда на наши копіи не вѣрите.» Стрекаловъ сіе и самъ утвердилъ, что есть архива цѣла и будемъ де искать по иностранной коллегіи, — а намъ сказалъ, что «васъ позовется въ совѣтъ.» Теперь мы сего дошли, что поручено въ иностранной коллегіи Нѣмцу полковнику Мійнеру (т. е. исторіографу Миллеру) выписку чинить, съ якой часть уже нами скопіевано и посылается; съ ней усмотрѣть можете предковъ нашихъ борьбы съ Турками, Молдавіею, Ляхами и Россіею, только не все сіе окончено, а течетъ выписка и сего стараться будемъ достать; выписку сію въ свѣтъ приговорено чинить по большей части Никитою Ивановичемъ Панинымъ, онъ много оспаривается съ ними за насъ. На сихъ дняхъ Потемкинъ объявилъ намъ, что Вырминка привезенъ и съ нимъ три козака и содержатся они подъ карауломъ въ Преображенскомъ полку въ кандалахъ; а какъ мы его Вырминку оправдывать стали, что не допускаетъ онъ землями нашими користоваться поселянъ Новороссійскихъ не самъ собою, но съ повелѣнія команды своей, такъ Потемкинъ сказалъ: «пошлется де грамота въ Кошъ, чтобъ самъ кошевой съ писаремъ его Глобою, пріѣхалъ въ Москву на отвѣтъ.» Мы ему на сіе отвѣтствовали: «что Кошевой и старшины сему не причинны и дѣлается сіе отъ общества; Кошевому и старшинамъ ежедневно кучатъ старики отаманы и войско о семъ, что негдѣ селится, да оножь сверхъ сего было наше и есть.» Присланныя письма зъ Коша чрезъ Ѳедора Дона, Потемкину, мы ему споручили, между якими онъ сыскалъ себѣ весьма пріятное, такъ что говорилъ намъ: «и я де такое напишу отъ себѣ въ Кошъ, что и

не прочтуть;» а мы ему сказали: «въ войску нашемъ не безъ грамотныхъ, есть сыщется, прочитають.» И хотѣлъ Потемкинъ биться объ закладъ съ нами, да и говорилъ, что «Глоба вашь въ войскѣ не захочетъ его читать, а я де ваше посообщалъ разумнымъ людямъ для любопытства.»

Головатый, узнавъ, что указъ объ учрежденіи Азовской губерніи изъ-за днѣпровской части Новороссійской губерніи и Бахмутскаго уѣзда уже состоялся 14 февраля 1775 года, уведомилъ о немъ Кошъ. Въ апрѣлѣ Головатый писалъ къ кошевому: «Слыхали мы, что пошлются въ наши земли землемѣры. Еще Потемкину кто то донесъ, будтобъ ваша вельможность обзаводите себѣ модные покои, такіе, какихъ никогда не бывало тамъ; и весьма богатыми всѣхъ Запорожцевъ ставятъ, а кольми паче Вашу Вельможность; что въ недавнемъ времени, продали въ Крымъ овецъ 14000 по 2 рубля за каждую, сіе самъ Потемкинъ намъ говорилъ....» Послѣднее письмо свое Головатый заключилъ словами: «Теперь, какъ видимъ, остается все наше дѣло на волѣ Божіей да на попеченіи Ея Императорскаго Величества!» (*).

Видя, что дѣла ихъ приняли весьма дурной оборотъ, Головатый сталъ пріискивать новыя средства для защиты Запорожья. Онъ вполнѣ сознавалъ, что существованіе Коша невозможно, при тѣхъ правахъ и вольностяхъ, которыя присвоили себѣ запорожцы, и пріискивалъ средства, которыя, ограничивая вольность запорожцевъ, сохранили бы существованіе самой сѣчи и дали возможность новыми славными дѣлами затмить былые безпорядки, смуты и самовольства. Такимъ образомъ онъ напалъ на мысль сдѣлать преобразованіе въ порядкахъ службы и управленіи Запорожья. Прежде всего предполагалъ немедленно удалить подъ разными предлогами изъ Сѣчи, если не на всегда, то по-крайней-мѣрѣ на долгое время, ненадежныхъ людей, которые своимъ буйствомъ и своеволіемъ могли бы нарушить общественный порядокъ; этому закону подчинялся всякой, кто бы онъ ни былъ — простой ли казакъ, или заслуженный старшина. Послѣ этого, объявивъ оставшимся новое устройство, сходное съ тѣмъ, какое существуетъ въ донскомъ войскѣ, сдѣлать всѣмъ перепись, положивъ неизмѣннымъ правиломъ не вписывать вновь никого, подъ строгою отвѣтственностію какъ всего войска, такъ и въ особенности нарушителя постановленнаго закона, позволить казакамъ вступать въ бракъ, имѣть и пріобрѣтать собственность; наконецъ одной части войска, по очереди, отправлять службу, по назначенію правительства, внѣ Сѣчи, а другой въ тоже время заниматься хозяйствомъ и службою дома.

(*) Ни одно изъ этихъ писемъ Головатаго не помѣщено у Кантин.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи вице-президентомъ Военной Коллегіи, гдѣ разсматривалось дѣло запорожцевъ, обратилъ вниманіе на Головатаго, котораго умъ, находчивость и острыя замѣчанія ему понравились; онъ обласкалъ Головатаго, полюбилъ его и часто говорилъ съ нимъ о судьбѣ Запорожья. Къ нему-то и рѣшился Головатый представить проэктъ свой. Явясь къ Потемкину, онъ показалъ ему поименный списокъ, кто и подъ какимъ предлогомъ долженъ быть непремѣнно удаленъ изъ Сѣчи; увѣрялъ, что всѣ остающіеся старшины и казаки будутъ вѣрны Россіи и сами желаютъ преобразованія.

Князь Потемкинъ, казалось, спокойно слушалъ Головатаго, но потомъ вдругъ прервалъ его: «Право!» и, бросивъ бумагу въ уголъ, сказалъ: «Не можно вамъ оставаться. Вы крѣпко разшалились и ни въ какомъ видѣ не можете уже приносить пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла». Съ этимъ словомъ онъ показалъ Головатому толстую тетрадь, въ которой исчислены были всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожья и размѣщены одни противъ другихъ. «Все было записано вѣрно» — разсказывалъ Головатый — «ни одно обстоятельство изъ обоихъ дѣйствій не было сокрыто или ослаблено, только хитра писачка що зробивъ? Худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца на два и словами величиною съ воробьевъ, а что добраго Сѣчь сдѣлала, такъ то было писано часто и мелко, словно макомъ усыпано. Отъ-того-то наши худыя дѣла занимали больше мѣста, нежели добрыя».

Черезъ нѣсколько времени Головатый, ничего не предчувствуя, пришелъ по обыкновенію къ князю. Потемкинъ, увидѣвъ его, сказалъ: «Все кончено. Телели доноситъ (донесеніе о взятіи Сѣчи было писано Телеліемъ изъ лагеря при ней, отъ 6-го іюня 1775 года), что онъ исполнилъ порученіе. Пропала ваша Сѣчь!» Пораженный этою вѣстью, не помня себя, Головатый запальчиво возразилъ: «Пропали же и вы, ваша свѣтлость!» «Что̀ ты врешь?» закричалъ Потемкинъ, «и притомъ такъ взглянулъ на меня», разсказывалъ Головатый, «что я на лицѣ его ясно прочелъ мой маршрутъ въ Сибирь, и потому крѣпко струсилъ. Надобно было поспѣшить смягчить гнѣвъ вельможи, и я, несмотря на сильную горесть, поразившую меня, скоро нашелся и отвѣчалъ ему: «Вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ; такъ коли Сѣчь уничтожена, то и ваше казачество кончилось». — «То-то же, ври да не завирайся!» сердито сказалъ князь.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, депутаты были переименованы въ армейскіе чины и отпущены изъ столицы. Головатый награжденъ чиномъ поручика.

Потуживъ о Запорожьи, депутаты выѣхали. Головатый отправился вмѣстѣ съ Бѣлымъ. Однажды, находясь въ какомъ-то особенно дурномъ расположеніи духа и разсуждая о своемъ несчастномъ положеніи, они думали даже лишить себя жизни. Съ этою цѣлію зарядили два пистолета и условились, чтобы Головатый прочелъ вслухъ всѣ ежедневно читаемыя молитвы, и когда надо будетъ читать «Вѣрую», то при словахъ: «и жизни будущаго вѣка» обоимъ приготовиться, со словомъ же «аминь«, стрѣлять другъ въ друга, а если кто не будетъ убитъ на-повалъ сразу, тотъ долженъ дострѣлить себя самъ. Стрѣляться рѣшились на дорогѣ, чтобы никто не помѣшалъ.

Проѣзжая черезъ лѣсъ, они вышли, выбрали удобное мѣсто, обнялись какъ братья, потомъ простились до скорой встрѣчи въ лучшей жизни и заняли каждый свое мѣсто. Головатый сталъ читать молитвы. «Читалъ же я» - говорилъ онъ самъ - «совсѣмъ не такъ, какъ бывало читывалъ на клиросѣ, бѣгло, но сколько можно медленнѣе и всякое слово старался выговорить ясно; при окончаніи же каждой молитвы, клалъ по большему земному поклону; уже дошелъ до «Отче нашъ», все читаю. При словѣ «избави насъ отъ лукаваго» вдругъ пришла мнѣ мысль.... Я остановился, опустилъ пистолетъ и, обратясь къ Бѣлому, спрашивалъ:

— А знаешь що, батьку?

— А що? отвѣчалъ грустно Бѣлый.

— Вотъ се мы пострѣляемося?

— А тожь!

— И насъ тутъ найдутъ мертвыхъ?

— Эге!

— И скажутъ: вотъ два дурня, запорожцы, вѣрно напились мертвецки и пострѣлялись сами не зная чего. И насъ зароютъ какъ собакъ, и никто не узнаетъ, зачѣмъ мы пострѣлялись, и намъ не будетъ ни славы, ни чести, ни памяти.

— Такъ що робыти? воскликнулъ Бѣлый, послѣ недолгаго размышленія.

— Цуръ ёму стрѣлятися, батьку! Поѣдемъ дальше.

— Справды, цуръ ёму! Поѣдемо, сказалъ Бѣлый и также опустилъ пистолетъ.

— Что̀ будетъ, то и будетъ; поѣдемо! повторили оба, спрятали пистолеты на мѣстѣ, гдѣ думали лишить себя жизни, потомъ бросились на колѣни, долго молились Богу, чтобы Онъ простилъ ихъ прегрѣшенія, наконецъ встали, радостно обнялись, *потянули изъ дорожной баклажки* и, перекрестившись, отправились въ дорогу.

Въ 1780 году Потемкинъ самъ пріѣхалъ въ край, ввѣренный его управленію, и, обозрѣвъ его, убѣдился, что для исполненія давно предначертанныхъ имъ плановъ и для пользы какъ Новороссіи, такъ и всей имперіи необходимо содержать сильное войско. Только имѣя подъ руками значительную армію, могъ онъ дѣятельно охранить обширныя границы новороссійскаго края отъ вторженія крымцевъ, турокъ и поляковъ. Занятый этою мыслію, Григорій Александровичъ поспѣшилъ скорѣе воспользоваться предложеніемъ Головатаго, который, соединившись съ бывшимъ полковымъ старшиною *Сидоромъ Бѣлымъ*, *Чепегою*, *Бурносомъ* и др., поднесъ ему адресъ отъ имени падшей Сѣчи объ искреннемъ желаніи всѣхъ бывшихъ запорожцевъ служить въ войскахъ русской царицы. Хорошо изучивъ бытъ, характеръ и свойства запорожцевъ, онъ умѣлъ изъ всего извлечь пользу и все направить ко благу Украйны.

Въ 1763 году крымское ханство покорено Потемкинымъ и повержено къ стопамъ императрицы Екатерины II; но чтобы удержать за собою это важное пріобрѣтеніе, надо было подкрѣпить и увеличить прежнее мѣстное войсковымъ, и притомъ такимъ, которое бы хорошо знакомо было съ образомъ военныхъ дѣйствій того края. Понимая это, Потемкинъ 1-го іюля 1763 года отдалъ приказъ:

«Ея Императорскаго Величества Генералъ Аншефъ, Командующій войсками въ Крыму и Южныхъ губерніяхъ расположенными и флотами на Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ Князь Потемкинъ».

«Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, въ Славянской и Елисаветской провинціи жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили, что Полковому старшинѣ и арміи капитану *Головатому* (Антону) (*), препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ казачьемъ званіи, подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ до 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тожь число, которымъ опредѣляется довольное жалованіе и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ Г. Бригадиру Синельникову (**)».

Со всѣхъ сторонъ начали стекаться вѣрные сѣчевики къ сборному мѣсту, и въ теченіи трехъ лѣтъ (съ 1783 по 1786 годъ) ихъ собралось значительное число. Потемкинъ назвалъ ихъ черноморскимъ казачьимъ войскомъ и взялъ подъ свое особенное покровительство. По званію царскаго намѣстника и генералъ-аншефа, онъ учредилъ (1786 г.)

(*) Вотъ когда Головатый былъ уже капитаномъ, а Квитка писалъ, что онъ награжденъ чиномъ капитана въ 1787 году, при встрѣчѣ Императрицы.

(**) См. Хронологическое Обозр. Ист. Новор. края Скальковскаго. Ч. I, стр. 158 и 159.

при себѣ почетный конвой изъ запорожцевъ, вручивъ команду надъ ними Головатому. Черноморцы, служа въ полкахъ своихъ, получали армейскіе чины и къ обыкновеннымъ своимъ мундирамъ присоединяли армейскія отличія, по чину; такъ премьеръ-майоры и секундъ-майоры нашивали на чекменяхъ такіе же галуны, какіе утверждены были для этихъ чиновъ на камзолахъ въ арміи. Во всемъ войскѣ введена была опрятность, чистота и единообразіе въ одеждѣ. Одежда черноморскихъ чиновниковъ состояла: изъ широкихъ турецкихъ шальваровъ, суконнаго чекменя (обыкновенно краснаго цвѣта) и верхней черкески, обложенной по борту золотымъ или серебрянымъ снуркомъ, съ откидными назадъ рукавами; черкеска у пѣхотныхъ была изъ зеленаго сукна, а у кавалеристовъ — синяго.

Склонясь на просьбу Потемкина, государыня рѣшилась посѣтить его намѣстничество и 2 января 1787 года выѣхала изъ Петербурга. Узнавъ, что она приближается къ Херсону, Головатый, испросивъ позволеніе у Потемкина, съ частію своей команды, удостоился встрѣтить Императрицу и конвоировалъ Ея Величество въ дорогѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ зачисленъ въ штатъ свѣтлѣйшаго и, находясь при немъ, всячески старался убѣдить князя къ возстановленію казачества.

«Не будетъ уже это Сѣчь» — говорилъ онъ — «но особенное войско изъ прежнихъ запорожцевъ; они будутъ имѣть свою осѣдлость и порядокъ службы, приличный времени и обстоятельствамъ».

Изъ черноморцевъ составлены были конные и пѣшіе полки, и гребная флотилія, которою командовалъ Головатый, сдѣланный *войсковымъ судьею* въ новомъ войскѣ. А кошевымъ атаманомъ, по смерти Бѣлаго, былъ избранъ Захаръ Чепега.

«Черноморскіе козаки — говоритъ генералъ Дашковъ въ своей запискѣ, — движимые духомъ усердія, во все время теченія войны той (т. е. турецкой, продолжавшейся съ 1787 по 1791 годъ), въ различныхъ дѣйствіяхъ противу непріятеля, многими мужественными подвигами оказали опыты отличной своей храбрости и соревнованія на пользу службы». Во время очаковской осады, Григорій Александровичъ Потемкинъ, жалуясь на турокъ, что они наносятъ сильный вредъ нашимъ войскамъ изъ укрѣпленія Березань, обратился къ Антону Васильевичу и сказалъ:

— Головатый! какъ бы взять Березань?

— Возмемо, ваша свѣтлость! А чи будежь крестъ за те? произнесъ Головатый улыбаясь.

— Будетъ, будетъ; только возьми, отвѣчалъ князь.

— Чуемо, ваша свѣтлость! сказалъ Головатый и спокойно вышелъ.

Свѣтлѣйшій самъ донесъ объ этомъ дѣлѣ Императрицѣ слѣдующимъ образомъ:

«Капитанъ Паша (4 ноября 1788 года). съ кораблями и фрегатами отплылъ и по показанію плѣнныхъ, пошелъ къ Царьграду. Во время пребыванія его предъ Очаковскимъ берегомъ, держа фрегаты, шебеки и всѣ мѣлкія суда, составлявшія переднюю его линію, близь острова Березани, привелъ на ономъ крѣпость въ оборонительное состояніе и старался сдѣлать невозможнымъ всходъ на берегъ сего неприступнаго острова, построивъ батареи въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ къ острову приставать можно было, а для защищенія крѣпости оставленъ отъ него довольный гарнизонъ. По удаленіи флота Турецкаго, главнокомандующій, препоручивъ войску вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ поискъ на сей островъ, приказалъ войсковому ихъ судьѣ Подполковнику *Головатому* (Антону), итти туда со всѣми своимъ лодками и стараться взойти на берегъ, разбить непріятеля и овладѣть крѣпостью».

«Предпріятіе сіе предъ лицемъ всей арміи произведено въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ. 7-го ноября по утру, козаки приближаясь къ острову, выдержали съ твердостью и мужествомъ сильной огонь непріятельской, потомъ сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ и ружей, вскочили въ воду и вспалзывая на берегъ, бросились съ такимъ стремленіемъ, что прогнали непріятеля, отняли у него батареи и преслѣдовали до самой крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами; въ семъ случаѣ, поворотили они противу крѣпости орудія съ набережной батареи и съ своихъ лодокъ взятыя. Жестокая канонада ихъ, движеніе сдѣланное отъ флота, по данному сигналу, нѣсколькими фрегатами и отправленіе къ острову лодокъ канонирскихъ съ Бригадиромъ Рибасомъ, заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады (1)». Крѣпость и островъ Березань взяты; казаки на штурмѣ потеряли одного полковаго старшину, четырехъ куренныхъ атамановъ и 24-хъ казаковъ.

Объ этомъ дѣлѣ Квитка пишетъ, что Головатый по выходѣ отъ князя: «Немедленно послалъ развѣдать о положеніи Березани и узналъ, когда большая часть гарнизона вышла изъ Березани для собранія камыша: Головатый поспѣшилъ съ флотиліею своею, присталъ спокойно къ берегу, безъ всякаго шума высадилъ отрядъ и безъ дальняго сопротивленія завладѣлъ укрѣпленіемъ. Отпустивъ суда свои, переодѣлъ своихъ Турками и поставилъ изъ нихъ караулы. Гарнизонъ возвратился и, не предполагая ничего, безпечно входилъ малыми частями въ укрѣпленіе. Головатый забиралъ ихъ по частямъ

(1) См. Собраніе разныхъ получ. отъ Главнокомандующихъ арміями и флотомъ ко Двору донесеній. Спб. Ч. I. въ 4-ю д. л.

и, управившись какъ должно, съ ключами укрѣпленія спѣшилъ къ Потемкину».

Овладѣвъ Березанью, Головатый явился къ Потемкину. Подходя къ нему, онъ запѣлъ: «Кресту твоему покланяемся, владыко!» и вслѣдъ за тѣмъ, поклонившись и положивъ къ ногамъ князя ключи отъ крѣпости, снова запѣлъ ту же церковную пѣснь.

«Получишь, получишь», перебилъ его Потемкинъ и надѣлъ на него орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1789 году, по взятіи Хаджибенскаго зàмка (нынѣшней Одессы), вице-адмиралъ де-Рибасъ, описывая дѣйствія черноморцевъ, въ особенности отзывался о подвигахъ войскового судьи Головатаго: «во все продолженіе сей экспедиціи – писалъ онъ – въ доставленіи снарядовъ и провіанта, и во многихъ другихъ нужныхъ случаяхъ, великое имѣлъ я пособіе отъ войсковаго судьи Головатаго».

Антонъ Васильевичъ своимъ умомъ, жаркою любовью къ родинѣ и храбростью умѣлъ пріобрѣсти полную любовь и уваженіе великаго гетмана всѣхъ иррегулярныхъ войскъ въ Россіи (этотъ титулъ князь Потемкинъ получилъ 10 февраля 1790 года), который произвелъ его въ полковники арміи, сдѣлалъ кавалеромъ орденовъ св. Георгія 4-ой степени и св. Владиміра 3-ей степени. До самой смерти Григорія Александровича (5 октября 1791 года), Головатый постоянно пользовался его расположеніемъ.

Разсказываютъ, что одинъ изъ черноморцевъ, имѣвшій чинъ армейскаго секундъ-майора, сдѣлалъ какой-то проступокъ; объ этомъ узналъ свѣтлѣйшій, тотчасъ же призвалъ къ себѣ Головатаго и сказалъ ему: «Головатый! пожури его по своему, чтобы впередъ этого не дѣлалъ». — Чуемо, найяснійшій гетьмане! отвѣчалъ Головатый и на другой день явился съ рапортомъ къ Потемкину: «Исполнили, ваша свѣтлость». — Что исполнили? спросилъ его Потемкинъ. «Пожурили майора по своему, какъ ваша свѣтлость указали». — Какъ же вы его пожурили, разскажи мнѣ? сказалъ князь. «А якъ пожурили? просто, найяснійсшій гетьмане! Положили, та кіями такъ ушкварили, що насилу всталъ....» — Какъ? маіора?.... закричалъ Григорій Александровичъ: — какъ вы могли? «Правда-таки, що насилу смогли, насилу въ-четырехъ повалили: не давался; одначе справились. А що майоръ? не майорство, а онъ виноватъ. Майорство при немъ и осталось. Вы приказывали его пожурить; вотъ онъ теперь долго будетъ журится, и я увѣренъ, что за прежнія шалости никогда уже не примется».

Цѣня усердіе и вѣрность черноморскаго войска, Потемкинъ щедро награждалъ отличавшихся и чрезъ Головатаго обѣщалъ, что по окончаніи турецкой войны черноморцы получатъ во владѣніе Та-

мень. Но умеръ свѣтлѣйшій и съ нимъ умерли всѣ надежды черноморцевъ. Миръ съ Турціею заключенъ, а о поселеніи черноморцевъ на Тамани не было и вномин. Одни только недобрые слухи носились между казаками: говорили, что изъ нихъ хотятъ образовать легіонные полки, которые по очереди будутъ содержать цѣпь на кубанской линіи. Казаки, встревоженные этою этою молвою и не имѣя прежнихъ покровителей при Дворѣ, которые бы своимъ ходатайствомъ предъ Императрицею облегчили участь черноморцевъ, рѣшились прямо обратиться къ правительству, и объяснивъ ему свое положеніе, просить объ исполненіи обѣщанія князя Потемкина. Просьба черноморскаго войска была принята благосклонно, и имъ позволено было прислать ко Двору депутатовъ для объясненія ихъ нуждъ. Это было въ концѣ 1791 года.

Въ депутаты единогласно былъ избранъ Головатый, вмѣстѣ съ преміеръ-майоромъ Высочинымъ, секундъ-майоромъ Юсбашею (*) и пятью черноморцами. Во всю дорогу Головатый былъ молчаливъ, грустилъ о товарищахъ и обдумывалъ, какъ ему взяться за дѣло, къ кому прибѣгнуть при Дворѣ и кого просить о помощи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ явился къ кому слѣдовало и просилъ о скорѣйшемъ представленіи ихъ Императрицѣ. «Вельможи — говоритъ Квитка — были въ великомъ затрудненіи, какъ, при всемъ блескѣ тогдашняго двора, представить Государынѣ «дикихъ людей» страшнаго вида по необыкновенной одеждѣ ихъ, съ выбритыми головами, неговорящихъ по человѣчески, а какъ будто мычащихъ, издающихъ одни слоги короткіе, никому не понятные, по-видимому понимающихъ людскую рѣчь, потому-что отвѣчаютъ на всѣ дѣлаемые имъ вопросы; но что значатъ ихъ отвѣты: «та ни», «эге», «а тожъ» — тому ни въ одномъ лексиконѣ не можно было найдти изъясненія. Взглядъ же ихъ — упаси Боже! взглядъ не человѣческій: или вовсе не глядитъ на говорящаго съ нимъ, или если уже и взглянетъ, такъ словно варомъ обдастъ. Дикость, грубость, невѣжество, готовность къ рѣшительной дерзости очень ясно изображается въ глазахъ черноморца».

Въ такомъ видѣ докладчики разрисовывали черноморцевъ Императрицѣ; но, несмотря на это, Екатерина Великая приказала представить ихъ себѣ въ первое воскресенье, на выходѣ послѣ церкви.

Придворные, на которыхъ была возложена обязанность представить депутатовъ, не знали, что̀ дѣлать съ ними, и употребляли всѣ усилія, чтобы научить хотя главнаго представителя черноморцевъ, какъ ему поклониться Государынѣ, какъ поцѣловать ея руку, если

(*) Юсбаша былъ родомъ турокъ. Онъ малолѣтнимъ взятъ былъ въ плѣнъ и вступилъ въ черноморское войско.

Императрица удостоитъ его этой милости, и наконецъ безпрестанно твердили ему, чтобы онъ говорилъ только о томъ, о чемъ будетъ спрошенъ Ея Величествомъ.

— Чуемо! отвѣчалъ имъ Головатый, опустивъ глаза въ землю.

— Но если Государыня соизволитъ спросить васъ о чемъ, какъ вы будете отвѣчать? спрашивали его наставники.

— Якъ съумѣемо, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

Наступило воскресенье; въ пріемной залѣ дворца уже съѣхался весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ, всѣ министры и генералитетъ и съ нетерпѣніемъ ожидали выхода Императрицы изъ церкви. Вдругъ входятъ въ залу депутаты черноморскаго войска. Впереди всѣхъ Головатый, одѣтый въ зеленомъ чекменѣ, обшитомъ позолоченными галунами, въ бѣлой, съ закинутыми назадъ рукавами, черкескѣ, въ широкихъ шальварахъ и красныхъ съ высокими подковками сапогахъ. Обвѣшенный орденами, закручивая свои длинные усы, онъ сурово окинулъ глазами все собраніе и спокойно сталъ на указанное ему мѣсто; свита помѣстилась сзади его.

Въ одно мгновеніе глаза всѣхъ обратились на черноморцевъ, все заговорило, «и въ эту торжественную минуту» — разсказывалъ Головатый — «когда онъ готовился предстать Великой и отъ нея услышать рѣшеніе судьбы войска своего, сокрушался сердцемъ, что при самомъ дворѣ россійской Императрицы слышалъ русскихъ вельможъ, говорящихъ не съ иностранцами, но между собою, русскій съ русскимъ, на французскомъ языкѣ!»

Обѣдня кончилась, въ залѣ водворилась тишина, Государыня величественно вступила въ залу и, замѣтивъ черноморцевъ, медленно, съ кроткою улыбкою, приближалась къ нимъ. Увидѣвъ Императрицу, Головатый какъ-будто переродился, глаза заблистали радостію, лицо оживилось; онъ поклонился Великой и громко, ясно, на чисто-русскомъ языкѣ, сталъ говорить:

«Всеавгустѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня! Живодательнымъ державнаго велѣнія Твоего словомъ, изъ небылаго бытія перерожденный, вѣрный черноморскій кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой и купно изглаголати святѣйшему величеству Твоему глубочайшую преданность сердецъ ихъ. Пріими оную какъ дань, довлѣющую Тебѣ, премудрая Монархиня! Пріими.... и уповающимъ на сѣнь крылу твоего, пребуди присно-живуще покровъ и радованіе.... Та й годи!»

Всѣ присутствовавшіе въ залѣ были совершенно поражены такою умною рѣчью Головатаго. «Но когда я начиналъ говорить» — разсказывалъ онъ — «то, при первомъ звукѣ моемъ, я увидѣлъ ясно — потому-что въ эту рѣшительную, страшную, роковую для войска на-

шего минуту я смотрѣлъ на Государыню прямо и замѣчалъ малѣйшее движеніе ея, — то увидѣлъ, что улыбка съ лица ея исчезла и замѣнилась какимъ-то изумленіемъ, смѣшаннымъ съ строгостью и даже взыскательностью, но я, начавъ говорить, долженъ былъ кончить (А що уже тѣ панычи — смѣясь сказалъ Головатый — що меня учили, вѣрно, когда услышали меня заговорившаго, не могли отъ испуга оставаться въ залѣ, а побѣжали домой). Внимая же словамъ моимъ, *мати наша* скоро восприняла свой взоръ и улыбку, съ окончаніемъ рѣчи, удостовѣряющую меня въ снисхожденіи, благоволеніи и милости. Замѣтно было, что *та й годи*, произнесенное мною отличнымъ отъ русской рѣчи тономъ и голосомъ, поразило ее и вынудило едва замѣтную усмѣшку. По окончаніи рѣчи, Государыня благоволила подать мнѣ руку. Тутъ уже я, не помня ни о какомъ приличіи, палъ на колѣни, лобызалъ троекратно руку Царицы и отъ избытка чувствъ, видя лучь надежды, разрушающій всѣ бѣдствія войска нашего, залился слезами.... Государыня постояла еще передо мною два, три мгновенія и, осчастлививъ меня царскою, благоволительною улыбкою, изволила пройти въ свои комнаты».

«Господи! какъ всѣ перемѣнились!» — прибавилъ Головатый — «первѣйшія особы бросились ко мнѣ съ поздравленіями, привѣтствіями, руки мнѣ жмутъ, просятъ знакомства, хвалятъ рѣчь, просятъ изъясненія словъ *та й годи*. Были и такіе, полагая, что я какъ попугай вытвердилъ данныя мнѣ слова, проговорилъ, не понимая въ нихъ ни силы, ни смысла, и даже «невѣму по человѣчи», и, чтобы увѣриться въ этомъ, заводили со мною разговоръ, распрашивали о семъ и о томъ и, кажется, удивлялись, слыша мои сужденія».

Императрица, милостиво выслушавъ привѣтствіе Головатаго, приказала ему объявить, чтобы онъ немедленно подалъ князю П. А. Зубову записку о нуждахъ черноморцевъ.

Записка о дѣлѣ черноморскаго войска была составлена превосходно. Въ ней исчислены были всѣ подвиги черноморцевъ во время турецкой кампаніи; ясно показана польза, которую можетъ приносить это войско, если будетъ поселено на Тамани, и прекрасно изображалось ихъ несчастное положеніе. Эта записка написана въ двухъ экземплярахъ и въ тотъ же день подана князю Зубову и предсѣдательствовавшему въ Военной Коллегіи графу Н. И. Салтыкову. Они обѣщали вскорѣ составить докладъ объ этомъ дѣлѣ и поднести Императрицѣ.

Между тѣмъ весь дворъ и знатнѣйшія лица того времени старались познакомиться съ Головатымъ, приглашали его на обѣды, дѣлали нарочно для него вечера, съ жадностію слушали его разсказы о Сѣчи, о правахъ и обычаяхъ черноморцевъ и всѣ дивились его уму, находчивости, ловкости и оригинальности въ сужденіяхъ и обраще-

нія. Онъ ко всѣмъ пріѣзжалъ съ своею бандурою и, по просьбѣ хозяевъ, съ веселымъ лицомъ начиналъ играть на ней, припѣвая разгульныя пѣсни запорожцевъ; но потомъ его лицо мгновенно принимало грустный видъ, онъ запѣвалъ заунывную пѣсню, и у всѣхъ слушающихъ невольно сжималось отъ тоски сердце.

Головатый вездѣ являлся уже не прежнимъ дикаремъ, «но когда попалъ въ кругъ придворныхъ, а притомъ, имѣя на рукахъ важное дѣло», — говорилъ Головатый — должень былъ еще взять въ помощь волчій ротъ и лисій хвостъ».

Вскорѣ онъ былъ представленъ Ихъ Высочествамъ Александру Павловичу и Константину Павловичу.

Депутаты были приглашаемы на всѣ царскіе выходы, придворные балы, и не проходило ни одного, чтобы Императрица не обратила вниманія на Головатаго и не удостоила его своего милостиваго слова.

Однажды, на балѣ, Императрица замѣтила, что Головатый съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ на великихъ князей и, тотчасъ же приказавъ позвать его къ себѣ, спросила: «что̀ онъ находитъ во внукахъ Ея, смотря на нихъ такъ пристально?»

— Любуюсь, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ Головатый: — Александръ такъ и видно, что глядитъ на всѣхъ и ищетъ, кого бы счастливымъ сдѣлать; а Константинъ... о! тотъ уже заранѣе *закидываетъ думку на Царьградъ*.

Государыня милостиво улыбнулась на это.

Его Высочество Константинъ Павловичъ часто шутилъ съ Головатымъ: танцуя польскій или идя мимо его, онъ показывалъ видъ, будто закручиваетъ усы или завертываетъ за ухо чуприну, и разъ, подходя къ нему, спросилъ: «отчего это черноморцы чуприну свою завертываютъ непремѣнно за лѣвое ухо?»

— Всѣ знаки достоинствъ и отличій, Ваше Высочество, сабля, шпага, ордена и другіе носятся съ лѣваго бока, то и чуприна, какъ знакъ удалого и храбраго казака, должна быть обращена также къ лѣвой сторонѣ.

Говоря съ придворными о великолѣпіи царскихъ залъ, онъ сказалъ: «Что̀ же должно быть тамъ, гдѣ она сама, мати наша пребываетъ, когда здѣсь, куда она къ намъ нисходитъ, да такъ хорошо, каково же тамъ? — Ужь вѣрно какъ на небесахъ!» Это замѣчаніе доведено было до свѣдѣнія Императрицы. Она приказала показать Головатому эрмитажъ, кунсткамеру и вообще все замѣчательное въ столицѣ; а весною, когда дворъ переѣхалъ въ Царское Село, Головатый допущенъ былъ въ собственныя комнаты Императрицы. Осматривая ихъ, онъ сказалъ сопровождавшимъ его чиновникамъ, что еще преж-

де воображеніе рисовало ему эти комнаты въ такомъ убранствѣ и великолѣпіи, что настоящее ихъ украшеніе кажется для него весьма скромнымъ... Но, примолвилъ онъ: «правда, правда, Она премудрая и не занимается блескомъ». Когда ввели его въ кабинетъ Ея Величества и показали на чернилицу и перо, которыя лежали на столѣ, где она писала, то Головатый, внѣ себя, схватилъ это перо и, бросаясь на колѣни, воскликнулъ: «это перо ея?... Этимъ перомъ пишетъ мати наша мудрыя узаконенія, милости вѣрноподданнымъ, кару врагамъ,— самое то перо?...» и потомъ, благоговѣйно поцѣловавъ его, положилъ на мѣсто.

Дѣло черноморцевъ подвигалось весьма медленно. Между тѣмъ дороговизна содержанія въ столицѣ большой свиты, безпрестанные разъѣзды въ Царское Село, куда переѣхали вмѣстѣ съ дворомъ тѣ вельможи, въ чьихъ рукахъ находилось дѣло Головатаго, истощили совершенно его кошелекъ. Пріискивая средства, какъ бы помочь бѣдѣ своей, онъ сложилъ пѣсню, въ которой краснорѣчиво высказалъ свое состояніе. Положивъ ее на голосъ, онъ пріѣхалъ къ одному изъ придворныхъ и, видя, «что здѣсь были такіе люди,» какъ разсказывалъ потомъ самъ Головатый, «которые въ тотъ же день донесутъ Государынѣ о всемъ тутъ происходившемъ,» рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ и послѣ обѣда, взявъ по обыкновенію свою бандуру, запѣлъ:

«Ой Боже жь нашъ, Боже милостивый!
Вродились ми въ свити несчастливи!
Служили вирно у поли и на мори,
Та осталися убоги, боси и голи.
Дали намъ земли отъ Днѣстра до Бугу,
Граныци намъ по бендерску дорогу.
Днистровый, Днипровый, обы-два Лиманы,
Въ нихъ добуваты, справляты й жупаны.
Прежнюю взяли, та й сю отнимаютъ,
А намъ дати Тамань обѣщаютъ.
Мы бъ туды пишли, а бы-бъ намъ сказали,
Щобъ не загубить та казацкой славы.
Ой, встань, батьку, великій гетьмане,
Милостивый нашъ вельможный пане!
То встань, Грицьку, промовъ за насъ слово:
Проси у Царыци; — буде все готово.
Дасть грамоту на вѣчность намъ житы,
Мы ій будемо вирнійше служиты!»

Слезы ручьемъ текли по щекамъ Головатаго во время всей пѣсни, а повторяя воззваніе къ Потемкину, онъ не могъ уже его окончить, отбросилъ бандуру и, громко зарыдавъ, упалъ на диванъ.

Всѣ бывшіе на обѣдѣ обступили Головатаго и просили объяснить смыслъ пѣсни. Объясняя его, онъ подробно разсказалъ о своемъ положеніи, прибавивъ: «теперь же, судя по ходу дѣла, должно выкинуть изъ головы всякую мысль о обезпеченіи нашемъ. Дѣло длится; мы проживаемъ для того, чтобы услышать отказъ.... Какъ миѣ не оплакивать потерю нашего гетмана!...»

Головатый вполнѣ достигъ своей цѣли. Государыня узнала объ этомъ происшествіи, спросила о дѣлѣ черноморцевъ и, изъявивъ свое неудовольствіе за медленный ходъ его, приказала тотчасъ же приступить къ окончательному разсмотрѣнію. Дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, такъ-что 30-го іюня 1792-го года Сенатъ получилъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что: «*Войску казачьему черноморскому*, собранному покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ изъ вѣрныхъ казаковъ бывшей Запорожской Сѣчи, дана жалованная грамота на островъ Фанагорію въ Таврической области, со всѣми угодьями и землями, между Кубанью и Азовскимъ моремъ лежащими, и т. д. (1)». Въ грамотѣ, данной Императрицею черноморцамъ, было сказано, что государыня поручаетъ ихъ вѣрности и храбрости стражу кубанской линіи, предоставляетъ кошевому начальству внутренній судъ и расправу въ войскѣ, а казакамъ право торговли, рыбные промыслы, свободную винную продажу и пр. (2). Указомъ же отъ 1-го іюля (1792 г.) приказано выдавать всякому изъ черноморцевъ, «*немедленно переселяющемуся*», денежное пособіе (3).

Узнавъ, что дѣло окончилось въ ихъ пользу, Головатый успокоился. Онъ уже надѣялся скоро получить дозволеніе ѣхать назадъ. Между тѣмъ время летѣло, а объ отправленіи депутатовъ изъ столицы не было и слуху. Наконецъ наступилъ вечеръ 10-го числа; день былъ субботній; Головатый поздно легъ спать и на зарѣ пробужденъ былъ выстрѣлами изъ крѣпости. Проснувшись, онъ всталъ съ постели и закричалъ: «А говъ, хлопци, вставайте! ставемо молитися Богу, чи не пошлетъ намъ своей милости!» Хлопцы встали, помолились Богу, побѣжали на улицу узнать о причинѣ пальбы и скоро возвратились крича: «Ольга Павловна! Ольга Павловна! съ чимъ и васъ, батьку, поздравляемо....»

Разузнавъ, что Богъ даровалъ 11-го іюля, въ 3-мъ часу утра, (4)

---

(1) См. Хрон. Обоз. Ист. Нов. Края Скальковскаго стр. 215.

(2) См. Ист. Новой Сѣчи. Изд. I. стр. 362. Вотъ когда дана была черноморцамъ Высочайшая грамота на переселеніе, а Квитка говоритъ, что указъ о переселеніи данъ послѣ 11-го іюля.

(3) См. Хрон. Обоз. Ист. Нов. Края Скальковскаго стр. 215. Глава III.

(4) См. Спб. Вѣдомости за 1792 г. № 58 и Мѣсяцесловъ за 1793 годъ.

новую радость царскому дому, Головатый сказалъ: «Помолимся же Богу за маленьку царевну; нехай росте здорова, на утиху бабушки и родителямъ, а намъ на нове́ счастье». Потомъ помолившись за новорожденную, онъ оборотился къ одному изъ своихъ хлопцевъ и сказалъ: «Бижитъ якъ можно швыдче и яки перши попадете дрожки, сюда ихъ; побижимо на всю ничь въ Царское Село. А вы, хлопци, одягайтесь, будемо во дворцѣ».

Вскорѣ извощики были приведены, и Головатый съ своими черноморцами поскакалъ въ Царское Село. Не доѣзжая нѣсколько верстъ, онъ сошелъ съ дрожекъ, отпустилъ ихъ обратно въ Петербургъ, а самъ, одѣтый въ парадную форму, легъ подъ деревомъ близь самой дороги со всею свитою. Поутру всѣ вельможи въ богатѣйшихъ экипажахъ стрѣлой неслись по царско-сельской дорогѣ принести поздравленіе Великой, и видя Головатаго въ такомъ положеніи, останавливались, смотрѣли на него съ изумленіемъ; многіе даже спрашивали: «зачѣмъ онъ въ полной формѣ лежитъ на дорогѣ?» Головатый спокойно отвѣчалъ: «А какъ же? Богъ послалъ всеобщую радость, и мы спѣшимъ въ Царское Село принести и свои поздравленія».

— На чемъ же вы спѣшите? Гдѣ ваши экипажи? удивляясь говорили любопытные.

— А за что бы я нанялъ ихъ, когда мнѣ съ хлопцами скоро не за что и харчеваться будетъ.

— Такъ вы это пѣшкомъ.

— Овый на колесницахъ, овый на коняхъ, а мы пехтурою, туда же за добрыми людьми, чтобы исполнить долгъ свой. Рада бы мама за пана, такъ панъ не беретъ, — такъ и мы: рады бы поѣхать, такъ не на что подводъ нанять. И потомъ, какъ бы не зная, что дѣло черноморцевъ кончилось въ ихъ пользу, прибавилъ: «Какъ ни кончится дѣло наше, мы и тогда, не имѣвши чѣмъ выѣхать, взваливши торбы на плечи, также *почимчикуѐмъ* дома, какъ теперь сюда...»

Встрѣча съ Головатымъ надѣлала много шуму при дворѣ. Всѣ заговорили вслухъ о крайности, въ которой находились черноморцы, и кто-то довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императрицы.

Вскорѣ показался на улицѣ Головатый. Онъ шелъ ко дворцу, едва передвигая ноги отъ изнеможенія и усталости и, взойдя въ залу съ безпокойствомъ, спрашивалъ у придворныхъ: «не опоздалъ ли?», приговаривая: «сторона не близкая, Петербургъ отъ Царскаго Села; а дрожекъ нанять не могли, проживилися совсѣмъ.» При концѣ аудіенціи князь Зубовъ подошелъ къ Головатому и сказалъ, чтобы онъ пришелъ къ нему завтра.

Головатый явился. Князь, поздравивъ его съ царскою милостію, объявилъ, что въ воскресенье 18-го числа, въ день крещенія высоко-

рожденной, они будутъ представлены Императрицѣ: «для принесенія Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшей благодарности за Высочайшія милости, изліянныя на войско черноморское составленіемъ онаго въ общество гражданское и пожалованіемъ ему изобильныхъ земель на островѣ Тамани, съ знатною суммою денегъ на переселеніе онаго».

Съ радостнымъ лицомъ возвратился Головатый къ своимъ и передалъ имъ слова князя Зубова.

Какъ нетерпѣливо ожидали депутаты того воскресенья, послѣ котораго они уже могли свободно летѣть къ своимъ собратьямъ-черноморцамъ и подѣлиться съ ними давно желанною радостью. Наконецъ давно жданный день насталъ. Депутаты приготовились, явились во дворецъ и были введены въ залу. Ожидая выхода Императрицы, Головатый обдумывалъ рѣчь, которою хотѣлъ выразить свою вѣрноподданническую благодарность предъ лицомъ Великой, и когда Императрица, выйдя въ залу, подошла къ черноморцамъ, Головатый выступилъ и съ благоговѣніемъ произнесъ:

«Всеавгустѣйшая Монархиня! мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ Монархиня правовѣрная Ты насъ приняла, яко матерь. Тамань, даръ благословенія твоего о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ селы и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ Монархиня, и любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны! а сему свидѣтель Всемогущій Богъ!» (¹)

Ея Императорское Величество удостоила Высочайшаго благоволенія слова его, допустила къ рукѣ и пожаловала ему золотую шпагу, а войску большой хлѣбъ, на которомъ оттиснуты были слова: Царское Село, — серебряную, вызолоченную солонку, съ двуглавымъ орломъ на верху, все это было положено на золотое блюдо (на солонкѣ и блюдѣ означено было время и причина дарованія ихъ черноморцамъ) и вручено Головатому. Сверхъ того, сыновей Головатаго: старшаго – Александра, 16 лѣтъ, произвели въ поручики, меньшого — Аѳанасія, зачислили въ кадетскій корпусъ; полковнику Высочину дали орденъ св. Владиміра 4-й степени, а всѣмъ чиновникамъ, которыхъ представилъ Антонъ Васильевичъ, слѣдующіе чины.

Принявъ Высочайшую грамоту, въ богатомъ ковчегѣ, хлѣбъ-соль, знамена для войска, литавры, печать съ новымъ изображеніемъ и надписью: «Е. И. В. печать Коша войска вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» (²), — саблю, украшенную драгоцѣнными каменьями, въ на-

(¹) См. Спбург. Вѣдом. за 1792 г. № 58. Эта рѣчь Головатаго совершенно опущена у Квитки.

(²) См. Ист. Нов. Сѣчи Скальковскаго изд. I, ст. 362.

граду кошевому атаману; наконецъ, получивъ отъ графа Салтыкова патентъ всѣмъ вновь произведеннымъ, Головатый со всею свитою выѣхалъ изъ Петербурга.

На дорогѣ Головатый составилъ церемоніялъ: встрѣча депутатовъ, принятія царскихъ милостей, и сложилъ на этотъ торжественный случай пѣсню, которую вмѣстѣ съ церемоніяломъ послалъ, съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, къ кошевому.

Прибывъ къ рѣкѣ Бугу, Головатый отправилъ гонца къ кошевому съ извѣстіемъ о себѣ; кошевой отрядилъ 500 конный полкъ, съ полковникомъ, старшинами и значкомъ для встрѣчи депутатовъ; кошевой встрѣтилъ ихъ въ 30 верстахъ отъ Слободзеи, въ урочищѣ Кучурганѣ, и проводилъ до селенія кошеваго, гдѣ 15 августа въ 7 часовъ утра войско собралось и построилось, по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой должны были итти депутаты, въ двѣ лавы (линіи); правый флангъ ихъ выдавался далеко за селеніе кошевого, а лѣвымъ онѣ примыкали къ войсковой церкви, близь которой устроено было возвышенное мѣсто, покрытое турецкими коврами; на нихъ стоялъ покрытый парчею столъ, на которомъ предназначено было положить царскіе дары. По лѣвую сторону возвышенія стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками; по правую — духовенство въ облаченіи, а вокругъ — множество зрителей. На возвышеніи сталъ кошевой и войсковой писарь. Коль скоро Головатый приблизился къ лавамъ, сдѣлано было 3 пушечныхъ выстрѣла, и тогда кошевой отрядилъ отъ себя нѣсколькихъ старшинъ, для встрѣчи депутатовъ, съ хлѣбомъ и съ солью. Головатый, принявъ хлѣбъ и соль и поблагодаривъ старшинъ, двинулся между лавами къ кошевому въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4 штабъ-офицера несли на блюдѣ монаршій хлѣбъ, покрытый матеріею; за ними онъ самъ несъ на пожалованномъ блюдѣ солонку и грамоты; съ нимъ несли малолѣтнія дѣти его — Аѳонасій — письмо къ кошевому ([1]), а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осыпанную каменьями, саблю. Какъ скоро депутаты вступили въ строй, началась пальба изъ пушекъ и ружей и продолжалась до тѣхъ поръ, пока приблизились къ кошевому. Послѣ краткаго привѣтствія, Головатый отдалъ по порядку всѣ Высочайшіе дары и препоясалъ кошевого саблею. Кошевой, поцаловавъ хлѣбъ, положилъ его на столъ, а грамоты отдалъ войсковому писарю, который прочелъ ихъ вслухъ предъ войскомъ и возвратилъ кошевому. Послѣ этого поздравилъ войско съ высочайшими милостями: «*ой спасибі жъ нашей Матерь за ея милость*», — былъ единодушный отвѣтъ войска на поздравленіе кошевого. Между тѣмъ несшіе хлѣбъ 4 штабъ-

---

([1]) Этотъ церемоніялъ много сокращенъ и измѣненъ у Квитки.

офицера взяли столъ съ поставленными на немъ монаршими дарами и понесли въ церковь; предъ ними шло духовенство, а за ними кошевой съ судьею, писаремъ и войскомъ. Войдя въ церковь, столъ поставили предъ иконою Спасителя, и Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и прочимъ духовенствомъ совершалъ божественную литургію и по окончаніи произнесъ краткую рѣчь:

«Сорадуюсь благополучію вашему, христолюбивые и вѣрные вѣрнаго Коша воины! Уже скорбь и смущеніе отъяты отъ сердецъ вашихъ, уже бытіе ваше незыблемо. Всеавгустѣйшая Монархиня утвердила вамъ его и вкупѣ облаготворила. Воззрите на сіи Ея милостивѣйшія десницы начертанія. Они представляютъ вамъ залогъ священный. Помыслите о Монаршемъ Величествѣ и своемъ состояніи. Кто служитъ по долгу престолу, имѣетъ право требовать и опредѣлять себѣ награжденія? Все, чтó бы ни дѣлали мы въ отношеніи къ нему, есть наша обязанность, есть слѣдствіе нашей вѣрности, любви и повиновенія. — Но Вседержавнѣйшая наша Монархиня есть вкупѣ и Всемилостивѣйшая. Вы слышали тѣ похвалы, коими удостоила она ваши ратные подвиги и прочія добродѣтели, вы сподобились ихъ отличнымъ образомъ. И что можетъ быть славнѣе, что честнѣе, какъ похвалы Великія во вселенной Монархини? Титлы съ бытіемъ нашимъ исчезнутъ; драгоцѣнности прейдутъ въ руки другихъ. Начертанія Монаршія десницы, ублажающія ваши подвиги, пребудутъ на всегда вамъ собственны. Но не сіе едино содержатъ они. — Вы слышали, что щедрота Ея уготовала вамъ земли и воды, благословенныя изобиліемъ потребностей житейскихъ: вопросите, если сомнѣваетесь, вопросите о семъ собратій вашихъ, видѣвшихъ оныя. Вы слышали, что ввѣряетъ Она вамъ храненіе предѣловъ противу татьсскихъ нападеній иноплеменниковъ и стражу тишины соотечественниковъ; напослѣдокъ вы слышали и другія особенныя милости. Мнѣ кажется, что каждое тамъ начертаніе есть новый оныхъ опытъ; воззрите еще и на сіи безцѣнныя высокихъ Ея къ вамъ благоволеній знаменія, коими вы обрадованы отъ десницы Ея? Снисходя отъ высоты Величества своего, напутствуетъ васъ ими, какъ сущими залогами Матерьняго своего о васъ попеченія. Того ради все сіе вообразивъ, принесите днесь благодареніе Господу, принесите и Монархинѣ, толико благотворительной, толико снисходительной. Лобзая хлѣбъ сей, лобзайте мысленно самую десницу, оный вамъ пославшую. Шествуйте руководимы Божіимъ ангеломъ въ мѣста, куда предварили уже собратія ваши. Потщитесь тамо оправдать высокое надѣяніе Всеавгустѣйшей Монархини, да сохранитъ ваше бодрствованіе покойно другихъ, ваше благоразуміе да воздержитъ пріученныя къ хищенію чуждыхъ

сосѣдей руки; да тишина, безопасность, согласіе, довольство навсегда посредѣ васъ обитаютъ.»

За тѣмъ совершено было, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе о здравіи государыни и всего царскаго дома; во время молебна сдѣланы были 101 выстрѣлъ изъ пушекъ и три залпа изъ ружей. Послѣ этого царскіе дары перенесены въ домъ кошевого; тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ былъ на 4 части: одна изъ нихъ положена въ войсковой церкви, другая отправлена на Тамань къ войску, служащему во флотиліи, третья раздѣлена на полки при кошѣ, четвертая поставлена на столѣ у кошевого. Тутъ старшины пили горѣлку и ѣли этотъ хлѣбъ, а остатки, съ такою же церемоніею, отнесены въ домъ войскового судьи, гдѣ приготовленъ былъ столъ для почетнѣйшихъ гражданъ, а прочіе старшины и часть духовенства остались обѣдать у кошевого. Для полковниковъ же и казаковъ накрыты были 5 столовъ, на травѣ, близь церкви; къ нимъ принесенъ монаршій хлѣбъ подъ значками, и они также ѣли его, пили горѣлку за здравіе Императрицы и стрѣляли изъ ручного оружія.

За обѣдомъ у войскового судьи Головатаго, при возглашеніи тоста за здравіе Ея Императорскаго Величества сдѣланъ 101 выстрѣлъ; за Его Императорское Высочество съ высокою фамиліею съ любезнѣйшими дѣтьми 51 выстрѣлъ. Потомъ пили за синодъ, сенатъ, за все православное россійское воинство, за кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и т. д., во время стола пѣли сочиненную Головатымъ пѣсню:

«Эй годи жь намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ Царици за службу платы.
Дала хлибъ, силь и грамоти за вирныя службы:
Отъ теперь мы, мили братья, забудемъ вси нужды.
Въ Таманѣ жить, вирно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, ще й будемъ богати,
Да вже треба женитися и хлиба робити,
Кто прійде къ намъ изъ невирныхъ, то якъ врага бити.
Слава Богу и Царицѣ, а покой Гетману!
Заличили намъ въ сердцахъ нашихъ велику рану.
Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
Що намъ Она указала на Тамань дорогу.» (¹)

Послѣ обѣда, помолившись Богу и пожелавъ долголѣтняго здравія высокой благодѣтельницѣ своей, старшины казаки разошлись по домамъ (²).

(¹) Эта пѣсня нѣсколько измѣнена у Кантки.

(²) См. Спбург. Вѣдомости за 1792 годъ № 80. Извѣстія изъ Слободзеи на рѣкѣ Днѣстрѣ отъ 19 августа.

Весною 1793 года черноморцы стали переселяться на Тамань и другія земли, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря до Ейска [1] и основали тамъ городъ, который, по просьбѣ Головатаго, названъ Екатеринодаромъ.

Въ 1796 году часть войска черноморскаго, подъ командою Головатаго, участвовала въ персидской кампаніи.

По смерти кошевого Чепеги, императоръ Павелъ I назначилъ на его мѣсто Головатаго.

Въ январѣ 1797 года Антонъ Васильевичъ занемогъ горячкою, но все перемогался, не ложился въ постель и постоянно занимался дѣлами. 26 числа, предчувствуя приближеніе кончины, отмѣтилъ бумаги, которыя должны быть отправлены на другой день 27 числомъ, и самъ вскорѣ тихо скончался, сидя на креслахъ, въ мундирѣ.

---

[1] См. Географію Россійской Имперіи, сост. Павловскимъ, часть I, ст. 196 и ч. II. стр. 182.

Г. Павловскій несправедливо говоритъ, что за отличіе, оказанное ими (т. е. черноморцами) во время Турецкой войны, они *переведены Потемкинымъ*, въ 1792 году, на островъ Тамань, и т. д, тогда-какъ Потемкинъ еще 5 октября 1791 года умеръ на дорогѣ въ 38 верстахъ отъ Яссъ. См. Слов. Дост. Люд. Рус. земли, ч. IV, ст. 221., сост. Бант.-Камен.

А. С–Р.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ (*).

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

4.

Островъ Куба. — Анды. — Мексика. — Возвращеніе въ Европу.

24 ноября 1800 года Гумбольдтъ и Бонпланъ оставили гавань новой Барселоны, материкъ южной Америки и пустились въ Караибское море, направляя свой путь къ острову Кубѣ. Этотъ переѣздъ, затруднительный и опасный, продолжался двадцать пять дней при постоянно-ненастной погодѣ. Ученыя занятія позволяли забывать безпокойства продолжительнаго плаванія. Гумбольдтъ могъ изучать въ это время атмосферическія измѣненія на морѣ, собирать новыя метеорологическія данныя, которыя онъ дополнилъ впослѣдствіи наблюденіями атмосферы на отклонахъ горъ, и приготовилъ такимъ образомъ богатый матеріалъ для сравнительной климатологіи. 19 декабря судно нашихъ путешественниковъ вошло въ гавань Гаваны.

(*) См. Современникъ 1847 года №№ X и XII и 1848 года № II, отд. II.

Великолѣпная картина, раскрывшаяся передъ ихъ глазами, вознаградила вполнѣ за понесенные труды. «Видъ Гаваны при входѣ въ гавань — говоритъ Гумбольдтъ — есть одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ и живописныхъ, которыми можно только наслаждаться на приморскихъ берегахъ равноденственной Америки, на сѣверѣ отъ экватора. Это мѣсто, прославляемое путешественниками всѣхъ народовъ, не имѣетъ роскошной растительности, украшающей устье рѣки Гваякиля, ни дикаго величія скалистыхъ береговъ Ріо-Жанейро, двухъ гаваней, принадлежащихъ южному полушарію; зато въ немъ соединяется превлекательность, отличающая въ нашихъ климатахъ картины обработанной земли, съ величіемъ растительныхъ формъ, съ органической силой природы, принадлежащей исключительно жаркому поясу. Отдавшись этимъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, европеецъ забываетъ опасность, грозящую ему посреди многочисленнаго народонаселенія антильскихъ городовъ; онъ хочетъ ухватить взорами различныя части обширнаго ландшафта, созерцать укрѣпленные замки, подымающіеся надъ скалами на востокѣ отъ гавани, отъ этого внутренняго бассейна, окруженнаго деревнями и мызами; онъ смотритъ на пальмы, возносящіяся на огромную высоту, смотритъ на городъ, полузакрытый лѣсомъ мачтъ и снастями кораблей».... Королевскія пальмы придаютъ особенный характеръ гаванскому ландшафту; ихъ высокіе стволы, немного раздутые по серединѣ, подымаются на 60 и 80 футовъ вышины; верхняя часть стволовъ, гладкая, свѣтло зеленаго цвѣта, образовавшаяся соединеніемъ и развитіемъ листныхъ стебельковъ, находится въ противоположности съ остальной частью стволовъ, бѣловатой и растресканной: можно подумать, что тутъ колонны поставлены одна на другую. Перистые листья королевскихъ пальмъ подымаются прямо къ небу и сгибаются только у концовъ своихъ. — Гавана построена на мысѣ; между двумя небольшими крѣпостями, господствующими надъ городомъ на западѣ, находятся предмѣстья. Улицы города узкія и грязныя; за неимѣніемъ камней онѣ вымощены бревнами краснаго дерева (акажу, *Caoba*). Въ Гаванѣ находится ботаническій садъ и два прекрасныя гулянья; близь одного изъ нихъ расположены сараи, въ которыхъ выставляютъ невольниковъ для продажи.

Гумбольдтъ и Бонпланъ провели въ Кубѣ три мѣсяца; на возвратномъ пути своемъ изъ Мексики они опять посѣтили островъ и пробыли на немъ еще полтора мѣсяца. Пребываніе Гумбольдта на островѣ Кубѣ дало ему поводъ не только изучать физическую географію Антильскаго моря и его острововъ, но еще вникнуть во всѣ общественныя условія тамошняго народонаселенія и разсмотрѣть весь колоніальный бытъ. Составляя статистическія описи антильскихъ жи-

телей, по ихъ племенамъ, нарѣчіямъ и религіямъ, Гумбольдтъ въ этихъ численныхъ смѣтахъ нашелъ глубокій историческій смыслъ и нѣчто раскрывающее будущія судьбы европейско-американскихъ колоній.

Гавана принадлежитъ къ шести городамъ обѣихъ Америкъ, имѣющимъ слишкомъ сто тысячъ жителей. Въ Мексико 170,000 жителей, въ Нью-Йоркѣ 140,000, въ Ріо-Жанейро 135,000 (изъ нихъ 105,000 негровъ), въ Филадельфіи, Багіи (въ Бразиліи) и Гаванѣ отъ 120 до 130,000 жителей. Народонаселеніе Гаваны состоитъ изъ бѣлыхъ (слишкомъ 41,000), изъ небольшого числа свободныхъ пардосовъ, или людей краснаго цвѣта, еще меньшаго числа свободныхъ негровъ и пардосовъ-невольниковъ и наконецъ негровъ-невольниковъ; этихъ послѣднихъ считалось тамъ въ началѣ нашего вѣка слишкомъ 26,000. Гавана съ ея корабельной верфью, арсеналомъ и всемірной торговлей соотвѣтствуетъ значенію самого острова Кубы, величайшаго изъ всѣхъ антильскихъ острововъ. Въ своемъ продолговатомъ протяженіи, Куба на одинаковое разстояніе приближается къ Гаити, Ямайкѣ, Флоридѣ и мексиканской провинціи Юкатану; флоты ея, сооружаемые изъ краснаго дерева и цедреллы, быстро могутъ выходить въ море къ противоположнымъ берегамъ. Пространство острова также велико, какъ пространство всей Португаліи; оно заключаетъ въ себѣ половину пространства земли всѣхъ антильскихъ острововъ. Равнины составляютъ на Кубѣ $^4/_8$ всей поверхности; высочайшія горныя возвышенности ея поднимаются на 1200 тоазовъ: онѣ выше горъ Гаити и Ямайки и означаютъ собой высочайшіе пункты горнаго хребта большихъ антильскихъ острововъ, котораго различныя вѣтви распространяются подъ моремъ на востокъ и на югъ; землетрясенія бываютъ часто на восточной части Кубы, рѣже на западной. Ядро острова составляетъ гранитъ и первичной известнякъ; около нихъ осѣлись новыя нептуническія формаціи. За густыми лѣсами, находящимися внутри острова, трудно было до сихъ поръ геогностически определить его почву. Небольшая ширина острова не позволяетъ развернуться на немъ значительнымъ рѣкамъ; притомъ известковая ноздреватая почва его, наполненная пещерами, пропускаетъ сквозь себя воду, которая потомъ опять показывается на морѣ у отмелей и небольшихъ береговыхъ острововъ; все это дѣлаетъ островъ скуднымъ водой, и многіе округи его терпятъ отъ безводья. Несмотря на это, на островѣ находятся прекрасныя саваны и лѣсистые холмы; растительность его самая роскошная и разнообразная: ее составляютъ множество видовъ пальмъ, американскіе кедры, черныя, красныя и померанцовыя деревья, высокіе злаки и кустарники, вѣчно покрытые цвѣтами; дико-растущія тамъ апельсинныя деревья

достигаютъ отъ 10 до 15 футовъ вышины. Встрѣчая повсюду эти растенія, можно подумать, что островъ былъ покрытъ первобытными лѣсами пальмовыхъ, апельсинныхъ и мимозныхъ деревъ. Высокая температура острова, умѣряемая сильными испареніями, сохраняетъ въ атмосферѣ влажность, которая возбуждаетъ мощную растительность; круглый годъ островъ покрытъ свѣжей зеленью; въ началѣ же зимняго дождевого времени онъ весь бываетъ убранъ роскошными ароматными цвѣтами. Такъ-какъ Куба находится у крайняго предѣла жаркаго пояса, то и климатъ ея представляетъ переходное состояніе изъ жаркаго климата въ умѣренный: тепло уже не такъ равномѣрно распредѣлено тамъ между разными временами года, какъ въ срединѣ тропическихъ странъ. Это обстоятельство дѣлаетъ изученіе климата Кубы весьма важнымъ для общаго познанія атмосферическихъ явленій. Мы покажемъ здѣсь общіе результаты изъ наблюденій Гумбольдта, сравнивъ ихъ съ послѣдними показаніями г. Рамона де ла Сегра, недавно окончившаго подробное описаніе острова Кубы. Замѣтимъ мимоходомъ, что для всѣхъ новѣйшихъ описаній американской природы исходной точкой служатъ труды Гумбольдта; такъ и здѣсь показанія г. де ла Сегра только дополняютъ и развертываютъ розысканія нашего путешественника. Средняя годовая температура на островѣ Кубѣ составляетъ 25, 55° стогр. терм. Въ Куманѣ, лежащей на 12° 42′ широты ближе къ экватору, нежели Куба, среднее различіе въ годовой температурѣ составляетъ только 2°; на Кубѣ же температура жарчайшаго мѣсяца доходитъ до 29°, 5, а въ холоднѣйшій мѣсяцъ она опускается до 17°. Впрочемъ значительное уменьшеніе температуры здѣсь не долго продолжается, и оно нисколько не вредитъ пальмамъ, бананамъ и сахарному тростнику. Гигрометръ не опускается ниже 85°; рѣдко бываетъ, чтобы небо покрывалось тучами на цѣлый день; среднимъ числомъ тамъ 285 ясныхъ дней и 80 пасмурныхъ. Всѣ эти естественныя средства сдѣлали изъ Кубы обработанный садъ и позволили развернуться на ней обширнѣйшей земледѣльческой промышленности. Асфальтъ, каменный уголь, земляная смола и мѣдная руда составляютъ минеральныя богатства Кубы и служатъ важнымъ пособіемъ для ея промышленности и торговли. Куба еще принадлежитъ Испаніи, еще составляетъ важнѣйшее изъ ея владѣній. Свободная торговля удержала ее за метрополіей, въ то время, когда всѣ большія колоніи отпадали отъ Испаніи. Во время послѣдней всеобщей войны, Куба держалась своими собственными средствами и снабжала метрополію большими денежными пособіями. Теперь метрополія не только не можетъ обезпечивать торговлю и промышленность Кубы, но еще вредитъ ей своими запретительными мѣрами.

Несмотря на всѣ препятствія, благосостояніе острова Кубы съ начала нашего вѣка видимо возрастало, народонаселеніе ея быстро увеличивалось. Въ 1775 году въ Кубѣ считалось 170,000 жителей, въ 1791 году 272,000, въ 1817 году уже слишкомъ 600,000; между ними 290,000 бѣлыхъ людей, 175,000 цвѣтныхъ свободныхъ людей и 225,000 невольниковъ. Это преобладающее число свободнаго народонаселенія, составляющее $^{3}/_{8}$ всего числа жителей, отличаетъ Кубу передъ всѣми другими антильскими колоніями, въ которыхъ негры еще не освобождены и въ которыхъ они составляютъ большинство жителей. Индѣйцы, первоначальные обитатели Кубы, почти совсѣмъ исчезли съ острова, какъ и со всѣхъ вообще западно-индѣйскихъ острововъ; въ Гаити основали независимое государство не американскіе туземцы, но черные невольники, привезенные въ Америку изъ другой части свѣта, изъ Африки. Во время первыхъ испанскихъ учрежденій въ Кубѣ, на островѣ разводились одни хлѣбныя растенія. Индиго, хлопчатая бумага, кофейный кустарникъ и сахарный тростникъ, вытѣснившіе теперь почти совсѣмъ хлѣбныя растенія, играли сначала весьма второстепенную роль въ Кубѣ, какъ и на всѣхъ Антильскихъ островахъ. До XVIII вѣка вывозъ товаровъ изъ Кубы ограничивался кожами; за скотоводствомъ послѣдовало на островѣ обработываніе табаку и разведеніе европейскихъ пчелъ, введенныхъ въ Кубу изъ Флориды; вскорѣ торгъ табакомъ и воскомъ сдѣлался значительнѣе кожевеннаго торга. Куба до 1762 года еще не имѣла обширной всемірной торговли. Въ это время она была завоевана англичанами, но вскорѣ (1764) опять ими оставлена. Съ тѣхъ поръ пробудился торговый и промышленный духъ тамошнихъ колонистовъ. Постройка новыхъ укрѣпленій, свободный торгъ невольниками внесли деньги въ обращеніе, доставили руки для обработыванія земли; сверхъ того уничтоженіе французской колоніи на Сан Доминго (1791 – 1803) подняло цѣны на сахаръ, поощряло колонистовъ улучшать воздѣлываніе сахару и приготовленіе его. Кромѣ сахарнаго тростника, въ Кубѣ начали воздѣлывать и кофе; такимъ образомъ сахаръ, кофе и табакъ составили важнѣйшій предметъ тамошней торговли. Одна Куба доставляетъ $^{1}/_{8}$ часть всего сахара, вывозимаго со всѣхъ Антильскихъ острововъ. Всѣ тропическія страны Америки, т. е. Антильскіе острова, Гвіана и Бразилія, воздѣлывающія сахаръ, требовали до сихъ поръ на эту работу слишкомъ три милліона невольниковъ! Важныя измѣненія совершаются теперь съ этой стороны. Вопросъ колоніяльной производительности, работы невольниковъ, торга ими сильно занималъ Гумбольдта во время его пребыванія въ Америкѣ. Разсматривая разные способы обработыванія колоніяльныхъ произведеній, занимаясь во время своего пребыванія въ

Кубѣ новымъ устройствомъ печей на тамошнихъ сахарныхъ заводовъ для сбереженія топлива, на истребленіе котораго тамъ начинали уже жаловаться, онъ вмѣстѣ съ этимъ собиралъ обширные документы для поясненія колоніяльныхъ учрежденій и положенія невольниковъ.

Въ Гаванѣ — говоритъ Гумбольдтъ — нравы жителей напоминаютъ нравы большого европейскаго торговаго города. Тамъ онъ встрѣталъ здравыя сужденія о торговой и колоніяльной политикѣ, ясныя и отчетливыя понятія о выгодахъ и невыгодахъ американскаго общественнаго быта и его учрежденій; тамъ, несмотря на рынокъ невольниковъ, болѣе кроткіе нравы и болѣе осторожная политика ввели въ обыкновеніе частые отпуски негровъ на волю; вольноотпущенные нашли возможность въ Кубѣ пріобрѣтать собственность и достигать значительнаго довольства. На самихъ же плантаціяхъ и въ маленькихъ городахъ Кубы господствовали еще грубые нравы и жестокіе обычаи.

Гумбольдтъ, оканчивая свою картину нравственнаго состоянія антильскаго народонаселенія, замѣчаетъ, что образованность, постепенно распространяющаяся только на нѣкоторыя лица, еще не ведетъ прямо къ важнымъ усовершенствованіямъ въ положеніи невольниковъ. «Для того — заключаетъ Гумбольдтъ — чтобы сдѣлать существенное измѣненіе въ положеніи негровъ, чтобы постепенно привести ихъ къ благоденствію, необходима твердая воля въ мѣстныхъ начальствахъ, дѣятельное вспомоществованіе богатыхъ и образованныхъ граждапъ, общій планъ, въ которомъ должны быть предъусмотрѣны всевозможные безпорядки и средства къ ихъ обузданію....

Въ концѣ апрѣля 1801 года, Гумбольдтъ и Бонпланъ намѣревались уже оставить Кубу и ѣхать въ Вера-Крусъ и Мексику. Бонпланъ привелъ въ порядокъ ихъ естество-историческія коллекціи и раздѣлилъ ихъ гербаріи на три части. Одну часть они отправили черезъ Англію въ Германію, другую черезъ Кадиксъ во Францію, а третью оставили въ Гаванѣ. Гербарій, посланный въ Кадиксъ, погибъ вмѣстѣ съ монахомъ Хуаномъ Гонзалесомъ, о которомъ мы уже говорили; тогда же погибло весьма важное собраніе насѣкомыхъ, собранное съ большимъ трудомъ Бонпланомъ на берегахъ Ореноко и Ріо-Негро; манускрипты же (написанные съ 1799 по 1800 годъ), отосланные въ то же время въ Европу, были спасены. Только три года спустя Гумбольдтъ узналъ объ участи своихъ манускриптовъ и коллекцій. Онъ уже объѣхалъ Новую Гренаду, Перу и Мексику и готовъ былъ оставить Новый Свѣтъ, какъ случайно, въ Филадельфіи,

взявъ въ руки одно ученое обозрѣніе, онъ увидѣлъ въ оглавленіи его статью: прибытіе манускриптовъ г. Гумбольдта къ его брату въ Парижъ. Онъ уже считалъ ихъ потерянными.

Во время своихъ сборовъ въ Мексику наши путешественники увидѣли въ американскихъ газетахъ извѣстіе (оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ) о кругосвѣтномъ путешествіи капитана Боденя. Это извѣстіе измѣнило планы нашихъ путешественниковъ и дало имъ поводъ увидѣть другую часть южной Америки, ея колоссальные Анды. Въ газетахъ писали, что капитанъ Бодень отправился изъ Франціи въ Буэносъ-Айресъ и оттуда намѣренъ, объѣхавъ мысъ Горнъ, приплыть къ берегамъ Чили и Перу. Гумбольдтъ еще въ 1798 году, оставляя Парижъ, обѣщалъ капитану и музеуму естественной исторіи (нынѣ садъ растеній), котораго ученикомъ былъ Бонпланъ, присоединиться къ боденевской экспедиціи, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ ее. Напрасно въ Гаванѣ убѣждали нашихъ путешественниковъ воспользоваться полученнымъ ими позволеніемъ осматривать богатыя и обширныя испанскія владѣнія и не отказываться отъ поѣздки въ Мексику, которая доставляла изъ своихъ серебряныхъ рудъ $^5/_8$ всего серебра, добываемаго на землѣ, и которая слишкомъ уже полвѣка была закрыта для всякаго иностранца: Гумбольдтъ и Бонпланъ не поддавались этимъ доводамъ и полагали, что ихъ труды въ соединеніи съ трудами ученыхъ, сопутствующихъ Боденю, могутъ быть значительнѣе для успѣховъ науки. Гумбольдта увлекала возможность въ кругосвѣтномъ путешествіи въ бо́льшихъ размѣрахъ изслѣдовать явленія земного магнетизма, его уменьшающееся напряженіе отъ полюсовъ къ экватору и пункты одинаковаго наклоненія магнитной стрѣлки; его увлекало также желаніе изучить температуру океана, измѣняющуюся смотря по широтѣ мѣста, по направленію морскихъ теченій и близости отмелей, и собрать такимъ образомъ новыя наблюденія для физическаго познанія земного шара. Все это вмѣстѣ заставило нашихъ путешественниковъ, по отправленіи своихъ коллекцій и манускриптовъ въ Европу, нанять небольшой галіотъ въ гавани Батабано, на юго-западномъ берегу Кубы, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ южную Америку, въ Картагену или въ Порто Кабелло; оттуда они хотѣли черезъ Панамскій перешеекъ достигнуть Южнаго моря, въ надеждѣ застать капитана Боденя въ Гваяквилѣ или въ Лимѣ и посѣтить вмѣстѣ съ его экспедиціей Новую Голландію, острова Южнаго моря, столь замѣчательные своей природой и своими жителями....

Къ 6-му марта судно было готово; Гумбольдтъ и Бонпланъ пустились изъ Гаваны въ море вдоль южнаго берега Кубы къ гавани

Батабано; 8-го марта вошли въ нее. Въ то время Батабано была жалкой деревушкой, окруженной болотами; у этихъ мѣстъ Коломбъ, увидѣвъ индѣйцевъ, пріѣхавшихъ изъ Юкатана, думалъ, что онъ находится уже близь Китая, близь имперіи великаго хана и устьевъ Ганга: открытый имъ свѣтъ представлялся для него только восточнымъ продолженіемъ Азіи! Отъ этихъ же мѣстъ отплылъ Фернандо Кортесъ съ своими сподвижниками для завоеванія Мексики. Гумбольдтъ изслѣдовалъ эти берега, группу островоъ и отмелей, называемыхъ Королевскими садами и находящихся у этихъ береговъ. Мѣстами у этихъ отмелей показываются въ морѣ источники прѣсной воды, и около нихъ, привлеченные ими, являются ламантины (морскія коровы). Отъ зеркальности воздуха окрестность принимала здѣсь фантастическіе, измѣнчивые образы. Однажды, наши путешественники, прогуливаясь ночью по береговой саванѣ, были поражены ея необычайнымъ освѣщеніемъ. «Наше двухлѣтнее пребываніе въ тропическихъ странахъ» — говоритъ Гумбольдтъ — «должно бы было пріучить насъ къ подобному зрѣлищу. Нигдѣ я еще не видѣлъ такого несчетнаго множества фосфорическихъ насѣкомыхъ. Травы, вѣтви и листья деревьевъ,–все блистало красноватымъ и подвижнымъ свѣтомъ, котораго сила измѣнялась по волѣ животныхъ, производившихъ его. Можно было подумать, что звѣздный небесный сводъ упалъ на савану!» Въ той сторонѣ тыква, съ продѣланными въ ней дырами, будучи наполнена этими свѣтящимися насѣкомыми, употребляется ночью при отыскиваніи предметовъ вмѣсто фонаря. Народъ называетъ подобную тыкву «вѣчно свѣтящимся фонаремъ»; свѣтъ его потухаетъ только съ жизнью насѣкомыхъ. Одна мать разсказывала Гумбольдту, какъ во время переѣзда ея на твердую землю, когда ночью капитанъ, изъ боязни корсаровъ, запрещалъ зажигать огонь на кораблѣ, она кормила грудью своего ребенка при свѣтѣ насѣкомыхъ, собранныхъ въ тыквѣ: стоитъ посильнѣе пошевелить эту тыкву, чтобы заставить животныхъ усилить испускаемый ими свѣтъ.

Наши путешественники, оставивъ гавань Батабано, надѣялись черезъ 13 или 15 дней достигнуть до Картагены. Морскія теченія, противные вѣтры замедляли ихъ плаваніе: оно продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Во время этого длиннаго переѣзда, посреди опасныхъ отмелей, при непогодѣ, Гумбольдтъ не оставлялъ своихъ привычныхъ занятій, наблюдалъ измѣнчивый цвѣтъ морской поверхности, то синій какъ индиго, то лиловый, по причинѣ множества медузъ и рыбьихъ яицъ, покрывавшихъ воду; онъ наблюдалъ движеніе водъ, температуру ихъ, направленіе магнитной стрѣлки, расположеніе облаковъ.... Поднявшаяся буря отклонила галіотъ на западъ, къ Даріенскимъ бе-

регамъ, и принудила путешественниковъ войти въ устьеРіо Сину, на западѣ отъ Картагены. Въ ближней деревнѣ *Zapote* они нашли замбосовъ, внизъ по рѣкѣ привозившихъ въ плоскихъ своихъ лодкахъ маисъ, бананы и другіе съѣстные припасы, для продовольствія Картагены. Поднявшаяся буря продолжалась десять дней и не позволяла путешественникамъ выйти въ море; они принуждены были остаться въ деревушкѣ, среди докучливыхъ замбосовъ, расправшивавшихъ ихъ о цѣли ихъ путешествія, объ ихъ инструментахъ и книгахъ. Чтобы избавиться отъ этихъ безконечныхъ расиросовъ, наши путешественники уходили въ ближній лѣсъ герборизировать; по обыкновенію, ихъ пугали разсказами о страшныхъ удавахъ, ехиднахъ и ягуарахъ, наполнявшихъ этотъ лѣсъ, и отклоняли отъ посѣщенія его. Въ немъ наши путешественники нашли большое разнообразіе пальмовыхъ породъ и множество новыхъ растеній. Толпа цвѣтныхъ людей занималась въ лѣсу извлеченіемъ пальмоваго вина изъ срубленныхъ пальмовыхъ стволовъ. Между цвѣтными людьми Гумбольдтъ увидѣлъ бѣлокураго и блѣднаго человѣка, который оказался его соотечественникомъ и зашелъ въ ту сторону, по выраженію тамошнихъ бродягъ, «посмотрѣть другія земли и немножко прогуляться». Онъ забылъ почти совсѣмъ по-нѣмецки и съ трудомъ объяснялся по-кастильски. Отъ него наши путешественники могли узнать только, что въ той сторонѣ сыро и жарко, что города въ Помераніи лучше, нежели ближній городъ Санта-Крусъ-де-Лорика, и что, оставаясь долго въ лѣсу, они могутъ получить ту перемежающуюся лихорадку, отъ которой самъ онъ весьма долго страдалъ. Путешественники едва могли уговорить этого человѣка принять отъ нихъ награду за его добрые совѣты, потому-что, по его строгимъ правиламъ, бѣлый человѣкъ, хотя бы онъ былъ босоногій, никогда не долженъ брать денегъ «въ присутствіи подлой, жолтой черни». Работа этихъ людей, добывающихъ пальмовое вино, не требуетъ большого искусства. Срубивъ пальмовый стволъ, они подъ самымъ началомъ листьевъ и прицвѣтниковъ выдалбливаютъ въ древесинѣ углубленіе. Черезъ три дни оно наполняется бѣложелтоватымъ сокомъ, весьма прозрачнымъ и имѣющимъ сахарный и винный вкусъ. Соки продолжаютъ подыматься въ продолженіи восемьнадцати или двадцати дней и образуютъ пальмовое вино; его собираютъ ежедневно; вытекающее въ послѣдніе дни, вино это уже не такъ сладко, имѣетъ болѣе алькоголическое свойство и болѣе уважаемо туземцами. Они увѣряютъ, что исхожденіе сока дѣлается обильнѣе, когда сжигаютъ листовые стебельки, оставшіеся на стволѣ.

Приставъ во второй разъ къ материку южной Америки, Гумбольдтъ увидѣлъ другую его оконечность. Близъ Куманы онъ осмат-

ривалъ гористые и зеленые берега Паріи, гдѣ Христофоръ Коломбъ, въ своемъ поэтическомъ восторгѣ, предполагалъ колыбель рода человѣческаго; здѣсь же, у устья рѣки Сину, Гумбольдтъ увидѣлъ низкіе и влажные берега, идущіе къ Даріенскому заливу и Панамскому перешейку. Къ этимъ двумъ оконечностямъ приходили первые европейскіе поселенцы, привлекаемые къ одному мѣсту его жемчугомъ, къ другому его золотоносными песками. Эти страны казались для нихъ выдавшимися обширными мысами обширной восточной Азіи, восточной Индіи, богатой алмазами, жемчугомъ, золотомъ и пряностями. Коломбъ, принявшій южный берегъ Кубы за восточный материкъ, заставилъ всѣхъ своихъ спутниковъ, кормчихъ и матросовъ, въ числѣ 60 человѣкъ, скрѣпить клятвой и засвидѣтельствовать актомъ передъ нотаріусомъ истину этого предположенія. Такъ и въ свое четвертое и послѣднее плаваніе, достигнувъ береговъ центральной Америки, онъ думалъ, что находится близъ устья рѣки Ганга. Вслѣдъ за великимъ мореходцемъ стремились новые, смѣлые путешественники. Ихъ привлекало въ Даріенскомъ заливѣ устье рѣки Атрато, вытекающей изъ странъ богатыхъ золотомъ и платиной. Отсюда, отъ этой рѣки, въ XVI вѣкѣ цвѣтъ кастильскихъ героевъ поднялся къ новымъ подвигамъ и открытіямъ: Балбао открылъ Южное море, Пизарро завоевалъ и опустошилъ Перу, Педро де-Сіеса, съ мечомъ въ рукѣ, прошелъ по хребту Андовъ черезъ Антіоквію, Попаянъ и Куско до Лаплаты. Почти всѣ мѣста въ Америкѣ, впервые заселенные завоевателями, пришли скоро въ упадокъ и варварство; постепенно открываемыя новыя земли болѣе привлекали поселенцевъ. Такъ и даріенскіе города разрушились, когда новый, болѣе обширный горизонтъ раскрылся передъ завоевателями новаго свѣта. Кое-какія лачуги на береговыхъ холмахъ Атрато, плодоносныя европейскія деревья, перемѣшанныя съ туземными деревьями, показываютъ путнику мѣста этихъ городовъ. Гумбольдтъ по слѣдамъ завоевателей и мореходцевъ стремился въ Великій океанъ; ему суждено было подняться и на хребетъ Андовъ.

27 марта путешественники оставили деревню *Zapote*, опять подняли парусъ и пошли къ Картагенѣ; вѣтеръ былъ еще сильный. У одного острова ихъ судно едва не опрокинулось; это случилось въ вербное воскресенье. Замбосъ, провожавшій нашихъ путешественниковъ на Ореноко и остававшійся въ ихъ услуженіи до самого возвращенія ихъ во Францію, замѣтилъ, что ровно годъ тому назадъ, тоже въ вербное воскресенье, они едва не потонули въ Ореноко, на сѣверъ отъ миссіи Уруаны. Ночью должно было случиться лунное затмѣніе, а на другой день звѣзда α созвѣздія Дѣвы должна была скрыться за луной. Гумбольдтъ желалъ наблюдать это явленіе, чтобы получить ос-

нованія для астрономическаго опредѣленія положенія Картагены, и просилъ капитана судна высадить его на берегъ; капитанъ не хотѣлъ согласиться на его просьбу, считая эти берега негостепріимными и опасными. Въ самомъ дѣлѣ, когда разъ наши путешественники подъѣхали въ лодкѣ къ берегу одного острова, чтобы ботанизировать тамъ при лунномъ свѣтѣ, къ нимъ выскочилъ изъ чащи ризофоровъ (корнепустовъ) негръ дикаго вида, съ разорванными цѣпями на шеѣ и на рукахъ и съ ножомъ въ рукѣ; онъ зазывалъ ихъ съ собой во внутрь острова и говорилъ что-то на непонятномъ языкѣ съ другими лицами, спрятанными въ чащѣ; тамъ могли быть скрыты негры-мароны, родившіеся въ Африкѣ, перевезенные въ Америку и бѣжавшіе изъ своей тюрьмы: они особенно опасны своимъ отчаяніемъ и жаждой мести. Все это возбудило подозрѣніе нашихъ путешественниковъ, и они, не выходя на берегъ, спѣшили возвратиться къ своему судну. Происшествіе это произвело печальное впечатлѣніе на нашихъ путешественниковъ; матросы же ихъ только сожалѣли, что не могли возвратиться опять на островъ, чтобы поймать бѣглаго и тайно продать его въ Картагенѣ.

Галіотъ вошелъ наконецъ въ гавань Картагены. Здѣсь нашелъ Гумбольдтъ испанскую экспедицію Фидалго, посланную для съемки американскихъ береговъ, и могъ сравнить свои наблюденія съ наблюденіями и съемками этой экспедиціи. Шесть дней провели путешественники въ Картагенѣ; они осмотрѣли у одного артиллерійскаго офицера весьма интересную коллекцію рисунковъ, моделей машинъ и минераловъ новой Гренады; кромѣ того прогуливались по окрестностямъ города, нездоровымъ и болотистымъ, обросшимъ печальными растеніями, кактусами, ятрофой, клещами и мимозами. Эти колючіе кустарники служили тогда предметомъ городскихъ разсказовъ: невѣрная жена, озлобленная упреками и ревностью своего мужа, ночью связала его съ помощью своего любовника и бросила въ колючіе кустарники, наполненные муравьями. Несчастный мужъ, выбиваясь оттуда, былъ все болѣе и болѣе раздираемъ колючими вѣтвями и уязвляемъ муравьями. Когда на крики его пришла помощь, онъ былъ найденъ почти издыхающимъ въ страшныхъ мукахъ.—Въ это время въ Картагенѣ былъ свѣтлый праздникъ Пасхи; по улицамъ города ходили церковныя процессіи. Нищіе съ терновыми вѣнками на головѣ, одѣтые въ черныя одежды, несли крестъ и просили милостыню; между ними шелъ Пилатъ, одѣтый въ полосатую шолковую мантію; въ серединѣ этихъ процессій замбосы несли на плечахъ своихъ большой круглый столъ, уставленный конфектами, за которымъ сидѣли разныя лица, представлявшія апостоловъ. При закатѣ солнца на главной улицѣ сжи-

гались чучелы, набитыя соломой и разными зажигательными веществами, одѣтыя во французскіе кафтаны и представлявшія жидовъ. Народъ жаловался, что по причинѣ сырой погоды жиды дурно горѣли.

Въ Картагенѣ путешественники развѣдывали объ удобнѣйшей дорогѣ для проѣзда въ Перу. Гумбольдтъ желалъ переѣхать черезъ Панамскій перешеекъ, нивелировать его, узнать здѣсь возвышеніе почвы, водораздѣлъ двухъ морей; но позднее время года, трудность найти средства для переѣзда отъ Панамскаго перешейка къ Гваяквилю, затруднительность этого плаванія противъ вѣтра и теченія заставили отказаться отъ этого намѣренія и предпочесть морскому путешествію нагорное путешествіе по хребту Андовъ, черезъ Санта-фе де-Богота, Попаянъ, Квито и Кахамарку, въ прохладномъ и умѣренномъ климатѣ высотъ. Новое, далекое путешествіе предстояло Гумбольдту и Бонплану; чтобы приготовиться къ нему и избѣжать нездоровый воздухъ Картагены и скверный трактиръ ея, наполненный остатками неудачной экспедиціи противъ Сан-Доминго, и въ которомъ безпрестанно происходили пренія о необходимости жестокаго обращенія съ неграми, напоминавшія понятія и ужасы завоеванія Америки XVI вѣка, наши путешественники рѣшились удалиться въ живописную индѣйскую деревню Турбако.

Деревня Турбако, въ которую переселились Гумбольдтъ и Бонпланъ, возвышалась на 1000 фут. надъ поверхностью моря; ее окружалъ обширный лѣсъ. Съ террасы дома, занимаемаго нашими путешественниками, виднѣлись колоссальныя снѣжныя вершины Сіерры Невады де-Санта Марта. Змѣй въ деревнѣ было такъ много, что онѣ въ самыхъ домахъ преслѣдовали крысъ и ловили подъ крышами летучихъ мышей. Растительность окрестныхъ холмовъ и равнинъ напоминала своею роскошью берега Ореноко. Путешественники наши, несмотря на докучливыхъ москитосовъ, цѣлый день ботанизировали въ лѣсахъ, встрѣчая на каждомъ шагу новыя, совсѣмъ неизвѣстныя исполинскія растенія. Въ своихъ ботаническихъ прогулкахъ они находили въ чащѣ лѣса уединенные, индѣйскіе конукосы, небольшія плантаціи маиса и банановъ, въ которыя индѣйцы, избѣгая сосѣдства бѣлыхъ, уходили къ концу дождевого времени. Въ Турбако, гдѣ испанское народонаселеніе смѣшалось съ индѣйскимъ, Гумбольдтъ нашелъ тотъ же способъ обработыванія земли, который онъ видѣлъ въ миссіяхъ Гвіаны. Разсматривая грубыя земледѣльческія орудія, бамбуковыя хижины, грубыя ремесла, жалкія одежды туземцевъ, онъ спрашивалъ, что пріобрѣло, какіе сдѣлало успѣхи красное американское племя съ XVI вѣка, послѣ столкновенія своего съ европейскими народами? Исторія давала здѣсь неутѣшительный отвѣтъ.

Гумбольдтъ обратилъ особенное вниманіе на волканитосы, или волканы, извергающіе газы, находившіеся въ прогалинѣ пальмоваго лѣса близъ Турбако. Старинное преданіе, сохранившееся въ деревнѣ о томъ, какъ нѣкогда здѣсь горѣла земля, и какъ потомъ благочестивый монахъ потушилъ огонь и обратилъ огненный волканъ въ водяной, — это преданіе напомнило Гумбольдту споръ волканистовъ и нептунистовъ о томъ, огонь или вода произвели земные перевороты. Самые волканитосы состояли изъ пятнадцати или двадцати небольшихъ усѣченныхъ конусовъ, или кеглей, подымавшихся въ срединѣ прогалины на три и четыре туаза вышины. На вершинѣ кеглей находились небольшія отверстія отъ 15 до 28 дюймовъ въ діаметрѣ, наполненныя водой, на поверхности которой подымались періодически воздушные пузырьки значительнаго объема. Гумбольдтъ счелъ до пяти выходовъ газа въ двѣ минуты. Сила, съ которой вырывался газъ, заставляла предполагать, что онъ испытываетъ сильное давленіе внутри земли; глухой и довольно сильный шумъ предшествовалъ 15 или 18 секундами исхожденію газа. Неодновременное же появленіе воздушныхъ пузырьковъ въ смѣжныхъ отверстіяхъ позволяло думать, что каждое изъ отверстій получало газъ сквозь особенные каналы, которые если и сходились въ одномъ общемъ резервуарѣ упругаго газа, то представляли неодинаковое сопротивленіе выходящему газу. Температура воды внутри отверстій волканитосовъ была одинакова съ атмосферной температурой. Туземцы увѣряли, что въ продолженіе двадцати лѣтъ кегли не измѣнили ни вида своего, ни числа. Во время своего путешествія по Америкѣ, Гумбольдтъ принималъ эти газные волканы Турбако за небольшое мѣстное явленіе. Съ тѣхъ поръ его геологическіе виды расширились, и онъ узналъ въ незначащихъ газныхъ волканахъ Турбако сальзы, или грязные волканы береговъ Каспійскаго моря, Чернаго и другихъ мѣстъ на землѣ, которые въ первый періодъ своего появленія извергали пламя и огромные камни, потомъ грязи и илъ, и наконецъ пришли въ покой, какъ въ Турбако. Онъ узналъ въ этихъ покойныхъ волканитосахъ дѣйствіе той же волканической силы, тѣхъ же упругихъ газовъ, скрытыхъ въ земной внутренности, которые движеніемъ своимъ производятъ разрушительныя землетрясенія и страшныя опустошенія огнедышащихъ горъ.

Путешественники наши провели десять дней въ Турбако въ тихихъ занятіяхъ и въ приготовленіяхъ къ новому, далекому и трудному странствованію. Двадцать восемь лѣтъ спустя, продолжая описаніе своихъ путешествій, Гумбольдтъ вспоминалъ объ этихъ дняхъ съ особеннымъ чувствомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ ис-

полнилъ много ученыхъ трудовъ, совершилъ много другихъ странствованій, пріобрѣлъ громкую славу; другъ же и спутникъ его Бонпланъ возвратился опять въ южную Америку, въ ея саваны и лѣса и, проникая въ Парагвай за своими любимыми растеніями, былъ задержанъ тамъ правителемъ Парагвая докторомъ Франсіей. «Еще теперь (въ 1829 году)» – говоритъ Гумбольдтъ, продолжая свой разсказъ о пребываніи его съ Бонпланомъ въ Турбако – «по истеченіи такого длиннаго времени, по возвращеніи моемъ съ береговъ Оби и отъ предѣловъ китайской Дзюнгаріи, передъ моимъ воображеніемъ все еще безпрестанно рисуются бамбуковые лѣса Турбако, дикая роскошь тропической почвы; эти втрышники, устилающіе старые стволы *ocotea* и индѣйскихъ фиговыхъ деревъ, этотъ величавый видъ снѣжныхъ горъ, этотъ легкій туманъ, покрывающій при восхожденіи солнца глубину долины, эти группы исполинскихъ деревьевъ, зелеными островами подымающіяся надъ океаномъ паровъ, — остались неизгладымыми въ моей душѣ. Нашъ образъ жизни въ Турбако былъ самый простой и трудолюбивый. Мы были молоды, соединены одинаковыми вкусами и характерами, довѣрчиво смотрѣли впередъ; находясь наканунѣ путешествія, которое должно было насъ привести на высочайшія вершины Андовъ, къ зажженнымъ волканамъ, въ страны, безпрестанно волнуемыя землетрясеніями, мы чувствовали себя болѣе счастливыми, нежели въ какую-либо другую минуту нашего дальнаго странствованія. Годы, протекшіе съ того времени не безъ горечи и печалей, только усугубили очарованіе тѣхъ исчезнувшихъ впечатлѣній; я надѣюсь, что и мой несчастный другъ Бонпланъ въ своемъ изгнаніи въ южномъ полушаріи, въ пустыняхъ Парагвая, вспоминаетъ еще съ наслажденіемъ наши герборизаціи въ Турбако, небольшой источникъ Торесильо, нашу первую находку цвѣтущей Густавіи или Каваниллезіи, покрытой плодами съ перепончатыми и прозрачными сторонами....»

Путешественники наши, помня неудобства и трудности плаванія своего по Ореноко и Кассиквіарѣ и приготовляясь вверхъ по рѣкѣ Магдаленѣ подняться къ Андамъ, запаслись складными походными кроватями и простынями *(toldo)* изъ плотной бумажной ткани, предохраняющими отъ насѣкомыхъ лучше всякихъ занавѣсокъ. 19 апрѣля 1801 года, Гумбольдтъ и Бонпланъ, окончивъ свои сборы, оставили Турбако въ сообществѣ стараго французскаго врача *de Rieux*, испытавшаго гоненія отъ испанскаго правительства, и одного испанца съ его двѣнадцатилѣтнимъ племянникомъ, сыномъ Нарино, содержащимся въ то время въ тюрьмѣ въ Боготѣ, и котораго имя сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ въ войнахъ испанскихъ колоній за

свою независимость. Путешественники переправлялись черезъ одинъ изъ небольшихъ рукавовъ рѣки Магдалены къ одному неинтересному мѣсту, гдѣ они были принуждены цѣлый день ожидать вьючный скотъ для перевоза ихъ вещей къ пристани рѣки Магдалены. На бѣду при переправѣ разбился барометръ, единственный уцѣлѣвшій еще у Гумбольдта. Онъ намѣревался измѣрить наклоненіе рѣки и опредѣлить вмѣстѣ съ этимъ быстроту ея теченія; но вспомогательныя средства были у него отняты. Разбитый барометръ или хронометръ, внезапно измѣнившій свой правильный ходъ — величайшія препятствія въ ученыхъ путешествіяхъ. Гумбольдтъ испытывалъ подобныя приключенія въ Андахъ, въ Мексикѣ, въ сѣверной Азіи, и всегда съ одинаковой досадой. Здѣсь, припоминая всѣ трудности обширныхъ путешествій внутри материковъ съ грузомъ физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, Гумбольдтъ признается, что ученый, совершивъ эти путешествія, готовъ иногда воскликнуть: «счастливъ тотъ, кто путешествуетъ безъ разбивающихся инструментовъ, безъ подмокающихъ гербаріевъ, безъ повреждающихся коллекцій животныхъ! кто проходитъ разныя земли, чтобъ смотрѣть на нихъ своими глазами, чтобы отдаваться прямымъ впечатлѣніямъ природы, не анализируя ея! Такія кроткія наслажденія, при всей простотѣ своей, избавлены по-крайней-мѣрѣ отъ смутъ и волненій!...» Несмотря на эти жалобы, натуралистъ умѣетъ пользоваться каждымъ мгновеніемъ на пути своемъ, умѣетъ вознаградить утрату одного предмета первымъ встрѣтившимся новымъ предметомъ. Такъ и наши путешественники, въ деревушкѣ, въ которой они принуждены были остановиться послѣ своей переправы черезъ рукавъ рѣки Магдалены, нашли у туземцевъ множество большихъ прекрасныхъ птицъ арасовъ, убитыхъ для употребленія въ пищу; Гумбольдтъ и Бонпланъ принялись разсѣкать ихъ трупы, разсматривать обширный мозгъ этихъ птицъ, менѣе понятливыхъ впрочемъ нежели попугаи, и разбирать язычную кость и нижнюю часть гортани, любопытныя потому, что эти птицы имѣютъ глухой голосъ и съ трудомъ отдѣляютъ звуки. По мѣрѣ того, какъ Бонпланъ обнажалъ различныя части арасовъ, Гумбольдтъ рисовалъ ихъ, и эти анатомическія занятія позволили забыть поврежденіе инструмента.

20 апрѣля путешественники достигли до пристани рѣки Магдалены. На дорогѣ имъ попадались группы красивыхъ бамбуковыхъ хижинъ, обитаемыхъ замбосами. Вообще замбосы довольно многочисленны въ той сторонѣ. Негры, получившіе свободу въ Новой Гренадѣ, охотно поселяются на берегахъ рѣки Магдалены и смѣшиваются тамъ съ американскими туземцами; въ особенности индіянки чув-

ствуютъ стремленіе къ африканскому племени.... Здѣсь Гумбольдтъ, бросивъ общій взглядъ на свойство почвы, орошаемой рѣкой Магдаленой, прерываетъ описаніе своихъ путешествій въ равноденственныя страны Америки. Изданіе этого описанія началось въ 1814 году, продолжалось до 1831 года; оно едва ли будетъ окончено. Въ промежуткѣ многихъ лѣтъ, во время которыхъ Гумбольдтъ приготовлялъ изданіе своего американскаго путешествія, тропическія страны были описываемы новыми путешественниками, но это нисколько не заставляло его считать свой поздній трудъ устарѣлымъ и излишнимъ. Гумбольдтъ задумалъ описаніе своихъ путешествій по обширному и величавому плану; немудрено, что исполненіе этого плана должно было занять всю его жизнь и остаться неоконченнымъ. Въ этомъ описаніи собственныя наблюденія Гумбольдта должны были сливаться съ наблюденіями и опытами другихъ путешественниковъ и ученыхъ; въ немъ должны были изображаться земли не въ одномъ измѣнчивомъ политическомъ характерѣ своемъ, но въ томъ, что имъ собственно принадлежитъ, что составляетъ ихъ сущность, что выражаетъ ихъ физическія свойства. Труду своему Гумбольдтъ желалъ дать истинно-ученое, высокое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ нарисовать полную физическую картину тропическихъ странъ, ихъ колоссальныхъ горъ, обширныхъ нагорныхъ плоскостей, необозримыхъ равнинъ; онъ желалъ представить ихъ геогностическій составъ, различное распредѣленіе на нихъ тепла и земного магнетизма, различныя дѣйствія волканическихъ силъ, движеніе и направленіе водъ, силу растительности, вліяніе всѣхъ этихъ физическихъ силъ на общественный бытъ, государственныя учрежденія и судьбу народовъ.... Изученія, необходимыя для начертанія такой полной картины, безпрестанно завлекали Гумбольдта въ новыя области знанія, давали ему поводъ рядомъ отдѣльныхъ твореній обозначать свой ученый путь; собственное же повѣствованіе его путешествій должно было прерываться и останавливаться....

Ученые результаты дальнѣйшихъ путешествій Гумбольдта по рѣкѣ Магдаленѣ, въ Кордильерахъ Андовъ, по рѣкѣ Амазонокъ, по Южному морю и въ Мексикѣ изложены имъ въ особенныхъ сочиненіяхъ. Во время восьмимѣсячнаго переѣзда своего черезъ Анды, отъ Картагены до Лимы, Гумбольдтъ начерталъ карту рѣки Магдалены, опредѣлилъ астрономическое положеніе восьмидесяти пунктовъ внутри южнаго американскаго материка между Картагеной, Попаяномъ, верховьемъ рѣки Амазонокъ и Лимой, исправилъ ошибочное показаніе географической долготы города Квито, собралъ тысячи новыхъ растеній, бывшихъ до него неизвѣстными ученому свѣту, собралъ

множество данныхъ для сравнительной климатологіи и для изученія законовъ земного магнетизма и сверхъ того еще изслѣдовалъ въ обширныхъ размѣрахъ геогностическія отношенія между порфирными горными породами и трахитомъ и волканическимъ огнемъ. Въ своихъ «*Vues des Cordillières*» Гумбольдтъ изобразилъ, рукой великаго живописца и глубокаго мыслителя, величественныя картины Андовъ и памятники исчезнувшей американской цивилизаціи ацтековъ (мексиканцевъ) и перуанцевъ. Покажемъ путь, которымъ слѣдовали Гумбольдтъ и его вѣрный спутникъ Бонпланъ въ ихъ дальнѣйшихъ странствованіяхъ по тропической Америкѣ.

Путешествіе въ прекрасной долинѣ рѣки Магдалены продолжалось тридцать пять дней, не безъ опасностей и затрудненій; пока Гумбольдтъ снималъ карту рѣки, Бонпланъ сбиралъ роскошныя растенія береговъ. Въ Хондѣ окончилось плаваніе по рѣкѣ; отсюда начались странствованія по хребтамъ Андовъ, которые идутъ двойными или тройными параллельными вѣтвями, раздѣленными глубокими, длинными долинами, и разстилаются обширными нагорными плоскостями, уставленными высокими волканами и снѣжными вершинами. Черезъ лѣса дубовъ, меластомовъ (черноустовъ) и хинхонъ, по скверным дорогамъ поднялись путешественники на мулахъ до Санта-Фе де-Боготы, главнаго города Новой Гренады. Богота лежитъ въ прекрасной нагорной плоскости выше монастыря Сан-Бернара въ Альпахъ, окружена высокими горами, имѣетъ постоянную весеннюю температуру, и кругомъ ея находятся поля съ европейскими зерновыми хлѣбами. Здѣсь Гумбольдтъ и Бонпланъ провели нѣсколько мѣсяцовъ, изучая минералогическія и ботаническія богатства страны, осматривая ея горные заводы, наслаждаясь красотами совсѣмъ новой для нихъ природы. Ріо де-Богота, или Ріо Фунца, протекающая по долинѣ Боготы, собравъ въ себя воды окрестныхъ высотъ, стремится величественнымъ водопадомъ сквозь узкую разсѣлину, близъ мызы Теквендамы, на юго-западѣ отъ города Санта-Фе, къ бассейну рѣки Магдалены. Въ этомъ ландшафтѣ Гумбольдтъ нашелъ соединеннымъ все, что составляетъ красоту водопадовъ: обиліе воды, высокое паденіе ея, живописный видъ окружающихъ скалъ, силу и разнообразіе растительныхъ формъ, расположенныхъ группами и букетами, по скаламъ, вокругъ стремящихся водъ. Если бы разсѣлина водопада Теквендамы закрылась, то воды наводнили бы плодоносную долину Боготы и обратили бы ее въ озеро. У индѣйцевъ-муискасовъ, или мозкасовъ, обитателей новой Гренады, или Кундинамарки, сохранилось преданіе, что въ тѣ времена, когда луна еще не сопровождала землю и горцы скитались варварами, безъ одеждъ, не зная зем-

ледѣлія, никакой религіи, никакихъ законовъ, пришелъ къ нимъ изъ восточныхъ равнинъ старецъ Бочика съ женой своей Гунтакой. Онъ научилъ жителей одѣваться, строить хижины, обработывать землю, жить въ обществѣ; злая жена-красавица безпрестанно препятствовала благимъ намѣреніямъ своего мужа и наконецъ чародѣйствомъ своимъ подняла воды рѣки Фунца, наводнила долину Боготы и этимъ погубила часть ея жителей. Старецъ Бочика прогналъ за это жену свою Гунтаку, и она сдѣлалась луной, которая съ тѣхъ поръ освѣщаетъ землю по ночамъ. Бочика сжалился надъ разсѣянными по горамъ людьми, мощной рукой разбилъ скалы Теквендамы, выпустилъ сквозь эти разсѣлины воды озера Фунца, собралъ опять жителей въ долину Боготы, научилъ ихъ поклоняться солнцу, выстроилъ города, учредилъ духовную и свѣтскую власть и удалился въ одну священную долину Андовъ, гдѣ жилъ въ строгомъ покаяніи двѣ тысячи лѣтъ.... Такъ миѳологическія преданія народовъ всюду смѣшиваются съ геогностическими явленіями.

Въ сентябрѣ 1801 года путешественники наши оставили Санта-Фе, направивъ свой путь къ Попаяну и къ Квито. Они спускались съ восточной Кордильеры Андовъ, на которой находится Богото, по западному отклону ея, чрезъ мостъ Иконовзо, образованный самой природой. Надъ глубокой пропастью перегибался здѣсь каменный песчаниковый сводъ, въ 6 сажень длины, въ 5 саж. ширины и слишкомъ въ сажень толщины, и соединялъ края каменной трещины, произведенной землетрясеніемъ. Верхній каменный пластъ удержался на мѣстѣ и составилъ такимъ образомъ натуральный мостъ, въ то время, когда нижніе каменные пласты были разорваны и образовали трещину. Въ восьми саженяхъ подъ этимъ натуральнымъ мостомъ находился другой мостъ, составившійся изъ трехъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, свалившихся такимъ образомъ, что онѣ поддерживались другъ другомъ и средняя изъ нихъ составляла ключъ свода. Въ мрачной глубинѣ пропасти, на триста футовъ подъ мостомъ, клубился потокъ и раздавались крики ночныхъ птицъ. Едва ли найденъ былъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ на землѣ подобный натуральный сводъ, самъ собою сложившійся изъ камней. Отсюда путешественники поднялись на хребетъ центральной Кордильеры Андовъ, отдѣляющей рѣку Магдалену отъ рѣки Кауки, и прошли черезъ трудный высокій проходъ горы Квиндіу, находящійся между городами Ибагуой и Картаго. Гора Квиндіу покрыта густымъ лѣсомъ; близь нея подымается снѣжная вершина волкана Толимы; въ лѣсу Гумбольдтъ и Бонпланъ нашли множество полезныхъ и интересныхъ растеній: пальму съ стволомъ, покрытымъ растительнымъ воскомъ

(*Ceroxylon andicola*), древообразные кавалерьники (страстный цвѣтъ, *passiflore*), и прекрасную великоцвѣтную мутизію. Въ благопріятное время года переходъ черезъ ущелье продолжается десять или двѣнадцать дней; для предосторожности нужно съ собой брать съѣстные припасы на цѣлый мѣсяцъ, потому-что на дорогѣ нѣтъ никакого жилья, и тающій снѣгъ, внезапно раздувая потоки, препятствуетъ часто продолжать путь. Высочайшій пунктъ ущелья находится на 11,500 футовъ вышины надъ поверхностью океана: узкая стезя его похожа на пробитую въ стѣнѣ открытую галлерею. Переходъ черезъ Квиндіу продолжался тринадцать дней; послѣдніе три или четыре дня путешественники спускались уже по западному отклону Кордильеры; они терпѣли отъ безпрестаннаго проливного дождя, ночевали подъ открытымъ небомъ или въ шалашахъ, наскоро складываемыхъ изъ бамбуковыхъ стволовъ и покрываемыхъ отъ дождя листьями банановъ (*Vijao*), которыми нарочно для этого запасаются на дорогу; двѣнадцать воловъ несли инструменты и коллекціи; башмаки путешественниковъ были изорваны иглами, выходящими изъ корней бамбуковъ, и, не желая пользоваться носильщиками, обыкновеннымъ способомъ путешествія въ этихъ горáхъ, босыми ногами продолжали свою дорогу. Достаточные люди въ Андахъ Квиндіу и въ Антіоквіи не иначе путешествуютъ, какъ въ креслахъ, привязанныхъ за спиной носильщиковъ; ѣздить *на спинѣ людей* (*andor en carguèro*) тамъ также обыкновенно, какъ въ другихъ мѣстахъ ѣздить верхомъ на лошади. Носильщики, или *каргуеросы*, бóльшею частію метисы или даже бѣлые люди, при своемъ трудномъ ремеслѣ, требующемъ особенной силы мышцъ, не оставляютъ своихъ притязаній на титулы, и тотъ изъ нихъ, у котораго кожа бѣлѣе, требуетъ отъ своихъ товарищей, чтобы они его не иначе называли, какъ *Don* или *Su Merced*. И въ мексиканскихъ рудахъ начальники часто имѣютъ на жалованьи одного или двухъ индѣйцевъ, называемыхъ его *лошадьми* (*cavallitos*), которые носятъ его на своей спинѣ отъ одной части руды до другой.

Путешественники наши, утомленные затруднительнымъ переходомъ черезъ Квиндіу, достигли наконецъ до долины Кауки, отдохнули въ городахъ Картаго и Бугѣ (*Buga*), и прошли по провинціи Чоко, богатой платиной, которую находятъ въ разбитыхъ валунахъ базальта, зеленаго камня и окаменѣлаго дерева. Гумбольдтъ, путешествуя впослѣдствіи въ Уральскихъ горахъ, могъ сравнивать наши металлическія богатства съ видѣнными имъ рудами и розсыпями южной Америки. Черезъ Калото, мимо золотопромывальнаго завода Квиличао, поднялись путешественники по прекрасной долинѣ Ріо Каука до

города Попаяна, находящагося у подошвы двухъ покрытыхъ снѣгомъ волкановъ Пурасе и Сотара, на высотѣ 6000 футовъ надъ моремъ, въ превосходномъ климатѣ, менѣе жаркомъ, нежели климатъ Картаго и Ибагуе, и болѣе тепломъ, нежели климатъ Санта-Фе де-Боготы и Квито. Путешественники осмотрѣли волканъ Пурасе (въ ноябрѣ 1801 г.); дорога къ нему идетъ равниной, хорошо обработанной индѣйцами и оканчивающейся глубокими оврагами; на краю пропастей построены дома деревни Пурасе: прекрасная зелень ея садовъ производитъ пріятное впечатлѣніе въ противоположность съ черною и безплодною стѣною изорванныхъ землетрясеніями горъ, окружающихъ снѣгомъ покрытый волканъ. Деревня извѣстна каскадами рѣки Пусамбіо, называемой испанцами Ріо Винагре и имѣющей кислую воду; она выходитъ изъ горячаго источника и впадаетъ въ рѣку Кауку, которая, принявъ въ себя Ріо Винагре и смѣшавшись съ его кислыми водами, на цѣлыя двѣ мили не имѣетъ рыбы.

Черезъ крутыя Кордильеры Алмагуеры, минуя зараженную и чумную долину Пастіи, путешественники дошли до города Пасто, находящагося у подошвы волкана, потомъ по нагорной плоскости провинціи Лосъ-Пастоса, знаменитой своей пшеницей и какао и отдѣленной отъ Тихаго океана Кордильерами волкановъ Чилеса и Кумбаля, достигли города Ибары, прошли черезъ экваторъ, вступили наконецъ въ южное полушаріе и 6 января 1802 года вошли въ городъ Квито. Только особенное покровительство и дѣятельныя пособія правительствъ Боготы и Квито позволили нашимъ путешественникамъ двигаться по дурнымъ дорогамъ Андовъ, съ своими многочисленными инструментами и коллекціями, и исполнить всѣ свои ученыя предпріятія.

Городъ Квито былъ уже ознаменованъ учеными трудами Лакондамина и Бугера (*Buguer*) и извѣстенъ любовью своихъ жителей къ искусствамъ и къ наукамъ. Находясь подъ экваторомъ, но въ высокой долинѣ, онъ пользуется вѣчной весной. Въ продолженіи четырехъ зимнихъ мѣсяцовъ, декабря, января, февраля и марта, въ Квито идетъ обыкновенно дождь отъ двухъ до пяти часовъ пополудни; вечеръ же и утро тамъ — совсѣмъ ясныя. Зеленые холмы, окружающіе городъ, и снѣжныя вершины, подымающіяся надъ этими холмами, производятъ очаровательную картину. — Гумбольдтъ и Бонпланъ провели девять мѣсяцовъ въ городѣ Квито. Здѣсь имъ открылось обширное поле для ботаническихъ и особенно для геологическихъ изысканій; громадные волканы, Антизана, Котопахи, Тунгурагуа и Пичинча, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ и обставившіе съ

обѣихъ сторонъ долину Квито, были предметомъ особенныхъ изученій Гумбольдта; къ нимъ какъ и къ вершинѣ Чимборассо стремились его мысли. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ достигнуть до краевъ жерла волкана Пичинчи, находящагося въ 5000 туазовъ разстоянія отъ Квито, нашимъ путешественникамъ наконецъ удалось два раза подыматься на нихъ и дѣлать тамъ различные опыты и наблюденія, анализировать воздухъ, упругость его, влажность и электричество. При первомъ восхожденіи на волканъ, Гумбольдтъ едва не лишился жизни, попавъ на разсѣлину, покрытую легкимъ пластомъ снѣга. Лакондаминъ тоже былъ у жерла этого волкана, но безъ инструментовъ и только нѣсколько минутъ; въ его время это огромное жерло, разверзтое въ порфирномъ базальтѣ, было наполнено снѣгомъ; наши путешественники нашли его зажженымъ, и это очень безпокоило жителей Квито. Другой ближній волканъ — Котопахи, еще болѣе опасенъ городу Квито своими изверженіями; огромная масса огаринъ и камней, выброшенныхъ этимъ волканомъ, и разбросанная по окрестнымъ долинамъ, будучи собранной, составила бы колоссальную гору. Котопахи возвышается на 5754 метра (2952 туаза), слѣдственно восемью стами метрами превосходитъ высоту Везувія, поставленнаго на Тенерифскій пикъ. Разъ (1738 г.) изъ волкана поднялось пламя надъ краемъ жерла на 900 метровъ высоты; въ другой разъ (1744 г.) громъ его былъ слышенъ на 200 лигъ растоянія въ Хондѣ, на берегахъ рѣки Магдалены. «Въ 1768 году изверженная имъ зола помрачила воздухъ всей окрестной страны, такъ-что въ городахъ Гамбато и Такунгѣ ночь длилась до трехъ часовъ пополудни, и жители ходили по улицамъ съ фонарями. Изверженіе, случившееся въ январѣ 1803 года, было предшествуемо страшнымъ явленіемъ — внезапнымъ таяніемъ снѣга, покрывающаго гору. Въ продолженіи двадцати лѣтъ не выходило изъ жерла ни дыму, ни видимыхъ какихъ-либо паровъ; въ одну ночь подземный огонь сдѣлался такъ силенъ, что при восхожденіи солнца внѣшнія стѣны конуса, разгоряченныя, вѣроятно, до весьма высокой температуры, обнажилась отъ снѣгу и приняли черный цвѣтъ, отличающій остеклованныя огарины». Въ то время Гумбольдтъ находился въ гавани Гваякиля, въ прямой линіи на разстояніи 52 лигъ. «Мы слышали день и ночь — говоритъ Гумбольдтъ — ревъ волкана, подобный повторяемымъ пушечнымъ выстрѣламъ цѣлой батареи; мы различали еще этотъ страшный шумъ, находясь уже въ Южномъ морѣ, на юго-западѣ отъ острова Пуна». Видъ Котопахи необыкновенно правильный и прекрасный. Правильный конусъ волкана, покрытый огромнымъ пластомъ снѣга, при захожденіи солнца блеститъ ослѣпительнымъ блескомъ и живописно отдѣляется на лазурномъ

небесномъ сводѣ. Сквозь гладкій снѣжный покровъ вершины волкана не видно никакихъ камней; только края жерла представляются обведенными темной каменной стѣной; она изорвана, состоитъ изъ глубокихъ разсѣлинъ, недопускающихъ достигнуть до краевъ жерла. На юго-западной сторонѣ обводной стѣны конуса находится полупогребенная въ снѣгу груда скалъ, называемая *головой Инки*. По народному повѣрью, эти скалы составляли нѣкогда вершину Котопахи, имѣвшую сперва, подобно Чимборассо, видъ купола. При первомъ изверженіи волкана вершина его была взорвана, и обломки ея упали будто бы на этотъ край. Баснословное событіе это индѣйцы въ своихъ разсказахъ приводятъ разнымъ образомъ въ связь то съ завоеваніями перуанцевъ въ Квито, то съ вторженіемъ испанцевъ въ Перу, съ этими двумя эпохами, ознаменовавшими распространеніе имперіи инковъ и паденіе ея. По одному изъ разсказовъ, взрывъ Котопахи случился въ ту минуту, когда Пизарро въ Перу, въ нагорной плоскости Кахамарки, задушилъ инку Атахуальпу.

Во всѣхъ горныхъ прогулкахъ и восхожденіяхъ къ снѣжнымъ вершинамъ долины Квито, какъ въ позднѣйшихъ странствованіяхъ въ Перу и Мексико, нашихъ путешественниковъ сопровождалъ донъ Карлосъ Монтуфаръ, сынъ маркиза Сельвы-Алегра, молодой, образованный, исполненный рвенія къ наукѣ. Ихъ занимала тогда одна наука, и ничто еще не предвѣщало политической грозы. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время возстанія испанскихъ колоній, въ 1811 году, молодой спутникъ нашихъ путешественниковъ, принявшій сторону народной партіи, былъ схваченъ врагами и, какъ измѣнникъ, разстрѣлянъ въ Квито.... Эта роскошная почва южной Америки, колеблемая волканами и землетрясеніями, утучняемая безпрестанно кровью народовъ, еще не перестаетъ быть и до сихъ поръ театромъ страшныхъ драмъ..... Мирно проходили ее тогда наши путешественники, собирая богатую жатву для высшаго человѣческаго сознанія. Съ своими инструментами они достигали на волканѣ Антизанѣ до 2200 туазовъ вышины; наконецъ 23 іюня 1802 года они поднялись на Чимборассо, нѣкогда считавшійся высочайшей горой на землѣ. Новѣйшіе путешественники открыли въ самой южной Америкѣ, въ верхнемъ Перу, еще болѣе высокія горы (Сората, Иллимани, Чукибамба), но которыхъ далеко превосходятъ высотой своей вершины Гималаи. «По узкому ребру, выходящему изъ снѣга, на южномъ отклонѣ Чимборассо, мы, Бонпланъ, Монтуфаръ и я» — говоритъ Гумбольдтъ — «пытались, не безъ опасностей, достигнуть до вершины Чимборассо. Мы донесли наши инструменты до значительной высоты, несмотря на то, что насъ окружалъ густой туманъ и мы стра-

дали отъ слишкомъ большой разрѣженности воздуха. Точка, на которой мы остановились для наблюденія наклоненія магнитной стрѣлки, я полагаю, есть высочайшая, до которой только подымались люди на горахъ: она превосходитъ 1,100 метрами вершину Монблана, на которую посчастливилось достигнуть ученѣйшему и неустрашимѣйшему изъ путешественниковъ, Соссюру, преодолѣвая болѣе значительныя еще трудности, нежели тѣ, которыя мы побороли близъ вершины Чимборассо». Лакондаминъ и Бугеръ поднимались въ іюлѣ 1738 года на гору Коразонъ, и Лакондаминъ хвалился тогда, что никто не видѣлъ ртути въ барометрѣ, такъ низко опустившейся на открытомъ воздухѣ, какъ онъ съ Бугеромъ на вершинѣ Коразона, и что вѣроятно никто еще не подымался на бо́льшую высоту: они находились на 2470 туазовъ надъ морскимъ уровнемъ.... Наши путешественники поднялись на Чимборассо на 3036 туазовъ, на 566 туазовъ выше, нежели Лакондаминъ на Коразонѣ. При восхожденіи на Чимборассо, кровь начинала итти у нашихъ путешественниковъ изъ глазъ, губъ и десенъ, термометръ остановился, ртуть его замерзла, дыханіе становилось все тяжелѣе и тяжелѣе въ разрѣженномъ воздухѣ; несмотря на это, только глубокая пропасть остановила восхожденіе путешественниковъ на самую вершину Чимборассо, поднимавшуюся надъ ними еще только на 224 туаза. Много лѣтъ спустя, 16 декабря 1831 года, Буссенго и Галъ взошли на Чимборассо на 3080 туазовъ, на 50 туазовъ выше Гумбольдта; еще выше этого, выше самого Чимборассо поднимался въ 1804 году Гэ-Люссакъ: въ воздушномъ шарѣ онъ поднялся надъ поверхностью моря на 3579 туазовъ (21,474′).

Во время пребыванія своего въ Квито, Гумбольдтъ получилъ письмо отъ національнаго института Франціи, извѣщавшее его, что капитанъ Боденъ не мимо мыса Горна, а около мыса Доброй Надежды отправился въ новую Голландію. Это извѣстіе разрушило надежды нашихъ путешественниковъ присоединиться къ экспедиціи Бодена, объѣхать Тихій океанъ, увидѣть Филиппинскіе острова, увидѣть Азію; эти надежды привели ихъ опять въ южную Америку, отклонили отъ ихъ намѣреній ѣхать изъ Кубы въ Мексику. Самая экспедиція капитана Бодена была остановлена въ серединѣ ея плаванія смертью капитана, случившейся въ Иль-де-Франсѣ въ 1803 году: сверхъ того ученые, участвовавшіе въ ней, не очень были довольны обращеніемъ съ ними капитана Бодена. Гумбольдтъ и Бонпланъ, несмотря на свои обманутыя ожиданія, могли утѣшать себя мыслію, что надежда объѣхать кругомъ свѣта привела ихъ въ новыя малоизвѣстныя страны, на колоссальные хребты Андовъ, къ ихъ волканамъ, на ихъ нагорныя плоскости, усѣянныя развалинами исчезнувшей ци-

вилизація Инковъ, позволяли увидѣть зачатки новой цивилизаціи, на опасной красотой своей почвѣ южной Америки. Предоставленные собственнымъ своимъ силамъ и средствамъ, наши путешественники, всегда предпріимчивые и бодрые, рѣшились продолжать свое странствованіе въ Андахъ, проникнуть изъ Квито въ Перу, достигнуть верховьевъ рѣки Амазонокъ и потомъ спуститься въ Лиму, чтобы успѣть здѣсь сдѣлать астрономическое наблюденіе предстоявшаго тогда замѣчательнаго прохожденія Меркурія по солнечному лику.

Изъ Квито Гумбольдтъ и Бонпланъ пошли сперва на югъ, по нагорной плоскости, на которой, на пространствѣ тридцати семи лигъ, являются одна за другой, на западѣ, вершины Каситагуи, Пичинчи, Атаказо, Коразона, Илинизы, Каргуайразо, Чимборассо и Кунамбая; на востокѣ, вершины Гуамани, Антизаны, Пассучоа, Руминави, Котопахи, Куелендана, Тунгурагуа и Капа-Урку, которыя всѣ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, выше Монблана. Видимыя съ центральной нагорной плоскости, эти горы не закрываютъ одна другой, но являются каждая въ своей настоящей формѣ, начертываясь на небесной синевѣ рядомъ иглъ и вершинъ, подобно крутымъ берегамъ подымающимся изъ лона водъ. Между ними лежатъ развалины городовъ Льяктакунды, Гамбато и Ріобамбы, разрушенныхъ страшнымъ землетрясеніемъ 1799 года, погубившимъ до 40,000 человѣкъ. Всѣ возвышенныя долины Квито, идущія отъ экватора до 3° южной широты, примыкаютъ къ огромной группѣ горъ, соединяющей западный и восточный гребень этихъ долинъ. Эта группа горъ называется *Парамо дель Ассуаи;* черезъ нее перешли наши путешественники, продолжая свой путь отъ Ріобамбы до Куенсы и до прекрасныхъ лѣсовъ Лохи, богатыхъ хинхоной. Переходъ черезъ нагорную плоскость Ассуаи особенно страшенъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, когда падаетъ тамъ множество снѣгу и дуютъ холодные южные вѣтры; дорога здѣсь идетъ на высотѣ равной высотѣ Монблана, и нѣтъ года, чтобы на ней не умирали люди отъ стужи или мятели. На этихъ вершинахъ путешественники съ удивленіемъ замѣчали великолѣпные остатки дороги перуанскихъ инковъ, шедшей вѣроятно до самой столицы ихъ Кузко. Въ Лохѣ путешественники изслѣдовали различныя породы хинхонныхъ деревьевъ, доставляющихъ цѣлебную кору противъ лихорадокъ, и опять перешли черезъ горный узелъ, связывающій параллельныя вѣтви Андовъ, потомъ черезъ Аябаку и Гуанкабамбу перешли черезъ высокій хребетъ Андовъ, направляя свой путь къ рѣкѣ Амазонокъ.

Въ продолженіи двухдневнаго пути, путешественники переходили 35 разъ рѣку Гуанкабамбу, или Чамаю, впадающую въ Мараньонъ,

или Амазонскую рѣку. То на плотахъ, то въ бродъ, и всегда съ большими затрудненіями, слѣдуя за теченіемъ рѣки Чамая, они достигли наконецъ у индѣйской деревни Чамая до рѣки Амазонокъ; здѣсь Гумбольдтъ опредѣлилъ, помощью астрономическихъ и хронометрическихъ наблюденій, точку соединенія этихъ двухъ рѣкъ. Земли, пройденныя нашими путешественниками между провинціей Хаэна де-Бракомороса, находящейся на восточномъ отклонѣ Андовъ, и Перу, напоминали своею дикостію и безлюдіемъ пустыни Авуре и Ореноко. Однѣ рѣки служатъ здѣсь дорогами; письменныя сношенія между провинціями производятся плавающими индѣйскими гонцами. Эти гонцы прячутъ въ платокъ, обернутый около головы въ видѣ тюрбана, вмѣстѣ съ письмами и ножъ, никогда неоставляющій индѣйца и служащій ему орудіемъ для обороны и для прокладыванія дороги въ лѣсной чащѣ. Плывущій гонецъ, уставая, ухватывается за какой-нибудь легкій древесный стволъ, увлекающій его внизъ по теченію; встрѣчая же стремнины или водопады, онъ берегомъ старается обойти ихъ и опять бросается въ воду, миновавъ опасное мѣсто. Такимъ образомъ цѣлыя индѣйскія орды странствуютъ вплавь по рѣкамъ. — Лакондаминъ изъ Квито, возвращаясь въ Европу, спустился въ Пару по рѣкѣ Амазонокъ; онъ началъ свое плаваніе только отъ Ріо Напо и только отъ этой части опредѣлилъ астрономической съемкой положеніе рѣки; вся ея верхняя часть оставалась неизвѣстною. Гумбольдтъ дополнилъ этотъ недостатокъ географической карты французскаго ученаго, проникнулъ вверхъ по рѣкѣ Амазонокъ до водопадовъ Ретамы и составилъ подробную карту неизвѣстныхъ верховьевъ этой большой рѣки, частію по собственнымъ наблюденіямъ, частію по тщательно собраннымъ показаніямъ другихъ лицъ. Бонпланъ въ это время ботанизировалъ въ окрестностяхъ Хаэна и открылъ девять новыхъ породъ хинхоны.

Отъ рѣки Амазонокъ путешественники въ пятый разъ перешли Кордильеры Андовъ, вошли въ Перу и осмотрѣли ея металлическія богатства и памятники ея прежней цивилизаціи. Въ Перу, подъ 7° южной широты, Гумбольдтъ нашелъ магнитный экваторъ, ту линію, на которой магнитная стрѣлка не показываетъ никакого наклоненія. Горные заводы, богатыя серебряныя руды привлекали вниманіе путешественниковъ. Изъ Кахамарки, извѣстной своими горячими минеральными ключами и развалинами дворца послѣдняго инки, Атахуальпо, Гумбольдтъ и Бонпланъ спустились въ Трухилло, близъ котораго находятся остатки огромнаго перуанскаго города Мансиче, бывшаго украшеннымъ пирамидами; въ одной изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ было найдено большое количество золота, слишкомъ на четыре

милліона французскихъ ливровъ. Спускаясь по западному отклону Андовъ, путешественники увидѣли въ первый разъ Великій океанъ и ту узкую и длинную долину, въ которой жители не знаютъ ни грома, ни дождя. Изъ Трухилло путешественники достигли до Лимы сухимъ и пустыннымъ берегомъ Южнаго моря. Проходимая ими безводная страна нѣкогда была плодоносна, орошаема каналами; отъ прежней обработки ея остались едва замѣтные, жалкіе слѣды. И на порфирныхъ хребтахъ Андовъ, на высотѣ 1200 и 1300 туазовъ надъ океаномъ, отъ Квито до Кузко, попадаются остатки величественной перуанской дороги, дороги инковъ, которая была снабжена общественными колодцами и постоялыми дворами, и которую безспорно можно сравнить съ прекраснѣйшими дорогами древнихъ римлянъ.

Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ о значительной цивилизаціи перуанскаго народа. Эта цивилизація имѣла чисто теократическій характеръ и могла дать народу весьма одностороннее развитіе. Всѣ перуанскія учрежденія установлены были инками; эти же происходили прямо отъ божества. Солнце, свѣтило и мать человѣковъ, сжалившись надъ безпомощнымъ ихъ состояніемъ, послало къ нимъ двухъ дѣтей своихъ — Манко Копака и Маму Ӧлло Гуако, собрать перуанскихъ туземцевъ въ общины и научить ихъ искусствамъ и общественной жизни. Манко Копакъ и Мама Ӧлло Гуако, братъ и сестра, вмѣстѣ мужъ и жена, пришли отъ озера Титикака въ долину Кузко; Манко научилъ жителей земледѣлію, Мама выучила прясть и ткать. Первый инка (Манко, король, господинъ) назывался великій (Копакъ); отъ него передавалась верховная власть отъ отца къ сыну, до самого завоеванія Перу испанцами. Чтобы сохранить въ домѣ своемъ чистоту небеснаго происхожденія, царствующіе инки женились на сестрахъ своихъ, и только дѣти отъ этого брака наслѣдовали имъ. Многочисленное потомство ихъ, происходящее отъ множества наложницъ, называлось тоже инками, составляло высшее сословіе въ государствѣ и поддерживало всѣ его учрежденія. Гумбольдтъ, изучавшій по сохранившимся памятникамъ туземныя американскія цивилизаціи Перу и Мексики, такъ характеризуетъ ихъ въ своихъ «Кордильерскихъ видахъ». «Нельзя судить мексиканцевъ и перуанцевъ по правиламъ, почерпнутымъ нами изъ исторіи народовъ, которыхъ намъ безпрестанно напоминаютъ наши изученія. Мексиканцы и перуанцы столько же непохожи на грековъ и римлянъ, сколько они сходствуютъ съ этрусками и тибетцами. У перуанцевъ теократическое правленіе покровительствовало успѣхамъ промышленности, общественнымъ работамъ, всему тому, что̀ означаетъ какъ бы цивилизацію въ массѣ, въ цѣломъ, и между прочимъ останавливаетъ развитіе инди-

видуальныхъ способностей. У грековъ, напротивъ, до временъ Перикла, это развитіе шло такъ свободно и быстро, что за нимъ медленно подвигалась и успѣвала цивилизація массы, цѣлаго. Имперія инковъ была похожа на большое монастырское заведеніе, въ которомъ напередъ было предписано каждому члену общества, чтó онъ долженъ дѣлать для общаго блага. Изучая на мѣстѣ этихъ перуанцевъ, которые въ продолженіи вѣковъ сохраняли свою національную физіономію, научаешься настоящимъ образомъ судить о кодексѣ законовъ Манко-Копака и о дѣйствіяхъ ихъ на нравы и народное благоденствіе. Въ Перу было общее довольство и мало частнаго благополучія, болѣе покорности законамъ, нежели любви къ отечеству, страдательное послушаніе, безъ доблести и побужденія къ смѣлымъ предпріятіямъ, духъ порядка, мелочно опредѣляющій самые незначительные поступки, и никакой обширности въ идеяхъ, никакой возвышенности въ характерахъ. Политическія учрежденія, самыя сложныя, какія только представляетъ намъ исторія человѣческихъ обществъ, заглушили тамъ сѣмена всякаго индивидуальнаго развитія, и основатель имперіи Кузко, думая заставить людей быть счастливыми, обратилъ ихъ въ простыя машины. Перуанская теократія была менѣе притѣснительна, чѣмъ правленіе мексиканскихъ королей, но та и другое придали памятникамъ, богослуженію и миѳологіи обоихъ горныхъ народовъ Америки печальный и мрачный характеръ, прямо противоположный свѣтлому искусству и кроткимъ вымысламъ народовъ древней Греціи».

Въ Лимѣ путешественники наши были пріятно изумлены, найдя въ жителяхъ большую умственную дѣятельность и знакомство съ ходомъ и успѣхами физики, химіи и математики въ Европѣ; все это тѣмъ болѣе было удивительно, что сношенія съ Европой въ это время были весьма медленныя и не частыя. Близъ лимской гавани Каллао Гумбольдту посчастливилось (9 ноября 1802) наблюдать прохожденіе Меркурія чрезъ солнечный ликъ, несмотря на то, что въ эту пору года тамъ обыкновенно господствуютъ густые туманы, иногда нѣсколько дней скрывающіе солнце. Проведя нѣсколько мѣсяцовъ въ Лимѣ, путешественники въ январѣ 1803 года пустились изъ Каллао въ Южное море, на королевско-испанской корветѣ, къ гавани Гваяквиля. Этотъ переѣздъ, благодаря благопріятному морскому теченію и попутнымъ вѣтрамъ, совершается въ три или четыре дня; для возвратнаго пути въ Каллао, противъ морского теченія, необходимо употребить цѣлый мѣсяцъ. Гавань Гваяквиля находится въ устьѣ большой рѣки; разсѣянные кругомъ острова, покрытые пальмами и бананами, придаютъ особенную прелесть ландшафту; воды гавани оживлены

легкими плотами, употребляемыми для перевоза товаровъ и для рыбной ловли. Картину Гваяквильской гавани, съ ея плотами, наполненными роскошными цвѣтами и плодами тропиковъ и управляемыми полунагими людьми, Гумбольдтъ внесъ въ свои «Кордильерскіе виды», чтобы показать и форму этихъ плотовъ, съ незапамятныхъ временъ употребляемыхъ перуанцами у береговъ Южнаго моря, и растительныя формы тропическаго міра. Въ Гваяквилѣ, 6 января, путешественники, услышавъ громъ волкана Котопахи, отдѣленнаго оттуда высокимъ хребтомъ Андовъ, собирались уже опять назадъ въ Квито, чтобы вблизи наблюдать изверженіе волкана, но скорое отправленіе судна въ Мексику заставило отказаться отъ этого предпріятія. Морское путешествіе изъ Гваяквиля въ Акапулко, гавань Новой Испаніи, или Мексики, продолжалось тридцать дней. Гумбольдтъ вспоминалъ объ этомъ плаваніи въ своемъ Космосѣ, говоря о ландшафтной прелести южнаго неба и о зодіакальномъ свѣтѣ, который онъ наблюдалъ въ Южномъ морѣ.

Сначала Гумбольдтъ, пріѣхавъ въ Мексику въ мартѣ 1803 года, располагалъ остаться въ ней только нѣсколько мѣсяцовъ и возвратиться уже въ Европу: инструменты его были испорчены, доставать новыхъ не было средствъ, ученое его путешествіе, казалось, уже приходило къ концу; но гостепріимство мексиканцевъ, опасеніе въ Вера-Крузѣ сдѣлаться жертвой жолчной лихорадки, уносящей всѣхъ тѣхъ, которые между іюлемъ и октябремъ спускаются къ Мексиканскому заливу изъ нагорныхъ странъ Мексики, наконецъ разнообразіе страны, новые, открывшіеся предметы изученій, — все это вмѣстѣ заставило отложить возвращеніе въ Европу до конца зимы, и путешественники наши пробыли въ Мексикѣ цѣлый годъ.

Въ Акапулко, отличной гавани, какъ бы прорванной землетрясеніемъ въ каменной стѣнѣ, имѣющей жгучій климатъ и жалкое народонаселеніе, Гумбольдтъ успѣлъ еще сдѣлать нѣсколько физическихъ и астрономическихъ наблюденій. Отсюда черезъ жгучія долины рѣкъ Папагайо и Мескалы, въ которыхъ термометръ показызывалъ въ тѣни 32° Реом., и гдѣ черезъ рѣки перекинуты мосты, сооруженные изъ плодовъ тыквеннаго американскаго дерева *(Crescentia Pinata)*, перевязенныхъ канатами изъ агавы (алоэса), путешественники наши постепенно поднимались къ городу Мексико, черезъ нагорныя плоскости Чильпанцинго и Таско, въ страну болѣе кроткаго и прохладнаго климата, въ страну дубовъ, кипарисовъ, сосенъ, древообразныхъ папоротниковъ и европейскихъ плодоносныхъ растеній. Изъ Таско, осмотрѣвъ его серебряные горные заводы, древ-

нѣйшіе въ Мексикѣ и считавшіеся нѣкогда обильнѣйшими, Гумбольдтъ и Бонпланъ поднялись еще выше, черезъ Кверневаку и сквозь туманы Хучилаквы и достигли наконецъ до города Мексико, который можно сравнивать съ прекраснѣйшими городами Европы. Первые дни своего пребыванія въ Мексико путешественники посвятили на осмотръ его замѣчательныхъ зданій и публичныхъ заведеній, на знакомство съ отличнѣйшими людьми этой большой столицы. Отсюда путешественники наши дѣлали разныя прогулки и небольшія путешествія въ окрестныя мѣста, замѣчательныя своими естественными произведеніями и богатствами или памятниками ацтекской, или древне-мексиканской старины: здѣсь Гумбольдтъ, пользуясь богатыми учеными и оффиціальными источниками и вспомоществуемый пособіями и совѣтами знаменитыхъ своими трудами и знаніемъ мексиканцевъ, написалъ, сперва по-испански, очеркъ Новой Испаніи. Впослѣдствіи, развернувъ и расширивъ это описаніе, Гумбольдтъ издалъ въ 1808 «Политическій опытъ о Новой Испаніи» *(Essai sur la Nouvelle Espagne)*, считающійся классическимъ твореніемъ. Съ тѣхъ поръ политическіе смуты и перевороты измѣнили совершенно мексиканское общество; но физическія условія его богатства, промышленности и торговли, заключенныя въ климатѣ, свойствѣ и фигурѣ почвы, въ металлическихъ ея сокровищахъ, — всѣ эти условія, мастерски и основательно изложенныя въ твореніи Гумбольдта, остались неизмѣнными. Мексиканское правительство торжественно объявило (въ 1824 году), что книга Гумбольдта, вѣрно и полно изображая естественныя средства мексиканской земли, способствовала къ оживленію промышленной дѣятельности народа. Кромѣ этого «Опытъ о Новой Испаніи» вошелъ въ науку; изучающіе Америку или пишущіе о ней необходимо обращаются къ нему; всѣ описанія Мексики изъ него заимствуются, и многія страницы знаменитой географіи Малтебрюна взяты изъ него цѣликомъ, хотя авторъ географіи не упоминаетъ объ этомъ.

Представимъ здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ любопытную землю, столь отчетливо описанную Гумбольдтомъ, и гдѣ наши путешественники совершили свои послѣднія странствованія по тропической Америкѣ.— Королевство Новая Испанія, или Мексика, было значительнѣйшимъ изъ всѣхъ испанскихъ владѣній, столько же по выгодному положенію своему у двухъ морей между Европой и Азіей, и по богатству своихъ произведеній, сколько и по цивилизаціи своей, далеко превосходившей цивилизацію всѣхъ другихъ колоній. Первые испанскіе завоеватели, вступивъ въ мексиканскую провинцію Юкатанъ, были удивлены образованностью ея жителей; ея обработанныя поля напо-

мнили имъ Кастилію, и неизвѣстную землю назвали они Новой Испаніей. Мексика занимаетъ узкую земную полосу между Атлантическимъ океаномъ и Тихимъ моремъ и находится на самой посѣщаемой морской дорогѣ новаго и стараго свѣта. Отъ южныхъ предѣловъ Мексики до Колумбіи, между 18° и 5° сѣверной широты, идетъ тотъ, усѣянный волканами, перешеекъ, въ которомъ пытаются теперь провести каналъ для соединенія двухъ морей. Пять пунктовъ изучаютъ на немъ: Тегуантепекъ въ Мексикѣ, Никарагуу и Панаму въ центральной Америкѣ, Даріенскій заливъ или Купику, и каналъ Распадуры въ Колумбіи. Исполненіе этого великаго предпріятія повлечетъ за собой важныя измѣненія во всемірной торговлѣ, какъ и во всемірной политикѣ. Гумбольдтъ сдѣлалъ — *Relation historique du Voyage aux régions équinoxiales* (томъ IX) и въ *Essai sur la Nouvelle Espagne* (томъ I) подробный разборъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ показаній объ этомъ еще не вполнѣ изслѣдованномъ предметѣ.

Бóльшая половина Новой Испаніи находится въ умѣренномъ поясѣ, мéньшая въ жаркомъ; между прочимъ ³/₅ пространства, лежащаго въ жаркомъ поясѣ, по возвышенности своей, имѣетъ умѣренный, почти холодный климатъ. Здѣсь не отдѣльныя горныя цѣпи подымаются изъ равнинъ, но вся почва, широкими террасами возвышается на значительную высоту. Въ Европѣ высочайшія равнины подымаются отъ 400 до 800 метровъ надъ моремъ, въ Мексикѣ же обширныя пространства земли идутъ въ непрерывномъ протяженіи на высотѣ 1700 и 2700 метровъ надъ океаномъ, па высотѣ равной высотѣ Сен-Готарда, Мон-Сени и Большого Сан-Бернара. Анды южной Америки состоятъ изъ огромныхъ хребтовъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, между которыми сообщенія весьма затруднительны; въ сѣверной Америкѣ, напротивъ, нагорная плоскость идетъ непрерывно отъ 18 до 40° сѣверной широты и имѣетъ внутри столь легкія сообщенія, что можно безъ всякихъ затрудненій пройти 500 лигъ къ сѣверу, отъ города Мексико до Санта-Фе въ Новой Мексикѣ. Не такъ удобны сообщенія по отклонамъ мексиканскихъ горъ, на востокъ и на западъ; отклонъ ихъ къ европейской сторонѣ, къ Вера-Крузу, обрывистый и крутой; къ азіятской сторонѣ, сторонѣ Южнаго моря и Акапулко, онъ идетъ глубокими, изорванными долинами.

Различная высота почвы, подъ тѣмъ же градусомъ широты, производитъ различные климаты и различную растительность. Болѣе глубокія земли Мексики, находящіяся у приморскихъ береговъ, подымающіяся не выше 300 метровъ надъ моремъ, имѣютъ отъ 25° до 26° средней температуры (по стоград. терм.); такимъ образомъ онѣ

8 или 9 градусами жарче Неаполя; ихъ называютъ *Tierras calientas;* на нихъ разводится индиго, сахарный тростникъ, бананы и хлопчатая бумага; тутъ же господствуетъ и желчная лихорадка, или черная рвота, опасная европейцу, несвыкшемуся еще съ жаркимъ климатомъ. На восточномъ берегу Мексики жаръ умѣряется въ продолженіи нѣкоторой части года холодными вѣтрами, приносимыми изъ Гудзонскаго залива. — На высотѣ же отъ 1200 до 1500 метровъ въ Мексикѣ царствуетъ постоянная весна съ средней температурой отъ 20° до 21°. Здѣсь находятся извѣстные своимъ здоровымъ климатомъ и обиліемъ плодовыхъ деревъ города Халапа, Таско и Чильпанциниго. Земли эти называются *tierras templadas*. — Третья терраса, или третье возвышеніе мексиканской почвы — *tierras frias* — подымается до 2200 метровъ и имѣетъ среднюю температуру 17°, равную римской. Здѣсь успѣваетъ оливковое дерево, маисъ и всѣ европейскіе зерновые хлѣба; на этой высотѣ находится нагорная плоскость города Мексико. Надъ этими землями находится еще четвертый поясъ, возвышающійся до 2500 метровъ надъ моремъ и имѣющій среднюю температуру отъ 11° до 13°, равную температурѣ Франціи и Ломбардіи. Растительность на этихъ тропическихъ плоскостяхъ менѣе сильная, европейскіе плоды поспѣваютъ хуже, нежели въ равнинахъ, расположенныхъ въ сѣверныхъ широтахъ и имѣющихъ меньшую среднюю температуру. Причина этому — заключаетъ Гумбольдтъ — находится въ томъ, что климатъ высокихъ нагорныхъ тропическихъ плоскостей, при всей равномѣрности своей, не имѣетъ сильнаго, хотя и краткаго лѣтняго зноя; созрѣваніе же плодовъ зависитъ не столько отъ средней годовой температуры, сколько отъ распредѣленія тепла по различнымъ временамъ года. — Выше 3330 метровъ пшеница болѣе не растетъ въ Мексикѣ, одинъ ячмень достигаетъ на эту высоту; на 4000 метровъ вышины поспѣваетъ еще картофель. Еще выше, до 4600 метровъ, находятся луга, пасутся ламы, быки и овцы; на большей высотѣ ростутъ одни мхи, и наконецъ на высотѣ 4900 метровъ исчезаетъ всякая растительность.

Городъ Мексико находится почти на одинаковомъ разстояніи отъ Атлантическаго океана и отъ Тихаго моря; по первому можно черезъ пять недѣль пріѣхать въ Испанію, а по второму черезъ шесть недѣль на Филиппинскіе острова; но сообщеніе самой столицы съ ближайшими отъ нея берегами Мексиканскаго залива и Южнаго моря не весьма удобное и легкое. Она лежитъ въ овальной долинѣ Мексико, или Теночтитлана, обставленной какъ порфирной стѣной Кордильерами Анагуака; на южной сторонѣ долины, на которой выше подымаются горы, находятся и высокіе волканы Попокатепетлъ и Истасихуатлъ.

Въ долинѣ Мексико находится рядъ озеръ, сбирающихъ въ себя воды окружной горной стѣны и идущихъ уступами, понижаясь, до центральнаго озера Тезкуко, у котораго расположена столица; изъ долины не вытекаетъ ни одной рѣки, исключая ручья Теквисквіака, соединяющагося съ Ріо де-Тула. Городъ ацтековъ лежалъ на островѣ озера и былъ соединенъ съ берегами тремя большими плотинами. Фердинандъ Кортесъ, разрушивъ его, построилъ новую столицу на томъ же мѣстѣ, на которомъ была старая. Истребленіе лѣсовъ, новые каналы уменьшили воду въ озерѣ Тезкуко, отдалили ее отъ береговъ, и теперь Мексико стоитъ не на островѣ, но на озерномъ берегу. Какъ ни понижается вода въ озерѣ, но дно въ немъ подымается постепенно наносымъ иломъ, и воды долины, выступая изъ своихъ береговъ, грозятъ Мексико опасными наводненіями. Нѣсколько разъ пытались перенести столицу на болѣе высокое мѣсто, неподверженное наводненіямъ; это предпріятіе было останавливаемо огромными издержками, необходимыми для его исполненія. Новыя плотины, отводные каналы, похитившіе много денегъ и трудовъ, истощившіе индѣйское народонаселеніе и раззорившіе его, не успѣли еще предохранить столицу отъ новыхъ наводненій. Почва, на которой стоитъ городъ Мексико, совершенно ровная; улицы его правильныя и широкія; архитектура строеній обличаетъ чистый стиль: между ними много прекрасныхъ зданій. На постройку употреблялись два рода камней, находимыхъ въ самой долинѣ, — скважистый миндальный камень и полевошпатный порфиръ. Кровли домовъ выведены плоскія; чистыя, хорошо освѣщенныя улицы вымощены широкими плитами. Гумбольдтъ причисляетъ Мексико къ прекраснѣйшимъ городамъ на землѣ.

Память Кортеса, его спутниковъ и наслѣдниковъ истребила въ Мексико всѣ другія воспоминанія. Въ городѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ древнихъ памятниковъ немного: кое-какія развалины древне-мексиканскихъ, или ацтекскихъ плотинъ и водопроводовъ, камень для жертвоприношеній, украшенный рельефными изображеніями торжества одного мексиканскаго короля, наконецъ ацтекскія рукописи съ гіероглифическими рисунками. Въ самой долинѣ Мексико находятся остатки двухъ пирамидъ, бывшихъ посвященными солнцу и лунѣ и имѣющихъ теперь одна до 150 футовъ, другая до 140 футовъ вышины; вокругъ ихъ правильными рядами стоятъ другія, меньшія пирамиды. Какъ у перуанцевъ Манко Копакъ, а у муискасовъ старецъ Бочика, такъ у ацтековъ Куетцалкоатлъ, доброе божество, пришелъ съ востока, въ бѣлой одеждѣ и съ длинною бородой, устроить порядокъ и богослуженіе. Съ востока же пришли страшные за-

воеватели, истребившие имперію ацтековъ. — Во время пребыванія Гумбольдта въ Мексикѣ народонаселеніе столицы состояло изъ 137,000 жителей; въ томъ числѣ было только 2,800 европейцевъ, 65,000 креоловъ (европейцевъ, родившихся въ Америкѣ), 33,000 красныхъ туземныхъ индѣйцевъ, 26,800 местицевъ (происходящихъ отъ бѣлыхъ и индѣйцевъ) и 10,000 мулатовъ (происходящихъ отъ бѣлыхъ и негровъ). Народонаселеніе древняго города ацтековъ должно было превосходить тогдашнее народонаселеніе въ три или четыре раза.

При Гумбольдтѣ еще мексиканское правительство имѣло въ виду отважное предпріятіе: провести каналъ съ высотъ, на которыхъ стоитъ Мексико, къ Темпико, гавани Мексиканскаго залива, имѣющей климатъ гораздо здоровѣе климата Вера-Круза. Трудности подобнаго предпріятія едва ли могли быть преодолѣны, несмотря на то, что тамъ, въ такихъ случаяхъ, не щадили ни жизни, ни достоянія жителей: здѣсь слѣдовало устроить каналъ, по которому подымались бы суда отъ морскихъ береговъ до высоты 2276 метровъ, на которой находится озеро Тезкуко. Кромѣ гаваней Вера-Крузы и Темпико у Мексиканскаго залива находится еще гавань Матаморосъ; черезъ эти гавани, какъ и черезъ гавани Тихаго океана Акапулки и Мозатлана, изливались металлическія богатства Мексики на цѣлый свѣтъ. Эти богатства еще далеко не изсякли. Англо-американцы уже захватили въ свои руки Калифорнію и Сонору; мексиканскія провинціи, богатыя золотоносными песками, вошли въ сердце Мексики и смотрятъ на ея серебряныя руды, какъ на свою неминуемую добычу. Еще въ новѣйшее время вывозилось ежегодно изъ Мексики серебра, въ слиткахъ и монетой, на 24 милліона рублей серебромъ; изъ этого числа въ одну Англію вывозилось на 17 милліоновъ рублей серебр., на полтора милліона въ Китай и гавани Южной Америки, остальные же пять съ половиной милліоновъ рубл. сереб. въ Соединенные Штаты сѣв. Америки, во Францію, Германію, Испанію и другія европейскія земли. Съ возстановленіемъ порядка и благихъ государственныхъ учрежденій эта металлическая производительность можетъ значительно усилиться.

Наши путешественники, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ пребыванія въ Мексико, предприняли разныя поѣздки въ вице-королевство Новой Испаніи. Сперва они отправились осмотрѣть значительные горные заводы Мораны и Реаль-дель-Монте и весь этотъ горный округъ, весьма любопытный въ геогностическомъ отношеніи. По возвращеніи своемъ въ Мексико, они опять предприняли въ іюнѣ 1803 года новое путешествіе въ сѣверную часть вице-королевства; сперва

они обратились къ Хуэхуэтокѣ, гдѣ, съ большими усиліями, издержками и гибелью людей, пробито было отверстіе въ горѣ Синокѣ, для проведенія водъ долины Мексико въ рѣку Пануко. Черезъ города Кверетаро и Саламанку и плодоносную долину Ирапуато прибыли наши путешественники въ Гванахуато, городъ, имѣющій 50 тысячъ жителей, расположенный въ узкой котловидной долинѣ и извѣстный своими богатыми серебряными рудами. Гумбольдтъ и Бонпланъ, проведя здѣсь два мѣсяца въ геологическихъ и ботаническихъ изысканіяхъ, сперва изслѣдовали находящіеся близь Гванахуато минеральные горячіе источники Чичимиквилласа, потомъ черезъ долину Сан-Яго отправились въ Вальядолидъ, главный городъ древняго королевства Мичоакана. Отсюда, несмотря на непрерывные осенніе дожди, они спустились черезъ Пацкуаро къ берегамъ Южнаго моря и наконецъ (19 сентября) въ равнину Хорулло, гдѣ въ 1759 году, ночью 29 сентября, поднялся изъ земли волканъ въ 1500 футовъ вышины, въ три раза превосходящій вышину Монте-Ново, гору, поднявшуюся близь Неаполя въ 1538 году.

Волканъ Хорулло принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ физическимъ явленіямъ, случившимся на земномъ шарѣ въ историческія времена. Описаніе этого волкана, сдѣланное Гумбольдтомъ, и теорія, которою онъ объяснялъ его появленіе, подали поводъ къ различнымъ ученымъ преніямъ. — Въ равнинѣ, надъ которой возвысился волканъ Хорулло, поднялась вмѣстѣ съ нимъ опустошенная лавами возвышенная плоскость, называемая мальпаисъ и покрытая небольшими конусами отъ шести до десяти футовъ вышиной; самую равнину окружаютъ базальтовыя горы. Съ самого открытія Америки до половины прошлаго вѣка эта равнина не испытала никакого измѣненія, и въ послѣднее время мѣсто теперешняго волкана занимали плантаціи индиго и сахарнаго тростника. Въ іюнѣ 1759 года послышался въ равнинѣ глухой подземный шумъ; вслѣдъ за нимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ повторялся, къ ужасу жителей, страшный ревъ, сопровождаемый частыми землетрясеніями. Съ начала сентября все, казалось, опять затихло, какъ вдругъ въ ночь съ 28 на 29 сентября снова раздался страшный подземный шумъ. Испуганные индѣйцы спаслись бѣгствомъ на окрестныя возвышенія. Изъ равнины поднялось, въ видѣ пузыря, пространство земли, въ четыре квадратныя лиги, называемое *мальпаисъ*. «Еще теперь - говоритъ Гумбольдтъ — по изломаннымъ пластамъ можно распознать предѣлы этого поднятія. Мальпаисъ по краямъ своимъ имѣетъ только 12 метровъ возвышенія надъ прежнимъ уровнемъ равнины, называемой *las playas de Jorullo*. Выпуклость же поднятой почвы постепенно подымается къ центру

до 160 метровъ вышины». Свидѣтели этого необычайнаго событія увѣряли, «что на пространствѣ болѣе нежели половины квадратной лиги выходило изъ земли пламя, что горящіе камни были выбрасываемы на значительную высоту, и что сквозь густое облако золы, освѣщенное волканическимъ огнемъ, размягченная земная кора, казалось, вздувалась подобно волнующемуся морю». Внезапно на поднявшейся почвѣ появилась тысяча небольшихъ кеглей, называемыхъ тамъ *hornitos*, горнилами, или печами; по серединѣ этихъ кеглей, изъ разсѣлины, простиравшейся отъ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-западъ, поднялось шесть большихъ холмовъ, возвышавшихся отъ четырехъсотъ до пятисотъ метровъ надъ прежнимъ уровнемъ равнины. Возвышеннѣйшій изъ этихъ холмовъ есть волканъ Хорулло. Онъ постоянно горѣлъ; первоначально онъ извергъ къ сѣверной сторонѣ огромное количество базальтическихъ и огаринныхъ лавъ, заключавшихъ въ себѣ обломки первичныхъ камней. Эти большія изверженія центральнаго волкана продолжались до 1760 года; въ слѣдующіе за тѣмъ годы они постепенно становились рѣже. Въ настоящее время изъ волкана выходятъ одни пары, и слышится въ самомъ жерлѣ болѣе или менѣе сильный громъ, происходящій вѣроятно отъ паденія стѣнъ этого жерла. Индѣйцы, оставившіе свои деревни, находившіяся вокругъ равнины Хорулло, понемногу свыклись съ новымъ страшнымъ зрѣлищемъ и нѣсколько мѣсяцовъ послѣ появленія волкана возвратились въ свои хижины; съ окрестныхъ горъ жители могли обозрѣвать пламенныя изверженія, исходящія изъ множества большихъ и малыхъ волканическихъ жерлъ. Въ то время зола отъ волкана покрывала кровли домовъ въ городѣ Кверетаро, отстоящемъ отъ Хорулло слишкомъ на 48 лигъ разстоянія въ прямой линіи. — Гумбольдтъ и Бонпланъ спускались въ жерло горящаго волкана Хорулло на 250 футовъ глубины; они проходили къ нему по ломкимъ лавамъ и черезъ опасныя разсѣлины, изливавшія сѣрные пары, и достигли почти до дна жерла; здѣсь они анализировали воздухъ, пресыщенный углекислотой, и нашли его имѣющимъ 47 градуса тепла, а мѣстами 50° и 60°. Индѣйцы увѣряли ихъ, что жаръ здѣсь былъ сперва еще значительнѣе; это постепенное охлажденіе волкана въ глазахъ индѣйцевъ подтверждаетъ ихъ повѣрье о происхожденіи волкана: они разсказываютъ, что капуцины, пришедшіе въ эту сторону проповѣдовать, были недовольны пріемомъ, полученнымъ ими отъ жителей, прокляли за это равнину и предрекли, что огнь подземный сперва поглотитъ ее, а потомъ воздухъ охладѣетъ и горы покроются вѣчнымъ снѣгомъ. Часть проклятія уже сбылась для суевѣрныхъ индѣйцевъ; въ потухающемъ огнѣ они видятъ уже исполненіе и остальнаго предвѣщанія.

Волканъ Хорулло далъ поводъ Гумбольдту сдѣлать весьма остроумное замѣчаніе, оставившее плодотворные слѣды въ геологіи. Онъ нашелъ, что высочайшія вершины Кордильеровъ Анагуака, подымающіяся надъ линіей вѣчнаго снѣга, Оризабо, два волкана Ла Пуеблы (Попокатепетлъ и Истасихуатлъ), Невада де-Толука, Танситаро и волканъ Колима находятся между 18° 59′ и 19° 12′ сѣверн. шир. и занимаютъ узкую возвышенную полосу, идущую по направленію отъ востока на западъ. Они не подымаются такимъ образомъ по направленію главнаго хребта Кордильеры, простирающагося отъ юго-востока на сѣверо-западъ, но перпендикулярно пересѣкаютъ его. Это заставляетъ предполагать внутри земной коры длинную разсѣлину, идущую отъ востока на западъ на 137 лигъ, отъ Мексиканскаго залива до Южнаго моря. На этой разсѣлинѣ поднялся рядъ мексиканскихъ волкановъ, въ различныя времена пробивавшихъ порфирную кору Анагуака; по направленію этой линіи волканическій огонь поднялъ и Хорулло. Остроумныя соображенія, сдѣланныя Гумбольдтомъ при разсматриваніи строенія этихъ горъ и волкановъ, внесли въ науку новыя данныя, изъ которыхъ впослѣдствіи Эли-де-Бомонъ соорудилъ свою теорію поднятія горныхъ кряжей. Описаніе же появленія волкана Хорулло, какимъ образомъ онъ поднялся на почвѣ раздувшейся на подобіе пузыря, точно такъ, какъ разсказывали Страбонъ и Павзаній о Меѳонскомъ холмѣ, появившемся на Трезенскомъ полуостровѣ, — это описаніе ввело Гумбольдта въ ученый споръ съ Д'Обюиссономъ и потомъ съ Карломъ Лейелемъ. То, что Гумбольдтъ считалъ поднявшейся почвой, Лейель приписывалъ скопленію лавъ, излившихся изъ многихъ отверстій. Новѣйшій путешественникъ Шлейденъ оспориваетъ также предположеніе Гумбольдта о поднятіи почвы Хорулло упругими газами и видитъ въ немъ мощное скопленіе изъ одного отверстія излившейся лавы; но онъ, кажется, разсматриваетъ мальпаисъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, нежели принимали это мѣсто Гумбольдтъ и Лейель. Только новыя, точныя измѣренія мальпаиса могутъ рѣшить теперь этотъ спорный пунктъ.

Послѣ своей экспедиціи къ Хорулло путешественники наши опять возвратились въ Мексико, черезъ интендантство Вальядолидъ, одну изъ пріятнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ странъ Америки. Въ Мексико они провели еще нѣсколько мѣсяцовъ, приводя въ порядокъ свои богатыя ботаническія и геогностическія коллекціи и расчисляя свои тригонометрическія и барометрическія измѣренія. Здѣсь Гумбольдтъ опредѣлилъ, помощью инструментовъ, занятыхъ имъ въ мексиканской горной школѣ, астрономическое положеніе города Мексико, прежде ошибочно показываемое на два градуса. Въ Мексико

же Гумбольдтъ окончилъ свой геогностическій атласъ; онъ сдѣлалъ очеркъ его по-испански, для мексиканской горной школы.

Въ январѣ 1804 года путешественники оставили столицу Новой Испаніи. Они направили свой путь къ восточнымъ отклонамъ Кордильеровъ Мексико, осмотрѣли ихъ и измѣрили оба волкана Пуеблы, Попокатепетлъ и Истасихуатлъ. О недоступномъ жерлѣ Попокатепетля разсказываетъ преданіе, будто въ него спустился по веревкамъ Діего Ордасъ, чтобы достать изъ глубины жерла сѣру, находимую между прочимъ въ самой равнинѣ. Этотъ же волканъ Гумбольдтъ нашелъ выше пика Оризавы, считавшагося высочайшей вершиной Анагуака. Гумбольдтъ измѣрилъ и замѣчательную пирамиду Чолулы, таинственное зданіе древнихъ толтековъ, предшествовавшихъ ацтекамъ въ Анагуакѣ и имѣвшихъ, судя по всѣмъ оставшимся памятникамъ и преданіямъ, весьма высокую образованность. Пирамида Чолулы выстроена изъ нежженыхъ кирпичей, сушеныхъ вѣроятно на солнцѣ; съ высоты ея великолѣпный видъ на окрестныя, снѣжныя вершины и на цвѣтущія равнины Тласкалы. Черезъ Пероте путешественники достигли до города Халапы, находящагося на высотѣ 674 туазовъ надъ моремъ и имѣющаго кроткій и пріятный климатъ. Гумбольдтъ троекратно измѣрилъ и снялъ барометрически дикую дорогу черезъ Пероте, проходившую дремучими лѣсами сосенъ и дубовъ; его работы служили потомъ основаніемъ для проложенія тамъ новой искуственной дороги. Путешественники измѣрили тригонометрически пикъ Оризавы и подвимались на гору страннаго вида, находящуюся близь Пероте и называемую Кофре де-Пероте; она 162 туазами выше Тенерифскаго пика; видъ съ нея обширный: съ одной стороны на равнины Пуеблы и восточный отклонъ Кордильеровъ Мексики, покрытый густымъ лѣсомъ, съ другой стороны — на гавань Вера Круза и на ея крѣпость Сан-Хуанъ-Уллоа, долго считавшуюся неприступной и взятую въ послѣднихъ годахъ французами и принцемъ Жуанвильскимъ, а недавно и англо-американцами.

Послѣ занимательнаго пребыванія на восточныхъ уступахъ Кордильеровъ, Гумбольдтъ и Бонпланъ наконецъ спустились къ гавани Вера-Круза, средоточію европейской и западно-индѣйской торговли, въ безплодную и безводную равнину ея, окруженную песчаными холмами. Отсюда, счастливо минуя желчную лихорадку, наши путешественники отправились въ Гавану, гдѣ въ 1800 году они оставили часть своихъ ученыхъ собраній. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Гаванѣ они поплыли въ Соединенные Штаты сѣверной Америки. Въ Багамскомъ проливѣ, буря, продолжавшаяся семь дней, грозила погибелью ихъ кораблю; послѣ 34 дневнаго плаванія они прибыли

наконецъ въ Филадельфію. Здѣсь и въ Вашингтонѣ, проведя два мѣсяца, Гумбольдтъ и Бонпланъ могли изучать государственныя учрежденія, торговыя сношенія, общественный бытъ англо-американцевъ, предметы, столь различные отъ тѣхъ, которые они изучали въ своихъ далекихъ странствованіяхъ, и представлявшіе своею противоположностью тѣмъ большую привлекательность. Здѣсь, на новой почвѣ, идеи естествоиспытателя получили болѣе обширный объемъ, оплодотворялись новымъ содержаніемъ, и Гумбольдтъ, обозрѣвая исторію народовъ, заселявшихъ Америку, вникая въ ихъ будущую судьбу, пришелъ къ заключенію, вѣрность котораго подтверждается современными событіями. «Хотя успѣхи — говоритъ онъ — которые дѣлаетъ сильный сѣверо-американскій союзъ, подвигаясь съ востока на западъ, значительно замедляются на правомъ берегу Миссисипи, однакожъ онъ все-таки будетъ подвигаться, не останавливаясь, къ *внутреннимъ провинціямъ* Мексики: здѣсь онъ найдетъ европейскій народъ другого племени, другихъ нравовъ, другой религіи. Слабое народонаселеніе этихъ провинцій, принадлежащее особенной только-что раждающейся федераціи, будетъ ли въ состояніи окрѣпнуть и сопротивляться внѣшнему вторженію, или его обниметъ потокъ, стремящійся съ востока, и сольетъ съ англо-американскимъ государствомъ, какъ слились съ нимъ жители Нижней Лузіаны? Весьма близкая будущность рѣшитъ эту проблему....»

Эта проблема разрѣшается теперь передъ нашими глазами. Быстро распространились испанскіе завоеватели по тропической и южной Америкѣ; ихъ увлекалъ рыцарскій духъ, религіозный фанатизмъ, жажда золота, славы и блаженства въ вѣчной жизни; кровавымъ путемъ прошли они по Америкѣ, усѣявъ его развалинами, истребленной ими прежней цивилизаціи, и далеко распространивъ знаменіе креста и духъ европейской предпріимчивости. Не такъ подвигались съ сѣверо-востока англо-американцы; въ суровый климатъ, на дѣвственную почву пришли они изъ старой Европы утвердить свои алтари, свой домашній кровъ, свою общественную жизнь; медленно, настойчиво, съ топоромъ, плугомъ и ружьемъ въ рукахъ подвигались они въ нетронутые лѣса Америки, очищали ихъ, воздѣлывали почву, вытѣсняли изъ нихъ независимыя индѣйскія племена, постепенно укрѣпляли, распространяли свой союзъ и перешли наконецъ черезъ горы Аллегани, а потомъ и за Миссисипи. Когда въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ было еще три милліона жителей, въ Мексикѣ ихъ было пять милліоновъ. Теперь въ Мексикѣ семь милліоновъ жителей; въ Соединенныхъ же Штатахъ 24 милліона; въ Мексикѣ только $^{1}/_{8}$ часть народонаселенія испанской породы, осталь-

ныя же части состоятъ изъ смѣшаннаго народонаселенія мулатовъ и месцитовъ и индѣйцевъ, такъ-что тамъ на одного бѣлаго приходится восемь цвѣтныхъ людей; въ Соединенныхъ же Штатахъ восемь бѣлыхъ приходится на одного цвѣтного. Въ Соединенные Штаты ежегодно переселяется изъ Европы до 200,000 человѣкъ; колонизація Мексики остановилась.... Со всѣхъ сторонъ ее тѣснитъ теперь ея мощный сосѣдъ; только онъ можетъ вывести ее изъ ея безконечныхъ и безплодныхъ переворотовъ, избавить отъ ненадежной и плохой администраціи, отъ набѣговъ дикихъ индѣйцевъ, отъ всѣхъ золъ, приведшихъ на край гибели молодую мексиканскую федерацію. Техасъ уже отдѣлился отъ нея; верхняя и нижняя Калифорнія и Новая Мексика, быть можетъ и провинція Сонора, останутся въ рукахъ англо-американцевъ; врагъ находится уже въ стѣнахъ ея столицы; но гордые, хотя и обнищавшіе потомки героевъ Кастиліи не хотятъ смириться передъ побѣдоносымъ врагомъ, медлятъ заключать съ нимъ миръ.... Такова современная исторія народовъ сѣверной Америки, которыхъ различныя судьбы, со всею проницательностью своего ума, разсматривалъ Гумбольдтъ въ своемъ всеобъемлющемъ путешествіи по Америкѣ.

Послѣ пятилѣтняго отсутствія, Гумбольдтъ и Бонпланъ возвратились въ Европу въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года. Они вышли на берегъ во Франціи, въ Бордо.

РАСТЕНІЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА ШЛЕЙДЕНА (*).

ПРЕДИСЛОВІЕ и ВВЕДЕНІЕ.

Чтенія, предлагаемыя теперь публикѣ, составились постепенно въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ изъ бесѣдъ моихъ о ботаникѣ въ кружку людей съ душою и образованіемъ, но свободныхъ отъ школьной пыли. Они вовсе не были предназначаемы къ изданію въ свѣтъ, и если являются теперь въ печати, то потому только, что я внялъ желанію друзей; поэтому нахожу необходимымъ съ своей стороны прибавить нѣсколько словъ, чтобъ отвратить неправильный судъ о нихъ и недоразумѣнія.

Чтенія мои, сообразно съ поводомъ къ ихъ составленію, никакъ не имѣютъ въ виду изложить положительное содержаніе науки внести въ нее что-нибудь новое или разрѣшить ея проблемы. Статься можетъ даже, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какой-нибудь побочный предметъ представленъ въ нихъ не совсѣмъ вѣрно, хоть я и старал-

(*) Редакція надѣется доставить удовольствіе читателямъ Современника, помѣстивъ переводъ вышедшихъ въ нынѣшнемъ году популярныхъ чтеній Шлейдена, профессора ботаники въ Іенскомъ университетѣ. Живое, увлекательное изложеніе, умѣнье возбудить интересъ къ предмету, счастливый выборъ статей ставятъ предлагаемыя чтенія на ряду съ лучшими популярными сочиненіями. — Профессоръ Шлейденъ, горячій поборникъ новаго направленія въ ботаникѣ, — направленія, не ограничивающагося одними классификаціями и системами, но ищущаго разъяснить *жизнь* растенія, условія его развитія и существованія, остался и въ своихъ популярныхъ чтеніяхъ вѣренъ ему. Редакція сочла нужнымъ помѣстить и предисловіе автора; въ немъ авторъ излагаетъ планъ своего сочиненія, и изъ него читатели вполнѣ познакомятся съ направленіемъ автора и его взглядомъ на науку.

Примѣчаніе редакціи.

ся избѣгать подобныхъ недостатковъ; но это нисколько не повредитъ той цѣли, которую я имѣлъ въ виду при составленіи этихъ небольшихъ статей. Удовлетворить нѣкоторому самолюбію моего званія — вотъ собственно что̀ было главнымъ моимъ желаніемъ. Бо́льшая часть свѣтскихъ людей, даже не исключая и весьма образованныхъ, издавна привыкли смотрѣть на ботаника какъ на человѣка, котораго все занятіе состоитъ въ вознѣ съ варварски-латинскими именами, который только собираетъ цвѣты, даетъ имъ названія, сушитъ и завертываетъ ихъ въ бумагу, и это съ большимъ тщаніемъ собранное сѣно потомъ опредѣляетъ и раздѣляетъ на классы, и въ этомъ будто бы состоитъ вся его мудрость. Къ сожалѣнію было время, когда такое представленіе о ботаникѣ было справедливо; но мнѣ больно было видѣть, что и теперь, когда наибо́льшая часть ботаниковъ уже не подходятъ подъ него, оно все еще сохраняется очень многими. и потому я рѣшился въ предлежащихъ чтеніяхъ сдѣлать важнѣйшія проблемы ботаники, какъ науки въ истинномъ смыслѣ, доступными для большинства публики, — доказать тѣснѣйшую связь ея со всѣми отраслями философіи и естествовѣдѣнія, и показать, какимъ образомъ почти каждый фактъ или значительная группа фактовъ и въ ботаникѣ, какъ въ каждой отрасли умственной человѣческой дѣятельности вообще, могутъ возбудить самые серьёзные и важные вопросы и повести человѣка отъ того, что̀ непосредственно познается чувствами, въ міръ идей.

Если мнѣ удастся возбудить въ читателѣ болѣе достойный взглядъ на эти очерки изъ ботаники и на самого ботаника, если онъ составитъ себѣ болѣе правильное понятіе объ объемѣ и задачѣ нашей науки, то я буду вполнѣ доволенъ. Если же мои чтенія возбудятъ въ обширнѣйшемъ кругу интересъ къ ботаникѣ, если они въ комъ-нибудь пробудятъ желаніе проникнуть глубже въ эту столь близкую къ намъ и столь глубокую науку, то успѣхъ превзойдетъ мои желанія.

Еще нѣсколько словъ о характерѣ изложенія этихъ чтеній. По своимъ убѣжденіямъ, я воздерживался отъ всякой галиматьи шеллинговской натуральной философіи, отъ всякихъ фантастически-философскихъ бредней, будучи твердо убѣжденъ, что наука вовсе не нуждается въ этихъ погремушкахъ, чтобъ быть интересною и увлекательною даже для профана. Гумбольдтъ своими взглядами на природу, Дове своимъ мастерскимъ чтеніемъ о климатѣ Берлина доказали, что наука можетъ возбудить любовь, можетъ быть привлекательна и увлекательна и безъ румянъ той сознательной или безсознательной лжи, которая замѣнила бы мысль вымысломъ, знаніе — фантазіей, истину — мечтой. Впрочемъ я старался сообщить моимъ чтеніямъ по крайней мѣрѣ столько красоты, сколько позволило мнѣ мое

недостаточное эстетическое развитіе. Что я не надѣюсь въ этомъ случаѣ стать на-равнѣ съ упомянутыми артистами языка, объ этомъ нечего и упоминать. Но думаю, что если бы ученые почаще пытались вводить науку въ изящной одеждѣ въ общество, то это скорѣе всякой основательной полемики отрѣзало бы къ ней дорогу той невыносимой, таинственной, мнимо-глубокой и пустой галиматьѣ, о которой я сказалъ выше. У нѣмца довольно здраваго смысла, довольно очищенъ вкусъ, чтобъ не задумавшись предпочесть пустой соломѣ растеніе чистое и полное зеренъ, если то и другое представятся въ равно удобной для ѣды формѣ.

Что касается до содержанія каждаго чтенія, то хотя каждое изъ нихъ, сообразно съ ихъ постепеннымъ возниканіемъ, и образуетъ самостоятельное, полное цѣлое, однакожь всѣ они проникнуты одною внутреннею связью. Позвольте показать эту общую связь въ каждомъ изъ нихъ и сдѣлать ее такимъ образомъ ощутительнѣе.

Міръ растеній, если только мы захотимъ видѣть въ немъ нѣчто другое, нежели матеріялъ для гербарія, представляетъ человѣку столько точекъ соприкосновенія, что предавшійся изученію его скорѣе подавляется тѣснящимися интересными вопросами, нежели можетъ пожаловаться на недостатокъ въ матеріялѣ. Всѣ изслѣдованія по этому предмету можно подвести подъ четыре точки зрѣнія: во-первыхъ, можно разсматривать растеніе само по себѣ, безъ отношеній его къ другимъ предметамъ; во-вторыхъ, взаимныя отношенія растеній между собою; въ-третьихъ, отношенія растеній, какъ организмовъ, къ организму цѣлой земли, и въ-четвертыхъ, отношеніе человѣка къ царству растительному.

Но такъ-какъ растеніе представляетъ всѣ эти четыре отношенія въ каждый моментъ времени, то чрезвычайно трудно и почти невозможно сохранить эти точки зрѣнія во всей ихъ чистотѣ, во всей ихъ отдѣльности, и если мы захотимъ приступить къ какому-нибудь изъ этихъ отношеній и подвергнуть его точнѣйшему изслѣдованію, то невольно принуждены будемъ болѣе или менѣе обращать вниманіе и на другія и принимать ихъ въ кругъ нашихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, если мы выведемъ изъ нихъ въ соотвѣтствующемъ порядкѣ слѣдующія науки: теоретическую, или чистую ботанику, систематику растеній, ботаническую географію и прикладную ботанику, то ни одна изъ нихъ не можетъ быть обработываема исключительно съ своей главной точки зрѣнія, если только не хочетъ отказаться отъ правъ на наукообразность и основательность. Но еще труднѣе вполнѣ выдержать каждое изъ этихъ раздѣленій тамъ, гдѣ требуется не сухая научность, но живое изображеніе важнѣйшихъ пунктовъ. А потому предлежащія статьи только съ величайшимъ затрудненіемъ

могутъ приспособлятся къ означеннымъ четыремъ главнымъ отношеніямъ, и болѣе свободная обработка ихъ вынуждается то богатствомъ самого предмета, безпрестанно обольщающаго насъ сойти съ дороги, чтобъ сорвать то тамъ, то самъ яркоцвѣтистый или упоительно-ароматическій цвѣтокъ, то — самимъ обществомъ, которое сопровождаетъ насъ въ прогулкахъ по области науки и очень часто принуждаетъ насъ оставлять прямую, но пыльную и утомительную столбовую дорогу и вступить на тропинку, то змѣящуюся по лугу, то уходящую въ тѣнистую чащу лѣса. Взглянемъ на нашъ путь.

Растеніе не есть, подобно кристаллу или чистой жидкости, совершенно однородное тѣло, для изученія котораго достаточно было бы изслѣдовать то вещество, изъ котораго оно состоитъ, и его форму; напротивъ, оно состоитъ изъ многихъ маленькихъ, даже очень искусно устроенныхъ *клѣточекъ*, содержащихъ въ себѣ разнообразныя вещества. Самое основательное и подробное изслѣдованіе этого внутренняго устройства его должно предшествовать всѣмъ прочимъ разсмотрѣніямъ (II чтеніе). Но маленькія тѣла, сейчасъ названныя мною *клѣточками*, по бо́льшей части такъ малы, что невооруженный глазъ недостаточенъ для ихъ изслѣдованія. Для ботаника такъ необходимъ микроскопъ, что безъ него онъ не можетъ сдѣлать ни одного вѣрнаго шагу въ наукѣ. Многіе притомъ ложно предубѣждены, что для микроскопическихъ изслѣдованій достаточно имѣть глаза и микроскопъ, — и дѣло кончено. Но, не говоря уже о томъ, что употребленіе микроскопа есть трудное искусство, которому надо поучиться, само зрѣніе невооруженнымъ глазомъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ имѣетъ свои трудности, и потому прежде всего я считаю необходимымъ показать по-крайней-мѣрѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать употребленіе глаза и микроскопа (I чтеніе).

Если мы сдѣлаемъ шагъ дальше, то прежде всего представляется вопросъ: чтожь соединяетъ въ одинъ организмъ всѣ тѣ маленькіе организмы, которые я назвалъ клѣточками? а это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію различныхъ формъ, образующихся чрезъ разнообразное группированіе клѣточекъ. Морфологія, или наука о формахъ растеній (IV чтеніе), требуетъ отъ насъ поэтому также вниманія. Но здѣсь мы замѣчаемъ, что простыя растенія попадаются намъ очень рѣдко, что наибо́льшая часть изъ нихъ состоитъ, напротивъ того, подобно полипу и другимъ животно-растеніямъ (кораллямъ), изъ многочисленныхъ сросшихся между собою особей (индивидуумовъ), которыя суть нечто иное, какъ продукты способности растенія размножаться, и потому, прежде чѣмъ приступимъ къ морфологіи, кажется, будетъ сообразно съ цѣлію изложить сначала размноженіе ра-

стеній (III чтеніе). Итакъ, мы разсмотрѣли внутреннее и внѣшнее устройство растенія; видѣли, какъ неутомимо-дѣятельная творческая сила безпрестанно вызываетъ къ бытію неистощимое богатство растеній и заботится о томъ, чтобы въ пестромъ богатомъ коврѣ, которымъ она покрыла бѣдную, нагую землю, нигдѣ не открывались обнаженныя мѣста. Но растеніе для своего развитія, для образованія своихъ органовъ, для воспроизведенія и рожденія многочисленныхъ потомковъ, нуждается въ матеріялѣ. Оно должно родиться, поддерживать свое существованіе, размножаться, и это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію питанія растеній. Здѣсь-то въ особенности мы должны наконецъ разсмотрѣть отношеніе растеній къ землѣ, которая ихъ носитъ, и къ человѣку, который ихъ истребляетъ. Цѣлый міръ животныхъ, и особенно человѣкъ, обнаруживаютъ свое притязаніе на царство растительное; оно должно доставлять питательныя вещества для безчисленнаго множества нуждающихся; его назначеніе въ ряду земныхъ существъ таково, что вещество, выработываемое имъ для своего развитія, есть вмѣстѣ питательное или полезное и для другихъ организмовъ. Но питаніе растеній мы можемъ разсматривать съ двухъ сторонъ, — скажемъ объ этомъ кратко. Если мы сожигаемъ растеніе, то только одна его часть истребляется огнемъ; эту сгараемую часть мы называемъ органическимъ веществомъ растенія; оно преимущественно имѣетъ право на наше вниманіе (VI чтеніе), потому-что составляетъ главныя питательныя вещества всего царства животныхъ. Но другая, бо̀льшая или мѐньшая, часть растенія всегда остается въ видѣ золы; эту часть мы называемъ веществомъ неорганическимъ, и оно также должно быть разсмотрѣно нами (VII чтеніе), тѣмъ болѣе, что эта зола, какъ ни покажется это невѣроятнымъ съ перваго взгляду, играетъ однакожь важную роль въ питаніи животныхъ и человѣка. Въ томъ и другомъ разсмотрѣніи мы невольно припоминаемъ, что человѣкъ, тамъ, гдѣ развившаяся цивилизація стѣснила его на небольшія пространства, уже не довольствуется и не можетъ довольствоваться тѣмъ, что̀ производитъ добровольно и предлагаетъ ему въ пищу сама мать земля, и напротивъ того, ищетъ уже въ земледѣліи средствъ къ удовлетворенію увеличившихся потребностей. Впрочемъ человѣкъ только вспахиваетъ поле и сѣетъ сѣмена, а зрѣлости и успѣшной жатвы съ вѣрою ждетъ свыше. Въ самомъ дѣлѣ, растительность находится въ теснѣйшей зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ грѣетъ ее солнце, падаетъ ли дождь, или господствуетъ засуха, вѣетъ ли тихій юго-западный вѣтеръ, или свирѣпствуетъ буря, —однимъ словомъ, отъ тѣхъ многосложныхъ явленій, совокупность которыхъ мы означаемъ словами *климатъ* и *погода*. А потому мы поступимъ справедливо, если

изслѣдованіямъ о питаніи растеній предпошлемъ разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ (V чтеніе).

Растительное царство приготовляетъ питательныя вещества, необходимыя для существованія животныхъ; въ этомъ природа положила главнѣйшую основу для существованія животнаго царства; однакожь искусство человѣка дастъ ему право и способность сдѣлать изъ растеній и содержащихся въ немъ веществъ гораздо обширнѣйшее употребленіе. Отсюда открывается передъ нами новая, почти безпредѣльная область. Нужно ли исчислять всѣ ремесла, которыя заимствуютъ свой матеріялъ изъ растительнаго царства. Стоитъ только взглянуть вокругъ себя въ своей комнатѣ, въ своемъ хозяйствѣ, чтобы тотчасъ увидѣть, сколькихъ удобствъ и удовольствій мы лишились бы, если бы царство растеній перестало платить намъ дань. Если къ тому мы заглянемъ въ многочисленные ящики и коробочки аптекъ, мы изумимся, какое громадное сокровище доставляетъ намъ и здѣсь земная растительность. Полный обзоръ его представилъ бы только сухой списокъ именъ, а подробное разсмотрѣніе потребовало бы многотомнаго сочиненія. И потому мы ограничимся здѣсь только однимъ примѣромъ, подвергнувъ для этого ближайшему разсмотрѣнію молочный сокъ растеній (VIII чтеніе).

Молочный сокъ образуется не въ одномъ или немногихъ родственныхъ между собою растеніяхъ; этимъ драгоцѣннымъ веществомъ снабжаютъ насъ по-крайней-мѣрѣ двѣ или три значительныя группы. Число различныхъ видовъ растеній такъ велико (по исчисленію нѣкоторыхъ ученыхъ, оно простирается можетъ быть до 200,000), что для обзора этой массы необходимо ученое пособіе, а именно систематическое распредѣленіе всѣхъ родовъ растеній. Къ счастью, природа подаетъ намъ помощь на половинѣ дороги. Именно, во многихъ растеніяхъ, во всемъ внѣшнемъ ихъ видѣ, въ числѣ, порядкѣ и устройствѣ отдѣльныхъ частей, въ законахъ развитія, мы съ перваго взгляду открываемъ большое сходство, и совокупность всѣхъ этихъ сходныхъ признаковъ существенно отличаетъ ихъ отъ другихъ группъ. Можетъ ли внимательный наблюдатель при взглядѣ на морковь, болиголовъ, петрушку, анисъ, кервель, во время ихъ полнаго разцвѣта, не замѣтить необыкновеннаго сходства ихъ въ цѣлой организаціи? кто не замѣтилъ бы также соотношенія между видами капусты, горчицей, хрѣномъ, рѣдькой, рѣпой и тому подобными растеніями? кто не замѣтилъ бы также, при точномъ изслѣдованіи, что большое количество растеній, отличающихся сильнымъ ароматомъ, какъ напримѣръ мелисса, мята, шалфей, майоранъ и другія, удивительно сходны и въ цѣлой организаціи? Итакъ, сама природа указываетъ намъ дорогу; преслѣдуя ее, ботаники мало-по-малу узнали и

охарактеризовали значительное число подобныхъ группъ и назвали эти группы растительными семействами. И здѣсь, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, мы не можемъ пускаться въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ семействъ; но, для примѣра, мы представимъ и точнѣйшимъ образомъ охарактеризуемъ одно семейство (IX). Я избралъ для этого семейство кактусовъ; между прочимъ, оно обращаетъ на себя наше вниманіе замѣчательнымъ распредѣленіемъ своимъ на относительно небольшомъ пространствѣ земной поверхности; а это ведетъ насъ естественно къ вопросу, какимъ образомъ вообще каждый родъ растеній распространяется въ большихъ или меньшихъ группахъ? Зависитъ ли это распредѣленіе отъ случая, или оно условлено извѣстными законами, и какими именно? И вотъ мы пойдемъ по слѣдамъ Гумбольдта и, поручивъ себя такому проводнику, вступимъ въ новую, обширную, имъ только открытую область — въ географію растеній (X). Эта наука отличается особеннымъ характеромъ; она еще молода и полна всѣхъ недостатковъ молодости, кипитъ полнотою жизни, увѣрена, что достигнетъ прекраснаго и сильнаго мужества, но еще не сложилась въ стройный организмъ и не дала себѣ яснаго отчета; она еще только собираетъ непонятое, для болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, а теперь болѣе мечтаетъ, нежели мыслитъ. Краткій очеркъ этого явленія не можетъ быть безъ интереса. Но эта юная наука ведетъ съ собою еще младшую сестру свою, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ дѣтства, но исполненную надеждъ. Послушаемъ и ея дѣтскаго лепета, и ея предзнаменательныхъ откликовъ, намекающихъ на будущую гармоническую красоту ея; она не слишкомъ-то *поучительна* для насъ, но все-таки доставитъ намъ какой-нибудь часъ удовольствія. Такъ почему жь не подарить и ей, то есть исторіи растеній, небольшого мѣстечка? (XI). И можемъ ли мы при этомъ не обратить вниманія на дѣтей вообще? развѣ дѣти не цвѣты, и цвѣты не дѣти? Въ тѣхъ и другихъ мы видимъ развитіе безсознательное, существованіе мирное, дружественное, но еще мечтательное, и потому сравненіе наше чрезвычайно близко, и поэты уже неоднократно высказывали его. Оно основано на сходствѣ настроенія духа, пробуждаемаго въ насъ при взглядѣ на цвѣты и на дѣтей. Но каждый согласится, что это сходство ограничивается только извѣстными цвѣтами. Никто не станетъ утверждать этого о бѣлой лиліи, о коричневой *стапеліи*, очаровательной ночной красавицѣ. Тѣмъ болѣе нельзя утверждать этого о *цѣломъ* растительномъ царствѣ. На чувство человѣка оно производитъ, напротивъ того, чрезвычайно различныя впечатлѣнія, по различію разнообразныхъ своихъ проявленій; но вліяніе его такъ неотразимо что даже самый грубый человѣкъ не можетъ освободиться отъ него. Какъ вся природа, такъ и раститель-

ное царство есть гіероглифъ вѣчнаго начала; въ земныхъ образахъ мы ищемъ и находимъ указанія на бытіе неземное. На этомъ началѣ можно бы было основать особую науку, ботаническую эстетику (XII), которая разсматривала бы отношеніе растеній къ человѣческому духу. Къ сожалѣнію, у насъ ея рѣшительно нѣтъ до сихъ поръ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ указаній и отрывковъ.

Кажется, я довольно показалъ связь, соединяющую содержаніе всѣхъ чтеній въ одно цѣлое; но необходимо еще прибавить нѣсколько словъ объ одеждѣ, въ которой они должны явиться передъ публикой. По одеждѣ встрѣчаютъ людей — говоритъ пословица; почемужь не могутъ такимъ же образомъ встрѣчать и чтенія? Въ самомъ дѣлѣ, это только отчасти шутка, въ другомъ же отношеніи это горькая истина. Представляемыя мною чтенія были писаны не для читающей, не для отсутствующей публики, но для публики слушающей, смотрящей на васъ, присутствующей. Для присутствующаго все можно было оживить и сдѣлать занимательнымъ, то показаніемъ живого предмета, цѣлаго растенія, то разсматриваніемъ въ микроскопъ, то представленіемъ многочисленныхъ изображеній. Можетъ быть эта-то одежда и сообщила моимъ чтеніямъ въ глазахъ благосклонныхъ друзей тотъ интересъ, который увлекъ ихъ побудить меня къ изданію этихъ статей. Этотъ интересъ, доставляемый такою бесѣдою, въ которой самъ видишь всѣ факты, и, слѣдя за изложеніемъ преподавателя, какъ-будто самъ изъ собственныхъ наблюденій выводишь положенія науки, необходимо теряется при чтеніи того же самого изложенія; вмѣстѣ съ одеждою теряется и достоинство предмета или совершенно, или отчасти, и авторъ, особенно гдѣ дѣло идетъ о такихъ формахъ, при которыхъ самое лучшее описаніе никогда не можетъ замѣнить нагляднаго знакомства съ предметомъ, — всегда находится въ опасности показаться скучнымъ читателю, когда въ слушателѣ и зрителѣ онъ легко съумѣлъ бы поддержать живой интересъ.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

ГЛАЗЪ И МИКРОСКОПЪ.

Oculas ad vitam nihil facit, ad vitam beatam nihil magis

Seneca.

Глазъ вовсе не важенъ для существованія, но онъ важнѣе всѣхъ другихъ органовъ, чтобы сдѣлать существованіе пріятнымъ.

Сенека.

Изреченіе древняго мудреца, взятое нами въ эпиграфъ къ этому чтенію, нельзя можетъ быть считать вполнѣ неопровержимымъ; по-крайней-мѣрѣ довольно общій опытъ показываетъ, что всѣ совершенно глухіе вѣчно недовольны, пасмурны, ипохондричны, а слѣпые, напротивъ того, отличаются веселыми и радостными лицами. Зрѣніе вводитъ насъ только въ міръ матеріяльный, а слухъ — въ страну намъ родную, въ міръ духовный. Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что ни одному изъ нашихъ чувствъ мы не обязаны, въ самомъ дѣлѣ, столькими элементами познаній относительно окружающей насъ природы, и ни одному изъ нихъ мы не приписываемъ, хотя и несправедливо, такого количества нашихъ свѣдѣній, какъ чувству зрѣнія. Ему въ особенности принадлежитъ начало и постепенное расширеніе всѣхъ нашихъ знаній относительно физическаго міра, такъ-что его по справедливости можно назвать чувствомъ естествоиспытателя. Безъ него едва ли можно представить себѣ естествознаніе, и потому оно, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе прочихъ точнѣйшаго разсматриванія, и это разсматриваніе тѣмъ важнѣе, что наибольшую часть общихъ законовъ, выведенныхъ изъ наблюденій надъ нимъ, мы можемъ приложить не только къ нему, но и ко всѣмъ чувствамъ вообще, сообразно съ особенностями каждаго изъ нихъ.

Пробѣгая исторію постепеннаго развитія естественныхъ наукъ, мы замѣчаемъ одно явленіе, имѣвшее величайшее вліяніе на изслѣдованія: оно всегда почти ихъ задерживало, запутывало и возмущало взоръ, обращенный на простую и чистую законность. Размышляя о самомъ себѣ, человѣкъ чувствуетъ себя гражданиномъ двухъ міровъ. Его окружаетъ не только міръ матеріяльный, но и міръ духовный, въ которомъ онъ ищетъ безсмертія, и надъ которымъ представляетъ себѣ Бога, какъ благого Правителя. Таинственнымъ, неразгаданнымъ для человѣка образомъ, въ нашей натурѣ соединены душа и тѣло, духовное и матеріяльное. Гдѣ граница перваго и начало второго? Бóльшая часть людей и даже многіе великіе философы отвѣчаютъ: «мы не знаемъ этого; тутъ нѣтъ никакихъ границъ, одно переходитъ въ другое, матеріяльное и духовное совершенно проникаютъ другъ друга. Ложная дорога здѣсь лежитъ такъ близко къ изслѣдователю, что избѣжать ее чрезвычайно трудно; самые проницательные умы увлекались ею, и все-таки оно водетъ къ заблужденію, ибо духъ и тѣло представляются намъ такъ необходимо раздѣленными, что нѣтъ никакого перехода отъ одного къ другому. Здѣсь не мѣсто развивать это отношеніе со всѣхъ его сторонъ и разбирать его основательно и во всемъ его объемѣ, но точнѣйшее изслѣдованіе того, чтó называется зрѣніемъ, подастъ намъ поводъ по-крайней-мѣрѣ въ одномъ примѣрѣ указать огромное разстояніе, раздѣляющее матерію отъ духа, и пояснить, какимъ образомъ отрицаніе этой раздѣльности, даже въ наблюденіяхъ надъ глазомъ, вводило въ заблужденіе величайшихъ естествоиспытателей.

Какому міру принадлежитъ глазъ, какова область зрѣнія? чтó такое міръ свѣта и цвѣтовъ?

Свѣтъ, разсматриваемый въ себѣ самомъ, не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта: онъ ни свѣтлый, ни жолтый, ни голубой, ни красный; онъ есть волнообразное движеніе очень тонкой повсюду разлитой матеріи — эѳира; волны свѣта распространяются въ эѳирѣ прямолинейно, подобно волнамъ звука въ воздухѣ. Въ прямолинейномъ стремленіи своемъ онѣ встрѣчаютъ тѣла, и если тѣла эти непрозрачны, то онѣ отражаются ими, подобно волнамъ, ударяющимся о берега; если же встрѣчаемыя тѣла прозрачны, то волны проходятъ сквозь нихъ, подобно морскимъ волнамъ, вторгающимся въ каналъ, устье котораго примыкаетъ къ морю. Въ пламени свѣчи углеродъ и водородъ соединяются съ кислородомъ: соединяющіяся частицы этихъ элементовъ вибрируютъ и тѣмъ приводятъ эѳиръ въ волнообразное движеніе, и оттого пламя свѣчи свѣтитъ; свѣча сгорѣла – и вмѣстѣ съ этимъ *исчезнувшимъ тѣломъ* гаснетъ и свѣтъ Безпредѣльное море эѳира, наполняющее всю вселенную, ты-

сячи волнъ его, стремящихся другъ за другомъ въ различныхъ направленіяхъ, то пересѣкая, то уничтожая, то усиливая другъ друга: такова тѣлесная натура свѣта и цвѣтовъ. Кто же можетъ сказать, что онъ видѣлъ этотъ свѣтъ и эти цвѣта? Это такъ невозможно для насъ, что нужна была проницательность величайшихъ умовъ, чтобы раскрыть намъ эту собственную натуру свѣта.

Сквозь густой кровъ изъ виноградныхъ лозъ прорывается въ отрадную тѣнь дрожащій солнечный лучь; вы думаете, передъ вами лучь свѣта? нѣтъ! это только рядъ пылинокъ, движущихся въ воздухѣ отъ самаго легкаго дуновенія, но никакъ не волны эѳира, непрерывно стремящіяся другъ за другомъ съ быстротою сорока тысячъ миль въ секунду. Если бы физикъ могъ отрѣшиться отъ своего человѣческаго духа и обозрѣть вселенную только окомъ науки, то онъ ничего не увидѣлъ бы, кромѣ пустынной, безцвѣтной и темной массы, огромнаго первобытнаго зданія, въ которомъ тысячи матерій и движущихъ силъ соединены для вѣчно измѣняющейся игры.

Но взглянемъ теперь на другую, болѣе прекрасную сторону нашего предмета. Ночь прошла, живительный лучь утренняго солнца сверкаетъ надъ отдаленными вершинами. Цвѣтъ луговъ, согрѣваемыхъ небеснымъ свѣтомъ, становится ярче. Здѣсь цвѣтокъ раскрываетъ свой разноцвѣтный вѣнчикъ, при появленіи отраднаго элемента; тамъ пробужденная птица разсѣкаетъ своими пестрыми крыльями голубыя воздушныя волны; пестрая бабочка, отливая радужными цвѣтами, нѣжно трепещетъ надъ милою розой, и изумрудно-блестящій жукъ заботливо ползетъ по сѣроватому мху, чтобъ утолить жажду сверкающей росой. Цѣлый, полный, прекрасный міръ свѣта и блеска, цвѣтовъ и образовъ открылся передъ нами; каждое движенье полно жизни, красоты и чудной свободы. «Я все это вижу — говоритъ человѣкъ и въ восторгѣ благодаритъ виновника благъ. Но что̀ значитъ это «вижу»? видѣть не значитъ воспринимать извнѣ что-нибудь дѣйствительно существующее. Это очаровательная фантасмагорія, которую духъ создаетъ самъ себѣ, въ свободномъ творчествѣ, и однакожь какимъ-то чуднымъ образомъ управляясь и связываясь въ этомъ творчествѣ тѣмъ, что дѣйствительно находится внѣ его, не сознавая впрочемъ этой дѣйствительности.

Когда путешественникъ по морю достигаетъ низшихъ широтъ, то на отдаленномъ горизонтѣ темноголубого неба, въ неожиданномъ великолѣпіи передъ нимъ, выступаетъ величественный образъ южнаго креста. «Слава и благодарность всемогущему Творцу!» — восклицаетъ онъ и почти невольно преклоняетъ колѣни. Да, эта благодарность принадлежитъ святому источнику всѣхъ существъ, но не за то, что онъ создалъ міръ такъ прекраснымъ (ибо міръ самъ по себѣ ни пре-

красенъ, ни безобразенъ), но за то, что онъ, какъ говоритъ древнее преданіе, вдохнулъ человѣку свой духъ и такимъ образомъ сообщилъ ему даръ чувствовать все, что прикасается къ нему живымъ, свободнымъ, прекраснымъ.

Какъ эти два очерка, такъ отстоятъ другъ отъ друга міръ матеріяльный и міръ духовный. Если свѣжая зелень весны наполняетъ насъ радостными надеждами, если желтые падающіе листья пробуждаютъ въ насъ тоску какъ прощальный привѣтъ, то эти листья зелены и желты *для насъ*, и въ этихъ цвѣтахъ мы видимъ символъ нравственныхъ отношеній; а сами по себѣ, относительно дерева, на которомъ они выросли, — земли, на которую падаютъ; однимъ словомъ, въ матеріяльной природѣ эти листья не имѣютъ цвѣта, а только заключаютъ въ себѣ какое-то вещество, отражавшее извѣстныя волны свѣта, которыя потомъ достигли нашего глаза; осенью они теряютъ нѣсколько атомовъ кислорода, и тѣже самыя волны свѣта проходятъ теперь насквозь, между тѣмъ какъ волны другого свойства отражаются.

Остановимся еще нѣсколько мгновеній на этомъ примѣрѣ. Если мы возьмемъ на языкъ свѣжій зеленый листокъ, и отвѣдаемъ его впослѣдствіи, когда онъ поблекнетъ осенью, то тотчасъ почувствуемъ разницу въ ихъ свойствѣ, но никакъ не получимъ чрезъ это представленія о цвѣтѣ. Будемъ мять возлѣ нашего уха свѣжій листокъ, и потомъ засохшій, то различіе звука тотчасъ покажетъ намъ, что листъ потерялъ свою воду, но ничто не покажетъ намъ при этомъ, что свѣжій листъ отражаетъ свѣтъ иначе, нежели сухой. Однимъ словомъ, мы видимъ, что каждое изъ нашихъ чувствъ воспринимаетъ только совершенно опредѣленныя извѣстныя вліянія, и что каждое чувство, будучи возбуждено, вызываетъ въ нашей душѣ совершенно особенныя свои представленія. Такимъ образомъ, органы нашихъ чувствъ служатъ посредниками между внѣшнимъ бездушнымъ міромъ, открывающимся и доступнымъ для насъ только посредствомъ науки, и между прекраснымъ міромъ, къ которому принадлежитъ нашъ духъ. Они-то принимаютъ первоначальныя впечатлѣнія, передаютъ ихъ нашему духу, который, по этимъ дошедшимъ до него возбужденіямъ, создаетъ себѣ картину вселенной въ различныхъ цвѣтахъ и образахъ. И если мы станемъ теперь доискиваться сущности этихъ органовъ, то увидимъ, что она не заключается ни въ костяхъ, которыхъ устройство отличается такою твердостію и вмѣстѣ съ тѣмъ такою подвижностію, ни въ сильномъ мускулѣ, который сжимаясь приводитъ эту костяную машину въ движеніе, ни въ сердцѣ съ его системою многочисленныхъ трубокъ (жилъ), этомъ художественномъ насосѣ, который проводитъ питательную жидкость—

кровь во всѣ части нашего тѣла, ни въ тѣхъ вмѣстилищахъ и каналахъ (системы пищеваренія), которые принимаютъ питательное вещество, подвергаютъ его разнообразнымъ химическимъ измѣненіямъ и потомъ одно примѣшиваютъ къ крови, а другое отдѣляютъ какъ негодное, ни въ многосложныхъ волокнахъ и кожѣ, которыя связываютъ между собою всѣ части, покрываютъ цѣлый организмъ и округляютъ его въ прекрасный человѣческій образъ. Ни одна изъ этихъ частей не достигаетъ духовной области. Но сквозь всѣ эти формаціи проходятъ милліоны тончайшихъ ниточекъ — нервныя волокна, которыя, съ одной стороны, проникаютъ всѣ эти части, а съ другой — сосредоточиваются въ головѣ и здѣсь образуютъ собою одно полушаріе — мозгъ. Эти-то нити, соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ, принимая впечатлѣнія отъ его движеній и измѣненій, передаютъ эти впечатлѣнія мозгу. Мозгъ есть то таинственное мѣсто, въ которомъ духовное и матеріяльное соприкасаются между собою. Каждое измѣненіе въ мозгу сопровождается измѣненіемъ въ игрѣ нашихъ представленій; каждой мысли, направленной на внѣшній міръ, соотвѣтствуетъ извѣстное измѣненіе въ мозгу; это измѣненіе передается нервными волокнами, какъ послами, тѣмъ органамъ, которые должны быть приведены въ движеніе силою воли.

Итакъ, сущность каждаго тѣлеснаго чувственнаго органа заключается собственно въ нервахъ; они составляютъ для насъ посредствующее звѣно между матеріяльнымъ міромъ и духовнымъ; мы должны изслѣдовать законы ихъ дѣятельности, если хотимъ понять нашу связь съ матеріяльнымъ міромъ.

Здѣсь мы должны обратить вниманіе въ особенности на два пункта, которые представляются довольно оригинальными. Удивителенъ господинъ относительно своихъ слугъ: онъ, т. е., духъ все сообщенное ему его слугами, нервами, переводитъ на свой языкъ, и при томъ для каждаго изъ слугъ у него есть языкъ особенный. Что бы ни производило впечатлѣніе на волокна зрительнаго нерва, будетъ ли то потрясеніе отъ волны свѣта, или давленіе отъ пальца, или отъ біеній переполненной кровью жилы, или ударъ отъ электрической искры, — всѣ эти различныя впечатлѣнія, доносимыя зрительнымъ нервомъ, духъ переводитъ на языкъ свѣта и цвѣтовъ. Если кровь, приливая къ одному мѣсту, прижимаетъ нервы, то въ пальцахъ мы ощущаемъ отъ этого боль, въ ушахъ слышимъ шумъ, въ глазахъ видимъ сверкающую молнію. Это явленіе рѣшительно доказываетъ, что наши представленія суть свободныя созданія нашего духа, что мы понимаемъ внѣшній міръ не такъ, какъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, и что его дѣйствія на насъ подаютъ только поводъ къ особенной духовной дѣятельности, которой продукты бо̀льшею частію, но не всегда, нахо-

дятся въ извѣстной законообразной связи съ внѣшнимъ міромъ. Прижавъ глазъ, мы видимъ предъ собою свѣтящійся кругъ, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ предъ нами нѣтъ свѣтящагося тѣла. Легко видѣть, какой богатый и опасный источникъ всякаго рода заблужденій проистекаетъ отсюда. Отъ обманчивыхъ образовъ туманнаго ландшафта, освѣщеннаго луной, до видѣній духовидца, грозящихъ помѣшательствомъ, мы имѣемъ рядъ иллюзій, которыя принадлежатъ не природѣ, не ея строгой законности, но свободной и потому подверженной ошибкамъ дѣятельности нашего духа. Нужна большая осмотрительность и многостороннее образованіе, чтобы духъ могъ освободиться, стать выше обыкновенныхъ заблужденій. Зрѣніе, въ обширномъ смыслѣ слова, представляется намъ такимъ легкимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно трудное искусство. Только мало-по-малу мы узнаемъ, какимъ изъ извѣстій, посылаемыхъ нервами, мы можемъ довѣрять, и по какимъ изъ нихъ должны составлять представленія. Даже ученые люди могутъ въ этомъ отношеніи ошибаться, дѣйствительно ошибаются, и тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе поняли, гдѣ должно искать источниковъ ихъ заблуждепій.

Другое, еще болѣе удивительное, нежели сейчасъ развитое нами, отношеніе духа къ нервамъ состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ посольства отъ нихъ и каждому отдаетъ различныя приказанія, нисколько не сознавая ихъ существованія. Только впослѣдствіи времени, съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки, человѣкъ узналъ о существованіи нервовъ и ихъ отправленіяхъ (функціяхъ). Онъ смотритъ, но ничего не знаетъ о своихъ зрительныхъ нервахъ; ему причиняетъ боль обожжонная рука, но онъ не знаетъ *страдающихъ* волоконъ; онъ быстро и ловко управляетъ своимъ языкомъ, но ничего не знаетъ о пути, которому слѣдуютъ нервы, опредѣляющіе эти движенія. Однимъ словомъ, мы никогда не сознаемъ состоянія нерва и непосредственно за его раздраженіемъ создаемъ себѣ представленіе внѣшняго предмета, и только съ помощію науки мы уразумѣваемъ, что причина раздраженія нерва заключается въ этомъ предметѣ.

Но если отношеніе господина къ его слугамъ - будемъ еще держаться взятаго нами сравненія — чрезвычайно оригинально, то и слуги представляютъ въ себѣ не менѣе оригинальности. Ни одинъ изъ нихъ ничего не знаетъ о другомъ, ни о его бытіи, ни о его дѣятельности, и ни одинъ изъ нихъ ничего не сообщаетъ другому. Кромѣ того — и это еще важнѣе — ни одинъ изъ нихъ, то есть ни одно нервное волокно, не можетъ исполнить въ одинъ и тотъ же моментъ болѣе одного простого порученія, и въ этомъ отношеніи они совершенно сходны съ ограниченными слугами. Дайте имъ два порученія разомъ, они непремѣнно смѣшаютъ одно съ другимъ, составятъ одно, смѣшанное.

Это яснѣе всего можно увидѣть, если мы остріями раскрытаго циркуля коснемся къ такимъ частямъ тѣла, въ которыхъ нервныя волокна лежатъ далеко другъ отъ друга, напримѣръ къ верхней части руки или къ средней линіи хребта. Хотя эти острія и отстоятъ другъ отъ друга на одинъ дюймъ, производятъ уколъ въ двухъ мѣстахъ, однакожь мы почувствуемъ только одинъ уколъ, потому-что нервы находятся здѣсь на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, что оба укола падаютъ въ область дѣйствія одного волокна, а оно можетъ принять въ одинъ и тотъ же моментъ времени только одно впечатлѣніе.

Послѣ этихъ объясненій объ особенномъ свойствѣ нервной дѣятельности вообще, мы можемъ снова приблизиться къ нашей задачѣ, подвергнувъ особенному разсмотрѣнію зрительный нервъ. Входя въ глазное яблоко, онъ представляетъ довольно толстый пучокъ многочисленныхъ отдѣльныхъ нервныхъ волоконъ, которыя потомъ распространяются на внутренней сторонѣ глазного яблока съ задней стороны, такъ-что образуютъ полушаровую поверхность. Глазное яблоко своимъ устройствомъ совершенно сходно съ оптическимъ приборомъ, извѣстнымъ подъ именемъ камеры-обскуры; и полушаровая поверхность зрительнаго нерва, или такъ называемая сѣтчатая оболочка глаза, соотвѣтствуетъ бѣлому листу бумаги, на который падаетъ изображеніе въ камерѣ-обскурѣ. Каждое волоконце той части сѣтчатой оболочки, на которую падаетъ изображеніе предмета, усвоиваетъ изображеніе той точки, которая нарисовалась на немъ и приноситъ о ней вѣсть мозгу, гдѣ находится душа, которая изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ точекъ и составляетъ цѣлый образъ. Правильность или ложность составленія образа зависитъ отъ навыка, отъ опытности и развитія души. Здѣсь мнѣ могутъ возразить, что о такомъ составленіи образа мы не имѣемъ никакого сознанія, и что потому процессъ зрѣнія долженъ быть гораздо проще. Но нѣсколько примѣровъ легко могутъ показать, что только упражненіемъ и навыкомъ мы пріобрѣтаемъ въ этомъ дѣлѣ такую ловкость, что отдѣльные моменты дѣятельности нашего духа ускользаютъ отъ нашего сознанія. Дитя, въ которомъ нѣтъ еще такого навыка, составляетъ по этой причинѣ очень часто ложныя представленія; оно думаетъ схватить звѣзды на небѣ, точно также, какъ блестящія пуговицы на фракѣ своего отца; оно пытается задуть свѣтъ луны, какъ удавалось ему задуть свѣчу на столѣ. Подобныя явленія представляютъ намъ и слѣпорожденные, подвергнувшіеся операціи. Лѣтописи глазныхъ врачей сохраняютъ замѣчательный случай этого рода; одинъ слѣпорожденный получилъ зрѣніе уже въ поздніе годы своей жизни, когда онъ пріобрѣлъ уже достаточное образованіе и могъ давать себѣ

ясный отчетъ о явленіяхъ, совершающихся въ его душѣ; и отъ него узнали, какимъ образомъ, изъ различныхъ впечатлѣній свѣта и цвѣтовъ, онъ только постепенно, мало-по-малу привыкалъ составлять вѣрный взглядъ на предметы. Но самое рѣшительное доказательство истины утверждаемой нами мысли состоитъ въ томъ, что при обстоятельствахъ, способствующихъ заблужденію, мы составляемъ ложныя представленія, хотя бы и не подавалъ намъ къ тому повода образъ, рисующійся на сѣтчатой оболочкѣ. Луна при восхожденіи своемъ представляется намъ въ бо́льшемъ видѣ, нежели когда плыветъ надъ нами въ темно-голубомъ воздушномъ морѣ; измѣренія же убѣждаютъ насъ, что въ обоихъ случаяхъ она одинаковой величины, и что образъ ея на сѣтчатой оболочкѣ также имѣетъ одинъ и тотъ же діаметръ въ обоихъ случаяхъ. Причина же этого ложнаго представленія заключается въ томъ, что когда луна восходитъ на горизонтъ между извѣстными намъ холмами, деревьями и домами, то мы составляемъ себѣ представленіе о ея разстояніи отъ насъ по ближайшимъ къ ней предметамъ, значительная отдаленность которыхъ намъ извѣстна. А когда она находится надъ нами, въ верхней части небеснаго свода, то мы представляемъ ее ближе къ себѣ, потому-что между ею и нами нѣтъ предметовъ, по которымъ мы могли бы опредѣлять ея отдаленность. Такимъ образомъ, обманываясь въ сужденіи о разстояніи, мы составляемъ различные образы по одному и тому же изображенію на сѣтчатой оболочкѣ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ одинъ изъ нихъ ложный.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ: въ дѣйствительномъ мірѣ дѣйствуютъ другъ на друга многочисленныя вещества и силы; онѣ, приходя въ прикосновеніе съ нервными волокнами нашего тѣла, измѣняютъ ихъ состояніе, и духъ нашъ по этимъ измѣненнымъ состояніямъ создаетъ все міросозерцаніе. Этотъ созданный міръ выступаетъ передъ нами въ самыхъ живыхъ чертахъ тогда, когда впечатлѣнія касаются зрительнаго нерва; но именно здѣсь-то и можно яснѣе всего показать, что хотя представляемый нами міръ всегда находится въ соотношеніи съ внѣшнимъ міромъ, однакожь они не одно и тоже, не тождественны. Еще одинъ примѣръ можетъ пояснить это и въ тоже время послужитъ переходомъ къ послѣдующему. Самое простое отношеніе нашего духа къ внѣшнему міру, неподлежащее никакому сомнѣнію, есть представленіе о матеріи, о веществѣ, или какъ угодно назовите это, занимающей извѣстное пространство. Если теперь представляемый нами міръ сколько-нибудь долженъ соотвѣтствовать дѣйствительному міру, то прежде всего надо узнать, какъ велико пространство и какъ велика частица его, занимаемая чѣмъ-нибудь матеріяльнымъ, напримѣръ

немнемъ. Но у насъ нѣтъ масштаба для измѣренія пространства, и слѣдовательно мы не имѣемъ рѣшительно никакого понятія о величинѣ міра. Если мы говоримъ: этотъ человѣкъ въ 6 футовъ вышиною, то это только значитъ: «въ мірѣ нашихъ представленій представляемый нами человѣкъ въ 6 разъ больше представляемаго нами фута; это только сравненіе двухъ нашихъ представленій одного съ другимъ. Послѣ этого рождается вопросъ: какова величина фута, величина дюйма, линіи и т. д.? и на каждый изъ этихъ вопросовъ мы все-таки отвѣчаемъ только сравненіями этихъ представленій съ другими величинами, столь же неопредѣлимыми въ ихъ сущности. Изъ этого видно, что въ самомъ простомъ случаѣ мы не можемъ выбиться отъ нашихъ представленій къ дѣйствительному познанію внѣшняго міра; для внѣшняго міра понятіе о величинѣ не имѣетъ никакого существеннаго значенія; оно важно только для нашихъ представленій. А между тѣмъ *микроскопистъ* говоритъ объ увеличеніяхъ и думаетъ при этомъ, что онъ узналъ предметы лучше, чѣмъ они были извѣстны. Чтобъ понять это, мы должны еще немножко пофилософствовать о величинѣ, дабы сообщить болѣе твердости и опредѣленности этому шаткому понятію. Мы называемъ, напримѣръ, колоссальною ногу у статуи Шванталера, представляющей Баварію, ногу взрослаго человѣка большою, а дамскую ногу маленькою; а почему? это объяснить легко; если мы раздѣлимъ каждую изъ этихъ ногъ на 12 частей, каждую изъ этихъ частей опять на 12, и каждую изъ вновь полученныхъ частей опять на 12, то эти послѣднія части въ дамской ногѣ уже нельзя различить, въ мужской онѣ еще довольно замѣтны, а на ногѣ статуи каждую изъ этихъ двадцати линій мы можемъ еще раздѣлить на 12 частей, и каждая изъ этихъ частей еще могла бы быть довольно замѣтна. Вмѣстѣ съ этимъ объясненіемъ мы нашли и простое опредѣленіе величины: предметы кажутся намъ тѣмъ бо́льшими, чѣмъ болѣе частей мы можемъ въ нихъ различить.

Но при опредѣленіи этого понятія мы можемъ разсмотрѣть предметъ еще другимъ образомъ. Мы разстаемся съ другомъ и провожаемъ его до самого холма за городомъ; еще разъ прижимаемъ его къ груди, еще разъ долго и глубоко глядимъ ему въ лицо, чтобы крѣпче напечатлѣть въ своей памяти знакомыя и дорогія для насъ черты. Наконецъ онъ оставляетъ насъ и спѣшитъ прочь, мы долго провожаемъ его глазами. Онъ оглядывается, и мы узнаемъ еще знакомое лицо. Но онъ удаляется все дальше и дальше, и особенности образа его изглаживаются для насъ все болѣе и болѣе. Поворотъ дороги скрываетъ его отъ насъ на нѣкоторое время, но вотъ онъ снова появился на скатѣ отдаленнаго холма: это уже маленькая, черная, движущаяся точка; онъ остановился, машетъ платкомъ, но мы не мо-

жемъ уже различить даже этого движенія, а наконецъ онъ совершенно исчезаетъ изъ виду. Чѣмъ более онъ удалялся отъ насъ, тѣмъ менѣе чертъ мы могли различать въ немъ и тѣмъ меньшимъ онъ представлялся намъ, пока наконецъ представился менѣе булавочной головки, когда мы держимъ ее передъ глазами. Такимъ образомъ, замѣчая здѣсь, отчего самый извѣстный намъ предметъ, дѣлаясь все меньше и меньше, наконецъ совершенно исчезъ для насъ, мы тотчасъ находимъ средство увеличивать его, чтобы яснѣе видѣть его и более различать въ немъ отдѣльныхъ частей: для этого стоитъ только приблизить его къ нашему глазу. Опытъ въ самомъ дѣлѣ показываетъ намъ дѣйствительность этого средства, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы скоро узнаемъ, что мы можемъ приблизить предметъ къ нашему глазу только до извѣстной границы, послѣ которой приближеніе уже безполезно, потому-что не только не увеличиваетъ ясности зрѣнія, а напротивъ, дѣлаетъ ясное зрѣніе невозможнымъ. Причина этого заключается въ устройствѣ маленькой камеры-обскуры, которую мы называемъ яблокомъ. Какъ всякой подобный оптическій приборъ, онъ можетъ быть устроенъ для извѣстныхъ разстояній; для разстояній слишкомъ значительно разнящихся отъ тѣхъ, на которыхъ расчитано его устройство, онъ не годится, и если мы захотимъ смотрѣть на болѣе близкомъ разстояніи, то въ оптическомъ приборѣ должны сдѣлать соотвѣтствующее измѣненіе; а это дѣлается очень просто: стоитъ только приблизить къ глазу приготовленное извѣстнымъ образомъ прозрачное тѣло; для этого употребляется обыкновенно вышлифованое стекло. Такое стекло обыкновенно называется простымъ микроскопомъ. Дѣйствіе его состоитъ только въ томъ, что посредствомъ его мы можемъ яснѣе видѣть предметы на такомъ разстояніи, на какомъ безъ него не можемъ. Здѣсь нѣтъ необходимости входить въ подробное изложеніе оптическихъ законовъ, по которымъ происходитъ это дѣйствіе, и я замѣчу только, что опредѣлить степень увеличенія предметовъ посредствомъ этого простого микроскопа очень легко. Обыкновенно принимаютъ за среднюю мѣру, что человѣческій глазъ можетъ еще ясно видѣть предметы на разстояніи 8 дюймовъ, а ближе не можетъ. Если теперь я возьму стекло, которое позволяетъ мнѣ ясно видѣть предметъ даже на разстояніи 4 дюймовъ, то предметъ покажется мнѣ вдвое большимъ; на разстояніи 2 — вчетверо большимъ, на разстояніи $^1/_{16}$ дюйма въ 80 разъ больше, и т. д.; однимъ словомъ, увеличеніе предмета зависитъ единственно отъ степени его приближенія къ глазу. Употребленіе этихъ микроскоповъ въ наукѣ прежде было обширно и почти исключительно, потому-что сложные микроскопы тогда были очень дурны, гораздо ниже простыхъ приборовъ. Знаме-

нитый Лёвенгёкъ всѣ свои удивительныя микроскопическія наблюденія производилъ съ помощію маленькихъ стеклянныхъ шариковъ, которые онъ приготовлялъ самъ. Въ новѣйшее время простые микроскопы употребляются только для весьма слабыхъ увеличеній, а для сильнѣйшихъ употребляются исключительно сложные. Отъ послѣднихъ глаза страдаютъ сравнительно менѣе, наблюденія же съ помощію простаго микроскопа, особенно при сильныхъ увеличеніяхъ, производятъ въ глазахъ столь утомительное напряженіе, что слѣдствіемъ этого бываютъ очень часто глазныя болѣзни.

Начало, на которомъ основано устройство сложнаго микроскопа, также очень легко объяснить. Оно состоитъ въ соединеніи камеры-обскуры съ простымъ микроскопомъ. Обыкновенная камера-обскура существенно состоитъ изъ чечевицеобразно выполированныхъ стеколъ; исходящіе отъ какого-нибудь предмета лучи свѣта проходятъ сквозь нихъ и производятъ за ними изображеніе предмета; въ обыкновенныхъ камерахъ-обскурахъ, оптическихъ игрушкахъ, это изображеніе принимаютъ обыкновенно на матовое стекло или на листъ бѣлой бумаги.

Чѣмъ далѣе предметъ отъ стеколъ, тѣмъ меньше его изображеніе; напротивъ, чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ больше будетъ его изображеніе, до тѣхъ поръ, пока предметъ и его изображеніе будутъ равны. Но если еще больше приблизить предметъ къ стекламъ, то его изображеніе будетъ больше его. Мы никогда не дѣлаемъ этого (т. е., чтобы получить изображеніе болѣе предмета) при употребленіи такъ называемой камеры-обскуры, но примѣняемъ его въ волшебномъ фонарѣ, который въ сущности ничѣмъ не отличается отъ камеры-обскуры. Въ сложномъ микроскопѣ этотъ приборъ приложенъ такъ, что увеличенное изображеніе предмета мы принимаемъ не тотчасъ нашимъ глазомъ, а разсматриваемъ его въ простой микроскопъ и такимъ образомъ еще увеличиваемъ его довольно значительно. Если напримѣръ изображеніе во 100 разъ больше предмета и мы увеличимъ его еще въ 10 разъ, то предметъ долженъ показаться намъ въ 1000 разъ больше своей величины. Слѣдовательно, сложный микроскопъ состоитъ изъ двойного оптическаго прибора: во-первыхъ, изъ стеколъ, которыя обращены къ предмету, или объекту, и производятъ его изображеніе въ увеличенномъ видѣ; они называются поэтому объективными, или предметными стеклами; и во-вторыхъ, изъ простаго микроскопа, посредствомъ котораго мы еще увеличиваемъ увеличенное уже предметными стеклами изображеніе предмета, и который обращенъ къ глазу и называется поэтому глазнымъ стекломъ (окуляромъ). Вслѣдствіе сказаннаго можно бы подумать, что этимъ способомъ можно увеличить изображеніе предмета до какой угодно

степени, ибо величина его зависитъ только отъ близости предмета къ объективному стеклу и потомъ дальнѣйшее увеличеніе его усиливается только тѣмъ, чтобы мы подвигали свой глазъ все ближе и ближе къ изображенію. Но эта теоретическая возможность встрѣчаетъ на практикѣ столько трудностей, что самые лучшіе микроскопы чрезвычайно далеки отъ ея предѣловъ.

Здѣсь я намѣренъ коснуться только самаго важнаго отношенія, и для поясненія его беру очень извѣстный фактъ. Книги, имѣющія популярное назначеніе, какъ напримѣръ библія, пѣсенники, печатаются различнымъ шрифтомъ: самымъ мелкимъ, средней величины, и наконецъ, для слабыхъ зрѣніемъ, самымъ крупнымъ. Каждое слово послѣдняго шрифта можетъ бытъ въ шесть разъ больше, нежели тоже слово напечатанное мелкимъ шрифтомъ, и потому оно читается очень легко; но въ обоихъ случаяхъ мы, разумѣется, видимъ одно и тоже число буквъ. Тоже слово каллиграфъ могъ бы написать такъ мелко, что для невооруженнаго глаза оно представлялось бы только одною черною точкою. Оптическое увеличеніе могло бы разложить эту точку на отдѣльныя ея части, и такимъ образомъ сдѣлать ясными всѣ буквы и ихъ черты; но дальнѣйшее увеличеніе хотя и увеличило бы размѣръ отдѣльныхъ частей, но не сдѣлало бы замѣтными тѣхъ тончайшихъ частей, которыхъ нельзя было замѣтить и прежде. Такое же отношеніе представляетъ намъ микроскопъ. Изображеніе предмета, составляемое объективными стеклами, можетъ быть увеличено глазнымъ стекломъ (окуляромъ) такъ, что каждая частица его сдѣлается ясно-замѣтною, но только до извѣстной степени. Наконецъ является граница, далѣе которой объективныя стекла хотя и могутъ увеличить изображеніе предмета, но не могутъ сдѣлать ясными всѣхъ его частей. Оно какъ-будто состоитъ изъ извѣстнаго числа литеръ, которыя при сильномъ увеличеніи могутъ быть гораздо замѣтнѣе, но все-таки не покажутся намъ при этомъ какъ бы составленными изъ дв[illegible]. Отсюда происходитъ замѣчательное явленіе, что хорошо сдѣланный микроскопъ даже при слабомъ увеличеніи показываетъ предметы яснѣе, — то есть мы лучше отличаемъ въ предметѣ его части, — нежели приборъ дурно устроенный, хотя и сильно увеличивающій. Но какъ главное дѣло во всѣхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ состоитъ въ познаніи отдѣльныхъ частей предмета и ихъ соотношенія въ строеніи цѣлаго, то увеличеніе вообще имѣетъ цѣну только до тѣхъ поръ, пока оно соотвѣтствуетъ этому требованію, т. е. пока даетъ ясное изображеніе. Поэтому предѣлъ увеличенія, во всѣхъ доселѣ устроенныхъ микроскопахъ, простирается отъ 3—400 разъ въ поперечникѣ;
[illegible]ые сильныя увеличенія отчасти употребляются только для
[illegible] имѣютъ никакой цѣны, а отчасти, и даже большею ча-

стію, суть мнимыя; таковы напримѣръ солнечные микроскопы, увеличивающіе будто бы въ милліонъ разъ, съ которыми странствуютъ шарлатаны, и которые хуже обыкновеннаго хорошаго микроскопа, увеличивающаго въ 50 разъ.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что для ученаго изслѣдователя чрезвычайно важно имѣть возможность точно опредѣлять достоинство инструмента въ этомъ отношеніи, и нѣкоторые въ самомъ дѣлѣ употребляли все стараніе, чтобы найти для этого средства. Наконецъ изобрѣли такъ называемые пробные объекты, состоящіе вообще изъ такихъ предметовъ, въ которыхъ черты чрезвычайно тонки и для невооруженнаго глаза незамѣтны. Этими пробными объектами могутъ быть искуственные или натуральные предметы. Перваго рода пробные объекты до сихъ поръ были приготовляемы только кенигсбергскимъ механикомъ Нобертомъ; они состоятъ изо ста линій, систематически начертанныхъ алмазомъ на стеклѣ, такъ-что каждый слѣдующій десятокъ изъ этихъ линій начертанъ по опредѣленной мѣрѣ тѣснѣе и тоньше предшествующаго ему. Наибо̀льшая часть инструментовъ могутъ показывать ясно каждую линію только до шестого и седьмого десятка; лучшіе достигаютъ только до восьмого и девятаго; десятаго же не разлагаетъ до сихъ поръ ни одинъ микроскопъ. Эти системы линій, при появленіи своемъ, возбудили къ себѣ необыкновенное вниманіе; но въ нихъ тотъ существенный недостатокъ, что экземпляры ихъ несовершенно равны одинъ другому, такъ-что каждый изслѣдователь получаетъ другой масштабъ. Несравненно точнѣе человѣка дѣлаетъ природа, и потому наилучшими пробными объектами до сихъ поръ считаются чешуйки съ крыльевъ бабочекъ. По большей части они состоятъ изъ маленькихъ, продолговатыхъ пластинокъ, снабженныхъ черешкомъ; на поверхностяхъ ихъ идутъ тонкія продольныя жилки, связанныя чрезвычайно нѣжными поперечными. Но оба рода жилокъ у различныхъ бабочекъ чрезвычайно различны по тонинѣ, и поперечныя жилки очень обыкновенной коричневой бабочки *(Hipparchia Janira)* такъ нѣжны, что ихъ можно ясно видѣть до сихъ поръ только посредствомъ наилучшихъ инструментовъ Амичи, Плёсля, Обергейзера и Шикка.

Но кромѣ этихъ обыкновенныхъ чешуекъ встрѣчаются еще чешуйки разныхъ другихъ видовъ, частію имѣющія другую форму, а частію другія черты на своей поверхности, и занимаясь продолжительное время этими изслѣдованіями, изумляешься тому безпредѣльному богатству образовъ и формъ, какое природа обнаруживаетъ даже въ этихъ самыхъ незамѣтныхъ и мелкихъ частяхъ. Очень многіе, особенно въ прежнія времена, довольствовались только пріятнымъ созерцаніемъ этихъ красивыхъ пестрыхъ образовъ и едва предчувст-

вовали важность микроскопическихъ изслѣдованій для науки; это видно даже изъ заглавій многихъ сочиненій, вышедшихъ въ прошломъ столѣтіи, какъ напримѣръ: Ледермиллера микроскопическое увеселеніе духа и зрѣнія (Нюренб. 1761), Рёзеля фонъ Розенгофа забавы насѣкомыми (Нюренб. 1746—61) и мн. др. Впрочемъ и прежде были наблюдатели, понимавшіе важность новаго направленія для ученаго естествовѣдѣнія, и Швамердамъ представляетъ намъ даже замѣчательный примѣръ странной крайности: въ послѣдніе годы своей жизни онъ сжегъ большую часть результатовъ, пріобрѣтенныхъ самыми трудными изслѣдованіями, на томъ основаніи, будто бы творецъ не безъ мудрой цѣли скрылъ отъ человѣка всѣ эти тончайшія отношенія, и что слѣдовательно раскрывать сокрытое самимъ Богомъ есть нечестивая дерзость. Но принявъ это основаніе со всѣми его слѣдствіями, мы должны бы были отвергать всякое возвышеніе человѣка надъ самымъ грубымъ, почти звѣроподобнымъ дикимъ состояніемъ.

Только нашему столѣтію предоставлено было дать микроскопу надлежащія права при изученіи природы, и отрадно видѣть, какъ примѣненіе этого орудія все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ доступа и какъ посредствомъ его получаются самые интересные результаты все въ большихъ кругахъ.

Легко понять, что изученіе тончайшаго устройства животныхъ и самого человѣка должно было пролить совершенно новый свѣтъ на физіологическія явленія нашего организма, и въ самомъ дѣлѣ, со времени примѣненія микроскопа начинается совершенно новый періодъ для всѣхъ отраслей медицинскихъ наукъ. Также легко понять, что въ познаніи мельчайшихъ организмовъ царствъ животнаго и растительнаго введеніе микроскопа должно было образовать рѣшительную эпоху. — Но не такъ очевидно, какимъ образомъ микроскопическія наблюденія могли найти себѣ особенное поле въ областяхъ химіи, минералогіи и геогнозіи. И однакожь важность микроскопа и здѣсь частію уже признана отличнѣйшими изслѣдователями, а частію будетъ признана въ скоромъ времени. Особенно въ области органической химіи нельзя обойтись безъ того орудія, которое часто только одно можетъ намъ показать, имѣемъ ли мы дѣло съ простымъ веществомъ, или съ механическою смѣсью различныхъ составныхъ частей. Никогда бы не было допущено въ науку множество мнимыхъ веществъ, никогда бы силы отличнѣйшихъ изслѣдователей не были напрасно истрачены, если бы свойство этихъ веществъ напередъ было точнѣе изслѣдовано съ помощію микроскопа. Оттого-то мы слышимъ даже отъ отличнѣйшихъ изслѣдователей, каковы Берселіусъ, Либихъ и другіе, о такихъ веществахъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ природѣ. Такъ напр.

крахмалообразныя волокна, подъ которыми разумѣютъ остатокъ послѣ отдѣленія крахмалу изъ картофеля, есть нечто иное какъ смѣсь обыкновеннаго крахмалу и обыкновенной клѣтчатки, или деревянистыхъ частей; такъ поллениъ — главная составная часть цвѣточной плодотворной пыли, есть смѣсь очень многихъ совершенно извѣстныхъ веществъ. — Но такого рода примѣры безчисленны.

Но еще ощутительнѣе важность микроскопа въ минералогіи и геогнозіи. Здѣсь дѣло идетъ о совершенно новомъ, болѣе точномъ познаніи свойствъ цѣлыхъ горныхъ системъ, обширныхъ пластовъ и отдѣльныхъ минераловъ, нежели какое до сихъ поръ представляли намъ эти науки. — Прежде въ горныхъ цѣпяхъ, которыя тянутся въ западной Азіи отъ сѣвера на югъ, потомъ опоясываютъ сѣверную Германію и Францію и снова выступаютъ въ Греческомъ архипелагѣ, мы видѣли прежде только массы углекислой извести, наполненной раковинами и названной нами, по особенному ея сплоченію, мѣломъ; прежде мы считали полировальный сланецъ, крупные пески только за кремнеземъ въ мелко-раздробленномъ состояніи; въ листоватомъ лигнитѣ (буромъ углѣ) мы видѣли только смѣсь кремнозема и горной смолы, а въ бо́льшей части опаловъ и кремней также кремноземъ, только болѣе твердый, уже стеклообразный. Этихъ результатовъ достигали мы помощію невооруженнаго глаза и химическаго анализа; микроскопическія же изслѣдованія Эренберга открываютъ нашимъ глазамъ совершенно новый свѣтъ. Къ величайшему удивленію нашему, мы узнали, что значительная часть твердой коры нашей планеты своимъ происхожденіемъ обязана мельчайшимъ животнымъ, невидимымъ для простого глаза, но одареннымъ чрезвычайною быстротою размноженія, такъ-что несмѣтное число особей замѣняетъ ничтожность массы каждаго отдѣльно. — Все это легко объясняется.

Кромѣ инфузорій, которыхъ вся организація почти состоитъ изъ студенистаго вещества, есть еще другіе роды инфузорій, особенность которыхъ обнаруживается въ томъ, что они, подобно раковинамъ и улиткамъ, покрываютъ себя твердыми панцырями, самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, самыхъ красивыхъ формъ; эти панцыри состоятъ или изъ углекислой извести, или изъ кремнозема. Хотя эти животныя послѣ смерти и подвергаются гніенію, однакожь ихъ раковины, ихъ панцыри, состоя изъ веществъ минеральныхъ, остаются, и при необыкновенной быстротѣ размноженія этихъ животныхъ накопляются въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что изъ нихъ образуются цѣлые горные кряжи. — Состоящіе изъ кремнозема панцыри инфузорій какъ бы сплавляются между собою посредствомъ особеннаго, еще неизвѣстнаго намъ процесса и образуютъ такимъ образомъ твердые кремни и опалы. — Съ этими-то кремнисто-черепными животными

долженъ поближе познакомиться и ботаникъ, потому-что споръ, долго веденный даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, о томъ, къ животнымъ ли, или къ растеніямъ принадлежатъ эти маленькіе организмы, все еще нерѣшенъ. — Гораздо значительнѣе впрочемъ по своей массѣ тѣ пласты, которые произошли отъ инфузорій, имѣющихъ панцырь изъ углекислой извести. — Значительная часть приморской Россіи, Польши, Померавіи (напр. остр. Рюгенъ), Мекленбурга, Даніи, Швеціи, южной Англіи, сѣверной Ирландіи, сѣверной Франціи, Греціи, Сициліи, сѣверной Африки и можетъ быть даже Сагары, сѣверо-западной Азіи и Аравіи состоитъ изъ такой мѣловой почвы и изъ массъ мѣловыхъ горъ, вертикальная высота которыхъ часто, напримѣръ въ Англіи, простирается до тысячи футовъ. Цѣпенѣетъ мысль, когда представляешь себѣ всю эту массу органической жизни, когда вспомнишь, что одна какая-нибудь визитная карточка, покрытая мѣловымъ слоемъ, образуетъ собою зоологическій кабинетъ можетъ быть изъ 100,000 череповъ животныхъ.

Галилей, Кеплеръ, Ньютонъ, Гершель ввели насъ въ безпредѣльный міръ огромныхъ массъ, Колумбъ, Магелланъ и его послѣдователи открыли намъ цѣлую половину земного шара; Эренбергъ своими неусыпными трудами открылъ намъ чудесный міръ органической жизни, изумительно мелкой, непримѣтной для самаго острого, но невооруженнаго глаза; но неистощимая въ своей дѣятельности образовательная сила природы изъ безчисленнаго множества этихъ мелкихъ особей накопляетъ такія массы, предъ которыми даже человѣкъ является безсильнымъ веществомъ.

26 января 1843 года, недалеко отъ Дувра, многочисленная толпа людей собралась въ напряжонномъ ожиданіи увидѣть огромнѣйшій и отважнѣйшій взрывъ, какой только когда-либо былъ предпринимаемъ геніальнымъ соображеніемъ человѣческаго ума. Предуготовительныя къ нему работы, построеніе шахтъ и штоленъ требовали цѣлыхъ лѣтъ. Посредствомъ исполинской гальванической батареи было вдругъ зажжено слишкомъ 500 пудовъ пороху — количество, которое до тѣхъ поръ никогда еще не употреблялось за разъ въ подобныхъ операціяхъ. Почти безъ звука была сброшена въ море громадная скала, въ одну минуту была разорвана масса известняку въ 60 милліоновъ пудовъ, и обломки его покрыли пространство въ 5 десятинъ слоемъ въ 20 футовъ толщины. — Можно представить, какова сила была употреблена на это. И съ кѣмъ вступилъ въ эту исполинскую борьбу человѣческій духъ? Съ остатками созданій, которыхъ цѣлыя тысячи могутъ быть уничтожены давленіемъ пальца. Съ изумленіемъ спрашиваешь послѣ этого: что значитъ въ природѣ слово *малый?*

Впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что измѣрять достоинство, важность какого-нибудь предмета по его величинѣ, свойственно только грубому вѣку или очень низкой степени образованія; самый достойный предметъ, какой только мы знаемъ, не допускаетъ къ себѣ этого масштаба, ибо духъ человѣческій не можетъ быть опредѣленъ ни футами, ни дюймами, ни линіями. Физически великое производитъ впечатлѣніе только на чувственную натуру, а образованный человѣкъ сначала старается узнать предметъ вполнѣ, во всѣхъ его отношеніяхъ, и тогда только позволитъ себѣ произнести судъ о его достоинствѣ, и очень часто онъ приходитъ къ такому выводу, что готовъ считать важнѣйшимъ такой предметъ, который имѣетъ наименьшіе размѣры.

Преимущественно въ ботаникѣ это замѣчаніе примѣняется кстати. — Было время, когда она только-что начинала выходить изъ средневѣковой тьмы ничтожества, когда она существовала поэтому только въ самыхъ грубыхъ начаткахъ: это время линнеевой школы. Мы не думаемъ уменьшать заслугъ Линнея, ибо гораздо важнѣе слава основать или преобразовать науку, нежели разработать ее, когда уже положены ея основанія; мы не хотимъ, говорю, слишкомъ нападать на Линнея, если объявимъ его виновникомъ одного изъ самыхъ гибельныхъ предразсудковъ, который долго задерживалъ ботанику на самой низкой степени развитія и до сихъ поръ все еще не такъ истребленъ, чтобы его дурныя послѣдствія не препятствовали успѣхамъ науки. Я говорю объ отвращеніи Линнея къ микроскопу и о пренебреженіи его ко всѣмъ знаніямъ, какія только можно пріобрѣсть съ помощію этого орудія. Вліяніе линнеевой школы въ этомъ отношеніи было такъ гибельно, что почти все пріобрѣтенное въ концѣ XVI столѣтія отличнѣйшими учеными, каковъ напримѣръ Мальпиги, въ XVIII столѣтіи совершенно погибло для науки, такъ-что въ началѣ XIX даже отличнѣйшіе ученые еще долго не достигали той высоты, на которой находился Мальпиги. Но слѣдующія чтенія покажутъ между прочимъ и то, что нельзя и подумать объ ученой обработкѣ ботаники, безъ употребленія микроскопа почти на каждомъ шагу, что безъ него она осталась бы безплоднымъ хламомъ затверженныхъ именъ. Вотъ почему въ новѣйшее время она вся обратилась къ этому орудію, и имена Роберта Броуна, Бриссава, Мирбеля, Амичи и Моля обозначаютъ начало новой, счастливой для нея эпохи.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ РАСТЕНІЙ.

Du kannst im Grossen nichts verrichten
Und fängst es nun im Kleinen an.
Faust.

Когда мы смотримъ на ловкаго фокусника, на волшебныя дѣйствія его чарующаго искусства, то мало-по-малу онъ до того изумляетъ, озадачиваетъ и удивляетъ насъ, что мы наконецъ невольно апплодируемъ и вообще выражаемъ ему свое одобреніе. Но еслибъ намъ позволили взойти на его сцену, въ собственномъ смыслѣ заглянуть ему въ карты, о! какъ бы уменьшилось тогда наше удивленіе, когда мы увидѣли бы, сколько сложныхъ приготовленій онъ долженъ сдѣлать, сколько помощниковъ имѣть подъ рукою, — однимъ словомъ, сколько разнообразныхъ и обширныхъ средствъ долженъ употребить на такую цѣль, которая въ сравненіи съ средствами ничтожна. — И если мы посмотримъ вокругъ себя на всѣ жизненныя отношенія, то не замѣчаемъ ли, что это характеристическая черта человѣческой ограниченности, что самыя смѣлыя усилія его оканчиваются или малымъ или ничѣмъ, что употребивъ все, что только позволили ему его талантъ и благопріятныя обстоятельства, онъ долженъ наконецъ сознаться, что то, чего онъ достигъ, есть ничтожная награда за его труды.

Совершенную противоположность тому представляетъ природа. Привыкши съ самого дѣтства видѣть вокругъ себя безпрерывно обновляющееся богатство ея произведеній, мы проходимъ мимо нихъ большею частію равнодушно. Болѣе чувствительный духъ привлекается ими и съ сладостнымъ трепетомъ начинаетъ предчувствовать таинственныя силы, дѣйствующія вокругъ насъ. Какими средствами должна располагать эта великая художница! какое дивное сцѣпленіе еще неизвѣстныхъ намъ силъ должно скрываться во всемъ этомъ! такого рода мысли являются въ немъ. Наука, пытаясь разрѣшить эту загадку, приступаетъ къ своей задачѣ робко, опасаясь, что для человѣческаго разсудка можетъ быть невозможно обнять и понять все это удивительное сплетеніе и запутанность; но чѣмъ далѣе мы проникаемъ въ эту область, тѣмъ больше возрастаетъ наше удивленіе. Каждый шагъ приближаетъ насъ къ болѣе простому рѣшенію запутанной загадки, каждое сложное явленіе указываетъ намъ на простѣйшія причины и силы, и наше удивленіе превращается наконецъ

въ смиренное благоговѣніе, когда мы видимъ, какими ничтожными средствами природа достигаетъ своихъ громадныхъ цѣлей. На основаніи простого закона, что тѣла, находясь въ движеніи, взаимно притягиваютъ другъ друга, она распростерла надъ нами цѣлый сводъ звѣзднаго неба и опредѣлила неизмѣнные пути солнцу и его планетамъ. Но намъ нечего обращаться къ звѣздамъ, чтобы видѣть, какъ мало нужно природѣ для того, чтобъ она могла показать свои чудеса.

Остановимся на минутку на царствѣ растительномъ. Отъ стройной и гибкой пальмы, качающей свою красивую верхушку въ прохладныхъ воздушныхъ высотахъ надъ теплыми испареніями бразильскихъ лѣсовъ, до самаго тонкаго, едва въ одинъ дюймъ длиною, мха, котораго свѣтящаяся зелень покрываетъ внутренность нашихъ влажныхъ гротовъ, отъ великолѣпнаго цвѣтка Королева Викторія (*Victoria Regina*), котораго розовые листы дремлютъ надъ безмолвными водами гвіанскихъ озеръ, до незамѣтныхъ желтыхъ цвѣточковъ такъ называемой ряски (*Lemna*) нашихъ прудовъ, — какая дивная игра образовъ, какое богатство формъ! Отъ 6000-лѣтнихъ хлѣбныхъ деревъ на берегахъ Сенегала, сѣмена которыхъ можетъ быть уже всходили въ то время, когда человѣкъ еще не являлся не землѣ, да гриба, получившаго бытіе отъ плодотворной теплоты лѣтней ночи и котораго весь вѣкъ кончается съ наступающимъ утромъ, — какое различіе въ продолжительности жизни! Отъ твердаго дерева новоголландскаго дуба, изъ котораго дикій туземецъ вытесываетъ свою боевую булаву, до жидкой зелени нашихъ канавъ, — какое разнообразіе, какія постепенности въ ткани, плотности соединенія и въ твердости! Возможно ли найти въ этомъ многочисленномъ обиліи порядокъ, въ этой, повидимому случайной, игрѣ формъ законообразность, въ этихъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ жизни одинъ типъ, одну идею? Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣйствительно нельзя еще было предвидѣть этой возможности, ибо, какъ уже замѣчено, мы можемъ не прежде надѣяться подстеречь таинства природы, какъ обративъ свои изслѣдованія на очень простыя отношенія. Такъ и относительно растенія: до тѣхъ поръ не могли достигнуть наукообразныхъ результатовъ, пока не нашли простого элемента, лежащаго въ основаніи всѣхъ разнообразныхъ формъ, и пока не изслѣдовали и не опредѣлили его жизненной особенности. Съ помощію новѣйшихъ микроскоповъ мы наконецъ нашли исходную точку для цѣлой теоріи растеній.

Всѣ, самыя различныя между собою растенія состоятъ изъ маленькихъ пузырьковъ, извѣстныхъ у ботаниковъ подъ названіемъ клѣточекъ или растительныхъ клѣточекъ. Клѣточка представляетъ

пространство замкнутое со всѣхъ сторонъ; стѣнки ея состоятъ изъ прозрачной безцвѣтной кожицы. Изслѣдованіе клѣточекъ, ея постепеннаго возникания и развитія необходимо должно предшествовать изслѣдованію цѣлаго растенія; можно даже сказать, что оно только и составляетъ въ ботаникѣ чисто научный элементъ.

Но для этихъ изслѣдованій наши органы чувствъ недостаточны. Глазъ человѣческій невооруженный, безъ помощи микроскопа, ничего не можетъ видѣть въ этихъ удивительныхъ таинствахъ, и потому считаю необходимымъ замѣтить, что всѣ излагаемые здѣсь предметы можно видѣть только съ помощію микроскопа.

Если мы снимемъ наружную жосткую кожицу съ плода столь извѣстнаго растенія — жимолость бѣлоягодная *(Symphoricarpos racemosa)*, то увидимъ массу, состоящую изъ маленькихъ, слизистыхъ, бѣлыхъ и лоснящихся зернышекъ. Каждое изъ нихъ есть отдѣльная, вполнѣ развитая клѣточка. Если мы снимемъ болѣе жосткую наружную кожицу съ листа садовой гвоздики, то увидимъ тотчасъ подобную бархату зеленую ткань, которой легко можно нѣсколько наскоблить. Это наскобленное, будучи положено въ воду, расплывается въ ней на маленькія зеленыя точечки; и это опять клѣточки, которыя отличаются отъ предъидущихъ только тѣмъ, что въ нихъ кромѣ вязкаго желтоватаго соку находятся еще зернышки зеленаго вещества. Всѣ растительныя клѣточки въ живомъ состояніи сходны между собою въ томъ, что ихъ стѣнки состоятъ изъ двойного слоя; одинъ изъ нихъ твердъ, безцвѣтенъ; это собственно кожица клѣточки; другой — полутекучая, вязкая, желтоватая матерія, которая совершенно покрываетъ всю внутреннюю сторону стѣнокъ клѣточки. Съ этимъ полужидкимъ слоемъ тѣснѣйшимъ образомъ связана жизнь клѣточки. — Нерѣдко можно видѣть, что онъ весь или нѣкоторыя болѣе густыя полосообразныя скопленія его находятся въ постоянномъ круговращательномъ движеніи, оставаясь все-таки въ прикосновеніи съ стѣнкою клѣточки: это движеніе называется сокообращеніемъ клѣточки.— Твердый слой, составляющій стѣнки клѣточки, есть особое вещество, состоящее изъ углерода, водорода и кислорода, — его называютъ клѣтчаткой. Напротивъ того, полутекучее внутреннее вещество, которое Гуго фонъ Моль называетъ первичнымъ пластомъ *(Primordialschlauch)*, кромѣ означенныхъ элементовъ заключаетъ въ себѣ еще азотъ. Въ этомъ легко убѣдиться, смачивая клѣточку азотною кислотою: такъ-какъ азотистое вещество весьма сходно съ яичнымъ бѣлкомъ, то отъ азотной кислоты оно тотчасъ свертывается, отстаетъ отъ стѣнокъ, и его видно въ клѣточкѣ какъ смятый пустой мѣшочекъ.

Касательно происхожденія клѣточки еще не достигли точныхъ понятій; извѣстно только, что при этомъ очень важную роль играетъ особенное маленькое тѣло, существенно относящееся къ первичному пласту и извѣстное подъ названіемъ ядра *(nucleus)*.

Клѣточки при дальнѣйшемъ развитія плотно примыкаютъ одна къ другой и этимъ образуютъ цѣлую массу растенія – клѣтчатую ткань, которую впрочемъ, по различію формъ клѣточекъ, а въ особенности по различію ихъ значенія для жизни растеній, можно раздѣлить на три главныя ткани.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ трехъ тканей, мы должны нѣсколько точнѣе познакомиться съ тѣми измѣненіями, которыя испытываетъ клѣточка въ теченіи своей жизни. — На нее мы можемъ смотрѣть какъ на маленькій самостоятельный, живущій для самого себя организмъ. Изъ окружающей его среды онъ получаетъ жидкое питательное вещество, изъ котораго, посредствомъ химическихъ процессовъ, постоянно дѣйствующихъ внутри клѣточки, образуются новыя вещества; эти вещества клѣточка употребляетъ частію на питаніе и возрощеніе своихъ стѣнокъ, частію хранитъ въ себѣ для будущихъ потребностей, частію наконецъ отдѣляетъ какъ негодныя и на мѣсто ихъ принимаетъ извнѣ новый матеріалъ. — Въ этой живой игрѣ принимапія и отдѣленія веществъ, въ игрѣ химическаго образованія, преобразованія и разложенія ихъ, собственно состоитъ вся жизнь клѣточки, слѣдовательно и жизнь цѣлаго растенія; ибо растеніе есть нечто иное, какъ сумма многихъ клѣточекъ, связанныхъ между собою въ опредѣленный образъ.

Но при питаніи и выростаніи стѣнокъ клѣточки можно замѣтить два различныхъ явленія. Вслѣдствіе выростанія увеличивается и измѣняется объемъ клѣточки. Отъ этого происходитъ, что клѣточки, вмѣсто круглой первоначальной формы, мало-по-малу принимаютъ формы самыя разнообразныя. Во-первыхъ, если онѣ плотно прилегаютъ одна къ другой, то выпуклость стѣнокъ пропадаетъ, онѣ дѣлаются плоскими отъ взаимнаго давленія и являются тогда въ формѣ очень неправильныхъ пчельныхъ ячеекъ или въ разрѣзѣ представляютъ видъ многосторонныхъ петель. — Другія растягиваются въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ и образуютъ продолженія, которыя представляютъ иногда очень красивыя формы, напримѣръ въ видѣ звѣздочекъ изъ шести лучей, а иногда очень неправильныя, въ видѣ очень странныхъ фигуръ. Иныя дѣлаются плоскими, будучи сплюснуты съ обѣихъ сторонъ; другія наконецъ болѣе растягиваются въ длину и принимаютъ то форму цилиндра, то призмы, а еще чаще форму веретена или даже длинныхъ тонкихъ нитей.

При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ формъ, стѣнка клѣточки можетъ сохранить свою первоначальную толщину и всегда остается замкнутою и цѣльною. Но бóльшею частію къ этимъ измѣненіямъ присоединяется другое: стѣнка дѣлается толще. Это происходитъ такимъ образомъ, что между первичнымъ пластомъ и внѣшнимъ слоемъ клѣточной стѣнки образуется на внутренней поверхности послѣдняго новый слой. Особенность его состоитъ въ томъ, что онъ никогда не бываетъ цѣльный по всей внутренней сторонѣ клѣточки, но всегда разорванъ чрезвычайно разнообразно. Иногда онъ источенъ маленькими дырочками, иногда продолговатыми трещинами, иногда представляетъ видъ сѣтки, иногда выкроенъ въ спирально свитую ленту, иногда наконецъ представляетъ форму отдѣльныхъ колецъ. Сообразно съ формами этого новаго слоя, и самыя клѣточки называются дырчатыми, сѣтчатыми, спиральными, кольчатыми. Какъ скоро образовался этотъ слой, то за нимъ слѣдуетъ очень часто второй и третій, и часто ими наполняется вся клѣточка. Легко понять, какимъ образомъ, при такихъ измѣненіяхъ, въ связи съ только-что упомянутыми измѣненіями формъ, можетъ образоваться, изъ столь простого основанія, какъ клѣточка, почти безчисленное множество различныхъ тканей, которыя и въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ растеніяхъ. Кромѣ того случается очень часто, что стѣнка клѣточки и вновь образовавшійся слой пропитываются посторонними веществами, напримѣръ известью, кремнозёмомъ, и т. д., отчего происходятъ различныя степени мягкости и твердости, гибкости и хрупкости.

Но прежде нежели пойдемъ дальше, здѣсь надо еще объяснить одно важное свойство растеній. Если въ клѣточкѣ накопится питательнаго вещества болѣе извѣстной мѣры, то изъ него образуется въ ней множество новыхъ клѣточекъ; такимъ образомъ совершается размноженіе ихъ; первоначальная клѣточка при этомъ обыкновенно пропадаетъ, превращаясь въ растворимыя вещества, и вмѣсто ея являются 2, 4, 8 и больше молоденькихъ, отъ нея происшедшихъ клѣточекъ. Весь процессъ, который въ растеніи мы называемъ выростаніемъ, существенно и состоитъ въ этомъ постоянномъ образованіи новыхъ клѣточекъ; число ихъ бываетъ невѣроятно и, въ полномъ смыслѣ слова, неисчислимо. Въ очень быстро растущемъ исполинскомъ грибѣ (bovista gigantea), напримѣръ, по приблизительному вычисленію, въ каждую минуту образуется 20,000 новыхъ клѣточекъ.

Но какъ ни красивы подъ микроскопомъ упомянутыя формы клѣточекъ, какъ ни интересно для ботаника изслѣдовать законы образованія этого безпредѣльнаго разнообразія, однакожь для насъ пока они не имѣютъ еще никакого значенія, если мы намѣрены говорить о жизни цѣлаго растенія; и потому, пропустивъ совершенно всѣ эти

различія, мы должны здѣсь постараться разсмотрѣть совсѣмъ другія части ткани растеній, которыя частію совершенно не совпадаютъ, а частію совпадаютъ только въ самыхъ общихъ чертахъ съ опредѣленными формами клѣточекъ.

Каждое растеніе, еще находящееся въ процессѣ развитія, и каждая еще не развившаяся часть его состоятъ исключительно изъ маленькихъ, нѣжныхъ кругленькихъ клѣточекъ. Какъ ни различно можетъ впослѣдствіи измѣняться въ каждомъ растеніи эта клѣтчатая ткань, однакожь только *двѣ части* ея, своимъ позднѣйшимъ развитіемъ и своимъ значеніемъ *для* цѣлой жизни растеній, существенно отличаются отъ всей основной массы, которая и впослѣдствіи времени, уже въ развитомъ состояніи растенія, образуетъ его основную ткань. Одну изъ этихъ частей составляетъ весь внѣшній слой клѣточекъ на растеніи, который, смотря по мѣсту, находится въ соприкосновеніи съ водою, землею или съ воздухомъ, и это соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ обусловливаетъ ихъ особенное развитіе. Эти клѣточки такъ плотно примыкаютъ одна къ другой, что ихъ можно сдирать съ растенія, какъ одинъ цѣльный слой. Современемъ онъ покрывается снаружи слоемъ однороднаго вещества, которое содержитъ еще тонкій слой воску или смолы; такимъ образомъ, верхняя кожица дѣлается совершенно непроницаемою *для* жидкостей и даже теряетъ съ ними сцѣпленіе, ибо вода стекаетъ съ нея какъ съ жирнаго вещества. Только въ нѣкоторыхъ точкахъ ея остаются между клѣточками небольшіе промежутки, которые ведутъ во внутренность растенія. Въ этихъ промежуткахъ лежатъ обыкновенно двѣ клѣточки, имѣющія форму полумѣсяца; онѣ обращены одна къ другой вогнутыми сторонами, такъ-что между ними образуется щель, но промежутки закрываются ими вполнѣ. Эта щель, посредствомъ которой растеніе сообщается съ атмосферою и выдыхаетъ разнаго рода газы и водяныя испаренія, съуживается и расширается, смотря по потребности. Весь этотъ наружный слой клѣточекъ съ находящимися на немъ отверстіями и клѣточками въ видѣ полумѣсяца, называютъ *наружною кожицею* растенія.

Но въ каждой живой части растенія совершается постоянный притокъ новаго питательнаго вещества, которое принимается посредствомъ корня; часть воды, содержащейся въ немъ, испаряется посредствомъ означенныхъ отверстій. Это движеніе соковъ преобразовываетъ клѣточки, чрезъ которыя оно съ особенною быстротою проходитъ въ длинныя клѣточки. Наибольшая часть ихъ чрезвычайно толстѣетъ, нѣкоторыя изъ нихъ даже теряютъ находящуюся въ нихъ жидкость и наполняются воздухомъ: тогда ихъ называютъ сосудами (воздушными сосудами), и такимъ образомъ въ массѣ клѣтча-

той ткани образуются пучки изъ продолговатыхъ клѣточекъ и сосудовъ, называемые пучками сосудовъ, которые невооруженному глазу представляются въ видѣ жосткихъ волоконъ, проходящихъ по всей ткани растенія. Въ одномъ большомъ отдѣлѣ растеній, въ односѣмяподольныхъ, къ которымъ принадлежатъ травы, лиліи, пальмы и т. д., эти связки достигаютъ только извѣстной степени развитія и далѣе не измѣняются. Въ другихъ, напротивъ того, а именно въ двусѣмяподольныхъ, — куда относятся лѣсныя деревья, огородныя растенія и многія другія, — на внѣшней сторонѣ каждой сосудочной связки постоянно образуются новыя клѣточки, которыя также превращаются въ сосудочныя связки, и такимъ образомъ слой сосудистыхъ связокъ растенія постоянно утолщается. Вслѣдствіе того, эти связки соединяются постепенно въ одну твердую ткань и образуютъ то, что обыкновенно мы называемъ деревомъ, древесиной.

Въ какомъ же отношеніи эти три части растенія къ потребностямъ человѣка? И здѣсь мы находимъ три различія. Верхняя кожица, въ обыкновенномъ ея состояніи, почти безполезна для человѣка; только въ многолѣтнихъ растеніяхъ, особенно въ деревьяхъ, изъ нея развивается кора, которая, по своей мягкости и эластичности въ нѣкоторыхъ деревьяхъ (какъ напр. въ пробковомъ деревѣ), имѣетъ обширное употребленіе. Клѣточки сосудочныхъ связокъ, по веществу своихъ стѣнокъ, имѣютъ двоякую важность: какъ лубъ и какъ дерево. Наконецъ остальная клѣтчатая ткань имѣетъ свое значеніе для насъ только по тому веществу, которое содержится внутри ея.

Особенно важны для быта людей, какъ я сказалъ, клѣточки древесины и луба. Различные роды деревьевъ, при внимательномъ наблюденіи съ помощію микроскопа, можно различить даже въ самыхъ мелкихъ отрѣзахъ; самое важное различіе состоитъ, безъ сомнѣнія, въ различіи лиственнаго и хвойнаго лѣса; это различіе замѣтно даже въ окаменѣломъ деревѣ.

Клѣточки, составляющія лубъ, длиннѣе всѣхъ другихъ; ихъ стѣнки по большой части очень толсты, но зато очень гибки и рѣдко имѣютъ дырчатую или спиральную фигуру. Только въ шелковичномъ растеніи, въ олеандрѣ и другихъ близкихъ растеніяхъ, встрѣчается нѣжная спиральная полоска. Прочія клѣточки луба нельзя хорошо различить даже съ помощію микроскопа, какъ бы ни были разнородны растенія, отъ которыхъ онѣ взяты. Клѣточки луба, по причинѣ своей продолговатости и гибкости, и доставляютъ намъ почти исключительно матеріялъ для нашихъ тканей и веревокъ. Для этого употребляются, какъ уже замѣчено, самыя разнородныя растенія. У насъ доставляютъ этотъ матеріялъ преимущественно ленъ и пенька, на Филиппинскихъ островахъ листья разныхъ видовъ ба-

нима; въ Мексикѣ доставляютъ подобный матеріялъ листья дикаго ананаса. Въ новѣйшее время для англійскаго флота сдѣлался особенно важнымъ такъ называемый новозеландскій ленъ, который получается изъ листьевъ одного лилейнаго растенія. На вест-индскихъ островахъ особенныя матеріи приготовляются, безъ пряденія и тканья, изъ луба такъ называемаго кружевнаго дерева (*), а на Отаити изъ луба бумажнаго дерева (Broussonetia papyrifera). На веревки употребляется безконечное множество растеній; каждая страна употребляетъ для этого свои растенія. Отъ одного добраго моего знакомаго въ Берлинѣ я получилъ однажды кончикъ снурка, которымъ была связана кружка, вырытая въ Помпеѣ, и, къ удивленію моему, нашелъ, что она сдѣлана изъ луба Ластовня сирійскаго (Asclepias syriaca) или изъ растенія, близкаго ему, которое, сколько извѣстно, теперь нигдѣ не употребляется для этой цѣли.

Отъ этихъ лубовыхъ волоконъ совершенно отлична хлопчатая бумага, которая одѣваетъ сѣмена хлопчатобумажника. Она состоитъ также изъ клѣточекъ, очень длинныхъ, но съ чрезвычайно тонкими стѣнками; оттого-то, въ сухомъ состояніи, отъ спаденія стѣнокъ клѣточекъ, хлопчатобумажное волокно принимаетъ видъ тесемочки съ округленными краями, тогда-какъ волокна луба представляютъ равномѣрно-толстую цилиндрическую нить. Посредствомъ этого рѣзкаго различія мы можемъ, съ помощію микроскопа, тотчасъ узнать всякую смѣсь льна съ хлопчатой бумагою, и даже открыть, изъ какого матеріяла сдѣланы ткани, которыми обвиты египетскія муміи. Мимоходомъ здѣсь замѣтимъ, что волокна шерсти и шолку также имѣютъ очень отличительные признаки, и, въ самомъ дѣлѣ, микроскопъ есть можетъ быть единственное, вполнѣ вѣрное средство тотчасъ узнать въ какой-нибудь ткани смѣсь этихъ различныхъ нитей.

Мы видѣли, что простая клѣточка, съ различными ея формами, составляетъ основаніе всѣхъ разнообразнѣйшихъ растеній; но еще замѣчательнѣе, что эти клѣточки, образующіяся вездѣ одинакимъ образомъ, даже сохраняя иногда одну и ту же форму, имѣютъ способность производить внутри себя совершенно различныя вещества, и такимъ образомъ доставляютъ природѣ средство до безконечности разнообразить богатство и красоту растительнаго царства.

Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію жизненнаго процесса растительной клѣточки. Каждая клѣточка живетъ своею отдѣльною жизнію. Хотя стѣнки ея не имѣютъ дыръ, однакожь жидкость, необходимая для ея питанія, проникаетъ въ нее. Она состоитъ изъ воды,

(*) Изъ семейства ягодниковыхъ (Thymeleae Juss.) — Daphne Lagetto, по-испански Palo di Lagetto.

угольной кислоты, аммоніака и нѣкоторыхъ другихъ растворимыхъ солей, находящихся въ землѣ. Эти немногія вещества, будучи приняты клѣточкою, подвергаются, вслѣдствіе особенной ея силы, разнообразнымъ измѣненіямъ и образуютъ различные матеріалы, доставляющіе растенію то достоинство, которымъ оно пользуется какъ въ глазахъ эстетическаго созерцателя, такъ и въ быту эконома.

Правда, очень многія клѣточки наполнены какимъ-то бездвѣтнымъ сокомъ; таковы клѣточки, составляющія древесину и лубъ; многія даже наполнены только воздухомъ, напримѣръ такъ называемые сосуды. Зато другія заключаютъ въ себѣ соки съ роскошными красками, сообщающими нѣкоторымъ цвѣтамъ и плодамъ прелесть столь очаровательнаго смѣшенія цвѣтовъ. Сюда принадлежатъ всѣ оттѣнки краснаго, голубого и желтаго цвѣтовъ. Напротивъ того, зеленый цвѣтъ растеній происходитъ отъ другихъ отношеній, ибо растительный сокъ никогда не бываетъ зеленъ. Если мы станемъ съ помощію микроскопа разсматривать клѣточки, кажущіяся для простого глаза зелеными, то увидимъ, что отдѣльныя зернышки зеленаго вещества (хлорофила или листозелени) сидятъ на внутренней сторонѣ стѣнокъ клѣточки и производятъ такимъ образомъ кажущійся зеленый цвѣтъ. Великолѣпная краска индиго есть только особенное измѣненіе этого зеленаго цвѣтного вещества, происходящее преимущественно въ родахъ индиго (Indigofera tinctoria и anil), въ синильникѣ (Isatis tinctoria) и въ красильномъ придорожникѣ (Polyzonium tinctorium).

Въ нѣкоторыхъ клѣточкахъ встрѣчаются необыкновенно красивые кристаллы, то отдѣльные, то въ видѣ сросшихся иглъ, то соединенные въ пучки, ссученные на подобіе кисти.

Но изъ веществъ, содержащихся въ растительныхъ клѣточкахъ, для человѣка болѣе важны тѣ, которыя доставляютъ ему или необходимую пищу, или вещества благотворно прохлаждающія его организмъ, или пряности пріятно раздражающія вкусъ. Неменѣе важны и матеріалы, возстанавливающіе въ больномъ организмѣ способность снова безпрепятственно наслаждаться богатыми дарами творческой природы. Это поле изслѣдованія чрезвычайно обширно, но разработано очень неудовлетворительно. Несмотря на то, произведенныя до сихъ поръ изслѣдованія уже открыли одинъ интересный законъ, что растенія, близкія между собою по внѣшнимъ формамъ, содержатъ и въ одноименныхъ органахъ также тождественныя или очень близкія вещества. Такимъ образомъ, есть цѣлыя растительныя семейства, въ которыхъ каждое растеніе болѣе или менѣе ядовито, какъ напримѣръ паслёнъ, растеніе, принадлежащее къ одному семейству съ нашимъ картофелемъ и табакомъ; другія, напримѣръ семейство гвоздичныхъ, отличаются тѣмъ, что содержатъ вещества безвкусныя; иныя, напро-

такъ, наприм. семейство крестоцвѣтныхъ (хрѣнъ, капуста, горчица, рѣдька и пр.) отличаются содержаніемъ острыхъ летучихъ веществъ. Вычислять всѣ эти вещества и слѣдить за ихъ проявленіемъ въ растительномъ царствѣ повело бы насъ слишкомъ далеко; и потому мы ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчаніями; точнѣйшему же разсмотрѣнію подвергнемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, особенно интересныя.

Всѣ находимыя въ растительныхъ клѣточкахъ вещества или растворяются въ водѣ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ микроскопъ не приводитъ насъ ни къ какимъ выводамъ о нихъ, потому-что тогда они исчезаютъ въ водянистомъ сокѣ клѣточекъ; и только химія можетъ показать ихъ присутствіе. Къ нимъ принадлежатъ, въ числѣ другихъ, бѣлокъ, камедь, сахаръ и пріятныя кислоты нашихъ фруктовъ, напримѣръ яблочная и лимонная. Сокъ, содержащійся въ клѣточкахъ сахарнаго тростника, напримѣръ, совершенно свѣтелъ и прозраченъ: въ немъ вовсе не виденъ содержащійся въ немъ сахаръ, и только тогда, когда сокъ, выжатый прессомъ, сгущать выпариваніемъ, сахаръ выдѣляется въ кристаллическомъ видѣ.

Напротивъ того, жидкія масла очень ясно видны въ микроскопъ, — и не только масла жирныя, которыя въ видѣ маленькихъ блестящихъ желтыхъ шариковъ плаваютъ въ сокѣ клѣточекъ, какъ напримѣръ въ зернахъ миндалю, но и благовонныя (эфирныя) масла, которыя обыкновенно наполняютъ собою въ видѣ одной большой капли всю клѣточку.

Но важнѣйшія составныя части растительныхъ клѣточекъ двѣ: вопервыхъ, полужидкая, полузернистая слизь, которая или наполняетъ собою всю клѣточку, или встрѣчается вмѣстѣ съ масломъ или крахмаломъ, и во-вторыхъ, самый крахмалъ. Азотистыя составныя части растеній собственно и есть питательный матеріалъ для животнаго царства. Одна часть ихъ находится въ сокѣ клѣточекъ, въ растворенномъ состояніи, какъ напримѣръ бѣлковина; другая; и при томъ главнѣйшая, въ видѣ маленькихъ слизистыхъ зернышекъ. Если мы сдѣлаемъ поперечный разрѣзъ въ пшеничномъ или ржаномъ зернѣ, то съ помощію микроскопа увидимъ отъ окружности къ центру очень различные слои. Внѣшніе изъ нихъ составляютъ оболочку плода и сѣмени; когда зерно мелютъ, они отдѣляются и составляютъ то, что называется отрубями. Но жерновъ не отдѣляетъ съ такою точностію, какъ человѣческій глазъ съ помощію микроскопа, даже не съ такою точностію, какъ анатомическій ножъ ботаника, и потому вмѣстѣ съ отрубями онъ отдѣляетъ еще цѣлый внѣшній слой зерна и нѣсколько слоевъ, слѣдующихъ за нимъ. Но внѣшнія клѣточки зерна содержатъ въ себѣ совсѣмъ иное вещество, нежели внутреннія, потому-что въ послѣднихъ очень много крахмалу и весьма немного азотистаго веще-

ства, между тѣмъ какъ во внѣшнемъ слоѣ клѣточекъ находится только этотъ послѣдній; это азотистое вещество хлѣбнаго зерна (представляющее впрочемъ смѣсь нѣсколькихъ азотистыхъ веществъ, какъ показала химія) называется клейковиною. Итакъ, анатомическое изслѣдованіе хлѣбнаго зерна очень легко объясняетъ, почему хлѣбъ тѣмъ менѣе питателенъ, чѣмъ тщательнѣе напередъ отдѣлены отруби отъ муки: тогда остается только внутренній слой, крахмальный, несодержащій почти азотистаго вещества; хлѣбъ будетъ бѣлъ, нѣженъ; но для полнаго питанія необходимо, чтобы пища содержала и азотистыя вещества.

Но изъ веществъ, какія мы встрѣчаемъ внутри клѣточекъ, безъ сомнѣнія, къ замѣчательнѣйшимъ принадлежитъ крахмалъ, не только потому, что онъ играетъ столь существенную роль въ питаніи человѣка, но и по особеннымъ и бо̀льшею частію красивымъ формамъ его, которыя показываетъ намъ микроскопъ и которыя намекаютъ на высокую степень развитія крахмальныхъ крупинокъ.

Хотя крахмалъ находится въ каждомъ растеніи и въ каждой его части, однакожь только корни, ихъ утолщенія (шишки), сѣмена и плоды, и рѣже сердцевина (напр. въ саговой пальмѣ), содержатъ его въ такомъ количествѣ, чтобъ можно было употребить ихъ въ пищу или чтобы съ выгодою употребить ихъ на добываніе крахмала.

Узнать его можно даже въ малѣйшемъ количествѣ, и этимъ мы обязаны одному замѣчательному его свойству: именно, если мы намочимъ его растворомъ іода, то онъ вдругъ получаетъ высокій синефіолетовый цвѣтъ.

Крахмалъ состоитъ изъ маленькихъ, блестящихъ и прозрачныхъ крупинокъ, которыя лежатъ нерѣдко по 20 — 30 въ одной клѣточкѣ. Каждая крупинка представляетъ нерѣдко очень сложное устройство. Въ срединѣ ея лежитъ маленькое ядрышко, вокругъ котораго расположено бо̀льшее или мѐньшее количество слоевъ изъ такого же крахмала. Такъ-какъ эти слои на одной сторонѣ обыкновенно бываютъ толще, нежели на другой, то основное ядрышко не всегда находится въ центрѣ. Удобнѣе всего можно видѣть это устройство въ яйцеобразныхъ крупинкахъ нашего картофеля. Зато мы замѣчаемъ въ другихъ растеніяхъ другую особенность, а именно, что крахмальныя зернышки въ нихъ соединяются по 2, 3, 4, и какъ-будто срастаются.

Я представилъ такимъ образомъ, въ краткомъ, бѣгломъ очеркѣ, все внутреннее устройство растенія. Какъ оно просто, какъ мало въ немъ запутанныхъ отношеній, и какъ безпредѣльны результаты, которыхъ достигаетъ природа этими простыми средствами. Я высказалъ только нѣсколько замѣчаній о вліяніи растеній на благосостояніе человѣка и даже на возможность его существованія, — и этого будетъ

здѣсь достаточно; полное развитіе этой темы повело бы насъ слишкомъ далеко; а богатство и красота растительнаго міра представляютъ неисчерпаемый предметъ для поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ... но тутъ я отступаю назадъ: сухая серьёзность науки не позволяетъ подыматься въ эти свѣтлыя страны.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНІЕ.

О СПОСОБѢ РАСТЕНІЙ РАЗМНОЖАТЬСЯ.

Въ глубинѣ души человѣкъ чувствуетъ свое превосходство надъ окружающими его предметами и какъ бы невольно сознаетъ себя гражданиномъ какого-то высшаго міра: онъ съ удовольствіемъ паритъ въ тѣхъ высшихъ областяхъ, которыя создаетъ ему его собственная фантазія, и находитъ въ нихъ какъ-будто собственную свою родину. Возвращаясь потомъ изъ этихъ областей въ мертвое царство тяжолыхъ массъ, онъ невольно переноситъ свои прекрасные образы и на окружающую его природу, особенно въ юношескомъ возрастѣ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ всего человѣчества. Юношеская фантазія сообщаетъ одушевляющаго генія утесу, дереву, цвѣтку; въ раскатахъ грома она слышитъ голосъ божества. Является потомъ строгая наука, освобождаетъ природу отъ этого всеоживляющаго чародѣйства и подчиняетъ ее слѣпому приговору безъисключительныхъ естественныхъ законовъ. Конечно, наука стремится именно къ тому, чтобы возвратить духу его права, его самостоятельность и независимость отъ внѣшняго міра; однакожь она встрѣтила на пути къ этой возвышенной цѣли враждебное чувство въ самомъ человѣкѣ, который только съ горькимъ сожалѣньемъ разстается съ живыми образами, наполняющими его міръ. Едва ли кто-нибудь выразилъ такъ хорошо этотъ внутренній разладъ, какъ Шиллеръ въ своихъ «Богахъ Греціи».

И на мнѣ лежитъ задача посильно работать надъ освобожденіемъ природы отъ духовъ, и въ одномъ изъ прежнихъ чтеній я показалъ, какимъ образомъ столь приклекательный для нашего чувства разнообразный міръ растеній, ихъ таинственная ткань и дѣйствія, въ глазахъ мыслящаго естествоиспытателя, разрѣшаются въ химическо-физическіе процессы, которые совершаются въ незамѣтномъ пузырькѣ — въ растительной клѣточкѣ. Но цѣлое растеніе состоитъ не изъ одной клѣточки, а изъ многихъ, и притомъ составлено изъ нихъ по столь опредѣленному правилу, что уже нѣсколько тысячелѣтій, на всѣхъ пунктахъ земного шара, повторяются однѣ и тѣже формы. И однакожь спрашивается, подчинено ли это соединеніе клѣточекъ въ

цѣлыя растенія опредѣленнымъ естественнымъ законамъ? Но прежде чѣмъ приступимъ къ ответу на этотъ вопросъ, надо точнѣе опредѣлить, какимъ образомъ сохраняются въ природѣ извѣстныя формы растеній, — однимъ словомъ, надо разсмотрѣть, какимъ образомъ происходитъ размноженіе въ растительномъ царствѣ.

Позвольте приблизиться къ этой задачѣ окольною дорогой. Здѣсь сообразнѣе всего начать обзоромъ распредѣленія на земномъ шарѣ жизни животной. Куда ни поведутъ человѣка его нужды, своекорыстіе или благородный духъ изслѣдованія, вездѣ сопровождаетъ его животная жизнь. На морѣ вьется вокругъ него игривая стая дельфиновъ, а прожорливая акула подстерегаетъ добычу позади. На сушѣ повсюду окружаетъ его разнообразная игра формъ животнаго царства. На льдистомъ сѣверѣ сопровождаетъ его вѣрная собака, полезный олень; онъ ловитъ себѣ тюленя, доставляющаго ему одежду, пищу и освѣщеніе; съ нимъ вступаетъ въ дикую борьбу бѣлый медвѣдь. Подъ отвѣсными лучами раскаленнаго солнца ему угрожаютъ острые зубы большихъ кошекъ, вокругъ него играетъ гибкая и быстрая газель, ему доставляетъ пищу и одежду «что отрыгаетъ жвачку и имѣетъ раздвоенныя копыта.» На оцѣпенѣлыхъ снѣжныхъ плоскостахъ Шимборазо еще летала около Гумбольдта и его спутниковъ бабочка, а надъ ними въ изумительной высотѣ рѣялъ исполинскій кондоръ. Даже въ твердой корѣ земнаго шара червь роетъ свои темные ходы. И вся эта масса живыхъ существъ, не исключая и человѣка, живетъ насчетъ уже готовыхъ органическихъ веществъ, которыя доставляются растительнымъ царствомъ. Ни одно живое созданіе, причисляемое нами къ царству животныхъ, не можетъ питаться неорганическимъ веществомъ. Извѣстные намъ немногіе примѣры, — ѣдящіе землю отомаки; негры, глотающіе глиняные шарики, о которыхъ упоминаетъ Гумбольдтъ; примѣры, что во время голода люди ѣли такъ называемую горную муку, или, какъ недавно показалъ Эренбергъ, что финны пожирали кремнистые покровы ископаемыхъ инфузорій, — всѣ эти примѣры, по строгимъ физіологическимъ изслѣдованіямъ, приводятъ насъ только къ тому выводу, что всѣ эти неорганическія вещества должно считать не пищею, а только средствомъ притупить раздраженное состояніе желудка.

Но обращая взоръ на древнѣйшій періодъ земнаго шара, мы усматриваемъ массы живыхъ существъ, его населявшихъ, о которыхъ мы съ трудомъ можемъ составить себѣ понятіе, и которыя, надо особенно замѣтить, принадлежатъ къ животнымъ, питающимся растительною пищею. Огромныя стада мамонтовъ, бродившихъ на обширныхъ равнинахъ Сибири, безчисленные остатки исполинскихъ быковъ, овецъ, оленей, свиней и тапировъ позволяютъ заключить объ огромномъ

потребленія растительныхъ массъ въ первобытныя времена земного шара. А между тѣмъ остатки, указывающіе намъ на количество большихъ животныхъ погибшаго міра, почти ничтожны въ сравненіи съ огромной массой незамѣтныхъ существъ, которыхъ остатки сохранились до нашихъ временъ. Цѣлыя горныя цѣпи, частію существующія и теперь, частію разрушенныя позднѣйшими наводненіями, — напримѣръ отъ Рюгена до Датскихъ острововъ, бѣлыя мѣловыя горы, давшія Англіи названіе Альбіона, и которыя тянутся черезъ Францію до южной Испаніи, всѣ мѣловыя горы Греціи, которымъ между прочимъ Критъ (Creta) обязанъ своимъ именемъ, — по изслѣдованіямъ Эренберга, состоятъ только частію изъ разбитыхъ, а частію хорошо сохранившихся череповъ маленькихъ раковинъ и улитокъ. И если мы обратимся къ мельчайшимъ существамъ, какихъ только представляетъ намъ природа, и которыя безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ существъ вознаграждаютъ недостатокъ массы въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно, — къ животнымъ, изъ которыхъ наибольшая часть такъ малы, что для невооруженнаго глаза почти незамѣтны, и которыя однакожь исполняютъ важную роль въ жизни цѣлой природы, — то рѣшительно цѣпенѣетъ умъ предъ этимъ множествомъ. Открытіе ископаемыхъ инфузорій Эренбергомъ по справедливости возбудило большое удивленіе, ибо числа здѣсь такъ огромны, что мы рѣшительно не находимъ образа, который могъ бы выразить хотя приблизительно это количество. Въ кубическомъ дюймѣ берлинскаго полировальнаго сланца считаютъ круглымъ числомъ 41,000 милліонъ животныхъ, а цѣлый слой имѣетъ 8 – 10 квадратныхъ миль протяженія и отъ 2 до 15 футовъ глубины.

Разсматривая весь этотъ міръ животныхъ, мы отличаемъ въ немъ два обширныхъ отдѣла по роду пищи: одни изъ нихъ питаются растеніями, а другія животными. Впрочемъ число родовъ въ послѣднемъ отдѣлѣ очень невелико и въ каждомъ родѣ находится весьма незначительное количество особей. — Напротивъ, въ травоядномъ отдѣлѣ число родовъ чрезвычайно велико, и по новѣйшимъ вычисленіямъ, можетъ быть отчасти и преувеличеннымъ, можно допустить, что на землѣ живетъ однихъ видовъ насѣкомыхъ до 560,000, изъ которыхъ наибольшая часть принадлежитъ къ травояднымъ. Этого мало: всѣ вообще виды травоядныхъ превосходятъ плотоядныхъ и числомъ особей. Всѣ большія травоядныя живутъ обществами, обширными стадами и стаями, и многія изъ нихъ, особенно рои насѣкомыхъ, при которыхъ счисленіе рѣшительно невозможно, своимъ количествомъ и страшною прожорливостію вполнѣ вознаграждаютъ недостатокъ въ величинѣ своего тѣла: одинъ дубъ кормитъ 70 различныхъ видовъ насѣкомыхъ.

Создавая растенія, природа должна была приготовить столъ для всѣхъ этихъ голодныхъ гостей, и если не хотѣла погубить одно изъ своихъ созданій — животное царство, то должна была такъ устроить размноженіе въ растительномъ царствѣ, чтобы оно, не подвергаясь вредному и разрушительному вліянію, вполнѣ отвращало всеобщій недостатокъ.

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ она не могла ограничиться какою-нибудь простою, твердо-опредѣленною формою размноженія, какъ въ высшихъ животныхъ, и это обнаруживается еще больше, если мы возьмемъ во вниманіе, что человѣкъ и наибольшая часть животныхъ употребляютъ въ пищу именно тѣ части растеній, которыя мы принимаемъ обыкновенно за органы ихъ размноженія, то есть сѣмена.

Испытующему взору человѣка наблюденіе, во-первыхъ, показало, что наибольшая часть растеній образуютъ извѣстные органы, изъ которыхъ потомъ развивается, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, новое растеніе; тамъ, гдѣ эти органы имѣютъ значительныя измѣренія, можно было замѣтить ихъ и отличить зародышъ новаго растенія, который вмѣстѣ съ окружающими его оболочками составляетъ то, что называютъ сѣменемъ. Здѣсь ближайшимъ образомъ представлялось сравненіе съ яйцомъ, въ которомъ зародышъ развился уже въ молодое животное. Но на этомъ не остановились. Уже давно было замѣчено, что въ нѣкоторыхъ видахъ растеній особи бываютъ различныхъ формъ, изъ коихъ только одна имѣетъ сѣмя, какъ напр. въ коноплѣ (*Cannabis sativa*), финиковой пальмѣ (*Phoenix dactylifera*) и фисташковомъ деревѣ (*Pistacia lentiscus*). Очень давно было также замѣчено, что сѣмена одного растенія вовсе не развиваются если вблизи ихъ не растетъ и не цвѣтетъ въ одно время съ ними экземпляръ другой формы. Уже Ѳеофрастъ и Плиній разсказываютъ, что земледѣльцы, занимавшіеся воздѣлываніемъ финиковъ, вѣшали цвѣтныя вѣтки одного дерева на цвѣтныя вѣтки другого, носящаго сѣмена, чтобы такимъ образомъ эти послѣднія могли произвести сѣмена и плоды. Кемпферъ разсказываетъ, что во время одного вторженія турокъ въ Бассору жители этого города принудили непріятелей къ отступленію единственно тѣмъ, что быстро срубили всѣ пальмы одного рода и такимъ образомъ сдѣлали безплодными пальмы другого рода, а черезъ это отняли у непріятеля единственное средство пропитанія. Еще поразительнѣе явленія, первоначально замѣченныя Михели, въ одномъ итальянскомъ водяномъ растеніи (въ *Vallisneria spiralis*). Въ немъ два различныхъ вида цвѣтовъ; въ однихъ развиваются сѣмена, ихъ стебелекъ длиненъ, и они поднимаются надъ подверхностію воды; другія, напротивъ того, имѣ-

ютъ стебелекъ короткій, и потому остаются на самомъ днѣ. Послѣднія отрываются въ извѣстное время отъ стебелька, поднимаются на поверхность воды и приплываютъ къ другимъ, которыя только съ этого времени и дѣлаются способными развить свои сѣмена.

Неограниченная еще никакимъ точнымъ ученымъ наблюденіемъ, фантазія тотчасъ создала изъ этихъ двухъ цвѣтковъ мужчину и женщину и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ думала видѣть ту же любовь, которою оживляется грудь человѣка. Едва пробудилась эта мысль, наука овладѣла ею и примѣнила ее ко всѣмъ растеніямъ вообще, и систему Линнея и теперь еще мы называемъ поэтому половою.

Эти прекрасныя мечты, такъ нѣжно развитыя особенно поэтами, къ несчастью разрушаются новѣйшими открытіями строгой науки; она показала, что въ этихъ мечтательныхъ сходствахъ съ животными, совершенно иначе организованными, нѣтъ ничего основательнаго. — Этотъ-то результатъ въ особенности принадлежитъ моему участію въ развитіи ботаники.

Но чтобы кратко описать, какъ дѣйствительно размножаются растенія, считаю необходимымъ напомнить о сказанномъ мною въ прежнемъ чтеніи. Я уже замѣтилъ, что каждая въ растеніи клѣточка можетъ производить внутри себя новую клѣточку и такимъ образомъ какъ будто размножать свой родъ. Эти новорожденныя клѣточки всегда развиваются и приспособляются къ формѣ той, въ которой родились. Отсюда-то происходитъ для всѣхъ растеній возможность изъ каждой клѣточки, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, производить новое растеніе, и вотъ почему каждое растеніе такъ легко можетъ размножаться.

Въ отношеніи размноженія растеній мы можемъ отличить однакожь, несмотря на этотъ общій законъ, нѣсколько степеней, по различію тѣхъ отношеній, въ какихъ возможно развитіе каждой отдѣльной клѣточки въ новое растеніе.

1) Такая всеобщая форма, въ какой я сейчасъ выразилъ законъ размноженія растеній, на самомъ дѣлѣ осуществляется только очень рѣдко, потому-что *всѣ* необходимыя для этого благопріятныя условія встрѣчаются только въ рѣдкихъ случаяхъ. Несмотря на то, въ самомъ дѣлѣ, иногда встрѣчаются поразительные случаи. Такъ напримѣръ листья какого-нибудь растенія, на землѣ и даже въ гербаріумѣ, вдругъ покрываются почками, а это все равно, что зародышами новыхъ растеній; такимъ образомъ справедливость высказаннаго мною закона не подлежитъ никакому сомнѣнію.

2) Очень часто встрѣчаются, напротивъ того, другого рода примѣры, въ которыхъ этотъ законъ получаетъ нѣсколько болѣе ограниченное примѣненіе, а именно въ томъ смыслѣ, что только нѣкоторыя

опредѣленныя мѣста на листьяхъ могутъ развиться въ новыя растенія. Если напримѣръ положимъ на влажную землю листокъ *Bryophyllum calycinum*, то изъ всѣхъ его зазубринъ разовьются молодыя растенія, и это происходитъ именно вслѣдствіе необыкновеннаго развитія отдѣльныхъ опредѣленныхъ клѣточекъ. Подобное явленіе представляютъ изломы листьевъ, сорванныхъ съ прекрасной ярко-цвѣтущей эхеверіи, и многія другія изъ группы такъ называемыхъ толстянковыхъ растеній (*crassulaceae*), равно какъ и листья померанцовыхъ деревъ. Наши садовники пользуются этимъ свойствомъ для ихъ размноженія, и уже въ средніе вѣка итальянецъ Мирандола странствовалъ по Европѣ и хвалился таинственнымъ искусствомъ производить деревья изъ листьевъ. Въ великолѣпныхъ геснеріяхъ стоитъ только переложить одну изъ толстыхъ жилокъ его листка, и на этомъ изломѣ черезъ недѣлю выростетъ новое растеньице.

3) Въ другихъ растеніяхъ на листьяхъ, еще находящихся на ихъ стебелькѣ, образуются правильно и сами собой маленькіе желваки, на оконечности которыхъ является почка, а изъ низшихъ частей выходятъ корни, и такимъ образомъ выростаетъ новое растеніе. Особенность эта встрѣчается преимущественно въ папоротникахъ и аронниковыхъ (*aroideae*), родственныхъ такъ называемому эѳіопскому бѣлокрыльнику (*Calla*, правильнѣе — *Richardia*, *aethiopica*). Хотя мѣсто этихъ желваковъ и почекъ не вполнѣ опредѣлено, однакожь оно представляетъ уже нѣкоторый законъ, именно въ томъ, что извѣстныя мѣста на листьяхъ, а именно углы, образуемые развѣтвленіемъ ихъ жилочекъ, исключительно обладаютъ способностью образовать подобныя почки. Какъ скоро выростаніе такого листа прекращается, то желваки сохраняютъ свою способность развиваться; они падаютъ на землю и развиваются въ полныя растенія. Слѣдовательно, здѣсь уже представляется намъ дѣйствительное естественное размноженіе особей, явленіе, составляющее исключительный предметъ нашего чтенія.

4) Слѣдующее явленіе связано уже съ болѣе опредѣленными условіями. Простое растеніе состоитъ собственно изъ простого стебля и его листьевъ; но въ углу листьевъ извѣстныя, всегда однѣ и тѣже, клѣточки образуютъ изъ себя почки; а почка есть нечто иное, какъ повтореніе растенія, на которомъ она образовалась. Новое растеніе, по своему природному предрасположенію, также состоитъ изъ стебля и листьевъ, съ тою только разницею, что стебель почки въ своемъ основаніи самымъ тѣснымъ образомъ срастается съ произведшимъ его растеніемъ и не имѣетъ корня съ свободнымъ концомъ, какъ растеніе, выросшее изъ сѣмени. Впрочемъ различіе это не такъ важно, какъ кажется съ перваго взгляда. Каждое имѣющее высшую органи-

зацію растеніе владѣетъ способностію пускать изъ себя, при благопріятной влажности, побочные корни, и растеніе, даже вышедшее изъ сѣмени, очень часто довольствуется только этими второстепенными корнями, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, напримѣръ злаки, по своей натурѣ, никогда не развиваютъ главнаго корня, хотя онъ и существуетъ въ нихъ въ зачаточномъ состояніи.

Правда, мы привыкли представлять себѣ, что почки должны развиваться въ вѣтви и сучья всегда на растеніи и въ связи съ нимъ, и обыкновенно смотримъ на нихъ какъ на части растенія, а не какъ на самостоятельныя растенія, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, хотя подобно дѣтямъ остающимся еще въ отцовскомъ домѣ, онѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ тѣмъ растеніемъ, отъ котораго получили бытіе. Но что онѣ по-крайней-мѣрѣ въ сущности самостоятельны, это доказываетъ опытъ, часто удающійся, при соблюденіи нѣкоторыхъ предосторожностей, — именно срываніе и сѣяніе почекъ нашихъ лѣсныхъ деревъ. На томъ же основаны и извѣстныя операціи въ садоводствѣ — прививаніе и размноженіе черенками и отводками, которыя отличаются отъ снятія почекъ только тѣмъ, что въ нихъ почкамъ даютъ достигнуть извѣстной зрѣлости на родномъ растеніи прежде, нежели отдѣлять ихъ. Здѣсь все зависитъ отъ легкости, съ какою эти почки пускаютъ корни (вкореняются), какъ скоро придутъ въ соприкосновеніе съ влажною землею.

Но нетолько человѣкъ принуждаетъ растенія къ этому искуственному размноженію, но и природа употребляетъ чрезвычайно часто это средство для размноженія нѣкоторыхъ растеній, и часто въ безчисленномъ количествѣ. Иногда процессъ ея въ этомъ случаѣ походитъ на искуственное сѣяніе почекъ, потому-что растеніе въ извѣстное время добровольно отдѣляетъ отъ себя уже развитыя почки. Процессъ же болѣе обыкновенный состоитъ въ слѣдующемъ: почки растенія, образовавшіяся близко къ землѣ, вырастаютъ, т. е. дѣлаются вѣтками съ листьями; но самая вѣтка ихъ очень длинна, тонка и нѣжна, а листья остаются задержанными въ своемъ выростаніи и имѣютъ видъ чешуекъ; зато въ образуемыхъ ими углахъ развиваются сильныя почки, которыя пускаютъ изъ себя корни въ томъ же или въ слѣдующемъ году, и когда тонкая вѣтка, связывающая ихъ съ роднымъ растеніемъ, умираетъ или усыхаетъ, онѣ дѣлаются самостоятельными растеніями. Наша земляника засѣваетъ такимъ образомъ въ короткое время иногда цѣлый садъ; картофель размножается почти исключительно этимъ способомъ, потому-что эта шишка есть нечто иное, какъ многія почки, скрученныя вмѣстѣ и составляющія то, что въ общежитіи называютъ картофелемъ; подобнымъ образомъ наконецъ покрываетъ собою въ короткое время весною наши

канавы и пруды мелкая, рѣдко цвѣтущая и рѣдко приносящая сѣмена, раска. Можно бы было представить множество подобныхъ примѣровъ, но достаточно и этихъ, доступныхъ каждому. – Это размноженіе посредствомъ почекъ находится въ замѣчательномъ отношеніи къ размноженію посредствомъ сѣмянъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже; ибо здѣсь мы можемъ принять почти за общее правило, что чѣмъ рѣже созрѣваютъ въ какомъ-нибудь растеніи сѣмена, тѣмъ болѣе оно размножается посредствомъ почекъ, и наоборотъ; натура какъ-будто заботилась, чтобы растеніе могло сохраняться несмотря ни на какія обстоятельства.

5) Приведенные до сихъ поръ способы размноженія можно считать неправильными и противоположными правильному, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. Каждое растеніе образуетъ внутри себя опредѣленное количество отдѣльныхъ, несвязанныхъ между собою клѣточекъ, которыя въ извѣстное время сами собой отдѣляются отъ родного растенія. Особенно замѣчательно, что растенія, имѣющія дѣйствительные листья, производятъ эти клѣточки внутри листьевъ, при чемъ послѣдніе принимаютъ нерѣдко особенную форму, напримѣръ форму тычинокъ. Замѣчательно также и другое явленіе. Въ самыхъ низшихъ растеніяхъ, равно какъ и въ цвѣтущихъ подъ водою растеніяхъ, клѣточка размноженія обнажена, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ она покрыта совершенно особеннымъ, химически еще неизслѣдованнымъ, по большой части жолтымъ, чрезвычайно крѣпкимъ веществомъ. Это вещество принимаетъ часто очень удивительныя формы. Иногда походитъ оно на маленькія бородавки, иногда на иглы, иногда образуетъ небольшія выдающіяся рамки, сводообразные проходы, крѣпостцы съ башнями и такъ далѣе. Но до сихъ поръ природа не подала ни малѣйшаго намека на цѣль такого разнообразія формъ. При всей своей красотѣ, онѣ кажутся намъ безполезными. Но клѣточки, о которыхъ я говорю, назначены преимущественно для размноженія, потому-что изъ каждой развивается новое растеніе. Но при этомъ развитіи является еще существенное отличіе, которое уже давно было замѣчено и за которое схватились такъ крѣпко, что изъ-за него совершенно упустили изъ виду аналогію, существующую въ развитіи растеній. Процессъ развитія совершается слѣдующими двумя способами:

А) Въ одномъ случаѣ, назначенныя для размноженія клѣточки падаютъ на землю или въ воду, гдѣ и должно развиться новое растеніе. Послѣ этого или превращается вся клѣточка въ новое растеніе, такъ-что въ ней раждаются новыя клѣточки и заступаютъ ея мѣсто, а въ нихъ раждаются опять новыя, и такъ далѣе, какъ это видимъ въ грибахъ, лишаяхъ и частію въ печеночныхъ мхахъ (Lebermoose);

или клѣточка растягивается въ продолговатый мѣшочекъ, въ которомъ только конецъ наполняется клѣточками, постепенно развивающимися въ новыя растенія, между тѣмъ какъ остальная часть мало-по-малу умираетъ. Этотъ случай можно замѣтить въ другой части печеночныхъ мховъ, въ обыкновенныхъ мхахъ, папоротникахъ, плаунахъ и хвощахъ. Примѣръ этого послѣдняго способа развитія представляютъ намъ въ каждой оранжереѣ папоротники, которые здѣсь можно найти почти всегда прорастающими.

Всѣ названныя здѣсь растенія у Линнея называются тайнобрачными, или цвѣтущими тайно, потому-что онъ ошибочно предполагалъ, будто бы они никакъ не лишены втораго органа размноженія — сѣменной почки, о которой мы будемъ говорить ниже, но что будто бы она такъ мала и закрыта, что до сихъ поръ не могли ее замѣтить. На самомъ же дѣлѣ ея вовсе нѣтъ, или присутствіе ея проявляется самымъ ничтожнымъ образомъ. Клѣточки размноженія во всѣхъ этихъ тайнобрачныхъ называются крупинками (sporae).

В) Совсѣмъ иначе это происходитъ въ тѣхъ растеніяхъ, которыя называются, по системѣ Линнея, явнобрачными, или цвѣтущими открыто. Клѣточки размноженія, называемыя здѣсь *цвѣточною пылью*, *цвѣтенью*, образуются въ листьяхъ, особенной формы, извѣстныхъ подъ названіемъ *тычинокъ*. Но вмѣстѣ съ этими тычинками въ цвѣтахъ одного и того же или различныхъ растеній находятся еще и другіе органы. Эти послѣдніе состоятъ изъ грушеобразнаго тѣла, пустого внутри и имѣющаго вверху небольшое отверстіе; его называютъ *пестикомъ*, а отверстіе—рыльцемъ. Въ его полости находятся маленькія бородавочки, состоящія изъ клѣтчатой ткани и называемыя сѣмянными почками, которыя прежде извѣстны были подъ весьма несоотвѣтственнымъ названіемъ яичекъ. Въ каждой сѣмянной почкѣ можно видѣть очень большую клѣточку, которую называютъ *зародышнымъ мѣшочкомъ*. Во время цвѣтенія цвѣточная пыль падаетъ на рыльце, и здѣсь-то начинаютъ развиваться клѣточки размноженія. Каждая изъ нихъ дѣлается длинною и нитеобразною, совершенно какъ и въ тайнобрачныхъ, и въ этой формѣ проникаетъ въ полость пестика, далѣе въ сѣмянныя почки и наконецъ въ зародышный мѣшочекъ, и тогда конецъ этой нитеобразной клѣтки (цвѣтенной трубки) наполняется клѣточками, и онѣ-то развиваются потомъ въ полное, хотя еще простое и маленькое растеніе — въ такъ называемый зародышъ. Современно съ превращеніемъ цвѣточной пыли въ зародышъ, развивается также сѣмянная почка въ сѣмя, а пестикъ въ плодъ. Но вдругъ наступаетъ въ ихъ развитіи застой, и сѣмя можетъ долго оставаться въ этомъ мнимомъ омертвеніи. Но съ наступленіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ извнѣ снова обнаружи-

вается жизнь и дальнѣйшее развитіе новаго растенія, или, какъ обыкновенно говорятъ, оно пускаетъ ростки. Какъ продолжительно можетъ эта жизненная сила сьвязь находиться въ этомъ снѣ, видно изъ того, что графъ фонъ Штернбергъ и впослѣдствіи одинъ англичанинъ, изъ пшеничныхъ зеренъ, найденныхъ въ одной гробницѣ съ муміей, слѣдовательно лежавшихъ около 3,000 лѣтъ, выростилъ очень здоровыя растенія и представилъ ихъ собранію естествоиспытателей въ Фрейбургѣ.

Очевидно, что размноженіе такъ называемыхъ тайнобрачныхъ совершенно обезпечено, потому-что ихъ крупинки, образующіяся притомъ всегда въ огромномъ числѣ, непосредственно падаютъ на землю, въ которой могутъ достигнуть полнаго развитія. Размноженіе же явнобрачныхъ повидимому не такъ обезпечено. Правда, въ очень многихъ цвѣтахъ пестикъ и тычинка расположены такъ близко другъ къ другу, что цвѣточная пыль повидимому всегда можетъ попасть въ то мѣсто, гдѣ должна начать свое развитіе — въ рыльце пестика. Но чтобы развитіе дѣйствительно могло начаться, недостаточно, чтобы цвѣточная пыль попала въ рыльце; тутъ еще надо, чтобы обѣ части, тычинка и пестикъ, или, правильнѣе, цвѣточная пыль и рыльце, находились на равной степени физіологическаго развитія, именно на той, какая нужна для дальнѣйшаго развитія; когда гнѣздышки пыльника раскрываются и пыль вылетаетъ, то и рыльце должно быть приготовлено принять ее и сообщить ей дальнѣйшее развитіе. Но въ очень многихъ цвѣткахъ эти условія не всегда осуществляются, и цвѣточная пыль часто погибаетъ, чаще, нежели обыкновенно полагаютъ, иногда вслѣдствіе недостаточности развитія рыльца, иногда потому, что оно уже перезрѣло и умираетъ въ то время, когда для цвѣточной пыли только-что насталъ моментъ вылетанія. Но еще затруднительнѣе этотъ процессъ въ тѣхъ растеніяхъ, въ которыхъ каждый цвѣтокъ содержитъ или однѣ только тычинки, или одни пестики, и притомъ такъ, что эти два вида цвѣтовъ иногда находятся на одномъ и томъ же растеніи, а иногда на различныхъ, совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга пространствомъ. Растенія перваго вида Линней назвалъ однодомными, второго — двудомными; число ихъ довольно значительно. Во многихъ группахъ растеній, напримѣръ въ ластовневыхъ (*asclepiadeae*) и ятрышниковыхъ (*orchideae*), кажется, сама природа заботится о томъ, чтобы запутать и ненормально устроить ихъ органы, и такимъ образомъ рѣшительно сдѣлать невозможнымъ вхожденіе пыли въ рыльце. Но тутъ на помощь растительному царству являются чудеснымъ образомъ совершенно чуждыя ему силы природы и, исполняя свои собственныя цѣли, оказываютъ на жизнь растительнаго міра

совершенно мимоходомъ столь существенное вліяніе, что подумаешь, что это ихъ единственное назначеніе. Такъ, если это растеніе живетъ на сушѣ, то вѣтеръ разноситъ такое огромное количество его цвѣточной пыли, и воздухъ часто такъ наполненъ ею, что она падая вмѣстѣ съ дождемъ покрываетъ значительныя пространства, и это явленіе извѣстно подъ именемъ сѣрнаго дождя. Естественно, что при такомъ изобиліи она въ достаточномъ количествѣ достигаетъ и до мѣста своего назначенія. Если же это будетъ водное растеніе, то его пестикъ такъ плаваетъ, что орошается легкими волнами, которыя такимъ образомъ легко могутъ привести плавающую пыль къ рыльцу пестика. Но въ наибольшей части растеній цвѣточная пыль къ мѣсту своего назначенія приносится насѣкомыми, которыя ищутъ для себя пищи въ сладкомъ сокѣ цвѣтовъ. Особенно въ двухъ обширныхъ фамиліяхъ растеній — въ ластовневыхъ, къ которымъ принадлежитъ ластовень сирійскій, и въ ятрышниковыхъ, украшающихъ влажныя тѣни тропическихъ лѣсовъ своими роскошными цвѣтами, подобными пестрымъ бабочкамъ, — въ этихъ двухъ группахъ особенно обнаруживается рѣшительное вліяніе животныхъ на размноженіе растеній. Въ нихъ цвѣточная пыль каждаго гнѣздышка слипается, посредствомъ какого-то вещества, подобнаго птичьему клею, въ одну массу, и до того прилипаетъ къ ищущимъ своего нектара насѣкомымъ, что они не могутъ оторвать его. Клѣточки съ медомъ въ цвѣтахъ такъ расположены, что насѣкомое, чтобы пробраться къ нимъ, непремѣнно задѣнетъ рыльце, а это значитъ, что пыль будетъ унесена на свое мѣсто. На ластовнѣ часто можно видѣть мухъ съ такимъ множествомъ цвѣточной пыли на ногахъ, и въ нѣкоторыхъ странахъ пчеловоды знаютъ особенную болѣзнь своихъ трудолюбивыхъ насѣкомыхъ—die Keulenkrankheit, которая состоитъ въ томъ, что ко лбамъ пчелъ прилипаетъ столько цвѣточной пыли, что онѣ не могутъ летѣть и околѣваютъ. Объ участіи насѣкомыхъ въ размноженіи растеній вышло въ концѣ прошлаго столѣтія обширное сочиненіе ректора Христіана Конрада Шпренгеля, который подъ вліяніемъ благоговѣйнаго рвенія къ предмету своихъ наблюденій хотѣлъ предоставить насѣкомымъ все садоводство природы. Хотя и легко иронически улыбаться на дѣтски-невинное чувство ревностнаго естествоиспытателя и въ частностяхъ указать его ограниченность, однакожь все-таки трудно найти правильную точку зрѣнія на это, *повидимому*, самое удивительное явленіе въ жизни природы. Конечно очень естественно, что въ растеніи вмѣстѣ съ цвѣточною пылью образуется и клейкое вещество; легко понять, что тогда цвѣточная пыль необходимо должна прилипать къ ногамъ, но все-таки мы должны принять, какъ явленіе самое простое и естественное, что летая,

насѣкомыя только *случайно* приносятъ пыль въ надлежащія мѣста; очень также естественно и совершенно согласно съ общими законами природы, чтобы ручеекъ бѣжалъ тихими струями, чтобы раскаленные пески Сахары нарушали равновѣсіе въ воздухѣ и производили вѣтеръ, который переноситъ легкую цвѣточную пыль на финиковую пальму. Однакожь, разсматривая эти явленія во всей ихъ общности, во всей ихъ совокупной связи, мы не можемъ ни дать удовлетворительнаго отвѣта на представляющіеся намъ вопросы, ни отрѣшиться отъ нихъ. Какое дѣло вѣтру до уборки финиковъ Биледулгерида и до поддержанія жизни милліоновъ людей? Знаетъ ли бездушная волна, занесшая кокосовый орѣхъ на отдаленный необитаемый островъ, на берегу котораго онъ пуститъ корни и выраститъ, что она проложила этимъ дорогу размноженію человѣчества? Чтó за дѣло осѣ, что она своею дѣятельностію условливаетъ возможность торговли винными ягодами Смирны и доставляетъ пищу тысячамъ людей? или понимаетъ ли жукъ, что своимъ лакомствомъ онъ облегчаетъ размноженіе камчатской лиліи (*Lilium Camschaticum*), что ея луковицы, въ наступающую жестокую зиму, спасутъ отъ голодной смерти цѣлое народонаселеніе Гренландіи? Если все это въ частности и основано на случайныхъ законахъ природы, то откуда это удивительное сопроникновеніе и дружная игра второстепенныхъ силъ природы, производящая такія явленія, которыя оказываютъ глубокое вліяніе на исторію человѣчества? Мы ясно видимъ механизмъ маріонетокъ, но кто держитъ ихъ нити, кто направляетъ всѣ ихъ движенія къ одной цѣли? Вотъ гдѣ кончается задача естествоиспытателя,—и вмѣсто всякого отвѣта, онъ неусыпно, шагъ за шагомъ, пробирается къ таинственнымъ силамъ природы, въ полной увѣренности рано или поздно разгадать общую внутреннюю связь этихъ, повидимому случайныхъ, интересныхъ явленій.

ВЗГЛЯДЪ НА ТОРГОВЛЮ ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Множество извѣстій о древней русской торговлѣ, разсѣянныхъ частію въ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ, частію же у иностранныхъ писателей разныхъ временъ и народовъ, до сихъ поръ, какъ извѣстно, сильно занимали изслѣдователей нашей старины. Обольщенные ими, всѣ они провозглашали, что съ древнѣйшихъ временъ торговля наша была цвѣтуща, дѣятельна, обширна, что она производилась чуть не на всѣхъ концахъ вселенной (1) и т. п.; но въ то же время всѣ они какъ-то упустили изъ виду рѣшеніе весьма важнаго вопроса: гдѣ же у насъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія этой знаменитой торговли? Торговля въ истинномъ смыслѣ слова имѣетъ то благотворное вліяніе на народъ, что, предоставляя заманчивую пищу — пріобрѣтеніе, освобождаетъ его отъ оковъ исключительности, которыми онъ такъ тѣсно бываетъ опутанъ во дни своего младенчества; постепенно сближаясь съ другими, доселѣ чуждыми ему народами, онъ познаетъ ихъ бытъ, потребности и средства ихъ удовлетворенія, воспринимаетъ все лучшее, и такимъ образомъ невидимо, но быстро идетъ къ гражданственно-

(1) Напримѣръ, г. Погодинъ помѣщаетъ въ статьѣ «о торговлѣ» извѣстіе Константина Багрянороднаго, изъ котораго видно, что «Россіяне *ходили* по Днѣпру въ Черное море, а по оному въ Черную Булгарію, Грецію, Хазарію, Сирію» (Изслѣд. Зам. и Лекц. т. III, стр. 263); говоритъ далѣе, что «въ 1027 году Поляки съ Русскими *заглядывали* до Сициліи» (*Ibid.* стр. 267) и т. д. Но вѣдь мало ли куда не хаживали и не заглядывали *удальцы* того или другого времени!... не помѣщать же всѣхъ походовъ ихъ въ изслѣдованіе о торговлѣ: война съ торговлей не живутъ въ ладу.

сти, къ цивилизація. Это могучее вліяніе торговли замѣтно въ исторіи всѣхъ народовъ, и въ наше время оно уже такъ очевидно, такъ ясно, что странно было бы *доказывать* его справедливость: факты здѣсь всего убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ Греціи.... но будемъ самостоятельнѣе, оставимъ въ покоѣ Грецію и обратимся лучше къ фактамъ, которые и вообще ближе къ намъ, русскимъ, и въ частности — къ періоду нашего изслѣдованія ([1]). Мы знаемъ, напримѣръ, что въ древней Помераніи, вслѣдъ за обширной и дѣятельной торговлей, являются цвѣтущее земледѣліе и скотоводство, множество торговыхъ городовъ, ясно свидѣтельствующихъ о гражданственности и богатствѣ страны, которую недаромъ христіянскіе проповѣдники X и XI вѣковъ называли «обѣтованною землею, кипящею медомъ и млекомъ, гдѣ недоставало лишь винограда, финиковъ и маслинъ» ([2]); знаемъ, далѣе, что волжская Булгарія еще въ началѣ X вѣка отправляла въ Багдадъ посольство съ просьбою о присылкѣ людей, свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ, художниковъ для построенія мечетей, инженеровъ и т. п. ([3]); знаемъ наконецъ, что знаменитая торговля Аравійскаго Халифата уже въ началѣ IX вѣка успѣла вызвать и ту, не менѣе знаменитую ученую и литературную дѣятельность, вслѣдствіе которой «Арабы явились продолжателями древнихъ Грековъ въ области положительныхъ наукъ, переводили классическія творенія съ языковъ греческаго и санскритскаго, учреждали академіи, куда стекались даже знатные Европейцы, производили астрономическія наблюденія, въ пустынѣ пальмирской измѣряли градусъ меридіана и посылали путешественниковъ въ отдаленнѣйшія и мало извѣстныя страны, для описанія чудесъ вселенной....» ([4]). У насъ ничего подобнаго въ древности исторія не представляетъ: въ строгомъ смыслѣ, образованіе наше началось съ Петра, администрація - съ Петра, промышленность - съ Петра; словомъ, всѣ интересы жизни общественной, возбужденные Петромъ, съ него и начали свое быстрое развитіе.

А торговля?...

Чтобы рѣшить вопросъ о началѣ нашей торговли, необходимо сначала предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о торговлѣ и ея видахъ, — необходимо тѣмъ болѣе, что торговлю часто смѣшиваютъ съ ея основными элементами — куплей и продажей. Предста-

---

([1]) Этотъ періодъ мы продолжимъ до смерти Ярослава Великаго, или до начала вѣковой борьбы нашихъ князей сперва за родовыя отношенія, потомъ за удѣлы.

([2]) Мухам. Нумизм. стр. CLXXXVII — CXC, и Vita S. Ottonis p. 314.

([3]) Мух. Нум. LXXI.

([4]) Мухамм. Нумизм. стр. LIII и LIV.

вимъ это въ видѣ примѣровъ. Я нанимаю у кого-либо землю, обрабатываю ее, получаю ежегодно 500 четвертей ржи; собственно для меня достаточно 25 четвертей въ годъ, для новаго обсѣмененія моихъ полей — 75, за тѣмъ 400 остаются лишними, совершенно не нужными мнѣ, — я отсылаю ихъ на рынокъ. Или: я имѣю огромную вотчину, чрезъ которую протекаетъ судоходная рѣка; вотчина эта изобилуетъ строевымъ лѣсомъ, имѣетъ богатыя соляныя копи, плодоносную почву земли, — словомъ, всѣ условія для моего обогащенія. Изъ своего лѣсу я строю суда, на нихъ сплавляю свои произведенія — соль, хлѣбъ и пр. во всѣ сосѣдніе города и, разумѣется, получаю огромный доходъ.... Но какъ въ первомъ случаѣ я только арендаторъ чужой земли, такъ точно и во второмъ я — просто богатый помѣщикъ, каквми напримѣръ въ нашей исторіи являются именитые люди Строгоновы, и больше ничего; въ обоихъ случаяхъ я продавецъ своихъ произведеній, покупщикъ чужихъ, но не купецъ въ истинномъ смыслѣ этого слова: операція моя — не торговля. Но если, напримѣръ, я получаю какимъ бы то ни было образомъ сто тысячъ рублей, закупаю на нихъ эту соль и этотъ хлѣбъ у владѣльца вотчины и продаю другимъ,— на вырученныя деньги снова закупаю и снова продаю, съ цѣлью получать выгоду именно отъ такого употребленія своего капитала, — если исключительно этой операціи посвящаю я все свое достояніе, все умѣнье или даже и всю жизнь, — то очевидно я произвожу торговлю, я купецъ, если бы даже производилъ эту торговлю въ болѣе ничтожныхъ, въ самыхъ мелочныхъ размѣрахъ.

Такое пониманіе торговли высказалось у насъ очень рано, впрочемъ не вслѣдствіе *ея* развитія, а единственно вслѣдствіе особеннаго быта нашихъ князей: каждый изъ нихъ, какъ помѣщикъ, старался на пространствѣ своей вотчины извлечь всѣ возможныя для себя выгоды; отсюда страшная дробность финансовой системы и не менѣе страшная обременительность ея для народа. Желаніе избѣгнуть этой тягости и вызвало прямой, истинный взглядъ на торговлю; въ одномъ актѣ 1389 или 1404 года читаемъ: «а митрополичимъ людемъ.... *кто продасть свое домашнее*, тотъ тамги не дасть; а который *иметь прикупомъ которымъ торговати*, а тотъ тамгу дасть» [1]. Здѣсь ясно сказано, что торговля въ первой формѣ не есть торговля, а только продажа своихъ избытковъ.

Такимъ образомъ торговля въ истинномъ смыслѣ есть *такая исключительная и самостоятельная операція, которая имѣетъ цѣлью быть вѣчной посредницей между производителемъ и потребителемъ*; другими словами, это есть вѣчная купля продуктовъ

---

(1) Акты Арх. Эксп. т. I, № 9.

въ одномъ мѣстѣ, у однихъ лицъ и вѣчная продажа ихъ въ другомъ мѣстѣ, другимъ лицамъ. Слѣдовательно, ни продажа собственныхъ избытковъ производителемъ, ни покупка ихъ потребителемъ въ частности, въ отдѣльности не могутъ быть названы торговлей въ истинномъ смыслѣ. Послѣдняя, будучи производима внутри страны, получаетъ названіе торговли *внутренней*; направленная же въ иныя страны, къ другимъ народамъ становится торговлей *внѣшней*, заграничной, которая въ свою очередь подраздѣляется на *отпускную*, *привозную* и *транзитную*, или перевозную. Торговля внѣшняя бываетъ еще *активная* и *пассивная*, смотря потому, производится ли она собственными капиталами, головами и руками, или же получаетъ всѣ эти средства извнѣ; наконецъ всякая торговля можетъ быть *оптовая*, или *мелочная*, смотря потому, въ какихъ размѣрахъ производится она.

Подъ вліяніемъ этихъ общихъ понятій о торговлѣ, мы спросимъ самихъ себя: была ли въ Россіи описываемаго періода торговля въ истинномъ смыслѣ этого слова, и если была, то въ какой формѣ она производилась и дѣйствительно ли была такъ постоянна, дѣятельна и обширна, какъ того хотѣли до сихъ поръ всѣ наши изслѣдователи, прямо или не прямо трактовавшіе объ этомъ предметѣ [1]?

Мы сказали, что торговля въ истинномъ смыслѣ слова есть исключительное и самостоятельное занятіе, имѣющее цѣлію быть вѣчнымъ посредникомъ между производителемъ и потребителемъ. Изъ этого опредѣленія уже нетрудно замѣтить, что бытіе такой торговли необходимо предполагаетъ: во-первыхъ, бытіе *матеріала*, или, что то же, промышленности первоначальной, либо мануфактурной, безъ которой нечѣмъ было бы торговать; во-вторыхъ, бытіе *капиталовъ*, которые бы постоянно и исключительно употреблялись для торговли; и наконецъ, въ-третьихъ — бытіе *особаго сословія лицъ*, для которыхъ торговля была бы занятіемъ постояннымъ и исключительнымъ. Очевидно слѣдовательно, что вопросъ – была ли торговля въ древнѣйшей Руси? — можетъ быть окончательно рѣшенъ только тогда, когда будутъ рѣшены слѣдующіе частные: а) была ли про-

---

[1] *Карамзинъ* въ Ист. Гос. Рос. т. I, стр. 242, 244 и др.; *Григорьевъ* въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. I, стр. 163, 160 и др. *Френъ* — въ Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte... стр. 80, 81, въ Bullet. scient. publié par l'Academie des sciences... p. IX № 212; *Погодинъ* въ Изсл. Зам. и Лекц. о Русск. Ист. т. II, стр. 369, т. III, стр. 256, 259, 287, 296 и др, *Бѣляевъ* въ «Чтеніяхъ въ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др» за 1846 г. № 3, стр. 13; *Савельевъ* — въ Мухамм. Нумизм. стр. XLI, XLVI, LXII, CX, CXXX, CLI, CLXIII, CLXIV, CXCVII, CXCVIII и мн. др.; *Неизвѣстный* въ Москвитянинѣ за 1847 г. № 1, въ статьѣ о Пермякахъ, стр. 201 — 216, etc, etc, etc...

мышленность? b) были ли капиталы? и наконецъ c) было ли торговое сословіе?

Итакъ — a) *Была ли промышленность въ древнѣйшей Руси?*

Если невозможно представить себѣ общество безъ торговли, точно также, какъ невозможно представить себѣ торговлю безъ промышленности, то съ другой стороны неоспоримо, что и промышленность и торговля имѣютъ такія же ступени своего развитія, какія проходитъ общество, среди котораго возникаютъ промышленность и торговля, что слѣдовательно развитіе промышленности и торговли идетъ дружно, гармонически, объ руку съ развитіемъ самого общества.

Исторія застаетъ русское общество на той ступени развитія, въ которой коренится *основное начало* если не всѣхъ, то конечно большей части его нынѣшнихъ интересовъ; нелѣпо было бы дѣлать исключеніе для промышленности и торговли. И ихъ основное начало, безспорно, скрывается въ томъ же обществѣ, которое, путемъ вѣкового историческаго развитія, дошло до современныхъ формъ; но дѣло въ томъ, что и успѣхъ ихъ долженъ былъ всегда итти рука объ руку съ успѣхомъ самого общества; долженъ былъ, говоримъ мы, потому, что промышленность и торговля суть такіе интересы, бытіе которыхъ *предполагаетъ* бытіе самого общества и безъ него немыслимо, что слѣдовательно всякой шагъ впередъ промышленности и торговли необходимо отражается на всей остальной жизни этого общества. Отсюда-то промышленность и торговля, какъ это дознано исторіей всѣхъ европейскихъ государствъ, суть сильнѣйшіе двигатели цивилизаціи, и мы видѣли уже, что народы торговые всегда отличались и своею образованностью и своимъ благоденствіемъ.

Что́ и у насъ, въ описываемый періодъ, промышленность и торговля стояли на низкой ступени развитія, — это покуда, не говоря о фактахъ, видно изъ того, что именно этой-то цивилизаціи, которая является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ быстраго и самостоятельнаго развитія промышленныхъ силъ, этой-то цивилизаціи и нѣтъ въ первобытномъ обществѣ нашемъ. Въ самомъ дѣлѣ, необъятность территоріи, имъ занимаемой, а вслѣдствіе того невозможность частыхъ столкновеній и взаимной мѣны нуждъ и избытковъ, несмѣтное множество лѣсовъ и болотъ, а вслѣдствіе того суровость климата и дикость природы, — все это, въ связи со многими другими обстоятельствами, до того разъединяло народонаселеніе древней Руси, что не только цѣлыя племена, но даже отдѣльные роды являются строго исключительными и строго изолированными: «живяху» — говоритъ лѣтописецъ — «кождо съ ро-

домъ своимъ, володѣя родомъ»; малѣйшее соприкосновеніе ихъ интересовъ вызывало борьбу: вставалъ родъ на родъ и «быша усобицѣ».

Но несравненно сильнѣйшей пружиной изолированности и разъединенія былъ самый образъ жизни этихъ родовъ: средиземное положеніе территоріи съ одной стороны и обиліе лѣсовъ съ другой естественно должны были указать на два промысла, какъ на главные источники, способные удовлетворить первѣйшимъ потребностямъ жизни — утолить голодъ и прикрыть наготу; мы говоримъ о хлѣбопашествѣ и о звѣриной ловлѣ, о которыхъ извѣстія современны съ извѣстіями о самой Руси и въ теченіи вѣковъ неразлучны съ ними.

Разсмотримъ теперь каждый изъ этихъ промысловъ порознь, покажемъ, сколько возможно, степень ихъ обширности и, въ заключеніе, исчислимъ тѣ явленія, которыми необходимо должны были сопровождаться и дѣйствительно сопровождались они.

Во-первыхъ, *хлѣбопашество*.

Что хлѣбопашество существовало въ описываемый періодъ у всѣхъ племенъ, вошедшихъ потомъ въ составъ Россіи, это очевидно изъ лѣтописи. Такъ, въ 862 году словене, чудь и кривичи говорятъ варягамъ-руси: «вся земля наша велика и *обилна*».. (1); а извѣстно, что *обиліе* означало на ихъ языкѣ именно *хлѣбъ* (2); поляне оттого и назывались полянами, «занѣ же *въ полѣ* сѣдяху, а первѣе бѣша словѣне» (3); въ 946 году, когда Ольга пошла на древлянъ и не могла взять ихъ города, то употребила слѣдующую хитрость: послала сказать осажденнымъ: «что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши преда-

---

(1) Лавр. лѣт. г. 6370.

(2) Въ Новг. перв. лѣт. подъ 1289 годомъ сказано: и пріиде Семенъ Михайловичь (одинъ изъ старѣйшинъ новгородскихъ) въ Торжекъ и сѣде въ Торъжку засадою.... а *обиліе* все попровади въ Новгородъ въ лодіахъ. а въ Новгородѣ *хлѣбъ* бяше дорогъ» ... подъ 1291 г.: «*поби морозъ обиліе* по всей волости Новгородской»; подъ 1311: «ходиша Новгородци.... за море, на Емь.... села великая пожгоша, *обиліе все потравиша*»; въ Лавр. лѣтоп. подъ 1071 годомъ это слово употреблено еще въ обширнѣйшемъ смыслѣ: «бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣи области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: яко вѣ свѣвѣ кто *обилье* держать: и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си *жито* держить, а си *медъ*, а си *рыбы*, а си *скору*»... Вел. князь Дмитрій Ивановичъ, завѣщевая сыновьямъ своимъ бояться Бога, чтить родителей и хранить миръ и любовь между собою, говоритъ имъ, что въ такомъ случаѣ.... «облегчится тягота земли вашей, и *умножатся обиліа на ней*». (См. у Древн. Лѣтоп. ч. II, стр. 160). Отсюда и «*Купало* — говоритъ лѣтописецъ — яко же мню бяше Богъ *обиліа*» (Густин. лѣт. стр. 257, во II томѣ Полн. Собр. русск. лѣтописей). Соображая всѣ эти значенія, мы видимъ, что выраженіе «наша земля обилна» значитъ «наша земля воздѣлана, хлѣбородна».

(3) Лавр. лѣт. г. 6406.

шася мнѣ и яшася по дань и *дѣлають нивы своя и землѣ своя*» [1]. Обманутые древляне предложили дань и тѣмъ обнаружили свой земледѣльческій характеръ. Въ 946 г. вятичи на вопросъ Святослава: кому вы платите дань? отвѣчали: «Козаромъ по щьлягу *отъ рала* даемъ» [2]; а Владиміръ, вторично побѣдивъ ихъ, «взложи нань дань *отъ плуга*, яко же и отецъ его имяше» [3]; въ 977 году бѣлогородскій старецъ предложилъ согражданамъ, которые рѣшились уже предаться печенѣгамъ: «сберѣте аче и по горсти *овса*, или *пшеницѣ*, ли *отрубъ*» [4].... Можно бы привести и болѣе подобныхъ мѣстъ изъ лѣтописи, но и эти достаточно убѣждаютъ насъ, что хлѣбопашество извѣстно было всѣмъ племенамъ славянскимъ, что всѣ они питались своимъ хлѣбомъ, отъ своихъ трудовъ, отъ своей земли.

Но съ другой стороны отсюда далеко еще нельзя заключить, чтобы хлѣбопашество это было промышленностью въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово теперь, — въ смыслѣ собственно такъ называемаго производства, основаннаго на раздѣленіи занятій.

Промышленностью оно во-первыхъ *не могло быть*. Извѣстно, что хлѣбопашество тѣснѣйшими узами связано съ скотоводствомъ; одно безъ другого ни существовать въ обширныхъ размѣрахъ, ни тѣмъ менѣе процвѣтать не можетъ. Такая тѣсная связь и взаимное воздѣйствіе этихъ двухъ отраслей земледѣлія основывается въ наше время на необходимости не только обработывать, но и удобрять почву земли съ помощію скота; необходимость же эта вызвана, въ свою очередь, множествомъ разнаго рода иныхъ причинъ — постепеннымъ уменьшеніемъ количества пахатныхъ земель, вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія, постепеннымъ истощеніемъ земли, постепенно увеличивающимся запросомъ земледѣльческихъ произведеній и т. д. Въ Руси описываемаго періода не было ни одной отрасли скотоводства: «Руссы — говоритъ императоръ Константинъ Багрянородный – пріобрѣтаютъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ отъ печенѣговъ и такимъ образомъ съ помощію ихъ *удобнѣе и пріятнѣе проводятъ жизнь, ибо ни одна изъ этихъ породъ не разводится въ Россіи*» [5].

---

(1) Лавр. лѣт. г. 6454.

(2) Ibidem г. 6472.

(3) Ibidem г. 6489.

(4) Ibidem г. 6505.

(5) Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Moeotidem Caucasum mare Caspium et inde magis ad Septemtriones incolentium, e Scriptoribus Historiae Byzantinae erutæ et digestæ ab J. G. Strittero. Petropoli. MDCCLXXIV. tom. II, p. 980, § 33: «ab ipsis (Patzinacitis) enim boves, equos et oves comparant (Russi); atque horum ope, *facilius suaviusque vitam agunt: nullum quippe horum animalium in Russia nascitur*»....

Но если не было скотоводства, то не было и необходимости, на которой основана тѣсная связь его съ хлѣбопашествомъ; если же не было этой необходимости, то очевидно не было и причинъ, вызвавшихъ ее; то есть: народонаселеніе было скудно, пахатныхъ земель, свѣжихъ, неистощенныхъ было много, запросъ земледѣльческихъ произведеній если и былъ, то въ размѣрахъ самыхъ ничтожныхъ и т. *д.* Другими словами, хлѣбопашество не могло быть промышленностью, субстратомъ торговли; оно существовало, какъ частный промыселъ каждаго рода и каждой семьи, какъ средство для поддержанія ихъ жизни, какъ сѣмя, изъ котораго оно впослѣдствіи должно было развиться и стать на степень промышленности. Этимъ-то и объясняется отсутствіе искуственной обработки полей и довольство тѣмъ, что̀ непосредственно производила сама природа; искуственность не была необходима, иначе она бы существовала, ибо нужда есть лучшій учитель. Если при этомъ мы обратимъ вниманіе на условія физическія — болотистую почву земли, обиліе лѣсовъ, суровость климата и пр., если вспомнимъ, что еще въ XV вѣкѣ изъ нынѣшней Казани ѣздили въ Сибирь *на собакахъ*, какъ ѣздятъ теперь въ одной Камчаткѣ [1], — если наконецъ сообразимъ извѣстіе Абу-Хамеда Андалуси (въ половинѣ XII вѣка), который положительно говоритъ, что даже среди лѣта въ нынѣшней казанской губерніи снѣгъ не успѣвалъ вездѣ стаять, что цѣлые полъ-года земля оставалась промерзшею и была крѣпка какъ желѣзо, такъ-что невозможно было раскопать ее, чтобы хоронить покойниковъ [2], то окончательно убѣдимся въ справедливости всего сказаннаго. Конечно всѣ эти условія имѣли мѣсто главнымъ образомъ на сѣверѣ, но вѣдь о немъ-то мы и должны говорить по преимуществу, ибо бо̀льшая часть нынѣшней южной Россіи принадлежала хозарамъ, половцамъ, печенѣгамъ, грекамъ и пр.

Хлѣбопашество во-вторыхъ и *не было* промышленностью. Это до очевидности подтверждается тѣмъ, что если вслѣдствіе неурожая, войны или другихъ какихъ причинъ, голодъ грозилъ какому-либо городу, то послѣдній не только не имѣлъ собственныхъ средствъ устранить это бѣдствіе, но обыкновенно «бяше при конци», по выраженію лѣтописца [3]; люди принуждаемы были или питаться листьями, древесной корой, соломой, кониной и т. п., или же расходиться «по чюжимъ землямъ». Отсюда та невѣроятная смертность, вслѣдствіе которой нанимали даже иногда особенныхъ людей возить изъ

(1) Мухам. Нумизм. стр. CXXXII и CCX.
(2) Ibid. стр. CCIX.
(3) Новг. перв. лѣт. г. 6739.

города мертвецовъ, по причинѣ дурного запаха (1). Въ наше время подобныя явленія – весьма рѣдкія исключенія изъ правила, притомъ обусловливаются цѣлою совокупностью причинъ, болѣе или менѣе оправдывающихъ эти явленія; укажу для примѣра на Ирландію; въ лѣтописи, напротивъ, онѣ встрѣчаются почти безпрерывно и бо́льшею частію такъ, что вполнѣ подтверждаютъ наши слова. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, напримѣръ, что въ 1127 году «на *осень* морозъ поби всю рожь, озимици; и бысть гладъ *черезъ зиму*, ръжи осминка по *полугривнѣ*» (2); не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году въ Новѣгородѣ уже «*лютѣ бяше*: осминъка ръжи *по гривнѣ бяше*» (3). Такое быстрое возвышеніе цѣны, указывая съ одной стороны на незначительность новгородскаго рынка въ XII вѣкѣ, съ другой всего осязательнѣе убѣждаетъ насъ въ отсутствіи всякаго соперничества между землевладѣльцами и земледѣльцами; оно ясно говоритъ намъ, что всякой изъ нихъ, если и воздѣлывалъ землю, то только для удовлетворенія своимъ потребностямъ, для своего обихода. Но если таково было хлѣбопашество на сѣверѣ въ XII вѣкѣ, что́ же сказать объ обширности его въ XI, X, IX столѣтіяхъ?!...

Что́ касается до южныхъ племенъ нашихъ, то и они въ этомъ отношеніи, кажется, недалеко опередѣли своихъ сѣверныхъ собратій; по-крайней-мѣрѣ у лѣтописца нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы въ эпоху нашего изслѣдованія хлѣбъ составлялъ предметъ отпускной торговли ихъ, хотя, напротивъ, о другихъ продуктахъ это говорится очень ясно (4). Есть, правда, одно извѣстіе у арабовъ, но оно, по обыкновенію, весьма кратко, а потому самому такъ неопредѣленно, что трудно сослаться на него. Якутъ и Ибнъ-Хаукаль говорятъ почти единогласно, что «der Chasaren Nahrung besteht hauptsächlich in Reis und Fischen; *was sich ausserdem bei ihnen findet*, wird ihnen von den Russen und aus Bulghar und aus Kersabe (такъ у Якута; у Ибнъ-Хаукаля — Kerbane. Френъ, а за нимъ и г. Савельевъ, переводятъ это слово Кіевомъ. См. Ibn-Foszlans.... s. 148 и сл. и Мухам. Нумизм. стр. LXI) zugeführt» (5). Если и предположить, что въ числѣ этого *ausserdem* былъ хлѣбъ, то все таки скорѣе можно думать, что онъ вывозился изъ Булгаріи, гдѣ земледѣліе болѣе похоже было на промышленность, нежели изъ Кіева, гдѣ оно, по всему вѣроятію, составляло только частный промыселъ. Лѣтописецъ имѣлъ случай говорить о продуктахъ, вывозимыхъ изъ Руси (т. е. Кіева), но ничего не ска-

(1) Новг. перв. лѣт. гг. 6636, 6669, 6678, 6723, 6738 6739 и мн. др.
(2) Ibidem г. 6635.
(3) Ibidem г. 6636.
(4) См. напр. Лавр. Лѣт. г. 6477.
(5) Ibn. Foszlan's und and. arab. Berichte. von Frähn. s. 147 и 71.

залъ о хлѣбѣ, между тѣмъ какъ о хлѣбныхъ запасахъ Булгаріи онъ говоритъ положительно (¹).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы приходимъ къ тому результату, что хлѣбопашество и не могло быть и дѣйствительно не было промышленностью. Будучи же частнымъ промысломъ каждаго рода и каждой семьи, оно очевидно долженствовало воспитать въ древней Руси *изолированность быта* во столько, во сколько каждый родъ и каждая семья сами удовлетворяли первѣйшимъ потребностямъ жизни и не нуждались во взаимной помощи. Отсюда цѣлый рядъ явленій, рѣзко характеризующихъ быть древней Руси, общественный и домашній.

И во-первыхъ, *отсутствіе городовъ* въ томъ истинномъ значеніи этого слова, при которомъ только и можетъ быть отличенъ городъ отъ села и деревни, въ значеніи «средоточія механическихъ искусствъ, ремесленной и мануфактурной промышленности» (²), а слѣдовательно и торговли. Въ этомъ смыслѣ города стали появляться у насъ не ранѣе, какъ съ періода царей и въ особенности со времень императоровъ. Какъ же, спрашивается, объяснить такое противорѣчіе съ лѣтописью, которая, какъ извѣстно, упоминаетъ о городахъ въ Россіи даже въ IX вѣкѣ?... (³) Но здѣсь и нѣтъ его.... Г. Григорьевъ хотя и говоритъ въ превосходной статьѣ своей «о куфическихъ монетахъ», что на пространствѣ всей почти древней Руси «были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи *торговыхъ поселеній*, которыя пользовались извѣстною *безопасностью* и въ которыхъ развиты были первыя начала *гражданскаго благоустройства* (⁴);» но мнѣніе это не выдерживаетъ и самой легкой критики. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о безпрерывно встрѣча-

(¹) См. ниже, стр. 125. прим. 6.

(²) Отеч. Зап. 1847. № 6, отд. IV, стр. 46.

(³) Лавр. Лѣт. г. 6370: «изbrашася 3 братья и (Ипат. и Хлѣбник.) придоша къ словѣномъ первѣе и срубиша *городъ* Ладогу».... Рюрикъ «раздая мужемъ.... своимъ *грады*».... «и сруби *городъ* надъ Волховомъ».... «и раздая мужемъ своимъ *городы* рубити».... «и по тѣмъ *городомъ* суть находници Варязи».... г. 6390: Олегъ «пріа *градъ* Смольнескъ».... «се буди мати *градомъ* русскимъ».... «се же Олегъ нача *городы* ставити».... и пр. и пр. и пр.

(⁴) Зап. Од. Общ Ист. и Др. т. I, стр. 160. «У насъ — говоритъ очень справедливо г. Погодинъ—*гражданскаго образованія* не было никакого». (Изсл. Зам. и Лекц. т. III, стр. 517). Что не было и *безопасности*, — это всего яснѣе доказываетъ обычай хоронить свои богатства въ землю. (Ист. Гос. Рос. т. I стр. 61 и Мухам. Нумизм. стр. XXIII). Да наконецъ и самъ авторъ нѣсколько выше говоритъ именно, что предки наши «смотрѣли на монету, какъ на цѣль, а не какъ на средство, изъ чего видно, что они имѣли нужды самыя ограниченныя, *стояли еще на очень низкой степени гражданственности*». (Ibidem стр. 158).

ющихся у лѣтописца выраженіяхъ — «города *рубити*, *ставити* (1)», которыя ясно указываютъ на городъ, какъ на изгороду — *castrum*, κάστρον (2), — самое отсутствіе раздѣленія труда достаточно убѣждаетъ, что въ описываемую эпоху Россія не могла имѣть городовъ въ истинномъ смыслѣ слова: гдѣ всякой самъ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ своимъ, тамъ не можетъ быть городовъ, тамъ они ненужны. И вотъ, безъ сомнѣнія, главная причина, почему древніе города наши суть тѣже села (3), съ тѣмъ только различіемъ, что они вопервыхъ обнесены стѣной — живымъ свидѣтелемъ той ступени гражданственности, на которой человѣкъ, имѣя все необходимое подъ рукой, ограждаетъ себя отъ всякаго столкновенія съ другими ему подобными и живетъ патріархально съ родомъ своимъ (4); во-вторыхъ, что города эти суть резиденціи князей или ихъ мужей, что слѣдовательно въ нихъ сосредоточивается вся администрація и, eo ipso, бóльшее (относительно) народонаселеніе.

Въ пользу этого значенія древнихъ городовъ склонился недавно и г. Погодинъ (5), отказавшись отъ прежняго своего мнѣнія, высказаннаго еще въ двадцатыхъ годахъ (6). Впрочемъ такой оборотъ во мнѣніи ен далеко повелъ автора изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи; у него бытіе городовъ, въ значеніи «крѣпостей и остроговъ», нисколько не помѣшало бытію «обширной, дѣятельной и постоянной торговли», которую громко восхваляетъ онъ (7), не подозрѣвая вовсе очевидной непослѣдовательности; одно изъ двухъ: или города были городами, и слѣдовательно обширная, постоянная и дѣятельная торговля вызвала ихъ существованіе; или, напротивъ, города были селами, и слѣдовательно не было обширной, дѣятельной и постоянной торговли. Что̀ касается наконецъ до автора Мухаммеданской Нумизматики, то едва ли кто-нибудь можетъ сказать — каково его мнѣніе о древнихъ городахъ нашихъ. Повидимому, онъ не-прочь и отъ нашего мнѣнія;

(1) См. выше, стр. 122 прим. 3.

(2) Mem. popul. t. II, p. 982, § 37 и выноска подъ буквой *i*.

(3) Лавр. лѣт. г. 6454: Ольга говоритъ древлянамъ: «а вси *гради* ваша.... *дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя*».

(4) Г. Савельевъ конечно не принималъ во вниманіе этого патріархальнаго, исключительнаго быта, когда, говоря о славянахъ вообще, назвалъ любовь ихъ срубать города въ мѣстахъ своего поселенія «*разительною* чертою ихъ начальной исторіи» (Мухам. Нумизм. стр. CLXXXIX); иначе эта «разительность» сгладилась бы и стала бы очень простой и понятной чертою.

Прим. Ред. Города у древнѣйшихъ славянъ строились для защиты отъ непріятелей: поэтому едва ли можно, согласно съ авторомъ, видѣть въ нихъ явленія патріархальной обособленности.

(5) Изсл. Зам. и Лекц. т. III стр. 501.

(6) Ibid. стр. 51.

(7) Ibidem. т. II стр. 369, т. III стр. 256, 259, 287, 296 и др.

по-крайней-мѣрѣ, объясняя константиновы города (castra) Кіевъ и Витичевъ, онъ именно говоритъ, что «слово *городъ* надлежитъ понимать *здѣсь*, какъ у Нестора, *въ древнемъ его значеніи огороженнаго, т. е. укрѣпленнаго мѣста* [1]; но далѣе, сказавъ, что «существованіе городовъ необходимо предполагаетъ торговлю» [2], онъ очевидно даетъ древнимъ городамъ нашимъ совершенно иное значеніе; ибо думаетъ, что торговля наша уже *въ началѣ IX вѣка* была такъ обширна и до того развита, что успѣла образовать *огромные торговые союзы*, привести ихъ къ *идеѣ государства* [3], и чуть-чуть не породила банковъ, страховыхъ и иныхъ компаній, вообще тѣхъ разнообразныхъ учрежденій, которыя являются послѣдними результатами вѣковаго развитія промышленныхъ силъ народа; и, безъ сомнѣнія, она бы породила все это, если бы «уменьшеніе пушныхъ звѣрей въ европейской Россіи» [4] и нѣкоторыя другія обстоятельства тому не воспрепятствовали.

Вторымъ, не менѣе важнымъ продуктомъ земледѣльческо-изолированнаго быта нашихъ предковъ является *отсутствіе внутренней торговли, какъ торговли*, и несомнѣнное существованіе ея въ первоначальной формѣ — въ формѣ непосредственной мѣны продукта на продуктъ, но и то въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ, ничтожныхъ. Мы видѣли уже, что въ древней Руси всякой самъ удовлетворялъ всѣмъ своимъ потребностямъ; слѣдовательно, говоря вообще, тамъ нѣтъ нужды, но зато нѣтъ и избытка, ибо всякой пріобрѣталъ столько, сколько *ему* нужно и сколько производила природа, не заботясь о другихъ; тамъ нѣтъ поэтому и взаимныхъ сношеній, ибо они и трудны и не необходимы; а извѣстно, что только нужда выдумываетъ необходимое и полезное, только избытокъ утончаетъ эти выдумки, только взаимныя и постоянныя сношенія ведутъ къ гражданственности, къ цивилизаціи; тамъ нѣтъ слѣдовательно и цивилизаціи. A priori — такова должна была быть форма внутренней торговли, вслѣдствіе несомнѣнной изолированности быта и несомнѣннаго отсутствія раздѣленія занятій. Она и дѣйствительно была такова: въ 1279 году у ятвяговъ былъ голодъ; по этому поводу они обратились къ владиміро-волынскому князю Владиміру Васильковичу съ такимъ предложеніемъ: «пошли, господине, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ; чего восхочешь *воску* ли, *бѣли-ль, бобровъ-ли, черныхъ ли кунъ, сребра* ль, мы ради дамы». Владиміръ

(1) Мухин. Нумизм. стр. CXXXIX, пр. 253.

(2) Ibidem стр. CXC.

(3) Ibidem стр. XLI, XLVI, LXII, CX; CXXX, CLI, CLXIII, CLXIV, CXCVII — CXCIX и мн. др.

(4) Ibidem, стр. CCII CCV.

согласился и отправилъ изъ Берестья къ нимъ «жито, въ лодіахъ, по Бугу, съ людьми добрыми, кому вѣря» ([1]). Это драгоцѣнное извѣстіе лѣтописца есть, безъ сомнѣнія, одно изъ тѣхъ, которыя допускаютъ множество разнообразныхъ и въ высокой степени интересныхъ заключеній. Мы остановимся покуда только на одномъ изъ нихъ и скажемъ: если въ концѣ XIII вѣка ятвяги смотрѣли на торговлю, именно какъ на непосредственную мѣну продукта на продуктъ, при чемъ даже серебро разсматривалось какъ товаръ, а не какъ мѣрило цѣнности, не представитель ея, не орудіе мѣны, — то нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ томъ, что и всѣ туземныя племена, въ нами описываемый періодъ, смотрѣли на торговлю съ той же точки зрѣнія, производили ее въ той же формѣ. Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что «ровное положеніе территоріи содѣйствовало одинаковости отношеній, гражданскому равенству — вездѣ однѣ и тѣ же выгоды и невыгоды» ([2]); а Карамзинъ положительно говоритъ, что «торговля Славянъ, до введенія Христіянства въ ихъ земляхъ, состояла *только въ обмѣнѣ вещей:* они не употребляли денегъ, а *брали золото отъ чужестранцевъ*, *единственно какъ товаръ*» ([3]).

Если таковъ былъ характеръ внутренней торговли, и если, съ другой стороны, ея развитіе есть необходимое мѣрило, масштабъ для развитія торговли внѣшней, то и послѣдняя, въ свою очередь, долженствовала быть, во-первыхъ, ничтожна, во-вторыхъ — имѣть непосредственно-мѣновой характеръ. Что дѣйствительно она была ничтожна — это мы отчасти видѣли, сказавъ, что въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ она осталась у насъ безъ всякихъ результатовъ, какими вездѣ и всегда сопровождалось ея цвѣтущее состояніе; фактическія доказательства мы увидимъ послѣ. Что дѣйствительно она имѣла непосредственно-мѣновой характеръ, — на это есть множество данныхъ. Такъ, торговля волжскихъ булгаръ съ Югрой и Весью была чисто мѣновая, — булгарскіе, а съ XI вѣка и новгородскіе купцы давали Югрѣ желѣзо, «сѣкиры» ([4]), получали «скорою противу» ([5]); къ Веси волжскіе булгары привозили свой хлѣбъ и вымѣнивали его на мѣха бобровые, собольи и бѣличьи ([6]); руссы, пріѣзжавшіе въ Итиль съ невольницами и мѣхами, молили своихъ боговъ о ниспосланіи имъ купца съ золо-

([1]) Ипат. Лѣт. г. 6787.
([2]) Изсл зам. и Л. т. III стр. 544.
([3]) Ист. Гос. Рос. т. I стр. 67.
([4]) Мух. Нум., стр. CVI.
([5]) Ibidem., стр. CXXVIII, CXXXII, CLV, Лавр. Лѣт. г. 6604.
([6]) Мух. Нум., стр. CXXVII; что изъ волжской Болгаріи дѣйствительно вывозился хлѣбъ, это можно видѣть и изъ лѣтописи: въ Суздальской области въ 1024 г., о причинѣ голода, вспыхнулъ мятежъ великъ — «идоша по Волзѣ всѣ людье въ *Болгары и привезоша жито и тако ожиша*» (Лавр. Лѣт. г. 6532).

тыми и серебряными деньгами (¹), слѣдовательно бывали купцы и съ другими продуктами, ибо въ молитвѣ этой выражаются желанія особенно-интересныя или по-крайней-мѣрѣ не слишкомъ вседневныя; руссы, торговавшіе съ Греціей, возили туда невольниковъ, привозили золото и паволоки, вина и плоды (²), въ Переяславецъ привозились изъ Руси скора и воскъ, медъ и челядь; вывозились оттуда, можетъ быть, продукты Греціи, серебро и комони чешскіе и венгерскіе (³); однимъ словомъ, вездѣ или ясно видѣнъ, или весьма вѣроятенъ непосредственно-мѣновой характеръ внѣшней торговли нашей. Итакъ, если въ этомъ отношеніи внѣшняя торговля пребыла такъ вѣрна характеру внутренней, то отсюда уже необходимо слѣдуетъ и то, что, при совершенной неразвитости послѣдней, не могла быть развита и первая, что слѣдовательно и она, какъ и торговля внутренняя, существовала только въ зародышѣ, не могла быть ни цвѣтущей, ни обширной, ни дѣятельной. Мы увидимъ далѣе, что она и не была такою; здѣсь же остановимся на одномъ весьма важномъ явленіи, которое было необходимымъ результатомъ непосредственно-мѣнового характера внѣшней торговли нашей: мы говоримъ о монетахъ, во множествѣ найденныхъ и находимыхъ въ Россіи. Всѣ изслѣдователи наши смотрѣли до сихъ поръ на это множество (впрочемъ весьма относительное) монетъ, какъ на самое осязательное, наличное доказательство того, что такъ называемый торговый балансъ былъ постоянно на сторонѣ древней Руси. «Это множество находимыхъ монетъ — говоритъ г. Френъ — превосходящее всякое вѣроятіе, доказываетъ вмѣстѣ, что вывозъ сѣверныхъ товаровъ.... гораздо превышалъ ввозъ южныхъ.... иначе нельзя бы было остаться на сѣверѣ такому множеству арабскихъ монетъ» (⁴). Мысль почтеннаго академика единогласно подтверждена и другими учеными, гг. Григорьевымъ (⁵) и Савельевымъ (⁶) и безусловно принята г. Погодинымъ (⁷); но сдѣлалась ли она оттого вѣрнѣе, получила ли право гражданства въ исторіи нашей торговли и можетъ ли считаться аксіомой,—это вопросъ, на который отвѣчать утвердительно нѣтъ никакой возможности. Мы видѣли, что характеръ нашей торговли, внутренней и внѣшней, былъ *непосредственно-мѣновой*; видѣли далѣе, что и въ той и въ другой серебро,

---

(¹) Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte von Frähn, s. 9.
(²) Объ этомъ см. ниже.
(³) Лавр. Лѣт. г. 6477.
(⁴) Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte.... s. 80—81. Bulletin scient p. IX № 202 и Мух. Нумизм. стр. 5.
(⁵) Записки Одесскаго Общ. Ист. и Др., стр. 157.
(⁶) Мухам. Нумизм., стр. LXII и LXXXIX.
(⁷) Изсл., Зам. и Л., т. III, стр. 288—290.

серебряныя и золотыя деньги (¹) разсматривались какъ товаръ, какъ самостоятельная цѣнность, и отнюдь не какъ представители ея, не какъ орудіе мѣны. Русь давала свои произведенія и получала въ замѣнъ продукты другихъ народовъ; если *въ числѣ этихъ продуктовъ*, слѣдовательно какъ продуктъ, были серебряныя и золотыя деньги, — это считала Русь, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, за особенную милость боговъ, — милость, достойную великихъ жертвоприношеній (²). Спрашивается теперь, по какому основанію мы смотримъ на эти деньги, какъ на приплату за превышающее будто бы количество товаровъ, нами вывозимыхъ, предъ количествомъ другихъ, привозимыхъ къ намъ? Если бы наши мѣха были также долговѣчны, какъ арабскія монеты, то нечего было бы и говорить о выгодахъ торговаго баланса: онѣ были бы очевидны; но съ другой стороны, если суждено было сгнить мѣхамъ, то все же уцѣлѣли извѣстія очевидца, которому, какъ такому, мы имѣемъ полную обязанность вѣрить и никакого права — не вѣрить: слова прямѣе, положительнѣе, а потому и убѣдительнѣе всякихъ догадокъ, а тѣмъ болѣе такихъ, которыя являются плодами живого воображенія. Если теперь эти слова ясно говорятъ намъ, что монета отдавалась, въ качествѣ товара, за другой товаръ, ей *равноцѣнный* или по-крайней-мѣрѣ *кажущійся равноцѣннымъ*, то говорить послѣ этого о торговомъ балансѣ есть очевидная мечта, утверждать выгоды этого баланса за собою — одно самообольщеніе. Но откажемся на минуту отъ добытыхъ нами результатовъ; посмотримъ, что̀ выйдетъ?

Русь — говоритъ Ибнъ-Фоцланъ — доставлявшая въ Итиль невольницъ и мѣха, *умаливала* своихъ боговъ о ниспосланіи ей купца съ золотыми и серебряными деньгами, слѣдовательно не столько хлопотала о выгодности сбыта вообще, сколько въ особенности о пріобрѣтеніи золотыхъ и серебряныхъ денегъ — фактъ очень естественный: извѣстно, что младенцу огонь нравится именно потому, что онъ блеститъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что точно также поступала Русь и въ Булгарѣ, и въ Буртасѣ, и у себя дома, имѣя дѣло съ пріѣзжими купцами, и т. д.; ибо невозможно же предположить, что именно здѣсь она изъ младенца-Руси вдругъ становилась взрозлой, опытной Русью и вдругъ начинала понимать ту великую истину, что въ торговлѣ деньги играютъ послѣднюю роль, — истину, противъ которой такъ грозно возставалъ даже XVII вѣкъ, въ лицѣ послѣдователей меркантильной системы. Съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что эта слабость нашей Руси, эта безотчетная, но потому-то и

(¹) См. выше, стр. 118 и 119.
(²) Ibn-Foszlan's... s. 9.

естественная, страсть ея къ золоту и серебру была извѣстна и мусульманамъ, и евреямъ, и вообще всѣмъ тѣмъ, съ которыми она производила свою мѣну. Лучшее доказательство тому представляетъ тотъ же Ибнъ-Фоцланъ, который въ 922 г. самъ видѣлъ руссовъ въ Итилѣ и который слѣдовательно писалъ о нихъ съ натуры. Но извѣстно, что народы мусальманскіе, и въ особенности евреи, съ древнѣйшихъ временъ отличались высокимъ развитіемъ промышленнаго духа, необыкновенною изворотливостью, или, говоря языкомъ и смысломъ нашего простолюдина, необыкновенною «вороватостью» въ дѣлахъ торговыхъ: самъ «пророкъ» завѣщалъ своимъ послѣдователямъ «куплю и продажу» ([1]), жидамъ завѣщала ее ихъ исторія: недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, и кіевляне, по смерти в. кн. Святополка (въ 1113 году) бросились грабить именно жидовъ ([2]), недаромъ и самъ в. князь избралъ именно ихъ агентами своего обогащенія ([3]). Поставьте же теперь этого мусульманина или этого еврея на одну доску съ нашимъ славяниномъ, цѣнившимъ такъ высоко золото и серебро только потому, что оно — золото и серебро; заставьте ихъ мѣняться своими товарами, — и вы не усомнитесь сказать, что послѣдній естественно долженствовалъ быть постоянной жертвой опытности перваго. Но, повторяемъ, мы удерживаемся отъ всякаго заключенія о торговомъ балансѣ по той простой причинѣ, что о немъ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ торговля является только на первой ступени своего развитія, гдѣ т. е. она существуетъ въ формѣ непосредственной мѣны продукта на продуктъ, и изъ всего сказаннаго выводимъ только ту неоспоримую истину, что на торговлю древней Руси нельзя смотрѣть глазами XIX вѣка,—иначе ошибки будутъ неизбѣжны и безпрерывны. Итакъ, арабскія монеты, найденныя, находимыя и впредь имѣющія быть найденными у насъ, никоимъ образомъ не могутъ быть доказательствомъ ни выгоднаго, ни невыгоднаго торговаго баланса, именно потому, что онѣ разсматривались какъ товаръ, конечно лучшій въ сравненіи съ другими, наиболѣе желаемый Русью, но все же какъ товаръ, равноцѣнный въ глазахъ Руси тому, на который онѣ вымѣнивались, слѣдовательно долженствующій быть таковымъ же и въ глазахъ нашихъ.

Отсюда уже шагъ къ другому, не менѣе важному и не менѣе новому заключенію. Всѣ наши нумизматы единогласно утверждаютъ, что монеты, у насъ находимыя, могли попасть въ Россію не позже, какъ когда еще обращались въ народѣ, т. е. около времени того го-

---

([1]) Мух. Нумизм., стр. XLVII.

([2]) Ипат. Лѣт. г. 6621.

([3]) Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома. Соловьева. М. 1847, стр. 123.

сударя, котораго имя и годъ царствованія выбиты на монетѣ». За основаніе здѣсь принятъ мусульманскій обычай, перешедшій потомъ въ законъ, считать монетный чеканъ первымъ признакомъ верховной власти, – обычай, вслѣдствіе котораго будто бы «деньги съ именемъ и титулами новаго государя скоро вытѣсняли изъ обращенія прежнюю монету» (¹). Не говоря уже о томъ, что нелегко вытѣснить изъ обращенія одну монету и замѣнить ее другою тамъ, гдѣ торговля является дѣятельною, гдѣ слѣдовательно монета и капиталы обращаются быстро; не говоря далѣе о томъ, что въ особенности нелегко безъ значительныхъ переворотовъ дѣлать подобныя операціи *скоро*, – для насъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ законъ, обязательный для народовъ мусульманскихъ, могъ быть въ тоже время обязательнымъ и для нашихъ племенъ. Мы видѣли уже, что послѣднія смотрѣли на куфическія монеты, какъ на товаръ; ихъ интересовала поэтому не номинальная цѣна этой монеты, не курсъ ея, болѣе или менѣе измѣняющійся вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; для нихъ важно было единственно то, что монета эта была серебряная или золотая: блескъ металла соблазнялъ ихъ, а не имя государя, не годъ и не надпись, на нёмъ изображенные. Нужно ли было имъ заботиться о томъ, будетъ ли эта монета имѣть курсъ дома, и будетъ ли этотъ курсъ равенъ ея первоначальной цѣнности, когда, по замѣчанію г. Григорьева, они не знали иного изъ нея употребленія, кромѣ того, вслѣдствіе котораго бо̀льшую часть ея поручали на сохраненіе землѣ (²), остальными же украшали себя и своихъ жонъ — обычай древній и довольно общій у насъ въ Руси; подъ 1150 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что когда князь Владиміръ Галицкій потребовалъ у мичанъ сребра, угрожая въ противномъ случаѣ взять ихъ на щитъ, то они, не зная какъ избавиться отъ этого требованія, «*емлюче сребро изъ ушью и съ шіи*, даяхуть Володимерю. Володимерь же, поимавъ серебро и поиде, *такоже емля сребро по всимъ градомъ, оли и до своей земли*» (³). Наконецъ, въ числѣ кладовъ, у насъ отрываемыхъ, есть множество болѣе или менѣе *истертыхъ* монетъ (⁴), ясно свидѣтельствующихъ, что онѣ зашли къ намъ уже послѣ болѣе или

(¹) Библіотека для Чтенія 1834 г. № 1-й, статья г. Сенковскаго; Мухамм. Нум., стр. XVI, XVII и XXIV; Записки Одес. Общ. Ист и Др., статьи г. Григорьева, стр. 151 и 314.

(²) Зап. Од. Общ. Ист. и Др., стр. 158.

(³) Ипат. лѣт. г. 6658 стр. 56. Обычай этотъ до сихъ поръ сохранился въ губерніяхъ пензенской, нижегородской и смежныхъ, съ тою разницею, что вмѣсто серебряной монеты употребляютъ кружочки изъ красной мѣди съ разными изображеніями и разной величины.

(⁴) См. напримѣръ Мух. Нум. стр. 121 № 8, 122 № 9, 143 и др.

менѣе продолжительнаго обращенія ихъ на мѣстѣ, и слѣдовательно не въ тотъ самый или не около того самого года, который изображенъ на нихъ. Если ко всему этому прибавимъ, что бо́льшая часть куфическихъ монетъ зашла къ намъ уже изъ вторыхъ рукъ, изъ рукъ волжскихъ булгаръ, которые были главными посредниками и дѣятелями въ торговлѣ нашей съ Азіей (¹), то окончательно убѣдимся въ справедливости сказаннаго. Извѣстно, что Булгары до X вѣка, въ которомъ сами стали чеканить монету съ именами своихъ царей, употребляли тѣже арабскія деньги (²). Спрашивается, могъ ли быть обязателенъ для нихъ законъ, о которомъ мы сказали выше, когда они имѣли *своихъ* царей, *свою* верховную власть, ни отъ кого не зависимую?... Итакъ, заключаемъ — не только не *исторически*, какъ того хочетъ г. Савельевъ, но и не логично утверждать, что «торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ можно начинать только съ послѣднихъ годовъ седьмаго вѣка» (³); тѣмъ болѣе не логично, что основаніе, на которомъ воздвигнуто это положеніе, слишкомъ шатко, слишкомъ непрочно. Разсмотримъ его. На всемъ протяженіи обширнаго русскаго царства найдены до сихъ поръ только *три* монеты конца VII вѣка. Изъ нихъ одна 699 года найдена во Владимірской губерніи не только *вмѣстѣ* съ такими же монетами VIII, IX и X вѣковъ (новѣйшая — 979 года), но даже *вмѣстѣ* съ нѣмецкими деньгами императоровъ Оттона II, Оттона III и Генриха (⁴), слѣдовательно попала сюда гораздо позже и ни въ какомъ случаѣ не раньше конца десятаго вѣка; другая, также 699 года, вырыта въ Могилевской губерніи и также въ числѣ другихъ, изъ которыхъ новѣйшія восходятъ до 802 года (⁵); слѣдовательно, и она попала сюда также не ранѣе этого года; наконецъ третья, найденная близь Демянска, по́ мнѣнію Х. М. Френа, «должна быть выбита между 697 и 714 годами»; слѣдовательно, во-первыхъ, она сомнительна, а во-вторыхъ, найдена опять *вмѣстѣ* съ другими, изъ коихъ позднѣйшая 825 года (⁶). Назвавъ эти три монеты громкимъ именемъ «*капиталовъ сѣверо-восточной торговли съ Востокомъ*» (⁷), г. Савельевъ пришелъ къ тому результату, что торговлю эту рѣшился «исторически» начинать съ послѣднихъ годовъ VII вѣка, нисколько не подозрѣвая, что эти огромные капиталы могли зайти въ Россію гораздо позже,

(¹) Мух. Нум. стр. XL, XCII и 21.
(²) Ibidem, стр. LXXIV.
(³) Ibidem, стр. CLV.
(⁴) Ibidem, стр. 19 № 6.
(⁵) Мух. Нум. стр. 25 № 17.
(⁶) Ibidem стр. 122 № 9.
(⁷) Ibidem стр. XLV.

въ числѣ другихъ такихъ же, или въ самомъ дѣлѣ огромныхъ. Впрочемъ мы никакъ не хотимъ вѣрить, что авторъ Мухаммеданской Нумизматики *убѣжденъ* въ справедливости добытаго имъ положенія, и скорѣе готовы думать, что это шутка, такая же, какая напр. вызвала съ его стороны другое, не менѣе оригинальное предположеніе: въ Москвѣ, при рытіи фундамента для храма Христа Спасителя, близъ Москвы рѣки, найдено на глубинѣ трехъ аршинъ (то есть на той самой глубинѣ, на которой отыскано кладбище XIV вѣка) «нѣсколько куфическихъ монетъ IX вѣка» (кажется, всего на все *двѣ*, какъ это можно судить по тѣмъ подробностямъ и поправкамъ, какія авторъ сдѣлалъ ниже, на стр. 162 своей книги); «не указываетъ ли этотъ фактъ», говоритъ авторъ, «на *торговое значеніе села Кучкова за долго до предполагаемаго основанія Москвы въ 1147 году?*» (¹). Но повторяемъ, кто читалъ превосходную книгу г. Савельева, тотъ легко догадается, что это шутка, никакъ не болѣе; самъ авторъ знаетъ, что монеты *хоронились* иногда буквально, разумѣется *не большими суммами,* вмѣстѣ съ хозяиномъ, *въ его могилѣ*» (²); слѣдовательно, выдавая предположеніе свое о торговомъ значеніи села Кучкова за-долго до 1147 года, онъ очевидно шутитъ. Все сказанное приводитъ насъ къ тому результату, что куфическія монеты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть свидѣтелями торговли, *современной* чекану ихъ и царямъ, при которыхъ онѣ выбиты; монеты VII вѣка могли притти въ Россію въ IX, X столѣтіи, монеты VIII – въ XI, XII и т. д., *могли* точно также, какъ и дѣйствительно монеты IX вѣка нашлись въ Москвѣ на кладбищѣ XIV столѣтія, какъ монеты начала X вѣка видѣлъ Абу-Бекръ Тортуши въ Майнцѣ въ половинѣ XI вѣка (³) и т. п. Отсюда и всѣ выводы, построенные на этомъ ложномъ основаніи,— выводы, о которыхъ мы скажемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, уничтожаются сами собою.

Переходимъ къ исчисленію тѣхъ явленій, которыми сопровождался земледѣльческій, изолированный бытъ нашихъ предковъ.

Мы видѣли, что первымъ слѣдствіемъ этого быта является отсутствіе городовъ, вторымъ – совершенная неразвитость торговли, внутренней и внѣшней.

Изъ того же источника проистекли, въ-третьихъ — тѣ *нравы*, которые, будучи разсматриваемы до сихъ поръ, какъ нѣчто извнѣ-данное, обыкновенно вмѣнялись и вмѣняются туземнымъ племенамъ, подъ общимъ именемъ *тихихъ* и *смирныхъ*, въ особенную, исключительно имъ

(¹) Мухам. Нумизм. стр. 123, № 52.
(²) Ibidem стр. XXIV—XXV.
(³) Ibidem стр. CXCIV.

свойственную добродѣтель (¹), но которые между тѣмъ очень понятны, если станемъ смотрѣть на эти племена съ промышленной точки зрѣнія. Такой взглядъ на туземныя племена рѣшительно невѣренъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему поляне также охотно признаютъ Аскольда и Дира своими повелителями, какъ признавали прежде хозаръ; также легко подчиняются Олегу, какъ подчинялись Аскольду и Диру? почему радимичи и сѣверяне также охотно начинаютъ платить дань Олегу, а вятичи — Святославу, какъ прежде платили хозарамъ?.. (²) Отвѣчать на всѣ эти и имъ подобные вопросы очень нетрудно.... Ихъ очевидно интересуетъ не то, *кому* платить дань; для нихъ это рѣшительно все равно: они также будутъ воздѣлывать свои поля, охотиться за звѣрьми, собирать воскъ и медъ въ дремучихъ лѣсахъ, какъ и прежде, съ тою только разницею, что «повезутъ повозъ» въ Кіевъ, а не въ Саркелъ, заплатятъ дань сборщикамъ русскаго князя, а не хазарскаго хакана; ихъ, напротивъ, интересуетъ единственно то, *сколько* платить дани, ибо въ этомъ отношеніи имъ уже очевидно не все равно. Такимъ образомъ, выхвалять, на основаніи этихъ фактовъ, тихіе и кроткіе нравы славянскихъ племенъ, какъ то дѣлаютъ Карамзинъ, Погодинъ и др. (³), не замѣчая, какъ необходимо вытекаютъ эти нравы изъ образа ихъ дѣятельности, значитъ тоже, что выхвалять ихъ гостепріимство (⁴), забывая, что оно вытекаетъ изъ самой сущности человѣка, по природѣ общительнаго, но обстоятельствами поставленнаго вдали отъ всякаго общества, среди болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ: заприте двадцать, пятдесятъ, сто человѣкъ въ самую лучшую, но уединенную комнату, навѣщайте ихъ два, три раза въ годъ, и вы увидите, съ какимъ радушіемъ они примутъ васъ, какъ будутъ дорожить каждой минутой вашего присутствія.

Замѣтимъ впрочемъ, что отзываясь такимъ образомъ о свойствахъ нашихъ предковъ, — свойствахъ, служившихъ доселѣ источникомъ многихъ похвалъ, даже со стороны иностранцевъ, имъ современныхъ, мы нисколько не имѣемъ въ виду порицать эти свойства, а тѣмъ менѣе упрекать ими добрыхъ нашихъ предковъ. Мы твердо убѣждены въ томъ, что прошедшій фактъ не долженъ быть ни хвалимъ, ни порицаемъ, какъ такой, который существовалъ единственно потому, что долженъ былъ существовать, что былъ необходимъ; и вотъ почему мы спрашиваемъ самихъ себя: какая необходимость вызвала въ туземныхъ племенахъ древней Руси тѣ нравы, которые

(¹) Ист. Гос. Росс. т. I, гл. III; Изсл., зам. и лекц. т. III, стр. 515, 138 и др.
(²) Лавр. лѣт. гг. 6392, 6393, 6472.
(³) См. выше, на этой же страницѣ, примѣч. 1.
(⁴) Тамъ же.

сдѣлали ихъ, по выраженію г. Савельева, «долготерпѣливѣйшими народами въ мірѣ» (¹). Безъ сомнѣнія, вся жизнь въ нихъ участвовала; но не оспоримо и то, что главнымъ образомъ они коренятся въ промышленной дѣятельности этихъ племенъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлое лѣто въ полѣ, на землѣ бѣдной, едва удовлетворявшей самымъ первымъ потребностямъ, и то за трудъ съ потомъ и кровью (²); цѣлую зиму въ лѣсу, въ погонѣ за дикими звѣрями, вдали отъ всякаго сообщества съ людьми: удивительно ли, что племена эти также суровы, мрачны и грубы, какъ и природа, ихъ окружающая. Съ другой стороны, отдѣленіе отъ всѣхъ морей, и слѣдовательно физическая невозможность развить духъ предпріимчивости, быть въ соприкосновеніи съ другими, болѣе образованными народами, узнавать выгоды и невыгоды ихъ быта и такимъ образомъ судить о своемъ (³), — все это естественно должно было привести къ тому, что и дымъ отечества сдѣлался для туземцевъ сладокъ и пріятенъ. Поставленный среди такихъ обстоятельствъ, человѣкъ тѣсно сдружился съ своей природой. Бѣдный труженикъ-собиратель ея даровъ — онъ всею жизнію предался землѣ, единственной кормилицѣ его и единственной подругѣ, которой не страшился довѣрять всѣ свои богатства; онъ рано понялъ, что трудно враждовать съ нею, и рано предался своимъ, по необходимости *мирнымъ*, занятіямъ, потому-что они были единственными источниками жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе той же необходимости, онъ рано сталъ нелюбить все чуждое, какъ бы оно хорошо ни было, и, напротивъ, любоваться всѣмъ своимъ, каково бы это свое ни было: оно добыто его тяжкими трудами, орошено его кровавымъ потомъ. Отсюда та исключительность, которая вызвала собою странное, но только съ перваго взгляда, явленіе — такъ называемую *нѣмую торговлю:* туземецъ охотнѣе вручалъ послѣднее достояніе свое случаю, нежели хотѣлъ видѣть въ глаза иностранца. По извѣстіямъ арабскихъ историковъ, таковыми по преимуществу являются Весь, Югра и всѣ сѣверныя племена (⁴), которыя въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ неграмъ или маврамъ древней Африки (⁵). Но и здѣсь дѣйствовала таже необходимость:

(¹) Мухам. Нумизм. стр. CLXVII.

(²) Изсл. зам. и лекц. т. III стр. 513.

(³) Изсл., зам. и лекц. т. III, стр. 514.

(⁴) Мухам. Нумизм. стр. CXXVIII, CXXIX, CXXXII—CXXXIV.

(⁵) Ibid. стр. CXXXIII и прим. 247, которое мы и заимствуемъ у г. Савельева отъ слова до слова. Вотъ оно: «Les Maures déposent leurs marchandises et s'éloignent. Alors les noirs viennent les examiner et placent sous chaque objet déposé la quantité de poudre d'or, qu'ils veulent donner en échange; cela fait, ils se retirent à leur tour. Les Maures reviennent, et, si le marché leur agrée, ils emportent la poudre en laissant leur produit à la place; si non ils emportent ce qu'ils ont

южныя племена, занимая сравнительно лучшія земли, пользуясь сравнительно благораствореннѣйшимъ климатомъ, не имѣли никакой необходимости производить какіе бы то ни было, а тѣмъ болѣе нѣмые торги съ своими сосѣдями; у нихъ все было свое, все подъ рукой, природа произрастила — собирай; поэтому-то они и «живяху каждо съ родомъ своимъ, володѣя родомъ» (1). Сѣверные, напротивъ, были менѣе счастливы: болотистая почва земли, свирѣпость климата, продолжительная зима и короткое лѣто, — все это вмѣстѣ дѣлало успѣхи хлѣбопашества совершенно ничтожными и въ тоже время держало туземцевъ почти всегда подъ страхомъ голода и смерти. При такихъ обстоятельствахъ имъ физически необходимо было жить въ ладу съ племенами, которыя бы давали имъ свой хлѣбъ въ замѣнъ продуктовъ сѣвера — мѣховъ. Но такъ-какъ эта необходимость въ самомъ началѣ своемъ, по отношенія къ Веси, Югрѣ и другимъ сѣвернымъ племенамъ была совершенно устранена промышленными булгарами, то и не удивительно, что послѣднимъ результатомъ ея явилась *нѣмая* торговля. Объяснимъ сказанное примѣрами. Югра былъ народъ по преимуществу рыболовный (2). Не имѣя собственнаго желѣза для гарпуновъ, съ помощію которыхъ можно было бы успѣшнѣе производить промыслъ, Югра по необходимости должна была бы искать его у сосѣдей. Лѣтописецъ и говоритъ, что «въ горахъ тѣхъ (Уральскихъ) кличь великъ и говоръ, и *сѣкуть гору* (Югра), *хотяще высѣчися*; и въ горѣ той просѣчено оконце мало и *тудѣ молвять* и есть не разумѣти языку ихъ» (3). Но явились волжскіе булгары, а съ XI вѣка новгородцы, и убили эту необходимость въ самомъ ея зародышѣ. Югра ограничилась тѣмъ, что стала «казать на желѣзо и помавать рукою, просяще желѣза», и какъ скоро эта ихъ просьба была удовлетворяема, она давала «скорою противу» (4), оставаясь между тѣмъ на той же младенческой ступени развитія, на которой была и прежде. Равнымъ образомъ и Весь (а съ нею вѣроятно и всѣ сѣверныя племена) (5), чувствуя постоянно недостатокъ въ

apporté, et tout est rompu». Г. Савельевъ справедливо замѣчаетъ при этомъ: «Абульфеда, Надеждинъ, Бакуви, Павелъ Іовій, Диль́е и Ибнъ-Батута какъ будто переписывали одинъ у другаго, сообщая почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ описаніе нѣмой торговли на крайнемъ сѣверѣ и крайнемъ югѣ. Условія существованія ея вездѣ такъ однообразны, не смотря на различіе климатовъ и народовъ!...» Не можемъ не пожалѣть, что авторъ Мухаммеданской Нумизматики не обратилъ должнаго вниманія на эти условія; но и не обвиняемъ его: suum cuique!

(1) Лавр. лѣт. стр. 4.

(2) Мухам. Нумизм. стр. CIII.

(3) Лавр. лѣт. г. 6604.

(4) Тамъ же.

(5) См. напр. о Суздалѣ Лавр. лѣт. г. 6532.

средствахъ продовольствія, безъ сомнѣнія, нашла бы эти средства, еслибъ была предоставлена самой себѣ, своей собственной участи. Случай познакомилъ ее съ волжскими булгарами; они стали возить къ Весн свой хлѣбъ и другія произведенія востока, и въ замѣнъ брали мѣха. Получивъ возможность сбывать свои мѣха на мѣстѣ пріѣзжимъ купцамъ, избавившись отъ необходимости самой ѣздить въ Булгаръ или другія сосѣднія страны, Весь естественно ограничилась *нѣмою* торговлею и не хотѣла видѣть въ глаза пріѣзжихъ купцовъ (¹), — та самая Весь, которая платила дань варягамъ, присѣдала предпріимчивымъ словенамъ новгородскимъ и наконецъ составила особый удѣлъ первой русской тріархіи подъ управленіемъ Синеуса. При такомъ порядкѣ вещей нисколько не удивительно, если эта Весь осталась на той же степени исключительности, на которой стояла прежде. Въ этомъ отношеніи, напротивъ, гораздо удивительнѣе то, какимъ образомъ эта самая Весь является, въ живомъ воображеніи г. Савельева, «въ самыхъ близкихъ, *дружественныхъ связяхъ* съ Словенами, Кривичами, (даже) съ Чудью и съ Мерей», какъ она становится «дѣятельнымъ *членомъ* обширнаго торговаго союза» (²) и т. д.; этого, признаться, мы и понять не можемъ!

Наконецъ, въ-четвертыхъ, послѣднимъ результатомъ земледѣльческаго быта былъ тотъ естественный, непринужденный, а потому *медленный процессъ развитія туземныхъ племенъ*, вслѣдствіе котораго напрасно мы хотѣли бы искать рѣзкаго различія между данниками варяговъ и туземцами XII вѣка, между туземцами XII вѣка и подданными Грознаго, Годунова и пр. Но и здѣсь нетрудно уловить необходимость именно такого, а не другого процесса развитія. Конечно вся остальная жизнь — нравы, обычаи, религіозныя вѣрованія — сначала языческіе, потомъ хотя и христіянскіе, но понимаемые не всѣми одинаково (³), или, лучше, непонимаемые вовсе, имѣли могущественное вліяніе; но безспорно, что главное участіе въ медленности развитія принадлежитъ гораздо болѣе внѣшнимъ, случайнымъ обстоятельствамъ. Мы сказали уже, что отдѣленіе туземныхъ племенъ отъ всѣхъ морей естественно должно было породить, и дѣйствительно породило, какую-то усидчивость, безотчетную склонность къ тихой домашней жизни; сказали далѣе, что средиземное положеніе ихъ территоріи должно было указать, и дѣйствительно указало, на хлѣбопашество, какъ на един-

(¹) Ibn Foszlan's.... s. 210 и Мухам. Нумизм. стр. CXXVII.
(²) Мухам. Нумизм. стр. CXXXVI и CLXIII.
(³) Чтенія въ Имп. Москов. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 6. См. статью г. Соловьева: «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половины XIII вѣка»; также Лавр. Лѣт. г. 6579.

ственный источникъ жизни; но извѣстно, какую важную роль играютъ эти два обстоятельства въ исторіи государства. Сосѣдство съ моремъ всегда и вездѣ вело къ развитію духа предпріимчивости и отваги; отъ древнихъ кареагенянъ, египтянъ, грековъ и до всѣхъ почти новѣйшихъ народовъ оно было главнымъ виновникомъ быстраго развитія потребностей народа, а за ними и средствъ къ ихъ удовлетворенію; отсюда-то тѣ невѣроятные успѣхи промышленности, то быстрое развитіе наукъ и искусствъ, тѣ огромныя богатства, которыми такъ справедливо гордились и могутъ гордиться народы приморскіе. Здѣсь-то самымъ очевиднымъ образомъ оправдывается (неоспоримая впрочемъ) мысль, что только постоянныя взаимныя сношенія ведутъ къ гражданственности, къ цивилизаціи, и что, напротивъ, исключительный бытъ есть необходимо колыбель грубости и невѣжества. Вдали отъ моря, привязанный тѣснѣйшими интересами къ своей землѣ, не имѣя подъ рукой никакого масштаба, по которому можнобъ было составитъ идеалъ благосостоянія, удивительно ли, что человѣкъ не зналъ иныхъ потребностей, кромѣ тѣхъ, которыя возбудила въ немъ природа, не зналъ и иныхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, кромѣ тѣхъ, на которыя указала ему таже грубая природа; удивительно ли, что онъ такъ параделенъ, тождественъ съ этой природой, такъ вѣренъ ей? Справедливо замѣчаетъ г. Погодинъ, что ровное положеніе русской территоріи содѣйствовало и одинаковости отношеній и гражданскому равенству, что вездѣ однѣ выгоды и невыгоды (1). Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ однихъ новгородцевъ, которыхъ и вся исторія, до временъ Грознаго, есть исключеніе, туземныя племена у кого изъ своихъ сосѣдей могли позаимствовать болѣе высшія, болѣе развитыя понятія и идеи? У волжскихъ булгаръ?... но они не хотѣли видѣть ихъ въ глаза (2); у козаръ? но они и сами недалеко оперсдили насъ въ гражданственности; у грековъ? но Грецію, до временъ самого Владиміра св., мы *только* знали по нападеніямъ на нее. При такомъ порядкѣ вещей удивительно ли (и, напротивъ, не естественно ли), что развитіе наше должно было совершаться медленно....

Далѣе — всѣ туземныя племена были исключительно или почти исключительно народами земледѣльческими; исторія говоритъ, что такіе народы развиваются всегда медленнѣе, нежели тѣ, у которыхъ имѣютъ мѣсто фабричная и ремесленная промышленность, внутренняя и внѣшняя торговля. Можетъ быть Римъ именно потому и долженъ былъ вынесть на себѣ всю громадную тяжесть вѣкового, медленнаго

---

(1) Изслѣд., Зам. и Л. т. III. стр. 514.
(2) Мух. Нум. стр. CXXIX и CXXXII.

развитія, что только на одно земледѣліе смотрѣлъ, какъ на *ars liberalis*, какъ на искусство достойное свободнаго гражданина. Не вѣрите историческимъ фактамъ, — обратитесь къ анализу земледѣльческаго быта: занятія, свойственныя хлѣбопашеству, суть, во-первыхъ, занятія періодическія, во-вторыхъ, самыя простыя, не вызывающія къ дѣятельности никакихъ умственныхъ силъ и способностей. Первыя, доставляя земледѣльцу много свободнаго времени, естественно питаютъ праздность; отсюда неразвитость тѣлеснаго организма; вторыя имѣютъ такое же вліяніе на умственныя способности: не имѣя никакой пищи, разумъ вѣчно дремлетъ, проявленіе воли необширно, ея хотѣніе не прихотливо. Не вѣрите наконецъ анализу, обратитесь къ опыту, къ жизни: сравните свободнаго хлѣбопашца съ фабричнымъ мужикомъ, и вы вполнѣ постигнете ту широкую степень вліянія, какое имѣетъ мануфактурная дѣятельность на развитіе человѣка.

Гуме говоритъ, что народъ, неимѣющій никакого понятія объ астрономіи, не можетъ сдѣлать совершенно хорошаго сукна ([1]). Какъ ни странно съ перваго разу это положеніе, но, анализируя его до крайности, мы приходимъ къ той неоспоримой истинѣ, что развитіе промышленности идетъ дружно объ руку съ развитіемъ науки и жизни, что слѣд. безъ послѣдняго невозможно и первое; отсюда понятно, какова долженствовала быть промышленность въ нашей древней Руси; а съ другой стороны, понятно, *съ кого* должно начинать исторію ея развитія въ Россіи.

Не болѣе обширную, хотя гораздо важнѣйшую роль въ исторіи русской торговли игралъ *звѣриный промыселъ*, какъ такой, который рано обратилъ на себя вниманіе не только востока, но и запада, и который слѣдовательно не мало содѣйствовалъ и нашей цивилизаціи.

Какъ рано возникъ онъ въ Россіи, это можно видѣть изъ того, что лѣтописецъ, разсказывая объ основателяхъ Кіева, замѣчаетъ, что уже и тогда «около града бяше лѣсъ и боръ великъ, и *бяху ловяща звѣрь*» ([2]); а готескій писатель VI вѣка Іорнандъ положительно говоритъ, что еще въ его время Югра извѣстна была именно торговлей своими мѣхами ([3]). Въ эпоху нашего изслѣдованія звѣриная ловля составляла уже занятіе столь же повсемѣстное, столь же общее всѣмъ туземнымъ племенамъ, сколько самое земледѣліе. Уже въ 859 г. поляне, вятичи и сѣверяне платили дань козарамъ «*по бѣлѣ и вѣверицѣ*

([1]) Историч. описаніе Россійской коммерціи Мих. Чулкова, Т. VI, кн. 3. стр. 61. М. 1786.

([2]) Лавр. лѣт., стр. 4 и г. 6559.

([3]) Iornandes de rebus Geticis, у Кассіодора caput quintum, p. 400.

съ дыма» (1); финская дань, которая, по свидѣтельству Отера (въ IX вѣкѣ), составляла главную часть имущества норманновъ (2), по всему вѣроятію состояла также изъ мѣховъ; древляне даютъ Олегу дань *«по черпѣ кунѣ»* (3), а радимичи *«по щьлягу»* (4), что̀, какъ увидимъ, означаетъ также подать натурою, и именно мѣхами; Ольга, покоривъ древлянъ, беретъ съ нихъ «медъ и *скору»* (5); по возвращенiи в. княгини изъ Константинополя, послы греческiе говорятъ ей, что они пришли за дарами, ею обѣщанными императору: «челядью, воскомъ и *скорою»* (6); этими самыми продуктами одарилъ греческихъ пословъ и Игорь (7); дань вятичей козарамъ, а съ 964 г. Святославу, опредѣлялась также *«щьлягами»* (8); въ Переяславецъ, на Дунаѣ, между прочими произведенiями Руси привозилась и *«скора»* (9). Когда въ 1071 г. въ Ростовской области сдѣлался голодъ, то ярославскiе кудесники, идя по Волгѣ, указывали народу «лучьшiѣ жены, глаголюща, яко си жито держить... а си *скору* (10); въ 1096 году Югра за желѣзо давала *«скорою* противу» (11). Сверхъ этихъ извѣстiй, переданныхъ намъ отечественнымъ лѣтописцемъ, мы узнаемъ о звѣроловствѣ нѣкоторыхъ племенъ отъ писателей арабскихъ: Ибнъ-Фоцлана, Истахри, Масъуди, Ибнъ-Хаукаля и другихъ, которые впрочемъ въ бо̀льшей части случаевъ называютъ всѣ племена наши однимъ общимъ именемъ Руси (12); такъ, по свидѣтельству Масъуди, буртасы, обитавшiе на пространствѣ нынѣшнихъ Саратовской и Пензенской, а отчасти Симбирской, Казанской и Тамбовской губернiй, былъ народъ *по премуществу звѣроловный;* ихъ чернобурыя лисицы, цѣнившiяся во 100 червонцевъ каждая, и особенно славившiяся на востокѣ, назывались въ честь ихъ буртасскими (13); онѣ вывозились, замѣчаетъ Масъуди, не только въ Азiю, но и «въ страны Франковъ, въ Испанiю и западную Африку, почему многiе думаютъ, что онѣ и происходятъ прямо изъ Испанiи, или изъ странъ Франковъ и ближнихъ Сла-

---

(1) Лавр. лѣт. г. 6367.
(2) Изсл. зам. и Лекц. Т. III, стр. 6.
(3) Лавр. лѣт. 6391.
(4) Ibid. г. 6393.
(5) Ibid. г. 6454.
(6) Ibid. г. 6463.
(7) Ibid. г. 6453.
(8) Ibid. г. 6472.
(9) Ibid. г. 6477.
(10) Ibid. г. 6579.
(11) Ibid. г. 6604.
(12) Мухам. Нумизм., стр. CXXI.
(13) Мухам. Нумизм., стр. LXV, LXVII, LXXVIII и CCV.

вянъ,» ([1]) (т. е. Булгаръ) ([2]). Въ Булгаріи *звѣриный промыселъ* былъ также *однимъ изъ важнѣйшихъ*; но какъ туземные лѣса не доставляли всѣхъ породъ пушныхъ звѣрей, вывозимыхъ арабами, то это и заставило промышленныхъ булгаръ обратиться къ сосѣднимъ — финскимъ и славянскимъ племенамъ, и завладѣть монополіей торговли въ ихъ странахъ ([3]). Біармія, какъ видно изъ *Heimskringla*, во взаимной мѣнѣ съ сѣверными викингами точно также доставляла *свои мѣха* — бѣличьи, бобровые и собольи ([4]). Изъ страны Эрза (нынѣшнихъ Нижегородской и Симбирской губерній), по словамъ Истахри и Ибнъ-Хаукаля, булгарскіе купцы вывозили *черныхъ соболей и лисицъ* ([5]); а изъ страны Веси (нынѣ Вологодская губернія), по свидѣтельству Якута, — *много мѣховъ* бобровыхъ, собольихъ и бѣличьихъ ([6]); однимъ словомъ, вся нынѣшняя Россія въ эпоху нашего изслѣдованія представляла собою огромный звѣринецъ, обильный всякаго рода драгоцѣнными мѣхами, о которыхъ нынче и помину нѣтъ.

Звѣриный промыселъ, по свидѣтельству лѣтописца, былъ даже для князей нашихъ однимъ изъ любимѣйшихъ занятій. Объ Ольгѣ онъ говоритъ, что «*ловища ея суть по всей земли*» ([7]); Свенальдичь Лютъ оттого и палъ жертвой Олега, что «ишедъ изъ Кіева, *гна по звѣри въ лѣсѣ*»; въ свою очередь — Олегъ оттого и встрѣтился съ Лютомъ, что «*бѣ ловы дѣя*» ([8]). Подъ 1036 годомъ говорится: «Мстиславъ *изыде на ловы*» ([9]); подъ 1091 г. «Всеволоду, *ловы дѣющю звѣриныя* за Вышегородомъ» ([10]); подъ 1144: «на ту же зиму вшедшю Володимерю въ Тисмяничю *на ловы*» ([11]). Въ 1160 г. в. князь Ростиславъ Мстиславичъ одарилъ Святослава «*соболми и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы*» ([12]); въ 1180 г. «ходяшеть Давыдъ Ростиславичь по Днѣпру въ лодьяхъ *ловы дѣя*, и Святославъ ходяшеть по Черниговской сторонѣ *ловы дѣя*» ([13]); въ 1190 г. «Святославъ съ сватомъ своимъ съ Рюрикомъ . . . . *идоста на ловы* по Днѣпру въ лодьяхъ . . . . и *обловишася множествомъ звѣрей*» ([14]).

([1]) Мухам. Нумизм. стр. LXXIX.
([2]) Ibid., стр. LXXXIII.
([3]) Ibid., стр. XCII.
([4]) Ibid., стр. CXI и Ист. Гос. Рос. т. II, стр. 341.
([5]) Мухам. Нумизм., стр. CXX.
([6]) Ibidem, стр. CXXVII.
([7]) Лавр. лѣт. г. 6455.
([8]) Ibid. г. 6483.
([9]) Лавр. г. 6544.
([10]) Ibid. г. 6599.
([11]) Ипат. лѣт. г. 6652.
([12]) Ibid. г. 6668.
([13]) Ibid. г. 6688.
([14]) Ibid. г. 6698.

Въ Степенной Книгѣ говорится, что когда Александръ Невскій пошелъ въ Орду къ Сартаку и поручилъ свою Суздальскую землю брату Андрею Ярославичу, то послѣдній, *«на ловитвы животныхъ упражнился»*, допустилъ «нестроеніе и оскуденіе въ людяхъ и тщету имѣнію» (1). Владиміръ Васильковичъ, князь владиміро-волынскій, «лежаше всю зиму въ болѣсти своей, *разсылая слуги своя на ловы*» (2). Лѣтописецъ замѣчаетъ объ этомъ князѣ, что онъ и самъ «бяшеть ловецъ добръ и хороборъ, николиже ко вепреви и не къ медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли; скоро самъ убиваше всяки звѣрь».... (3). Въ такомъ же духѣ говорится и о Василькѣ Константиновичѣ, который былъ убитъ татарами; лѣтописецъ называетъ его «храбрымъ паче мѣры въ ловѣхъ» (4), — «въ ловѣхъ вазниве» (5). Владиміръ Мономахъ, въ своемъ поученіи дѣтямъ, самъ поставляетъ на видъ свои безпримѣрные подвиги во время охотъ; онъ говоритъ, что всегда самъ заботился о ястребахъ и соколахъ, безпрерывно подвергалъ себя опасностямъ въ погонѣ за оленями, лосями, турами, дикими лошадьми: «конь дикихъ своима рукама связалъ есмь», — описываетъ, сколько разъ попадался въ когти медвѣдей и всегда оставался цѣлъ.... (6) Видно по всему, что храбрость на охотѣ за звѣрьми считалась такою же доблестью, какъ и храбрость на войнѣ, въ битвѣ съ непріятелемъ. И императоръ Константинъ Багрянородный, жившій и писавшій въ половинѣ X вѣка, разсказывая объ образѣ жизни руссовъ во время осени и зимы, говоритъ также, что «ineunte Novembri mense, quamprimum eorum (Russorum) principes.... egrediuntur Ciabo et in oppida proficiscuntur.... Illic vero, *peracta tota hieme*, rursum Aprili mense.... Ciabum descendunt» (7). Г. Савельевъ полагаетъ, что поѣздки эти совершались «не только для собиранія дани по городкамъ, но и для того, чтобы творить тамъ судъ и расправу (8). Г. Погодинъ, не обинуясь, влагаетъ свои слова въ уста константиновы и говоритъ прямо отъ его имени «для собиранія дани» (9). Мы, думаю, не ошибемся, если скажемъ, что поѣздки эти предпринимаемы были между прочимъ и для охоты за звѣрьми: лѣтописецъ, какъ мы

---

(1) Степ. Кн. ч. I, стр. 367; см. въ Исторіи отношеній между русск. кн. рюрик. дома. Соловьева. Стр. 268, прим. 2.

(2) Ibid. г. 6795.

(3) Ibid. г. 6795.

(4) Лавр. лѣт., стр. 199.

(5) Троицк. лѣт. г. 6746.

(6) Лавр. лѣт., стр. 104 и 105.

(7) Memor. popul. Stritteri t. II, p. 985 § 41.

(8) Мухам. Нумизм. стр. CXLII, пр. 257.

(9) Изслѣд., Зам. и Лекц. т. III, стр. 43.

видѣли выше, не разъ говоритъ, что ловы совершались и зимою; если же сообразить благопріятность именно зимы какъ для ловли звѣрей, такъ и для самого качества мѣховъ, и неусидчивость дома нашихъ первыхъ князей, о которыхъ только и могъ говорить Константинъ, то конечно трудно будетъ оспаривать это предположеніе.

Была ли однако звѣриная ловля, при всей ея кажущейся обширности, промышленностью, въ смыслѣ самостоятельной, исключительной сферы человѣческой дѣятельности? И на этотъ вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно.

Лѣтописецъ говоритъ намъ, что первоначально для нѣкоторыхъ племенъ, населявшихъ нынѣшнюю Русь, звѣриный промыселъ былъ такимъ же источникомъ продовольствія, какъ и земледѣліе. Древляне, радимичи, сѣверяне, кривичи и вятичи—говоритъ онъ—«одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, *ядуще все нечисто* (1); вѣроятно и для остальныхъ племенъ мясо звѣрей составляло такую же обыкновенную пищу, какъ впослѣдствіи «*хомеки и сусолы*» для половцевъ (2); по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ томъ. Что̀ касается до шкуръ избитыхъ звѣрей, то извѣстно, что онѣ составляли, за отсутствіемъ скотоводства, единственное спасеніе туземныхъ племенъ отъ суровости климата, жестокости и продолжительности зимы. Слѣдовательно, прежде всего естественная, а не промышленная необходимость заставляла предковъ нашихъ обратиться къ преслѣдованію дикихъ своихъ сосѣдей, чтобы такимъ образомъ извлечь изъ нихъ возможность удовлетворить первѣйшимъ потребностямъ жизни. Необходимость эта, безъ сомнѣнія, должна была еще болѣе возрасти, когда туземцы подчинялись частію козарамъ, частію норманнамъ, когда и тѣмъ и другимъ они должны были платить дань, между прочимъ мѣхами. Конечно нужда, какъ лучшій учитель, могла научить и болѣе совершенному способу производства этого промысла, болѣе успѣшной ловлѣ звѣрей; но, съ другой стороны, трудно согласиться, чтобы лукъ и стрѣла, главныя орудія древней звѣриной ловли, могли дѣйствовать также успѣшно, какъ напримѣръ въ наше время огнестрѣльныя оружія, собаки разныхъ породъ и т. д., особенно если обратимъ вниманіе на густоту лѣсовъ, ихъ непроходимость по причинѣ множества болотъ и т. п. Съ трудомъ извлекая, слѣдовательно, всѣ выгоды изъ звѣриной ловли, для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, могла ли древняя Русь, при данныхъ физическихъ условіяхъ, удовлетворять вмѣстѣ и требованіямъ востока, Европы, Греціи и пр., – другими словами: могла ли она быть обшир-

(1) Лавр. лѣт., стр. 6.
(2) Ibid., стр. 7.

нымъ субстратомъ торговли въ эпоху нашего изслѣдованія? Г. Савельевъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ говоритъ, что упадокъ (небывалый) русской торговли, съ половины XI вѣка, произошелъ между прочимъ отъ «*уменьшенія пушнаго товара въ европейской Россіи*, что можно приписать отчасти *непомѣрному истребленію пушныхъ звѣрей въ эпоху арабско-булгарской торговли*» (¹). Но, во 1-хъ, зоологически извѣстно,что «бобры, напримѣръ, обитаютъ только *по пустыннымъ рѣчкамъ*» (²). Если бы истребленіе ихъ въ названную эпоху было непомѣрно велико, то конечно рано порода эта переселилась бы изъ европейской Россіи; а между тѣмъ, не говоря уже о Русской Правдѣ (³), въ лѣтописи встрѣчаются «бобровники» не только въ XIV, XV, но даже *въ концѣ XVI вѣка*, и притомъ тамъ, гдѣ. съ легкой руки нашихъ изслѣдователей о торговлѣ, всего менѣе можно бы предположить существованіе *пустынныхъ* рѣчекъ, — въ области новгородской (⁴). Во 2-хъ, зоологически же доказано, что съ истребленіемъ высокихъ, благородныхъ породъ пушныхъ звѣрей, являются на мѣсто ихъ болѣе мелкіе, низкіе ихъ сорты (⁵). Слѣдовательно, опять, если бы истребленіе благородныхъ породъ въ названную эпоху было непомѣрно велико, то породы эти рано должны бы уступить мѣсто другимъ, менѣе благороднымъ; ничуть не бывало. Путешественникъ *XV вѣка* Іосафатъ Барбаро говоритъ, что и въ его время страна буртасовъ (Мокши, Moxia), въ которой истребленіе благородныхъ породъ, вслѣдствіе сосѣдства съ промышленными булгарами, долженствовало быть особенно обширно, — что и въ его время страна буртасовъ *славилась своими мѣхами* (⁶). Митрополитъ Пименъ, ѣздившій *въ 1389 году*, въ Царьградъ съ Михаиломъ, владыкою смоленскимъ, и Сергіемъ, архимандритомъ спасскимъ, вотъ какъ описываетъ свое плаваніе по Дону: «бысть же сіе путное шествіе печально и унылниво; бяше бо пустыня зѣло всюду.... нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыни велія и *звѣрей множество; козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры*, и прочая: и бяше все пустыни великія» (⁷). Ясно, слѣдовательно, что истребленіе пушныхъ звѣрей въ эпоху арабско-булгарской торговли не было обширно. Конечно—замѣчаетъ Бэръ—«природа своею производительностію безпрерывно вознаграждаетъ убыль, причиненную

(¹) Мухам. Нумизм., стр. CCIV.
(²) Моск. Вѣдом. 1847. № 110.
(³) Изслѣд. о Рус. Пр. Калачова, стр. 131.
(⁴) Отрыв. изъ разр. Новгор. Лѣт. г. 7031 и Новг. втор. г. 7074.
(⁵) Мухам. Нумизм., стр. CCVI.
(⁶) Библіот. иностр. писат. о Россіи. I. Барбаро. т. I, стр. 60.
(⁷) Древняго лѣтописца. ч. II, стр. 121 и сл.

человѣкомъ» ([1]); но если бы эта убыль была такъ неимѣрно велика, что содѣйствовала даже упадку торговли, то, безъ сомнѣнія, никакая сила природы не могла бы вознаградить ее: это до очевидности ясно изъ того, что въ нынѣшней европейской Россіи и помину нѣтъ о тѣхъ пушныхъ звѣряхъ, которыми также европейская Россія славилась во времена оны». Разумѣется, въ этомъ фактѣ принимали участіе и другія обстоятельства: обширность народонаселенія, истребленіе лѣсовъ, дѣятельное судоходство и т. п.; но вѣдь не послѣднюю же роль играла и звѣриная ловля, какъ это мы видѣли выше, нарочно представивъ лѣтописныя тому доказательства.

Не будучи обширнымъ, въ качествѣ промышленности, звѣриный промыселъ очевидно не могъ быть обширнымъ и въ качествѣ субстрата торговли. Академикъ Бэръ справедливо говоритъ, что уже «пора оставить предположеніе, будто охота и торговля пушнымъ товаромъ составляютъ важную отрасль народнаго богатства» ([2]). Мы видимъ, что даже въ древней, звѣроловной Руси онѣ не были таковы. Но г. Савельевъ утверждаетъ совершенно противное. Онъ именно говоритъ, что «привозимыхъ товаровъ Азіи *не доставало* на обмѣнъ за мѣстныя произведенія и что потому денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги.» ([3]). Мы уже видѣли, можно ли говорить о денежномъ балансѣ въ древней Руси; посмотримъ теперь, до какой степени справедливо первое положеніе автора Мухаммеданской Нумизматики.

Мѣстныя произведенія, за которыя въ обмѣнъ не доставало будто бы привозимыхъ товаровъ Азіи, состояли, какъ мы уже знаемъ, *преимущественно* въ мѣхахъ. Для пользы нашего противника мы допустимъ даже, что произведенія эти были *исключительно* мѣха, и что поэтому *вся* масса арабскихъ денегъ принесена была въ Россію *только* за мѣха. Теперь посмотримъ, разумѣется приблизительно, какъ велика эта масса.

Всѣхъ кладовъ съ куфическими и другими монетами до сихъ поръ найдено въ Россіи, на всѣмъ *нынѣшнемъ* ея пространствѣ, шестдесятъ два ([4]). Несмотря на то, что *пять* изъ нихъ заключали въ себѣ менѣе ста монетъ, *тринадцать* менѣе пятидесяти, *пятнадцать* менѣе десяти, и даже *семь* такихъ, которыя состояли только изъ одной монеты, что поэтому бо́льшая часть ихъ не можетъ быть признана за «торговый капиталъ», — мы оцѣниваемъ каждую находку круг-

([1]) Ж. М. Н. Пр. 1846. Февраль, от. VI, стр. 77.
([2]) Libro cit. стр. 78.
([3]) Мухам. Нумизм. стр. LXXXIX.
([4]) Ibidem. стр. 15 — 162.

лымъ числомъ въ тысячу рублей серебромъ; слѣдовательно, получимъ всѣхъ арабскихъ денегъ 62,000 руб. серебромъ. Если допустимъ, что это, по выраженію г. Савельева, капля изъ моря, или, говоря точнѣе, что это только $^1/_{1000}$ часть всѣхъ находокъ, частію переплавленныхъ, частію сокрытыхъ еще въ землѣ, то получимъ огромную сумму въ 62 мил. руб. сер.

Теперь — часть этой суммы добыта несомнѣнно грабежами руссовъ въ IX вѣкѣ въ Африкѣ и Испаніи, а въ X на берегахъ Волги и Каспійскаго моря (1). Извѣстно, *каковы* были эти грабежи; но мы полагаемъ, что этимъ путемъ пріобрѣтена только $^1/_8$ часть всей суммы, или круглымъ числомъ 12 мил. руб. сер.; слѣдовательно на долю торговли остается 50 мил. руб. сер. Если, далѣе, по мнѣнію оріенталистовъ, арабскія деньги могли попасть къ намъ не иначе, какъ около того времени, къ которому относится годъ ихъ чекана, то и эти 50 мил. руб. сер. зашли къ намъ не иначе, какъ между 699 и 1011 годами нашей эры, т. е. круглымъ числомъ въ теченіи 300 лѣтъ; слѣдовательно, въ каждый годъ вывозилось мѣховъ на 167,000 руб. сер. Принимая въ соображеніе то, что мѣха эти вывозились *всего болѣе* въ Азію, что «у арабовъ оффиціальный и модный цвѣтъ былъ черный (2), и что поэтому всего болѣе они вывозили мѣха чернобурыхъ лисицъ, изъ коихъ «лучшія продавались по сту червонцевъ» (3), или на наши деньги по 300 руб. сер. каждая, — мы получимъ, что *ежегодный вывозъ мѣховъ изъ всей нынѣшней Россіи состоялъ въ эпоху арабско-булгарской торговли ни больше, ни меньше, какъ изъ 560 чернобурыхъ лисицъ* (*); о прочихъ мѣхахъ и продуктахъ древней Руси, которые также несомнѣнно вывозились, мы не говоримъ уже ни слова. (Въ оправданіе сдѣланнаго нами расчета необходимо замѣтить, что, во-первыхъ, всѣ найденныя монеты мы считали за цѣльныя, тогда - какъ «большая часть ихъ состоитъ изъ обломковъ» (4); во-вторыхъ, что и изъ цѣльныхъ «большая часть сассанидскихъ и саманидскихъ» (5), отличающихся своею тонкою (6); не ма-

---

(1) Мухам. Нум. стр. XLIV и 142.

(2) Мухамм. Нумизм. стр. CCVI.

(3) Ibidem стр. CCV.

(*) Послѣдній выводъ ослабляется отчасти тѣмъ, что цѣна мѣховъ у арабовъ, безъ сомнѣнія, стояла несравненно выше чѣмъ въ Россіи. Объ этомъ можно заключать аналогически изъ мѣновой торговли европейцевъ съ американцами вскорѣ послѣ открытія Америки; для послѣднихъ золото далеко не имѣло той цѣны, какую придавали ему европейцы, и потому уступалось ими за бездѣлку. *Прим. ред.*

(4) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. I стр. 131.

(5) Ibid. стр. 132 и 156.

(6) Мухам. Нумиз. стр. 83.

ло, какъ мы видѣли, и истертыхъ (1), и однакожь, несмотря на все это, мы оцѣнивали не только каждый диргемъ, но и каждый обломокъ его едва ли не болѣе, какъ въ рубль серебромъ, тогда-какъ первоначальная внутренняя его цѣнность равняется только пятнадцати и не превышаетъ двадцати копеекъ серебромъ (2). Наконецъ, въ-третьихъ, въ числѣ всѣхъ кладовъ есть такіе, въ которыхъ найдены однѣ вещицы; цѣнность ихъ не превышаетъ можетъ быть и 10 руб. сер.; мы оцѣнили ихъ во *сто* разъ болѣе.) И этихъ-то 560 чернобурыхъ лисицъ *не доставало* въ обмѣнѣ за привозимые товары Азіи: за ея драгоцѣнные каменья, бисеръ (3), галантерейныя вещи, за булатные клинки, гарпуны и багры, не говоря уже о тканяхъ шолковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ, объ овощахъ и винѣ, которыя составляли также немаловажную часть привоза (4). Какъ блистательно и здѣсь подтверждаются извѣстія Ибнъ-Фоцлана! Онъ говоритъ, что «Руссы на время торговли жили на берегу Волги, *верстахъ въ десяти отъ Булгара*, въ своихъ шалашахъ, *по десяти и по двадцати человѣкъ* съ женами, наложницами и невольницами, привезенными для продажи, складывая *тутъ же* (1?) и свои товары» (5). Нужно ли имѣть слишкомъ быстрое воображеніе, чтобъ видѣть въ этихъ руссахъ обыкновенныя артели охотниковъ, которые, настрѣлявъ въ своихъ безконечныхъ лѣсахъ нѣсколько дичи и пріобрѣтя нѣсколькихъ невольницъ, привозили все это мѣнять на произведенія востока.

Изъ всего сказаннаго мы не усомнимся вывести то заключеніе, что и звѣриный промыселъ, подобно земледѣлію, не составлялъ промышленности, которая имѣла бы свое сословіе людей, исключительно ей преданныхъ, для которой жертвовались бы особые капиталы: и этотъ промыселъ существовалъ какъ отдѣльное занятіе каждаго рода и каждой семьи, — занятіе тѣмъ необходимѣйшее, что мѣхами должно было одѣться, мѣхами — платить дань, на мѣха можно было вымѣнять если не золотыя и серебряныя деньги, то по-крайней-мѣрѣ бисеръ, цѣпочку, колечко, запястье и т. п. издѣлія Востока. Всего лучше подтверждается это обычаемъ булгарскихъ купцовъ — ѣздить по такъ называемымъ городамъ нашихъ туземныхъ племенъ эрзы, веси, буртасовъ и др. за мѣхами соболей, бобровъ, лисицъ, горностаевъ.... Въ этомъ отношеніи мы, кажется, не ошибемся, если уподобимъ ихъ нашимъ владимірскимъ афенямъ, которые, вслѣдствіе

(1) См. напр. Мух. Нум. стр. 121. № 8, 122; № 9, 143 и др.

(2) Мухам. Нумизм. стр. LXXXIX.

(3) По словамъ Ибнъ-Фоцлана, русскіе иногда платили *по диргему за каждую бисеренку*. Мухамм. Нумизм. стр. LXXXIX.

(4) Ibid. стр. XC — XCI.

(5) Ibn Foszlan's und and... s. 7. Мухам. Нумизм. стр. LXX и С.

особеннаго характера нашей мануфактурной промышленности, разъѣзжаютъ по деревнямъ и селамъ, сколько-нибудь извѣстнымъ своею фабричною дѣятельностью, скупаютъ у этихъ доморощенныхъ фабрикантовъ ихъ произведенія за безцѣнокъ, отправляются съ ними въ наши степныя губерніи, въ Сибирь и т. д., гдѣ продаютъ ихъ, разумѣется, вдвое или втрое дороже.

III.

ДЖЕМЗЪ ФЕНИМОРЪ КУПЕРЪ.

При разсматриванiи небольшого числа замѣчательныхъ произведенiй, которыми Европа одолжена сѣверо-американскимъ писателямъ, въ головѣ невольно рождается вопросъ: по какой причинѣ Соединенные Штаты, страна въ высшей степени замѣчательная во всѣхъ отношенiяхъ, такъ бѣдна литературною дѣятельностiю?

Населенная пятнадцатью миллiонами образованнаго и предпрiимчиваго народа, удаленная по своему географическому положенiю отъ смутъ и переворотовъ, которые не переставали и не перестаютъ колебать западную Европу, одаренная разнообразною, могучею природою, — почему же эта страна при такихъ блестящихъ условiяхъ представляетъ намъ такъ мало именъ, на которыхъ отрадно было бы остановиться любителю изящнаго?

Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, надобно взглянуть на историческое значенiе самого народонаселенiя, на общественные его интересы и на отношенiя его къ двумъ великимъ источникамъ умственной дѣятельности: къ природѣ и собственной своей исторiи.

Общество сѣверо-американскихъ штатовъ не имѣетъ исторіи, не имѣетъ поэтическихъ преданій: зародышемъ его были выходцы изъ образованнаго государства, принесшіе съ собою на незнакомую землю готовыя вѣрованія, сложившіяся уже понятія и стремленіе къ положительнымъ интересамъ. Отношенія ихъ къ дикимъ племенамъ, населявшимъ обширныя территоріи вокругъ ихъ поселеній, были самые недружелюбныя: поселенцы не желали, да и не могли покорять этихъ племенъ; постоянная ихъ политика заключалась въ томъ, чтобъ оттѣснять отъ себя туземцевъ, мало-по-малу истреблять ихъ и захватывать ихъ владѣнія. Европейское и американское племена оставались постоянно враждебны, чужды одно другому, и потому развитіе американскихъ колоній произошло иначе, нежели развитіе государствъ Европы. Въ Европѣ побѣжденныя племена сливались съ побѣдителями, воспринимали отъ нихъ и сообщали имъ разнообразные элементы политической и умственной дѣятельности; въ Америкѣ побѣдители удаляли отъ себя побѣжденныхъ, ничего имъ не дали и ничего отъ нихъ не заимствовали. Потому въ Европѣ каждое государство получило свой отдѣльный, оригинальный характеръ, свою философію и поэзію, — въ сѣверной Америкѣ англичане, поселившіеся въ ней сначала, остались совершенно тѣмъ же, чѣмъ и пришли въ нее.

Племена американскихъ индѣйцевъ, оттѣсненныя къ сѣверу и теперь весьма слабыя, далеко не заслуживали презрѣнія и ненависти европейцевъ. Вѣчное кочеванье ихъ по берегамъ рѣкъ, широкихъ какъ моря, посреди громадныхъ красотъ дѣвственной природы, надѣлило ихъ вѣрованіями довольно чистыми, честностью, храбростью, дѣятельностію и глубокимъ поэтическимъ инстинктомъ. Языкъ ихъ былъ до чрезвычайности простъ, но образенъ, сжатъ и выразителенъ; самыя имена ихъ, особенно женскія, носятъ на себѣ печать особенной граціи и выразительности. Даже въ наше время, выведенныя изъ терпѣнія притѣсненіями пограничныхъ жителей, племена эти присылали въ конгрессъ депутаціи изъ своихъ старшинъ, которымъ жители Штатовъ не могли не отдать справедливости относительно ихъ кротости, смѣтливости и замѣчательнаго дара слова. Но сближенія между народами не было и не будетъ.

Общество Соединенныхъ Штатовъ хотя пользуется политическимъ спокойствіемъ, необходимымъ условіемъ для успѣховъ литературы, но страждетъ избыткомъ дѣятельности въ экономическомъ отношеніи. Каждый гражданинъ республики работаетъ безъ отдыха, потому-что въ этомъ юномъ, дѣятельномъ обществѣ нѣтъ мѣста лѣнивцамъ и даже спокойнымъ людямъ. Въ обществѣ этомъ нѣтъ про-

летаріевъ, потому-что работы больше чѣмъ рукъ, нѣтъ людей, которые проживали бы свое состояніе собственно для себя, потому-что каждый капиталъ, соединенный съ предпріимчивостью, можетъ и долженъ приносить обильный плодъ. А предпріимчивости въ американцѣ бездна: судорожная дѣятельность вошла ему въ привычку, онъ весь поглощенъ своими интересами, ему некогда думать объ отдыхѣ и развлеченіи. Оттого и на роскошную природу своего отечества смотритъ онъ съ экономической точки зрѣнія: покуда не по всѣмъ рѣкамъ ходятъ стаи пароходовъ, пока не всѣ берега моря заняты портами, пока не всѣ горы изслѣдованы въ металлургическомъ отношеніи, ему хочется дѣйствовать, а не наслаждаться красотами этихъ мѣстъ. Говорятъ, что въ Америкѣ нѣтъ хорошихъ пейзажистовъ, и что вообще ея живописцы такъ плохи, что картины, развѣшенныя въ комнатѣ, возбуждаютъ невольную улыбку въ самомъ снисходительномъ европейцѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ развитіе литературной дѣятельности въ настоящее время невозможно въ Соединенныхъ Штатахъ. Да и на что имъ литература? у нихъ есть свой готовый языкъ, на которомъ образцовыя произведенія считаются сотнями: англійская литература равно близка имъ и по языку и по направленію. Книгопродавцы и журналисты не нуждаются въ отечественныхъ талантахъ: они безъ церемоніи и безплатно перепечатываютъ все то, что̀ печаталось и печатается въ Англіи, съ тою разницею, что огромные романы Диккенса помѣщаются сполна на десяти нумерахъ гигантскихъ газетъ, въ величинѣ которыхъ нѣтъ соперниковъ Соединеннымъ Штатамъ.

И потому Соединенные Штаты не имѣютъ ни одного историка, ни одного замѣчательнаго философа, ни одного извѣстнаго драматическаго писателя. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи все это явится, и американская литература получитъ свое самостоятельное направленіе. Къ Америкѣ можно примѣнить извѣстныя слова Гоголя: «Въ «тебѣ ли не родиться необъятной мысли, когда ты сама безъ конца? «Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и «пройтись ему?» Но основываясь на данныхъ, только-что высказанныхъ нами, можно заключить, что долго еще ждать этого времени.

Въ наше время только два сѣверо-американскихъ писателя пріобрѣли себѣ европейскую извѣстность. Писатели эти — Вашингтонъ Ирвингъ и Куперъ. Первый изъ нихъ не избѣжалъ общаго недостатка своихъ соотечественниковъ: произведенія его почти всѣ внушены европейскою жизнью, отзываются подражаніемъ европейскимъ писателямъ. Зато извѣстность Вашингтона Ирвинга далеко не такъ значи-

тельна, какъ извѣстность Купера, романы котораго, по своей самостоятельности и оригинальности, породили въ Европѣ множество подражателей.

Джемзъ Фенимορъ Куперъ родился въ 1789 году въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ, въ городѣ Бёрлингтонѣ. Дѣтство свое провелъ онъ въ небольшомъ городѣ Куперстаунѣ, который тогда только-что начиналъ строиться. Дикая красота мѣстоположенія, образъ жизни и дѣятельность жителей только-что начинавшагося возникать города не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на душу будущаго романиста. Во многихъ его произведеніяхъ съ изумительною ясностью и увлеченіемъ описаны сцены, изображающія борьбу европейскихъ поселенцевъ съ дѣвственною, непокорною еще природою.

Изъ всѣхъ Штатовъ, составляющихъ республику, Нью-Іоркскій особенно замѣчателенъ величественными красотами природы, разнообразіемъ своего населенія и даже историческими воспоминаніями. На западѣ этого штата находятся озеро Онтаріо и водопадъ Ніагарскій; мѣста около озеръ покрыты огромными лѣсами, которые болѣе и болѣе исчезаютъ подъ руками предпріимчивыхъ поселенцевъ; недалеко отъ его границы протекаетъ огромная Гудзонова рѣка, у истоковъ которой лежитъ городъ Саратога, гдѣ американскій генералъ Гетсъ одержалъ надъ англичанами первую побѣду во время войны за независимость. Всѣ эти мѣста и названія не разъ являются въ лучшихъ изъ романовъ Купера.

Шестнадцати лѣтъ отъ роду Куперъ вступилъ въ морскую службу; но продолжительныя странствованія, разстроивъ его здоровье, заставили его черезъ нѣсколько лѣтъ оставить морскую службу, поселиться на старомъ мѣстѣ и заняться торговыми дѣлами, а отчасти и литературою, которая стала награждать его и матеріальнымъ образомъ, что довольно рѣдко въ Америкѣ. Нѣсколько разъ по своимъ дѣламъ ѣздилъ онъ въ Европу, провелъ нѣсколько времени въ Англіи, Италіи, Германіи и во Франціи, а въ 1826 году принялъ на себя должность консула Соединенныхъ Штатовъ въ Ліонѣ. Тамъ онъ прожилъ три года, по истеченіи которыхъ возвратился на родину. Болѣе намъ ничего не извѣстно относительно незатѣйливой біографіи Фенимора Купера. Вотъ какъ его описываетъ одинъ изъ французскихъ писателей, лично съ нимъ знакомый. «По фигурѣ Купера можно сдѣлать вѣрное заключеніе о смѣлости и энергіи его характера. Ростъ его выше средняго, сложеніе здоровое, движенія рѣзки и не совсѣмъ изысканны, взглядъ смѣлъ и нѣсколько задумчивъ. Лобъ его очень высокъ; глаза нѣсколько впалые, сохраняютъ постоянно какое-то тревожное, безпокойное выраженіе; тонкія, сжатыя

губы усиливаютъ это выраженіе. При разговорѣ лицо его оживляется еще болѣе, но принимаетъ болѣе простоты и симпатичности. Трудно его слушать и не соглашаться съ нимъ: даръ слова и способность соображаться съ понятіями слушателей развиты въ немъ до изумительной степени».

Первый его романъ: «Выборъ мужа», изданный въ 1821 году, не имѣлъ никакого успѣха ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ. Содержаніе его взято изъ англійскихъ нравовъ; своею моралью и мелкими подробностями семейной жизни напоминаетъ онъ скучную манеру миссъ Эджвортъ. Но первая неудача скоро была заглажена: съ 1822 по 1824 годъ Куперъ издалъ три романа, заслужившіе неимовѣрный успѣхъ и переведенные почти на всѣ европейскіе языки. Романы эти были: «Шпіонъ», «Піонеры (*)» и «Лоцманъ». Въ этихъ сочиненіяхъ видны три разныя направленія, которымъ Куперъ остается вѣренъ до настоящаго времени. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ много произведеній, далеко превышающихъ и Шпіона и Піонеровъ и даже Лоцмана, но каждый изъ его романовъ можетъ быть подведенъ подъ одинъ разрядъ съ которыхъ-нибудь изъ названныхъ нами.

Въ «Шпіонѣ» Куперъ является подражателемъ Вальтера Скотта, подражателемъ не совсѣмъ удачнымъ; но содержаніе романа, взятое изъ малоизвѣстной интересной эпохи борьбы съ Англіею, представляющее нѣсколько занимательныхъ эпизодовъ изъ войны за независимость, не могло не получить успѣха. Въ романѣ много недостатковъ: излишняя подробность, блѣдность женскихъ характеровъ, нѣкоторая наклонность къ морали. Кромѣ того Куперъ выказалъ въ немъ свою страсть описывать исключительные характеры: лица вседневныя, безъ рѣзкихъ достоинствъ и недостатковъ не по плечу американскому романисту. Но вся книга проникнута такой любовью къ отечественнымъ воспоминаніямъ, такой горячей преданностью памяти идола американцевъ, Вашингтона, что нѣкоторыя сцены романа получаютъ высокій, лирическій интересъ. Несмотря на то, что герой Америки выведенъ на сцену подъ очень неловкимъ инкогнито купца Гарнера, — какъ грандіозно то мѣсто, когда Вашингтонъ, одинъ, передъ сраженіемъ сидитъ ночью за картою военныхъ дѣйствій, и въ это время дѣвушка приходитъ къ нему и умоляетъ спасти ея жениха, англійскаго офицера, отъ позорной смерти. Герой встревоженъ и раздосадованъ; но скоро врожденное человѣколюбіе беретъ верхъ: онъ утѣшаетъ бѣдную дѣвушку, кладетъ ей руку на голову и увѣряетъ, что ей нечего бояться за жениха. Въ этомъ мѣстѣ

(*) Такъ называются въ Америкѣ передовые поселенцы около самой границы.

Куперъ мастерски выставилъ самую популярную, привлекательную черту полководца. Вашингтонъ не былъ эффектнымъ генераломъ, онъ принялъ командованіе войсками не въ молодыхъ уже лѣтахъ, для войны онъ покинулъ свои владѣнія, свое семейство, которое любилъ съ рѣдкой нѣжностью. Для американца Вашингтонъ есть не столько идеалъ военачальника и правителя, какъ олицетвореніе всѣхъ гражданскихъ, тихихъ семейныхъ добродѣтелей. Лицо Гэрвэй Бёрча, шпіона изъ любви къ отечеству, довольно натянуто, но какъ великъ этотъ шпіонъ, когда, увидѣвъ Вашингтона, онъ отказывается отъ всякой платы за свои услуги и хочетъ только насмотрѣться на спасителя своей родины!

Но успѣхъ Шпіона породилъ рядъ болѣе слабыхъ произведеній, гдѣ авторъ, держась своего оригинала Вальтера Скотта, началъ выискивать содержанія изъ исторій разныхъ странъ и народовъ. Чтобъ разомъ отдѣлаться отъ этихъ утомительныхъ романовъ, мы только перечтемъ ихъ и перейдемъ къ произведеніямъ болѣе замѣчательнымъ. Вотъ эти названія: «Браво», «Гейденъ-Мауеръ», «Бернскій палачь», «Мерседесъ», «Ліонель Линкольнъ», сюжетъ котораго также относится ко времени войны за независимость, «Эва Эфингамъ», «Пакетъ-Ботъ».

Рядъ романовъ, начавшихся «Піонерами», по справедливости принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Купера и надолго останется драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ сѣверо-американской литературы. Сочиненія эти не могли родиться ни въ какой другой странѣ: въ нихъ чрезвычайно много самостоятельности и чисто-американскаго элемента. Одно время во Франціи говорили и писали, что индѣйцы и дѣвственная природа, выводимые Куперомъ на сцену, порождены подражаніемъ Шатобріану; но теперь, когда слава Шатобріана начала падать въ самой Франціи, даже французы сознаются, что его индѣйцы (не надо забывать, что индѣйцами называютъ сѣверо-американцы туземныхъ жителей) также относятся къ куперовымъ, какъ греки и римляне Расина относятся къ настоящимъ грекамъ и римлянамъ. Что касается до шатобріановыхъ описаній природы, то мы откровенно сознаемся, что, любя простоту слога, совершенно путаемся въ торжественныхъ, звучныхъ, тщательно округленныхъ тирадахъ автора Аталы, Рене и тому подобныхъ сочиненій.

Индѣйскіе воины и женщины, которые дѣйствуютъ въ «Піонерахъ», «Могиканахъ», «Патфайндеръ», «Степяхъ», «Дирслейеръ», «Пуританахъ», описаны съ удивительной вѣрностью и художественностью. Куперъ не пропустилъ ни одной отличительной черты этихъ неизвѣстныхъ намъ племенъ: ихъ хитрость, достоинство,

преданность къ старикамъ, тонкое глубокообдуманное обращенie съ бѣлыми, жажда къ военной славѣ, смутныя, меланхолическія воспоминанія о временахъ прежней славы и могущества, — все это мастерски описано Куперомъ. Гдѣ дѣло доходитъ до индѣйскихъ племенъ, Куперъ возвышается необыкновенно: ни одинъ характеръ образованной женщины ему не удался, — всѣ индіянки, которыхъ выводитъ онъ на сцену, граціозны и трогательны. Его индіянки не носятъ звучныхъ именъ какъ шатобріановы героини, говорятъ очень мало, ихъ рѣчи переданы изломаннымъ англійскимъ языкомъ, а совсѣмъ-тѣмъ, долго спустя послѣ прочтенія романа, эти блѣдныя, покорныя, преданныя существа не перестаютъ носиться передъ воображеніемъ читателя. Но требованія читающей публики бываютъ иногда нѣсколько странны: она не любитъ, когда ей толкуютъ о старыхъ и избитыхъ вещахъ; зато она съ нѣкоторою недовѣрчивостью встрѣчаетъ каждое сочиненіе, гдѣ пущены въ ходъ идеи малоизвѣстныя, выведены на сцену характеры оригинальные и никѣмъ прежде не описанные. Индѣйцы Купера, на созданіе которыхъ потратилъ онъ такую бездну любви, наблюдательности и терпѣнія, не произвели особеннаго эффекта ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. «Піонеры» и «Послѣдній Могиканъ» рисковали пройти незамѣченными, еслибъ въ обоихъ романахъ не дѣйствовало одно и тоже лицо, отчасти исключительное, отчасти натянутое, которому суждено было возбудить живѣйшую симпатію въ читателяхъ. Мы говоримъ о томъ полудикомъ, полуобразованномъ странникѣ, который подъ именемъ «Кожанаго Чулка», «Соколинаго глаза», «Патфайндера», «Натаніеля Бёмпо» и «Дирслейера» проходитъ цѣлый рядъ превосходныхъ романовъ и увлекаетъ самаго хладнокровнаго читателя оригинальностію своего характера, разнообразіемъ своихъ приключеній.

Въ прошломъ столѣтіи, и даже въ началѣ нашего, пока еще сѣверо-американскія колоніи не сложились въ стройное, благоустроенное государство, не оттѣснили отъ себя и не ослабили своихъ необразованныхъ сосѣдей, въ колоніяхъ этихъ былъ цѣлый классъ гражданъ, жизнь которыхъ постоянно проходила среди опасностей и самыхъ разнообразныхъ приключеній. То были люди, которые изъ предпріимчивости или неспособности къ осѣдлой жизни покидали устроившіяся уже поселенія, отходили малыми партіями на сѣверъ или западъ, и выбравъ себѣ клочокъ земли, селились на немъ по сосѣдству съ дикими племенами. Тутъ имъ предстояло выдерживать борьбу съ индѣйцами, которымъ не нравилось такое сосѣдство, и кромѣ того бороться съ юною природою, которая не сразу поддавалась ихъ усиліямъ. Хитрые граничники (borderers: такъ они назывались) поселяли раздоры между непріязненными племенами, помогали однимъ

изъ нихъ противъ другихъ, пріобрѣтали себѣ союзниковъ, работали съ оружіемъ въ рукахъ и такимъ образомъ обезпечивали себя отъ нападеній. Скоро и природа начинала награждать ихъ усилія, такъ что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ обширное селеніе строилось на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли пять, шесть хижинъ. Тогда самые предпріимчивые изъ граничниковъ снова покидали старое мѣсто и отправлялись дальше искать новыхъ пустырей и новыхъ приключеній.

Между этимъ безпокойнымъ классомъ поселенцевъ были еще такіе люди, которые чувствовали постоянное отвращеніе къ самымъ попыткамъ осѣдлой жизни. Взросшіе посреди лѣсовъ, съ дѣтскаго возраста выучившись владѣть веслами и ружьемъ, люди эти не видѣли никакой надобности сходиться кучками и въ потѣ лица обработывать землю. Охота доставляла имъ вѣрный доходъ и всѣ средства къ жизни, съ индѣйцами вели они дружбу, и если участвовали въ ихъ междоусобіяхъ, то единственно изъ личной привязанности къ тому или другому племени. Нѣсколько разъ въ годъ приходили они въ ближайшія европейскія поселенія, слушали обѣдню, сбывали свою дичь и мѣха, покупали порохъ и снова отправлялись въ лѣса, съ которыми сроднялись окончательно. Такихъ людей индѣйцы уважали и боялись, потому-что охотники эти, не уступая индѣйцу въ безстрашіи, бдительности и неутомимости, сохраняли всю предпріимчивость, всю хитрость европейца.

Такое-то лицо выведено Куперомъ въ пяти романахъ, о которыхъ говорили мы выше. Мы назвали этотъ характеръ нѣсколько неестественнымъ; но здѣсь неестественность происходитъ отъ изобилія внѣшнихъ приключеній, отъ множества баснословныхъ подвиговъ этого лица, а не отъ ложной концепціи самого характера. Незачѣмъ было Куперу постоянно выводить своего Патфайндера ангеломъ хранителемъ всѣхъ страждущихъ и притѣсненныхъ, незачѣмъ было заставлять его, на каждыхъ десяти страницахъ, стрѣлять изъ своего длиннаго ружья, и конечно безъ промаха. Но недостатки эти внѣшніе, замыселъ и художественное исполненіе заставляютъ прощать Куперу нѣкоторыя отклоненія отъ вѣроятности происшествій.

По нашему мнѣнію, самыя привлекательныя черты характера Натаніэля Бёмпо, во всѣхъ пяти романахъ, состоятъ въ какомъ-то грустномъ, инстинктивномъ отвращеніи этого человѣка къ европейскому населенію, среди котораго онъ родился. Патфайндеръ не мизантропъ; онъ любитъ своихъ индѣйцевъ, не пропускаетъ случая оказать услуги отдѣльнымъ своимъ отечественникамъ, даже привязы-

вается къ нѣкоторымъ изъ нихъ, а совсѣмъ тѣмъ ему тѣсно и тяжело жить въ населенномъ мѣстѣ, среди общества, связаннаго условіями, которымъ онъ не можетъ сочувствовать. Нельзя не пожалѣть, что остатки англійскаго пуританизма помѣшали Куперу яснѣе обозначить ходъ безсознательной антипатіи, которую герой его чувствуетъ къ осѣдлымъ своимъ собратіямъ.

Съ немѐньшимъ искусствомъ выразилъ Куперъ слѣпое, безсознательное сочувствіе простой, безхитростной души Патфайндера къ величію той природы, среди которой довелось ему проводить свою обильную приключеніями жизнь. Необразованный охотникъ рѣдко говоритъ о лѣсахъ, огромныхъ рѣкахъ и озерахъ, слова его просты и чужды всякихъ изъисканныхъ выраженій, а между тѣмъ романистъ достигъ своей цѣли: мы понимаемъ, что безъ этихъ лѣсовъ, озеръ и рѣкъ нѣтъ жизни для грубаго Патфайндера. Въ описаніяхъ природы талантъ Купера весьма замѣчателенъ, несмотря на нѣкоторыя длинноты; но, по нашему мнѣнію, когда Вашингтонъ Ирвингъ переноситъ мѣсто дѣйствія своихъ разсказовъ въ Америку, его описанія мѣстности, по сжатости и образности, болѣе заслуживаютъ замѣчанія.

Морскіе романы Купера, къ числу которыхъ принадлежатъ и «Два Адмирала», написаны имъ вслѣдствіе успѣха, который доставило ему изданіе «Лоцмана». Мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ романѣ.

Главная цѣль Купера въ «Лоцманѣ» состояла въ томъ, чтобъ написать романъ въ *pendant* «Шпіону», съ тою разницею, что «Шпіонъ» посвящался славѣ сухопутныхъ войскъ и подководцевъ Америки, а въ «Лоцманѣ» должно было описать славу морскихъ ея героевъ. Вашингтонъ дѣйствовалъ въ одномъ романѣ, героемъ другого былъ знаменитый Поль Джонсъ.

Но морской романъ стоитъ гораздо выше сухопутнаго, по превосходной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ характеровъ, а также по вѣрному художественному, общепонятному описанію морскихъ сценъ, жизни на корабляхъ, нравовъ и обычаевъ оригинальнаго ихъ населенія. На сцену вышли лица неодушевленныя, но тѣмъ не менѣе занимательныя. Шкуна Аріэль и фрегатъ съ таинственнымъ лоцманомъ не разъ приковываютъ вниманіе читателя и съ напряженіемъ заставляютъ слѣдить за всѣми своими движеніями. Подобныхъ сценъ нельзя писать съ помощію одного инстинкта, и здѣсь Куперъ извлекъ всю пользу изъ долгихъ своихъ странствованій, изъ знанія морского дѣла, къ которому постоянно чувствовалъ онъ живѣйшую наклонность.

Куперъ, какъ мы уже замѣтили, есть живописецъ исключительныхъ характеровъ: описывая граничниковъ, индѣйцевъ и лѣсныхъ охотниковъ, онъ не грѣшилъ противъ истины, потому-что самые тамошніе нравы кажутся намъ странны и исключительны. Въ «Лоцманѣ» тронулъ онъ новую жилу, откуда могъ извлечь тьму лицъ по своему вкусу, потому-что жизнь моряковъ имѣетъ много особенныхъ условій, подвержена тысячамъ приключеній, которыя не могутъ не оставить слѣда на характерѣ человѣка.

Писатели морскихъ романовъ, порожденныхъ успѣхомъ Купера, и о которыхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, впали въ великую ошибку, положивъ себѣ за правило выводить лица неестественныя и несбыточныя. По ихъ мнѣнію, морякъ долженъ считать жизнь копейкою, ругаться и хвастаться на каждомъ шагу, влюбляться самымъ дикимъ и звѣрскимъ образомъ, а при концѣ сочиненія ѣсть человѣческое мясо за отсутствіемъ съѣстныхъ припасовъ. Романисты эти не поняли, что есть страшная разница между характеромъ исключительнымъ и характеромъ неестественнымъ.

Куперъ понималъ эту разницу и въ своемъ «Лоцманѣ» вывелъ цѣлый рядъ характеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые блѣдны, но всѣ естественны и далеки отъ натяжки. «Томъ Длинный»—типъ честнаго и храбраго матроса, чудака, который родился на кораблѣ и весь вѣкъ шатался по морю, а потому не можетъ рѣшительно понять, зачѣмъ люди охотно выходятъ на берегъ, и что̀ они тамъ дѣлаютъ? Онъ любитъ море также горячо и безотчетно, какъ Патфайндеръ свои лѣса, и значительную часть своей нѣжности переноситъ на корабль, гдѣ ему приходится служить. Привязанность эта къ кораблю легко объясняется: для Тома судно, гдѣ онъ служитъ, равняется цѣлому міру, и въ этомъ случаѣ прекраснымъ дополненіемъ ему служитъ лицо весе́лаго лейтенанта Бернстебля, который, получивъ командованіе надъ маленькой шкуной, няньчится, возится съ нею безпрестанно и отъ чистоты сердца надоѣдаетъ всѣмъ и каждому болтовней о своемъ «Аріэлѣ».

Лицо Бернстебля и въ особенности «Тома Длиннаго» послужили оригиналами, съ которыхъ Евгеній Сю, Марріэтъ и цѣлая ватага морскихъ романистовъ надѣлали много блѣдныхъ копій. По ихъ милости, типъ стараго моряка сдѣлался такимъ же избитымъ, какъ и типъ наполеоновскаго гренадера; но обстоятельство это должно служить Куперу похвалою, а не порицаніемъ.

Третіе замѣчательное лицо, выведенное Куперомъ въ «Лоцманѣ», есть самъ лоцманъ, герой романа. Авторъ былъ такъ увѣренъ въ по-

всемѣстной знаменитости своего героя, что даже ни въ одномъ мѣстѣ не назвалъ его по имени. Переводчики отъ себя прибавляютъ краткое свѣдѣніе объ этомъ лицѣ, пользующемся въ Америкѣ великою популярностью.

Джонъ Поль Джонсъ, капитанъ сѣверо-американскаго флота, былъ выходцемъ изъ Англіи, гдѣ, если вѣрить англійскимъ писателямъ, велъ онъ жизнь не совсѣмъ честную. Въ Соединенныхъ Штатахъ пишутъ, напротивъ, что Джонсъ терпѣлъ въ Англіи много несправедливыхъ гоненій, что онъ прибылъ въ Америку съ характеромъ угрюмымъ, озлобленнымъ противъ своей родины. Какъ бы то ни было, способности его въ морскомъ дѣлѣ блистательно выказались въ войнѣ колоній съ метрополіею. Флота у Соединенныхъ Штатовъ не было. Джонсъ всю свою жизнь командовалъ отдѣльными судами и мелкими флотиліями, всѣ его кампаніи состояли въ рядѣ незначительныхъ битвъ съ англичанами, въ которыхъ однако же онъ постоянно оставался побѣдителемъ. Нѣсколько разъ мелкія суда Джонса подходили къ самымъ берегамъ Англіи, пробирались между ея эскадрами, грабили и жгли мелкіе портовые города и наводили ужасъ на британскую торговлю.

Въ «Лоцманѣ» Куперъ изображаетъ намъ одну изъ такихъ смѣлыхъ экспедицій. Поль Джонсъ посланъ отъ правительства къ берегамъ Англіи съ важными приказаніями. Въ чемъ состоитъ его порученіе, авторъ не объясняетъ; мы знаемъ только, что знаменитый корсаръ скрывается отъ самого экипажа своихъ кораблей подъ одеждою лоцмана. Потомъ мы узнаемъ, что предпріятіе не удалось, вслѣдствіе чего американскій фрегатъ отплываетъ отъ англійскихъ береговъ и на пути пробирается сквозь непріятельскую эскадру, которая обхватила его со всѣхъ сторонъ.

Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что Куперъ врагъ трескучихъ эффектовъ: онъ выбралъ чрезвычайно простое событіе изъ жизни своего героя — и, несмотря на то, съумѣлъ рѣзко и отчетливо выставить передъ читателями своего оригинальнаго корсара. Джонсъ выходитъ на сцену довольно рѣдко, но всякой разъ, при появленіи таинственнаго лоцмана, читатель увлеченъ странностію этого лица, а любопытство разгарается болѣе и болѣе. Мы видимъ, что лоцмана тяготитъ его инкогнито, что ему не по душѣ скрываться тамъ, гдѣ онъ можетъ быть повелителемъ; какая-то гигантская гордость слышится въ каждомъ его словѣ.

Англійская эскадра отрѣзала его фрегату отступленіе. Куперъ съ изумительнымъ искуствомъ заставляетъ насъ слѣдить за всѣми дви-

женіями судовъ, вздрагивать, когда цѣлыя тучи ядеръ перелетаютъ надъ головами американцевъ. Экипажъ начинаетъ унывать; капитанъ, зная, что за лоцманъ у него на фрегатѣ, подходитъ къ Джонсу и проситъ позволенія ободрить матросовъ, объявивъ объ его имени.

— Теперь еще рано, отвѣчаедъ корсаръ: — коли не будетъ надежды, коли дойдетъ до абордажа, *я* скажу самъ свое имя.

Фрегатъ однако спасенъ, и имя остается тайною. Говоря о Вашингтонѣ, мы замѣтили какъ искусно выставляетъ Куперъ наружу самыя рѣзкія, отличительныя черты своихъ историческихъ героевъ. Въ отвѣтѣ лоцмана, который передъ цѣлымъ непріятельскимъ флотомъ выражаетъ мысль, что *одно его имя* должно спасти слабый американскій фрегатъ, видѣнъ весь Джонъ Поль Джонсъ. Всѣ біографы единогласно представляютъ его человѣкомъ въ высшей степени гордымъ и высокомѣрнымъ. Самонадѣянность его не знала совершенно никакихъ границъ послѣ одного почти баснословнаго его подвига. Командуя плохо вооруженнымъ судномъ «Bonhomme Richard», Джонсъ въ 1779 году встрѣтилъ у береговъ Шотландіи два англійскихъ фрегата (*), изъ которыхъ каждый былъ гораздо его сильнѣе. Послѣ упорнаго дѣла оба фрегата спустили флагъ. — позоръ, до того неслыханный въ британскомъ флотѣ. Когда Поль Джонсъ занялъ оба судна, англичане съ отчаяніемъ увидѣли, что собственный его корабль былъ весь избитъ ихъ ядрами, и еслибъ они продержались хотя полчаса, долженъ былъ итти ко дну.

Мы нарочно распространились о «Лоцманѣ», чтобъ показать причину успѣха этого романа, — успѣха, породившаго бездну подражателей. Куперъ былъ первый въ этомъ родѣ; до него, если не ошибаемся, одинъ только Смоллетъ пытался написать романъ изъ морской жизни.

Къ сожалѣнію, намъ приходится сказать, что первымъ подражателемъ Купера былъ самъ Куперъ. Увлекшись успѣхомъ Лоцмана, онъ написалъ нѣсколько романовъ, основанныхъ исключительно на морскомъ дѣлѣ. Наше мнѣніе такое, что морская служба, какъ и всякая другая, не въ состояніи доставить художнику обильной пищи, и главное достоинство «Лоцмана» состоитъ въ томъ, что въ немъ сцены бурь, сраженій и плаванія не встрѣчаются на каждой страницѣ, а расположены съ умѣренностью, такъ-что не утомляютъ читателя. Фрегатъ и шкуна не торчатъ безпрестанно передъ воображеніемъ,

(*) Serapis и Conhtess of Scarborough.

плохо знакомымъ съ морскими терминами. Что бы мы сказали о романѣ, въ которомъ поминутно выставлялись сраженія и переходы, стычки и биваки, въ которыхъ дѣйствовали бы не люди, а батальоны? Изъ военной исторіи нельзя кроить романовъ, и плохъ тотъ романъ, который похожъ на исторію.

Къ разряду менѣе удачныхъ морскихъ романовъ Купера мы относимъ: «Красный Корсаръ», «Морская Волшебница», «Блудящій Огонь» и нѣкоторые другіе. Изъ нихъ нельзя не упомянуть о «Морской Волшебницѣ» (Water Witch), которая самымъ своимъ недостаткамъ обязана была успѣхомъ.

Въ самомъ романѣ главное лицо сама «Волшебница», судно, безпрестанно преслѣдуемое непріятелемъ и всякой разъ отъ него спасающееся. Всѣ дѣйствующія лица романа блѣдны и вялы, но Куперъ умѣлъ разлить столько интереса на продѣлки своей волшебницы, что книга съ напряженнымъ любопытствомъ читается до конца. Какъ tour de force замѣчательнаго таланта, романъ заслуживаетъ вниманія, и его стоитъ прочесть, чтобъ видѣть, какой интересъ умѣлъ придать Куперъ такому бѣдному содержанію, какъ погоня нѣсколькихъ кораблей за небольшимъ, но быстрымъ судномъ. Романъ «Два Адмирала», какъ показываетъ названіе, принадлежитъ къ морскимъ романамъ, въ которыхъ, какъ мы сказали выше, Куперъ подражаетъ «Лоцману». Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ довольно слабомъ произведеніи, посмотримъ на другихъ подражателей Купера, которые пользовались въ свое время большою извѣстностью, а теперь совершенно забыты.

Произведенія, порожденныя успѣхомъ Лоцмана, можно раздѣлить на два разряда: французскіе морскіе романы и англійскіе романы-путешествія. Представителями первыхъ можетъ служить *Atar-Gull* и *Salamandre*, вторыхъ – *Peter Simple* и *Tom Cringle's Log*. Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы скажемъ только, что въ головѣ французскихъ морскихъ романистовъ стоялъ Сю, а англійскихъ — капитанъ Марріэтъ.

Но нельзя не сдѣлать довольно оригинальнаго сближенія между тѣмъ и другимъ рядомъ произведеній, равно ложныхъ по основанію, потому-что романистъ, сжимая свое твореніе въ тѣсныя рамки заранѣе опредѣленной жизни, лишаетъ свою фантазію возможности гулять тамъ, гдѣ бы ей ни захотѣлось. Конечно, бо́льшая часть беллетристовъ описываютъ или классъ общества, или рядъ событій, болѣе имъ извѣстные, но между ними рѣдки отъявленные поставщики романовъ морскихъ, военныхъ, административныхъ, мѣщанскихъ, ари-

стократическихъ. Дѣлать такимъ образомъ литературу, значитъ унижать ее.

Направленіе французскихъ и англійскихъ морскихъ романовъ рѣзко отличается одно отъ другого. Французскіе отличаются высокопарностью слога, англійскіе—обиліемъ несбыточныхъ происшествій. Во французскомъ морскомъ романѣ дѣйствующія лица до того пьютъ, ругаются и неистовствуютъ, что скорѣе похожи на пиратовъ, чѣмъ на честныхъ моряковъ, — въ англійскомъ - всѣ моряки ведутъ себя совершенными джентльменами, всѣ добродѣтельны, а если и заводится мелодраматическій злодѣй, то при концѣ сочиненія онъ раскаявается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.

Во французскихъ морскихъ романахъ мало дѣйствія, и каждая буря описывается съ мельчайшими подробностями; въ англійскихъ—столько бурь и кораблекрушеній, что ихъ некогда рѣзко описывать. Во французскихъ романахъ сраженія кровопролитны до невѣроятности, въ англійскихъ—потеря непремѣнно вычисляется, и всякое сраженіе стоитъ англичанамъ одного убитаго и нѣсколькихъ раненыхъ. Во французскихъ романахъ битва кончается пожаромъ или взрывомъ, въ англійскихъ — непремѣнно побѣдою, въ которой британскій флагъ покрывается безпримѣрною славою. Во французскомъ романѣ плѣнный морякъ, съ опасностью жизни, спасается съ понтона (*), — въ англійскихъ, если морякъ попался въ плѣнъ къ непріятелю, то онъ одинъ, съ помощію двухъ, трехъ товарищей, овладѣваетъ непріятельскимъ судномъ и вводитъ его въ англійскій портъ. Въ сочиненіяхъ Марріэта встрѣчается множество такихъ продѣлокъ. Вотъ его рецептъ на взятіе непріятельскаго корабля. Горсть плѣнныхъ англичанъ сталкиваетъ часовыхъ въ море и запираетъ люки, тогда-какъ одинъ изъ удальцовъ пробирается въ крюйтъ-камеру и грозитъ французамъ, что онъ зажжетъ пороховой запасъ. Трусливые французы сами сдаются въ плѣнъ и еще помогаютъ своимъ побѣдителямъ вести судно въ англійскую гавань.

Понятно, отчего Сю съ товарищами и Марріэтъ съ сотрудниками прекратили дальнѣйшіе свои труды по части морскихъ романовъ. Публика была привлечена новостью содержанія, къ тому же англійскіе романы-путешествія сообщали довольно много интересныхъ подробностей о частной жизни въ англійскихъ и другихъ колоніяхъ, о неграхъ, о южной природѣ и войнѣ съ дикими народами. Изъ-за этихъ подробностей и читались англійскіе морскіе романы, басно-

(*) Понтонами назывались старые корабли, которые во время войны обращались въ темницы для плѣнныхъ офицеровъ и матросовъ.

словные же подвиги великобританскихъ военныхъ судовъ даже самимъ англичанамъ казались избитыми и приторными. Съ тѣхъ поръ количество туристовъ и ученыхъ путешественниковъ увеличилось, появилось много обильныхъ сочиненій о краяхъ мало извѣстныхъ, и читатели убѣдились, что добросовѣстно составленное путешествіе заключаетъ въ себѣ далеко значительнѣйшій интересъ, нежели воображаемыя похожденія флота лейтенантовъ и мичмановъ въ Гаванѣ, Барбадосѣ и Австраліи.

Французскіе романы не имѣли и этого достоинства. Ев. Сю не разъ пытался описывать тропическія страны и нравы тамошнихъ жителей; но какое довѣріе могли имѣть читатели къ романисту, самые герои котораго бросались каждому въ глаза нелѣпостью и дикостью своихъ характеровъ? Сцены на сухомъ пути были также кровавы, какъ и сцены на морѣ: убійства слѣдовали за убійствами, кинжалы и тому подобныя орудія встрѣчались на каждой страницѣ. Даже французская критика, самая снисходительная изо всѣхъ критикъ, встрѣчала такіе романы осужденіемъ и насмѣшкою. И въ самомъ дѣлѣ, за отсутствіемъ новыхъ книгъ можно перечитать романы Марріэта, изъ которыхъ «Питеръ Симпль» и «Джакобъ Файтфуль» считаются лучшими; но у кого достанетъ духу развернуть во второй разъ «Плика и Плока» или «Саламандру»?

«Два Адмирала», романъ Купера, котораго только первая часть переведена на русскій языкъ, принадлежитъ тоже къ числу морскихъ романовъ, хотя сцены на морѣ въ немъ очень не многочисленны. Какъ и въ «Лоцманѣ», авторъ не хотѣлъ утомлять читателей подробностями сраженій и плаванія, но произведеніе вышло далеко ниже своего образца. До сихъ поръ весь интересъ сочиненія вертится на передачѣ имѣнія и баронетскаго титула, по завѣщанію, отъ одного лица къ другимъ. Хотя запутанность и многосложность великобританскихъ законовъ и придаетъ этому простому дѣлу странный ходъ, но нельзя не согласиться, что такое содержаніе едва ли способно сдѣлать романъ занимательнымъ.

Нѣсколько интересвѣе отношенія двухъ адмираловъ англійской службы, эскадра которыхъ стоитъ на якорѣ близь мѣста, гдѣ происходитъ дѣйствіе романа. Оба эти человѣка, несмотря на разность политическихъ мнѣній, постоянно служатъ вмѣстѣ, соединены тѣсною дружбою и никогда не разстаются. Изображеніе такой дружбы между двумя старыми сослуживцами помогло Куперу написать нѣсколько живыхъ, пріятныхъ сценъ. Фигура лѣниваго, добраго, беззаботнаго контръ-адмирала Блюдатера лучше всѣхъ удалась американскому романисту.

Вообще, романъ, сколько можно судить изъ первой его части, принадлежитъ къ слабѣйшимъ изъ произведеній Купера. За исключеніемъ двухъ, трехъ описаній морского берега и эскадры, маневрирующей посреди утренняго тумана, нигдѣ не видно той смѣлой, художнической кисти, которая подарила насъ произведеніями, подобными Лоцману и Могиканамъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ до того блѣдны и односторонни, что рождаютъ нѣкоторое негодованіе въ читателѣ.

Человѣческій характеръ не можетъ не быть сложнымъ; онъ не состоитъ цѣликомъ изъ добра или зла. Эти два начала нераздѣльно дѣйствуютъ въ каждомъ человѣкѣ; устранить одно изъ нихъ, то есть описать идеальнаго героя или исключительно злодѣя, значитъ итти противъ истины. Романисты понимаютъ это очень хорошо; но многіе изъ нихъ держатся одностороннихъ характеровъ, думая, что ихъ легче описывать. Въ этомъ они горько заблуждаются: легче рисовать съ натуры, нежели убѣгать ее и самому создавать типы по заранѣе данной мѣркѣ.

Взглянемъ на творенія писателей, которыми справедливо гордится Европа. По взгляду на жизнь, по методѣ описыванія людскихъ характеровъ, ихъ можно раздѣлить на два разряда; во главѣ одного поставимъ мы Шиллера, живописца идеальныхъ одностороннихъ характеровъ; Шекспиръ будетъ представителемъ художниковъ, которые изъ самой жизни, изъ многосложности, неразлучной съ природою человѣка, извлекали созданія, полныя величія и естественности. На чьей сторонѣ большинство послѣдователей? на чьей сторонѣ бо̀льшій успѣхъ и слава?

Потребенъ страшный талантъ, чтобъ неестественное представить естественнымъ, чтобъ придать занимательность предмету, разсматривая его съ ложной точки зрѣнія, чтобъ оживить характеръ, созданный на перекоръ дѣйствительности. И какая же награда неблагодарному труду: удивляясь частностямъ, критика все-таки произнесетъ строгій судъ надъ цѣлымъ твореніемъ.

Оттого-то во многихъ романахъ Купера, писанныхъ, какъ видно, безъ особеннаго старанія, видимъ мы столько блѣдныхъ характеровъ, къ которымъ самъ авторъ не могъ чувствовать никакой привязанности. Что̀ за ничтожное созданіе героиня «Двухъ Адмираловъ», эта скромная Мильдредъ, которую переводчикъ, неизвѣстно изъ какихъ причинъ, назвалъ Мильдредою! Какое участіе можетъ чувствовать читатель къ холодному, безжизненному лицу молодого лейтенанта Вичекомба? Замѣтимъ тутъ же, что лицо адмирала Блюдатера вышло

интереснѣе другихъ именно по той причинѣ, что въ его характерѣ болѣе многосложности и даже недостатковъ. Врожденная беззаботность адмирала ставитъ его въ нѣсколько исключительное положеніе на службѣ, его аристократическія манеры составляютъ контрастъ съ простыми, грубыми выходками окружающихъ его моряковъ, приверженность къ изгнанной фамиліи Іакова II вредитъ его отношеніямъ съ лучшимъ его другомъ, адмираломъ Окесомъ, котораго политическія мнѣнія противоположны его убѣжденіямъ.

Къ числу главныхъ недостатковъ перевода должно отнести языкъ, которымъ переданы разговоры дѣйствующихъ лицъ романа, гдѣ каждое лицо говоритъ длинными, книжными, почти непонятными періодами.

Въ этомъ отчасти виноватъ авторъ: въ рѣдкомъ англійскомъ романѣ, исключая романовъ Диккенса, разговоръ простъ и не натянутъ; но переводчикъ могъ смягчить этотъ недостатокъ. «Два Адмирала» не такое колоссальное произведеніе, чтобъ передавать его со всѣми недостатками, строго держась каждаго слова, не обдѣлывая ни одного неловкаго оборота. При нѣкоторой обдѣлкѣ, разговоръ читался бы легко, а теперь читатель иногда долженъ задумываться надъ хитрою фразой.

Въ общемъ направленіи англійской литературы должно искать причину напыщенности слога: англійскіе романисты, отчасти и Куперъ, раболѣпствуютъ передъ предразсудками публики. Холодный британецъ очень не любитъ, когда романъ дурно оканчивается, и если на сцену введено какое-нибудь очень порочное лицо. «Я хочу видѣть свѣтлую сторону жизни», говоритъ онъ, не думая того, что свѣтлая сторона есть только *одна* сторона жизни, — что сочиненіе, невыходящее изъ такой сферы, впадетъ въ односторонность и постоянно будетъ походить на китайскую картину безъ тѣней.

Кромѣ того, весьма извѣстный пуританизмъ англичанъ и сѣвероамериканцевъ часто ставитъ литераторовъ въ затруднительное положеніе. Страсть мужчины къ женщинѣ, основа всѣхъ романовъ, допускается въ англійскихъ писателяхъ только тогда, если страсть эта сантиментальна, чиста и, въ заключеніе, увѣнчивается бракомъ. Всякой анализъ любви, всякое отклоненіе отъ тихой дороги, всякая горячность въ изображеніи этой страсти, принимаются за отъявленную безнравственность. Одинъ англійскій критическій журналъ — *Blackwood's Magazine* - отдавая отчетъ о сочиненіяхъ какого-то французскаго романиста, поставилъ ему въ великое достоинство то обстоятельство, что въ сочиненіяхъ этихъ нигдѣ не изображена «нелѣпая, противоестественная любовь человѣка къ замужней женщинѣ».

Такимъ требованіямъ со стороны критики и публики должно приписать то, что новая англійская литература носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то безотрадной односторонности, сантиментальности и неестественности. А отъ сочиненія, въ основаніи котораго находится неестественность, можно ли требовать простоты и натуральности въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ?

Пуританское направленіе литературы окончилось, какъ и можно было ожидать, позорною реакціею. Въ сочиненіяхъ Герризона Энсуорта *(H. Ainsworth)* на сцену выступили такія лица, которыхъ одни имена порождаютъ одни постыдныя, кровавыя воспоминанія. Дикъ Тюрпинъ, Джемсъ Шеппардъ, воры и разбойники, нашли себѣ біографовъ и выставлены были въ очень интересномъ свѣтѣ. И, что еще хуже, романы, основанные на ихъ приключеніяхъ, нашли себѣ множество читателей. Диккенсъ, какъ талантъ первокласный, пошелъ по своей собственной дорогѣ, равно удаляясь и отъ приторности и отъ грязи. Конечно и онъ не совершенно отступился отъ предразсудковъ, свойственныхъ его соотечественникамъ, но главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ быть естественнымъ. Вліяніе его на отечественную литературу будетъ огромно. Между прочимъ въ его романахъ, какъ мы сказали выше, видимъ мы едва ли не единственные образцы чистаго, простого англійскаго разговорнаго языка. Естественность содержанія ведетъ къ простотѣ подробностей сочиненія.

Къ чести русской литературы, мы должны сказать, что русскій разговорный языкъ давно установился во всей своей простотѣ, и въ настоящее время и сочинителю и переводчику непозволительно заставлять своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить неестественнымъ языкомъ. Не только замѣчательныя, даже второстепенныя произведенія нашихъ писателей отличаются простотою слога. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ литературы изгнаны на вѣчныя времена идеальные герои и небывалыя чувства, самое изложеніе и въ особенности разговорный языкъ получили опредѣленную форму, которая долго не измѣнится.

Въ прежнее время сильно нападали на людей, которые въ русскомъ обществѣ объясняются на иностранномъ языкѣ. Тѣ защищались и говорили, что нашъ языкъ не такъ еще разработанъ, не установился на столько, чтобъ годиться для легкаго разговора. Допуская это оправданіе для прежняго времени, не можемъ не сказать, что теперь оно совершенно неумѣстно. Кто изъ русскихъ въ наше время неловко объясняется по-русски, тотъ, значитъ, или не далъ себѣ труда, или, просто, неспособенъ выучиться русскому разговорному языку.

Чтобъ показать, что изученіе этого языка возможно, хотя и требуетъ нѣкоторыхъ усилій, мы постараемся въ краткихъ словахъ изложить основныя начала, слѣдуя которымъ можно достигнуть чистоты и легкости, необходимой при разговорѣ. Само собою разумѣется, что мы не полагаемъ никакого различія между разговоромъ въ обществѣ и разговоромъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ, повѣсти и на сценѣ. Если книжный разговоръ не совпадаетъ съ обыкновеннымъ, вся вина въ неискусствѣ писателя.

Первая принадлежность русскаго разговора есть сжатость и краткость. Рѣчь наша въ обществѣ не допускаетъ длинныхъ періодовъ и амплификаціи. На французскомъ языкѣ мы допускаемъ много лишнихъ оборотовъ, которые замедляютъ выраженіе идеи и даютъ говорящему время округлить свою фразу. На русскомъ фраза должна вылиться, чуждая лишнихъ дополненій. Понятно, что способность говорить сжато дается навыкомъ, знаніемъ языка и способностью скораго соображенія; безъ этихъ достоинствъ сжатость переходитъ въ неполноту и въ комическій лаконизмъ. Тотъ, кто умѣетъ говорить безъ длинныхъ періодовъ и сжато, рискуетъ тѣмъ, что рѣчь его будетъ умна, но скучна для слушателей, будетъ требовать съ ихъ стороны догадливости и напряженной умственной работы. Въ этомъ случаѣ помогаетъ образность русскаго языка. У насъ названіе одного предмета можетъ быть выражено двадцатью словами, изъ которыхъ каждое болѣе или менѣе достигаетъ своей цѣли, судя по предмету разговора. Выбрать то слово, которое вѣрнѣе изображаетъ что̀ мы хотимъ сказать, употребить именно его, и употребить кстати, – вотъ второе основаніе, которое придаетъ колоритъ разговору.

Но одной образности выраженія недостаточно: можно говорить умно, пріятно, и все-таки вычурно. Чтобъ избѣгнуть этого недостатка, говорящій обязанъ знать, въ какой мѣрѣ каждое его слово доступно слушателямъ, имѣетъ ли это слово право гражданства въ общественномъ разговорѣ, не напоминаетъ ли оно собою чего-нибудь книжнаго, вычитаннаго, устарѣлаго? На отношеніяхъ говорящаго лица къ слушателямъ основана простота разговорнаго языка.

Впрочемъ разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ дуренъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевода, о которомъ мы говоримъ; обстоятельство это подтверждаетъ насъ въ мысли, что переводчикъ, еслибъ захотѣлъ, могъ избавить своихъ читателей отъ длинныхъ тирадъ и изысканныхъ оборотовъ.

О степени знанія морского дѣла, необходимаго переводчикамъ Купера, судить мы не въ состояніи; только одно мѣсто въ цѣломъ

томѣ показалось намъ неловко переданнымъ. Одинъ старый морякъ говоритъ: «шлюпки и катера хватаютъ всѣ призы подъ носомъ у большихъ кораблей.» Мы знаемъ, что съ большихъ кораблей нерѣдко спускаютъ гребныя суда и поручаютъ имъ атаковать непріятеля; отдѣльныя же шлюбки и катера не могутъ ходить тамъ, гдѣ ходятъ линейные корабли, и забирать призы на собственную свою долю. Если мы не ошибаемся, въ подлинникѣ сказано: *sloops and cutters* (шлюпы и шкуны), названія легкихъ парусныхъ судовъ, что не можетъ быть передано на русскій языкъ словами «шлюпки и катера.»

Reisen in Britisch Guiana in den Jahren 1840—1844, im Auftrag Seiner Majestät des Königs von Preussen ausgeführt von Rich. Schomburgk. Nebst einer Fauna und Flora Guiana's nach Vorlagen von *Joh. Müller*, *Ehrenberg*, *Erickson*, *Cabanis* und Anderen. Mit Abbildungen und einer Karte von Britisch Guiana, aufgenommen von Sir Rob. Schomburgk. 2 Theile, 8°. Leipzig, 1847. (Путешествіе по Англійской Гвіанѣ въ 1840 — 1844 годахъ, совершонное, по порученію его величества короля прусскаго, Рич. Шомбургкомъ; съ присовокупленіемъ гвіанской фауны и флоры, обработанныхъ *Іог. Мюллеромъ*, *Эренбергомъ*, *Эриксономъ*, *Клочомъ*, *Кабанисомъ* и другими. Съ картинами и картою англійской Гвіаны, снятыми сэромъ Роб. Шомбургкомъ. 2 части, въ осьмушку. Лейпцигъ, 1847).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Еще весьма недавно Англійская Гвіана была одною изъ малоизвѣстнѣйшихъ странъ огромнаго южно-американскаго материка. Европейская наука впервые познакомилась съ нею чрезъ примѣчательное путешествіе сэра Роберта Германа Шомбургка, совершонное въ 1835 году. Извѣстно, что въ 1800 году знаменитый Александръ фонъ Гумбольдтъ проѣхалъ болѣе чѣмъ двѣсти миль по опаснымъ водамъ Мата, Ориноко, Атабахо, Ріо-Негро и Кассиквіары, до подошвы высокаго хребта Дуйда, въ индѣйской миссіи Эсмеральдѣ. Въ великомъ твореніи, гдѣ онъ описываетъ свое знаменитое странствованіе по тропической Америкѣ, Гумбольдтъ, достигшій Эсмеральды, говоритъ: «То, чтó лежитъ далѣе къ истокамъ Ориноко, къ горному хребту Пакараима, къ Эссеквибо и къ Гвіанскому заливу, закрыто

«отъ насъ какъ неизвѣстный міръ.» Въ ноябрѣ 1834 года Лондонское Королевское Географическое Общество, желая изслѣдовать этотъ *неизвѣстный міръ*, отправило на три года экспедицію подъ начальствомъ сэра Роберта Шомбургка, съ цѣлію изслѣдовать физическую географію этой страны и соединить, астрономическими наблюденіями, берега англійской Гвіаны съ Эсмеральдою, восточнѣйшимъ пунктомъ верхняго Ориноко, опредѣленнымъ Гумбольдтомъ. Это путешествіе, доставившее богатую жатву всѣмъ естественнымъ наукамъ, описано въ сочиненіи: *Reisen in Guiana und am Orinoco, während der Jahre 1835 — 1839, von Sir Rob. Schomburgk* (*). Это путешествіе доставило Шомбургку такую славу въ цѣлой Европѣ, и особливо въ Англіи, что черезъ годъ по его возвращеніи англійская королева вновь удостоила его порученіемъ — провести граничную черту между Англійскою Гвіаною и Бразильскою Имперіею. Въ 1840 г. 19 декабря сэръ Робертъ отправился изъ Лондона, въ сопровожденіи меньшого своего брата, Ричарда Шомбургка (**), занимавшагося прежде того въ Берлинѣ разведеніемъ ботаническаго сада. Экспедицію составляли слѣдующія лица: 1) начальникъ экспедиціи *сэръ Робертъ Шомбургкъ*; 2) ассистентъ, или помощникъ, флота лейтенантъ *Гласготъ* (Glasgott); 3) секретарь *Энкокъ* (Hancock); 4) живописецъ *Уэльтонъ* (Walton), и 5) волонтеръ *Рич. Шомбургкъ*. Впослѣдствіи, живописецъ Уэльтонъ, испугавшись въ Джорджтоунѣ желтой лихорадки, покинулъ экспедицію и поспѣшилъ возвратиться въ Англію.

Намѣреніе Рич. Шомбургка состояло въ томъ, чтобы, сопровождая экспедицію, собрать сколь возможно болѣе предметовъ естественной исторіи, для различныхъ берлинскихъ музеумовъ; прусское правительство назначило ему съ этою цѣлію, на все время путешествія, по шести сотъ талеровъ въ годъ. При другихъ, менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, сумма эта оказалась бы весьма недостаточною; но и съ этими ограниченными средствами нашъ путешественникъ успѣлъ превзойти самыя смѣлыя ожиданія. Превосходная зоологическая коллекція, заключающая въ себѣ болѣе половины новыхъ видовъ, описана Эренбергомъ, Трошелемъ, Эриксономъ и Іог. Мюллеромъ; отличное собраніе растеній обработано Клочемъ, Эзенбекомъ, Шлихтендалемъ, Куртомъ, Гризебахомъ, Штепомъ и Шульцомъ Бипонтинусомъ. Описаніе этихъ двухъ коллекцій занимаетъ весь второй томъ сочиненія, и при всемъ томъ, мы находимъ здѣсь одинъ только каталогъ собранныхъ растеній; подробное ихъ

(*) Leipzig, bei Geo. Wigand, 1841, 8°.

(**) Этотъ Ричардъ Шомбургкъ и есть авторъ, разбираемаго нами сочиненія.

описаніе составитъ отдѣльное, большое сочиненіе. Превосходна приложенная въ сочиненію карта географическаго распредѣленія растеній, на которой различными цвѣтами и оттѣнками наглядно означено помѣстное богатство цѣлыхъ семействъ или отдѣльныхъ видовъ; карта поясняется особымъ прибавленіемъ Ричарда Шомбурчка, въ которомъ изложена ботаническая географія Гвіаны.

Первый томъ заключаетъ собственно повѣствованіе, или историческій разсказъ путешествія; но въ этомъ разсказѣ мы повсемѣстно встрѣчаемъ картинныя изображенія мѣстностей, съ ученными этнографическими, статистическими и естественно-историческими фактами. Слогъ автора вездѣ плавенъ и ясенъ и отличается въ иныхъ мѣстахъ истинною картинностью; вообще книга читается легко, и часто трудно разстаться не докончивъ любопытнаго описанія очевидца.

Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ первомъ томѣ составляетъ живое изображеніе Джорджтоуна. Этотъ городъ до 1812 года находился подъ властію Нидерландовъ и назывался Стаброкъ (Stabrock); но въ упомянутомъ году голландцы уступили англичанамъ колоніи Бербисъ, Эссеквибо и Демерару, изъ которыхъ образовалась нынѣшняя Англійская Гвіана, причемъ Стаброкъ получилъ названіе Джорджтоуна. Въ 1843 году число жителей города простиралось до 23,000 душъ и въ томъ числѣ 19,000 мулатовъ и негровъ, которые освобождены изъ невольничества въ 1838 году. Внезапное, ничѣмъ неподготовленное освобожденіе этого многочисленнаго цвѣтного народонаселенія имѣло весьма неблагопріятное вліяніе на преуспѣяніе колоніи въ умственномъ и матеріяльномъ развитіи. Негры, тотчасъ послѣ своего освобожденія, перестали заниматься работами и только нудимые голодомъ рѣшились приняться за трудъ; притомъ они требовали столь высокой задѣльной платы, что работа одного дня была достаточна для безбѣднаго существованія въ теченіи цѣлой недѣли. Недостатокъ въ работникахъ, проводившихъ пять и шесть дней недѣли въ праздности, заставилъ плантаторовъ соглашаться на самыя несообразныя требованія освобожденныхъ негровъ. Правда, что сюда начали являться португальскіе и нѣмецкіе выходцы, изъ которыхъ особливо нѣмецкіе выходцы готовы были жертвовать послѣдними силами для снисканія трудомъ честнаго пропитанія, но вліяніе климата было на нихъ такъ неблагопріятно, что при малѣйшемъ напряженіи силъ не только въ работѣ подъ отвѣсными лучами солнца, но и въ тѣнистыхъ кофейныхъ плантаціяхъ стоило жизни трудолюбивымъ европейцамъ, непривыкшимъ къ тропическому зною. Отъ этихъ причинъ плантаціи гибли, одна за другою. Прежде всего прекратилось разведеніе хлопчатой бумаги, такъ-что, вмѣсто 615,000 тюковъ, собран-

ныхъ въ 1838 году, въ 1843 получено только 300 тюковъ; подобная же участь предстоитъ и кофейнымъ плантаціямъ. Несмотря на то, авторъ разсматриваемой нами книги надѣется на будущее, потому-что новое черное поколѣніе гораздо образованнѣе и трудолюбивѣе стараго, загрубѣвшаго въ тягостномъ рабствѣ.

Къ стр. 24 приложена гравюра, изображающая видъ Джорджтоуна, съ его правильными улицами и живописнымъ мѣстоположеніемъ. Устройство города тотчасъ обличаетъ голландское его происхожденіе: повсюду улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, перекрещиваются многочисленными каналами. Городъ построенъ на наносной почвѣ, чрезвычайная сырость которой не позволяетъ строить другихъ зданій кромѣ деревянныхъ домовъ на сваяхъ, возвышающихся отъ 3 до 4 футовъ надъ землею; каменныхъ строеній здѣсь весьма немного, потому-что они считаются до крайности нездоровыми, при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ. Впрочемъ изъ здѣшнихъ каменныхъ зданій ратуша и соборная церковь отличаются величіемъ, чистотою и благородствомъ стиля. Деревянные домики выкрашены болѣе или менѣе темными масляными красками, и, такъ-какъ при каждомъ почти домѣ есть садъ, то весь городъ теряется во множествѣ арековыхъ и кокосовыхъ пальмъ. Чрезвычайно любопытенъ видъ здѣшняго овощного и фруктового рынка, заваленнаго многочисленными и превосходными плодами, свойственными тропическому положенію страны. Какъ много найдется здѣсь разнообразнѣйшихъ даровъ Помоны, которымъ позавидовали бы европейскіе Крезы! Но и въ этомъ благодатномъ для растительности уголкѣ земли должно вспомнить слова древняго писателя:

Non omnis fert omnia tellus.

Многочисленные плоды и овощи Европы здѣсь вовсе не могутъ рости; напрасно будетъ искать глазъ путешественника яблоковъ, грушъ, персиковъ и абрикосовъ; не найдетъ здѣсь путникъ ни малины, ни смородины, ни крыжовника, ни земляники. Даже виноградъ не даетъ въ Гвіанѣ плода, несмотря на многократныя попытки пересадить его сюда съ береговъ Рейна и съ прибрежья мыса Доброй Надежды (*).

Изъ разводимыхъ здѣсь овощей заслуживаютъ преимущественное вниманіе: стручья *Cajanus indicus*, молодыя сѣмянныя оболочки

(*) Весьма любопытно явленіе, что виноградъ, произрастающій въ древнемъ полушаріи земли почти подъ всѣми широтами и на всякомъ грунтѣ и дающій разнообразнѣйшіе виды плода, рѣшительно не принимается въ цѣломъ Новомъ Свѣтѣ. Всѣ попытки разведенія винограда въ Америкѣ и Австраліи дали неудовлетворительные результаты.

Hibiscus esculentus, листья *Phytotacca de candra*, *Cleome pentaphylla* и бобы *Colocasia esculenta*; весьма примѣчательна также вкусная *пальмовая капуста*, извлекаемая изъ крайней вершины благородныхъ и красивыхъ видовъ пальмъ *Oreodoxa*, *Areca oleracea* и *Euterpe oleracea*: она находится посреди самыхъ верхнихъ молодыхъ листьевъ пальмы, и небольшое блюдо этого тропическаго овоща стоитъ жизни молодой пальмы. Здѣсь также ѣдятъ корни арро-рута, *Maranta indica* и *ramosissima*, различные виды *Capsica*, инбирь, тыквы, маисъ, кассаду, ямсъ (*Dioscorea alata* и *Sativa*), пататы (Convolvolus Batatas), сладкіе корни кассава (Ianipha Loeffingii), пизангъ, ананасы, апельсины и плоды хлѣбнаго дерева, *Achras Sapota*, *Mangifera indica*, *Mammea americana*, *Persea gratissima*, *Grias cauliflora*, *Psidium pyriferum* и *pomiferum*, *Anona muriatica* и *Squamosa* (*). *Chrysophyllum Cayanito*, *Carica papaya*, *Melicocca bijuga*, различныхъ видовъ *пассифлоръ* и другіе многочисленные роды и виды тропическихъ плодовъ.

Прежнія хлопчато-бумажныя и часть кофейныхъ плантацій нынѣ обращены въ луга, на которыхъ пасутъ скотъ; впрочемъ скотоводство встрѣчаетъ здѣсь многія едва преодолимыя препоны. Въ Гвіанѣ не растетъ ни одинъ изъ нашихъ хлѣбныхъ злаковъ и ни одна изъ травъ образующихъ въ Европѣ сѣно; туземныя же травы мало пригодны для корма скота. Поэтому все сѣно, необходимое для разводимыхъ здѣсь лошадей и муловъ, привозится изъ Англіи или Сѣверной Америки; къ тому же весьма ощутительный недостатокъ прѣсной воды заставилъ устраивать, съ большими издержками, огромные бассейны для сохраненія дождевой воды. За нѣсколько лѣтъ уже пробовалъ майоръ Стапель бурить здѣсь артезіянскіе колодцы, но вода показалась только въ глубинѣ 140 футовъ и сильно отзывалась желѣзомъ, такъ-что ее можно было употреблять въ пищу только послѣ очищенія или по крайней-мѣрѣ фильтрованную. Нынѣ существуютъ въ Джорджтоунѣ 17 такихъ колодцевъ, доставляющихъ ежедневно 96 тысячъ галлоновъ воды. Говоря объ этихъ артезіянскихъ родникахъ, нашъ авторъ упоминаетъ объ одномъ донынѣ еще удовлетворительно не объясненномъ явленіи, ихъ характеризующемъ; именно: высота столба воды, выбрасываемаго этими колодцами, видоизмѣняется сообразно съ возвышеніемъ морского уровня отъ прилива и пониженіемъ его отъ отлива. Одинъ изъ колодцевъ опускается на глубину до 200 футовъ и все-таки не достигаетъ до матерой земли, на которой лежитъ намывной слой; на глубинѣ 175 футовъ встрѣчаются

(*) Плоды *анноны* составляютъ превосходнѣйшую гастрономическую рѣдкость. *Anona muriatica* имѣетъ вкусъ сливокъ сбитыхъ съ ананасомъ и ванилью, а *anona squamosa* — вкусъ сливокъ съ корицею.

еще *бóльшія* толщи обугленныхъ *куридовыхъ* и *ризофорныхъ* деревьевъ.

Съ цѣлію ближе познакомить нашихъ читателей съ интереснымъ разсказомъ Шомбургка, мы представимъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ его любопытной книги, не касаясь впрочемъ чисто ученыхъ подробностей, которыя могли бы показаться утомительными *для* нашихъ читателей, незанимающихся специяльно естествознаніемъ; мы постараемся представить изслѣдованія Шомбургка въ самомъ популярномъ видѣ, пояснивъ тѣ мѣста, которыя по чему-либо казались намъ менѣе доступными для большинства читателей.

Вотъ, напримѣръ, картина зимняго пребыванія въ саваннахъ Англійской Гвіаны.

Съ наступленіемъ тропической зимы полились сильные, непрерывные дожди, сопровождаемые порывистыми вѣтрами; воды озера Паримы вздулись, выступили изъ береговъ и начали заливать степь или саванну, покрытую камышемъ, ситою и другими травянистыми растеніями. Въ скоромъ времени вся саванна превратилась въ бушующее море, посреди котораго возвышались два поросшіе богатѣйшею растительностью острова — два оазиса водяной пустыни. На одномъ изъ нихъ «Islas Ipomucenas» укрылись отъ холода на зимнее тропическое время наши путешественники.

Такъ-какъ воды покрыли своимъ влажнымъ покровомъ всю окрестность Пирары, то все животное населеніе саванны устремилось въ тѣ мѣста, до которыхъ не достигали волны. Хижина, пріютившая нашихъ путешественниковъ, стала мало-по-малу наполняться незваными, прежде рѣдко виданными гостями, и вскорѣ началась война между хозяевами и миріядами несносныхъ, отвратительныхъ и опасныхъ пришлецовъ. Множество невиданныхъ двукрылыхъ насѣкомыхъ, питающихся кровью, цѣлыя стаи степныхъ мухъ и мошекъ, скрывавшіяся прежде въ камышахъ саванны, налетѣли въ хижину, спасаясь отъ дождя и вѣтра. Они сосали человѣческую кровь днемъ, а на ночь смѣнялись роемъ москитосовъ, проникавшихъ подъ одѣяла и бѣлье; къ нимъ присоединилась еще порода большихъ мухъ въ родѣ слѣпней, съ синею грудью и бѣлыми ногами, вооруженная длиннымъ весьма острымъ и крѣпкимъ, ядовитымъ жаломъ. Но это были еще только начатки будущаго горя; адскія мученія и опасности ожидали впереди. Вслѣдъ за мухами, москитосами и слѣпнями, болѣе безпокойными, чѣмъ ядовитыми, появилось въ хижинѣ множество гремучихъ и другихъ чрезвычайно ядовитыхъ змѣй, искавшихъ здѣсь убѣжища отъ наводненія и холода саванны: Шомбургкъ убилъ въ своей хижинѣ пять гремучихъ и четыре другихъ ядовитыхъ змѣи (Grubenotter).

Если бы гремучая змѣя не была такъ неповоротлива и лѣнива, то безчисленное ихъ множество, попадающееся въ саваннѣ, сдѣлало бы эти мѣста совершенно необитаемыми: на гремушки этого пресмыкающагося плохая надежда, потому-что онѣ слышны только тогда, когда змѣя ползетъ по песчаному или обнаженному отъ травы мѣсту; къ тому же эти гады по большой части смирно лежатъ въ травѣ свернувшись клубкомъ, и горе путнику или ботанисту, который наступитъ на опасное чудовище или какъ-нибудь потревожитъ его. Въ зимнее время змѣи проникаютъ не только въ хижины деревни, но и чрезъ валы и рвы, въ болѣе закрытыя укрѣпленія и лучше устроенныя казармы гарнизона. Полуоткрытыя же хижины индѣйской деревни пресмыкающіяся и насѣкомыя саванны считаютъ своимъ законнымъ убѣжищемъ на зимнее, сырое и холодное время.

Мало-по-малу хижина наполнилась множествомъ другихъ гадовъ, столько же опасныхъ, какъ и безпокойныхъ. Но всего непріятнѣе было присутствіе безчисленнаго множества отвратительныхъ *гековій* [1], безобразнѣйшей изъ всѣхъ ящерицъ; съ самого начала потопленія саванны эти гадины стали забираться въ щели стѣнъ, потолка и кровли хижины. Трудно представить себѣ что-либо болѣе отвратительное этихъ тварей, которыя каждый вечеръ, тотчасъ по зажженіи свѣчи, выходили толпами изъ своихъ дневныхъ убѣжищъ и, съ непостижимымъ проворствомъ бѣгая по стѣнамъ и потолку, преслѣдовали москитосовъ, пауковъ, скорпіоновъ и другихъ насѣкомыхъ; одинъ видъ гековій заставляетъ невольно содрогнуться, и мурашки бѣгаютъ по тѣлу отъ непобѣдимаго къ нимъ отвращенія. Не только негры и цвѣтные люди, но вообще всѣ колонисты считаютъ гековій ядовитыми и боятся ихъ наравнѣ съ змѣями и скорпіонами. Говорятъ, что если гековія упадетъ съ потолка на обнаженную часть тѣла или заберется подъ одѣяло, то, пробѣгая по тѣлу, оставляетъ на обнаженной кожѣ слѣдъ клейкой жидкости, отъ которой быстро образуется весьма злокачественный нарывъ, часто оканчивающійся смертію [2].

Къ числу отвратительныхъ тварей, наполнявшихъ хижину, должно присовокупить множество жабъ [3], которыя появились въ ней какъ бы волшебствомъ, въ теченіи одного дня, въ неимовѣр-

---

[1] Туземцы называютъ эту отвратительнѣйшую ящерицу *вудслевъ (woodslave)*. Въ наукѣ онѣ извѣстны подъ названіями: *Hemydactylus Mahonia* и *Platydactylus Theconyx*.

[2] Мнѣніе о ядовитости гековій повсемѣстно распространено въ южной Америкѣ. По свидѣтельству г. Чуди, перуанцы считаютъ укушеніе гековій если не смертельнымъ, то весьма ядовитымъ. См. Reiseskizzen aus den Jahren 1838 - 1842 von v. Tschudi, томъ 1, стр. 326.

[3] Bufo Agua *(Daud)*.

номъ количествѣ. Такъ-какъ хижина была завалена ящиками, чемоданами, шкатулками и другимъ скарбомъ, то жабамъ было приволье прятаться днемъ за этою походною мебелью; стоило сдвинуть съ мѣста какой-либо чемоданъ или ящикъ, и можно было биться объ закладъ, что подъ нимъ и за нимъ сидятъ нѣсколько жабъ; онѣ тамъ даже устроивали себѣ формальныя гнѣзда, выбирая впрочемъ преимущественно такія мѣста, гдѣ стояли близко кувшины или другіе сосуды съ водою; ибо хотя эти гадины бѣжали отъ сырости саванны, но всегда предпочитали сырое мѣсто въ хижинѣ мѣсту болѣе сухому. Съ наступленіемъ ночи отвратительныя твари выходили изъ своихъ убѣжищъ и начинали охоту за другими слабѣйшими, но не менѣе гадкими. Подъ чемоданами и другою мебелью прятались однакожъ не однѣ только жабы: тамъ всегда можно было найти гековій, змѣй, тарантуловъ, скорпіоновъ, сороконожекъ, сколопендровъ и другихъ подобныхъ имъ животныхъ, мирно вкушающихъ вблизи другъ друга дневной покой и собирающихъ новыя силы для ночной войны. Такъ-какъ въ индѣйскихъ хижинахъ нѣтъ никакой мебели, то гадины могли тамъ прятаться только въ щеляхъ кровли; въ нашей же хижинѣ — говоритъ Шомбургкъ — вполовину заваленной походнымъ хламомъ, представлялись тысячи темныхъ уголковъ, въ которыхъ кишмя кишѣли незваные гости, и если мы были хозяевами во время дня, то ночью господство переходило къ миріадамъ гнуснѣйшихъ и отвратительнѣйшихъ насѣкомыхъ и гадовъ. Нельзя было надѣть ни обуви, ни одежды не осмотрѣвъ ее предварительно и не изгнавъ или не умертвивъ пріютившихся въ ней посѣтителей.

Къ довершенію такихъ мученій, въ хижинѣ появились еще прожорливыя крысы и не менѣе прожорливые, разнообразные виды муравьевъ; послѣдніе особенно угрожали собраннымъ путешественниками коллекціямъ. Какихъ хитростей ни придумывалъ нашъ натуралистъ, чтобы защитить свое добро отъ этихъ микроскопическихъ разбойниковъ! Между послѣдними отличалась одна порода очень маленькихъ муравьевъ, которыхъ никогда не видно въ сухое время года; но теперь она явно обратила свои хищническіе замыслы противъ коллекцій насѣкомыхъ, собранныхъ Шомбургкомъ. Нападенія этихъ крошечныхъ враговъ совершались по ночамъ. Напрасно вѣшалъ онъ свои ящики и чучелы на веревочкахъ, пропитанныхъ мышьяковымъ мыломъ, напрасно натиралъ этимъ мыломъ самыя чучелы: ящики и и свѣжія чучелы дѣлались жертвою муравьевъ. Только хлѣбъ изъ кассады и совершенно сухія чучелы оставались нетронутыми.

Одна крупная порода красныхъ муравьевъ не столько была вредна для коллекцій, сколько несносна для самихъ путешественниковъ, которые дали ей характеристическое названіе — *noli me tangere*. Эта

порода явилась раньше других и устроила свои гнѣзда близь очага хижины; укушеніе этихъ насѣкомыхъ чрезвычайно болѣзненно, и образующіеся оттого пузыры болятъ весьма долго Но сколь ни тяжко было для нашихъ путешественниковъ присутствіе этого ядовитаго насѣкомаго, оно имѣло однакожь свою хорошую сторону: красные муравьи были превосходными наблюдателями чистоты въ хижинѣ. Всякей кусочекъ мяса или другоіі пищи, упавшій на полъ, всякое мертвое насѣкомое или околѣвшая гадина были непремѣнно подбираемы ночью. Вечеромъ выходили эти блюстители чистоты изъ своихъ гнѣздъ и путешествовали по полу хижины: какъ скоро ихъ тонкое обоняніе поражалось извѣстнымъ запахомъ, цѣлое населеніе муравейника высыпало на работу, и вскорѣ торжественная процессія зарывала найденный трупъ въ нѣдра своего жилища.

Одинъ только изъ незваныхъ обитателей хижины, такъ много безпокоившихъ путешественниковъ, служилъ для нихъ предметомъ развлеченія: то былъ особый родъ большихъ шмелей — *Sphex pennsylvanica* — вооруженный длиннымъ и крѣпкимъ жаломъ, котораго онъ впрочемъ не употреблялъ противу мирныхъ обитателей хижины и только страшно каралъ имъ враговъ, осмѣлившихся нарушить его спокойствіе. Это насѣкомое могло служить примѣромъ самой неутомимой дѣятельности. Съ самого начала зимнихъ дождей прилетѣло оно въ хижину и, спустившись на землю, отъискивало сперва приличное помѣщеніе для гнѣзда,—найдя его, тотчасъ принималось рыть довольно глубокую нору; окончивъ эту работу, насѣкомое улетало изъ хижины, но скоро возвращалось съ добычею, впятеро превосходящею ростомъ его самого, и съ неимовѣрными трудами втаскивало ее въ нору, послѣ чего опять немедленно отправлялось на охоту, приносило добычу и зарывало въ ту же нору. Въ хижинѣ помѣстилась около десяти такихъ *сфексовъ*, и каждый изъ нихъ отправлялся разъ по осьми въ день на охоту, возвращаясь постоянно съ добычею, состоявшею неизмѣнно изъ *Locusta Conocephalus*, насѣкомаго весьма рѣдко попадавшагося нашимъ путешественникамъ, во время ихъ странствованій по саваннѣ.

Шомбургкъ неоднократно забавлялся похищеніемъ добычи изъ норъ этихъ насѣкомыхъ, во время ихъ отсутствія; по возвращеніи «Sphex», тотчасъ замѣчалъ покражу, обыскивая всѣ углы и закоулки хижины и только послѣ долгихъ, самыхъ тщательныхъ поисковъ отправлялся за новою добычею. Наполнивъ нору трупами, самка клала яйца и улетала навсегда, обезпечивъ будущее существованіе своего детеныша.

Одною изъ цѣлей экспедиціи было изслѣдованіе горнаго хребта Рорайма, куда наши путешественники пустились изъ Пирары въ

сентябрь 1842 года. Пропустимъ живое изображеніе долинъ и потоковъ Цунума и Котинга и перенесемся прямо къ границамъ формаціи песчаника, высившейся отвѣсными скалами предъ глазами нашихъ путниковъ. Послушаемъ Шомбургка:

«На солнечномъ закатѣ прибыли мы къ западному склону хребта Гумарида, котораго солнцемъ позлащенная вершина возвышалась гораздо ниже горныхъ хребтовъ, прежде видѣнныхъ нами, и остановились на ночлегъ въ индѣйской хижинѣ. Вѣроятно лица наши довольно ясно выражали состояніе нашихъ проголодавшихся желудковъ, потому-что не успѣли мы еще сказать слова о своемъ аппетитѣ, какъ уже хозяинъ хижины объявилъ намъ, что у него кромѣ майса и небольшого запаса пизанговъ нѣтъ ничего съѣстного. Голодные и утомленные двухдневнымъ пѣшеходствомъ, мы рѣшились отдохнуть здѣсь и слѣдующій день у подошвы Гумарида, на берегу живописнаго ручейка, быстро несшагося съ горнаго острога (подъ 4° 30′ сѣверной широты).

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули Торонгъ, индѣйскую деревню подъ 4° 16′ сѣв. шир. и 60° 18′ западн. долготы, мы замѣтили странное явленіе, постоянно повторявшееся каждый вечеръ. Во время заката солнца, поднимался сильный, порывистый вѣтеръ, нагоняя грозу, которая дико ревѣла въ продолженіи двухъ, трехъ часовъ и оканчивалась тихою, ясною, звѣздною ночью. И сегодня повторилось тоже явленіе, превратившее въ два часа времени прекрасный горный ручей въ бурный потокъ; но этотъ эфемерный потокъ бушевалъ недолго, и къ полуночи все пришло въ прежній гармоническій порядокъ.

«На-завтра (24 октября) предстоялъ намъ великій и многотрудный подвигъ — переправы чрезъ песчаниковый хребетъ, возвышавшійся предъ нами не крутизною, а отвѣсною стѣною. Мы полагали, что прохладное утреннее время всего удобнѣе для этого труднаго пути.

«Едва проглянули первые лучи восходящаго солнца, компанія наша пустилась въ дорогу въ сопровожденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей. Путь лежалъ къ западу по долинѣ, вдоль самой подошвы хребта; мы шли скорымъ шагомъ и, перейдя чрезъ небольшую рѣчку, впадающую въ Муангъ, достигли того мѣста, гдѣ обыкновенно совершается переправа чрезъ хребетъ.

«Передъ нами возвышалась на 2000 футовъ стѣна изъ песчаника, кое-гдѣ покрытая мелкимъ кустарникомъ и испещренная трещинами и разсѣлинами; деревьевъ на ней не росло ни одного. Намъ казалось рѣшительно невозможнымъ взобраться на вершину; но проводники

нашим отвѣчали на всѣ сомнѣнія и возраженія неопровержимымъ фактомъ — что они уже совершали это путешествіе и не разъ были на вершинѣ. Нечего было дѣлать, и мы начали карабкаться между гигантскими утесами. Снизу дѣло еще шло кое-какъ, и мы въ теченіи часу поднялись на высоту около пяти сотъ футовъ, истощивъ совершенно наши силы: грудь дышала тяжело, колѣни подгибались и ноги отказывались служить долѣе. Мы остановились отдохнуть; но, Боже мой! какой отдыхъ подъ отвѣсными лучами солнца, пекшими насъ на беззащитной скалѣ и отражавшимися отъ голыхъ, раскаленныхъ утесовъ! А мы, европейцы, несли только свой походной посохъ, тогда какъ индѣйцы были навьючены всѣмъ нашимъ дорожнымъ скарбомъ; ноша лежала у нихъ за плечами и поддерживалась широкимъ ремнемъ, надѣтымъ вдоль лба, какъ здѣсь обыкновенно носятъ тяжести. Несмотря на тяжолые узлы и чемоданы, туземцы съ ловкостью и быстротою взбирались на утесы и нимало не обращали вниманія на нестерпимый зной; одни только ручьи пота, катившіеся съ ихъ нагого тѣла, показывали, что и они подвержены вліянію палящихъ лучей. Отдохнувъ, или, лучше сказать, пробывъ въ бездѣйственномъ утомленіи около получаса, мы пустились далѣе въ еще труднѣйшій путь; караванъ нашъ ползъ змѣею между скалами все болѣе и болѣе гладкими и отвѣсными, и почти на каждой полусотнѣ шаговъ долженъ былъ отдыхать. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ убійственнаго пути, мы достигли подножія истинной стѣны и вала, вѣнчающаго верхъ горы и возвышающагося на 500 футовъ отвѣсно; я говорю *отвѣсно*, не прибѣгая къ гиперболѣ и откинувъ всякую поэтическую игру воображенія, потому-что эта стѣна или валъ изъ песчаника составлялъ съ горизонтомъ уголъ въ 90 градусовъ. Взобраться на него казалось намъ совершенно невозможнымъ даже и съ свѣжими силами, а мы были утомлены до невѣроятности. Отвѣсъ вала былъ покрытъ мхомъ и поростами, а въ разсѣлинахъ камня росли *орхидеи* (*) и кустарникъ, принадлежащій къ семейству *перечныхъ* растеній, корни котораго разстилались по всей скалѣ и образовали какъ бы прибитую къ ней сѣть. Эта сѣть и доставляла единственную возможность взобраться на вершину вала, по насѣчкамъ, сдѣланнымъ въ камнѣ индѣйцами, и по природнымъ впадинамъ и трещинамъ. Но чтобы лѣзть на пяти-сотъ футовую отвѣсную скалу, упираясь ногами въ такія впадины и насѣчки и надѣясь единственно на крѣпость сѣтки изъ кустарныхъ кореньевъ, нужно было необыкновенное присутствіе духа, непоколебимое мужество и неустрашимость: жизнь смѣльчака виситъ здѣсь отъ крѣпости кореньевъ и песчанниковой скалы, на которую

(*) Преимущественно *Epidendrum*.

безпрерывно дѣйствуетъ извнѣ разрушительное влiянiе атмосферы и дождей разрыхляющихъ камень. Поскользнись нога, оборвись корень въ рукахъ или случись другая причина нарушенiя равновѣсiя тѣла, и не только страшная смерть ожидала несчастнаго, но и многiе изъ слѣдовавшихъ за нимъ товарищей были бы вѣроятно увлечены за нимъ въ бездну. Впереди индѣйцы, а вслѣдъ за ними и мы, европейцы, полѣзли кверху ломаными линiями, или зигзагомъ, на опредѣленномъ другъ отъ друга разстоянiи; чрезъ нѣсколько минутъ все наше общество висѣло надъ бездною. Первый взглядъ въ глубину заставилъ меня содрогнуться (слова Шомбургка), и я не знаю, какимъ образомъ избавился я отъ головокруженiя; взглянувъ кверху, я увидѣлъ моихъ спутниковъ, ползшихъ подобно стаду огромныхъ муравьевъ; вдругъ вообразилось мнѣ, что одинъ изъ узловъ или чемодановъ, висѣвшихъ на индѣйцахъ, сорвется съ единственной своей точки опоры на лбу и сшибетъ меня внизъ; тутъ голова моя опять закружилась. Тогда, чтобы избѣгнуть этихъ убiйственныхъ стороннихъ влiянiй, я рѣшился вполнѣ предаться волѣ Провидѣнiя и глядѣлъ только на впадину, куда упиралъ ногу, да на корень, за который хваталась рука.

«Караванъ нашъ подавался впередъ, сохраняя мертвое, торжественное молчанiе, прерываемое только изрѣдка паденiемъ рыхлыхъ камней, отторгавшихся подъ ногами путниковъ. Наконецъ передовой индѣецъ, достигнувъ вершины, испустилъ радостный крикъ; каждый изъ слѣдовавшихъ за нимъ повторялъ въ свою очередь тоже самое. Чѣмъ ближе былъ я къ цѣли, тѣмъ больше стѣснялось мое сердце, и мнѣ чудилось, что ногѣ моей не суждено ступить на безопасную площадь вершины, и что я сорвусь при послѣднемъ шагѣ. Страшную выдержалъ я пытку въ эти послѣднiя минуты моего полувоздушнаго путешествiя: дыханiе мое сперлось въ груди при послѣднемъ скачкѣ, который я сдѣлалъ. Закрывъ глаза и съ замершимъ сердцемъ сталъ я на плоскую вершину, внѣ всякой опасности. Тутъ вздохнулъ я свободно и какъ индѣйцы испустилъ радостный крикъ: восхожденiе по отвѣсу продолжалось около трехъ часовъ, и мы всѣ благополучно достигли вершины. Съ гребня вала открылась предъ нами дивная картина близкихъ и далекихъ окрестностей: восхищенный глазъ терялся въ ея живописности, и воображенiе тонуло въ океанѣ естественныхъ красотъ. У нашихъ ногъ растилалась въ дѣвственной своей прелести долина Муянга, усѣянная цвѣтущими оазисами; но тщетно искалъ на ней взоръ оставленной нами поутру хижины: зданiе человѣка поглотилось творенiемъ Божiимъ. Вокругъ насъ царствовало глубокое безмолвiе и спокойствiе величественной природы не нарушалось дѣятельностiю человѣка: на эту неприступную высоту не

достигалъ шумъ жизни, кипѣвшей кое-гдѣ въ долинѣ; природа погружалась здѣсь въ собственное свое созерцаніе, и человѣкъ, случайно сюда зашедшій, терялся въ этомъ безмолвномъ величіи. Съ трехъ сторонъ, исключая сѣверной, вершины горныхъ хребтовъ, поросшія лѣсомъ, сливались между собою въ необъятное море зелени, и надъ нимъ, какъ голые пни посреди луговъ, на далекомъ западѣ высилась нагая, утесистая вершина Маирари, а на юго-западѣ подобная башнѣ скала Мареппа-Эмба, возносящая чело свое на 3500 футовъ надъ этимъ зеленымъ океаномъ. По сторонамъ ихъ торчали къ западу Эмиритепу, а къ юго-западу Украймакетте. По барометрическому измѣренію, мы находились на высотѣ 3690 футовъ надъ уровнемъ моря; но вершина вала, на которой мы стояли, не была еще вершиною Гумирида, возвышавшагося отъ насъ къ сѣверу и скрывавшаго горизонтъ по этому направленію.

«Свѣжій, чистый и прохладный горный воздухъ какъ бы волшебствомъ возстановилъ наши силы, и мы, позабывъ только-что перенесенные труды и утомленіе, готовы были пуститься на новыя предпріятія. Утесистый путь до вершины Гумирида былъ покрытъ мѣстами богатою растительностью; разнообразные виды орхидеевъ (*) и другихъ растеній услаждали зрѣніе и любознательность путешественниковъ. Съ вершины Гумирида открывалась къ сѣверу обширная возвышенная равнина, изрѣдка испятнанная холмами и поросшая роскошными древесными и кустарными растеніями; на отдаленнѣйшемъ горизонтѣ виднѣлись новые высокіе горные хребты. Мы продолжали путь къ сѣверу по роскошному, бархатному дерну, еще покрытому необсохшею росою, и достигли до лѣса, состоявшаго изъ одного только рода деревьевъ. Но что за странная форма этихъ еще невиданныхъ растеній? Толстые, обнаженные стволы, имѣвшіе по нѣскольку футовъ въ объемѣ, раздвоялись на нѣкоторомъ возвышеніи отъ земли и оканчивались сучьями, увѣнчанными пучками травянистыхъ, широкихъ листьевъ (**). Посреди этого страннаго лѣса валялись кучи валуновъ песчаника, покрытыхъ цвѣтами *Eriocaulon* и темносѣрою травою. Еще во время путешествія своего по Гвіанѣ, въ 1838 году, видѣлъ сэръ Роб. Шомбургкъ это странное дерево, но и тогда не было на немъ ни плодовъ, ни цвѣтовъ.

«За этимъ страннымъ лѣсомъ салонъ горы сдѣлался круче; но вѣявшій намъ на встрѣчу сѣверный вѣтеръ обдалъ насъ дивнымъ благоуханіемъ, а предъ глазами разостлалась цѣлая роща мелкихъ

(*) Преимущественно *Epidendrum* и *Odontoglossum*.

(**) Такъ-какъ на этихъ деревьяхъ не найдено ни плодовъ, ни цвѣтовъ, то и невозможно было рѣшить, принадлежатъ ли они къ пандапусамъ, или къ Vellozieae.

кустарниковъ, покрытыхъ безчисленными бѣлыми, фіолетовыми и красными цвѣтами. То были густыя группы *собралій*, между которыми особенно отличались вышиною и красотою безподобная *Sobralia Elisabethae* (Schomb.); ростъ ея достигалъ до шести футовъ. Вмѣстѣ съ собраліями росло много другихъ кустарниковъ и деревьевъ, и всѣ они были мнѣ неизвѣстны, если не въ родовомъ, то по-крайней-мѣрѣ въ видовомъ отношеніи. Я стоялъ здѣсь на предѣлѣ новаго для меня растительнаго царства, и мнѣ чудилось, что я уже теперь не на южно-американскомъ материкѣ, но между *протеацеями* (серебряковыми растеніями) Африки и Новой-Голландіи и *мелалевками* Остъ-Индіи и Австраліи. Толстые, твердые, кожеподобные листья, переплетающіяся вѣтви, еще невстрѣченныя мною формы огромныхъ цвѣтовъ, ихъ яркія краски, — все отзывалось какимъ-то чуждымъ характеромъ (*). Но посреди этой богатой и странной видомъ растительности, представители животнаго царства почти совершенно исчезли: не было видно даже колибри и нектарій, столь обыкновенныхъ въ лѣсахъ Гвіаны. Казалось, что вся красота и сила природы, выразившись здѣсь въ растительныхъ формахъ, позабыла о животныхъ. Царствовавшая, вслѣдствіе отсутствія животной жизни, тишина выставляла еще болѣе величіе и красоту растительности. На каждомъ шагу встрѣчалъ я что-либо новое, и ботаникъ легко вообразитъ мое удовольствіе, когда предсталъ мнѣ первый представитель *хинныхъ деревьевъ* (Cinchoneae), которыхъ я открылъ здѣсь новый видъ (Ladenbergia s. Cascarilla Schomburgkii). Посреди этого богатства флоры достигли мы вдоль ручейка до впаденія его въ Цуаппи, текущій въ Котингу. Вмѣстѣ съ новою флорою привѣтствовали мы новую для насъ равнину, по которой несутся волны Ориноко и его притоковъ, отдѣляемую отъ системы Амазонской рѣки отвѣсными скалами Гумарида; къ западу отъ насъ всѣ рѣки и самый Явайра текли въ Ориноко. Быстро мчался Цуаппи по своему песчаному ложу, ворочая огромные валуны, которые онъ несъ въ даръ Ориноку; берега Цуаппи представляли высокіе уступы песчаниковой формаціи, взгроможденные другъ на друга и поросшіе мхами и кустарниками.

«Мы остановились для отдыха вблизи опустѣлой индѣйской хижины, гдѣ утолили жажду свѣтлыми струями рѣчки; бѣдный же нашъ завтракъ не въ состояніи былъ утолить нашего голода. Приведя въ порядокъ нашу ботаническую добычу, мы пустились далѣе

(*) Здѣсь вычисляетъ Шомбургкъ названія растеній, встрѣченныхъ имъ въ этихъ мѣстахъ. Такъ-какъ подобная роспись интересна только для ботаниковъ, то мы не приводимъ ея здѣсь.

по этому волшебному саду и скоро достигли до лѣса, окруженнаго какъ заборомъ игольчатыми, исполинскими стволами кактусовъ, по 20 и 30 футовъ вышиною. Надъ лѣсомъ возвышались вѣерообразныя верхушки пальмъ, внутри же вѣтви деревъ переплетались другъ съ другомъ и были покрыты безчисленными пестрыми *тилландзіями*, *орхидеями* и повисшими внизъ *цереусами*; а между тѣмъ милліоны ліанъ и вьющихся растеній, отъ толщины руки до толщины человѣческаго тѣла, извивались по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, перекидывались съ сука на сукъ, обвивали деревья какъ бы исполинскими веревками, образовывали узлы, петли и опутывали лѣсъ гигантскою сѣтью. Чѣмъ далѣе проникали мы въ лѣсъ, тѣмъ флора являлась богаче и разнообразнѣе; но верхъ удивленія и восторга ожидалъ насъ посреди исполинскихъ музъ и инбирныхъ деревьевъ предъ первыми древесными папоротниками — баснословно-дивными *Cythea* и *Alsophila*. Ни одно растеніе не возбуждало въ моей душѣ такого особеннаго чувства и глубокаго энтузіазма, не исключая даже пальмъ и нынѣ видѣнныхъ странныхъ растительныхъ формъ и необыкновеннаго разнообразія и блеска цвѣтовъ. Дивные листья двадцатифутовыхъ папоротниковъ распадались гигантскимъ букетомъ и вершинами своими, склоняясь до земли, образовали вокругъ растенія зеленый сводъ.

«Долго шли мы этимъ лѣсомъ, по довольно ровной, но едва замѣтной тропинкѣ; потомъ опять начались разсѣлины, утесы и рытвины, поросшія непроницаемою чащею ліанъ и другихъ вьющихся растеній. Мы то ползли на скалу, то спускались въ пропасть, съ неимовѣрными трудами пролагая себѣ путь, и радостно вскрикнули, когда сквозь чащу стали мелькать солнечные лучи, предвѣстники близости опушки лѣса. Мы пробились сквозь густую рощу папоротниковъ (*), перевитыхъ ліанами, и очутились на обширномъ полѣ, засѣянномъ кассадою; корни еще не достигли зрѣлости, но они возвѣщали близость человѣческаго жилища. И въ самомъ дѣлѣ, за холмомъ находилась довольно крутая возвышенность, съ вершины которой мы увидѣли мирныя хижины индѣйской деревни. Вдали предъ нами, къ сѣверо-сѣверо-западу и сѣверо-востоку возвышались горы, живописно громоздившіяся другъ на друга: Апамапа, Мукурипа, Па-Эппингъ (Лягушечья гора), Камаразинъ и Каримампару. Никогда, ни прежде, ни послѣ того, не видалъ я такой красивой и величественной картины. Между тысячами разноцвѣтнѣйшихъ андромедъ, тибодій, вохизій, боннетій, тернстремій, архитей, гоморій, кладовій, между безчисленными орхидеями и собраліями, перешли мы чрезъ

(*) Mertensia pubescens *(Willd.)*.

нѣсколько горныхъ ручейковъ и достигли наконецъ деревни. Но здѣсь ждала насъ печальная вѣсть: война между *макузами* и *арекунасами*, двумя могущественнѣйшими индѣйскими племенами, совершенно раззорила деревню, и мы могли найти здѣсь именно столько пищи, чтобы не умереть съ голоду; эта новая троянская война, вспыхнувшая, подобно древней, за похищеніе женщины, надѣлала намъ много непріятностей и помѣхъ во время нашей экспедиціи....»

Дальнѣйшія похожденія и приключенія путешественниковъ читатели увидятъ въ слѣдующей статьѣ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОМПЕИ, *съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума, съ планами и пояснительными гравюрами*. *Соч.* В. Классовскаго. *Спб. 1848*.

Нѣтъ нужды доказывать трагическое величіе, глубокую важность и великую занимательность предмета, о которомъ написалъ книгу г. Классовскій. Мы предпочитаемъ познакомить читателей съ самою книгою, представивъ полный обзоръ ея содержанія. Тогда они сами ясно увидятъ, до какой степени книга любопытна и какую великую услугу оказалъ имъ трудолюбивый, добросовѣстный, ученый и даровитый ея авторъ.

Начнемъ съ исторіи книги. Въ предисловіи своемъ авторъ говоритъ, что онъ проводилъ въ Помпеѣ цѣлые дни и недѣли, *продолжая* изучать римскія древности, съ которыми началъ знакомство за-долго до прибытія въ Неаполь. Это извѣстіе отрадно: оно возбуждаетъ къ книгѣ то довѣріе, которое не всегда чувствуешь при чтеніи записокъ туриста, странствующаго и записывающаго для собственнаго удовольствія. Господинъ Классовскій воспользовался всѣми сочиненіями о Помпеѣ, какія находятся въ римской публичной библіотекѣ «*Della Minerva*», и въ приводимыхъ фактахъ и сужденіяхъ своихъ безпрестанно опирается на авторитеты. Наконецъ онъ съ уваженіемъ упоминаетъ о г. Бонуччи, директорѣ археологическихъ работъ въ Помпеѣ, который бывалъ не разъ руководителемъ г. Классовскаго и доставилъ ему разныя средства къ основательному изученію помпейскихъ древностей.

Все это значительно располагаетъ въ пользу книги г. Классовскаго, но извѣстно, что всего этого недостаточно, когда писатель вздумаетъ заинтересовать большинство русской публики ученымъ предметомъ. Ниже увидимъ, умѣлъ ли г. Классовскій придать своей книгѣ эту общую занимательность, которой тайна состоитъ въ томъ, чтобъ не быть слишкомъ ученымъ и глубокомысленнымъ.

Теперь приступимъ къ обзору книги.

Говоря о разрушеніи древней Помпеи (такъ переходитъ г. Классовскій къ своему предмету, послѣ краткихъ историко-географическихъ свѣдѣній о древней Кампаніи) необходимо начать разсказъ описаніемъ Везувія.

«Нѣтъ волкана знаменитѣе его силою изверженій, и достойнѣе вниманія естествоиспытателей разнообразіемъ произведеній минеральнаго царства. Вышина его надъ поверхностью моря, по измѣренію А. Гумбольдта, не превосходитъ *607 туазовъ* (почти 554$^1/_2$ сажени). Онъ стоитъ уединенно отъ сосѣдней цѣпи Апеннинововъ, и имѣетъ въ окружности своего основанія, довольно рѣзко обозначеннаго при подъемѣ горы, *около 52 верстъ*.

«Съ неаполитанскаго залива, онъ представляется теперь двуглавымъ, т. е. между вершиною нынѣшняго волкана и другою, называемою *Сомма*, имѣющими одно общее основаніе, земля осѣла, чрезъ что образовалась, на высотѣ 711 метр. н. п. моря (около 333 саж.), равнина «*Atrio del Cavallo*», впадистая въ срединѣ и продолговатая отъ сѣвера на югъ. Но изъ свидѣтельства древнихъ писателей, не упоминающихъ объ этомъ раздвоеніи, и изъ геогностическихъ изслѣдованій мѣстнаго напластованія толщей несомнѣнно видно, что эти вершины раздѣльно не существовали, и что гора была нѣкогда почти конусообразная. Но принимая въ соображеніе постоянное засариваніе долины *Atrio del Cavallo*, можно полагать, что провалъ современемъ исчезнетъ, и Везувій снова округлится вверху.

«Волканическія вещества, если разсматривать ихъ поверхностно, т. е. независимо отъ химическаго ихъ состава, можно раздѣлить на *лаву* и *пепелъ*. Первая вытекаетъ на Везувіи изъ земли во многихъ мѣстахъ верхней платформы, преимущественно около главнаго кратера. Это — жидкость тускло-огненнаго цвѣта. Во время изверженій количество ея сильно увеличивается; тогда она потоками доходитъ до подножія горы и достигаетъ даже моря, гдѣ съ шипѣніемъ и трескомъ охлаждаясь отъ быстрой убыли теплотвора, поглощеннаго водою, застываетъ бугристыми полосами, округляется въ причудливыя закраины, вытягивается въ мысообразныя косы. — При застываніи, она твердѣетъ медленно и превращается, смотря по большей или меньшей скорости охлажденія, или въ скважистое вещество, или въ плотный камень, годный для полировки, подобно мрамору мелкаго излома.

«Теченіе лавы величественно и медленно, какъ бы ни были значительны объемъ и глубина ея потоковъ; поэтому отъ нея всегда можно уйти человѣку и животнымъ. Встрѣчая на пути какое-нибудь препятствіе, она останавливается и, раздуваясь отъ постояннаго прира-

щенія своей массы при затруднительности истока, мало по малу обхватываетъ отовсюду предметъ, остановившій ея ходъ, и продолжаетъ подвигаться впередъ съ прежнею медленностію по прежнему направленію. Если препятствіемъ послужили какіе-нибудь ноздреватые минералы, то они съ трескомъ разлетаются въ куски отъ соприкосновенія съ горячею лавою, а деревья отъ нея загораются или навсегда засыхаютъ. Весьма рѣдки случаи, что бы напоръ ея разрушалъ какія бы ни было строенія; онѣ могутъ лишь покоситься отъ нея, какъ это случилось въ двухъ-трехъ мѣстахъ въ Геркуланумѣ. — Отвердѣлая лава переходитъ въ камень изъзеленакоричневаго цвѣта, иногда съ узорчатымъ крапомъ на поверхности. Невыдѣланная идетъ на мощеніе улицъ; обработанная же, съ особыми техническими пріемами, принимаетъ чистую и ровную политуру и поступаетъ на различныя потребности въ общежитіи: изъ нея дѣлаютъ въ Неаполѣ и окрестностяхъ штучные столы, камины, чернилицы, печати и даже перстни и серьги.

«*Волканическій пепелъ*, весьма разнообразный по химическому составу, хотя всегда почти одинакій на видъ, разносится вѣтромъ на невѣроятно огромныя разстоянія отъ центра изверженія; такъ, по свидѣтельству достовѣрныхъ писателей, онъ въ 79 г. по Р. Х. долеталъ изъ Везувія въ Египетъ и Сирію, а въ 472, 1139 и 1631 годахъ — въ Калабрію, Сардинію и Константинополь.

«Смѣсь этого пепла съ водою покрываетъ горячею гущею цѣлыя поля, утучняя ихъ собою, а въ болѣе жидкомъ состояніи заливаетъ улицы и площади, достигая уровня крышъ на домахъ, пробираясь въ ихъ внутренность черезъ окна, двери и скважины. Потомъ, когда водянистая часть изъ нея испарится, улицы и дома остаются наполненными и заваленными отвердѣлою массою; *это именно случилось въ Помпеѣ*.

«Высота столбовъ *дыма*, вылетающаго изъ жерла Везувія, изумительна. Если вѣрить описаніямъ, въ 1631 году одинъ такой столбъ простирался вверхъ на 1000 туазовъ, имѣя около 20 туазовъ въ поперечникѣ. — Сверхъ того, Везувій, подобно большей части другихъ огнедышащихъ горъ, мечетъ изъ себя, въ одно время съ пламенемъ, пепломъ и дымомъ, *камни*, весьма увѣсистые и большіе, разносимые силою взрывовъ на дальнія разстоянія. Изъ массы разнаго рода веществъ, разметанныхъ въ разныя времена изъ нѣдръ неаполитанскаго волкана, покрывшихъ толстыми слоями окрестности, можно было бы, по довольно вѣрному вычисленію, *составить гору*, по крайней мѣрѣ, *вчетверо выше самого Везувія!*

«Нѣкоторые полагали, что *Везувій* имѣетъ подземное *сообщеніе* съ Этною, съ потухшими волканами острова Искіи и съ Сольфатарою

возлѣ Пуццоль; но это предположеніе оказалось ошибочнымъ; равнымъ образомъ, точныя наблюденія доказали ложность мысли, будто изверженія неаполитанскаго и сицилійскаго волкановъ бываютъ постоянно единовременны, или какъ утверждаютъ другіе, очередуются такъ, что будто одно начинается только тогда, когда иссякло другое.

«*Первыя изверженія Везувія*, какъ старался доказать италіянскій геологъ г. Пелличіо, происходили за-долго еще *до троянской войны;* отъ нихъ слѣдуетъ отличать одно изъ позднѣйшихъ, которое за 100 лѣтъ, или около того, до основанія Рима выдвинуло изъ моря часть материка, гдѣ нынѣ находятся Нола и Ночерра.

«Послѣ такого переворота, уничтожившаго цѣлый заливъ, Везувій, какъ будто изнуренный трудностью своего подвига, затихъ и погасъ на цѣлыя столѣтія.

«Пробужденію его предшествовали физическія явленія, которыхъ необыкновенность указывала на сосѣдство дѣйствующей огнедышащей горы. Такъ, Плиній между прочимъ разсказываетъ про смерть помпейскаго декуріона М. Геренния, пораженнаго молніею при безоблачномъ небѣ. Не говоримъ уже о частыхъ землетрясеніяхъ, изъ коихъ величайшее случилось въ 63 году.

«Прошло 16 лѣтъ послѣ него. Помпейцы, разбѣжавшіеся сперва по окрестностямъ изъ полуразрушеннаго города, стали сходиться мало по малу на родномъ пепелищѣ; возраждающійся городъ облекался въ новый блескъ и величіе.

«Но въ 79-мъ году, съ 23-мъ числомъ августа, настал̆ъ послѣдній день Помпеи; она сдѣлалась жертвою изверженія Везувія, хотя ея жители считали себя совершенно безопасными, думая, что волканъ отгорѣлъ уже свою очередь.

«Въ часъ по полудни, когда дымъ, сгущаемый накоплявшеюю его подземною силою, налегъ на землю и море, когда отъ него окрестный воздухъ наполнился зловоніемъ удушливой гари, началось изверженіе со всѣми ужасами этого великолѣпнаго и могучаго явленія природы. Гора треснула въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно въ верхней части своего юго-восточнаго ската, обращеннаго къ морю, и по ея отлогимъ спускамъ засочилась изъ разсѣлинъ змѣевидными потоками лава.

«Съ приближеніемъ вечера посыпался волканическій пепелъ, изъ смѣшенія коего съ дымомъ и тучами, надвинутыми отовсюду на горизонтѣ, — не смотря на совершенное отсутствіе вѣтра, — составилась среда черная, непроницаемая, болѣе похожая на мракъ комнаты, въ которую нѣтъ малѣйшаго доступа свѣту, чѣмъ на темноту обыкновенныхъ ночей. На этомъ черномъ грунтѣ, слившемъ въ одно без-

различное цѣлое землю съ моремъ и небомъ, вспыхивали и потухали молніи, оттѣняясь радужными цвѣтами отъ совокупнаго горѣнія разнообразныхъ веществъ, и вылетая то изъ кратера въ облака, то изъ облаковъ въ гору. Спустя нѣсколько часовъ, извերженіе пополнилось рядомъ новыхъ явленій. Везувій началъ метать изъ себя камни, которыми какъ ядрами осыпало окрестность; трескъ громимыхъ ими кровель въ ближнихъ городахъ и селеніяхъ, шипѣніе и взрывы газовъ въ глубинѣ жерла, вопли людей, — все это покрывалось раскатами грома, всегдашними спутниками большихъ изверженій, и протяжнымъ стенаніемъ моря, которое волновалось въ глубинѣ болѣе, чѣмъ на поверхности своей.

«При сіяніи волканическихъ молній, осыпаемые искрами какъ звѣзднымъ дождемъ, нѣкоторые изъ Помпейцевъ бросались къ морю, но съ ужасомъ замѣчали, что оно отхлынуло отъ своего грознаго сосѣда. Ихъ гавань, гдѣ еще такъ недавно развѣвались флаги на торговыхъ судахъ, несуществовала: ее завалило камнями, занесло пепломъ. Не испугавшіеся неожиданной перемѣны мѣстности продолжали бѣжать по новому материку, и, достигнувъ моря, поспѣшно отчаливали отъ берега, — это спасло ихъ: другіе, не давъ себѣ за испугомъ отчета въ удаленіи воды, теряли присутствіе духа, безсознательно возвращались назадъ, и погибали на мѣстѣ.

«Всѣ эти ужасы становились часъ-отъ-часу разнообразнѣе и гибельнѣе. Началось землетрясеніе; съ трескомъ рушились дома и храмы, и раскалывались ниспровергаемыя въ нихъ колонны и статуи. Самая гора, такъ сказать, расшаталась; съ нея оборвался цѣлый кряжъ, и покатился въ облакахъ пыли и брызгахъ лавы. Вслѣдъ за землетрясеніемъ огонь на волканѣ погасъ, но опустошеніе довершалъ ливень изъ давно скопленныхъ тучъ, и кипятокъ, забившій фонтанами изъ жерла. Тогда смѣсь еще неостывшаго пепла съ дождевою и волканическою водою образовала горячую грязь, которая наводнила поля, затопила не только улицы и площади, но и наполнила дома въ Помпеѣ, раскрытые землетрясеніемъ и упавшими въ нихъ камнями».

За этимъ разсказомъ, который передали мы въ сокращеніи, слѣдуютъ у автора два письма племянника Плинія старшаго къ историку Тациту. Письма эти чрезвычайно интересны, совершенно идутъ къ дѣлу и прекрасно переданы по-русски. Но мы переходимъ прямо къ продолженію разсказа.

«Изверженіе, видоизмѣняясь въ характерѣ и въ степени напряженія, *продолжалось трое сутокъ*. Когда наконецъ Везувій затихъ, неподвижные курганы скрыли подъ собою, на цѣлые десятки столѣтій, сокровища искусствъ со всѣми слѣдами жизни, недавно еще такъ

радостно и суетливо трепетавшей въ *Стабіи*, *Помпеѣ*, *Оплонтѣ* (гдѣ нынѣ Торре-дель-Аннунціата), *Геркуланумѣ*, *Таверніи* и *Везеріонѣ*. Море удалялось отъ прежней своей окраины почти *на двѣ версты, или лучше сказать, на это разстояніе прибрежная его часть завалена камнями и разными наносами*.

«Но что сдѣлалось съ несчастными жителями Помпеи? Діонъ Кассій говоритъ, что въ самое изверженіе они сидѣли въ театрѣ, гдѣ происходили игры, драматическое представленіе или бой гладіаторовъ, и, что не имѣя времени спастись, нашли смерть тамъ, куда пришли за удовольствіемъ. Хотя повидимому нѣтъ повода отвергать историческое показаніе, довольно близкое по времени къ упомянутому въ немъ событію (Діонъ жилъ въ III вѣкѣ по Р. Х.), тѣмъ не менѣе критическая оцѣнка разныхъ мѣстныхъ данныхъ показываетъ, что на этотъ разъ оно въ явномъ разладѣ съ фактами, и не заслуживаетъ никакого довѣрія. Во 1-хъ, въ помпейскомъ *амфитеатрѣ*, при отрытіи, нашли только 6 человѣческихъ скелетовъ, въ *большомъ театрѣ* одинъ, а въ *маломъ* не было ни одного. Во 2-хъ, извѣстно, что жители близкіе къ Везувію предвидятъ и во всѣ времена умѣли предвидѣть его изверженія, по разнымъ примѣтамъ; слѣдовательно всякій разъ они успѣваютъ перебраться въ Неаполь и другіе окрестные города. Въ 3-хъ, въ Помпеѣ, которой уже 4-я часть вскрыта, не смотря на то, что народонаселеніе ея доходило до 20,000 человѣкъ, найдено всего-на-все не болѣе 420 скелетовъ; при чемъ достойно еще замѣчанія, что человѣческія кости попадаются только въ погребахъ, въ самыхъ заднихъ комнатахъ и вообще въ мѣстахъ закрытыхъ и почти безвыходныхъ, и напротивъ — чрезвычайно рѣдко на улицахъ и площадяхъ. Изъ этого видно, что въ 79 году Помпейцы не могли быть застигнуты изверженіемъ въ расплохъ, и что слѣдовательно большая ихъ часть спаслась моремъ и по сухому пути. Погибли же, или только самые неосторожные, или сберегавшіе имущество свое больше жизни, или наконецъ такіе, которые при общей суматохѣ надѣялись поживиться чужимъ добромъ.

«Въ города, о которыхъ у насъ идетъ теперь рѣчь, т. е. въ занесенные пепломъ и залитые лавою, проникала не разъ въ разныя времена человѣческая рука, хотя впрочемъ съ цѣлями различными. Такъ напримѣръ, въ подвалѣ одного помпейскаго дома (домъ Шампіоне) оказался кинжалъ, по всѣмъ признакамъ, *новаго* издѣлія; эта находка поставила-было ученыхъ въ большое затрудненіе, а дѣло оказалось весьма естественнымъ: этотъ подвалъ служилъ убѣжищемъ для разбойниковъ, которые ушли сюда изъ Калабріи, и проживали, пока ихъ слѣдъ не простылъ для полицейскихъ сыщиковъ.

«Послѣ всего этого удивительно, что мѣсто древней Помпеи и Геркуланума оставалось тайною только для однихъ ученыхъ; недогадливость ихъ тѣмъ болѣе непонятна, что въ XV-мъ вѣкѣ нѣкоторыя изъ зданій Помпеи выступали уже свыше наносовъ, а *Макрини* провозгласилъ печатно (въ 1693 году), что урочище, называемое въ народѣ *Чивитта* (древній городъ), стоитъ на древней Помпеѣ, что тамъ почти ежедневно откапываются части стѣнъ, выступы зданій, множество кирпичей и т. п.; но ученые антикваріи сочли это за бредни и пустыя догадки. Наконецъ *случайно* открыли Геркуланумъ слѣдующимъ образомъ: маркизъ *Эммануилъ д'Ельбе* (d'Elbeuf) построилъ для себя дворецъ въ Портичи, и, намѣреваясь отдѣлать его въ древнемъ вкусѣ, купилъ, въ 1711 году, нѣсколько превосходныхъ мраморовъ у крестьянина, который, копая колодезь, вырылъ ихъ изъ земли. Это пріобрѣтеніе побудило маркиза къ покупкѣ поля, гдѣ водились подобныя вещи, и при первомъ взрытіи, труды и ожиданія его не только вознаградились замѣчательными находками, но, что гораздо важнѣе — открытіемъ, что купленная имъ недавно сокровищница есть древній Геркуланумъ. Вскорѣ потомъ земля эта перешла по денежной сдѣлкѣ въ руки правительства, которое и предоставило себѣ исключительное право на разработку ея, учредивъ тутъ систематическія копи.

«Но по близости Геркуланума должна была находиться Помпея; въ этомъ уже не оставалось сомнѣнія, — и дѣйствительно ее скоро открыли.

«Въ 1748 году, крестьяне, расчищая свои виноградники на берегу Сарно, наткнулись на обломки статуй и цѣлый рядъ колоннъ. Объ этомъ провѣдало сперва мѣстное начальство, потомъ узналъ король Карлъ III-й, и немедленно присланы были изъ Неаполя свѣдущіе люди, для изслѣдованія мѣстности; они безъ труда удостовѣрились, что виноградники по обѣ стороны Сарно разведены надъ древнею Помпеею. Король опредѣлилъ скупить участки этой земли у владѣльцевъ, и приказалъ производить на ней откапыванія и археологическіе поиски. Съ неравнымъ успѣхомъ и необыкновенною медленностію, но по плану хорошо обдуманному, онѣ продолжаются понынѣ, и, благодаря имъ, уже вскрыта *четвертая часть Помпеи*.

«Карлъ III-й, съ свойственною ему пылкостью, принялъ живое личное участіе во всемъ, что касалось до Геркуланума и Помпеи; не ограничиваясь чтеніемъ ежедневныхъ донесеній о нихъ, онъ приказалъ докладывать себѣ всякій разъ, какъ попадалась находка, заслуживающая особенное вниманіе. Многіе изъ ученыхъ и художниковъ получили приглашеніе пріѣхать въ Неаполь на совѣщаніе, какимъ образомъ сберегать добываемыя изъ земли сокровища по части

живописи, ибо замѣтили, что сколько колера на картинахъ, въ минуту появленія ихъ въ очищенномъ отъ наносовъ домѣ свѣжи и ярки, сколько-же непрочными оказываются они, скоро линяютъ и тускнутъ, оставаясь на воздухѣ или даже въ комнатѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, правительство опредѣлило постоянныя суммы на изданіе въ свѣтъ описаній и снимковъ съ предметовъ отрытій.

«Предстояло рѣшить еще вопросъ: оставлять ли откапываемыя вещи на мѣстѣ т. е. въ Геркуланумѣ и Помпеѣ для полнѣйшаго очарованія посѣтителей, и для соблюденія колорита древности въ зданіяхъ, или, пожертвовавъ эффектностью, имѣть въ виду только существенное, т. е. надежное сбереженіе находокъ. Ясно, что увлекаться первымъ значило бы уступить единственныя въ свѣтѣ драгоцѣнности разрушительному вліянію природы, и поэтому, — весьма основательно, - положено препровождать ихъ куда нибудь въ сухія и хорошо закрытыя комнаты. Сперва на это употребили королевскій дворецъ въ Портичи, гдѣ помѣщалась также великолѣпная *фарнезіанская коллекція* картинъ, статуй и разныхъ рѣдкостей, — потомъ ихъ перевезли въ нынѣшній неаполитанскій музей, называемый *бурбонскимъ*, или *Studi*, справедливо почитаемый самымъ богатымъ и любопытнымъ въ Европѣ. Его продолжаютъ пополнять почти ежедневно по мѣрѣ разработокъ въ Помпеѣ, и, не смотря на свою огромность, скоро зданіе это не въ состояніи будетъ вмѣщать въ себѣ новыя приращенія.

«Нѣкоторые ученые (въ томъ числѣ и знаменитый Шатобріанъ) негодуютъ на вывозъ древностей изъ Помпеи. «Если бы оставить, — говорятъ они, — все на мѣстѣ въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ оно открывается, т. е. картины на стѣнахъ, жертвенники въ храмахъ мебель въ комнатахъ, — то образовался бы естественный музей, безпримѣрный, достойный прослыть чудомъ просвѣщенной Европы». Эта увлекательная мысль даже чуть было не исполнилась. *Каролина*, супруга Мюрата, въ бытность его неаполитанскимъ королемъ, (1808 — 1814) намѣревалась сдѣлать еще болѣе: она предполагала населить Помпею жителями, обязанными непремѣнно носить одежду древнихъ Римлянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — исправлять должность проводниковъ (custode-cicerone) по древнему городу, при обозрѣваніи его посѣтителями. Къ счастію, люди, соединявшіе съ любовью къ древностямъ благоразуміе, успѣли тогда-же доказать, что при подобномъ образѣ дѣйствія въ одинъ годъ погибнетъ все, что пощадили вѣка, — и мечты горячей женской головы остались безъ послѣдствій.

«Самая богатая результатами эпоха археологическихъ поисковъ въ Помпеѣ продолжалась съ 1799 по 1814 годъ, т. е. во время владычества Французовъ въ Неаполѣ. Тогдашнее правительство издержи-

вало на разработку Помпея около 250,000 франковъ въ годъ, (217,000 руб. асс.) употребляя ежедневно не менѣе 500 рабочихъ, за которыми имѣли надзоръ свѣдущіе и усердные чиновники. Благодаря этой усиленной дѣятельности, въ непродолжительное время *вымѣрена* съ точностью *длина и вышина городской стѣны*, расчищены отъ наносовъ: *улица гробницъ*, съ многочисленными ея памятниками, *двѣ площади* съ храмами и общественными зданіями, *отрыты оба театра, амфитеатръ* и *базилика*, т. е. все лучшее въ Помпеѣ.

«Теперь отпускается на то же самое, т. е. на расчистку улицъ, отрытіе древностей, починку повреждeній въ домахъ, плату рабочимъ, досмотрщикамъ и т. п. только 6,000 дукатовъ (около 18,000 руб. асс.) въ годъ.

«Въ окружности Помпея имѣетъ съ не большимъ *три версты* и, за исключеніемъ предмѣстія, вмѣщаетъ въ своей поверхности 119,330 саженъ; въ началѣ прошлаго года была открыта ровно четвертая часть ея. — Изъ точнаго вычисленія видно, что если работы вести такъ, какъ онѣ идутъ при нынѣшнихъ средствахъ, то *для совершеннаго окончанія ихъ понадобится 460 лѣтъ и около 578,824 неаполит. піастровъ*, или 2,296,280 рублей ассигнаціями!

«Изслѣдованія состава, напластованія и толстоты наносовъ, покрывшихъ Помпею, показываютъ, что послѣдніе возвышаются плотною, но рыхлою землистою массою почти на три сажени надъ древнимъ грунтомъ лавы, которая извергнута и окаменѣла задолго еще до основанія самаго города, почему и употреблялась уже въ немъ на мощеніе улицъ и постройки зданій.

«На этомъ основномъ грунтѣ лежитъ *8 слоевъ наноса*.

«Хотите ли имѣть *наглядное* понятіе о нынѣшнемъ состояніи Помпеи? Представьте себѣ нашу русскую деревню, когда ее занесетъ, какъ это бываетъ въ иныя зимы, снѣгомъ, превосходящимъ вышину домовъ. Наносная земля въ Помпеѣ будетъ при этомъ сравненіи то же, что у насъ снѣгъ; разница въ томъ, что она наполнила тамъ не только улицы, площади и проходы между домами, но и самые дома, такъ-какъ въ нихъ верхніе этажи разрушены, и слѣдовательно нѣтъ ни крышъ, ни потолковъ.

«Метода отрытія домовъ въ Помпеѣ весьма проста; она состоитъ въ слѣдующемъ: расчиствъ сперва улицу или площадь вплоть до древней мостовой, широкими заступами выкидываютъ рыхлый наносъ, наполняющій дома, пока не дороются до разстоянія 2-хъ аршинъ отъ пола; этотъ нижній слой наноса, непосредственно лежащій на полу, содержитъ въ себѣ все, что ни попадается любопытнаго и важнаго по части домашнихъ утварей, туалетныхъ принадлежностей, драгоцѣнностей и т. д., и поэтому его разрываютъ съ большими пре-

досторожностями, а найденныя вещи тотчасъ увозятъ въ музей. Внутренняя одежда стѣнъ, расписанная картинами по яркому грунту, открывается сама собою по мѣрѣ выбрасыванія наружу земли изъ комнатъ; потомъ стѣны бережно вытираются губкою отъ плесени и пыли и тѣмъ оканчивается вся работа.

«Въ слѣдствіе бдительнаго надзора за рабочими во время отрытій, переходъ древностей въ частныя руки рѣшительно невозможенъ. Только вновь пріѣзжіе иностранцы покупаютъ иногда по дорогой цѣнѣ разныя поддѣлки изъ бронзы и глины, лампадки, такъ называемыя слезницы, монеты, булавки и проч., въ пріятной увѣренности, что все это сдѣлано за 2000 лѣтъ, — и надобно сознаться, что довѣрчивость покупателей отчасти извинительна, потому что узнать подлогъ очень трудно. Въ Неаполѣ существуютъ домашнія фабрики, гдѣ производятся съ необыкновеннымъ искусствомъ разнаго рода *древности*, носящія на себѣ всѣ признаки долговременнаго пребыванія въ землѣ.

«Общественныя зданія въ Помпеѣ обобраны и перепорчены болѣе частныхъ, вѣроятно оттого, что прежде другихъ бросаясь въ глаза, онѣ останавливали на себѣ вниманіе приходившихъ въ разныя времена рыться въ городищѣ; поэтому, если въ нихъ не тронуты картины, писанныя по стуку, и мозаическіе полы въ комнатахъ, зато мраморы попадаются весьма рѣдко. Что же касается до драгоцѣнностей, каковы: золотыя и серебряныя вещи, камеи и геммы, то онѣ встрѣчаются только въ частныхъ жилищахъ, и то въ отдаленныхъ отъ центра города кварталахъ и въ тѣсныхъ переулкахъ. Дѣло въ томъ, что, по какому то непонятному ослѣпленію, нѣкоторые Помпейцы искали спасенія съ своимъ добромъ въ погребахъ и закоулкахъ, а не въ мѣстахъ открытыхъ, откуда тѣмъ или другимъ путемъ все-таки нашлась бы возможность ускользнуть отъ смерти. Этимъ же объясняется почти совершенное отсутствіе человѣческихъ костей на площадяхъ и большихъ улицахъ, тогда какъ ими изобилуютъ подземелья.

«Вообще, при разсматриваніи, какъ именно спасались Помпейцы отъ гибели, повсюду обнаруживаются признаки поспѣшности, естественной въ подобныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, у домовъ нерѣдко находятъ сваленныя въ кучу разныя громоздкія вещи, которыя вынесены изъ комнатъ для перетаскиванья на другое мѣсто, но при усиленіи опасности забыты или покинуты безъ вниманія. Часто случается также видѣть путь бѣжавшихъ, обозначенный рядомъ растерянныхъ вещей; слѣдуя по его направленію, почти всегда приходишь къ грудамъ костей.

«Городская стѣна, отрытая и вымѣренная въ продолженіи 3-хъ лѣтъ (1811 — 1814), образуетъ фигуру неправильнаго конуса, которому недостаетъ основанія, т. е. она не опоясываетъ городъ отвсюду, а оставляетъ его открытымъ съ западной стороны, гдѣ было нѣкогда взморье, — и сходится въ острый уголъ на восточной оконечности за амфитеатромъ. Кромѣ башенъ и фортификаціонныхъ выступовъ, она снабжена воротами, изъ коихъ цѣлы или замѣчательны досель: 1) *сѣверозападныя*, или такъ называемыя *геркуланскія*; 2) *сѣверныя* противъ Везувія; 3) *сѣверовосточныя*, *изидины*, или *нольскія*; 4) *восточныя* въ направленіи къ рѣкѣ Сарно, и 5) *юговосточныя* со стороны Стабіи. Лучше другихъ сохранились геркуланскія и нольскія.

«Нынѣ считается въ Помпеѣ 25 улицъ и переулковъ, расчищенныхъ съ конца въ конецъ, или на значительной части всей своей длины. Главныя изъ нихъ: улица *гробницъ*, *консульская*, *меркуріева*, *Фортуны*, *августова храма*, *фонтана изобилія*, *театральная*, *купеческая*, *двѣнадцати боговъ*, *кривой переулокъ* (vicolo storto) и проч. Эти названія *новыя*, т. е. придуманы въ наше время по памятникамъ и замѣчательнымъ зданіямъ, къ которымъ ведетъ каждая изъ улицъ. Что касается до зданій, то онѣ теперь всѣ перемѣчены нумерами и различаются: 1) по именамъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ, разобраннымъ въ надписяхъ; 2) по наименованіямъ въ честь важныхъ посѣтителей, бывшихъ при окончательномъ откапываніи. Такимъ образомъ, есть дома: Государя Императора Николая Павловича, Государыни Императрицы, Іосифа II, и проч.; 3) наконецъ, дома обозначены намекомъ на какія-нибудь интересныя находки, попавшіяся при разработкѣ; напримѣръ: домъ весталокъ названъ по картинѣ, представляющей жертвоприношеніе Вестѣ, Фавна — по статуѣ, поэта — по изображенію поэта, читающаго друзьямъ свое произведеніе и т. д.

«*Самая длинная* изъ улицъ, которой присвоено имя Фортуны, простирается по направленію наибольшаго діаметра въ овальной фигурѣ города на *350 саженъ*. Къ *самымъ широкимъ* принадлежатъ: меркуріева, Фортуны и фонтана изобилія, имѣющія около *3-хъ саженъ* поперекъ, со включеніемъ тротуаровъ.

«Ширина тротуаровъ различна: на большихъ улицахъ она доходитъ до $1\frac{1}{2}$ аршина, на второстепенныхъ гораздо уже; возвышеніе ихъ надъ мостовою составляетъ около 10 дюймовъ.

«Для облегченія перехода съ одного тротуара на другой противоположный, минуя грязь и лужи, на мостовой поперекъ улицъ мѣстами вдѣланы большіе *овальные камни*; такъ-какъ длина ихъ не доходитъ до обыкновенной колеи, то ими отнюдь не затруднялась ѣзда,

и внѣ ихъ во всякомъ случаѣ оставалось довольно мѣста для проѣзда колесъ. Подъ тротуарами устроены сточныя ямы, изъ которыхъ дождевая и нечистая вода отводилась подземными трубами въ море.

«Кромѣ улицъ, въ открытой доселѣ части Помпеи есть *двѣ площади:* первая окружена главными общественными зданіями и храмами, составляетъ гражданскій *форумъ* и имѣетъ видъ четвероугольника, длиною въ 52 сажени, шириною въ 14 саж.; вторая отъ своей фигуры названа *треугольною*; одна сторона ея равняется 60 саж., другая 50 саж., третья 41 сажени.

«Извѣстно, какую важность приписывали древніе Римляне чистотѣ и свѣжести воды, какъ самому естественному и здоровому напитку и какъ цѣлебному средству во многихъ болѣзняхъ.

«Удивительно ли, что и въ Помпеѣ, въ третьестепенномъ городкѣ попадаются фонтаны почти на каждомъ перекресткѣ? — Вода проведенная въ нихъ изъ ближайшихъ горъ била кверху и ниспадала въ каменные бассейны простой, но изящной работы. Водометы украшены разными рельефами, большею частью изъ мрамора; поэтому довольно правдоподобно мнѣніе одного антикварія, что въ древнихъ городахъ улицы назывались по тѣмъ фонтанамъ, къ которымъ онѣ примыкали.

«Рядомъ съ водохранилищами, а иногда отдѣльно, на углахъ улицъ возвышается нѣсколько небольшихъ каменныхъ *жертвенниковъ* (lararia), въ честь мѣстныхъ божковъ, или Ларовъ (lares compitales, viales).

«Помпейскіе уличные жертвенники, вышиною аршина въ полтора, вытесаны или складены изъ камня въ параллелипипеды и отличаются безъискуственностью обдѣлки. На лицевой сторонѣ они ярко расписаны жертвенными обрядами и самыми предметами жертвъ, какъ то: цвѣтами, фруктами, яствами и т. п. Нерѣдко два змѣя, грубо нарисованные, оспориваютъ другъ у друга эти яства».

Описавъ городскую стѣну и укрѣпленія, улицы, фонтаны, мостовую, уличные жертвенники, авторъ переходитъ къ архитектурѣ помпейскихъ домовъ.

«Всѣ дома въ Помпеѣ представляютъ одинъ и тотъ же характеръ снаружи и одинаковое распредѣленіе комнатъ внутри, различаясь между собою только величиною и незначительными частностями, сообразными со вкусомъ и средствами хозяина.

«Входовъ въ домъ бываетъ нѣсколько; одни ведутъ въ лавки, встрѣчаемыя почти въ каждомъ жилищѣ, какъ бы оно ни было великолѣпно, — другіе — въ его внутренность. Большею частію эти входы снабжены по обѣ стороны столбами съ лѣпными капителями, изображающими цвѣты, птицъ, звѣрей или какую-нибудь фигуру, напримѣръ

вакханокъ, Геркулеса, который держитъ въ одной рукѣ булаву, въ другой дверній архитравъ и т. п. Стѣны снаружи и изнутри покрыты стукомъ, плотнымъ какъ камень, и расписаны яркими красками, преимущественно красною.

«Каждый здѣшній домъ раздѣленъ на двѣ половины: на *переднюю, публичную* или *гостинную*, — и *заднюю*, или *боковую, гдѣ помѣщался самъ хозяинъ* съ семействомъ и прислугою. Въ первой, кромѣ маленькаго крытаго перехода, или *корридора* (prothyrum), соединяющаго *передній дворъ* (atrium) съ улицею, находятся: *пріемная* (tablinum), *крылья* (alae), *корридоры* (fauces), нѣсколько проходныхъ комнатъ, *столовыя* и проч. Вторая, т. е. хозяйская половина содержитъ въ себѣ: *внутренній* дворъ съ перистилемъ (*), отъ котораго онъ и получилъ названіе, *спальни* (cubicula), *столовыя* (triclinia), *залу* (oecus), *картинную галерею* (pinacotheca), *библіотеку, бани, цвѣтники* (xysta), *кухню, кладовыя* и проч.

«Дома, открытые доселѣ въ Помпеѣ, почти всѣ двухъ-этажные, что видно по уцѣлѣвшимъ лѣстницамъ; только въ западной и юго-западной части города на бывшихъ приморскихъ косогорахъ попадаются о 3-хъ этажахъ и выше. Верхнее жилье, предоставленное вообще небогатымъ жильцамъ, называлось coenaculum (Fest. v. coenaculum) и пускалось въ наемъ за умѣренную цѣну.

«Замѣчательно, что полъ въ помпейскихъ комнатахъ верхняго этажа (coenaculum) лежитъ *не на одной общей* поверхности; т. е. нѣкоторые нижніе покои, какъ то: парадныя пріемныя, гостиныя, картинныя галереи и т. п. выступали сводами своихъ потолковъ выше карниза всѣхъ прочихъ нижнихъ комнатъ. Какъ ни странна эта неровность преграды обоихъ этажей, изъ нея однакожь извлекалась та выгода, что непроходныя комнаты, особенно женскія, помѣщаемыя обыкновенно вверху, находясь на разныхъ поверхностяхъ, имѣли каждая свою особую лѣстницу, отъ чего становились уютнѣе и покойнѣе.

Къ верхнему этажу принадлежатъ выступныя террасы, или балконы, большею частію на зимнемъ припекѣ, обнесенные иногда желѣзными перильцами или рѣшеткою, по которымъ вились и цѣплялись виноградныя лозы (pergula). Среднюю и самую возвышенную часть зданія вѣнчалъ собою бельведеръ, къ коего цоколю пригонялась

(*) «Перистиль отъ греч. словъ: περι около и στῦλος колонна. Такъ называлась первоначально внутренность храмовъ, снабженная рядомъ колоннъ, параллельнымъ къ стѣнѣ. Въ нынѣшней архитектурѣ значеніе слова «перистиль» пространнѣе, и относится вообще къ колоннамъ окружающимъ зданіе, или къ галереѣ, составленной изъ столбовъ вокругъ двора, или наконецъ къ соединенію колоннъ, образующихъ фронтисписъ какого-нибудь памятника.

крыша — плоская, многогранная, со скатами на четыре стороны, рѣдко купольная. Дома крылись черепицею, тонкой лещадью, разноцвѣтно расписанною, какъ павлиньи перья, и буковымъ гонтомъ, наложеннымъ на обрѣшетники».

Описаніе устройства и расположенія комнатъ въ помпейскихъ домахъ просимъ читателей прочесть у самого автора.

«Помпея, по своему приморскому положенію и предпріимчивому духу жителей, вела весьма значительную внутреннюю и внѣшнюю торговлю, и потому понятно, что въ этомъ городѣ отрываютъ множество разнаго рода лавокъ: *рѣдкій домъ не окруженъ ими со всѣхъ наружныхъ фасадовъ*, и кромѣ того, въ частяхъ города наиболѣе посѣщаемыхъ, онѣ сосредоточены въ одномъ мѣстѣ.

«Часть Помпеи уже отрытая и отрываемая теперь, по всему вѣроятію, есть самая важная и любопытная во всемъ городѣ; она вмѣщаетъ въ себѣ: гражданскій форумъ, театры, главнѣйшіе храмы и богатые частные дома. Даже въ жилищахъ второстепенныхъ встрѣчаются предметы, изящные до совершенства въ своемъ родѣ. Было время, что, выбравъ лучшіе изъ фресковъ, перевозили ихъ въ музей на цѣлыхъ кускахъ выломанной изъ стѣнъ штукатурки; такой громоздъ занимаетъ по необходимости много мѣста, а потому, сколь ни огромны залы бурбонскаго музея, вмѣстимость ихъ оказалась недостаточною, и многое принуждены были свалить въ подвалы. Прочія картины оставлялись на обезображенныхъ стѣнахъ безъ защиты отъ непосредственнаго вліянія дождевой воды и солнца; поэтому-то многія произведенія древней живописи, отрытыя, такъ сказать, живыми, съ печатью самобытности и причудливыхъ прелестей римской кисти, въ настоящее время исчезли или мѣстами представляютъ только тѣнь и неопредѣленные очерки невозвратно потеряннаго.

«Подобное зрѣлище, опечаливающее посѣтителя Помпеи, послужило полезнымъ урокомъ ея откапывателямъ. Въ отвращеніе зла, нашли способъ снимать пласты стука съ самою картиною, нимало не повреждая ея. Однѣ изъ этихъ драгоцѣнностей, обдѣланныя въ рамы, сберегаются въ музеѣ, другія хотя и оставляются на мѣстѣ, но не перестаютъ быть предметомъ постоянныхъ предосторожностей: надъ ними наводятъ небольшіе навѣсы, отъ которыхъ спускаются внизъ по сторонамъ вдоль стѣны столбики, упираемые въ доску въ родѣ наличника; углубленіе, устроенное такимъ образомъ, запирается дверцами на петляхъ. Тѣ изъ картинъ, которыя представляютъ какія-нибудь рѣзко-эротическія и неблагопристойныя сцены, столь любимыя древними, — сохраняются подъ замкомъ. Жаль, что эта простая мысль давно не пришла въ голову лицамъ, располагавшимъ нѣкогда по невѣжественному произволу помпейскими вещами, без-

цѣнными для каждаго, кто изучаетъ духъ отдаленныхъ временъ по пережившимъ ихъ памятникамъ.

«Въ послѣднее время всѣ помпейскія картины и изваянія, не совмѣстныя съ современными понятіями о приличіи, хранятся въ *секретномъ отдѣленіи* бурбонскаго музея, куда пускаютъ лишь предъявившихъ у входа особое позволеніе отъ высшаго начальства (*).

«Между *статуями* мраморными и бронзовыми, найденными въ Геркуланумѣ и Помпеѣ, многія отличаются весьма хорошею отдѣлкою, отмѣчены печатью классическаго вкуса, и любопытны столько для художника, сколько для антикварія. Но справедливость требуетъ сознаться, что ни одна изъ нихъ ни въ какомъ отношеніи не выдержитъ сравненія съ первоклассными произведеніями греческаго и римскаго рѣзца. Признаны за лучшіе изъ помпейскихъ мраморовъ слѣдующіе: *Аполлонъ*, *Венера*, обувающаяся при выходѣ изъ купальни, *богиня изобилія*, *Церера*, мальчикъ съ виноградомъ въ одной рукѣ и птичкою въ другой, и друг.

«На ряду съ тѣмъ, что создано кистью и рѣзцемъ древнихъ, надобно поставить ихъ *мозаику* (*opus musivum*, ἀσάρωτον); изъ повсемѣстнаго употребленія ея въ Помпеѣ, начиная съ половъ, тротуаровъ, дворовъ, до картинъ, высоко художественныхъ по сочиненію и колориту, — видно, что они особенно любили это искусство и оказали въ немъ огромные успѣхи».

Любопытны помпейскія надписи и объявленія, приводимыя авторомъ:

«Гордые республиканцы — говоритъ онъ — потомки Цинцинатовъ и Катоновъ, изображенные въ исторіи суровыми стоиками, являются внѣ государственной своей дѣятельности рабами тысячи суевѣрій, пресмыкаются передъ сильными, льстятъ исполнителямъ высшей власти. Стоитъ только пробѣжать надписи, которыми покрыты дома въ Помпеѣ, и сказанное нами никому не покажется преувеличеннымъ. Какой общій смыслъ всѣхъ этихъ надписей, за исключеніемъ не многихъ объявленій о продажѣ, театральныхъ представленіяхъ и т п.? — Вездѣ *лесть*, вездѣ *выманиваніе чьего нибудь покровительства*. Отсюда видно, что въ Помпейцахъ еще за долго до вре-

(*) «Позволеніе это получить *законнымъ* образомъ не легко. Иностранцамъ надобно обращаться къ своему посольству, и только съ отношеніемъ его на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ канцеляріи послѣдняго выдается билетъ, передъ которымъ отворяется завѣтная дверь. Впрочемъ, вручивъ нѣсколько карлиновъ сторожу, можно иногда избѣжать всѣхъ этихъ хлопотъ. Въ 1836 г. въ Парижѣ вышло поясненное гравюрами описаніе предметовъ секретнаго музея. Вотъ заглавіе: Musée royal de Naples; peintures, bronzes et statues erotiques du cabinet secret, avec les explications de M. C. F. 1 vol. in 4.

менъ Нерона и Веспасіана исчезъ ихъ первоначальный характеръ. Не только искатели должностей, одержимые честолюбіемъ и жаждою общественнаго возвышенія, даже купцы, ремесленники и смиренные поденщики, платящіе наличнымъ трудомъ за кусокъ хлѣба, — всѣ они добиваются благосклонности какого-нибудь эдила, дуумвира, претора; всѣ пишутъ на своихъ домахъ привѣтствія сильнымъ и нужнымъ людямъ! Тѣ, у кого не было собственнаго дома, исписываютъ стѣны чужихъ, ограды, публичныя зданія и храмы, — фразами въ родѣ слѣдующихъ:

Плотники и экипажные мастера поручаютъ себя благосклонности эдила Марцелла.
Соловары просятъ М. Церрина покровительствовать имъ.
Всѣ золотыхъ дѣлъ мастера просятъ покровительства у эдила Кусція Пансы.
Торгующіе фруктами просятъ и т. д.
Носильщики тяжестей просятъ и т. д.
Истопникъ публичныхъ бань проситъ и т. д.
Поборники любви(?) просятъ и т. д.

«Послѣднія слова начертаны на стѣнѣ зданія, гдѣ находился *игорный домъ (sphaeristerium)* и *жилище непотребныхъ женщинъ*, не вдалекѣ отъ бань; взаимное сосѣдство подобныхъ заведеній — довольно обыкновенная вещь въ Помпеѣ. Вотъ еще интересная надпись нѣсколькихъ афишъ и образцики уличнаго пачканья:

На дачѣ Юліи Феливціи, дочери Спурія, отдаются въ наемъ съ 6 по 8 августа: баня, эротическій будуаръ (!) *и 900 лавокъ съ выступными террасами и верхними комнатами, на пять лѣтъ. Открывающій у себя въ домѣ пристанище разврату не допускается къ найму.*

Труппа гладіаторовъ Нумерія Попидія Руфа представитъ въ Помпеѣ 29 окт. бой съ звѣрями, а 20 апрѣля амфитеатръ будетъ покрытъ. Директоръ О.... Живите благополучно.

Труппа гладіаторовъ Нумерія Феста Ампліата снова 16 мая дастъ бой; притомъ будетъ сраженіе съ звѣрями въ покрытомъ амфитеатрѣ.

Исчахни ты, Барка!
Оппій, ты шутъ, воръ и негодяй.
Еще не было (честнаго) судьи родомъ Египтянина.
Охотникъ до поживы и любитель удобствъ были здѣсь.

«Господствующій языкъ въ помпейскихъ надписяхъ — латинскій, гораздо рѣже попадаются греческія и осскія.

«Говоря вообще, палеографическія произведенія въ Геркуланумѣ и Помпеѣ красивы и правильны шрифтомъ; начертаны кистью обмокнутою въ красную или черную краску; самыя крупныя изъ нихъ имѣютъ вершковъ 5 въ вышину.

«Такъ-какъ, при общей страсти къ письменной гласности и при нуждѣ въ ней, за рѣдкостью папирусовой бумаги и за неимѣніемъ книгопечатанія, приходилось писать на стѣнахъ, и все таки величина ихъ всѣхъ въ сложности оказывалась для этого недостаточною, — то вошло въ обыкновеніе замазывать мѣломъ или известью сдѣлавшееся ненужнымъ изъ написаннаго, — и въ слѣдъ за тѣмъ, вновь отчищенная или выбѣленная штукатурка снова испещрялась комплиментами эдиламъ и объявленіями о разныхъ разностяхъ. Выбѣленное мѣсто подъ надписи называлось «*album*»; это корень нашего слова «альбомъ».

«Большая часть исписанной штукатурки, вырѣзанной изъ стѣнъ, перенесена въ бурбонскій музей; оставленныя на мѣстѣ надписи примѣтно линяютъ и блекнутъ, и мало по малу исчезаютъ совсѣмъ отъ совокупнаго дѣйствія на нихъ солнца и сырости».

Скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ Помпеи, превосходно очерченномъ авторомъ.

«Черезъ часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, ведущей вдоль очаровательнаго поморья изъ Неаполя въ Ночерру, поѣздъ, обогнувъ южную часть подошвы Везувія, останавливается въ четвертый разъ, и кондукторъ, отворяя дверцы въ вагонахъ, извѣщаетъ пассажировъ, что они пріѣхали въ Помпею. Но, оглянувшись во всѣ стороны, вы ничего не видите передъ собою кромѣ станціи, — а поодаль отъ нея — только песчаные бугры и матовая зелень оливковыхъ деревъ, напудренныхъ пылью; не примѣтно никакихъ слѣдовъ не только сохранившагося древняго города, но даже и развалинъ его. Гдѣ же настоящая Помпея? Еще недоумѣніе не разрѣшено, — какъ снова раздаются сигнальные свистки, паровозъ съ дребезжаніемъ помчался далѣе на востокъ — и передъ вами наконецъ открывается что-то необыкновенное, не замѣченное въ минуту пріѣзда: это *насыпь въ видѣ вала, длиною версты въ полторы и сажени въ три вышиною, искуственная гора песку, мусора и лапилла, вынутыхъ изъ отрытой части Помпеи*. Эта-то могильная земля заслоняетъ собою отъ новопріѣзжаго святилище древности».

Авторъ однакожь сознается, что первое впечатлѣніе, производимое Помпеею, далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ путешественниковъ. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что по книгамъ мы получаемъ о древнемъ мірѣ понятіе преувеличенное и восторженное, тогда-какъ въ сущности греки и римляне были такіе же люди, какъ мы грѣшные, въ чемъ, по его увѣренію, тотчасъ убѣждаешься, взглянувъ на живой видимый и осязаемый образчикъ древнихъ городовъ.

«Развалины въ Римѣ, Аѳинахъ и Малой Азіи растоптаны тяжелою пятою временъ, поруганы рукою варваровъ; не такова Помпея.

Не смотря на запустѣніе и безлюдство, на каждомъ шагу здѣсь видишь признаки суетной дѣятельности человѣка. Вотъ пролегаетъ колея, отпечатокъ долговременной ѣзды по улицамъ съ высокими тротуарами; на нихъ, кажется, выглянетъ сей часъ изъ сосѣдняго жилья закутанный въ тогу какой-нибудь современникъ Нерона или Веспасіана. Внутренняя одежда стѣнъ и наружная штукатурка расписаны какъ будто на дняхъ; такъ ярки и свѣжи на ней древнія краски! У порога на полу, за отсутствіемъ хозяевъ, посѣтителя привѣтствуетъ мозаическая надпись «*salve*»; передъ бронзовыми пенатами не сдвинутъ съ своего мѣста жертвенникъ съ нозліяльникомъ, и цѣла еще горсть золы, оставшаяся послѣ священнодѣйствія; амфоры отзываются виномъ, отъ котораго пятна примѣтны возлѣ отпечатка стакановъ на столѣ; на кухнѣ закоптѣлый котелъ виситъ надъ потухшимъ очагомъ; въ кладовыхъ наставлены банки и горшки съ каштанами, яйцами, изюмомъ и разнаго рода сухою провизіею....

«Посмотрите на слѣды женской суетности, на пособія, которыми украшала себя какая-нибудь помпейская кокетка за 10 столѣтій до основанія нашей бѣлокаменной Москвы? Передъ вами цѣлый снарядъ бездѣлушекъ, пустыхъ, разнообразныхъ и затѣйливыхъ какъ женскія прихоти. Вотъ баночки для духовъ, помады, румянъ и бѣлилъ, — гребенки, коллекція шпилекъ и костяныхъ палочекъ для завиванія волосъ, — кольца, серьги и миніатюрные браслеты, нѣкогда обхватывавшіе классическя-нѣжныя руки юныхъ красавицъ Кампаніи. Словомъ, говоря безъ преувеличеній, въ Помпеѣ открыто все, чѣмъ жизнь древнихъ и современныхъ людей такъ многообразна, суетна и тревожна отъ нуждъ и желаній. «Италія, особенно Римъ, — говоритъ Гамильтонъ, — есть пространный музей; Помпея — живая древность».

«Въ отрытую донынѣ часть древняго города есть *четыре* входа; изъ нихъ два вводятъ съ южной стороны, или прямо на форумъ, или къ театрамъ, мимо древней и нынѣшней казармы; третій ведетъ къ амфитеатру, а четвертый съ сѣверо-западной стороны — въ предмѣстіе *Августа-Феликсъ*, въ началѣ коего по правую руку находится: 1) загородный домъ отпущенника Аррія Діомида.

«Не будемъ останавливаться на подробномъ исчисленіи и описаніи всѣхъ частей этого дома; для насъ интереснѣе всего его подвалы или нижная крытая галерея, сдѣланная за садомъ, освѣщенная, прохладная, служавшая мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ. Вотъ что пишетъ о ней ученый Денонъ, видѣвшій ее въ 1777 году, т. е. черезъ три года послѣ отрытія.

«Мы сошли въ подземный корридоръ и видѣли скелеты двадцати «семи женщинъ, которыя во время общаго испуга и смятенія спрята-

«лись сюда, какъ въ мѣсто, показавшееся имъ безопаснѣе другихъ.
«Недовольствуясь сводомъ подвала, онѣ устроили надъ собою еще
«родъ навѣса изъ досокъ, — и подъ нимъ-то найдены теперь ихъ
«кости! Бѣдняжки стояли рядомъ одна возлѣ другой, прижавшись къ
«стѣнѣ, но пепелъ проникъ вмѣстѣ съ удушливыми испареніями въ
«предательское убѣжище, засыпалъ скрывавшихся тамъ, туго на-
«полнилъ промежутки между ними, и мало по малу отвердѣлъ въ
«плотную массу; она сохранила на себѣ разные отпечатки женскихъ
«формъ, такъ что одинъ кусокъ ея съ оттискомъ прекрасныхъ гру-
«дей и плечъ спрятанъ въ музей, какъ любопытная рѣдкость. Тутъ
«же найдены кольца, запястья, цѣпочки и серьги, все изъ чистаго
«золота, — доказательство, что тѣ, кому онѣ принадлежали, были не
«простаго званія. Изъ видѣнныхъ тутъ нами двадцати семи головъ,
«одна съ уцѣлѣвшими на затылкѣ волосами, отправлена впослѣдствіи
«въ музей, для храненія подъ стекломъ. Не знаю, продолжаютъ ли
«показывать другимъ путешественникамъ, бывшимъ въ Помпеѣ
«послѣ насъ, все еще 26 череповъ, но утвердительно говорю, что
«настоящихъ *древнихъ* могло тамъ остаться только 25, потому что
«я, не устоявъ противъ искушенія присвоить себѣ втихомолку голову
«древней Римлянки, утащилъ ее съ собою подъ моимъ широкимъ
«плащемъ. Теперь она во Франціи, и нѣкоторыя дамы уже любова-
«лись формою и размѣрами моей покражи, свойственными только бо-
«гатырской красотѣ древнихъ.

«Мнѣ хотѣлось отвѣдать вина въ разставленныхъ тутъ же кув-
«шинахъ (амфорахъ), но волканическая зола насытила собою нахо-
«дившуюся въ нихъ жидкость, и тѣмъ измѣнила ее въ кусокъ камня.
«Въ другомъ мѣстѣ въ Помпеѣ нашли отвердѣлое вино въ стеклянной
«посудинѣ; когда я взялъ въ ротъ это вещество, оно представило
«большое сопротивленіе зубамъ, и только при сильнѣйшемъ давленіи
«разсыпалось въ порошокъ, какъ нѣчто пережженное, не оставивъ
«послѣ себя никакого вкуса, и, подобно углю, не растворяясь въ
«слюнѣ.»

«Упомянутыхъ скелетовъ теперь уже нѣтъ на мѣстѣ, гдѣ ихъ ви-
дѣлъ Денонъ; остались только амфоры и большія пятна на тѣхъ
частяхъ стѣны, къ которымъ, во время своей гибели и 1695 лѣтъ
послѣ нея, прислонены были жертвы Везувія.

«Изъ оттисковъ на отвердѣломъ пеплѣ, изъ очертанія костей и
изысканности украшеній видно, что погибнувшія женщины были
молоды, богаты и прекрасно сложены, но онѣ не спрятались здѣсь
голыя, какъ утверждаютъ нѣкоторые, напримѣръ аббатъ Романелли;
напротивъ, не только ихъ рубашки, но даже болѣе грубая ткань,

изъ которой сдѣланы были вѣроятно ихъ верхнія одежды, — все это напечатлѣлось мелкою сѣточкою на окаменѣлой массѣ.

«У воротъ со стороны взморья выкопали два мужскихъ остова, которые присвоили хозяину загороднаго дома Діомиду и его служителю, потому только, что первый держалъ въ рукахъ ключъ и мѣшокъ съ деньгами (10 золот. монетъ, 88 серебрян. и до 30 бронз.) и дорогими каменьями, а второй тащилъ на себѣ сундукъ, набитый серебряною посудою! Видно, — что они оба потеряли много времени на отыскиваніе и укладку своихъ пожитковъ, такъ, что, подошедъ къ воротамъ, нашли уже ихъ заваленными снаружи.

«Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда лежало еще два скелета, а внѣ ограды діомидова дома, въ направленіи къ морю — новая груда костей по крайней мѣрѣ отъ девяти остововъ. Судя по различію вещей, оказавшихся при нихъ, это были люди различныхъ званій, но всѣ они, какъ видно, страшно суетились, и съ попыховъ растеряли по дорогѣ часть того, что собирались снести въ назначенное мѣсто.

«Діомидовою дачею начинается предмѣстіе *Августа-Феликсъ*. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ оно заслуживаетъ имя *предмѣстія мертвыхъ*, по множеству гробницъ, которыми обставлена съ обѣихъ сторонъ улица, получившая отъ нихъ свое названіе. Здѣсь нѣкогда селились въ загородныхъ домахъ богатые и знатные Помпейцы, и здѣсь же нѣкоторымъ изъ нихъ, за особенныя заслуги, опредѣляло мѣстное правительство участокъ городской земли для почетнаго погребенія.

«Здѣсь кстати замѣтить, что *гробница* въ собственномъ смыслѣ всегда предполагаетъ собою *присутствіе пепла*, бренныхъ останковъ, между тѣмъ какъ назначеніе *памятника* состоитъ только въ *увѣковѣченіи* чьей-нибудь памяти, гдѣ бы то ни было, даже на мѣстѣ, гдѣ никто не похороненъ, такъ, что подобнаго рода памятники съ пустымъ гробомъ, или *кенотафомъ*, ставились лицу, умершему на чужбинѣ, на войнѣ, при кораблекрушеніи и т. д. Однимъ словомъ, памятникъ могъ быть устроенъ независимо отъ гробницы, и на оборотъ.

«Вообще, помпейскія гробницы сдѣланы изъ мрамора, туфа или пиперина, и архитектурою стоятъ гораздо выше тамошнихъ зданій общественныхъ и частныхъ. Не смотря на разнообразіе своей величины, наружныхъ формъ, пьедесталовъ и орнаментовъ, всѣ онѣ представляютъ въ общихъ чертахъ большее или меньшее сходство съ домомъ. Что касается до ихъ внутренняго устройства, то въ немъ постоянно наблюдалось однообразіе: могильный склепъ, т. е. тѣсная комнатка, куда въ низенькую дверь входили съ преклоненною головою и съ тѣломъ, почтительно согбеннымъ; ниши въ стѣнахъ

для храненія пепельницъ (*urnæ v. tesitæ*) и слезницъ (*lacrymatoria*); маленькія окошечки, едва пропускающія свѣтъ; сверху коробовый или парусный сводъ; — вотъ внутренность помпейской гробницы.

«Римляне питали глубокое уваженіе къ могиламъ, ставя ихъ наравнѣ съ храмами боговъ, и поэтому поруганіе тѣхъ и другихъ одинаково преслѣдовалъ законъ, какъ уголовное преступленіе. Но *поруганіемъ* почиталось также — *перенести* гробницу или памятникъ съ одного мѣста на другое, безъ особаго на то разрѣшенія коллегіи жрецовъ: вслѣдствіе этой неприкосновенности достоянія мертвыхъ, въ окрестностяхъ римскихъ городовъ появлялись не кладбища, а скорѣе другіе города — только съ кенотафами вмѣсто жилыхъ строеній. *Такой именно городъ мертвыхъ представляетъ собою помпейское предмѣстіе Августа-Феликсъ*. Черезъ него до самой геркуланской заставы пролегаетъ *улица гробницъ* (*Strada de' sepolcri*), въ числѣ которыхъ памятникъ съ пустымъ гробомъ или кенотафомъ Кальвенція едва-ли не лучше не только изъ открытыхъ въ Помпеѣ, но даже всѣхъ, относимыхъ къ самому счастливому періоду древняго зодчества.

«Въ 1812 году, во время происходившихъ на кладбищѣ разработокъ, выкопаны, между прочимъ, кости 4-хъ женскихъ скелетовъ, а съ ними значительная сумма денегъ и другія вещи, какъ-то: три золотые перстня, представляющіе свернувшихся змѣй, золотыя сережки, имѣющія форму вѣсовъ, съ жемчужинками вмѣсто тарелокъ и т. д. При этомъ, соображая взаимное относительное положеніе костей, открыли всѣ признаки страшнаго и трогательнаго происшествія: *здѣсь погибла женщина среднихъ лѣтъ, въ объятіяхъ двухъ взрослыхъ дѣвицъ, крѣпко прижавъ къ груди 2-хъ или 3-хъ-лѣтняго малютку*. Онѣ спасались бѣгствомъ изъ разгромляемаго города, но, достигнувъ загороднаго трактира, выбились изъ силъ, и видя, что посреди пепла и удушливыхъ испареній смерть неизбѣжна для нихъ, разстались съ жизнью въ взаимныхъ ласкахъ любви.

«Не вдалекѣ отъ нихъ лежали еще два скелета, одинъ навзничь, другой лицемъ къ землѣ, и съ руками, раскинутыми врозь; ногами были обращены они къ городскимъ воротамъ. При одномъ изъ нихъ оказалось: 69 золотыхъ монетъ, и 121 серебряная. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, работники наткнулись на 3-й остовъ — въ положеніи противоположномъ предъидущему, т. е. съ головою обращенною къ заставѣ: видно, что первые два Помпейца бѣжали въ городъ, а третій наоборотъ, въ поле. Замѣчательно еще то, что они всѣ трое улеглись на слоѣ наноса 4-мя аршинами выше мостовой; слѣдовательно, въ минуту ихъ бѣгства улицы были уже загромождены обломками зданій и веществами, налетѣвшими изъ Везувія.

«По правую руку отъ улицы стоитъ разрушенный загородный домъ (*Casa suburbana detta di Cicerone*), который приписываютъ Цицерону, основываясь на томъ, что говоритъ знаменитый ораторъ въ своемъ «*Лукуллѣ*»: «*Изъ Баули* (нынѣ *Баколо* близъ Бай) я не вижу моей *помпейской дачи*, не потому, чтобы ее закрывала отъ меня гора, но единственно по слабости моего зрѣнія». Примѣнивъ это къ Помпеѣ, замѣтили, что во всемъ городѣ только изъ одного этого дома простирается открытый видъ вплоть до Баули, тогда какъ всѣ другія зданія заслоняются на пути горою Павзилипомъ, слѣдовательно къ этому только одному загородному дому могутъ относиться слова Цицерона. Выводъ — прямой и остроумный, но жаль, что онъ имѣетъ противъ себя слѣдующую надпись, четко начертанную на одной изъ стѣнъ зданія:

Отпущенникъ Януарій, смотритель морскихъ и прѣсной воды купаленъ, принадлежащихъ М. Крассу Фругію....»

«Одна часть — говоритъ г. Классовскій — мнимой или подлинной цицероновой виллы засыпана опять землею по прежней системѣ разработокъ, другая почти разрушена временемъ, слѣдовательно нечего распространяться о ея архитектурѣ. Но неизвинительно было бы умолчать о найденныхъ здѣсь произведеніяхъ древней живописи, высокихъ по художественному своему достоинству. Мы разумѣемъ фресковыя *группы канатныхъ плясуновъ* и *танцовщицъ*, одѣтыхъ вакханками.

«*Помпейскіе плясуны* представлены *въ видѣ фавновъ*, принимающихъ разныя позы, свойственныя пьяному, можетъ быть знаменуя тѣмъ *діонизіевы*, или *вакхическія помпы*, т. е. религіозныя пляски въ честь Вакха. — Они пляшутъ здѣсь не на канатѣ, а на горизонтально висящихъ тирсахъ, сохраняя равновѣсіе въ позахъ, столько же трудныхъ, сколько исполненныхъ граціи, и, — какъ бы слѣдуя какому-то особенному правилу, — касаются тирса только пяткою или пальцами, но не ставятъ на него всей подошвы.

«У перваго съ лѣвой стороны, какъ и у прочихъ троихъ, тѣло — зеленое, лира и хвостъ — желтые. Согнувъ одну ногу и протянувъ другую вдоль тирса, онъ обѣими руками играетъ на струнахъ, упираясь тяжестью всего тѣла на большой перстъ правой ноги и пятку лѣвой. Второй, — по ногамъ въ той же позѣ, что и первый, — наливаетъ черезъ голову дугообразною струею вино изъ *питейнаго рога* (*rython*) въ кубокъ. — 3-й и 4-й держатся только на цыпочкахъ одной ноги, другою же выдѣлываютъ па, можетъ быть подъ тактъ наигрываемой ими самими пляски.

«*Танцовщицы* (числомъ 14, вышина каждой $6^1/_2$ неапол. унц.) написаны *al fresco* по черному грунту на карнизѣ той же комнаты, въ-

роятно служившей особаго рода столовою, называемою у Римлянъ *venerea*, а у Грековъ ἀφροδίσιον въ честь богини любви. Основаніемъ этой догадкѣ могутъ быть слова Аѳинея: «за пиршественнымъ обѣдомъ, послѣ хора музыкантовъ, появились въ столовой танцовщицы, однѣ въ одеждѣ нимфъ, другія подобныя нереидамъ». Сидоній Аполлинарій къ обстановкѣ порядочнаго пира причисляетъ также танцовщицъ-вакханокъ (IX. 13). — и наконецъ, огромность балетныхъ труппъ въ древнемъ Римѣ обличаетъ собою тогдашнее пристрастіе къ артисткамъ, посвящавшимъ себя Терпсихорѣ и тягостному ремеслу услаждать взоры пресыщенныхъ повелителей вселенной, для которыхъ пляска, какъ и все, что должно было развлекать ихъ, превратилась въ трудную и сложную науку. Римляне рѣдко могли безкорыстно наслаждаться, подобно Грекамъ, однимъ изящнымъ, независимо отъ чувственности или покрайней мѣрѣ безъ прямыхъ намековъ на нее; отсюда и къ воззрѣнію ихъ на танцы примѣшивались обстоятельства, удалявшія на второй планъ грацію позъ и художественное совершенство человѣческаго тѣла: на пирахъ и въ театрѣ танцовщицы являлись у нихъ, если не нагія, то въ одеждѣ, до того легкой и прозрачной, что Сенека сравниваетъ ее «съ хрустальною или съ струею воды, просвѣчивающей все, что ни положатъ въ нее».

«Первая съ лѣвой стороны пользуется наибольшею извѣстностью, и посправедливости считается у художниковъ совершенствомъ въ отношеніи къ искусству; живописецъ могъ не иначе нарисовать ее, какъ съ натуры, съ живой танцовщицы, набросавъ ея позу съ быстротою колебаній, возбужденныхъ ею въ воздухѣ. На красавицу накинуто широкое желтое покрывало съ свѣтло-голубою подкладкою, состоящее изъ одного цѣльнаго куска тончайшей ткани, и извѣстное подъ именемъ *sistis v. tunica-pallium*. Въ бѣлокурые ея волосы вплетена нитка жемчуга, а на кистяхъ рукъ красуются золотыя запястья. Можетъ быть она представляетъ Венеру въ «живой картинѣ», что даже довольно вѣроятно, если примѣнимъ къ ней одно мѣсто изъ Апулея, гдѣ онъ утверждаетъ, что «Венера невыразимо прелестна, когда, обнаживъ руки и туловище, небрежно придерживаетъ на бедрахъ покрывало». — Читатель видитъ на гравюрѣ, что именно такъ нарисована и наша танцовщица.

Вторая танцуетъ подъ звуки тимпана, и одѣта *менадою*, съ виноградвымъ вѣнкомъ на головѣ и тигровою кожею или *небридою* (νεβρίς или νεβρίδιον отъ νεβρός) на плечахъ. Можно полагать, что она принадлежитъ къ хору вакханокъ и танцуетъ въ вакхической оргіи, или, что это — одна изъ танцовщицъ, о которыхъ говоритъ Сидоній Аполлинарій: «онѣ являлись на пирахъ, переодѣтыя менадами, и, по свидѣтельству Исидора и Петронія, сопровождали пляску уда-

рами въ тимпаны. О подобныхъ артисткахъ упоминаетъ также Корнелій Галлъ. На плечахъ ея фіолетовая небрида на голубой подкладкѣ, тимпанъ и двойные браслеты изъ золота на рукахъ; башмаки на ней желтые, называемые *obstrigilia*.

«Вотъ мы у городскихъ воротъ, называемыхъ *геркуланскими*. За нами осмотрѣнное предмѣстье, передъ нами собственно городъ.

«Геркуланскія ворота представляютъ три арки съ узкими простѣнками, – одну главную, или среднюю и двѣ боковыя. Средняя, черезъ которую проходитъ *домиціева дорога*, служила проѣздомъ для экипажей, и имѣетъ въ ширину около двухъ саженъ, при 3-хъ саж. вышины отъ мостовой до свода, обрушившагося теперь почти вровень съ своею пятою; она запиралась опускною дверью въ родѣ герсы, какъ это видно изъ двухъ продольныхъ фальцевъ на внутренней поверхности обоихъ среднихъ простѣнковъ. При совершенномъ опущеніи двери, вверху надъ нею оставалось открытое пространство, для метанія наружу камней и стрѣлъ въ непріятельскіе ряды во время осады. Боковые проходы, съ уцѣлѣвшими еще коробовыми сводами, имѣютъ въ ширину каждый почти $1^1/_2$ аршина, при вышинѣ $4^3/_4$ аршина. На штукатуркѣ воротъ съ лицевой стороны разобрали приведенное уже нами (въ статьѣ о надписяхъ) объявленіе о предстоявшемъ въ амфитеатрѣ сраженіи звѣрей съ гладіаторами. Отъ воротъ простирается продолженіе домиціева шоссе и улицы гробницъ, или *консульскій путь*. Изъ зданій здѣсь достойны замѣчанія.

«Гостинница Альбина (*Albergo d'Albino* № 35) — первый домъ по правую руку отъ входа. Какъ главная особенность, въ немъ представляются широкія ворота (въ 5 аршинъ), приличныя постоялому двору, куда должны свободно въѣзжать разной величины экипажи.

«За воротами слѣдуетъ дворъ, съ трактирною обстановкою — съ низенькими очагами для приготовленія кушаньевъ, и каменными прилавками для размѣщенія изготовленнаго вмѣстѣ съ напитками.

«Насупротивъ альбиновой гостинницы, т. е. по лѣвую сторону улицы, можно заглянуть въ другой трактиръ, гдѣ любопытны на дворѣ: колодецъ, водопойня и туфовыя столбикъ съ желѣзнымъ кольцомъ, для привязыванья лошадей за поводья; на окраинѣ колодца примѣтенъ еще слѣдъ веревки отъ опускнаго ведра. Въ конюшнѣ между прочимъ оказался кусокъ шины, которою было обтянуто колесо.

«По правую руку, до самаго конца консульской улицы, тянется рядъ развалинъ (*abitazioni a 3 piani* № 38), сперва расчищенныхъ, потомъ снова засыпанныхъ землею.

«Противъ этихъ развалинъ, на углу улицы, какъ на всѣхъ почти помпейскихъ перекресткахъ, стоитъ испорченный фонтанъ. Первый

и самый большой возлѣ него домъ называется «жилищемъ Весталокъ» (*Casa delle Vestali* № 37), совершенно впрочемъ произвольно, потому единственно, что на одномъ изъ мозаиковъ тутъ представлено жертвоприношеніе *можетъ быть* Вестѣ!

«Между тѣмъ, какъ будто вопреки всему, что извѣстно объ оффиціальной непорочности жрицъ Весты, здѣсь именно найдена одна изъ самыхъ неблагопристойныхъ картинъ: *фавнъ, обнажающій пьяную вакханку!*

«Въ корридорѣ, соединяющемъ большую залу съ сѣннымъ выходомъ, украшеннымъ гостепріимною надписью «*salve*», найденъ женскій остовъ, съ бедромъ, сохранившимъ на себѣ слѣды зубовъ Такъ-какъ тутъ же лежалъ скелетъ маленькой собачки, то надобно полагать, что послѣдняя глодала кости своей госпожи, и такимъ образомъ пережила ее, можетъ быть, нѣсколькими днями

«Кладовая снабжена была хозяйственными запасами: въ стеклянныхъ и глиняныхъ сосудахъ тамъ сберeглись каштаны, финики изюмъ, винныя ягоды и масло.

«Узенькая межина, т. е. промежуточный проходъ между этимъ домомъ и сосѣднимъ, завалена костями 10 скелетовъ.

Въ домѣ, приписываемомъ *хирургу*, открытъ приборъ хирургическихъ инструментовъ, тѣмъ болѣе достойныхъ вниманія, что между ними нѣкоторые, какъ думали дотолѣ, изобрѣтены только въ послѣднее время, свѣтилами новѣйшей оперативной медицины. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи: *черепной буравъ (trepan), изслѣдователь матки (speculum uteri), зондъ* въ видѣ буквы S, для нащупыванія камня въ мочевомъ пузырѣ, *ложечки*, или *шпатели (spatules), катетеры* разной величины, *ланцеты* и т. д.

«На углу между консульскою улицею и переулкомъ, идущимъ отъ нея на сѣверъ къ городской стѣнѣ, находится фонтанъ и возлѣ него *термополій*.

«*Термополіи* отчасти соотвѣтствовали нашимъ кофейнымъ домамъ; тамъ можно было имѣть разнаго рода закуски, лакомства и вино, преимущественно подогрѣтое и приправленное пряностями, похожее на глинтвейнъ. Отсюда вышло названіе «термополій», значащее въ переводѣ: *продажа теплаго*.

«Ниже по достоинству, слѣдовательно и по разрядамъ своихъ посѣтителей, стояли *попины*, или харчевни; — дома, куда стекался для ѣды и пирушекъ простой народъ. Названіе попинъ произошло отъ того, что содержатели ихъ, т. е. харчевники закупали для кухни говядину не столько у мясниковъ, сколько у храмовыхъ причетниковъ, называемыхъ *popae*, торговавшихъ избытками отъ принесеннаго въ

жертву богамъ. Зато и ѣда здѣсь обходилась дешево, не дороже двухъ ассовъ съ человѣка, или копѣекъ 8 на наши деньги.

«Если вы — говоритъ авторъ — равнодушны къ тому, что называется обыкновенно отвратительнымъ, и умѣете спокойно наблюдать человѣческую природу, даже попранную пороками, убитую невѣжествомъ и нищетою, то войдите въ древнюю попину. Общество здѣсь не привлекательное: вы видите передъ собою разбойниковъ, воровъ, бѣглыхъ матросовъ и рабовъ, палачей и могильщиковъ; въ одномъ углу храпитъ, погруженный въ сонъ, пьяный жрецъ Цибеллы; въ другомъ продажная красавица забавляетъ честную компанію пѣснями и безстыдными тѣлодвиженіями, приспособленными къ ея вкусу. Высвистываніе фальшивой флейты, восклицанія и взрывы усиленнаго говора — ободряютъ танцовщицу, одинаково ко всѣмъ благосклонную, — и весь этотъ людъ, подъ тройнымъ вдохновеніемъ вина, игры и женщинъ, веселится и хохочетъ, какъ будто и не знаетъ, что такое горе.

«Въ вышеупомянутомъ переулкѣ надобно обратить особенное вниманіе на «домъ танцовщицъ» (*casa delle danzatrice* № 44); онъ отличается отъ другихъ какимъ то праздничнымъ и веселымъ по преимуществу видомъ въ архитектурѣ и убранствѣ комнатъ, которыя искусно разрисованы перспективами дворцовъ, лабиринтами колоннадъ, садами съ фонтанами и мостами, легко перегнувшимися надъ рѣкою: подумаешь, что это иллюстрація какой нибудь волшебной сказки Востока. Изъ фигуръ написанныхъ *al fresco*, самая лучшая представляетъ *танцующаго юношу*; одна рука у него приподнята надъ головою, а поза всего тѣла изобличаетъ томленіе, полное нѣги и задумчивости. На другой картинѣ *четыре танцовщицы* выполняютъ какую-то пляску, со всѣмъ увлеченіемъ беззаботной юности и съ примѣтною увѣренностью въ лицѣ, что онѣ прекрасны собою, что каждое ихъ движеніе граціозно.

«Въ домовой *часовнѣ*, или *божницѣ* алтарь посвященъ Изидѣ и Озирису: ихъ статуи держатъ въ рукахъ рогъ изобилія; насупротивъ стоитъ истуканъ Гарпократа съ пальцемъ на устахъ; наконецъ, въ спальнѣ нарисованы *два юныя божества*, различныя поломъ, обнажающія себя передъ бюстомъ Амура. Карнизъ расписанъ то бѣснующимися менадами, то амазонками, которыя мчатся на рьяныхъ коняхъ и т. п.

«Изъ ближайшихъ отсюда жилищъ, лучше другихъ сохранились дома Пупія, Аполлона и Нарциса.

«Но самый большой и великолѣпный домъ въ консульской улицѣ — тотъ, который называютъ Саллустіевымъ (*Casa di Sallustio o dell' Atteone* № 48), основываясь на одной изъ разобранныхъ тамъ

надписей, — и Актеоновымъ по картинѣ, изображающей сына Аристея и Автонои, терзаемаго собственными псами за оскорбленіе стыдливой Діаны.

Послѣ этого мы прямо перейдемъ въ такъ называемую улицу термъ, или публичныхъ бань: такъ названа западная оконечность длинной улицы, прорѣзающей весь городъ отъ запада на сѣверо-востокъ, т. е. отъ бывшаго взморья до Нольскихъ, или Изидиныхъ воротъ. Не будемъ останавливаться на подробномъ описаніи четырехъ частныхъ и публичныхъ зданій, выходящихъ на нее главными фасадами. Замѣтимъ только, что одно изъ нихъ — домъ Пансы — есть самое обширное въ Помпеѣ и по своей правильности, то есть по согласію съ указаніями Ветрувія, можетъ служить типомъ римскаго дома. Пропуская подробное описаніе многочисленныхъ комнатъ этого дома, мы не можемъ не упомянуть любопытнаго факта, что на стѣнахъ гастрономической лабораторіи его изображенъ жертвенникъ передъ кухонной, или печной богинею.

«Какъ ни нелѣпо, съ нашей точки зрѣнія, понятіе о подобной богинѣ, древніе гастрономы съ полнымъ чистосердечіемъ покланялись ей. А что за гастрономы были между древними! Нынѣшніе *львы*, проѣдающіе состояніе, ничто въ сравненіи съ ними. Самые почтенные изъ государственныхъ мужей и жрецовъ древняго Рима, его доблестные воины и консулы, жертвовали сластолюбію — здоровьемъ, состояніемъ и даже человѣческимъ достоинствомъ. Не пускаясь въ избитыя выходки противъ развращенія нравовъ, отъ котораго растлѣла римская имперія, представимъ нѣсколько фактовъ, засвидѣтельствованныхъ достовѣрными писателями, и думаемъ, что читатель не взыщетъ съ насъ за это краткое отступленіе, тѣмъ болѣе, что оно умѣстно для полноты характеристики древняго греко-римскаго города — Помпеи.

«Если Сенека жалуется, что въ его время опустѣли аудиторіи риторовъ и философовъ, зато, по свидѣтельству современнаго ему писателя, въ Римѣ появились школы для публичнаго преподаванія гастрономіи, а у инаго вельможи на поварнѣ работало съ самаго разсвѣта до 25-ти человѣкъ поваровъ, подъ начальствомъ главнаго кухмистера (promuscondus v. archimagirus), который хлопоталъ изо всѣхъ силъ объ угожденіи прихотливому вкусу господина и его немногихъ собесѣдниковъ.

«Въ числѣ обжоръ было, какъ мы сказали, немало людей весьма почтенныхъ не только въ собственныхъ глазахъ, но и по приговору всѣхъ современниковъ, утвержденному потомствомъ. Преимущественно славились всегдашнимъ расположеніемъ хорошо поѣсть — *авгуры*

и *жрецы*; они были большіе знатоки въ винахъ и яствахъ, а ихъ роскошные пиры вошли въ пословицу.

«Съ другой стороны, хотя впрочемъ весьма рѣдко, выдавались мужи, столько же строгіе къ себѣ, какъ и къ тѣмъ, кто жилъ для того лишь, чтобы ѣсть. Такъ, Катонъ сказалъ одному изъ искателей его дружбы: «я не въ состояніи жить и дружески бесѣдовать съ человѣкомъ, у котораго нёбо и языкъ чувствительнѣе сердца». Въ другой разъ, онъ же говорилъ про Римлянина, растолстѣвшаго отъ неумѣренной ѣды: «можетъ ли быть полезно для государства существо, которое отъ подбородка до ногъ — не болѣе, какъ брюхо?» Юлій Цезарь былъ такого же мнѣнія, когда отвѣчалъ на разныя предостереженія друзей своихъ, Антонія и Долабеллы: «я не боюсь толстыхъ и тщательно причесанныхъ, страшны лишь худые и блѣдные.» Послѣднее относилось къ Кассію, который пилъ только воду. Сказываютъ также, что Гракхи отличались трезвостью и умѣренностью во всемъ, — кромѣ честолюбія.

«Зато этимъ немногимъ лицамъ, извѣстнымъ наперечетъ, противополагается огромное большинство, въ главѣ котораго стоитъ *Лукуллъ*. Его слава, какъ роскошнаго вельможи и ѣдока, далеко превосходитъ его доблестныя дѣянія въ пользу отечества. Сластолюбіе до такой степени ослабило въ немъ всякую власть надъ самимъ собою, что - побѣдитель Амилькара и Митридата *принужденъ былъ отдать себя подъ надзоръ особому рабу, съ тѣмъ, чтобы тотъ не позволялъ ему объѣдаться за столомъ*. Кто не знаетъ анекдота объ угощеніи имъ запросто Цицерона, угощенія въ залѣ Аполлова, которое обошлось *только* въ 200,000 сестер (11,619 р. 98 к. сер.)! Эта безумная расточительность казалась ему дѣломъ весьма обыкновеннымъ, такъ-что, когда нѣкоторые вновь пріѣзжіе знатные Греки, отобѣдавъ однажды у него, отказались отъ вторичнаго приглашенія, думая, что хозяинъ для нихъ разоряется, — гастрономъ сказалъ: конечно и для васъ издержана часть суммы, употребленной на обѣдъ, но самая большая ея часть пошла на самого Лукулла».

«Не думайте впрочемъ, что этотъ человѣкъ не имѣлъ соревнователей и даже соперниковъ на поприщѣ затруднительнаго обжорства. Въ царствованіе Тиверія, нѣкто Октавій заплатилъ за одну *барвену* 5000 сестерц. (216 р. 90 к. сер.); другіе и его превзошли, платя за такую же рыбу отъ 6 до 10 тысячъ сестерцій (отъ 332 р. 28 к. сер. до 553 р. 80 к. сер.)! Апицій, также современникъ Тиверія, переселился на жительство въ Минтурнъ затѣмъ только, что тамъ ловились самые лучшіе морскіе раки. Вскорѣ однакожъ случилось ему какъ-то провѣдать, что на африканскомъ берегу эти раки и лучше и больше: въ тотъ же день садится онъ на корабль и отправляется въ Африку. Молва о

его прибытіи быстро распространилась; отвсюду являются къ нему рыбаки съ наполненными раками. Разсмотрѣвъ внимательно принесенное, онъ спросилъ съ досадою: «есть съ вами раки лучше этихъ?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, не медля ни минуты приказалъ своему капитану сняться съ якоря, чтобы плыть обратно въ Италію.

«Титъ Ливій говоритъ (XXXIX. 6), что около 365 года по осн. Рима, т. е. вскорѣ послѣ побѣды К. Манлія надъ Галлами, произошла рѣшительная перемѣна въ римскихъ нравахъ къ худшему. Въ самыя обыкновенныя занятія и условія домашней жизни проникло стремленіе къ блеску и пышности; богатые стали обѣдать не иначе, какъ подъ звуки музыки, часто среди непристойныхъ плясокъ и представленій фигляровъ. Это обратило на себя вниманіе правительства и подало поводъ къ изданію закона (lex Orchia), которымъ приблизительно ограничивалось число званныхъ собесѣдниковъ, у кого бы то ни было. Черезъ 22 года потомъ, съ покореніемъ Македоніи, прихлынулъ новый приливъ денегъ и всякаго рода сокровищъ въ Римъ, и это неминуемо отразилось послѣдствіями въ частной и общественной жизни завоевателей. Не мудрено, что законъ *орхіевъ* оказался уже недостаточнымъ и замѣненъ другимъ, болѣе опредѣлительнымъ (lex Faunia), который уже прямѣе обозначалъ кругъ позволительности вести себя такъ а не иначе, въ отношеніи къ образу домашней жизни; имъ предоставлялось: во 1-хъ, издерживать за обѣдомъ римскому гражданину не болѣе 100 ассовъ (около 1 р. 45 коп. сер.) на персону, не включая сюда впрочемъ хлѣба, вина и фруктовъ; во 2-хъ, воспрещалось иностранное вино, откормленыя куры и всякая домашняя птица, равно какъ излишество въ серебряной столовой посудѣ; въ 3-хъ, не позволялось имѣть у себя за столомъ болѣе 5-ти человѣкъ гостей за разъ, да и тѣхъ можно было пригласить только трижды въ мѣсяцъ.

«Не взлюбившіе этихъ строгостей пустились на увертки; такъ напримѣръ, подавали за столомъ откормленныхъ не куръ, а цыплятъ и т. д. Видно даже и самый законъ потерялъ свой вѣсъ, потому что, спустя 19 лѣтъ послѣ изданія его, провозглашенъ другой, новый, извѣстный подъ именемъ *дидіева*. Онъ прибавлялъ между прочимъ къ прежнимъ статьямъ угрозу — подвергать равной отвѣтственности и хозяина и его гостей всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ нихъ окажется ослушникомъ положеннаго. — Не прошло однакожъ 20 лѣтъ, какъ народный трибунъ *Дуроній* отмѣнилъ всѣ постановленія о роскоши, увѣряя, что Римляне лишены республиканской свободы, если у нихъ отнять право растроивать свое здоровье и убивать себя развратомъ по собственному усмотрѣнію.

«Вскорѣ *Лициній Крассъ*, безнравственный потворщикъ своихъ страстей и первый сластолюбецъ тогдашняго времени, *настоялъ, чтобы сенатъ возстановилъ уничтоженное Дуроніемъ!*

«Помпея, связанная всѣми условіями своей жизни съ судьбою современнаго ей Рима, служитъ живымъ подтвержденіемъ, безъ котораго свидѣтельства писателей кажутся иногда преувеличенными, а мнѣніе, извлеченное изъ нихъ – клеветою на минувшее, изъ пристрастія къ нынѣшнему міру.

«Прямо противъ дома Пансы возвышается другое строеніе, достойное изученія какъ по внутренней цѣнности находокъ, такъ и по великолѣпнымъ признакамъ утонченной образованности обитавшаго въ немъ сластолюбца. Оно называется *жилищемъ поэта*, по одной картинѣ, о которой сказано будетъ ниже.

«Въ архитектурномъ отношеніи «домъ поэта» не представляетъ никакихъ особенностей, только отличается вообще благородною простотою, умѣренностью въ украшеніяхъ и преобладаніемъ темныхъ красокъ надъ яркими въ стѣнной живописи.

«Въ большей части комнатъ стѣны украшены ратными подвигами гомеровыхъ героевъ. – Вотъ лучшія изъ картинъ: 1) *Хризеида*, стыдливая и прекрасная, въ присутствіи Агамемнона и Улисса собирается въ путь на кораблѣ, уже готовомъ къ отплытію. 2) *Ахиллесъ* прощается съ *Бризеидою*. Поза Пелеева сына, выраженіе Бризеиды, робко приподнявшей покрывало съ лица, безмолвное, притворное равнодушіе Феникса, уныніе окружающихъ, живая предпріимчивость въ чертахъ Патрокла, наконецъ въ глубинѣ картины группа Мирмидонянъ, – все это задумано и выполнено художественно, безукоризненно прекрасно. 4) *Ѳетида* въ сопровожденіи Ириды, вооруженная неотразимою прелестью черныхъ очей, предстаетъ передъ Юпитера, съ просьбою о мести за оскорбленнаго сына. 4) *Нагая Венера* съ золотыми запястьями и кольцами на рукахъ и ногахъ; къ ней прижался голубь, держащій въ клювѣ колосъ.

«*Спальни* разрисованы по стѣнамъ и фризу битвами амазонокъ, нагими нереидами и вакханками.

«Въ одномъ изъ *кабинетовъ* картина, впрочемъ довольно посредственная, изображаетъ *поэта;* онъ сидитъ на скамейкѣ, съ свиткомъ папируса въ рукахъ, и декламируетъ стихи въ присутствіи двухъ повидимому важныхъ лицъ. Думаютъ, что поэтъ есть Теренцій или Плавтъ, или одинъ изъ греческихъ стихотворцевъ, которыхъ такъ много переселено въ Римъ послѣ гибели «послѣдняго изъ Грековъ». По картинѣ этой наименованъ и самый домъ.

«*Общественныя бани, или термы*. Мы, Русскіе, одни между всѣми европейцами знакомые съ наслажденіями и цѣлительными дѣйствіями

бани, конечно не станемъ удивляться, что древніе Римляне не только держались обычая ежедневно мыться посреди горячихъ паровъ, но даже, какъ увѣряютъ Сенека и Светоній, долго не знали кромѣ бани другаго лекарства отъ недуговъ. Наши простолюдины того же мнѣнія о ней, и ихъ богатырское здоровье служитъ яснымъ доказательствомъ, что она, какъ гигіеническое и цѣлебное средство, въ весьма многихъ случаяхъ, едва ли не дѣйствительнѣе заморскихъ снадобьевъ ученой медицины.

«Однакожъ, къ несчастію великаго народа, ему суждено было доводить до вредной крайности собственныя изобрѣтенія и употреблять во зло перенятое у другихъ. Бани, придуманныя сначала съ самою хорошею цѣлью, сдѣлались впослѣдствіи пріютомъ нѣги, ослабляющей душу и тѣло, убѣжищемъ распутства, которое такъ часто ходитъ объ руку съ излишнею изнѣженностію. Тогда появились въ Римѣ огромныя термы, вмѣщавшія въ себѣ за разъ десятки тысячъ народа, съ библіотеками, трактирами, игорными домами, магазинами, гдѣ продавались произведенія всѣхъ климатовъ и странъ. Словомъ, это были цѣлыя провинціи, по выраженію писателя IV вѣка Амміена Марцеллина: «Lavacra in modum provinciarum extructa».

«Архитектура, живопись и ваяніе, предпріимчивая изобрѣтательность спекулантовъ, грандіозная щедрость императоровъ и мотовство патриціевъ, — наперерывъ обогащали этого рода зданія. Удивительно ли, что въ баняхъ отысканы въ новѣйшее время первоклассныя произведенія древняго рѣзца, перлы древняго искусства?

«Не великолѣпіе однакожъ и не богатая изысканность бросаются въ глаза при обозрѣніи публичныхъ бань въ Помпеѣ, а пріятная простота орнаментовъ и благоразумная сообразность съ ихъ прямымъ назначеніемъ.

«Онѣ раздѣлены на двѣ разныя половины, *можетъ быть* на мужскую и женскую.

«*Первая комната* отъ улицы, *родъ прихожей*, была мѣстопребываніемъ банщика-сторожа (balneator), которому, заплативъ при входѣ кодрантъ, т. е. не болѣе нашей копѣйки, посѣтители переходили въ *предбанникъ* (spoliatorium), гдѣ раздѣвались. На стѣнѣ тутъ не изгладилась еще признаки бывшихъ вѣшалокъ для платья, и видны мѣста для шкаповъ; на полу найдены: мечъ съ костяною рукояткою и кружка, куда собирали деньги, взятыя отъ входившихъ въ заведеніе. За передбанникомъ слѣдуетъ овальная зала, называемая *холодильнею* (frigidarium). Посреди ея вдѣлана въ каменный полъ круглая мраморная *ванна* (piscina) съ ступеньками внутри, служившими и сидѣніемъ, и мѣстѣ сходомъ въ большую или меньшую глубину, смотря по желанію каждаго. Стуковые барельефы опоясываютъ эту комнату и всѣ

другія въ направленіи фриза, а въ четырехъ ея концахъ устроены большія *ниши* (scholae), гдѣ утомленные мытьемъ садились на нѣсколько времени для отдыха. Здѣсь-то художники подмѣчали прекрасныя формы, для возсозданія ихъ въ Венерѣ Книдской, въ Каллипигіи и Анадіоменѣ.

«Изъ холодной бани переходятъ въ двѣ смежныя комнаты, называвшіяся — одна *тепидаріемъ*, или среднимъ покоемъ (tepidarium v. cella media), другая, сильно нагрѣваемая — *потовою банею* (sudatorium). Въ послѣдней, также какъ въ холодной, находится длинная *ванна* (baptisterium).

«Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея — *ниша* (laconicum) *съ резервуаромъ кипятку*, который, при поворотѣ крана, врывался облакомъ паровъ. На фризѣ вылѣплены стуковые барельефы, попеременно съ впадинами для помѣщенія ламиъ и сосудовъ съ притираніями и духами. Сводъ отдѣланъ подъ кессоны съ синими и красными барельефами внутри, вмѣсто розетъ. Кромѣ того въ немъ находятся два окна съ стеклами, теперь не существующими. Въ другой части того же зданія отыскалось выпуклое стекло; вѣроятно оно заслоняло лампы отъ вѣтра, т. е. отъ колебаній воздуха, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ бываетъ много народа. Полъ (suspensura) *калидарія*, или самой жаркой комнаты, держится на толстыхъ пиперновыхъ подпорахъ, между коими въ промежуткахъ проходилъ огонь изъ сосѣдней *печи* (hypocaustum); до сихъ поръ еще замѣтна въ немъ копоть на камнѣ.

«Другая половина помпейскихъ бань, внутреннимъ распредѣленіемъ частей, сходствуетъ въ общихъ чертахъ съ описанною уже нами, отличаясь отъ нея большею простотою во всемъ, начиная съ штукатурки до пропорцій свода.

«Съ утра до поздней ночи не переводились посѣтители въ общественныхъ римскихъ термахъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ неистощимыя средства къ удовлетворенію и прихотей и существенныхъ потребностей: тамъ находилось все, чего ищутъ въ наше время на шумныхъ званныхъ обѣдахъ, въ клубахъ, въ публичныхъ библіотекахъ, игорныхъ домахъ и другихъ заведеніяхъ, упоминаемыхъ не во всякой рѣчи. — Дѣло въ томъ, что для Римлянъ пріемъ гостей у себя въ домѣ неразлученъ былъ съ разными затрудненіями; одна уже тѣснота ихъ комнатъ не благопріятствовала собраніямъ, не говоря о тягостномъ, при тогдашнихъ нравахъ, стѣсненіи отъ присутствія за столомъ дѣтей, жены, пожилыхъ родственниковъ и проч.; а открыть свободный истокъ веселой бесѣды не позволялось, по крайней мѣрѣ не позволялось передъ свидѣтелями. Всмотритесь въ древняго Римлянина; какими чертами природа и воспитаніе обрисовали его личность? Онъ считаетъ непристойнымъ для себя зани-

иматься музыкою, – пѣнье и танцы предоставляетъ женскому полу и актерамъ. Его всегдашняя одежда – широкая тога, длинная туника, покойный военный плащъ. Въ чемъ состоитъ его идеалъ мудрости? – Быть стоикомъ, возвыситься до безстрастія.... Наконецъ, благодаря такимъ понятіямъ, онъ привыкалъ къ педантизму и важности въ пріемахъ, усвоивалъ лицу своему спокойствіе, сообщалъ законодательскій тонъ своимъ разговорамъ. Но какихъ усилій стоила эта побѣда систематизма надъ пылкою италіянскою кровью, поминутно волнуемою воображеніемъ, которое не обуздывалось, а подстрекалось матеріяльною религіею, разгоралось отъ ея сладострастныхъ символовъ!

«Стеченіе народа естественно бывало самое большое при ночномъ освѣщеніи, съ окончаніемъ дневныхъ занятій. Поэтому-то въ небольшихъ помпейскихъ баняхъ, при откапываніи ихъ, въ 1824 году, нашли 1348 лампъ разныхъ формъ и величинъ.

«Кромѣ того здѣсь открыты: женскій остовъ съ запястьями на рукахъ, большая бронзовая жаровня, два сѣдалища въ родѣ нашихъ кушетокъ, хирургическія ножницы, толстые стеклянные осколки, одни плоскіе, другіе выдутые, какъ на кенкетную трубку, дюжины двѣ бутылокъ, и наконецъ съ фунтъ смолы, вѣроятно для смоленія факеловъ.

«Противъ термъ было *два трактира* съ винною лавкою (oenopolium). Здѣсь же выкопали въ грудѣ наноса скелетъ мужчины, спрятавшагося подъ лѣстницу, съ мѣшкомъ, набитымъ серебряными и бронзовыми деньгами, браслетами, ожерельями и серьгами. Въ разныхъ углахъ лавокъ, которыми окружены термы, отыскано: нѣсколько колечекъ золотой цѣпочки, ожерелье съ фермуаромъ, бронзовыя деньги, гвозди, ножъ, ложка, тарелки, скляночки и проч.

«*Бань* въ Помпеѣ всего-на-все оказалось до сихъ поръ *четыре*.

«Двѣ большія улицы, – изъ коихъ одна идетъ на востокъ отъ прежняго взморья къ изидиной заставѣ, другая отъ сѣверной городской стѣны къ форуму, – пересѣкаются взаимно подъ прямымъ угломъ. На этомъ перекресткѣ четыре противоположные угла составляютъ: *термы*, *храмъ Фортуны*, *домъ корабля* (Casa del naviglio) и *сукновальня*. Отсюда на западъ идетъ небольшая *улица термъ* (Strada de'bagni pubblici, m.), на востокъ длинная *улица Фортуны* (Strada della Fortuna, d.), на югъ *улица форума* (Strada di foro civile), и на сѣверъ *меркуріева* (Strada di Mercurio, c.).»

Мы пропустимъ сукновальню и красильню, хотя и здѣсь есть довольно предметовъ интересныхъ для антикварія и художника, и обратимъ особенное вниманіе на харчевню.

«*Харчевня* (Bothega № 997). Въ харчевнѣ устроенъ залавокъ, одѣтый прекрасными разноцвѣтными мраморами и порфиромъ; въ немъ вдѣлано наглухо три свинцовыхъ сосуда для храненія горячихъ напитковъ; назади за нимъ утвержденъ столбикъ съ уступами для размѣщенія закусокъ и кушаньевъ, приготовляемыхъ въ печи, находящейся тутъ же, направо отъ входа. Смежныя двѣ комнаты назначены были для посѣтителей, любившихъ бесѣдовать за бутылкою въ уютномъ уголкѣ; это видно по стѣннымъ картинамъ, которыя въ Помпеѣ постоянно принаровлены къ мѣсту, гдѣ ихъ открываютъ. Одна изъ нихъ представляетъ закусывающихъ въ харчевнѣ; при этомъ замѣчательно, что собесѣдники сидятъ, а не лежатъ за столомъ: это потому, что они простолюдины или ремесленники, а лежаніе, какъ излишняя роскошь, предоставлено было только лицамъ богатымъ и знатнымъ.

Тутъ достойно замѣчанія то, что харчевня составляла часть зданія, котораго владѣлецъ былъ повидимому человѣкъ не только богатый, но и любитель историко-героической живописи. На весьма хорошихъ картинахъ, покрывающихъ здѣсь стѣны, изображены: *Улиссъ* передъ *Пенелопою*, погруженною въ воспоминанія; *Парисъ* съ *Еленою*; *Гекторъ* съ *Андромахою;* группа: *Пріамъ*, *Гекторъ* и младшій его братъ въ присутствіи вдохновенной *Кассандры* и т. д.»

Предѣлы нашей статьи рѣшительно не даютъ возможности прослѣдить за всѣми интересными открытіями, которыя одно за другимъ показываетъ ученый авторъ своимъ читателямъ. Все это надобно читать въ самой книгѣ. Мы думаемъ, что довольно показали глубокую занимательность книги г. Классовскаго и мастерство, съ которымъ авторъ умѣлъ заинтересовать *русскихъ читателей* своимъ предметомъ. Это мастерство считаемъ мы однимъ изъ главныхъ достоинствъ его труда. А между тѣмъ именно за это нѣкоторые подвергли его трудъ осужденію: его поясненія и отступленія названы иныя поверхностными, иныя *неновыми* и *лишними*. Нѣтъ сомнѣнія, г. Классовскій могъ бы сдѣлать свою книгу и ученѣе и глубокомысленнѣе; но онъ очевидно хлопоталъ не изъ того, чтобъ нашумѣть между своими учеными собратами, озадачивъ ихъ новымъ взглядомъ и остроумными гипотезами. Цѣль его была скромнѣе и, по нашему мнѣнію, полезнѣе. Онъ зналъ, что въ какія ученыя, тонкія и блестящія соображенія ни вдавайтесь, знатная часть читателей останется равнодушною зрительницею вашихъ усилій и съ неудовольствіемъ броситъ книгу. Потому-то онъ и предпочелъ дать въ своей книгѣ больше простора тому, что̀ можетъ быть и дѣйствительно *не ново для ученаго*, но ново и интересно для массы читателей. Лишняго же мы рѣшительно ничего не нашли въ книгѣ г. Классовскаго: онъ умѣлъ

придать своему разсказу столько занимательности, что будь онъ вдвое длиннѣе, и тогда едва ли бы кто пожаловался на скуку. Осуждають автора, что онъ придалъ названіе *систематическаго* труду о такомъ предметѣ, который по самой сущности своей не можетъ быть приведенъ къ системѣ. Намъ кажется, что это слово употреблено въ заглавіи *только для* опредѣленія извѣстнаго порядка, котораго придерживался авторъ, при описаніи улицъ и домовъ, и который, по самому положенію развалинъ, представляется естественнымъ и удобнѣйшимъ.

Планъ Помпеи и гравюры, приложенныя къ книгѣ, превосходны. Эти приложенія, съ помощью яснаго и послѣдовательнаго описанія, даютъ читателю полную возможность составить себѣ отчетливое понятіе о знаменитыхъ развалинахъ. Что касается до русскихъ путешественниковъ и путешественницъ, которые будутъ имѣть случай сами осмотрѣть Помпею, то они не разъ поблагодарятъ г. Классовскаго, если запасутся его книгою. Мы это имъ совѣтуемъ сдѣлать непремѣнно.

Изданіе книги г. Классовскаго соотвѣтствуетъ ея внутреннему достоинству. Съ какой стороны ни посмотри — книга изящна.

Актриса и писатель. *Романъ Поль-де-Кока. Переводъ съ французскаго. Спб. 1848.*

Многіе обвиняютъ Поль-де-Кока въ безнравственности. Намъ по-крайней-мѣрѣ не разъ случалось слышать это. Справедливо ли такое обвиненіе? По нашему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ легкихъ, милыхъ и добродушныхъ, даже болѣе чѣмъ добродушныхъ — одинъ изъ самыхъ невинныхъ французскихъ писателей.... У него нѣтъ никакихъ глубокихъ мыслей, у него нѣтъ ни малѣйшихъ претензій на высшія точки зрѣнія. Онъ принимаетъ жизнь такъ какъ она есть, онъ не хлопочетъ объ общественныхъ преобразованіяхъ и передѣлкахъ, подобно другимъ современнымъ французскимъ писателямъ. Онъ такъ наивно счастливъ въ своемъ маленькомъ мірѣ — въ мірѣ гризетокъ и безпечныхъ гулякъ *(bons vivants)*! У Поль-де-Кока талантъ небольшой, неглубокой, но талантъ замѣчательный; въ немъ очень мало блеску, зато очень много наблюдательности, которая часто обращена на мелочи и еще чаще впадаетъ въ цинизмъ. Но отъ добродушнаго цинизма до безнравственности, въ которой обвиняютъ Поль-де-Кока, еще очень далеко. Мы скажемъ еще болѣе, наперекоръ несправедливымъ обвинителямъ этого писателя – и многія сочиненія его могутъ служить блистательнымъ подтвержденіемъ нашей мысли – Поль-де-Кокъ моралистъ.... Каждый романъ его, каждая повѣсть оканчиваются какимъ-нибудь легкимъ, практическимъ нравоученіемъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, эта миленькая и маленькая повѣсть «Актриса и Писатель» (138 стр. разгонистой печати in-16), которую русскій переводчикъ назвалъ для бóльшаго эффекта романомъ.... и изъ этой маленькой повѣсти можно сдѣлать очень полезный и нравоучительный выводъ. Не угодно ли выслушать ея содержаніе?...

Школьный учитель Теофиль – старичокъ очень бѣдный, простой и добросердечный, получающій за уроки неболѣе 20 су, носящій порыжѣлый парикъ и изтертую шляпу, имѣетъ очень похвальную и невинную привязанность къ цвѣтамъ.... Онъ заходитъ однажды въ

цвѣточную лавку, чтобы купить небольшой горшокъ съ фіялками. Торговка проситъ за этотъ горшокъ 6 су, онъ предлагаетъ ей 2.... Начинается торгъ, но въ эту минуту раздается сзади школьнаго учителя чей-то серебряный, проникающій душу голосъ: «Если вамъ неугодно купить этотъ цвѣтокъ, то я беру его»... Онъ обертывается... Передъ нимъ дѣвушка съ чудесными черными глазками, съ вздернутымъ носикомъ, съ розовыми губками, за которыми разумѣется скрывается рядъ жемчужныхъ зубовъ, въ скромномъ ситцевомъ платьицѣ и въ передничкѣ — настоящая гризетка, настоящая героиня Поль-де-Кока.... При видѣ этой дѣвушки добродушный старикъ невольно растаялъ и отпустилъ ей комплиментъ, на который она пріятно улыбнулась.... Кончилось тѣмъ, что онъ уступилъ дѣвушкѣ горшокъ съ фіялками и отнесъ самъ къ ней эти цвѣты на квартиру. Дѣвушку звали Женни Дегрильонъ; она жила, какъ живутъ всѣ скромныя гризетки, въ шестомъ этажѣ.... Дѣвушки, живущія въ Парижѣ въ шестомъ этажѣ, отличаются всѣ необыкновеннымъ простодушіемъ, — и Женни угостила чѣмъ могла добраго старика и въ добавокъ разсказала ему свою исторію. У нея нѣтъ родителей, они умерли и умирая поручили ее своему домашнему другу, лавочнику, г. Бенуа. У г. Бенуа сынъ Фанфанъ, молодой человѣкъ съ очень слабымъ умомъ, но очень горячимъ сердцемъ. Онъ страстно влюбленъ въ Женни, и хочетъ жениться на ней, но Женни, эта милая, наивная Женни и не помышляетъ о Фанфанѣ.... Ей хочется сдѣлаться актрисой, внимать рукоплесканію толпы, блестѣть въ дорогихъ костюмахъ.... а послѣ представленія.... послѣ представленія знаете ли чего бы хотѣлось ей?... Ей хотѣлось бы видѣть у ногъ своихъ поклонника, который бы готовъ былъ пожертвовать за нее жизнію, ей хотѣлось бы внимать страстнымъ рѣчамъ его, любоваться имъ долго, долго... Бѣдная Женни! Съ тѣхъ поръ, какъ въ нее закрались эти соблазнительныя мечты, спокойствіе оставило ее, и фіялки, которыя она такъ любила прежде, за которыми ухаживала съ такою нѣжностію, эти фіялки кажутся ей теперь такими жалкими, такими бѣдными.... Ихъ можно пріобрѣсть за 4 су!... Надобно замѣтить, что Теофиль — этотъ добродушный старикъ, получающій 20 су за урокъ, имѣетъ пагубную слабость: онъ сочиняетъ водевили и комедіи, онъ принадлежитъ къ творцамъ непонятымъ, непризнаннымъ; его комедій и водевилей не берутъ ни на одинъ театръ.... Старикъ обрадовался, что нашелъ въ Женни страсть къ драматическому искусству, и онъ еще болѣе развиваетъ въ ней эту страсть, учитъ ее декламировать и прочее.... Между тѣмъ старикъ занемогъ и нѣсколько времени не ходилъ къ Женни; впрочемъ первый выходъ его по выздоровленіи былъ къ ней.... Онъ забрался въ шестой этажъ, въ

улицу Лагарпъ, и постучался у знакомой ему двери. Дверь отворилась, но его встрѣтилъ какой-то незнакомый человѣкъ съ суровымъ вопросомъ: - «Кого вамъ надобно?» — Мнѣ надобно видѣть г-жу Женни.... дѣвицу Дегрильонъ, отвѣчалъ нѣсколько смѣшавшійся старикъ. — «Она давно съѣхала отсюда.» — Куда же дѣвалась эта милая Женни?... спрашиваетъ онъ самъ себя. - Неужели появленіе ея я долженъ считать только прекрасной мечтой моей жизни, сномъ, упоительнымъ видѣніемъ? неужели я долженъ перестать думать о ней?... Старикъ вздохнулъ и принялся писать элегію на этотъ случай.

Такъ прошло пять мѣсяцовъ. Старикъ былъ постояненъ въ своихъ вкусахъ; фіалка все по прежнему была его любимымъ цвѣткомъ, отчасти можетъ быть потому, что этотъ цвѣтокъ согласовался съ его средствами. Разъ, какъ-то онъ проходилъ мимо цвѣточнаго рынка и остановился, залюбовавшись цвѣтами и вдыхая въ себя ихъ ароматъ.... Онъ сталъ искать, нѣтъ ли гдѣ-нибудь среди этихъ роскошныхъ розъ, камелій и померанцовыхъ деревьевъ скромнаго горшечка фіалки.... Но вотъ онъ не вѣритъ ушамъ своимъ: его поразилъ знакомый голосъ.... Онъ оглянулся ... Да, это она, она.... но это уже не прежняя Женни: на ней прекрасная шляпка, она одѣта съ большимъ вкусомъ и кокетствомъ.... Она уже не смотритъ на фіалки.... Она покупаетъ горшокъ великолѣпныхъ махровыхъ розъ....

— Ахъ, это вы? вскрикнула Женни, увидѣвъ добраго старика, который, вытаращивъ глаза отъ изумленія, смотрѣлъ на нее. — Я очень рада.... я думала, что вы ужь умерли.... Но послушайте, пойдемте ко мнѣ, я вамъ разскажу пропасть новостей.... Я живу въ двухъ шагахъ отсюда, по другую сторону бульвара, въ *третьемъ* этажѣ.

Женни объявила, что она уже актриса, что она получаетъ 2500 франковъ жалованья, что она дебютировала съ большимъ успѣхомъ, и прочее, и пригласила старика въ театръ. Въ театрѣ онъ встрѣтился съ Фанфаномъ, съ бывшимъ женихомъ Женни, съ которымъ онъ познакомился у нея. У Фанфана карманы были набиты миндалемъ и изюмомъ, который онъ кушалъ съ большимъ апетитомъ....

— Итакъ, мы увидимъ на сценѣ эту милую дѣвушку? сказалъ старикъ молодому человѣку. — Да что они такъ долго не начинаютъ? Дайте мнѣ горсточку изюму и двѣ или три миндалинки.

— Съ удовольствіемъ; возьмите въ моемъ лѣвомъ карманѣ, безъ церемоніи.

— Вы вѣдь хотѣли жениться на ней? продолжалъ старикъ: — вы любили ее?... А изюмецъ-то вашъ не дуренъ.

— Ахъ, я все-еще люблю ее по прежнему, отвѣчалъ Фанфанъ.

Но вотъ Женни появилась на сценѣ.... Она была очень мила въ костюмѣ, и ее встрѣтили рукоплесканіями; но Женни не имѣла ни

малѣйшаго сценическаго дарованія.... Женни была освистана, къ великому огорченію Фанфана....

— Этому всему виновата старая пьеса, думалъ старикъ: — вотъ если бы она сыграла въ моемъ водевилѣ, тогда бы совсѣмъ другое дѣло! ..

Послѣ этого онъ часто заходилъ къ Женни, но все не заставалъ ее дома.... Старикъ надѣялся, что Женни пришлетъ за нимъ, но Женни не присылала.... Онъ тщетно отыскивалъ на афишахъ ея имя.

— Чтожь, можетъ быть она перемѣнила его, думалъ старикъ.

Но судьба черезъ восемь мѣсяцовъ снова свела его съ Женни — и опять на цвѣточномъ рынкѣ.... Но уже эта Женни совсѣмъ не походила на прежнюю Женни, на ту Женни, которую онъ встрѣтилъ въ первый разъ. Старикъ едва узналъ ее.... Она потеряла свою скромность и свѣжесть, но зато пріобрѣла гордую поступь и блестящій роскошный нарядъ. Она купила нѣсколько горшковъ самыхъ дорогихъ камелій.... Она узнала старика и съ величавою граціей протянула ему руку.

— Кажется, намъ предопредѣлено встрѣчаться на всѣхъ цвѣточныхъ рынкахъ, сказала она ему. – Не хотите ли по прежнему проводить меня домой? Моя коляска въ двухъ шагахъ отсюда....

И черезъ минуту изумленный старикъ очутился въ великолѣпномъ экипажѣ рядомъ съ великолѣпно разодѣтой дамой.

Женни жила въ Шоссе д'Антенъ.... квартира ея была меблирована съ большимъ богатствомъ и вкусомъ.... Ея будуаръ былъ очарователенъ.

— На какомъ же театрѣ, M-lle Женни, вы теперь изволите играть? спросилъ старикъ, ошеломленный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ...

— Во-первыхъ, отвѣчала она: — я уже не M-lle Женни.... я Madame де Сентъ-Эженъ.... во-вторыхъ, я ужь не на театрѣ.... Я живу теперь совершенно независимо. Одинъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему обществу и очень богатый, предложилъ мнѣ свое сердце и богатство. И я приняла его предложеніе....

— А вашъ мужъ господинъ де-Сентъ-Эженъ.... гдѣ же онъ? вы ему меня представите? спросилъ старикъ.

— Г. де-Сентъ-Эженъ, отвѣчала она: — пріѣзжаетъ ко мнѣ всегда въ опредѣленное время, а тогда я никого не принимаю къ себѣ.

Старикъ вздрогнулъ.... Онъ схватилъ свою истертую шляпу, поклонился и сказалъ строгимъ голосомъ:

— Имѣю честь пожелать вамъ добраго дня, г-жа де-Сентъ-Эженъ!

Добродушный старикъ!

Съ тѣхъ поръ онъ уже не видалъ Женни.... Разгульная жизнь разстроила ея здоровье, и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ она умерла.... Старикъ одинъ проводилъ ее до могилы — и на этой свѣжей могилѣ поставилъ горшокъ съ фіялками.

Въ день ея похоронъ Фанфанъ женился, и былъ очень доволенъ собой, потому-что ему была пора жениться....

Ну, что можетъ быть невиннѣе этой миленькой повѣсти? И сколько въ ней простоты и истины, — и какое прекрасное, истинно-полезное нравоученіе могутъ изъ нея вывести гризетки.... Нѣтъ, тысячу разъ неправы тѣ, которые обвиняютъ Поль-де-Кока въ безнравственности!...

Переводъ и изданіе этой повѣсти, какъ и всѣ переводы и изданія на русскомъ языкѣ романовъ Поль-де-Кока, очень плохи. Вотъ, напримѣръ, какъ переводчикъ объясняетъ, что значитъ *дѣлать хвостъ* (*faire la queue*).... «Дѣлать хвостъ *значитъ когда берутъ билеты въ театръ*, итти къ кассѣ *одинъ за однимъ*, между перилами, нарочно для того устроенными.»

Какъ вамъ нравится это объясненіе?

Басни И. А. Крылова, *въ IX книгахъ. Третье полное изданіе. Спб. 1848.*

Басни Крылова сдѣлались народнымъ чтеніемъ въ Россіи. Съ перваго изданія ихъ (въ 1808 году) до послѣдняго, передъ смертію Крылова, ихъ разошлось по Россіи 77,000 экземпляровъ.... И вотъ теперь является уже третье изданіе послѣ его смерти, въ небольшомъ форматѣ, съ краткой біографіей автора. Ни одинъ авторъ на Руси не имѣлъ такого колоссальнаго успѣха, какъ Крыловъ. И немудрено: у Крылова чисто-русскій складъ ума, и потому его стихи вошли въ народныя пословицы и поговорки.... Мы всякой разъ перечитываемъ нѣкоторыя изъ его басенъ съ новымъ удовольствіемъ.... Сколько въ нихъ ума, сколько благороднаго негодованія подъ личиной невозмущаемаго спокойствія и простодушія.

Мы убѣждены, что басни Крылова, которыя въ дѣтствѣ всѣ мы учили наизустъ, весьма полезно иногда перечитыват и въ зрѣломъ возрастѣ....

Шекспиръ. *Съ англійскаго, перев.* Н. Кетчера. *Выпускъ пятнадцатый.* — Коріоланъ. — *Москва. 1848.*

На всѣхъ европейскихъ языкахъ есть полные переводы, а на нѣмецкомъ нѣсколько полныхъ переводовъ Шекспира; до г. Кетчера русская литература имѣла переводы только нѣкоторыхъ его произведеній, впрочемъ переводы превосходные: мы говоримъ о перево-

дахъ гг. Вронченко и Кронеберга. О переводѣ Короля Лира г. Якимова и упоминать не стоитъ, потому-что этотъ переводъ ниже всякой критики. Г. Кетчеръ предпринялъ перевесть всего Шекспира. До сихъ поръ переведено имъ четырнадцать драмъ: *Король Іоаннъ*, *Ричардъ II*, *Генрихъ IV* (двѣ части), *Генрихъ V*, *Генрихъ VI* (двѣ части). *Ричардъ III*, *Генрихъ VIII*, *Макбетъ*, и три комедіи: *Комедія ошибокъ*, *Укрощеніе строптивой* и *Все хорошо, что хорошо кончилось*. Теперь г. Кетчеръ является съ пятнадцатымъ выпускомъ, въ которомъ помѣщена одна изъ замѣчательнѣйшихъ драмъ великаго англійскаго драматурга: *Коріоланъ*. Переводъ Коріолана, какъ и всѣ переводы г. Кетчера, отличается сухою, даже нѣсколько грубоватою строгостію и вѣрностію; это переводы, лишенные поэтичности, но въ высшей степени добросовѣстные, и мы для чести и пользы русской литературы просимъ переводчика продолжать безостановочно его благородный трудъ, уже вполовину совершонный имъ. Вслѣдъ за *Коріоланомъ* г. Кетчеръ обѣщаетъ намъ *Юлія Цезаря* и *Антонія и Клеопатру*.

Bayard ou la fidélité. *Tragédie en cinq actes*, *par le comte* Richard de Rochelines. *Saint-Pétersbourg. 1848.* (*Баярдъ или вѣрность, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. графа* Ричарда де-Рошелина.)

Графъ Ричардъ де-Рошелинъ (такого имени мы доселѣ не встрѣчали во французской литературѣ) начинаетъ свой поэтическій дебютъ въ Санктпетербургѣ классической трагедіей, — это очень оригинально. Въ предисловіи *(avant-propos)* къ своей трагедіи онъ говоритъ (Мы переведемъ буквально это предисловіе.):

«Сказать Баярдъ — значитъ сказать честь.

«Сказать Баярдъ — значитъ сказать вѣрность, возвышенное сердце и прекрасная душа.

«Сказать Баярдъ, однимъ словомъ, значитъ сказать образецъ рыцарей.

«Если бы мнѣ удалось изобразить этотъ высокій характеръ во всей его истинѣ, *чтобы породить новаго Баярда* или по-крайней-мѣрѣ заставить сожалѣть то, что было прекраснаго въ то время, когда боялись Бога, когда уважали и почитали своихъ родителей, когда не существовало это необузданное своеволіе книгопечатанія, которое теперь стремится къ ниспроверженію всѣхъ спасительныхъ государственныхъ принциповъ и самого общества, — я бы исполнилъ еще прекрасный долгъ и, я думаю, *пріобрѣлъ бы славу*, особенно лестную въ настоящую минуту».

Если бы графъ Ричардъ де-Рощелинъ — пѣвецъ рыцарскихъ доблестей, обладалъ талантомъ Расина, онъ и тогда, увы! не произ-

велъ бы большого впечатлѣнія на своихъ соотечественниковъ своей трагедіей.

Въ художественномъ произведеніи одна цѣль, какъ бы она ни была похвальна, ровно ничего не значитъ. Необходимо, чтобы исполненіе соотвѣтствовало цѣли, и вѣроятно графъ не будетъ спорить противъ этого.

Каково же исполненіе его трагедіи?

Это вопросъ нѣсколько затруднительный. Мы, кажется, имѣемъ взглядъ на искусство совершенно несходный со взглядомъ автора *Баярда*, однако мы рѣшаемся, со всею впрочемъ деликатностію, которую онъ отъ насъ вправѣ требовать, — высказать ему въ нѣсколькихъ строкахъ наше мнѣніе о классической трагедіи вообще и о его трагедіи въ особенности.

Мы убѣждены, что время классическихъ трагедій — блестящее время Людовика XIV, прошло невозвратно, что даже великій талантъ г-жи Рашель не могъ воскресить въ настоящее время классической трагедіи во Франціи. Это фактъ, противъ котораго спорить нельзя.

Въ лучшихъ классическихъ французскихъ трагедіяхъ, въ трагедіяхъ Расина напримѣръ, отсутствіе дѣйствія выкупается стихомъ звучнымъ, плавнымъ, въ высшей степени мелодическимъ. Вѣроятно, графъ въ этомъ случаѣ также согласится съ нами.

Итакъ, первое условіе классической трагедіи — стихъ.... Въ Баярдѣ графа де-Рошелина, какъ и во всѣхъ классическихъ трагедіяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго дѣйствія... Но отсутствіе дѣйствія въ Баярдѣ не выкупается и стихомъ, по-крайней-мѣрѣ, такіе стихи мы, русскіе, знакомые съ стихами Расина, никакъ не можемъ назвать гармоническими.

Quel est donc ce rival? mes yeux n'en sauraient voir.
A qui donc Boniver peut-il porter envie?
Quel mortel peut troubler le bonheur de sa vie?
Nul en ces lieux, seigneur, n'est au-dessus de vous.
N'êtes-vous pas ici le commandant suprême?
Le roi met en vous seul l'espoir du diadème.
Il vous comble d'honneurs; au titre d'amiral
Il vient de joindre encore celui de général.
Sur le vaillant Saint Pol, prince du sang de France.
Vous avez obtenu l'illustre préférence.... и проч.

или

Bayard meurt de tes coups. Ah! tigre impitoyable,
Peux-tu lancer jamais un trait plus redoutable?
C'est assez pour la France et c'en est trop pour moi
De penser que mon coeur ait pu brûler pour toi.

Je vais, pour en montrer un répentir sincère,
T'oublier à jamais dans un saint monastère.
Ah! puisse l'Eternel m'accorder le pardon
De t'avoir écouter, d'avoir aimer Bourbon!...

Содержаніе трагедіи мы не беремся разсказывать, потому-что вся трагедія состоитъ изъ длинныхъ монологовъ дѣйствующихъ лицъ, которыя впрочемъ на сценѣ вовсе не дѣйствуютъ, а только разговариваютъ. Любопытствующіе узнать содержаніе трагедіи графа де-Рошелина могутъ обратиться къ самой трагедіи. Мы же въ заключеніе должны сказать графу (да не оскорбится онъ нашею прямотою и откровенностію), что своимъ Баярдомъ онъ едва ли пріобрѣтетъ себѣ славу, особенно лестную въ настоящую минуту, на которую онъ намекаетъ въ своемъ предисловіи.

Собраніе стихотвореній П. Витусова. *Спб. 1848.*

Русская литература (и мы впрочемъ нисколько не сожалѣемъ объ этомъ) перестаетъ объясняться на *языкѣ боговъ*, а русская публика (къ величайшему удовольствію) перестаетъ увлекаться мѣрными и пустозвонными фразами къ *лунѣ*, къ *звѣздамъ*, къ *дѣвамъ*, — и поэтъ, который въ настоящую минуту вздумалъ бы объяснятся съ Дѣвою (хотя бы и неземною) такъ:

Фосфоръ въ бѣшеномъ сліяньи
Взоры чудные твои,
И чистѣйшее дыханье
Вѣетъ *мускусомъ любви*...

такой поэтъ былъ бы рѣшительно всѣми осмѣянъ; но давно ли этотъ нечеловѣческій языкъ приводилъ въ восторгъ!

Всему свое время. Да, мы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отвыкаемъ отъ языка боговъ и приучаемся къ языку человѣческому; мы уже не мечтаемъ о *заоблачныхъ кельяхъ*, не порываемся *dahin*, а начинаемъ заниматься болѣе существенными и болѣе дѣльными, совершенно земными вопросами. Изъ этого однако же не слѣдуетъ, чтобы мы совсѣмъ изгоняли поэзію: сохрани насъ Боже отъ этой мысли! мы только думаемъ, что поэзіи нашего времени уже не прилично витать въ безпредѣльныхъ пространствахъ и заноситься за облака.... Эта поэзія, чтобы мы могли вполнѣ ей сочувствовать, должна оставаться съ нами на землѣ и заговорить языкомъ человѣческимъ, понятнымъ для всѣхъ, а не для однихъ избранныхъ....

Но мы, кажется, вовсе не кстати серьёзно завели рѣчь о поэзіи по поводу книжечки г. Витусова....

Эта книжечка, вѣроятно, не болѣе какъ шутка, изданная подъ вымышленнымъ именемъ; кто же въ самомъ дѣлѣ не шутя станетъ въ наше время издавать стихотворенія, подобныя слѣдующимъ:

Подъ часъ я раннею порой
Люблю, — кой какъ стихи писать;
Подъ часъ съ *печальной головой*
Люблю о *не земномъ* мечтать....

или:

Я здѣсь живу и *нахожуся*
Въ кругу семьи моей родной,
Но можетъ скоро разлучуся
Тогда ужь буду не такой.
Тогда или перемѣнюся,
Или ужь *буду не живой*,
Быть можетъ снова возвращуся
И домъ опять увижу свой.... и проч.

Но къ чему такого рода шутки? Чтó же смѣшного въ этихъ безграмотныхъ стишкахъ?... И въ литературѣ и въ обществѣ шутка допускается только тогда, когда она забавна и остроумна....

А если это вовсе не шутка? А если г. Витусовъ точно существуетъ, если это не псевдонимъ?

Въ такомъ случаѣ, мы предоставляемъ самимъ читателямъ вывести заключеніе, къ какому разряду стихотворцевъ принадлежитъ г. Витусовъ.

Удивительныя приключенія князя Коноплянок Сѣмячко и его сестры. *Сочиненіе* Леона Гозлана. *Переводъ, изд.* Ѳ. Студитскимъ. *Спб. 1848 г.*

Вотъ дѣтская повѣсть, которую мы смѣло можемъ рекомендовать родителямъ. Эта повѣсть написана живо, увлекательно и, чтó всего лучше, безъ примѣси фантастическаго. Авторъ не любитъ фантастическихъ дѣтскихъ повѣстей, и мы совершенно раздѣляемъ его мнѣніе. Вотъ чтó между прочимъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей повѣсти:

«Если можно безопасно предлагать дѣтямъ странныя выдумки, какъ напримѣръ превращеніе бѣлыхъ мышей въ лошадей, или тыквы въ великолѣпный экипажъ, — если здравый, хотя и ограниченный разсудокъ ихъ не легко поддается хитросплетенному обману; то не естественнѣе ли прямо знакомить ихъ съ истиною въ назначенныхъ для нихъ сочиненіяхъ? — А прелесть вымысла? возразятъ намъ. —

Будьте спокойны: *въ истинѣ довольно прелести и поэзіи и нѣтъ надобности ничего прибавлять воображеніемъ*».

Повѣсть о князѣ Конопляномъ Сѣмячкѣ переведена прекрасно, издана съ изящною простотою и стоитъ всего только 30 к. сер. Нельзя не поблагодарить г. Ѳ. Студитскаго за эту книжечку. У насъ очень много является дѣтскихъ книжекъ; но... Боже мой! что̀ это за книжки. Вотъ хоть бы напримѣръ эта:

Альманахъ для дѣтей Астрахани, *собранный изъ статей въ стихахъ и прозѣ разныхъ авторовъ(?), съ 14-ю иллюминованными картинками, портретами Россійскихъ Государей, гербомъ Астрахани и съ карточкою Астраханской губерніи.* Дѣская Карманная Библіотека. Весна. *Спб.* M. DCCC XL VIII.

Уже по одному этому длинному заглавію вы можете получить понятіе о томъ, что̀ это такое. О первой книжкѣ этой такъ называемой Дѣтской Карманной Библіотеки мы уже говорили въ Современникѣ. Эта вторая книжка ничѣмъ не уступаетъ первой, еще, кажется, превосходитъ первую своими недостатками. Она открывается стихотвореніемъ Лермонтова: *Въ минуту жизни трудную...* и проч. и высокопарнымъ стихотвореніемъ г. Хомякова: *Гордись! тебѣ льстецы сказали....* и проч. Спрашивается: съ какою цѣлію перепечатаны здѣсь эти два стихотворенія? Могутъ ли они быть доступны дѣтскимъ понятіямъ?... За тѣмъ слѣдуетъ плохое описаніе Астраханской губерніи, за этимъ описаніемъ полстраницы объ Игорѣ, св. Ольгѣ и Святославѣ, далѣе подъ громкою заголовкою: Естественная исторія — десять строчекъ о Скорпіонѣ.

Вотъ образчики слога и мыслей г. В. С.:

«О какъ-бы я тогда былъ счастливъ! но минувшаго воротить нельзя.... и я утѣшаюсь только воображеніемъ, воспоминая то чудное время, когда душа еще чиста, полна всего прекраснаго и всѣ чувства ребенка *не закопчены* пороками свѣта, къ которымъ, къ несчастію, у насъ отъ мала-до-велика есть какое-то безотчетное влеченье».

Г. В. С. увѣряетъ въ заключеніе своей повѣсти, что когда дѣти, читавшія ее, достигнутъ его лѣтъ, то они (будто бы) скажутъ ему теплое *спасибо* за его совѣстью подсказанные совѣты; а это утѣшитъ автора, по его увѣренію, и за *предѣлами видимаго міра!*

Эта такъ называемая Дѣтская Карманная Библіотека оканчивается смѣсью, состоящею изъ анекдотовъ и загадокъ. Наружность книжечки совершенно соотвѣтствуетъ ея внутреннему достоинству. Изданіе совершенно лубочное и всѣ 14 иллюминованныхъ картинокъ въ художественномъ отношеніи совершенно сходствуютъ съ извѣстною картинкою: *какъ мыши кота погребаютъ*, и ей подобными. Неизвѣ-

стный издатель этой Дѣтской Библіотеки приложилъ списокъ подписавшихся на нее. Мы истинно сожалѣемъ этихъ господъ.... Что̀ же касается до неизвѣстнаго издателя, то мы ему считаемъ обязанностію высказать откровенно и прямо:

1) Чтобы учить дѣтей, не мѣшаетъ прежде всего тому, кто беретъ на себя роль наставника, знать обстоятельно свой предметъ.

и 2) Тотъ, кто толкуетъ дѣтямъ о нравственности, долженъ прежде всего знать, что спекулировать на дѣтскія книжки есть поступокъ очень не похвальный....

Очерки европейскихъ театровъ изъ писемъ и замѣчаній путешественника. М. К. *Москва. 1848.*

Очерки европейскихъ театровъ намъ уже отчасти знакомы. Бо̀льшую часть статей, помѣщенныхъ здѣсь, мы имѣли уже случай читать въ разныхъ журналахъ. Авторъ собралъ ихъ, прибавилъ нѣкоторыя статейки и издалъ отдѣльной книжкой. «Путешествуя по западу — говоритъ онъ — въ 1845, 1846 и 1847 годахъ, я *между прочимъ* старался ознакомиться съ положеніемъ драматическаго искуства, *нѣкогда столь славнаго въ Греціи.* Меня особенно интересовали различные взгляды на это искуство въ разныхъ странахъ и то значеніе, которое оно имѣетъ въ каждой странѣ, смотря по характеру народа, по степени его образованности и по политическому его состоянію и т. д.» Стало быть мы вправѣ ожидать подробнаго и вѣрнаго отчета о состояніи драматическаго искусства въ Европѣ, о господствующемъ въ немъ направленіи, о публикѣ, посѣщающей театры, объ актрисахъ. Какъ же не требовать этого отъ человѣка, старавшагося ознакомиться съ положеніемъ драматическаго искусства, *нѣкогда столь славнаго въ Греціи.* Къ несчастью однакожь мы должны отнести очерки европейскихъ театровъ къ извѣстному роду путевыхъ замѣтокъ и впечатлѣній, гдѣ путешественники говорятъ несравненно болѣе о себѣ да о сильныхъ ощущеніяхъ своихъ, нежели о предметахъ, которые они берутся описывать. Для нихъ каждый предметъ имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а единственно по сколько имъ заблагоразсудится восторгнуться. Оттого-то мы никогда не встрѣчаемъ въ подобнаго рода очеркахъ и замѣткахъ яснаго и отчетливаго изображенія описываемаго предмета; зато передъ нами то-и-дѣло выскакиваетъ собственная личность автора, до которой намъ, сказать правду, меньше всего дѣла.

Въ очеркахъ помѣщены: нѣсколько словъ о берлинскомъ театрѣ, о театрѣ въ Лейпцигѣ, дрезденскій театръ, о неаполитанскихъ театрахъ, актеръ Модена и его труппа, лондонскіе театры, Парижъ и драматическое искусство во Франціи. Все это до крайности вяло, длинно и все-таки изъ рукъ вонъ поверхностно. Такъ напримѣръ, го-

воря о нѣмецкихъ театрахъ, онъ ни слова не сказалъ о господствующемъ теперь направленіи драматической литературы въ Германіи, гдѣ въ послѣднія десять лѣтъ замѣтна большая перемѣна. Главную сторону нѣмецкой драматической литературы авторъ совершенно упустилъ изъ виду. Онъ ни полслова ни о ней, ни о вліяніи такого направленія на драматическое искусство. А мы, кажется, вправѣ требовать этого отъ путешественника, котораго интересовали различные взгляды на это искусство въ разныхъ странахъ, и то значеніе, которое оно имѣетъ въ каждой странѣ, смотря по характеру народа и по политическому его состоянію, — однимъ словомъ, отъ путешественника, который старался ознакомиться съ положеніемъ драматическаго искусства, *нѣкогда столь славнаго въ Греціи*. Это было бы позанимательнѣе его длиннаго разсужденія о Шиллерѣ (по поводу Коварства и Любви, пьесы, которую онъ видѣлъ на Кёнигштетскомъ театрѣ), разсужденія, гдѣ онъ говоритъ, что Шиллера любитъ и понимаетъ, а передъ Шекспиромъ благоговѣетъ, хотя и не понимаетъ, и гдѣ мы встрѣтили такого рода характеристику дѣйствующихъ лицъ въ Коварствѣ и Любви: «Луиза, это идеалъ любящей дѣвушки, это идеалъ добродѣтели и невинности, достойный всѣхъ великихъ геніевъ міра. Въ Миллерѣ вы видите образъ честнаго гражданина; а этотъ ужасный Вурмъ, котораго Луиза хочетъ просить и не можетъ; она отталкивается отъ него болѣе съ отвращеніемъ нежели съ ужасомъ. Лицо леди Мильфортъ тоже чудесно изображено» и т. д. Нельзя не сознаться, что эти характеристики удивительно какъ напомнили намъ характеристики гомеровскихъ героевъ, приложенныя къ изданію Иліады. Таже краткость и выразительность.

Лучшая статья въ цѣлой книжкѣ — это о неаполитанскихъ театрахъ, особенно о театрѣ Санъ-Карлино. Но и здѣсь, говоря о театрахъ, авторъ не можетъ оставить въ покоѣ ни голубыхъ волнъ моря, ни прекрасныхъ холмовъ, которые онъ часто забывалъ для театра; не можетъ онъ оставить въ покоѣ Греціи и *славнаго тамъ нѣкогда драматическаго искуства*. «Эстетическому народу Греціи нравились всѣ вымыслы сцены и до тѣхъ поръ, пока Греція была Греціей, она свято хранила теплую любовь къ театру, какъ къ совершеннѣйшему изъ всѣхъ зрѣлищъ.»

Нѣтъ ничего несноснѣе этой обыкновенной манеры отдѣлываться общими мѣстами и звучными громкими фразами скрывать недостатокъ значенія. Итакъ, авторъ полагаетъ, что грекъ считалъ всѣ другія зрѣлища менѣе благородными. И однакожь на олимпійскія игры шла вся Греція; Алкивіадъ, этотъ представитель лучшей эпохи Греціи, выслалъ туда на состязаніе семь колесницъ; и лучшія оды Пиндара были написаны въ честь побѣдителей на олимпійскихъ играхъ.

Система Синтаксиса. П Бассистова. *Москва. 1848 г.*

Рядомъ съ подновленными и подкрашенными изданіями ветхихъ учебниковъ, наводящихъ грусть на учащихъ и учащихся, является въ нашей учебной литературѣ по временамъ книга, рѣзко выдающаяся и свѣжестью своею и новизной. Такихъ книгъ правда очень немного; участь ихъ не всегда бываетъ блистательна. потому-что какъ-то свыкаешься съ старою одеждой, съ старыми учебниками: но все же такія книги – явленіе въ высшей степени отрадное.

Въ послѣднее время вышло въ Москвѣ нѣсколько учебниковъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. Стоитъ только припомнить Донатъ г-на Гофмана, переводъ греческой грамматики Кюхера г-номъ Коссовичемъ, хрестоматія г-на Галахова, географія для женскихъ учебныхъ заведеній г-на Головачева и мн. др. Къ такимъ утѣшительнымъ явленіямъ относимъ мы и Систему Синтаксиса г-на Бассистова. Сочиненіе г-на Бассистова — первая попытка примѣнить новѣйшіе результаты языкознанія къ русской грамматикѣ; а потребность въ этомъ давно уже была ощутительна. Во всѣхъ нашихъ грамматикахъ видно одно — отсутствіе всякаго логическаго основанія; до сихъ поръ это одинъ бездушный наборъ формъ безъ всякой системы; и кто изъ насъ не блуждалъ по этому лабиринту видовъ и падежей! Сочиненіе г-на Бассистова — не ученое изысканіе началъ синтаксиса, но результаты всего того, что сдѣлано въ наукѣ языкознанія иностранными филологами «Авторитетъ Беккера — говоритъ онъ въ предисловіи — такъ упроченъ его филологическими трудами и такъ распространенъ повсюду, что я не усомнился принять за основаніе своего изложенія систему этого филолога, представленную имъ въ его «Полной нѣмецкой грамматикѣ».

Разница между грамматиками старыми и системою новой грамматики, предложенной Беккеромъ и построенной на новѣйшихъ результатахъ науки языкознанія, состоитъ въ томъ, что первыя разсматривали только формы языка, вторая хочетъ имѣть дѣло не съ одними формами, но добирается до значенія этихъ формъ. Первая обращаетъ вниманіе на одну внѣшнюю сторону языка, вторая преимущественно на внутреннюю; для нея внѣшняя сторона или формы важны только какъ выраженіе внутренней. Новая грамматика видитъ въ словѣ мысль, воплотившуюся въ извѣстной формѣ. Въ многоразличныхъ формахъ языка, въ его построеніи, во всѣхъ его особенностяхъ видитъ она не случайность, но старается, напротивъ, подмѣтить въ нихъ необходимый логическій законъ — причину всѣхъ многоразличныхъ и разнообразныхъ явленій языка. Этимъ великимъ переворотомъ въ языкознаніи обязаны мы опять-таки нѣмецкой философіи, наложившей мощный свой отпечатокъ на всю современную науку. Припомнимъ, о

чемъ говорила намъ старая грамматика. Она начинала, какъ мы уже замѣтили, прямо съ слова, разсматривала его, слѣдила зà всѣми его внѣшними измѣненіями. До внутренняго значенія этихъ формъ ей и дѣла не было. Она принимаетъ только два понятія бытія — (*nomen*) и дѣятельности (*verbum*). Этими формами выражается — говоритъ она — все, о чемъ можетъ думать человѣкъ. Но и эти два понятія разсматриваетъ старая грамматика только относительно формы. Имя — говоритъ она — все то, чтó склоняется, глаголъ — все, чтó спрягается, Все остальное, чтó не подвержено измѣненіямъ, — частицы (*particulae*). Чтó же изъ этого выходитъ? Она причисляетъ прилагательныя и мѣстоименія, помимо ихъ значенія, къ именамъ. Однимъ словомъ, она постоянно имѣетъ въ виду одну этимологическую сторону языка, т. е. измѣненіе формъ. Синтаксисъ, гдѣ открывается значеніе этихъ формъ, значеніе ихъ измѣненій, игралъ въ ней всегда роль подчиненную, тогда-какъ онъ, напротивъ, и есть начало и конецъ грамматики, онъ только и раскрываетъ намъ пониманіе всѣхъ разнообразныхъ измѣненій формъ языка. Нельзя отрицать совершенно заслугъ старой грамматики. Она принесла намъ огромную пользу разработкой фактической стороны языка; но ея пора прошла, и мы, не отрицая ея заслугъ, идемъ далѣе доискиваться основныхъ причинъ тѣхъ формъ, которыми такъ долго забавлялась старушка.

Задача новой грамматики — понять языкъ, понять настоящее значеніе каждой отдѣльной формы языка. Для нея языкъ — органическое выраженіе мысли, каждая отдѣльная форма — выраженіе одного какого-нибудь изъ многоразличныхъ отношеній между мыслями и понятіями. Вотъ почему новая грамматика обращаетъ прежде всего вниманіе на отношенія между мыслями и понятіями и потомъ уже на соотвѣтствующія имъ выраженія въ формахъ языка. Признавая въ процессѣ мышленія извѣстные непреложные законы, видитъ она извѣстныя необходимыя разъ навсегда данныя отношенія между мыслями и понятіями, и соотвѣтствующія этимъ отношеніямъ формы языка признаетъ необходимыми и неизмѣнными. Только черезъ ясное пониманіе первыхъ доходитъ она до яснаго пониманія послѣднихъ. Однимъ словомъ, исходный пунктъ новой грамматики — мысль, выраженная въ предложеніи. Всѣ отдѣльныя формы языка выводитъ она изъ предложенія и предложеніемъ поясняетъ ихъ. Синтаксисъ занимаетъ въ ней первое мѣсто, потому-что синтаксисъ представляетъ мысль во всѣхъ ея многоразличныхъ формахъ, въ какихъ она выражается въ языкѣ. Но логическія отношенія между мыслями и понятіями одни и тѣже вездѣ во всѣхъ языкахъ; стало быть новая грамматика выставляетъ одну грамматическую систему для всѣхъ языковъ, потому-что организмъ каждаго изъ нихъ подчиненъ однимъ

непреложнымъ законамъ, и эти-то законы выставляетъ новая грамматика.

Все, что мы здѣсь сказали, основано на словахъ Беккера въ его предисловіи къ пространной нѣмецкой грамматикѣ. Мы сдѣлали это нарочно, чтобы познакомить читателей съ системою, которую принимаетъ г-нъ Бассистовъ въ основаніе своего сочиненія, въ которомъ онъ, какъ говоритъ самъ, строго придерживается Беккера. Теперь никому не покажется страннымъ, ежели г. Бассистовъ для изложенія системы русскаго синтаксиса взялъ въ основаніе систему нѣмецкаго синтаксиса Беккера. Чтобы дать русской грамматикѣ форму науки, надо принять за точку отправленія логическія отношенія мыслей и понятій; а законы этихъ отношеній, какъ мы уже замѣтили, вездѣ они и тѣже. Это главная задача каждой грамматики. Уловить особенности и характеристику отдѣльнаго языка, особенности въ его формахъ, условливаемыя извѣстными обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ развивался организмъ каждаго отдѣльнаго языка, составляетъ другую задачу грамматики. Этой послѣдней стороны г-нъ Бассистовъ не коснулся въ своемъ сочиненіи. Его задача — представить логическіе законы синтаксиса, изложить систему его, о которой у насъ до сихъ поръ и помину не было.

Представляемъ нарочно небольшую выписку изъ Системы синтаксиса. Изъ этой выписки лучше всего увидитъ каждый всю безконечную разницу между изъясненіемъ г-на Бассистова и всѣмъ, что было сдѣлано до сихъ поръ въ нашей граматической литературѣ. Вотъ какъ объясняются у него субъектъ, объектъ, дополненіе и отношенія между субъектомъ и дополненіемъ, выражаемыя падежами:

«Стр. 14. § 37. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего независимаго: все находится въ связи, или по-крайней-мѣрѣ въ соприкосновеніи съ чѣмъ нибудь. Точно такъ и все мыслимое соприкасается съ чѣмъ нибудь — болѣе или менѣе тѣснымъ образомъ. Это соприкосновеніе можетъ быть и выражено и не выражено въ предложеніи; но когда оно выражается, то предметы, съ которыми приводится мыслимое въ связь, составляютъ или субъектъ или объектъ мыслимаго.

Субъектомъ называется тотъ предметъ, котораго бытіе, явленіе или сущность мыслится лицемъ мыслящимъ.

Объектомъ называются тѣ предметы, съ которыми бытіе, явленіе или сущность (субъекта) приводится въ соприкосновеніе.

§ 41. *Объектъ* раздѣляется на два вида: обстоятельство и дополненіе. Обстоятельство выражаетъ мѣсто, время, образъ или причину бытія, явленія и сущности; а дополненіе выражаетъ направленіе бытія, явленія и сущности.

§ 42. *Дополненіе* есть объектъ, который придается къ глаголамъ, выражающимъ не въ собственномъ смыслѣ движеніе, въ томъ случаѣ, когда дѣятельность, означаемая этими глаголами, должна быть выражена съ оттѣнкомъ извѣстнаго направленія. Напримѣръ. Я думаю о завтрашнемъ днѣ: здѣсь *о днѣ* есть дополненіе, потому что показываетъ направленіе моей думы (мысли), а глаголъ *думать* означаетъ не въ собственномъ смыслѣ движеніе.

§ 43. Въ дополненіи можетъ быть означенъ или такой предметъ, *къ которому* направлена дѣятельность, или такой, *отъ котораго* она направлена. Стало быть дополненіе отвѣчаетъ на вопросы: куда? и откуда? Напримѣръ. Я учусь *русскому языку*; онъ стыдится *своего незнанія*.

Въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ предметъ можетъ быть представленъ или какъ лицо, или какъ вещь. Предметъ представляется какъ *лицо*, когда ему приписывается способность дѣйствовать, а какъ *вещь* — когда въ немъ отрицается эта способность. Но лицо въ собственномъ смыслѣ (т. е. предметъ одушевленный) можетъ быть представлено какъ вещь и на оборотъ.

§ 44. Разныя отношенія дополненія къ сказуемому выражаются косвенными падежами, иногда съ предлогами.

Дополненіе *вещи*, *къ которой* направлена дѣятельность, выражается, по преимуществу, *винительнымъ падежомъ*. Напримѣръ. Онъ пьетъ *воду*.

Дополненіе *лица*, *къ которому* направлена дѣятельность, выражается, по преимуществу, *дательнымъ падежомъ*. Напримѣръ. Онъ приказалъ *ему* отвѣчать.

Дополненіе *вещи*, *отъ которой* направлена дѣятельность, выражается, по преимуществу, *родительнымъ падежомъ*. Напримѣръ. Онъ стыдится *своей трусости*.

Дополненіе *лица*, отъ котораго направлена дѣятельность, выражается, по преимуществу *творительнымъ* падежомъ. Напримѣръ. Петербургъ построенъ *Петромъ* Великимъ.»

Кажется, велика разница между такимъ объясненіемъ падежей и общепринятымъ, что родительный падежъ ставится на вопросъ чей? чья? чье? дательный — кому? чему? и т. д.

Нельзя однакожь не замѣтить г-ну Бассистову, что нѣкоторые отдѣлы его сочиненія слишкомъ сжаты, нѣкоторые даже не совсѣмъ ясно и удовлетворительно объяснены. Такъ напримѣръ, очень темно и неполно опредѣляетъ онъ *совокупности предикативную* и *аттрибутивную*. Онъ не объясняетъ существеннаго различія между ними, не показываетъ, какъ, несмотря на это различіе, совокупность аттрибутивная вытекаетъ непосредственно изъ предикативной. Г. Бас-

систовъ коснулся этого отдѣла, одного изъ самыхъ важныхъ въ синтаксисѣ, слегка, упомянувъ о немъ вскользъ. Насъ это удивило тѣмъ болѣе, что у Беккера отдѣлъ этотъ изложенъ самымъ полнымъ и отчетливымъ образомъ.

Что̀ касается до формы учебника г-на Бассистова, онъ расположенъ такъ, чтобы могъ служить ученикамъ и памятною книжкой урока, и нитью, съ которою бы имъ легко было слѣдить за преподаваніемъ учителя. Система логическихъ отношеній расположена господиномъ Бассистовымъ такъ, что изъ нея самъ собою открывается переходъ къ формамъ русскаго языка.

Древній и нынѣшній Переславль-Залѣсскій въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. А. Савельевъ-Ростиславичъ. *Спб. 1848.*

Любопытная брошюра, названіе которой мы выписали, есть собраніе историческихъ и сстатистическихъ данныхъ, относящихся къ Переславлю, теперь уѣздному городу Владимірской губерніи. Сколько мы можемъ судить, авторъ взялся за дѣло и выполнилъ его добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ, подобное описаніе всѣхъ русскихъ городовъ было бы чрезвычайно важнымъ и драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Собственно исторія Переславля не показалась намъ интересной: разсказъ о переходѣ городовъ отъ одного князя къ другому, о битвахъ и пожарахъ, въ нихъ происходившихъ, о болѣзняхъ, уничтожавшихъ бо̀льшую часть населенія, и т. д., не могутъ замѣнить внутренняго развитія городовой жизни и городскихъ учрежденій; въ этомъ смыслѣ исторія нашихъ городовъ (исключая столицъ) крайне бѣдна. Гораздо интереснѣе описаніе настоящаго состоянія Переславля. Заимствуемъ нѣкоторые факты изъ книжки г. Савельева-Ростиславича:

Въ Переславлѣ пять учебныхъ заведеній; въ трехъ свѣтскихъ 130 учащихся, а въ двухъ духовныхъ 300; кромѣ того два училища для крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ и Удѣльнаго, и до 78 дѣтей муж. и женск. пола обучаются при церквахъ духовными лицами. Вообще число учащихся простирается до 520 слишкомъ. — Лицъ муж. пола, принадлежащихъ къ городскому сословію, всего 1705 (изъ нихъ 280 не имѣютъ права голоса въ общественныхъ собраніяхъ), въ томъ числѣ 222 купца третьей гильдіи. Всѣхъ же жителей Переславля, съ слободами, считалось въ 1847 году до 6,224 чел. обоего пола. Главные предметы занятій ихъ суть: пряденье, размотка бумаги по фабрикамъ, ткачество и огородничество. Казенные доходы по городу простирались въ 1847 г. до 28 т. руб. сер. Капиталовъ по всѣмъ гильдіямъ объявлено на 209,400 руб. сереб. — Обыва-

тельскихъ домовъ всего 975; изъ нихъ только 9 принадлежатъ дворянамъ и чиновникамъ; изъ прочихъ зданій замѣчательно количество монастырскихъ (73), далеко превышающее сумму всѣхъ казенныхъ и общественныхъ (25); лавокъ 184; фабрикъ 6, на которыхъ выдѣлываются полотна, холстинки, миткали и т. д. (изъ нихъ подробно описана полотняная фабрика купчихи Медвѣдевой, бывшая поссессіонная г. Куманина). Ремесленниковъ считается 288 челов. — Описаніе заключаетъ подробное обозрѣніе храмовъ и монастырей г. Переславля. Брошюра очень полезная, заслуживающая благодарность.

Военно-медицинскій журналъ, *издаваемый медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Часть LI. № I. Мартъ 1848.*

Изданіе этого журнала продолжается двадцать шесть лѣтъ. Въ прошломъ 1847 году онъ принялъ новый видъ: программа его стала обширнѣе, статьи дѣльнѣе, нежели въ прошлыхъ годахъ.

Замѣчательнѣйшая изъ ученыхъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ № журнала, есть статья г-на профессора московскаго университета В. Басова: *о значеніи хирургіи въ кругу врачебныхъ наукъ.* Мы не беремся за разборъ этой статьи — всякой любознательный врачь прочтетъ ее съ удовольствіемъ.

Вторая статья — *о помѣшательствѣ (продолженіе)* г. Малиновскаго. Наблюденія больныхъ, вскрытія труповъ такъ поверхностны и неточны, что ёдва ли изъ этой статьи можно извлечь значительные результаты относительно патологіи помѣшанныхъ.

Далѣе слѣдуетъ довольно любопытная статья г. профессора харьковскаго университета Е. Гордѣенко: *Химическія изслѣдованія жидкостей холерныхъ больныхъ.* Г. Гордѣенко изслѣдовалъ испражненія кишечнаго канала, жолчь, мочу, кровь холерныхъ. Изысканія его даютъ незначительные результаты: они показываютъ, что органическія отдѣленія этихъ больныхъ своими составными частями мало отличаются отъ составныхъ частей отдѣленій нормальныхъ. Одно только важное обстоятельство его изслѣдованій, которое впрочемъ г. профессоръ такъ неполно описалъ, есть открытія мочевины въ испражненіяхъ холерныхъ. Если вѣрить довольно поверхностнымъ опытамъ г. Гордѣенко, то присутствіе мочевины въ испражненіяхъ холерныхъ больныхъ есть фактъ новый и для патологіи очень важный. Жаль, что г. профессоръ не имѣлъ случая подробно изслѣдовать кровь больныхъ во всѣхъ періодахъ холеры. Очень вѣроятно, что въ періодѣ такъ называемомъ *реактивномъ* мочевина должна находиться въ крови.

Не взирая на статьи съ ученымъ достоинствомъ, мы не безъ сожалѣнія должны сказать, что между ними попадается не мало незаслуживающихъ особеннаго вниманія.

Къ таковымъ относится статья г. Шюца: *Хроническое страдание селезенки. Вскрытіе тѣла. Присутствіе чернаго пигмента въ крови (!) и другихъ органахъ. Особенная дискрозія крови.*

Г. Шюцъ, разсуждая о болѣзни селезенки, неизвѣстно съ какою цѣлью, слишкомъ много изложилъ различныхъ мнѣній о различныхъ процессахъ, неотносящихся къ дѣлу.

Наблюденіе больного при жизни описано очень поверхностно; вскрытіе его трупа изложено хотя и обширно, но изъ такаго вскрытія не только можно вывести какое-либо заключеніе о болѣзни, но едва ли возможно узнать, чѣмъ страдалъ больной. Вскрывая грудную полость, г. Шюцъ нашелъ въ легкихъ бугорки. Случай удобный вставить какое-нибудь мнѣніе о происхожденіи бугорковъ: «По изслѣ«дованіямъ г. *Куса (?)*, легочныя бугорки не составляютъ гетеропла«стическихъ веществъ, также и не представляютъ новыхъ накопле«ній извергнутыхъ началъ, но суть простыя преобразованія нормаль«наго органа. Этотъ важный, доселѣ упущенный анатомами органъ, «есть эпителій легочныхъ ячеекъ, покрывающій въ здоровомъ лег«комъ сосудистую оболочку ячеекъ и составляющій аморфическую «студенеобразную массу, въ которой встрѣчаются шарики, которые «можно почитать за основаніе ячеекъ бранхіальнаго эпителія. При «образованіи туберкуловъ, слой этотъ такъ утолщается, что прого«няетъ весь воздухъ; первоначально прозрачная студенеобразная «масса становится скоро не прозрачною и превращается въ тубер«кулъ; въ массѣ этой снова находятъ немного измѣненныя, сверну«тыя и изсохшія эпителіальныя ячейки. На этомъ основаніи, *легоч«ный туберкулъ* можно назвать припухшимъ, изсохшимъ (умер«шимъ) легочнымъ эпителіемъ. (Not. a. d. Geb d. Not und Heilk. № «71 octobri 1847)» (стр. 22).

Съ такимъ мнѣніемъ г-на Куса авторъ статьи вполнѣ согласенъ. Но если мы его спросимъ, какимъ же образомъ такіе же точно бугорки отлагаются не только въ легкія, но и въ мозгъ, не говоримъ уже о другихъ органахъ. Составляютъ ли они въ этихъ случаяхъ результатъ перерожденія оболочки наслизистой (Epithelium)? Такія ошибочныя понятія зависятъ оттого, что многіе гг. думаютъ, что микроскопическія изслѣдованія патологическихъ продуктовъ можно дѣлать всякому, имѣющему глаза, но не основательныя познанія въ гистологіи. Г. Шюцъ изслѣдовалъ ткань селезенки подъ микроскопомъ и нашелъ въ ней много пигментовыхъ ячеекъ и какія-то *«спи-*

рально и дугообразно согнутыя ячейки, встрѣчающіяся въ каждой селезенкѣ» (?).

Объ измѣненіяхъ патологическихъ крови г. Шюцъ говоритъ: «По настоящее время, намъ извѣстны двѣ дискрозіи крови. Во первыхъ тѣ, въ которыхъ нормальная составная часть крови увеличена или уменьшена аномально. Такъ замѣтили всѣ наблюдатели въ бѣлковатости мочи или Брайтовой болѣзни увеличеніе *мочевины* до такой степени, что ее легко открыть при венесекціяхъ» и проч., и проч. Далѣе г. Шюцъ продолжаетъ: «Другой видъ дискрозій есть тотъ, въ которой встрѣчается примѣшанною къ крови совсѣмъ посторонняя составная часть. Сюда можно было бы причислить *содержаніе сахара* въ крови въ изнурительномъ мочеотдѣленіи, *потому что еще не доказано*, ни у какого здороваго животнаго, присутствіе сахара въ этой жидкости.» и т. д. (стр. 26). — Не знаемъ, почему г. Шюцъ полагаетъ, что *мочевина* есть нормальная составная часть крови. Въ крови здороваго человѣка *мочевины* не находили, потому-что это вещество есть продуктъ разложенія органическихъ веществъ, назначенный для изверженія изъ организма черезъ мочеотдѣлительные органы. Мочевина только тогда открывается въ крови, когда строеніе почекъ измѣнено или когда почки совсѣмъ вырѣзаны. Совсѣмъ наоборотъ происходитъ съ сахаромъ. Сахаръ находится въ крови каждаго здороваго животнаго, употреблявшаго въ пищу вещества крахмальныя; а когда мы ихъ не употребляемъ? Крахмалъ при содѣйствіи слюны и сока поджелудочной желѣзы (въ этихъ жидкостяхъ находится діастазъ) измѣняется въ декстринъ, а потомъ въ сахаръ. Сахаръ въ актѣ дыханія сжигается; высвобождается теплота, нужная животному тѣлу. Если же окисленіе сахару не совершается, то онъ выводится изъ организма съ мочею. Во всякомъ случаѣ, вещества водоуглеродныя, къ каковымъ относится и сахаръ, необходимы для нашего организма.

Мы не станемъ входить въ подробности изложенія автора объ измѣненіяхъ крови, не станемъ излагать его понятій о дискрозіяхъ, но считаемъ должнымъ замѣтить, что вся статья г. Шюца проникнута духомъ полнаго убѣжденія въ своихъ глубокихъ познаніяхъ въ патологіи. Ученіе знаменитаго патолога *Рокитанскаго*, котораго наблюденія ежедневно подтверждаются многочисленными фактами, г. Шюцъ не признаетъ.

Выпишемъ возраженіе г. Шюца на ученіе Рокитанскаго о кразахъ (crasis): «Гуморсальная паталогія, разсматривающая кровь не зависимо отъ плотныхъ частей, имѣетъ основаніемъ не сціентефическое начало. Только то, что вмѣстѣ съ органическою смѣсью, имѣетъ также органическую *форму*, можетъ быть органическимъ, — имѣетъ орга-

ническую жизнь. Поэтому кровь, какъ жидкость, не можетъ имѣть безусловной органической жизни, но она есть жидкость неорганическая; только кровяные кружечки имѣютъ органическую жизнь. (III) На этомъ основаніи приготовленная кровь не можетъ *заболѣть*, но только быть *измѣнена* и *нарушена въ своей смѣси* реагенціями и прибавленіями, какъ каждое неорганическое вещество. Возможно только заболѣваніе кровяныхъ кружечковъ и лимфатическихъ шариковъ, имѣющихъ органическую форму и жизнь. Поэтому, та кровь можетъ быть названа справедливо больною, которой кровяные кружечки имѣютъ аномальную жизнь; если наблюденіе Донне́ вѣрно, что въ блѣдной немочи кровяные кружечки замѣтно блѣднѣе обыкновеннаго, то здѣсь доказана возможность больной крови. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, кровь только измѣнена, нарушена въ своей смѣси.» (стр. 29).

О другихъ статьяхъ мы умалчиваемъ. — Изданіе журнала довольно роскошно; книга содержитъ 31 печ. листъ.

Совѣтъ оберегаться отъ холеры. *Издалъ докторъ медицины, отставной профессоръ Московскаго Университета, статскій совѣтникъ и кавалеръ* Петръ Страховъ: *Москва. 1848.*

Цѣль этой книги — дать совѣтъ, какъ предохранять себя отъ холеры. Г. Страховъ описываетъ различныя вредныя кушанья, могущія произвести холеру, переходитъ къ изложенію припадковъ болѣзни и наконецъ къ леченію. Въ числѣ разныхъ средствъ холеры г-нъ Страховъ совѣтуетъ: «Здоровому, сильному больному пустить жильную кровь, до трехъ чашекъ, либо припустить піявицъ десять и пятнадцать подъ ложечкою, а гдѣ ихъ нѣтъ, то водяныхъ таракановъ пару или двѣ (*). и т. д.

(*) По просторѣчію - водяной тараканъ, по книгамъ — водяной жукъ (Dystique Ditique, Scarabée aquatique, Wasserkäfer), животное, съ виду нѣсколько похожее на чернаго подпечнаго таракана — лапотника или на жука; онъ ростомъ около полувершка, спина темная, иногда по краямъ съ желтоватою каемочкою, водится въ рѣкахъ, прудахъ и болотахъ; кормится икрой, мухами, комарами, червяками; можетъ впиваться человѣку въ тѣло и сосать кровь, потому русскіе простые люди употребляютъ ихъ вмѣсто піявицъ въ разныхъ болѣзняхъ, по мнѣнію ихъ, происходящихъ отъ порченной крови. Обыкновенно припускаютъ одного или двухъ на голое тѣло, давая свободу ползать, искать дурную кровь и сосать ее пока самъ отвалится. Много разъ я видѣлъ это простонародное леченіе, и не замѣчалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ такихъ тараканьихъ накусовъ. Въ Москвѣ продаютъ сихъ таракановъ въ живорыбныхъ лавкахъ.» (стр. 37).

О ВОТЧИНАХЪ И ПОМѢСТЬЯХЪ. *Сочиненіе* Александра Лакіера. *Спб. 1848.*

Предметъ этого разсужденія чрезвычайно важенъ. — Мы ужь не говоримъ о томъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ гражданскомъ правѣ, довольно того, что въ XVI и XVII вѣкахъ *вотчина* и *помѣстье* были главными, преобладающими, такъ сказать типическими формами вещныхъ правъ; что даже въ законодательствѣ они развиты больше, опредѣлены подробнѣе; что наконецъ въ новомъ законодательствѣ вещныя права сравнительно съ другими всего менѣе подверглись кореннымъ и постояннымъ измѣненіямъ. Не только въ гражданскомъ правѣ, но въ цѣломъ нашемъ древнемъ быту вотчина и помѣстье, особенно первая, играютъ чрезвычайно важную роль. Цѣль княжескихъ усобицъ бывала часто: добыть вотчину, которая розно понимается въ XI и XIII вѣкѣ; московскій государь называется *вотчичемъ* и *дѣдичемъ*, его владѣнія—*вотчинами*; это названіе въ XVII вѣкѣ дается нѣкоторымъ городамъ въ видѣ отличія, награды. Слѣдовательно, вотчинное владѣніе, вотчина выражали не только объемъ правъ частной собственности, но гораздо больше: государственное обладаніе. Ясно, что вотчина одно изъ главныхъ началъ, на которыхъ стояла древняя Русь, одна изъ типическихъ формъ, обусловливавшихъ ея бытъ, и къ которой сводилось множество частныхъ явленій этого быта. Постепенное измѣненіе этой формы, какъ перерожденіе одного изъ основныхъ народныхъ понятій, есть существеннѣйшая часть нашей внутренней исторіи.

Вотъ почему мы прочли книгу г. Лакіера съ удвоеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ. Къ сожалѣнію, она не удовлетворила нашихъ ожиданіямъ.

Два пути предстояли автору: или тщательно собрать всѣ факты, относящіеся къ вотчинному и помѣстному праву, и расположить ихъ въ порядкѣ, по какой-нибудь внѣшней системѣ. Правда, его сочиненіе не было бы изслѣдованіемъ или разсужденіемъ;

окончательнаго голоса въ наукѣ оно бы не имѣло; зато оно обогатило бы въ ее матеріяльномъ отношеніи, потому-что такого полнаго собранія матеріяловъ для помѣстій и вотчинъ у насъ еще нѣтъ; это былъ бы трудъ капитальный, въ высокой степени полезный и важный. Такова работа г. Калачова надъ Русской Правдой. При теперешнихъ ученыхъ пособіяхъ, подобная работа даже и не такъ трудна, какъ кажется съ перваго взгляда. Гг. Ивановъ, Морошкинъ проложили путь, а изданія Археографической Экспедиціи и Коммиссіи, Полное Собраніе Законовъ съ указателемъ сдѣлали доступными и подручными драгоцѣнные матеріялы.

Или авторъ могъ, на основаніи предварительныхъ собственныхъ изслѣдованій, раскрыть въ своемъ разсужденіи и содержаніе и значеніе вотчиннаго и помѣстнаго права въ нашей исторіи и прослѣдить ихъ развитіе не какъ гражданскаго или государственнаго института, а какъ начала, опредѣлявшаго множество различныхъ юридическихъ явленій. Предложивъ себѣ эту задачу, онъ могъ не входить въ подробности излагая факты, даже могъ ограничиться однимъ указаніемъ на самые главные, характеристическіе изъ нихъ; зато онъ выяснилъ бы теоретическую сторону вопроса, т. е. происхожденіе вотчиннаго и помѣстнаго права или начала, ихъ значеніе въ русскомъ быту, постепенныя измѣненія и упадокъ этихъ началъ и логическую, внутреннюю преемственность и причины этихъ явленій въ связи съ нашей общественной и гражданской жизнью.

Г. Лакіеръ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Какъ собраніе фактовъ, его разсужденіе неудовлетворительно; какъ теоретическое изслѣдованіе — еще менѣе. Думая разрѣшить обѣ задачи, авторъ не разрѣшилъ ни одной.

Постараемся доказать наше мнѣніе фактами.

Въ началѣ книги мы находимъ введеніе или вступленіе, впрочемъ безъ этого названія. Его цѣль — опредѣлить главныя теоретическія и историческія основанія разсужденія. Разберемъ ихъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что «нѣтъ и не можетъ быть ни отдѣльнаго человѣка, ни народа безъ собственности». Истина безспорная! Развивая эту тему, онъ приходитъ къ мысли, что «вообще, въ «первобытномъ своемъ состояніи народъ, прикованный къ землѣ, «потому что ей всѣмъ одолженъ, привыкаетъ смотрѣть на нее, если «не какъ на единственный предметъ обладанія, то по крайней мѣрѣ «какъ на предметъ, достойный быть во владѣніи каждаго лица.... Человѣкъ по этому стремится *пріобрѣсть себѣ какъ можно болѣе земли*». (Стр. 1).

Заключеніе это кажется намъ слишкомъ смѣлымъ. Конечно всѣмъ народамъ и людямъ земля нужна уже потому, что они на ней живутъ

Но отсюда, до владѣнія землей, до взгляда на нее какъ на «достойный предметъ» обладанія, до стремленія, «пріобрѣсть какъ можно болѣе земли» — цѣлая бездна. Если это вообще справедливо, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ первобытнымъ народамъ. Народъ въ младенческомъ, первобытномъ состояніи совсѣмъ не знаетъ поземельнаго владѣнія; его появленіе есть успѣхъ, признакъ сравнительно высшей гражданственности. Нужны ли доказательства? Древняя и новая исторія ими преисполнены; наука уже давно признала это положеніе за аксіому. Послушаемъ далѣе:

Пока земель много «простое завладѣніе и владѣніе служитъ достаточнымъ основаніемъ для укрѣпленія за лицемъ правъ на землю». Потомъ пріобрѣтеніе земли становится труднѣй. «Наконецъ съ образованіемъ изъ первобытныхъ обществъ Государствъ, правительство начинаетъ смотрѣть на все *незанятое пространство* какъ на свою собственность, и является необходимость опредѣлить способы пріобрѣтенія правъ собственности, какъ оно укрѣпляется, передается, охраняется и прекращается». (Стр. 2).

Признаемся, мы никакъ не можемъ понять аргументаціи автора. Какое отношеніе имѣетъ трудность или легкость пріобрѣтенія земель къ опредѣленію способовъ пріобрѣтенія, передачи и прекращенію права собственности *вообще* и притомъ непремѣнно въ государствѣ, а не въ первобытныхъ обществахъ? Вѣдь владѣніе, фактическое основаніе собственности, простиралось не на однѣ земли, а и на движимости? Неужели, по-крайнѣй-мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, не было никакихъ опредѣленныхъ способовъ пріобрѣтенія, передачи и прекращенія до основанія государствъ? Мы не видимъ далѣе причины, почему бы эти способы пріобрѣтенія, передачи и потери не могли быть опредѣлены до появленія государствъ, и въ отношеніи къ землѣ. Вѣдь были же въ эти первобытныя времена племенные, родовые, семейные союзы, въ которыхъ какъ-нибудь, хоть и слабо, но опредѣлялось и охранялось владѣніе и собственность? Г. Лакіеръ очевидно выражается здѣсь неточно. Поземельную собственность онъ смѣшалъ съ собственностью вообще. Мы увидимъ, что это главный источникъ всѣхъ его дальнѣйшихъ ошибокъ. За тѣмъ онъ продолжаетъ:

«Медленнымъ, тихимъ, болѣзненнымъ процессомъ народъ доходитъ до понятія о собственности, какъ до понятія, отвлеченнаго само въ себѣ и безграничнаго въ выполненіи. Полное право собственности предполагаетъ въ лицѣ, обладающемъ предметами, не только способность, но и власть дѣлать съ ними все, что ему покажется необходимымъ для его частныхъ цѣлей, даже для его прихотей, разумѣется если служеніе этому произволу лица не противорѣчитъ цѣлямъ высшимъ — религіознымъ, государственнымъ, и т. д. Не скоро доходитъ

человѣкъ до сознанія о своей частной личности, которая бы всецѣло владычествовала надъ предметами внѣшняго міра.... Въ первобытномъ своемъ состояніи напротивъ человѣкъ.... находится или подъ совершеннымъ вліяніемъ религіи.... или же погруженъ въ государственное начало.... Тотъ же характеръ носитъ на себѣ и собственность: въ теократическихъ государствахъ Востока верховнымъ и единственнымъ обладателемъ, вотчинникомъ всей земли является Богъ, другіе временно владѣютъ частями ея по контрактамъ съ представителями божества—жрецами. Въ государствахъ, чисто политическихъ, каковы были Греческое и Римское, владѣло всѣмъ государство, отъ котораго частное лице, подъ условіемъ разнаго рода услугъ, получало участокъ земли и владѣло имъ до тѣхъ поръ, пока правительству не представлялась необходимость раздать земли другимъ, отобрать ихъ для себя и пр. Вообще частное лице, слившееся съ другими отвлеченными личностями, не можетъ имѣть своей личной воли. Только новое человѣчество, просвѣщенное христіанствомъ, сознало личность человѣка въ отдѣльности, не отрывая его ни отъ церкви, ни отъ государства: по этому въ мірѣ только христіянскомъ могло явиться и дѣйствительно явилось правильное понятіе о частной собственности, неограниченной въ той мѣрѣ, въ какой это дозволяютъ правила религіи, образъ правленія и вообще государственное устройство». (стр. 3).

И въ этихъ словахъ мы видимъ тоже смѣшеніе понятій, что и прежде. Отказываясь совершенно уразумѣть фразу: «понятіе о собственности, какъ понятіе отвлеченное само въ себѣ (?) и безграничное въ выполненіи (!)», мы опять спросимъ г. Лакіера, на какомъ основаніи онъ принимаетъ поземельную собственность за критерій или мѣрило права собственности вообще? Если въ жреческихъ государствахъ земля принадлежала храму, а въ древнихъ республикахъ городамъ, такъ-что частной поземельной собственности не было, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ вовсе не была извѣстна собственность. Были же движимыя вещи предметомъ частнаго обладанія, и какъ доказать, что на нихъ хозяева не имѣли полнаго, неограниченнаго права? Все дѣло въ томъ, что авторъ хотѣлъ сказать одно, а вышло совсѣмъ другое. Его разсужденія о личности и ея правахъ заставляютъ догадываться, что цѣль его была — показать невозможность собственности, принадлежащей отдѣльному лицу. Собственность, принадлежащая общинѣ, есть тоже частная, гражданская, хотя она и не принадлежитъ одному лицу. Если мы такъ поняли г. Лакіера — съ нимъ можно согласиться; но не вполнѣ: многія данныя удостовѣряютъ насъ, что даже тамъ, гдѣ личность заслонена и какъ бы исчезаетъ въ патріархальномъ быту, личная собственность все же существуетъ подлѣ общинной и родовой.

Но всего страннѣе мысль, будто только въ христіанскомъ мірѣ «явилось правильное понятіе о частной собственности» — правильное въ смыслѣ полнаго, по возможности неограниченнаго. Пусть укажетъ авторъ, въ какомъ христіанскомъ кодексѣ право собственности развито такъ широко, приняло такой исключительный, абсолютный характеръ, какъ въ языческомъ римскомъ правѣ? У насъ, въ Россіи, авторъ отрицаетъ существованіе полнаго права собственности до Екатерины II; однако мы христіяне съ X вѣка. Это мнѣніе, противорѣчащее и историческому значенію христіянства и исторіи законодательствъ, совершенно непонятно, если принять его въ буквальномъ смыслѣ. Но, кажется, здѣсь выраженіе тоже въ разладѣ съ мыслью. Слова: «новое человѣчество сознало личность человѣка въ отдѣльности», даютъ намъ поводъ думать, что авторъ смѣшалъ абсолютный характеръ собственности съ правомъ собственности отдѣльнаго, физическаго лица, и принялъ одно за другое. Что личная собственность, если можно такъ выразиться, развилась въ христіянскомъ мірѣ — это справедливо, хотя нельзя совершенно отрицать ея существованія въ языческомъ мірѣ; но въ послѣднемъ она является на второмъ планѣ, подлѣ собственности моральныхъ лицъ, и, подобно личности, несамостоятельно (*).

Изъ одного этого поверхностнаго разбора главныхъ теретическихъ положеній автора о правѣ собственности уже видно, какъ сбивчивъ, спутанъ его взглядъ. Въ выводахъ нѣтъ послѣдовательности; одно не вытекаетъ изъ другого; выраженіе не соотвѣтствуетъ мысли, обличая какую-то нетвердость воззрѣнія и безпрестанно вовлекая автора въ ошибки весьма важныя. А между тѣмъ эти положенія — основа, фундаментъ, на которомъ воздвигается зданіе цѣлаго изслѣдованія!

Мы думаемъ, что при историческомъ изученіи собственности, положимъ, что это будетъ напр. поземельная — главный интересъ состоитъ не въ томъ, абсолютное или неабсолютное, другими словами, ограниченное или неограниченное это отношеніе къ вещи. Во-первыхъ, такого рода вопросъ относится къ теоріи, или философіи права, и тамъ долженъ быть разсмотрѣнъ. Когда мы говоримъ: *собственность*, мы ужь этимъ самымъ заранѣе предупреждаемъ, что намѣрены разсуждать о полномъ вещномъ отношеніи. Во-вторыхъ — и

(*) Намъ могутъ возразить, что и въ римскомъ правѣ *dominium* было личное. Но семейное устройство римлянъ, удержавшееся весьма долго, противорѣчитъ этому. *Paterfamilias*, имѣвшій неограниченное право распоряжаться своей собственностью, даже по завѣщанію, очевидно дѣйствовалъ какъ представитель семьи, а не отдѣльное лицо; на него перенесены права, принадлежащія цѣлому роду — нравственному лицу.

это весьма важно — фактическое пользованіе собственностью везде и всегда одинаково; гдѣ только есть люди, и въ ихъ нераздѣльномъ обладаніи вещи, тамъ, заранѣе можно сказать, непремѣнно установятся между этими людьми и этими вещами совершенно одинакія отношенія, какъ ни различны человѣческія общества и предметы гражданскаго владѣнія: распоряженіе, пользованіе, употребленіе, уничтоженіе, отчужденіе, отыскиваніе изъ чужихъ рукъ — общія всѣмъ въ мірѣ законодательствамъ послѣдствія собственности. — Въ чемъ же вопросъ? Единственно въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ собственность существуетъ въ данномъ человѣческомъ обществѣ; повидимому изучая ее, мы на самомъ дѣлѣ изучаемъ это общество и взаимныя отношенія людей, его составляющихъ, но только съ одной стороны, подъ извѣстнымъ угломъ. Такимъ образомъ видимое преобладаніе (а не невозможное исключительное существованіе) собственности фиктивныхъ, абстрактныхъ лицъ надъ собственностью отдѣльныхъ физическихъ индивидовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что личность еще несамостоятельна и поглощается общиною, родомъ, кастой жрецовъ, завоевателей и т. д.; наоборотъ, преобладаніе послѣдней надъ первой доказываетъ сильное развитіе личности и ослабленіе преобладанія отвлеченныхъ лицъ. Видимое отсутствіе яснаго опредѣленія и охраненія собственности свидѣтельствуетъ о младенческомъ состояніи общества; значитъ, оно не слилось еще въ одно цѣлое, связанное узами гражданственности, а состоитъ изъ небольшихъ отдѣльныхъ союзовъ, въ которыхъ собственность опредѣляется и охраняется обычаемъ; ибо выводить отсюда, что ея нѣтъ — невозможно. Наконецъ чѣмъ подробнѣе, точнѣе опредѣлена собственность, чѣмъ она болѣе ограждена законами, тѣмъ, очевидно, гражданскій бытъ выше и развитѣе. Что же касается до самой собственности, она оттого, въ сущности, нисколько не измѣняется, и какой-нибудь ирокезъ и красный индѣецъ конечно точно также пользуется вполнѣ своей собственностью, какъ и европеецъ. Если хотите, первый пользуется ею даже полнѣе; ибо въ образованномъ, развитомъ человѣческомъ обществѣ требованія общежитія стѣсняютъ, ограничиваютъ полныя права на вещь; напротивъ, тамъ, гдѣ нѣтъ развитаго общественнаго или гражданскаго быта, нѣтъ понятія о государствѣ, этихъ ограниченій не существуетъ.

Отсюда мы выводимъ слѣдующее: при историческомъ изученіи собственности все вниманіе должно быть обращено на то, въ какія условія она поставлена у извѣстнаго народа, въ разныя эпохи его существованія. Тутъ представляются слѣдующіе главные вопросы: 1) кто имѣетъ собственность и кто нѣтъ? 2) какіе предметы собственности? Движимыя вещи или земли недвижимыя? 3) кому какая соб-

ственность принадлежатъ и можетъ принадлежать? 4) какимъ образомъ пріобрѣтается собственность? 5) какимъ образомъ собственникъ перестаетъ имъ быть? 6) какими способами охраняется собственность? 7) наконецъ, обычаями разрѣшаются всѣ эти вопросы или писанными законами, такъ называемымъ положительнымъ правомъ? Разрѣшивъ эти вопросы, на основаніи историческихъ данныхъ, для всѣхъ эпохъ или періодовъ исторіи извѣстнаго народа и объяснивъ причины, почему они у него различно рѣшались въ разныя времена, мы получимъ полную исторію собственности у этого народа. Всѣ разсужденія г. Лакіера объ ограниченной и неограниченной собственности, самостоятельности и несамостоятельности лица и т. д. не только ошибочны и сбивчивы, — они въ его книгѣ безполезны, ибо ни къ чему не ведутъ, да и не могутъ вести.

Изложенныя общія мысли о постепенномъ развитіи самостоятельнаго права собственности находятъ себѣ полное приложеніе въ исторіи отечественнаго права собственности: сперва военачальникъ, какъ предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, наконецъ государь-вотчинникъ соединяли въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и удѣляли ее во временное владѣніе первоначально «своимъ мужамъ,» членамъ дружины, потомъ родичамъ князьямъ, связаннымъ съ своимъ старшимъ братомъ, в. княземъ кровнымъ родствомъ, и наконецъ людямъ служилымъ за ихъ храбрость, за пролитіе ими крови на войнѣ и впослѣдствіи за службу гражданскую. (стр. 3—4).

Какъ можно было прилагать эти, къ сожалѣнію слишкомъ «общія, мысли» о постепенномъ развитіи какого-то непонятнаго «самостоятельнаго права собственности» къ исторіи русскаго права собственности, мы рѣшительно не понимаемъ; что онѣ никакъ не прикладываются — это очевидно. По мнѣнію автора, вся земля въ Россіи была собственностью князей и царей, которые раздавали ее во «временное владѣніе» своимъ приближеннымъ, родственникамъ или подданнымъ. Это мнѣніе не выдерживаетъ даже самой слабой критики. Во временное ли владѣніе отдавали князья до Ярослава (ибо ихъ, кажется, разумѣетъ авторъ подъ *военоначальниками, предводителями дружины*) своимъ «мужамъ» земли, или въ вѣчное и потомственное — объ этомъ молчатъ источники; въ лѣтописи ни слова, ни намека въ пользу г. Лакіера. Далѣе: великимъ княземъ не всегда былъ старшій братъ; понятіе о старшинствѣ измѣнялось нѣсколько разъ, какъ уже доказалъ г. Соловьевъ; притомъ мы видимъ, что великій князь распоряжался владѣніями сообща съ другими, старшими же князьями, или на основаніи договора, *ряда* съ ними; потомъ: весьма рано князья начали домогаться вотчинъ — наслѣдія отцовъ, и владѣть ими потомственно, слѣдовательно не временно, и не

на основаніи пожалованья; наконецъ, великіе князья и государи раздавали земли не только во временное владѣніе, но и въ вотчину, слѣдовательно въ наслѣдственную собственность. Очевидно, цѣль г. Лакіера доказать, что частной собственности въ древней Руси не было; что князья и государи были единственными собственниками, а всѣ прочіе — временными владѣльцами. Но изъ временной раздачи владѣній мужамъ — даже допустивши, что она точно была временная — этого не слѣдуетъ; также мало изъ системы удѣловъ и помѣстій. Временное владѣніе и частная собственность могли существовать одно возлѣ другого. Не ввело ли автора въ заблужденіе, что князья и государи называли свои владѣнія *вотчинами?* Можетъ быть. Но вотчины частныхъ лицъ, вотчины монастырей и церквей, издавна существовавшія въ древней Руси, могли бы, кажется, навести его на истинный смыслъ этого термина въ устахъ князей и царей. Безъ глубокихъ изслѣдованій ясно, что онѣ означали государственное, а не частное, гражданское обладаніе; только сначала по совершенному отсутствію, а впослѣдствіи по неразвитости, неясности, государственныхъ понятій, они облекали эти понятія въ формы близкаго къ нимъ гражданскаго, частнаго быта, который у насъ, какъ и вездѣ, сперва былъ первообразомъ государственнаго и общественнаго устройства. Рѣшительнымъ доказательствомъ служитъ то, что они имѣли свои особенныя, лично имъ принадлежавшія вотчины. Будь вся Россія княжеская или царская вотчина въ гражданскомъ, частномъ значеніи этого слова, имъ бы не для чего было отличать въ ней свои собственныя владѣнія. Притомъ, были же вотчины частныхъ людей и церкви; а по теоріи автора онѣ были невозможны. Намъ пожалуй возразятъ, что по бѣдности, неразвитости древней юридической терминологіи разныя вещныя права означались однимъ названіемъ? Но это несправедливо. Вѣдь нашлось же особенное названіе для помѣстій въ отличіе отъ вотчинъ?

Это одна сторона вопроса. Есть и другая. Чтобъ имѣть право такъ утвердительно говорить, что въ древней Руси не было частной собственности, а было только временное владѣніе, однихъ апріорныхъ и притомъ, какъ мы видѣли, весьма сбивчивыхъ и темныхъ выводовъ мало: нужны свидѣтельства, факты, которые бы ясно, несомнѣнно доказывали положеніе, или по-крайней-мѣрѣ дѣлали его весьма вѣроятнымъ, правдоподобнымъ. Но такихъ фактовъ авторъ не приводитъ; да ихъ и нѣтъ. Самыя древнія историческія извѣстія не застаютъ у насъ появленія собственности; а когда онѣ впервые начинаютъ упоминать о ней, частная собственность уже существовала. Замѣтимъ, это упоминаніе относится къ весьма отдаленному времени; мы имѣемъ купчія частныхъ лицъ отъ XIV вѣка; а княжескія вот-

чины, независимыя отъ великокняжеской, существовали въ XIII, даже въ концѣ XII вѣка. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, авторъ неправъ, распространяя свое положеніе на всю древнюю Русь. Далѣе. О томъ, какъ образовалась у насъ частная собственность нѣтъ извѣстій: это пробѣлъ въ нашей исторіи. Не знаемъ, почему авторъ считаетъ себя вправѣ наполнить его гипотезой, не только ничѣмъ не доказанной, но по существу своему невѣроятной? Мы съ бо́льшимъ правомъ утверждаемъ, напротивъ, что частная собственность была у насъ извѣка; и вотъ наши доказательства:

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стои́тъ, не было народа безъ частной собственности. Она могла измѣняться и изъ собственности нравственныхъ лицъ стать собственностью индивидовъ, могла быть болѣе или менѣе опредѣлена, что́ всегда и вездѣ зависитъ отъ степени гражданственности; но чтобъ ея вовсе не было — это явленіе невозможное, потому-что оно противорѣчитъ всей исторіи человѣческаго рода. Одинъ поверхностный взглядъ на внутренній бытъ древней Руси совершенно убѣждаетъ, что весьма долгое время, почти до XIII вѣка, вопросъ о поземельной собственности нисколько не занималъ нашихъ князей и владѣтелей. Варяги, покоривъ себѣ русско-славянскія и другія племена въ теперешней Россіи, обложили ихъ данью и водили съ собой на войну. Чтобъ они отдѣляли себѣ часть земли у покоренныхъ народовъ, какъ дѣлали германцы — не видно. Они не пришли къ намъ съ мыслью о постоянномъ водвореніи, что́ ясно доказываютъ походы Олега и Святослава. Добыча, золото, а не земля, ихъ прельщали. Слѣдовательно, въ варяжскую эпоху земля не могла сдѣлаться собственностью князей. Они были властителями, господами надъ покоренными племенами, и потому господство ихъ имѣло *личный*, а не *территоріяльный* характеръ. Тоже самое было, пока родовыя, кровныя связи опредѣляли взаимныя отношенія князей, потомковъ Владиміра и Ярослава. Они старались удержать или возвратить себѣ мѣсто, степень, принадлежавшую имъ по старшинству и рожденію между другими князьями; владѣніе играло второстепенную роль. Оттого ни одинъ князь не владѣлъ постоянно одной областью; они переходили съ мѣста на мѣсто, добиваясь владѣнія, соотвѣтствовавшаго степени старшинства въ родовой іерархіи. Слѣдовательно, и здѣсь опять не территоріяльные вопросы стояли на первомъ планѣ, а личные. Правда, чѣмъ ближе къ XIII вѣку, тѣмъ территоріяльные интересы болѣе и болѣе начинаютъ преобладать надъ родовыми расчетами; послѣдніе становятся уже предлогами для пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ владѣній. Но характеръ постояннаго, наслѣдственнаго господства надъ этими владѣніями, когда оно было пріобрѣтено и установилось, долго оставался тотъ же, что́ и прежде: онъ продолжалъ быть личнымъ, а

не территоріяльнымъ, т. е. князья управляли жителями своихъ областей сами, или чрезъ приближенныхъ, брали съ нихъ дань, сбирали войско и т. д. Вопросъ о томъ, кто собственникъ всей земли: владѣтель или жители княжества, никогда не возникалъ и не могъ возникнуть. Князь называлъ свои владѣнія *вотчиной*, потому-что былъ надъ ними наслѣдственный господинъ. Выводить изъ этого слова, что онъ считалъ себя собственникомъ всей земли по гражданскому праву, и что жители, по его понятію, сидѣли на этой землѣ только съ правомъ употребленія и пользованія — значитъ не понимать нашего древняго быта. Подобныя юридическія опредѣленія лежали внѣ условій тогдашней Руси, и она ихъ совершенно не понимала.

И вотъ мы пришли къ XIII вѣку. Съ этого времени вплоть до реформы Петра Великаго мы не находимъ ни одного памятника, ни одного свидѣтельства, даже намека не видимъ, чтобъ когда-нибудь, въ теченіи этихъ пяти вѣковъ, вся земля была объявлена собственностью государства, а жители — только ея временными владѣльцами. Напротивъ, мы видимъ, что частная поземельная собственность существуетъ, называются вотчины; эти вотчины покупаются, завѣщеваются, отыскиваются искомъ, дѣлятся, мѣняются, обводятся межами. Чтóжь это? не частная собственность?

Это такъ въ періодъ времени, извѣстный намъ по несомнѣннымъ, оффиціяльнымъ даннымъ. А какъ было до того? Все населеніе нашихъ городовъ и селъ, возьмемъ хоть до XIII вѣка, чтó, оно не имѣло поземельной собственности? Мы видѣли, какъ смотрѣли князья на свои владѣнія. И при этомъ взглядѣ не было такихъ же покупокъ, продажъ, мѣны, отдачи подъ залогъ земли? она не завѣщевалась, не дарилась, не отдавалось въ приданое? Нѣтъ, это совершенно невозможно! Скажи авторъ, что всѣ эти права, вытекающія изъ собственности, принадлежали не отдѣльнымъ физическимъ лицамъ, а родамъ и общинамъ, съ этимъ мы бы согласились; но отрицать ихъ совершенно для всего населенія и приписывать однимъ князьямъ — вотъ чтó намъ кажется несбыточнымъ, и думаемъ, что мы не одни этого мнѣнія.

«По тройственному, образовавшемуся путемъ историческимъ, значенію русскаго государя, какъ дружиноначальника, какъ родоначальника и наконецъ какъ государя-вотчинника всей Россіи намъ необходимо разсмотрѣть въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности во время существованія каждаго изъ этихъ понятій о государѣ и обратить особенное вниманіе на тотъ періодъ времени, когда изъ понятія о вотчинѣ и дѣдичѣ всея Россіи вылилась идея государя, какъ главы Россіи, о томъ періодѣ, когда

государь за службу на пользу отечества сталъ жаловать частнымъ лицамъ помѣстья и вотчины. (стр. 4).

Въ какой формѣ, съ какимъ содержаніемъ проявилось право частной собственности въ древней Руси, трудно изслѣдовать автору, когда онъ за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ такъ положительно утверждалъ, что ея не было, а было одно временное владѣніе.

Вотъ введеніе. Думаемъ, что читатели не найдутъ насъ слишкомъ взыскательными, если скажемъ, что мы вправѣ были надѣяться найти въ немъ больше, чѣмъ нашли на дѣлѣ.

За тѣмъ г. Лакіеръ начинаетъ выполнять свою программу и проводить основную мысль. Для варяжской эпохи авторъ не приводитъ *ни одного* доказательства въ пользу той мысли, что съ водвореніемъ у насъ на Руси земля стала собственностью дружиноначальниковъ и дѣлилась между имъ и его приближенными; а между тѣмъ удивляется: «какъ до сихъ поръ многіе не хотятъ видѣть *леннаго* начала въ дру-«жинной системѣ, господствовавшей у насъ до временъ Ярослава I». (стр. 4).

Въ заключеніе авторъ говоритъ:

До сихъ поръ (т. е. до кончины Ярослава I) В. Князь былъ обладателемъ всей земли, дружинники получали отъ него въ ленъ за услуги, ими государству (?) оказанныя, города; а частной собственности на движимыя имѣнія (вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать недвижимыя), на землю не видимъ (стр. 17).

И въ другомъ мѣстѣ:

Изъ всѣхъ изложенныхъ событій необходимо вывесть заключеніе, что ближайшіе къ в. князю дружинники, помогавшіе ему болѣе другихъ, за труды свои получали во владѣніе города, тогда какъ простые члены дружины были вознаграждаемы деньгами (стр. 13).

У г. Лакіера странный способъ дѣлать заключенія. Лѣтописи и другіе источники говорятъ о варягахъ, ихъ пришествіи въ Россію и ихъ дѣйствіяхъ; изъ того, что мы знаемъ о послѣднихъ, видно, что варяжскіе князья облагали подвластныя племена данью, нѣкоторые города отдавали во владѣніе своимъ приближеннымъ, которые тоже сбирали съ нихъ дань, — другихъ сподвижниковъ вознаграждали деньгами или натурой. Авторъ разсуждаетъ такъ: тутъ вѣдь не упоминается о частной собственности, слѣдовательно ея не было. Онъ не принялъ въ расчетъ, что лѣтописецъ имѣлъ ввиду не собственность, а варяговъ, что онъ говоритъ только о нихъ, а не о туземцахъ-насельникахъ, которые можетъ быть, и даже вѣроятно, имѣли же какую-нибудь собственность; что умолчаніе не есть отрицаніе, и это правило давно признано за аксіому всѣми изслѣдователями; что на-

конецъ, если этакъ разсуждать, то пожалуй можно вывести, что у славянъ не было ни носовъ, ни ушей, ни пальцевъ, потому-что, сколько помнится, объ этомъ тоже не говорится въ источникахъ.

Слѣдующія восемнадцать страницъ посвящены развитію для удѣльной эпохи и московскаго государства той же безплодной и въ основаніи своемъ ложной мысли, что у насъ не было частной собственности; подробно, хотя и далеко не такъ отчетливо, какъ у г. Соловьева, здѣсь доказывается, что князья сначала владѣли Россіей сообща, потомъ стали наслѣдственными вотчинниками княжествъ; что въ особенности со временъ Іоанна IV Россія становится государствомъ. Все это такъ; но чтожъ слѣдуетъ изъ этого для частной собственности? По какому бы титулу ни владѣли князья — это государственное, а не частное владѣніе. Сначала государственное владѣніе имѣло характеръ и формы частнаго? Правда, но все же оно не идетъ нисколько къ дѣлу въ разсужденіи о частной, гражданской собственности. Мѣстами разсказъ автора перерывается замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ:

Великія княгини (наши.... владѣли землями, отчасти пріобрѣтенными куплею, отчасти полученными въ приданое. Имѣнія эти составляли неотъемлемую ихъ собственность, которою онѣ могли располагать по произволу. (стр. 23).

Другими словами, доказывается, что была частная собственность, кромѣ велико-княжеской.

Или:

Пока государи московскіе были вотчинниками и дѣдичами Россіи, пока и удѣльные князья смотрѣли на свою волость, на свои удѣлы, какъ на свою неотъемлемую вотчину, право частной собственности существовать самостоятельно, и вполнѣ развиться не могло. Правители, руководясь различными христіанскими побужденіями, раздавали свои земли въ монастыри, и въ распряхъ своихъ, какъ увидимъ ниже, не разъ нарушали права частныхъ владѣльцевъ на ихъ земли.» (стр. 30).

Изъ этихъ словъ уже ясно, что кромѣ велико-княжеской вотчины были еще вотчины другихъ князей, на которыя князья смотрѣли, «какъ на свою *неотъемлемую вотчину*». Стало быть г. Лакіеръ самъ отрицаетъ прежнее свое положеніе: «сперва военачальникъ, какъ «предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, наконецъ Госу-«дарь-вотчинникъ соединялъ въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею «землею Русскою и удѣлялъ ее во временное владѣніе первоначально «своимъ мужамъ», членамъ дружины, потомъ родичамъ князьямъ, «связаннымъ со своимъ старшимъ братомъ, в. княземъ кровными

«родствомъ.» (стр. 3). Изъ того, что владѣнія князей стали ихъ вотчинами, мы не видимъ, почему не могло существовать самостоятельно право частной собственности; а что оно нарушалось по поводу княжескихъ распрей, то отсюда ничего не слѣдуетъ; въ самомъ правильно-организованномъ общежитіи это бываетъ.

Коснувшись временъ Петра Великаго, авторъ указываетъ на многочисленныя регаліи, наложенныя имъ на частную недвижимую собственность, и потомъ прибавляетъ:

Они стали регаліями, стали собственностію государственною и служили для достиженія государственныхъ цѣлей. Эти ограниченія не подавили частной собственности. онѣ служатъ только доказательствомъ, что въ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, право частной собственности не вполнѣ еще развилось.

Въ этихъ словахъ опять непослѣдовательность: нечего было подавлять частной собственности, когда ея не было. Почему регаліи служатъ доказательствомъ, что *«право частной собственности не вполнѣ еще развилось»*, мы не понимаемъ; вездѣ и всегда собственность была въ этомъ смыслѣ не вполнѣ развитой и всегда будетъ; общежитіе,государственныя требованія налагаютъ на нее ограниченія, и степень развитія личности гражданской тутъ ровно ничего не значитъ. Вопросъ о регаліяхъ можно обсуждать съ точки зрѣнія финансовой, политико-экономической, государственнаго хозяйства: съ юридической онъ давно рѣшенъ окончательно и безъ аппелляціи.

«Преемники Петра I, отчасти по невыгодамъ для казны владѣть регаліями. отчасти по своему усмотрѣнію, мало по малу уничтожали одно ограниченіе собственности за другимъ.... Вслѣдствіе просвѣщенія народа Петромъ I и его мудрыми преемниками, вслѣдствіе развитія чрезъ то личности гражданъ, дарованіе такихъ правъ было исторически необходимо.» (стр 34).

Каждая новая строка невольно увеличиваетъ наше изумленіе. До Петра регаліи не лежали на собственности. Петръ Великій ихъ ввелъ; его преемники и окончательно Императрица Екатерина опять ихъ сняли. Перемѣны эти очевидно были результатомъ различныхъ государственныхъ, административныхъ системъ. Но г. Лакіеръ видитъ въ этомъ слѣдствіе просвѣщенія и развитія личности гражданъ, точно какъ-будто и то и другое идетъ зигзагомъ: до Петра просвѣщеніе и личность были развиты, потомъ при немъ упали, а послѣ него черезъ пятдесятъ лѣтъ опять развились. Непостижимо!

Бѣглый взглядъ на исторію развитія у насъ государственнаго воззрѣнія на Россію, какъ вотчину и дѣдину государя, убѣждаетъ насъ въ справедливости мысли, высказанной прежде, а именно, что право

полной частной собственности развилось у нас поздно и могло развиться, какъ это было вездѣ, тогда только, когда гражданинъ созналъ свою личность при помощи средствъ, данныхъ ему правительствомъ, при помощи образованія. Изъ этого разумѣется нельзя выводить, что до Императрицы Екатерины II не было у насъ права частной собственности на недвижимыя имѣнія: оно было, но въ маломъ объемѣ и образовалось главнымъ образомъ чрезъ пожалованіе государями частнымъ лицамъ во владѣніе земель или лично государевыхъ, или дворцовыхъ, или наконецъ государственныхъ, равно какъ чрезъ подтвержденіе правительствомъ правъ частныхъ людей, монастырей и духовенства на земли. Справедливость этого подтверждаетъ вся исторія помѣстій и вотчинъ; но прежде, чѣмъ перейдемъ къ ней, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлитъ систему изложенія нашего предмета: изъ сказаннаго должно бы заключить, что частное владѣніе предшествовало у насъ праву собственности, и что слѣд. исторія помѣстій должна быть изложена прежде исторіи вотчиннаго права. Не только внѣшнее удобство, но и существенная необходимость заставила насъ начать съ вотчиннаго права и перейти къ помѣстному: въ числѣ вотчинъ занимаетъ первое мѣсто вотчина и дѣдина великаго князя, какъ государя, отъ котораго служилымъ людямъ давались во временное владѣніе опредѣленные участки, помѣстья, обращавшіяся при извѣстныхъ условіяхъ въ вотчины частныхъ лицъ. Самыми богатыми вотчинниками послѣ государя были церкви, монастыри и духовенство: они очень рано начинали получать недвижимыя имѣнія отъ благочестивыхъ русскихъ государей въ вотчину, постоянно получали ихъ отъ лицъ великокняжескаго рода, и только иногда, и то обыкновенно не въ большемъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ.» (стр. 35—36).

И тутъ таже шаткость въ выводахъ, тоже противорѣчіе въ словахъ. Прежде говорилось, что у насъ не было частной собственности, теперь авторъ беретъ это положеніе назадъ и не позволяетъ выводить изъ своихъ же прямыхъ словъ, что ея не было. Да это вѣдь не выводъ, а буквальное повтореніе того, что̀ утверждалъ самъ авторъ! Что̀ значитъ, что право частной собственности было въ маломъ объемѣ — не понимаемъ: также не видимъ, почему оно «главнымъ образомъ образовалось чрезъ пожалованье.» Гдѣ факты на все это? Мы видѣли, что «вотчина и дѣдина» государей не можетъ быть разсматриваема, какъ ихъ частная собственность, и слѣдовательно здѣсь вовсе не мѣсто говорить о ней, какъ справедливо замѣтилъ уже г. Погодинъ (Москвитянинъ 1848 № 6). Наконецъ, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ авторъ, что главныя поземельныя церковныя владѣнія произошли отъ пожалованья князьями и государями, и только иногда, «и то обыкновенно не въ большомъ объемѣ, отъ частныхъ лицъ?» Мы просимъ привести хоть одно доказательство.

Остальная часть «разсужденія» дѣлится на три главы. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Первая глава говоритъ о *государевыхъ вотчинахъ*. Такъ-какъ предметъ ея не частная собственность лицъ княжескихъ семействъ и царскаго дома, а *вотчина* въ государственномъ значеніи этого слова, то она лишняя въ сочиненіи г. Лакіера. Но въ ней есть неправильности, которыя нельзя оставить безъ вниманія.

Авторъ особенно подробно разсматриваетъ значеніе словъ *вотчина и удѣлъ*.

«Изъ духовныхъ завѣщаній в. князей московскихъ — говоритъ онъ — и договоровъ ихъ съ меньшею братьею видно, что вотчиною называлось великое княжество — Москва съ нѣкоторыми городами, переходившіе въ видѣ маіората постоянно отъ отца къ старшимъ сыновьямъ, прочіе же получали удѣлы; да и самъ в. князь вмѣстѣ съ вотчиною получалъ удѣлъ, т. е. имѣніе на свою долю—собственность, которую онъ по произволу дѣлилъ между своими дѣтьми, давалъ во владѣніе, продавалъ частнымъ лицамъ и на которую онъ смотрѣлъ, какъ на свою личную принадлежность.» (стр. 39 и 40).

Стало быть *вотчина* — великое княжество, *удѣлъ* - владѣніе прочихъ князей; удѣлъ могъ получить и великій князь, но не какъ великій князь, а какъ членъ княжескаго семейства. Вотъ мнѣніе автора. Но онъ неправъ. *Вотчина* и *удѣлъ* — два понятія, не исключающія другъ друга. Удѣлъ значитъ особенное, отдѣльное владѣніе князя, *вотчина* — наслѣдственное владѣніе. На этомъ основаніи могъ быть *вотчинный удѣлъ*, могла быть *удѣльная вотчина*. Г. Лакіеръ приводитъ много мѣстъ изъ оффиціальныхъ документовъ XV и XVI вѣковъ, но ни одно не оправдываетъ высказаннаго имъ различія удѣла и вотчины. Не великое княжество, а велико-княжеское достоинство впервые названо *отчиной* въ завѣщаніи Димитрія Донского. Это было явленіе весьма важное въ государственной исторіи древней Руси: Димитрій первый сталъ смотрѣть на велико-княжескую корону, какъ на законное наслѣдіе московскаго княжескаго рода, тогда-какъ прежде она зависѣла отъ усмотрѣнія хана. Вотъ единственный смыслъ выраженія: «а се благословляю сына своего князя «Василія своею вотчиною великимъ княженіемъ.» Въ такомъ же смыслѣ, т. е. для означенія велико-княжескаго достоинства, употребляетъ это выраженіе Василій Темный. Всего убѣдительнѣе оно доказывается наконецъ словами митрополита Филиппа новгородцамъ: «отъ тѣхъ мѣстъ и до сихъ мѣстъ они (русскіе великіе князья) «есть господари христіаньстіи рустіи и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ *отчина* изъ старины, *мужи волныи*.» Новгородъ, какъ извѣстно, не былъ собственностью князей; даже велико-княже-

ская власть стала въ немъ переходить наслѣдственно не прежде усиленія московскихъ князей, и авторъ совершенно неправъ говоря, «что «Новгородъ *дѣйствительно былъ вотчиною* великаго князя, маіоратомъ старшей линіи» (стр. 49); его опровергаетъ списокъ князей, княжившихъ въ Новѣгородѣ. Также неправъ авторъ, утверждая,что въ составъ великаго княжества, называвшагося будто бы *вотчиной*, входила «Москва съ нѣкоторыми городами, переходившими *въ видѣ «маіората постоянно отъ отца къ старшимъ сыновьямъ.*» Самъ г. Лакіеръ безпрестанно приводитъ изъ княжескихъ завѣщаній, что Москва дѣлилась между дѣтьми умершаго великаго князя; этого мало: части, доставшіяся каждому изъ нихъ, опять подраздѣлялись между наслѣдниками, совершенно какъ частное владѣніе. Только Іоаннъ III соединилъ всю Москву подъ свою власть; до него она не имѣла и тѣни маіората.

Столько же доказательствъ въ пользу той мысли, что удѣлъ былъ *вотчиной*, т. е. наслѣдственнымъ владѣніемъ князей. Даже Іоаннъ III предоставляетъ удѣлы меньшимъ своимъ сыновьямъ въ наслѣдственное владѣніе, и только въ томъ случаѣ, если у нихъ нѣтъ мужскаго потомства, велитъ отдать удѣлъ великому князю. Тоже самое доказываетъ «пожалованье князьямъ городовъ и областей въ *удѣлъ* и «*вотчину*»; г. Лакіеръ подробно исчисляетъ случаи такого пожалованья (стр. 55 — 60) и приходитъ къ заключенію, что подъ *удѣломъ* и *вотчиной*, землями, отдаваемыми великимъ княземъ младшимъ взамѣнъ ихъ владѣній, разумѣлись земли, по формѣ удѣльныя, а юридически принадлежавшія въ собственность великому князю; другими словами, что удѣлъ-вотчина давалъ владѣльцу его право на чужую вещь; напротивъ, *вотчина-удѣлъ*, которая давалась тоже младшимъ князьямъ взамѣнъ ихъ владѣній, переходила въ ихъ собственность. (стр. 59). Но мы и здѣсь не можемъ согласиться съ авторомъ. Не говоримъ уже, что это различіе слишкомъ искуственно, и потому, въ примѣненіи къ древней Руси, весьма невѣроятно; мы не можемъ понять, почему бы, въ двухъ совершенно одинаковыхъ случаяхъ, а именно при обмѣнѣ велико-княжескихъ владѣній на княжескія, установлялись для князей разныя права? Всѣ толкованія мѣстъ изъ источниковъ, приведенныя авторомъ, или ничего не говорятъ въ его пользу, или говорятъ противъ него. Напримѣръ: *удѣлъ вотчина*, по мнѣнію г. Лакіера, означаетъ, что область, владѣемая княземъ, осталась собственностью великаго князя. Приведенное имъ мѣсто изъ договорной грамоты Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ опровергаетъ это мнѣніе. Тутъ встрѣчаются фразы: «отступился «ему и *дѣтямъ его* (Владиміра) *въ удѣлъ и въ вотчину*». Стало быть наслѣдственное владѣніе; «въ *удѣлъ и въ вотчину* далъ есмь имъ Ко-

«здеськъ, *какъ было за мною за великимъ князем*ъ». Стало быть послѣднiй передаетъ всѣ свои права («какъ было за мною»). Такихъ примѣровъ много. Что пожалованные въ обмѣнъ города отличаются въ актахъ отъ вотчинныхъ (стр. 56), это не доказываетъ ихъ юридическаго различiя отъ другихъ владѣнiй удѣльныхъ князей. Извѣстно. что выслуженныя вотчины въ XVII вѣкѣ получили характеръ родовыхъ; однако онѣ различаются. Различiе это основывается единственно на способѣ происхожденiя или прiобрѣтенiя, а не на различiи правъ на нихъ. какъ въ древнемъ счетѣ денегъ весьма часто сумма означалась монетами (столько-то рублей, столько-то алтынъ и денегъ), а не нумерической общей единицей. Всего болѣе, повидимому, говоритъ въ пользу г. Лакiера мѣсто изъ договоровъ Василья Васильевича съ Дмитрiемъ Шемякой. Сначала великiй князь даетъ ему въ удѣлъ и вотчину удѣлъ дяди своего, а потомъ, въ другомъ договорѣ Шемяка обязуется не искать подъ княземъ и его дѣтьми городовъ и волостей, которые онъ получилъ отъ него *въ удѣлъ и въ вотчину*, потому-что они *вотчина* великаго князя. Но тутъ очевидно новый договоръ, уничтожающiй прежнiй, на основанiи котораго владѣнiя, отданныя Шемякѣ въ удѣлъ и вотчину, возвращаются снова къ великому князю. Что удѣлы пожалованные дѣйствительно были вотчинами, т. е. жаловались въ наслѣдственную собственность въ эту эпоху, видно изъ того, что эти удѣлы назывались вотчинами, и даже изъ нихъ князья отдавали земли въ монастырь, на правахъ полныхъ собственниковъ, а этого не могло бы быть, еслибъ великiе князья удерживали право собственности надъ пожалованными удѣлами-вотчинами. Ошибка автора, какъ намъ кажется, произошла оттого, что онъ, во-первыхъ, придалъ значенiе перестановкѣ словъ: *вотчина* и *удѣлъ*, *удѣлъ* и *вотчина*, въ сущности безразличной; во-вторыхъ, его ввело въ заблужденiе отношенiе московскихъ великихъ князей къ удѣльнымъ. Весьма естественно, что первые, почувствовавъ свою силу, начали изводить послѣднихъ. Флетчеръ въ замѣчательномъ сочиненiи своемъ о внутреннемъ состоянiи Россiи говоритъ между прочимъ, что великiе князья прибѣгали къ обмѣну удѣловъ и областей удѣльныхъ князей изъ политическихъ видовъ; имъ нужно было удалить ихъ изъ ихъ наслѣдственныхъ владѣнiй, окружить другими людьми, чтобъ отнять всякое влiянiе и возможность дѣлать заговоры и измѣны. Вотъ весьма вѣроятное объясненiе всѣхъ перемѣщенiй удѣльныхъ князей изъ области въ область. «*Московская охранительная политическая система*», «уваженiе» московскихъ государей «къ неприкосновенности удѣловъ», (стр. 55) — фантазiи автора, а не историческая дѣйствительность: правда, московскiе князья дѣйствовали обыкновенно очень осторожно и медленно достигали своей цѣли. Но причина

не уваженіе къ удѣламъ, а частью сила обычая, котораго великіе князья долго не могли нарушить явно, отъ котораго они даже сами не вдругъ могли отстать, — частью сила удѣльныхъ князей, которыхъ опасно было возстановить противъ себя. Чѣмъ слабѣй становились князья, тѣмъ, разумѣется, болѣе и болѣе уравнивались они съ прочими велико-княжескими подданными, и тѣмъ повелительнѣе говорили съ ними московскіе государи. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ авторомъ, что земли жаловались въ удѣлъ и вотчину въ награду за службу (стр. 61); частнымъ людямъ такъ; князьямъ удѣльнымъ въ это время - едва ли. Пожалованье въ награду могло начаться только съ того времени, когда удѣльные князья совершенно утратили и тѣнь прежней независимости, а это сдѣлалось позднѣе. Мы не думаемъ также, чтобъ на однѣ земли, пожалованныя въ удѣлъ, и вотчину простиралось право великихъ князей отнимать ихъ за измѣну, за переходъ князя къ недругу Москвы (idem): этому равно подчинялось всякое имущество, безъ различія, пока конфискація существовала въ обычаяхъ и законахъ. Справедливо изъ всѣхъ разсужденій автора только то, что названіе *удѣлъ*, еще напоминавшее владѣльческія права удѣльныхъ князей, исчезло совершенно, когда послѣдніе окончательно низошли въ разрядъ подданныхъ, и что право дочерей этихъ князей наслѣдовать въ удѣльныхъ вотчинахъ обозначило переходъ этихъ вотчинъ изъ государственныхъ, политическихъ, въ частныя, гражданскія.

Остальныя страницы этой главы посвящены изслѣдованію о вотчинахъ княгинь, о черныхъ, посопныхъ и подклѣтныхъ селахъ. Вообще эти изслѣдованія удовлетворительнѣе предъидущихъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя неточности. На стр. 64 авторъ говоритъ: «Пожалованными такимъ образомъ землями (въ прожитокъ) княги«ня распоряжалась какъ *вотчинница*.» Это несправедливо. Прожиточныя вотчины давали только пожизненное пользованіе: владѣлица не могла ихъ отчуждать. Тамъ же, о прожиточныхъ помѣстьяхъ сказано, что княгиня имѣла право облагать жителей.... «податьми.» Право это принадлежало ей неисключительно, ибо изъ выноски, сдѣланной авторомъ, видно, что въ наложеніи податей принималъ участіе удѣльный князь, въ области котораго находилась прожиточная вотчина. Въ полное распоряженіе оставлялись княгинѣ одни примысли, т. е. благопріобрѣтенныя имѣнія (стр. 65). — Изслѣдованіе объ *удѣльныхъ селахъ* любопытно, но не довольно полно. Во-первыхъ, авторъ выражается неточно, говоря, что подъ ними разумѣлось «имѣніе, принадлежавшее лицу въ полную собственность» (стр. 66). Сколько мы упомнимъ, удѣльныя села встрѣчаются всегда въ смыслѣ княжескихъ владѣній и должны, кажется, состоять въ тѣсной связи

съ *удѣлами*, наслѣдственными владѣніями, которыя наконецъ измельчали до того, что утратили государственный характеръ и обратились совершенно въ частную, гражданскую собственность.

Вторая глава посвящена вотчинамъ *монастырей, церквей* и *духовенства*. И здѣсь авторъ отклонился отъ задачи и какъ бы растерялся въ разнообразіи и множествѣ фактовъ. Статьи объ управленіи церковными имѣніями, о приказахъ, завѣдывавшихъ духовенствомъ и его подданными, собственно не у мѣста въ изслѣдованіи о частной, гражданской собственности. Съ другой стороны, въ исторіи секуляризаціи церковныхъ имѣній встрѣчаемъ важные пропуски; такъ напр. г. Лакіеръ совсѣмъ не говоритъ о томъ, что при Петрѣ Великомъ монастырскія имѣнія, отобранныя изъ духовнаго вѣдомства, снова были ему возвращены; причины секуляризаціи изслѣдованы чрезвычайно слабо. Несмотря однако на эти недостатки, вторая глава, вообще говоря, составлена довольно тщательно. Въ числѣ неправильностей мы замѣтили слѣдующія. На стр. 74 авторъ разрѣшаетъ вопросъ: имѣло ли духовенство право владѣть недвижимыми имѣніями? Къ сожалѣнію, онъ изслѣдуетъ его поверхностно, а между тѣмъ этотъ вопросъ, безспорно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей церковной исторіи. Въ XIV вѣкѣ, онъ былъ поднятъ съ большой силой въ Новѣгородѣ и Псковѣ, а съ XVI сталъ предметомъ обсужденій и въ Московскомъ государствѣ. В 1-мъ примѣчаніи, г. Лакіеръ говоритъ, что «на основаніи Кормчей именно книги отдавали русскіе свои имѣнія въ монастыри» и приводитъ въ доказательство мѣсто изъ одного церковнаго устава: «уставъ, бывши преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ «и дѣдъ нашихъ имати пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и «отъ родажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего.» Но изъ этой ссылки видно только, что церкви уступалась извѣстная часть доходовъ, а не имѣнія; что это дѣлали князья, на обязанности которыхъ съ самого начала лежало обезпеченіе церкви и ея служителей, когда она еще не имѣла своего имущества; притомъ замѣтимъ, что такъ называемыя *русскія статьи*, т. е. составленныя въ Россіи, къ которымъ относится и упомянутый уставъ, встрѣчаются, какъ извѣстно, не во всѣхъ кормчихъ, а только въ одной фамиліи или разрядѣ ихъ, и что онъ — постановленіе свѣтское, а не церковное. По всѣмъ этимъ причинамъ мы думаемъ, что выводъ г. Лакіера слишкомъ смѣлъ. Да и 41-е правило Апостоловъ, гораздо рѣшительнѣе подтверждающее право церкви на владѣніе имѣніемъ, подлежитъ разнымъ толкованіямъ. — На стр. 75 г. Лакіеръ говоритъ, что десятина давалась церквамъ изъ *государственныхъ доходовъ*, а въ лѣтописи вездѣ читаемъ, что князь давалъ изъ *имѣнія своего* урокъ, или десятину отъ всего *своего имѣнія*: между тѣмъ и другимъ есть разница. — На стр.

76 авторъ объясняетъ поводъ изданія устава о десятинѣ Софійской новгородской церкви тѣмъ «что самому правительству *было нужно то,* что составляло десятину», и что вслѣдствіе этого князь узаконилъ получать церкви вмѣсто десятины онежскую дань, сто гривенъ съ другими доходами, а недостающее до 100 гривенъ обязался доплачивать самъ. Переводъ этотъ слишкомъ произволенъ и не совсѣмъ удаченъ. Въ подлинникѣ читаемъ: «а здѣ въ Новѣгородѣ, что есть «*десятина отъ дани* обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими кня«зи толико *отъ виръ и продажъ десятины зьрпль*, олико данiй въ ру«цѣ княжіи въ клѣть его. Нужа же бяше пискупу. нужа же князю въ «томъ, и десятой части Божіи. Того дѣля уставилъ есмь Св. Софіи, «ать емлетъ пискупъ *за десятину отъ виръ и продажъ* сто гривенъ «новыхъ кунъ, иже выдаваетъ Домажиричь изъ Онѣга; аче не бу«детъ сполна.... дополнокъ возметъ 20 гривенъ у князя исъ клѣти.» Мѣсто это темно; можетъ быть окончательное его объясненіе возможно только съ открытіемъ новаго списка этого десятиннаго устава. Изъ того, который мы имѣемъ, видно, что *десятина отъ даній* различалась отъ *десятины отъ виръ и продажъ;* кажется, что десятина, опредѣленная первоначально съ дани, переведена потомъ на виры и продажи. и переведена такъ, что она взималась съ виръ и продажъ въ количествѣ, соотвѣтствовавшемъ дани, а не вирамъ и продажамъ. Почему и для чего перенесена такимъ образомъ десятина, не сказано. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что послѣднія шли на вооруженіе войска («то на оружьи и на конихъ буди»); такимъ образомъ это перенесеніе десятины было неудобно и для церкви и для князя; для князя потому, что ему должно было дополнять недостающее въ доходы отъ виръ и продажъ изъ другихъ источниковъ, для епископа — потому, что величина десятины опредѣлялась не вирами и продажами, а данью. Въ отдѣленіи десятины произошла запутанность, сложность, и это, по нашему мнѣнію, хотѣлъ князь выразить словами: «нужа «же бяше пискупу, нужа же князю въ томъ, въ десятой части Божіи». *Нужа* никогда не употребляется въ смыслѣ *нужно*, какъ переводитъ г. Лакіеръ. и притомъ, если «правительству, — какъ говоритъ авторъ, — «было нужно то, что составляло десятину», то вѣдь этому пособить можно было однимъ отнятіемъ десятины; а князь этого не сдѣлалъ. Чтобъ упростить отдѣленіе десятины въ пользу церкви, онъ обратилъ ее въ опредѣленный, постоянный доходъ — сто гривенъ кунами, которыя выдавались изъ Онѣги; недостающее, однако не болѣе 20 гривенъ, дополнялось изъ княжеской казны. Такъ мы понимаемъ это мѣсто. Можетъ быть мы и ошибаемся; во всякомъ случаѣ наше толкованіе имѣетъ за себя больше вѣроятіи, чѣмъ переводъ г. Лакіера.

На стр. 77 авторъ говоритъ, что десятинной церкви въ Кіевѣ *принадлежали цѣлые города*, и основывается на словахъ лѣтописи, что Владиміръ обѣщалъ давать этой церкви отъ градъ своихъ десятую часть, и что Полоный назывался *десятиннымъ городомъ Святой Богородицы.* Намъ кажутся эти доводы недостаточными. Подъ выраженіемъ *отъ градъ своихъ десятую часть* едва ли можно разумѣть, что князь уступилъ церкви десятую часть своихъ городовъ. Если это и возможно, то изъ приведеннаго мѣста выводить нельзя. Какъ князь уступилъ церкви десятину отъ даней, виръ, продажъ, также могъ онъ уступить десятину изъ *доходовъ* отъ городовъ, ему принадлежащихъ. Названіе «десятинный городъ» тоже подвержено различному толкованію. Князь могъ уступить церкви всѣ доходы десятаго изъ своихъ городовъ, вмѣсто того, чтобъ отдавать ей десятую часть изъ доходовъ каждаго города: подъ десятиннымъ городомъ, далѣе, могъ лѣтописецъ разумѣть городъ, платившій церкви десятину, въ отличіе отъ другихъ, неплатившихъ ничего церкви. Это потому возможно, что князь отдавалъ десятую часть отъ *своихъ* городовъ, слѣдовательно принадлежавшихъ ему, въ отдѣльное владѣніе. Дѣлая эти возраженія г. Лакіеру, мы вовсе не хотимъ непремѣнно утверждать противное его мнѣнію; можетъ быть его объясненіе и лучше тѣхъ, которыя мы предложили. Пріискивая возможность другого толкованія, мы хотимъ только доказать, что онъ недовольно остороженъ въ своихъ заключеніяхъ, и что мѣстъ, приведенныхъ имъ изъ источниковъ, мало для произнесенія окончательнаго отвѣта на вопросы столько важные, какъ напр. вопросъ о томъ, имѣла ли церковь въ XII вѣкѣ право собственности на города, или не имѣла? Отвѣтъ приблизительный, около, по догадкамъ и вѣроятіямъ, еще не даетъ права говорить аподиктически. — На той же стр. прим. 12, въ жалованной грамотѣ Мстислава Юрьеву монастырю слово *боуйцѣ* г. Лакіеръ переводитъ: *покровителю военныхъ*, но не объясняетъ и не показываетъ, гдѣ встрѣчалъ онъ это слово съ такимъ значеніемъ, и не опровергаетъ довольно общепринятаго мнѣнія, по которому подъ *боуйцѣ* разумѣютъ названіе села, пожалованнаго княземъ Юрьеву монастырю. Оттого ему кажется, что въ печатной грамотѣ есть пропускъ. — На стр. 78 авторъ также рѣшительно, хотя и также неосновательно, утверждаетъ, что «съ того времени, какъ «Россія стала вотчиною и дѣдиною великокняжескаго рода, *ни «одно лицо*, къ нему принадлежавшее, не умирало безъ завѣщанія, въ «которомъ бы не было какого-нибудь отказа въ пользу церкви», и т. д. Легко это сказать, но доказать — просто невозможно. Притомъ фраза сбивчива: если авторъ думалъ этимъ выразить, что не было завѣщанія безъ такого распоряженія — онъ можетъ быть правъ; за него всѣ

вѣроятія; но если принять его слова буквально, что ни одинъ членъ великокняжескаго семейства не умиралъ безъ завѣщанія – это очевидно не правда.

Почти каждая страница представляетъ подобныя недоказанныя положенія. На стр. 80 и 81 читаемъ: «по мѣрѣ того, какъ развивалось у насъ понятіе о государствѣ, уменьшалось и количество земель, отдаваемыхъ государями въ монастыри, и частные люди, которые по ограниченному у насъ въ древности праву собственности не могли никогда давать въ монастыри большія имѣнія, стали также переставать жертвовать частью своего достоянія на поминокъ души.» Нужна большая рѣшительность, чтобъ такъ положительно говорить о фактахъ неизвѣстныхъ, и притомъ такой важности. Уменьшеніе или увеличеніе церковныхъ вкладовъ есть характеристическая черта не только въ исторіи церковныхъ вотчинъ, но въ исторіи русской цивилизаціи. Отъ разнаго рѣшенія этаго вопроса взглядъ на нее совершенно измѣняется. Авторъ знаетъ, что множество документовъ, которые могли бы имѣть въ этомъ дѣлѣ окончательный голосъ, исчезли безвозвратно; изъ существующихъ обнародована по объему самая незначительная часть. Да что мы говоримъ? Кто не знаетъ, какое огромное количество однѣхъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ еще не напечатано; а вѣдь онѣ еще не самый богатый источникъ для изученія постепеннаго увеличенія церковныхъ имѣній. Гдѣжь пользовался авторъ статистическими данными, которые одни могутъ рѣшить вопросъ. Да наконецъ онъ и самъ себѣ противорѣчитъ, ибо на стр. 98 мы читаемъ у него слѣдующее: «нѣтъ почти *ни одного* завѣщанія, въ которомъ бы не отказывались земли въ пользу церкви, такъ-что если не оставалось завѣщанія, предполагалось, что умирающій, если бы успѣлъ распорядиться о своемъ имѣніи, не забылъ бы церкви». И это совершенно справедливо. Ограниченное право собственности частныхъ людей въ древней Руси — еслибъ оно и дѣйствительно было ограничено — не свидѣтельствуетъ нисколько о величинѣ имѣній, отказываемыхъ церкви. Право на имѣніе могло быть ограничено, а количество ихъ велико; одно нисколько не зависитъ отъ другого и съ нимъ не связано. — Далѣе, на стр. 82, г. Лакіеръ упоминаетъ о какихъ-то будто бы имъ упомянутыхъ стѣсненіяхъ свободной отдачи земель въ монастыри еще до Іоанна III; мы не видали и не знаемъ этихъ стѣсненій.

Начиная съ 82 стр. авторъ подробно излагаетъ исторію секуляризаціи церковныхъ имѣній. Мы уже высказали выше свое мнѣніе объ этой части разсужденія; кромѣ нѣкоторыхъ пропусковъ, она особенно потому неудовлетворительна, что очень поверхностно излагаетъ причины секуляризаціи почти на каждой страницѣ находимъ новыя,

не сведенныя и не обслѣдованныя критически; оттого вѣроятныя и невозможныя причины пестро перемѣшаны и исчисляются въ хронологическомъ порядкѣ. Авторъ, вѣроятно увлекшись разсказомъ, какъ-будто забылъ, къ чему клонились мѣры правительства въ отношенія къ церковнымъ вотчинамъ, потерялъ нить административнаго переворота, приготовлявшагося исподоволь слишкомъ двѣсти пятдесятъ лѣтъ, — потерялъ до того, что на стр. 94 говоритъ: «оконча«ніе реформы, начатой Петромъ великимъ на счетъ отвода къ мона«стырямъ узаконеннаго количества земли и угодій, произошло при «Императрицѣ Екатеринѣ II.» Кажется, не для чего напоминать, что реформа Петра Великаго, оконченная Екатериной II, вовсе не состояла въ отводѣ монастырямъ узаконеннаго (?) количества земли и угодій, а въ обращеніи монастырскихъ и церковныхъ имѣній изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское, такъ-что результатомъ реформы было уничтоженіе права собственности церкви на церковныя вотчины; церковь была послѣ того надѣлена землями и угодьями отъ государства, но уже безъ права собственности; самое пріобрѣтеніе вновь земель запрещено церкви, исключая особенныхъ случаевъ, въ которыхъ на такое пріобрѣтеніе стало необходимо соизволеніе верховной власти. — На стр. 99 г. Лакіеръ объясняетъ обращеніе на выкупъ плѣнныхъ денегъ, отданныхъ въ монастыри «по душѣ» безпотомно умершихъ, тѣмъ, «что проповѣдникъ долженъ жить отъ своей проповѣди». Но это объясненіе вовсе невѣроятно. Не надобно забывать, что это постановленіе состоялось очень не за-долго до Петра, когда секуляризація церковныхъ имуществъ уже успѣла сдѣлать значительные успѣхи.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя неточности въ этой главѣ. Жалованная данная грамота, по мнѣнію автора, тоже, что̀ теперь указъ о вводѣ во владѣніе (стр. 112); это несправедливо. Послѣднему въ древней юридической практикѣ соотвѣтствовали *послушная* и *ввозная* грамоты. — «Первыя два присутственныя мѣста (патріаршій дворъ и па«тріаршій приказъ) завѣдывали судомъ надъ жителями домовыхъ па«тріаршихъ имѣній». (стр. 113). Въ ссылкахъ, приведенныхъ авторомъ, о патріаршѣ приказѣ ни слова. «Онѣ (патріаршія вотчины) «вмѣстѣ съ архіерейскими и монастырскими недвижимыми имѣніями «подчинены первоначально Духовной Коллегіи, а потомъ Св. Синоду.» (стр. 115). Также различены Духовная Коллегія и Синодъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 126). Сколько мы знаемъ, Духовная Коллегія и Синодъ — одно и тоже учрежденіе. О подсудности монастырей приказу Большого Дворца сказано: (стр. 123, примѣч. 187): «Явленіе это вполнѣ объяс«няется тѣмъ, что какъ дворецкій былъ собственно чиновникъ при «государѣ, такъ и образовавшійся изъ него приказъ Большаго Двор-

«ца, завѣдывавшій доходами съ имѣній государевыхъ, постоянно на«ходился при немъ. Государь слѣдовательно самъ могъ слѣдить посто«янно за его распоряженіями.» Съ этимъ мы не можемъ вполнѣ согласиться. Дворцовый приказъ не потому завѣдывалъ монастырскими дѣлами, что находился всегда при царѣ, который могъ такимъ образомъ слѣдить за его распоряженіями; причина гораздо проще: приказъ Большого Дворца разросся изъ должности дворецкихъ, которымъ князья сначала дѣйствительно поручали завѣдываніе монастырями, какъ ближайшимъ своимъ слугамъ. Сперва монастыри судилъ и вѣдалъ самъ князь; это было важной привилегіей; въ немъ монастыри находили защиту и опору противъ произвола кормленщиковъ и ихъ слугъ. А когда кругъ дѣятельности князей расширился, занятія ихъ стали многосложнѣе, они удѣляли часть дѣлъ, находившихся въ ихъ непосредственномъ завѣдываніи, приближеннымъ и довѣреннымъ лицамъ. Монастыри отданы дворецкимъ. Такъ они и остались за ними, и когда, по многосложности занятій дворецкихъ, появились дворцовые приказы — за дворцовыми приказами. Понятно, что первоначальное значеніе этой привилегіи монастырей — судиться непосредственно самимъ княземъ, или «кому онъ укажетъ»—должно было значительно измѣняться, отчасти утратиться. Но все-таки монастырямъ была выгодна подвѣдомственность одному учрежденію, а не нѣсколькимъ, тѣмъ болѣе воеводамъ, смѣнявшимся довольно часто. Въ древней Руси, при недостаткѣ правильной администраціи и проистекавшей отсюда необходимости задабривать судью, — отчего и непонятная въ наше время пословица: небойся суда, бойся судьи, — было дѣломъ чрезвычайно важнымъ, сколько правителей, и кто именно правитъ. Имѣть одного и постояннаго было гораздо выгоднѣе, чѣмъ нѣсколькихъ и часто смѣнявшихся. Возвращаясь къ вопросу, мы замѣтимъ, что завѣдываніе дворцовымъ приказомъ монастырей зависѣло не отъ сопутствованія этого приказа государю, а оттого, что они находились первоначально въ вѣдомствѣ дворецкихъ.

Перейдемъ теперь къ послѣдней, третьей главѣ: о *вотчинахъ частныхъ лицъ и помѣстьяхъ.* Эта часть разсужденія г. Лакіера имѣетъ тѣже достоинства, какъ и прежнія, но недостатки ея гораздо значительнѣе и рѣзче. Частныя вотчины и помѣстья составляютъ главную задачу изслѣдованій автора; но именно она-то разрѣшена всего неудовлетворительнѣе. И ошибокъ встрѣчаемъ здѣсь несравненно болѣе. Очевидно, авторъ приступилъ къ дѣлу не опредѣливши напередъ главныхъ вопросовъ, не установивъ и не выяснивъ путеводныхъ точекъ, которыя служили бы ему руководствомъ при изложеніи предмета и дали бы его изыскаціямъ цѣлость и единство. Положенія вели-

чайшей важности схвачены какъ-будто налету, случайно, и такъ и представлены; частое противорѣчіе факта съ теоріей — вѣрное доказательство, что или фактъ ошибочно понять, или теорія невѣрна. Всюду видны поверхностное изученіе, небрежность, едва понятныя въ такомъ важномъ предметѣ.

Правъ полной собственности, принадлежавшихъ въ древней Россіи исключительно государю и церкви надъ ихъ землями, не имѣли частныя лица надъ своими вотчинами и помѣстьями. Кромѣ государственнаго характера, преобладавшаго у насъ въ древней частной собственности, полному развитію ея мѣшалъ родовый элементъ, возникшій первоначально изъ духа народнаго и образованія государства чрезъ нарожденіе, и поддерживаемый впослѣдствіи, особенно со времени Петра В., для государственныхъ цѣлей. Справедливость сказаннаго докажетъ намъ изложеніе способовъ пріобрѣтенія частной собственности въ древней Россіи, перехода имѣній отъ одного лица къ другому и наконецъ прекращенія права собственности При этомъ необходимо различать два оттѣнка: вотчины и помѣстья, изъ которыхъ вторыя до 1714 года отличались отъ первыхъ своимъ исключительно государственнымъ, служебнымъ характеромъ, и отсутствіемъ въ нихъ вслѣдствіе сего родовой стихіи, пока помѣстья не слились въ 1714 году съ вотчинами, подъ именемъ недвижимыхъ имѣній. Измѣнилось названіе, но собственность частныхъ лицъ была обременена различными регаліями, необходимыми для государственныхъ цѣлей, пока наконецъ эти ограниченія не сняты съ частныхъ имѣній при Императрицѣ Екатеринѣ II. (стр. 131 и 132).

Нѣкоторыя изъ этихъ совершенно ошибочныхъ и ложныхъ общихъ положеній о частной собственности въ древней Руси мы уже разбирали, и потому не станемъ долго надъ ними останавливаться. Очевидно здѣсь, какъ и прежде, авторъ перемѣшалъ собственность отдѣльнаго лица съ собственностью рода, и потому, что не было первой, отрицаетъ у насъ существованіе полной частной собственности вообще. Но къ этой главной, основной ошибкѣ присоединились еще множество другихъ, совершенно для насъ непонятныхъ. На какомъ основаніи авторъ упоминаетъ вмѣстѣ, не раздѣляя, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, и называетъ ихъ *оттѣнками* одного и того же права? Откуда взялъ г. Лакіеръ, что родовой элементъ въ собственности былъ поддерживаемъ, особенно со времени Петра Великаго, для какихъ-то государственныхъ цѣлей? Гдѣ онъ видитъ въ помѣстной системѣ отсутствіе родовой стихіи, или, правильнѣе сказать, какъ онъ не замѣтилъ ея въ помѣстной системѣ? Все это слишкомъ ясно показываетъ, какъ обдуманно приступилъ авторъ къ дѣлу. А между тѣмъ, что такое помѣстья, чѣмъ различаются онѣ отъ вотчинъ, какъ помѣстья мало-по-малу воспринимали въ себя начала соб-

ственности и съ тѣмъ вмѣстѣ родовой элементъ, какъ собственность постепенно выработывалась у насъ изъ родового начала, особенно со времени реформы,—все это азбука въ исторіи помѣстной и вотчинной системы. О сбивчивыхъ понятіяхъ автора о полномъ правѣ собственности нечего и говорить. Опредѣливши право собственности «какъ «понятіе отвлеченное въ самомъ себѣ и безграничное въ исполненіи, «въ той мѣрѣ, въ какой это дозволяютъ правила религіи, образъ пра-«вленія и вообще государственное устройство», г. Лакіеръ показалъ свое неискусство обходиться съ теоретическими вопросами.

Чтобы отстоять свою основную мысль, будто бы частные люди не имѣли у насъ полныхъ правъ собственности, авторъ долженъ былъ, логически, впасть въ другую, не менѣе важную ошибку. «Частная собственность» — читаемъ мы на 132 страницѣ — «вы-«текла изъ Государевой. Древнѣйшіе по этому способы пріобрѣ-«тенія частными людьми вотчинъ истекали изъ воли Монарха.» Еслибъ онъ сказалъ, что способы пріобрѣтенія собственности опредѣляются и устанавливаются положительнымъ законодательствомъ, и безъ его признанія недѣйствительны, это было бы несомнѣнно такъ. Но и тутъ замѣтимъ, что утвержденіе правительствомъ способовъ пріобрѣтенія появляется не прежде появленія самого законодательства, слѣдовательно обыкновенно довольно поздно. Но утверждать, что вотчины исторически произошли у насъ вслѣдствіе пожалованья или уступки ихъ частнымъ лицамъ со стороны князей, значитъ просто не знать исторіи русскаго законодательства. Роды, общины, городскія и сельскія, съ незапамятныхъ временъ и гораздо прежде призванія князей жившіе па однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, владѣли ими на вотчинномъ правѣ; завладѣніе и заселеніе пустопорожней земли еще въ XVIII вѣкѣ давало право собственности. Повторимъ, что государь былъ обладателемъ всей Россіи въ государственномъ, а не частномъ смыслѣ слова, и всѣ повинности и регаліи, лежавшія съ Петра Великаго до Екатерины II на частной собственности, доказываютъ только зависимость ея отъ государства — явленіе весьма естественное, общее всѣмъ законодательствамъ, а не ея отсутствіе. Въ числѣ способовъ пріобрѣтенія собственности первымъ названа *продажа князьями земель боярамъ.* Не доказываетъ ли одно это, что бояре уже имѣли частную собственность? Не будь этого, какъ бы они могли покупать ее у князей? Правда, эта собственность нерѣдко нарушалась; но это зависѣло всегда отъ государственныхъ причинъ, отъ отношеній князей по удѣламъ, слѣдовательно противъ существованія частной собственности не свидѣтельствуетъ нисколько. Авторъ говоритъ: «иногда Великіе Князья, именно вслѣдствіе преоб-«ладавшаго тогда начала, распредѣляя въ духовномъ завѣщаніи свои

«владѣнія, отдавали своему потомству пожалованныя и проданныя частнымъ лицамъ земли,» (стр. 132). Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ мѣсто изъ завѣщанія Василія Темнаго: «а кому буду давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтемъ «боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому далъ; «ино то мои села моимъ дѣтямъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому-«то и есть.» Конечно можетъ быть, что эти пожалованныя и проданныя вотчины дѣйствительно были отобраны у ихъ владѣльцевъ и стали собственностью княжескаго дома. Будь и такъ — это бы еще ничего не доказывало противъ существованія права собственности въ древней Россіи. Но сверхъ того намъ кажется, что это мѣсто можетъ быть и иначе объяснено. Отдача боярскихъ и другихъ владѣльческихъ земель князьямъ по удѣламъ имѣла, какъ намъ кажется, только государственное, а не гражданское, частное значеніе. Изъ договоровъ и завѣщаній князей московской эпохи видно, что бояре и слуги могли имѣть вотчины въ одномъ удѣлѣ, а служить въ другомъ; иногда, напротивъ, мѣсто владѣнія опредѣляло и службу, такъ-что переходя къ другому князю владѣлецъ лишался своей собственности. Бывало также, что вотчины бояръ и слугъ одного князя, находившіяся въ удѣлахъ другихъ князей, считались, по ихъ владѣльцамъ, принадлежащими къ удѣлу перваго, и наоборотъ, вся территорія удѣла безъ изъятія могла находиться въ нераздѣльномъ государственномъ обладаніи мѣстнаго князя. Не разумѣетъ ли завѣщаніе Василія Темнаго отдачу купленныхъ и пожалованныхъ владѣній удѣльному князю въ этомъ послѣднемъ, а не въ гражданскомъ значеніи? Не смѣемъ утверждать навѣрное, что такъ было, но думаемъ, что это не только возможно, но даже весьма вѣроятно; ибо, повторяемъ, мы видимъ и знаемъ частную собственность въ древней Руси и не можемъ представить себѣ времени, когда ея не было.

Говоря о давности, какъ способѣ пріобрѣтенія вотчинъ, авторъ дѣлаетъ три ошибки: во-первыхъ, онъ причисляетъ давность къ способамъ пріобрѣтенія, «истекавшимъ изъ воли монарха». Во-вторыхъ, по его мнѣнію, «давность у насъ въ первоначальномъ своемъ состоя-«ніи имѣла главнымъ образомъ въ виду *наказать владѣльца за его «небрежность*, за то, что онъ допустилъ постороннее лице провла-«дѣть извѣстное число лѣтъ его имѣніемъ, не оспаривая этого закон-«нымъ порядкомъ.» (стр. 137). Но у насъ не только въ древности, даже въ XVIII вѣкѣ, когда гражданственность была сравнительно развита гораздо больше, поводомъ къ установленію давности служило желаніе правительства по возможности уменьшить число исковъ, уничтожить безконечные и слишкомъ запутанные процессы, раззорительные для тяжущихся, обременительные

для судовъ. Тѣмъ болѣе такъ было въ болѣе отдаленныя времена Прибавимъ къ этому, что право собственности, которое всегда и вездѣ проистекаетъ изъ владѣнія, во всѣхъ законодательствахъ очень долго сохраняетъ на себѣ живые слѣды своего историческаго прототипа, и постоянное владѣніе необходимо, чтобъ право собственности могло сохраниться. Прервалось владѣніе — прерывается вскорѣ и право собственности. Оттого такой ограниченный срокъ для поземельной давности въ нашихъ судебникахъ. Только съ значительными успѣхами гражданственности право становится самостоятельнѣе, такъ сказать независимѣе отъ факта, и срокъ давности увеличивается. Въ-третьихъ, г. Лакіеръ утверждаетъ, что «срокъ для истеченія давности былъ продолжительнѣе по отношенію къ недвижимымъ имѣніямъ, которыми владѣлецъ, особенно при большомъ ихъ «количествѣ, не могъ или не имѣлъ нужды пользоваться часто и *кратче въ дѣлахъ объ имѣніи движимомъ и по обязательствамъ*» (стр. 137). Этому противорѣчитъ однако самымъ положительнымъ образомъ наше законодательство: для земли была *трехълѣтняя* давность, для денежныхъ исковъ по заемнымъ актамъ – *пятнадцатилѣтняя*. Авторъ можетъ быть имѣлъ ввиду 40-лѣтнюю давность, погашавшую право выкупа родовыхъ имѣній; но вѣдь это не была давность поземельная, а чисто личная, которая свидѣтельствовала только о силѣ кровныхъ отношеній и связей, признаваемыхъ и освященныхъ законодательствомъ.

Въ изслѣдованіи одного изъ весьма важныхъ вопросовъ древняго русскаго законодательства: имѣли ли крестьяне право пріобрѣтать въ собственность землю? г. Лакіеръ дѣлаетъ тоже нѣсколько ошибокъ. Онъ думаетъ, что съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ это право *необходимо* исчезло; но съ этимъ нельзя согласиться. Прикрѣпленіе приготовило уничтоженіе гражданскихъ правъ для одной только части крестьянскаго сословія; для другой они не прекращались, и въ XVIII вѣкѣ только подтверждены закономъ. Ошибка эта оттого произошла, что авторъ думаетъ, будто крестьяне «прикрѣплены къ землѣ наравнѣ съ холопами и дворовыми людьми». Какъ онъ пришелъ къ этому результату не знаемъ; ибо всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что холопы и дворовые люди составляли личную собственность господъ, но не были прикрѣплены къ землѣ до первой ревизіи и не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ; напротивъ, крестьяне и послѣ прикрѣпленія долго сохраняли гражданскія права, а жившіе на казенныхъ земляхъ никогда ихъ и не утрачивали. Но самая важная ошибка г. Лакіера состоитъ въ томъ, что, говоря о правѣ крестьянъ имѣть поземельную собственность, онъ не обратилъ никакого вниманія на владѣніе землею

общинъ и городовъ. Какъ собственность родовая рѣшительно преобладала у насъ въ старину надъ собственностью отдѣльныхъ лицъ, такъ точно право крестьянъ на поземельную собственность, которымъ рѣдко пользовались отдѣльныя ихъ семьи и лица, весьма опредѣленно и ясно выражалось въ поземельной собственности городскихъ и сельскихъ общинъ. Это авторъ совершенно опустилъ изъ виду. А отчего? Оттого, что онъ перемѣшалъ гражданскую поземельную собственность съ государственнымъ обладаніемъ территоріи. По его мнѣнію, московскіе государи имѣли право гражданской собственности на всю землю внутри предѣловъ Московскаго государства; для собственности частныхъ лицъ не оставалось уже мѣста, и потому онъ вычеркнулъ ее изъ древней Руси. Естественно, что и общины представились ему тоже сидящими на государевой землѣ, съ правомъ владѣнія и пользованія. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Не говоря уже о свидѣтельствѣ древнихъ актовъ и законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ несомнѣнно видно, что въ древней Руси были общины, никому не принадлежавшія въ собственность и совершенно свободно распоряжавшіяся своими землями и угодьями, самое законодательство XVIII вѣка доказываетъ это очевиднымъ образомъ. Цѣлый рядъ постановленій, особливо съ царствованія Императрицы Екатерины II, вводитъ положеніе, что земли, не принадлежащія въ собственность частнымъ лицамъ или императорской фамиліи, принадлежатъ, по гражданскому праву, государству, и только оно имѣетъ право распоряжаться ими на правахъ собственника. Итакъ, это было новое явленіе въ нашемъ внутреннемъ быту; иначе не для чего было бы проводить его законодательными мѣрами. Еще въ Уложеніи земли, никому не принадлежащія, называются *ничьими*. Первое вмѣшательство администраціи во внутренній бытъ городовъ обнаруживается общей мѣрой не ранѣе Алексѣя Михайловича. Но мы знаемъ, что оно вызвано было жалобами городскихъ жителей и притомъ имѣло финансовое значеніе, и никакого прямого отношенія къ поземельнымъ правамъ городскихъ общинъ. Еслибъ авторъ изучилъ поземельную собственность древнихъ общинъ, отношеніе къ ней отдѣльныхъ членовъ этихъ общинъ и постепенное обращеніе этой собственности въ государственную, онъ конечно оказалъ бы важную услугу исторіи русскаго внутренняго быта, и гораздо легче рѣшилъ бы вопросъ, до сихъ поръ представляющій непобѣдимыя трудности.

Весьма сбивчиво изложена также статья, которая уже, сама по себѣ, могла бы составить предметъ очень интересной юридической монографіи: мы говоримъ о *родовомъ характерѣ нашихъ древнихъ вотчинъ*. Въ чемъ этотъ элементъ обозначился и какъ онъ постепенно ослабѣвалъ — вопросъ чрезвычайно важный, особенно по

той роли, которую кровное начало играло въ нашемъ древнемъ быту. На стр. 141 мы встрѣтили слѣдующія слова: «право отчуждать по «произволу вотчину и право, составлявшее вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность передавать ее въ родъ потомству, которому она пожалована «въ лицѣ представителя рода, какъ бы противоположны между собою, «но они сходятся въ одномъ правѣ полной собственности въ той мѣ«рѣ, въ какой она была доступна для частнаго человѣка въ древней «Россіи». Что̀ хотѣлъ сказать этимъ авторъ? не знаемъ. Вопросъ поставленъ имъ очень любопытный; его разрѣшеніе должно дать ключь къ постепенному переходу собственности изъ родовой въ отдѣльную, личную. Жаль, что авторъ, вмѣсто того, ограничился непонятной и ничего не значащей фразой.

«Родовыя вотчины продавались нерѣдко.... въ полную, безгра«ничную, неотъемлемую собственность, *безъ предоставленія род«ственникамъ продавца права выкупа*, о чемъ въ купчей именно «упоминалось.» (стр. 143). Это несовсѣмъ вѣрно. Продавецъ могъ отказываться отъ права выкупа за свое нисходящее потомство; что̀ же касается до прочихъ, то необходимо было, чтобъ они сами отъ него отказались, какъ видно изъ новгородскихъ купчихъ. — Говоря далѣе о правѣ выкупа, г. Лакіеръ объясняетъ постановленіе Іоанна Грознаго, которымъ закладъ земли обращенъ въ залогъ, и смягчены прежнія, тягостныя для заемщиковъ условія стремленіемъ «правительства сохранить вотчину въ родѣ.» (стр. 145). Мы находимъ это объясненіе совершенно ошибочнымъ. Во всѣхъ законодательствахъ, сначала очень строгихъ и суровыхъ къ должникамъ, наступаетъ рано или поздно эпоха, когда они принимаются правительствомъ подъ защиту и охраняются отъ произвола, корыстолюбія и жестокости кредиторовъ. Великій Іоаннъ, задумавшій и отчасти совершившій столько важныхъ реформъ, первый обратилъ сострадательное вниманіе на жалкую участь должниковъ и началъ ограждать ихъ законами. Къ числу этихъ законовъ относится и упомянутый г. Лакіеромъ (1558 года, 11 января); сохраненіе вотчинъ въ родѣ могло быть его послѣдствіемъ, но вовсе не было цѣлью.

Какъ мало вникалъ авторъ въ родовой характеръ нашего древняго вотчиннаго права, видно между прочимъ изъ его разсужденій объ отношеніи завѣщанія къ наслѣдованію по закону въ до-петровской Руси. Онъ говоритъ (стр. 153 и 154):

«Начало свободнаго распоряженія своего вотчиною и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе родоваго начала составляютъ отличительную черту древняго русскаго наслѣдственнаго права, а завѣщаніе и законъ были двѣ соотвѣтствующія означеннымъ началамъ формы наслѣдованія, *съ преобладаніемъ впрочемъ перваго.*»

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 160):

«Ни въ уложеніи, ни въ послѣдующихъ узаконеніяхъ до 1679 года не было прямо высказано начало, что вотчинникъ не вправѣ завѣщевать по произволу свои родовыя и выслуженныя вотчины, хотя, вообще говоря, *права*, изъ полной собственности истекающія, и *въ отношеніи къ наслѣдственному праву, были во многомъ ограничены и вслѣдствіе того на практикѣ колебались при исполненіи завѣщаній о родовомъ имѣніи* »

Наконецъ (стр. 154, примѣч. 81):

«Безполезно было бы доказывать, что въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ былъ исключительно родовой элементъ, хотя съ другой стороны нельзя отвергать его существованія.»

Итакъ, въ одно и тоже время, авторъ доказываетъ два положенія, совершенно противоположныя: сперва, что завѣщаніе преобладало у насъ надъ законнымъ порядкомъ наслѣдованія, — потомъ, что законный порядокъ преобладалъ надъ завѣщаніемъ. Первое онъ утверждаетъ вообще, второе — въ отношеніи къ родовымъ и выслуженнымъ вотчинамъ. Чѣмъ разрѣшается это противорѣчіе, какъ относятся другъ къ другу оба положенія, объ этомъ ни слова; авторъ не позаботился даже указать на источники, гдѣ онъ вычиталъ объ ограниченіи права свободнаго завѣщанія родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ до 1679 года, и о практическомъ примѣненіи обычныхъ понятій о родовомъ имѣніи. Отношеніе родового начала къ свободному завѣщанію въ древнемъ русскомъ наслѣдственномъ правѣ представлено у него прямо противоположно тому, какъ было на дѣлѣ, - и онъ былъ бы совершенно правъ, еслибъ сказалъ: безполезно было бы доказывать, что въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ было исключительно признано свободное распоряженіе имѣніемъ по завѣщанію, хотя, съ другой стороны, нельзя отвергать его существованія. Вся эта темнота и запутанность произошли оттого, что г. Лакіеръ, изучая наше наслѣдственное право, принялъ исходной точкой римское право, а не древніе русскіе обычаи. У римлянъ наслѣдованіе по закону было противодѣйствіемъ, обузданіемъ произвола завѣщателей, которые были особенно неблагосклонны къ своимъ естественнымъ наслѣдникамъ. Оттого у римлянъ завѣщательное распоряженіе представляло совершенную противоположность законному порядку наслѣдованія, и они взаимно исключали другъ друга. У насъ, въ древней Руси, не было ничего подобнаго. У насъ кровное начало поддерживалось нравами, обычаями, и потому-то, между прочимъ, такъ долго родовое начало не было предметомъ законодательныхъ опредѣленій: оно держалось собственной обычной крѣпостью. Время перехода его въ за-

конодательство было временемъ его упадка, обезсиленія; законъ старался поддержать и упрочить то, что въ обычаяхъ уже колебалось и падало. Вотъ почему у насъ завѣщаніе, свободное распоряженіе объ имѣніи на случай смерти вовсе не были противоположны законному порядку наслѣдованія, какъ у римлянъ. Завѣщатели обыкновенно строго придерживались естественнаго порядка наслѣдованія, исключенія были весьма рѣдки, да и изъ нихъ бо́льшая часть состояли въ отказѣ имѣнія не ближайшему, а другимъ родственникамъ, или въ неравномъ распредѣленіи частей между наслѣдниками. Такимъ образомъ, строить систему древняго наслѣдственнаго права на противоположеніи завѣщаніи наслѣдованію по закону, значитъ заранѣе отказаться отъ возможности ее построить правильно. Сначала у насъ нераздѣльно господствовала воля завѣщателя; потомъ она стѣснена въ отношеніи къ родовымъ имѣніямъ. Но самый порядокъ наслѣдованія и до этихъ ограниченій и послѣ остался одинаковъ, потому что завѣщательныя распоряженія и правило закона совпадали, имѣя одно содержаніе и одинъ источникъ — обычаи.

Въ изслѣдованіи о законномъ порядкѣ наслѣдованія авторъ не довольно внимательно прослѣдилъ, какъ постепенно родовое начало вытѣсняло семейное,—другими словами, какъ права нисходящихъ родственниковъ на наслѣдованіе расширялись, а боковыхъ, напротивъ, стѣснялись. А это предметъ чрезвычайно важный. Въ другомъ мѣстѣ мы высказали, что борьба родового начала съ семейнымъ и постепенное преобладаніе послѣдняго надъ первымъ составляютъ движущее начало между-княжескихъ отношеній отъ смерти Ярослава до Московскаго государства. Тоже самое повторилось и въ гражданскомъ быту, въ наслѣдственномъ правѣ, хотя, по времени, позднѣе. По Русской Правдѣ наслѣдуютъ сыновья и дочери; по Судебникамъ и внуки; правнуки признаны къ наслѣдованію уже послѣ Уложенія. Въ новомъ законодательствѣ самые отдаленные нисходящіе исключаютъ изъ наслѣдства боковыхъ родственниковъ.

Съ 161 страницы начинается изложеніе помѣстной системы. И здѣсь видно, что авторъ не составилъ себѣ опредѣленнаго, яснаго понятія о предметѣ, когда началъ о немъ писать. Общія положенія перемѣшаны съ фактическимъ изложеніемъ; гдѣ они ему представлялись по поводу какихъ-нибудь данныхъ, тамъ онъ ихъ и записывалъ. Оттого многихъ положеній мы вовсе не находимъ, а другія недостаточно развиты; прочитавъ разсужденіе г. Лакіера, все-таки не знаешь, какъ и почему возникла помѣстная система, какъ она развивалась, подъ какими условіями, и отчего прекратилась. Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ встрѣчаемъ довольно и частныхъ промаховъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

О причинахъ появленія помѣстій авторъ говоритъ: «Какъ прежде, «т. е. тогда, когда младшіе братья были обязаны помогать старшему «въ его походахъ, великому князю не часто представлялась необхо«димость давать служилымъ людямъ земли, подъ условіемъ службы, «такъ напротивъ того послѣ Іоанна III, когда удѣльные князья, по«терявъ всякое политическое значеніе, какъ самостоятельные госу«даря, обратились въ слугъ великаго князя московскаго, необходимо «было подумать объ обезпеченіи судьбы людей, служившихъ государ«ству и притомъ именно на *мѣстахъ* военныхъ». (стр. 165 и 167). И еще: «служба и первоначально *только военная* была причиною и «основаніемъ раздачи помѣстій». (Стр. 170). Итакъ, по мнѣнію г. Лакіера, однимъ изъ главныхъ условій установленія и развитія нашей помѣстной системы было уничтоженіе удѣловъ; притомъ характеръ ея былъ военный: помѣстья введены, чтобъ можно было служить именно военную службу. Но гдѣжь доказательства на все это? Вотчины княжескія существовали и во времена Іоанна IV и послѣ; военная служба отъ гражданской и придворной не различались; изъ мѣръ того же Іоанна IV не видно, что бывшіе удѣльные князья хоть сколько нибудь вліяли на устройство помѣстій. Все это опровергаетъ автора и показываетъ, что онъ слишкомъ односторонно понялъ начало помѣстной системы и историческіе поводы ея появленія. Этого мало: онъ не позаботился даже придать вѣроятность своей гипотезѣ; ибо она не подтверждена ни одной ссылкой. Еслибъ у г. Лакіера не было предшественниковъ на этомъ поприщѣ, мы бы еще поняли эту неосмотрительность; но въ наше время она непростительна. За историческія изслѣдованія теперь ужь нельзя приниматься такъ легко. Наконецъ мы не можемъ принять и самого этимологическаго объясненія слова *помѣстье* отъ *военныхъ мѣстъ*. Во-первыхъ, мѣста были не въ одной военной службѣ; а потомъ авторъ знаетъ, что мѣста имѣли *относительное* значеніе, въ счетахъ между служившими московскому государю, тогда какъ помѣстья раздавались по чинамъ. Извѣстно, что система испомѣщенья появилась у насъ весьма рано, вмѣстѣ съ первыми раздачами областей и городовъ княжескимъ приближеннымъ съ ихъ слугами; почему бы, кажется, удѣльнымъ князьямъ имѣть такое вліяніе на ея окончательное установленіе? Авторъ легко могъ притти къ тому же заключенію; на стр. 161 и 162 онъ указываетъ на ея слѣды при Калитѣ и Симеонѣ Гордомъ; только его обычная метода писать не обдумавши напередъ предмета вполнѣ была причиной, что подмѣченныя имъ данныя для объясненія помѣстной системы до Іоанна III и IV не привели его ни къ какимъ результатамъ, и испомѣщеніе служебныхъ князей — фактъ весьма важный въ государственной исторіи Россіи, но побочный въ исторіи по-

мѣстной системы — играетъ у него такую важную роль въ объясненіи происхожденія и образованія помѣстной системы.

Изъ какихъ земель раздавались помѣстья? Авторъ «разсужденія» говоритъ, что до Іоанна III и при немъ «Государи назначали своимъ «слугамъ землю за службу изъ *своихъ вотчинъ*, а впослѣдствіи «времени они испомѣщали ихъ изъ земель государевыхъ, дворцовыхъ и черныхъ». (Сстр. 170 и 171). Въ подтвержденіе приведено нѣсколько ссылокъ, доказывающихъ, что дѣйствительно черныя и дворцовыя земли раздавались въ помѣстья — и только. Дѣйствительно ли раздача различныхъ земель происходила въ той послѣдовательности, какъ утверждаетъ авторъ, и какое значеніе имѣла эта постепенность и раздача различныхъ земель въ помѣстья — объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. А это тоже вопросъ чрезвычайно важный, одинъ изъ первыхъ въ исторіи нашихъ поземельныхъ правъ и отношеній.

Наконецъ и вотчины частныхъ людей обращались въ помѣстья, но въ такомъ случаѣ, когда жена, оставшаяся вдовою по смерти мужа своего вотчинника и получившая отъ него землю на прожитокъ, съ обязанностью по смерти своей отдать ее въ монастырь до выкупа «для мужа своего поминка», выходила за мужъ. Вотчина бралась въ помѣстныя земли, за нее давались изъ казны въ монастырь деньги по Уложенію, жениху же жаловалось изъ той вотчины въ помѣстье, по усмотрѣнію Государя». (стр. 175).

Это несправедливо. Не вотчина обращалась въ помѣстье, а земля, по тогдашнему законодательству обратившаяся въ государеву, и слѣдовательно переставшая быть вотчиной.

Служба вообще и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаніе услугъ государству лицами привиллегированныхъ сословій, на примѣръ гостями были условіемъ дачи помѣстьевъ; служба же съ опредѣленнымъ оружіемъ и количествомъ людей — необходимымъ ея слѣдствіемъ». (стр. 183).

Это неточность. Если авторъ ужь разъ упомянулъ о гостяхъ, онъ долженъ былъ вспомнить, что не только они, но и многіе другіе, получавшіе помѣстья, служили не кровью и не съ оружіемъ. Изъ словъ Кошихина видно, что гости получали помѣстья за успѣшные сборы царскихъ пошлинъ, выгодную для казны продажу казенныхъ товаровъ и т. д. Подьячіе, сидѣвшіе по приказамъ, вѣроятно тоже весьма рѣдко оказывали государству военныя услуги, а получали же помѣстья.

На стр. 184 авторъ излагаетъ странную и весьма невѣроятную гипотезу, что кромѣ мѣстническихъ споровъ происходили еще, со-

отвѣтствовавшіе имъ, споры о помѣстьяхъ, и что «если мы и не на-«ходимъ о томъ въ памятникахъ *почти* (?) никакихъ извѣстій, то это «вѣроятно потому, что счетъ *о мѣсты* или собственно такъ называе-«мое мѣстничество заключало въ себѣ и споръ о помѣстьяхъ». Въ подтвержденіе этой мысли г. Лакіеръ приводитъ темное мѣсто изъ переписки Грознаго съ Курбскимъ, изъ котораго ровно ничего не слѣдуетъ; потомъ указываетъ на челобитныя «о томъ, что такой-то «служилый человѣкъ не достоинъ владѣть землею въ помѣстье, по-«тому что измѣнялъ государю, что онъ утаилъ бывшія за нимъ имѣ-«нія и т. п.». Эти челобитныя — говоритъ авторъ — «невольно наводятъ «на мысль, что побужденіемъ въ этомъ случаѣ для просителей и до-«носчиковъ было не одно желаніе получить выгодныя помѣстья, *а другой, высшій интересъ*». Но почему это? Законы обѣщали отдать помѣстья тому, кто докажетъ, что извѣстное лицо владѣетъ ими неправильно. Нуждавшихся въ помѣстьяхъ было много; они и пользовались этимъ. Это такъ просто, что не требуетъ никакого дальнѣйшаго объясненія. Наконецъ г. Лакіеръ ссылается на указъ Алексѣя Михайловича, который, придавая помѣстья дѣтямъ боярскимъ, выразился такъ: «что они у Государева дѣла въ *головахъ и знаменщикахъ* «были радостью и за то ихъ государь похваляетъ, а та имъ служба «къ государской милости и чести. А будетъ кто станетъ ихъ тѣмъ «*упрекати*: и тому быти сослану въ Сибирь, а придати тѣмъ, кото-«рые въ 156 году были на государевѣ службѣ на Украйнѣ въ полкѣхъ «до отпуску». Но и это мѣсто опять-таки не говоритъ въ пользу г. Лакіера. Въ изслѣдованіяхъ г. Валуева о мѣстничествѣ мы находимъ, что служба въ головахъ и знаменщикахъ считалась низшей, и для знатныхъ родичей влекла за собой *потерку*, уменьшеніе служебной чести, такъ-что роды, занимавшіе такія мѣста, *худали*, понижались въ служебной лѣствицѣ. Что были знатные роды захудавшіе, видно изъ Кошихина. Наконецъ, мы знаемъ, что государи изъ дома Романовыхъ всячески старались стѣснить и по возможности ограничивать мѣстничество, вредное для службы и несогласное съ новымъ, государственнымъ порядкомъ, въ которомъ выборъ государя и личныя достоинства должны были сдѣлаться единственнымъ основаніемъ права занимать то или другое мѣсто въ службѣ. Достаточно припомнить все это, чтобъ найти настоящій смыслъ мѣста, приведеннаго г. Лакіеромъ. Между дѣтьми боярскими, служившими въ головахъ и знаменщикахъ, вѣроятно были члены знатныхъ родовъ. Добровольно они занимали эти мѣста, или нѣтъ — нельзя сказать; ибо очень часто, особенно въ XVII вѣкѣ, царь приказывалъ служить безъ мѣстъ, т. е. не считаясь мѣстами, до окончанія похода, а кто не повиновался, тотъ послѣ

такого приказанія наказывался какъ ослушникъ царской воли. Несмотря на то, многіе отказывались служить и подвергались царскому гнѣву; тѣже, которые, подобно боярскимъ дѣтямъ, упомянутымъ въ приведенномъ указѣ Алексѣя Михайловича, оказывались покорными, заслуживали царскую милость и получали награды. Государь запрещалъ упрекать ихъ тѣмъ, что они служили на низшихъ мѣстахъ, потому-что они служили по его приказанію, а не добровольно, и слѣдовательно временное уменьшеніе ихъ служебной чести не могло служить имъ укоромъ. А что касается до придачи помѣстій, то она была явленіемъ весьма обыкновеннымъ въ XVII вѣкѣ, и представляетъ простую награду за службу, — ничего болѣе; ее получали всѣ царскіе слуги, безъ различія мѣстъ и чиновъ.

И вотъ на чемъ основалъ авторъ свою гипотезу! Вникнувъ глубже въ отношеніе помѣстной системы къ мѣстничеству, нетрудно увидать, что такая гипотеза сама по себѣ, независимо отъ молчанія источниковъ, невозможна и несбыточна. Помѣстья давались не по мѣстамъ, а по чинамъ; между *мѣстомъ* и *чиномъ* не было никакихъ постоянныхъ отношеній, и потому назначеніе какого-нибудь боярина или окольничаго въ головы не оскорбляло ихъ; ихъ оскорбляло то, что, занимая низшую должность, они должны были занимать мѣсто *низшее въ сравненіи съ другимъ*, который, по родовымъ отношеніямъ, обусловленнымъ рожденіемъ или службой, былъ ниже, моложе ихъ. Другими словами, мѣста имѣли для служащихъ *относительное*, а не постоянное, опредѣленное значеніе. Ясно, что споры о помѣстьяхъ не могли быть; ясно, что они не имѣли и не могли имѣть ровно никакого отношенія къ мѣстническимъ спорамъ.

«Помѣщикъ обязанъ былъ съ своей стороны стараться *объ улучшеніи качества находящейся у него* только во временномъ владѣніи *земли* (стр. 120). Совершенная неправда! Этого не требуютъ и теперь, тѣмъ менѣе могли требовать въ XVII вѣкѣ.

На стр. 194 авторъ говоритъ, что отнятыя помѣстья и вотчины раздавались, между прочимъ, отличившимся своими подвигами. Но въ приведенной имъ выпискѣ видно, что ихъ получали исправные, а не отличившіеся. Между тѣмъ и другимъ есть разница. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что стрѣльцы, солдаты, драгуны, рейтары комплектовались изъ крестьянъ (стр. 227). Мы прибавимъ, что не изъ однихъ крестьянъ: въ исчисленныя службы вступали и иноземцы, и мелкопомѣстные помѣщики и вотчинники, посадскіе люди (что потомъ запрещено) и родственники исчисленныхъ служилыхъ людей.

Опуская другія болѣе или менѣе важные неточности и промахи въ этой главѣ, замѣтимъ въ заключеніе, что авторъ мало и не критически изслѣдовалъ постепенное обращеніе помѣстій въ вотчины —

одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ въ исторіи помѣстной системы. Очень недавно перестали приписывать Петру Великому неисторическое смѣшеніе помѣстій съ вотчинами и стали замѣчать, что это смѣшеніе совершилось уже до него, а удерживалось только ихъ номинальное различіе. Но до сихъ поръ это положеніе все еще имѣетъ видъ гипотезы, конечно вѣроятной, но не получившей научной обработки. Автору непремѣнно слѣдовало провѣрить это мнѣніе и подтвердить его внимательнымъ изслѣдованіемъ причинъ такого смѣшенія, фактовъ, въ которыхъ оно выразилось, и наконецъ опредѣлить различіе, которое еще существовало между помѣстьями и вотчинами при началѣ реформъ Петра. Но онъ этого не сдѣлалъ. Мы даже не находимъ въ его книгѣ и намековъ на нѣкоторыя мѣры, выразившія однако весьма рѣзко это постепенное сліяніе: укажемъ на разрѣшеніе продавать помѣстья въ удовлетвореніе частныхъ долговъ, — сперва пустыя, а потомъ и населенныя.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ длинный разборъ книги г. Лакіера. Просимъ читателей не сѣтовать на насъ, если мы ихъ утомили. Предметъ разсужденія такъ важенъ, но къ сожалѣнію все еще такъ мало обработанъ, что нельзя не входить въ подробный, иногда мелочной и скучный разборъ всего того, что о немъ пишется. Прибавимъ, что книга, ясно, отчетливо и вѣрно разрѣшающая заданный вопросъ, оставляетъ критикѣ одно наслажденіе сообщить публикѣ результаты, добытые изслѣдованіями. Это нетрудно сдѣлать и скоро и въ немногихъ словахъ. Совсѣмъ другое, когда разсужденіе ниже своей задачи. Обязанность рецензента въ такомъ случаѣ не только откровенно высказать свое мнѣніе, но тщательнымъ опроверженіемъ книги въ цѣломъ и въ частяхъ отклонить или по-крайней-мѣрѣ ослабить по возможности неблагопріятное ея вліяніе на дальнѣйшую историческую литературу, и въ особенности на понятія учащихся о данномъ предметѣ. Къ сожалѣнію, разсужденіе г. Лакіера относится ко второй, а не къ первой категоріи.

К. КАВЕЛИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ МОГИЛЪ, ВАЛОВЪ И ГОРОДИЩЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ, *изданное по Высочайшему соизволенію Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ* **Иваномъ Фундуклеемъ.** *Кіевъ. 1848. Съ семнадцатью рисунками.*

Книга г. Фундуклея безспорно одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній русской археологіи въ текущемъ году. Всѣмъ, кто хоть поверхностно слѣдилъ за ходомъ нашей исторической литературы, извѣстно, какое вниманіе, особенно въ послѣднее время, обратили на себя могилы или курганы, городища и другія насыпи, подъ разными названіями, во множествѣ находимыя по всей Россіи. Это вниманіе объясняется и оправдывается значеніемъ насыпей. Разрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, сначала случайное или въ надеждѣ найти кладъ, потомъ систематическое, съ ученой цѣлью, привело къ заключенію, что онѣ — памятники отдаленнѣйшей эпохи исторіи, отъ которой намъ не сохранилось никакихъ данныхъ, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство придаетъ городищамъ и могиламъ особенную важность. Какъ единственные остатки безслѣдно-исчезнувшаго міра и быта, они представляютъ матеріялъ для историческаго изслѣдованія эпохи, которая безъ нихъ осталась бы для насъ совершенно недоступной и неизвѣстной.

До сихъ поръ этотъ матеріялъ мало разработанъ. Блистательные труды *Ходаковскаго*, еще не приведенные въ систему и не повѣренные учеными, сами представляютъ не болѣе какъ матеріялъ для будущихъ изысканій. Тоже должно сказать о разрытіи могилъ въ южной Россіи, о трудахъ покойнаго В. Пассека, Кеппена и м. д. Въ этой, столько темной и необработанной области археологіи каждый новый трудъ, хотя бы онъ былъ нечто иное какъ простой перечень матеріяловъ, есть уже большое пріобрѣтеніе. Первоначальная обработка данныхъ, сюда относящихся, еще оставляетъ желать слишкомъ многаго, чтобъ можно было уже теперь мечтать о выводахъ, заключеніяхъ, тѣмъ менѣе о возсозданіи этой отдаленнѣйшей древности.

Добросовѣстный издатель «Обозрѣнія могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» смотритъ на предметъ съ этой точки зрѣнія. По его словамъ, «прежде всего должно стараться собрать какъ можно «болѣе *данныхъ*, изъ которыхъ бы можно было дѣлать выводы», поэтому, онъ имѣлъ «въ виду преимущественно собраніе простыхъ данныхъ».

Мы не беремъ на себя повѣрять книгу г. Фундуклея или опровергать ея, вообще говоря, осторожные выводы. Для этого мы не имѣемъ ни данныхъ, ни достаточно-спеціяльныхъ знаній по этому предмету. Ограничимся однимъ изложеніемъ главныхъ результатовъ изслѣдованій.

Въ книгѣ, изданной г. Фундуклеемъ, собраны мѣстныя свѣдѣнія о могилахъ, городищахъ и другихъ насыпяхъ одной только Кіевской губерніи. Въ первомъ отдѣлѣ этого труда эти свѣдѣнія изложены по-уѣздно: число и положеніе могилъ, ихъ названія, вещи, въ нихъ находимыя, случайныя открытія древнихъ вещей въ землѣ, городища, городки, замковища, валы, пещеры: вотъ порядокъ, въ которомъ собранные матеріалы описываются по каждому уѣзду отдѣльно. Какъ видно, авторъ не только поручалъ особымъ лицамъ собираніе этихъ свѣдѣній, но пользовался показаніями тѣхъ, которые были знакомы съ предметомъ; открытія, сдѣланныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не ускользнули тоже отъ его вниманія. Второй отдѣлъ есть «общій выводъ изъ розысканій о могилахъ, «валахъ и городищахъ Кіевской губерніи», — другими словами, сводъ данныхъ, перечисленныхъ и описанныхъ въ первомъ отдѣлѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ заключеній и критическихъ изслѣдованій автора. Сколько первый отдѣлъ важенъ для спеціялистовъ, столько второй можетъ быть интересенъ для большинства читателей. Это заставляетъ насъ изложить содержаніе его нѣсколько подробнѣе.

Всѣхъ могилъ въ двѣнадцати уѣздахъ Кіевской губерніи насчитано 6239; такъ-какъ онѣ не вездѣ довольно подробно осмотрѣны, а нѣкоторыя уже раскопаны и сравнены съ землей и потому не вошли въ счетъ, то авторъ думаетъ, что всего могилъ было вдвое (?) болѣе, а именно 12478. Средняя высота ихъ 2 – 3 саженъ въ отвѣсѣ, но нѣкоторыя несравненно выше; такъ одна въ Липовецкомъ уѣздѣ, теперь снесенная на двѣ трети, еще имѣетъ въ вышину до десяти саженъ.

О могилахъ существовали до недавняго времени, различныя мнѣнія. Польскіе писатели дѣлили ихъ на военныя, гробовыя и путеводныя или походныя. Послѣдними назывались тѣ, которыя служили какъ бы указателями пути во время великихъ переселеній народовъ. Но гробы, и притомъ весьма древніе, находимые въ раскопанныхъ

могилахъ, уничтожило мнѣніе, будто бы онѣ насыпаны для этой цѣли. По той же причинѣ оказалось ложнымъ и другое, подобное этому предположеніе, будто могилы насыпаны съ той же цѣлью татарами или поляками. Нѣкоторые, признавая *могилы за гробницы*, относили происхожденіе ихъ къ позднѣйшимъ временамъ. Но и это несправедливо. Во-первыхъ, древнія историческія свидѣтельства о могилахъ этому противорѣчатъ; потомъ, обычай насыпать могилы въ христіянскую эпоху не существовалъ; наконецъ преданіе молчитъ о ихъ происхожденіи, а оно бы говорило, еслибъ могилы возникли недавно. Несомнѣннымъ кажется, что онѣ насыпаны народомъ осѣдлымъ, который долго жилъ на одномъ мѣстѣ, и только постепенно, въ продолженіи длиннаго періода времени, могъ размножить эти могилы въ такомъ огромномъ количествѣ. Топографическія наблюденія показываютъ далѣе, что могилы бо̀льшею частью лежатъ на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ; внутри степей ихъ менѣе; это заставляетъ думать, что есть какая-то связь, постоянное соотношеніе между могилами и мѣстами, которыя въ глубочайшей древности были наиболѣе удобны для селидьбы, а именно по берегамъ рѣкъ и на возвышенностяхъ, – другими словами, что могилы обозначаютъ мѣста или близость мѣстъ самаго древнѣйшаго населенія. Какой народъ ихъ насыпалъ — нельзя рѣшить. Можетъ быть отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ изслѣдованіе череповъ, находимыхъ внутри насыпей. Авторъ называетъ эти могилы *скиѳскими*, «желая — какъ «онъ самъ говоритъ — показать, что наши (кіевскія) могилы усвояемъ народу осѣдлому, туземному и самому древнѣйшему.» Множество могилъ заставляетъ заключать о бывшей большой населенности края. Наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что могилы насыпались надъ людьми знатными и, судя по одинаковости могилъ, равно уважаемыми, приводитъ къ мысли, что народъ, воздвигнувшій эти памятники, находился подъ родовымъ правленіемъ и не зналъ единовластія; въ противномъ случаѣ могилы находились бы въ одномъ мѣстѣ.

По своей наружной формѣ могилы дѣлятся на три категоріи, или разряда. Къ первому относятся имѣющія обыкновенную форму, т. е. круглыя и съ круглыми верхами. Но и онѣ разнятся часто между собою: однѣ нѣсколько расширены внизу, у самого основанія, другія отъ подошвы тотчасъ поднимаются вверхъ дугообразно; есть и овальныя, похожія на скирды; есть и остроконечныя, конусообразныя. «Разныя формы этихъ памятниковъ безъ сомнѣнія (?) означаютъ со«бою разное назначеніе ихъ, а можетъ быть различный народъ и раз«личныя эпохи, къ которымъ слѣдуетъ ихъ относить». Второй разрядъ могилъ составляютъ такъ называемыя *чубатыя*. «Каждая изъ

«нихъ состоитъ какъ бы изъ двухъ могилъ, одна на другую постав«ленныхъ такъ, что первая представляетъ какъ бы пьедесталь, съ «свободнымъ обходомъ вокругъ, а другая представляетъ верхъ и при«томъ двурогій, съ жолобообразнымъ углубленіемъ, сдѣланнымъ для «удобнѣйшаго восхожденія, прямо противъ такого же углубленія, иду«щаго снизу или отъ перваго яруса могилы. Съ боковъ эти насыпи «представляютъ могилу съ четырмя горбами, похожую на старин«ный свадебный коровай; а одно это сходство формъ уже переноситъ «воображеніе къ древнѣйшимъ временамъ славянщины (?)». Наконецъ могилы третьяго разряда — *раскопанныя*, или *майданныя* — представляютъ обыкновенно «кругловатый замкнутый валъ, который пониже«ніемъ въ одномъ мѣстѣ образуетъ подобіе воротъ или въѣзда. Из«дали такой окопъ представляетъ продолговатую могилу; но взошед«ши на ея верхъ замѣчаете внутри углубленіе, котораго дно находит«ся на одинакой поверхности съ землею внѣ вала. Впрочемъ, въ нѣ«которыхъ могилахъ этого рода, среди этого внутренняго дола или «ямы возвышается опять холмъ, высотою равняющійся, а иногда «даже превосходящій внѣшній валъ.... Составленную изъ такого круг«лаго вала могилу окружаютъ почти всегда валы или шанцы, на«сыпанные въ нѣсколько рядовъ, въ видѣ полумѣсяцевъ. Такихъ ря«довъ бываетъ два и три, даже до 6, 7 и болѣе». Эти могилы огромнѣе всѣхъ другихъ.

Внутри могилъ находимы были: катакомбы (въ одной только, въ Чигиринскомъ уѣздѣ), пепелъ и уголья, кирпичь и пережженная глина, построенные деревянные гробы, многочисленныя доказательства бывшаго трупосожиганія — горшки съ недожженными человѣческими костями, пепельницы, слёзницы; лошадиныя кости, человѣчьи черепы одни, безъ остововъ, и наоборотъ, остовы безъ головъ, остовы, обложенные березовой корой или каменьями; кости звѣрей; иногда кости человѣческія необыкновенной величины; сосуды съ изображеніями, по всѣмъ вѣроятіямъ и признакамъ греческіе, и различныя металлическія вещи: стрѣлы, кольца, шлемъ аѳинскій, истуканчики, монеты римскія, греческія, ольвійскія и арабскія. Всѣ эти находки подаютъ автору поводъ къ любопытнымъ и большею частью весьма правдоподобнымъ заключеніямъ. Катакомба свидѣтельствуетъ, что могила служила надгробнымъ памятникомъ, а найденныя въ ней желѣзныя вещи и стрѣлы, въ томъ числѣ одна костяная, по словамъ автора, «заставляютъ относить насыпь этого памятника къ самымъ отда«леннѣйшимъ, безъ сомнѣнія (?) скиѳскимъ временамъ». Пепелъ и уголья, кирпичь, каменные своды въ могилахъ очевидно опровергаютъ давнее предположеніе, будто могилы были простыми насыпями или путевыми знаками, сторожевыми постами. «Они ясно показыва-

«ютъ, что если это (могилы) были гробовища, то онѣ принадлежали «людямъ до-историческимъ, у которыхъ погребеніе совершалось съ «какими-то торжественными, религіозными обрядами, и всего вѣроят«нѣе съ жертвоприношеніемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя вре«мена. Зарытіе костей лошадиныхъ вмѣстѣ съ человѣчьими», по замѣчанію автора, тоже «не можетъ быть случайнымъ, но указываетъ на «какой-то обрядъ; а потому онѣ принадлежатъ временамъ и народамъ «до-христіанскимъ». (Мы бы сказали народамъ не христіанскимъ. и это было бы несомнѣнно; заключеніе автора не довольно строго). Черепа безъ остововъ, находимые въ могилахъ и на ровныхъ мѣстахъ, подтверждаютъ, по мнѣнію автора, извѣстіе Страбона объ антропофагахъ и меланхленахъ, которые будто бы съѣдали тѣла умершихъ и погребали одни головы, — тѣмъ болѣе, что на основаніи изслѣдованій г. Надеждина эти скиѳскіе народы жили въ той самой странѣ, гдѣ найдены эти черепа. Остовы, обложенные берестовой корой, «очевид«но касаются временъ до-христіанскихъ, тѣхъ временъ, когда обы«чаи находились на нижней степени развитія» (?). «Остовы, обложен«ные каменьями», продолжаетъ авторъ, «не суть ли гробы скандинав«скихъ выходцевъ?... Погребеніе остововъ подъ камнями, сложен«ными на подобіе гробницы, было въ обычаѣ у скандинавовъ». Присутствіе урнъ и разныхъ вещей работы греческой «показываетъ, «до какихъ мѣстъ простирались греческія колоніи; показываетъ то, «что прежде было только предполагаемо, т. е. что колоніи греческія «весьма далеко простирались вверхъ по Днѣпру. Кажется, что ваза «съ изображеніями (найденная въ могилѣ Каневскаго уѣзда) служитъ «первымъ свидѣтелемъ, являющимся на защиту такого мнѣнія; имъ «устанавливается отношеніе нашихъ могилъ (Кіевской губ.) къ тѣмъ, «которыя находятся надъ Евксиномъ, открывается существованіе на «этихъ берегахъ Днѣпра народовъ образованныхъ уже въ такія вре«мена, которыя обыкновенно считаются чисто варварскими. По край«ней мѣрѣ достойно вниманія, что когда возлѣ могилы, въ которой «найдены тѣ издѣлія народа, знакомаго съ искусствомъ, и сожигав«шаго свои тѣла послѣ смерти, — разрываема была другая могила, сто«ящая на томъ же полѣ и ни въ чемъ по наружности не отличавшая«ся отъ первой, — то въ ней найдены остовы, гробницы, устроенныя «изъ деревянныхъ брусьевъ, и остатки варварскаго оружія. Впрочемъ «мы знаемъ изъ исторіи, что греки жили разсѣянно между скиѳами; «что были поселенія скиѳовъ огречившихся и въ нѣкоторомъ отно«шеніи уже образованныхъ». Наконецъ остовы въ сидячемъ положеніи, найденные въ нѣкоторыхъ могилахъ, напоминаютъ обычай финскихъ народовъ; и до сихъ поръ подъ Ураломъ встрѣчаются такіе остовы въ землѣ.

Чтобъ уяснить исторію и значеніе могилъ, авторъ прислушивался къ народнымъ преданіямъ; но этотъ часто богатый историческій источникъ на этотъ разъ оказался скуднымъ. Это новое доказательство глубокой древности могилъ; очевидно онѣ возникли въ эпоху, неимѣющую ничего общаго съ теперешними жителями страны, если между ними не сохранилось никакихъ преданій о могилахъ. Историческое воспоминаніе замѣнилось въ головѣ простолюдиновъ фантастическими представленіями, что могилы сыпали люди допотопные, люди адамовы — великаны, и ихъ росту все соотвѣтствовало; верблюды были овцы этихъ людей, и т. д. Названія ихъ также мало объясняютъ ихъ происхожденіе.

Какое значеніе имѣли могилы второго разряда? Нѣкоторые думали, что онѣ поврежденныя или разрытыя могилы перваго разряда; но этого нельзя допустить, глядя на ихъ постоянно однообразный видъ. Авторъ думаетъ, что онѣ «служили мѣстами религіозныхъ об«рядовъ и какъ бы степными алтарями». Ни одна изъ нихъ еще не разрыта до самого основанія, и потому тѣмъ труднѣе объяснить, хотя приблизительно, ихъ назначеніе.

Могиламъ третьяго разряда авторъ посвящаетъ длинное изслѣдованіе, въ которомъ сначала весьма подробно опровергаетъ разныя мнѣнія, выдававшія эти могилы за простые селитряные майданы, или смоляныя печи, или за шанцы, военныя укрѣпленія, или наконецъ за обвалившіяся гробовыя могилы. По мнѣнію автора, эти насыпи были назначены для людоѣдныхъ жертвоприношеній. Меланхлены и антропофаги, жившіе въ этомъ краю и имѣвшіе обычай пожирать тѣла умершихъ, предавая погребенію однѣ головы ихъ, дѣлали это не изъ удовольствія, а вслѣдствіе религіознаго обычая; обычай этотъ конечно совершался съ нѣкоторой торжественностью, на особыхъ, нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ, и такими мѣстами были насыпи третьяго разряда.

Мы внимательно слѣдили за авторомъ въ изслѣдованіяхъ, которыя привели его къ этому заключенію, и должны сознаться, что доводы его слабы. Можетъ быть онъ и правъ, но его мнѣніе покуда не только не доказано, даже не обставлено данными, которыя придали бы этому мнѣнію видъ вѣроятной гипотезы. Несмотря на то, его аргументація, изслѣдованія въ подтвержденіе этой смѣлой гипотезы весьма любопытны, и если цѣль не достигнута, то путь, которымъ авторъ къ ней шелъ, самъ по себѣ есть пріобрѣтеніе для науки. Сближеніе и истолкованіе различныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей о людоѣдствѣ нѣкоторыхъ племенъ показались намъ оригинальными и новыми. Указаніе на слѣды геродотовскихъ меланхленовъ въ тепе-

решнемъ населенія страны также очень важно и не должно быть пропущено безъ вниманія.

Изъ прочихъ насыпей авторъ подробно разсматриваетъ городища и замковища. Число ихъ (159 въ Кіевской губерніи) онъ считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности. Всѣ онѣ, хотя и соединенныя подъ общимъ названіемъ, имѣли разное назначеніе и относятся къ различнымъ эпохамъ. Бо́льшая часть суть могилы третьяго разряда; четырехъ-угольныя городища, по всѣмъ вѣроятіямъ, были военныя укрѣпленія, и слѣдовательно представляютъ памятники битвъ, происходившихъ въ разныя времена; замковища суть остатки за́мковъ, городковъ и крѣпостей; значительныя пространства, окруженныя валами, нѣкоторые принимаютъ за посады греческихъ колоній; встрѣчаются между этими насыпями небольшіе четырехъ-угольные неправильные окопы, служившіе, по преданіямъ, убѣжищемъ противъ татарскихъ набѣговъ; открываются также въ числѣ насыпей слѣды городовъ, теперь исчезнувшихъ и о которыхъ нѣтъ никакихъ извѣстій; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были обширны и весьма древни, судя по вещамъ, находимымъ на мѣстахъ, гдѣ они, по преданію, находились; были между ними и греческіе. Авторъ перечисляетъ до 15 такихъ разрушенныхъ городовъ.

О валахъ, которыхъ такъ много въ Кіевской губерніи, авторъ не дѣлаетъ общихъ заключеній. Мы приведемъ изъ перваго отдѣла книги интересное описаніе Траянова вала въ Васильковскомъ уѣздѣ.

«Валъ, называемый *Траяновымъ*, начинается въ Сквирскомъ уѣздѣ въ селеніи Почуйкѣ; вступаетъ оттуда въ предѣлы Васильковскаго уѣзда при селѣ Краснолѣсахъ; потомъ тянется по лѣвой сторонѣ рѣки Роси, черезъ мѣстечко Бѣлую-Церковь и черезъ селенія Томиловку, Чепелевку, Сухолѣсы, мѣстечко Рокитну и село Ольшаницу; наконецъ у села Саварокъ склоняется въ Каневскому уѣзду, къ селенію Синицѣ. Въ протяженіи онъ имѣетъ до 80 верстъ; въ Васильковскомъ же уѣздѣ онъ простирается почти на 40 верстъ; средней высоты имѣетъ онъ 2 сажени. Названіе этого вала объясняется побѣдами императора Трояна (106 года по Р. Х.), который, завоевавъ Дакію, обратилъ свое оружіе на нынѣшнюю Украйну. Находимыя въ здѣшнихъ мѣстахъ Римскія монеты утверждаютъ догадку о первоначальномъ устроеніи этого вала Римлянами. Кромѣ Пѣсни о полку Игоревѣ, Траянъ вспоминается и въ здѣшнихъ народныхъ преданіяхъ, въ которыхъ онъ называется царемъ Ермаланскимъ т. е. Римлянскимъ.

«Въ недавнее время, въ имѣніи Кошеватскомъ (Таращанскаго уѣзда) найдена монета съ лицевымъ изображеніемъ на одной сторонѣ Траяна, съ подписью: Imp. Trajanus Deci; а на другой сторонѣ съ

изображеніемъ воина съ копьемъ, стоящаго между двумя львами, и съ надписью: P. N S. C. O. L. VYM.

Не менѣе замѣчателенъ, хотя и въ другомъ отношеніи, огромный *Эміевъ валъ*, проходящій чрезъ Кіевскій, Васильковскій и Сквирскій уѣзды. Съ нимъ соединены народныя преданія объ убіеніи гидры, — преданія, общія и древнему и новому міру, старому и новому свѣту.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о *каменныхъ бабахъ*, или истуканахъ. Ихъ найдено двѣ въ Кіевской губерніи. Назначеніе ихъ темно: на сибирскихъ могилахъ онѣ изображаютъ мужчинъ, въ южной Россіи — женщинъ. Простолюдины разсказываютъ, что эти бабы когда-то были живыя — боги или люди, но окаменѣли въ Христово пришествіе; это и другіе повѣрья, связанныя съ каменными бабами, стоявшими на могилахъ, указываютъ на религіозное назначеніе послѣднихъ.

Вотъ въ общемъ очеркѣ содержаніе въ высокой степени любопытной книги г. Фундуклея. Ограниченные предѣлами рецензіи, мы разумѣется не могли входить въ подробности, но смѣло ручаемся, что читатель найдетъ въ самомъ «Обозрѣніи» много любопытнаго и новаго, о чемъ не было мѣста упоминать здѣсь. Недостатки изслѣдованій автора — нѣкоторая сбивчивость, отчасти произвольность выводовъ, отсутствіе строгихъ научныхъ пріемовъ, по-крайней-мѣрѣ мѣстами — съ избыткомъ выкупаются богатствомъ собранныхъ матеріяловъ, добросовѣстностью труда и многими удачными, остроумными изысканіями.

Рисунки сдѣланы весьма тщательно и изображаютъ видъ замѣчательнѣйшихъ могилъ Кіевской губерніи (I — VII), вещи, найденныя въ нихъ (VIII—XIII; XV—XVII), и двѣ каменныя бабы (XIV).

Прошедшее въ настоящемъ. *Извлеченіе изъ тома 1-го сочиненій кн. В. Ѳ. Одоевскаго, напечатанныхъ въ 1844. С. Петербургъ 1848.*

Князь Одоевскій извлекъ изъ 1-го тома сочиненій своихъ двѣ статейки: *Городъ безъ имени* и *отрывокъ изъ русскихъ ночей*, и издалъ эту брошюрку въ пользу Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. Сочиненія кн. Одоевскаго такъ извѣстны публикѣ и о нихъ столько разъ писали въ журналахъ, что содержаніе этихъ двухъ статеекъ мы считаемъ излишнимъ передавать нашимъ читателямъ.

Языкъ князя Одоевскаго вообще необыкновенно живъ, увлекателенъ и часто возвышается до энергіи; но мы позволимъ себѣ сдѣлать ему одно только замѣчаніе касательно его слога. Въ его повѣсти очень часто встрѣчаются устарѣлыя мѣстоименія *сей*, *оный*, которыя въ

легкомъ живомъ разсказѣ дѣйствуютъ какъ-то непріятно (по-крайней-мѣрѣ на насъ).

Чѣмъ ближе языкъ въ разсказѣ или въ повѣсти приближается къ разговорному языку, тѣмъ онъ лучше; но кто же въ разговорѣ употребляетъ мѣстоименія *сей*, *оный*, противъ которыхъ такъ ловко и остроумно возсталъ прежде всѣхъ г. Сенковскій?...

Намъ также не нравятся и такія торжественныя слова, какъ напр. *юный*, *очи* и пр. никогда также неупотребляемыя въ разговорѣ; почему же не сказать просто — *молодой*, *глаза*?...

Но впрочемъ слогъ языка въ разсказахъ и повѣстяхъ князя Одоевскаго такъ хорошъ, что даже и эти мѣстоименія *сей* и *оный* не вредятъ ему.

Русскіе богатыри. *Завѣтная книжка для разныхъ людей и Народа Русскаго. Изъ походныхъ записокъ старослуживаго солдата. С. Петербургъ. 1848.*

Это патріотическія изліянія въ безъискуственныхъ и наивныхъ стихахъ старослуживаго солдата, какъ авторъ самъ себя называетъ... Стихотворенія эти посвящены русскимъ богатырямъ и замѣчательны искреннимъ патріотическимъ чувствомъ. Вотъ образчикъ этихъ стиховъ:

СТОЯНКА ВО ФРАНЦІИ.

Въ Парижѣ вошли богатырями,
И ознакомилися съ нимъ.
Бывало мы и не хотимъ,
А лѣзетъ въ дружбу всякой съ нами.
Да ужъ и важно погуляли
Съ Французомъ наши той порой:
На всѣхъ квартирахъ пиръ горой;
Чего ни спросимъ, все давали.
Да и языкъ ихъ бусурманской
Всѣ наши поняли, какъ разъ:
Гутория съ милыми подъ часъ,
Мѣшали русской и Славянской;
Но про Москву не вспоминали.
У насъ пословица законъ:
«Вспомнешь старое... глазъ вонъ!»
Когда ужь въ дружбѣ съ ними стали,
Ихъ не хотѣли огорчать.
Они и сами говорили:
«Мы понапрасну къ вамъ ходили;
«Намъ съ Русью плохо воевать!»

Герцогъ Ангенскій, *историческій эпизодъ временъ консульства. Небывалое изданіе. С. Петербургъ. 1848 г.*

Это эпизодъ изъ анекдотической исторіи наполеоновой эпохи, предпринятой г. Эмилемъ Марко де Сентъ-Илеромъ, пѣвцомъ Наполеона. – Эпизодъ этотъ переведенъ довольно грамотно и изданъ очень красиво. Книжечка заключаетъ въ себѣ 135 страницъ и стоитъ только 20 копеекъ серебромъ. Вѣроятно, по такой дешевизнѣ она и называется *небывалымъ изданіемъ*. – Трагическая смерть герцога Ангенскаго слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, и потому о содержаніи книжечки говорить безполезно.

Прекрасный молодой человѣкъ. *Повѣсть, взятая изъ разсказа Шт. Лек. Чацкаго. Сочиненіе* Николая Баженова. *Казань. 1848.*

Если бы на насъ не лежала грустная обязанность рецензента, мы не упомянули бы объ этой книжечкѣ, потому-что г. Николай Баженовъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочинителей, представителями которыхъ по справедливости можетъ почитаться знаменитый и угасшій во цвѣтѣ лѣтъ А. А. Орловъ, авторъ *Дунечки между-умочки или узенькій корсетецъ* и *Тяжбы купцовъ Продувалы и Облизалы, или стряпчій труболетъ, а кого онъ въ руки приберетъ, того и обдеретъ.*

Повѣсть «*Прекрасный молодой человѣкъ*» г. Николая Баженова отличается тѣмъ же изящнымъ тономъ, тѣми же отборными выраженіями, тою же грамотностію, какими отличались сочиненія покойнаго Александра Анфимовича. Вотъ примѣръ:

— Да баринъ ли онъ полно, али барской баринъ *ту исъ* (т. е. то есть) какъ и ты барышня.

— Ужь вѣстимо дѣло баринъ!

— На врядъ баринъ станетъ по ногамъ одѣваться по мужицкому, *трынькать* въ хороводахъ на балалайкѣ да плясать въ присядку. Видали мы такіе виды.

— А что тутъ *непристойностнаго*? онъ *вишь* не хочетъ, чтобы его знали и сохраняетъ какую то *ункогниту*. Вишь это вѣдь по модѣ — такъ дискать по *тальянски*. Онъ вишь любитъ задавать какія-то: суре сире.... (стр. 5).

.... А ино мѣсто нѣче сказать ужь занесетъ тебя акалесную, да какими то все *акивоками!* ну, *истикурникъ*! (стр. 25).

Истикурникъ, по увѣренію автора, на языкѣ простолюдиновъ означаетъ нѣчто въ родѣ мудреца....

Любопытно знать, къ какому разряду принадлежатъ такія сочиненія.

Досуги корнета, А. В. Савельева-Ростиславича. – *О жизни и сочиненіяхъ Тунмана. С. Петербургъ. 1848.*

Брошюрка въ четыре странички, въ которой разсказывается жизнь Іоанна Эрика Тунмана, шведскаго ученаго, занимавшагося историче-

скими изслѣдованіями. - Корнетъ Савельевъ-Ростиславичь (А. В.), выписывая мнѣніе Венелина о Тунманѣ, заключаетъ свою брошюрку слѣдующими словами:

«Смерть похитила Венелина очень рано. Но трудъ его не погибъ. По его слѣдамъ и направленію пошли Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ» и *Н. В. Савельевъ-Ростиславичь:* (вѣроятно братъ автора брошюрки) *ихъ* изысканія уже во многомъ *разъяснили* намъ до-Рюриковской періодъ сѣверовосточной Европы...»

Эти послѣднія строчки очень наивны!...

Притягательная сила. *Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго* Н. А. Андреева. *Спб. 1848.*

Вотъ какими остротами и каламбурами наполненъ водевиль г. Андреева.

Элоиза. Да скушайте еще что нибудь.

Филиппъ. Некуда *помѣстить*.

Элоиза. Ну хоть труфлей, — да что вы *чинитесь* что ли?

Филиппъ. Меня и такъ *начинили* ими!

(Прит. сила, стр. 5).

или:

Филиппъ. Онъ назвалъ меня *столбомъ* и хочетъ подвергнуть *столбу.... я остолбенѣлъ!...* на меня просто нашолъ *столбнякъ* какой-то....» и проч.

Шутка-водевиль г. Андреева оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ публикѣ:

Я мучился, потѣлъ, я стулъ носилъ съ собой,
Чтобъ каждый шелъ отъ насъ смѣясь, доволенъ, веселъ...
Несите-жъ, господа, *веселость, смѣхъ домой,*
Да только какъ нибудь неунесите креселъ!

Каково остроуміе?

IV.

ТРИ МѢСЯЦА ВЪ ПЛѢНУ У ГОРЦЕВЪ.

I.

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — ВСТРѢЧА СЪ АБАЗИНАМИ. — ПОГОНЯ. — ПЕРВАЯ БѢДА.

.... Ночь была черна.... вѣтеръ свистѣлъ неистово, Черное море стонало и ревѣло, волнуемое его порывами; раскатившись, могучія волны со стономъ взбѣгали на крутой берегъ, обдавая брызгами прибрежный камышъ.... Небольшой отрядъ нашъ молча подвигался впередъ.... Мы шли ужь болѣе часу, а непогода не смолкала, и ни одна звѣздочка еще не загоралась на кавказскомъ небѣ. Берегъ изрѣдка освѣщался огнемъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми погибавшій въ виду береговъ русскій военный транспортъ просилъ помощи... Мы шли на его призывъ....

Съ транспорта, терпѣвшаго крушеніе въ нашемъ виду, изрѣдка долеталъ до насъ безтрепетный голосъ лейтенанта, раздавался дружный ободрительный крикъ работающихъ матросовъ.... Въ виду нашемъ гибли русскіе. Тяжело было смотрѣть на ужасъ ихъ положенія и не имѣть средствъ помочь имъ! Страшно было за нихъ.... Мы молча ждали развязки ужасной драмы, и при каждомъ порывѣ вѣтра сердца наши обливались кровью. Вдругъ знакомые звуки барабана разсыпались мелкою дробью въ ущельи прибрежныхъ скалъ. На цѣпи загудѣли ружейные выстрѣлы. Дерзкіе абазины въ превосходномъ числѣ напали на нашъ отрядъ.

Свѣтало. Хорошо кавказское утро, но теперь намъ было не до природы.... Дѣло въ томъ, что двѣсти человѣкъ должны были выста-

ивать напоръ чуть ли не тысячи враговъ.... Разстрѣлявъ въ ночной перестрѣлкѣ всѣ патроны, мы увидѣли впереди почти неминуемую гибель; поручикъ, командовавшій отрядомъ, предложилъ вызвать двухъ охотниковъ, которые, ускользнувъ отъ вниманія хищниковъ, дали бы знать въ укрѣпленіи о бѣдственномъ положеніи отряда....

Совѣтъ былъ принятъ единодушно, тѣмъ болѣе, что поручикъ В** слылъ между товарищами и подчиненными за отличнаго офицера, столько же знакомаго съ войною, сколько и храбраго....

На вызовъ въ охотники явился я и задушевный мой пріятель прапорщикъ Д*, съ которымъ не одинъ разъ случалось дружески дѣлить и радость и горе.

— Благодарю душевно и радуюсь за васъ, говорилъ добрый поручикъ, пожимая намъ руки: — съ Богомъ!

Положено было съ наступленіемъ ночи приступить къ дѣлу. Между тѣмъ непріятель, прекративъ на время перестрѣлку, казалось, отдыхалъ, приготовляясь съ новыми силами дружно и быстро ударить на насъ.... Въ ожиданіи ночи, Д* и я, прикрывшись одной буркой, лежали на влажной землѣ; но сонъ, разумѣется, не смыкалъ глазъ нашихъ. Мысли наши были одинаковы: удачу и неудачу предстоящаго риска предстояло намъ дѣлить поровну.

— Не спится... прошепталъ Д*, сбросивъ съ лица ящерицу, которая уже добиралась до его носа. — Ты знаешь, я не трусъ: нѣсколько шрамовъ на тѣлѣ, кажется, ясно доказываютъ, что я не бѣгалъ съ поля. Но съ той минуты, какъ вызвался я въ охотники, невыразимая тоска давитъ мою грудь.... Предчувствіе говоритъ мнѣ, что я не вернусь....

Я старался разогнать черныя мысли товарища.

Такъ шло время....

Наконецъ наступила ночь, непогодливая и мрачная, одна изъ тѣхъ, которыхъ у насъ на югѣ зовутъ воробьиными. Среди глубокой темноты изрѣдка, прорѣзавъ черное облако, сверкнетъ зарница, освѣтитъ на мигъ громадныя скалы, а тамъ снова все темно и черно.... Простившись съ товарищами, я и Д* молча вышли за цѣпь. Затаивъ дыханіе, поползли мы къ стѣнамъ древняго, разрушеннаго временемъ монастыря; чрезъ развалины его пролегали первые шаги нашего опаснаго пути. За тѣмъ, выбравшись изъ развалинъ обители, положили мы взять направо по косогору, и поднявшись на вершины скалъ, миновать пропасти, а наконецъ спуститься на береговую дорогу, уже обойдя за валы и ущелья, въ которыхъ засѣли горцы. Планъ нашего пути почти можно было назвать возможнымъ; вся трудность его исполненія состояла въ томъ, чтобы до разсвѣта быть на высотѣ скалъ. Опасныя тропинки надъ пропастями не пугали насъ: мы оба были привычны къ горнымъ дорогамъ и проворны какъ бѣлки....

— Боже мой! прошепталъ Д***. — Кажется, мы ошиблись, принявъ въ темнотѣ другое направленіе.

— Да, отвѣчалъ я: — вотъ ужь сполчаса, какъ мы быстро подвигаемся впередъ, а монастырь словно уходитъ отъ насъ.

— Чтожь намъ дѣлать?

Вдругъ зарница, ярко сверкнувъ на полуночномъ небѣ, указала намъ въ двухъ шагахъ мрачныя, поросшія мхомъ развалины монастыря....

— Вотъ онъ!... вскричалъ я съ восторгомъ.

— Тс... что ты?... шепнулъ Д***, усердно толкнувъ меня подъ бокъ. — Вспомни, что если мы будемъ говорить громко, такъ, пожалуй, насъ заставятъ прикусить языкъ навсегда.

Не желая лишиться языка, который доставлялъ мнѣ въ жизни иногда пріятныя минуты, я замолчалъ. Вскинувъ на плечи ружья и ощупывая одною рукою сырую монастырскую стѣну, мы подвигались впередъ осторожно и въ глубокомъ молчаніи. Чрезъ полчаса труднаго пути по неровному и ветхому полу достигли мы безъ всякаго приключенія амбразуры окна, которое, по нашимъ расчетамъ, выходило на косогоръ. Д*** взглянулъ туда и тотчасъ же быстро отскочилъ.

— Что тамъ? спросилъ я.

— Тс!...

Онъ приложилъ указательный палецъ къ губамъ, а другою рукою указалъ мнѣ на окно.

Съ величайшею осторожностію просунулъ я голову въ отверстіе окна, и глазамъ моимъ представилась картина не слишкомъ отрадная: около костра горящихъ головней сидѣло человѣкъ восемь горцевъ.

Затаивъ дыханіе, мы взвели на всякой случай курки нашихъ ружей и осторожно опустились на полъ, поросшій мхомъ и травою....

— Удивляюсь, прошепталъ я: — какъ шелестъ нашихъ шаговъ не обратилъ вниманія чуткихъ абазиновъ!

— Тсс! .. отвѣчалъ мой товарищъ: — будемъ ждать удобной минуты.... вѣдь не приросли же они къ землѣ... уйдутъ когда-нибудь... а до тѣхъ поръ молчаніе!

Кивнувъ въ знакъ согласія головою, я прислонился къ сырой стѣнѣ и сталъ зѣвать, по временамъ сбрасывая съ своего платья неучтивыхъ жабъ и ящерицъ.

Около часу прошло въ томительномъ и напрасномъ ожиданіи: говоръ не умолкалъ подъ окномъ, и струя табачнаго дыму, доносимая до насъ вѣтромъ, свидѣтельствовала о присутствіи абазиновъ.

— Спишь?... едва внятнымъ шопотомъ окликнулъ меня товарищъ.

— Нѣтъ.

— Ну, братъ!... Вообрази, что я подслушалъ изъ разговора нашихъ сосѣдей....

Нужно замѣтить, что Д*** почти пять лѣтъ прожилъ въ Анапѣ и понималъ нѣсколько по-абазински.

— Чтó такое? спросилъ я быстро.

— Эти отчаянные разбойники рѣшились сегодня ночью, прокравшись монастыремъ, ударить врасплохъ на нашъ тылъ, который, по ихъ расчетамъ, очень справедливымъ, будучи защищаемъ развалинами, долженъ быть слабѣе фланговъ и фаса.

— Чтó же намъ дѣлать?...

— Спѣшить къ товарищамъ и предупредить ихъ объ угрожающей опасности.... Д*** договаривалъ еще послѣднія слова, какъ одинъ изъ абазиновъ, съ проворствомъ дикой кошки, прыгнувъ въ окно, прямо сѣлъ мнѣ на шею — и, потерявъ равновѣсіе, полетѣлъ навзничь.... Паденіе на меня его тяжелаго тѣла было такъ неожиданно и жестоко, что я, вскрикнувъ отъ боли, судорожно сжалъ руки и невольно спустилъ курокъ ружья.... выстрѣлъ грянулъ, освѣтивъ мѣстность, и пуля съ визгомъ врѣзалась въ грудь горца. Дикій, пронзительный крикъ раздался подъ окномъ.... и одинадцать выстрѣловъ одинъ за другимъ грянули надъ нашими головами.... Но ни одна пуля насъ не коснулась, благодаря стѣнѣ, къ которой мы плотно прижались, присѣвъ на корточки....

Наступила минута рѣшительная.... Силы были далеко не равны: самое отчаянное сопротивленіе не обѣщало ничего добраго.... Оставалось искать спасенія въ бѣгствѣ.... Будто сговорившись, мы разомъ пустили двѣ пули въ толпу враговъ, столпившихся у окна, и, быстро прыгнувъ чрезъ тѣло убитаго горца, стали пробираться впередъ. Но враги наши не зѣвали.... Месть за убитыхъ товарищей, досада на неуспѣхъ ночной экспедиціи, жажда добычи и крови, — все призывало ихъ къ погонѣ.... И скоро услышали мы, какъ озлобленные наши преслѣдователи спотыкались и падали, вѣроятно при неудачныхъ усиліяхъ прыгнуть въ окно.... и вотъ шаги многихъ людей, громкій говоръ, ругательства и проклятія зазвучали подъ сводомъ монастыря....

— Прислонимся къ стѣнѣ: можетъ быть они пройдутъ мимо насъ, шепнулъ мнѣ товарищъ: — а на случай обнажимъ и шашки...

Но въ ту самую минуту грянулъ выстрѣлъ, свиснула пуля, и товарищъ мой покатился, раненый въ лобъ навылетъ....

Я чувствовалъ, какъ брызнули мнѣ въ лицо мозги и кровь его.... Голова моя кружилась и пылала....

....Мгновеніе — и я очнулся. Обнаживъ шашку, надъ трупомъ несчастнаго Д*** я рѣшился дорого продать жизнь. Ожесточеніе мое было такъ велико, что я безразсудно выстрѣлилъ въ толпу на-удачу и огнемъ выстрѣла показалъ непріятелямъ свое мѣсто... Страшные крики и проклятія загремѣли въ отвѣтъ на мою пулю... курки брякнули.... и я съ раздробленною колѣнкою покатился на холодный трупъ товарища... О, послѣ я завидовалъ ему!...

II.

РАЗГОВОРЪ СЪ АБАЗИНОМЪ. — КНЯЗЬ АСЛАНЪ-САДЕКЪ. — ПОПЫТКА КЪ БѢГСТВУ.

Не знаю, скоро ли я очнулся.... Но пробужденіе мое было нерадостно: сумрачный свѣтъ сакли, закопченной снизу до верху, въ которой я лежалъ на грязномъ войлокѣ, показывалъ, что уже наступилъ вечеръ. Дождь, просачивая ветхую крышу, грязными потоками бѣжалъ по стѣнѣ, наводняя глинистый полъ и капая мнѣ на лицо.... Старая безобразная абазинка перевязывала мнѣ рану, надъ которой только-что окончилъ операцію горскій хирургъ, употребивъ быть можетъ при этомъ случаѣ вмѣсто всѣхъ инструментовъ свой неизмѣнный кинжалъ (*). Жажда мучила меня ужасно.... я выразилъ знаками мое желаніе, и ветхая мумія тотчасъ подала мнѣ въ солдатской манеркѣ воды отвратительнаго вкусу. Поблагодаривъ старуху и закашлявшись всею грудью, я потянулъ раненую ногу и къ великому моему изумленію рѣшительно не ощутилъ никакой боли. Это меня нѣсколько обрадовало и ободрило. Успокоившись нѣсколько и хорошо уяснивъ себѣ незавидное свое положеніе, я сталъ придумывать средства къ побѣгу.... Въ ту минуту на порогѣ сакли показался рослый абазинъ.... Стряхнувъ съ бурки крупныя капли дождя и отеревъ ею же стволъ винтовки, горецъ закурилъ свою коротенькую трубку и сѣлъ противъ меня на мокрый полъ...

— А, *Иванъ*... глядишь!! (**) сказалъ онъ.

— Да, пріятель, отвѣчалъ я, стараясь казаться равнодушнымъ: — гляжу, гляжу больше часу, а все-таки кромѣ дряхлой старухи ничего не вижу съѣстного.... нѣтъ ли у тебя чего-нибудь посвѣжѣе.... хоть проса или чурека... не откажусь, пожалуй, и отъ шашлыка... за что преславная дочь Магомета — Фатима, да подастъ тебѣ конецъ своего пояса и проведетъ тебя чрезъ Эль-Сыратъ къ достославнымъ предкамъ....

Въ заключеніе моей витіеватой рѣчи, чтобъ абазинъ понялъ въ ней главное, я указалъ на раскрытый ротъ и сильно щелкнулъ зубами.

Пока жевалъ я жосткій чурекъ, съ опасностью изломать свои зубы, абазинъ разсказалъ мнѣ, нещадно коверкая русскій языкъ, о томъ, какъ я былъ захваченъ въ плѣнъ его пріятелемъ, какимъ-то княземъ изъ сосѣдняго аула; князь оставилъ меня здѣсь, пока я поправлюсь, и

(*) Дѣйствительно, операція была сдѣлана очень искусно, какъ говорили наши хирурги.... Пуля, раздробившая чашку правой ноги и остававшаяся тамъ шесть сутокъ, была вынута съ величайшею осторожностію....

(**) Вообще абазины, шапсуги, натухайцы и др., всѣхъ безъ исключенія, русскихъ мужчинъ зовутъ *Иваномъ*, женщинъ — Марушка (Марья).

обѣщалъ побывать на-дняхъ у своего кунака. Замѣчаніе, что со мною обходятся миролюбиво и снисходительно, нѣсколько поразсѣяло мои черныя мысли, отчего чурекъ исчезалъ довольно быстро къ немалому удовольствію моего хозяина, который по моему аппетиту заключилъ, что скоро отъ меня отдѣлается. Въ этотъ день со мною ничего не случилось замѣчательнаго, а ночь я проспалъ какъ убитый.

На-утро съ восходомъ солнца топотъ лошадей возвѣстилъ о пріѣздѣ князя съ его нукерами. Двое усатыхъ молодцовъ вошли слѣдомъ за моимъ владѣльцемъ въ саклю; князь былъ рослый дѣтина съ смуглымъ и загорѣлымъ, но довольно пріятнымъ лицомъ. Опрятность наряда и богатство вооруженія рѣзко отличали его отъ оборванныхъ нукеровъ. Онъ молча осмотрѣлъ мою рану и потомъ началъ ощупывать всѣ мои члены, будто желая узнать мое достоинство по качеству мяса.

Долго пропировавъ у своего кунака, князь передъ вечеромъ выѣхалъ изъ аула со мною и нукерами. По всему было замѣтно, что мои спутники, не исключая и князя, на этотъ разъ сильно преступили заповѣдь Магомета и порядочно подгуляли... особенно нукера, ѣхавшіе у стремянъ моихъ, кланялись каждому встрѣчному кусту и пригорку. Мы подвигались впередъ не торопясь... Я молчалъ, задумавшись; князь, играя звонкою уздечкою, напѣвалъ какую-то заунывную татарскую мелодію; слуги, опустивъ поводья и повѣсивъ носы, время отъ времени, повторяли сквозь зубы: *якши-іолъ!* предполагая быть можетъ, что они и теперь еще сидятъ на коврѣ пиршества, а не на хребтѣ лошади. Солнце давно уже скрылось за горы, и сырой туманъ, поднявшійся съ моря, пронялъ меня до костей. Прикрытый, однимъ «китилемъ», я сильно продрогъ и громко стучалъ зубами. Спустившись съ кремнистаго косогора, мы пустились рысью вдоль узкой и мрачной балки, впрочемъ довольно ровной. Тряска нѣсколько развлекла моихъ спутниковъ и прогнала ихъ дремоту. Чрезъ часъ довольно быстрой ѣзды князь остановился; сдѣлавъ знакъ рукою, онъ соскочилъ съ коня; мы послѣдовали его примѣру. Я и на этотъ разъ не лишенъ былъ счастія отвѣдать черстваго чурека.... Проклиная незатѣйливый вкусъ и жалкую кухню горцевъ, я ѣлъ такъ усердно, что не замѣтилъ даже, что князь давно уже храпѣлъ, растянувшись на шолковой буркѣ... Нукера еще бодрствовали... Должно быть имъ приказано было стеречь меня... Но пророкъ, вѣроятно въ наказаніе за нарушеніе его заповѣди, минутъ чрезъ десять сомкнулъ глаза пьяныхъ нукеровъ.

Нукера спали мертвецки, князь храпѣлъ какъ разгоряченный конь; я одинъ бодрствовалъ... Мысль о побѣгѣ молніей сверкнула въ головѣ моей, сердце сильно забилось... Мѣшкать было нечего; случай, соблазнительный случай, такъ и протягивалъ руку. Но вотъ вопросъ: куда бѣжать?.. я не знаю ни одной тропинки!.. и что̀ будетъ со мною, если проснутся враги мои въ самую рѣшительную минуту?... Не перерѣзать ли ихъ?

Рука моя уже невольно потянулась за кинжаломъ, висѣвшимъ на животѣ у одного изъ нукеровъ; но разсудокъ скоро остановилъ дикое

побужденіе… Я всталъ, осмотрѣлся на всѣ четыре стороны и съ величайшею осторожностію, едва переводя дыханіе, началъ распутывать лошадей. Абазины спали. Обозрѣвъ снова окрестность, я замѣтилъ невдалекѣ узкое ущелье, которое какъ трещина въ скалѣ вилось пестрою змѣйкою между двухъ возвышенностей… Руки мои дрожали, сердце громко стучало въ груди… Прыгнувъ на коня и сильно ударивъ его ногами въ бока, я вихремъ понесся въ ущелье, застилая свой слѣдъ пылью и дождемъ мелкихъ кремней… Звукъ копытъ скоро разбудилъ враговъ моихъ… Я несся на-удачу, рискуя сломать себѣ шею… За мною гнались по пятамъ.

Между тѣмъ ночь заволокла небо черными тучами, вѣтеръ свиснулъ въ ущельяхъ и запѣлъ свою обычную, заунывную пѣсню…. Лошадь моя безпрестанно спотыкалась, но я неутомимо билъ ее по крутымъ ребрамъ. Враги были близко… я слышалъ ясно ихъ неистовые крики и ругательства, эхо ущелья громко отвѣчало на нихъ: гяуръ! гяуръ! Одно мгновеніе—и они меня настигнутъ… Вдругъ усталый конь, фыркнувъ, быстро отскочилъ въ сторону и сталъ какъ вкопаный всею силою переднихъ ногъ въ гранитъ. Я взглянулъ внизъ: почти подъ ногами моими бѣжалъ широкій ручей съ неистовымъ шумомъ и завываньемъ; его мутныя волны бѣшено прыгали черезъ камни и обдавали берегъ бѣлою пѣной.

Думать было нечего, выбирать не изъ чего: я слышалъ, какъ враги мои взводили курки!

Съ воплемъ, въ которомъ отозвались всѣ страшныя ощущенія, раздиравшія мою душу, гикнулъ я на измученную лошадь. Она взвилась на дыбы, метнулась вправо, потомъ влѣво, вытянулась, — и вода съ ревомъ расступилась, возмущенная нашимъ паденіемъ…. Вслѣдъ за тѣмъ два выстрѣла зарокотали надъ моею головою. Пуля, свиснувъ мимо моего уха, перелетѣла въ лѣсъ на противоположный берегъ; другая сорвала съ головы моей фуражку. Храпя всею грудью и собирая послѣднія силы, лошадь быстро выносила меня впередъ и впередъ, пробираясь между острыхъ камней, мелькавшихъ въ кипящей водѣ. Съ минуты на минуту ждалъ я смерти…. смерть была кругомъ меня… выстрѣлы не умолкали…. Не понимаю, какимъ образомъ миновала меня мѣткая черкесская пуля…. Но вотъ и берегъ: я спасенъ! Князь не рѣшился послѣдовать за мной…. Спрыгнувъ съ измученнаго коня, я съ любовью и благодарностію потрепалъ его крутую шею….

III.

ВТОРАЯ БѢДА. — ИСТОРІЯ НЕЙФТАЛИ. — МЕСТЬ ГОРЦА.

…. Но въ ту минуту стволъ винтовки уперся въ грудь мою…. Пораженный, я съ силою ударилъ по стволу и метнулся въ сторону.

— Ни съ мѣста! закричалъ кто-то дурнымъ русскимъ языкомъ.

Въ ту же минуту кинжалъ былъ у моего горла.

— Русскій, ты мой плѣнникъ, продолжалъ неизвѣстный голосъ. — Я могъ бы убить тебя, но я поклялся щадить русскихъ!

— Хорошъ гусь! подумалъ я: — держитъ клятву, а ночи проводитъ въ лѣсу!

Повинуясь въ молчаніи своему року, измученный до послѣдней крайности, я опустился въ изнеможеніи на землю.... Рана моя открылась, и кровь съ силою обильно просачивалась черезъ нижнее платье; при помощи моего новаго владѣльца, я перебинтовалъ раненую ногу, унявъ теченіе крови.

Опершись на винтовку, горецъ стоялъ передо мной въ какомъ-то раздумьи. Это былъ человѣкъ средняго росту, лѣтъ тридцати пяти; широкіе плечи его прикрывалъ поношенный кафтанъ, на которомъ только мѣстами уцѣлѣли галуны, украшавшіе его въ старину; вообще нарядъ моего новаго господина представлялъ довольно странную смѣсь лезгинскаго съ абазинскимъ. Но не успѣлъ я кончить моихъ наблюденій, какъ задумчивый горецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты плѣнникъ князя Асланъ-Садека? спросилъ онъ: — и, кажется, сейчасъ бѣжалъ отъ него?...

Я утвердительно кивнулъ головою.

— О, князь! продолжалъ горецъ вполголоса, обернувшись къ ручью и устремивъ проницательный взоръ въ темную даль. — Пришла пора поплатиться за кровную обиду.... Стой, князь!... руками твоего же плѣнника я передушу твоихъ нукеровъ, а съ тобой перевѣдаюсь самъ.... Вотъ твой гостинецъ!

Горецъ съ злобною усмѣшкой потрепалъ рукоять дагестанскаго кинжала.

— До разсвѣта еще не близко, продолжалъ онъ: — а раньше утренней зари не взойти и моей зарѣ, которую жду я такъ долго.... Я знаю, князь прежде разсвѣта не рѣшится переправиться.

Горецъ замолчалъ. Черезъ минуту онъ сѣлъ подлѣ меня и заговорилъ такъ, обращаясь ко мнѣ:

— Русскій! окажи мнѣ одну услугу—и ты свободенъ; я укажу тебѣ дорогу къ друзьямъ твоимъ.... даже самъ пойду къ нимъ съ тобою.

— Чтó за странность? думалъ я: — какую могу я оказать ему услугу?

Онъ продолжалъ:

— До разсвѣта еще далеко.... Слушай: я разскажу тебѣ начало моей исторіи, конецъ ты можетъ быть самъ увидишь.... И новый повелитель мой началъ свою повѣсть. Я передаю ее, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями, потому-что ни память моя, ни дурной выговоръ горца не позволяютъ сообщить ее слово-въ-слово.

«Я родился здѣсь, въ горахъ Абазіи. Отецъ мой былъ лихой на-«ѣздникъ, его слава гремѣла изъ конца въ конецъ черноморскаго «берега. Первый въ схваткѣ, первый за родину, онъ постоянно былъ

«въ наѣздахъ. Болѣе сорока нукеровъ служили ему, считая за честь «и счастіе быть слугою и товарищемъ въ битвѣ храбраго Меджи-Али; «цѣлыя сотни барановъ паслись на лугахъ его. Домъ его былъ какъ «полная чаша,—всего вдоволь. Каждый странникъ переступалъ чрезъ «порогъ его съ лицомъ веселымъ и довольнымъ, благословляя имя «Меджи-Али. Я былъ любимый и единственный сынъ его. Природа «будто нарочно олицетворила во мнѣ всѣ черты, весь характеръ отца. «Удалѣе, ловче, красивѣе и счастливѣе Нейфтали (такъ называюсь я) «не было, кажется, въ цѣлой Абазіи.... О, юность!... счастливая, бла-«женная юность! гдѣ ты?... Князь Асланъ-Садекъ перерѣзалъ золо-«тую нить моего счастія....»

Рыданіе слышалось въ голосѣ горца, который видимо расчувствовался. Онъ склонилъ голову, и черные волосы, выбившись изъ-подъ бараньей шапки, закрыли его лицо. Понятно, что я слушалъ моего повелителя съ глубочайшимъ вниманіемъ. Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ:

«Бывало, какъ горѣли завистью глаза молодыхъ горцевъ, когда я, «молодъ, удалъ и красивъ, мчался на лихомъ скакунѣ, среди наѣздни-«ковъ и джигитовъ. Казалось, тогда сердца нашихъ красавицъ бились «только для меня подъ чадрою. Отецъ мой умеръ. Я наслѣдовалъ его «славное имя и его богатство. Насъ осталось двое: сестра и я. Зюль-«ма слыла красавицею. Славные наѣздники Абазіи искали сердца се-«стры моей.... въ числѣ ихъ былъ и.... будь онъ проклятъ! князь «Асланъ-Садекъ. Князь очень любилъ Зюльму, но она его ненавидѣла.

«Разъ ночью я слышу ужасный шумъ въ моемъ домѣ, меня бу-«дятъ.... Чтò за тревога? спросилъ я. Князь Асланъ-Садекъ похитилъ «твою Зюльму! сказалъ мнѣ любимый мой слуга. Какъ безумный «бросился я къ окну. Точно: пыль вилась изъ-подъ копытъ княжес-«каго скакуна; безчувственную сестру, перекинутую на сѣдлѣ, под-«держивала рука вора. Коня! винтовку! крикнулъ я и кинулся въ по-«гоню за княземъ. Лихой конь мой, казалось, на этотъ разъ получилъ «крылья: Князь былъ отъ меня на выстрѣлъ! я обнажилъ кинжалъ. «Злодѣй оглянулся. Если не мнѣ, такъ никому! крикнулъ онъ и «швырнулъ съ сѣдла обезглавленный трупъ Зюльмы.... Долго рыдалъ «я надъ прахомъ любимой сестры и тутъ же поклялся: не знать по-«коя и счастія, не вкушать радостей жизни, пока не источу кровь «по каплѣ изъ сердца убійцы, пока не смою позора и тоски моей «его кровью. Князь пропалъ безъ вѣсти. Потерявъ надежду утолить «месть мою, я сталъ непохожъ на прежняго Нейфтали, которымъ гор-«дился аулъ нашъ.... Я исхудалъ, нравъ мой сдѣлался унылъ и су-«ровъ. Я возненавидѣлъ долины и горы моей родины, видѣвшія славу «отца моего и мой позоръ... Такъ прошелъ годъ. Наконецъ наскучи-«ла мнѣ безславная, праздная жизнь! я созвалъ молодцовъ джиги-«товъ, обѣщалъ имъ богатую добычу, плѣнниковъ, разгулъ, свободу— «и ринулся съ ними въ наѣзды на русскихъ. Въ схваткѣ подъ укрѣ-пленіемъ С. К., гдѣ я свирѣпо рѣзался, окруженный тѣлами погиб-

«ихъ товарищей, русскій казакъ полоснулъ меня шашкой и сбилъ «съ коня. Раненый, я взятъ былъ въ плѣнъ и жилъ между русскими «семь лѣтъ, присягнувъ на русское подданство. Видитъ Богъ! я вѣр«но исполнялъ мою присягу... я не хотѣлъ измѣнять ей! Недавно слу«чай привелъ меня въ крѣпость А. Я взглянулъ на мои родныя горы, «вспомнилъ мою молодость, мой неотмщенный позоръ, и кровь загово«рила во мнѣ. Подъ рукою развѣдалъ о князѣ Асланъ-Садекѣ, и уз«налъ отъ мирныхъ абазиновъ, что врагъ мой уже болѣе шести лѣтъ «какъ опять явился въ своемъ аулѣ. Я не выдержалъ и бѣжалъ въ «горы. И вотъ ужь цѣлый мѣсяцъ какъ дикій звѣрь скитаюсь я въ «окрестностяхъ родного аула, выжидая минуту мщенія. Наконецъ «она настала. Сегодня я заарканю краснаго звѣрька; увидимъ, такъ «ли храбръ кровный врагъ мой съ мужчинами какъ съ женщинами!»

Нейфтали презрительно улыбнулся и пристально посмотрѣлъ за ручей.

— Догадываешься, спросилъ онъ: — чего хочу я отъ тебя и какой требую услуги?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Не догадываешься? хорошо, я научу тебя, что̀ надо дѣлать и какъ услужить мнѣ. Слушай: теперь скоро князь покажется на противоположномъ берегу, чтобы переправиться сюда за ручей. Онъ будетъ не одинъ: ты знаешь, съ нимъ два нукера. Его я буду выжидать за кустами черешни, видишь? А ты... вотъ тебѣ винтовка, ты долженъ во время переправы угомонить слугъ его. Дѣло нетрудное! Ты качаешь головой? но не забудь, что тебя ждетъ хорошая награда: свобода и родина! Да и что̀ мѣшаетъ тебѣ исполнить мое желаніе? Князь и его слуги развѣ не враги твоей родины и твои собственные? Развѣ они не хотѣли убить тебя нѣсколько часовъ назадъ?

Я молчалъ.

— Раздумываешь!... Полно.... это рѣшено!... вотъ тебѣ винтовка... я изъ нея не давалъ промаха.

Въ эту минуту князь и одинъ изъ его нукеровъ показались на крутомъ обрывѣ противоположнаго берега. Нейфтали кинулъ мнѣ винтовку и скрылся за черешню. Я оглянулся: онъ взводилъ курокъ пистолета, нацѣливъ дуло его прямо мнѣ въ затылокъ. Убѣжденіе было такъ краснорѣчиво, что судьба нукера тотчасъ рѣшилась: я прицѣлился въ него. Лихой конь Асланъ-Садека быстро несъ его; за нимъ, отставъ на нѣсколько шаговъ, слѣдовалъ слуга.

— Цѣль!... шепталъ Нейфтали: — вѣрнѣе... Бей!...

Курокъ брякнулъ; выстрѣлъ зарокоталъ надъ ручьемъ, и вслѣдъ за тѣмъ протяжный стонъ несчастнаго вмѣстѣ съ проклятіемъ вырвался изъ простреленный груди его. Испуганный конь, сбросивъ съ себя окровавленнаго всадника, фыркая, отпрянулъ въ сторону и пронзительнымъ ржаніемъ предсказывалъ свою гибель въ страшномъ водоворотѣ.

Между тѣмъ князь приближался къ намъ, выправляя оружіе.... Свершивъ кровавое дѣло, я взглянулъ на Нейфтали, желая сказать ему взоромъ: «я сдѣлалъ свое».

Потомъ я сѣлъ за кустъ черешни, приготовясь смотрѣть развязку начатой драмы. Нейфтали былъ весь ожиданіе; глаза его горѣли огнемъ дикаго звѣрства; рука его дрожала, сжимая рукоять кинжала.

Наконецъ онъ пронзительно гикнулъ и въ одинъ прыжокъ очутился передъ княземъ, вышедшимъ въ ту минуту на берегъ.... Князь отступилъ шагъ назадъ и, обнаживъ шашку, бросился на своего врага; но ловкій Нейфтали удачно увернулся отъ удара; голыми руками вырвалъ онъ шашку изъ рукъ князя и швырнулъ ее далеко въ сторону. Вслѣдъ за тѣмъ сверкнули кинжалы.... Злобный хохотъ сопровождалъ каждый удачный ударъ Нейфтали; тяжелые стоны вырывались изъ груди князя, израненой мѣткими ударами противника. Асланъ-Садекъ простоналъ и рухнулся на землю; дорогой клинокъ его кинжала выпалъ изъ ослабленныхъ рукъ и звеня о кремни покатился въ воду.... Обезображенное местью лицо Нейфтали было ужасно: наступивъ ногою на грудь, онъ скрестилъ руки и нѣсколько минутъ въ молчаніи съ упоеніемъ любовался предсмертными его судорогами.... Глаза торжествующаго горца сверкали какъ уголья и, казалось, хотѣли сжечь посинѣлое лицо мертвеца, на которое еще струилась горячая кровь съ кинжала мстителя.

Конецъ! прошепталъ Нейфтали. Онъ отеръ полою княжескаго кафтана свой кинжалъ и подошелъ ко мнѣ.

— Теперь я снова слуга русскихъ, сказалъ онъ: — идемъ къ нимъ!

Черезъ полчаса медленной ходьбы горецъ остановился.

— Отдохнемъ, сказалъ онъ: — я измученъ и чувствую большую усталость!

Выбравъ оврагъ, поросшій по краямъ густою травою, которая могла защищать даже отъ палящаго солнца, мы позавтракали нѣсколькими горстями проса и, утомленные, скоро заснули.

IV.

ТРЕТЬЯ БѢДА.

Солнце стояло довольно высоко на горизонтѣ, когда я проснулся. Товарищъ мой еще крѣпко спалъ.... Проклятія вмѣстѣ съ именемъ Асланъ-Садека слышались на устахъ его; онъ весь вздрагивалъ, и рука его судорожно искала кинжала.... Желая прекратить тяжелый сонъ Нейфтали, я осторожно толкнулъ его.

— Уфъ!... какой страшный сонъ! сказалъ горецъ пробуждаясь: — мнѣ грезилось, будто Асланъ-Садекъ рѣжетъ сестру мою: кровь потоками льется изъ ея груди, она проситъ моей помощи, протягиваетъ ко мнѣ окровавленныя руки, зоветъ меня по имени.... а я не могу

двинуться съ мѣста; какая-то невидимая сила меня удерживаетъ.... Я сталъ просить князя за сестру: онъ отвѣчалъ мнѣ хохотомъ.... Вдругъ свобода ко мнѣ возвратилась, съ проклятіемъ кинулся я на моего врага.... но тутъ ты разбудилъ меня.... Ну, а ты.... хорошо уснулъ?

— Хорошо. Только жажда мучитъ меня; кажется, вся грудь высохла.... Еслибъ хоть каплю воды, я воскресъ бы и безъ устали шелъ бы впередъ до завтра.

— *Т*акъ сходи, напейся, сказалъ Нейфтали.

— Куда?

— Вотъ тропинка (онъ указалъ налѣво): иди прямо по ней; за полуверсты отсюда течетъ ручей, чрезъ который ты вчера отправился.... иди скорѣй, я буду ждать тебя здѣсь.

Едва передвигая ноги, доплелся я до ручья и, спустившись по крутому берегу, жадно припалъ къ холодной водѣ.

Вдругъ громкій говоръ раздался надъ моею головою.... Я оглянулся: человѣкъ пять абазиновъ, между которыми можно было тотчасъ же узнать одного изъ нукеровъ убитаго князя, быстро приближались ко мнѣ; послѣдній, указывая на меня, что-то съ жаромъ разсказывалъ своимъ товарищамъ. Признаюсь, въ первую минуту я совершенно растерялся. Но скоро оправившись и измѣривъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ недруговъ, я сталъ карабкаться по крутизнѣ, съ намѣреніемъ перерѣзать имъ дорогу и укрыться въ лѣсу. Абазины съ крикомъ и угрозами погнались за мною. Но вотъ и лѣсъ: собираю послѣдній остатокъ силъ и быстрымъ бѣгомъ кидаюсь въ чащу... Но вѣрно не пришелъ еще конецъ моимъ бѣдственнымъ приключеніямъ! Сдѣлавъ нѣсколько скачковъ впередъ черезъ рвы и пни, я запнулся, упалъ и покатился въ крутой оврагъ. Въ ту же минуту подоспѣли горцы и крѣпко связали меня.... Напрасно я призывалъ Нейфтали: только эхо да веселый смѣхъ горцевъ были отвѣтомъ на мои вопли, а нѣсколько ударовъ нагайкою по головѣ совершенно лишили меня чувствъ, и я уже не помню, какъ былъ привезенъ въ аулъ.

Была глухая полночь, когда я открылъ глаза.... Я чувствовалъ невыносимую боль и шумъ въ головѣ, дрожь пробѣгала по всѣмъ моимъ членамъ.... Мало-по-малу боль въ головѣ утихла, а ознобъ перешелъ въ сильный жаръ; желая отереть крупныя горячія капли поту, выступившія на моемъ лбу, я съ ужасомъ замѣтилъ, что руки мои связаны за спиною. Припомнивъ прошедшее и сообразивъ, что нукеръ убитаго князя видѣлъ весь поединокъ своего господина съ Нейфтали и мое участіе въ немъ, я пришелъ въ неописанный ужасъ: нѣтъ сомнѣнія, муки невыносимыя ожидаютъ меня за смерть нукера и Асланъ-Садека!

Голая и сырая земля служила теперь мнѣ постелью; я лежалъ, брошенный въ какую-то яму или погребъ. Надо мною чернѣлъ сводъ неба, усѣянный звѣздами.... Ночь была спокойна и тиха, изрѣдка лай собакъ нарушалъ ея тишину... Но вотъ чьи-то осторожные

шаги зазвучали надо мною, и скоро земля, надавленная ногою незнакомца, посыпалась мнѣ на лицо съ закраинъ ямы.

— Иванъ, спишь? послышалось сверху.

— Нейфтали.... это ты?

— Тс.... тише!... я.

И нѣсколько кусковъ чурека полетѣли мнѣ въ голову.

— Подкрѣпись, пріятель!... Поколотить тебя не забыли, а поѣсть-то ужь вѣрно не дали!...

— Спасибо, добрый Нейфтали....

— Ну, пріятель, дѣло очень плохое: убійство князя и своего товарища уцѣлѣвшій нукеръ свалилъ на тебя; братъ Асланъ-Садека, Астанъ-Гари, пріѣхалъ сюда вечеромъ и завтра увезетъ тебя въ свой аулъ. Если не спасешься отъ рукъ его, бѣды не миновать!... Тебя хотятъ казнить въ первый осенній праздникъ, который будетъ ровно черезъ два мѣсяца.

— Боже мой, Боже мой! простоналъ я: — неужели, Нейфтали, нѣтъ никакихъ средствъ къ моему спасенію?

— По-крайней-мѣрѣ теперь, отвѣчалъ горецъ: — я, право, не вижу никакихъ. Я въ платьи ябазинца еще могу бродить по аулу, да и то за мною примѣчаютъ.... А тебѣ-то какъ?...

Зная, какъ жестоко мстятъ горцы своимъ плѣнникамъ, я рѣшилъ, что гораздо выгоднѣе умереть теперь, чѣмъ дожидаться ихъ мучительной казни.

— Послушай, Нейфтали! сказалъ я: — за услугу услугу!... Возьми камень и швырни мнѣ въ голову.... Ради Бога! прошу тебя!...

— Вздоръ, пріятель!... Не забывай, что еще цѣлыхъ два мѣсяца до твоей казни; время немалое: еще множество средствъ найдемъ къ твоему побѣгу. Прощай.... надѣйся на меня.... сторожъ близко, боюсь: замѣтитъ.... Не унывай, Иванъ!

Нейфтали исчезъ.... я задумался; долго я думалъ и наконецъ принялся подкрѣплять свои силы чурекомъ....

V.

СТРАШНЫЙ СОНЪ И СТРАШНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — БѢГСТВО. — ЧЕТВЕРТАЯ БѢДА.

По переселеніи моемъ въ аулъ Дазари, гдѣ жилъ Астанъ-Гари, настала для меня жизнь мученика. Ночи проводилъ я скованный ржавою цѣпью, въ сырой и грязной ямѣ, которая была нарочно для меня выкопана подлѣ не слишкомъ роскошной сакли моего владѣльца. Цѣпь была тяжела и такъ коротка, что я долженъ былъ даже спать сидя.... Съ выходомъ солнца, за мною приходилъ молодой пастухъ Юзефъ, которому опредѣлили меня помощникомъ. Но положеніе мое не улучшалось, когда, выходя на работу, я освобождался отъ тяжелой

цѣпи, оставаясь только въ наручникахъ (*); напротивъ, оно становилось хуже: пастухъ обходился со мною жестоко, безпрестанно приводя въ движенія то языкъ свой, вооруженный ругательствами, то длинный арапникъ.... Такія «ласки» онъ щедро расточалъ мнѣ за то, что родной братъ его когда-то былъ убитъ казаками... Здѣсь я терпѣлъ столько, сколько можетъ вынести человѣческое терпѣніе. Пищу я получалъ съ того же блюда, съ котораго лакомились и моя соѣдка — огромная борзая собака шайтанъ; она была единственнымъ моимъ товарищемъ.... Съ первыхъ же дней моего пребыванія здѣсь, шайтанъ, будто понимая мою горькую участь и сожалѣя о ней, удивительно привязался ко мнѣ... Его наивныя ласки, особенно послѣ ударовъ пастуха, глубоко меня трогали.... Повѣрить трудно, какъ былъ великодушенъ мой четвероногой товарищъ.... Случалось даже, что онъ отказывалъ себѣ въ законной половинѣ попортившагося шашлыка, который кидала намъ благотворительная рука нашего общаго владѣльца.... Въ сырыя и холодныя ночи шайтанъ приходилъ ко мнѣ въ яму и согрѣвалъ мнѣ грудь и ноги, ложась на нихъ. Такъ шло время моей неволи. Ничего не было утѣшительнаго въ настоящемъ, а будущее грозило мучительной и ужасной смертью. И близился быстро часъ безславной моей погибели... Кровь застывала въ жилахъ моихъ, при мысли о страшныхъ мукахъ, которыя ожидали меня...

Въ одну ночь тяжелыя мысли съ особенной неотвязчивостью налегли на мою душу. Лаская единственнаго товарища моей неволи—неразлучнаго шайтана, я не могъ сомкнуть глазъ. Воспоминанія о родинѣ, родныхъ и друзьяхъ упорно волновали мое воображеніе. Была минута, когда я чуть не принялся грызть глухо звенѣвшую цѣпь свою, въ безумной жаждѣ свободы... потомъ, обезсиленный, измученный душевнымъ волненіемъ, съ рыданьемъ и воплями отчаянія, опускалъ я горячую голову на косматую шерсть шайтана. Будто отвѣчая на мои стоны, добрый песъ ласкался ко мнѣ и, съ тихимъ унылымъ визжаньемъ, лизалъ мои руки... Право, иногда я начиналъ думать, что шайтанъ смотритъ на меня глазами, выражающими состраданіе... Понемногу я успокоился, и снова мысль о побѣгѣ овладѣла мной безраздѣльно. Хладнокровнѣе обсуживая свое положеніе и перебирая всѣ средства къ побѣгу, казавшіяся сколько-нибудь возможными, я наконецъ остановился на одномъ... И оно показалось мнѣ до того удачнымъ, что я въ восторгѣ сильно сжалъ голову моего товарища; шайтанъ завизжалъ довольно громко; но, къ счастію, горцы, утомленные въ тотъ вечеръ какимъ-то предъ-праздничнымъ обрядомъ, спали глубокимъ сномъ. Въ аулѣ и кругомъ его продолжалась прежняя тишина. Ночь проходила, востокъ начиналъ уже румяниться; но тутъ какъ нарочно меня стало смертельно клонить ко сну... Зная, что скоро явится грозный пастухъ, я всячески старался превозмочь дремоту;

(*) Желѣзная цѣпь величиною безъ малаго въ аршинъ, привязанная къ рукамъ кожею.

но усилія мои были напрасны: пригрѣтый горячимъ дыханіемъ собаки, я заснулъ, прислонивъ голову въ сырой уголъ ямы... Тогда привидѣлся мнѣ страшный сонъ, который я передаю здѣсь, чтобъ дать вамъ понятіе о картинѣ безпрестанныхъ ужасовъ, наполнявшихъ мое больное воображеніе. Я видѣлъ, будто бы Астанъ-Гари собралъ у моей ямы весь аулъ... Горцы свирѣпо смотрѣли на меня, опустивъ руки на рукоять своихъ кинжаловъ. — Вотъ, сказалъ Астанъ-Гари, указывая на меня: — этотъ гяуръ съ другимъ злодѣемъ зарѣзалъ брата моего храбраго Астанъ-Садека, джигита изъ джигитовъ славной Абазіи.. Братья!. Кровь вашего соплеменника вопіетъ о мщеніи!.. — «Растерзать его!.. разорвать!.. искрошить шайтану на шашлыкъ!» крикнула кровожадная толпа... Такъ, да погибнетъ онъ! громко сказалъ Астанъ-Гари. — «Гибни, гяуръ... гибни! заревѣли горцы... кинжалы сверкнули; и толпа съ гикомъ и воплями кинулась ко мнѣ... Но вдругъ, какимъ-то чудомъ, цѣпи спали съ меня.... Свободный, я въ одинъ мигъ далеко оставилъ за собою изумленную толпу... Черезъ минуту я очутился въ какомъ-то подземельи; мракъ и сырость царствовали тамъ; мнѣ слышались отдаленные голоса, ревъ и свистъ... Я шелъ машинально, потерявъ разсудокъ и память. Вдругъ знакомые предметы мелькнули вдали... наконецъ я узналъ окно моего дома... у окна мелькнула знакомая тѣнь... я вскрикнулъ отъ радости... и въ ту же минуту арапникъ, свиснувъ подъ моимъ ухомъ, змѣею обвился около моего тѣла.. шайтанъ съ визгомъ выскочилъ изъ ямы, я застоналъ и проснулся... передо мною стоялъ Юзефъ... Мы погнали стадо...

Обдумавъ ночью мой планъ и твердо рѣшась привесть его въ исполненіе, я приготовился по первому удару Юзефа доказать ему мою силу... Мы шли за стадомъ по обыкновенію молча и скоро спустились въ балку (мѣсто паствы). Солнце давно уже обливало своими лучами верхи холмовъ, усѣянныхъ сакліями; но аулъ Дазари спалъ еще, и ни одной бороды, ни одной чадры еще не показывалось на порогахъ грязныхъ и бѣдныхъ жилищъ его. Легкій вѣтерокъ, навѣвая пріятную прохладу, шелестилъ вѣтвями чинарнаго лѣса, который былъ мраченъ и густъ какъ борода дагестанскаго муллы. Вдругъ одинъ изъ барановъ довольно далеко отсталъ отъ своего стада, я не замѣчалъ этого и шелъ повѣся голову. Но Юзефъ тотчасъ напомнилъ мнѣ мою обязанность ударомъ арапника... Боль и досада заговорили въ душѣ моей; кровь бросилась въ голову; я отпрыгнулъ назадъ и, скрестивъ руки, такъ, что наручная цѣпь съ замкомъ совершенно отвисла, со всего размаху ударилъ ею по виску горца... Онъ глухо простоналъ и стиснувъ зубы рухнулся на землю... Мутный взоръ его остановился неподвижно; ни одного вздоха, ни одного звука не вылетѣло изъ его груди... Я оглянулся: аулъ спалъ; значитъ, не было ни одного живого свидѣтеля моего убійства, — ни одного, кромѣ безсловесныхъ четвероногихъ! Какъ я уже сказалъ прежде, обдумавъ заранѣе, что буду дѣлать, въ случаѣ удачной попытки убить моего палача, я, дрожа

всѣмъ тѣломъ, приступилъ къ исполненію моего плана: трепещущею рукою отстегнулъ я поясъ пастуха съ кинжаломъ, снялъ винтовку и бросился къ лѣсу... Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я тотчасъ же рѣшился воротиться за нѣсколькими патронами пороху, небольшимъ запасомъ пуль и нѣсколькими пригоршнями проса. Безъ такого запаса пастухъ никогда не покидалъ аула. Поправивъ первоначальную оплошность, я безпрепятственно достигъ лѣса... Здѣсь съ неимовѣрными усиліями, при помощи кинжала, я освободился отъ наручной цѣпи, *браслеты* которой, какъ я уже сказалъ, были кожаныя. Пройдя не болѣе двухъ верстъ, я изорвалъ въ клочки всю верхнюю одежду и исцарапалъ лицо, задѣвая за молодые сучья чинаръ. Вдругъ далекій лай собаки раздался въ лѣсу, и эхо громко отвѣтило на него... Прислушиваюсь — и узнаю лай шайтана!.. Гибель, неизбѣжная гибель: нѣтъ сомнѣнія, что за мной гонятся! Я бросился въ сторону и быстро взбѣжалъ на холмъ, давно замѣченный мною въ чащѣ лѣса, надѣясь найти въ немъ пещеру и укрыться въ ней...

Все ближе и ближе слышатся прыжки шайтана и трескъ валежника, ломающагося подъ его ногами... Я остановился и сталъ заряжать винтовку... Въ ту минуту шакалка, испуганная моимъ приближеніемъ, какъ молнія промчалась мимо ногъ моихъ и кинулась на-перерѣзъ собакѣ. Шакалка была моею спасительницею!.. Шайтанъ тотчасъ же пустился ее преслѣдовать, за нимъ кинулись и другія собаки... Горцы, полагая, что собаки напали на мой настоящій слѣдъ, съ ободрительными криками побѣжали за своей стаей, въ сторону, совершенно противную той, гдѣ я находился..

Такъ въ нѣсколько минутъ разразилась надъ самой головой моей и благополучно миновала новая опасность Но итти дальше я ужъ не могъ: рана моя снова открылась, когда, заслышавъ лай собаки, я споткнулся при ускоренномъ бѣгѣ и упалъ.

VI.

ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ БѢДА.

Усталый, мучимый невыносимою болью, я опустился на землю, превратилъ послѣднюю сорочку въ бинты и перевязалъ свою рану.

Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы горстью проса, я почувствовалъ, что боль въ ногѣ моей начала уменьшаться, и рѣшился продолжать путь.

Смеркалось. Лучи солнца уже не пробивались сквозь вѣтви вѣковыхъ чинаръ; наступившій прохладный вечеръ предвѣщалъ холодную ночь; нужно было подумать о ночлегѣ.... Медленно подвигаясь впередъ, я увидалъ высокую и густую чинару, которая на ту ночь и послужила мнѣ пристанищемъ. Съ немалымъ трудомъ вскарабкавшись на половину всей высоты ея и выбравъ двѣ твердыя, удобныя вѣтви,

я выстлалъ ихъ прутьями и листьями: такова была моя походная койка! Давно не случалось мнѣ лечь такъ покойно и даже съ такимъ удобствомъ, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Смутный, неподвижный взоръ убитаго пастуха, лай собакъ и дикіе крики моихъ преслѣдователей, — всѣ разнородныя и страшныя событія дня безпрестанно тревожили мое воображеніе, и безъ того неспокойное.... Настала мрачная ночь.... Ветеръ зашелестилъ косматымъ лѣсомъ; совы начали пронзительно вскрикивать, имъ отвѣчалъ заунывный вой голодныхъ шакалокъ. Этотъ концертъ, отъ котораго волосы на головѣ моей подымались дыбомъ, продолжался до утра, которому, признаюсь, я очень обрадовался. На зарѣ я уснулъ глубокимъ сномъ и проспалъ до полудня....

Такъ проводилъ я дни и ночи, держа путь свой на югъ.... Наконецъ минуло двѣ недѣли моего тяжкаго странствованія; въ теченіи ихъ я разстрѣлялъ почти всѣ патроны и истребилъ изрядное количество куропатокъ и фазановъ. Близилась новая бѣда.... Кончился лѣсъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезло и послѣднее средство къ утоленію голода. Я вышелъ на необозримую степь, гдѣ изрѣдка встрѣчались мѣловыя возвышенности. Въ абазскихъ степяхъ, подобно крымскимъ, водится дичь, но въ мѣньшемъ количествѣ. Впрочемъ, разумѣется, хватило бы на мою долю, но бѣда въ томъ, что у меня оставался только одинъ патронъ, который дѣлить не было никакой цѣли: пуля была тоже только одна. А между тѣмъ я не зналъ, скоро ли кончится мое странствованіе; притомъ истертыя и израненныя ноги мои рѣшительно отказывались служить мнѣ.

Прошло три мучительные дня съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ степь; въ продолженіи ихъ жажда и голодъ мучили меня невыносимо.... Истощеніе было такъ велико, что я какъ помѣшанный то опускался на землю, то принимался бѣжать, то снова со стономъ упадалъ... Наконецъ твердость меня покинула. Я легъ и готовился умереть. Вдругъ надъ головою моей мелькнула птица, засвистѣвъ широкими крыльями: ея породы я не могу опредѣлить.... Въ минуту бодрость воротилась ко мнѣ, я прицѣлился, спустилъ курокъ и обѣдъ упалъ къ моимъ ногамъ. Удовлетворивъ долгій и мучительный голодъ, я заснулъ, пригрѣтый солнцемъ.

. . . .

— Иванъ.... Иванъ!... Проснись!... шепталъ кто-то, толкая меня прикладомъ винтовки.

Я открылъ глаза: передо мною стояли три горца: у одного изъ нихъ блестѣлъ на груди крестъ св. Георгія. Радость моя была неописанна; я какъ безумный кинулся обнимать тѣхъ, въ комъ тотчасъ же узналъ моихъ избавителей — мирныхъ абазиновъ. Въ короткихъ словахъ я объяснилъ имъ мое положеніе, и чрезъ нѣсколько дней они доставили меня въ коменданту крѣпости А., гдѣ скоро я обнялъ мо-

ихъ друзей и товарищей, а чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ и родныхъ....

Такъ кончилась исторія моего тяжкаго плѣна...

КАВАЛЕРЪ ДЕ-МЕРЕ

или

О ПОРЯДОЧНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

Статья Сен-Бёва.

Читать все, чтȯ написалъ кавалеръ де-Мере, безполезно; почитать кое-что изъ его сочиненій — это другое дѣло. Судя по его напечатаннымъ письмамъ и разсужденіямъ, онъ слылъ за человѣка болѣе любезнаго, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Можно подозрѣвать, что онъ былъ изъ числа людей *легкомысленныхъ въ серьёзномъ и педантовъ въ легкомысленномъ;* какъ бы то ни было, но онъ былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, обращавшійся съ тѣмъ, чтȯ позначительнѣе въ наукахъ и при дворѣ, въ извѣстную эпоху (отъ 1649 до 1664). Ошибка его состояла въ томъ, что онъ принималъ слишкомъ буквально и слишкомъ серьёзно эту тонкую, нѣжную роль и заходилъ далеко тамъ, гдѣ нужно коснуться лишь слегка. О Бенесрадѣ сказали, что онъ былъ Вуатюръ въ излишнихъ размѣрахъ: кавалеръ де-Мере представляетъ тоже самое. Несмотря на свои недостатки или, пожалуй, по причинѣ своихъ недостатковъ, де-Мере есть *типъ*, и если кому угодно изучить характеръ, бывшій въ чести въ XVII вѣкѣ, то всего лучше, да и удобнѣе, обратиться къ кавалеру.

Въ то время были люди, которые намъ представляютъ и олицетворяютъ собою идею *порядочнаго человѣка (honnête homme)*, какимъ понимали его тогда. Де-Мере много размышлялъ объ этомъ идеалѣ, старался опредѣлить его, обозначить условія, для него необходимыя, размышлялъ о совокупности качествъ, его составляющихъ. Учитель танцованія не всегда тотъ, кто танцуетъ лучше другихъ; но если какой-нибудь старинный учитель, славный въ свое время, написалъ что-нибудь, чтȯ касается его искусства, и если это искусство находится въ упадкѣ, то остается прибѣгнуть къ тому, чтȯ онъ написалъ.

Выраженіе *приличный человѣкъ* въ XVII вѣкѣ вовсе не означало простого, общаго понятія, которое оно означаетъ въ наше время. Слово это имѣло на французскомъ языкѣ много значеній, точно такъ, какъ по-гречески слово *мудрецъ*. Въ эпоху праздности къ нему примѣшивали много лишняго; мы принимаемъ его лишь въ строгомъ смыслѣ. Вообще *приличный человѣкъ (honnête homme)* характеризовалъ человѣка *порядочнаго*, а условія *для человѣка порядочнаго (comme

il faut, quod decet) различны и многообразны, смотря по вкусу и мнѣніямъ самого общества. Аббатъ Прево, кажется, былъ послѣднимъ изъ писателей, употреблявшихъ слово *honnête homme*. Вольтеръ, написавъ въ своемъ *Enfant prodigue :*

Nos voleurs de tres *honnêtes gens,*
Gens du beau monde....

уклонился отъ настоящаго смысла, такъ-что *приличный человѣкъ* является у него уже какъ пародія, именно потому, что онъ лишилъ его значенія строгаго, серьёзнаго, нераздѣльнаго, въ XVII вѣкѣ, съ понятіемъ легкимъ. Точно такъ Ботрю сказалъ, играя словами, что *порядочный человѣкъ и добрые нравы никогда не уживались вмѣстѣ; никогда не гармонировали между собою (honnête homme et bonnes moeurs ne s'accordoient guère ensemble).* Дѣйствительно, порядочный человѣкъ въ то время означалъ не только такого, кто умѣлъ пользоваться удовольствіями и зналъ приличія, но и такого, въ качества котораго входили и достоинства основательныя и истинная порядочность; главное дѣло состояло въ томъ, чтобы взять свои мѣры и соразмѣрить части: порядочный человѣкъ никогда не упускалъ этого изъ виду.

Особенно женщины хорошо постигали, въ чемъ дѣло, и когда уже все сказано, все объяснено, онѣ требовали еще чего-то; это *что-то*, говоритъ де-Мере, «состоитъ въ чемъ-то благородномъ, чтò открываетъ всѣ прекрасныя качества, чтò вытекаетъ прямо изъ сердца и изъ ума». Кавалеръ сильно рекомендуетъ разговоры съ женщинами: тутъ только *складывается* умъ, только отсюда выходитъ совершенно порядочный человѣкъ, потому-что, какъ онъ очень основательно замѣчаетъ, мужчины состоятъ какъ бы *изъ одного куска*, если они обращаются лишь между собою.

Зато, въ тоже самое время, дѣвица Скюдери замѣтила, что самыя приличныя женщины въ свѣтѣ, когда ихъ соберется много вмѣстѣ (т. е. болѣе трехъ), и когда среди ихъ нѣтъ ни одного мужчины, никогда не скажутъ ничего годнаго и соскучатся несравненно болѣе, чѣмъ если бы онѣ были порознь». Напротивъ, «есть что-то такое, чего я не могу выразить (признается очень наивно эта достойная дѣвица), что-то такое, чѣмъ порядочный мужчина веселитъ и оживляетъ общество женщинъ, что-то такое, чѣмъ женщинѣ самой порядочной никогда не удастся этого достигнуть.» Если съ обѣихъ сторонъ такъ живо чувствуютъ преимущества обоюднаго общенія, то это значитъ, что уже начинаютъ понимать или справедливѣе, что уже поняли другъ друга, и что наука порядочнаго человѣка сдѣлала успѣхи.

О жизни кавалера де-Мере свѣдѣній очень мало; когда онъ родился — неизвѣстно, точно также какъ долго не знали, когда онъ умеръ. Говорятъ, что онъ родился въ концѣ XVI-го или въ началѣ XVII-го

столѣтія. Онъ былъ младшій братъ благородной фамиліи въ Пуату. Старшій братъ его, г. де-Плассакъ-Мере, какъ кажется, тоже имѣлъ претензію на остроуміе и велъ переписку съ Бальзакомъ. Братьевъ иногда смѣшивали. Кавалеръ появился въ письмахъ Бальзака лишь въ 1646 году; ему-то и писалъ слишкомъ привѣтливый Бальзакъ слѣдующее: «Уединеніе дѣйствительно превосходная вещь, но пріятно бы было имѣть такого друга, какъ вы, которому бы можно было сказать иногда, что это прекрасно». А въ другомъ письмѣ: «Если я говорю вамъ, что вашъ лакей нашелъ меня больнымъ, и что ваше письмо меня изцѣлило, то въ этомъ случаѣ я ни поэтъ, который выдумываетъ, ни ораторъ, который преувеличиваетъ: я самъ себѣ историкъ и отдаю вамъ вѣрный отчетъ въ томъ, что́ дѣлается въ моей комнатѣ». Въ этомъ письмѣ Бальзакъ величаетъ кавалера человѣкомъ *отважнымъ* и въ тоже время *философомъ;* кавалеръ съ честью служилъ на морѣ и сушѣ. До удаленія своего отъ службы и между походами онъ только и мечталъ о томъ, чтобы весело пожить въ свѣтѣ, то при дворѣ, то въ своемъ домѣ въ Пуату, не очень далеко отъ Бальзака, который послужилъ ему первымъ образцемъ и великимъ патрономъ въ литературѣ. Менажъ, посвящая кавалеру свои *замѣчанія на французскій языкъ (Observations sur la langue française)*, говоритъ ему: «Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ, вы были изъ самыхъ модныхъ парижскихъ мужчинъ. Ваша доблесть, храбрость, умъ, знанія, краснорѣчіе, кротость, веселое лицо, самое происхожденіе ваше — привлекали къ вамъ всѣхъ. Всѣ эти превосходныя качества однажды были мнѣ изображены нашимъ достойнымъ другомъ г. Бальзакомъ, со всею роскошью его краснорѣчія». Роскошь эта нравилась кавалеру; онъ самъ ея придерживался. Между Бальзакомъ и Вуатюромъ де-Мере не колебался: онъ стоялъ за перваго и часто думалъ критиковать второго, съ которымъ также находился въ сношеніяхъ. По нѣкоторымъ отрывкамъ изъ *Писемъ* кавалера можно догадываться, что милый шутникъ Вуатюръ не считалъ его за слишкомъ серьёзнаго, солиднаго человѣка, какимъ онъ казался Бальзаку, и что вслѣдствіе этого между ними были кое-какіе счеты по самолюбію. «Этотъ человѣкъ, замѣчательный по своимъ литературнымъ произведеніямъ — говоритъ кавалеръ о Вуатюрѣ — хотѣлъ казаться однимъ изъ числа моихъ друзей; я слышалъ отъ него часто много умнаго, но чувствовалъ, что онъ болѣе фокусникъ, нежели порядочный человѣкъ; поэтому-то онъ былъ для меня невыносимъ, и я сердечно любилъ Бальзака, потому-что онъ былъ нѣженъ и чувствителенъ отъ природы». Эти слова ясно показываютъ, что самолюбіе кое-чего не видитъ или по-крайней-мѣрѣ не хочетъ высказать. Какъ бы то ни было, *Письма* кавалера занимаютъ почтенное мѣсто: умъ его тоньше и нравственныя наблюденія сильнѣе чѣмъ у Бальзака; свѣтъ ему по временамъ знакомъ не хуже чѣмъ Вуатюру; его анализъ сильно оттѣненъ, но выводы его медленны, нелегки и неигривы. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кому-то онъ говоритъ.

«Время отъ времени я получаю отъ васъ письма, которыя читаешь съ удовольствіемъ, особенно если вкусъ не испорченъ; но вѣдь они не легко достаются, и я полагаю, что болѣе двухъ въ день написать нельзя. Бальзакъ мнѣ говорилъ какъ-то, что онъ посвятилъ четыре утра, чтобы написать записку къ ангулемскому меру. Однако же въ этой запискѣ я не нашелъ ничего особенно хорошаго и рѣдкаго, и даже чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ менѣе кажется она мнѣ замѣчательною. Вуатюръ тоже жаловался и говорилъ, что ему неимовѣрнаго труда стоило письмо о *карпѣ*, и дѣйствительно онъ былъ жалокъ».

Но что̀ бы ни говорилъ де-Мере, однако же Вуатюръ имѣлъ способность сказать кстати, своевременно и живо, и несмотря на то, для насъ письма кавалера занимательнѣе и поучительнѣе.

Дѣйствительно, *Письма* де-Мере богаты частностями, касающимися разомъ и исторіи французскаго языка и исторіи нравовъ. Въ литературномъ отношеніи они предшествуютъ преобразованію, сдѣланному г-жею де-Севинье въ этомъ родѣ. Кавалеръ самъ довольно хорошо опредѣлилъ тонъ своихъ писемъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ разбираетъ вопросъ — *нужно ли писать такъ, какъ говорятъ, и говорить, какъ пишутъ*. Онъ очень тонко замѣчаетъ, что то, чего никогда не произносятъ изустно и что̀ создано лишь для того, чтобы быть прочтену глазами, какъ напримѣръ исторія, никогда не должно писать въ формѣ разсказа при разговорѣ; исторія благороднѣе и строже, разговоръ свободнѣе и болѣе небреженъ. Коснувшись рѣчей, онъ переходитъ къ письмамъ, которыхъ никогда не говорятъ, замѣчаетъ кавалеръ. «Потому-что — продолжаетъ онъ — если письмо и читаютъ вслухъ, то все-таки читаютъ, а не произносятъ его отъ себя; поэтому письмо нельзя писать совершенно такъ, какъ говорятъ». Въ доказательство своихъ словъ онъ говоритъ, что если встрѣчаешься съ лицомъ, къ которому писалъ, то какъ бы хорошо ни было письмо, не станешь же этой особѣ говорить тоже самое, по-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ. «Однако же, когда пишешь письмо — прибавляетъ онъ — то не худо отчасти представлять себѣ, будто разговариваешь, для того, чтобы не написать чего-нибудь неестественнаго или такого, чего бы нельзя было сказать въ обществѣ; точно такъ и въ разговорѣ не мѣшаетъ увѣрять себя, что пишешь, для того, чтобы не сказать чего-нибудь неблагороднаго и совершенно невѣрнаго».

Итакъ, кавалеръ не писалъ своихъ писемъ такъ, какъ онъ разговаривалъ, а разговаривалъ онъ нѣсколько *по книжному;* изъ этого легко понять, въ какихъ случаяхъ стиль его повышался и понижался. По этому поводу онъ приводитъ въ примѣръ своего друга маршала Клерамбо, «который, сидя съ горничною въ четырехъ стѣнахъ, старался выказать передъ нею столько же ума, сколько въ разговорѣ съ придворными дамами». Точно такъ и самъ кавалеръ: если ему нужно было писать къ прокурору, то онъ выдѣлывалъ, выработывалъ свое письмо будто къ какой герцогинѣ.

Письма кавалера появились въ 1682 году. Первое произведенie его, Разговоры М. К. и К. М. (маршала Клермона и кавалера де-Мере), появилось въ 1669, въ тотъ самый годъ, когда вышли *Мысли* Паскаля. Авторъ-любитель между означенными годами напечаталъ нѣсколько небольшихъ разсужденьицъ о *Разумѣ*, о *Разговорѣ*, объ *Удовольствiяхъ;* но это были уже произведенiя запоздалыя; и это-то обстоятельство и поясняетъ слова Данжо, который, извѣщая въ своемъ журналѣ о смерти кавалера, отнесся о немъ такъ: «Это былъ человѣкъ очень умный, написавшiй нѣсколько книгъ, неприносящихъ ему много чести». Вкусъ къ такимъ произведенiямъ и особенно къ формѣ, въ которой они вылились изъ-подъ пера кавалера, уже прошелъ, а въ предметахъ, какъ пустыхъ, такъ и серьёзныхъ, своевременность много значитъ. Для насъ сочиненiя де-Мере занимательны потому, что по нимъ мы можемъ судить о вкусѣ и направленiи свѣтскихъ людей, считавшихся людьми остроумными во дни молодости г-жи де-Ментенонъ или Паскаля.

Мы не безъ намѣренiя привели здѣсь эти два имени. Вотъ что̀ писалъ де-Мере къ Паскалю:

«Помните ли, вы говорили мнѣ однажды, что вы уже не такъ увѣрены въ превосходствѣ математики? Теперь вы мнѣ пишете, что *я васъ вывелъ изъ заблужденiя и открылъ вамъ такiя вещи, какихъ вы бы никогда не узнали, еслибъ не были знакомы со мною.* Не знаю, дѣйствительно ли вы мнѣ столько обязаны, сколько вамъ угодно предполагать. У васъ осталась еще одна привычка — судить о чемъ бы то ни было единственно по своимъ собственнымъ доводамъ, которые по бо̀льшей части ложны. Длинныя разсужденiя, выводимыя строка изъ строки, препятствуютъ вамъ вступить въ область высшихъ знанiй, которыя никогда не обманываютъ. Предупреждаю васъ, этимъ вы много теряете въ свѣтѣ....»

Такого письма весьма достаточно, чтобы погубить человѣка его написавшаго во мнѣнiи потомства. Кавалеръ сильно компрометируетъ себя, ставя Паскаля на мѣсто ученика, а себя на мѣсто учителя, удостоившаго ученика своимъ милостивымъ разговоромъ. Въ письмѣ къ г-жѣ де-Ментенонъ тоже самое, хотя на этотъ разъ кавалеръ имѣетъ еще кое-какое основанiе считать ее своею ученицей. Онъ зналъ ее еще дѣвицею д'Обинье, въ лѣта ея юности; кавалеръ подготовилъ ее даже къ свѣту: это было его истинное призванiе. Молодая индiянка, какъ онъ называлъ г-жу де-Ментенонъ, обязана ему своими первыми успѣхами, своею репутацiею въ высшемъ кругу. Позднѣе, спустя много лѣтъ, онъ напомнилъ это не совсѣмъ-то скромно и ловко г-жѣ де-Ментенонъ, когда она уже начала приковывать къ своей колесницѣ Людовика XIV. Онъ въ письмѣ своемъ къ ней проситъ ее о покровительствѣ какой-то особѣ и между прочимъ говоритъ: «Я считаю себя первымъ человѣкомъ, подавшимъ вамъ полезные уроки... Помня, что я наставлялъ васъ, чтобы сдѣлать изъ васъ женщину любезную....» и т. д.

Но оставимъ маленькія странности и слабости кавалера и посмотримъ, что̀ въ немъ было хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отказать ему въ названіи умнаго человѣка, если у него на каждой страницѣ вы найдете подобныя мысли.

«Человѣка, который начинаетъ узнавать свѣтъ, уже нельзя назвать человѣкомъ свѣтскимъ; по-крайней-мѣрѣ путешествіе далеко подвинулось впередъ, если извѣстна лучшая дорога».

«Какъ голосъ усиливается отъ пѣнія, какъ искусство владѣть имъ пріобрѣтается подъ надзоромъ хорошаго учителя, такъ и умъ нечувствительно внѣдряется и сообщается между людьми, которые старались образовать его. Нѣтъ сомнѣнія, что умъ можно усвоить, если за это возьмется человѣкъ искусный».

«У кого прямое сердце, у того и смыслъ прямой, если только онъ есть; смотрите, у кого много на сердцѣ изгибовъ и извилинъ, у того не можетъ быть ума вѣрнаго и яснаго: всегда навернется фальшивый день и сообщитъ фальшивый взглядъ».

«Чтобы удовлетворительно что-нибудь сдѣлать, недостаточно знать какъ и что̀, — надо любить то, что̀ дѣлаешь, и не скучать этимъ дѣломъ».

«Бо̀льшая часть людей пожилыхъ обыкновенно говорятъ, что въ настоящее время они ни на что не годятся, для того, чтобы показать, что молодость ихъ была не совсѣмъ обыкновенная».

«Невозможно обладать до того тонкимъ вкусомъ, чтобы быть въ состояніи отличить истинныя наслажденія отъ ложныхъ. Подъ этимъ я понимаю то, что ненужно имѣть ко всему отвращеніе, подобно больному, но нужно вѣрно судить обо всемъ, что̀ представляется, по какому-то чувству, назвать которое я не умѣю, но которое идетъ быстрѣе и ведетъ по пути часто болѣе вѣрному, нежели путь размышленія».

«Что̀ ослабѣваетъ, то уже не радуетъ. а когда насъ ничто не занимаетъ, ничто не трогаетъ, тогда, хотя человѣкъ и не умеръ, но представляется умершимъ».

Приличный человѣкъ, котораго хочетъ вывести и охарактеризовать де-Мере, доставляетъ ему настоящій источникъ наблюденій новыхъ и часто оригинальныхъ. По его мнѣнію, неотъемлемая принадлежность порядочнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы не быть обусловлену какимъ бы то ни было ремесломъ, вообще занятіемъ Такая совершенная праздность дѣйствительно установляетъ благопріятный климатъ: быть ко всему способнымъ и ничѣмъ не заниматься — лучшее условіе для изощренія такъ называемыхъ *милыхъ способностей*. «Всегда бывали тунеядцы, у которыхъ не было никакого занятія, однако же у нихъ были и достоинства: они заботились о томъ, чтобы хорошо пожить». Въ словѣ тунеядецъ, въ томъ значеніи, въ какомъ его принимаетъ кавалеръ, нѣтъ ничего неблаговиднаго. «Тунеядцы *(fainéans)* — говоритъ де-Мере — суть обыкновенно *умы мягкіе* и *сердца нѣжныя*, люди гордые, отважные и скромные, они ни скупы,

ни честолюбивы, они не стремятся къ правленію, не стараются занять первое мѣсто: единственная цѣль ихъ — повсюду вносить веселость, величайшее стараніе — заслужить уваженіе и заставить любить себя». Вотъ каковы тунеядцы въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ кавалеръ де-Мере. Если порядочный человѣкъ *заваленъ дѣломъ*, то это все равно, что онъ умеръ.

Чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ (все таки по понятіямъ де-Мере), должно принимать участіе во всемъ, что̀ можетъ сдѣлать жизнь счастливою и пріятною, пріятною себѣ и другимъ; порядочный человѣкъ долженъ нравиться даже своему врагу, «потому-что тотъ, кто хочетъ отмстить врагу тѣмъ, чтобы сдѣлаться невыносимымъ, причиняетъ себѣ вреда гораздо болѣе, нежели другому». — «Есть и такіе люди, которые хотятъ заставить любить себя, но ни честь, ни правдивость, ни благо ихъ слушателей не принудятъ ихъ высказаться, если они не находятъ въ томъ собственной пользы». Истинный порядочный человѣкъ далекъ отъ этого: дѣлать все изъ расчета, съ намѣреніемъ извлекать выгоду изъ какого-нибудь вздора, — все это де-Мере называетъ *испорченностію нравовъ*. *Порядочный человѣкъ* несравненно благороднѣе: онъ старается нравиться вездѣ и всѣмъ, даже тѣмъ, кто незначительнѣе его, и дѣлаетъ это безъ всякаго расчета. Кто не встрѣчалъ въ свѣтѣ, съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ *досуга* быть совершенно *порядочнымъ человѣкомъ*, людей, которые ласкаютъ васъ вечеромъ съ тѣмъ, чтобы грубо обойтись съ вами при встрѣчѣ завтра поутру или вовсе не узнать васъ? Такія продѣлки не входятъ въ идею о порядочномъ человѣкѣ, по понятіямъ де-Мере: его порядочный человѣкъ всегда одинаковъ — въ захолустьѣ, при дворѣ, на сторонѣ, случайно, во всякое время. Надо однако же замѣтить, что кавалеръ де-Мере отступаетъ нѣсколько отъ дѣйствительности, отъ области моды: его умѣнье жить возвышается уже до формы мудрецовъ *bene beateque vivere* (жить хорошо и счастливо); *порядочность*, какъ онъ ее наконецъ представляетъ, обращается уже въ философію, облеченную всѣми прелестями, и онъ имѣетъ право воскликнуть: «подъ небомъ я не признаю ничего выше порядочности: это сущность всѣхъ добродѣтелей».

Древняя исторія римлянъ и грековъ коротко извѣстна де-Мере; онъ говоритъ о ней съ удовольствіемъ, но немного странно, потому-что кроитъ ее какъ ему угодно, на новый ладъ. Такъ-какъ онъ вездѣ ищетъ *порядочныхъ людей*, то ему и вздумалось открыть всѣ необходимыя условія порядочности въ Улиссѣ: «Онъ зналъ свѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Гомеръ—пишетъ де-Мере—полагаю только, что онъ мало читалъ». За Улисомъ слѣдуетъ Алкивіадъ. Повторяемъ, де-Мере былъ очень образованъ; онъ повидимому не забывалъ словъ Геродота: «Люди давно угадали, что̀ хорошо и что̀ необходимо знать». Петронія и Цезаря онъ считалъ настоящими порядочными людьми, и Менонъ ѳессалліецъ (о которомъ упоминаетъ Ксенофонтъ въ *отступленіи 10,000 грековъ*), человѣкъ, испорченный всевозможными пороками,

коварный въ высшей степени, ему казался фальшивымъ порядочнымъ человѣкомъ, хватомъ дурного тона того времени. Однако же впослѣдствіи, когда кавалеръ сталъ старѣть и сдѣлался добродѣтельнѣе, въ его идеѣ о *порядочномъ человѣкѣ* сдѣлалось постепенное превращеніе, такъ-что онъ включилъ сюда же всѣхъ мудрецовъ, Платона, самого Пиѳагора.

Когда де-Мере писалъ о Цезарѣ и Петроніи, тогда въ головѣ его еще не было метаморфозы, и онъ ясно постигалъ характеръ лицъ. Посмотрите, какъ вѣрно говоритъ онъ о слогѣ Цезаря:

«Его достоинство и величіе проявляются въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ ему приходится упоминать, но проявляются не потому, что онъ говоритъ о нихъ съ высоты величія, напротивъ — онъ говоритъ просто и безъ прикрасъ, но съ какою-то ясностію и благородствомъ — слѣдствіемъ хорошей пищи (т. е. образованія) и его высокаго генія. Эти властелины міра смотрятъ безразлично на бо́льшую часть того, чему мы удивляемся, и такъ-какъ эти вещи ихъ мало поражаютъ, то они и говорятъ о нихъ небрежно. Въ одномъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, что два или три изъ его легіоновъ, сражавшихся противъ Помпея, находились нѣкоторое время въ замѣшательствѣ: полагаютъ, говоритъ онъ, что дѣло Цезаря было бы проиграно, еслибъ Помпей съумѣлъ побѣдить. Эта побѣда рѣшила бы участь римской имперіи. Немного словъ и притомъ слова слишкомъ обыкновенныя для такого важнаго дѣла. — Цезарь родился съ двумя неукротимыми страстями: славою и любовью, которыя влекли его какъ два потока....»

Что̀ касается до Петронія, то въ то время онъ былъ въ модѣ. Сентъ Эвремонды, Нинонѳы, Миттоны, вообще всѣ любезники и весельчаки, съ которыми переписывался кавалеръ де-Мере, сходили съ ума отъ стастолюбиваго римлянина, да и самъ онъ былъ изъ ихъ числа. Въ одномъ изъ писемъ къ герцогинѣ де-Ледигіеръ, которая была героинею кавалера, подобно то́му, какъ маршалъ Клерамбо его героемъ, онъ переводитъ *эфесскую матрону;* при переводѣ Петронія, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ нравовъ, предшествуемыхъ разсказу самого происшествія, онъ поступаетъ съ нѣкоторымъ самоуправствомъ. «Я перевожу Петронія — говоритъ онъ — невсегда точно такъ, какъ стоитъ въ подлинникѣ, а такъ, какъ, по моему мнѣнію, должно бы было быть написано». Вслѣдствіе такого распоряженія оказывается, что Петроній говоритъ только о любезной *Фрилѣ* и милой *Климентѣ*; но какъ бы то ни было, отрывки изъ переводовъ кавалера интересны сами по себѣ, безъ отношенія ихъ къ подлиннику.

Изъ *Писемъ* кавалера де-Мере можно бы было выбрать много занимательныхъ; мы приведемъ здѣсь два письма. Первое представляетъ легкій, небольшой, нѣжный, задушевный и искусно написанный романъ, картину, набросанную рѣзкими красками того времени; краски для насъ потускли — это правда; но смотря на нихъ, зритель улыбнется, и онѣ не покажутся ему слишкомъ безцвѣтны.

«....Лучшій способъ выучиться чему-нибудь скоро и безъ учителя состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить себя, что это единственный путь для достиженія того, чего наиболѣе желаешь. Бурныя желанія изворотливы и находчивы; недаромъ говорятъ, что для влюбленнаго нѣтъ ничего невозможнаго.

«Одинъ изъ моихъ пріятелей, человѣкъ очень любезный, пришелъ однажды ко мнѣ и сталъ читать одно изъ моихъ сочиненій, и читалъ такъ хорошо, что я былъ въ восторгѣ. Я спросилъ его, какимъ образомъ достигъ онъ этого искусства? — Ахъ, отвѣчалъ пріятель съ глубокимъ вздохомъ: — чтò вы хотите сказать? Возвращаясь изъ Рима, мнѣ случилось проѣзжать по одному французскому городу; это было въ концѣ мая; вечеромъ, находясь въ саду, гдѣ гуляли дамы, я замѣтилъ изъ числа ихъ одну, которая меня поразила, безъ намѣренія повредить мнѣ, потому-что она на меня не взглянула, а я не могъ сказать ей ни одного слова. Однако же я, менѣе чѣмъ въ два часа, такъ страстно въ нее влюбился, что во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Ея черты, станъ, походка, выраженіе лица, осѣненнаго веселою улыбкою, мелькали передъ моими глазами; рѣчи ея мнѣ до того понравились, что казалось, я слышу ея говоръ; я былъ въ восторгѣ; на другой день я искалъ повсюду и разъузналъ наконецъ, что она недавно за-мужемъ, и что утромъ возвратилась она въ загородный домъ, который стоялъ въ глуши. Я узналъ также, что къ мужу ея нѣтъ никакого доступа свѣтскому человѣку, что онъ занимается лишь хозяйствомъ, наслаждается спокойствіемъ и отрадою уединенія. Я искалъ людей, которые бы могли мнѣ говорить о ней, и нашелъ ихъ не мало, потому-что она пользовалась всеобщею любовью, и все, чтò мнѣ ни разсказывали о ней, умножало только желаніе снова ее увидѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимало всякую надежду. Я грустилъ и не зналъ чѣмъ утѣшиться; изгнать ее изъ сердца мнѣ было невозможно....

«Домъ, гдѣ жила эта особа, расположенъ былъ въ большомъ лѣсу, между двумя холмами; внизу бѣжала рѣчка, воды которой также чисты и прозрачны, какъ вода живого источника; но эта рѣчка пріобрѣтала въ глазахъ моихъ еще бòльшее значеніе, потому-что она тогда въ ней купалась. Городъ отстоялъ отъ загороднаго дома миль на пять; я часто бродилъ около тѣхъ мѣстъ, не въ надеждѣ встрѣтить ее, но, такъ-какъ я почиталъ себя несчастнымъ лишь въ ея отсутствіи, то мнѣ казалось, что чѣмъ я ближе къ ея жилищу, тѣмъ я менѣе жалокъ. Вотъ — говорилъ я — мѣсто, владѣющее тѣмъ, чтò для меня всего дороже на свѣтѣ и что создано не для меня! Чѣмъ больше всматривался я въ эти мѣста, тѣмъ сильнѣе говорило во мнѣ чувство, и всякой разъ, какъ я покидалъ ихъ, вздохи и сѣтованія мои усиливались. Увы! говорилъ я, вздыхая: — какъ счастливы ея слуги, которые имѣютъ право смотрѣть на нее и говорить съ нею! чтò, если я переодѣнусь? Положеніе мое невыносимо, и къ чему соблюдать предосторожности и приличія? — Я зналъ, что у мужа ея было двое дѣтей отъ первой жены; мнѣ пришло въ голову выдать себя за странствую-

щаго учителя Однажды, когда мое томленіе сдѣлалось невыносимо, слуга, бывшій со мною, извѣстилъ меня, что приближается ночь, и что луна не показывается; я остановился въ селеньи при входѣ въ лѣсъ и тамъ объявилъ слугѣ (онъ былъ человѣкъ надежный и мнѣ преданный) о своемъ намѣреніи, которое его изумило: однако же надо было повиноваться. Я тотчасъ же велѣлъ ему отправиться въ городъ, сказавъ, что̀ онъ долженъ сдѣлать — отпустить экипажъ, сказать, что я взялъ другую дорогу, и принести мнѣ платье такое, какое я хотѣлъ (онъ былъ моимъ камердинеромъ); я наказалъ ему не медлить.

«Два дня провелъ я здѣсь въ сильномъ нетерпѣніи: мнѣ скорѣе хотѣлось взяться за избранную роль. Наконецъ человѣкъ возвратился около полудня; я тотчасъ сѣлъ на лошадь и углубился въ лѣсъ, чтобы переодѣться. Незамѣтно приблизился я къ той сторонѣ, гдѣ стоялъ домъ, и, не доѣзжая двухъ тысячъ шаговъ, слѣзъ съ лошади въ чащѣ лѣса; долго я принаровлялся, потому-что хотя я и хотѣлъ преобразиться, но еще болѣе хотѣлъ сохранить видъ и выраженіе порядочнаго человѣка. Одѣвшись какъ можно приличнѣе, я велѣлъ лакею отправиться съ лошадью въ городъ, а самъ остался одинъ съ небольшимъ узломъ подъ мышкой; наконецъ пошелъ я къ фермѣ, стоявшей недалеко отъ дому, и поручилъ свой багажъ скотницѣ Потомъ я вошелъ на дворъ, гдѣ были три или четыре собаки, которыя, казалось, хотѣли сорваться съ цѣпи. На этотъ шумъ вышелъ хозяинъ; я поклонился. То былъ человѣкъ пожилой, робкій и слабаго сложенія; но онъ любилъ внушать страхъ: полагая, что я испугался собакъ, онъ мнѣ замѣтилъ, что гулять ночью около его жилища опасно; наконецъ онъ ввелъ меня въ залу и спросилъ, что̀ мнѣ нужно? — Я ученый, отвѣчалъ я: — и занимаюсь воспитаніемъ дѣтей. — Вы что-то на-легкѣ, возразилъ онъ: — съ вами, кажется, нѣтъ ни шапки, ни рубашки; развѣ вы путешествуете безъ чемодана? — Я отвѣчалъ, что оставилъ свою поклажу близь его жилища, у скотницы, для того, чтобы представиться къ нему съ должнымъ почтеніемъ и предложить ему услуги. — Вы поступили очень хорошо, отвѣчалъ хозяинъ: — но я сомнѣваюсь, умѣете ли вы пѣть и сочинять извѣстные стихи. Всѣ ваши собраты берутся за то и за другое; это побродяги, которые таскаются повсюду, чтобы надѣлать скандалу или саблазнить какую-нибудь невинность..... — Я замѣтилъ ему, что я гораздо солиднѣе, что я два года съ половиною прожилъ у одного нормандскаго дворянина, занимаясь воспитаніемъ его дѣтей, которыхъ покинулъ лишь тогда, какъ они сдѣлались хорошими латинистами и философами, что я, кромѣ того, могу научить дѣтей его драться на шпагахъ и танцовать, что я знаю всѣ эти упражненія потому, что провелъ пять лѣтъ въ Римѣ съ достаточнымъ молодымъ человѣкомъ, который любилъ меня и позволялъ мнѣ пользоваться уроками его учителей; и въ доказательство ловкости я сталъ въ позицію съ тростью вмѣсто шпаги въ рукѣ; я нападалъ и парировалъ, наступалъ и отступалъ какъ учитель; потомъ, бросивъ трость, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ и *капріолей*,

которые ему очень понравились; но всего болѣе утѣшило его то, что со мною нетрудно было сойтись въ цѣнѣ.

«Онъ велѣлъ мнѣ отдохнуть, а самъ отправился на половину жены, чтобы разсказать ей о случившемся. Она тотчасъ же прислала за мной, и отъ этой новости, которой бы мнѣ удивляться вовсе не слѣдовало, у меня духъ заняло. Жить безъ этой очаровательной женщины я не могъ, приблизиться къ ней не смѣлъ; во мнѣ было столько любви и радости, столько почтенія и боязни, что когда я хотѣлъ встать, то меня трясло какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, кое-какъ оправившись, вошелъ я въ чистенькій кабинетъ и поклонился красивѣйшей женщинѣ, какую когда-либо встрѣчалъ въ жизни; я нагнулся со всевозможнымъ почтеніемъ, чтобы поцаловать ея платье, но она не допустила до этого и привѣтствовала меня такъ учтиво, какъ-будто я не былъ переодѣтъ. Въ рукахъ она держала книгу *Астреи*, а на колѣняхъ у нея лежалъ *Іерусалимъ* Тасса; она прекрасно знала итальянскій языкъ и придавала цѣну этимъ двумъ книгамъ, какъ женщина съ изящнымъ вкусомъ; она любила о нихъ разговаривать и даже слушать, какъ ихъ читаютъ вслухъ, если только читаютъ хорошо. Я тотчасъ замѣтилъ это, потому-что, освѣдомляясь о томъ, что̀ я знаю, она спросила меня, умѣю ли я читать. Мужъ ея нашелъ, что спрашивать учителя, умѣетъ ли онъ читать, — очень забавно, и не могъ удержаться отъ смѣху. — Читать не такъ легко, какъ обыкновенно полагаютъ, отвѣчала она —Эти слова показали мнѣ, что она любитъ чтеніе, и что у нея тонкое чувство. Правду сказать, это было для нея самымъ сильнымъ развлеченіемъ въ такомъ совершенномъ уединеніи.

«Доложили объ ужинѣ; хозяинъ посадилъ меня подлѣ своихъ дѣтей и сказалъ, что желаетъ, чтобы изъ нихъ вышли люди ученые, но только чтобы они знали науки необходимыя для свѣта, а не для докторовъ. — Въ молодости, продолжалъ онъ: — я долженъ былъ учиться болѣе того, сколько бы мнѣ хотѣлось, потому-что отецъ мой, который въ свое время не учился, приписывалъ незнанію всѣ свои неудачи. Это заставило его оставить меня въ коллегіи до двадцати двухъ лѣтъ, и когда я вышелъ, то узналъ по опыту, что все, чему меня учили, кромѣ латыни, оказалось не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, потому-что въ спорахъ я привыкъ говорить не обращая вниманія ни на то, что̀ мнѣ возражали, ни на то, что̀ самъ отвѣчалъ. Когда я сталъ посѣщать свѣтъ, то мнѣ большого труда стоило отвыкнуть отъ этой привычки и даже отъ употребленія извѣстныхъ терминовъ, непринятыхъ въ обществѣ; все для меня было ново, я былъ такъ мало способенъ къ тому, что̀ дѣлали другіе, что рѣшительно не смѣлъ показываться въ хорошее общество. Слѣдовательно, я полагаю, что для посѣщенія этого общества необходимо стараться быть порядочнымъ человѣкомъ и заслужить репутацію порядочнаго человѣка; но ка̀къ вы думаете, какое лучшее къ тому средство? Тогда я воскликнулъ скромно и почтительно: — Ахъ, милостивый государь, вы судите здраво и какъ человѣкъ опытный! Если бы вамъ угодно было самому

воспитывать дѣтей, то имъ нечего бы было дѣлать съ другимъ наставникомъ или учителемъ....»

Мы пропустимъ разсужденія влюбленнаго, въ которыхъ онъ опредѣляетъ качества *порядочнаго человѣка* и старается выиграть во мнѣніи какъ мужа, такъ и жены.

«Она — продолжаетъ влюбленный — слушала меня со вниманіемъ, показавшимъ мнѣ, что разговоръ мой ей нравится. Мужъ, въ свою очередь, сдѣлался веселъ, пилъ за мое здоровье, и наливъ мнѣ превосходнаго вина, спросилъ, нравится ли оно мнѣ. Онъ любилъ хорошо покушать, почему столъ былъ у него всегда отличный. Мы просидѣли болѣе часу. Наконецъ она встала и удалилась въ свой кабинетъ, а хозяинъ ушелъ въ свою комнату, расположенную далеко отъ ея половины, куда онъ ходилъ очень рѣдко; можно было подумать, что онъ женился на ней единственно для того, чтобы отнять ее у свѣта. Мнѣ отвели очень покойную комнату; я удивлялся, что въ такомъ дикомъ мѣстѣ могло быть столько порядка и чистоты; но главное — совершенно не понималъ, какъ можно запрятать сюда такую рѣдкую женщину! Какъ бы я былъ счастливъ—говорилъ я, вздыхая отъ любви и радости — если бы могъ занять мѣсто въ ея сердцѣ! Лучшее средство — хорошо читать; итакъ, я долженъ понравиться ей искуснымъ чтеніемъ, т. е. долженъ хорошо произносить слова, съ выраженіемъ, приличнымъ предмету рѣчи, голосъ мой долженъ ласкать слухъ ея, но не усыплять, пробуждать ее, не пугая, о предметахъ нѣжныхъ я долженъ читать нѣжно, голосомъ замирающимъ, но такъ, чтобы она не замѣтила аффектаціи. Въ нѣсколько дней я сдѣлалъ такіе успѣхи въ этомъ искусствѣ, что она безпрестанно просила меня читать и разговаривала со мною. Мужъ былъ чрезвычайно доволенъ, потому-что я ее разсѣявалъ, и она уже не просила его ѣхать въ городъ.... Чтобы занять ее еще сильнѣе, я разсказывалъ ей разныя происшествія въ родѣ настоящаго: они ее трогали; но чтобы скрыть отъ меня дѣйствіе моихъ словъ, она закрывалась вѣеромъ. Пріятель мой, разсказавъ, какимъ образомъ онъ научился такъ хорошо читать, замолчалъ....»

Здѣсь разсказъ прерывается: окончанія его не было. Авторъ хотѣлъ только показать выгоды, какія приноситъ искусное чтеніе. Слѣдующее письмо замѣчательно въ другомъ отношеніи: въ немъ заключается разговоръ Ларошфуко. Оно адресовано на имя какой-то графини.

«Вамъ угодно было, чтобы я писалъ къ вамъ, сударыня; приказаніе ваше было такъ добродушно и любезно, что я не могъ отказать вамъ.... Къ тому же, быть можетъ было бы хуже не сдержать слова, чѣмъ не сказать ничего пріятнаго. Какъ бы то ни было, вы даете мнѣ средство избавиться какъ отъ одного, такъ и отъ другого, приказывая передать разговоръ, который я имѣлъ третьяго дня съ г. Ларошфуко. Мы сидѣли въ углу комнаты, другъ противъ друга, и откровенно бесѣдовали обо всемъ, что̀ вспадало на умъ. Время отъ вре-

мени прочитывали мы кое-какіе рондо, въ которыхъ исчерпана вся тонкость и искусство. — Боже мой! сказалъ онъ: — какъ свѣтъ ложно судитъ о красотахъ этого рода! — Не столько это, возразилъ онъ — сколько какая-то зависть и злоба, которая побуждаетъ дурно принимать то, чтò есть лучшаго. — Пожалуйста, не воображайте этого, замѣтилъ я: — и будьте увѣрены, что невозможно оцѣнить какъ слѣдуетъ хорошую вещь, если вы сами ея не любите и если не расположены къ тому, кто ее сдѣлалъ Если человѣкъ не сочувствуетъ прелести ума, то этимъ онъ всего лучше свидѣтельствуетъ о своей глупости и безвкусіи. — Я замѣтилъ, сказалъ онъ: — недостатки ума и сердца бòльшей части людей, и кто знаетъ меня лишь съ этой стороны, тотъ увѣренъ, что всѣ эти недостатки во мнѣ, какъ-будто я снялъ съ себя портретъ. Странно, что мои поступки не выведутъ ихъ изъ заблужденія. — Вы напоминаете мнѣ, сказалъ я: — удивительнаго генія (¹), оставившаго столько прекрасныхъ произведеній ума и воображенія, какъ яркій огонь, который однихъ освѣтилъ, а бòльшую часть ослѣпилъ; но такъ-какъ онъ былъ увѣренъ, что только удовольствія дѣлаютъ счастливымъ, а горе несчастнымъ (чтò, разбирая строго, ясно какъ день), то на него смотрѣли какъ на человѣка породившаго самый безбожный и постыдный развратъ, такъ-что самая чистота его нравовъ не могла защитить его отъ этой ужасной клеветы. — Я съ нимъ согласенъ, отвѣчалъ Ларошфуко — изъ этого можно бы было извлечь правило, что худо понятая добродѣтель также неприятна, какъ и порокъ, искусно прикрытый. — Ахъ, берегитесь этого, возразилъ я: — эти слова такъ соблазнительны, что, основываясь на нихъ, можно осудить поступокъ самый благородный и святой. — Поэтому-то, отвѣчалъ онъ: — я употреблялъ ихъ единственно для того, чтобы принаровиться къ языку извѣстныхъ лицъ, которыя часто называютъ порокъ добродѣтелью, а добродѣтель порокомъ. Такъ-какъ весь свѣтъ хочетъ быть счастливымъ, такъ-какъ это цѣль, къ которой стремятся всѣ дѣйствія въ нашей жизни, то я удивляюсь тому, что такъ называемый порокъ бываетъ чѣмъ-то пріятнымъ и уютнымъ, а худо понятая добродѣтель чѣмъ-то суровымъ и тяжолымъ. Очень понятно, что у великаго человѣка (²) было столько непріятелей; истинная добродѣтель ввѣряется самой себѣ, высказывается безъ всякихъ ухищреній, просто и естественно, какъ напр. добродѣтель Сократа. Но кто притворяется лишь честнымъ, порядочнымъ человѣкомъ, тотъ заботится единственно о внѣшности, и я полагаю, что въ нравственномъ отношеніи Сенека былъ лицемѣръ, а Эпикуръ дѣйствовалъ по убѣжденію. Чтò можетъ быть прекраснѣе благородства сердца и возвышенности ума? вотъ откуда выходитъ совершенная порядочность, которую я ставлю выше всего. Итакъ, я люблю истинную добродѣтель, точно такъ, какъ ненавижу истинный порокъ; но чтобы

(¹) Эпикура.
(²) Опять Эпикуръ.

быть дѣйствительно добродѣтельнымъ, по моему разумѣнію, необходимо наблюдать благопристойность и приличія, здраво судить обо всемъ, и отдавать преимущество вещамъ прекраснымъ надъ тѣмъ, что̀ только посредственно. Самое вѣроятное правило для того, чтобы убѣдиться, что вещь дѣйствительно превосходна, состоитъ въ томъ, чтобы она приходилась ко всѣмъ случаямъ; ничего не можетъ быть гаже, какъ быть дуракомъ или дурой и допустить въ себѣ предубѣжденія. Конечно мы должны придерживаться мѣстныхъ обычаевъ, чтобы не оскорбить общественнаго уваженія, хотя бы эти обычаи были и дурны, но вѣдь тутъ требуется лишь внѣшность; необходимо платить имъ дань, но не принимать ихъ сердцемъ, изъ опасенія оскорбить общечеловѣческій смыслъ, который ихъ осуждаетъ. Такъ-какъ истина никогда не существуетъ отдѣльно, то случается, что одно заблужденіе ведетъ за собою много другихъ. Въ отношеніи къ правилу — должно стараться быть счастливымъ — почести, красота, умъ, богатство необходимы лишь для того, чтобы сдѣлать жизнь пріятною Чтобъ быть счастливымъ, существуетъ множество условій; для несчастія достаточно одного; умственныя и тѣлесныя удовольствія дѣлаютъ жизнь нашу пріятною и веселою, точно такъ какъ отсутствіе тѣхъ и другихъ дѣлаютъ ее несносною. Самый счастливый человѣкъ въ свѣтѣ никогда не пользуется рѣшительно всѣми этими удовольствіями. Высочайшее же наслажденіе для ума, по моему мнѣнію, состоитъ въ истинной славѣ и превосходныхъ познаніяхъ, и я подозрѣваю, что ихъ бываетъ мало у того, кто слишкомъ привязывается къ наслажденіямъ тѣлеснымъ. Я нахожу также, что эти чувственныя удовольствія слишкомъ грубы, что за ними слѣдуютъ отвращеніе и апатія, если тутъ не вмѣшивается умъ. Самое чувствительное изъ нихъ есть любовь; но она скоро проходитъ, если не участвуетъ голова. Итакъ-какъ умственныя наслажденія далеко превосходятъ тѣлесныя, то мнѣ кажется, что самыя сильныя тѣлесныя немочи нестерпимѣе умственныхъ. Кромѣ того я вижу, что то, что̀ помогаетъ въ одномъ отношеніи, вредитъ въ другомъ, что удовольствіе порождаетъ часто скорбь, точно такъ, какъ скорбь причиняетъ иногда радость, и что наше счастіе зависитъ отъ фортуны, и еще болѣе отъ нашего поведенія. Я выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ и почти во всемъ соглашался; но тутъ пришли и разстроили нашу бесѣду».

Изъ этого интереснаго разговора можно бы было извлечь не одно правило; нельзя однако же не замѣтить, что по временамъ проглядываютъ идеи, принадлежащія кавалеру, а никакъ не Ларошфуко. Такъ напримѣръ, слѣдующая мысль принадлежитъ безспорно Ларошфуко: «Мы должны придерживаться мѣстныхъ обычаевъ, чтобы не оскорбить общественнаго уваженія, хотя бы эти обычаи и были дурны; но вѣдь тутъ требуется лишь внѣшность». Далѣе говоритъ уже самъ де Мере, чтобы округлить фразу: «*изъ опасенія оскорбить общечеловѣческій смыслъ, который ихъ осуждаетъ*». Вообще, какъ кажется, кавалеръ не отдалъ себѣ яснаго отчета въ важности этого вкрадчиваго ученія: онъ

заботится лишь о внѣшности порядочнаго человѣка; Ларошфуко не останавливался на этомъ; онъ шелъ далѣе и понималъ серьёзнѣе слово *порядочный*.

Итакъ, достоинство кавалера де-Мере заключается въ томъ, что онъ доставляетъ читателю случай побесѣдовать съ людьми, которые замѣчательнѣе самого кавалера, законодателя свѣтскихъ церемоній. Впрочемъ не всю жизнь провелъ онъ въ обществѣ: онъ удалился въ деревню и не принадлежалъ уже свѣту. Онъ былъ большой игрокъ и навязалъ себѣ много кредиторовъ, хотя и не включалъ этого условія въ свое опредѣленіе порядочнаго человѣка. Благочестіе маркизы Серве, его невѣстки, преобразовало его окончательно. Впрочемъ вѣрнаго ничего неизвѣстно. Замѣчательно только то, что все, что̀ онъ ни написалъ въ послѣдніе годы своей жизни, все это до крайности вялѣно. Де-Мере былъ изъ числа людей замѣчательныхъ сначала своимъ умомъ тонкимъ и развязнымъ, но этотъ умъ впослѣдствіи застылъ и уже не разогрѣвался болѣе.

ПУТЕШЕСТВІЕ АНГЛІЙСКАГО ТУРИСТА ПО ВОСТОКУ.

Статья пятая.

Степь. — Каиръ и моровая язва.

XVII.

Газа стоитъ на краю пустыни. Это настоящая пристань песчанаго моря. Въ ней вы нанимаете себѣ верблюдовъ и запасаетесь съѣстными припасами, необходимыми для переѣзда.

Такія приготовленія задержали меня нѣсколько дней въ Газѣ; я отказался отъ предложенія губернатора поселиться у него (что̀ было прилично и согласно съ обычаемъ) и остановился въ *караван-сараѣ* или *канѣ*.

Дметри поручены были сборы; онъ вошелъ въ сношенія съ губернаторомъ, чтобы явиться во всемъ блескѣ. Результатомъ этихъ дипломатическихъ переговоровъ было то, что губернаторъ пріѣхалъ однажды, со всею своею свитою, въ караван-сарай и принесъ мнѣ жалобу на Дметри, который оскорбилъ его. Это меня разсердило: губернаторъ во все время былъ ко мнѣ очень внимателенъ и учтивъ, почему я и не могъ перенести равнодушно мысли, что въ награду за это онъ увидѣлъ лишь оскорбленія. Дметри находился при этомъ; я обратился къ нему и съ сердцемъ спросилъ: правду ли говоритъ губернаторъ и кой чортъ заставилъ его такъ поступить. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что Дметри станетъ оправдываться, объявитъ, что слова его были дурно поняты, что у него и въ мысляхъ-то ничего такого не было, и проч.; къ величайшему моему удовольствію, онъ отвѣчалъ коротко и ясно,

что дѣйствительно обидѣлъ губернатора и притомъ въ выраженіяхъ грубыхъ; «но это было необходимо — прибавилъ онъ — чтобы внушить страхъ и уваженіе».

— Страхъ и уваженіе! это что̀ за глупость?

— Не внуши я должнаго страха и уваженія, такъ мнѣ долго не пришлось бы собрать васъ въ дорогу, и вы провели бы въ Газѣ по-крайней-мѣрѣ съ мѣсяцъ.

Это было бы очень непріятно; пока мы разговаривали по-итальянски, я замѣтилъ, что Дметри достигъ своей цѣли, потому-что губернаторъ спѣшилъ предложить мнѣ свои услуги и сдѣлать все, что̀ отъ него зависитъ. Я принялъ эти одолженія очень учтиво, что̀ не понравилось Дметри: онъ боялся, чтобы моя кротость не уничтожила впечатлѣнія, произведеннаго его дерзостію.

Каравансарай достаточно соотвѣтствуетъ цѣли, для которой построенъ: онъ образуетъ четыре стороны обширнаго, четырехугольнаго двора. Нижній этажъ назначенъ для товаровъ, а верхній для путешественниковъ; на дворѣ помѣщаются верблюды; здѣсь ихъ навьючиваютъ и развьючиваютъ. Комнаты для путешественниковъ очень невелики и всѣ выдаются на корридоръ, который обходитъ все строеніе.

Я стоялъ у дверей моей комнаты и смотрѣлъ на дворъ, какъ вдругъ пришелъ караванъ изъ пустыни; онъ состоялъ по бо̀льшей части изъ молдаванъ-пилигримовъ, которые, для совершенной полноты своего богоугоднаго путешествія, начали его тѣмъ, что посѣтили въ Египтѣ всѣ мѣста священныя, и теперь направлялись къ Іерусалиму. Въ пустынѣ застигъ ихъ ураганъ и поднялъ цѣлыя горы песку; поэтому-то они сильно запоздали; провизія ихъ (а особенно вода, столь драгоцѣнная для путешествія по пустыни) вышла ранѣе того времени, которое употребляется для такого труднаго перехода. Караванъ прибылъ въ крайнемъ изнуреніи. На дворѣ образовалось нѣсколько группъ. Тутъ былъ и пилигримъ молдаванъ, въ своей черной одеждѣ, въ мѣховой шапкѣ, прикрывающей густые, въ безпорядкѣ лежащіе волосы; турокъ въ костюмѣ изъ различныхъ яркихъ цвѣтовъ; арабъ съ надмѣнной походкой; абиссинецъ съ цвѣтомъ лица слоновой кости, одѣтый въ рубаху, какія носятъ невольники; откормленный писецъ, съ кроткимъ взглядомъ и чернильницей, вдѣланной въ поясъ вмѣсто кинжала. Среди представителей столькихъ народовъ находились верблюды: одни изъ нихъ стояли, другіе подогнули колѣни, — хозяева ихъ развьючивали; третьи наконецъ, согнувъ свои длинныя шеи, осторожно вытаскивали солому изъ-подъ вьючнаго сѣдла.

Дня черезъ два я могъ отправиться въ путь. Вотъ какимъ образомъ нанимаютъ верблюдовъ для переѣзда черезъ пустыню: въ городѣ есть агентъ, который находится въ сношеніяхъ съ нѣсколькими арабами, бродящими по пустынѣ на день ходьбы отъ города; этимъ арабамъ даютъ удостовѣреніе, что губернаторъ не сдѣлаетъ имъ никакого притѣсненія, не опредѣлитъ никакого наказанія; они входятъ въ Газу,

приводятъ съ собою требуемое число верблюдовъ и объявляютъ извѣстную сумму, за которую обязываются доставить васъ въ извѣстное время на такое-то мѣсто. По уговору, меня должны были привести черезъ десять дней, со времени выѣзда, въ Каиръ. У меня было четыре верблюда: одинъ для поклажи, два для моихъ слугъ, а четвертый для меня самого. Четыре араба, хозяева верблюдовъ, слѣдовали за нами пѣшкомъ. Я повезъ съ собою походную палатку, два мѣшка сухарей и двѣ бутылки вина, взятые мною въ монастырѣ въ Іерусалимѣ, два козьихъ мѣха, наполненные водою, чаю, сахару, холодный языкъ и (предметъ самый цѣнный) кувшинъ ирландскаго масла, купленный Миссери у какого-то купца. Мы захватили также небольшой мѣшокъ углей, которыхъ въ пустынѣ рѣдко можно достать.

Верблюдъ опускается на колѣни и въ продолженіи извѣстнаго времени съ удивительнымъ терпѣніемъ позволяетъ себя навьючивать: но когда онъ начинаетъ предполагать, что хозяинъ на его бѣдную спину накладываетъ излишнюю ношу, тогда онъ оборачиваетъ свою гибкую шею и жалобно смотритъ на увеличивающійся грузъ; онъ жалуется на такую несправедливость тихими вздохами, подобными вздохамъ покорной супруги; когда вздохи ея васъ не трогаютъ, тогда она начинаетъ плакать: скоро вы научаетесь жалѣть ее, а потомъ и любить, вслѣдствіе ея кротости и женственности.

Понятно, что на спину верблюда вы не можете положить сѣдла англійскаго или другого какого: но коверъ или что-нибудь такое, что вы берете съ собою для подстилки ночью, складывается и прикрѣпляется на вьюкѣ, на вершинѣ горба, и вы садитесь верхомъ. Посадка ваша походитъ на посадку человѣка верхомъ на стулѣ, лицомъ къ спинкѣ стула. Я сдѣлалъ кое-какія улучшенія: велѣлъ привязать стремена къ деревяннымъ палкамъ, прикрѣпленнымъ поперекъ для поддержанія вьюка: такимъ образомъ я нашелъ точку опоры для своихъ ногъ, кромѣ того, мнѣ удобнѣе было сидѣть, и я могъ даже перемѣнять положеніе.

На продолженіи нѣсколькихъ миль отъ Газы, земля, обильно орошенная дождями, шедшими на прошедшей недѣлѣ, была покрыта роскошною зеленью и испещрена множествомъ полевыхъ цвѣтовъ, такихъ свѣжихъ, такихъ пахучихъ, что я началъ безпокоиться: я опасался, какъ бы степь не ушла отъ меня и путешествіе по жаркимъ пескамъ, составлявшее предметъ моего сильнаго желанія, не превратилось въ простую прогулку по красивой деревнѣ. Но чѣмъ болѣе удалялись мы отъ города, тѣмъ яснѣе сталъ высказываться настоящій характеръ страны, такъ-что опасенія мои разсѣялись, и въ исходѣ перваго дня я имѣлъ удовольствіе увидать со всѣхъ сторонъ необозримые песчаные ковры: сѣтовать мнѣ было не на что: нерѣдка только торчала кое-гдѣ пустынная трава, да въ обиліи захирѣвшій хворостникъ, обычная пища верблюда.

До захожденія солнца добрались мы до арабскаго кочевья, изъ котораго были наши верблюды; палатку мою раскинули посреди шат-

ровъ бедуиновъ: это были настоящіе номады. Они замѣчательно похожи другъ на друга: черты большія и прекрасныя, но лицо бедуина такъ худощаво, складки бѣлой матеріи, окутывающей его голову, ниспадающія вдоль впалыхъ щокъ, имѣютъ такой погребальный видъ, что человѣкъ представляется настоящимъ привидѣніемъ; черные большіе зрачки медленно вращаются среди бѣлка глубоко впавшихъ глазъ; на немъ лежитъ отпечатокъ тягостныхъ мыслей, долгихъ страданій: это страданія существа падшаго. Походка бедуина отличается величіемъ; окутанный простой одеждой, онъ идетъ гордо, какъ-будто на немъ царскія украшенія; разговоръ его состоитъ изъ ряда пронзительныхъ восклицаній и воплей; слушать ихъ гораздо невыносимѣе, чѣмъ самую убійственную ученую музыку. Бедуины не запираютъ жонъ и дочерей своихъ, какъ это дѣлаютъ другіе восточные народы; онѣ, кажется, совершенно освобождены отъ рабства, налагаемаго характеромъ ревнивымъ; въ моемъ присутствіи онѣ показывали только видъ, что закрываютъ свои лица: сначала онѣ приподнимали одною рукою часть своей одежды, но не на долго лишали меня своего лицезрѣнія. Бѣдняжки далеко не красивы. Худоба, которая придаетъ мужчинамъ что-то важное и рѣзкое, у женщинъ проявляется безобразіемъ. Все прекрасное, что̀ мы думаемъ и говоримъ о женщинахъ, относится только къ тѣмъ изъ нихъ, которыя сколько-нибудь граціозны и красивы — обстоятельство печальное, тѣмъ не менѣе справедливое.

Жоны и дочери бедуиновъ нехороши собою и дурно сложены. Онѣ могли имѣть кое-какія достоинства относительно второстепенныхъ добродѣтелей, но до того пренебрегли главнѣйшею изъ обязанностей, обязанностью нравится, что я никакъ не могу простить имъ этого. Впрочемъ онѣ, казалось, чувствовали всю тяжесть своей вины и испытывали истинное раскаяніе. Я могъ быть безусловнымъ господиномъ ихъ чувствованій, стоило мнѣ только предложить щепотку табаку — и всѣ сердца, молодыя и старыя, обратились бы ко мнѣ; и несмотря на то, увѣряю васъ, къ концу перваго вечера запасъ моего латакіэ нисколько не уменьшился.

Не должно думать, что въ степи, посреди арабовъ, человѣкъ испытываетъ всю тягость уединенія: палатки разграничены чѣмъ-то въ родѣ перегородки, которая отдѣляетъ двадцать или тридцать мужчинъ, полу-черныхъ, воющихъ въ своемъ углѣ, отъ пятидесяти или шестидесяти полу-черныхъ женщинъ и дѣтей, которыя кричатъ и визжатъ на своей половинѣ. Между этими людьми вы всегда находитесь въ соприкосновеніи съ толпою, которой всегда разгоряченная кожа сомнительной чистоты. Правда, бо̀льшая часть этихъ людей, тѣснящихся другъ около друга, соединены узами крови, но не думаю, чтобы это обстоятельство увеличивало хотя на волосъ прелесть такого существованія.

Арабы обыкновенно хотятъ тронуться съ мѣста или остановиться для отдыха въ самые странные часы: такъ напримѣръ имъ придетъ

въ голову продолжать путь въ часъ утра, а отдыхать послѣ полудня. Уступать имъ въ этомъ случаѣ не нужно; однажды я согласился на ихъ предложеніе, но такая система показалась мнѣ нездоровою и тягостною. Обыкновенная палатка слабо защищаетъ отъ жару, потомучто лучи проникаютъ чрезъ обыкновенную парусину съ необыкновенною силою, и вы скоро убѣдитесь, что гораздо лучше отважно переносить солнце, сидя на спинѣ верблюда, чѣмъ прилегать къ землѣ и тщетно стараться избѣгнуть пронзительнаго жару.

По уговору, мои проводники арабы должны были запастись для себя провизіею, необходимою для переѣзда по пустыни; когда къ вечеру перваго дня мы остановились на ночлегъ подлѣ арабскаго табора, то погоньщики подъ шатрами своихъ собратовъ нашли все, что̀ имъ было нужно на эту ночь. Къ концу второго дня, когда мы только-что остановились, проводники подошли къ Дметри и положительно объявили, что съ ними нѣтъ ни кусочка пищи, и что они надѣются получить дневное пропитаніе отъ меня. Эта новость была крайне не кстати; мы уже довольно углубились въ пустыню, а я взялъ съ собою хлѣба столько, сколько нужно было для меня самого и для европейцевъ, моихъ спутниковъ. Съ минуту я думалъ, что арабы ошиблись въ условіяхъ нашего договора, и находилъ, что менѣе неудобно для меня и для моихъ людей пользоваться половинною порціею, чѣмъ уморить бедуиновъ съ голоду; вслѣдствіе такого размышленія я и поручилъ Дметри передать проводникамъ, что все, что̀ у меня есть съѣстного, будетъ раздѣлено съ ними поровну. Дметри не одобрилъ этой уступки и увѣрялъ, что арабы очень хорошо поняли всѣ условія, и если они не запаслись пищею, то единственно для того, чтобы, выманивъ у меня хлѣба на нѣсколько *паратовъ*, сдѣлать тѣмъ самымъ условія болѣе для себя выгодными. Вопросъ представился мнѣ въ другомъ видѣ: цѣль заговора очевидно состояла въ томъ, чтобы удостовѣриться, до какой степени я уступчивъ и что̀ изъ меня можно извлечь. Дметри отвѣчалъ имъ наотрѣзъ, что они не получатъ ни крохи. Мы остановились: палатка была раскинута. Приходятъ ко мнѣ бедуины и съ крикомъ просятъ ѣсть: я отказалъ рѣшительно.

— Намъ остается умереть!

— Да исполнится воля Божія!

Я далъ имъ почувствовать, что очень жалѣю, если они умрутъ съ голоду, но что все-таки перенесу это несчастіе съ величайшимъ спокойствіемъ. Разглагольствованія вожатыхъ прекратились бы нескоро, еслибъ они могли объясняться лично со мною, а то вѣдь имъ приходилось обращаться къ Дметри, который не показывалъ къ нимъ ни малѣйшей благорасположенности. Бедуины взглянули мнѣ прямо въ лицо; но не найдя, вѣроятно, въ чертахъ моихъ ничего, что̀ бы могло подать имъ надежду выпросить хлѣба, удалились, сказавъ, что лягутъ на землю да и умрутъ.

Спустя минутъ десять послѣ этой сцены, я увидалъ, что погоньщики преспокойно пекутъ себѣ хлѣбъ. Дѣло въ томъ, что они запа-

слись большимъ мѣшкомъ муки и спрятали его подъ вьюкъ на одномъ изъ верблюдовъ.

Вотъ какой системы держался я во время путешествія. За часъ до восхожденія солнца я вставалъ и распоряжался пинтою (*) воды, которую оставлялъ себѣ для умыванья, — потомъ пилъ чай съ хлѣбомъ. Какъ скоро верблюдовъ навьючивали, я садился на одного изъ нихъ и ѣхалъ впередъ; арабы, шедшіе пѣшкомъ, часто жаловались на крайнюю усталость и просили позволенія отдохнуть; но я требовалъ строгаго исполненія обязательства доставить меня въ опредѣленный срокъ въ Каиръ и до наступленія вечера не допускалъ остановокъ. Около полудня Миссери подъѣзжалъ ко мнѣ и подавалъ кусокъ хлѣба, который нужно было размачивать въ водѣ, и кусокъ языка, который держался у насъ очень не долго; за этимъ слѣдовала (съ какимъ удовольствіемъ и теперь еще вспоминаю я объ этомъ!) маленькая оловянная чашка водки.

Въ пустынѣ вы не найдете ни одного мѣста, увидавъ которое могли бы сказать: «вотъ здѣсь хорошо отдохнуть!» Нескончаемые пески производятъ лишь тощій хворостникъ, да и тотъ дни черезъ два-три исчезаетъ. И тогда вы ѣдете по обширнымъ полянамъ, вновь образовавшимся холмамъ, долинамъ, прорытымъ предшествовавшимъ ураганомъ; и холмы, и долины, — все это песокъ, песокъ, песокъ, опять песокъ, вездѣ песокъ. Земля такъ однообразна, такъ печальна, что взоръ вашъ стремится къ небу; слово небо я принимаю здѣсь въ значеніи тверди небесной. Вы поневолѣ взглядываете на солнце, потому-что оно показываетъ вамъ, сколько вы проѣхали и сколько остается еще вамъ проѣхать до вечера. Солнце показывается въ то время, когда вы складываете палатку; оно стоитъ у васъ съ боку, когда вы пускаетесь въ путь, — и тогда оно говоритъ, что вамъ предстоитъ еще цѣлый день пути; потомъ вы уже не видите солнца, потому-что окутываетесь покрываломъ и не дерзаете болѣе смотрѣть на него: но прикосновеніе его огненнаго меча говоритъ вамъ, что оно плаваетъ надъ вашей головой. И никто ни слова.... только арабы воютъ да верблюды вздыхаютъ, только горитъ ваша кожа, палятся плечи. Время идетъ.... арабы продолжаютъ стонать, верблюды — вздыхать, кожа ваша — горѣть; но часы проходятъ, и наконецъ солнце, совершивъ свое торжественное теченіе, касается вашей руки: появляется тѣнь отъ вашего тѣла, она растетъ и дрожитъ на пескѣ; за ослѣпительнымъ блескомъ слѣдуетъ розовый, нѣжный свѣтъ, и скоро солнце скрывается за горизонтомъ.

Тогда настаетъ минута отдохновенія. По избраніи наиболѣе удобнаго мѣста, одинъ изъ арабовъ приближался къ моему верблюду и трогалъ его по груди, производя какое-то странное понукательство, въ родѣ буль-буль. Бѣдное животное понимало, въ чемъ дѣло: оно тихо опускалось на колѣни, и я съ большимъ удовольствіемъ ставилъ

(*) Кружка, извѣстная мѣра.

ногу на землю. Другихъ верблюдовъ также развьючивали и пускали пастись по степи: если же на песчаной почвѣ не было даже хворостинку, тогда имъ выдавалась весьма умѣренная порція корма.

Слуги мои, при помощи арабовъ, разстилали палатку, разводили огонь, а я между тѣмъ уходилъ отъ бивуака: я любилъ вкушать и постигать всю одинокость пустыни. Назадъ возвращался я по слѣдамъ, оставленнымъ мною на пескѣ, и съ невыразимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нашъ лагерь; арабы пекли себѣ хлѣбъ: Миссери готовилъ чай; маленькій самоваръ напѣвалъ англійскую пѣсню, давно привычную моему слуху; а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огня стояла палатка, гдѣ ожидалъ меня радушный пріемъ.

Въ первую ночь я окружилъ себя книгами и картами и потребовалъ огня; мнѣ принесли огарокъ; немедленно потокъ жизни, до того времени незамѣтный, принесся изъ степи. Странныя насѣкомыя, всевозможной формы, всевозможныхъ цвѣтовъ, отъ рожденія невидавшія быть можетъ огня, нахлынули въ палатку, бросившись на свѣчу и потушили ее своими горящими членами. Тѣ, которыя не достигли чести такой смерти, опечалились и упали духомъ; недовольныя, они прилѣпились къ стѣнкамъ палатки.

Мнѣ принесли душистый чай, хлѣбъ и масло: бѣдная Ирландія, истощенная голодомъ, являлась, чтобы подкрѣпить мои силы въ пустынѣ. Я обѣдалъ какъ принцъ, какъ воспитанникъ коллегіи изъ пятаго класса.

Когда, при появленіи первыхъ мертвыхъ и холодныхъ лучей утра, люди мои начинали вьючить верблюдовъ, тогда мнѣ жалко было покидать этотъ маленькій уголокъ земли, который, хотя не надолго, представлялъ мнѣ собою веселый видъ человѣческаго жилища. Плащи, сѣдла, различныя вещи, покрывавшія землю, — все это исчезало одно за другимъ, а вьюки все росли, росли, и наконецъ на мѣстѣ нашего бивуака оставались только слѣды отъ каблуковъ да нѣсколько угольковъ.

Слуги мои, само собою разумѣется, не могли найти развлеченія въ этой степи, не только небольшого, но даже никакого, и потому ими овладѣла невыразимая тоска. Представьте же себѣ ихъ радость, когда на пятый день мы прибыли къ оазису, по имени Гютихъ, гдѣ встрѣтили караванъ изъ Каира. Жители восточныхъ городовъ всегда отправляются въ путь черезъ пустыню въ большомъ числѣ; имъ приходится иногда ждать по недѣлямъ, по мѣсяцамъ, пока не наберется значительнаго числа путешественниковъ, образуется порядочное стадо овецъ, которыя могли бы внушить волкамъ нѣкоторое почтеніе. Впрочемъ такія предосторожности не спасли бы ихъ отъ дѣйствительной опасности, потому-что, хотя бы съ ними и было оружіе, но они владѣютъ имъ такъ плохо, къ тому же у нихъ такъ мало порядку, что они не въ состояніи сильно воспротивиться шайкѣ воровъ, несмотря на свое число. Не бедуины составляютъ страхъ и грозу каравановъ, потому-что они никогда не оскорбляютъ охранной грамо-

ты, данной преобладающимъ племенемъ; но есть дезертеры, подвальные шаромыги; они-то и шмыгаютъ по степной границѣ, особенно со стороны Каира.

Караванъ не мало удивился, замѣтивъ, что моя свита была очень малочисленна. Путешественники не могли понять, какъ можетъ англичанинъ, съ парою пистолетовъ и съ двумя слугами, пройти пустыню, не боясь непріятной встрѣчи, тогда-какъ они, уроженцы ближайшихъ окрестностей, должны путешествовать цѣлою толпою или скорѣе стадомъ. Смѣлость и повелительный тонъ англичанина въ глазахъ раболѣпнаго азіатца представляются чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Турокъ и египтянинъ полагаютъ, что англичанинъ сдѣлалъ какое-нибудь важное преступленіе, и что Богъ въ наказаніе за это отдалъ его во власть злого духа, который понуждаетъ его оставить свое жилище, путешествовать по отдаленнымъ странамъ, проходить необозримыя пустыни, безпрестанно вскарабкиваться на вершины, гдѣ нѣкогда высились города, которыхъ теперь уже нѣтъ, блуждать по кладбищамъ мертвецовъ. Надо сознаться, что такое мнѣніе не безъ совершеннаго основанія: туристъ-британецъ часто можетъ быть обвиненъ въ гордости и честолюбіи, въ отношеніи къ предметамъ большимъ и малымъ, какъ напримѣръ полученіи мѣста въ парламентѣ или фабричномъ совѣтѣ своего прихода; подстрѣленное честолюбіе превращаетъ для него пустыню въ убѣжище, гдѣ онъ находитъ болѣе удовольствія, чѣмъ въ большомъ салонѣ.

Я могу отдать себѣ отчетъ въ удивленіи, какое причиняетъ жителю востока малочисленность свиты, сопровождающей англичанина въ его путешествіи чрезъ степь, потому-что самъ не мало изумился, встрѣтивъ одного изъ моихъ соотечественниковъ, пустившагося въ дорогу съ простотою совершенно не въ восточномъ вкусѣ. Сначала показалась на горизонтѣ неясная точка, которая росла мало-по-малу; наше любопытство было сильно возбуждено; предположеніямъ не было конца: наконецъ мы разсмотрѣли трехъ верблюдовъ, которые двигались въ нашу сторону; спустя нѣсколько времени мы убѣдились, что на двухъ верблюдахъ сидѣло по человѣческому существу, что одно изъ нихъ въ европейскомъ костюмѣ; наконецъ мы убѣдились, что это англичанинъ съ своимъ слугою; съ боку шли два пѣхотинца-араба.

Чтобы понять удовольствіе, какое я испыталъ, увидавъ совершенно неожиданно британскую охотничью куртку, надобно, подобно мнѣ, провести нѣсколько дней въ пустынѣ; иначе никогда не поймете.

Англичанинъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ офицеръ, возвращавшійся изъ Индіи: прибывъ въ Каиръ, онъ отправился отсюда въ Палестину. По мѣрѣ того, какъ мы приближались одинъ къ другому, я разсуждалъ самъ съ собою — заговоримъ мы или нѣтъ? Могло случиться, что незнакомецъ заговоритъ первый; въ такомъ случаѣ я рѣшился быть сколько возможно общительнымъ; но я никакъ не

могъ себѣ представить заранѣе — что̀ бы я могъ сказать ему, еслибъ пришлось мнѣ первому начинать разговоръ? Я знаю, что между образованными народами, если и не имѣть что̀ сказать, то это не извиняетъ совершеннаго молчанія; но вѣдь я характера холоднаго и сосредоточеннаго, почему мнѣ и не хотѣлось останавливаться для того, чтобы среди безграничной пустыни завязать разговоръ подобный тому, какимъ отдѣлывается человѣкъ во время утренняго визита. Путешественникъ думалъ быть можетъ тоже самое, потому-что мы проѣхали мимо точно такъ, какъ проѣхали бы по одной изъ лондонскихъ улицъ: только вѣжливо приложили руку къ картузу. Но людямъ нашимъ не для чего было лишать себя удовольствія слышать новые голоса и попасть на свѣжихъ слушателей. Итакъ, слуги наши остановились и вступили въ разговоръ. Лишь только верблюдъ мой примѣтилъ, что товарищи его остановились, то имъ тоже овладѣло стремленіе къ обществу, и онъ не хотѣлъ итти впередъ. Я почувствовалъ, что дѣло принимало крайне нелѣпый оборотъ, и рѣшился подъѣхать къ незнакомцу, хотя бы для того только, чтобы не было слишкомъ странно стоять въ пустынѣ и молчать. Я обернулъ верблюда и увидѣлъ, что верблюдъ англичанина также остановился; видя, что я ѣду въ его сторону, онъ повернулъ своего верблюда и поѣхалъ мнѣ навстрѣчу. Англичанинъ заговорилъ первый; онъ былъ слишкомъ хорошо образованъ, чтобы допустить мысль, будто я приближаюсь къ нему единственно изъ чувства общительности или наклонности къ болтовнѣ; онъ объяснилъ себѣ мой поступокъ тѣмъ, что я хочу отобрать отъ него кое-какія статистическія свѣдѣнія. Когда мы близко подъѣхали другъ къ другу, незнакомецъ сказалъ:

— Полагаю, вамъ угодно узнать о состояніи моровой язвы въ Каирѣ? Сожалѣю, что не могу сказать вамъ точной цифры о числѣ умирающихъ ежедневно.

Потомъ онъ заговорилъ о предметахъ не столь мрачныхъ. Незнакомецъ показался мнѣ человѣкомъ умнымъ и твердымъ, достойнымъ занять мѣсто среди предпріимчивыхъ англичанъ, которые въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ владѣютъ обширными Индіями.

Дметри, обезпокоенный новостями, полученными имъ отъ слугъ англичанина, рѣшился караулить меня у палатки; однако же ночью никто не являлся, только шакалъ вздумалъ было всунуть свою голову; Дметри и не стрѣлялъ по немъ, изъ опасенія разбудить меня.

Продолжая однообразный путь, мы подъѣхали наконецъ къ большому озеру; огромное водяное зеркало широко раскрылось среди безконечныхъ песковъ; казалось, что по этой гладкой поверхности скользили лучи солнца. Я былъ предупрежденъ о различныхъ явленіяхъ миража; несмотря на то, вышелъ изъ заблужденія лишь тогда, когда верблюдъ мой вошелъ въ эти фантастическія воды. Явленіе это объяснить нетрудно. Масса воды, сильно насыщенной солью, осталась на поверхности почвы, и частицы солончака блестѣли на солнцѣ, обозначая опредѣленными линіями границы пространства, по которо-

му разлились воды; такимъ образомъ соловчакъ представлялъ видъ совершеннаго озера.

Походка верблюда утомительна; тѣло ваше страдаетъ отъ движенія, которое вы должны дѣлать, чтобы принаровиться къ его походкѣ; наконецъ человѣкъ привыкаетъ, и что̀ до меня касается, то, хотя сонъ и не слишкомъ изливаетъ на меня свои щедроты, я достигъ до того, что могъ засыпать сидя верхомъ. На пятый день нашего путешествія воздухъ какъ-будто былъ пораженъ смертью; земля не обнаруживала ни малѣйшаго признака жизни; можно было сказать, что это свѣтъ забытый, гдѣ все вымерло — отъ человѣка до послѣдней травки. Солнце жгло сильнѣе и сильнѣе, оно жгло меня невыносимымъ огнемъ: я закрылъ голову, сомкнулъ глаза и впалъ въ летаргическій сонъ. Продолжался ли онъ нѣсколько минутъ, или нѣсколько часовъ — не знаю; только я былъ пробужденъ звукомъ колоколовъ, колоколовъ того селенья, близь котораго родился, — колоколовъ Мельвена. Прежде всего я подумалъ, что нахожусь еще подъ вліяніемъ сна; я приподнялся и отбросилъ ткань, закрывавшую мнѣ лицо; меня облилъ ослѣпительный блескъ солнца. Очевидно, что я уже не спалъ... однако же старые колокола Мельвена гудѣли; звукъ ихъ не былъ звукомъ радости, но то былъ звонъ правильный, продолжительный, призывавшій къ молитвѣ. Спустя минуту колокола умолкли; не могу опредѣлить, сколько времени продолжался благовѣстъ, потому-что ни у меня, ни у моихъ слугъ не было часовъ; но полагаю, что минутъ съ десять. Я приписалъ все это чрезвычайному жару солнца, совершенной сухости атмосферы, ничѣмъ не возмутимой и безусловной тишинѣ, царствовавшей вокругъ насъ; мнѣ казалось довольно достовѣрнымъ и правдоподобнымъ, что эти обстоятельства, развивъ чувствительность слуховыхъ органовъ, могли заставить ихъ притти въ дрожаніе подъ мимолетнымъ вліяніемъ какого-нибудь воспоминанія, родившагося во мнѣ во время сна. По возвращеніи въ Англію, мнѣ разсказывали, что подобные звуки слышались на морѣ, и что морякъ, окованный спокойствіемъ подъ тропическимъ небомъ, среди безконечнаго океана, съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ какимъ-то ужасомъ вслушивался въ звонъ колоколовъ своего селенья.

Жаръ становился удушливъ; не было ни долины, ни углубленія, ни пригорка, — ничего, чтобы могло послужить къ указанію дороги. Мы углублялись все дальше и дальше — ни малѣйшей перемѣны: я по прежнему составлялъ какъ бы центръ обширнаго горизонта, гранью котораго служили жгучіе пески, а сверху распаленное небо.

На восьмой день на горизонтѣ показалась какая-то темная черта.... то были сады и минареты Египта, чудеса Нила.... Къ вечеру мы не перебрались еще за-границу пустыни, и я, какъ обыкновенно, велѣлъ раскинуть палатку; одинъ изъ арабовъ быстро пошелъ по направленію къ западу, не сказавъ о цѣли своего путешествія. Чрезъ минуту онъ возвратился и принесъ мнѣ колосъ рису, блестящій свѣжей зеленью.

На другой день я прибылъ въ Египетъ.

XVIII.

Каиръ и моровая язва! Во все время моего пребыванія въ Каирѣ моровая язва такъ свирѣпствовала, что я никакъ не могу отдѣлить этихъ двухъ словъ.

Когда, выбравшись наконецъ изъ степи, я проѣзжалъ чрезъ селеніе, расположенное съ восточной стороны города, то ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ турецкомъ костюмѣ; онъ былъ важенъ съ виду, чѣмъ-то озабоченъ, движенія его были живы: длинная сѣрая борода придавала ему какое-то величіе; у мусульманина желаніе заговорить съ иностранцемъ означаетъ что-нибудь необыкновенное. Дѣло въ томъ, что это былъ французъ, который желалъ предупредить меня объ ужасахъ чумы и посовѣтовать не въѣзжать въ городъ.

— Остановитесь, остановитесь, прошу васъ; не въѣзжайте въ городъ: тамъ чума.

— Знаю, но....

— Говорю вамъ, что въ городѣ чума, дѣло идетъ о чумѣ.

— Знаю, но....

— Повторяю вамъ, что въ городѣ чума, чума. Заклинаю васъ, не въѣзжайте: весь городъ зараженъ.

— Знаю, но....

— Но вѣдь если вы меня не послушаетесь, то....

— Знаю, но....

Французъ убѣдился наконецъ, что безполезно разсуждать съ упрямымъ англичаниномъ; я поблагодарилъ его отъ всего сердца за совѣтъ. Въ жаркихъ странахъ человѣкъ рѣдко подвергаетъ себя жгучимъ лучамъ солнца для того единственно, чтобы дать совѣтъ иностранцу.

Прибывъ въ Каиръ, я обратился къ Осману Эффенди, который, какъ мнѣ было извѣстно, имѣлъ нѣсколько домовъ и долженъ былъ отвести мнѣ квартиру: дѣло было нетрудное — я былъ единственный путешественникъ-европеецъ, находившійся въ это время въ Каирѣ. Бѣдный Османъ! при первомъ нашемъ свиданіи онъ былъ озабоченъ и тосклив, потому-что сильно трусилъ чумы: онъ какъ-будто думалъ, что поступитъ очень дурно, если отведетъ мнѣ мѣсто, гдѣ бы я могъ остановиться, и показывалъ къ современнымъ происшествіямъ совершенное равнодушіе человѣка, дни котораго уже сочтены. Скоро послѣ моего прибытія онъ встрѣтилъ меня, когда я выходилъ изъ публичныхъ бань, и съ этой минуты смотрѣлъ на меня съ какимъ-то ужасомъ, потому-что раздѣлялъ мнѣніе европейцевъ о дѣйствіи заразы.

Осмотрѣвъ все, что мнѣ хотѣлось видѣть въ Каирѣ и его окрестностяхъ, я тотчасъ же хотѣлъ бѣжать изъ этого города, пораженнаго ужасомъ; но тутъ Миссери занемогъ, вѣроятно вслѣдствіе трудовъ и заботъ; надобно было дать ему нѣсколько времени для укрѣпленія

силъ, чтобы онъ былъ въ состояніи предпринять новое путешествіе; наконецъ, спустя девятнадцать дней со времени моего прибытія, я оставилъ столицу Египта.

Въ продолженіи всего этого времени чума росла чудовищно; до моего пріѣзда она похищала ежедневно отъ четырехъ до пятисотъ человѣкъ, а передъ моимъ отъѣздомъ число умирающихъ возрасло до тысячи двухъ сотъ. У меня не было никакихъ средствъ для повѣрки этого числа, но я убѣдился только въ томъ, что число умирающихъ день ото дня увеличивалось. Я поселился на одной изъ главныхъ улицъ города. Погребенія отправляются въ Каирѣ съ разсвѣта до полудня, и такъ-какъ я эту часть дня проводилъ постоянно дома, то безъ труда могъ составить довольно вѣрную идею объ успѣхахъ чумы. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ не для того, чтобы искуснымъ образомъ намекнуть, будто я всякой день вставалъ съ солнечнымъ восходомъ: дѣло было бы не совсѣмъ справедливо. Но надо замѣтить, что въ Каирѣ погребеніе людей сколько-нибудь достаточныхъ никогда не обходится безъ пѣвцовъ и крикуновъ, и вотъ эти-то господа будили меня куда-какъ рано, — согласитесь, что я не могъ не знать, что̀ дѣлается на улицѣ.

Погребеніе въ Каирѣ вещь чрезвычайно простая. Гробъ состоитъ изъ деревяннаго ящика, укрѣпленнаго на легкой рамѣ. Крышки на гробу обыкновенно не бываетъ: шаль или кусокъ какой-нибудь матеріи болѣе или менѣе скрываетъ отъ взоровъ публики умершаго. Ящикъ устанавливается на плечахъ людей, которые бѣгутъ во всю прыть. Два или три пѣвца находятся впереди гроба, а за гробомъ слѣдуютъ крикуны; послѣ этихъ господъ показываются тѣ изъ друзей и родственниковъ покойнаго, которые въ состояніи бѣжать за этою стремительной толпой; нѣкоторымъ изъ нихъ, а особенно женщинамъ бѣжать такъ прытко не слишкомъ легко, и многіе начинаютъ отставать одинъ отъ другого. Мнѣ ни разу не удалось замѣтить слѣдовъ печали на лицахъ участвовавшихъ въ погребеніи: шагъ-то слишкомъ быстръ, такъ ужь гдѣ тутъ заботиться о проявленіи достойнымъ образомъ соболѣзнованія о покойномъ....

Сначала процессіи эти хотя и были многочисленны, все-таки между ними бывали довольно длинные промежутки; промежутки эти съ каждымъ днемъ уменьшались, уменьшались, и наконецъ съ утра до полудня я только и слышалъ, что постоянные похоронные крики. Полагаю, что половина народонаселенія вымерла. Жители востока въ такихъ странныхъ бѣдствіяхъ проявляютъ болѣе твердости, чѣмъ европейцы: чума не можетъ прервать ихъ религіозныхъ упражненій. Однажды я объѣхалъ верхомъ ихъ кладбище. Гробницы разбросаны на широкомъ пространствѣ между высокими горами щебня, вѣками нанесеннаго около города. Въ Каирѣ *городъ мертвыхъ* не походитъ на турецкія кладбища, которымъ кипарисы придаютъ замѣчательную красоту; въ немъ вы не встрѣтите ничего, что̀ бы утишило скорбь, смягчило все, что̀ есть непріятнаго въ смерти. Ночью здѣсь господ-

ствуютъ хищные звѣри и птицы; утромъ городъ этотъ оживляется прибытіемъ новыхъ жильцовъ. Даже въ то время, когда чума свирѣпствовала со всѣми ужасами, на землѣ, гдѣ безъ умолку раздавались крики, возвѣщавшіе безпрестанные похороны, дѣлались приготовленія къ отправленію религіознаго праздника, называемаго Курбанъ Баирамъ. Разстилались палатки, колыхались качели для увеселенія дѣтей; мусульмане гордятся тѣмъ, что слѣдуютъ древнимъ обычаямъ, такъ что и самая смерть ни въ чемъ не можетъ помѣшать имъ.

Истинный мусульманинъ, кажется, тщеславится тѣмъ, что презираетъ европейское мнѣніе, по которому европеецъ, не касаясь платья больного, думаетъ избавиться отъ бѣды. Когда я отправился осматривать пирамиды Сагары, то нашелъ радушный пріемъ у благороднаго и прекраснаго старика, Османди, котораго нѣжный и звучный голосъ пріятно поразилъ уши несчастнаго, долгое время слышавшаго одни рѣзкіе, непріятные возгласы арабовъ. Старикъ зналъ мысли европейца о чумѣ и поспѣшилъ объявить мнѣ, что въ селеньи не было еще ни одного случая; потомъ онъ спросилъ меня о ходѣ эпидеміи въ Каирѣ; я могъ сообщить ему однѣ печальныя новости. До сихъ поръ хозяинъ мой старался не прикасаться ко мнѣ, изъ уваженія къ европейской теоріи; но когда онъ совершенно увѣрился, что опасность отъ прикосновенія можетъ быть для него, а не для меня, тогда онъ тихо положилъ свою руку на мою, чтобы показать совершенное равнодушіе къ тому, что я прибылъ изъ зараженнаго мѣста. Движеніе это было самымъ искреннимъ изъявленіемъ гостепріимства.

Европейцы ведутъ себя иначе; я говорю въ особенности о тѣхъ, которые поселились на востокѣ и которыхъ называютъ обыкновенно левантинцами. Я такъ долго находился въ совершенномъ одиночествѣ, что когда добрался до береговъ Нила, то надежда встрѣтить въ Каирѣ кого-нибудь, съ кѣмъ бы я могъ поговорить, доставляла мнѣ невыразимое удовольствіе. Надо замѣтить, что въ городѣ знакомыхъ у меня не было, не было и писемъ рекомендательныхъ; зато были у меня заемныя письма, а эти письма часто доставляютъ подателю ихъ прекрасный пріемъ вдали отъ Англіи: изъ самого банкира они дѣлаютъ иногда человѣка общительнаго и готоваго на одолженіе.

Скоро послѣ прибытія въ Каиръ отправился я къ левантинцу, у котораго имѣлъ кредитъ. Нѣсколько субъектовъ (все арабы) стояли у дверей его и держали караулъ. Меня впустили не прежде, какъ послѣ долгихъ толковъ и переговоровъ съ людьми, находившимися внѣ цитадели и внутри ея. Наконецъ провели меня черезъ дворъ, заставили подняться по лѣстницѣ и окончательно впустили туда, гдѣ совершались сдѣлки. Комната раздѣлена была на двѣ крѣпкою, желѣзною перегородкою, за которою возсѣдалъ банкиръ. Устрашенный чумою, онъ принялъ всѣ предосторожности, принимаемыя обыкновенно поселившимися тамъ европейцами, и устроилъ строгій карантинъ, т. е. запретилъ всякое сношеніе между своею собственною особою и матеріями заразительными. Европейцы полагаютъ, что только металлы, пеньковыя

веревки и еще какіе-то два, три предмета не передаютъ заразы, и что міазмы, скрываемыя сомнительными матеріялами, могутъ быть уничтожены или обкуриваніемъ, или обмачиваніемъ въ жидкости. Поэтому-то они прекращаютъ всякія сношенія съ тѣмъ, что внѣ ихъ дома; они сажаютъ себя, свое семейство и слугъ европейцевъ подъ строжайшій арестъ; туземные служители не имѣютъ къ нимъ доступа; необходимые съѣстные припасы покупаются черезъ окощечко: ихъ привязываютъ на веревку и поднимаютъ наверхъ, но до употребленія еще долго вымачиваютъ.

Я не подозрѣвалъ подобныхъ продѣлокъ и вовсе не былъ приготовленъ къ тому пріему, который ожидалъ меня. Подойдя къ рѣшоткѣ, я просунулъ вексель черезъ желѣзныя перекладины и учтиво представилъ его г. банкиру; онъ принялъ меня не съ распростертыми объятіями, а протянулъ руку, вооруженную щипчиками. Въ эти щипчики я вложилъ вексель, и онъ немедленно повергся очищенію огнемъ и дымомъ. Такое привѣтствіе мнѣ не понравилось, и мысль, что какая-нибудь моя вещь можетъ заразить трусишку, торчавшаго за перегородкою, уколола меня. Я не могъ смотрѣть на всѣ эти мизерныя ухищренія иначе, какъ глазами мусульманина; при настоящихъ обстоятельствахъ ухищренія были тщетны: спустя нѣсколько дней горемыка банкиръ, который минуты своей жизни (какъ-будто онѣ были дукаты) отдалъ подъ защиту желѣзныхъ рѣшотокъ и запоровъ, былъ пораженъ язвою и умеръ.

Что до меня касается, то я забралъ себѣ въ голову, будто мнѣнія европейцевъ о чумѣ сущій вздоръ. Я увѣрилъ себя, что чума можетъ быть эпидеміею, бичемъ, посланнымъ Провидѣніемъ, но что она не заразительна, и что нелѣпо предполагать, будто я умру отъ прикосновенія платья или нѣжнаго дыханія женщины. Поэтому-то я и рѣшилъ, чтобы эпидемія не заставляла меня измѣнять привычекъ или не имѣла никакого вліянія на мои движенія. Такая рѣшимость была мнѣ внушена порывомъ отваги — это такъ; тѣмъ не менѣе полагаю, что поведеніе мое было согласно съ правилами осторожности, потому-что пріятное расположеніе духа и веселость, которыя я сохранилъ въ продолженіи всего времени, спасли меня.

Въ Каирѣ для ѣзды по городу употребляютъ обыкновенно ословъ, которыхъ очень много; вожатыми служатъ мальчишки. Двое мальчиковъ постоянно стояли у моихъ дверей; одинъ изъ нихъ заразился и умеръ. Это средство къ перемѣнѣ мѣстъ мнѣ очень понравилось, и я рѣшился не прибѣгать къ другому. Въ Каирѣ не имѣютъ понятія о мостовой; улицы усыпаны сухимъ пескомъ, отъ которой замираетъ стукъ копытъ. Тротуаровъ нѣтъ; гдѣ идетъ пѣшій, тамъ же ѣдетъ и конный; пѣшеходы, предупрежденные вашимъ проводникомъ, быстро бросаются въ сторону, такъ-что оставляютъ узкое пространство, по которому вы скачете въ галопъ. Такимъ образомъ вы минуете многочисленную толпу, не встрѣчая препятствій и не замедляя бѣга вашего осла; право, кажется, что васъ переноситъ съ мѣста на

мѣсто не оселъ, а его маленькій погонщикъ, который своими криками очищаетъ вамъ дорогу по улицѣ, усѣянной народомъ, чрезъ атмосферу, напитанную запахомъ пряныхъ кореньевъ и другихъ благоуханныхъ веществъ. «*Ге! шейкъ, ге! бинтъ! регалекъ, сгумалекъ!*» и пр. кричитъ вашъ неутомимый вожатый (Гей, старики, дѣвушки! дорогу, дорогу! посторонись вправо, посторонись влѣво; берегись, берегись! англичанинъ ѣдетъ! вотъ онъ, вотъ!) и все сторонится.

Въ Каирѣ нѣтъ публичныхъ зданій, достойныхъ замѣчанія; видѣлъ я впрочемъ прекрасную мечеть, съ которой соединяется поучительная исторія. Гиндусскій купецъ, накопивъ несмѣтныя богатства, поселился въ Каирѣ, гдѣ богатство скоро доставило ему могущественное вліяніе, которое впрочемъ было оспариваемо другими богачами. Въ намѣреніи уничтожить всѣ усилія своихъ соперниковъ, гиндусъ выстроилъ своимъ иждивеніемъ красивую мечеть; когда постройки окончились, онъ пригласилъ въ храмъ всѣхъ знатнѣйшихъ граждавъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ принести молитвы Всевышнему; когда всѣ собрались, то онъ велѣлъ умертвить тѣхъ, кто, по своей власти, могъ причинить ему какія-нибудь неудовольствія; это обстоятельство доставило ему такую власть въ городѣ, что никто уже не осмѣлился съ нимъ соперничать: онъ сдѣлался предметомъ благоговѣнія, которое продолжается еще и теперь. Разсказъ этотъ можетъ показаться невѣроятнымъ; но о немъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ мнѣніямъ, какія можетъ имѣть европеецъ, мало знакомый съ обычаями востока; Мегметъ-Али принялъ такую же систему, чтобы уничтожить мамелюковъ, и онъ совершенно успѣлъ въ этомъ.

Однажды отправился я въ цитадель, откуда открывается чудесный видъ: весь городъ виденъ какъ на блюдичкѣ; прихотливыя формы множества минаретовъ, покрытыхъ золотомъ, придаютъ Каиру странный и граціозный характеръ: но взоры наши не надолго остановятся на этихъ зданіяхъ, — они спѣшатъ обратиться къ западу, по ту сторону Нила, и устремятся на чудовищныя пирамиды.

Въ цитадели я увидалъ нѣсколько паръ людей блѣдныхъ, исхудалыхъ, убитыхъ нищетою, и псарникъ чудесныхъ, превосходно откормленныхъ львовъ, пользующихся цвѣтущимъ здоровьемъ. Я употребилъ слово *пара*, потому-что эти несчастные отправляли различныя работы, будучи скованы по два, и слово *псарникъ*, потому-что львы не были заперты въ клѣтки, а просто были привязаны какъ собаки.

Посѣтилъ я и базары; оружіе и трубки курительныя показались мнѣ дешевле, нежели въ Константинополѣ. На рынкѣ, гдѣ продаютъ невольниковъ, увидалъ я до пятидесяти женщинъ въ продажѣ: но всѣ онѣ были черныя или по-крайней-мѣрѣ темно-коричневаго цвѣта; маклеръ повелъ меня въ верхній этажъ, желая показать нѣсколько бѣлыхъ женщинъ; хозяева съ трудомъ соглашались показать мнѣ свой товаръ, да и не безъ опасенія: я и не думалъ покупать ни бѣлыхъ, ни черныхъ. Мнѣ удалось увидать только одну бѣлую не

вольницу, владѣтель которой цѣнилъ ее очень дорого: онъ возбудилъ мое любопытство, сказавъ, что это черкешенка «прекрасная какъ полная луна». Послѣ долгихъ отговорокъ и ужимокъ, онъ ввелъ меня наконецъ въ контору, въ углу которой сидѣла какая-то бѣлая масса; сняли покрывало.... и хотя я и не нашелъ въ ней типа красоты, однако же купецъ имѣлъ полное право сравнить свою невольницу съ полною луною, потому-что полное лицо ея было совершенно кругло и совершенно бѣло. Она была крайне толста, несмотря на свою молодость. Я не могъ не допустить той мысли, что она была подготовлена къ продажѣ, т. е. откормлена и набѣлена; итакъ, я не рѣшился разсматривать ее далѣе лица; была ли невольница раздражена моимъ добродѣтельнымъ намѣреніемъ, самъ ли я ей не понравился, замѣтила ли она, что не производитъ на меня желаннаго впечатлѣнія, или хотѣла она угодить своему хозяину, показавъ привязанность къ его вѣрѣ — не знаю, только она пронзительно закричала и рѣшительно объявила, что не хочетъ быть проданной невѣрному.

Не могъ я обойтись безъ того, чтобы не войти въ сношеніе съ чародѣями: я послалъ за однимъ старикомъ, который считался главнымъ магомъ, и попросилъ его показать мнѣ чудеса его искусства. Первый опытъ его долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы показать мнѣ формы и черты моихъ отсутствовавшихъ друзей; впрочемъ видѣлъ-то ихъ не я самъ, а мальчикъ, котораго чародѣй взялъ какъ бы случайно съ улицы. Въ комнату принесли жаровню; старикъ бросилъ въ нее какихъ-то благоуханныхъ травъ и началъ заклинанія, — потомъ посадилъ мальчика, надѣвъ на него абажуръ изъ зеленой матеріи, взялъ чернилъ, начертилъ на рукѣ неофита какія-то таинственныя фигуры и велѣлъ ему не сводить глазъ съ руки, а самъ продолжалъ заклинанія; видя, что мальчикъ пришелъ въ безпокойство, старикъ спросилъ его: — что̀ онъ видитъ? Неофитъ отвѣчалъ, что видитъ какую-то военную процессію съ знаменами. Потомъ велѣли мнѣ назвать особу, которую я желаю видѣть. Я назвалъ Кемпта, моего школьнаго товарища, человѣка очень некрасиваго.

— Кого вы назвали? спросилъ старикъ.

— Кемпта.

— Ну, что̀ ты видишь? спросилъ чародѣй, обращаясь къ мальчику.

— Вижу, отвѣчалъ мальчикъ: — прекрасную молодую дѣвушку, съ золотистыми волосами, голубыми глазами, съ лицомъ блѣднымъ и бѣлымъ.

Я захохоталъ. Магъ, видя, что тутъ отчаянный промахъ, объявилъ, что мальчикъ сдѣлалъ вѣроятно какое-нибудь преступленіе, и прогналъ его пинками.

Несмотря на такой неудачный дебютъ, я сговорился съ старикомъ, за извѣстную плату, въ томъ, что онъ черезъ нѣсколько дней отправится со мною въ гробницы близь пирамидъ и удостовѣритъ меня въ своей искусствѣ. Чародѣй не являлся на свиданіе. Я послалъ узнать

отъ него, что̀ это значитъ? Оказалось, что мой Магометъ пораженъ былъ чумою и умеръ.

Выйдя однажды рано поутру, я вдругъ почувствовалъ пламенное дыханіе *камсена*, или симуна, и, опасаясь лишиться чувствъ, возвратился домой. Я разсудилъ однако же, что снова попаду подъ этотъ вѣтеръ въ пустынѣ, гдѣ уже нѣтъ никакихъ средствъ его избѣгнуть; лучше, подумалъ я, отважно встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу въ самомъ городѣ и попробовать, могу ли я его выдержать. Я снова сѣлъ на осла и отправился въ сады по берегамъ Нила. Вѣтеръ былъ такъ горячъ, какъ-будто выходилъ изъ горнила; онъ дулъ чрезвычайно сильно, но совершенно однообразно; небо было покрыто пеленою сѣро-жолтаго цвѣта. На улицахъ, почти пустынныхъ, ни малѣйшаго шуму: я возвратился домой сильно разстроенный: пульсъ бился скоро и неровно, голова болѣла нестерпимо.

На востокѣ смотрятъ какъ на вещь совершенно доказанную, что всякое лихорадочное состояніе прекращается, пока продолжается чума. Это мало меня успокоивало: я чувствовалъ, что серьёзно боленъ, и боялся, не есть ли это предвѣстникъ страшной болѣзни. Съ одной стороны было во мнѣ убѣжденіе, что мнѣ еще многое надлежитъ совершить въ семъ бренномъ мірѣ, съ другой — тревожила меня мысль: ну, какъ понятія европейцевъ о чумѣ справедливы и какъ я заразился?... Со вниманіемъ взвѣшивая *pro* и *contra*, хладнокровно разбирая причины болѣзни и надежды, я съ грустію заключилъ, что во мнѣ гнѣздится чума.

Вы подумаете, быть можетъ, что такой грустный выводъ изъ всѣхъ моихъ размышленій заставилъ меня написать по нѣскольку строчекъ къ тѣмъ, кто былъ для меня подороже на этой планетѣ, и потомъ обратить мысли мои къ будущей жизни? Совсѣмъ нѣтъ! Я старался только скрывать какъ можно долѣе свою болѣзнь. Я не думалъ, чтобы Миссери и Дметри, неоставлявшіе меня до сихъ поръ въ трудныя минуты моей жизни, покинули теперь, какъ это дѣлаютъ по бо̀льшей части европейскіе слуги; но мнѣ не хотѣлось подвергать ихъ новому опыту въ ихъ привязанности, и я боялся, чтобы вѣсть о моемъ несчастіи не привела ихъ въ отчаяніе.

Когда мнѣ принесли обѣдъ, страданія мои были весьма сильны, и видъ пищи произвелъ на меня глубокое отвращеніе. По счастію, у меня не было привычки, чтобы мнѣ прислуживали за столомъ; какъ скоро я остался одинъ, то тотчасъ сдѣлалъ печальное соображеніе, сколько бы уничтожилъ кушанья, если бы былъ здоровъ; съ отчаяніемъ положилъ я предполагаемое количество на тарелку, посыпалъ соли и потомъ завернулъ все это въ нумеръ *Times* и спряталъ въ буфетъ, съ намѣреніемъ выбросить свою порцію на улицу съ наступленіемъ ночи. Такихъ искуственныхъ обѣдовъ я вовсе не любилъ; но наконецъ скатерть снята, и я усѣлся на диванъ, съ томомъ *тысячи и одной ночи* въ рукѣ.

Я думалъ, что чай принесетъ мнѣ большую пользу, однако же не хотѣлъ спросить его ранѣе обыкновеннаго времени. Но зато, когда чай былъ поданъ, то я выпилъ чашку съ какимъ-то ожесточеніемъ; дѣйствіе было почти мгновенное. Обильный потъ полился по моему тѣлу и смочилъ все платье. Я окутался какъ можно теплѣе. Тягость и боль, которыя я чувствовалъ въ головѣ, постепенно слабѣли, слабѣли, — мнѣ становилось легче. Лихорадка исчезла. Я улегся въ постель и опять закутался; когда стало разсвѣтать и когда я спросилъ себя — какъ я себя чувствую, то рѣшительно могъ отвѣчать, что чувствую себя превосходно.

Мнѣ хотѣлось посовѣтвоаться съ какимъ-нибудь докторомъ о Миссери, болѣзнь котораго замедляла наше путешествіе. Европейскіе доктора всѣ разбѣжались или умерли; впрочемъ меня увѣряли, что въ службѣ у паши есть одинъ англичанинъ, который остался вѣренъ своей должности, но что онъ никогда не лечитъ насторонѣ. Поэтому я и не просилъ его осмотрѣть слугу, а написалъ, что желаю съ нимъ посовѣтоваться о своей боли въ горлѣ. Докторъ тотчасъ же послѣдовалъ за посланнымъ и явился ко мнѣ. Я предупредилъ его, чтобы онъ ко мнѣ не приближался; но докторъ захохоталъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сильно пожалъ ее. Онъ скоро вылечилъ и меня и Миссери, но единственно изъ желанія оказать услугу и пренебречь опасностью.

Наконецъ я могъ выбраться изъ Каира.

ВЛІЯНІЕ КИСЛОРОДА НА БІЕНІЕ СЕРДЦА. Всякой разъ, какъ намъ при чтеніи ученыхъ журналовъ встрѣчается изслѣдованіе, подводящее какое-нибудь явленіе въ организмѣ подъ разрядъ опредѣленныхъ химическихъ или физическихъ явленій, мы съ большимъ удовольствіемъ спѣшимъ сообщить его нашимъ читателямъ. Мы льстимъ себя надеждою, что наши статейки окажутъ услугу въ пользу истины, что онѣ хотя отчасти будутъ способствовать укрѣпленію убѣжденій въ томъ, что явленія въ организмѣ животнаго происходятъ тѣмъ же порядкомъ, по которому совершаются вообще химическія и физическія явленія, что каждое проявленіе дѣятельности животнаго сопряжено съ матеріяльнымъ измѣненіемъ той или другой части его организма, что жизнь есть послѣдовательность матеріяльныхъ измѣненій, зависящихъ отъ состава организма и вызываемыхъ вліяніемъ на него внѣшняго міра. Это матеріяльное направленіе въ изученіи организмовъ началось слишкомъ недавно, чтобъ могло своими объясненіями обнять всю совокупность органическихъ явленій. Нашему поколѣнію предоставлено только собирать отдѣльные факты въ подтвержденіе истины сознанныхъ имъ идей; наши потомки построятъ на нихъ отчетливое ученіе о тѣхъ многосложныхъ явленіяхъ, которыя съ незапамятныхъ временъ безотчетно означались словомъ жизнь, словомъ, понятіе которого всегда оставалось темнымъ. Мы дорожимъ каждымъ фактомъ,

увеличивающимъ наши свѣдѣнія о зависимости между матеріяльными измѣненіями въ организмѣ, и не пропускаемъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ. Въ мюллеровомъ журналѣ мы прочли статью Тидемана, изъ которой открывается вліяніе кислорода на біеніе сердца.

Еще въ 1756 году Кальдони производилъ подобные опыты: онъ вырѣзывалъ сердце у лягушекъ и клалъ его тотчасъ подъ колоколъ, изъ котораго потомъ выкачивалъ воздухъ посредствомъ воздушнаго насоса: онъ замѣтилъ, что біеніе сердца продолжалось, но оно было слабѣе, нежели въ пространствѣ, наполненномъ воздухомъ. Эти опыты повторялъ Вернлейнъ въ 1806 г. и получилъ тѣже результаты, какъ Кальдони. Но Фонтана, также повторявшій опыты Кальдони, получилъ совершенно противоположный результатъ: онъ находилъ, что въ безвоздушномъ пространствѣ біеніе сердца совершенно прекращалось.

Тидеманъ, обладая прекраснымъ воздушнымъ насосомъ, предпринялъ повторить эти опыты, чтобы рѣшить, чьи результаты справедливы. Для опытовъ онъ употреблялъ обыкновенныхъ лягушекъ *(Rana esculenta)* и пестрыхъ сухопутныхъ саламандръ *(salamandra vulgaris)*. Самый опытъ производился слѣдующимъ простымъ образомъ: одновременно у двухъ субъектовъ вырѣзывали сердца, каждое подвѣшивали въ отдѣльномъ колоколѣ, наполненномъ воздухомъ; потомъ изъ одного колокола выкачивали воздухъ; тогда замѣчали, что по мѣрѣ выкачиванія воздуха движенія становились рѣже и слабѣе и чрезъ 30 — 40 секундъ совершенно прекращались; напротивъ, другое сердце, оставшееся въ колоколѣ съ воздухомъ, продолжало биться. Если снова впускали воздухъ въ пустой колоколъ, сердце начинало снова биться, сперва слабо, потомъ сильнѣе и достигало наконецъ той же силы какъ и сердце, оставшееся въ воздухѣ. Если воздухъ опять выкачивали изъ колокола, біенія сердца опять прекращались, и это можно было повторять нѣсколько разъ сряду.

Итакъ, результаты Фонтаны были вѣрны; что Кальдони, Вернлейнъ получили другіе результаты, Тидеманъ приписываетъ тому, что у нихъ были дурные воздушные насосы, такъ-что въ колоколѣ, несмотря на продолжительное выкачиваніе, всегда оставалось количество воздуха, достаточное для поддержанія біеній сердца.

Зависимость біеній сердца отъ присутствія воздуха состоитъ въ томъ, что кислородъ воздуха химически дѣйствуетъ на фибринъ, изъ котораго состоятъ мускулы сердца, и вслѣдствіе этого окисленія, мускульныя стѣнки сжимаются и расширяются. Итакъ, *химическое дѣйствіе кислорода есть причина, обусловливающая біеніе сердца*, — вотъ заключеніе, которое должно сдѣлать изъ описанныхъ опытовъ.

Это заключеніе находитъ превосходное подтвержденіе въ опытахъ Гумбольдта, который наблюдалъ измѣненія, происходящія съ сердцемъ, когда онъ помѣщалъ его въ разные газы. Гумбольдтъ нашелъ, что въ чистомъ кислородѣ біенія сердца были гораздо чаще и силь-

нѣе, нежели въ атмосферномъ воздухѣ; напротивъ, въ углекисломъ газѣ, въ азотѣ они весьма скоро совершенно прекращались.

Тотъ же кислородъ обусловливаетъ біеніе сердца и въ живомъ организмѣ. Каждое вдыханіе вводитъ въ кровь атмосферный воздухъ, и артеріяльная кровь, проходя чрезъ сердце, дѣйствуетъ на его стѣнки растворенными въ ней кислородомъ и заставляетъ ихъ сжиматься и расширяться. Въ опытахъ Гумбольдта мы находимъ прямое подтвержденіе этого объясненія. Вырѣзанное сердце лягушки билось только 7 разъ въ минуту; Гумбольдтъ окунулъ его на 10 секундъ въ артеріяльную кровь, и когда вынулъ, оно билось 22 раза въ минуту; въ воздухѣ движенія опять замедлились, и новое погруженіе въ артеріяльную кровь опять заставило ихъ биться сильнѣе.

Исполинскій цвѣтокъ рафлезія. Въ 1818 году докторъ Арнольдъ, путешествовавшій по островамъ индѣйскаго Архипелага, открылъ на островѣ Явѣ растеніе, цвѣтокъ котораго отличался истинно исполинскою величиною между своими собратіями. Роскошное царство цвѣтовъ не представляетъ ничего подобнаго этому гиганту, имѣющему до полутора аршина въ діаметрѣ; развѣ только можно сравнить съ нимъ колоссальный цвѣтъ *Aristolochium*, съ береговъ Магдалены, въ Колумбіи. Арнольдъ назвалъ свою находку *Rafflesia Arnoldii;* впослѣдствіи времени найденъ другой видъ, получившій названіе *Rafflesia Horsfieldii*, но цвѣтки его значительно меньше; нынѣ открытъ третій видъ, еще примѣчательнѣйшій, и г. Цоллингеръ, вмѣстѣ съ лейденскимъ профессоромъ Блуме, дали ему имя *Rafflesia Pathma*. Вотъ что̀ говоритъ г. Цоллингеръ о рафлезіи.

Это растеніе донынѣ составляетъ большую рѣдкость въ ботаническихъ коллекціяхъ и само служитъ задачею для ботаниковъ. На островѣ Явѣ оно попадается впрочемъ довольно часто, особливо въ южной его части, на холмахъ, отдѣляющихъ провинцію Пассаруанъ отъ Безуки. Цоллингеръ самъ встрѣчалъ его на горѣ Ватанганѣ близь Пугера и на высотахъ Дженгавара. Здѣсь оно попадается въ сырыхъ разсѣлинахъ мѣловыхъ и известковыхъ скалъ и въ пещерахъ, проникнутыхъ сыростью. Экземпляры *Rafflesia Pathma*, находящіеся въ Европѣ, собраны и доставлены Цоллингеромъ и несчастнымъ помощникомъ резидента Нагелемъ, убитымъ дикими туземцами.

Рафлезія растетъ на кореньяхъ *Cissus angustifolia*, *C. scariosa* и другихъ двусѣменнодольныхъ, иногда отдѣльно, а иногда по нѣскольку цвѣтовъ вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ подлѣ опавшаго уже цвѣтка распускается другой, новый. Лепестки этого цвѣтка имѣютъ мясистый видъ, цвѣта красно-кирпичнаго съ бѣлыми бугорками, чрезвычайно похожія на грибъ мухоморъ. Вообще видъ этого исполина цвѣтовъ такъ близко подходитъ къ грибамъ, что на Явѣ рафлезія считается въ числѣ этихъ послѣднихъ: да и современные натуралисты смотрятъ на нее какъ на нѣчто среднее между грибами и цвѣтами; однимъ

словомъ, рафлезія представляетъ переходъ грибовъ къ цвѣтамъ и составляетъ между ними отдѣльный классъ.

При всей своей огромности, рафлезія довольно некрасива и имѣетъ отвратительный запахъ гніющаго трупа. Яванцы называютъ видъ *Rafflesia Pathma* — *падмò* и приписываютъ ей множество таинственныхъ свойствъ, подобно какъ наши простолюдины басновловному цвѣтку папоротника. Разсказываютъ, что *падмò* можно найти только послѣ извѣстныхъ къ тому приготовленій, какъ то: поста, извѣстныхъ молитвъ и таинственныхъ занятій; если же кто встрѣтитъ на пути этотъ цвѣтъ, не совершивъ должныхъ приготовленій, то или цвѣтокъ скроется отъ него, или принесетъ нашедшему бездну несчастій. Но когда постъ, молитвы и заклятія совершены по предписанной формѣ, то нашедшій рафлезію обладаетъ безцѣннымъ сокровищемъ и можетъ помощію ея достигнуть многаго. Женщина, пріобрѣтя этотъ цвѣтокъ и проглотивъ кусокъ его лепестка, можетъ быть увѣрена въ многочисленныхъ побѣдахъ, и мужчины предпочтутъ ее всѣмъ прочимъ, хотя бы она была стара и дурна собою; но такой женщинѣ, при выходѣ пѣшкомъ, должно опасаться наступить на что-либо нечистое, ибо тогда рафлезія произведетъ совершенно противоположное дѣйствіе. Родильница, принявшая внутрь таинственный цвѣтокъ, скоро поправляется и дѣлается еще привлекательнѣе, чѣмъ была прежде родовъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Цыфры изъ отчета о дѣйствіяхъ С. Петербургской Сберегательной кассы за 1847 годъ. — Годичное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. — Нѣсколько цыфръ изъ отчета о дѣйствіяхъ почтоваго управленія за 1847 г.

Приводимъ нѣсколько цыфръ изъ обнародованнаго отчета о дѣйствіяхъ С. петербургской Сберегательной Кассы за 1847-й годъ. Всего со дня открытія Сберегательной Кассы, съ 1 марта 1842 года, по 1 января 1848 года, было взносовъ 127,171 на сумму 1,421,157 р. 89¾ к. сер. Распредѣленіе числа взносовъ, количества внесенныхъ суммъ и выданныхъ на нихъ книжекъ, по сословіямъ вкладчиковъ, было слѣдующее:

Отъ чиновниковъ военнаго и гражд. вѣдом. взносовъ.	7,583	на сумму	136,654 р.	50 к. с.	по	1,766	книжкѣ.
отъ купцовъ.	1,039	— —	16,576 —		—	162	—
— мѣщанъ.	2,781	— —	41,293 —	50 —	—	673	—
ремесленниковъ. . . .	6,599	— —	102,147 —	25 —	—	1,569	—
— крестьянъ.	4,679	— —	63,149 —	15 —	—	1,142	—
— военно-служащихъ нижнихъ чиновъ.	7,658	— —	74,971 —	46 —	—	3,215	—
— иностранцевъ.	2,108	— —	28,894 —	— —	—	407	—
— воспитанниковъ воспитательнаго дома. . . .	2,298	— —	5,636 —	19 —	—	81	—
— разныхъ сословій. . .	1,249	— —	17,816 —	75 —	—	145	—
Всего взносовъ	35,994	на сумму	484,140 р.	60 к. с.	по	9,160	книжк.

Въ этомъ числѣ въ пользу малолѣтныхъ внесено 56,439 р. 45 к. с. по 4,633 книжкамъ.

Раздѣленіе внесенныхъ на обращеніе капиталовъ по количеству вкладовъ было слѣдующее:

отъ 50 к. до 5 р.	7,972	на сумму	21,912 р. 51 к. с.
— 5 р. до 10 р.	6,396	— — —	43,395 р. 4 к.
— 10 р. до 25 р.	21,626	— — —	421,833 р. 25 к.

Въ числѣ взносовъ было:

50 копеечныхъ	1,458	на сумму	749 р. 75 к. с
1 рублевыхъ	2,214	на сумму	2,214 р.

Среднія числа составляютъ. вклада вообще 13 р. 53 к.; вклада на книжку 53 р. 18 к.

Къ 1 числу января 1848 г. состоитъ въ обращеніи кассы капиталовъ съ процентами по 16,329 книжкамъ 649,405 р. 58 к.

— Изъ обзора дѣйствій втораго Россійскаго Страховаго отъ огня Общества за тринадцать лѣтъ его существованія (1835 — 1848) считаемъ неизлишнимъ привести слѣдующія любопытныя цыфры. Съ открытія дѣйствій Общества, съ 1 мая 1835 года, по 1 мая сего года, Обществомъ получено было страховой преміи 3,674,074 р. 18 к. сер., въ это же пространство времени получено процентовъ на капиталы 777,388 р. 15 к. сер. Издержано Обществомъ въ тоже время: въ уплату за пожарные убытки 2,655,142 р. 82 к. сер. и на разные другіе расходы 388,842 р. 75 к. сер. Слѣдовательно, чистой прибыли получено Обществомъ 1,407,475 р. 76 к. сер. Изъ этого количества выдано дивидендовъ на акціи, въ тоже время, 1,260,000 р. За тѣмъ къ 1 мая текущаго года капитала въ Обществѣ состояло: основнаго 1,428,571 р. 43 к. сер. и запаснаго 95,670 р. 83 к. сер.

— Одесское Общество Исторіи и Древностей 25-го минувшаго апрѣля имѣло свое годичное собраніе, въ которомъ, между прочимъ, читанъ былъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Общества съ 14 ноября 1846 г. по 14 ноября 1847 года (осьмаго года существованія Общества). Между главнѣйшими занятіями Общества въ этомъ году были: 1) Полное собраніе эллинскихъ надписей, открытыхъ въ Ольвіи, Херсонесѣ, Ѳеодосіи и Керчи. Общество, желая облегчить и доставить какъ любителямъ древностей, такъ и всякому образованному путешественнику возможность пользоваться подобнымъ собраніемъ, предположило сдѣлать небольшое по формату и недорогое въ цѣнѣ изданіе, и для этой цѣли опредѣлило: списавъ и собравъ всѣ извѣстныя въ Новороссійскомъ краѣ эллинскія надписи, издать для употребленія желающихъ. Списки 49-ти надписей, хранящихся въ музеумахъ Ѳеодосійскомъ, Керченскомъ, а также и въ Одесскомъ, уже доставлены Обществу секретаремъ. По собраніи всѣхъ надписей сполна Общество намѣрено приступить къ изданію. 2) Составленіе каталога музеуму Общества, для ознакомленія занимающихся древностями съ предметами, хранящимися въ музеумѣ: такъ-какъ памятники отдален-

ной древности, собранные въ теченіи 7 лѣтъ въ музеумѣ Общества, уже составили довольно важный запасъ ученыхъ матеріяловъ для археологовъ и историковъ. Въ составляемомъ для этого описаніи предметы будутъ раздѣлены 1) на эллинскіе, отысканные въ развалинахъ: Ольвіи, Алектора, Херсониса, Өеодосіи, Пантикапеи и другихъ мѣстахъ. II. Римскіе, собранные въ Бессарабіи. III. Генуэзскіе. IV. Турецко-татарскіе. V. Запорожскіе и VI. Собранные въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ. 3) Собраніе памятниковъ, относящихся непосредственно къ краю. 4) Приращеніе музеума Общества. 5) Собраніе памятниковъ запорожскихъ. 6) Собраніе плановъ мѣстности кургановъ, по признанной пользѣ и необходимости снятія мѣстности кургановъ 7) На Обществѣ лежала обязанность доставленія имѣвшихся въ его архивѣ и библіотекѣ свѣдѣній и матеріяловъ офицеру Генеральнаго Штаба, который имѣлъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, порученіе составить подробное военно-статистическое описаніе Херсонской губерніи. 8) Составленная при Обществѣ коммиссія для разбора дѣлъ, предназначавшихся въ историческій въ Одессѣ архивъ, окончила разсмотрѣніе и теперь списываетъ необходимыя съ нѣкоторыхъ бумагъ копіи. По библіотекѣ Общества пріобрѣтено книгъ: покупкою на счетъ суммъ Общества 84 тома разныхъ сочиненій, на 208 руб. сер.; а съ принесенными въ даръ 110 томовъ. Сдѣланы также нѣкоторыя пріобрѣтенія по музеуму древностей и по минцъ-кабинету. Вообще же собранія Общества къ 14 ноября 1847 года представляли слѣдующую численность: А. По библіотекѣ: 1) книгъ и брошюръ 400 названій въ 878 томахъ. 2) Чертежей и картъ 34, разныхъ рисунковъ 30. 3) рукописей 25. 4) Еврейскихъ древнихъ манускриптовъ 58. Б. По музеуму древностей. 1) Надписей: эллинскихъ 13, римскихъ 3, генуэзская 1, молдавская 1, турецкихъ 10. 2) Статуй и торсовъ 9, статуекъ 29, разныхъ сосудовъ глиняныхъ и стеклянныхъ 105. Вазъ и сосудовъ: геркуланскихъ и помпейскихъ 33, пантикапейскихъ 63, ольвійскихъ 16, херсонскихъ 2. Разныхъ мелкихъ предметовъ: золотыхъ, мѣдныхъ, костяныхъ и глиняныхъ 110. Слѣпковъ съ камеевъ (empreintes de pierres gravées) до 3,000. 3) Отысканныхъ на о. Левки (Фидониси): камней изъ колецъ 60, разныхъ мелкихъ вещей 65. 4) Вооруженій: молдавскихъ, литовскихъ, запорожскихъ и др. 25 нумеровъ. 5) Египетскихъ древностей: мумій 2, гіероглифическихъ надписей 6, статуекъ 16, сосудовъ 15, скарабеевъ 69, разныхъ мелкихъ предметовъ 120. По минцъ-кабинету. Монетъ: эллинскихъ, римскихъ, восточныхъ, русскихъ, нынѣшнихъ европейскихъ державъ, а равно и медалей всего 7,181, въ томъ числѣ: 27 золотыхъ, 1,152 серебряныхъ и посеребренныхъ, 5,987 мѣдныхъ и 15 свинцовыхъ.

— Приводимъ нѣсколько мѣстъ и цыфръ изъ отчета, представленнаго Его Императорскому Величеству главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ о дѣйствіяхъ почтоваго управленія за 1847 годъ.

Въ отчетѣ излагаются: А. мѣры, принятыя въ теченіи года къ

благоустройству почтъ. Б. Состояніе и движеніе суммъ и корреспонденціи въ почтовыхъ мѣстахъ. А. 1) Приведеніе почтовой гоньбы и системы содержанія станцій въ лучшее устройство достигаемо было двумя способами: 1. учрежденіемъ вольныхъ почтъ, получившихъ начало свое въ 1845 году, и 2. преобразованіемъ порядка содержанія почтовыхъ станцій на счетъ земскихъ сборовъ. Вольныя почты, существовавшія только по тракту отъ Москвы до Харькова, въ 1847 г. введены также по тракту отъ Казани чрезъ Пермь до Екатеринбурга; по заключенному, съ Высочайшаго соизволенія, съ учредителями почтъ, условію, они обязались открыть ихъ съ 1 іюля 1848 года. Въ видахъ преобразованія способа содержанія станцій введена отдача почтовыхъ станцій въ содержаніе вмѣсто 3-хъ на 12-ть лѣтъ. Приведенная въ дѣйствіе въ 1845 году сперва, для опыта, въ Петербургской губерніи, эта система въ прошедшемъ году получила распространеніе въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ сближаются сроки контрактамъ на трехлѣтнее содержаніе, именно: въ Тульской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической и на вновь устроенномъ участкѣ московско-варшавскаго шоссе, между Брестъ-Литовскою и Бобруйскою крѣпостями въ предѣлахъ Гродненской и Минской губерній. Для пересылки корреспонденціи по кратчайшимъ прямымъ проселочнымъ дорогамъ между разными городами, которые хотя и находятся въ близкомъ между собою разстояніи, но не соединены прямыми почтовыми путями, распространено открытіе верховыхъ одноконныхъ почтъ въ губерніяхъ: Московской — между г. Клиномъ и Сергіевскимъ Посадомъ чрезъ Дмитровъ; Тверской — между Осташковымъ и Ржевомъ, и въ Пермской, Оренбургской и Тобольской — между г. Шадринскомъ и Челябинскомъ, Ялуторовскомъ и Ишимомъ. Сношенія чрезъ эти почты сближаются и ускоряются въ слѣдующемъ видѣ:

	Новое разстояніе по ближайшимъ и прямымъ дорогамъ.	Сокращается путь противъ почтовыхъ трактовъ.	Ускоряется пересылка корреспонденціи.	
между	*версты.*	*верстами.*	*сут.*	*часы.*
Клиномъ и Дмитровымъ.	55	91	—	14
Клин. и Сергіевскимъ Посадомъ.	41	92	—	23
Осташковомъ и Ржевомъ	133	252	2	16
Шадринскомъ и Ялуторовскомъ.	189	359	3	14
Шадринскомъ и Ишимомъ . . .	411	764	5	18
Ялуторовскомъ и Ишимомъ. . .	222	523	7	2
Шадринск. и Челябинскомъ. . .	184	893	7	14

Также ускоряются сношенія:

г. Троицка (Оренб. губ.) съ Екатеринбургомъ	600¼	309	2	9
и Челябинска съ Екатеринбург.	397	473	4	17
съ Ялуторовскомъ	376¾	881	6	21
и Ишимомъ	599½	1,266¼	9	2

Облегчены также почтовыя сношенія съ нѣкоторыми сибирскими городами, важными по торговлѣ, равно какъ многихъ торговыхъ городовъ по Волгѣ, между нѣкоторыми городами въ Крыму, между Архангельскомъ и городами губерній Вологодской и Вятской, ведущихъ съ нимъ обширныя торговыя сношенія. Въ видахъ облегченія и ускоренія торговыхъ сношеній между нашими портовыми городами Чернаго и Азовскаго морей учреждена пересылка между ними корреспонденціи на новороссійскихъ пароходахъ, независимо отъ посылаемой съ почтами сухопутными. Таковыя же почтовыя сообщенія установились посредствомъ пароходовъ и на Каспійскомъ морѣ между Астраханью, Дербентомъ, Бакою и Ленкораномъ. Учреждено также нѣсколько новыхъ почтовыхъ сообщеній. Вслѣдствіе сдѣланныхъ въ ходѣ почтъ частныхъ измѣненій и учрежденія верховыхъ почтъ, въ 1847 году составлено и приведено въ дѣйствіе новыхъ росписаній: для легкихъ почтъ 14 и для верховыхъ 26.

Въ почтовыхъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами сдѣланы слѣдующія облегченія: а) на основаніи заключенной между Пруссіею и Франціею почтовой конвенціи уменьшился платежъ и за россійскую корреспонденцію, пересылаемую туда чрезъ Пруссію, и слѣдующую чрезъ Пруссію и Францію въ Испанію, Португалію, сѣверную, среднюю и южную Америку и во всѣ лежащія за Атлантическимъ океаномъ французскія и великобританскія колоніи. б) По соглашенію съ почтовыми управленіями Императорско-Австрійскимъ и Королевско-Прусскимъ, предоставлено корреспондентамъ пользоваться, во все время навигаціи, ускоренною пересылкою ихъ корреспонденціи съ Австріею изъ Петербурга въ Стетинъ на пароходахъ, а изъ Стетина, чрезъ Берлинъ, до Вѣны по желѣзной дорогѣ. Этимъ способомъ сократилось почти вполовину время, которое употреблялось на доставку корреспонденціи сухимъ путемъ чрезъ Ковно, Варшаву и Краковъ, такъ-что письма, отправляемыя изъ Петербурга чрезъ Пруссію по желѣзной дорогѣ, достигаютъ въ Вѣну въ $5\frac{1}{2}$, а обратно въ Петербургъ въ 5 сутокъ.

Пароходное сообщеніе, въ навигацію 1847 года, происходило посредствомъ пароходовъ *Владиміръ* и *Прусскій Орелъ*; каждый изъ нихъ сдѣлалъ по 24 рейса. На обоихъ пароходахъ перевезено:

Пассажировъ въ Россію	1,527
— — — — въ чужіе края	1,663
Всего	3,190

товаровъ въ Россію . . . . 21,002 фут. $5\frac{3}{4}$ д.
— — — въ чужіе края 171,396 п. 6 ф. или 1,368 фут. 7 дюйм.

Сравнивая дѣйствія пароходовъ въ 1846 и 1847 годахъ, оказывается, что въ послѣднюю навигацію перевезено болѣе 1846 года:

Пассажировъ . . . . 1,203 ч.
Товара 81,602 п. $14\frac{3}{4}$ ф. — 8,549 ф. $3\frac{3}{4}$ д.

Сравнительныя цыфры операціи учрежденія почтовыхъ экипажей представляются въ слѣдующемъ видѣ. число пассажировъ въ первомъ году учрежденія этихъ экипажей было: 4,976, въ 1844 г. 10,079, въ 1845 г. 13,362, а въ минувшемъ 1847 году 23,502 человѣка Изъ этого числа проѣхали по трактамъ:

Московскому	8,006
Новгородскому	7,692
Ковенскому.	1,719
Таурогенскому	2,024
Нижегородскому	1,265
Казанскому.	332
Тульскому	942
Старорусскому.	1,229
Оренбургскому	31
Нарвскому	190
Сибирскому.	72

Успѣхъ въ дѣйствіяхъ этой операціи далъ возможность возвести зданія для отдѣленія почтовыхъ каретъ съ ремонтными мастерскими, также въ другихъ мѣстахъ капитальныя помѣщенія для почтовыхъ экипажей, и учредить, ссудою впередъ денегъ, газовое освѣщеніе не только новаго Отдѣленія, всего экипажнаго двора и ремонтныхъ мастерскихъ, но и нѣкоторыхъ зданій, принадлежащихъ Почтовому Департаменту и С. Петербургскому Почтамту.

Умножающееся количество отправленій чрезъ *городскую почту въ Петербургѣ* свидѣтельствуетъ, что она сдѣлалась необходимою потребностію здѣшней публики. Въ 1847 году число всѣхъ по здѣшней почтѣ отправленій было слѣдующее.

	переслано
Писемъ въ простыхъ пакетахъ.	372,228
— — въ штемпельныхъ кувертахъ.	18,474
Билетовъ визитныхъ и пригласительныхъ. . . .	27.341
Разныхъ періодич. изданій въ общей сложности по числу нумеровъ и подписчиковъ.	869,820
Всего	1,287,863

Чистой прибыли почта эта принесла въ 1847 г. казнѣ 8,000 р. с.

Въ *Москвѣ городская почта* также сопровождается успѣхомъ. Въ 1847 г. сдѣлано было по этой почтѣ всѣхъ отправленій 228,554. Сборъ за нихъ превзошелъ 3,530 р. с., сумму, которая выручена отъ московской городской почты въ 1845 г. въ первый годъ ея учрежденія.

Б. По состоянію и движенію суммъ и корреспонденціи, въ отчетѣ изображенъ весь кругъ дѣйствій почтовыхъ мѣръ за 1846 годъ и сравнительное обозрѣніе почтовыхъ операцій въ первой половинѣ 1847 г. Полный годовой доходъ былъ въ количествѣ 3,836,171 р. 28½ к. сер., болѣе противъ предшествовавшаго года 242,067 р. 59¾ к. сер. Изъ нихъ употреблено на содержаніе всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства

1,386,499 р. 1½ к. сер. и произведены платежи: 1) прогонныхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ 1,087,339 р. 9¾ к. сер. и 2) Иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію 144,480 руб. 13¾ к. сер. Остающіеся за тѣмъ 1,217,853 р. 3½ к. сер. составляютъ чистый доходъ отъ почты. Первое мѣсто, по количеству сбора и важности оборотовъ, принадлежитъ столичнымъ почтамтамъ. За тѣмъ значительное приращеніе почтовыхъ сборовъ въ 1846 г. представляется и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Енисейской, Кіевской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Саратовской, Смоленской, Тверской, Ярославславской и въ Одессѣ.

Въ первые шесть мѣсяцовъ 1847 г. поступило доходовъ по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства 2,094,927 р. 13¾ к. сер. Болѣе противъ того же періода

1846 г. 209,897 р. 75½ к. с.
1845 г. 318,552 р. 58¾ к. с.
1844 г. 368,320 р. 81¾ к. с.

Количество частныхъ отправленій по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства въ 1846 г. было:

писемъ простыхъ	9,031,223
— — денежныхъ	1,203,820
— — страховыхъ	750,434
посылокъ	243,757
Итого	11,229.234

болѣе противъ 1845 г. 584,799. Увеличеніе частной переписки въ 1846 году дѣлается еще примѣтнѣе при сравненіи ея съ количествомъ этихъ же отправленій въ 1843 году, во время существованія прежней почтовой таксы. Всѣхъ писемъ было переслано въ этомъ году 8,883.521, а въ 1846 г. 10,985,477, слѣдовательно слишкомъ 2,000,000 болѣе 1843 года. Столь быстрое умноженіе корреспонденціи въ краткомъ періодѣ трехлѣтняго времени есть слѣдствіе облегченія, дарованнаго правительствомъ установленіемъ съ 1844 года умѣренной однообразной платы за письма для всѣхъ мѣстъ государства. Соотвѣтственно этому увеличился и вѣсовой сборъ. Въ 1843 году, при прежней таксѣ, онъ составлялъ 1,580,611 р. сер., а въ 1846 г. 1,815,921 р. сер., болѣе противъ 1843 года 235,310 р. 10 к. сер. Казенныя отправленія въ 1846 г. были въ слѣдующемъ числѣ:

пакетовъ простыхъ	13,664,756
— — денежныхъ	594,175
посылокъ	318,145
Итого	14,577,076

Распредѣленіе частной и казенной корреспонденціи въ отношеніи къ разстояніямъ, на которыхъ она производилась, представляетъ слѣдующіе выводы:

Частная корреспонденція.	*Письма.*		
	Простыя.	Денежныя.	Страховыя.
Менѣе 500 верстъ	4,512,781	523,736	354,090
Отъ 500 до 1000 вер. . . .	2,723,733	359,215	218,396
— 1000 до 2000 — . . .	1,212,900	222,888	128,423
Далѣе 2000 вер.	475,788	104,594	59,024

Казенная корреспонденція.	*Письма.*	
	Простыя.	Денежныя.
Менѣе 500 верстъ	8,585,816	360,539
Отъ 500 до 1000 верстъ .	2,586,438	116,357
— 1000 до 2000 — .	1,623,433	71,799
Далѣе 2000 верстъ. . . .	859,069	35,480

Замѣченный по прежнимъ отчетамъ значительный перевѣсъ казенной переписки передъ частною на пространствѣ меньшемъ 500 верстъ повторился и теперь. Онъ проистекаетъ изъ того, что переписка губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ уѣздными сосредоточивается обыкновенно въ этой чертѣ.

Вообще отношенія между перепискою оффиціяльною и частною въ 1846 году можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

	Казенныхъ.	Частныхъ.
Изъ 100 простыхъ писемъ отправлялось . . .	60	40
— 100 страховыхъ и денежныхъ	23	77
— 100 посылокъ	57	43

Частная переписка велась въ 1846 году съ бо́льшею живостію въ слѣдующихъ губерніяхъ: свыше 150,000 писемъ переслано было изъ губерній: Калужской, Курской, Подольской, Рязанской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Херсонской и Черниговской. Болѣе 175,000 отправлено изъ губерній: Владимірской, Нижегородской, Орловской, Саратовской, Харьковской, и болѣе 200,000 изъ Екатеринославской и Полтавской. Послѣ нихъ самыя большія числа по отправленію корреспонденціи представляются въ Одессѣ, откуда послано 261,333 письма; въ губерніяхъ: Новгородской 267,825; Тверской 275,436; Ярославской 276,308; Кіевской 279,063 и Лифляндской 398,825 писемъ. Изъ Петербургской губерніи отправлено 1,936,554 и Московской 1,038,448 писемъ. Получено писемъ въ 1846 году по Петербургской губерніи 1,800,534 и Московской 1,033,468. Направленіе корреспонденціи въ прочихъ мѣстахъ было также преимущественно въ тѣ губерніи, откуда *ея* было болѣе отправлено.

Частныхъ посылокъ отправлено въ 1846 году изъ Петербургской губерніи 76,311 и Московской 47,733; но цѣнностію своею эти послѣднія превышаютъ посланныя изъ Петербурга. Самое большое число.

до котораго доходили эти отправленія изъ прочихъ губерній въ течении года, было: 9,094 изъ Лифляндской и отъ 4-хъ до 5,000 изъ Кіевской, Виленской и Харьковской.

Количество посланныхъ изъ Россіи чрезъ почту въ 1846 году заграницу и полученныхъ оттуда разныхъ частныхъ отправленій было слѣдующее:

	За-границу.	Изъ-за-границы.
Писемъ простыхъ	293 919	370,960
— страховыхъ . . .	4,429	4,447
Посылокъ.	808	4.451
Итого	299,156	379.858

Главнѣйшее направленіе заграничной переписки было на Пруссію, съ которою годовой обмѣнъ корреспонденціи составилъ въ 1846 г. 506,299. Взаимный обмѣнъ корреспонденціи съ Царствомъ Польскимъ образуетъ въ общемъ своемъ итогѣ 260,357 отправленій, въ числѣ коихъ было болѣе 25,000 писемъ страховыхъ и денежныхъ.

Въ теченіи 1846 года подано было къ отправленію во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства капиталовъ казенныхъ и частныхъ на 422,602,879 р. 74¾ к. сер. Въ этомъ числѣ было:

казенныхъ на 227,150,102 р. 26¾ к. сер.
— — 195,452,777 р. 48 к. сер.

Страховыхъ за отправленіе поступило въ 1846 году 1.610,000 р. 72¾ коп. сер. болѣе противъ 1845 года 130.849 р. 33¾ к. Въ вышеприведенное исчисленіе пересланныхъ въ 1846 году капиталовъ не входятъ суммы, переведенныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, которыя хотя и представляютъ собою капиталы, но посылаются чрезъ почту какъ документы. — Съ установленіемъ нынѣ существующей таксы, доставившей важныя облегченія для денежныхъ оборотовъ въ государствѣ, движеніе капиталовъ большими массами, чрезъ почту, умножается съ каждымъ годомъ. Это видно изъ сличенія количествъ денежныхъ отправленій въ размѣрѣ высшемъ 3,000 р. сер. въ 1844 и 1846 годахъ, на краткомъ промежуткѣ двухлѣтняго времени. Капиталовъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, переслано было:

	Въ 1844 г.	Въ 1846 г.	
Казенныхъ	128,326,393	160,909,549	руб. сер.
Частныхъ	57,476,760	86,177,152	— —

Для объясненія обширности возложеннаго на почту дѣла передачи капиталовъ и степени его распространенія, представляемъ сличеніе количествъ суммъ казенныхъ и частныхъ, пересланныхъ по почтѣ въ послѣдніе 20 лѣтъ, чрезъ каждое десятилѣтіе.

Въ 1826 году . . .	145,376,225	р. сер.
— 1836 — . . .	221,708,295	— —
— 1846 — . . .	422,602,879	— —

Изъ всего количества капиталовъ, ввѣренныхъ почтѣ казенными мѣстами и частными лицами въ 1846 году, болѣе половины направлено было въ обѣ столицы, въ Одессу и въ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую и Витебскую. Въ нихъ получено 213,000,000 руб. сер.; а отправленій сдѣлано на 170,000,000 руб. сер. Здѣсь главнѣйшій перевѣсъ на сторонѣ полученій противъ отправленія представляется по Петербургской губерніи, въ которую перешло капиталовъ 33,790,399 руб. сер. болѣе, нежели сколько изъ нея отправлено. Изъ Московской же губерніи капиталовъ обыкновенно высылается болѣе, нежели сколько тамъ получается; разность эта въ 1846 г. составила 9,318,000 р. сер. За симъ большой приливъ капиталовъ былъ въ губерніи Витебской, гдѣ сумма ихъ составила слишкомъ 11,000,000 руб. сер., въ числѣ которыхъ было болѣе 9,500,000 руб. сер. казенныхъ суммъ; отправилось же изъ этой губерніи всѣхъ суммъ, частныхъ и казенныхъ, только 3,235,961 руб. сер.

Въ Одессу и въ Екатеринославскую губернію капиталовъ вошло слишкомъ 8,500,000 руб. сер. болѣе оттуда отправленныхъ; до 7,000,000 руб. сер. прибыло въ губерніяхъ: Ковенской, Могилевской, Лифляндской и Тверской, и свыше 6,000,000 въ Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Пермской; въ губерніи: Енисейскую и Иркутскую направлено было капиталовъ также слишкомъ 2,000,000 руб. сер. болѣе, нежели сколько оттуда возвратилось внутрь Россіи.

Въ противоположность этому, капиталы высылались въ превосходнѣйшемъ противъ полученій количествѣ изъ губерній преимущественно земледѣльческихъ и гдѣ промышленность развита въ бо́льшей степени, именно: Саратовской, Владимірской, Кіевской, Нижегородской, Воронежской, Калужской, Казанской, Курской, Костромской, Полтавской, Рязанской, Тульской, Харьковской и Пензенской. Въ нихъ сумма отправленій превышаетъ сумму полученій почти 30,000,000 руб. сер.

Въ этомъ годовомъ приливѣ и отливѣ черезъ почты капиталовъ слѣдуетъ еще замѣтить, что хотя казенные капиталы въ общей массѣ и въ бо́льшей части губерній превосходятъ частные, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ перевѣсъ представляется на сторонѣ послѣднихъ. Въ 1846 году переходы этихъ капиталовъ въ превосходнѣйшемъ противъ казенныхъ числѣ замѣчаются въ губерніяхъ: Астраханской, Вологодской, Екатеринославской, Енисейской, Иркутской, Казанской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Симбирской, Томской, Харьковской, Ярославской и въ Одессѣ.

— Въ редакціи Современника есть нѣсколько статей, присланныхъ изъ разныхъ городовъ Россіи; нѣкоторыя изъ нихъ редакція съ удовольствіемъ помѣстила бы въ своемъ журналѣ, но не можетъ этого сдѣлать, *потому-что ей неизвѣстны фамиліи и адресы авторовъ этихъ статей*. Поэтому редакція проситъ какъ тѣхъ иногородныхъ авторовъ, которые уже доставили въ редакцію свои статьи, такъ и тѣхъ, которые намѣрены это сдѣлать, — сообщить редакціи подробно свои имена и мѣсто жительства. При этомъ авторы благоволятъ объяснять, желаютъ они, чтобы имя ихъ было выставлено подъ статьей, или нѣтъ; это желаніе ихъ будетъ въ точности исполняемо.

Возвращать по почтѣ рукописи, оказавшіяся неудобными къ напечатанію, или входить съ авторами ихъ въ письменныя объясненія редакція не можетъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ АНГЛІЙСКАГО ТУРИСТА ПО ВОСТОКУ.

Статья шестая и послѣдняя.

ПИРАМИДЫ. — СФИНКСЪ. — ИЗЪ КАИРА ВЪ СУЭЗЪ — СУЭЗЪ. — ИЗЪ СУЭЗА ВЪ ГАЗУ. — ИЗЪ СУЭЗА ВЪ НАПЛУЗЪ. — МАРІАМЪ. — ПРОРОКЪ ДАМООРЪ. — ДАМАСКЪ. — ЛЕВАНСКІЯ ДЕФИЛЕИ. — САТАЛИХЪ.

XIX.

Оправился я осмотрѣть и изслѣдовать пирамиды.

Видъ ихъ извѣстенъ каждому изъ насъ съ самого дѣтства; я узналъ ихъ съ перваго взгляда: перемѣны никакой не совершилось, — пирамиды дѣйствительно были такими, какими я всегда зналъ ихъ. Когда я добрался до основанія самой большой изъ нихъ, тутъ только отдалъ я себѣ отчетъ въ сущности дѣла. Странное обстоятельство — величина камней первая заставила меня постигнуть громадность этихъ построекъ. Когда я увидалъ, когда дотронулся и когда наконецъ вскарабкался съ трудомъ на вершину одного изъ камней, тогда, какъ бы внезапно, сознаніе громадности пирамидъ низошло, такъ сказать, на меня и совершенно меня подавило.

Прошу извинить нѣкоторыя дѣвственныя подробности: въ дѣтствѣ (мнѣ было тогда отъ трехъ до пяти лѣтъ) я былъ слабъ здоровьемъ и часто бывалъ ночью жертвою какого-то страннаго умственнаго гнетенія; я лежалъ въ постели, не спалъ, смотрѣлъ во всѣ глаза, но не могъ ни говорить, ни пошевелиться; мозгъ мой былъ подавленъ до той степени, гдѣ ужъ начинается бредъ идеею абстрактною, единою, идеею тѣлесной безграничности. Мнѣ казалось, что ужасъ, наводимый этимъ кошемаромъ, имѣлъ источникомъ отсутствіе всякаго образа, свойственнаго фигурѣ, которая мнѣ представлялась; появленіе чудовища самаго страшнаго, которое можетъ породить адъ, было сноснѣе, чѣмъ эта идея тѣлеснаго, безграничнаго измѣренія. Я не могъ объяснить себѣ тогда, да не могу и теперь отчетливо представить то, что ощущалъ; какъ бы то ни было, это была ужасная пытка.

Видъ пирамиды навелъ меня на воспоминаніе объ этихъ тяжолыхъ впечатлѣніяхъ; я увидѣлъ, въ нѣкоторомъ родѣ, осуществленіе дѣтскихъ видѣній.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что я вошелъ на вершину большой пирамиды и осмотрѣлъ всѣ комнаты; но совершенно было бы безполезно, еслибъ я вздумалъ описывать то, что́ уже неоднократно описано другими.

Около пирамидъ вертѣлось много арабовъ, въ надеждѣ получить вознагражденіе, подъ различными предлогами. Тутъ же находился какой-то человѣкъ, въ мундирѣ, съ физіономіей вовсе не благонамѣренною. Въ минуту моего отъѣзда этотъ господинъ потребовалъ у меня денегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ соблюлъ порядокъ и приличіе между арабами: претензіи его не показались основательными моему переводчику, и требованія его были отвергнуты. Мальчики, проводники нашихъословъ, говорили потомъ, что этотъ доблестный воинъ предлагалъ арабскому шейху умертвить меня (въ то время, когда я находился внутри пирамиды) и раздѣлить добычу. Можете представить послѣдствія такой борьбы?... Какъ же я былъ доволенъ, что этотъ мерзавецъ не получилъ отъ насъ никакого подарка!

Я посѣтилъ древнѣйшія пирамиды Абукира и Сахары. Ихъ очень много: формы и размѣры разнообразны. Одна изъ пирамидъ Сахары почти не уступаетъ въ величинѣ гиганту Гизеха; другія представляютъ не болѣе, какъ груды кирпича и камней; мнѣ кажется, что пирамиды суть могильные холмы, извѣстные во всѣхъ странахъ, не исключая и Индостана.

XX.

Близъ пирамидъ покоится уединенно предметъ удивленія и почтенія — сфинксъ. Онъ превосходитъ все, что́ представляетъ Египетъ замѣчательнаго. Сфинксъ граціозенъ, но его грація не походитъ на грацію нашего времени: животное, нѣкогда боготворимое, для насъ не болѣе, какъ безобразное чудовище. Несмотря на это, вы все-таки найдете, что губы его, тяжолыя и толстыя, сняты съ какого нибудь типа древней красоты, — типа нынѣ забытаго, потому-что грекъ создалъ изъ блестящей пѣны Эгейскаго моря Цитеру и по этому игривому образу придалъ красотѣ новыя формы и изрекъ законъ, что маленькая, гордо приподнятая губа въ будущее отдаленное время будетъ признакомъ и неотъемлемымъ условіемъ красоты. Впрочемъ несовершенно исчезли тѣ, кто одаренъ былъ красотой, во вкусѣ египетскаго міра: дѣвушки коптскаго племени, когда онѣ поднимутъ на васъ свои печальный и угрюмый взглядъ, напомнятъ вамъ собою сфинкса; толстыя, надутыя губы, которыя онѣ приложатъ къ вашей щедрой рукѣ, опять таки напомнятъ вамъ сфинкса, и вы увидите нѣчто общее между этимъ страшилищемъ и коптскими дѣвами.

Надъ поклоненіемъ, которое воздаваемо было каменному идолу, вы имѣете право смѣяться; но взгляните на сфинкса съ другой стороны: прошли династіи царей эѳіопскихъ и египетскихъ, исчезли побѣдители греки, римляне, арабы и оттоманы: Наполеонъ, мечтавшій о господствѣ на Востокѣ; сколько битвъ, эпидемій, сколько путешественниковъ, любознательныхъ, жаждущихъ изслѣдованій; вчера былъ Геродотъ, сегодня Уарбуртонъ; сколько людей и вещей исчезло, — а сфинксъ стоитъ, сфинксъ все тотъ же! все также безстрастно и важно, все тѣмъ же печальнымъ взоромъ глядитъ онъ на перевороты. Мы умремъ въ свою очередь; затмится религія Магомета; англичанинъ, въ намѣреніи укрѣпиться надъ богатою Индіею, твердо станетъ на берегахъ Нила, сядетъ на сѣдалища правовѣрныхъ, а блительный сфинксъ еще будетъ также смотрѣть на попытки новаго, безпокойнаго поколѣнія и не утратитъ своего вѣчнаго, ненарушимаго спокойствія! Нѣтъ, не смѣйтесь надъ сфинксомъ.

XXI.

Дромадеръ египетскій и сирійскій вовсе не есть верблюдъ съ двумя горбами, котораго описываетъ подъ этимъ именемъ естественная исторія; но, въ сущности, онъ принадлежитъ къ семейству верблюдовъ. въ отношеніи къ верблюду онъ тоже, что̀ каретная лошадь въ отношеніи къ крестьянской. Быстрота и терпѣніе этого животнаго изумительны. Его рѣдко заставляютъ итти вскачь, и я полагаю, что оно, по своей организаціи, не можетъ долго бѣжать въ галопъ; зато рысь дромадера такова, что онъ въ часъ дѣлаетъ отъ десяти до двѣнадцати миль; утверждаютъ даже, что онъ ровною рысью можетъ итти три дня и три ночи безъ корма, безъ питья, безъ отдыха.

На одномъ ѣхалъ я самъ, на другомъ Дметри. Я намѣревался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Суэзъ, а Миссери, еще несовершенно оправившійся, могъ не спѣша слѣдовать за нами по тому же пути съ багажемъ и верблюдами.

Ходъ дромадера чрезвычайно непріятенъ, пока не привыкнешь къ нему; чрезъ полчаса времени я однако же принаровился нѣсколько къ такому упражненію, такъ-что могъ выдержать подобную ѣзду въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; тѣмъ не менѣе всѣ члены мои пострадали жестоко. Дметри, съ своей стороны, рѣшительно не могъ продолжать путь: отъ всякаго усилія пуститься рысью, у него, казалось, могли вывихнуться всѣ члены. Его дромедаръ былъ прекрасный время отъ времени онъ останавливался, весьма хладнокровно опускался на колѣни и тѣмъ ясно показывалъ сѣдоку, что ему остается только сойти на землю и отказаться отъ намѣренія продолжать дорогу.

Увидавъ, что Дметри остановился въ третій или четвертый разъ, я потерялъ всякое терпѣніе и поѣхалъ одинъ. Ѣхалъ я часа два, ни разу не оглянувшись назадъ, наконецъ пріостановился и оглянулся.

Дметри нѣтъ и слѣда; впрочемъ я этого и ожидалъ, потому-что далеко опередилъ его. Тутъ только я замѣтилъ (чего не могъ сдѣлать при скорой ѣздѣ), что по тропинкѣ, на которой я находился, прошло не болѣе двухъ верблюдовъ, и слѣдовательно, я удалился отъ настоящей дороги.

Чтó тутъ сдѣлать: остаться на мѣстѣ и поджидать мою свиту или отправиться одному и продолжать себѣ дорогу до Суэза? По картѣ я сообразилъ, что предметъ моего путешествія лежитъ прямо на востокъ отъ Каира. Если слѣдовать этому направленію, хотя бы и не по прямой дорогѣ къ Суэзу, то рано или поздно, все-таки я могъ добраться до Краснаго моря. Всего хуже, что не было со мною никакой провизіи, а я начиналъ уже чувствовать жажду. Послѣ минутнаго колебанія я рѣшился ѣхать, какъ можно скорѣе, прямо въ Суэзъ.

Признаюсь, не безъ смущенія глядѣлъ я на необозримое пространство, не безъ смущенія помышлялъ, что вотъ я одинъ, безъ съѣстныхъ припасовъ среди песчаной степи; это обстоятельство принудило меня подвигаться впередъ все быстрѣе и быстрѣе. До сихъ поръ, во всѣхъ путешествіяхъ, со мною были люди; жизнь мою охраняли или моряки, или татары, проводники, или драгоманы, а теперь, среди африканской песчаной равнины, я одинъ, — и болѣе ни души; я одинъ долженъ заботиться о своемъ существованіи. Правда, передо мною еще почти цѣлый день, дромадеръ у меня славный, шуба и пара пистолетовъ — все такъ, — но ни крошки хлѣба, ни капли воды: чтобы найти ихъ, надо ѣхать, все ѣхать.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ я быстро подвигался впередъ; жажда моя усиливалась. Наконецъ вдали показалась движущаяся точка. Я погналъ дромадера и скоро настигъ бедуина, ѣхавшаго на верблюдѣ, другой шелъ пѣшкомъ. Они остановились. На лукѣ вьючнаго сѣдла висѣлъ мѣхъ, чѣмъ-то наполненный. Я пустилъ своего дромадера на колѣни, спрыгнулъ съ него, и, держа его за поводья, подошелъ, не говоря ни слова, къ арабу, взялъ мѣхъ, открылъ его и, приставивъ губы къ кожаному горлышку, съ жадностію потянулъ въ себя жидкость. Бедуины остались неподвижны, пораженные удивленіемъ и нѣмымъ ужасомъ; дѣйствительно, если имъ не случалось встрѣчать европейца, то видъ мой легко могъ ихъ озадачить. Увидать въ первый разъ куртку, жилетъ и кромѣ этого что-то, похожее на человѣческую фигуру бѣлаго цвѣта, видѣть, какъ это существо скачетъ изъ глубины горизонта на быстроногомъ дромадерѣ, молча приближается къ нимъ, съ улыбкою овладѣваетъ мѣхомъ и пьетъ изъ него — какъ тутъ арабу не удивиться?... и дѣйствительно, арабъ удивился; его изумленіе не проявилось такъ, какъ проявилось бы изумленіе европейца — въ безпокойномъ, неловкомъ выраженіи лица: у араба оно обозначилось чертами неподвижными и быстрыми, взглядомъ стекляннымъ и мертвымъ. Прежде чѣмъ они успѣли оправиться, я сѣлъ на дромадера и ѣхалъ уже по направленію къ востоку.

Я продолжалъ путь безъ остановки: скоро однако же замѣтилъ, что тропинка исчезла, и сталъ подумывать, что слѣды, по которымъ ѣхалъ до сихъ поръ, не болѣе, какъ слѣды какихъ-нибудь блуждающихъ бедуиновъ; тутъ я понялъ очень ясно, что жизнь моя не въ безопасности.

Компаса со мною не было: я держался къ востоку по теченію солнца и прокладалъ себѣ такимъ образомъ дорогу чрезъ сыпучіе, безграничные пески. По несчастію, мой бѣдный дромадеръ, жизнь и силы котораго гарантировали и мое собственное существованіе, началъ обнаруживать какъ бы признаки страданія; губы его покрылись пѣною густою и клейкою, изъ груди выходили болѣзненные вопли; съ минуту я не зналъ, дать ли ему отдыхъ, или нѣтъ? Наконецъ, рѣшился ничего не предпринимать и поѣхалъ еще скорѣе, чѣмъ прежде.

Видъ страны измѣнился; то не была уже гладкая равнина: передо мною возвышались высокіе песчаные холмы и известковатыя скалы, которыя замедляли мой путь и затрудняли то направленіе, по которому я долженъ былъ слѣдовать. Я обогнулъ холмы, проѣхалъ излучистыя долины и, выбравшись наконецъ на возвышенную площадку, увидѣлъ море.

Я могу отдать себѣ отчетъ въ вѣрованіи древняго язычества, потому-что въ глубинѣ души всякой разъ ощущаю благоговѣніе при видѣ обширной части земного шара: берега океана, величественной рѣки, цѣпи высокихъ горъ. Красное море имѣло совершенно частныя права на мое сочувствіе. Очень вѣроятно, что я находился на томъ мѣстѣ, откуда утомленные израильтяне увидали воды, поразившія ихъ взоры. А что̀ для меня было важнѣе въ эту минуту, такъ это то, что эти самыя воды свидѣтельствовали, что я ѣхалъ по настоящему направленію, и что немного раньше или позднѣе я найду ночлегъ и питье. Море было еще не близко, но я сознавалъ свои силы и кромѣ того слыхалъ о силахъ дромадеровъ. Я продолжалъ дорогу съ такою поспѣшностью, что рѣшительно можно было принять меня за еврея, убѣгающаго, съ египетскою добычею, отъ преслѣдованія Фараона.

Спустя нѣсколько времени, я увидалъ большое бѣлое строеніе, стоящее въ уединеніи; я поворотилъ дромадера въ ту сторону; это было укрѣпленіе, построенное для прикрытія колодезя, находящагося въ срединѣ. Около зданія разбросано было нѣсколько хижинъ, и я скоро радушно былъ принятъ нѣсколькими арабами, лежавшими на пескѣ близь своихъ скромныхъ жилищъ. Утолить жажду, вливъ въ себя пять или шесть литровъ грязной воды, и проглотить часть пищи, поставленной передо мною — было минутнымъ дѣломъ, и прежде, чѣмъ прошло удивленіе моихъ хозяевъ, я уже снова пустился въ дорогу.

Суэзъ, какъ я узналъ, отстоялъ на три часа ѣзды, а солнце, опускаясь къ западу, показывало мнѣ, что я долженъ избрать себѣ другого проводника. Этого проводника я нашелъ въ самой прихотливой

и непостоянной стихіи. Уже нѣсколько часовъ какъ вѣтеръ сдѣлался свѣжѣе и наконецъ подулъ чрезвычайно сильно, но не отрывисто и съ промежутками, а постоянно, такъ-что я убѣдился, что онъ не упадетъ еще нѣсколько часовъ. Когда солнце сѣло, я тщательно замѣтилъ, съ которой стороны вѣтеръ, и увѣрился, что онъ дуетъ прямо съ запада и рѣшительно по направленію моего пути. Итакъ, мнѣ оставалось ѣхать прямо впередъ. Скоро послѣ солнечнаго заката сдѣлалось совершенно темно, но вѣтеръ служилъ мнѣ вѣрнымъ проводникомъ.

Часа черезъ два вдали показался свѣтъ; я льстилъ себя надеждою, что это Суэзъ; однако же, подъѣхавъ ближе, увидалъ, что это нечто иное, какъ уединенное укрѣпленіе; не останавливаясь здѣсь ни на минуту, я поспѣшилъ далѣе.

Скоро случилось со мною происшествіе, надъ которымъ я даю совершенное позволеніе смѣяться, сколько кому угодно. Я уже упоминалъ о томъ, какимъ образомъ путешественники помѣщаются на верблюжьемъ горбу. На дромадерѣ сидятъ, или, вѣрнѣе, торчатъ точно также. Случилось, что мой дромадеръ внезапно своротилъ въ бокъ; я машинально повернулъ лѣвую руку, какъ-будто въ ней держалъ узду: въ совершенной темнотѣ я и забылъ, что въ рукѣ у меня только недоуздокъ; сопротивленія, къ которому я приготовился, не было, потому что недоуздокъ висѣлъ только съ одной стороны шеи верблюда, и именно съ той, въ которую я сдѣлалъ движеніе рукою; вслѣдствіе такого обстоятельства, я упалъ головою внизъ и ударился о землю. Почва была тверда, но густые волосы, которые я носилъ для предохраненія себя отъ солнца, спасли мнѣ жизнь. Мысль, что я могу еще встать, несмотря на то, что упалъ съ такой высоты, показалась мнѣ сначала совершенно нелѣпою и незаслуживающею вниманія; однако же я скоро убѣдился, что не чувствую никакой боли. Дромадеръ исчезъ: осмотрѣвшись кругомъ, я снова замѣтилъ свѣтъ въ укрѣпленіи, мимо котораго недавно проѣхалъ, и пошелъ прямо къ нему. Вѣтеръ дулъ такъ сильно, что мѣшалъ мнѣ итти свободно, однако же я кое-какъ добрался до мѣста. Близь зданія стояло нѣсколько хижинъ; скоро я былъ окруженъ людьми, съ физіономіями дикими и звѣрскими. Куда какъ непріятно придавать себѣ важность и достоинство въ то время, когда я сознавалъ свое ничтожество вслѣдствіе паденія и потери дромадера! Однако же пособить было нечѣмъ.

Не было со мною и Дметри, который наводилъ ужасъ при моемъ приближеніи; по-арабски зналъ я много-много два слова; какъ бы то ни было, я нашелъ способъ объяснить кое-какъ этимъ людямъ свою непреклонную волю и желаніе, чтобы они доставили мнѣ средства немедленно добраться до Суэза. Они повиновались; у нихъ былъ оселъ, котораго они поспѣшили осѣдлать, и дали мнѣ проводника.

Позднѣе я узналъ, что люди эти были не арабы, а алжирскіе бѣглецы и слыли за скверное отродье. На другой день они оправдали нѣсколько это мнѣніе. Они пропустили моего переводчика, верблю-

довъ и багажъ; но маленькаго араба, находившагося въ моей свитѣ и отставшаго отъ прочихъ, негодяи обобрали до послѣдней нитки. Надо признаться, что бандиты низошли до послѣдней степени своего ремесла, если они не трогаютъ путешественника, съ которымъ идутъ плотно навьюченные верблюды, и становятся дерзки и храбры лишь передъ ребенкомъ, съ котораго стаскиваютъ оборванную чалму.

Наконецъ я добрался до Суэза. Британскій агентъ былъ мною потревоженъ ночью, тѣмъ не менѣе я нашелъ въ немъ человѣка истинно гостепріимнаго. О, клянусь Юпитеромъ! какъ отрадно спать на хорошей постели и какъ-будто играть сномъ: то проснуться, то заснуть, опять проснуться и опять заснуть!

XXII.

Консулъ, или агентъ британскій принялъ меня прекрасно; онъ чиновникъ, поставленный отъ индѣйской компаніи, а не отъ правительства. Наполеонъ, во время своего пятидневнаго пребыванія въ Суэзѣ, останавливался у отца консула, и меня увѣряли, что диванъ, стоящій въ моей комнатѣ, служилъ постелью великому полководцу.

Въ какомъ мѣстѣ израильтяне перешли черезъ Красное море, существуютъ два мнѣнія. Слѣдуя одному изъ нихъ, евреи перешли только весьма небольшую бухту, находящуюся на сѣверной оконечности залива, и вступили въ ложе водъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Суэзъ; по мнѣнію другихъ, они перешли море шестнадцатью милями ниже.

Дромадеръ, покинувшій меня въ пустынѣ, былъ приведенъ на другой день: но шуба моя и пистолеты, привязанные къ сѣдлу, исчезли. Вещи эти были для меня въ то время чрезвычайно дороги, почему я и просилъ губернатора города употребить всѣ старанія для отъисканія ихъ: онъ согласился охотно и велѣлъ бросить въ тюрьму семерыхъ первыхъ бездѣльниковъ, которыхъ поймали.

Сначала онъ поступилъ такъ единственно изъ вѣжливости къ англійскому путешественнику; но увидавъ, что я дѣйствительно придаю большую важность украденнымъ вещамъ, онъ проявилъ такую дѣятельность, такую горячность, которыя показали, что въ этомъ дѣлѣ есть у него свой интересъ; противъ воли, долженъ я былъ подумать, что онъ или надѣется получить отъ меня значительный подарокъ, или спѣшитъ найти эти вещи, чтобы присвоить ихъ себѣ, когда я уѣду.

На нѣсколько часовъ я ѣздилъ въ море; возвратясь на берегъ, я былъ пораженъ ужасомъ, узнавъ, что два человѣка, по приказанію губернатора, получили наказаніе палками, чтобы выпытать у нихъ признаніе въ покражѣ. Надо замѣтить, что онъ имѣлъ основаніе подозрѣвать ихъ, потому-что чушка одного изъ пистолетовъ оказалась у нихъ. Говорили также (только я вѣрилъ съ трудомъ), что въ то время, какъ одинъ изъ нихъ получалъ удары, другой постоянно уговаривалъ его терпѣливо сносить боль и ничего не

открывать. Какъ бы то ни было, они ни въ чемъ не признались и снова отведены были въ тюрьму. Я просилъ, чтобы ихъ не приводили къ новому допросу, по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я пробуду въ Суэзѣ.

Губернаторъ былъ настоящій житель востока и сохранилъ чувство ненависти древнихъ мусульманъ къ европейцамъ. Однажды военный англійскій брикъ подошелъ къ Суэзу и послалъ на берегъ шлюпки, чтобы запастись свѣжею водою. Свѣжая вода предметъ рѣдкій и цѣнный въ Суэзѣ; ее сохраняютъ въ цитернахъ, изъ которыхъ главная находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Просьба англійскаго капитана была отвергнута или по-крайней-мѣрѣ оставлена безъ вниманія. Капитанъ былъ человѣкъ съ твердою волею, всегда шедшій прямо къ цѣли; онъ тотчасъ же объявилъ, что онъ разрушитъ городъ, если въ продолженіи трехъ часовъ его бочки не будутъ наполнены водою.

— Чтὸ за великій народъ эти англичане! сказалъ губернаторъ: — чтὸ за удивительная нація!

И немедленно велѣлъ налить бочки: съ-тѣхъ-поръ онъ питаетъ къ англичанамъ любовь и уваженіе.

На другой день послѣ того, какъ безуспѣшно старались выпытать признаніе у арестантовъ, губернаторъ, консулъ и я собрались для совѣщанія о томъ, чтὸ предпринять для отысканія моихъ вещей? Дебаты открылись тѣмъ, что ищущая сторона курила вмѣстѣ съ губернаторомъ, соединявшимъ въ своей особѣ обязанности верховной власти, присяжнаго и судьи. Я былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и въ знакъ пріязни онъ передалъ мнѣ трубку, которую прижимали его собственныя губы. Я припомнилъ, что переводчикъ мой, находя, что я слишкомъ скроменъ и остороженъ, совѣтовалъ надѣть сапоги и замарать диванъ губернатора, для внушенія ему еще болѣе страха и почтенія къ моей особѣ. Однако же я былъ того мнѣнія, что для образованнаго путешественника приличнѣе воздержаться отъ подобныхъ средствъ, хотя бы они и были весьма дѣйствительны.

Многочисленные зрители украшали три стѣны залы, гдѣ мы находились, и принимали участіе въ нашихъ спорахъ. Кому приходила охота подать свое мнѣніе, тотъ выступалъ впередъ, кланялся и излагалъ свои мысли; всѣ были выслушиваемы со вниманіемъ со стороны губернатора.

Послѣ многихъ безполезныхъ толковъ, губернаторъ приказалъ привести арестантовъ. Приходъ ихъ возмутилъ меня: я никакъ не ожидалъ, чтобы ихъ принесли на плечахъ, не воображалъ, что они не въ состояніи ступить. Они утверждали, что они невинны. Губернаторъ хотѣлъ вторично прибѣгнуть къ пыткѣ, но я воспротивился, и ихъ отвели въ тюрьму.

Собственно говоря, губернаторъ не имѣлъ права жизни и смерти надъ подвластными ему лицами, но онъ могъ отправить ихъ въ Каиръ и тамъ велѣть ихъ повѣсить. Я предложилъ ему *устрашить* аре-

стантовъ, напомнивъ имъ о Каирѣ. Отвѣтъ его заставилъ меня раскаяться въ томъ, что я сдѣлалъ ему предложеніе, достойное бабы: онъ охотно согласился угрозить имъ смертью, но прибавилъ, что если сдѣлаетъ такую угрозу, то уже непремѣнно приведетъ ее въ исполненіе.

Полагая, что безполезно далѣе держать плѣнниковъ въ цѣпяхъ, я потребовалъ ихъ освобожденія. Губернаторъ согласился единственно изъ уваженія ко мнѣ, потому-что самъ онъ не сомнѣвался въ ихъ винѣ. Я хотѣлъ лично присутствовать при ихъ освобожденіи: они были исполнены благодарности и пали передо мною, цалуя мои сапоги. Я сдѣлалъ имъ подарокъ, чтобы утѣшить ихъ за понесенныя раны: они были въ восторгѣ.

Хотя дѣло кончилось для нихъ весьма благопріятно, однако общественное мнѣніе въ Суэзѣ поколебалось.

Мнѣ даже дали почувствовать, что жители хотятъ излить на меня свое мщеніе. Не знаю, дѣйствительно ли замышляли что-нибудь противъ меня, только исполненія замысла не послѣдовало.

Три свадьбы развеселили одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ Суэзѣ. Я увидѣлъ длинную процессію, медленно подвигавшуюся впередъ; при этомъ стрѣляли изъ пистолетовъ, несли факелы, били въ барабаны. Трое молодыхъ супруговъ шло сзади многочисленной толпы: никогда не забуду я важныхъ и покорныхъ физіономій этихъ молодыхъ людей, шествовавшихъ такимъ образомъ къ брачному алтарю.

XXIII.

Дорога изъ Суэза въ Газу неблагопріятна для торговли: рѣдко избираетъ ее и путешественникъ. Она пролегаетъ чрезъ страну менѣе безплодную, чѣмъ страна, прилежащая къ дорогѣ въ Эль-Аришъ. Кустарники, служащіе пищею верблюдамъ, встрѣчаются въ бóльшемъ количествѣ; а вправо отъ дороги песокъ на столько перемѣшанъ съ плодоносною землею, что на ней могутъ произростать хлѣбныя растенія. Во время лѣта бедуины удаляются изъ этихъ мѣстъ, по причинѣ совершеннаго безводья. Плоды своихъ трудовъ они зарываютъ въ землю и оставляютъ примѣты, по которымъ могутъ отъискать спрятанный запасъ. Сухой, горячій песокъ служитъ имъ житницами. Въ апрѣлѣ, когда я проѣзжалъ эту страну, бедуиновъ было очень много: они ожидали дня жатвы, и я не разъ растилалъ свою палатку подлѣ ихъ шатровъ. Я уже упоминалъ, какое впечатлѣніе производили на меня всѣ эти люди.

Въ этой части пустыни я видѣлъ нѣсколько животныхъ изъ рода антипопъ (¹), и однажды мои арабы поймали молодую газель (²) во

(¹) Сайга, дикая коза.

(²) Безоардовая коза.

время ея сна. Днемъ я держалъ ее передъ собою на верблюдѣ, а ночью помѣщалъ въ палаткѣ; я употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы сдѣлать ее ручною, но робкая красавица не принимала никакой пищи и отвергала всякое утѣшеніе. При малѣйшемъ случаѣ ускользнуть, она начинала борьбу съ остервенѣніемъ, вовсе не сообразнымъ съ нѣжностью ея граціозныхъ членовъ: я не могъ противиться ея порывамъ и на другой день далъ ей свободу. Я хотѣлъ полюбоваться на скачки ея, когда она почувствовала, что снова возвращена ей свобода; но газель такъ остолбенѣла отъ своего новаго положенія, что удалилась весьма тихо, неровнымъ и мѣрнымъ шагомъ. Физической боли она не испытала никакой, но смышленость ея была уничтожена. Она никогда, вѣроятно, не видала человѣка, и вдругъ — внезапно пробужденная, очутилась въ рукахъ араба; прибавьте къ этому утомительную ѣзду на верблюдѣ и вечеръ, проведенный со мною въ палаткѣ, при свѣтѣ свѣчи!

На пятый день подъѣхалъ я къ оазису племени Ваши-эль-Аришъ: это небольшой оврагъ, внизу котораго въ продолженіи извѣстнаго времени течетъ ручей. По правой и по лѣвой сторонѣ растутъ группы красивыхъ деревъ, называемыхъ жабами — Тарфа. Въ томъ мѣстѣ, къ которому мы подъѣхали, ручей изсякъ, но на полумили отсюда мы нашли воду, хотя и довольно мутную, но все-таки годную для употребленія. Это было счастливое открытіе, потому-что вода, которою мы запаслись въ окрестностяхъ Суэза, скоро испортилась.

Недостатокъ предусмотрительности — странная черта въ характерѣ бедуина, потому-что она происходитъ не отъ глупости и не отъ беззаботности. Я не знаю ни одного человѣческаго существа, у котораго бы тѣло было столько подчинено уму, какъ у араба. Его умственная тоска, кажется, постоянно подвергаетъ мученію, пыткѣ каждый изъ его нервовъ, и все-таки, несмотря на это вниманіе, обращаемое на внушеніе разума, арабъ никогда ничего не можетъ сообразить на будущее время. Я помню, что снаряжаясь въ пустыню, мои арабы настаивали на томъ, чтобы взять воды лишь дня на два — неболѣе, и это съ цѣлью уменьшить ношу верблюдовъ; они говорили, что мы непремѣнно встрѣтимъ источникъ, когда запасъ нашъ истощится. Слуги мои рѣшительно воспротивились такому предложенію и наполнили всѣ мѣха водою. Мы отправились — и что̀ же? не встрѣтили источника ни въ назначенномъ арабами мѣстѣ, ни далѣе, такъ-что еслибъ мы имъ уступили, то подверглись бы жестокимъ страданіямъ, и сами арабы, шедшіе пѣшкомъ, пострадали бы еще болѣе.

Арабъ до крайности боится города, и когда онъ отдѣленъ отъ него цѣлою степью, то охотно соглашается на извѣстныхъ условіяхъ доставить васъ или *высадить* въ томъ или другомъ городѣ. Но когда, къ концу пути, выступятъ на горизонтѣ минареты, тогда бѣдный арабъ умѣряетъ шагъ свой, походка его дѣлается слаба и нерѣшительна, безпокойство его растетъ съ каждою минутою, наконецъ онъ разражается въ воплахъ, обнимаетъ ваши колѣни; его движенія и крики краснорѣчиво говорятъ о горькомъ отчаяніи, онъ умоляетъ васъ отпу-

стить его и его верблюдовъ и найти другое средство, чтобы добраться до города. Исполнить такой просьбы невозможно, и вы должны выдержать зрѣлище самой убійственной горести. Я уже былъ свидѣтелемъ подобной исторіи при входѣ въ Каиръ; и теперь ужасъ моихъ бедуиновъ при мысли войти въ Газу обѣщалъ мнѣ сцену еще печальнѣе. Крайнее отвращеніе отъ городовъ есть вѣроятно дѣйствіе дикаго инстинкта, всегда характеризовавшаго потомковъ Исмаила; впрочемъ оно опирается на весьма основательномъ опасеніи. Мѣстное начальство очень часто дурно поступаетъ съ бедуинами и отнимаетъ у нихъ верблюдовъ; понятно, почему арабу непріятно находиться подъ властью турецкаго или египетскаго губернатора.

Бедуины, съ которыми я отправился изъ Суэза, были дикіе обитатели пустыни, мало привыкшіе вступать въ денежныя сношенія съ христіянами: увидѣвъ необходимость покориться власти европейца, они раскаялись въ своихъ условіяхъ. Ихъ нелегко было заставить продолжать дорогу, и Диетри немало съ ними повозился: тѣмъ не менѣе я любилъ арабовъ.

Начальникъ ихъ Селимъ, владѣтель верблюдовъ, былъ красивый мужчина, съ физіономіею дикой и величественной; насъ сопровождали еще пять арабовъ; но по мѣрѣ приближенія къ городу они уходили одинъ за другимъ, и когда наконецъ показалась вдали Газа, то съ нами былъ одинъ только Селимъ. Я не могъ согласиться на его просьбу сложить багажъ на песокъ, не имѣя никакого средства перенести его въ городъ. Селимъ исчерпалъ всю свою реторику, употребилъ всѣ жесты, излилъ всѣ слезы и наконецъ устремилъ отчаянный взоръ на своихъ милыхъ верблюдовъ и вдругъ какъ дуракъ побѣжалъ назадъ въ степь. Я отправился по дорогѣ къ Газѣ; съ неимовѣрнымъ трудомъ принудили мы верблюдовъ пройти въ ворота ненавистнаго города. Они испытывали мученія агоніи при видѣ жилищъ, не столь подвижныхъ какъ палатки; мычали и ужасались при видѣ узкой улицы, какъ-будто открывалась предъ ними ужасная пропасть. Наконецъ ихъ ввели на ханскій дворъ: тутъ горесть ихъ была безпредѣльна, они искали глазами любимаго хозяина; но Селима не было. Я полагалъ, что онъ войдетъ въ городъ ночью и уведетъ съ собою своихъ прекрасныхъ верблюдовъ, единственное богатство въ семъ мірѣ и предметъ самыхъ нѣжныхъ чувствованій, — но, увы! страхъ, внушаемый ему цивилизаціею, былъ слишкомъ великъ; въ продолженіи трехъ дней, проведенныхъ мною въ Газѣ, онъ не являлся, и такимъ образомъ жертвовалъ не только верблюдами, но и деньгами, которыя я обязался заплатить ему. Желая отвратить отъ него хотя это несчастіе, я прибѣгъ къ средству, часто употребляемому у азіятцевъ: собралъ на ханскомъ дворѣ нѣсколько важныхъ и достойныхъ мусульманъ и, въ ихъ присутствіи отдалъ золото шейху, имѣвшему частныя сношенія съ пустынными арабами. Всѣ торжественно обѣщали покровительствовать Селиму, если онъ придетъ и объявитъ права свои.

Я увидѣлъ стараго пріятеля — губернатора Газы. Онъ получилъ приказаніе высылать всѣхъ, кто пріѣзжалъ изъ Египта, и заставлять ихъ выдерживать карантинъ въ Эль-Аришѣ. Но законы карантинные были ему такъ мало извѣстны, что одежда его безпрестанно прикасалась къ моей, хотя онъ и утверждалъ, что необходимо съ точностію исполнитъ полученное предписаніе. Онъ рѣшился однако же сдѣлать исключеніе въ мою пользу, и я вознаградилъ его тѣмъ, что подарилъ ему табакерку съ музыкою, купленную мною въ Смирнѣ съ цѣлью поднести ее тому, кто окажетъ мнѣ важную услугу. Губернаторъ былъ въ восторгѣ: онъ съ торжествомъ понесъ табакерку въ свой гаремъ; но скоро возвратился съ печальною физіономіею: жоны его схватили табакерку и немедленно ее разломали. Такъ справедливо изреченіе, что недолго продолжается счастіе въ сей жизни!

Губернаторъ вообразилъ, что для него будетъ безопаснѣе, если я проведу въ Газѣ два, три дня лишнихъ, и пригласилъ меня къ себѣ въ домъ; я увѣрялъ его, что лучше мнѣ выбраться изъ города какъ можно скорѣе; тогда онъ пожелалъ снабдить меня жаренымъ бараномъ и другими громоздкими съѣстными припасами, но я отдѣлался отъ этихъ предложеній и запасся хлѣбомъ, который по количеству могъ равняться половинѣ тяжести, навьючиваемой на лошадь. Хлѣбъ этотъ въ своемъ родѣ былъ очень вкусенъ, и такой подарокъ былъ для меня очень полезенъ. Видъ невольниковъ, которые какъ-будто изнемогали подъ тяжестью губернаторскихъ подарковъ, напомнилъ мнѣ фигуры, встрѣчающіяся на древнихъ картинахъ.

XXIV.

Снова проѣзжая Палестину и Сирію, я имѣлъ при себѣ палатку, служившую мнѣ въ степи, и убѣдился, что она много содѣйствовала *комфорту* моего путешествія. Вмѣсто того, чтобы изгонять какую-нибудь семью изъ ея жилища и лишать ее такимъ образомъ покоя, на который не могъ и самъ навѣрно расчитывать, я могъ, съ приближеніемъ ночи, раскинуть палатку въ какомъ-нибудь веселомъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ селенья, куда посылалъ за провизіею, т. е. за молокомъ и хлѣбомъ, а иногда за яйцами. Непріятнѣе всего, что съѣстные припасы можно получить не цѣною золота, а только наводя страхъ и трепетъ. Сначала прибѣгъ я къ средству, почти всегда вѣрному — къ деньгамъ; Дметри отправился съ двумя арабами къ селенью, близь котораго я остановился; онъ предложилъ щедрую плату за припасы, но возвратился съ пустыми руками. Я послалъ его снова: на этотъ разъ онъ измѣнилъ свое обращеніе: потребовалъ къ себѣ стариковъ, грозилъ имъ страшною местью и говорилъ, что за все, что̀ бы ни случилось, если палатка не будетъ немедленно наполнена провизіею, будутъ отвѣчать они. Его послушались, и съѣстные припасы, которыхъ не хотѣли продать, явились въ

количествѣ втрое, вчетверо большемъ, когда я потребовалъ ихъ, какъ насильственную контрибуцію. Подобные опыты повторились два раза, и я долженъ былъ совершенно убѣдиться, что это единственное средство получить желаемое Когда припасы принесены, тогда вы можете дать, если хотите, *кому-нибудь* деньги за нихъ; англичанинъ, если только въ немъ есть національныя чувства, непремѣнно это сдѣлаетъ, хотя бы поступокъ его и не согласовался съ обычаями страны: этимъ онъ думаетъ успокоить свою совѣсть; но онъ никогда не достигаетъ своей цѣли, потому-что невозможно, чтобы деньги получили тѣ, которые доставили съѣстные припасы. На востокѣ нѣкогда существовалъ обычай, по которому деревенскіе жители должны были безвозмездно удовлетворять путешественниковъ въ ихъ нуждахъ; обычай этотъ существуетъ и понынѣ, но не въ пользу путешественниковъ вообще, а только въ пользу тѣхъ, кто повидимому довольно силенъ, чтобы заставить исполнить древній обычай; если поселяне встрѣчаютъ человѣка, отказывающагося отъ права притѣснять ихъ и предлагающаго деньги взамѣнъ того, что̀ онъ можетъ взять безъ платы, то они тотчасъ дѣлаютъ заключеніе, что онъ боится; бѣдняги воображаютъ, что они могутъ внушить страхъ, и эта мысль доставляетъ имъ такое сильное удовольствіе, что они отказываются отъ щедрой платы единственно изъ желанія, хотя разъ въ жизни, не упустить счастія удержать у себя то, что̀ имъ принадлежитъ.

Итакъ, система устрашенія необходима, но она возмущаетъ британскаго туриста, который знаетъ, что его хлѣбъ, его достоинство, его личная безопасность зависятъ отъ угрозъ его драгомана. Кромѣ того туристъ убѣждается, что проѣзжая страну, онъ дѣлается невинною причиною многихъ несправедливостей, многихъ прижимокъ.

Городъ Наплузъ расположенъ въ равнинѣ, окруженной оливами; среди домовъ возвышаются стройныя пальмы. Говорятъ, что онъ построенъ на мѣстѣ древняго Сихема.

Городъ этотъ — очагъ мусульманскаго фанатизма, и я полагаю, что за нѣсколько мѣсяцовъ до моего прибытія гулять по немъ въ европейскомъ костюмѣ можно было не иначе, какъ въ сопровожденіи многочисленной свиты; но современи послѣдняго возстанія, жители испытали всю строгость Ибрагима-Паши и уже не смѣютъ причинить малѣйшей обиды христіянину. Однакожь было очевидно, что магометане старой школы употребляли надъ собою невыразимое усиліе, чтобы не выказывать негодованія при видѣ шляпы. Когда я проѣзжалъ по улицамъ и базарамъ, то вездѣ царствовала мертвая тишина; всякой оставлялъ свои занятія и обращалъ на меня взглядъ неподвижный и мрачный, который, казалось, говорилъ: «Велика милость Божія, но пути его чудны и неизъяснимы, потому-что онъ позволяетъ христіянину ходить по стезямъ правовѣрныхъ».

Возстаніе жителей Наплуза было значительнѣе прочихъ возмущеній, которыя Ибрагимъ долженъ былъ укрощать; смирить это возстаніе онъ могъ только съ помощью человѣка, превосходно знавшаго

страну и плодовитаго на хитрости и стратагемы. Это никто другой, какъ знаменитый Абу-Гоошъ (отецъ лжи), освобожденный съ этою цѣлью изъ тюрьмы. *Отецъ лжи* (прозваніе это не позорно, а напротивъ, означаетъ еще его доблесть) въ награду за усмиреніе мятежа, получилъ мѣсто губернатора Іерусалима.

Въ Наплузѣ жило нѣсколько христіянъ-грековъ, съ которыми мусульмане обращались съ большимъ презрѣніемъ, не позволяли имъ даже разговаривать между собою на улицахъ. Я, или, точнѣе, слуги мои тотчасъ взяли верхъ надъ этими маленькими тиранами. Въ минуту нашего отъѣзда собралась довольно многочисленная толпа, чтобы посмотрѣть на насъ, христіянъ. Миссери, негодуя на одного изъ правовѣрныхъ, за оказанное имъ непослушаніе, ударилъ его нѣсколько разъ кнутомъ. Это мнѣ очень не понравилось, потому-что я опасался какого-нибудь противъ насъ возмущенія. Присутствовавшіе поблѣднѣли, однако же остались покойны.

Въ день моего прибытія въ Наплузѣ былъ праздникъ — новый мусульманскій годъ (26 апрѣля). Жители веселились въ рощицахъ и на красивыхъ лужайкахъ, окружающихъ городъ. Мужчины (исключая меня) держались въ сторонѣ отъ женщинъ, которыя вмѣстѣ съ дѣтьми качались на висячихъ качеляхъ. Онѣ были слишкомъ прекрасны, чтобы плотно закрываться своими *яшмаками;* полагаю, что имъ никогда не удавалось видѣть человѣка въ европейскомъ костюмѣ: когда же я имъ представилъ въ своей особѣ такой странный феноменъ, и когда онѣ замѣтили, какое удовольствіе ощущаетъ иностранецъ при видѣ кусочка ихъ красоты, то нашли эту забаву интереснѣе качели. Несмотря на то, онѣ не могли освободиться отъ какого-то ужаса, взирая на чудовище, прибывшее издалека, и если которая-нибудь изъ красавицъ поднимала покрывало такъ, что взоры мои могли блуждать по ея личику, озаренному дѣвственною краскою, то это съ такимъ видомъ, который лучше всего сравнить съ выраженіемъ лица робкой молодой дѣвушки, приближающейся къ слону и своими розовыми пальчиками подающей орѣхъ страшному четвероногому.

XXV.

Мусульманамъ, подвластнымъ Великой Портѣ, незнакомъ духъ пропаганды. Правда, плѣнникъ, захваченный во время войны, или христіянинъ, приговоренный къ смерти, можетъ въ иныхъ случаяхъ спасти жизнь свою принятіемъ религіи Магомета, но такіе случаи чрезвычайно рѣдки въ настоящее время и несогласны съ обычнымъ ходомъ вещей. Многіе европейцы удивятся, узнавъ, что попытка нарушить религіозное спокойствіе государства обращеніемъ христіянина къ исламисму отвергается законами. Происшествіе, которое хочу я разсказать, показываетъ, что даже въ странахъ, гдѣ особенно про-

цвѣтаетъ мусульманскій фанатизмъ, подобное вмѣшательство противно.

Во время моего пребыванія въ Наплузѣ, я жилъ у греческаго священника: онъ отправился въ Іерусалимъ, по поводу дѣла, которое я разсказываю; жена же его осталась хозяйкою дома.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда депутація греческихъ христіянъ пришла просить меня вмѣшаться въ одно дѣло, бывшее причиною сильнаго волненія.

Безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, что эти греки спѣшили пріобрѣсти покровительстео иностранца, который не могъ имѣть притязанія на малѣйшую власть или на самое ничтожное вліяніе; что же за причина, по которой приписывали моей особѣ, или, скорѣе, моему вмѣшательству, такое могущество?

Я долженъ объясниться.

Постоянныя политическія потрясенія уничтожили у сирійцевъ всѣ древнія связи, *всю привычку повиновенія*. Сила и успѣхъ, съ которымъ Мегметъ-Али прекратилъ возстанія мусульманъ, согнули до земли голову Ислама и потушили, по-крайней-мѣрѣ на минуту, добродѣтели и пороки, порожденные магометанскою вѣрою. Азіятскіе народы, готовые на порабощеніе, пали бы ницъ предъ завоевателемъ, одареннымъ силою; но Сирія не находилась въ чисто азіятскихъ условіяхъ существованія; въ это дѣло вмѣшалась Европа, и, несмотря на то, что могущественныя египетскія войска значительно укрѣпились въ странѣ, каждый крестьянинъ зналъ очень хорошо, что въ Лондонѣ, Вѣнѣ или Петербургѣ есть пять, шесть человѣкъ, которые при помощи капли чернилъ и куска бумаги могутъ помрачить звѣзду паши. Въ этой странѣ всѣмъ было извѣстно, что сила Мегмета-Али шла изъ Европы, что крѣпостью своею обязанъ онъ французскому генералу, французской тактикѣ и англійскимъ машинамъ. Кромѣ того замѣчено было, что личная безопасность, собственность и даже достоинство самаго послѣдняго путешественника-европейца были предметомъ самой бдительной заботливости. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? а то, что жители Сиріи ожидали отъ Европы какихъ-нибудь измѣненій въ своей судьбѣ, — какихъ? — они не знали, но были увѣрены, что будетъ что-нибудь новое. Всякой желалъ знать, кто долженъ быть его владыкою, повелителемъ, при видѣ котораго онъ долженъ пасть ницъ,—который повелитъ бить его по пятамъ. «Поступайте съ другомъ такъ, какъ-будто впослѣдствіи долженъ онъ сдѣлаться вашимъ непріятелемъ, а съ недругомъ такъ, какъ-будто онъ когда-нибудь сдѣлается вашимъ другомъ»; такъ говоритъ пословица. Сирійцы ушли еще далѣе: съ иностранцемъ они готовы были обходиться какъ съ человѣкомъ, который будетъ ихъ пашою.

При такомъ состояніи умовъ и положеніи вещей, европейцы и ихъ идеи легко находили доступъ къ сердцу западной Азіи. Въ особенности сильно было уваженіе къ англичанамъ, — до того сильно, что добрый мусульманинъ, желая избѣгнуть конскрипціи или другого како-

го-нибудь преслѣдованія, обращался къ шляпѣ, нѣкогда предмету ненависти, за покровительствомъ, котораго не могъ ожидать отъ тюрбана, и высшіе чиновники (какъ напримѣръ губернаторъ Газы) считали немаловажнымъ для себя обстоятельствомъ, если простой путешественникъ письменно одобрялъ ихъ поведеніе.

Я вовсе не намѣренъ былъ пользоваться могуществомъ, находящимся въ рукахъ каждаго европейца, но Диетри, болѣе чѣмъ кто-либо другой, наровилъ извлечь для себя выгоду изъ покорности жителей востока. Рожденіе и случай сдѣлали изъ него портного, чѣмъ онъ и былъ въ продолженіи нѣкотораго времени своей жизни; но религія и литература церкви, къ которой онъ принадлежалъ, сдѣлали изъ него человѣка, и притомъ человѣка неустрашимаго; онъ знакомъ былъ съ жизнью святыхъ,—жизнью, которая представляла ему много геройскихъ подвиговъ, достойныхъ подражанія; воспитаніе моего драгомана, хотя и ограниченное, давало ему возможность видѣть свое превосходство надъ мусульманами. Жизнь свою провелъ онъ въ странахъ, находящихся подъ игомъ магометанъ; онъ былъ свидѣтелемъ (а можетъ быть и жертвою) возмутительныхъ жестокостей турокъ; поэтому-то онъ питалъ только отвращеніе и ненависть къ религіи Магомета и ея послѣдователямъ. И эта ненависть не была ненавистью недѣятельною, холодною и молчаливою: Диетри, при своихъ понятіяхъ, былъ истиннымъ крестоносцемъ, всегда готовымъ итти на осаду крѣпости исламизма. Присоедините къ такимъ чувствамъ еще знаніе людей, съ которыми онъ долженъ былъ имѣть сношенія, и вы не удивитесь, что Диетри выказывалъ не только твердость и рѣшительность въ своихъ свиданіяхъ съ этими людьми, но даже насиліе и обиды. Такое обращеніе мнѣ не нравилось, но я былъ въ необходимости извлекать изъ этого пользу.

Вотъ по какому поводу наплузскіе христіяне искали моего вмѣшательства.

Молоденькая и прекрасная собою христіянка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, вышла недавно за-мужъ за одного изъ своихъ единовѣрцевъ. По случаю сватьбы, она должна была показаться въ народѣ; молодая попалась на глаза мусульманскаго шейха, богатаго и сильнаго, который страстно въ нее влюбился. Строгая нравственность, вообще господствующая во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мусульмане пользуются полною властью, не позволила шейху питать преступныя надежды, которымъ европеецъ не замедлилъ бы открыть свое сердце, въ подобныхъ обстоятельствахъ Удовлетворить своей страсти видѣлъ онъ одно только средство — обратить молодую женщину въ магометанскую вѣру: тогда бракъ ея съ христіяниномъ считался бы недѣйствительнымъ, и ничто не могло бы помѣшать счастливому шейху сдѣлать изъ своей возлюбленной милую сердцу жену. Шейхъ былъ человѣкъ практическій; онъ быстро повелъ атаку противъ религіозныхъ мнѣній красавицы; чтобы сдѣлать въ нихъ брешь, онъ не употреблялъ краснорѣчія имановъ или логики дервишей, не старался убѣ-

дить ее въ неизмѣнной истинѣ *коровы* или въ небесной морали *стола* (*), не посылалъ ей брошюръ, не поднесъ экземляра корана. Миссіонеркою была старая женщина. Она принесла красавицѣ корзину, наполненную неопровержимыми аргументами — драгоцѣнными камнями, шалями, шарфами. Бѣдная Маріамъ! она надѣла драгоцѣнности и когда стала смотрѣться въ изящное зеркало, то правила мусульманской религіи уже не казались ей слишкомъ ненавистными; она не могла оставаться глухою на краснорѣчивый голосъ серегъ; истины исламисма вселились въ ея молодое сердце въ ту минуту, когда нѣжныя складки кашемира покрыли грудь ея.

Шейхъ зналъ, что обращая невѣрную, онъ нарушилъ законы, и поведеніе его не имѣло бы оправданія; поэтому-то онъ отсчиталъ значительную сумму денегъ наплузскому губернатору, покровительствомъ котораго хотѣлъ себя обезпечить.

Наконецъ Маріамъ оставила свое жилище и отдала себя подъ покровительство мусульманскихъ чиновниковъ, которые однако же не хотѣли передать ее на руки любовника, а помѣстили ее въ мечети до тѣхъ поръ, пока дѣло о ея обращеніи не уяснится совершенно. Въ продолженіи двухъ, трехъ дней мать Маріамы не могла съ нею увидѣться: ея не пускали подъ различными предлогами; впрочемъ формальнаго отказа она не получала. Наконецъ ей сказали, что она можетъ слышать изъ устъ дочери исповѣданіе ея вѣры; при свиданьи Маріамъ воскликнула: «Богъ есть Богъ и Магометъ его пророкъ, а ты, матушка, ты — невѣрная собака!»

Вы полагаете, быть можетъ, что въ странѣ, въ которой болѣе чѣмъ гдѣ-либо магометанизмъ пользуется высшею властью, такого яснаго признанія достаточно, чтобы пресѣчь всѣ трудности? Вовсе нѣтъ. Греческій священникъ, поселенный въ Наплузѣ, посланъ былъ къ губернатору Іерусалима, чтобы подать жалобу о продѣлкахъ шейха и просить о возвращеніи Маріамы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда христіяне обратились ко мнѣ

Къ сожалѣнію, я понималъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ для меня личнаго интереса, и отказался отъ посредничества, потому-что не видѣлъ разумной причины вмѣшиваться въ дѣла мужа-христіянина и обольстителя-мусульманина.

Говоря о мужѣ, долженъ я замѣтить, что онъ повидимому не слишкомъ заботится о возвращеніи своей жены. Родители же Маріамы, опозоренные ея поведеніемъ, были сильно раздражены и оказывали большую дѣятельность; но наплузскій Менелай оставался спокоенъ и тихъ.

У одного изъ членовъ фамиліи Маріамы вырвалось выраженіе, которое утвердило меня еще болѣе въ принятомъ мною намѣреніи не вмѣшиваться въ это дѣло. Онъ, отзываясь о Маріамѣ съ сильною зло-

(*) *Корова* и *столъ* — такъ названы Магометомъ извѣстныя главы корана.

бою и повидимому согласно съ мнѣніемъ прочихъ родственниковъ, сказалъ, что бѣдняжку надо убить. Тутъ я понялъ, что Маріамъ подвергнется обращенію самому ужасному, если будетъ возвращена своему семейству.

На другой день возвратился греческій священникъ изъ своей миссіи. *Отецъ лжи*, какъ кажется, не остался равнодушенъ къ золоту шейха; требованіямъ христіянъ онъ противопоставилъ отлагательные отвѣты.

Ко мнѣ явилась вторая депутація, многочисленнѣе первой, и просила меня похлопотать у губернатора. Я отвѣчалъ христіянамъ, что по зрѣломъ размышленіи я вижу, что религіозный вопросъ рѣшительно можно оставить въ сторонѣ, потому-что крайняя быстрота, высказанная Маріамою, ясно показываетъ, что принимая исламисмъ, она не отрекается отъ другой вѣры; умъ ея, въ отношеніи къ предметамъ совѣсти — бѣлая страница: слѣдовательно, на нее не должно смотрѣть какъ на христіянку, отставшую отъ своего стада, но какъ на ребенка, неимѣющаго никакой вѣры и готоваго согласоваться съ обычаями тѣхъ, кто даетъ ему драгоцѣнныя игрушки и одѣваетъ въ кашемировыя шали. Наконецъ я рѣшительно объявилъ, что не намѣренъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ.

Я уѣхалъ изъ Наплуза въ полной увѣренности, что бѣглянка будетъ отдана своему обольстителю; позднѣе я узналъ, что дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Религіозная ревность и ненависть Дметри были до такой степени возмущены этимъ происшествіемъ, что онъ, видя мой рѣшительный отказъ, взялъ на себя объясненіе съ губернаторомъ безъ моего вѣдома и отъ моего имени; онъ прибѣгъ вѣроятно къ сильнымъ угрозамъ, налгалъ о моемъ чинѣ и вліяніи и получилъ обѣщаніе, что новообращенная возвращена будетъ родителямъ. Поступокъ этотъ, внушенный прекрасными побужденіями, дошелъ до меня уже тогда, когда меня не было въ Сиріи, и когда Дметри уже мнѣ не служилъ. Мнѣ разсказалъ объ этомъ Миссери, но и самъ-то онъ узналъ отъ Дметри объ его похожденіяхъ уже въ то время, когда мы выѣхали изъ Наплуза.

Не знаю, исполнилъ ли губернаторъ обѣщаніе, исторгнутое у него моимъ ревностнымъ переводчикомъ; однако же я ужаснулся, когда подумалъ объ участи бѣдной Маріамы, если только она попалась въ руки своего семейства.

XXVI.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ѣхалъ я по берегамъ красиваго Галилейскаго озера; поворотивъ на западъ, я углубился въ нагорную страну, которая становилась все болѣе и болѣе дикою. Наконецъ добрался я до города Сафета. Онъ расположенъ на крутизнѣ и смотритъ горделиво какъ какая-нибудь крѣпость; впрочемъ, благодаря

минаретамъ и чуднымъ деревьямъ, которыми городъ усѣянъ, видъ его очень красивъ. Суфетъ одно изъ мѣстъ, которое талмудъ называетъ святымъ, — мѣсто, гдѣ миссія будетъ царствовать сорокъ лѣтъ, пока не овладѣетъ Сіономъ. Историческая важность, которую онъ такимъ образомъ получаетъ, привлекаетъ сюда много евреевъ: говорятъ, что ихъ насчитываютъ до четырехъ тысячъ; слѣдовательно, евреевъ столько же, сколько и мусульманъ. Я приказалъ разбить палатку на зеленой лужайкѣ, въ почтительномъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ.

Было уже совершенно темно, когда мнѣ сказали, что жиды тайно отъ мусульманъ пришли поговорить со мною, въ надеждѣ получить мое покровительство по поводу угрожавшаго имъ бѣдствія. Требованія свои основывали они на томъ, что бо́льшая часть изъ нихъ британскіе подданные. Рѣшили, что два человѣка, самые важные изъ всей толпы, будутъ говорить со мною отъ лица прочихъ; они введены были въ палатку.

Одинъ изъ жидовъ объявилъ, что онъ британскій вице-консулъ; съ нимъ была и консульская шапка; но жидъ откровенно признался, что не смѣлъ бы днемъ украсить себя этою эмблемою своей власти, и что только совершенный мракъ позволялъ ему сдѣлать это безопасно Другой ораторъ былъ жидъ изъ Гибралтара, съ порядочными манерами, свободно объяснявшійся по-англійски.

Они разсказали мнѣ, что жиды, поселившіеся въ Суфетѣ, были нѣкогда очень богаты и жили въ тишинѣ и спокойствіи въ своемъ убѣжищѣ до 1834 года; въ это время набожный мусульманинъ, по имени Магометъ Дамооръ, пришелъ на рынокъ и заголосилъ, какъ бы пророчествуя, что пятнадцатаго числа іюня мѣсяца возстанетъ справедливый гнѣвъ правовѣрныхъ противъ жидовъ и отниметъ у нихъ золото, серебро и драгоцѣнные камни. Брюзгливое предсказаніе пророка бросило волненіе въ умы: дѣла шли однако же по прежнему до 15 іюня. Съ раннею зарею все мусульманское народонаселеніе собралось на улицахъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится пророчество. Вдругъ появился Дамооръ и въ неистовствѣ бросился въ толпу: ужасный вой пророка подкрѣпилъ его предсказаніе. Нѣсколько жидовъ убѣжали, другіе остались, но какъ тѣ, такъ и другіе безъ малѣйшаго сопротивленія покинули свои имущества. Самое гнусное насиліе — осмотръ женщинъ (чтобы убѣдиться, не спрятали ли онѣ на себѣ какихъ драгоцѣнностей) совершилось со всевозможною наглостію. Бѣдные израильтяне до того были поражены ужасомъ, что не осмѣлились противостать мусульманамъ, хотя и могли бы это сдѣлать. Во многихъ домахъ одинъ мусульманинъ, одинъ ребенокъ десяти, двѣнадцати лѣтъ грабили, въ присутствіи цѣлой семьи, все, что̀ хотѣли.

Когда мятежъ утихъ, то нѣкоторые изъ мусульманъ были наказаны, и нѣтъ сомнѣнія, что пострадали тѣ, кому изъ добычи досталось не столько, сколько нужно было, чтобы откупиться отъ наказанія; вещи однако же похищенныя не были возвращены, и надежда на де-

нежное вознагражденіе, обѣщанное пашею, съ теченіемъ времени становилась все слабѣе и слабѣе. Присланъ былъ новый губернаторъ съ строгимъ приказаніемъ изслѣдовать количество потери; кромѣ того, онъ долженъ былъ розыскать, кто участвовалъ въ грабежѣ, и принудить виновныхъ возвратить отнятое; только все это производилось куда какъ медленно. Жиды жаловались; при покровительствѣ ли англійскаго консула въ Дамаскѣ, другимъ ли какимъ способомъ, только имъ удалось выхлопотать особеннаго коммисара, которому поручено было управленіе розыскомъ, съ приказаніемъ заняться дѣломъ ревностно и безпристрастно. Коммисаръ имѣлъ званіе *модеера*. Онъ прибылъ въ Суфетъ, дѣло осталось въ прежнемъ состояніи, а модееръ и губернаторъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Дамооромъ и главными грабителями.

Прошедшее было невозвратно, будущее сулило одни бѣдствія Дамооръ вторично показался на рынкѣ и предсказалъ вторичное нападеніе на евреевъ; обстоятельство важное: слова такого практическаго человѣка, какъ Дамооръ, заслуживали полнаго вниманія. Когда я слушалъ этотъ разсказъ, то, кажется, замѣтно улыбнулся: второе пророчество показалось мнѣ обстоятельствомъ страннымъ и забавнымъ. Однако же я былъ совершенно расположенъ въ пользу несчастныхъ, угнетенныхъ евреевъ и съ точки зрѣнія національнаго тщеславія льстилъ себя тѣмъ, что жидъ-сиріецъ, рожденный на скалѣ гибралтарской, молилъ меня о защитѣ, въ качествѣ соотечественника.

Странно бы было вмѣшаться мнѣ въ дѣло для меня совершенно постороннее; но съ другой стороны стыдно бы было, при такихъ обстоятельствахъ, отказать несчастнымъ въ помощи, — и я рѣшился. Я полагалъ, что немедленное задержаніе Дамоора необходимо для безопасности жидовъ, и надѣялся на успѣхъ, если сдѣлаю губернатору формальное требованіе. Я объявилъ посланнымъ, что завтра же приступлю къ дѣлу. Сначала въ нихъ родилось чувство признательности, и они были въ восторгѣ отъ счастливой перспективы, которая передъ ними открывалась; но минута размышленія разрушила ихъ планы: они почувствовали ужасъ и объявили, что всякая попытка или даже слабое намѣреніе со стороны губернатора арестовать Дамоора навѣрно повлечетъ за собою мгновенное волненіе въ умахъ мусульманъ, слѣдствіемъ котораго будетъ рѣзня и разграбленіе израильтянъ.

Полномочные удалились, долго совѣщались съ своими собратіями и единогласно рѣшили, что положеніе ихъ, какъ бы тягостно и опасно ни было, все-таки лучше вѣрнаго и немедленнаго нападенія, и что судьба ихъ сдѣлается еще хуже, если Дамооръ подвергнется какой-нибудь строгой мѣрѣ. Я былъ иного мнѣнія, но не могъ заставить ихъ принять мое покровительство противъ ихъ воли; къ тому же день, назначенный для исполненія послѣдняго пророчества, былъ еще далекъ, и евреи имѣли время приготовиться къ отпору. Жиды признались, что, несмотря на всѣ предосторожности, принятыя ими

для того, чтобы притти ко мнѣ, они видятъ одно только средство помочь имъ, а именно — довести просьбу ихъ до свѣдѣнія генеральнаго консула въ Дамаскѣ. Я обѣщалъ исполнить это и исполнилъ.

Въ непродолжительномъ времени я былъ уже такъ далеко отъ Суфета, что не узналъ, какъ прошелъ день, назначенный для исполненія пророчества Даммора. Если предсказанное грабительство не могло осуществиться, то полагаю, что Дамооръ долженъ былъ объявить, что пророчество его должно принимать въ смыслѣ метафоры. Печальное паденіе послѣ блестящаго и положительнаго результата его перваго опыта въ искусствѣ прорицанія!

XXVII.

Въ продолженіи двухъ дней ѣхалъ я около подошвы Джибель-эль-Шейка, вершина котораго покрыта снѣгомъ, наконецъ добрался до обширной, пустынной долины, въ которой кое-гдѣ возвышались изсохшія растенія. Земля въ ширину и длину и глубокій, безграничный небосклонъ купались въ потокѣ свѣта и жара. Путь свой я могъ назвать огненнымъ; за-долго до дневного заката внимательные взоры открыли и радостные голоса возвѣстили о *Шамъ-Шерефѣ*, *святомъ*, *всеблаженномъ* городѣ Дамаскѣ.

Горизонтъ, куда стремились мои взоры, не раскрывался постепенно, не представлялъ слiянія крышъ и стѣнъ, а раскинулся широкою полосою темно-зеленаго цвѣта. По мѣрѣ приближенія полоса становилась свѣжѣе, ея контуры выступали рѣзче; скоро показались роскошныя деревья, растилавшія могущественныя вѣтви, обремененныя густыми листьями. До сихъ поръ не видно было ни одного дома; только среди тѣни взбѣгали мечети въ жгучій воздухъ.

За годъ или за два до моего пріѣзда, въ Дамаскѣ еще такъ сильна была закоренѣлая религіозная ненависть противъ христіянъ, или, скорѣе, противъ европейцевъ, что никто не осмѣливался бы показаться на улицѣ въ европейскомъ костюмѣ; но твердость и сила нашего новаго генеральнаго консула, г. Фаррена, положила конецъ всякому оскорбленію, наносимому англичанину. Когда я въѣхалъ въ городъ въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, то только одинъ человѣкъ осмѣлился сдѣлать гримасу, за что Дметри поспѣшилъ нанести ему нѣсколько ударовъ хлыстомъ. Въ продолженіи всего времени, проведеннаго мною въ Дамаскѣ, я ходилъ всюду, куда хотѣлъ, посѣщалъ публичныя бани и никогда не получалъ ни малѣйшаго оскорбленія

На главныхъ улицахъ Дамаска есть нѣчто въ родѣ тротуара, возвышающагося отъ одного до двухъ футовъ надъ мостовою. До прибытія генеральнаго консула, по тротуару могли ходить только мусульмане. Г. Фарренъ, само собою разумѣется, не захотѣлъ, чтобы такому унизительному исключенію подвергались британскіе подданные, и я всегда гулялъ по тротуару также спокойно, какъ въ центрѣ Лондо-

на. Но древній обычай тяготѣлъ надъ другими христіянами и жидами: никто изъ нихъ не осмѣливался занести ногу на привилегированную дорогу, не подвергая жизнь свою опасности.

Однажды, гуляя по *пути правовѣрныхъ*, встрѣтилъ я раіа-христіянина, который обратился ко мнѣ съ мостовой; онъ съ жаромъ отвѣсилъ мнѣ поклонъ и изъявилъ такое сильное желаніе поговорить со мною и послушать меня, что я немедленно остановился, ожидая отъ него вопроса: но спрашивать меня ему было не о чемъ, и онъ объявилъ только, что гордится и радуется тому, что христіянинъ, его единовѣрецъ, идетъ на-равнѣ съ повелителями-мусульманами: радость его не знала границъ; Великобританія была тогда такъ сильна и могущественна (въ то время господствовалъ Пальмерстонъ), что сирійскій христіянинъ смотрѣлъ на англичанина съ гордостью и восторгомъ и говорилъ самъ себѣ: мы оба одного вѣроисповѣданія. Мнѣ хотѣлось привлечь бѣднягу къ себѣ на тротуаръ и пожать ему руку; онъ слѣдилъ за мною, устремивъ на меня глаза и такимъ образомъ проводилъ до самого дома; въ моемъ поступкѣ онъ видѣлъ паденіе мусульманскаго владычества и начало господства христіянъ. Возмутительная привилегія ходить по тротуару такъ тѣсно связывались въ умѣ его съ идеею о власти, что видя меня на одной дорогѣ съ магометанами, онъ ожидалъ скораго прибытія европейскихъ войскъ. Онъ шепталъ и уста его дрожали, зато глаза блестѣли огнемъ и ясно говорили о торжествѣ. «Я тоже христіянинъ восклицалъ онъ! — Мои враги враги Англіи. Всѣ мы составляемъ одинъ народъ и Христосъ нашъ царь.»

Я мало заслуживалъ чести быть предметомъ братскаго порыва; тѣмъ не менѣе порывъ этотъ мнѣ понравился. Несмотря на всѣ свѣдѣнія, полученныя мною, которыя побуждали меня смотрѣть на моихъ единовѣрцевъ, поселившихся на востокѣ, какъ на франкскихъ бездѣльниковъ, я все-таки не могъ не питать къ нимъ чувства привязанности. Англійскіе путешественники, уступая быть можетъ привычкѣ унижать раскольниковъ, которыхъ встрѣчаютъ въ своей странѣ, презираютъ христіянъ ливанскихъ и смотрятъ на нихъ, какъ на еретиковъ. Но я не поступалъ подобно имъ. Духъ противорѣчія, признаки котораго обнаруживалъ я еще въ дѣтствѣ, былъ причиною, что я все болѣе и болѣе привязывался къ своей вѣрѣ, если замѣчалъ, что ее угнетаютъ; я вполнѣ сочувствовалъ христіянству въ странахъ мусульманскихъ, несмотря на скромный видъ его и незавидный отзывъ о его ученикахъ; этого мало: я благоволилъ нѣкоторымъ образомъ къ людямъ, которые, несмотря на права свои, вытекающія изъ превосходства мысли, знанія и промышленности, находятся подъ пятою мусульманъ, и единственно потому только, что они исповѣдуютъ *нашу* вѣру. Мнѣ казалось, что слабый отголосокъ стараго крестоносца шепталъ мнѣ: «Ихъ заботы вмѣстѣ и твои.» Такого побужденія, разумѣется, было недостаточно, чтобы заставить меня сдѣлать что-нибудь предосудительное: оно оказало только на

мои дѣйствія вліяніе, согласное съ слабымъ и щедушнымъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ, т. е., что я разговаривалъ съ христіянами также общительно, какъ и съ ихъ притѣснителями — магометанами.

Святой городъ Дамаскъ, земной рай, восхваленный пророкомъ и до того соблазнительный, что онъ не рѣшился остановиться подъ его очаровательною сѣнью, есть собраніе скрытыхъ дворцовъ, рощъ, садовъ, фонтановъ и чистыхъ кристальныхъ ручьевъ. Сила, которая даетъ ему жизнь, есть неукротимый ледяной потокъ, ниспадающій съ снѣжныхъ склоновъ Анти-Ливана. Городъ стелется во всю длину рѣки, т. е. на пространствѣ семи миль вы видите густую, чудную зелень; подобно человѣку, прильнувшему къ ручью, чтобы утолить жажду, Дамаскъ, постоянно жаждущій, прилегаетъ къ землѣ, погрузивъ уста въ потокъ.

Главныя мѣста, назначенныя для публичныхъ увеселеній, или, точнѣе, для провожденія времени, суть бани и пространный кофейный домъ; кофейню эту посѣщаютъ ночью по большой части люди богатые, и люди, принадлежащіе классамъ не слишкомъ высокимъ. Она состоитъ изъ множества павильоновъ, построенныхъ очень просто и расположенныхъ въ лабиринтѣ водяныхъ потоковъ, которые кипятъ и грохочутъ со всѣхъ сторонъ. Освѣщеніе вовсе не затѣйливо: маленькія лампочки, прикрѣпленныя къ веревкамъ, висятъ на вѣтвяхъ и бросаютъ слабый свѣтъ, который тихо покоится на густыхъ темныхъ листьяхъ и сверкаетъ блестками по взволнованной влагѣ. Праздныя группы посѣтителей сидятъ по большой части на самомъ берегу потока. Всѣ пьютъ кофе и вдыхаютъ свѣжій дымъ наргилетовъ (трубокъ), тихо между собою разговаривая или молча. Часто сидитъ тутъ отецъ съ двумя, тремя дѣтьми; но веселость дѣтей на востокѣ нешумна и несуетлива: она никогда не нарушаетъ тишины, царствующей въ этихъ странахъ.

Вообще говорятъ, что дома въ Дамаскѣ роскошнѣе чѣмъ въ другихъ городахъ Ливана. Мнѣ удалось осмотрѣть нѣкоторые изъ тѣхъ, которые слывутъ за самые великолѣпные. Жилище всякаго богатаго человѣка стоитъ отдѣльно отъ прочихъ и обнесено обыкновенно садомъ; въ этомъ заключается вѣроятно причина, по которой городъ, предметъ самыхъ страшныхъ угровъ со стороны пророка, до сихъ поръ избѣгъ разрушенія. Если вы были въ Андалузіи, то я могу дать вамъ понятіе о внутренности дамасскаго дома, напомнивъ вамъ Альгамбру или Альказаръ въ Севильи. Комнаты высоки; стѣны, потолки раскрашены разноцвѣтными украшеніями, между которыми виднѣются надписи изъ буквъ въ арабескахъ. Полъ мраморный; каждая комната, опредѣленная для убѣжища въ продолженіи дня, выходитъ одною изъ своихъ сторонъ на четырехугольный дворъ, среди котораго находится водометъ. Мебель весьма проста. Диванъ, т. е. низкая и широкая софа, стоитъ вдоль трехъ стѣнъ комнаты; нѣсколько маленькихъ персидскихъ ковровъ лежатъ въ безпорядкѣ, одинъ на другомъ, близъ дивановъ; ничто не препятствуетъ движенію воздуха: отъ

софы до фонтана все открыто, и ничто не противится вѣянью вѣтерка.

Изъ этого видно, какъ проста азіятская роскошь. Человѣкъ на востокѣ не можетъ назваться существомъ изобрѣтательнымъ; въ его великолѣпіи нѣтъ никакой сложности. Невозможность перехода имущества отъ отца къ сыну, кажется, въ продолженіи длиннаго періода препятствовала развитію на востокѣ той роскоши, какую видимъ у насъ.

Англійское хозяйство достаточно сложно, чтобы дать мѣсто тысячи мелкихъ оттѣнковъ *порядочнаго*, *приличнаго* и *неприличнаго*. Но всѣ эти тонкости неизвѣстны въ Ливанѣ; у паши и у мужика вкусы одинаковы. Обширный, прохладный полъ изъ мрамора, очень простая постель, воздухъ, который бы свободно гулялъ по полу-освѣщенной комнатѣ, стихъ изъ корана, написанный на стѣнѣ, видъ и звукъ падающей воды, ароматный дымъ трубки, маленькая коллекція женъ и дѣтей во внутреннихъ покояхъ — вотъ что́ можетъ назваться на востокѣ *nec plus ultra* наслажденій величія, — наслажденій, которыя можетъ оцѣнить послѣдній изъ подданныхъ султана.

Зато сады рѣшительно наслажденіе и гордость Дамаска; они не расположены правильными фигурами, чего бы можно было ожидать отъ восточнаго вкуса; сады эти напоминаютъ собою скорѣе какой-нибудь старый фруктовый садъ нашего сѣвернаго острова, давнымъ-давно забытый. Громадныя деревья поднимаютъ великолѣпные листья высоко надъ кустарниками восхитительной растительности. Тѣнь, падающая на землю, темна какъ ночь. Надъ нашею головою, со всѣхъ сторонъ вьются вѣтви и сплетаются между собою, образуя непроницаемую стѣну, которая гнется подъ тяжестью розъ. Воздухъ спокоенъ и напоенъ ароматомъ разныхъ кустовъ, которые достигаютъ удивительной высоты Кое-гдѣ расчищены участки: на нихъ посажены полезныя растенія; или же участки эти предоставлены самой природѣ: на нихъ растутъ свободно растенія, съ виду влажныя и холодныя, распространяя освѣжительный дикій и горькій запахъ. Черезъ рощу пролегаетъ тропинка, по которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно пройти вдвоемъ; вообще же она узка, и вы съ трудомъ по ней пробираетесь, отстраняя колючія розовыя вѣтви. Чрезъ веселую рощу течетъ быстрый ручей; воды его, задержанныя въ углу сада, бьютъ фонтаномъ близь жилища мирнаго мусульманина. Вотъ и все.

Въ умѣ жителей Дамаска идея счастія безпрестанно смѣшивается съ мыслью объ этихъ душистыхъ садахъ и змѣящихся ручьяхъ. Но осторожный предсказатель умолкаетъ, когда ему нужно описать счастье избранныхъ; замолчимъ же и мы и не откроемъ профанамъ наслажденій *земного рая*.

XXVIII.

Развалины Бальбека! Отогнать ли мнѣ мысли неопредѣленныя и торжественныя, отогнать ли призраки, мгновенно возникающіе, при

звукахъ этихъ словъ, и не представить ли вамъ точныхъ цыфръ размѣровъ громадныхъ колоннъ?! Упаси меня праведное небо! знаменитое имя пускай звучитъ какъ во времена былыя; его значеніе, таинственное и безграничное, пусть гнететъ, какъ и прежде, вашъ разумъ!

Ну, вотъ мы и миновали Бальбекъ! Я выпутался очень недурно.

Ущелье, по которому я ѣхалъ, чтобы перебраться за Ливанъ, походитъ на ущелье Фурка въ бернскомъ Оберландѣ. Въ продолженіи большей части дороги я долженъ былъ съ трудомъ пробираться чрезъ ослѣпительные снѣга; усиліе, употребляемое мною, чтобы сидѣть верхомъ, увеличивало во мнѣ желаніе достичь вершины дефилеи. Наконецъ цѣль достигнута. Съ минуту я видѣлъ только утесистыя и бѣлыя ребра горы; потомъ облака надъ головою и небо подъ ногами; наконецъ передо мною раскинулась во всю ширину Сирія, на западъ отъ Ливана. Взоры мои приковались къ линіи, прорѣзывавшей горизонтъ: то было море. Я привыкъ къ жителямъ и сценамъ азіятскимъ, привыкъ къ гробницамъ и развалинамъ, молчаливымъ городамъ и пустыннымъ степямъ, привыкъ къ мужчинамъ, имѣющимъ покорный видъ, и закутаннымъ женщинамъ; теперь, увидавъ гладкую поверхность Средиземнаго моря, я перенесся чрезъ его воды, увидѣлъ государства запада, за этой блестящей дорогой, которая могла вывести меня изъ молчаливыхъ странъ, гдѣ я находился, и бросить въ шумный городъ Марсель, или, обогнувъ геркулесовы столбы, въ оглушительный, тревожный Лондонъ. Я походилъ на человѣка, поставленнаго, на время его краткаго существованія, между прошедшимъ, у котораго нѣтъ начала, и будущимъ, у котораго нѣтъ конца. За собою оставлялъ я старый, рушившійся міръ, страны мертвыя или умирающія, спокойную тираннію, отходящую въ молчаніи, женщинъ, обреченныхъ на вѣчную нѣмоту, превращенныхъ въ восковыя куклы. Передо мною раскрывался театръ дѣятельной и упорной борьбы, религія — предметъ споровъ, окруженная сильными непріятелями и горячими защитниками, люди, управляемые логикою и краснорѣчіемъ оратора; пары клубились, колеса быстро вращались, все шло стремительно впередъ.

Я спустился внизъ и направился назадъ.

Многіе считаютъ священною группу кедровъ, находящихся еще въ этой части Ливана. На основаніи стариннаго преданія, они были уже въ то время, когда воздвигнутъ былъ іерусалимскій храмъ. Они занимаютъ, на боку горы, пространство отъ трехъ до четырехъ акровъ; многіе изъ нихъ носятъ на пняхъ своихъ отпечатки времени; за исключеніемъ этихъ знаковъ дряхлости, ничто не показываетъ, что они современны кедрамъ, употребленнымъ на окончаніе соломонова храма. Вечеромъ посѣтилъ меня одинъ почтенный старикъ и объяснилъ, почему сохранились эти древніе остатки. Нѣкогда весь Ливанъ покрытъ былъ кедрами; плодоносныя равнины, разстилающіяся у подножія горы, все болѣе и болѣе разворяемыя

публичными чиновниками и разноклассными тиранами, постепенно оставлены были жителями, которые искали убѣжища на высотахъ, куда безчувственные ихъ мучители не могли проникнуть. Кедры падали одинъ за другимъ подъ топорами пришлецовъ, и скоро исчезли бы совершенно, еслибъ одинъ старый начальникъ, желая сохранить какіе-нибудь слѣды убранства горы, не приказалъ не трогать одной группы: въ этомъ случаѣ онъ, какъ кажется, повиновался чувству благоговѣнія къ величію природы, — чувству, похожему на то, которое внушали древнія религіи, когда человѣкъ падалъ ницъ предъ твореніемъ, еще не вѣдая Творца.

У начальника долины, въ которой я остановился, были обширныя владѣнія, и онъ принялъ меня чрезвычайно роскошно. Старикъ былъ уменъ и предвидѣлъ, что европейцы распространятся по Сиріи. Проникнутый этою идеею и желая дать сыну своему средство быстро итти по честолюбивому пути, онъ досталъ ему учителя итальянскаго языка, единственнаго языка, доступнаго жителю востока. Учитель былъ родомъ сиріецъ; ему неизвѣстны были формы европейскаго разговора, или просто онъ не хотѣлъ передать ихъ своему воспитаннику, и ограничился только правилами и словами. Это обстоятельство дало мнѣ случай (единственный во все время путешествія) услыхать восточныя фразы учтивости. Мальчику было лѣтъ двѣнадцать или тринадцать: имѣя возможность обойтись безъ переводчика, онъ принималъ дѣятельное участіе во всемъ, что̀ требуется отъ хозяина. Странно мнѣ было слышать безумные восточные комплименты, произносимые медленно и важно, на чистомъ итальянскомъ языкѣ, голосомъ сладкимъ и вкрадчивымъ; чрезвычайно забавляло меня упорство, съ которымъ онъ утверждалъ, что домъ, гдѣ я принятъ былъ такъ радушно, принадлежитъ не отцу его, а мнѣ: сказать это одинъ разъ — ничего не значитъ, это было бы просто обычное выраженіе, обезсмысленное подобно нашему *здравствуй;* но замѣчательно, что всякой разъ, какъ мнѣ случалось съ похвалою отзываться о домѣ или владѣніяхъ его отца, юноша поправлялъ мою какъ бы умышленную ошибку и снова увѣрялъ, съ почтительною твердостію, что все это дѣйствительно и неотъемлемо мое, и что отецъ его не имѣетъ ни малѣйшей претензіи обратно требовать собственность.

Мой хозяинъ сообщилъ мнѣ многія подробности относительно сирійскихъ горцевъ и ихъ средствъ сопротивленія Мегмету-Али. Онъ объяснилъ мнѣ, что горцы находятся въ зависимости отъ владѣтелей равнины, потому-что отъ нихъ получаютъ предметы, необходимые для воинственнаго племени — хлѣбъ и порохъ; такимъ образомъ они не могутъ противиться властямъ, занимающимъ низменную страну: но онъ прибавилъ, что на горцевъ можно бы было расчитывать, если бы они нашли средство пополнить этотъ недостатокъ; хозяинъ объявилъ мнѣ, что начальники этихъ горцевъ могутъ недѣли въ двѣ собрать пятдесятъ тысячъ человѣкъ, готовыхъ спуститься внизъ.

XXIX.

Во время пребыванія моего на берегахъ Сиріи, мнѣ удалось познакомиться съ русскимъ путешественникомъ, который въ молодости проливалъ кровь подъ Москвою, а впослѣдствіи ознаменовалъ себя въ дипломатическомъ мірѣ, благодаря ввѣреннымъ ему посольствамъ въ критическія минуты по дѣламъ съ Востокомъ. Я не вправѣ открывать его фамилію, а буду называть его *Саталихскимъ* (побѣдителемъ Саталиха), прозваніе, которое я далъ ему, на основаніи своей частной власти, въ награду за его дипломатическіе и военные подвиги, совершонные имъ въ моихъ глазахъ.

Русскій и я хотѣли отправиться въ Смирну и условились плыть вмѣстѣ на іонійской бригантинѣ. Судна этого мы не наняли, а условились съ капитаномъ такъ, что онъ обязанъ высадить насъ на землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ вздумается. Подняли паруса; дни шли за днями, а судно наше стояло на мѣстѣ, по причинѣ безвѣтрія.

Послѣ девятидневнаго плаванія, или усилій, чтобы плыть, мы очутились лишь противъ острова Кипра и рѣшились высадиться въ Саталихѣ, а оттуда продолжать путь по материку. Легкій вѣтерокъ намъ благопріятствовалъ, и мы съ удовольствіемъ приблизились къ землѣ и бросили якорь въ саталихскомъ заливѣ, шагахъ въ трехъ или четырехъ отъ берега.

Городъ Саталихъ есть главное мѣсто *пашалыка*, и цитадель его служитъ мѣстомъ пребыванія пашѣ. Не успѣли мы бросить якорь, какъ съ берега подплыла къ намъ лодка; въ ней сидѣли офицеры, которые и объявили намъ, что присланъ строжайшій указъ подвергать трехънедѣльному карантину всякое судно, пришедшее изъ Сиріи; намъ запретили высадиться на берегъ. Мы отправили къ пашѣ посланье, въ которомъ исчислили титулы и достоинства русскаго, и въ заключенье требовали разрѣшенія сойти на берегъ. Чрезъ минуту шлюпка возвратилась, и намъ объявили, что приказанія, полученныя изъ Константинополя, слишкомъ положительны и не допускаютъ никакихъ изъятій, и во имя паши намъ рѣшительно приказано было остаться на кораблѣ.

До сихъ поръ наше медленное плаваніе возбуждало во мнѣ гораздо менѣе нетерпѣнія, чѣмъ въ достойномъ другѣ моемъ: но теперь сопротивленіе паши сдѣлало для меня изъ гладкой равнины моря тюрьму, изъ которой я хотѣлъ уйти, во что бы то ни стало. Я безусловно вѣровалъ въ слабость азіятскихъ властителей и предложилъ ослушаться паши. Русскій былъ въ отчаяніи отъ мысли, что его силою отдаляютъ отъ берега, который привѣтливо намъ улыбался; онъ принялъ мое предложеніе съ восторгомъ.

Мы рѣшились на высадку.

Приблизиться, послѣ скучнаго, утомительнаго переѣзда, къ красивому берегу и внезапно получить приказаніе удалиться отъ него, —

это такъ можетъ раздражить человѣка, что тотъ, кто испыталъ подобную непріятность, пойметъ, какъ извинительно нарушить такой законъ. Не думайте однако же, чтобы я думалъ совершенно оправдать нашъ поступокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма дурно со стороны путешественника нарушать законы иностраннаго правительства; еще хуже, если онъ достигаетъ своей цѣли посредствомъ наглой лжи. Я очень хорошо зналъ, что паша, если только ему извѣстны его обязанности и если въ немъ есть сколько-нибудь энергіи для ея исполненія, пришлетъ взводъ солдатъ, лишь только мы войдемъ на берегъ, и велитъ разстрѣлять насъ обоихъ на морскомъ берегу, позволивъ приблизиться къ городу лишь на разстояніе смертоносной пули: но я зналъ также, что паша не создаетъ себѣ ясной идеи о томъ, чего требуетъ исполненіе его обязанностей, и что онъ, хотя бы и уяснилъ себѣ эту идею, не дойдетъ до той степени рѣшительности, которой требуетъ его надлежащее поведеніе.

Мы приказали приготовить шлюпку; офицеры, оставшіеся на берегу, видя эти приготовленія, созвали вооруженныхъ солдатъ: мы замѣтили сильное волненіе: посланные безпрестанно ходили отъ берега въ цитадель и обратно. Нашъ капитанъ, чтобы польстить русскому, взялъ флагъ съ военнаго русскаго корабля. Мы рѣшили совершить нашу переправу подъ покровительствомъ царскаго знамени. Когда все было готово, капитанъ и я сошли, въ сопровожденіи нашихъ слугъ, въ шлюпку и отправились къ берегу. Солдаты столпились въ томъ мѣстѣ, куда мы подходили; но видя, что лодка безостановочно идетъ впередъ, они поколебались; никто изъ нихъ не убѣжалъ и не отступилъ, но въ рядахъ ихъ замѣтно было сильное колебаніе; каждый хотѣлъ помѣняться постомъ съ сосѣдомъ.

Рана, полученная подъ Москвою, замедляла движенія русскаго и не позволяла ему выйти изъ шлюпки безъ посторонней помощи; итакъ, я первый соскочилъ на берегъ. Капитанъ пунктуально исполнилъ данныя ему наставленія; едва нога моя коснулась прибрежнаго песку, какъ съ бригантины раздались четыре пушечные выстрѣла. Выстрѣлы эти привели въ совершенное смущеніе солдатъ и собравшихся около нихъ любопытныхъ, и мы могли высадиться безъ малѣйшей помѣхи.

Мы тотчасъ же составили маленькую колонну, или, точнѣе, процессію: мы не имѣли никакой охоты драться и хотѣли только испугать взрослыхъ дѣтей. Впереди выступалъ матросъ съ знаменемъ; за нимъ шелъ русскій и я, потомъ наши служители и наконецъ, если только память меня не обманываетъ, двое изъ людей, составлявшихъ экипажъ бригантины. Такъ подошли мы къ замку. Но тутъ толпа оправилась нѣсколько отъ выстрѣловъ и могла разсмотрѣть, что силы наши вовсе незначительны — обстоятельство, давшее печальное понятіе о нашемъ рангѣ и достаткѣ. Около насъ появились группы людей; въ это самое время русскій, незнакомый съ характеромъ азіятцевъ, обернулся назадъ, чтобы сказать что-то слугѣ; это движеніе произвело волшебное дѣйствіе: всѣ вообразили, что мы отступаемъ, и начали тѣснить насъ

все ближе и ближе. Двухъ словъ и жеста достаточно было, чтобы показать моему товарищу опасность, въ которую онъ неумышленно вдался. Мы тотчасъ же пошли впередъ съ неподражаемымъ величіемъ. Спустя нѣсколько минутъ, со стороны азіятцевъ послѣдовала какъ-бы новая реакція; потомъ они снова впали въ нерѣшительность, наконецъ сочли за-лучшее пропустить насъ безостановочно въ залу аудіенціи

Между пашею и толпою происходили безпрестанныя сношенія; дойдя до дверей цитадели, мы увидали, что сдѣланы были приготовленія, для того, чтобы пріемъ могъ внушить намъ уваженіе къ пашѣ. Отдѣливъ меня и русскаго отъ слугъ и моряковъ, насъ влекли прямо къ пашѣ, который хотѣлъ поразить насъ своимъ величіемъ. Зала была убрана чрезвычайно просто; начальники на востокѣ гордятся этимъ контрастомъ между простотою и своею властію Конецъ залы былъ наполненъ офицерами. Насъ старались держать на почтительномъ разстояніи отъ паши: если бы мы уступили этому, то лишились бы средствъ успѣть въ предпріятіи, и самая жизнь наша могла бы подвергнуться опасности.

На диванѣ сидѣлъ паша, поджавъ подъ себя ноги. Щоки его были покрыты смертельною блѣдностію, губы побѣлѣли отъ гнѣва: онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія: я понялъ, какая злоба кипѣла въ его сердцѣ. Глаза его, чрезвычайно неподвижные, какъ бы прикованы къ пустому пространству; видъ его показываетъ человѣка, привыкшаго не внимать просьбамъ несчастныхъ, просящихъ о жизни. Но мы скоро заставили его нарушить изученную неподвижность взоровъ, потому-что подошли прямо къ дивану и русскій сѣлъ подлѣ паши, а я подлѣ русскаго. Такой дерзкій поступокъ изумляетъ офицеровъ и смущаетъ пашу. У ногъ сатрапа находился трепещущій итальянецъ, нѣчто въ родѣ доктора, готовый служить переводчикомъ за отсутствіемъ нашихъ людей. Паша поручаетъ ему сказать намъ, что мы презрѣли власть его. Нимало не защищая нашего поведенія, русскій повелъ быструю атаку противъ паши. Бѣдный докторъ перевелъ одну или двѣ изъ его фразъ, навѣрно смягчивъ ихъ; русскій разгорячился; итальянецъ, вмѣсто того, чтобы передавать, что слышалъ, дрожалъ какъ осиновый листъ и наконецъ сказалъ: *non ardisco*, согласившись очень ясно, что не смѣетъ передать своему повелителю выраженія угрозъ и злобы.

Итакъ, въ минуту, когда все зависѣло отъ эффекта нашихъ словъ, мы остались безъ переводчика.

Но именно это-то обстоятельство, повидимому неблагопріятное для насъ, оказалось очень выгоднымъ. Русскій, видя, что переводчика нѣтъ, пересталъ говорить по-итальянски и обратился къ французскому языку, на которомъ изъяснялся свободно; откуда взялось краснорѣчіе; изъ присутствующихъ, за исключеніемъ развѣ меня, никто не понялъ ни слова; но русскій вынулъ свой паспортъ, и энергія, съ которою онъ, не переставая говорить, указывалъ пальцемъ на россійскаго орла, возъимѣла полный успѣхъ; паша увидѣлъ подлѣ себя человѣка, одер-

жимаго не страхомъ, а дышащаго гнѣвомъ. Скоро уныніе его сдѣлалось такъ замѣтно, что бѣдный эскулапъ рѣшился снова приняться за истолкованіе словъ русскаго, который получилъ такимъ образомъ возможность сдѣлать новое нападеніе на пашу.

Наконецъ, послѣ долгихъ толковъ, паша согласился, что поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и хлопоталъ только о томъ, чтобы сколько-нибудь сохранить свое достоинство, почему и просилъ нась пробыть для одной только формы день въ карантинѣ; но когда мы рѣшительно отказали ему, то онъ оставилъ всякую претензію и обѣщалъ даже дать намъ лошадей.

Послѣ такого счастливаго окончанія спора, принесли чубуки и кофе, и мы провели съ часъ въ дружессой бесѣдѣ; тутъ мы узнали что паша находился въ плѣну у русскихъ, во время котораго убѣдился въ обширномъ могуществѣ русскаго царя.

Скоро привели лошадей. Я снова очутился на дорогомъ сѣдлѣ, и когда взошла луна, мы уже весело пробирались по труднымъ ущельямъ горъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДВУХЪ ПИСЕМЪ О ЛИССАВОНСКОМЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІИ, *доныне нигдѣ не напечатанныхъ, писанныхъ очевидцемъ, босоногимъ кармелитомъ Модестусомъ къ своему провинціялу въ Вѣну.*

Въ отдѣленіи рукописей въ королевской библіотекѣ въ Берлинѣ находятся два оригинальныя письма, писанныя викаріемъ босоногимъ кармелитовъ, нѣмецкой націи, отцомъ Фр. Модестусомъ къ своему провинціялу въ Вѣну, описывающія страшное землетрясеніе, превратившее 1 ноября 1755 года одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ европейскихъ городовъ въ груду развалинъ, и слѣды котораго замѣтны еще понынѣ. Хотя могущественная воля Помбаля вызвала изъ этихъ страшныхъ развалинъ новый правильнѣйшій и красивѣйшій городъ, но оставшіяся кое-гдѣ развалины церквей и монастырей напоминаютъ еще о страшномъ явленіи природы, постигшемъ нѣкогда Лиссабонъ. Таковы напримѣръ развалины монастырей *до Карно*, *св. Франциска да цидаде*, *церкви св. Хозе* и другія.

Вотъ что̀ пишетъ очевидецъ.

«Ужасное землетрясеніе, превратившее въ Лиссабонѣ столько дворцовъ, домовъ, монастырей и церквей въ развалины, случилось вовсе неожиданно. Предъ самымъ несчастіемъ царствовало совершенное безвѣтріе и всѣ наслаждались самою ясною, чудесною погодою. Ноября 1 дня (1755 года), въ день праздника всѣхъ Святыхъ, въ 40 минутъ десятаго часа утра, когда почти все народонаселеніе Лиссабона стеклось въ церкви, по случаю торжественнаго праздника, вдругъ раздался страшный подземный ударъ и земля стала колебаться и дрожать; въ четыре или пять минутъ повалились съ ужаснымъ трескомъ твердѣйшія зданія и смертный ужасъ объялъ самыхъ неустрашимыхъ людей, такъ-что они потеряли присутствіе духа и ожидали конечнаго раз-

«рушенія нашего бреннаго, земного міра. Многія тысячи гибли въ «церквахъ и на улицахъ, раздавленные падающими зданіями, а тѣ, «которыхъ Господь помиловалъ, собирались на площадяхъ, падали на «колѣни и поднявъ руки къ небу, вопили: *Misericordia Signor!* Самыя «толстыя стѣны и надежнѣйшіе своды распадались, и если бы эта ка«ра продлилась нѣсколько долѣе, то не осталось бы ни одного цѣлого «дома, ни одного живого жителя въ цѣломъ городѣ. До сихъ поръ уже «насчитали болѣе сорока тысячъ труповъ, и только время укажетъ «впослѣдствіи истинное число погибшихъ. Всего страшнѣе было то, «что въ открытомъ полѣ земля колебалась какъ волнующееся море и «разсѣдалась трещинами въ два и три фута шириною. Притомъ, несмо«тря на совершенное безвѣтріе, заколебалось море такъ страшно, какъ«будто вода въ немъ кипѣла. Волны срывали даже самые большіе на«груженные корабли съ якорей и бросали ихъ куда ни попало. Съ не«постижимою быстротою затопила вода всѣ прилежащія къ берегу мѣ«ста, и тогда то раздался раздирающій душу вопль, плачь и скрежетъ «зубовъ. Тѣ, которые спаслись отъ падающихъ домовъ на равнину и «считали себя тутъ въ безопасности, вдругъ увидѣли вокругъ себя ки«пящія волны, подъ ногами колеблющуюся землю и вдали разрушаю«щіяся зданія, — повсюду — вѣрную смерть. Но къ довершенію несча«стія, какъ-будто для того, чтобы все зло излилось на бѣдствующій «городъ, вспыхнулъ черезъ полчаса въ пяти мѣстахъ пожаръ, начав«шійся вѣроятно въ кухняхъ разрушившихся домовъ; пламя свирѣп«ствовало до 4 часовъ вечера, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «собраны были всѣ сокровища королевскаго двора, государственной «казны, своихъ и чужеземныхъ купцовъ; придворные магазины, та«можня, складъ индѣйскихъ товаровъ, государственное казначейство, «дворецъ Браганца,—все сдѣлалось жертвою пламени. Никто не думалъ «тушить пожаръ: такъ всѣ были испуганы землетрясеніемъ; всякой ста«рался спасти только свою жизнь, и изъ богачей многіе стали нищими, «которыхъ все имущество заключалось въ платьѣ, бывшемъ на пле«чахъ въ минуту страшнаго случая. Но какъ мало явная Божія кара «исправила грѣшниковъ и какъ безбожные наперерывъ спѣшили въ «разверстыя двери ада, имѣлъ я несчастіе убѣдиться и теперь. Мно«гіе злодѣи пользовались общимъ несчастіемъ, чтобы присвоивать себѣ «чужую собственность и обогащаться насчетъ тысячъ погибшихъ и «гибнущихъ жертвъ; воровали, несмотря на то, что были учреждены «необыкновенныя наказанія за это преступленіе и безпрестанно вѣша«ли воровъ на нарочно по этому случаю построенныхъ висѣлицахъ, по «разнымъ частямъ города. Слава Господу и заступнику нашему, свя«тому Іоанну Непомуцену! ветхая церковь наша устояла между дру«гими твердѣйшими зданіями, разсыпавшимися впрахъ, и рука Го«спода прекратила пожаръ, какъ скоро онъ приблизился къ нашей бѣ«дной церкви. Правда, что многое у насъ попортилось, но это можно «будетъ поправить съ небольшими издержками. Особому заступниче«ству св. Іоанна Непомуцена приписываютъ и то, что статуя его, сто-

«ящая на нашемъ фронтонѣ, и другая, еще бóльшая, стоящая на Бе-«лемскомъ мосту, остались невредимыми, и что никто изъ принадлежа-«щихъ къ нашему монастырю и многочисленной толпы, наполнявшей «нашу церковь, не былъ раненъ или убитъ.

«Въ прошлую недѣлю происходила здѣсь большая церковная про-«цессія, въ которой принимали участіе король и все его семейство. «Понынѣ весь народъ и королевскій дворъ живетъ за городомъ лаге-«ремъ. Почти каждый день чувствуютъ по два и три подземныхъ «удара, что держитъ всѣхъ въ неописанномъ ужасѣ.

«Множество погибшихъ еще до сихъ поръ не найдено, и въ томъ «числѣ испанскій посланникъ, задавленный въ собственномъ домѣ. Ко-«роль въ неописанномъ страхѣ и самъ не знаетъ, гдѣ долженъ искать «убѣжища (*); говорятъ, что онъ рѣшился перенести свою столицу «въ провинцію Мораньонъ въ Америкѣ. Неужели пришелъ последній «конецъ этого города?»

Воздѣлываніе шолку въ Европѣ. Въ древнія времена ничего не знали въ Европѣ ни о разведеніи шелковичныхъ червей и добываніи помощію ихъ шолку, ни о приготовленіи тканей изъ этого драгоцѣннаго матеріяла. Римляне, во времена имперіи, употреблявшіе шолковыя матеріи какъ предметъ необходимой для богатыхъ людей роскоши, полагали, что шолкъ есть паутина, приготовляемая особаго рода пауками, водящимися на востокѣ. Не раньше какъ въ 527 году по Р. Хр. два монаха вывезли изъ Индіи въ Константинополь яички шелковичнаго червя, заключенныя въ тростниковой трубочкѣ; эти яички подарили богомольные путешественники императору Юстиніану, объяснивъ ему всѣ подробности воспитанія червей, добыванія шолку и употребленія его на тканье матерій. Великій законодатель обладалъ также духомъ покровительствующимъ промышленности: онъ съ дѣятельностію принялся за воздѣлываніе шолку въ Греціи, и спустя десятка два лѣтъ шолковыя фабрики завелись въ Аѳинахъ, Коринѳѣ и Ѳивахъ и послужили главными источниками богатства этихъ городовъ. Король Рожеръ сицилійскій, завоевавъ Грецію, перенесъ воздѣлываніе шолку въ Палермо, оттуда оно быстро разлилось по всей Италіи. Въ Испанію оно занесено арабами. Изъ Италіи перешло шелководство, въ царствованіе Карла VIII, въ южную Францію, гдѣ впрочемъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ, находилось оно еще въ младенчествѣ, такъ-что король Генрихъ II при своей коронаціи надѣлъ первые шолковые чулки. Такъ-какъ шелководство не проникало въ Ан-

(*) Король Іосифъ находился во время землетрясенія въ Цинтрѣ, но первый министръ Помбаль былъ тогда въ Лиссабонѣ. Когда онъ явился къ королю, то Іосифъ, объятый ужасомъ, съ отчаяніемъ спросилъ у Помбаля: «что намъ теперь дѣлать?» «Похоронить мертвыхъ и заботиться о живыхъ», хладнокровно отвѣчалъ министръ.

гаію, то Генрихъ VIII, Эдуардъ VI и Елисавета считали шолковые чулки верхомъ роскоши и надѣвали ихъ только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Въ XVII столѣтіи, подъ покровительствомъ Генриха IV и его министра Сюлли, шелководство начало быстро развиваться; Оливье де Серръ первый сталъ имъ заниматься въ большомъ размѣрѣ. При Людовикѣ XIV, городъ Ліонъ, благодаря покровительству Кольбера, завладѣлъ всемъ шолковымъ производствомъ Франціи и скоро довелъ обработку до высокой степени совершенства. Впрочемъ тогда шолковыя матеріи были еще такъ дороги, что только владѣтельныя особы, придворные и богачи, могли ихъ носить; для небогатыхъ же людей онѣ были вовсе недоступны. Только въ настоящемъ столѣтіи появились шолковыя ткани между небогатымъ сословіемъ.

Въ наше время во всѣхъ европейскихъ государствахъ если не разводятъ шолкъ, то по-крайней-мѣрѣ занимаются его обработкою. Въ послѣднее тридцатилѣтіе особенно распространилось воздѣлываніе шолку и его обработка въ австрійскихъ владѣніяхъ. Ломбардія доставляетъ 860 тысячъ пудовъ, Тироль 100 тысячъ пудовъ и 40 тысячъ пудовъ остальныя части имперіи; всего же 1,650,000 пудовъ, на сумму слишкомъ 52 милліона вѣнскихъ гульденовъ, или 35 милліоновъ рублей серебромъ!

По свидѣтельству Тюрка, воздѣлываніе шолку пришло и въ сѣверную Германію до Кенигсберга, т. е. до 55 градуса сѣверной широты, даже туда, гдѣ виноградъ не зрѣетъ на открытомъ воздухѣ. Многочисленные опыты показали, что шелковичное или тутовое дерево можетъ рости вездѣ, гдѣ ростетъ яблонь и груша; слѣдовательно, шелководство можетъ пойти въ ходъ во всей почти средней половинѣ Россіи. Къ тому же замѣчено, что чѣмъ сѣвернѣе мѣсто воспитанія червя, тѣмъ тоньше шолковая его нить. Пруссія во времена Фридриха Великаго имѣла уже своего шолку ежегодно до 400 пудовъ. Странно, что въ *Documens sur le Commerce* сказано, будто бы все нынѣшнее производство шолку въ государствахъ, принадлежащихъ къ прусскому таможенному союзу, ограничивается тысячью килограммовъ (60 пудовъ!) Таможенный союзъ, имѣвшій въ 1837 году только 14111 шолковыхъ прядильныхъ станковъ, имѣетъ ихъ теперь до 25 тысячъ и обработываетъ до 50 тысячъ сырого шолку.

Въ Испаніи шолкъ воздѣлывается преимущественно въ Валенціи, Реквенѣ, Талаварѣ и Хаэнѣ. Шолку получается до 70 тысячъ пудовъ, изъ которыхъ половина идетъ за-границу, а другая обработывается внутри государства на 25 тысячахъ станкахъ.

Турція доставляетъ Европѣ около 15 тысячъ пудовъ сырого шолку и сама обработываетъ 10 тысячъ пудовъ.

Россія въ 1842 году обработала до 25 тысячъ пудовъ шолку и въ томъ числѣ до 5 тысячъ изъ Закавказья.

Англія не производитъ сама шолку, но обработываетъ его до 170 тысячъ пудовъ.

Вообще количество воздѣлываемаго въ различныхъ государствахъ Европы шолку не соотвѣтствуетъ количеству обработываемаго въ тѣхъ же государствахъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго перечня.

Европа производитъ ежегодно слишкомъ 3 милліона пудовъ коконовъ; въ томъ числѣ:

Австрія	1,650,000	пудовъ.
Франція.	1,000,000	—
Италія (кромѣ австрійскихъ владѣній).	300,000	—
Сардинія	150,000	—
Испанія	70,000	—
Турція.	35,000	—
Швейцарія	15,000	—

Напротивъ того, обработывается шолку сырца:

Франція	240,000	пудовъ.
Англія.	170,000	—
Австрія	100,000	—
Таможенный союзъ.	50,000	—
Россія.	25,000	—

Италія, Испанія и Турція высылаютъ большую часть производимаго ими шолку за-границу.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Холера въ Петербургѣ. — Неблагопріятность атмосферическихъ явленій нынѣшняго лѣта. — Жалобы на жары и засуху въ средней и южной полосахъ Россіи. — Мнѣніе о степени вліянія жаровъ на худой урожай хлѣба. — Необходимость производствъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ изъ матеріала, способнаго болѣе сопротивляться дѣйствію огня. — Цыфры изъ отчета Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. — Торжественный актъ въ Ришельевскомъ лицеѣ.

Нынѣшнее лѣто загородныя петербургскія сборища: на дачѣ Королева (оркестръ Гильмана), на минеральныхъ водахъ (въ Новой деревнѣ), гдѣ пѣли цыгане, на дачѣ Кушелева-Безбородко (оркестръ Шиндлера), въ Павловскомъ воксалѣ (оркестръ Гунгля) были печальны и пусты, несмотря на заманчивыя афиши. Іюнь мѣсяцъ въ особенности былъ тяжекъ для Петербурга: по оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ Военно-Медицинскомъ Журналѣ (часть LI, № 2, 1848) и въ Вѣдомостяхъ С. Петербургской Полиціи, № 157,—съ 8 іюня по 9 іюля занемогло въ Петербургѣ холерою 19,772 чел.; изъ этого числа выздоровѣло 4,834, а умерло 11,069 ч. Во всей же Россіи съ самого начала эпидеміи, т. е. съ 16 октября 1846 г., по 23 іюня 1848 г. занемогло 290,318 ч., изъ коихъ умерло 116,658 ч. — Въ такое тяжкое время ужь конечно не до сборищъ и не до гуляній... При появленіи эпидеміи въ Петербургѣ все петербургское народонаселеніе

двинулось въ окрестности на дачи... Кто имѣлъ какія-нибудь средства, бѣжалъ изъ Петербурга, потому-что эпидемія вдругъ обнаружилась съ страшною силою. Въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ, на островахъ, въ Парголовѣ въ сію минуту нѣтъ ни одного уголка незанятаго.... Опустѣлый Петербургъ въ серединѣ лѣта представлялъ самую грустную картину: на каждомъ шагу встрѣчались погребальныя процессіи и траурныя платья.... Холера болѣе или менѣе имѣла вліяніе на всѣхъ и на все, не исключая даже и русской литературы. Іюльская книжка *Библіотеки для Чтенія* явилась безъ критики и библіографіи, въ 16 печатныхъ листовъ.

— Атмосферическія явленія нынѣшняго лѣта, въ своей совокупности, не представляющія у насъ условій достаточно благопріятныхъ ни для здоровья человѣка, ни для успѣшнаго прозябанія растеній, составляющихъ сумму продовольственныхъ запасовъ, занимаютъ нынѣ общее вниманіе. Этими явленіями заинтересованы нынѣ всѣ, и всѣ болѣе или менѣе въ однихъ и тѣхъ же видахъ: избѣгать ихъ пагубнаго вліянія въ настоящемъ, отвратить такія же послѣдствія ихъ въ будущемъ. Появленіе эпидемической холеры въ нашемъ отечествѣ и даже въ самомъ Петербургѣ было причиною новыхъ изслѣдованій существа этой болѣзни и средствъ исцѣленія отъ нея, обнародованныхъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Съ другой стороны, неблагопріятные виды на урожай вызвали мнѣніе о степени участія въ этомъ почти повсемѣстно продолжающихся жаровъ, и объ улучшеніи постройки жилищъ въ селеніяхъ — въ видѣ предохраненія ихъ отъ пожаровъ, какъ слѣдствія болѣе или менѣе раскаленнаго состоянія атмосферы. Вопроса: въ какой степени настоящей, въ южной и средней полосахъ Россіи продолжающейся засухѣ можетъ быть приписано худое состояніе нынѣшнихъ ржей, коснулся г. Ціолковскій, въ «Земледѣльческой Газетѣ» (№ 56). «Въ настоящее время — пишетъ онъ отъ 14 іюня — ржи, въ нашихъ окрестностяхъ (Казанской губерніи) весьма дурны. Хотя и говорятъ, что причиною всего зла продолжительная засуха, однако это не совсѣмъ справедливо. Но сколько однако же это обстоятельство важно, и вообще, какое вліяніе состояніе погоды прошедшей осени, зимы и настоящаго лѣта, имѣло на дурное состояніе нынѣшнихъ ржей, разсмотримъ повнимательнѣе, чтобъ впередъ, по возможности, устранить неблагопріятныя дѣйствія атмосферы на успѣхъ нашего хозяйства. Прошлою осенью, я самъ находилъ всходы озими по наружности очень хорошими. Весною, поля почти повсюду равномѣрно были покрыты зеленью, такъ-что настоящая только засуха, по видимому, могла имѣть вліяніе на дурное состояніе ржи. Таково было и общее мнѣніе, не смотря на то, что посторонніе предварительныя обстоятельства болѣе причинили вреда, чѣмъ самая засуха. Во время уборки яроваго хлѣба, прошлаго года, около 15 августа, было сряду нѣсколько дождей, послѣ довольно продолжительной хорошей погоды. Нѣкоторые изъ опытныхъ хозяевъ бросили уборку яроваго, и взялись за посѣвы озими. Въ мягкой и сырой

землѣ, они взошли скоро и до осени вполнѣ успѣли развиться. Въ слѣдъ за нѣсколькими дождями, продолжалась засуха до Покрова, почти полтора мѣсяца, почему позднiе посѣвы ржи, послѣ уборки хлѣба, должны были долго лежать въ землѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно на выгонныхъ мѣстахъ, едва успѣли явиться, какъ застигли ихъ морозы, и остановили совершенно ростъ чуть-чуть развившагося сѣмени. Что этотъ ходъ явленія имѣлъ болѣе влiянiя на озимые хлѣба, чѣмъ настоящая продолжительная засуха, это явно уже можно заключить изъ того, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ около Успѣнiя посѣяна рожь, тамъ она и теперь хороша; между тѣмъ какъ позднiе посѣвы представляютъ, въ настоящемъ времени, весьма неотрадное зрѣлище. И оно не могло быть иначе. Вспаханная земля, послѣ дождя, взрыхляется легче, лучше, посѣвъ во время дождей раньше всходитъ, и до наступленiя холода, успѣетъ совершенно развиться и окрѣпнуть, не смотря даже на послѣдующую засуху, какъ это и случилось въ прошедшемъ году, отъ которой часть подсѣва засохла. Между тѣмъ какъ посѣянная рожь послѣ уборки хлѣба, когда не было полтора мѣсяца дождя, пустила едва по одному прочному перу, подсѣдокъ, чуть явившись, не могъ до наступленiя холода вполнѣ развиться и приготовиться вынести безснѣжную зиму, такъ-что весною большая часть его пропала и не могла ожить. Таже рожь, что была посѣяна на возвышенностяхъ, за недостаткомъ сырости, едва взошедъ до наступленiя морозовъ, представила вызябшiя пустыя пространства.»

Въ какой степени постройки въ нашихъ деревняхъ мало представляютъ безопасности отъ пожаровъ, — извѣстно всѣмъ. Это обстоятельство, въ соединенiи иногда съ дороговизною обыкновеннаго построенiя изъ дерева избъ и другихъ хозяйственныхъ строенiй, и преимущественно съ способомъ покрышки ихъ соломою, не разъ внушало людямъ благомыслящимъ побужденiе — замѣнять деревянныя постройки сооруженiями изъ матерiяла по-крайней-мѣрѣ не въ такой мѣрѣ способнаго подвергаться истребительному дѣйствiю огня. Такимъ образомъ и нынѣ нѣкто г. Бланкъ обнародовалъ способъ производства жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ изъ глины. Глина мѣшается для этого преимущественно съ ржаною, цѣльною, а не рѣзанною соломою, которой кладутъ столько, сколько по опыту нужно, смотря по глинѣ: другого рода солому и мякину класть въ нее не испытано. Самый удобный размѣръ кирпича изъ этого состава признается: 12 вершковъ длины, 6 ширины и 3 толщины. Тягло, въ рабочiй день, можетъ сдѣлать до 80 кирпичей, изъ приготовленной глины. Глину приготовляютъ въ нарочно устроенныхъ ямахъ, гдѣ ее замѣшиваютъ какъ можно гуще съ соломою волами или лошадьми, а въ маломъ количествѣ и людьми. Кирпичи, чрезъ *три* дня, переворачиваютъ на ребро; кладку же изъ нихъ производить во всякое время, — сухое разумѣется самое лучшее. Наготовивъ кирпича, по расчету, на предполагаемое строенiе, сначала выводятъ для прочности фундаментъ въ 6 вершковъ

отъ земли изъ обожженнаго обыкновеннаго кирпичу, кладя его на извести. На такомъ фундаментѣ строеніе будетъ прочно и можетъ стоять 20 лѣтъ. Стѣны дѣлаются въ цѣлый необожженный кирпичъ, т. е. 12 вершковъ толщиною, и кладутся обыкновеннымъ образомъ, какъ изъ обожженнаго кирпича, безъ связей, на жидкой глинѣ съ малымъ количествомъ песку; но гдѣ глина слишкомъ жирна, тамъ лучше класть безъ песку. Со тщаніемъ сложенное строеніе трещинъ давать не должно. Штукатурка дѣлается только для красы, но прочности строенію не придаетъ. Лѣсъ идетъ на стропила. Этотъ способъ постройки изъ пережженнаго кирпичу, по замѣчанію г. Бланка, по опыту, прочень и дешевъ, не только въ безлѣсныхъ мѣстахъ, но и тамъ, гдѣ есть лѣсъ.

— Въ ряду средствъ, существующихъ въ гражданскомъ обществѣ, врачеванія бѣдствій человѣческихъ, находятся благотворительныя учрежденія и общества, какъ слѣдствіе чувства филантропіи. Прочность существованія этого рода учрежденій можетъ быть мѣрою глубины основанія, на которомъ они зиждутся, и которое состоитъ въ развитомъ въ народѣ чувствѣ христіянской любви. Одно изъ такихъ обществъ, существующихъ въ здѣшней столицѣ, какъ прекрасный плодъ чувства человѣколюбія, — есть Общество Посѣщенія Бѣдныхъ. Недавно обнародованы цыфры о его денежныхъ средствахъ: *вѣдомость о движеніи суммъ общества со дня перваго засѣданія, 9 мая 1846 года по 1 мая 1848 года;* и мы приводимъ здѣсь главнѣйшія изъ этихъ цыфръ. Въ пользу бѣдныхъ съ 9 мая 1846 года по 1 мая 1847 года поступило 18,584 руб. 71¹/₄ коп. сер. и съ 1 мая 1847 по 1 мая 1848 года 43,285 руб. 28¹/₂ коп. сер.; всего же 61,869 руб. 99³/₄ коп. сер. Израсходовано въ первый періодъ времени 9,557 руб. 97¹/₂ коп. сер., во второй періодъ 33,806 руб. 20¹/₄ коп. сер; всего 43,364 руб. 17³/₄ коп. Въ остаткѣ къ 1 мая 1848 года 18,505 руб. 82 коп. На содержаніе конторы поступило: съ 9 мая 1846 г. по 1 мая 1847 г. 4,215 руб.; съ 1 мая 1847 г. по 1 мая 1848 г. 3,335 руб.; всего 7,550 руб.; израсходовано: въ первый періодъ времени 2,989 руб. 91 коп. сер.; во второй періодъ 4,331 руб. 54¹/₂ коп.; всего 7,321 руб. 45¹/₂ коп.; въ остаткѣ къ 1 мая 1848 года 228 руб. 54¹/₂ коп. сер.

— 21 прошедшаго іюня въ Ришельевскомъ лицеѣ происходилъ торжественный актъ по случаю окончанія въ этомъ заведеніи 1847—1848 академическаго года, одинадцатаго со времени преобразованія лицея по Высочайше утвержденному 29 мая 1837 года уставу. На актѣ прочтена была, между прочимъ, историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея, съ 22 іюня 1847 года по 20 іюня 1848 года; и вотъ нѣсколько данныхъ изъ этой записки. Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ, осуществленныхъ въ прошедшемъ году, было послѣдовавшее Высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія о постройкѣ лицейскихъ зданій, такъ-какъ неудобство и недостаточность нынѣшняго помѣщенія и необходимость постройки новаго зданія, болѣе обширнаго, лучше приспосо-

бленнаго къ потребностямъ лицея, съ каждымъ годомъ дѣлалась ощутительнѣе. За тѣмъ дѣятельность членовъ лицея проявлялась въ занятіяхъ по совѣту лицея, который, кромѣ предметовъ, входящихъ въ кругъ его занятій, на основаніи устава, занимался: а) обсужденіемъ проэкта правилъ для выпуска изъ гимназій учениковъ съ аттестатами двухъ родовъ: на право поступленія въ университеты и лицеи безъ вторичнаго испытанія и на причисленіе ко второму разряду по чино-производству; б) составленіемъ правилъ для руководства лицъ, содержащихъ частныя учебныя заведенія въ Одесскомъ Учебномъ Округѣ: в) обсужденіемъ предположенія касательно замѣщенія вакантныхъ учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ лицами, окончившими курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того занятія членовъ лицея состояли въ ученыхъ обработкахъ предметовъ, относящихся къ кругу занятій каждаго изъ нихъ, въ различныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, ими изданныхъ. Относительно учебныхъ пособій лицея, изъ отчета видно: а) основная библіотека лицея состоитъ изъ 5,785 названій, 12,256 томовъ, на сумму 18,105 руб. 94 коп. сер.; б) библіотека института восточныхъ языковъ заключаетъ въ себѣ 385 названій, 684 тома, на сумму 3,393 руб 17 коп. сер.; в) студентская библіотека имѣетъ 361 названіе, 671 томъ, на сумму 729 руб. 43 коп. сер.; г) кабинетъ для чтенія получалъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ 37; д) физическій кабинетъ состоитъ изъ 302 снарядовъ, на сумму 5,342 руб. 13 коп. сер.; е) кабинетъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ состоитъ изъ 51 инструмента, на сумму 2,790 руб. 84 коп. сер.; ж) химическая лабораторія, для которой пріобрѣтена въ этомъ году значительная часть химическихъ снарядовъ и аппаратовъ, заключаетъ въ себѣ 1,628 предметовъ, на сумму 1,971 руб. 10 коп. сер.; з) въ минералогическомъ кабинетѣ состоитъ 3,178 штуфовъ, на сумму 2,096 руб. 29 коп. сер.; и) въ технологическомъ кабинетѣ находится 30 моделей, на сумму 422 руб. 71 коп. сер.; і) въ кабинетѣ земледѣльческихъ орудій находится 27 моделей, 1 шерстомѣръ и собраніе пробъ овечьей шерсти, на сумму 361 руб. 7 коп. сер.; к) зоологическій кабинетъ заключаетъ въ себѣ 5,574 экземпляра, на сумму 1,877 руб. 87 коп. сер.; л) дендрологическое собраніе состоитъ изъ 54 экземпляровъ, на сумму 57 руб. 14 коп. сер.; м) гербаріумъ содержитъ въ себѣ 4,600 опредѣленныхъ породъ, на сумму 982 руб. 70 коп. сер.; н) собраніе окаменѣлостей состоитъ изъ 270 экземпляровъ на сумму 286 руб. сер.; о) въ минцъ-кабинетѣ находится монетъ серебряныхъ 128, мѣдныхъ 711; медалей: серебряныхъ 1, бронзовыхъ 462, жетоновъ 17 и оловянныхъ образцовъ 230 медалей, всего на сумму 1,190 руб 20 коп. сер.

II.

Смерть Шатобріана. — Современное положеніе парижскихъ театровъ. — Содержаніе новой драмы г. Бальзака. — Опера въ Лондонѣ. — О преступленіяхъ во Франціи: галеры и тюрьмы. — Окончаніе процесса графа Мортье. — Новый электрическій телеграфъ. — Рисунки г. Лейарда скульптурныхъ произведеній найденныхъ имъ въ развалинахъ Ниневіи. — Письмо баронета Бёкстона о Ротшильдѣ. — Путешествіе шейха Заинъ эль Абидина въ Нигриціи. — Изслѣдованія г. Джемса Дана.

Благородный, маститый старецъ, писатель, занимавшій нѣкогда самое важное мѣсто во французской литературѣ, старѣйшій изъ членовъ французской академіи — Шатобріанъ, авторъ *Аталы* и Духа *Христіянства*, скончался въ Парижѣ 4 іюля.

Записки, оставленныя имъ *(Mémoires d'outre tombe)* вѣроятно скоро будутъ изданы. Въ нихъ подробно развернется вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Мы надѣемся познакомить нашихъ читателей съ этими записками, а до тѣхъ поръ бросимъ бѣглый взглядъ на его жизнь.

Франсуа-Рене де Шатобріанъ родился въ Сенъ-Мало 4 сентября 1768 года. Родъ Шатобріановъ восходитъ до X вѣка. Шатобріанъ провелъ первые дни своей юности въ комбургскомъ замкѣ, среди дикой и величественной природы, которая должна была оставить сильное впечатлѣніе на всю жизнь его. 19 лѣтъ онъ отправился въ Парижъ съ чиномъ подпоручика и провелъ тамъ три года. Въ это время Мирабо уже владычествовалъ въ конституціонномъ собраніи. Революція быстро шла впередъ, и дворянство эмигрировало на берега Рейна. Въ 1791 году онъ предпринялъ путешествіе въ Америку и видѣлся съ Вашингтономъ.

Свиданіе съ Вашингтономъ оставило въ немъ глубокое и сильное впечатлѣніе; такъ и должно было быть; но Вашингтонъ вѣроятно въ тотъ же день забылъ молодого и пылкаго путешественника, тогда еще не имѣвшаго никакой извѣстности. Когда Шатобріанъ посѣщалъ Вашингтона, Вашингтонъ былъ въ апогеѣ своей славы: онъ былъ президентомъ народа, которымъ предводительствовалъ прежде, какъ военачальникъ, и для котораго писалъ законы. Шатобріанъ говорилъ впослѣдствіи:

«Для того, кто видѣлъ побѣдителя Европы и американскаго законодателя, ничего болѣе не остается видѣть въ мірѣ...»

Руководимый своимъ поэтическимъ чувствомъ, съ невыразимымъ наслажденіемъ Шатобріанъ скитался по степямъ и лѣсамъ американскимъ.

Вотъ какъ описываетъ онъ американскую ночь:

«Разгоряченный мыслями, я не могъ заснуть, всталъ, вышелъ изъ дому и сѣлъ не вдалекѣ отъ него, у корня дерева, вѣтви котораго спускались къ самому источнику. То была одна изъ тѣхъ американскихъ ночей, которую нѣтъ возможности передать кистью человѣче-

скою и о которой я вспоминаю всегда съ чувствомъ безконечнаго наслажденія.

«Луна поднялась высоко... тамъ и здѣсь въ чистыхъ промежуткахъ неба блистали тысячи звѣздъ... Луна покоилась на груди облаковъ, которыя походили на высокія горы, увѣнчанныя снѣгомъ. Мало-помалу эти облака то растягивались и разстилались прозрачными волнистыми полосами бѣлаго атласа, то преображались въ легкіе клочки пѣны или въ безчисленныя блуждающія стада въ синихъ долинахъ горизонта. Иногда воздушный сводъ принималъ, казалось, видъ песчанаго морского берега, на которомъ четко и ясно обозначались горизонтальные слои, подобные тѣмъ паралельнымъ складкамъ, которыя образуются отъ правильнаго прилива и отлива морского. Дуновеніе вѣтра разрывало снова покровъ, и повсюду на сводѣ небесномъ облака представлялись глыбами ваты бѣлизны ослѣпительной и такъ мягкой для глаза, что, казалось, можно было чувствовать ихъ рыхлость и эластичность. Земля была также упоительна, какъ и небо: луна тихо обливала своимъ млечнымъ и бархатнымъ свѣтомъ вершину лѣсовъ и, просвѣчивая между деревьями, проникала снопами свѣта самыя густыя глубины мрака. Узкій ручей, который протекалъ у самыхъ ногъ моихъ, то углублялся и исчезалъ въ темныхъ кустахъ, то снова появлялся въ прогалинахъ, блестя и сверкая и уподобляясь лазоревой лентѣ, усыпанной брильянтовыми звѣздами и перехваченной поперекъ черными узлами. На другомъ берегу рѣки, въ обширной долинѣ, свѣтъ луны покрывалъ зелень серебристымъ покровомъ... Все кругомъ было покойно и тихо, только порой слышался шелестъ листа, падающаго съ дерева, легкій порывъ вѣтра или крикъ птицы... да вдалекѣ глухой и торжественный ропотъ ніагарскаго водопада...

«Величіе и изумительную грусть этой картины нѣтъ возможности передать на языкѣ человѣческомъ. Самая чудная европейская ночь не можетъ дать о ней понятія... Среди нашихъ обработанныхъ полей тщетно воображеніе ищетъ простора, потому-что взоръ повсюду встрѣчаетъ обиталища людей... Но въ этой пустынной странѣ душѣ легко и привольно погружаться и утопать въ океанѣ вѣковыхъ лѣсовъ, блуждать при мерцаніи звѣздъ на берегу безграничныхъ озеръ, парить надъ рокочущими пучинами страшныхъ водопадовъ, низвергаться вмѣстѣ съ массою волнъ и дышать одною жизнію съ этою дикою и величественною природою.»

Однажды, утомленный прогулкой, Шатобріанъ остановился отдохнуть на какой-то фермѣ и расположился у камина. На полу у его камина лежала англійская газета. Онъ поднялъ ее, прочелъ первую строчку — и вздрогнулъ... То было описаніе бѣгства короля *(Flight of the King)*, его заключеніе и образованіе арміи эмигрантовъ... «Это было для меня» — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ — «какъ бы голосомъ чести, призывавшимъ меня къ моему долгу, и я оставилъ дальнѣйшіе планы моего путешествія.» Онъ отплылъ тотчасъ же въ Европу, былъ нѣсколько дней въ Англіи и потомъ отправился въ Сенъ-Мало.

Около этого времени (1792) онъ женился на дѣвицѣ Целестинѣ де ла Винь-Бюиссонъ и тотчасъ послѣ брака присоединился къ арміи Конде и участвовалъ въ кампаніи 1792 года. Опасно раненый, онъ найденъ былъ во рву. Кое-какъ добравшись до Остенде, онъ потомъ поселился въ Англіи и прожилъ тамъ пять лѣтъ въ непрерывныхъ трудахъ и страшной бѣдности. Въ 1797 году онъ издалъ первое свое сочиненіе — *Опытъ о Революціяхъ (l'Essai sur les Révolutions)*. Въ 1800 году, когда Бонапартъ дозволилъ эмигрантамъ возвратиться въ отечество, Шатобріанъ одинъ изъ первыхъ воспользовался этимъ позволеніемъ. Черезъ годъ послѣ этого онъ издалъ свою *Аталу* и потомъ *Духъ Христіянства (le Génie du Christianisme)*, сочиненія, имѣвшія громадной успѣхъ. Наполеонъ умѣлъ оцѣнить ихъ творца, и онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Римъ, а потомъ полномочнымъ министромъ въ Валлисъ. Но въ тотъ самый день (21 марта 1804 г.), когда герцогъ Ангенскій былъ разстрѣлянъ въ Венсенской крѣпости, Шатобріанъ подалъ отставку. Въ половинѣ 1806 года онъ отправился въ Іерусалимъ и воротился оттуда черезъ годъ съ двумя сочиненіями: съ поэмой *Мученики (les Martyrs)* и *Дневникомъ путешествія отъ Парижа до Іерусалима (l'Itinéraire de Paris à Jérusalem)*. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ избранъ въ члены французской академіи и занялъ кресло революціонера Марія Іосифа Шенье. Шатобріанъ никогда не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и въ своей пріемной рѣчи противъ обычая отказался отъ похвалъ своему предмѣстнику и имѣлъ смѣлость проповѣдывать о мирѣ въ то время, когда Франція, движимая геніемъ Наполеона, мечтала только о войнѣ и завоеваніяхъ. Шатобріанъ имѣлъ характеръ независимый, и потому никогда не могъ сойтись съ императоромъ. Онъ удалялся отъ государственныхъ дѣлъ и до самого паденія Наполеона проводилъ время въ трудахъ и въ сельскомъ уединеніи.

Вотъ что̀ говоритъ Наполеонъ о Шатобріанѣ:

«Священный огонь горитъ въ душѣ Шатобріана. Это доказываютъ его сочиненія. Слогъ его не походитъ на слогъ Расина, — въ его языкѣ есть что-то пророческое... Если онъ когда-нибудь будетъ во главѣ государства, — очень можетъ быть, что онъ впадетъ въ заблужденіе, — вѣрно только то, что все высокое и національное свойственно его генію.»

Вотъ что̀ Шатобріанъ говорилъ о Наполеонѣ:

«Бонапартъ сражается, окруженный шумомъ и блескомъ: онъ хочетъ стяжать себѣ имя, онъ только заботится о самомъ себѣ; кажется, онъ предчувствуетъ, что его поприще не будетъ продолжительно, что потокъ падающій съ такой высоты обрушится быстро. И Бонапартъ спѣшитъ вполнѣ пользоваться и насладиться своей славой, какъ человѣкъ, который на закатѣ своей юности хочетъ вполнѣ упиться наслажденіями жизни; подобно богамъ гомеровымъ, ему стоитъ сдѣлать только четыре шага, чтобы очутиться на концѣ міра; онъ проходитъ міръ исполинскими шагами и бросаетъ по дорогѣ короны своимъ родственникамъ и солдатамъ; онъ постоянно и во всемъ спѣшитъ: въ побѣдахъ также, какъ и въ законодательствѣ. Онъ разрушаетъ ре-

волюціонную гидру. Но, уничтожая анархію, онъ кончаетъ тѣмъ, что самъ лишается свободы въ послѣдней своей битвѣ.»

Людовикъ XVIII назначилъ Шатобріана посланникомъ въ Швецію, но возвращеніе Наполеона воспрепятствовало ему ѣхать въ мѣсто назначенія. Во время Ста дней онъ жилъ въ Гентѣ и при сотрудничествѣ г. Гизо издавалъ журналъ: *le Moniteur de Grand*. Его памфлетическія журнальныя статьи необыкновенно замѣчательны. Въ 1815 году онъ получилъ званіе пера и министра, но 5 сентября 1817 года уволенъ изъ министерства, по желанію короля, который былъ недоволенъ его смѣлыми и рѣзкими выходками противъ Деказа; потомъ онъ былъ нѣсколько времени посланникомъ въ Пруссіи и въ Лондонѣ, а въ 1822 году (въ декабрѣ) былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и присутствовалъ на веронскомъ конгрессѣ. Послѣ іюльской революціи 1830 года Шатобріанъ сложилъ съ себя званіе пера и возвратился къ частной жизни, изъ которой онъ не выходилъ до самой своей смерти. Шатобріанъ принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, о которыхъ онъ говоритъ устами своего Рене:

«Ихъ жизнь отличается въ одно и тоже время и величіемъ и наивностію; самые простые и смиренные изъ людей, они златоусты, прославляютъ боговъ; они разговариваютъ какъ безсмертные или какъ младенцы; они объясняютъ міровые законы и не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей въ жизни; они имѣютъ чудныя идеи о смерти и умираютъ не замѣчая ея какъ новорожденные.»

Такъ умеръ Шатобріанъ. При звукахъ страшной гражданской войны, окровавившей Парижъ, онъ почувствовалъ прежнюю энергію и хотѣлъ броситься на улицу, но улицы были забарикадированы, нельзя было ни проѣхать, ни пройти, и восьмидесятилѣтній старецъ печально опустился въ свои кресла и заплакалъ горькими слезами, узнавъ о героической смерти парижскаго архіепископа. Нѣсколько дней послѣ этого (4 іюля) онъ тихо скончался.

8 іюля, въ присутствіи всѣхъ парижскихъ знаменитостей, отпѣвали тѣло его въ церкви иностранныхъ миссій. По окончніи духовнаго обряда, директоръ французской академіи Патель произнесъ надъ гробомъ его рѣчь, которую мы переводимъ здѣсь въ сокращеніи:

«М. м. г. г.! Два дня назадъ тому Франція проводила въ могилу остатки геройскихъ гражданъ, искупившихъ кровію своею порядокъ общественный; вчера проливала она слезы надъ гробомъ пастыря церкви, свято и геройски отдавшаго жизнь свою за паству. Сегодня снова она присутствуетъ при погребеніи, — при погребеніи перваго изъ своихъ писателей, давшаго жизнь и движеніе современной литературѣ... Скоро минетъ полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ, въ краткіе промежутки времени, появились *Духъ Христіянства*, *Атала*, *Рене*, *Мученики* и *Дневникъ путешествія изъ Парижа въ Іерусалимъ*. Эти блистательныя творенія открыли новое поприще всѣмъ проявленіямъ мысли: критикѣ, исторіи, поэзіи... Въ этихъ сладкозвучныхъ, краснорѣчивыхъ твореніяхъ воспѣвалась нравственная и поэтическая красота

той Вѣры, алтари которой возстановлены были недавно могущественною рукою. Въ нихъ языческая древность прояснилась неожиданно глубокомысленными сравненіями съ памятниками христіянскаго искусства... Гибкій, мягкій и гармоническій слогъ Шатобріана крѣпнулъ съ каждымъ годомъ, умѣрялъ свои порывы, не охлаждая впрочемъ внутренней теплоты, и въ его историческихъ трудахъ явился сильнымъ и могущественнымъ, когда, по требованію времени, изъ поэта онъ превратился въ оратора и публициста. Никто изъ насъ не забылъ, какимъ безпримѣрнымъ одушевленіемъ, соединеннымъ съ страстью благородною и возвышенною, отличались его полемическія статьи. Пѣвецъ *Мучениковъ*, оставляя поэзію съ юными годами, сказалъ музѣ своей: «Я не забуду твоихъ внушеній... ты вознесла меня высоко, и сердце мое никогда не спустится съ этой высоты!...» — И онъ сдержалъ свое благородное обѣщаніе. Не мнѣ и не здѣсь оцѣнять партіи и государственныхъ людей, слѣдовавшихъ въ нашемъ вѣкѣ другъ за другомъ на оживленной аренѣ гражданскихъ раздоровъ Франціи. Судъ надъ ними предоставленъ исторіи. Она должна раздавать хвалы и порицанія. Но мы не обинуясь можемъ сказать, что повсюду, гдѣ возвышенныя дарованія Шатобріана находили свое настоящее назначеніе: въ совѣтахъ государственныхъ, въ кабинетахъ царскихъ, на конгрессахъ среди неизбѣжныхъ бурь и потрясеній жизни, — онъ всегда былъ жаркимъ защитникомъ независимости своего отечества, его могущества, его достоинства. Зато общественное уваженіе, не всегда идущее за славою, послѣдовало за нимъ въ уединеніе частной жизни, гдѣ онъ успокоился послѣ бурь гражданскихъ. Имя его, вплетавшееся въ самыя жаркія пренія литературныхъ исковъ и политическихъ партій, вышло изъ этихъ испытаній великимъ и чистымъ. Въ послѣднее время изнеможеніе старости и грусть о жестокихъ потеряхъ видимо приближали его къ могилѣ, и Французская академія, которой онъ былъ украшеніемъ и гордостію, со страхомъ ожидала той минуты, въ которую она на-вѣки должна была разлучиться съ своимъ знаменитымъ членомъ. Эта минута наступила, и мы предстоимъ останкамъ его. О, для выраженія нашей скорби, я желалъ бы имѣть голосъ болѣе сильный, слово болѣе краснорѣчивое... Эту скорбь не утолитъ послѣднее прощанье: нѣтъ! она будетъ въ насъ усиливаться по мѣрѣ возрастающаго удивленія къ его благородной жизни, къ его твореніямъ безсмертнымъ...»

Тѣло Шатобріана, по его завѣщанію, перевезено изъ Парижа на пустынный утесъ близъ Сенъ-Мало и погребено на берегу океана, который онъ такъ любилъ, и гдѣ уже за нѣсколько лѣтъ передъ своею кончиною приготовилъ себѣ могилу. Все народонаселеніе Бретани вышло во срѣтеніе смертнымъ останкамъ одного изъ своихъ благороднѣйшихъ сыновъ. Тѣло Шатобріана, по порученію Французской академіи, сопровождалъ г. Амперъ.

— Февральская революція довела всѣ парижскіе театры до самаго бѣдственнаго состоянія; нѣкоторые изъ нихъ уже совсѣмъ закрыты.

На другой день послѣ революціи, когда еще всѣ рабочіе и магазины были заперты, — театры, по просьбѣ временного правительства, оставались постоянно открытыми, жертвуя собственными выгодами пользамъ общественнымъ и рискуя совершенно обанкротиться. Въ то время, какъ хозяева распустили всѣхъ своихъ работниковъ, директоры театровъ сохранили всѣхъ своихъ артистовъ, не уменьшивъ жалованья, и этимъ спасли многихъ отъ голодной смерти.

Всѣхъ болѣе пострадалъ *Національный театръ* (Большая Опера). Съ 24 февраля ежедневный сборъ уменьшался въ страшной прогрессіи; окончившіеся абонименты не возобновлялись. Расходы этого театра простирались въ мѣсяцъ до 110,000 фр.; ежемѣсячные сборы съ 24 февраля не превосходили 20,000 фр.; сумма эта, вмѣстѣ съ 50,000 фр. ежемѣсячнаго вспомоществованія отъ правительства, доставляла только 70,000 фр. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, ежемѣсячный дефицитъ Національнаго театра представлялъ 40,000 фр. Директоры должны были значительно уменьшить жалованье первымъ сюжетамъ; но этою мѣрою расходы уменьшились только на 18,000 фр. въ мѣсяцъ. О постановкѣ новыхъ пьесъ нечего было и думать. Послѣ іюльской революціи 1830 года, правительство назначило 940,000 фр. вспомоществованія Большой Оперѣ, и кромѣ того тогдашній министръ коммерціи прибавилъ къ этой суммѣ 30,000 фр. изъ суммъ своего департамента.

По предложенію министра внутреннихъ дѣлъ г. Сенара, національное собраніе вотировало къ 620,000 фр. вспомоществованія, которое Большая Опера получала прежде отъ правительства, еще 170,000 фр. въ годъ, и сверхъ того единовременнаго пособія для другихъ театровъ:

Для театра Республики (бывшаго Французскаго театра) .	105,000 фр.
Комической оперы	80,000 —
Одеона	45,000 —
Gymnase	30,000 —
Porte-Saint-Martin	35,000 —
Vaudeville	24,000 —
Variétés	24,000 —
Montansier (бывшій палеройяльскій)	15,000 —
Ambigu-Comique	25,000 —
Gaîté	25,000 —
Историческаго театра г. Дюма	27,000 —
Цирка	4,000 —
Folies-dramatiques	11,000 —
Délassemens-Comiques	11,000 —
Beaumarchais	10,000 —
Théâtre Cazary	4,000 —
— *des Funambules*	5,000 —
— *du Luxembourg*	5,000 —
Театровъ, находящихся въ окрестностяхъ Парижа.	10,000 —
Ипподрома	5,000 —
На непредвидимыя издержки	10,000 —
Всего	690,000 фр.

Кромѣ этого назначено въ помощь бѣднымъ артистамъ 200,000 фр. и литераторамъ 100,000 фр.

Безъ этого пособія театры должны бы рѣшительно обанкротиться. Новыхъ особенно замѣчательныхъ пьесъ на театрахъ послѣ комедіи г. Араго: «Аристократы», никакихъ не появлялось, исключая драмы г. Бальзака, о которой мы уже упоминали въ VI книжкѣ Современника, и содержаніе которой мы представляемъ въ этой книжкѣ. О содержаніи разныхъ новыхъ комедій и водевилей мы не считаемъ нужнымъ сообщать нашимъ читателямъ, потому-что всѣ эти комедіи и водевили ниже посредственности. Г. Понсаръ пишетъ трагедію *Шарлотта Корде.* Мы читали отрывки изъ этой трагедіи; но они тоже не представляютъ въ себѣ ничего замѣчательнаго.

Г. Бальзакъ въ своей *Marâtre* (Мачиха) сдѣлалъ попытку ввести въ почетъ трагедію задушевную, домашнюю, семейную, которая, когда будутъ узнаны всѣ ея источники, окончательно замѣнитъ героическую трагедію. «Какого бы мнѣнія мы не держались относительно сочиненій г. Бальзака вообще» — говоритъ одинъ французскій критикъ — «было бы несправедливо не признать въ немъ стойкости, силы литературной воли, которая умѣетъ удовлетворять себя сама и жить собственною мыслью въ то время, когда, повидимому, обстоятельства могли бы поколебать ее или разсѣять. До сихъ поръ успѣхъ г. Бальзака на театрѣ былъ невеликъ. Юмористъ въ *Vautrin* и *Quinola*, блѣдный и неискусный драматургъ въ *Paméla Giraud*, казалось, онъ утратилъ способность наблюденія и анализа, которыхъ неопровержимыя доказательста видимъ мы въ его романахъ, не замѣнивъ ихъ искусствомъ отдѣлки, внезапностію ощущеній, искусствомъ увеличить интересъ самымъ ходомъ драмы, чтó намъ нравится иногда въ другихъ авторахъ, болѣе посредственныхъ. *La Marâtre* гораздо выше его первыхъ драматическихъ опытовъ: очевидно, г. Бальзакъ на этотъ разъ подумалъ о возстановлеіи драмы Дидеро и Мерсье, при момощи наблюдательности и открытій, собранныхъ имъ на поприщѣ обширномъ и трудолюбивомъ. Онъ старался примѣнить къ театральной оптикѣ способность психологическаго взгляда, упорную и терпѣливую способность отдѣлять неизбѣжное отъ дѣйствительности, чтó и составляетъ характеристическую черту его таланта. Освободиться отъ замашки условной комедіи, довольствующейся тѣмъ, чтó царапаетъ по поверхности, проникнуть въ глубину жизни сердечной, взять себѣ въ музы нѣчто въ родѣ мѣщанской Мельпомены, посвящающей насъ въ дѣйствительность невѣдомую, подземную, которую точатъ страсти подъ внѣшностію совершенно тихою, сдѣлать насъ свидѣтелями развитія дѣйствія обыкновеннаго, состоящаго, повидимому, изъ обычныхъ происшествій домашней жизни, и таящаго внутри несравненно болѣе ощущеній, неожиданныхъ переворотовъ и горестей, чѣмъ въ древности подъ какимъ-нибудь портикомъ греческимъ или римскимъ, — вотъ цѣль, которую назначилъ себѣ г. Бальзакъ.

«Самое названіе — *Мачиха*, уже возвѣщало намъ о внутренней жизни, гдѣ господствуетъ авторъ *Eugénie Grandet*, гдѣ молчаливыя страданья и глухія волненья сильно колышатся подъ наружнымъ спокойствіемъ и тишиною; но это названіе имѣетъ ту несообразность, что оно не представляетъ намъ того, что́ заставляетъ предполагать. Вмѣсто того, чтобы очертить тайный недугъ, который вносится въ семейство почти неизбѣжнымъ соперничествомъ между дѣтьми отъ перваго брака и требованіями второй жены (сюжетъ, который, несмотря на свою простоту, можетъ быть предметомъ цѣлой драмы), пьеса г. Бальзака представляетъ намъ картину женскаго соперничества, ожесточенную дуэль между замужнею женщиною и молодою дѣвушкою, любящими одного и того же мужчину, одна — съ неукротимымъ порывомъ преобладающей и единственной страсти, другая — съ мужественною энергіею и неподобимымъ коварствомъ дипломата въ бѣломъ платьѣ.

«Въ первыхъ двухъ актахъ г. Бальзакъ выказалъ сильный талантъ. Шестидесятилѣтнее легковѣріе генерала Граншана, льва, укрощеннаго хитрою и развратною женщиною; пребываніе въ семействѣ молодого человѣка, подъ вымышленнымъ именемъ, сына одного изъ маршаловъ, отложеніе которыхъ было причиною паденія императора, ненавистныхъ генералу; двойная любовь, внушенная этимъ молодымъ человѣкомъ Полинѣ, дочери Граншана, и Гертрудѣ, его второй женѣ; вмѣшательство доктора и генеральнаго прокурора; наконецъ невинная хитрость страннаго ребенка, котораго одно слово можетъ внезапно освѣтить ужасныя тайны, — все это драматическіе элементы, заключающіе въ себѣ зародышъ трогательныхъ сценъ и поразительныхъ эффектовъ. Въ наружномъ видѣ этой жизни покойной, монотонной, патріархальной, въ которой разсѣянный зритель замѣтитъ только безвредное препровожденіе времени и дружескія улыбки, есть какая-то безпокойная тишина, таинственное томленіе — предвѣстникъ бурь и волненій. Это уже много, это уже успѣхъ дѣйствительный, если человѣкъ съумѣлъ показать, не впадая въ мелодраматическія общія мѣста, что и на диванѣ и за карточнымъ столомъ человѣческія страсти могутъ разыграться также трагически, какъ и въ идеальномъ мірѣ, гдѣ выставляются лица историческія.

Къ несчастію, вторая половина драмы г. Бальзака не такъ удовлетворительна и уменьшаетъ впечатлѣніе первой. Здѣсь онъ впадаетъ въ полную мелодраму: здѣсь выступаютъ на сцену и опіумъ, и ядъ — вся преступная аптека, которая, кажется, совершенно была истреблена новѣйшею драмою. Физіономіи лицъ стушовываются или дѣлаются пошлыми. Докторъ и прокуроръ, показавшіеся наблюдателями, стражами при началѣ драмы, когда ихъ дальновидность должна многое проникнуть, во второмъ актѣ не имѣютъ никакой роли; они вступаютъ въ свои обыкновенныя должности: одинъ тщетно употребляетъ все свое искусство, чтобы спасти отравленную Полину, другой является при развязкѣ съ своими судьями и жандармами. Главные характеры

утомляетъ зрителя, потому-что авторъ, по свойственной ему привычкѣ, все преувеличиваетъ. Есть что-то возмутительное въ лицѣ молодого человѣка, внесшаго горе и стыдъ подъ кровъ этой семьи, прибѣгающаго къ одной только лжи; не питая уваженія ни къ ея воспоминаніямъ, ни къ надеждамъ, ни къ молодой женщинѣ, которая его любила, ни къ дѣвушкѣ, которую любитъ самъ, онъ открываетъ тайну своей первой любви, чтобы упрочить судьбу второй. А Полина? Тутъ является любимый тезисъ автора: существамъ самымъ туманнымъ онъ придаетъ глубокое притворство и энергію, медленно пріобрѣтенныя размышленіемъ и уединеніемъ. Такое данное невозможно: оно выводитъ на сцену героиню совершенно отличную отъ обыкновеннаго въ комедіи типа — *простодушныхъ;* это стремленіе (столь сильное въ талантѣ г. Бальзака) все преувеличивать завлекло его слишкомъ далеко. Очеркъ вѣрный и быстрый былъ бы гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ навязчивость автора, съ которою онъ, по поводу молодой двадцатилѣтней дѣвушки, хочетъ нарисовать намъ женщину-Макіавеля. Законъ противоположностей, необходимый для сценическихъ произведеній, долженъ бы былъ посовѣтовать г Бальзаку выставить Полину совершенно въ другомъ свѣтѣ и противопоставить хитрой, горячей и неумолимой мачихѣ одно изъ тѣхъ чистыхъ и нѣжныхъ лицъ, которыя, сколько я знаю, никогда не выходили однообразны или ничтожны, подъ перомъ Шекспира и Гёте, въ лицѣ Офеліи или Маргариты. Представляя намъ дѣвушку любящую и наивную, сильную лишь своею любовью и непорочностію, въ довольно удачной борьбѣ противу такой хитрости и ненавистной ревности, авторъ достигъ бы болѣе драматическаго и нравственнаго эффекта, чѣмъ борьбою съ равнымъ оружіемъ.

Наконецъ во второй части не слишкомъ соблюдена логика характеровъ и происшествій. Интересъ, вращавшійся въ первыхъ четырехъ актахъ единственно на Полинѣ и ея любви, вдругъ переносится на Гертруду, за минуту ненавистную, а теперь обвиненную въ преступленіи, котораго она не совершила. Энергія, съ которою она защищается, отвращеніе, вызываемое ею къ этому преступленію, не согласуются съ первоначальнымъ значеніемъ роли лица, которое, на основаніи данныхъ, не должно, кажется, пугаться ни отравы, ни убійства. Видно, что авторъ не воспользовался всѣми драматическими элементами, которые были у него подъ рукою; онъ не довольно искусно распредѣлилъ части, которыя въ цѣломъ могли бы составить прекрасную драму: онъ уступилъ какой-то запальчивости, которая овладѣваетъ имъ обыкновенно въ извѣстный моментъ его произведеній и заставляетъ его потерять изъ виду точку, на которой онъ долженъ остановиться; карандашъ, начавшій свое дѣло отчетливо и тонко, вдругъ ломается, и нѣжная линія абриса является совершенно черною.

Но чтожь изъ этого! повторяемъ еще разъ, это попытка достойная ободренія со стороны критики; она показываетъ на возвращеніе къ истиннымъ источникамъ драмы, не драмы внѣшней, случайной,

испещренной приключеніями и театральными штуками, успѣхъ которой зависитъ отъ игры, машинъ и обстановки, но драмы истинной, той, которая заключается въ сердцѣ общества и семейства, съ ея тайными крушеніями, которыя вносятъ безпрестанныя противоположности законовъ и нравовъ, условій и страстей.

«Твердо идя по этому пути, г. Бальзакъ быть можетъ снова пріобрѣтетъ тотъ успѣхъ, которымъ увѣнчались его романы. Чего недостаетъ драматическимъ произведеніямъ нашего времени? Проникающей наблюдательности, искусства доходить до всего, что́ полно жизни и истины, чувства дѣйствительности, украшенной вымысломъ. Бальзакъ обладаетъ всѣми этими качествами, и, чтобы достичь успѣха на сценѣ, ему стоитъ только очистить ихъ отъ безплоднаго блеска, отъ чужеядныхъ растеній, которыя такъ часто истощали и даже заглушали эти качества въ его сочиненіяхъ».

— Національный парижскій театръ (Большая Опера) открылся 26 іюля, первый разъ послѣ іюльскаго возмущенія, оперою Мейербера — *Робертомъ*. Г. Берліозъ пишетъ, что Ализаръ, исполнявшій роль *Бертрама*, былъ превосходенъ, что голосъ его, всегда прекрасный, еще значительно улучшился въ послѣднее время. Роль *Роберта* игралъ ученикъ консерваторіи г. Геймардъ *(Gueymard)*. У Геймарда — говоритъ г. Берліозъ — очень чистый и звучный теноръ, и въ пѣніи его замѣтна чрезвычайная легость. Г-жа Гриммъ, дебютировавшая въ *Алисѣ*, принята была съ большимъ одобреніемъ, котораго она вполнѣ заслуживаетъ. У нея голосъ пріятный и сильный даже для такой сцены, какъ сцена Большой Оперы.

— На сценѣ *Комической оперы* будетъ скоро поставлена опера г. Ребера *Рождественная ночь*. Г. Берліозъ отзывается объ этой оперѣ съ большою похвалою.

Для дебюта знаменитой синьоры Тадолини была дана на *театрѣ Королевы* прекрасная, патетическая опера Донидзетти: «Линда-ди-Шамуни», первый актъ которой можетъ быть причисленъ едва ли не къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго маэстро.

Длинный рядъ оперъ, написанныхъ собственно для Тадолини, доказываетъ, что она недаромъ пользуется славою. Дѣйствительно, несмотря на безпрестанное дрожаніе голоса, нельзя не отдать справедливости его прелести и постоянной ровности во всемъ діапазонѣ. Безъ сомнѣнія, хотя онъ никогда не можетъ сравниться въ выразительности съ голосомъ Пасты, Кембль и Линдъ, въ блескѣ съ Зонтагъ, Гризи и Дорюсъ-Гра, и въ гибкости съ Персіани, Віардо и Чинти-Даскоро, однако тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ свои собственныя достоинства: онъ обширенъ, пріятенъ, нѣженъ, плавенъ и звученъ; объемъ его заключаетъ болѣе двухъ октавъ; по общему отзыву, особенно совершенна его интонація. Что́ касается до исполненія, то, судя по первому дебюту, оно вообще удовлетворительно, хотя нисколько не необыкновенно. Прежде появленія Тадолини въ Лондонѣ такъ было много наговорено о красотѣ ея голоса, что многіе были очень пора-

жены недостаткомъ граціозности въ употребленныхъ ею украшеніяхъ; и этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ для тѣхъ, кто имѣлъ случай слышать Персіани въ роли Линды. Какая разница, и не въ одномъ пѣніи, а даже и въ игрѣ! Повидимому, артистическая слава Тадолини основывается болѣе на природной прелести и методѣ ея пѣнія, чѣмъ на драматическомъ талантѣ. Во второмъ актѣ, въ сценѣ съ маркизомъ, она слишкомъ походитъ на субретку, а въ сценѣ съ отцомъ нельзя не упрекнуть ея въ отсутствіи чувства; зато сцена сумасшествія несравненно лучше. Хотя въ Линдѣ, какъ слышно, Тадолини лучше нежели въ другихъ операхъ, однако вѣроятнѣе, что она съ бóльшимъ успѣхомъ исполняетъ роли серьёзнаго характера; въ роляхъ же нѣжныхъ и комическихъ она едва ли можетъ обворожить кого-нибудь. Это особенно доказывается представленіемъ «Донъ-Пасквале», въ которомъ Тадолини болѣе чѣмъ неудачно занимала роль Норины, несмотря на блистательное содѣйствіе старика Лаблаша, всегда исполненнаго самаго естественнаго, высокаго комизма.

Появленіе Дженни Линдъ въ «Лучіи» произвело восторгъ въ огромной толпѣ слушателей и обожателей ея таланта. Игра ея глубоко изучена и обдумана, иногда оживлена счастливыми минутами, которыя встрѣчаются только у первокласныхъ артистовъ. Къ числу такихъ сценъ должно отнести сцену съ братомъ при чтеніи письма въ началѣ второго акта. Сцена контракта можетъ быть выработана слишкомъ въ нѣмецкомъ вкусѣ, но тѣмъ не менѣе исполняется прекрасно. Сумасшествіе, столько утомительное, однообразное и исполненное общихъ мѣстъ даже у замѣчательнѣйшихъ примадоннъ, поражаетъ иногда истинно страшными минутами. Относительно музыкальнаго исполненія должно замѣтить, что Дженни Линдъ въ трагическихъ роляхъ не поддерживаетъ своей славы: она употребляетъ слишкомъ много усилій и слишкомъ старается казаться пламенной и энергичной, и въ этомъ отношеніи, точно также, какъ въ нѣжности и сладости, она не можетъ заставить забыть пѣніе Персіани и Дорюсъ-Гра въ той же роли. Кажется, репертуаръ знаменитой шведской пѣвицы достаточно показалъ, гдѣ предѣлъ ея опернаго могущества: все, что требуетъ силы, ей недоступно, и всѣ попытки ея въ этомъ случаѣ оставались или неудачными, или не выдерживали сравненія съ ея соперницами: Гризи — въ Нормѣ, Віардо — въ Соннамбулѣ, Персіани — въ Лучіи.

Гардони, занимавшій роль Эдгардо, въ продолженіи бóльшей части оперы былъ слишкомъ слабъ и нѣженъ, и потому партія его по необходимости должна была стать на второмъ планѣ. Хотя его и заставили повторить сцену проклятія, но этотъ знакъ одобренія былъ отнюдь не наградою за исполненіе ея, вовсе не удовлетворительное, а былъ слѣдствіемъ неумѣренныхъ знаковъ порицанія со стороны одной части слушателей.

Синьоръ Колетти пѣлъ, какъ и всегда, прекрасно, благородно. Выраженіе его голоса и игра (въ роли Амтона) даже отличались особен-

нымъ одушевленіемъ. Впрочемъ о немъ можно сказать, что за какую бы партію онъ ни взялся, какъ бы ни была она мала, онъ всегда можетъ быть увѣренъ въ полномъ къ нему вниманіи и сочувствіи.

За тѣмъ къ репертуару Дженни Линдъ прибавился «Любовный Напитокъ», эта грустно-веселая, граціозная опера Донидзетти, которая заставляетъ жалѣть, что поспѣшная, почти всегда заказная работа помѣшала комическому таланту композитора развиться до той степени, какой бы онъ могъ достигнуть. Безъ сомнѣнія, «Лучія, Донъ-Пасквале и Напитокъ» навсегда останутся ярко-блестящими алмазами въ вѣнкѣ славы Донидзетти. Говорятъ, что роль Адины принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ ролей Дженни Линдъ, по-крайней-мѣрѣ она изучила эту оперу съ большою отчетливостію. Кокетство ея истинно безжалостное; надо видѣть, съ какой мастерски-поддѣльной веселостію разсказываетъ она исторію королевы Изотты: каждое движеніе глазъ, рукъ, головы, смѣхъ, — все направлено къ тому, чтобы выразить бѣдному Никорино (Гардони) ея беззаботность и невниманіе къ нему; но въ слѣдующихъ сценахъ ея своенравіе слишкомъ рѣзко: къ кокетству подмѣшивается слишкомъ много злости: въ обѣщаніяхъ сержанту Белькоре (Бемитти) такъ много искренности, что они даже не кажутся шуткой, а въ дуэтѣ съ докторомъ мало игривости и много скромности. Роль Адины, для большей ясности, можетъ быть сравнена съ положеніемъ Церлины, когда Донъ-Жуанъ хитрыми обѣщаніями старается заманить ее въ *casinetto suo:* Церлина борется съ собою въ нерѣшительности: *vorrei, e non vorrei,* говоритъ она въ восхитительномъ дуэтѣ. Адина же, напротивъ того, просто кокетничаетъ и вполнѣ располагаетъ собою: оттого такъ торжествуетъ переходъ отъ ея игривости къ возвышенному чувству кающейся любви, въ аріи: *prendi, per me sei libero;* оттого сцена эта глубоко проникаетъ въ душу послѣ прелестнаго романса Никорино: *una furtiva lagrima,* въ которомъ такъ трогательно выражена его полуувѣренность въ любви Адины. Съ этой точки зрѣнія этотъ переходъ перестаетъ быть простымъ театральнымъ эффектомъ. И нельзя не упрекнуть Дженни Линдъ въ томъ, что она не поняла этого положенія, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи къ пѣнію въ финалѣ трудно отдать первенство кому-нибудь изъ знаменитѣйшихъ артистокъ.

На Ковентгарденскомъ театрѣ съ особеннымъ блескомъ дана была «Фаворитка», Донидзетти: постановка, оркестръ, хоры, танцы, — все было превосходно. Только отсутствіе Ронкони нѣсколько нарушило общее прекрасное впечатлѣніе, произведенное этимъ представленіемъ Въ роли Фернандо, безъ сомнѣнія, никто не можетъ сравниться съ Маріо, съ тѣхъ поръ, какъ Рубини оставилъ сцену. Арія его въ четвертомъ актѣ была повторена по самому восторженному требованію, какого только можетъ ожидать артистъ, привыкшій къ рукоплесканіямъ: слѣдующій за тѣмъ дуэтъ съ Леонорой (Гризи) былъ совершенствомъ драматическаго пѣнія. Даже въ игрѣ Маріо было болѣе страсти, чѣмъ обыкновенно; конечно, можетъ быть онъ въ этомъ отношеніи, осо-

бенно въ третьемъ актѣ. не можетъ быть на ряду съ Дюпре, для котораго и написана эта роль, но зато онъ моложе, въ его наружности много рыцарскаго, въ игрѣ менѣе изученія, но и больше простоты.

Но всѣ похвалы должны быть отданы синьорѣ Гризи и голосъ, и игра, и наружность были въ полномъ блескѣ. Англійскій критикъ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, говоритъ: «Въ общемъ исполненіи ролей съ ней не можетъ равняться ни одна изъ современныхъ примадоннъ. Теперь это можно сказать рѣшительно. Соперничество и сравненіе не только не повредили, но, напротивъ, помогли г-жѣ Гризи. Множество знаменитѣйшихъ пѣвицъ, которыя бывали въ Лондонѣ съ 1834 года, то есть со времени перваго ея появленія на здѣшней сценѣ, не похитили у ней ни одной изъ ея лучшихъ партій: Нормы, Анны Боленъ, Семирамиды, Лукреціи, Донны-Анны, Сусанны и другихъ. Это не должно быть забыто въ исторіи ея артистическаго поприща, и справедливость требуетъ сказать это особенно теперь, когда она поетъ въ одно время съ шестью соперницами: Персіани, Віардо, Линдъ, Альбони, Тадолини и Кастелланъ. Нѣжность и сила ея голоса и отдѣлка въ исполненіи послѣдняго дуэта въ Фаворигкѣ навсегда останутся памятными».

Петербургская любимица Віардо-Гарсіа, за болѣзнію Гризи, взяла на себя роль Донны Анны въ моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ». Строгость, съ которою музыкальные критики разбираютъ пѣніе и игру ея, уже ясно доказываютъ превосходство таланта этой пѣвицы; да и можетъ ли быть иначе, если Віардо семь лѣтъ тому назадъ появилась впервые на сценѣ съ такими достоинствами, какими многимъ артисткамъ не счастливилось обладать даже въ эпоху своей славы. Однако говорятъ, что голосъ ея показался недовольно ровнымъ и сильнымъ; зато огненность и естественность въ пѣніи и игрѣ произвели общій восторгъ: вся роль отъ начала до конца показываетъ умное, отчетливое изученіе и чувство: нигдѣ не замѣтно ни малѣйшаго педанства и напыщенности; въ речитативѣ она едва ли имѣетъ соперницъ.

Въ роли Ромео въ беллиніевой оперѣ «*Montecchi e Capiletti*» она еще болѣе понравилась лондонской публикѣ. Этой оперы не давали въ Лондонѣ лѣтъ четырнадцать, частію потому, что она вообще принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній Беллини, частію же потому, что со времени Пасты и Молибранъ не было пѣвицы, которая бы могла взять на себя роль Ромео. Въ настоящій же сезонъ мало было подобнаго игрѣ и пѣнію Віардо. Изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ указываютъ на четыре: первый дуэтъ съ Джульеттой, сцену, когда враждебная партія открываетъ Ромео въ комнатѣ Джульетты, битву съ Тебальдо и сцену у гробницы, и особенно послѣднюю; тутъ всякое движеніе, всякой звукъ пѣвицы былъ проникнутъ нѣжностію и страстію, а въ предсмертныхъ страданіяхъ нѣтъ ни малѣйшей натянутости. Говорятъ, въ сценическомъ отношеніи у Віардо находятъ много сходства съ Ронкони, можетъ быть оттого, что какъ у него, такъ и у ней душевныя силы превосходятъ физическія средства.

Кастелланъ съ большимъ успѣхомъ занимала роль Джульетты.

— По статистическимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ однимъ изъ французскихъ журналовъ, въ настоящее время находится на галерахъ 7,953 преступника, изъ которыхъ 1.327 отправлены туда въ 1847 году.

Изъ 1,327, 586 сосланы вторично (слѣдовательно, болѣе трети). Итакъ, если изъ тюрьмы выпущено 20 человѣкъ, то можно навѣрно предположить, что восьмеро изъ нихъ или по крайней-мѣрѣ семеро попадутъ опять подъ запоры, не говоря уже о тѣхъ, чьи преступленія укроются отъ правосудія и останутся безъ наказанія.

«Доказано, что десятый изъ осужденныхъ на галеры» — говоритъ авторъ статьи, изъ которой мы представляемъ это извлеченіе — «умираетъ въ первый годъ. Итакъ, каждый присяжный, положившій отослать десятерыхъ обвиненныхъ на каторжную работу, можетъ быть увѣренъ, что одинъ изъ этихъ людей приговоренъ имъ на смерть вѣрную и почти столь же быструю, какъ и смерть на эшафотѣ.

Чему же приписать такую страшную разницу? Безъ сомнѣнія, нравственному впечатлѣнію, ужасу, который ощущаетъ осужденный, видя, что общество ввергаетъ его въ бездну позора, изъ которой онъ уже не выйдетъ, а если и выйдетъ, то съ неизгладимою печатью вѣчнаго отверженія, потому-что галеры во многомъ походятъ на адъ Данта; общество, кажется, написало надъ галерными вратами «Да оставитъ всякую надежду тотъ, кто вошелъ сюда.»

Галеры не только не исправляютъ, не только портятъ, но еще убиваютъ. И кого же убиваютъ онѣ? И кто же умретъ изъ десяти осужденныхъ, отъ стыда, ужаса и отчаянія? Закоренѣлый преступникъ, недоступный никакому чувству? Нѣтъ: умретъ лучшій изъ нихъ, наименѣе виновный, — однимъ словомъ, одинъ порядочный изъ десяти, тотъ, у котораго совѣсть еще не заснула, въ чьемъ сердцѣ есть еще довольно благородства, чтобы оно разбилось отъ прикосновенія къ позору. Напротивъ того, другіе, недоступные стыду, они увидятъ въ галерахъ убѣжище сносное, послѣ всего, что они сдѣлали, достойныхъ товарищей, пребываніе подъ открытымъ небомъ, которое гораздо лучше, чѣмъ удушливое заключеніе въ городскія тюрьмы; съ этимъ согласна большая часть преступниковъ.

И что же? можно ли повѣрить? изъ этого-то результата защитники галеръ почерпаютъ свои главные аргументы. «Дома, гдѣ изъ десяти осужденныхъ въ первый годъ одинъ умираетъ — говорятъ они — не походятъ на увеселительные дома.» Конечно это не увеселительные дома, но не слѣдуетъ налагать на менѣе виновнаго самыя ужасныя наказанія и щадить преступника по причинѣ его закоренѣлости и разврата.

Итакъ, изъ десяти человѣкъ, осужденныхъ на галеры, одинъ умираетъ въ первый годъ своей ссылки. Какая же участь прочихъ девяти? Они, несмотря на возрастъ, преступленіе, званіе, несмотря на степень ихъ наказанія, ихъ развращенность, живутъ по парно, ско-

ванные цѣпью [1], въ домѣ, гдѣ происходятъ всевозможныя безстыдства, преступленія и позоръ. Тамъ, единственное зрѣлище преступниковъ есть совокупность всѣхъ современныхъ чудовищностей, всѣхъ преступленій, совершонныхъ въ наше время, всѣхъ пороковъ, о какихъ могли только мечтать и коснѣть въ нихъ существа самыя ненавистныя изъ цѣлой эпохи. Этимъ натурамъ испорченнымъ, или слабымъ, или безумнымъ, показывается только безуміе, или слабости, или развратъ. Изъ всѣхъ пороковъ создается связь всеобщей порчи и сюда-то, для исправленія, ввергаютъ въ середину семи тысячъ самыхъ ужасныхъ примѣровъ, семи тысячъ самыхъ гнусныхъ характеровъ, несчастнаго, который совершилъ преступленіе быть можетъ единственно по примѣру или по одной только наклонности своей природы. Тамъ эти люди безъ вѣры, безъ правилъ — люди, которые, по большой части не понимаютъ различія между добромъ и зломъ, живутъ вмѣстѣ, сообщаютъ свою заразу, пополняютъ себя взаимно, не подозрѣвая, что существуетъ честность, не слыша разумныхъ толкованій, что они сами могли бы быть и могутъ быть честными. «Монета въ десять пенсовъ — читаемъ мы въ отчетѣ, публикованномъ въ Бостонѣ [2] — если держать ее передъ глазомъ, скрываетъ дискъ отдаленной планеты; точно такъ и три тысячи преступниковъ, поставленныхъ передъ глазами каждаго арестанта, скрываютъ отъ него общество, которое остается позади». Каторжникъ видитъ одно зло, въ немъ онъ живетъ; можно достовѣрно сказать, что несчастный, вслѣдствіе какого-нибудь проступка, — проступка, который не показываетъ даже сильнаго нравственнаго разврата, занесшій ногу на галеры, погибъ безъ возврата. Въ этотъ день онъ вступаетъ въ общество злоумышленниковъ, — въ общество непріязненное, непримиримое, которое покоряется своему позору. Лишь только заглянулъ онъ въ эту трущобу отверженныхъ — онъ уже отмѣченъ навсегда. Что́ бы онъ послѣ ни дѣлалъ, куда бы ни пошелъ, его вездѣ узнаютъ; общество не терпитъ бѣглецовъ. Предположите (что́ совершенно невозможно), предположите, что человѣкъ, испортившійся среди обще-

(1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — замѣчаетъ авторъ статьи «О преступленіяхъ во Франціи» — я посѣтилъ рошфорскія галеры и былъ свидѣтелемъ ужасной сцены. На краю дороги, по которой я ѣхалъ, увидѣлъ я на землѣ двухъ преступниковъ. Съ однимъ изъ нихъ сдѣлался припадокъ эпилепсіи (падучей болѣзни); конвульсіи его были ужасны: онъ катался по землѣ; на его лицо, чтобы скрыть отъ прохожихъ, накинутъ былъ платокъ, съ голубыми клѣтками, который я вижу какъ теперь. Между тѣмъ товарищъ его по цѣпи сидѣлъ на землѣ, собиралъ песокъ, цѣдилъ его между пальцевъ, образовывалъ вокругъ себя бугорки, расположенные на подобіе квадратовъ шашечницы. Когда больной, катаясь въ конвульсіяхъ, отдалялся отъ него и натягивалъ цѣпь, тогда онъ грубо притягивалъ его къ себѣ; если же больной разстроивалъ симетрію его бугровъ, то онъ отпихивалъ его и билъ кулакомъ.

(2) *Essay on separate and congregate systems of prison discipline*, соч. Гова, Бостонъ

ства честнаго и считавшійся преступнымъ между нами, очистился на галерахъ и сдѣлался какъ Треиморъ Жоржъ-Санда добродѣтельнымъ среди порока,—что ему удастся, по выходѣ изъ галеръ, добиться честнаго существованія: знаете ли, что̀ случится? А то, что никакое переодѣванье, ни одинъ уголокъ Франціи не укроетъ его отъ взоровъ его старыхъ товарищей, что его скоро узнаютъ, опозорятъ и втолкнутъ на дорогу, которой онъ хотѣлъ избѣгнуть, потому-что всѣ другія будутъ для него закрыты.

«Да и какъ сдѣлать ему свое существованіе сколько-нибудь почтеннымъ? Кто его возьметъ къ себѣ въ услуженіе? Захочетъ ли кто-нибудь имѣть слугою освобожденнаго каторжника? Ужели можно допустить, что, возвратясь съ галеръ съ обнаженною головою, онъ легко найдетъ себѣ покровителя, честныхъ сотоварищей или хотя работу въ чьей-нибудь мастерской? Можно ли требовать, чтобы онъ одинъ, униженный, терпящій недостатокъ во всемъ, человѣкъ безъ имени, безъ семьи, безъ чести, безъ сердечной привязанности переносилъ безропотно всю горечь своего существованія, превозмогалъ всѣ препятствія и постоянно стремился къ добру? Прежде всего ему нужно жить; чтобы жить, ничего не имѣя, необходимо какое-нибудь ремесло; а за какое же ремесло ему приняться, если онъ не знаетъ ни одного изъ нихъ? Если ему незнакомо ни одно изъ ремеслъ, то ему остается итти просить милостыню; а если онъ будетъ нищенствовать, всякой скажетъ ему: иди, работай! Зная, что онъ пришелъ съ галеръ, всякой удалитъ его отъ себя съ отвращеніемъ, — и тотъ, кто сдѣлаетъ это, будетъ правъ, потому-что нищій этотъ не только сдѣлалъ когда-то преступленіе, не только провелъ значительную часть своей жизни въ заразительной атмосферѣ, но изъ трехъ разъ одинъ (это показываетъ достовѣрная статистика), что этотъ несчастный завтра же опять будетъ воромъ или убійцею, и что его снова ждетъ галера. Всѣмъ извѣстенъ ужасъ, внушаемый освобожденнымъ каторжникомъ, когда онъ проходитъ по деревнямъ: лишь только вѣсть объ этомъ разнесется по окрестностямъ, всѣ спѣшатъ затворить двери.

«Въ теченіи 1847 года, семь сотъ шестьдесятъ семь каторжныхъ освобождено отъ галеръ, т. е. почти по восьми на каждый департаментъ, если только они распредѣлены ровно по всей Франціи. Слѣдовательно, съ 1 января 1847 года по 1 января 1848 г. галеры доставили по два каторжника по крайней-мѣрѣ на каждый округъ.

«Перейдемъ къ тюрьмамъ....

«Здѣсь, по многимъ причинамъ, вопросъ становится важнѣе и необходимѣе. Онъ касается несравненно бо̀льшаго числа лицъ; лица эти менѣе виновны, менѣе развратны, слѣдовательно болѣе исправимы; здѣсь мы уже не имѣемъ дѣла съ преступленіемъ, а съ проступкомъ: въ этомъ случаѣ задача скорѣе исправлять, нежели наказывать. Даже тѣ, кто думаетъ, что преступленіе не заслуживаетъ никакого прощенія, что правосудіе людей должно быть неумолимѣе небеснаго правосудія, кто полагаетъ, что преступниковъ

надо ввергать, безъ различія, равно какъ и безъ предусмотрительности, въ нечистое гнѣздо, откуда потомъ они возвращаются, — даже и тѣ должны согласиться, что, въ отношеніи къ этимъ людямъ, безъ сомнѣнія виновнымъ, но въ различной степени, и виновнымъ въ проступкахъ, въ которыхъ можно часто укорить самое общество, на этомъ обществѣ лежитъ важная обязанность. Обязанность эта велика, потому-что, надо въ томъ сознаться, цивилизація не уменьшаетъ нарушенія законовъ, напротивъ она выводитъ новыя нужды, откуда родятся новые безпорядки; это подтверждается тѣмъ, что во Франціи, если число преступленій остается почти одно и тоже, зато замѣтно увеличивается число преступниковъ, и цивилизація не заслуживаетъ своего имени, если не исправляетъ причиняемаго ею самою зла; если не доставляетъ лекарствъ противъ этихъ золъ.

«Чтò же дѣлаетъ цивилизація Франціи для тюрьмъ, которыя она наполняетъ народомъ? Чтò происходитъ въ главныхъ тюрьмахъ, гдѣ 1 января 1847 года находилось 17,850 преступниковъ.

«То, чтò мы сказали, по поводу галеръ, о нравственной заразѣ, тоже надо примѣнить и къ тюрьмамъ. Здѣсь результатъ еще печальнѣе, потому-что (повторяю еще разъ) мы не имѣемъ дѣла съ натурами рѣшительно испорченными. Напротивъ того, очень часто здѣсь мы встрѣчаемъ людей скорѣе заблудшихъ, нежели преступника—людей, надъ которыми воспитаніе и добрые совѣты имѣли бы сильное вліяніе, если бы только можно было давать хорошіе совѣты и какое нибудь воспитаніе людямъ, которымъ показываютъ всѣ дурные примѣры. Дѣйствительно, въ тюрьмахъ, точно такъ какъ и на галерахъ, прикосновеніе порока распространяетъ всѣ нравственныя болѣзни. Можно сказать, что арестантъ, отведенный въ тюрьму, легко заразится, хотя бы онъ былъ совершенно здоровъ. Это подтверждается тѣмъ, что цыфра людей, вторично поступившихъ въ тюрьмы, простирается отъ 25 до 30 на 100, слѣдовательно по-крайней-мѣрѣ третья часть, если не половина. Другимъ доказательствомъ можетъ служить и то, что галеры отсюда вербуютъ свое населеніе. Въ прошедшемъ году, изъ 1,327 каторжниковъ, поступившихъ на галеры въ Рошефорѣ, Тулонѣ или Брестѣ, 551 вышли изъ тюрьмъ. Въ тюрьмѣ же въ Филадельфіи цыфра вторично поступившихъ опредѣляется *четырьмя* на 100 вмѣсто *тридцати*.

«Такъ вотъ чтò можно сказать о нравственности арестантовъ! Можно ли сомнѣваться въ томъ, что безпорядки, порождаемые обыкновенною жизнью, умножаемые многочисленнымъ стеченіемъ людей развратныхъ, тяжолый и заразительный воздухъ, которымъ они дышатъ въ этихъ слишкомъ населенныхъ заведеніяхъ, не имѣетъ гибельнаго вліянія на здоровье арестантовъ? Обратимся еще разъ къ статистикѣ. Въ тюрьмахъ смертность для мужчинъ простирается на 1 изъ 13, для женщинъ на 1 изъ 14, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ на 1 изъ 6, тогда-какъ при обыкновенной жизни изъ 41

умираетъ 1 (*). Мнѣ скажутъ, что арестанты подвержены мѣстному вліянію, подвержены болѣзнямъ, которыхъ не испытываетъ человѣкъ свободный. Согласенъ; но отчего же, не принимая въ соображеніе негровъ, въ филадельфійской тюрьмѣ смертность менѣе не только, чѣмъ въ нашихъ тюрьмахъ и галерахъ, но даже въ полкахъ, которые составлены изъ избраннаго населенія?

«При видѣ такихъ значительныхъ цыфръ, возникла потребность въ преобразованіи французской системы наказаній. Если въ ней было что̀ хорошаго, то это работа: она была развлеченіемъ здоровымъ, ручательствомъ за порядокъ, прекрасною привычкой; это было единственное средство, употребленное для обуздыванія и исправленія, — прекрасное начало для будущаго. Полагали, что арестантъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, будетъ лучше приготовленъ къ дѣятельной жизни, вѣроятно не легкой, которой могъ ожидать онъ по выходѣ изъ тюрьмы, если только захочетъ воротиться на стезю добродѣтели. Безъ сомнѣнія жаль, что арестанты, вмѣсто того, чтобы научиться какому-нибудь ремеслу, которое могло бы доставлять имъ пропитаніе, были употребляемы какъ двигатели, какъ машины или какъ колеса для промышленности въ обширныхъ размѣрахъ; какъ бы то ни было, все-таки они заняты были съ утра до ночи, и это занятіе было для нихъ спасеніемъ. Что̀ же сдѣлало *временное правительство (gouvernement provisoire)* послѣ 24 февраля? Чувствуя, что въ тюрьмахъ необходимо какое-то измѣненіе, оно его сдѣлало... но какое?... *отмѣнило работу!*... и несчастныхъ, которые, несмотря на постоянный трудъ, видѣли всѣ дурные примѣры, подвержены были всѣмъ нечистымъ заразамъ, всевозможной порчѣ нравовъ, видѣли всѣ безпорядки, всѣ пороки, весь позоръ, оно еще осуждаетъ на тунеядство! Оно, такъ сказать, запрещаетъ имъ дѣлать все другое, а позволяетъ только портить другъ друга, злоумышлять противъ общества, противъ себя самихъ!

«Уже двадцать лѣтъ управленіе тюрьмами во Франціи возбуждало негодованіе тѣхъ, кто слѣдилъ за его результатомъ; двадцать лѣтъ отвсюду неслись слухи, что Франція, въ этомъ отношеніи, отстала отъ всѣхъ другихъ просвѣщенныхъ государствъ; каждый годъ слышалось обвиненіе: «Управленіе тюрьмами во Франціи можетъ назваться глубокимъ развратителемъ.»

Что̀ же скажутъ теперь?!...

— Послѣ всѣхъ страшныхъ и неожиданныхъ событій, совершившихся въ Европѣ въ послѣднее время, читатели вѣроятно уже забыли о дѣлѣ графа и графини Мортье, которое мы въ свое время подробно сообщали имъ: а теперь дѣло это кончилось. Судъ первой инстанціи *(tribunal de première instance)* призналъ, согласно съ рѣшеніемъ докторовъ, что графъ Мортье подверженъ постоянно мономаніи, которая съ октября 1847 г. усилилась. Бѣшенство, которое обнаруживаетъ онъ

(*) Донесеніе Беранже палатѣ перовъ.

очень часто, подвергаетъ опасности и его собственную жизнь и жизнь окружающихъ его. Вслѣдствіе этого судъ призналъ необходимымъ назначить надъ имѣніемъ Карла-Генриха-Эдуарда-Гектора Мортье, опеку, а его самого до выздоровленія содержать въ домѣ умалишенныхъ. Дѣтей же его предоставить на попеченіе матери, которая будетъ получать отъ опекуновъ деньги на ихъ воспитаніе. Сверхъ того Мортье присужденъ къ заплатѣ судебныхъ издержекъ по процессу.

— Недавно нѣкто Бейнъ изобрѣлъ электрическій телеграфъ, посредствомъ котораго условные знаки, замѣняющіе буквы, изображаются на бумагѣ. Это изобрѣтеніе подало поводъ къ новому приложенію дѣйствія электрическихъ токовъ къ съемкѣ копій съ рукописей. Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, по увѣренію англійскаго журнала Spectator, Бекумъ показывалъ въ Лондонѣ опыты придуманнаго имъ способа копированія. Помощію его, письмо, состоящее изъ пятисотъ буквъ, можетъ быть сообщено въ мѣсто назначенія въ теченіи одной минуты; если же употребить вмѣсто простыхъ буквъ сокращенные условные знаки, то скорость можетъ быть увеличена вчетверо. Когда этотъ способъ переписки войдетъ въ употребленіе, тогда вмѣсто того, чтобы носить письмо на почту и ждать отвѣта нѣсколько дней, можно будетъ обратиться прямо къ копирующему телеграфу: содержаніе письма будетъ черезъ минуту извѣстно въ отдаленнѣйшемъ городѣ, и не пройдетъ часу, и даже менѣе, какъ на него получится отвѣтъ. Дѣйствіе копирующаго телеграфа не ограничивается сниманіемъ однихъ писанныхъ буквъ: печать даже скорѣе снимается, чѣмъ рукопись. Какая огромная выгода для оффиціяльныхъ, частныхъ и журнальныхъ сношеній! Способъ этотъ еще составляетъ тайну: но, повидимому, онъ простъ, недорогъ и можетъ быть принаровленъ къ общему употребленію.

— Г. Лейардъ представилъ азіятскому обществу въ Лондонѣ рисунки скульптурныхъ произведеній, барельефовъ и другихъ предметовъ, найденныхъ имъ въ развалинахъ Ниневіи. Оригиналы бо́льшею частію распались въ куски. Въ засѣданіи 15 прошедшаго апрѣля происходили пренія о древности этихъ памятниковъ. Красота ихъ заставляетъ подозрѣвать, что они не принадлежатъ къ очень отдаленному времени. Лейардъ, на вопросъ о его мнѣніи касательно этихъ памятниковъ, отозвался, что онъ несомнѣнно полагаетъ ихъ болѣе древними, чѣмъ можно думать по сравненію ихъ, въ отношеніи къ художественному достоинству, съ извѣстными уже произведеніями древности; онъ даже убѣжденъ, что древнѣшіе памятники вмѣстѣ съ тѣмъ бо́льшею частію и самые изящные. До сихъ поръ мы ничего не знали о художествахъ у ассиріянъ и не могли составить никакого понятія о ихъ древности. Разрушеніе Ниневіи произошло около 612 года до Р. Х.; слѣдовательно, найденные Лейардомъ памятники не могутъ быть позднѣе этого года; но отсутствіе всякой надписи на персидскомъ и мидійскомъ языкахъ доказываетъ, что они должны быть значительно древнѣе, такъ-какъ Ассирія находилась долгое время подъ владычествомъ мидянъ и персовъ

Новѣйшій дворецъ Нимврода былъ выстроенъ изъ остатковъ и развалинъ древнѣйшихъ зданій, потому-что надписи и скульптурныя изображенія прежняго времени всегда встрѣчаются на задней сторонѣ камней и даже обращены книзу, между тѣмъ какъ позднѣйшія надписи занимаютъ свое настоящее мѣсто на фасахъ зданія. Во всѣхъ надписяхъ замѣчается генеалогія царей, позднѣйшія имена которыхъ современны памятникамъ Бейрута, куда простиралась Ассирія во времена Сеннахериба и Эссархаддона. Лейардъ склоняется даже къ мысли, что позднѣйшій дворецъ ниневійскій должно отнести къ его царствованію. Онъ замѣчаетъ, что на востокѣ обычай разрушать старыя зданія съ цѣлію изъ ихъ развалинъ строить новыя существуетъ только при смѣнѣ одного племени другимъ. Изъ этого онъ заключаетъ, что между возведеніемъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ зданій должны были пройти цѣлыя поколѣнія и столѣтія. Нѣкоторыя мѣстныя причины ясно доказываютъ, что древнѣйшія зданія находились уже въ развалинахъ задолго до того, какъ были построены новѣйшія; ибо на этихъ послѣднихъ были найдены древнія гробницы и египетскія урны, изъ которыхъ многія находятся теперь въ британскомъ музеумѣ. Кромѣ того семь именъ слѣдуютъ на нихъ въ генеалогическомъ порядкѣ: къ сожалѣнію, неудовлетворительные успѣхи въ чтеніи ассирійскихъ письменъ не позволяютъ дать точное опредѣленіе этихъ именъ; только одно съ вѣроятностію можно принять за имя Нина

— Въ англійскомъ журналѣ Athenaeum помѣщено письмо баронета Бёкстона, заимствованное изъ изданныхъ въ недавнее время въ Лондонѣ записокъ его. Въ этомъ письмѣ заключаются нѣкоторыя любопытныя подробности о Ротшильдѣ.

«Вчера» — писалъ 14 февраля 1834 года покойный баронетъ къ своей дочери — «вчера въ Хемъ-гоузѣ обѣдалъ я съ Ротшильдомъ. Онъ разсказывалъ нѣкоторыя приключенія своей жизни. Онъ былъ третій сынъ франкфуртскаго банкира. «Въ нашемъ городѣ» — говорилъ онъ между прочимъ — «было слишкомъ тѣсно для всѣхъ насъ. Я торговалъ англійскими товарами. Однажды во Франкфуртъ пріѣхалъ богатый негоціантъ, одно изъ главнѣйшихъ лицъ на нашемъ торговомъ рынкѣ; тогда онъ былъ почти великимъ человѣкомъ и конечно дѣлалъ намъ большое одолженіе, продавая товары. Я какъ-то обидѣлъ его, и онъ не захотѣлъ показать мнѣ свои образщики. Это было во вторникъ. Я сказалъ отцу, что самъ хочу ѣхать въ Англію; тогда я умѣлъ говорить только по-нѣмецки; въ четвергъ я отправился въ путь, и чѣмъ болѣе приближался къ Англіи, тѣмъ товары были дешевле. Пріѣхавъ въ Манчестеръ, я употребилъ всѣ свои деньги на покупку товаровъ. Цѣны были очень низки, и я получилъ большіе барыши Скоро замѣтилъ я, что выгоды представлялись трехъ родовъ: на сырыхъ матеріялахъ, на крашеныхъ товарахъ и мануфактурныхъ произведеніяхъ. Я условился съ фабрикантами доставлять имъ сырые и крашеные товары въ обмѣнъ на мануфактурныя. Такимъ образомъ, вмѣсто одной, я имѣлъ тройную выгоду и былъ въ состояніи продавать товары

гораздо дешевле другихъ. Въ короткое время на свои двадцать тысячъ фунтовъ я нажилъ шестдесятъ тысячъ. Весь успѣхъ мой основывался на слѣдующемъ разсужденіи: я могу, думалъ я, дѣлать тоже, что и другіе люди, и потому я могу быть соперникомъ всякаго купца: но у меня было одно преимущество: я былъ очень дѣятеленъ. Потомъ я устроилъ еще нѣкоторыя операціи. Когда я былъ въ Лондонѣ, остъ-индской компаніи нужно было продать значительное количество золота: я отправился на биржу и купилъ все; я зналъ, что герцогъ Уллингтонъ нуждается въ золотѣ: я скупилъ множество его векселей: но правительство прислало за мною и объявило, чтобы я уступилъ это золото ему, а при покупкѣ оно затруднялось въ перевозкѣ его въ Португалію: я взялъ и это на себя и перевезъ его черезъ Францію. Это было мое самое счастливое предпріятіе.»

«Другое правило, котораго онъ повидимому держался, было не имѣть никогда дѣла съ несчастными мѣстами и несчастными людьми. «Я видѣлъ» — говорилъ онъ — «многихъ искусныхъ людей безъ сапоговъ: я съ ними никогда не связывался: ихъ совѣты очень хороши, но судьба не любитъ ихъ, а если они не въ состояніи сдѣлать добро себѣ, то какимъ образомъ сдѣлаютъ они его мнѣ?»

При помощи этихъ правилъ онъ нажилъ три милліона. «Надѣюсь» — сказалъ ему одинъ изъ присутствующихъ — «что дѣти ваши не слишкомъ жадны къ деньгамъ и оборотамъ и не забываютъ болѣе важныхъ вещей. Я увѣренъ, что вы бы этого не желали.» — «Безъ сомнѣнія», отвѣчалъ Ротшильдъ: — «я хочу имъ дать умъ, душу, сердце, здоровье и все необходимое для дѣятельности, потому-что это путь къ счастію. Для пріобрѣтенія большого богатства надобно имѣть много смѣлости и много осторожности, но для сохраненія пріобрѣтеннаго требуется вдесять разъ болѣе. Если бы я согласился на всѣ предложенныя мнѣ предпріятія, то давно бы раззорился. Привяжитесь, молодой человѣкъ, къ одному дѣлу», сказалъ онъ Эдуарду: — «привяжитесь къ пивоварству, и вскорѣ вы можете сдѣлаться первымъ пивоваромъ въ Лондонѣ. Будьте пивоваромъ, и банкиромъ, и купцомъ, и фабрикантомъ, и вы скоро попадете въ газеты. Одинъ изъ моихъ сосѣдей очень золъ; чтобы взбѣсить меня, онъ выстроилъ возлѣ моего сада хлѣвъ для свиней, такъ-что, когда я выхожу гулять, меня со всѣхъ сторонъ встрѣчаетъ хрюканье; но это ни сколько не мѣшаетъ мнѣ. Я всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Иногда для забавы я даю нищему гинею: онъ думаетъ, что я ошибся, и боясь, чтобы я не замѣтилъ ошибки, бросается со всѣхъ ногъ бѣжать. Я совѣтую вамъ давать иногда нищему гинею; это очень весело.»

«Дочери его очень любезны; второй сынъ большой охотникъ до лошадей, и отецъ позволяетъ ему покупать всякую лошадь, какую бы онъ ни захотѣлъ. Недавно онъ просилъ марокскаго императора прислать ему лошадь лучшей арабской крови. Императоръ прислалъ ему превосходнѣйшую, но она пала тотчасъ по прибытіи въ Англію. Бѣдный молодой человѣкъ съ горестію сказалъ, что это было самое боль-

шое несчастіе, какое онъ когда-нибудь испытывалъ. Это пробудило во мнѣ большое къ нему расположеніе.

«Я забылъ упомянуть, что вскорѣ по пріѣздѣ Ротшильда въ Англію, Бонапартъ вторгнулся въ Германію. «Принцъ гессенъ-касельскій», разсказывалъ Ротшильдъ — «отдалъ отцу моему свои деньги: терять времени было нечего; онъ прислалъ ихъ ко мнѣ. Я неожиданно получилъ по почтѣ 600.000 фунтовъ и сдѣлалъ ими такой выгодный оборотъ, что принцъ подарилъ мнѣ всѣ свои вина и все бѣлье».

— Вотъ книга, на которой нельзя не остановиться, — книга, возбудившая справедливое вниманіе европейскихъ ученыхъ. Мы говоримъ о книгѣ Судана, или Путешествіе шейха Заинъ эль Абидина въ Нигрицію, переведенной съ турецкаго докторомъ Георгомъ Розеномъ, драгоманомъ королевско-прусскаго посольства при Оттоманской Портѣ. (*Das Buch des Sudan, oder Reisen des Scheich Zain el Abidin in Nigritien. Aus dem Türkischen übersetzt von Doctor Georg Rosen, Dolmetscher der Königl. Preuss Gesandschaft bei d. Hohen Pforte*).

Это совершенно новое и рѣдкое явленіе въ литературѣ. Неподложность оригинальнаго сочиненія засвидѣтельствована на девятомъ съѣздѣ итальянскихъ ученыхъ (*) первымъ географомъ нашего времени, знаменитымъ авторомъ *die Erdkunde*, Риттеромъ. Въ этой книгѣ столько любопытныхъ свѣдѣній, что мы долгомъ сочли обратить на нее особенное вниманіе читателей нашего журнала.

Оригинальное сочиненіе написано на арабскомъ языкѣ и съ него переведено на турецкій неизвѣстнымъ переводчикомъ; съ турецкаго же передалъ докторъ Розенъ это путешествіе на нѣмецкій языкъ и издалъ его въ Лейпцигѣ въ 1847 году. Въ предисловіи своемъ, нѣмецкій переводчикъ доказываетъ, что призваніе и назначеніе исламизма — обращать дикіе народы въ полуобразованные — нынѣ не можетъ болѣе имѣть мѣста ни въ Европѣ и Азіи, ни даже въ сѣверной Африкѣ; обѣ послѣднія жаждутъ европейскаго свѣта, и здѣсь призваніе исламизма кончилось: онъ тутъ видимо дряхлѣетъ и клонится къ постепенному разрушенію. Но ему предстоитъ другая сфера дѣйствія, именно — неизвѣстная намъ внутренность огромнаго материка Африки. По извѣстіямъ весьма немногихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эти отдаленныя и какъ бы отъ цѣлаго міра закрытыя страны, видно, что христіянство худо принимается между этими загрубѣлыми въ безобразнѣйшемъ фетишизмѣ племенами для ихъ варварскихъ, получеловѣческихъ понятіи религія Богочеловѣка, исполненная любви и милосердія, слишкомъ чиста; ея божественное ученіе непонятно и чуждо коренному духу этихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ. Здѣсь, какъ видно изъ фактовъ, гораздо легче и удобнѣе прививается ученіе Ислама, которое, будучи несравненно грубѣе и чувственнѣе христіянства, ближе подходитъ къ духу и понятіямъ

(*) Девятый итальянскій ученый конгрессъ былъ въ Венеціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1847 года.

грубыхъ и исключительно чувственныхъ племенъ. Этотъ фактъ подтвердилъ на упомянутомъ нами девятомъ съѣздѣ итальянскихъ ученыхъ извѣстный изслѣдователь Египта и близь-лежащихъ странъ Африки, докторъ Прунеръ. По его словамъ, множество магометанскихъ миссіонеровъ отправляется ежегодно изъ Египта во внутреннія страны Африки и пріобрѣтаетъ безчисленныхъ новыхъ поклонниковъ корану. Между этими миссіонерами особенно замѣчателенъ *Мехметъ эль Тунси*, до нынѣ здравствующій въ Каирѣ и извѣстный своими долгими и неоднократными путешествіями въ страны, прилежащія къ верховьямъ Нила. Докторъ Прунеръ не безъ основанія полагаетъ, что нашъ авторъ *Заинъ эль Абидинъ* есть никто иной какъ *Мехметъ эль Тунси*, написавшій подъ упомянутымъ псевдонимомъ очеркъ своихъ любопытныхъ, далекихъ странствованій.

Этотъ замѣчательный путешественникъ родился въ Тунисѣ и, поглотивъ всю арабскую мудрость, съ весьма молодыхъ лѣтъ познакомился съ европейцами и кое съ чѣмъ изъ ихъ наукъ. Совершивъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ поклонниковъ Магомета и посѣтивъ Каиръ, онъ предпринялъ странствованіе по Судану, гдѣ прожилъ долгое время въ званіи улема, или священника-миссіонера, и хорошо изучилъ народы, населяющіе Суданъ. Ученый шейхъ въ своемъ предисловіи знакомитъ читателей съ истинною причиною своего путешествія. Вотъ что̀ говоритъ онъ:

Во время моей первой юности, я ходилъ въ школу и вмѣстѣ съ товарищами изучалъ превосходную книгу, книгу изъ книгъ — коранъ. По окончаніи наукъ въ первоначальномъ училищѣ, отецъ мой приказалъ мнѣ посвятить себя ученымъ занятіямъ. и я вступилъ въ пріуготовительную школу высшихъ знаній, гдѣ познакомился съ множествомъ молодыхъ людей, стекавшихся съ тою же цѣлію, изъ разныхъ странъ, и привлеченныхъ въ Тунисъ благоуханіемъ мудрости наставниковъ. Многіе изъ нихъ обращали особенное вниманіе на изученіе тайной науки — алхиміи, или искусства дѣлать золото; я слѣдилъ за трудами и попытками и неоднократно присутствовалъ при ихъ опытахъ и ученыхъ преніяхъ. Послѣ долгаго, внимательнаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, я самъ занялся алхиміею, и только когда неудачи слѣдовали за неудачами, кошелекъ мой истощился, а воображеніе бродило въ какомъ-то фантастическомъ безграничномъ полѣ, я началъ убѣждаться въ тщетѣ искомаго мною искусства. Наконецъ разсудокъ, холодный разсудокъ взялъ верхъ надъ пламеннымъ воображеніемъ, и я увидѣлъ ясно, что искалъ того, чего нѣтъ никакой надежды найти. Тогда, оставивъ печи и плавильные тигли, я обратился къ наукѣ чиселъ и ихъ сочетаній и къ духовному изслѣдованію тайнъ природы. Но въ этомъ послѣднемъ ученіи я не могъ найти въ Тунисѣ довольно свѣдущаго учителя, который бы могъ удовлетворить моей жаждѣ къ познаніямъ: я пустился въ Каиръ и оттуда въ Хеджазъ, исполнилъ долгъ правовѣрнаго поклоненіемъ гробу пророка и совершеніемъ благочестивыхъ обрядовъ въ мѣстахъ освященыхъ его

пребываніемъ; притомъ вездѣ искалъ и мудрыхъ учителей и ученыхъ рукописей, изъ которыхъ бы могъ научиться чему-нибудь глубокому, мудрому и полезному.

Но страсть къ алхиміи глубоко заронилась въ сердце нашего шейха; несмотря на то, что онъ уже почти совершенно убѣдился въ тщетѣ этихъ занятій и недостигаемости искусства дѣлать золото, онъ. по возвращеніи изъ святыхъ мѣстъ въ Каиръ, опять сталъ мечтать объ алхиміи и, узнавъ, что въ Суданѣ живутъ нѣкоторые адепты, могущіе ему быть полезными въ его изысканіяхъ, пустился въ путь въ Сенааръ. Прибывъ на мѣсто, онъ убѣдился, что роза познаній здѣсь еще не распустилась и. находясь еще въ видѣ почки, не испускаетъ благоуханія, котораго алкала душа шейха: онъ устремился далѣе, въ Курдуфанъ, гдѣ и сошелся съ шейхомъ Ибраимомъ Эль Эсарди, посѣтившимъ эти страны съ подобною же алхимическою цѣлію. Но военныя дѣйствія египетскаго султана Мехмета-Али заставили нашихъ двухъ алхимиковъ, заклятыхъ друзей мира, удалиться изъ потрясаемаго духомъ брани Курдуфана: они бѣжали въ Дарфуръ.

Почтенный шейхъ отзывается весьма невыгодно о дарфурцахъ. Онъ говоритъ, что хотя и обитаетъ въ ихъ тѣлахъ искра божественнаго дуновенія, то есть человѣческая душа, но тѣла, вмѣстилища этой души, гнусны до невѣроятности и хуже всякаго звѣря: они ходятъ совершенно голые, и только женщины покрываютъ себя нѣкоторымъ родомъ передника, сплетеннаго изъ волосъ. Жители горнаго Дарфура не знаютъ даже и этого передника; одежда, религія и семейныя отношенія для нихъ равно чужды: это скорѣе стадо звѣрей, чѣмъ общество людей. Городскіе жители въ Дарфурѣ держатъ у себя этихъ дикихъ горцевъ какъ домашній скотъ для работы и для продажи дѣтей ихъ въ рабство.

При своемъ прибытіи въ Дарфуръ, нашъ шейхъ поднесъ царствующему монарху обычные дары; но этотъ государь, бывшій милостивымъ защитникомъ шейха, вскорѣ умеръ, и наслѣдникъ его потребовалъ отъ туписца новыхъ богатѣйшихъ подарковъ, Не имѣя ни средствъ, ни желанія удовлетворить такому требованію, путешественникъ поспѣшилъ оставить Дарфуръ и направилъ свой путь въ Эль Ведай. часть Нигриціи, лежащую къ югу отъ Феццана и къ западу отъ Дарфура. Владѣтель этой страны былъ извѣстенъ какъ мудрый и милосерный государь, покровительствовавшій въ особенности ученыхъ и путешественниковъ.

Путешествіе въ Ведай и описаніе долголѣтняго пребыванія при дворѣ тамошняго короля содержатъ въ себѣ много весьма важныхъ для этнографіи свѣдѣній; особенно любопытно обстоятельство, что путешественникъ нашъ, на своемъ пути въ Ведай, открылъ развалины неизвѣстнаго города, который онъ потомъ посѣщалъ, во время пребыванія своего въ Ведаѣ. Развалины эти свидѣтельствуютъ о существованіи образованнаго общества, о которомъ ни исторія, ни преданія не сохранили ни малѣйшихъ свѣдѣній, и отъ котораго дошли до

насъ только неизслѣдованныя развалины, открытыя любознательнымъ туннсцемъ. Изъ Дарфура идетъ Заинъ Эль Абидинъ въ деревню Ногб, лежащую по пути въ Ведай, и находитъ себѣ защитника и друга въ туземномъ иманѣ; помощію этого покровителя онъ присоединяется къ брачному поѣзду, направленному въ одну отдаленную деревню, лежащую по направленію пути нашего странника. Начальники этого поѣзда принимаютъ шейха въ особенною ласкою и, благодаря рекомендаціи норосскаго имана, обходятся съ нимъ какъ съ родственникомъ. Здѣсь разсказаны нравы и обычаи его новыхъ спутниковъ и все, чтб шейхъ замѣтилъ во время пути по прибытіи въ деревню жениха. Въ этой деревнѣ присоединяется путешественникъ къ каравану съ солью, идущему въ деревню, или городокъ Нергъ. Путь каравана лежитъ чрезъ горный хребетъ, обитатели котораго до сихъ поръ еще сохраняютъ обычай людоѣдства и пожираютъ своихъ плѣнныхъ. Должно замѣтить, что этотъ обычай, существовавшій прежде почти повсемѣстно въ этихъ странамъ, нынѣ съ обращеніемъ народа къ исламизму постепенно выводится, и никто изъ туземцевъ, обратившихся въ магометанство, не ѣстъ больше человѣческего мяса, — признакъ начала нѣкотораго рода цивилизаціи.

Весьма живописно очеркнута авторомъ деревня, или городокъ Нергъ. Онъ подробно описываетъ здѣшній рынокъ, одинъ изъ главнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ окрестной странѣ. На немъ торговали преимущественно солью, которою здѣсь запасаются всѣ жители даже изъ дальнихъ окрестностей; также продаютъ здѣсь хлѣбъ и долгошерстныхъ овецъ; два какихъ-то купца торговали даже ароматами, пряными кореньями, стеклярусомъ, галантерейными и тому подобными вещами. Денегъ на рынкѣ не было, и вся торговля была мѣновая.

Но отъ Нерга до Ведая путь еще далекъ, и путешественникъ долженъ ждать каравана, отправляющагося туда съ невольниками. Здѣсь онъ также сводитъ короткую дружбу съ мѣстнымъ иманомъ, которому продаетъ различныя *науки* и въ томъ числѣ основанія юриспруденціи. Наконецъ караванъ отправляется въ Ведай, и нашъ шейхъ присоединяется къ нему. Четыре дни пути отъ Нерга начинаются горы, обитаемыя дикимъ и въ высшей степени жестокимъ народомъ: не только правители продаютъ здѣсь въ рабство любого изъ жителей, но отцы продаютъ дѣтей, мужья женъ, и вообще всякой того, надъ кѣмъ имѣетъ власть, не стѣсняясь ни семейными, ни другими узами. Къ числу странныхъ обычаевъ этого необразованнаго народа принадлежитъ обыкновеніе вырывать или выбивать себѣ изъ нижней челюсти четыре передніе зуба, чтб считается здѣсь необходимымъ условіемъ общежитія и чѣмъ-то въ родѣ украшенія. Операцію эту производятъ обыкновенно надъ дѣтьми тотчасъ послѣ перемѣны ихъ молочныхъ зубовъ. Цвѣтъ туземцевъ не совершенно черный, а отливаетъ весьма рѣзко краснымъ; чѣмъ краснѣе оттѣнокъ, тѣмъ считается здѣсь красивѣе, особливо женщины очень дорожатъ краснымъ цвѣтомъ кожи, большими глазами и длинными рѣсницами.

Пройдя эти горы, караванъ вступилъ въ обширную песчаную пустыню, въ которой не было даже слѣда растительности. По причинѣ сильнаго жара, днемъ невозможно было путешествовать, и странники отдыхали въ раскинутыхъ палаткахъ; ночью же продолжали путь далѣе, направляясь по звѣздамъ. За этою песчаною пустынею тянулся опять хребетъ невысокихъ горъ, а за нимъ цвѣтущая долина, по которой струились ручейки и рѣчки. Въ этой долинѣ находились остатки весьма древнихъ развалинъ: стѣны зданій были сложены изъ тесаныхъ камней, но время и разрушительное вліяніе атмосферы только кой-гдѣ оставили камень на камнѣ. Сколько можно было судить по этимъ древнимъ развалинамъ, здѣсь стоялъ нѣкогда обширный городъ съ монументальными зданіями, и остатки ихъ свидѣтельствовали о высокой образованности народа, ихъ воздвигнувшаго. Но ни купцы, шедшіе съ караваномъ, ни, впослѣдствіи, ученѣйшіе и образованнѣйшіе изъ жителей ведайской столицы не знали ничего о первобытныхъ жителяхъ, обитавшихъ нѣкогда въ разрушенномъ нынѣ городѣ.

Развалины эти весьма обширны и занимаютъ собою часть равнины и нѣсколько холмовъ. Донынѣ еще очень замѣтны слѣды улицъ и площадей: на одной изъ послѣднихъ сохранилось мраморное зданіе, весьма похожее на старинный египетскій саркофагъ: оно такъ заинтересовало любознательнаго шейха, что онъ упросилъ своихъ спутниковъ тутъ остановиться и помочь ему проникнуть во внутренность этого древняго зданія. Здѣсь не нашли они никакихъ слѣдовъ скелетовъ, но при подробнѣйшемъ осмотрѣ увидали мѣсто, покрытое красною глиною, подъ которою находилась мѣдная доска огромной величины, покрытая неизвѣстными письменами, на ней вырѣзанными; сверхъ того нашли они двѣ золотыя полосы, въ видѣ монетъ. Все это еще болѣе возбудило любопытство нашего путешественника; но, несмотря на всѣ его просьбы и убѣжденія, караванъ не хотѣлъ останавливаться здѣсь долѣе какъ до наступленія ночи. Съ величайшимъ сожалѣніемъ долженъ былъ бѣдный шейхъ оставить теперь неизслѣдованнымъ мѣсто, обѣщавшее ему такую богатую жатву открытій; судьба однакожь судила ему увидѣть опять эти дивныя развалины.

Наконецъ прибыли наши странники въ столицу Ведая. Видъ города необыкновенно красивъ и удивительно поражаетъ путника, только-что покинувшаго пустыню: финиковыя пальмы и другія тропическія растенія съ разнообразными, красивыми листьями окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ; внутри города красуются мечети съ высокими минаретами и протекаетъ красивая, широкая рѣка; улицы кипятъ веселымъ и привѣтливымъ народомъ, одѣтымъ въ длинныя бѣлыя рубашки.

Ведайскій король принялъ нашего шейха весьма ласково. Въ скоромъ времени убѣдился этотъ государь въ мудрости и познаніяхъ пришлеца, и путешественникъ сдѣлался учителемъ и правою рукою своего гостепріимнаго владыки. По его совѣтамъ, король предпринялъ

множество улучшеній въ управленіи и въ законодательствѣ своего государства.

Сдѣлавшись другомъ и значительнѣйшимъ лицомъ при дворѣ ведайскаго монарха, эль Абидинъ вспомнилъ о развалинахъ древняго города, видѣнныхъ имъ на пути въ Ведай. Онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы разъяснить ихъ загадку. Ученѣйшій придворный, ведайскій кади хотя и видѣлъ эти развалины, но рѣшительно ничего не зналъ о ихъ происхожденіи. Самъ король никогда не видалъ и не интересовался этими остатками древности, но, побуждаемый совѣтами шейха, отдалъ приказаніе снарядить нарочную экспедицію для подробнаго ихъ изслѣдованія. Всѣ распоряженія касательно снаряженія и самое начальство надъ этою экспедиціею поручены нашему путешественнику, который принимаетъ всѣ нужныя мѣры для успѣшнаго достиженія цѣли. Послѣ многотруднаго пути достигаетъ экспедиція до развалинъ: вездѣ камни, разрушенные дождемъ и воздухомъ и занесенные землею и пескомъ отъ дѣйствія потоковъ и вѣтровъ; наконецъ, послѣ долгихъ тщетныхъ розысковъ, удается открыть саркофагъ, подобный тому, о которомъ говорено выше. Но вѣтеръ и вода занесли его пескомъ, изъ-подъ котораго виднѣлся только одинъ уголъ зданія. Работа раскапыванія началась подъ непосредственнымъ надзоромъ Абдеррахмана, сына ведайскаго кади, и вскорѣ работники отрыли довольно большую колонну, высѣченную весьма искусно изъ камня и украшенную самою изящною архитектоническою работою; она походила на тѣ колонны, которыя ставятъ посреди мечетей и парадныхъ комнатъ во дворцахъ, для украшенія, и носила на себѣ характеръ древняго египетскаго зодчества. Эта колонна признана достойною украшать дворецъ ведайскаго султана. Вслѣдъ за колонною открылся самый саркофагъ, устройствомъ своимъ совершенно похожій на прежде открытый; внутри его находился идолъ, человѣческаго вида, высѣченный изъ камня съ необыкновеннымъ искусствомъ и изящнѣйшими украшеніями; подлѣ него находилась мѣдная доска съ надписью, точно такая, какъ та, о которой уже говорили, и четыре золотыя монеты, толщиною въ два ячменныхъ зерна и шириною въ четыре пальца, посреди которыхъ было вычеканено изображеніе солнца.

Продолжая далѣе свои изысканія, наши антикваріи дорылись до другого саркофага, глубоко засыпаннаго землею и открытіе котораго стоило неимовѣрныхъ усилій. Внутри найдены тѣже самые предметы, какъ и въ другихъ саркофагахъ, то есть: каменный идолъ, мѣдная доска съ надписью и золотыя монеты. Изъ сдѣланныхъ имъ на мѣстѣ изслѣдованій эль Абидинъ заключаетъ, что эти саркофаги служили молельнями, а можетъ быть и гробницами для знатныхъ людей или владыкъ бывшаго города.

Дальнѣйшіе розыски открыли родъ портика изъ тесаныхъ камней, съ изображеніемъ солнца на фронтонѣ. Близь этого портика встрѣ-

тили свинцовую плиту такой величины и тяжести, что пять человѣкъ едва могли своротить ее съ мѣста; подъ нею открылся камень съ весьма искусно высѣченными украшеніями, и въ серединѣ этого камня отверстіе, служившее верхомъ глубокаго колодца, похожаго на колодцы въ египетскихъ погребальныхъ памятникахъ. Онъ не содержалъ въ себѣ воды, какъ въ томъ легко было убѣдиться киданьемъ въ него маленькихъ камешковъ: но спуститься въ него не было ни средствъ, ни охоты, потому-что наши полудикіе археологи считали вѣрною смертію попытку опуститься въ его глубину.

Къ числу другихъ замѣчательныхъ открытій принадлежитъ строеніе, со всѣхъ сторонъ заключенное толстыми каменными стѣнами съ однимъ только небольшимъ отверстіемъ. Внутренность этого таинственнаго зданія была усыпана пескомъ, на которомъ были набросаны каменные истуканы, круглыя золотыя монеты и угловатые куски золота, всѣ съ изображеніемъ солнца. По всему вѣроятію, зданіе это служило мѣстомъ вѣчнаго успокоенія.

Наконецъ, послѣ двухнедѣльныхъ розысканій, экспедиція возвратилась благополучно въ Ведай, привезя съ собою истуканы, монеты и нѣсколько отрытыхъ, изящно высѣченныхъ и украшенныхъ колоннъ. Султанъ приказалъ ихъ употребить для украшенія вновь строившагося тогда дивана, или зданія ведайскаго государственнаго совѣта.

Весьма интересны наивныя размышленія и заключенія тунисскаго шейха о времени происхожденія, процвѣтанія и разрушенія города, котораго развалины онъ такъ тщательно и неутомимо изслѣдовалъ. Никто въ Суданѣ и въ цѣлой Африкѣ — говоритъ онъ — не знаетъ ничего о существованіи этого города и о народѣ, его построившемъ и въ немъ обитавшемъ; сколько извѣстно изъ исторіи, жители Ведая, Дарфура и окружныхъ странъ никогда не отличались особливымъ образованіемъ и искусствами, необходимыми для постройки подобнаго города; ни одно имя сильнаго или знаменитаго владѣтеля этихъ странъ не дошло до насъ. Всего вѣроятнѣе, должно заключить, что этотъ городъ построенъ и процвѣталъ до потопа, который, истребивъ его жителей и ихъ преданія, положилъ начало разрушенію самыхъ зданій. Одинъ только Аллахъ можетъ знать истину въ этомъ дѣлѣ, и только развѣ блаженнѣйшій пророкъ можетъ подтвердить или опровергнуть мое мнѣніе. Впрочемъ я сохранилъ мѣдныя доски съ надписями и золотыя монеты съ изображеніемъ солнца на тотъ случай, если, по возвращеніи моемъ на родину, встрѣтится мнѣ мудрый мужъ, могущій прочесть начертанныя на нихъ чуждыми письменами надписи и по нимъ узнать о времени, къ которому онѣ относятся, и о народѣ, ихъ начертавшемъ. Я же, недостойный рабъ Божій, разсматривая эти остатки неприступной древности, сознавалъ мудрость и силу Аллаха, который создалъ народы, воздвигшіе посреди далекихъ пустынь такіе дивные города и потомъ исчезнувшіе съ лица земного, такъ-что и преданіе молчитъ о ихъ существованіи; и если бы не

камень и металлъ, которые проживутъ до конца міра, то одному бы Аллаху вѣдомо было о такомъ народѣ. Конечно египетскія пирамиды считаются величайшимъ чудомъ древности, но происхожденіе ихъ извѣстно и онѣ воздвигнуты посреди страны, нѣкогда образованнѣйшей въ мірѣ. Суданъ же никогда не славился ни просвѣщеніемъ, ни могуществомъ своихъ обитателей. Можетъ быть племя, вышедшее нѣкогда изъ древняго Египта, временно населяло дикій Суданъ, построило городъ, жило въ немъ и исчезло какимъ-либо дивнымъ переворотомъ, не оставивъ по себѣ памяти и слѣда, кромѣ этихъ развалинъ. Впрочемъ все-таки, по моему мнѣнію, такой переворотъ должно быть былъ всемірный потопъ, и развалины суданскаго города представляютъ остатки допотопной столицы, одного изъ государствъ первобытнаго міра и еще юной земли. Если это неправда, то можетъ быть дикіе народы внутренней Африки, внезапно вторгнувшись въ образованное государство, истребили всѣхъ его жителей, уничтожили всякое сѣмя образованности и переработали все на свой ладъ. Но истину вѣдаютъ Аллахъ и пророкъ его! Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его!

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ объ улучшеніяхъ, которыми Ведай обязанъ пребыванію мудраго шейха. Такъ-какъ король облекъ его почти неограниченною властію и вполнѣ содѣйствовалъ его планамъ, то ему было нетрудно ввести въ это полудикое государство начатки образованности. Первымъ дѣломъ Эль Абидина было впрочемъ ознакомленіе ведайцевъ съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго они до того времени не умѣли употреблять. Нашъ реформаторъ отправилъ въ сосѣдній Феццанъ посольство съ множествомъ рабовъ и другими дарами для пріобрѣтенія отъ тамошняго владѣтеля пороха, пуль и ружей. Во время этого посольства прибылъ въ Ведаи франкскій миссіонеръ, съ длинною бородою, въ платьѣ мусульманскаго путешественника и въ сопровожденіи одного араба: этотъ миссіонеръ довольно хорошо объяснялся по-арабски. Онъ привезъ ведайскому королю значительные подарки и былъ имъ принятъ весьма хорошо. Франкъ ѣхалъ изъ Египта и посѣтилъ на пути Курнуфанъ, Дарфуръ и многія другія страны, которымъ онъ составилъ карты; эти карты показывалъ онъ королю, и тотъ пожелалъ, чтобы миссіонеръ подобнымъ же образомъ снялъ на бумагу и его королевство, для чего далъ ему не только охранный листъ, но и стражу для безопаснаго путешествія по всему пространству ведайскихъ владѣній. Поѣздка миссіонера по Ведаю продолжалась двѣ недѣли, и онъ не только снялъ на планъ посѣщенныя имъ горы, рѣки, деревни, но и привезъ коллекцію красивыхъ птицъ, имъ самимъ искусно набитыхъ хлопчатою бумагою. По возвращеніи изъ этой поѣздки, христіянинъ прожилъ еще двѣнадцать дней въ столицѣ Ведая и оттуда отправился съ караваномъ рабовъ въ Дарфуръ. Кто этотъ франкскій миссіонеръ, посѣтившій Ведай! — загадка въ настоящемъ положеніи дѣла неразгаданная!

Послѣ скоропостижной смерти ведайскаго монарха, любимецъ его, опасаясь за свое имущество, а можетъ быть и за жизнь, поспѣшилъ возвратиться въ Тунисъ, для чего присоединился къ каравану, шедшему въ Феццанъ съ невольниками. По прошествіи трехъ дней послѣ отбытія изъ Ведая, путешественники вступили въ песчаную пустыню, колеблемую вѣтромъ какъ поверхность моря. Путь направлялся по звѣздамъ въ этой плоской равнинѣ; пройдя по ней два дня, вожатые каравана открыли колодцы воды, къ которымъ направленъ былъ путь: они были занесены пескомъ, и незнающій ни почему бы не догадался, что тутъ обильная, свѣжая вода. Но подъ разрытымъ пескомъ оказался довольно обширный бассейнъ, наполненный превкусною водою. Пройдя пустыню, нашъ шейхъ достигъ Феццана, откуда благополучно и добрался до Туниса со всѣми своими сокровищами....

— Американскій геологъ г. Джемсъ Дана (*James Dana*), занимавшійся долгое время изысканіями надъ геологическими явленіями, какъ слѣдствіями остыванія земли, сообщилъ недавно въ извѣстномъ ученомъ американскомъ журналѣ — *Silliman, journal of sciences and arts*, общіе результаты его изысканій. Такъ-какъ этотъ предметъ чрезвычайно интересенъ, то мы сообщаемъ здѣсь нашимъ читателямъ перечень результатовъ, полученныхъ американскимъ геологомъ.

Г. Дана почитаетъ гипотезу остыванія за неоспоримую истину. Единообразіе въ устройствѣ земной коры и астрономическія изслѣдованія Гопкинса убѣждаютъ его въ непреложности мнѣнія о расплавленномъ состояніи и нынѣ еще всей центральной части земного шара.

Изъ этого состоянія должны были проистечь различныя явленія, основныя начала всѣхъ геологическихъ изысканій. Изъ этихъ началъ могутъ и должны изъясняться всѣ поднятія, провалы и трещины земной поверхности, землетрясенія, волканическія изверженія и другія подобныя явленія. Онъ надѣется, что его теоретическія изысканія вскорѣ оправдаются математическими вычисленіями.

I. *Отвердѣніе земной поверхности при началѣ остыванія.*

а) Переходъ тѣлъ изъ жидкаго состоянія въ твердое совершался необыкновенно медленно, почему всѣ тогда образовавшіяся горнокаменныя породы представляютъ крупнокристаллическое сложеніе. Это остываніе и происходящее отъ него утолщеніе земной коры продолжается и нынѣ, въ теченіи огромнаго количества вѣковъ, и продолжится еще весьма долгій періодъ времени.

б) Отъ этого вѣроятно происходитъ единообразіе въ кристаллическомъ образованіи земной коры, которая трескается преимущественно по двумъ направленіямъ, именно на сѣверо-западъ къ западу и на сѣверо-востокъ къ сѣверу; отклоненія совершаются только по направленію изотермическихъ и изодинамическихъ линій.

в) При началѣ застыванія земной коры образовались круглыя и эллипсоидальныя мѣста, гдѣ матерія долгое время оставалась жид-

кою; здѣсь впослѣдствіи родились волканы. Эти мѣста мало-по-малу съуживались и теперь продолжают уменьшаться, отчего зависитъ уменьшеніе и прекращеніе волканической дѣятельности.

г) Въ этихъ мѣстахъ, указанныхъ для волканической дѣятельности, совершался родъ шипѣнія, причемъ движеніе по срединѣ направлялось кверху, а по краямъ книзу. Это шипѣніе совершалось частію чрезъ отдѣленіе газовъ, частію чрезъ поднятіе кверху болѣе нагрѣтой внутри жидкости и опусканіе сверху внизъ нѣсколько остывшей. А такъ-какъ въ этой кипящей массѣ находились минеральныя части, отвердѣвающія при различныхъ температурахъ, то отъ этого произошло постепенное и послѣдовательное отвердѣніе разныхъ минераловъ и горныхъ породъ. По этой же причинѣ волканы состоятъ внутри изъ полевого шпата, а оболочка ихъ изъ базальта.

II. *Сжатіе при отвердѣніи, съ уменьшеніемъ сжатости земли у полюсовъ.*

а) Сжатіе при отвердѣніи было, смотря по степени охлажденія, въ различныхъ мѣстахъ различно и всего менѣе въ самомъ верхнемъ, всего же болѣе въ самыхъ внутреннихъ слояхъ. Сильнѣйшее сжатіе нижнихъ слоевъ причиняетъ осѣданія въ верхнихъ.

б) Осѣданія наиболѣе замѣтны тамъ, гдѣ кора тоньше,—и обратно такъ-что мѣста, гдѣ поверхность отвердѣла гораздо позже, осѣдаютъ гораздо болѣе прочихъ. Осѣданіе совершается постепенно; тамъ же, гдѣ оно встрѣтитъ какія-либо помѣхи и остановится, происходятъ впослѣдствіи внезапные провалы.

в) Однимъ изъ послѣдствій неровнаго осѣданія поверхности въ различныхъ мѣстахъ были частыя перемѣны и колебанія въ положеніи водъ.

III. *Разсѣлины и обвалы на земной поверхности, происходящіе отъ сильнѣйшаго сжатія внутреннихъ отвердѣвающихъ пластовъ и сопряженныя съ измѣненіями приплюснутости земли у полюсовъ.*

а) Устройство земной коры имѣетъ большое вліяніе на направленіе разсѣлинъ; направленіе ихъ опредѣляется взаимнымъ положеніемъ пространствъ, неодновременно остывшихъ и неодинаково сжавшихся.

б) Такъ-какъ сила сжатія обнаруживается на поверхность по направленію тангенсовъ или касательныхъ линій, то провалы произошли естественно только въ мѣстахъ слабѣйшаго сопротивленія. Края огромныхъ проваливающихся массъ, вслѣдствіе напряженія сжатія и давленія, производившагося въ горизонтальномъ направленіи, разсѣдались и частію опять поднимались въ различныя эпохи, отчего происходили значительныя неровности на поверхности.

в) Образовавшіяся разсѣлины представляли рядъ трещинъ, искрещенныхъ по всѣмъ направленіямъ, смотря по спаямъ въ земной корѣ.

IV. *Освобожденіе теплоты и изверженіе расплавленныхъ тѣлъ чрезъ разсѣлины.*

а) Извергающіяся расплавленныя массы принимаютъ видъ грядъ или хребтовъ: они суть слѣдствія неоднообразія въ сжимаемости.

б) Въ большихъ разсѣлинахъ образуются отверстія, или, такъ сказать, отдушины для внутренняго расплавленнаго ядра. Онѣ составляютъ волканы.

в) Феноменъ горячихъ минеральныхъ водъ объясняется нагрѣваніемъ ихъ помощію внутренняго жара, достигающаго до нихъ чрезъ разсѣлины.

V.

Лѣтній дачный дамскій туалетъ очень простъ. — Утромъ — бѣлая блуза изъ индѣйской кисеи или батисту; фасонъ обыкновенный: полы и рукава обшиваются валансьенскими кружевами; нижняя юбка изъ цвѣтной или бѣлой тафты; корсетъ изъ гроденапля - *муаре*, смотря по цвѣту юбки. Чепчикъ изъ *гипюръ* съ лопастями; кругомъ косы лента и бантъ назади съ длинными концами. Украшеніе ограничивается этимъ. Волосы носятъ по большой части гладкіе, потомучто лѣтомъ на дачѣ простота предпочитается всему на свѣтѣ. Зонтикъ большой зеленый или бѣлый, безъ бахрамы и безъ кистей, съ ручкой изъ слоновой кости. — *Для утренней прогулки* капоты или платья изъ цвѣтного полубатиста со складками или фолбарами. Мантильи и бурнусы изъ бѣлой кисеи, вышитой въ тамбуръ. На головѣ соломенная шляпа съ широкими полями, вокругъ тульи широкая лента и назади бантъ съ длинными концами. Подъ шляпой небольшія *шу*, которыя прикалываются ближе къ ушамъ.... Шляпки эти завязываются длинными лентами.

Вечерній туалетъ: платье изъ тафты *гласе*, гладкой или съ мелкими полосками и клеточками. Мантильи изъ той же матеріи или черные кружевные платки и шарфы. Шляпы-капотъ крѣповыя бѣлыя, соломенныя *à jour* и изъ дымчатаго крепа на кулисахъ съ пунцовымъ или розовымъ макомъ. — Ботинки одинаковой матеріи съ платьемъ.... Маленькій зонтикъ. Перчатки шведскія лѣтомъ въ большомъ употребленіи. Для прохладныхъ вечеровъ (а въ петербургскихъ окрестностяхъ вечера очень прохладны) хороши бурнусы изъ мериноса или англійской фланели на легкой ватѣ....

Амазонки сохраняютъ прежнюю форму; только утромъ надѣваютъ соломенную съ большими полями шляпу; вокругъ довольно высокой тульи узенькая черная бархатная лента со стальной маленькой пряжкой.

Фурашки и цвѣтныя амазонки въ большомъ презрѣніи.

Парижскія моды читательницы наши могутъ видѣть на приложенной картинкѣ.

ПЕРЕПИСКА

МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГЦЕМЪ И ПРОВИНЦІЯЛОМЪ. *

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Основательное негодованіе петербургца. — Все для внѣшности и ничего для собственнаго комфорта. — Теорія женской ножки. — Къ какой породѣ принадлежитъ ножка Лизаветы Семеновны. — Небрежность, съ какою вообще въ провинціи обращаются дамы съ своими ножками. — Классификація женской ноги. — Критическій взглядъ на провинціяльную обувь. — Опойковыя издѣлія. — Постепенный переходъ къ чулку. — Обыкновенная форма и видъ чулка провинціяльнаго. — Принятый способъ надѣванія. — Предметъ уѣздной и губернской подвязки. — Зловредное вліяніе ея на икру. — Французская подвязка. — Нѣсколько словъ о дѣйствіи туалета, какъ мужского, такъ и женскаго, на домашній бытъ и семейныя отношенія. — Легкій фиміамъ Лизаветѣ Семеновнѣ. — Предложеніе петербургца. — Готовность его служить пріятелю полезными совѣтами. — Какъ исполнено порученіе Петра Петровича Пскупки.

«Получилъ я письмо твое отъ 3 мая, любезный, Петръ Петровичъ, и признаюсь, братецъ, оно меня нѣсколько удивило. Не стану говорить тебѣ о тонѣ его вообще, показывающемъ, къ несчастію слиш-

---

(*) Мы нисколько не сомнѣваемся, что и въ провинціи есть дамы со вкусомъ, умѣющія хорошо одѣваться, но для тѣхъ несчастныхъ, которымъ не далась отъ природы *великая тайна одѣваться къ лицу*, могутъ быть очень полезны остроумные и глубокомысленные письма г. Чулкова. Увѣренные, что эти письма послужатъ къ развитію вкуса въ такихъ людяхъ и къ искорененію нѣкоторыхъ дикихъ и неизящныхъ привычекъ, — мы съ удовольствіемъ даемъ имъ мѣсто въ отдѣленіи модъ Современника.

комъ ясно, что ты успѣлъ уже погрязть и захлебнуться въ провинціализмѣ, — коснусь исключительно нѣкоторыхъ пунктовъ, которые показались мнѣ особенно важными. Ты вѣрно удивляешься этимъ строкамъ; отсюда вижу, какъ глаза твои, заплывшіе, увы! уже преждевременнымъ жиромъ, раскрываются въ недоумѣніи, какъ отдувается, багровѣетъ толстое, румяное лицо твое, какъ восклицаешь ты: «да что же, наконецъ, все это значитъ!?» Вотъ что значитъ: иногда одного слова, вырвавшагося въ искреннюю минуту, уже довольно, чтобы передать человѣка всего, — съ головы до ногъ, снутри и снаружи. Впрочемъ отдувайся сколько хочешь, можешь даже сердиться, — я все-таки не скрою отъ тебя дурного впечатлѣнія, которое произвело на меня послѣднее письмо твое. Еслибъ я не чувствовалъ къ тебѣ привязанности, я не обратилъ бы на него никакого вниманія; ты видишь, слѣдовательно, что чувство дружбы и искренняго участія не угасли въ моемъ сердцѣ. Да, Петръ Петровичъ, пока ты былъ холостымъ и жили мы въ Петербургѣ, твоя упорная небрежность къ туалету, твое невниманіе къ изящному и всему, что только дастъ человѣку лоскъ хорошаго тона, не имѣли еще большого значенія. Ты предпочиталъ тратить деньги на ростбифы и котлеты, хотя даже и въ этомъ отношеніи вкусъ у тебя не былъ развитъ и направленъ какъ слѣдуетъ. — Къ несчастію, ты принадлежалъ всегда къ числу тѣхъ людей, которые, какъ въ пищи, такъ и во всемъ, предпочитаютъ тонкой куропаткѣ или рябчику тучнаго откормленнаго гуся. Стыдно и досадно было за тебя; много споровъ и ссоръ порождала твоя закоснѣлость въ цинизмѣ и невѣжествѣ, хотя они ровно никому тогда не вредили. Итакъ, въ холостой жизни ты еще могъ, не оскорбляя никого, разумѣется кромѣ чувства собственнаго достоинства, носить узенькія панталоны, сюртуки и фраки съ таліею на спинѣ, жилеты радужныхъ цвѣтовъ, которые застегивались чуть ли не на подбородкѣ, — воленъ былъ носить галстуки съ застежками на затылкѣ и надѣвать манишки — это изобрѣтеніе, которое, помнишь, чуть-было не разлучило и не поссорило насъ навѣки. Но теперь, любезный, воля твоя, — а такъ нельзя тебѣ одѣваться. Какъ другъ и, кромѣ этого, какъ человѣкъ хорошо знающій женскую натуру, считаю долгомъ объявить, что въ противномъ случаѣ много горя предстоитъ тебѣ съ твоей милой Лизаветой Семеновной. Петръ Петровичъ, не шути, — будешь смѣяться или упорствовать, что впрочемъ одно и тоже, — вспомнишь меня, да ужь поздно будетъ; одумайся, говорю только: Петръ Петровичъ, одумайся! Вотъ что въ письмѣ твоемъ навело меня на такіе размышленія: Ты пишешь между прочимъ: «... наступаетъ день именинъ жены, хочется сдѣлать ей подарокъ; прошу тебя купить на посланныя деньги шол-

новое платье. Денегъ не жалѣй; лучше не покупай башмаковъ и ботинокъ, о которыхъ я также упоминаю, главное похлопочи насчетъ платья; что касается до обуви, у насъ въ Гостиномъ дворѣ можно еще получить, тогда-какъ шолковыя матеріи безъ исключенія плохи, а это, по моему, главное, хотя Лизанька и увѣряетъ въ противномъ; но слушаться нечего: мнѣ кажется, она готова раззорить меня на башмаки..» Да братъ, Петръ, скажу еще разъ, есть такія слова, которыя сразу обрисовываютъ человѣка. Изъ приведенной выписки уже ясно видно, что ты утратилъ даже ту щедушную былинку вкуса, которую невольно внесъ въ тебя Петербургъ. Это не поведетъ къ добру. Жена твоя, по всему замѣтно, осталась вполнѣ элегантной, столичной женщиной, сохранившей даже какъ нельзя яснѣе значеніе слова *шикъ*—*chic*—что много и очень много означаетъ. Ея благородное пристрастіе и любовь къ ногѣ доказываютъ это слишкомъ очевидно. Я хорошо знаю прославляемую патріархальную провинцію, еще лучше знаю вашихъ женщинъ: надѣть шолковое великолѣпное платье и шляпку поразительнаго эффекта для того только, чтобы удивить другихъ, возбудить въ нихъ зависть и заставить ихъ лопнуть съ досады, — вотъ причина, принуждающая ихъ, такъ сказать, иногда обращать вниманіе на свой туалетъ. Внѣшность, и одна только внѣшность, любезный, составляетъ главную ихъ заботу; да не то же ли самое встрѣтишь и въ домашнемъ ихъ быту: гостиная позолоченная, въ спальню, кухню или дѣтскую срамъ заглянуть. И тогда, какъ напримѣръ платье и шляпка стоятъ имъ добрую скирду ржи, на остальную, скрытную и почти главную часть одежды жертвуется относительно много-много если одинъ снопъ. Кто видитъ башмаки, кому нужда до юбокъ и чулковъ! восклицаютъ онѣ въ непростительномъ своемъ заблужденіи. Я, братецъ, не понимаю, какъ наконецъ вы, мужья, позволяете себя такъ мало цѣнить вашимъ женамъ; наряды, щегольство и заботливость для постороннихъ, для васъ грязные, миткалевые распашные капоты, башмаки, которые, какъ говорится, *каши просятъ*, обвислые чулки или пудовыя неуклюжія ботинки со скрыпомъ и вонью, — издѣліе какого-нибудь мастера изъ вашей же дворни. Ты, братецъ прости мнѣ мою горячность; я увлекаюсь не изъ какой нибудь безпричинной или личной озлобленности противъ кого-нибудь особенно: нѣтъ! истинное участіе къ тебѣ вынуждаетъ меня говорить все это. Женѣ твоей не сжиться съ вашими понятіями. И добро бы ты непохожъ былъ на другихъ, не жаловался бы по-крайней мѣрѣ, что она раззоряетъ тебя на обувь. Да знаешь ли ты, любезнѣйшій, пристрастіе барыни къ ногѣ ставитъ ее выше всѣхъ другихъ женщинъ, которыя вообще чужды этого чувства, точно также какъ и достопочтенные мужья ихъ. Онѣ

просто не понимаютъ, что̀ такое нога, между тѣмъ какъ она безспорно лучшая, изящнѣйшая часть женщины, разумѣется для тѣхъ, которые не предпочтутъ какъ ты толстаго гуся тонкой куропатки. Скажи, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, самъ ты, жившій въ Петербургѣ, понимаешь ли значеніе женской ножки? Судя по письму, можно въ этомъ сильно сомнѣваться. Ты говоришь: «Если денегъ достанетъ, такъ купи ботинки нѣсколько подлиннѣе, у Лизы нога *къ несчастію* очень длинна....» Мнѣ особенно нравится слова: «*къ несчастію*.» Ахъ, Петръ Петровичъ! прошу покорно, это тебѣ не нравится! право, смѣшно и досадно. Не лучше ли, по твоему, нога, собранная въ неуклюжій комокъ на образецъ китайскихъ ногъ, не раздѣляешь ли ты также нелѣпаго вкуса, что женская нога хороша тогда только, когда она умѣщается въ ладони, подобно тѣмъ платкамъ которые скатываются въ картофелину; не думаешь ли ты также, что красота ноги состоитъ въ ея пухлости сочности, — когда все, что̀ по настоящему должно стремиться въ длину, бросается въ ширину, уподобляя ее безобразному верблюжьему копыту. О! Петръ Петровичъ! ты не понялъ, любезный, какое сокровище въ рукахъ твоихъ! Знаешь ли, что ножка жены твоей, по-крайней-мѣрѣ судя по приложенной мѣркѣ, принадлежитъ къ разряду самыхъ элегантныхъ, изящныхъ, высокихъ ножекъ, — такихъ ножекъ, что взглянулъ, легъ, заплакалъ и обмеръ. Длинненькая, узенькая, съ легкимъ погибомъ по срединѣ, — фасонистая, костистая, упругая, легонькая, гладенькая, съ розовыми пальчиками, худенькими, но прямыми, съ этимъ вѣчнымъ плутишкой маленькимъ пальчикомъ, лукаво притаившимся за своими сестрицами, — съ этою пяточкою, похожею на листокъ розана, опрокинутаго кверху, — все это составляетъ въ области ножки такъ называемую породу аристократическую чистѣйшей крови. А ты еще жалуешься да хочешь заключать такую ножечку въ вонючія опойковыя кандалы, которыя добродушно называютъ у васъ въ провинціи башмаками. Тебѣ вѣроятно извѣстно, что каждая часть человѣческаго тѣла имѣетъ свою физіономію, свой характеръ, въ которомъ отражается однакожь ясно какъ въ водѣ характеръ и физіономія самого лица. Вѣришь ли этому, или нѣтъ? Если нѣтъ, такъ я предложу тебѣ вопросъ, одинъ только вопросъ: откуда же, по твоему, родилась *кранеологія*, *физіологія*, *хиромантія* и другія науки? чѣмъ же занимались и что̀ были за люди: *Галь, Лафатеръ* и другіе великіе мужи? И если никто до сихъ поръ еще не обратилъ специальнаго вниманія на ногу, такъ это развѣ потому только, что на нее смотрятъ почему-то съ точки предубѣжденія. А право, очень жаль; по моему, въ ней часто больше выраженія и физіономіи чѣмъ въ самомъ лицѣ: стоитъ только обратить вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, любезный Петръ, всмотрись когда-нибудь въ ногу,

не скажу — свою собственную, но хоть въ ножку жены твоей. Вникни напримѣръ въ ногу круглую, копытообразную, т. е. какъ говорится: съ-носка — плоска, или въ ногу коротенькую, пухлую: въ нихъ всегда найдешь ты выраженіе тупости, лѣни, даже какъ-то особенно неспособно глядитъ на тебя такая нога; всмотрись же теперь въ узенькую, тоненькую ножку, плоскую съ боковъ и граціозно погнутую сверху. Въ ней всегда что-то острое, ѣдкое, змѣеватое, шаловливое, скажу болѣе: юмористическое; даже сарказмомъ какимъ-то всегда смотритъ кончикъ такой ножки! Возьми теперь и разсмотри ближе пухленькую ногу и тоненькую, которая какъ арабская лошадь вся создана изъ нервовъ и мускуловъ. Первая представляетъ тебѣ какъ восковой амуръ съ вербы гладкую, мѣстами розовую, мѣстами бѣлую какъ снѣгъ округлость, и только; во второй же подъ ея прозрачной сухощавой кожицей вьются и граціозно переплетаются голубыя жилки, бьетъ жизнь ключемъ, вся она словно дышетъ и трепещетъ какъ милая птичка, прицѣливаемая немилосерднымъ охотникомъ... Надо быть глубоко проникнутымъ инстинктомъ высокаго и прекраснаго, чтобы понять красоту такой ножки, что̀ дано разумѣется не всякому; скажу про себя только, что въ такой ножкѣ заключенъ для меня цѣлый міръ жизни; я вижу въ ней всѣ 18 томовъ парижскихъ тайнъ.... Гляжу ли я на нее, и уже въ глазахъ моихъ мелькаютъ и цѣпляются красные и зеленые кружки, все вертится и кружится предо мною.... Ты знаешь, что я никогда ничего не говорю очертя-голову, и когда я сказалъ, что нога одна изъ главныхъ красотъ женщины, я имѣлъ на это основаніе, и докажу, почему такъ думалъ. Скажи мнѣ напримѣръ, когда человѣкъ со вкусомъ идетъ по улицѣ — я разумѣю Невскій проспектъ — и встрѣчаетъ женщину, что̀ прежде всего бросается въ глаза? что̀ болѣе всего приковываетъ его вниманіе, что̀ по-крайней-мѣрѣ сильнѣй всего начинаетъ подстрекать его воображеніе? Шляпка ли, шаль, платье, не говорю лицо: оно бо̀льшею частію всегда подъ вуалемъ или прикрыто омбрелькою? Что̀ заставляетъ насъ такъ часто бѣжать за женщиной десять верстъ, не видавъ даже лица ея? Не мерещатся ли тебѣ тѣ стройныя ножки, обутыя въ цвѣтныя прюнелевыя ботиночки, которыя такъ быстро, такъ шаловливо мелькаютъ вмѣстѣ съ гладко натянутымъ чулкомъ изъ-подъ бѣлыхъ какъ снѣгъ юбокъ, слегка приподнятыхъ кверху. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, что̀ ни говори, въ Петербургѣ, въ одномъ Петербургѣ понимаютъ красоту ноги, только здѣсь даютъ сй цѣну, здѣсь только увидишь ты гладко натянутый чулочекъ, то̀ шолковый, сѣрый, черный или слегка розовый, то нитяный тоненькой и бѣлый какъ рафинадъ. Здѣсь только, любезный Петръ, встрѣтишь ботинку-красавицу съ пряжкой на боку въ весну и суровую осень, съ лакированной кожей лѣтомъ, ботинку

всѣхъ цвѣтовъ, прибранныхъ подъ цвѣтъ или подъ тѣнь къ платью, — такую ботинку, которую, кажется, посыпь перцемъ, такъ и то съѣшь съ удовольствіемъ, да еще пальчики оближешь.

А между тѣмъ вѣдь жизнь-то обходится въ Петербургѣ нашимъ дамамъ дороже провинціальной: картофель, хлѣбъ, зелень, сѣно, — все купи, изъ деревни не подвезутъ какъ у васъ; да дѣло въ томъ, любезнѣйшій, что наши дамы откажутъ себѣ скорѣе въ шолковомъ платьѣ, надѣнутъ камлотовое гладенькое или другое какое, а только ужь ноженки своей въ обиду не дадутъ, обуются на-диво и чулочекъ подтянутъ. Все это обозначаетъ, братъ Петръ Петровичъ, присутствіе вкуса. Истинное-то щегольство не въ шелкахъ да въ драгоцѣнныхъ шалахъ, гдѣ навалитъ на себя барыня цѣлыхъ полъ-милліона да и думаетъ себѣ: хороша на-диво! нѣтъ! она только похожа въ такомъ видѣ на индѣйское божество или на вяземскую коврижку, вызолоченную сусальнымъ золотомъ. Щегольство состоитъ въ изящной простотѣ, чтобы цвѣтъ былъ прибранъ къ цвѣту и со вкусомъ, чтобы всѣ части туалета согласовались между собою и шли къ лицу.

Разумѣется, наши петербургскія дамы переняли всѣ эти туалетныя тонкости у французовъ, которыя, что̀ говорить, собаку съѣли въ этомъ дѣлѣ. Но вѣдь мнѣ кажется, и ваши дамы точно также получаютъ модныя картинки, которыя тщательно прикладываются во всѣ нумера нашихъ толстыхъ литературныхъ журналовъ. Недаромъ же эти журналы выписываютъ для иногородныхъ моды изъ того же самого Парижа. Скажи на-милость, не долженъ ли ихъ наконецъ руководить собственный вкусъ, которымъ природа надѣлила вообще такъ щедро всѣхъ женщинъ. А то на что̀ же напримѣръ похожи ваши башмаки съ фунтовыми подошвами, обшитые грошовыми лентами, которые держатся на ногѣ или безобразнымъ бантикомъ спереди у шнуровки, или, что̀ еще несообразнѣе и уродливѣе, ленточками крестъ на крестъ стянутыми наногибѣ и прикрѣпленными надъ щиколкой... Можно ли также назвать чулкомъ толстое въ два пальца вязанье изъ сѣрой домашней шерсти, которое какъ-то дико лѣпится на ногѣ и поневолѣ дѣлаетъ ее неуклюжею и косолапою. И пусть бы ужь чулокъ этотъ хоть натягивали хорошенько на ногу, и этого даже, не скажу не дѣлаютъ потому, что это бываетъ, но просто не умѣютъ. Наконецъ и самый уже этотъ чулокъ такъ устроенъ, что нѣтъ никакихъ средствъ съ нимъ управиться даже съ доброй волей. Не знаю, шерсть ли слишкомъ дорога у васъ (что̀ впрочемъ невѣроятно), но дѣло въ томъ что женскій провинціяльный чулокъ всегда скорѣе смахиваетъ на носокъ, чѣмъ на чулокъ. Пріищи же мнѣ теперь удобное мѣсто на ногѣ для укрѣпленія такого чулка? Если ты знаешь, что̀ такое сгибъ подъ колѣнкомъ, тебѣ должно быть не безизвѣстно, что подъ этимъ сгибомъ

проходятъ всѣ жилы ноги, и что слѣдовательно здѣсь не мѣсто подвязки.

Подвязывать чулокъ на самой икрѣ, какъ дѣлаютъ многія ваши дамы, столько же вредно, сколько безобразно. Не говоря уже о томъ, что подвязка на этомъ мѣстѣ останавливаетъ кровообращеніе и отдуваетъ ногу, покрывая ее милліонами кровавыхъ жилокъ, дѣлающихъ изъ женской икры какую-то дикую, ни съ чѣмъ не сообразную ландкарту; но хуже всего то, что икра, подавленная въ своемъ естественномъ развитіи перетяжкою, принимаетъ форму или тыквы, или, что еще страннѣе, мѣшка, туго набитаго рѣпами. Скажи теперь, не лучше ли, не благообразнѣе ли притягивать чулокъ и укрѣплять его *надъ колѣнкомъ*, какъ показываютъ намъ французы и какъ уже дѣлаютъ у насъ въ Петербургѣ. И не Богъ же вѣсть, что стоютъ такіе чулки: два слова на бумагѣ съ приложеніемъ 15 цѣлковыхъ, адресованныхъ въ Петербургъ, въ контору коммиссіонерства Языкова и комп., у Аничкова моста; вотъ тебѣ цѣлая полъ-дюжина, да какая еще полъ-дюжина, изъ Англійскаго магазина или отъ Розинскаго. Я смѣюсь надъ провинціальными проками... да что чулки! возьми хоть подвязку: и тутъ даже увидишь ты страшное безвкусіе вашихъ барынь; начиная съ простой бичевки, которую между прочемъ употребляютъ онѣ, и сильно употребляютъ, и восходя постепенно до плоскаго овала изъ ситца, окаймленнаго какой нибудь цвѣтной лѣнточкой, съ завязками изъ снурковъ, не найдешь ты ни одной удобной, не исключая даже той вязаной подвязки (обыкновенно изъ зеленой шерсти), которая потомъ по негодности распускается и служитъ вашимъ барынямъ для гарнитуры въ видѣ травы на шитыя подушки, подносимыя супругу въ день его именинъ. Ну, стоятъ ли всѣ эти подвязки вмѣстѣ хоть одной резинчатой, сплошной или пожалуй съ стальною пряжкою, которую продѣть въ ногу, да и дѣло кончено.... и плотно и красиво. Нужно тебѣ замѣтить, что подвязкки эти всегда обшиваются или тонкой цвѣтной лайкой, или шолкомъ.... словомъ, объяденье, а не подвязка! Такъ-то, любезный мой Петръ Петровичъ! Надѣюсь, ты не станешь сердиться и примешь мои совѣты и замѣчанія съ настоящей точки зрѣнія, какъ слѣдуетъ умному человѣку. Ты вѣроятно поймешь, что въ нихъ сокрыто много толку и смысла. Помнишь, что еще въ то время, какъ мы жили въ Петербургѣ, я отличался вкусомъ своимъ, что и тогда еще многія дамы, и даже очень, очень, братъ, аристократическія, отдавали мнѣ въ этомъ справедливость. Не пѣняй же, другъ, мой на жену свою за любовь ея къ ногѣ и обуви. Это лучшее доказательство, что она сохранила въ себѣ истинный вкусъ и *шикъ* хорошаго тона. Если ты забылъ значеніе слова *шикъ*, напиши мнѣ, и я объясню его тебѣ: въ немъ заключается вся тайна утонченнѣйшей

современной элегантности. Прошу тебя, Петръ Петровичъ, вникнуть внимательнѣе въ смыслъ моихъ замѣчаній: можетъ быть онѣ раскроютъ тебѣ много такого, о чемъ ты не помышлялъ до сихъ поръ въ простотѣ души своей. Повѣрь, что женщина замужняя должна стараться нравится мужу точно также, какъ мужъ женѣ. Туалетъ не последнее средство. Отчего напримѣръ мужья у васъ не любятъ сидѣть дома и обществу жены предпочитаютъ бостончикъ или преферанчикъ у пріятеля, псовую охоту и разныя другія развлеченія? Не шутя говорю тебѣ, что тѣ грязные обвислые чулки и распашные миткалевые капоты играютъ большую роль въ семейной жизни. Сколько домашнихъ сценъ, несогласій, даже драмъ порождаетъ такая запущенность! Да вотъ еще недавно въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ былъ напечатанъ романъ... слышишь ли, цѣлый романъ... гдѣ доказывалось ясно какъ дважды два — четыре, что раздоръ между двумя супругами произошелъ не изъ чего другого, какъ изъ того только, что мужъ пренебрегалъ своимъ туалетомъ и этимъ поминутно оскорблялъ самолюбіе и вкусъ жены своей. И въ самомъ дѣлѣ, это должно быть такъ Я еще удивляюсь тому, какъ ваши дамы не расчетливы, какъ не поняли онѣ, что есть люди, которые все видятъ и все замѣчаютъ, люди со вкусомъ и тонкимъ взглядомъ на вещи, которыхъ не ослѣпишь ни брильянтами, ни турецкими шалями. Какъ наконецъ не поймутъ онѣ, что собственно для себя самой пріятно быть ловко и хорошо одѣтой, что одежда кромѣ того самое страшное оружіе, которымъ вѣрнѣе всего можно поразить сердце мужчины. У васъ же если и принаряжаются, такъ это развѣ барышни, да и тѣ складываютъ тотчасъ же оружіе, какъ только побѣда одержана и цѣль достигнута. Теперь, любезный другъ, скажу тебѣ, что я нѣсколько посвоевольничалъ съ твоимъ порученіемъ и не исполнилъ его по твоему, за что впрочемъ, думаю, не станешь сердиться: слова мои вѣрно не упали на безплодную почву. Вотъ въ чемъ дѣло: изъ 50 цѣлковыхъ, присланныхъ тобою, я истратилъ на платье только 25. Цвѣтъ выбранъ впрочемъ самый модный, *сѣро-стальной*, или *железный*; теперь только и видишь, на Невскомъ такія платья. На остальные же 25 руб. сер., извини, но я накупилъ обуви. Жена твоя ужъ вѣрно скажетъ мнѣ спасибо: всѣ ботинки до единой выбраны у Соболева, по послѣднему фасону. — Одна пара прюнелевая безъ кожи, цвѣта коричневаго, или, какъ называютъ его французы, *блошинаго*; другая сѣренькая съ кожей и снуровкою на боку; послѣдняя будетъ особенно итти къ ея новому платью. Потомъ посылаю еще двѣ пары черныя, сплошныя, гдѣ вмѣсто снуровки раструбъ изъ резинки, ты погляди только, какъ онѣ хорошо обклеиваютъ статную ножку. Если ты доволенъ моею коммиссіею точно также какъ Лизавета Семеновна, то по-

жалуйста не церемоньтесь: присылайте только денегъ, и найдете самаго преданнаго исполнителя вашихъ порученій, какъ бы ни были они взыскательны. Покупать женскія вещи - истинное наслажденіе, особенно когда знаешь толкъ, какъ напримѣръ вашъ покорной слуга. Все, что только появится у насъ новинькое, обо всемъ кромѣ того напишу подробно. Прошу только, Бога ради, тебя, Петръ, обратить вниманіе на слова мои. Повѣрь, другъ, сильный смыслъ сокрытъ въ туалетѣ, велико его вліяніе на женщину, шутить этимъ никакъ нельзя. Прощай, любезный другъ, поклонись отъ меня милой своей женѣ, да скажи ей, что я цалую ея длинную, узенькую ножку, которую до сихъ поръ не только никто не оцѣнилъ изъ окружающихъ, но которую оклеветалъ даже счастливый властелинъ ея.

Остаюсь готовый всегда къ услугамъ

Владиміръ Чулковъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюля 31-го дня 1848 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*
Цензоръ *Н. Елагинъ.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

ДОМБИ и СЫНЪ

РОМАНЪ ЧАРЛЗА ДИККЕНСА

ПЕРЕВОДЪ И ВВЕДЕНСКАГО

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюня 30-го дня 1848 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*
Ценсоръ *А. Мехелинъ.*
Ценсоръ *Н. Елагинъ.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

под фирмою

ДОМБИ И СЫНЪ.

ГЛАВА XLVI.

ГЛУБОКІЯ СООБРАЖЕНІЯ И НЕЧАЯННАЯ ВСТРѢЧА.

Въ жизни и привычкахъ мистера Каркера совершились замѣчательныя перемѣны. Нельзя было надивиться необыкновенному прилежанію, съ какимъ онъ занимался конторскими дѣлами, и той сосредоточенности, съ какою онъ вникалъ въ малѣйшія подробности торговыхъ операцій знаменитой фирмы. Всегда дѣятельный и проницательный на этотъ счетъ, онъ теперь удвадцатерилъ обыкновенную свою бдительность, и его рысьи глаза не смыкались ни на минуту. Онъ не только шелъ наравнѣ съ текущими дѣлами, представлявшимися каждый день подъ какой-нибудь новой формой, но среди этихъ накопляющихся занятій онъ нашелъ досугъ — то есть онъ создалъ для себя досугъ — обревизовать за цѣлую дюжину годовъ коммерческую дѣятельность фирмы и свое собственное участіе въ ея операціяхъ. Часто, когда писаря расходились по домамъ и вслѣдъ за ними пустѣли комнаты конторскаго заведенія, мистеръ Каркеръ, анатомируя золотого тельца, заключеннаго въ желѣзномъ гробѣ,

изслѣдовалъ тайны книгъ и дѣловыхъ бумагъ съ терпѣливой кропотливостію человѣка, разсѣкавшаго тончайшія нервы и фибры своего субъекта. Перчъ, разсыльный, обыкновенно въ такихъ случаяхъ услаждалъ свою душу чтеніемъ прейсъ-куранта при свѣтѣ сальной свѣчи или дремалъ въ передней передъ каминомъ, рискуя каждую минуту нырнуть головою въ угольный ящикъ. Занятый почти исключительно домашними наслажденіями по поводу мистриссъ Перчъ, кормившей теперь двухъ близнецовъ, онъ однако же не могъ удержаться отъ благоговѣнія передъ необычайнымъ усердіемъ наибольшаго конторы и по цѣлымъ часамъ разсказывалъ о немъ своей почтенной супругѣ.

Такое же, если не бо́льшее, вниманіе мистеръ Каркеръ обращалъ и на собственныя свои личныя дѣла. Не бывъ никогда товарищемъ торговаго дома — этой чести до сихъ поръ удостоивались только наслѣдники великой фамиліи Домби — онъ постоянно пользовался нѣкоторыми процентами съ барышей и участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ, содѣйствовавшихъ къ приращенію капитала. Поэтому въ бурномъ денежномъ океанѣ, мелкіе вьюны между тритонами золота считали его богачемъ не послѣдней руки. Джентльмены прилавковъ начали поговаривать, и довольно громко, что «Яшка Каркеръ себѣ на умѣ: знаетъ онъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и во́-время спѣшитъ собрать денежки въ свой карманъ. Продувная бестія!» Нѣкоторые господа между прочимъ держали пари, что Яшка Каркеръ собирается жениться на богатой вдовѣ.

Впрочемъ всѣ эти заботы отнюдь не мѣшали мистеру Каркеру наблюдать по прежнему своего начальника и смотрѣть за собственной особой. Теперь, какъ и всегда, онъ былъ чистъ, опрятенъ, гладокъ и вообще отличался всѣми кошачьими совершенствами. Не то чтобы произошли существенныя перемѣны въ коренныхъ основаніяхъ его натуры, но усилилась и поднялась на нѣсколько градусовъ вся жизненная эссенція человѣка, живущаго въ немъ. Все, что́ замѣчали въ немъ прежде, замѣчали и теперь, только съ приращеніемъ огромныхъ процентовъ сосредоточенности. Онъ дѣлалъ каждую вещь такимъ образомъ, какъ будто въ жизнь ничего больше не дѣлалъ, — а это въ такихъ людяхъ вѣрный знакъ, что ихъ мыслительная машина въ эту минуту на всемъ ходу.

Была въ немъ только одна радикальная перемѣна, неимѣвшая никакого отношенія къ прежнимъ привычкамъ. Проѣзжая по улицамъ и переулкамъ, Каркеръ погружался въ глубокое раздумье, какъ въ то достопамятное утро, когда мистеръ Домби такъ неожиданно испыталъ на себѣ удары рока. Повѣсивъ голову и опустивъ глаза, онъ машинально избѣгалъ препятствій на своемъ пути и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ вплоть до прибытія на мѣсто своего назначенія, если какой-нибудь внезапный случай не пробуждалъ его вниманія.

Такимъ образомъ однажды, переступая съ ноги на ногу, ѣхалъ онъ на своемъ бѣлоногомъ конѣ къ конторѣ Домби и Сына и вовсе не замѣчалъ, что съ одной стороны наблюдаютъ его двѣ пары женскихъ глазъ, а съ другой очарованные буркулы Благотворительнаго Точильщика, который, въ доказательство аккуратности, дожидался его на углу одного переулка, почти за цѣлую версту отъ назначеннаго мѣста. Бѣдный парень три-четыре раза безполезно снималъ шляпу и, отчаявшись обратить на себя вниманіе господина, пошелъ за хвостомъ его коня, готовый во всякое мгновеніе держать стремена, гдѣ бы мистеръ Каркеръ ни остановился.

— Глянь-ка сюда: вотъ онъ какъ ѣдетъ! вскрикнула одна изъ этихъ двухъ женщинъ, безобразная старушонка, протянувшая свою морщинистую руку, чтобы указать на задумчиваго всадника своей молодой товаркѣ, которая стояла подлѣ нея у воротъ.

Дочь мистриссъ Браунъ, при этомъ восклицаніи, обратила глаза, и на лицѣ ея мгновенно выразились ужасная мстительность и злоба.

— Никогда не думала его видѣть, сказала она тихимъ голосомъ: — авось тѣмъ лучше, что вижу. Вотъ онъ! вотъ онъ!

— Не измѣнился ни на волосъ! сказала старуха съ выраженіемъ безсильной злобы.

— Еще бы! возразила дочь: — отчего ему измѣниться! Какого чорта онъ перенесъ? Во мнѣ зато достанетъ перемѣны на двадцать человѣкъ. Развѣ этого мало?

— Вотъ онъ какъ ѣдетъ! бормотала старуха, озирая дочь своими красными глазами: — красивый, чопорный господинъ на лихомъ конѣ, а вотъ мы съ тобой барахтаемся въ грязи....

— Мы и вышли изъ грязи, съ нетерпѣніемъ подхватила дочь: — чѣмъ же намъ быть? Его конь можетъ топтать насъ, сколько угодно.

Старуха хотѣла что-то сказать; но молодая женщина, сдѣлавъ повелительный жестъ, еще разъ впилась глазами въ проѣзжавшаго всадника. Мать принуждена была замолчать, какъ будто ея голосъ могъ ослабить пристальные взгляды Алисы. Мало-по-малу всадникъ скрылся, и молодая женщина успокоилась совершенно. Тогда старуха начала опять:

— Алисынька! красотка моя! эй, лебедушка! — И вмѣстѣ съ этимъ она дернула ее за рукавъ, чтобы пробудить ея вниманіе. — Неужто онъ такъ и уѣдетъ, и ты не выпросишь у него денегъ? Да вѣдь это изъ рукъ вонъ, дочка, гадина ты этакая!

— Развѣ я не говорила, что не нужны мнѣ его деньги? возразила дочь: — сколько еще разъ толковать тебѣ объ этомъ? Приняла ли я монету отъ его сестры! Да умирай я съ голоду середи дороги, и тогда не возьму отъ него ни копейки.... или нѣтъ, возьму пожалуй, да только для того, чтобы облить ее ядомъ и отослать къ нему назадъ. Пойдемъ отсюда, матушка.

— Онъ такъ богатъ, бормотала старуха: — а мы такъ бѣдны!

— Бѣдны оттого, что не можемъ ему заплатить за его добро, отвѣчала дочь: — пусть мнѣ дадутъ такое богатство, и я съумѣю имъ распорядиться. Пойдемъ, матушка, нечего тутъ глазѣть.

Въ эту минуту Благотворительный Точильщикъ возвращался по той же улицѣ, ведя подъ уздцы бѣлоногую лошадь своего хозяина. Старуха, уже сдвинувшаяся съ мѣста, вдругъ остановилась опять и съ жадностью начала вглядываться въ физіономію молодого человѣка, поглотившаго теперь все ея вниманіе. Какъ скоро Робинъ поверстался съ ними, старуха мгновенно отпрянула отъ воротъ, и, подскочивъ къ молодому парню, ударила его по плечу.

— А гдѣ все это время погуливалъ мой веселый Робинъ? сказала старуха, когда парень обернулся къ ней черезъ плечо.

При этомъ воззваніи, веселый Робинъ вдругъ сдѣлалъ самую жалкую рожу и забормоталъ сквозь слезы.

— О, неужели ты не оставишь въ покоѣ бѣднаго парня, миссъ Браунъ, когда онъ досталъ себѣ честный кусокъ хлѣба и

ведетъ себя хорошо! Какъ это вамъ не стыдно, миссисъ Браунъ! Парень ведетъ въ честную конюшню лошадь своего хозяина, а ты вотъ останавливаешь его на улицѣ и разговариваешь! Да залучи ты къ себѣ такого коня, ты изъ него мигомъ состряпала бы на продажу мясо для кошекъ и собакъ. Гдѣ погуливалъ? а тебѣ на что́? Я думалъ, признаться, что твои кости давно убрались въ дальнюю дорогу! заключилъ Точильщикъ, думая этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ кольнуть за живое привязчивую старуху.

— Вотъ онъ какъ поговариваетъ съ своими старыми друзьями! закричала старуха, обращаясь къ дочери.— Я, бывало, возилась и няньчилась съ нимъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и недѣлямъ, когда онъ гонялъ голубей и перехватывалъ птицъ. Вотъ тебѣ и благодарность!

— Отвяжитесь вы съ этими птицами, миссисъ Браунъ! возразилъ Робинъ тономъ отчаянной тоски. — Лучше бы бѣдному парню свести дружбу со львами, чѣмъ съ этими маленькими пернатыми крикунами, которые вотъ какъ разъ налетятъ на твою рожу, когда этого нисколько не ожидаешь. Ну, миссисъ Браунъ, какъ ваше здоровье, смѣю спросить, и чего вамъ угодно?

Эти учтивые вопросы были однакожь произнесены такимъ тономъ, въ которомъ явно высказывалось желаніе спровадить съ глазъ долой неотвязную старуху.

— Поди ты какъ онъ раскудахтался! сказала мистриссъ Браунъ, опять обращаясь къ своей дочери. — Кудахтай, соколикъ, до поры до времени, а вотъ я потолкую о тебѣ съ койкакими твоими старыми пріятелями, съ которыми ты вмѣстѣ обманывалъ и воровалъ....

— Да замолчите ли вы, миссисъ Браунъ? прервалъ горемычный точильщикъ, быстро озираясь вокругъ, какъ будто за его затылкомъ блистали перловые зубы всевѣдущаго господина. — Что́ вамъ за радость погубить бѣднаго парня? Подумайте о своихъ лѣтахъ, миссисъ Браунъ! Развѣ вамъ нечего больше дѣлать?

— Какая залихватская лошадь! сказала старуха, погладивъ [illegible] по груди.

— Отвяжитесь, пожалуйста, миссисъ Браунъ! завопилъ Точильщикъ, отталкивая ея руки. — Вы этакъ, право, съ ума сведете бѣднаго парня.

— Чтóжь ты хнычешь, безталанный дѣтинушка? Какого чорта я сдѣлала твоему коню?

— Какого чорта! Да притронься къ нему хоть соломенкой, хозяинъ все узнаетъ.

И Точильщикъ усердно принялся дуть на мѣсто, къ которому прикасалась старуха, какъ-будто онъ дѣйствительно вѣрилъ тому, чтò говорилъ. Уничтоживъ такимъ образомъ истинный или мнимый слѣдъ нечистаго прикосновенія, Робинъ повелъ впередъ своего коня. Старуха пошла подлѣ, бросивъ выразительный взглядъ на дочь, и продолжала разговоръ:

— Теплое мѣстечко, Робинъ, а? Везетъ тебѣ, дѣтинушка, а?

— Толкуй вотъ тутъ, повезетъ много, если станешь съ тобой встрѣчаться, возразилъ несчастный Точильщикъ, дѣлая жалкую гримасу и останавливаясь среди дороги. — Да чтò это въ самомъ дѣлѣ, миссисъ Браунъ: отстанете ли вы отъ меня? Зачѣмъ не отзоветъ васъ эта молодая женщина, если она вамъ пріятельница? Проваливай, проваливай, бабушка Браунъ.

— Какъ! закричала старуха, вытянувъ морщинистое лицо, исковерканное чудовищной улыбкой. — Такъ ты, мошенникъ, отпираешься отъ своихъ старыхъ друзей! такъ ты забываешь ихъ старую хлѣбъ-соль! Проваливай! А кто давалъ тебѣ пріютъ въ своемъ домѣ, когда ты какъ собака валялся по каменнымъ мостовымъ? а кто у тебя покупалъ и продавалъ съ тобою разныя вещицы, когда ты отлынивалъ отъ школы, озарникъ ты этакой? а гдѣ, въ какомъ углу, на чьей лавкѣ ты храпѣлъ въ тѣ поры, бутусъ ты пучеглазый, образина ты непутная, а? Проваливай! Хорошо, голубчикъ, хорошо. Завтра же я нагоню къ тебѣ цѣлую свору твоихъ прежнихъ товарищей, и вотъ увидимъ, какъ ты имъ скажешь — проваливай! Пойдемъ, Алиса. Чортъ съ нимъ!

— Погодите, мисиссъ Браунъ! закричалъ отчаянный Точильщикъ. — Чтó вы хотите дѣлать? На чтó это вы сердитесь, добрая бабушка? Да не уходите же: я и не думалъ васъ обижать. Я вѣдь съ самого начала сказалъ: какъ ваше здоровье?

вольно жь вамъ ничего не отвѣчать. Ну, бабушка, все ли вы въ добромъ здоровьи? Да оглянитесь же сюда! завопилъ точильщикъ жалобнымъ голосомъ: — ахъ, ты, Господи Владыка! Ну какъ бѣдному парню розиня ротъ стоять среди улицы съ господской лошадью, которую надобно вычистить и выхолить! И баринъ-то мой.... ой, ой, ой!... онъ знаетъ всю подноготную!...

Старуха, работая постоянно губами и мотая головой, бормотала что́-то про себя, однакожь сдѣлала видъ, что перестаетъ сердиться.

— Пойдемте же со мной, продолжалъ Робинъ:—я поставлю лошадь въ стойло, и потомъ мы разопьемъ съ вами бутылочку, не такъ ли, миссисъ Браунъ? И вы ужь, миссъ, пойдемте съ нами, будьте такъ добры. Я право очень радъ этому свиданью, да только вотъ лошадь-то спутала меня.

Послѣ этого извиненія, Благотворительный Точильщикъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, поворотилъ своего коня въ глухой переулокъ, чтобы спокойнѣе добраться до конюшенъ. Старуха, безпрестанно озираясь на свою дочь, пошла подлѣ, между тѣмъ какъ Алиса слѣдовала за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Минутъ черезъ десять почтенная компанія повернула на большой дворъ или площадь, обставленную анбарами, между которыми особенно бросался въ глаза анбаръ бутылочнаго мастера. Здѣсь же была и огромная конюшня, дававшая пріютъ нѣсколькимъ дюжинамъ благородныхъ животныхъ. Отдавъ конюху бѣлоногаго коня, точильщикъ пригласилъ своихъ дамъ посидѣть у воротъ на каменной скамейкѣ, а самъ побѣжалъ въ ближайшій кабакъ, изъ котораго тотчасъ же воротился со штофомъ и стаканомъ.

— Это за здоровье твоего хозяина, мистера Каркера, что́ ли? сказала тихонько старуха, принимая поданный стаканъ. — Ну, многая ему лѣта!

— Да развѣ я сказалъ, какъ зовутъ моего хозяина? замѣтилъ точильщикъ, выпучивъ глаза.

— Мы его знаемъ, сказала мистриссъ Браунъ, переставъ жевать и впившись глазами въ своего собесѣдника. — Мы его видѣли сегодня поутру верхомъ на лошади, а ты еще вертѣлся передъ нимъ и снималъ шапку.

— Ай, ай! что это съ ней дѣлается? Развѣ она не будетъ пить?

Этотъ вопросъ относился къ Алисѣ, которая, завернувшись въ свой капотъ, сидѣла поодаль, не обращая никакого вниманія на предложенный стаканъ. Старуха между тѣмъ качала головой.

— Ты не смотри на нее, сказала мистриссъ Браунъ: — она у меня такая странная. А вотъ мистеръ Баркеръ....

— Тс! сказалъ Точильщикъ, осторожно осматриваясь во всѣ стороны, какъ-будто мистеръ Каркеръ стоялъ и прислушивалъ гдѣ-нибудь за угломъ. — Тише пожалуйста!

— А что? Развѣ онъ здѣсь?

— Какъ знать? бормоталъ Робинъ, бросая робкій взглядъ на анбаръ бутылочнаго мастера, какъ-будто его баринъ скрывался тамъ между громадами стклянокъ.

— Хорошій баринъ? спросила мистриссъ Браунъ.

Робинъ кивнулъ головой и прибавилъ тихимъ голосомъ:

— Проницателенъ такъ, что Боже упаси!

— За городомъ живетъ?

— За городомъ у него собственная дача; а только теперь мы живемъ не дома.

— Гдѣ же?

— На квартирѣ, недалеко отъ мистера Домби.

Вдругъ молодая женщина бросила на него такой пытливый взоръ, что Робинъ совсѣмъ растерялся, и не зная самъ, что дѣлаетъ, налилъ ей еще стаканъ вина. Стаканъ опять не былъ принятъ.

— Вы чай помните мистера Домби, продолжалъ Точильщикъ: — мы о немъ, бывало, часто съ вами толковали.

Старуха сдѣлала утвердительный жестъ.

— Ну, такъ вотъ мистеръ Домби слетѣлъ намедни съ лошади и разбился. Поэтому мой хозяинъ и переѣхалъ въ городъ, чтобы чаще видѣться съ мистеромъ Домби или съ мистриссъ Домби.

— А они ужь подружились, голубчикъ? спросила старуха.

— Кто?

— Онъ и она.

— То есть мистеръ и мистриссъ Домби? Почему мнѣ знать?

— Не они, цыпленочекъ ты мой, а твой хозяинъ и мистриссъ Домби, возразила старуха вкрадчивымъ тономъ.

— Не знаю, сказалъ Робъ, озираясь вокругъ: — можетъ и подружились. Какъ вы любопытны, бабушка Браунъ! По моему, знай себя, да будетъ съ тебя! Лучше держать языкъ за зубами. Право!

— Да вѣдь бѣды тутъ нѣтъ, касатикъ! воскликнула старуха съ дикимъ смѣхомъ и хлопая руками. — Какой ты нынче скрытный, Робинушка! вотъ что̀ значитъ попасть въ люди. Ну, а все-таки бѣды тутъ нѣтъ.

— Нѣтъ-то нѣтъ, оно пожалуй и такъ, возразилъ Робъ, бросая опять отчаянный взглядъ на бутылочный анбаръ: — а болтать, по моему, никакъ не слѣдуетъ даже о пуговицахъ моего барина. Я вѣдь ужь знаю что̀ говорю. Лучше повѣситься или утопиться, чѣмъ заводить что̀ на его счетъ. Я бы вамъ ни за что не сказалъ его имени, если бы вы сами не знали. Говорите о чемъ-нибудь другомъ.

Между тѣмъ какъ Точильщикъ опять повелъ глазами по площадкѣ, старуха сдѣлала тайный знакъ своей дочери. Понявъ смыслъ этого мгновеннаго жеста, Алиса отвела глаза отъ мальчишки, который ихъ угощалъ, и сѣла какъ прежде, закутавшись въ свой плащь.

— Робинушка! сказала старуха, приглашая его на другой конецъ скамейки. — Ты всегда былъ моимъ ненаглядным любимцемъ.... былъ или нѣтъ? Ну, говори же, касатикъ, да или нѣтъ.

— Да, бабушка, да! отвѣчалъ Точильщикъ, дѣлая прежалкую гримасу.

— И ты могъ меня оставить! сказала старуха, обвиваясь руками вокругъ его шеи. — Ты убѣжалъ да и пропалъ, и нѣтъ о тебѣ ни слуху, ни духу, мошенникъ ты этакой! Чтобы тебѣ хоть разъ какъ-нибудь забѣжать къ старымъ друзьямъ и подать о себѣ вѣсточку! Такъ нѣтъ, плутяга, загордился, ой, ой!

— Поди-ка попробуй пожить съ такимъ хозяиномъ, какъ мой, заголосилъ отчаянный Точильщикъ: — онъ видитъ, кажись, за тридевять земель и знаетъ побольше всякаго чорта. Поневолѣ тутъ загордишься, да и прикусишь языкъ.

— Стало быть ты никогда не навѣстишь меня, Робинушка! вскричала мистриссъ Браунъ. — Никогда ты не придешь ко мнѣ, голубчикъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка, приду. Съ чего ты накинулась? Приду, говорятъ тебѣ.

— Ай же соколикъ! вотъ это понашенски! Люблю дружка за обычай, кричала старуха, осушая слезы на своей щекѣ и сжимая его въ своихъ объятiяхъ. — Придешь на старое мѣсто, Робинъ?

— Да, бабушка.

— Скоро, касатикъ?

— Скоро.

— И часто будешь ходить, голубчикъ ты мой?

— Да, да, да, отвѣчалъ Робинъ скороговоркой: — буду ходить часто, бабушка, ей Богу.

— Ну, любезный, если ты не врешь, сказала мистриссъ Браунъ, поднявъ руки и закинувъ голову назадъ: — я никогда не подойду къ твоей квартирѣ, хоть и знаю, гдѣ ты живешь, никогда не заикнусь о тебѣ, мой голубчикъ, никогда!

Это восклицанiе послужило каплей утѣшенiя для бѣднаго Точильщика, и онъ, взявъ руку мистриссъ Браунъ, умолялъ ее со слезами на глазахъ, чтобъ она ради Бога не разстроивала его счастья. Мистриссъ Браунъ согласилась, и въ доказательство еще разъ заключила въ нѣжныя объятiя своего закадычнаго друга. Вставъ наконецъ со скамейки, чтобы итти за дочерью, она приложила палецъ къ губамъ и шопотомъ начала просить денегъ.

— Шиллингъ, мой милый, или хоть полъ-шиллинга, ради стараго знакомства! Я бѣдна, кормилецъ, а моя дочь — мистриссъ Браунъ оглянулась черезъ плечо — это вѣдь дочь моя... она моритъ меня и голодомъ и холодомъ.

Но когда Точильщикъ сунулъ шиллингъ въ ея руку, Алиса, быстро обернувшись назадъ, выхватила монету и бросила на полъ.

— Какъ, матушка! вскрикнула она: — опять деньги! деньги сначала до конца! Развѣ ты забыла, что̀ я говорила тебѣ только-что теперь? Молодой человѣкъ, можете взять вашу монету.

Старуха страшно застонала, когда вырвали у нея деньги, но, не смѣя прекословить, поковыляла за своей дочерью въ переулокъ, выходившій отъ этого двора. Ошеломленный Точильщикъ, наблюдавшій ихъ съ своего мѣста, вскорѣ увидѣлъ, что обѣ женщины остановились и вступили между собою въ жаркій разговоръ, при чемъ молодая не разъ дѣлала рукою грозное движеніе, относившееся вѣроятно къ предмету ея рѣчи.

— Вотъ тутъ и валандайся съ этою сволочью, думалъ Благотворительный Точильщикъ, продолжая свои безмолвныя наблюденія съ высоты каменной скамейки. — Не было печали, да черти накачали. Ну, если этой вѣдьмѣ когда-нибудь придетъ въ голову выполнить свои угрозы.... а впрочемъ чего я робѣю? не маѳусаловы же вѣки проживетъ негодная старушонка: авось какъ разъ издохнетъ черезъ годъ, а можетъ и прежде, и тогда всѣ концы въ воду.

Успокоивъ себя такими основательными предположеніями, Робинъ соскочилъ со скамейки и весело направилъ шаги къ конторѣ Домби и Сына въ полной готовности дожидаться новыхъ приказаній своего грознаго владыки.

Однакожь при взглядѣ на грознаго владыку, засѣдавшаго въ конторѣ, Благотворительный Точильщикъ затрепеталъ и затрясся на всѣ суставы, ожидая заслуженныхъ упрековъ за сношенія съ мистриссъ Браунъ. Но упрековъ не было. Мистеръ Каркеръ, по обыкновенію, вручилъ своему слугѣ утреннюю пачку бумагъ для мистера Домби и записочку для мистриссъ Домби, при чемъ только кивнулъ головою, рекомендуя быть осторожнѣе и держать ухо востро: таинственное предостереженіе, стоившее всякихъ угрозъ и наказаній для запуганнаго парня.

Оставшись опять одинъ въ своей комнатѣ, мистеръ Каркеръ принялся за дѣла и проработалъ цѣлый день. Онъ принималъ посѣтителей, пересматривалъ документы, обозрѣвалъ снаружи, вдоль и поперекъ, колеса и пружины меркантильной машины, и мысль его во время этихъ занятій ни на минуту не уклонялась въ сторону отъ обдуманнаго плана. Наконецъ, когда на письменномъ столѣ не оставалось болѣе ни одного клочка дѣловой бумаги, мистеръ Каркеръ еще разъ погрузился въ глубокое раздумье.

Онъ стоялъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ и въ своей обыкновенной позѣ, уставивъ глаза на коверъ передъ каминомъ, какъ вошелъ въ комнату его братъ съ пачкою писемъ, полученныхъ въ продолженіи дня. Мистеръ Каркеръ, переставъ наблюдать конторный полъ, обратилъ теперь все свое вниманіе на брата, и когда тотъ, положивъ письма на столъ, хотѣлъ уже итти, главный прикащикъ остановилъ его вопросомъ:

— Зачѣмъ ты приходилъ сюда, Джонъ Каркеръ?

Его братъ указалъ на письма.

— Странно, любезный: ты ходишь сюда каждый день и ни разу не освѣдомишься о здоровьи нашего хозяина.

— Сегодня поутру намъ сказывали въ конторѣ, что мистеръ Домби поправляется, отвѣчалъ братъ.

— Какая, подумаешь, кроткая овечка! улыбаясь возразилъ прикащикъ. — Если бы этакъ мистеръ Домби схватилъ горячку или, чего добраго, отправился на тотъ свѣтъ, ты конечно, мой милый, стосковался бы съ печали: не такъ ли?

— Я былъ бы очень огорченъ.

— Онъ былъ бы огорченъ! возразилъ прикащикъ, указывая на брата, какъ-будто стоялъ тутъ еще человѣкъ, къ которому онъ обращался. — Онъ былъ бы очень огорченъ! Ай да братецъ! И эта ветошь, эта гадина, прибитая носомъ къ стѣнѣ ужь чортъ знаетъ сколько лѣтъ и чортъ знаетъ для чего, тоже хвастается своей преданностью, благодарностью, уваженіемъ и пожалуй самоотверженіемъ! И ты думаешь, любезный, что вотъ такъ тебѣ и повѣрятъ!

— Я ни въ чемъ тебя не увѣряю, Джемсъ. Будь, ради Бога, справедливъ ко мнѣ, какъ и къ другимъ. Ты предлагаешь вопросъ, и я отвѣчаю: это, кажется, въ порядкѣ вещей.

— И тебѣ точно не на что̀ пожаловаться, мокрая ты курица! закричалъ прикащикъ съ необыкновенной запальчивостію. — Гордое обхожденіе тебя не раздражаетъ, глупые капризы, надутая важность, дерзкіе выговоры, упреки, — все это тебѣ не по чемъ! Да кой чортъ! человѣкъ ты или мышь?

— Было бы очень странно, если бы два человѣка, прожившіе вмѣстѣ цѣлые годы и поставленные въ отношеніи одинъ къ другому какъ начальникъ и подчиненный, не находили другъ въ другѣ какихъ-нибудь поводовъ къ неудовольствіямъ, особен-

но если взять въ расчетъ предубѣжденіе ко мнѣ мистера Домби. Но кромѣ того, что моя исторія здѣсь....

— Его исторія здѣсь! воскликнулъ Джемсъ Каркеръ. — Это твой всегдашній конекъ. Ну, продолжай!

— Кромѣ того, что моя здѣшняя исторія обязываетъ меня собственно быть благодарнымъ, я увѣренъ, что во всемъ торговомъ домѣ не найдется ни одного человѣка, который бы не находилъ поводовъ къ признательности. Не думай, братъ, чтобы здѣсь оставались хладнокровными къ судьбѣ мистера Домби: совсѣмъ напротивъ, несчастное приключеніе съ почтеннымъ представителемъ фирмы. огорчило болѣе или менѣе каждаго изъ насъ.

— Да, у тебя особыя причины быть благодарнымъ! воскликнулъ Джемсъ Каркеръ презрительнымъ тономъ. — Глупецъ! неужели ты не видишь, зачѣмъ ты удержанъ въ этой конторѣ? Ты ни больше, ни меньше, какъ дешовый урокъ для всей остальной сволочи и вмѣстѣ великолѣпнѣйшій образчикъ милосердія Домби и Сына, которымъ очень нужны такіе образщики для увеличенія кредита.

— Я думаю, напротивъ, отвѣчалъ братъ кроткимъ тономъ: — что фирма удержала меня по другимъ, болѣе безкорыстнымъ причинамъ.

— По какимъ это, интересно бы знать? Ужь не по чувству ли христіянскаго милосердія и любви къ ближнему? Глупецъ!

— Послушай, Джемсъ. Хотя узы братства между нами разорваны давнымъ-давно....

— Ктожь разорвалъ ихъ, почтеннѣйшій?

— Я, дурнымъ поведеніемъ. Я ни въ чемъ не обвиняю тебя.

— Это очень мило съ твоей стороны не обвинять меня, возразилъ главный прикащикъ, выставляя напоказъ свои блистательные зубы. — Ну, продолжай!

— Хотя узы братства, говорю я, давно разорваны между нами, однако я убѣдительно прошу не осыпать меня безполезными упреками и не перетолковывать моихъ словъ. Я хотѣлъ только замѣтить, что несправедливо было бы съ твоей стороны предположеніе, что только ты одинъ лично уважаешь мистера Домби, хотя разумѣется ты болѣе всѣхъ насъ имѣешь причинъ дорожить благосостояніемъ фирмы: ты поставленъ здѣсь выше всѣхъ, удостоенъ полной довѣренности, обогащенъ и осыпанъ

всѣми милостями, и мистеръ Домби обходится съ тобой какъ съ товарищемъ и другомъ. Но при всемъ томъ я нравственно убѣжденъ и повторяю еще, что всѣ здѣсь уважаютъ представителя фирмы.

— Ты лжешь! закричалъ прикащикъ, вспыхнувъ отъ гнѣва. — Ты подлый лицемѣръ, Джонъ Каркеръ, и я повторяю, что ты лжешь!

— Остановись, Джемсъ! что̀ ты разумѣешь подъ этими обидными словами?

— А вотъ видишь ли, любезный, что̀ я подъ этимъ разумѣю, отвѣчалъ прикащикъ, показывая брату оконечность указательнаго пальца. — Ты можешь сколько тебѣ угодно надѣвать маску подлѣйшаго лицемѣра, я вижу тебя насквозь и знаю наизусть свычаи и обычаи всей конторской сволочи. Нѣтъ здѣсь ни одного человѣка, отъ меня до послѣдняго молокососа, который бы сколько-нибудь уважалъ хозяина этихъ заведеній. Всѣ ненавидятъ Домби и втихомолку посылаютъ ему тысячи чертей. Чѣмъ кто ближе къ его милостямъ, тѣмъ ближе и къ его нахальству. Всѣ и каждый удаляются отъ него по мѣрѣ приближенія къ нему, и будь у кого побольше смѣлости, тотъ открыто возсталъ бы противъ этого гордеца. Вотъ какой здѣсь законъ!

Джонъ Каркеръ, начинавшій въ свою очередь горячиться, до того былъ теперь изумленъ послѣдними словами брата, что нѣсколько времени не могъ выговорить слова.

— Не знаю, сказалъ онъ наконецъ, приходя мало-по-малу въ себя: — не знаю, кто такъ неудачно принялъ на себя трудъ нашептывать тебѣ всѣ эти небылицы, и не понимаю, зачѣмъ именно меня, а не другого кого ловишь ты на удочку.... Не запирайся, я очень хорошо вижу, что ты испытываешь меня и вывѣдываешь. Твое обращеніе и манеры, совсѣмъ тебѣ несвойственныя, ясно подтверждаютъ это. Но какъ бы то ни было, ты обманутъ, Джемсъ Каркеръ.

— Разумѣется, я очень хорошо знаю, что обманутъ.

— Только не мною, въ этомъ можно присягнуть. Обманываютъ тебя или шпіоны, если они у тебя есть, или собственныя мысли и подозрѣнія.

— У меня нѣтъ подозрѣній, съ живостію возразилъ главный прикащикъ. — Мои догадки — достовѣрность. У всѣхъ васъ

одна и та же пѣсня. Всѣ вы — низкія, презрѣнныя, гадкія собаки, воете на одинъ тонъ и виляете однимъ хвостомъ. Знаю я васъ!

Джонъ Каркеръ удалился не сказавъ ни слова и затворилъ дверь. Главный прикащикъ пододвинулъ къ камину стулъ и началъ тихонько разгребать уголья кочергой.

— Канальи, бестіи, мошенники, плуты! восклицалъ на досугѣ мистеръ Каркеръ, выставляя для собственнаго удовольствія свои перловые зубы. — Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не прикинулся обиженнымъ и оскорбленнымъ.... какъ! Да будь у нихъ сила, власть и умѣнье, они бы въ прахъ уничтожили этого Домби и разбросали бы его кости съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ я вотъ выгребаю этотъ пепелъ.

Разсѣявъ за рѣшоткой остатки пепла, мистеръ Каркеръ любовался на свое произведеніе съ задумчивой улыбкой.

— А для нихъ вѣдь нѣтъ еще этой персоны, которая рисуется въ перспективѣ блистательной наградой, прибавилъ онъ торжественнымъ тономъ. — Мы шли на-проломъ черезъ рогатки гордости и высокомѣрія, — этого не должно забывать. Каково было наше знакомство? Да, чортъ побери!

Съ этимъ онъ впалъ въ глубокое раздумье и долго просидѣлъ, повѣсивъ голову надъ почернѣвшей рѣшоткой. Наконецъ онъ всталъ съ видомъ человѣка, одолѣвшаго длинную книгу, осмотрѣлся вокругъ себя, надѣлъ шляпу и перчатки и вышелъ изъ комнаты. Была уже ночь. Мистеръ Каркеръ сѣлъ на коня и поѣхалъ по освѣщеннымъ улицамъ.

Подъѣхавъ къ дому мистера Домби, Каркеръ взглянулъ на верхнее окно, гдѣ, бывало, наблюдалъ онъ Флоренсу съ ея собакой. Въ окнѣ не было свѣту. Каркеръ улыбнулся и небрежно повелъ глазами по всему фасаду великолѣпнаго чертога.

— Было время, сказалъ онъ: — когда не безъ удовольствія наблюдалъ я и тебя, маленькая звѣзда, наводя тѣни по мѣрѣ надобности и окружая тебя облаками! Но теперь на горизонтѣ яркая планета, и ты потерялась въ ея свѣтѣ.

Онъ поворотилъ за уголъ бѣлоногаго коня и отыскалъ глазами одно изъ многочисленныхъ оконъ на переулочной сторонѣ дома. Другія мысли, другія воспоминанія пробудились въ его душѣ: какая-то гордая, величественная фигура, рука въ перчаткѣ, перья изъ крыла прекрасной птицы, разсѣянныя по по-

лу, бѣлая грудь, волновавшаяся подъ платьемъ, какъ-будто отъ приближенія бури.... Постоявъ съ минуту, мистеръ Каркеръ поворотилъ назадъ и быстро помчался впередъ по темнымъ и опустѣлымъ паркамъ.

Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ! Гордая женщина ненавидѣла его всѣми силами души и между тѣмъ исподоволь должна была привыкнуть къ его обществу, и вотъ теперь онъ единственный человѣкъ, который присвоилъ себѣ право разговаривать съ ней о ея супругѣ и о собственномъ ея униженіи въ своихъ же глазахъ! Она знала его въ совершенствѣ, точно такъ же, какъ и онъ ее зналъ, и поэтому не могло быть между ними никакой довѣренности, а между тѣмъ, несмотря на эту глубокую ненависть, онъ съ каждымъ днемъ подходилъ къ ней ближе. Несмотря на глубокую ненависть? Напротивъ, очень *смотря:* на днѣ этого чувства, зоркій и грозный глазъ ея смутно прозиралъ зародышъ отмщенья, которое съ нѣкотораго времени мрачнымъ пятномъ запало въ ея душу.

И неужели призракъ этой женщины носился въ его воображеніи, когда онъ стремглавъ летѣлъ по опустѣлому пространству? И былъ этотъ призракъ вѣренъ дѣйствительности?

Да. Онъ воображалъ ее точно такою, какъ она была. Ея гордость, отвращеніе, ненависть были для него столько же ясны, какъ ея красота, и ничто съ такою отчетливою вѣрностію онъ не представлялъ, какъ ея ненависть къ себѣ. То горделиво она отталкивала его повелительнымъ жестомъ, то иногда бросалась къ ногамъ его лошади и уничтожалась во прахѣ; но какъ бы ни было, она всегда являлась его умственному взору безъ маски, безъ прикрасъ, и онъ наблюдалъ ее на опасномъ пути, по которому она проходила.

Кончилась верховая ѣзда. Мистеръ Каркеръ улыбается и входитъ въ свою ярко освѣщенную комнату, гдѣ немедленно переодѣвается въ свое ночное платье. И опять гордая фигура со всею ясностію носится передъ его воображеньемъ. Онъ даже подозрѣваетъ тайну перчатки, и тѣмъ крѣпче сжимаетъ ее въ собственной рукѣ. Онъ стоитъ еще на опасной дорогѣ, по которой она шла, и готовъ оставить на ней глубокіе слѣды.

ГЛАВА XLVII.

ГРОМОВОЙ УДАРЪ.

Время не ослабило баррьеры между мистеромъ Домби и его женой. Утѣшитель скорбящихъ и укротитель гнѣвныхъ, благодѣтельное время нисколько не помогало этой четѣ, связанной не розовою цѣпью, а желѣзными кандалами, натиравшими до крови и костей ихъ крѣпкія руки, стремившіяся съ каждымъ днемъ высвободиться отъ насильственнаго ига и разойтись въ противоположныя стороны. Разнородная ихъ гордость, обращенная на разные предметы, была однакожь совершенно равна въ степени своей упругости и силы, и отъ ихъ кремнистаго столкновенія мгновенно вспыхивалъ между ними огонь, который горѣлъ или тлѣлся, смотря по обстоятельствамъ, но сожигалъ непремѣнно все, къ чему ни прикасался, и осыпалъ такимъ образомъ грудами пепла тернистый путь злополучнаго брака.

Будемъ къ нему справедливы. Надменный до чудовищнаго ослѣпленія, возраставшаго и усилившагося по мѣрѣ сопротивленій, онъ принуждалъ и всегда готовъ былъ принуждать ее къ чему бы и какъ бы то ни было; но въ сущности онъ не перемѣнилъ о ней своего мнѣнія, и его чувства были всегда одни и тѣже. Она, нечего и говорить, вела себя очень дурно, не признавая надъ собой его верховнаго вліянія и отказываясь отъ всякой подчиненности, — поэтому слѣдовало ее исправить и привести въ приличныя границы; но все же нѣтъ никакого сомнѣнія, что при другомъ поведеніи, она была бы отличнымъ украшеніемъ его дома и могла бы сообщить удивительный блескъ знаменитому имени Домби и Сына.

Она между тѣмъ.... но ея положеніе не измѣнилось съ того вечера, когда сидѣла она одна подлѣ мерцающаго пламени, въ мрачной и грозной красотѣ, наблюдая темныя тѣни на стѣнѣ, какъ-будто въ нихъ обрисовывались ея собственныя мысли. Проникнутая страшнымъ отвращеніемъ, она чаще и чаще обращала теперь свой мрачный взглядъ на отвратительную фигуру, направлявшую противъ нея всѣ возможные роды нравственнаго униженія. Это была опять фигура ея супруга.

Да неужели въ самомъ дѣлѣ могъ въ родѣ нашемъ образоваться характеръ такой, какъ у мистера Домби? Естественно ли это?

Уже полгода прошло послѣ бѣдственнаго приключенія, и они не измѣнились въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Она стояла на его пути мраморной скалою, несокрушимою никакими ударами грома, а онъ лежалъ на ея дорогѣ холоднымъ болотомъ душнаго погреба, куда не проникалъ и не проникнетъ никогда лучь дневного свѣтила.

Чтó касается до Флоренсы, въ ея сердцѣ исчезла теперь всякая надежда на лучшую будущность, надежда, основанная на водвореніи въ новомъ домѣ прекрасной маменьки. Новый домъ постарѣлъ почти двумя годами, и тяжолые опыты каждаго дня задушили тоскливое предчувствіе отдаленнаго счастья. Если еще во глубинѣ ея души оставался отблескъ угасавшей надежды, что Эдиѳь и ея отецъ современемъ быть можетъ какъ-нибудь сдѣлаются счастливѣе, зато была она убѣждена, что отецъ никогда не будетъ ее любить. Разъ, и только разъ въ жизни показалось ей, что она читаетъ въ глазахъ отца чтó-то похожее на раскаяніе, но это мгновенье давно исчезло въ продолжительномъ воспоминаніи его холодности, мрачной и упорной.

Флоренса еще любила его, но съ нѣкотораго времени ея любовь начала мало-по-малу принимать какой-то странный характеръ. Думая объ отцѣ, она представляла его не дѣйствительнымъ существомъ, а отжившимъ членомъ вымершаго семейства, который для нея очень дорогъ по воспоминаніямъ объ этомъ семействѣ. Тихая грусть, съ какой она любила память маленькаго Павла или своей матери, казалось, входила теперь частію въ ея представленія о немъ, имѣвшія видъ милыхъ для сердца воспоминаній, и такимъ образомъ отецъ, ею любимый, становился для нея неопредѣленною мечтою безъ всякой связи съ дѣйствительною жизнью, какъ образъ милаго брата, которому слѣдовало современемъ достигнуть зрѣлаго возраста и сдѣлаться ея естественнымъ покровителемъ. Флоренса сама не могла отдать себѣ яснаго отчета въ этихъ представленіяхъ, но ничего мудренаго нѣтъ, если она считала своего отца умершимъ для себя: мысль о немъ всегда соединялась съ мыслью о погибшихъ надеждахъ и желаніяхъ, умерщвленныхъ его холодностію.

Такая перемѣна въ молодой дѣвушкѣ произошла незамѣтно для нея самой, точно такъ же какъ незамѣтно перешла она отъ младенчества къ дѣтству и отъ дѣтства къ періоду полнаго разцвѣта женской красоты. Флоренсѣ было почти семнадцать лѣтъ, когда въ своихъ уединенныхъ размышленіяхъ она мало-по-малу начала сознавать свое дѣйствительное отношеніе къ окружающимъ предметамъ.

Она часто оставалась теперь наединѣ, потому-что ея прежняя связь съ ея прекрасной матерью значительно измѣнилась. Во время несчастья, случившагося съ отцомъ, когда лежалъ онъ одинокій въ своей спальнѣ, Флоренса первый разъ замѣтила, что Эдиѳь ее избѣгаетъ. Огорченная до послѣдней степени и не умѣя никакъ согласить этой холодности съ ея любовью, обнаруживающеюся при каждой встрѣчѣ, Флоренса однажды вечеромъ пошла еще разъ въ ея комнату.

— Матушка, чѣмъ я васъ оскорбила? сказала Флоренса, съ робостію останавливаясь подлѣ нея.

— Ничѣмъ, мой ангелъ.

— Отчегожь вы перемѣнились ко мнѣ, милая матушка? Вѣроятно я что-нибудь сдѣлала: скажите, ради Бога, и я постараюсь загладить свою вину. Мнѣ трудно сказать, съ какою скоростью я въ состояніи замѣтить каждую, даже малѣйшую перемѣну, потому-что я люблю васъ отъ всего сердца.

— Такъ же, какъ и я тебя, мой ангелъ, отвѣчала Эдиѳь. — Ахъ, Флоренса, повѣрь мнѣ, никогда я не любила тебя больше, чѣмъ теперь.

— Отчегожь вы такъ часто удаляетесь отъ меня? спросила Флоренса. — И отчего иной разъ вы такъ странно смотрите на меня, милая матушка? Неправда ли: вы странно на меня смотрите?

Эдиѳь дала утвердительный отвѣтъ своими черными глазами.

— Отчего же? возразила Флоренса умоляющимъ тономъ. — Скажите мнѣ отчего, и я употреблю всѣ средства, чтобы заслужить вашу благосклонность.

— Флоренса, отвѣчала Эдиѳь, взявъ руку, обвивавшую ея шею, и бросая на нее такіе нѣжные, такіе любящіе взоры, что молодая дѣвушка стала передъ нею на колѣни: — милая Флоренса, я не могу тебѣ сказать, отчего. Не мнѣ это говорить, и не тебѣ слушать; но будь увѣрена, мой ангелъ, это должно

быть такъ, а не иначе. Развѣ я поступала бы такъ, если бы это не было нужно?

— Неужели мы должны быть отчужденными, матушка? спросила Флоренса, обративъ на нее испуганные глаза.

На безмолвныхъ глазахъ Эдиѳи обозначился утвердительный отвѣтъ.

Флоренса смотрѣла на нее съ возрастающимъ изумленіемъ и страхомъ, до тѣхъ поръ, пока не могла больше ее видѣть сквозь слезы, пробѣжавшія по ея лицу.

— Флоренса, жизнь моя! восклицала Эдиѳь: — послушай меня. Я не могу больше смотрѣть на эту сцену. Успокойся, мой другъ. Ты видишь, какъ я тверда и спокойна, а развѣ это ничего для меня?

При послѣднихъ словахъ грудь ея выпрямилась, глаза засверкали и голосъ сдѣлался твердымъ. Она продолжала:

— Не совсѣмъ отчужденными. Только отчасти, и притомъ лишь для виду, Флоренса, потому-что въ душѣ я остаюсь такою же въ отношеніи къ тебѣ, какъ прежде, какъ и всегда. Но то, что̀ я дѣлаю, сдѣлано не для меня.

— Неужели для меня, милая матушка?

— Довольно, сказала Эдиѳь послѣ нѣкотораго размышленія: — довольно знать дѣло, какъ оно есть, и не спрашивать, почему оно такъ. Милая Флоренса, мы должны видѣться съ этой минуты какъ можно рѣже: это необходимо, это неизбѣжно, этого требуетъ роковая судьба. Искренность, утвердившаяся между нами, должна быть прекращена.

— Когда? вскричала Флоренса: — о, милая матушка, когда?

— Теперь, отвѣчала Эдиѳь?

— Неужели навсегда?

— Я не говорю этого. Я и сама не знаю. Наша дружба, при лучшихъ обстоятельствахъ, могла бы сдѣлаться священнымъ союзомъ, благодѣтельнымъ для обѣихъ; но что̀ выйдетъ изъ нея теперь, мнѣ неизвѣстно. Я пришла сюда по такимъ дорогамъ, по которымъ никогда тебѣ не итти, но путь мой отсюда... я ничего не вижу.... Богъ знаетъ....

— Голосъ ея замеръ, и она взглянула на Флоренсу съ какимъ-то дикимъ испугомъ, который быстро перешелъ въ мрачную гордость, и вдругъ всѣ черты ея лица выразили гнѣвъ, неукротимый гнѣвъ, готовый разразиться при первой вспышкѣ. И

между тѣмъ какъ эти чувства смѣнялись съ неуловимою быстротой подобно струнамъ на дикой арфѣ, общее выраженіе гнѣва оставалось господствующимъ, и ничего похожаго на нѣжность не обрисовывалось ея позой. Она не опустила своей головы, не заплакала и не сказала, что вся ея надежда только на Флоренсу. Напротивъ, она держала голову вверхъ, готовая стать передъ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы поразить его смертью. Да, и она бы поразила, если бы въ ея глазахъ заключалась чарующая сила.

— Матушка, сказала Флоренса, проникнутая ужаснымъ безпокойствомъ: — есть въ васъ какая-то перемѣна, страшная перемѣна, которая сильно тревожитъ меня. Позвольте мнѣ остаться съ вами.

— Нѣтъ, мой другъ, мнѣ гораздо лучше одной, и всего мѣнѣе я могу оставаться съ тобою. Не спрашивай меня, но повѣрь, что всѣ эти капризы зависятъ не отъ собственной моей воли. Повѣрь, что въ душѣ я нисколько не перемѣнилась, хотя быть можетъ намъ должно казаться впереди еще больше отчужденными другъ отъ друга. Прости мнѣ, если своимъ присутствіемъ я еще больше омрачила вашъ мрачный домъ.... я здѣсь лишняя тѣнь.... мнѣ это извѣстно.... не станемъ больше говорить объ этомъ.

— По-крайней-мѣрѣ мы не разстанемся, матушка? рыдала Флоренса.

— Мы для того и дѣлаемъ это, чтобы не разстаться, отвѣчала Эдиѳь: — не спрашивай больше. Ступай, Флоренса! Моя любовь и мое угрызеніе послѣдуютъ за тобой!

Онѣ поцаловались и простились. Когда Флоренса выходила изъ комнаты, Эдиѳь воображала, что въ лицѣ этой невинной дѣвушки покидаетъ ее добрый ангелъ, услаждавшій горькія минуты ея жизни, и вотъ теперь она опять оставлена на произволъ страстей, заклеймившихъ своею печатью ея гордое чело.

Съ этого часу Эдиѳь и Флоренса никогда не навѣщали другъ друга. Днемъ встрѣчались онѣ рѣдко, только за столомъ, когда мистеръ Домби обѣдалъ дома. Въ эту пору Эдиѳь, повелительная, непреклонная, никогда не смотрѣла на нее и ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Когда обѣдалъ съ ними Каркеръ, неразлучный спутникъ мистера Домби во время и послѣ его выздоровленія, Эдиѳь еще больше удалялась отъ скромной дѣвушки

и никакимъ движеніемъ не обнаруживала, что замѣчаетъ ея присутствіе. Но какъ скоро никого не было подлѣ, Эдиѳь спѣшила броситься въ объятія Флоренсы и цаловала ее съ такою же нѣжностію, какъ въ былыя времена. Случалось, хотя довольно рѣдко, Эдиѳь прокрадывалась въ спальню молодой дѣвушки, покоившейся тихимъ сномъ, и, склоняясь надъ ея подушкой, произносила шопотомъ: — «Прощай, мой ангелъ». Флоренса, неподозрѣвавшая такихъ визитовъ, просыпалась иногда при этихъ словахъ и, казалось, чувствовала прикосновеніе губъ на своемъ лицѣ. Но рѣже и рѣже становились эти ночныя посѣщенія.

Опять пустота въ сердцѣ Флоренсы, и опять мрачное уединеніе вокругъ нея. Какъ образъ отца нечувствительно сдѣлался для нея отвлеченною мечтою, такъ и Эдиѳь, раздѣляя судьбу всѣхъ, на кого обращались ея нѣжныя чувства, съ каждымъ днемъ становилась безцвѣтнѣй и блѣднѣе для ея воображенья. Мало-по-малу она отступала отъ Флоренсы подобно удаляющемуся духу, котораго не въ силахъ удержать никакая человѣческая сила; мало-по-малу пропасть между ними расширялась больше и больше, становилась глубже и глубже; мало-по-малу вся сила искренности и любви, обнаруженная ею прежде, оледенѣла въ сердитой дерзости, съ какою измѣряла она своимъ взоромъ бездну, незримую для Флоренсы.

Такимъ образомъ потерявъ и Эдиѳь, Флоренса находила для себя одно только утѣшеніе, слабое, ничтожное утѣшеніе для растерзаннаго сердца. Теперь ея сердцу не было надобности оказывать предпочтеніе матери или отцу, и она могла любить ихъ обоихъ съ равною силой, не дѣлая обиды никому. Теперь никто не оскорбитъ Флоренсы своими подозрѣніями, и не будетъ больше тѣней на ея любящемъ воображеніи.

Такъ она и старалась дѣлать. По временамъ, и довольно часто, она размышляла о странной перемѣнѣ своей прекрасной матери, и эти мысли ее устрашали; но вообще она старалась подавить въ себѣ этотъ *пытливый духъ* и съ полнымъ самоотверженіемъ переносила свою горемычную долю. Было ясно, что ея обѣтованная звѣзда еще разъ закатилась въ общемъ мракѣ, которому видно суждено было тяготѣть надъ злосчастнымъ домомъ.

Живя такимъ образомъ отчасти въ мечтахъ, гдѣ переполненная любовь ея нѣжнаго сердца обращалась на фантастическія формы, и отчасти въ дѣйствительномъ мірѣ, гдѣ сильный приливъ этого чувства не находилъ для себя никакого русла, Флоренса достигла наконецъ семнадцати лѣтъ. Задумчивая и робкая отъ затворнической жизни, она однакожь не утратила ни одной черты, которая служила украшеніемъ ея нѣжной, любящей натуры. Въ прекрасномъ ея лицѣ и во всей осанкѣ граціозно соединялись свойства дѣвочки и взрослой женщины: она была дитя по невинной простотѣ сердца, и взрослая женщина по глубокой сосредоточенности чувства: казалось, весна ея жизни неохотно уступала свое мѣсто наступавшему лѣту и покрывала новыми цвѣтами созрѣвшіе плоды. Но въ ея звучномъ голосѣ, кроткихъ глазахъ, иногда въ какомъ-то странномъ эѳирномъ свѣтѣ, который, казалось, покоился надъ ея головой, и наконецъ въ самой ея красотѣ, всегда проникнутой грустнымъ, меланхолическимъ отпечаткомъ, было такое же чудное выраженіе, какое нѣкогда замѣчали въ маленькомъ Павлѣ, и по этому поводу въ лакейскомъ засѣданіи на кухонномъ парламентѣ перешептывались очень многозначительно, и кивали головами, и кушали, и пили въ ознаменованіе тѣснѣйшаго дружественнаго союза.

Этотъ наблюдательный сеймъ имѣлъ полную волю и долю говорить о мистерѣ и мистриссъ Домби, и о мистерѣ Каркерѣ, который повидимому былъ посредникомъ, старавшимся водворить между ними миръ и тишину, но безъ успѣха. Всѣ и каждый оплакивали таковое безотрадное состояніе вещей, и всѣ вообще единогласно полагали, что мистриссъ Пипчинъ принимала здѣсь большое участіе, ибо, какъ всему свѣту извѣстно, Пипчинъ старуха безпокойная и нахальство ея выходитъ изъ границъ. Словомъ, почтенные сочлены кухоннаго сейма были очень рады такому неистощимому предмету для совѣщаній, столько пользительныхъ и душѣ и тѣлу.

Чтó касается до постороннихъ наблюдателей, приходившихъ по временамъ въ этотъ чертогъ, всѣ вообще были того мнѣнія, что мистеръ и мистриссъ Домби такъ себѣ, ничего, супруги какъ супруги, и больше ничего не думали о нихъ. Молодая семидесятилѣтняя дама съ горбикомъ на спинѣ, послѣ смерти мистриссъ Скьютонъ, прекратила на нѣсколько времени свои визиты,

и разсказывала своимъ короткимъ пріятельницамъ, что она не можетъ думать объ этой фамиліи, не представляя въ тоже время катафалковъ, могильныхъ памятниковъ и другихъ подобныхъ ужастей; а впрочемъ, когда потомъ возобновились ея визиты, она ничего дурного не находила, кромѣ лишь того, что у мистера Домби слишкомъ много печатей на часовой цѣпочкѣ. Флоренса, по ея замѣчаніямъ, была дѣвушкой съ норовомъ, но всетаки не то, чтобы что-нибудь этакъ такое, хотя не мѣшало бы имѣть ей талію покруглѣе. Другіе, навѣщавшіе негоціянта только въ торжественныхъ случаяхъ, едва знали, кто была Флоренса, и воротясь домой, обыкновенно говорили: «Вотъ что́! Такъ это миссъ Домби сидѣла въ уголку! она мила, очень мила, только ужь слишкомъ задумчива и, кажется, слабой комплекціи».

Отъ всѣхъ этихъ толковъ Флоренсѣ было разумѣется ни лучше, ни хуже. Приближался торжественный день, когда ея батюшка и матушка должны были праздновать свою сватьбу.... въ первый годъ праздникъ не состоялся по случаю паралича мистриссъ Скьютонъ. Наканунѣ этого дня Флоренса сѣла за обѣденный столъ съ особенною неловкостію, доходившею до испуга. Единственнымъ поводомъ къ этому были — выраженіе на лицѣ отца, оледенившаго ее своимъ взглядомъ, и присутствіе мистера Каркера, который въ этотъ день почему-то былъ для нея особенно непріятенъ.

Эдиѳь была въ богатомъ и пышномъ нарядѣ, потому-что она и мистеръ Домби были въ тотъ вечеръ приглашены въ какое-то большое собраніе, и обѣдали очень поздно. Уже всѣ сидѣли за столомъ, когда появилась она въ залу. Мистеръ Каркеръ всталъ и поспѣшилъ подать ей руку, чтобы довести ея до мѣста. Прекрасная и блистательная какъ всегда, она однакожь не могла скрыть на своемъ лицѣ чего-то въ родѣ безнадежной тоски и вмѣстѣ упорной рѣшимости, удалявшей ее отъ Флоренсы и отъ всего міра. И однакожь Флоренса затѣтила на мгновенье лучъ нѣжности въ ея глазахъ, когда они обратились къ ней, какъ-будто отыскивая на миломъ лицѣ успокоенія послѣ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ ненавистными предметами.

Почти никакого разговора за столомъ. Флоренсѣ послышалось, будто бы отецъ заговорилъ съ Каркеромъ о коммерческихъ дѣлахъ, и будто Каркеръ что́-то отвѣчалъ вкрадчивымъ

голосомъ, но она не обращала вниманія на ихъ слова и только желала, чтобы обѣдъ кончился поскорѣе. Когда на столъ поставили десертъ и слуги удалились изъ столовой, мистеръ Домби крякнулъ два, три раза такимъ способомъ, который ничего не предвѣщалъ добраго, и повелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы, полагаю, знаете, мистриссъ Домби, что къ завтрашнему обѣду приглашены гости и ключницѣ отданы приказанія, соотвѣтствующія случаю.

— Я не обѣдаю дома, отвѣчала Эдиѳь.

— Гостей немного, продолжалъ мистеръ Домби, притворяясь неслыхавшимъ отвѣта: — особъ двѣнадцать или четырнадцать. Моя сестра, майоръ Багстокъ и еще кое-кто. Вы знаете всѣхъ.

— Я не обѣдаю дома, повторила Эдиѳь.

— Какъ бы ни были, мистриссъ Домби, сомнительны причины, заставляющія меня праздновать этотъ день, посвященный извѣстному воспоминанію, величественно продолжалъ мистеръ Домби, какъ-будто ничего ему не сказано: — однакожь здѣсь какъ и во всемъ есть приличія, которыя должны быть строго соблюдаемы передъ свѣтомъ. Если вы, мистриссъ Домби, не имѣете никакого уваженія къ себѣ самой....

— Не имѣю никакого, мистеръ Домби.

— Милостивая государыня, вскричалъ мистеръ Домби, ударивъ рукою по столу: — угодно ли вамъ меня слушать? Я говорю: если вы не имѣете никакого уваженія къ себѣ самой....

— А я отвѣчаю: никакого, мистеръ Домби.

Онъ взглянулъ на нее; но лицо, къ нему обращенное, не измѣнилось бы отъ рокового глаза самой смерти.

— Каркеръ, сказалъ мистеръ Домби, обращаясь къ этому джентльмену: — такъ-какъ въ предшествовавшихъ случаяхъ вы служили для меня средствомъ сообщенія съ мистриссъ Домби, и такъ-какъ я привыкъ соблюдать приличія въ отношеніи по-крайней-мѣрѣ къ моему собственному лицу, то по всѣмъ этимъ причинамъ, Каркеръ, я намѣренъ и теперь просить васъ объ одолженіи довести до свѣдѣнія мистриссъ Домби, что если она не имѣетъ никакого уваженія къ себѣ самой, то я имѣю нѣкоторое уваженіе къ себѣ самому, и слѣдовательно требую, чтобы распоряженія, сдѣланныя на завтрашній день, состоялись во всей силѣ.

— Скажите, милостивый государь, вашему верховному владыкѣ, что я намѣрена объясниться съ нимъ послѣ и безъ свидѣтелей.

— Каркеръ можетъ избавить себя отъ сообщенія мнѣ такихъ порученій, потому-что ему извѣстны причины, препятствующія мнѣ соглашаться на ваши условія.

Говоря это, мистеръ Домби замѣтилъ, что глаза его жены обращались на какой-то предметъ.

— Здѣсь ваша дочь, милостивый государь, сказала Эдиѳь.

— Пусть она остается здѣсь, отвѣчалъ мистеръ Домби.

Флоренса, уже вставая съ мѣста, сѣла опять и скрыла свое лицо въ трепетныхъ рукахъ.

— Моя дочь, сударыня.... началъ мистеръ Домби.

Но Эдиѳь остановила его такимъ голосомъ, который хотя не повысился ни одной нотой, былъ однакожь такъ ясенъ, выразителенъ и силенъ, что его не могли бы заглушить и громовые удары.

— Я хочу, говорю я, объясниться съ вами наединѣ. Обратите на это вниманіе, если вы не сошли съ ума.

— Я имѣю, сударыня, полную власть говорить съ вами, гдѣ хочу и когда хочу. Мое настоящее намѣреніе — объясниться съ вами здѣсь и сію же минуту.

Она встала какъ бы въ намѣреніи выйти изъ залы, однакожь сѣла опять и, взглянувъ на него съ наружнымъ спокойствіемъ, сказала тѣмъ же голосомъ:

— Говорите!

— Я долженъ сначала сказать вамъ, милостивая государыня, что ваши манеры принимаютъ какой-то угрожающій видъ. Это къ вамъ вовсе не пристало.

Она захохотала, и съ этимъ хохотомъ затряслись и задрожали бриляньты на ея волосахъ. Драгоцѣнные камни въ извѣстныхъ сказкахъ становятся блѣдными, какъ скоро ихъ хозяинъ подвергается опасности. Будь это сказочные брильянты, лучи свѣта сбѣжали бы съ нихъ въ эту минуту, и они потемнѣли бы какъ свинецъ.

Каркеръ слушалъ съ глазами, опущенными въ землю.

— Что̀ касается до моей дочери, сударыня, сказалъ мистеръ Домби, продолжая нить разговора: — ея обязанности въ отношеніи ко мнѣ такого роду, что ей необходимо заранѣе

знать, какихъ поступковъ должно остерегаться. Въ этомъ отношеніи вы теперь для нея назидательный примѣръ, и я хочу, чтобъ она имъ воспользовалась.

— Говорите. Я не останавливаю васъ, отвѣчала Эдиѳь, какъ-будто приросшая къ мѣсту, такъ-что самый голосъ и глаза ея остались неподвижны. — Я не тронусь съ мѣста и не произнесу ни слова, если бы даже эта комната загорѣлась.

Мистеръ Домби саркастически кивнулъ головою, какъ-будто благодаря за обѣщанное вниманіе, и продолжалъ свою рѣчь, но уже не съ такою твердостію, какъ прежде, Живое безпокойство Эдиѳи въ отношеніи къ Флоренсѣ и совершенное равнодушіе къ нему самому и къ его верховному суду были глубокою раною для его гордой души.

— Мистриссъ Домби, я полагаю, что не будетъ никакого противорѣчія обязанностямъ или нравственности моей дочери, если она узнаетъ, что высокомѣріе и гордость бываютъ въ извѣстныхъ случаяхъ пороками, достойными осужденія и которые должны быть искореняемы всѣми зависящими отъ насъ средствами. Особенно, я полагаю, неумѣстны эти свойства, если съ ними соединяется неблагодарность за удовлетворенный интересъ и честолюбивые виды. А мнѣ кажется, мистриссъ Домби, что интересъ и честолюбіе входили въ ваши расчеты, когда вы собирались занять настоящее мѣсто при этомъ столѣ.

— Впередъ! впередъ! впередъ! я не тронусь съ мѣста и не скажу ни слова, хотя бы загорѣлся весь этотъ домъ!

— Въ порядкѣ вещей, мистриссъ Домби, что вамъ непріятно слышать при другихъ эти горькія истины, хотя я не понимаю, почему нѣкоторыя особы — здѣсь онъ бросилъ пасмурный взглядъ на Флоренсу — могутъ придать имъ бóльшую силу и важность, нежели я самъ, до кого онѣ касаются ближайшимъ образомъ. Въ порядкѣ вещей, вамъ непріятно слышать въ присутствіи свидѣтелей, что кроется въ натурѣ вашей духъ сопротивленія и буйства, который, къ великому моему неудовольствію, я замѣчалъ въ васъ еще прежде вашего замужства, когда вы оспоривали мнѣнія покойной вашей матушки. Вы должны, мистриссъ Домби, исправиться въ этомъ отношеніи совершеннѣйшимъ образомъ. Средства въ вашихъ рукахъ, и вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы явиться во всѣхъ отношеніяхъ дамой, достойной имени, которое носите. Я отнюдь не забылъ,

начавъ это объясненіе, что дочь моя здѣсь, мистриссъ Домби. Не забывайте и вы, что завтра у насъ будутъ гости, которыхъ вы должны принять приличнымъ образомъ, какъ леди, заслуживающая уваженіе по своему высокому положенію въ свѣтѣ.

— Итакъ, начала Эдиѳь: — недовольно вамъ знать, чтó происходило между мной и вами; недовольно, что вы можете смотрѣть на него — она указала на Каркера, который все еще слушалъ съ глазами, опущенными въ землю — и совершенно вмѣстѣ съ нимъ припоминать обиды, которымъ меня подвергаете; недовольно, что вы можете смотрѣть на нее — здѣсь она указала на Флоренсу, и рука ея на этотъ разъ затрепетала — и думать въ тоже время объ адской мукѣ, которую я испытываю отъ васъ постоянно, каждый день и каждый часъ; недовольно, что этотъ день изъ всѣхъ дней въ году памятенъ для меня по этой демонской борьбѣ, отъ которой я желала бы отправиться на тотъ свѣтъ! Всего этого *тебѣ* недовольно, гордый безумецъ! Къ этому ты прибавляешь послѣднюю низость, дѣлая ее свидѣтельницею бездны, въ которую я упала, когда ты знаешь, что для ея спокойствія я пожертвовала единственнымъ благороднымъ и нѣжнымъ чувствомъ, привязывавшимъ меня къ жизни, когда тебѣ извѣстно, что я хотѣла бы теперь ради ея, если бы могла — но я не могу: моя душа слишкомъ гнушается тебя — хотѣла бы, говорю, совершенно подчиниться твоей волѣ и сдѣлаться твоею безъотвѣтною рабою!

Какъ мало мистеръ Домби былъ приготовленъ къ такимъ обнаруженіямъ!... Его непріязнь, никогда не погасавшая, достигла теперь отъ этихъ словъ до послѣдней степени своего развитія. Какъ? Неужели и теперь на этой трудной дорогѣ жизни, отверженная дочь еще разъ будетъ для него камнемъ преткновенья? Какою сверхъестественною силой покорила она эту неукротимую женщину, которая окончательно выбивается изъ собственныхъ его рукъ! Неужели здѣсь, подлѣ этой женщины, значитъ она все, между тѣмъ какъ онъ, всемогущій мистеръ Домби, не значитъ ничего!!

Онъ обернулся къ Флоренсѣ, какъ-будто она произнесла эти слова, и приказалъ ей оставить комнату. Флоренса повиновалась. Ея рыданія, при выходѣ изъ комнаты, не расшевелили ожесточеннаго сердца.

— Я понимаю, сударыня, сказалъ мистеръ Домби, побагровѣвъ отъ сильнаго волненья: — почему и вслѣдствіе чего ваши нѣжныя наклонности обратились къ этому предмету; но къ счастью васъ предупредили, мистриссъ Домби, и теперь ваша чувствительность не найдетъ болѣе удобнаго канала.

— Тѣмъ хуже для тебя! отвѣчала Эдиѳь, не измѣняя ни голоса, ни своей позы.

Мистеръ Домби сдѣлалъ судорожное движеніе.

— Да, что дурно для меня, продолжала она: — то въ двадцать милліоновъ разъ хуже для тебя. Замѣть это хорошенько, если ты что-нибудь способенъ замѣчать.

Брильянтовая дуга, украшавшая ея волосы, заблестѣла и заискрилась подобно звѣздному мосту. Это ничего: брильянтамъ слѣдовало бы потускнѣть, если бы имъ суждено было подавать зловѣщіе сигналы. Каркеръ все еще сидѣлъ и слушалъ съ глазами опущенными въ землю.

— Мистриссъ Домби, сказалъ мистеръ Домби, принимая по возможности самую величественную позу: — вы расчитали на дурное средство для пріобрѣтенія моей благосклонности. Такимъ поведеніемъ не заставите меня отказаться отъ своихъ распоряженій.

— Такое поведеніе одно только истинное поведеніе, хотя оно слабо выражаетъ мои чувства. Но если бы я видѣла, что этимъ способомъ можно пріобрѣсти вашу благосклонность, я бы не позволила себѣ употребить его ни за какія блага въ свѣтѣ. Можете быть спокойны, милостивый государь: я не сдѣлаю того, о чемъ вы просите.

— Я не привыкъ просить, мистриссъ Домби. Я повелѣваю.

— Ни завтра, ни послѣ завтра, ни черезъ двадцать лѣтъ, мистеръ Домби, я не намѣрена занимать назначаемыхъ мнѣ мѣстъ. Ни для кого я не намѣрена быть вывѣской какъ непокорная раба, которую вы купили тогда-то и за столько-то. Я очень помню день своей свадьбы, — постыдный, позорный день! Имѣть уваженіе къ самой себѣ! соблюдать принятыя приличія! Зачѣмъ? для чего? Ты сдѣлалъ все, чтобы уничтожить въ моихъ глазахъ всякое самоуваженіе и всѣ возможныя приличія.

— Каркеръ, сказалъ мистеръ Домби, нахмуривъ брови: — мистриссъ Домби до того во всемъ этомъ забываетъ себя и меня и ставитъ меня въ положеніе столько неприличное моему характеру, что я вынужденнымъ нахожусь окончить немедленно этотъ неестественный ходъ вещей.

— Такъ разорвите же цѣпь, которая меня связываетъ съ вами. Позвольте мнѣ итти.

— Сударыня? воскликнулъ мистеръ Домби.

— Освободите меня! пустите меня!

— Сударыня? мистриссъ Домби?

— Скажите ему, милостивый государь, продолжала Эдиѳь, обративъ на Каркера свое гордое лицо: — скажите, что я желаю развода, — что разводу давно слѣдовало быть между нами, — что я предлагаю ему разводъ. Скажите, что я заранѣе соглашаюсь на всѣ его условія и требую только, чтобы формальности были окончены какъ можно скорѣе.

— Боже небесный, мистриссъ Домби! воскликнулъ супругъ, проникнутый необыкновеннымъ изумленіемъ. — Съ чего вы взяли, что я могу слушать такія вещи! Знаете ли вы, кто я, сударыня? Знаете ли вы, что́ я представляю? Слыхали ли вы когда о Домби и Сынѣ? И люди станутъ говорить, что господинъ Домби — господинъ Домби! — развелся съ женою! И толпа станетъ разсуждать о мистерѣ Домби и его дѣлахъ? Неужели вы серьёзно думаете, мистриссъ Домби, что я позволю помыкать своимъ именемъ на всѣхъ площадяхъ и переулкахъ? Фи, сударыня! какъ не стыдно? Да это такая нелѣпость, такая нелълѣпость....

Мистеръ Домби рѣшительно захохоталъ.

Но не такъ какъ она. Лучше бы ей умереть, чѣмъ разразиться такимъ хохотомъ въ отвѣтъ на слова своего супруга! Лучше бы ему умереть, чѣмъ сидѣть здѣсь въ такомъ великолѣпіи и слушать хохотъ своей супруги! Безумцы! лучше бы вамъ обоимъ броситься въ воду, чѣмъ заковывать себя въ ненавистныя кандалы!...

— Нѣтъ, мистриссъ Домби, продолжалъ господинъ Домби: — нѣтъ, сударыня. Нечего и думать о разводѣ между нами. Совѣтую вамъ выбросить изъ головы эти сумазбродныя мысли и возвратиться къ своему долгу. — Теперь, Каркеръ, съ вами пару словъ.

Господинъ Каркеръ, сидѣвшій во все это время и слушавшій съ глубокомысленнымъ вниманіемъ, поднялъ теперь свои глаза, заблиставшіе необыкновеннымъ свѣтомъ.

— Пару словъ, Каркеръ. Теперь, когда зашли мы такъ далеко, потрудитесь довести до свѣдѣнія мистриссъ Домби, что я не привыкъ въ своей жизни встрѣчать противорѣчія отъ кого бы то ни было, и всего менѣе отъ особъ, которыя по своему положенію и по своимъ отношеніямъ къ моему дому обязаны мнѣ безпрекословнымъ повиновеніемъ. Обхожденіе съ моей дочерью и употребленіе, изъ нея сдѣланное вопреки моей волѣ, нелѣпы и чудовищны до послѣдней крайности. Я не знаю и не хочу знать, находится ли моя дочь въ дѣйствительномъ согласіи съ мистриссъ Домби; но послѣ того, что мистриссъ Домби говорила сегодня и моя дочь слышала сегодня, я долженъ просить васъ, Каркеръ, довести до яснаго и точнаго свѣдѣнія этой дамы, что если она еще разъ осмѣлится въ моемъ домѣ повторить сцену раздора, то я принужденъ буду думать, что отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ равномѣрно падаетъ и на мою дочь, которая слѣдовательно подвергнется заслуженному гнѣву и строгимъ выговорамъ съ моей стороны. Мистриссъ Домби спрашивала, довольно ли надѣлала она сумасбродствъ своимъ поведеніемъ. Можете отвѣчать ей, что еще недовольно.

— Остановитесь! воскликнулъ Каркеръ, перебивая своего властелина: — остановитесь, ради Бога! Какъ ни мучительно теперь мое положеніе, и какъ ни ужасна одна мысль о противорѣчіи вамъ, однакожь, милостивый государь, я васъ всеуниженнѣйше прошу, умоляю васъ пересмотрѣть еще разъ ваше собственное мнѣніе о разводѣ. Я знаю, какъ онъ несовмѣстимъ съ вашимъ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и очень хорошо понимаю рѣшительный смыслъ вашихъ словъ, когда вы даете знать мистриссъ Домби, что одна только смерть можетъ разлучить васъ. Смерть, — и ничего больше.

Послѣднія слова мистеръ Каркеръ произносилъ медленно и внятно, и при этомъ свѣтъ изъ его глазъ упадалъ прямо на лицо Эдиеи.

— Но если вы глубже вникните въ то обстоятельство, продолжалъ онъ: — что мистриссъ Домби, какъ вы сказали, своимъ присутствіемъ здѣсь не только дѣлаетъ изъ вашего дома сцену безпрестанныхъ раздоровъ, но компрометируетъ вмѣстѣ

съ тѣмъ и миссъ Домби, подвергая ее опасности съ каждымъ днемъ заслужить вашу опалу (кто не знаетъ вашей рѣшительности?), то неужли вы не согласитесь освободить вашу супругу отъ этого безпрестаннаго раздраженія и вмѣстѣ отъ убійственнаго сознанія, что она, противъ своей воли, отравляетъ счастье другихъ? Не будетъ ли это значить — я не говорю этого утвердительно, а только въ видѣ предположенія — что вы рѣшаетесь принести мистриссъ Домби въ жертву общественнымъ приличіямъ, отъ нарушенія которыхъ компрометируется ваше положеніе!

И опять свѣтъ изъ его глазъ упалъ на ея лицо, когда она неподвижно смотрѣла на своего супруга. Теперь на ея щекахъ обрисовалась какая-то необыкновенная и даже страшная улыбка.

— Каркеръ, сказалъ мистеръ Домби, презрительно нахмуривъ брови, и такимъ рѣшительнымъ тономъ, который исключалъ всякую возможность противорѣчія: — Каркеръ, вы ошибаетесь въ своемъ положеніи, осмѣливаясь предлагать совѣты, гдѣ ихъ не требуютъ, и вы ошибаетесь, къ великому моему изумленію, въ самомъ характерѣ вашихъ совѣтовъ. Больше я ничего не имѣю сказать.

— Это быть можетъ *вы*, милостивый государь, не поняли вашего положенія, удостоивая меня довѣренности въ переговорахъ, которые мы ведемъ здѣсь относительно....

При этомъ Каркеръ указалъ на мистриссъ Домби.

— Совсѣмъ нѣтъ, сударь, совсѣмъ нѣтъ, гордо возразилъ мистеръ Домби. — Вы были здѣсь употреблены....

— Какъ вашъ подчиненный, для униженія мистриссъ Домби. Я и забылъ. О да, вы въ совершенствѣ понимали ваше положеніе.. Прошу извинить.

Онъ поклонился мистеру Домби съ видомъ уваженія, очень дурно согласовавшагося съ его словами, которыя впрочемъ были произнесены съ достодолжнымъ смиренномудріемъ. За тѣмъ голова его обратилась къ мистриссъ Домби, и, казалось, съ этой минуты онъ впился въ нее своимъ тигровымъ взоромъ.

Лучше бы подурнѣть ей до отвратительнаго безобразія или просто умереть, чѣмъ стоять съ такой улыбкой на лицѣ въ падщемъ величіи гордости и красоты. Она подняла свою руку къ тіарѣ драгоцѣнныхъ камней, сіявшихъ на ея головѣ, и сорвавъ

ее съ такою силой, отъ которой развѣялись и разсыпались по плечамъ ея черные волосы, бросила камни на полъ. Она сорвала съ каждой руки брильянтовые браслеты и съ яростію придавила ихъ ногами. Потомъ, не говоря ни слова и не стараясь подавить своей страшной улыбки, она еще разъ взглянула на мистера Домби и вышла изъ дверей.

Изъ того, что слышала Флоренса, оставаясь въ комнатѣ, она знала теперь, что Эдиѳь еще любила ее, что она терпѣла изъ-за нея и приносила страшную жертву, чтобы не нарушить ея спокойствія. Обо всемъ этомъ она не стала бы ей говорить, чтобы не компрометировать отца, но тѣмъ не менѣе она желала заключить ее въ свои нѣжныя объятія, и этимъ безмолвнымъ способомъ увѣрить ее, что она все чувствуетъ и понимаетъ.

Ея отецъ въ этотъ вечеръ одинъ уѣхалъ со двора, и Флоренса тотчасъ послѣ него отправилась по всѣмъ комнатамъ, чтобы встрѣтиться съ Эдиѳью, но безъ успѣха. Эдиѳь была на своей половинѣ, куда Флоренса не входила уже давно, и теперь не смѣла итти изъ опасенія подать для нея поводъ къ новому безпокойству. Передъ отправленіемъ въ постель она еще разъ начала переходить изъ одной комнаты въ другую, не останавливаясь нигдѣ.

Проходя по галлереѣ, выходившей на лѣстницу, которая освѣщалась только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, она увидѣла черезъ отверстіе фигуру человѣка, тихонько спускавшагося внизъ по лѣстничнымъ ступенямъ. Думая, что это ея отецъ, она остановилась въ темнотѣ подъ аркой, черезъ которую проходило отверстіе, и съ трепетомъ продолжала смотрѣть. Но это былъ мистеръ Каркеръ, который шелъ одинъ по направленію къ швейцарской. Ни одинъ слуга не провожалъ его, и звонъ колокольчика не возвѣщалъ о его уходѣ. Онъ спокойно сошелъ внизъ, самъ отворилъ дверь и прокрался на улицу безъ всякаго шуму.

Проникнутая непобѣдимымъ отвращеніемъ къ этому человѣку, Флоренса дрожала съ головы до ногъ, и кровь ея, казалось, застывала отъ внутренняго холода. Не смѣя дышать и едва передвигая ногами, она кое-какъ доплелась до своей спальни и заперла дверь; но даже здѣсь, въ своей комнатѣ, запертая вмѣстѣ съ Діогеномъ, она чувствовала невыразимый ужасъ, какъ-

будто висѣлъ надъ ея головой кинжалъ, готовый поразить ее при малѣйшемъ движеніи.

Полувидѣнія, полугрёзы промучили ее во всю ночь. Вставъ поутру съ тяжолой головой и тяжолыми воспоминаніями о домашнихъ бѣдахъ, она опять начала искать Эдиѳь по всѣмъ комнатамъ и проходила такимъ образомъ все утро. Но Эдиѳь опять оставалась на своей половинѣ, и Флоренса ничего не узнала о ней. Услыхавъ однако же, что предполагаемый обѣдъ отмѣненъ, Флоренса расчитала, что ея прекрасная мама къ вечеру вѣроятно отправится въ гости, какъ она говорила, и потому рѣшилась ждать ее около галлереи, чтобы встрѣтиться съ нею на лѣстницѣ.

Къ вечеру она услыхала изъ своей засады чьи-то шаги на лѣстницѣ, и не сомнѣвалась, что это Эдиѳь. И точно, ей удалось наконецъ встрѣтить ее.

Но какъ описать изумленіе и ужасъ Флоренсы, когда при взглядѣ на нее, Эдиѳь вскрикнула и быстро отпрянула назадъ.

— Не подходи ко мнѣ! Дальше, дальше отъ меня! Прочь съ дороги!

— Матушка, милая матушка!

— Не называй меня этимъ именемъ! не говори со мною! не смотри на меня!

И однакожь Флоренса съ громкимъ плачемъ и распростертыми объятіями хотѣла броситься къ ней.

— Ни шагу дальше! грозно воскликнула Эдиѳь: — прочь отъ меня! прочь, говорю тебѣ!

Когда Флоренса остановилась въ остолбенѣніи передъ ея взволнованнымъ лицомъ и блуждающими глазами, она замѣтила, какъ-будто во снѣ, что Эдиѳь прижала свою голову руками, затрепетала всѣми членами и, прислонившись къ периламъ, вдругъ прошмыгнула мимо ея съ быстротою кошки, спрыгнула черезъ нѣсколько ступеней и побѣжала къ дверямъ, ни разу не оглянувшись назадъ.

Флоренса упала въ обморокъ, и черезъ нѣсколько минутъ отыскала ее на лѣстницѣ, кажется, мистриссъ Пипчинъ. Больше она ничего не знала до тѣхъ поръ, пока опомнилась въ своей комнатѣ на постелѣ. Подлѣ нея стояли слуги и мистриссъ Пипчинъ.

— Гдѣ матушка? былъ ея первый вопросъ.

— Уѣхала на обѣдъ, отвѣчала мистриссъ Пипчинъ.

— А батюшка?

— Господинъ Домби въ своемъ кабинетѣ, и вы, миссъ Домби, всего лучше сдѣлаете, если скинете ваше платье и сейчасъ же ляжете въ постель.

Этимъ способомъ содержательница воспитательно-образовательнаго заведенія имѣла обыкновеніе врачевать всякія жалобы капризныхъ дѣтей, особенно если они отказывались спать. Случалось, въ брайтонскомъ замкѣ непослушные ребята отправлялись на сонъ грядущій въ десять часовъ утра.

Не обѣщая безпрекословнаго повиновенія, Флоренса изъявила желаніе успокоиться и отдѣлалась кое-какъ отъ усерднаго надзора мистриссъ Пипчинъ и ея служителей. Оставшись одна, она принялась думать о томъ, что случилось на лѣстницѣ, сперва съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ дѣйствительности этой сцены, потомъ со слезами, а потомъ съ неописаннымъ ужасомъ, какъ-будто предстоявшая будущность грозила ей страшными бѣдами.

Она рѣшилась сидѣть въ своей комнатѣ, не смыкая глазъ, до возвращенія Эдиѳи, и потомъ или объясниться съ нею, если можно, или по-крайней-мѣрѣ увѣриться собственными глазами, что она возвратилась благополучно. Какъ и для чего образовалась въ ней эта странная рѣшимость, Флоренса сама не знала и не смѣла анализировать своихъ неопредѣленныхъ догадокъ. Она знала только одно, что до возвращенія Эдиѳи не будетъ болѣе покоя для ея страждущей головы или взволнованнаго сердца.

Вечерѣло. Темнѣло. Уже ночь. Уже полночь. Нѣтъ Эдиѳи.

Флоренса не могла ни читать, ни спокойно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, отворяла дверь, гуляла по галлереѣ, опять входила въ спальню, открывала окно, смотрѣла на опустѣлую улицу, прислушивалась къ завывающему вѣтру и къ дождевымъ каплямъ, садилась передъ каминомъ и наблюдала огненныя гримасы, вставала опять и наблюдала луну, плывшую подобно кораблю черезъ море облаковъ.

Весь домъ давно покоился въ глубокомъ снѣ, кромѣ двухъ лакеевъ, которые дожидались въ швейцарской пріѣзда барыни.

Часъ. Запоздавшіе экипажи останавливались передъ подъѣздами ближайшихъ домовъ или проносились мимо. Ночная тиши-

на изрѣдка прерывалась отдаленнымъ стукомъ или зловѣщимъ завываніемъ вѣтра. Два часа. Нѣтъ Эдиеи.

Флоренса, болѣе взволнованная, опять прошлась по комнатѣ и опять вышла на галлерею. Она наблюдала темную ночь со слезами на глазахъ, которыя были теперь подъ-стать къ дождевымъ каплямъ на стеклѣ. На небѣ была тревога между облаками, вовсе непохожая на спокойствіе земли. Три часа. Въ каминѣ на угляхъ шевелились и трещали какія-то чудныя страшилища. Эдиеи нѣтъ какъ нѣтъ.

Болѣе и болѣе взволнованная, Флоренса ходила по комнатѣ, ходила по галлереѣ и смотрѣла на луну, похожую теперь на блѣднаго бѣглеца, скрывавшаго свое преступное лицо. Четыре часа. Пять. Эдиеи нѣтъ какъ нѣтъ!

Но теперь въ домѣ исподоволь поднимался осторожный шелестъ, и Флоренса слышала, какъ собирались будить мистриссъ Пипчинъ, какъ она встала, одѣлась и отправилась въ комнату ея отца. Спустившись потихоньку внизъ по лѣстницѣ и замѣчая, чтó происходило вокругъ, она видѣла, какъ ея отецъ вышелъ изъ кабинета въ утреннемъ платьѣ, и какъ онъ задрожалъ, когда сказали, что его жена еще не воротилась изъ гостей. Онъ послалъ въ конюшню освѣдомиться, тамъ ли кучеръ, а самъ между тѣмъ поспѣшилъ одѣться на скорую руку. Флоренса все это видѣла.

Скоро посланный воротился и привелъ съ собою кучера, который сказалъ, что онъ былъ дома съ десяти часовъ и давно уже спалъ на своей постелѣ. Онъ отвезъ барыню въ ея старый домъ на Брукъ-Стритѣ, гдѣ встрѣтилъ ее мистеръ Каркеръ, который....

Флоренса стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она видѣла его накапунѣ. Опять она задрожала всѣми членами и едва, едва имѣла духу дослышать продолженіе разсказа.

— Который, то есть господинъ Каркеръ, сказалъ ему, то есть кучеру, что барынѣ карета больше не нужна для возвращенія домой, и отпустилъ его, давши ему на водку два шиллинга и шесть пенсовъ. Добрый баринъ!

Флоренса видѣла, какъ отецъ ея поблѣднѣлъ, и слышала, какъ онъ приказывалъ дрожащимъ голосомъ позвать къ нему горничную мистриссъ Домби. Весь домъ теперь всполошился и все, имѣющее жизнь, стояло на ногахъ. Явилась горничная.

блѣдная, растрепанная, загородившая какую-то околесицу, въ которой едва могли добраться толку.

Она сказала, что одѣла барыню очень рано, часа этакъ за два до ея отъѣзда; потомъ барыня приказала ей уйти и не показывать глазъ до другого дня.

— Я только-что сейчасъ, продолжала дѣвушка: — хотѣла идти на барынину половину; но....

— Ну, ну, чтóжь тамъ такое? Ну! ну!

Эти восклицанія принадлежали мистеру Домби, который былъ теперь какъ помѣшанный. Флоренса все это слышала.

— Но уборная барыни заперта, и ключь вынутъ изъ замка.

Мистеръ Домби схватилъ свѣчу, забытую кѣмъ-то на полу, и побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ съ такою поспѣшностію, что Флоренса едва имѣла времени посторониться. Она слышала потомъ. съ какою яростію отецъ ея началъ разбивать дверь и руками и ногами. Бѣдная дѣвушка сама теперь была какъ помѣшанная. Она опрометью бросилась въ свою собственную комнату, вцѣпившись руками въ свои растрепанные волосы.

Когда дверь уступила отчаяннымъ усиліямъ своего хозяина, мистеръ Домби ворвался и.... но никто не зналъ и не видѣлъ, чтó нашелъ мистеръ Домби въ будуарѣ своей супруги. На полу дорогими блестящими массами валялись ея платья, шляпы, ленты, браслеты, драгоцѣнные каменья, — все,чтó ей было куплено, подарено, и чтò она носила со времени своего замужства. Такова была комната, гдѣ нѣкогда онъ надѣялся подчинить своей власти эту неукротимую женщину, удостоенную высокаго титула его супруги. Такова была комната, гдѣ нѣкогда въ безмолвномъ изумленіи видѣлъ онъ гордую руку, указывавшую ему на дверь.

Собственными руками мистеръ Домби уложилъ все это въ шкапы и заперъ ихъ съ отчаяннымъ неистовствомъ, отъ котораго задребезжали стекла. Продолжая далѣе ревизовать ненавистный будуаръ, онъ увидѣлъ на столѣ нѣсколько бумагъ. То были — сватебный контрактъ, заключенный передъ ихъ вѣнчаньемъ, и письмо. Мистеръ Домби прочелъ, что она ушла. Мистеръ Домби прочелъ, что онъ былъ обезчещенъ. Мистеръ Домби прочелъ,что она убѣжала, въ день празднованія сватьбы, съ человѣкомъ, котораго онъ выбралъ для ея униженія. Онъ

опрометью бросился изъ комнаты и изъ дому, съ бѣшеною мыслью захватить ее на мѣстѣ, откуда она взята.

Флоренса, сама не зная,что дѣлаетъ, надѣла шляпку и шаль, въ смутномъ намѣреніи отыскать на улицѣ Эдиѳь, и бросившись въ ея объятія привести назадъ домой. Но когда она выскочила на лѣстницу и увидѣла испуганныхъ слугъ, бѣгавшихъ со свѣчами взадъ и впередъ и робко отпрядывавшихъ отъ ея отца, когда онъ проходилъ мимо, бѣдная дѣвушка сознала чувство собственнаго своего безсилія, и скрывшись въ одной изъ великолѣпныхъ комнатъ, почувствовала, что ея сердце готово надорваться отъ печали.

Состраданіе къ отцу было первымъ ясно сознаваемымъ волненіемъ, устоявшимъ противъ потока сокрушавшей ее скорби. Ея постоянная натура обратилась къ нему въ день его несчастья съ такою пылкостію и вѣрностію, какъ-будто въ свои счастливые дни онъ олицетворялъ для нея ту идею, которая постепенно становилась темнѣе и темнѣе. Она еще не понимала и не могла понять всей обширности его несчастья, но тѣмъ не менѣе онъ былъ въ ея глазахъ отверженнымъ страдальцемъ, и ея любящее сердце опять устремилось къ нему съ новою силой.

Недолго пропадалъ мистеръ Домби. Флоренса еще не перестала плакать и вдаваться въ горькія думы о несчастіи отца, какъ шаги его опять послышались внизу. Онъ приказалъ слугамъ приняться за свои обыкновенныя занятія и отправился въ свой кабинетъ, гдѣ началъ ходить взадъ и впередъ такими тяжолыми шагами, что Флоренса могла слышать каждое движеніе.

Уступая единственно влеченію своего сердца, Флоренса, робкая во всякое другое время, но смѣлая въ этотъ день страшнаго злополучья, поспѣшно сошла внизъ, одѣтая кое-какъ въ свое вечернее платье. Въ этотъ роковой часъ она не помнила и не хотѣла помнить прошедшихъ оскорбленій. Лишь только переступила она за порогъ гостиной, отецъ вышелъ изъ своего кабинета. Она поспѣшила къ нему съ распростертыми руками, и съ крикомъ — о папа, милый папа! хотѣла обвиться вокругъ его шеи.

И обвилась бы. Но отецъ въ бѣшенствѣ поднялъ свою руку и.... и ударилъ ее съ такою силой, что бѣдная дѣвушка зашаталась и чуть не упала на мраморный полъ. Занося этотъ ударъ,

мистеръ Домби сказалъ, что̀ такое была Эдиѳь, и велѣлъ своей дочери слѣдовать за ней, такъ какъ онѣ обѣ всегда были въ заговорѣ.

Она не упала къ его ногамъ; не закрыла своихъ глазъ трепещущими руками; не заплакала; не произнесла ни одной жалобы. Но она взглянула на него, и крикъ отчаянія вырвался изъ ея груди. Ибо при этомъ взглядѣ увидѣла она, что онъ окончательно уничтожилъ ту любимую идею, которую она питала въ своей душѣ, несмотря на его рѣшительное отвращеніе къ себѣ. Она увидѣла его жестокость, пренебреженіе и ненависть, господствовавшую надъ всѣми его чувствами. Она увидѣла, что нѣтъ для нея отца на этомъ свѣтѣ, и, отверженная сирота, она побѣжала изъ дому мистера Домби.

Побѣжала изъ его дому. Одна минута, и рука ея была на замкѣ, изъ устъ раздался болѣзненный вопль, лицо еще больше поблѣднѣло отъ жолтыхъ свѣчъ, брошенныхъ въ забытьи, и отъ дневного свѣта, пробивавшагося черезъ дворъ. Еще минута, и тесный мракъ запертаго дома — его забыли отворить, хотя разсвѣтало уже давно — уступилъ неожиданному блеску яснаго утра. Флоренса опустила голову, чтобы скрыть мучительныя слезы, и очутилась среди улицы.

ГЛАВА XLVIII.

БѢГСТВО ФЛОРЕНСЫ.

Подавленная грустью и стыдомъ, отверженная дѣвушка бѣжала вдоль по улицѣ при яркихъ лучахъ утренняго солнца, которое было для нея ослѣпительнѣе мрака зимней ночи. Ломая руки и заливаясь горькими слезами, не чувствуя ничего кромѣ глубокой раны въ своей груди, оглушенная потерею всего, что̀ она любила, оставленная на пустынномъ берегу подобно моряку, который одинъ спасся отъ крушенія большого корабля, она бѣжала впередъ безъ мысли, безъ надежды, безъ намѣренія, единственно для того,чтобы бѣжать куда-нибудь и какъ-нибудь.

Веселый видъ длинной улицы, ополированный утреннимъ свѣтомъ, голубое небо и воздушныя облака, живительная прохлада дня, распустившагося розовымъ цвѣтомъ послѣ побѣды

надъ бурной ночью, — ничто не пробуждало соотвѣтствующаго чувства въ ея растерзанномъ сердцѣ. Куда-нибудь и какъ-нибудь, только бы скрыть свою безпріютную голову! куда-нибудь и какъ-нибудь, въ хижину, въ сарай, въ пещеру, только бы не видѣть больше этого дворца, изъ котораго она бѣжала!

Скоро толпы народу заходили взадъ и впередъ; отворились магазины, слуги выступили изъ домовъ, и вотъ наступилъ день, столичный день, лондонскій день. Флоренса увидѣла на лицахъ изумленіе и любопытство, увидѣла на тротуарахъ длинныя тѣни и услышала голоса, освѣдомлявшіеся, куда она шла и зачѣмъ она шла. Эти вопросы сначала испугали ее еще больше и заставили ускорить шаги, но мало-по-малу она опомнилась и пришла въ себя.

Куда же итти? Впередъ и впередъ, наудачу, на произволъ судьбы. Но куда приведетъ судьба? Разъ, и только одинъ разъ въ своей жизни она была затеряна среди лондонской пустыни, и въ ту сторону она направила свои шаги. Впередъ, къ дому вальтерова дяди.

Заглушивъ рыданія и осушивъ распухшіе глаза, Флоренса мало-по-малу успокоилась отъ сильнаго волненія и уже не обращала на себя вниманія толпы. Продолжая теперь путь по глухимъ улицамъ и переулкамъ, она вдругъ увидѣла знакомую маленькую тѣнь на солнечной мостовой: тѣнь останавливается, кружится, подходитъ къ ней ближе и ближе, отскакиваетъ опять, подпрыгиваетъ, вертится, — и вотъ Діогенъ, запыхавшійся отъ надсады, разинувъ ротъ и высунувъ языкъ, дѣлаетъ еще разъ съ громкимъ лаемъ олимпійскій кружокъ и, заскакавъ впередъ въ довершеніе дивертиссемента, разваливается при ногахъ своей хозяйки и энергически виляетъ своимъ хвостомъ.

— О Діогенъ, милый, вѣрный Діогенъ! какъ ты сюда попалъ! Какъ я могла оставить тебя, Діогенъ, тебя, который бы никогда не оставилъ меня!

Флоренса склонилась на мостовую и приставила къ своей груди его грубую, старую, любящую, глупую морду, и они встали вмѣстѣ, и пошли вмѣстѣ. Діогенъ прыгаетъ опять, опрокидывается, валяется, вскакиваетъ безъ малѣйшаго смущенья, старается еще и еще поцаловать свою госпожу, храбро и съ веселымъ вызовомъ бросается на большихъ собакъ, пугаетъ молодыхъ дѣвушекъ прикосновеніемъ къ ихъ платью своего чуткаго

носа, безпрестанно останавливается и выдѣлываетъ тысячи глупостей, оглядывается на Флоренсу и лаетъ до тѣхъ поръ, пока не получаетъ дружнаго отвѣта отъ сосѣднихъ собакъ, и всѣ сосѣднія собаки выходятъ изъ своихъ домовъ, обнюхиваютъ и скрѣпляютъ истинную дружбу всею длиною своихъ хвостовъ.

Съ этимъ веселымъ товарищемъ Флоренса, менѣе теперь запуганная, держала свой путь въ Сити. Утро уступало мѣсто полудню, и солнце ярко горѣло на горизонтѣ. Стукъ экипажей становился громче, толпы загустѣли, магазины запестрѣли, и молодая дѣвушка очутилась среди потока этой бурной жизни, безразлично протекающаго мимо площадей и базаровъ, мимо дворцовъ, тюремъ, церквей, мимо богатства, бѣдности, мимо всѣхъ вмѣстилищей добродѣтели и порока, подобно этой широкой рѣкѣ въ сердцѣ великаго города, которая бывъ теперь пробуждена отъ своего сна, несетъ свои волны въ глубокое море между трудами и заботами людей.

Вотъ наконецъ и квартира маленькаго мичмана. Еще нѣсколько шаговъ, — и вотъ во всей красотѣ самъ маленькій мичманъ, вѣчно юный, вѣчно игривый и вѣчно занятый своими метеорологическими наблюденіями. Еще и еще нѣсколько шаговъ, и дверь магазина отворилась, предлагая странницѣ радушный пріютъ. Флоренса, ускорявшая шаги по мѣрѣ приближенія къ цѣли своего путешествія, перебѣжала черезъ улицу (Діогенъ теперь плотно прижимался къ ней, такъ-какъ уличная суматоха очевидно ему надоѣла), и мгновенно очутилась на порогѣ гостепріимной маленькой гостиной.

Капитанъ въ своей лощеной шляпѣ стоялъ передъ каминомъ и варилъ свой утренній какао. Его часы лежали на каминной полкѣ, и онъ безпрестанно обращалъ свои взоры на эту драгоцѣнную игрушку, чтобы слѣдить за прогресомъ свариванія заморскаго растенія. Услышавъ шаги и шорохъ платья, капитанъ быстро поворотилъ налѣво кругомъ, и въ душѣ его мгновенно обрисовался образъ мистриссъ Макъ-Стингеръ со всѣми подробностями страшнаго нападенія; но тутъ же эта картина смѣнилась другою, вовсе нестрашною и вовсе неожиданною. Флоренса сдѣлала къ нему движеніе рукою, пошатнулась и упала на полъ.

Поблѣднѣвъ еще больше чѣмъ Флоренса, до самыхъ морщинъ на своемъ лицѣ, капитанъ поднялъ молодую дѣвушку

какъ ребенка и положилъ на тотъ самый диванъ, на которомъ она такъ сладко покоилась въ давно прошедшее время.

— Наше ненаглядное сокровище! сказалъ капитанъ, всматриваясь пристально въ ея лицо. — Разцвѣла, выросла, созрѣла, и ужь теперь не дѣвочка!

И капитанъ Куттль смотрѣлъ на взрослую дѣвицу съ такимъ почтительнымъ благоговѣніемъ, что не согласился бы ни за какія блага въ свѣтѣ взять ее на руки, между тѣмъ какъ она была въ обморокѣ.

— Ненаглядное сокровище! ангелъ! восторгъ моего сердца! восклицалъ капитанъ, удалившись отъ нея на почтительное разстояніе. — Его физіономія выражала ужасное безпокойство. — Если вы можете внимать капитану Куттлю, отвѣчайте хоть мизинцемъ вашимъ на его салютъ!

Флоренса не шевелилась.

— Восторгъ моего сердца! ради Вальтера, потонувшаго въ глубокомъ морѣ, откликнитесь на привѣтъ его друга!

Находя ее нечувствительною къ этимъ умилостивительнымъ заклинаніямъ, капитанъ Куттль схватилъ со стола графинъ съ холодной водою и осторожно окропилъ ея лицо. Потомъ, уступая экстренности случая, капитанъ распорядился съ необыкновенной любезностію своею огромною рукою: снялъ съ нея шляпу, обмочилъ ея губы, лобъ, волосы, затылокъ, прикрылъ ея ноги своимъ собственнымъ камзоломъ, погладилъ ея маленькую руку, и видя наконецъ, что ея брови задрожали и губы начали шевелиться, продолжалъ съ большой смѣлостію употреблять свои медицинскія снаровки.

— Ура! возопилъ капитанъ. — Ура! Держись крѣпче, моя красавица, держись крѣпче! Вотъ такъ! Вамъ теперь лучше. Причаливать смѣлѣй и опустить паруса! Проглотите нѣсколько капель. Такъ, такъ! что̀ новаго, моя красавица, что̀ новаго?

Здѣсь капитанъ Куттль очень кстати припомнилъ, что часы играютъ весьма важную роль въ докторскихъ рецептахъ, и поспѣшилъ снять свои собственные часики съ каминной полки. Прицѣпивъ ихъ къ своему крюку и взявши за руку Флоренсу, онъ попеременно смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ то на ея руку, которую держалъ въ собственной лапѣ, то на часы, какъ-будто ожидалъ прочитать рецептъ на циферблатѣ.

— Какъ теперь вы себя чувствуете, моя радость? сказалъ капитанъ. — Отъ нихъ можно ожидать добра, я полагаю, говорилъ капитанъ, не переводя духу и бросая одобрительный взглядъ на свои часы. — Ой вы, часики мои, дружочки! Ставь васъ каждое утро полу-часомъ назадъ, а къ обѣду опять поверни стрѣлку на пятнадцать минутъ, и посмотрѣлъ бы я, какой хронометръ будетъ тягаться съ вами. Ваше здоровье, моя радость?

— Капитанъ Куттль! вы ли это! воскликнула Флоренса, приподнимаясь немного съ импровизированной постели.

— Да, моя радость, да! это я, капитанъ Куттль, мореходъ; да благословенъ будетъ Богъ отцовъ нашихъ нынѣ, и присно, и во вѣки! Да, это я, высоко-рожденная барышня-дѣвица!

Капитанъ Куттль долго придумывалъ, какимъ бы приличнымъ именемъ величать Флоренсу, и наконецъ остановился на этомъ замысловатомъ титулѣ высоко-рожденной барышни-дѣвицы.

— Здѣсь ли дядя Вальтера?

— Здѣсь, моя радость... То есть его уже давно — охъ, какъ давно! — не видать на этой гавани, высоко-рожденная дѣвица! Никто здѣсь слыхомъ не слыхалъ о дядѣ Соломонѣ съ той поры, какъ онъ отчалилъ отсюда послѣ бѣднаго Вальтера. Но хотя потерянъ онъ для зрѣнія, продолжалъ капитанъ въ видѣ цитаты: — Англія, родной очагъ и красавицы — никогда его не забудутъ!

— Развѣ вы здѣсь живете?

— Точно такъ, моя высоко-рожденная дѣвица.

— О капитанъ Куттль! воскликнула Флоренса, всплеснувъ руками: — спасите меня! Укройте меня здѣсь, и пусть никто не знаетъ, гдѣ я. Послѣ, когда могу, я скажу вамъ, что случилось. Мнѣ не къ кому больше итти. О, не отсылайте меня, капитанъ Куттль!

— Отсылать васъ, высоко-рожденная дѣвица! забасилъ капитанъ: — васъ, радость моего сердца! Нѣтъ, дядя Куттль, посторонись маленько! Мы поставимъ брамъ-стеньги и запремъ дверь двойнымъ ключемъ.

Съ этими словами капитанъ Куттль, распоряжаяся вмѣстѣ и рукой и крюкомъ, выдвинулъ изъ-за угла огромный ставень, нахлобучилъ имъ дверь и заперъ ее наикрѣпчайшимъ образомъ.

Воротившись послѣ этой экспедиціи къ Флоренсѣ, онъ взялъ ея руку и поцаловалъ съ необыкновенною нѣжностію. Безпомощное положеніе дѣвушки, ея обращеніе къ нему, и довѣренность, выраженная съ такою дѣтскою простотою, неописанная печаль на ея лицѣ, душевная мука, которую она очевидно терпѣла и терпитъ, знакомство съ ея прошедшею исторіей и теперешній ея видъ, унылый, безнадежный, безотрадный, — все это такъ подѣйствовало на добраго капитана, что онъ, казалось, готовъ былъ растаять отъ сострадания и нѣжности.

— Высоко-рожденная барышня-дѣвица, сказалъ капитанъ Куттль, полируя ногтемъ свою переносицу до тѣхъ поръ, пока она не засіяла наподобіе красной вычищенной мѣди: — не извольте говорить ни одного слова Эдуарду Куттлю до тѣхъ поръ, пока не угладится и не выровнится путь вашей жизни; а это придетъ не сегодня и не завтра. Чтóжь касается до того, чтобы васъ выдать, или донести, гдѣ вы поселились, то — забвенна буди десница моя, и блажени есте, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ, глаголъ, глаголъ, — пріищите этотъ текстъ въ вашемъ катехизисѣ и положите закладку.

— Все это выговорилъ капитанъ Куттль не переводя духу и съ большою торжественностію. Приводя текстъ, онъ снялъ съ головы свою лощоную шляпу и устремилъ набожный взоръ въ потолочное окно.

Флоренсѣ оставалось только поблагодарить своего друга и еще разъ показать ему свою довѣренность. Она такъ и сдѣлала. Прилипнувъ къ этому грубому творенью, сдѣлавшемуся теперь единственнымъ убѣжищемъ для ея страждущаго сердца, она положила свою голову на его честное плечо, обвилась руками вокругъ его шеи и наконецъ, въ избыткѣ благодарности, хотѣла стать передъ нимъ на колѣни, но тотъ, угадавъ это намѣреніе, поддержалъ ее съ вѣжливостью истиннаго рыцаря.

— Крѣпче, ребята, крѣпче! забасилъ капитанъ. — Вы слишкомъ слабы, высоко-рожденная барышня-дѣвица, чтобы стоять на ногахъ: позвольте, я опять положу васъ здѣсь. Вотъ такъ, вотъ такъ!

Искусный живописецъ дорого бы далъ, чтобы посмотрѣть, какимъ образомъ капитанъ Куттль укладывалъ ее на диванъ и прикрывалъ своимъ камзоломъ.

— Теперь вамъ надобно позавтракать, высоко-рожденная барышня-дѣвица, и ужь заодно покушаетъ ваша собака. А потомъ вы пойдете наверхъ въ соломонову комнату и уснете тамъ.

Говоря о Діогенѣ, капитанъ Куттль гладилъ его по спинѣ, и вѣрный песъ принималъ эти ласки съ граціознымъ вниманьемъ. Во время обморока своей хозяйки, онъ очевидно колебался между двумя намѣреніями: помѣрять ли съ капитаномъ свои силы, или безъ дальнѣйшихъ околичностей предложить ему свою дружбу, и это столкновеніе противоположныхъ чувствованій выражалось разно-характернымъ маханіемъ хвоста, явственнымъ обнаруженіемъ клыковъ и такимъ ворчаньемъ, которое, по его произволу, должно было означать гнѣвъ или милость. Но теперь всѣ его сомнѣнія исчезли. Было ясно, что онъ считалъ капитана любезнѣйшимъ изъ друзей и такимъ человѣкомъ, который своимъ знакомствомъ сдѣлаетъ честь любой собакѣ, проникнутой сознаніемъ собственныхъ достоинствъ.

Признавъ очевидность такихъ заключеній, Діогенъ усердно началъ помогать капитану Куттлю, когда тотъ готовилъ завтракъ, и вообще принималъ живѣйшее участіе въ его хозяйствѣ. Впрочемъ напрасно добрый капитанъ заботился объ угощеньи: Флоренса не кушала чаю и не дотронулась до жирныхъ буттербротовъ: грусть и слезы заглушили ея аппетитъ.

— Ну, дѣлать нечего! сказалъ сострадательный капитанъ. — Вамъ надо отдохнуть, моя радость, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. — А ты, любезный, продолжалъ онъ, обращаясь къ Діогену: — кушай теперь свою порцію и отправляйся служить своей госпожѣ.

Но хотя Діогенъ давно острилъ зубы на лакомое блюдо, которое, казалось, заранѣе пожиралъ глазами, однакожь теперь, когда жирный супъ стоялъ передъ его мордой, онъ вмѣсто того, чтобы броситься на него съ жадностію, вдругъ насторожилъ уши, подскочилъ къ дверямъ магазина, залаялъ и, приставивъ морду къ едва замѣтной щели, принялся теребить доску съ неистовствомъ звѣрскаго отчаянія.

— Неужели тамъ кто-нибудь есть? спросила встревоженная Флоренса.

— Никого нѣтъ, моя радость, отвѣчалъ капитанъ. — Кому тамъ быть? Не бойтесь ничего, ненаглядное мое сокровище. Это кто-нибудь прошелъ мимо магазина.

Діогенъ думалъ иначе. Онъ лаялъ теперь съ упорнѣйшею злобой и безъ всякаго милосердія теребилъ дверь. Пріостановившись на минуту, онъ опять насторожилъ уши, и въ его мозгу, казалось, возникло новое несомнѣнное убѣжденіе, потому-что онъ вдругъ принялся работать и мордой и ногами, рѣшившись, во что бы ни стало, добраться до невидимаго непріятеля. Некушаемый въ тоже время соблазнительнымъ кускомъ, онъ отступилъ отъ двери съ весьма нерѣшительнымъ видомъ и чрезъ минуту бросился опять къ мѣсту аттаки, не успѣвъ почать своей порціи.

— Не подслушиваютъ ли тамъ, капитанъ Куттль? шептала Флоренса. — Можетъ меня кто-нибудь видѣлъ, слѣдилъ за мною....

— Ужь не ваша ли молодая женщина? сказалъ капитанъ, озаренный свѣтлою идеей.

— Сусанна, вы думаете? возразила Флоренса, покачавъ головой. — Нѣтъ! Сусанна давно отъ меня ушла.

— Не дезертировала, я надѣюсь? Какъ это можно говорить о ней, моя радость! воскликнулъ капитанъ съ нѣкоторымъ испугомъ.

— О нѣтъ, нѣтъ! она была вѣрнѣйшимъ моимъ другомъ.

У капитана отлегло отъ сердца, и, выражая свое удовольствіе, онъ снялъ свою лощоную шляпу, скомкалъ въ рукѣ платокъ наподобіе шарика и, вытирая свой лобъ, замѣтилъ съ довольнымъ видомъ, что онъ это очень хорошо зналъ.

— Такъ вотъ, ты теперь спокоенъ, пріятель, сказалъ капитанъ, обращаясь къ Діогену. — Тамъ никого не было, моя радость, не тревожтесь!

Однакожь Діогенъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ этомъ. Съ минуты на минуту дверь еще продолжала привлекать его вниманье: онъ обнюхивалъ ее, ворчалъ про себя и очевидно былъ слишкомъ занятъ своими подозрѣніями. Это обстоятельство, въ связи съ усталостью Флоренсы, заставило капитана немедленно заняться приготовленіемъ для ея отдыха соломоновой спальни. Онъ торопливо взобрался на чердакъ и сдѣлалъ всѣ возможныя распоряженія, какія только могъ придумать на скорую руку.

И точно, соломонова спальня мигомъ приняла наиизящнѣйшій видъ. Капитанъ, какъ человѣкъ порядочный, привыкъ все

устроивать на военную ногу, и на этомъ основанiи соломонова постель превратилась въ карабельную койку, покрытую со всѣхъ сторонъ бѣлымъ какъ снѣгъ бѣльемъ. По такой же изобрѣтательности, капитанъ угораздился изъ маленькаго рабочаго столика соорудить родъ жертвенника, на которомъ въ правильной симметрiи расположены были: сахарные щипчики, двѣ чайныя ложечки изъ чистаго серебра, горшокъ съ цвѣтами, телескопъ, серебряные часики, гребенка, пѣсенникъ и другiя рѣдкiя бездѣлки этого сорту. Закрывъ наконецъ окно и разостлавъ на полу самый лучшiй коверъ, капитанъ Куттль обозрѣлъ всѣ эти приготовленiя съ великимъ восторгомъ и сошелъ опять въ маленькую гостиную, чтобы вести Флоренсу въ ея прелестную каюту.

Ничто не могло увѣрить капитана, что Флоренса сама можетъ итти наверхъ; а еслибъ и такъ, онъ счелъ бы оскорбительнымъ нарушенiемъ гостепрiимства допустить такой казусъ. Поэтому онъ учтиво заключилъ Флоренсу въ объятiя, взобрался съ нею наверхъ и, положивъ ее въ постель, прикрылъ своимъ парàднымъ камзоломъ.

— Велико-рожденная барышня-дѣвица! вы здѣсь также безопасны какъ на кровлѣ соборной церкви святого Павла, если отнять оттуда лѣстницу. Прежде другихъ вещей вамъ нуженъ сонъ, который долженъ укрѣпить вашу душу и тѣло подобно живительному бальзаму, изготовленному для врачеванiя недуговъ мiра сего. Если же еще что̀ вамъ нужно, о восторгъ моего сердца, передайте пароль Эдуарду Куттлю, и онъ съ живѣйшей радостью предложитъ къ вашимъ услугамъ все, чѣмъ можетъ располагать въ городѣ Лондонѣ первѣйшiй изъ магазиновъ мастера всѣхъ морскихъ инструментовъ. Благослови васъ Богъ!

За тѣмъ капитанъ съ вѣжливостью странствующаго рыцаря поцаловалъ протянутую ему маленькую ручку и вышелъ изъ комнаты на цыпочкахъ.

Сойдя въ маленькую гостиную, капитанъ Куттль, послѣ кратковременнаго совѣщанiя съ самимъ собою, рѣшился отворить на нѣсколько минутъ двери магазина и убѣдиться наглядымъ образомъ, что теперь во всякомъ случаѣ никто не шляется около маленькаго мичмана. Исполнивъ этотъ планъ, онъ

остановился на крыльцѣ и, поднявъ голову, обозрѣлъ своими очками самыя отдаленныя точки горизонта.

— Какъ ваше здоровье, капитанъ Гильсъ? сказалъ голосъ подлѣ него.

Капитанъ опустилъ глаза и чуть не наткнулся на мистера Тутса, которой между тѣмъ продолжалъ раскланиваться и ухмыляться.

— Какъ ваше здоровье, любезный другъ? возразилъ капитанъ.

— Покорно благодарю, капитанъ Гильсъ, я, вы знаете, оно ничего, то есть, я теперь никогда не бываю въ своей тарелкѣ, а впрочемъ ничего особеннаго, покорно благодарю.

Ближе этого мистеръ Тутсъ въ разговорѣ съ капитаномъ никогда не подходилъ къ великой задачѣ своей жизни. Читатель помнитъ условія дружбы, предложенныя ему капитаномъ Куттлемъ: Тутсъ не нарушалъ ихъ.

— Капитанъ Гильсъ, сказалъ мистеръ Тутсъ: — если вы позволите имѣть удовольствіе переговорить съ вами.... то есть, это дѣло собственно касается до васъ.

— Чтожь это такое, любезный другъ? возразилъ капитанъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ гостиной. — Сказать правду, я не совсѣмъ свободенъ этимъ утромъ, и стало быть, если вы можете *отбарабанить* свой пароль, то я пожалуй очень радъ.

— Разумѣется, капитанъ Гильсъ, отвѣчалъ мистеръ Тутсъ, рѣдко понимавшій истинный смыслъ капитанскихъ изреченій. — Отбарабанить — этого собственно я и самъ желалъ. Само собою разумѣется.

— Если такъ, любезный другъ, такъ нечего стоять на мели. Отваливай!

Они вошли въ гостиную. Страшный секретъ въ рукахъ капитана Куттля сдѣлалъ на него такое сильное впечатлѣніе, что съ его чела градомъ полились капли пота, между тѣмъ какъ мистеръ Тутсъ усаживался на указанный ему стулъ, и онъ считалъ невозможнымъ оторвать своихъ глазъ отъ лица мистера Тутса. Гость и хозяинъ сидѣли нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. Мистеръ Тутсъ, казалось, самъ имѣлъ нѣкоторыя тайныя причины находиться въ нервозномъ состояніи, которое натурально увеличилось еще больше отъ инквизиторскихъ взгля-

домъ капитана Куттля. Повертѣвшись нѣсколько времени на своемъ стулѣ, мистеръ Тутсъ повелъ рѣчь такимъ образомъ:

— Прошу извинить, капитанъ Гильсъ, но я надѣюсь, вы конечно ничего особеннаго во мнѣ не замѣчаете?

— Ничего, дружище, ничего.

— Потому-что, вотъ видите ли, я, какъ говорится, совсѣмъ сбился съ панталыкъ. Да ужь тутъ нечего и отвиливаться: похудѣлъ такъ похудѣлъ. Кому какое дѣло? Оно и лучше. Берджесъ и компанія перемѣнили мѣрку, такъ-какъ прежнее платье слишкомъ широко. Это, сказать по правдѣ, мнѣ очень пріятно, и я радъ отъ души. Видите ли, капитанъ Гильсъ, я вѣдь просто скотина, и чортъ знаетъ для чего пресмыкаюсь на этомъ свѣтѣ.

Чѣмъ больше мистеръ Тутсъ продолжалъ свои объясненія въ этомъ родѣ, тѣмъ больше капиталъ тяготился своимъ секретомъ и тѣмъ больше выпучивалъ глаза на своего гостя. Тревожимый внутреннимъ волненьемъ и желаніемъ спровадить поскорѣе мистера Тутса, капитанъ находился въ такомъ запуганномъ и странномъ состояніи, что его физіономія не могла бы выразить большаго разстройства, если бы даже пришлось ему разговаривать съ выходцемъ съ того свѣта.

— Но я все собираюсь сказать вамъ, капитанъ Гильсъ.... Видите ли, я какъ-то поутру очутился ненарокомъ подлѣ вашего магазина.... то есть, сказать правду, я шелъ къ вамъ завтракать. Ну, еще завтракать я могу, а что касается до того, чтобы спать, такъ ужь наше почтеніе, — я рѣшительно никогда не сплю. Быть бы мнѣ будочникомъ, мистеръ Гильсъ, право, караулилъ бы сряду дюжину ночей, — и безъ жалованья.

— Отваливай, любезный другъ, отваливай!

— И отвалю, капитанъ, ей Богу, вотъ увидите! Ну такъ, когда я проходилъ здѣсь этимъ утромъ, — было довольно рано, часъ или около, а можетъ быть побольше — и когда увидѣлъ, что дверь заперта....

— Какъ! Это *ты* заходилъ сюда, любезный другъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, капитанъ Гильсъ. Я только взглянулъ, да и пошелъ мимо, потому-что капитана, думаю себѣ, должно быть дома нѣтъ. Но тотъ господинъ сказалъ немного погодя.... вы вѣдь не держите собаки, капитанъ Гильсъ?

Капитанъ кивнулъ головой.

— Ну, да, я такъ и сказалъ. Я знаю, вы не держали. Есть, капитанъ Гильсъ, собака, соединенная съ вос.... впрочемъ извините : тутъ надо придержать языкъ.

Въ глазахъ капитана, неподвижно устремленныхъ на досаднаго гостя, отразились теперь два мистера Тутса, и почтенное чело его опять оросилось крупными каплями, когда онъ вообразилъ, что Діогену можетъ притти фантазія спуститься въ маленькую гостиную для увеличенія компаніи.

— Вотъ онъ и сказалъ, продолжалъ Тустъ: — что слышалъ, дескать, собаку, чуть ли не передъ самыми дверьми; а я отвѣчалъ, что быть не можетъ, капитанъ не держитъ собакъ. Онъ между тѣмъ такъ и остался при своемъ, что слышалъ, дескать, собачій лай собственными ушами.

— Кто же это былъ? спросилъ капитанъ.

— Вотъ вѣдь мнѣ и въ голову не пришло освѣдомиться насчетъ этой матеріи, отвѣчалъ смущенный мистеръ Тутсъ, котораго нервозность возрасла теперь до высшей степени. — Не мнѣ разумѣется сказать вамъ, что̀ могло бы изъ этого выйти, или чего не могло бы выйти. Я право заваленъ такими вещами, которыхъ вовсе не понимаю, и ужь знать есть кое-что въ моемъ мозгу.... право, капитанъ Гильсъ, я должно быть очень глупъ.

Капитанъ Куттль кивнулъ головой въ знакъ совершеннѣйшаго согласія.

— Но когда мы отошли отъ магазина, тотъ господинъ сказалъ, будто вамъ извѣстно, что̀ такое *можетъ случиться* при существующихъ обстоятельствахъ — вотъ эти слова: можетъ случиться, онъ произнесъ съ особенною силой — и поэтому вамъ бы на всякой случай слѣдовало приготовиться.... то есть, вы и приготовитесь, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Да кто же этотъ господинъ, любезный мой другъ? повторилъ капитанъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Ну, да я право же не знаю, капитанъ Гильсъ, отвѣчалъ отчаянный Тутсъ : — увѣряю васъ. Немного погодя я опять завернулъ сюда, и опять нашелъ его у дверей. Вотъ онъ и говоритъ : вы тоже, сэръ, пришли сюда? Да, я говорю. — А вы развѣ знакомы, говоритъ, съ хозяиномъ этого магазина? — Да, говорю, я имѣлъ удовольствіе пріобрѣсти его знакомство — вѣдь вы доставили мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами : не такъ ли? — Ну, говоритъ онъ, если такъ, потрудитесь пожалуй-

ства передать ему, что̀ я вамъ сказалъ насчетъ этихъ существующихъ обстоятельствъ и насчетъ того, говоритъ, чтобъ онъ приготовился къ нимъ на всякой случай. Вы, говоритъ, попросите его завернуть на минуту въ лавку мистера Брогли, маклера и оцѣнщика. Очень, говоритъ, нужно. Вотъ вамъ и все, что̀ я знаю, капитанъ Гильсъ. Дѣла, должно быть, важныя, и ужь если вы потрудитесь къ нему завернуть, я покамѣстъ посижу здѣсь: вѣдь вы, разумѣется, мигомъ воротитесь?

Капитанъ, раздѣляемый между опасностію окомпрометировать Флоренсу, если не итти на предложенное свиданье, и между страхомъ оставить въ магазинѣ мистера Тутса подъ опасеніемъ открытія имъ завѣтной тайны, представлялъ такое зрѣлище умственнаго разстройства, которое даже не могло ускользнуть отъ вниманія мистера Тутса. Замѣтивъ однакожь, что его морской другъ собирается итти на свиданіе, молодой джентльменъ совершенно успокоился и не могъ удержаться отъ ободрительной улыбки.

Капитанъ между тѣмъ, выбирая изъ двухъ золъ ме́ньшее, рѣшилъ передъ отправленіемъ къ Брогли запереть въ магазинѣ дверь, имѣвшую сообщеніе съ верхнею частію дома, и положить ключь въ карманъ.

— Вы ужь насчетъ этого извините, любезный другъ, сказалъ капитанъ, взволнованный стыдомъ и нерѣшимостію: — есть на это особый резонъ, то есть, причч-чина, съ вашего позволенія.

— Помилуте, капитанъ, для меня очень пріятно все, что̀ вы ни дѣлаете. Будьте спокойны. Это ничего.

Капитанъ поблагодарилъ его отъ искренняго сердца и, обѣщавшись воротиться менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ, отправился скорымъ шагомъ къ господину, который почтилъ мистера Тутса своимъ таинственнымъ порученіемъ. Невинный мистеръ Тутсъ, предоставленный самому себѣ, развалился на диванѣ, вовсе не думая, кто покоился здѣсь передъ нимъ, и, устремивъ глаза на потолочное окно, услаждалъ свою фантазію видѣніями миссъ Домби. Время и мѣсто теперь для него не существовали.

И хорошо, что не существовали. Хотя капитанъ ходилъ не слишкомъ долго, однакожь несравненно долѣе чѣмъ предполагалъ. Онъ воротился назадъ, взволнованный и блѣдный какъ полотно, и на глазахъ его были признаки недавнихъ слезъ. Каза-

лось, онъ утратилъ всякую способность говорить и пребылъ нѣмъ до той поры, пока не подкрѣпилъ себя рюмкой рому, добытаго изъ только-что откупоренной бутылки, хранившейся на нижней полкѣ его комода. Опорожнивъ рюмку, онъ сѣлъ на стулъ и облокотился на руку съ видомъ человѣка, погруженнаго въ глубокія размышленія.

— Надѣюсь, капитанъ Гильсъ, началъ мистеръ Тутсъ: — ничего особеннаго не случилось? Вы не получили непріятныхъ вѣстей?

— Нѣтъ, дружище, нѣтъ. Совсѣмъ напротивъ. Покорно благодарю.

— Однакожь у васъ видъ такой безпокойный, замѣтилъ мистеръ Тутсъ.

— Не мудрено, товарищъ: я сдрейфованъ со всѣхъ сторонъ.

— Не могу ли я въ чемъ помочь вамъ, капитанъ Гильсъ? Если могу, располагайте мною.

Капитанъ взглянулъ на молодого джентльмена съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ нѣжности и состраданья и крѣпко пожалъ ему руку.

— Нѣтъ, товарищъ, покорно васъ благодарю. Теперь я прошу у васъ какъ милости навѣщать насъ.... то есть меня, какъ можно чаще.

И эта просьба сопровождалась такимъ пожатіемъ руки, что бѣдный Тутсъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— Я рѣшительно тѣхъ мыслей, продолжалъ капитанъ: — что послѣ Вальтера вы единственный парень, съ которымъ можно и должно вести дѣла. Да, я увѣренъ въ этомъ.

— Благородное и честное слово, капитанъ Гильсъ, отвѣчалъ мистеръ Тутсъ, ударяя рукою ладонь почтеннаго моряка: — я очень радъ, что заслужилъ ваше доброе мнѣніе. Покорно благодарю.

— Давай руку, товарищъ, и станемъ веселиться. Да! есть на свѣтѣ не одно прелестное созданье!

— Только не я, капитанъ Гильсъ, съ важностію возразилъ мистеръ Тутсъ: — не я только, увѣряю васъ. Состояніе моихъ чувствованій относительно миссъ Домби не можетъ быть выражено никакимъ перомъ. Мое сердце все равно что́ пустой островъ, и только она одна живетъ въ немъ. Я рыхлѣю съ каждымъ днемъ, и признаться, горжусь тѣмъ, что рыхлѣю. По-

смотрѣли бы вы на мои ноги, когда я снимаю сапоги, — вы бы можетъ увидѣли, что́ значитъ нераздѣленное чувство. Мнѣ предписали ванны, капитанъ Гильсъ, но я не стану употреблять ихъ, потому-что, видите ли, на кой чортъ для меня ванны? Пусть ужъ лучше высыхаю какъ щепка. Впрочемъ тутъ надо держать языкъ на привязи: я и забылъ. Прощайте, капитанъ Гильсъ! Счастливо оставаться!

Бросивъ еще разъ на молодого друга выразительный взоръ состраданія и нѣжности, капитанъ Куттль заперъ за нимъ дверь и отправился наверхъ освѣдомиться насчетъ благосостоянія Флоренсы.

Была какая-то рѣшительная перемѣна въ лицѣ капитана Куттля, когда онъ подошелъ къ соломоновой спальнѣ. Онъ вытиралъ платкомъ глаза и полировалъ переносицу ногтемъ точно такъ же, какъ утромъ этого дня, но лицо его совершенно измѣнилось. То былъ онъ, казалось, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то можно было считать его пропащимъ человѣкомъ: въ томъ и другомъ случаѣ черты его лица обличали необыкновенную важность, какъ-будто въ его натурѣ совершился чудный переворотъ, придавшій новый отпечатокъ его физіономіи.

Онъ стукнулъ тихонько два или три раза въ дверь соломоновой спальни, но не получивъ отвѣта, отважился сперва заглянуть въ замочную щель, а потомъ войти. Къ этому послѣднему подвигу можетъ быть ободрила его ласковая встрѣча Діогена, который, развалившись на полу подлѣ постели своей хозяйки, привѣтливо завилялъ хвостомъ и моргнулъ глазами такимъ образомъ, какъ-будто приглашалъ капитана смѣлѣе подвигаться впередъ.

Флоренса спала тяжело и стонала во снѣ. Капитанъ Куттль, проникнутый совершеннѣйшимъ благоговѣніемъ къ ея молодости, красотѣ и томительной грусти, осторожно приподнялъ ея голову, поправилъ на ней свой камзолъ и, занавѣсивъ хорошенько окно, чтобы она лучше спала, выкрался опять изъ комнаты и занялъ свой караульный постъ на лѣстничныхъ ступеняхъ. Его шаги и движенія были на этотъ разъ такъ же легки и воздушны, какъ у молодой дѣвушки.

Да позволено будетъ спросить: какое изъ этихъ двухъ явленій изящнѣе по своей натурѣ? Съ одной стороны — нѣжные пальчики, созданные для чувствительности и симпатіи прико-

сповенія, съ другой — жосткая, грубая рука капитана Куттля, готовая съ полнымъ самоотверженіемъ протянуться на охраненіе и защиту невиннаго созданья. Задача, не совсѣмъ удобная для рѣшенія! Но пусть оба явленія дольше и дольше существуютъ въ этомъ мірѣ, исполненномъ поразительными контрастами на каждомъ шагу!

Флоренса почивала, забывая о своемъ безпріютномъ сиротствѣ, и капитанъ Куттль стоялъ на часахъ подлѣ ея спальни. При малѣйшемъ шорохѣ или стонѣ, онъ немедленно подходилъ къ дверямъ, прислушивался и приглядывался; но мало-по-малу сонъ ея сдѣлался спокойнѣе, и караульный постъ капитана обходился безъ тревогъ.

ГЛАВА XLIX.

МИЧМАНЪ ДѢЛАЕТЪ ОТКРЫТІЕ.

Флоренса не вставала долго. Утро смѣнилось полуднемъ, полдень вечеромъ, а молодая дѣвушка, утомленная тѣломъ и душой, все еще спала, не имѣя никакого сознанія о своемъ странномъ ложѣ, объ уличной толкотнѣ и суматохѣ, и о свѣтѣ, который пробивался въ ея спальню черезъ затворенныя окна. Но и глубокій сонъ, порожденный истощеніемъ силъ, не могъ произвести въ ея душѣ совершеннаго забвенія о томъ, что́ случилось въ родительскомъ домѣ, и смутныя воспоминанія о страшныхъ сценахъ тревожили ея покой. Мрачная грусть, полуубаюканное чувство скорби носились передъ ея воображеньемъ, и блѣдная ея щека гораздо чаще орошалась слезами, нежели какъ желалъ бы видѣть честный капитанъ, который время отъ времени выставлялъ свою голову въ полу-отворенную дверь.

Уже солнце проложило огненную дорогу по рѣкѣ и отлогимъ берегамъ, озарило въ океанѣ паруса на корабляхъ, освѣтило въ предмѣстьяхъ мрачныя кладбища и холмы, погрузило отдаленныя точки горизонта въ зарево пожара, гдѣ, казалось, въ одномъ великолѣпномъ хаосѣ запылали небо и земля, — солнце спускалось ниже и ниже надъ безпредѣльной бездной и, выглядывая изъ-за багроваго тумана, пронзало своими лучистыми стрѣлами отверстія на башняхъ и фризы на шпицахъ старинныхъ лондон-

скихъ церквей, — когда Флоренса открыла наконецъ свои отягченные глаза и лежала сперва въ какомъ-то забытьи, не обращая никакого вниманія на странныя стѣны въ странной комнатѣ и прислушиваясь безъ всякой опредѣленной мысли къ уличному шуму. Но скоро проснулась она и тѣломъ и душой, встала на своемъ ложѣ, бросила вокругъ себя изумленный взоръ — и припомнила все.

— Чтó, моя радость, сказалъ капитанъ, постучавшись въ дверь: — какъ вы себя чувствуете?

— Другъ мой, вы ли это? вскричала Флоренса, бросившись къ нему навстрѣчу.

Другъ!... Въ этомъ имени скрывалось такъ много гордости для капитана Куттля, что онъ вмѣсто отвѣта поцаловалъ свой крюкъ и смотрѣлъ съ неизреченнымъ наслажденіемъ на зардѣвшіяся щоки молодой дѣвушки, когда она обратила на него глаза.

— Какъ вы себя чувствуете, изумрудъ мой драгоцѣнный? повторилъ капитанъ послѣ блаженнаго молчанья, продолжавшагося около минуты.

— Кажется, спала я очень долго, добрый мой другъ, отвѣчала Флоренса. — Когда я сюда пришла? еще вчера?

— Сегодня, высоко-рожденная барышня-дѣвица, и да будетъ благословенъ сей день отъ нынѣ и во вѣки!

— Развѣ не было ночи? Неужели все еще день?

— Вечеръ, и чудесный, моя радость! сказалъ капитанъ, отдергивая занавѣсъ отъ окна. — Посмотрите!

Флоренса, грустная и робкая, съ ея рукою на плечѣ капитана Куттля, и честный капитанъ Куттль съ его грубымъ лицомъ и коренастой фигурой стояли въ розовомъ свѣтѣ яркаго вечерняго неба, не говоря ни слова. Въ какую бы форму, конечно странную и дикую, капитанъ Куттль ни облекъ своихъ чувствъ, если бы рѣшился ихъ выразить словами, онъ чувствовалъ съ живостію краснорѣчивѣйшаго изъ смертныхъ, что въ этой плѣнительной красотѣ тихаго и спокойнаго вечера заключалась какая-то таинственная сила, способная переполнить истерзанное сердце Флоренсы, и что было бы для нея гораздо лучше дать теперь полную волю своимъ слезамъ. Поэтому ни слова не говорилъ капитанъ Куттль. Но когда онъ почувствовалъ, что ея голова склоняется къ нему ближе и ближе, когда

почувствовалъ онъ, что эта безпріютная, одинокая голова прикасается къ его грубому, синему камзолу, тогда онъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ взялъ ея руку, пожалъ ея руку, — и они поняли другъ друга.

— Ободритесь, моя радость! сказалъ капитанъ Куттль. — Развеселитесь, изумрудъ мой драгоцѣнный. Я сойду внизъ и приготовлю вамъ покушать. Вы потрудитесь притти сами немного погодя или Эдуардъ Куттль долженъ спуститься съ вами?

Флоренса отвѣчала, что она безъ всякаго затрудненія можетъ сойти сама, и капитанъ, послѣ нѣкоторыхъ довольно сильныхъ отговорокъ, показывавшихъ его очевидное сомнѣніе въ правилахъ истиннаго гостепріимства, принужденъ былъ предоставить молодую дѣвушку ея собственному произволу. Очутившись въ маленькой гостиной, онъ немедленно принялся жарить у камина курицу, уже давно лежавшую для этой цѣли на жаровнѣ. Чтобы наилучшимъ образомъ окончить эту стряпню, онъ скинулъ свой камзолъ, засучилъ рубашечные рукава и надѣлъ свою лощеную шляпу, безъ помощи которой не приступалъ вообще ни къ какому предпріятію, трудному или легкому.

Освѣживъ свою голову и пылающее лицо въ холодной водѣ, приготовленной капитаномъ въ продолженіи ея сна, Флоренса подошла къ маленькому зеркалу, чтобы привести въ порядокъ свои растрепанные волосы. Тогда она увидѣла — первый и послѣдній разъ — на своей груди багровое пятно.

Ея слезы при этомъ видѣ опять полились ручьями. Ей было стыдно, ей было страшно; но не было въ ея сердцѣ ненависти и гнѣва противъ отца. Она простила ему все, едва понимая въ этомъ нужду, и старалась о немъ не думать, какъ не думала о домѣ, изъ котораго бѣжала, и онъ былъ для нея потерянъ однажды навсегда. Не было въ этомъ мірѣ мистера Павла Домби для Флоренсы Домби.

Что̀ дѣлать и куда дѣваться, Флоренса — бѣдная, неопытная Флоренса, еще не думала объ этомъ. Впрочемъ мечтала она отыскать гдѣ-нибудь маленькихъ сестеръ, которыхъ станетъ она воспитывать подъ какимъ-нибудь вымышленнымъименемъ: онѣ выростутъ, эти сестры, счастливыя и довольныя подъ ея надзоромъ, полюбятъ ее, выйдутъ за-мужъ, возьмутъ къ себѣ свою прежнюю гувернантку и быть можетъ современемъ по-

ручать ей воспитаніе своихъ собственныхъ дочерей. Проходятъ годы, десятки лѣтъ, и у почтенной воспитательницы чужихъ дѣтей сѣдѣютъ волосы, и она становится старухой, и уноситъ въ мрачную могилу тайну своей жизни, и не осталось на свѣтѣ никакихъ слѣдовъ отъ Флоренсы Домби.... странная будущность! грустная будущность! Но всѣ эти грезы носились передъ ней въ густомъ туманѣ, и она ни въ чемъ не отдавала себѣ яснаго отчета. Она знала только одно, что не было для нея отца на этомъ свѣтѣ, не было клочка земли, гдѣ могла бы пріютиться Флоренса Домби!

Весь денежный запасъ въ ея кошелькѣ ограничивался нѣсколькими гинеями, и часть ихъ должно было употребить на покупку гардероба, такъ-какъ у нея было всегда одно только платье. Но этотъ пунктъ ее не слишкомъ безпокоилъ: ребенокъ въ мірскихъ дѣлахъ, она не понимала и не могла понять, чтó значитъ не имѣть денегъ, и притомъ другія, болѣе важныя мысли заслоняли отъ нея предметы этого рода. Въ головѣ ея мыслительная машина работала съ какою-то особой торопливостью, и казалось ей, что промчались цѣлые мѣсяцы послѣ ея бѣгства. Но мало-по-малу она успокоилась, привела въ порядокъ свои мысли, отерла слезы и отправилась внизъ къ своему единственному покровителю.

Капитанъ разостлалъ съ большимъ стараніемъ бѣлую скатерть и приготовлялъ какой-то яичный соусъ въ маленькой кострюлѣ, поколачивая въ тоже время очень усердно жирную курицу, которую жарилъ на вертелѣ передъ огнемъ. Обложивъ Флоренсу подушками на диванѣ, который для бóльшаго комфорта былъ переставленъ въ теплый уголокъ, капитанъ продолжалъ свою стряпню съ необыкновеннымъ искусствомъ. Онъ кипятилъ горячую жижицу въ другой маленькой кострюлѣ, варилъ картофель въ третьей, не забывалъ яичнаго соуса въ первой и продолжалъ колотить жаркое своимъ крюкомъ, который, смотря по надобности, замѣнялъ для него и ложку и вилку. Независимо отъ всего этого, капитанъ сторожилъ бдительнымъ окомъ миніатюрную сковородку, въ которой кипятились и пищали наимузыкальнѣйшимъ способомъ жирныя сосиски, слава и вѣнецъ поварского творчества, — и словомъ, не было во всей подсолнечной кухарки, равной по таланту и усердію капитану Куттлю, на которомъ блистала во всей красотѣ его

лощоная шляпа.... Впрочемъ трудно сказать, лицо или шляпа горѣли теперь болѣе торжественнымъ блескомъ.

Когда наконецъ обѣдъ былъ приготовленъ, капитанъ Куттль началъ хлопотать около стола съ безпримѣрнымъ усердіемъ и ревностію. Прежде всего онъ скинулъ шляпу и надѣлъ свой фракъ. За тѣмъ онъ пододвинулъ стулъ къ дивану, гдѣ сидѣла Флоренса, прочиталъ молитву, развинтилъ свой крюкъ, привязалъ къ нему вилку и поставилъ первое блюдо.

— Высоко-рожденная барышня-дѣвица, сказалъ капитанъ: — развеселитесь и старайтесь кушать какъ можно больше. Здѣсь ливеръ. Здѣсь спаржа, и вотъ картофель!

Все это капитанъ расположилъ на блюдѣ въ симметрическомъ порядкѣ, полилъ горячей жижей и поставилъ передъ своей прекрасной гостьей.

— Вотъ цѣлый рядъ мертвыхъ свѣтилъ лежитъ передъ вами, высоко-рожденная барышня-дѣвица, замѣтилъ капитанъ ободрительнымъ тономъ: — и все устроено въ порядкѣ. Попробуйте перекусить, моя радость. О, если бы Вальтеръ былъ здѣсь!...

— Ахъ, если бы теперь онъ былъ моимъ братомъ! воскликнула Флоренса.

— Не говорите этого, моя радость! сказалъ капитанъ. — Вальтеръ былъ природнымъ вашимъ другомъ, самымъ искреннымъ, самымъ близкимъ другомъ: не правда ли, моя радость?

Флоренсѣ нечего было отвѣчать. Она только сказала: — о, милый, милый Павелъ! о, Вальтеръ!

— Самыя доски, по которымъ она ходила, бормоталъ капитанъ, разсматривая съ нѣжнымъ умиленіемъ ея унылое лицо: — бѣдный Вальтеръ цѣнилъ высоко, такъ высоко, какъ жаждущій олень источники водные. Вижу его какъ теперь за столомъ у дяди въ тотъ самый день, когда только-что записали его въ конторскія книги Домби и Сына: какъ онъ говорилъ тогда о ней! Боже мой, какъ онъ говорилъ! Лицо его рдѣлось какъ маковъ цвѣтъ, и глаза покрывались скромною росою! Да, прекрасный былъ юноша! Ну, а если бы теперь былъ онъ здѣсь, высоко-рожденная барышня-дѣвица, то есть, если бы онъ могъ быть здѣсь.... но онъ утонулъ, бѣдный Вальтеръ: не правда ли?

Флоренса покачала головой.

— Да, да, онъ утонулъ, продолжалъ капитанъ. — Что бишь я началъ говорить? Такъ вотъ, если бы онъ былъ здѣсь, онъ сталъ бы просить васъ, изумрудъ мой драгоцѣнный, покушать и полакомиться, чтобы здоровье ваше подкрѣпилось. Поэтому, высоко-рожденная барышня-дѣвица, ведите себя такъ, какъ бы Вальтеръ былъ уже здѣсь, и держите противъ вѣтра вашу милую головку.

Флоренса, изъ угожденія капитану, начала кушать. Капитанъ между тѣмъ, забывая повидимому собственный обѣдъ, положилъ свой ножикъ и вилку и пододвинулъ свой стулъ къ дивану.

— Вальтеръ былъ красивый мальчикъ: не правда ли, моя радость?

Флоренса согласилась, и капитанъ сидѣлъ молча нѣсколько минутъ, опустивъ подбородокъ на свою руку. Глаза его неподвижно обращены были на гостью.

— И вѣдь онъ былъ храбрый юноша, моя радость: не такъ ли?

Флоренса отвѣчала слезами.

— И вотъ, моя красавица, онъ утонулъ, продолжалъ капитанъ растроганнымъ голосомъ. — Такъ или нѣтъ?

Флоренса продолжала плакать.

— Онъ былъ постарше васъ, высоко-рожденная барышня-дѣвица; но сначала вѣдь вы оба были дѣтьми: не правда ли?

Флоренса отвѣчала: — да!

— А теперь утонулъ бѣдный Вальтеръ, утонулъ, и нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу: не такъ ли?

Повтореніе этого вопроса было любопытнымъ источникомъ утѣшенія, но только, казалось, для одного капитана Куттля, такъ-какъ онъ одинъ безпрестанно возвращался къ этой темѣ. Флоренса отодвинула отъ себя свой непочатый обѣдъ, и, облокотившись на диванъ, подала капитану свою руку, чувствуя, что она противъ воли опечалила своего друга. Капитанъ между тѣмъ, пожимая ея руку съ какою-то особенною нѣжностію, забылъ повидимому и обѣдъ и аппетитъ своей гостьи, и почтенное чело его проникалось больше и больше симпатическою мыслью. Еще и еще повторялъ онъ: — «Бѣдный Вальтеръ! милый Вальтеръ! Да, онъ утонулъ. Не правда ли?» — И непремѣнно хотѣлось ему, чтобы Флоренса отвѣчала на этотъ безконечный вопросъ;

иначе, казалось, оборвалась бы цѣпь его оригинальныхъ размышленій.

Курица и сосиски простыли, и яичный соусъ застылъ до послѣдней степени густоты, прежде чѣмъ добрый капитанъ припомнилъ, что они сидѣли за столомъ; но, разъ обративъ вниманіе на этотъ пунктъ, онъ принялся за свои блюда вмѣстѣ съ Діогеномъ, при помощи котораго роскошный пиръ быстро подошелъ къ желанному концу. Когда Флоренса начала убирать со стола, выметать очагъ и приводить въ порядокъ мебель маленькой гостиной, восторгъ и удивленіе капитана могли сначала равняться только горячности его протеста противъ этой хлопотливости молодой дѣвушки, а потомъ мало-по-малу эти чувства возвысились до такой степени, что онъ самъ ничего не сталъ дѣлать и только съ безмолвнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на Флоренсу какъ на прекрасную волшебницу, которая каждый день совершаетъ для него эти чудеса: при этомъ красный экваторъ на челѣ капитана запылалъ съ новою силой, выражая его неописанное удивленіе.

Но когда Флоренса, продолжая хозяйственныя хлопоты, сняла съ каминной полки его трубку и попросила его курить, добрый капитанъ до того ошеломленъ былъ этимъ неожиданнымъ вниманьемъ, что нѣсколько минутъ держалъ чубукъ такимъ образомъ, какъ-будто эта рѣдкость первый разъ попалась въ его руки. Потомъ, когда Флоренса вынула изъ комода бутылку съ ромомъ и приготовила для него совершеннѣйшій стаканъ грогу, поставленный передъ нимъ на маленькомъ столикѣ, его носъ, всегда румяный, поблѣднѣлъ какъ алебастръ, и онъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Упоенный этимъ блаженствомъ, невиданнымъ и неслыханнымъ до той поры, капитанъ машинально набилъ трубку, и лишь только протянулъ свою лапу къ фосфорическимъ спичкамъ, Флоренса, къ довершенію его изумленія, уже держала надъ табакомъ зажженную бумагу, такъ-что не имѣлъ онъ ни времени, ни силы предотвратить этой услуги. Когда наконецъ Флоренса, послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ, заняла свое мѣсто на диванѣ и принялась смотрѣть на него съ граціозной, любящей улыбкой, капитанъ увидѣлъ очень ясно, что сиротствующее сердце молодой дѣвушки обращалось къ нему съ такою же искренностію, какъ ея лицо, — увидѣлъ это капитанъ Куттль, и табачный дымъ засѣлъ въ его горлѣ, ослѣ-

пилъ его глаза, — ослѣпилъ до того, что заплакалъ капитанъ Куттль!

Способъ, употребленный имъ для увѣренія, что причина всѣхъ этихъ дѣйствій лежала сокровенною въ самой трубкѣ, которую для этой цѣли онъ осматривалъ со всѣхъ сторонъ, ревизуя преимущественно чубукъ, былъ истинно забавенъ и достоинъ художнической кисти. Когда наконецъ трубка была осмотрѣна и исправлена, капитанъ Куттль мало-по-малу пришелъ въ состояніе покоя, приличнаго исправному трубокуру. Онъ сидѣлъ съ глазами неподвижно обращенными на Флоренсу, и сіяя лучезарнымъ счастьемъ, пускалъ по временамъ и отдувалъ отъ себя маленькія облака, которыя, выходя изъ его рта, казались ярлыками съ надписью : — «утонулъ, бѣдный Вальтеръ, утонулъ : не правда ли?» — И процессъ куренья возобновлялся опять до тѣхъ же ярлыковъ.

Трудно представить контрастъ поразительнѣе того, который существовалъ между Флоренсой въ ея нѣжной юности и красотѣ и капитаномъ Куттлемъ съ его сучковатымъ лицомъ, неуклюжимъ туловищемъ и басистымъ голосомъ; при всемъ томъ во многихъ вещахъ, особенно въ невинной простотѣ и въ знаніи условій жизни, они похожи были другъ на друга какъ двѣ капли воды. Никакой ребенокъ не могъ превзойти капитана Куттля въ совершеннѣйшей неопытности относительно всѣхъ дѣлъ на свѣтѣ, кромѣ вѣтра и погоды, въ простотѣ, легковѣріи и великодушномъ упованіи на судьбу. Вся его натура, казалось, была олицетвореніемъ надежды и любви. Странный родъ мечтательности и романтизма, неимѣвшаго никакого отношенія къ дѣйствительному міру и неподлежащаго никакимъ расчетамъ мірского благоразумія и житейской опытности, составляли рѣзкую отличительную черту въ его младенческомъ характерѣ. Когда сидѣлъ онъ такимъ образомъ, и курилъ, и смотрѣлъ на Флоренсу, Аллахъ вѣдаетъ, какія фантастическія картины, гдѣ на первомъ планѣ всегда стояла она, проносились передъ его умственными глазами. Столько же неопредѣленны, хотя не такъ рѣшительны и пылки, были собственныя мысли Флоренсы о своей будущей судьбѣ, и даже когда въ слезахъ ея преломлялись призматическіе лучи свѣта, на который она смотрѣла черезъ свою тяжолую печаль, она уже видѣла прекрасную радугу, ярко засіявшую на отдаленномъ горизонтѣ. Странствующая принцес-

са и верзила–богатырь волшебной сказки могли такимъ образомъ сидѣть рука объ руку передъ каминомъ и разговаривать между собой точь-вточь какъ бѣдная Флоренса и храбрый капитанъ разсуждали втихомолку: разница между двумя парами была бы вовсе не велика.

Капитанъ не смущался ни малѣйшей идеей о трудности держать у себя молодую дѣвушку или объ отвѣтственности за ея судьбу. Заколотивъ ставни и заперевъ дверь, онъ успокоился на этотъ счетъ совершеннѣйшимъ образомъ. Будь она пожалуй подъ опекою сиротскаго суда, это отнюдь не составило бы никакой разницы для капитана Куттля. Онъ былъ послѣдній человѣкъ въ подлунномъ мірѣ, способный потревожиться отъ подобныхъ соображеній.

Такимъ образомъ капитанъ курилъ трубку съ восточнымъ комфортомъ и вмѣстѣ съ Флоренсой размышлялъ.... но о чемъ размышляли капитанъ Куттль и Флоренса, — это не подлежитъ анализу нескромнаго пера. Послѣ трубки они принялись за чай, и тогда Флоренса попросила своего друга проводить ее въ ближайшій магазинъ для покупки вещей, безъ которыхъ ей нельзя было обойтись. Капитанъ согласился, потому–что было совершенно темно; но напередъ онъ тщательно обозрѣлъ сосѣднія окрестности, какъ дѣлывалъ во времена ожидаемыхъ нападеній отъ мистриссъ Макъ-Стингеръ, и вооружился своей огромной палкой, чтобы имѣть возможность защищаться въ случаѣ какого-нибудь непредвидѣннаго обстоятельства.

Гордость капитана Куттля была необычайна, когда онъ велъ за руку Флоренсу, провожая ее на растояніи двухъ или трехъ сотъ шаговъ отъ своего магазина: онъ смотрѣлъ во всѣ глаза и озирался по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, обращая на себя вниманіе прохожихъ, которые невольно останавливались, чтобы полюбоваться на эту странную фигуру. Прибывши въ магазинъ, капитанъ, по чувству деликатности, счелъ за нужное удалиться во время самыхъ покупокъ, такъ-какъ онѣ состояли изъ разныхъ принадлежностей женскаго туалета; но онъ предварительно поставилъ на прилавокъ свою жестяную чайницу и объявилъ содержательницѣ магазина, что тамъ было четырнадцать фунтовъ и два шиллинга.

— Этого быть можетъ, сказалъ онъ, обращаясь къ мадамъ: — хватитъ на обмундировку моей маленькой *племянницы;* а ес-

ли не хватитъ, вы потрудитесь только *свиснуть*, и мы покончимъ расчеты.

При словѣ «племянница», онъ бросилъ на Флоренсу многознаменательный взглядъ, сопровождаемый пантомимами, которымъ предназначалось выражать его непроницаемую таинственность. Посмотрѣвъ потомъ случайно на свои огромные часы — вѣрнѣйшее и хитро придуманное средство возбудить уваженіе къ своей собственности — капитанъ поцаловалъ свой крюкъ и, остановившись на улицѣ подлѣ магазиннаго окна, поминутно выставлялъ свою огромную голову между лентъ и шляпокъ, обнаруживая очевидное опасеніе, какъ бы Флоренса не скрылась куда-нибудь черезъ заднюю дверь. Но черезъ нѣсколько минутъ Флоренса явилась передъ нимъ съ узломъ, котораго объемъ весьма непріятно озадачилъ капитана, такъ-такъ онъ ожидалъ увидѣть огромный тюкъ закупленныхъ товаровъ и уже готовился нанять носильщика, чтобы тотъ взвалилъ его на свои плечи.

— Любезный капитанъ Куттль, сказала Флоренса: — мнѣ не нужны были эти деньги: я ихъ не истратила. У меня есть свои.

— Въ такомъ случаѣ, моя радость, возразилъ капитанъ, опустивъ голову внизъ: — поберегите ихъ для меня до той поры, какъ я попрошу.

— Могу ли я держать ихъ тамъ, гдѣ онѣ всегда лежали у васъ?

Капитану очень не нравилось такое предложеніе, однакожь онъ отвѣчалъ:

— Кладите ихъ куда угодно, моя радость, только умѣйте отыскать, когда понадобится. Мнѣ онѣ совершенно не нужны, и я право никакъ не могу понять, какъ я ихъ не зашвырнулъ куда-нибудь до сихъ поръ.

На минуту капитанъ погруженъ былъ въ легкое уныніе, но онъ мгновенно оживился при первомъ прикосновеніи къ рукѣ Флоренсы, и они воротились домой съ тѣми же предосторожностями, здравы и невредимы. Отворивъ двери маленькаго мичмана, капитанъ нырнулъ въ нихъ съ такою чудною ловкостію, какая могла быть пріобрѣтена не иначе какъ послѣ и вслѣдствіе продолжительнаго упражненія. Въ продолженіи утренняго отдыха Флоренсы, онъ распорядился сбѣгать на птичій

рынокъ и уговорился съ дочерью пожилой леди, торговавшей курицами, чтобы она разъ въ день заходила въ магазинъ убирать комнату его прекрасной родственницы и оказывать ей необходимыя услуги. Когда теперь эта дѣвушка явилась къ своей должности, Флоренса нашла вокругъ себя такой же стройный и комфортный порядокъ, какой строго соблюдался въ ея прежнихъ великолѣпныхъ покояхъ.

Когда они остались опять одни, капитанъ упросилъ свою гостью скушать ломоть поджаренаго на маслѣ хлѣба и выпить рюмку накориченнаго глинтвейну, котораго приготовленіе было имъ доведено до послѣдней степени совершенства. За тѣмъ, напутствуя ее благословеніями и всевозможными цитатами изъ ветхаго и новаго завѣта, онъ повелъ ее наверхъ въ соломонову спальню; но было что-то на его лицѣ, тревожное и смутное, чего никакъ онъ не могъ скрыть.

— Прощайте, моя радость, сказалъ капитанъ Куттль, останавливаясь на порогѣ ея комнаты.

Флоренса обратила свои губы къ его лицу и поцаловала его.

Во всякое другое время капитанъ Куттль обезумѣлъ бы отъ такого доказательства признательности; но теперь онъ посмотрѣлъ на ея лицо съ какою-то загадочною неловкостію и, казалось, неохотно собирался ее оставить.

— Бѣдный Вальтеръ! сказалъ капитанъ.

— Бѣдный, бѣдный Вальтеръ! со вздохомъ повторила Флоренса.

— Утонулъ прекрасный юноша: не правда ли? спросилъ капитанъ.

Флоренса покачала головой и вздохнула.

— Спокойной ночи, высоко-рожденная барышня-дѣвица! воскликнулъ капитанъ, протягивая свою руку.

— Благослови васъ Богъ, мой добрый, несравненный другъ!

Но капитанъ еще медлилъ на порогѣ.

— Вы хотите сказать что-нибудь, любезный капитанъ Куттль?

— Сказать вамъ, высоко-рожденная барышня-дѣвица! Нѣтъ еще.... то есть, мнѣ нечего говорить вамъ, моя радость. Вѣдь вы конечно не ждете услышать отъ меня добрыхъ вѣстей?...

— Нѣтъ!

Капитанъ посмотрѣлъ на нее съ видимымъ смущеніемъ и повторилъ: — нѣтъ! — Но онъ все еще стоялъ на порогѣ и не двигался съ мѣста.

— Бѣдный Вальтеръ! воскликнулъ капитанъ. — Милый мой Вальтеръ, какъ я привыкъ тебя называть! Племянникъ старика Соломона Гильса! Милый и любезный для всѣхъ какъ майскій цвѣтокъ! Куда ты умчался, куда отлетѣлъ, прекрасный, храбрый молодой человѣкъ! Вѣдь онъ утонулъ, моя радость: не правда ли?

Заключивъ этотъ апострофъ стремительнымъ обращеніемъ къ Флоренсѣ, капитанъ пожелалъ ей спокойной ночи и пошелъ внизъ, между тѣмъ какъ Флоренса свѣтила ему сверху. Онъ уже совсѣмъ потерялся въ темнотѣ и, судя по звуку его удаляющихся шаговъ, былъ наповоротѣ въ маленькую гостиную, какъ вдругъ его голова и плечи вынырнули опять какъ-будто изъ воды съ очевиднымъ намѣреніемъ повторить: — «Утонулъ, бѣдняга, не правда ли?» — И высказавъ эту сентенцію тономъ соболѣзнованія, онъ исчезъ.

Флоренса очень жалѣла, что она своимъ присутствіемъ противъ воли, хотя совершенно натуральнымъ образомъ, пробудила въ его душѣ эти печальныя воспоминанья. Занявъ мѣсто передъ столикомъ, гдѣ заботливая капитанская рука разставила въ правильной симметріи телескопъ, и пѣсенникъ и другія изящнѣйшія рѣдкости, она стала думать о Вальтерѣ и обо всемъ, чтó соединялось съ нимъ въ прошедшей ея жизни, и эти думы занимали ее до поздней ночи. Но при этомъ тоскливомъ стремленіи къ покойнику, мысль о домѣ и возможности туда воротиться ни разу не приходила ей въ голову. Отцовскій домъ пересталъ существовать для ея воображенья. Она видѣла, что мечтательный образъ, надъ которымъ она въ послѣднее время представляла себѣ мистера Домби, былъ теперь вырванъ изъ ея сердца. Одна мысль объ этомъ до того страшила ее, что она закрывала свои глаза и съ трепетомъ удаляла отъ себя воспоминанія о немъ. Если бы и теперь ея любящее сердце удержало еще этотъ образъ, онъ былъ бы разбитъ и уничтоженъ отъ одного представленія объ оскорбленіи ея нѣжнаго чувства.

Она не смѣла смотрѣться въ зеркало, ибо видъ багроваго пятна пугалъ ее. Она закрыла грудь трепетной рукой и еще

разъ пролила горькія слезы, опустивъ свою голову на подушку.

Капитанъ долго не ложился въ постель. Болѣе часу ходилъ онъ взадъ и впередъ по маленькой гостиной и, настроивъ наконецъ свою душу къ важнымъ размышленіямъ, усѣлся за столъ съ задумчивымъ лицомъ, раскрылъ молитвенникъ и принялся читать «Панихиду по усопшимъ въ морской глубинѣ.» Нелегко было ему управиться съ этимъ душеспасительнымъ упражненіемъ: вообще добрый капитанъ читалъ не очень бойко, и теперь, запинаясь слишкомъ часто на многосложныхъ словахъ, онъ время отъ времени поощрялъ себя возгласами въ родѣ слѣдующихъ: — «Ну, ну, держись крѣпче, любезный! Пошевеливайся, Эдуардъ Куттль!» И этотъ способъ съ удивительнымъ успѣхомъ помогалъ ему преодолѣвать встрѣчающіяся затрудненія, которыя особенно увеличивались отъ огромныхъ очковъ, постоянно закрывавшихъ его ястребиные глаза. Какъ бы то ни было однакожь, капитанъ Куттль дочиталъ молитвы до послѣдней строки и преисполнился набожными чувствованіями. Проникнутый этимъ духомъ, онъ сходилъ наверхъ, постоялъ у дверей Флоренсы и наконецъ, устроивъ свою постель за прилавкомъ въ магазинѣ, сомкнулъ свои вѣжди и заснулъ кроткимъ сномъ благочестиваго моряка.

Но при всемъ томъ въ продолженіи ночи капитанъ Куттль еще нѣсколько разъ взбирался наверхъ и приставлялъ свои глаза къ замочной щели. Въ одну изъ такихъ экспедицій, совершенныхъ на разсвѣтѣ, Флоренса, услышавъ его шаги, спросила, онъ ли это былъ.

— Да, это я, моя радость, отвѣчалъ Капитанъ. — Все ли у васъ исправно, брильянтъ мой драгоцѣнный?

Флоренса поблагодарила его и отвѣчала:

— Да!

При этой вѣрной окказіи капитанъ никакъ не могъ преминовать, чтобы не повторить въ сотый разъ своего задушевнаго восклицанія: — Бѣдный Вальтеръ! утонулъ онъ, — не правда ли? — Послѣ чего онъ удалился и спокойно опочилъ на своемъ ложѣ до семи часовъ.

И весь этотъ день капитанъ Куттль никакъ не могъ освободиться отъ своей загадочной таинственности, несмотря на то, что Флоренса, занятая шитьемъ въ маленькой гостиной, была

гораздо спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ. Всякой разъ, какъ поднимала глаза отъ своей работы, она замѣчала, что капитанъ смотритъ на нее пристально и съ глубокомысленнымъ видомъ поглаживаетъ свой подбородокъ. Онъ придвигалъ къ ней свой стулъ, намѣреваясь какъ-будто бы начать откровенную бесѣду, и потомъ тотчасъ же отодвигалъ его назадъ, не имѣя духу выполнить своего намѣренія, и крейсируя такимъ образомъ во весь день около маленькой гостиной, онъ не разъ наѣзжалъ на этомъ утломъ челнокѣ на панельную обшивку или на дверь кладовой, и это, казалось, приводило его въ совершенное отчаяніе.

До самыхъ сумерекъ капитанъ Куттль, утвердившійся наконецъ на якорѣ подлѣ Флоренсы, никакъ не могъ начать связнаго разговора. Но когда каминный огонь заигралъ на стѣнахъ и потолкѣ маленькой гостиной, озаривъ въ тоже время своимъ блескомъ чайныя ложечки и чашки, расположенныя на столѣ, и освѣтивъ плачущее лицо Флоренсы, капитанъ прервалъ продолжительное молчаніе такимъ образомъ:

— Вы никогда не были на морѣ, моя радость?

— Нѣтъ, отвѣчала Флоренса.

— Да, началъ капитанъ, проникнутый великимъ благоговѣніемъ къ важности предмета: — это всемогущій элементъ. Тамъ чудеса, моя радость, дивныя чудеса! Подумайте только, когда вѣтры бушуютъ, и волны ревутъ, когда бурная ночь чернѣетъ какъ смола – говоря это, капитанъ торжественно поднялъ свой крюкъ — и вы не видите предъ собой собственной руки, развѣ только сверкнетъ молнія изъ-за тучи, — и вотъ невидимая сила гонитъ васъ впередъ черезъ бурю и чрезъ мглу, впередъ, впередъ, стремглавъ гонитъ на тотъ край свѣта, безъ предѣловъ и конца, во вѣки вѣковъ, аминь. Пріискать въ книгѣ Іова и положить закладку. Вотъ только въ эти времена, моя красавица, человѣкъ можетъ сказать своему ближнему: — Ну, Васька, держи ухо востро, поднимаеття нордъ-вестъ! Слышишь, какъ забушевалъ! Силы небесныя! Чтó-то теперь станется съ несчастнымъ народомъ, который на берегу? Господи, спаси ихъ и помилуй!

И эту цитату, приспособленную съ такимъ совершенствомъ къ ужасамъ океана, капитанъ завершилъ энергическимъ и звучнымъ восклицаніемъ: — Держись крѣпче, Эдуардъ Куттль!

— Вы видѣли когда-нибудь такую страшную бурю? спросила Флоренса.

— Да, моя радость, много страшныхъ бурь испыталъ я на своемъ вѣку; но теперь не обо мнѣ рѣчь. Я вотъ все думаю о нашемъ-то прекрасномъ юношѣ. — Тутъ онъ пододвинулъ къ ней свой стулъ. — Какъ вы полагаете, мое сокровище, вѣдь утонулъ нашъ бѣдный Вальтеръ?

Капитанъ началъ говорить такимъ дрожащимъ голосомъ и обратилъ на Флоренсу такое блѣдное и взволнованное лицо, что она въ испугѣ схватилась за его руку.

— Чтó съ вами, любезный мой другъ? вскричала Флоренса: — Вы совершенно и вдругъ перемѣнились! Любезный капитанъ Куттль, мнѣ становится страшно на васъ смотрѣть!

— Ничего, моя радость, ничего! Не робѣйте только и держите головку противъ вѣтра. Все обстоитъ благополучно, изумрудъ мой драгоцѣнный. Ну, такъ вотъ я началъ говорить о Вальтерѣ: — онъ вѣдь.... то есть, я хочу сказать, вѣдь онъ утонулъ? Да или нѣтъ?

Флоренса устремила на него пристальный взглядъ. Ея щоки то блѣднѣли, то рдѣлись яркимъ румянцемъ, и она положила свою руку на грудь.

— Много бѣдъ и опасностей на широкомъ морѣ, моя красавица, продолжалъ капитанъ: — и только Богу извѣстно, сколько храбрыхъ кораблей и храбрыхъ моряковъ потонуло въ глубокой безднѣ! И сгинули они со свѣту бѣлаго, и никто не слыхалъ о нихъ ни единаго слова! Но бываютъ, моя радость, такіе случаи, что иной розъ спасается, по благодати Божіей, одинъ человѣкъ изъ двадцати — какъ изъ двадцати? случается, изъ цѣлой сотни, изъ тысячи одинъ только человѣкъ выплываетъ на бѣлый свѣтъ и возвращается домой къ своимъ друзьямъ, здравъ и невредимъ, между тѣмъ какъ всѣ считали его погибшимъ и уже молились за упокой его души. Вотъ я.... я знаю одну исторію въ этомъ родѣ.... то есть, мнѣ разсказывали одну такую исторію, и ужь такъ какъ мы лавируемъ теперь около этого мѣста...., притомъ вы и я сидимъ передъ каминомъ, — то можетъ вамъ пріятно будетъ услышать эту исторійку. Разсказывать?

Флоренса трепетала отъ ужаснаго волненья, котораго не въ силахъ была ни понять, ни преодолѣть, и невольно слѣдила за

его глазами, которые обращались къ магазину, гдѣ горѣла лампа. Въ ту минуту, какъ она поворотила туда голову, капитанъ вскочилъ со стула и заслонилъ собою дверь.

— Тамъ ничего нѣтъ, мое сокровище, сказалъ капитанъ. — Не смотрите туда!

— Отчего не смотрѣть? спросила Флоренса.

Капитанъ пробормоталъ что-то насчетъ темноты, господствовавшей въ магазинѣ, и относительно того, что передъ каминомъ очень весело. Онъ притворилъ дверь, которая до той поры была отворена совсѣмъ, и занялъ свое мѣсто. Флоренса постоянно слѣдила теперь его взоры и не спускала глазъ съ его лица.

— Такъ вотъ видите ли, въ чемъ исторія. Одинъ корабль отвалилъ недавно изъ лондонской гавани при попутномъ вѣтрѣ и чудесной погодѣ — да не робѣйте, моя радость: что́ съ вами? — Корабль отчалилъ только за-границу, и больше ничего.

Выраженіе на лицѣ Флоренсы ужасно растревожило капитана, который и безъ того былъ почти также взволнованъ, какъ она.

— Что̀жь? Разсказывать или нѣтъ?

— Да, да, сдѣлайте милость!

Капитанъ откашлянулся, вытеръ лобъ и продолжалъ съ нервическимъ раздраженіемъ:

— И вотъ этотъ несчастный корабль былъ настигнутъ черезъ нѣсколько дней такою дурною погодой, какая случается разъ только въ двадцать лѣтъ, моя радость, не болѣе. На берегу ураганы съ корнемъ вырывали лѣса, сдували цѣлые города, и были на морѣ въ тѣхъ широтахъ такіе вѣтры, что ни одинъ корабль, даже самый крѣпкій, не могъ устоять противъ нихъ. Нѣсколько сутокъ, говорили мнѣ, несчастный корабль велъ себя отлично, исполнялъ свою должность храбро, моя радость; но при одномъ ударѣ почти всѣ его болверки были сбиты, руль и мачты сорваны, лучшіе матросы выброшены черезъ бордъ, и онъ былъ оставленъ на произволъ урагана, который между тѣмъ часъ отъ часу ярился все сильнѣе и сильнѣе, вздымая волны огромными горами, вертѣвшими и разбивавшими этотъ несчастный корабль какъ хрупкую раковину. Каждое черное пятно въ этихъ водяныхъ горахъ было обломкомъ корабля или живого человѣка, и вотъ, моя радость, погибъ весь экипажъ, разбил-

ся вдребезги несчастный корабль, и никогда не покроются зеленой муравой могилы человѣковъ, перелетѣвшихъ черезъ бордъ въ пучины глубокаго моря.

— Они не всѣ погибли! вскричала Флоренса: — кто-нибудь спасся! Кто же это?

— На бордѣ этого несчастнаго корабля, продолжалъ капитанъ, вставая со стула и дѣлая рукою энергическіе жесты: — былъ одинъ юноша, прекрасный юноша — такъ мнѣ разсказывали — который въ своемъ дѣтствѣ любилъ читать и разговаривать о храбрыхъ подвигахъ во время кораблекрушеній — я слышалъ его, о! сколько разъ я его слышалъ! — И вотъ онъ припомнилъ эти подвиги въ свой роковой часъ, и въ ту пору, какъ самыя дюжія головы, самые старые и опытные моряки оробѣли, потерявъ присутствіе духа, онъ, то есть этотъ прекрасный юноша, пребылъ твердъ и веселъ. Не потому остался онъ веселымъ, что некого ему было жалѣть и любить на сухомъ пути, а потому, что ужь онъ родился на свѣтъ такимъ веселымъ. Какъ сейчасъ смотрю на его лицо, когда былъ онъ только-что ребенкомъ.... ахъ, что̀ это былъ за ребенокъ! Благослови его Богъ!

— И онъ спасся! вскричала Флоренса. — Спасся ли, — говорите, говорите!

— Этотъ храбрый парень, сказалъ капитанъ.... Да смотрите на меня прямѣе! Не заглядывайте туда....

Флоренса едва имѣла силу повторить: — отчего же?

— Оттого, что тамъ ничего нѣтъ, моя радость, сказалъ капитанъ. — Не робѣйте и держите голову противъ вѣтра, — все пойдетъ хорошо. Будьте тверды Вальтера ради, котораго мы всѣ такъ любимъ. — Долго этотъ парень работалъ изо всѣхъ силъ наравнѣ съ самыми лучшими мореходцами, и весь экипажъ слушался его какъ адмирала, потому-что онъ одинъ только не боялся ничего и не произносилъ никакихъ жалобъ; но наконецъ настало время, когда не было уже никакой работы, и вотъ они, то есть этотъ юноша прекрасный, да помощникъ капитана, да еще одинъ матросъ — они только и оставались еще въ живыхъ изъ всего экипажа — привязали себя къ корабельному обломку и понеслись по волнамъ глубокаго моря.

— Они спаслись! вскричала Флоренса.

— Дни и ночи носились они по этимъ безконечнымъ водамъ, пока наконецъ.... ахъ, да не смотрите же туда, изумрудъ мой драгоцѣнный! Тамъ рѣшительно ничего нѣтъ! — пока наконецъ не наѣхалъ на нихъ одинъ корабль и не принялъ ихъ на бордъ: двое еще дышали, а одинъ былъ мертвый.

— Который?! воскликнула Флоренса.

— Не тотъ прекрасный юноша, о комъ моя рѣчь.

— О, слава Богу! слава Богу!

— Аминь! возразилъ капитанъ. — Не робѣйте, моя радость, и держитесь крѣпче! Еще съ минуту, не больше. — На этомъ кораблѣ они совершили длинное путешествіе, чуть ли не по всему протяженію карты, и во время этого путешествія матросъ умеръ, а тотъ молодой человѣкъ остался въ-живыхъ, и....

Не зная самъ, что̀ дѣлаетъ капитанъ Куттль воткнулъ на оконечность своего крюка кусокъ булки и, приставивъ его къ огню, безпрестанно началъ оглядываться на Флоренсу съ величайшимъ волненіемъ на лицѣ. Булка горѣла вмѣсто топлива.

— Остался въ-живыхъ, и...? повторила Флоренса.

— И воротился на родину на томъ же кораблѣ и.... не робѣйте моя радость.... и вышелъ на берегъ, и въ одно утро тихонько подошелъ къ дверямъ своего дома, чтобы сдѣлать наблюденіе надъ своими друзьями, которые считали его потонувшимъ, какъ вдругъ онъ отвалилъ опять, когда неожиданно....

— Неожиданно залаяла собака? добавила Флоренса съ живостію.

— Да, проревѣлъ капитанъ. — Держись крѣпче! Смѣлѣй! Не оглядывайтесь покамѣстъ, — смотрите вотъ сюда: на стѣну!

На стѣнѣ подлѣ нея обрисовалась тѣнь человѣка. Флоренса отскочила, оглянулась и испустила пронзительный крикъ: позади нея стоялъ Вальтеръ Гэй!

Ея братъ вышелъ изъ-за могилы! ея братъ спасся отъ кораблекрушенія и явился къ ней, своей сестрѣ! Флоренса бросилась въ объятія Вальтера Гэя. Въ немъ одномъ, казалось, сосредоточились всѣ ея надежды, и онъ былъ для нея естественнымъ покровителемъ. — «Помни Вальтера, милый папа̀, я любилъ Вальтера!» — Воспоминаніе о жалобномъ умоляющемъ голоскѣ, произносившемъ эти слова, отзывалось въ ея душѣ какъ музыка среди ночной тишины. — «О, да будетъ благословенно возвращеніе твое, милый Вальтеръ, для этой пораженной гру-

ди!» Она чувствовала эти слова, хотя не могла произнести ихъ, и держала милаго брата въ своихъ чистыхъ объятіяхъ.

Капитанъ Куттль, въ припадкѣ умственнаго бреда, попробовалъ обтереть свой лобъ почернѣвшимъ кускомъ булки, все еще прицѣпленнымъ къ его крюку; но находя, что субстанція этого сорта не совсѣмъ соотвѣтствовала такой цѣли, положилъ ее въ тулью своей лощоной шляпы, которую и надѣлъ не безъ нѣкораго затрудненія на свою голову, чтобы тѣмъ удобнѣе пропѣть извѣстную балладу о похожденіяхъ любезной Пегги; но концертъ, съ первой ноты, потянулся очень дурно, и бѣдный музыкантъ удалился въ магазинъ, откуда опять воротился черезъ нѣсколько минутъ съ испачканнымъ лицомъ и совсѣмъ измятымъ воротникомъ рубашки, какъ-будто вовсе ея и не крахмалили. За тѣмъ онъ произнесъ съ нѣкоторою торжественностію слѣдующія слова:

— Любезнѣйшій Вальтеръ, здѣсь хранится собственность, которую я желалъ бы вручить вамъ обоимъ!

Капитанъ поспѣшно вынулъ свои большіе часы, чайныя ложки, сахарныя щипчики, жестяную чайницу, и схвативъ вальтерову шляпу, размѣстилъ въ ней всѣ эти статьи накопленнаго имущества; но вручая Вальтеру этотъ странный ящикъ, онъ до того переполнился сильными ощущеніями, что опрометью бросился опять въ магазинъ въ намѣреніи на этотъ разъ пробыть тамъ какъ можно долѣе.

Но Вальтеръ отыскалъ его и привелъ назадъ, и теперь вся заботливость капитана Куттля обратилась на Флоренсу, чтобы ея здоровье не потерпѣло отъ сильныхъ потрясеній. Это обстоятельство до того онъ принялъ къ сердцу, что сдѣлался совершенно благоразумнымъ и запретилъ на нѣсколько дней всякой дальнѣйшій намекъ на приключенія Вальтера. Послѣ этого капитанъ Куттль нашелъ въ себѣ довольно присутствія духа, чтобы освободить свою шляпу отъ зажаренаго хлѣба и занять свое мѣсто за чайнымъ столикомъ; но когда Вальтеръ облокотился на его плечо съ одной стороны, между тѣмъ какъ Флоренса со слезами нашептывала ему благодарныя привѣтствія съ другой, капитанъ вдругъ опять вышмыгнулъ изъ гостиной и пропадалъ больше десяти минутъ.

Но никогда во всю жизнь лицо капитана не сіяло такимъ лучезарнымъ блескомъ какъ теперь, когда онъ наконецъ съ рѣ-

шительнымъ видомъ усѣлся за столъ и началъ переводить свои глаза то съ Вальтера на Флоренсу, то съ Флоренсы на Вальтера. И этотъ эффектъ отнюдь не былъ произведенъ или увеличенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе полчаса капитанъ съ неутомимою дѣятельностію полировалъ свои щоки и глаза рукавами своего камзола: напротивъ, это было исключительно дѣйствіемъ его внутреннихъ волненій. Слава и восторгъ распространялись по всему существу капитана Куттля, и на его лицѣ была самая торжественная иллюминація.

Гордость, съ какою капитанъ смотрѣлъ на бронзовыя щоки и мужественные глаза обрѣтеннаго юноши, — съ какою видѣлъ онъ благородный пламень его юности и всѣ блистательныя качества, засіявшія еще разъ на его свѣжемъ, здоровомъ и пылкомъ лицѣ, — эта гордость, казалось, проникала живительными лучами въ его собственный организмъ. Удивленіе и симпатія, съ какими онъ поворачивалъ свои глаза на Флоренсу, которой красота, граціозность и невинность пріобрѣли въ немъ вѣрнѣйшаго и усерднѣйшаго изъ всѣхъ возможныхъ рыцарей, могли бы въ этомъ отношеніи оказать на него равносильное вліяніе; но полнота пламени, распространявшагося вокругъ него, могла только возникнуть отъ созерцанія ихъ обоихъ и отъ всѣхъ тѣхъ образовъ, которые, происходя отъ этой совокупности, лучезарились на его головѣ.

Какъ они разговаривали о старикѣ Соломонѣ и припоминали обстоятельства, относившіяся къ его исчезновенію, какъ ихъ радость умѣрялась отсутствіемъ старика и несчастіями Флоренсы, какъ они освободили Діогена, котораго капитанъ незадолго передъ этимъ заманилъ наверхъ, чтобъ онъ не залаялъ, — всѣ эти и другія болѣе или менѣе важныя матеріи капитанъ Куттль понималъ въ совершенствѣ, несмотря на свою безмѣрную суетливость, заставлявшую его поминутно выпрыгивать изъ магазина. Но онъ не догадывался и не могъ бы догадаться въ тысячу лѣтъ, что Вальтеръ смотритъ на Флоренсу какъ-будто издалека и съ какого-то новаго мѣста, и что его глаза, постоянно обращенные на ея лицо, не смѣли однакожь встрѣтиться съ ея открытымъ взоромъ сестринской любви. Все это превышало понятія капитана Куттля. Онъ видѣлъ только, что они молоды и прекрасны, онъ зналъ исторію ихъ прежнихъ дней, и не было въ его сердцѣ ни малѣйшаго мѣста для другихъ чувствованій,

кромѣ безпредѣльнаго удивленія и умилительной благодарности, что вотъ наконецъ Господь Богъ соединилъ опять прекрасную чету.

Такъ сидѣли они вмѣстѣ до глубокой ночи. Капитанъ не отказался бы просидѣть такимъ образомъ цѣлую недѣлю. Но Вальтеръ всталъ и началъ прощаться.

— Ты идешь, Вальтеръ, сказала Флоренса: — куда же?

— Онъ вѣшаетъ теперь свою койку у Брогли, высоко-рожденная барышня-дѣвица, сказалъ капитанъ Куттль: — недалеко отсюда: стоитъ только свиснуть, моя радость!

— Неужели я причиной твоего ухода, милый Вальтеръ? Бездомная сестра остается на твоемъ мѣстѣ.

— Милая миссъ Домби, сказалъ Вальтеръ запинаясь: — если не слишкомъ дерзко называть васъ этимъ....

— Вальтеръ!! воскликнула она съ необыкновеннымъ изумленіемъ.

— Я видѣлъ васъ, я имѣлъ наслажденіе говорить съ вами: что̀ теперь можетъ меня болѣе осчастливить, какъ не мысль о возможности оказать вамъ какую-нибудь услугу? О, куда я не пойду, чего я не готовъ сдѣлать ради васъ, милая миссъ Домби!

Она улыбнулась и назвала его братомъ.

— Вы такъ перемѣнились! сказалъ Вальтеръ.

— Я перемѣнилась!

— Для меня.... сказалъ Вальтеръ тихимъ голосомъ, какъ-будто размышляя съ собою вслухъ: — перемѣнились для меня. Я оставилъ васъ ребенкомъ, а теперь.... о! теперь вы....

— Теперь какъ и тогда я твоя сестра, любезный Вальтеръ. Развѣ ты забылъ, какія обѣщанія другъ другу мы дѣлали передъ прощаньемъ?

— Забылъ?!

Больше онъ ничего не могъ проговорить.

— И если бы точно ты забылъ, милый Вальтеръ, если бы несчастья и опасности удалили ихъ изъ твоихъ мыслей, ты бы долженъ былъ вспомнить ихъ теперь, когда находишь меня бѣдною, отверженною, безпріютною, неимѣющею на свѣтѣ друзей кромѣ тѣхъ, съ которыми говорю!

— О, я помню, Богъ видитъ, какъ я помню каждое ваше слово!

— Вальтеръ! воскликнула Флоренса сквозь слезы и рыданія: — милый братецъ! отыщи для меня на этомъ свѣтѣ какую-нибудь тропинку, по которой я могла бы итти одна, и работать, и трудиться, и думать иногда о тебѣ, какъ о единственномъ человѣкѣ, который меня покровительствуетъ и защищаетъ какъ сестру! О, помоги мнѣ, милый Вальтеръ: мнѣ такъ нужна твоя помощь!

— Миссъ Домби! Флоренса! Я готовъ умереть, чтобы оказать вамъ всякую помощь. Но родственники ваши горды и богаты. Вашъ отецъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, Вальтеръ! Не произносите этого слова.... никогда, — никогда!

И говоря это, она обхватила руками свою голову съ такимъ отчаяннымъ выраженіемъ ужаса, который оцѣпенилъ на мѣстѣ молодого человѣка. Съ этого часу никогда не забывалъ онъ голоса и взора, какими былъ онъ остановленъ при имени ея отца. Онъ почувствовалъ, что не забылъ бы этого во сто лѣтъ своей жизни.

Куда-нибудь и какъ-нибудь, только не домой! Все прошло, все кончено, все потеряно, разорвано, прекращено! Вся исторія ея страданія заключилась въ этомъ взорѣ и крикѣ, и онъ почувствовалъ, что не въ состояніи забыть ихъ цѣлую вѣчность!

Положивъ свое нѣжное лицо на плечо капитана Куттля, Флоренса разсказала, какъ и почему бѣжала она изъ родительскаго дома. «Если бы каждая горькая слеза, пролитая при этомъ разсказѣ, падала на того, кого она не называла, это было бы лучше для него», думалъ Вальтеръ, пораженный паническимъ страхомъ, «нежели потеря такой сильной, могущественной любви». Капитанъ между тѣмъ, ошеломленный до послѣдней степени, выразилъ свое изумленіе тѣмъ, что розинулъ ротъ и скривилъ, безъ всякой деликатности, свою лощоную шляпу.

— Налѣво кругомъ, ребята! сказалъ онъ наконецъ, сдѣлавъ крюкомъ энергическій жестъ: — баста! Отваливай, Вальтеръ, въ свою каюту и оставь красавицу на мои руки!

Вальтеръ взялъ въ обѣ руки ея маленькую ручку, поднесъ къ своимъ губамъ и поцаловалъ. Теперь онъ зналъ, что она дѣйствительно была безпріютной, скитающейся сиротой; но никакіе милліоны не сдѣлали бы ее достойнѣе въ его глазахъ.

При всемъ томъ, миссъ Флоренса Домби, на высотѣ своего прежняго величія казалась ему болѣе доступною, чѣмъ теперь, въ своемъ настоящемъ положеніи.

Капитанъ Куттль, несмущаемый такими помышленіями, проводилъ Флоренсу въ ея комнату и расположился стоять за дверьми на часахъ, до тѣхъ поръ, пока его радость не устроитъ приличнымъ образомъ всего необходимаго для грядущаго сна. Оставляя наконецъ свой сторожевой постъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи приставить глаза къ замочной щели и проговорить: — утонулъ онъ, не правда ли? — За тѣмъ, спускаясь съ лѣстницы, онъ попытался пропѣть куплетецъ изъ любезной Пегги, но весьма и весьма неудачно, какъ-будто въ его горлѣ захрясла корка поджареннаго хлѣба. Несмотря на такую неудачу, онъ благополучно добрался до маленькой гостиной и, опочивъ на своемъ ложѣ, видѣлъ во снѣ, что будто старикъ Гильсъ женился на мистриссъ Макъ Стингеръ, и что будто эта леди держитъ его въ секретной комнатѣ подъ замкомъ, на хлѣбѣ и водѣ.

ГЛАВА L.

ЖАЛОБА МИСТЕРА ТУТСА.

Была вверху у деревяннаго мичмана порожняя комната, прежняя спальня Вальтера Гэя. Вставши рано поутру, молодой человѣкъ предложилъ капитану Куттлю, что не мѣшало бы перенести туда лучшую мебель изъ маленькой гостиной, на тотъ конецъ, чтобы Флоренса могла распорядиться этой комнатой немедленно послѣ своего пробужденія. Капитанъ Куттль, само собою разумѣется, тотчасъ же принялся за дѣло, съ ревностью и усердіемъ испытаннаго морехода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ чердачекъ часа въ два превратился въ сухопутную каюту, украшенную превосходнѣйшими движимостями изъ гостиной со включеніемъ даже фрегата «Тартаръ», повѣшеннаго надъ каминомъ къ невыразимому наслажденію капитана, который минутъ тридцать сряду только и дѣлалъ, что оглядывался назадъ и любовался этимъ изящнѣйшимъ произведеніемъ творческой фантазіи художника морскихъ произведеній.

Напрасно молодой человѣкъ, вооруженный всѣми запасами краснорѣчія, убѣждалъ капитана завести свои большіе часы, взять назадъ жестяную чайницу или прикоснуться къ сахарнымъ щипчикамъ и чайнымъ ложечкамъ. Единственный, неизмѣнный отвѣтъ капитана Куттля былъ такого рода:

— Нѣтъ, дружище, нѣтъ: это имущество передано вамъ обоимъ, *вкупѣ*. Баста!

Эти слова онъ повторялъ съ энергической разстановкой, очевидно полагая, что въ нихъ заключалась сила парламентскаго акта, и никакой судейскій крючокъ не отыскалъ бы ошибки въ такой юридической передачѣ, совершонной по всѣмъ формуламъ закона.

Очевидная выгода новаго распоряженія заключалась въ томъ во-первыхъ, что Флоренса могла наслаждаться большимъ комфортомъ въ этомъ уединенномъ пріютѣ, а потомъ — и это пунктъ очень важный — мичманъ получалъ возможность занять свой обыкновенный наблюдательный постъ, и наконецъ — предстояла при этомъ настоятельная нужда отодвинуть ставни отъ дверей и отъ оконъ. Послѣдняя церемонія была далеко не такъ излишня, какъ разсуждалъ добрый капитанъ Куттль: задвинутые въ магазинѣ ставни уже произвели наканунѣ этого дня значительное волненіе въ сосѣднихъ жителяхъ, и обитель инструментальнаго мастера удостоилась въ нѣкоторомъ родѣ публичной наблюдательности, представителями которой были цѣлыя толпы голодныхъ зѣвакъ, неутомимо глазѣвшихъ съ противоположной стороны отъ восхода солнечнаго до заката. Праздношатающіеся бродяги особенно интересовались судьбою самого капитана, и нѣкоторые изъ нихъ ежеминутно барахтались въ пыли подъ окнами магазина, выпяливая глаза на погребную рѣшотку и услаждая свое воображеніе фантастической перспективой увидѣть въ темномъ углу капитанскія ноги, болтающіяся на воздухѣ, между тѣмъ какъ другая шайка этихъ рыцарей настоятельно утверждала, что капитанъ задалъ себѣ карачунъ кистенемъ по виску и лежалъ ничкомъ на лѣстничныхъ ступеняхъ. При такой настроенности всѣ эти господа были очень непріятно изумлены, когда предметъ ихъ проницательныхъ догадокъ и соображеній явился на другой день при дверяхъ магазина здравымъ и невредимымъ, какъ-будто ничего особеннаго не случи-

лось. Квартальный этой части, человѣкъ вообще весьма амбиціонный, уже горѣвшій усердіемъ разломать двери и донести обо всемъ подробно высшему начальству, говорилъ теперь съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, что ужь этой лощоной шляпѣ не усидѣть на башкѣ, что ужь онъ знаетъ впередъ, какъ за это дѣло взяться, — но за какое дѣло, квартальный надзиратель не объяснялъ, и его тайна долженствовала до времени храниться во мракѣ неизвѣстности.

Окончивъ хлопотливую работу этого утра, капитанъ Куттль и Вальтеръ Гэй безмолвно стояли у дверей магазина. Молодой человѣкъ поводилъ глазами вдоль улицы на знакомые предметы, и на лицѣ его рисовалась глубокая дума.

— И во все это время, капитанъ, рѣшительно ничего о дядѣ Солѣ! началъ Вальтеръ.

— Рѣшительно ничего, мой другъ, отвѣчалъ капитанъ, покачавъ головой.

— Отправился искать меня, почтенный, добрый старичокъ, и какъ въ воду канулъ!.... Да какъ же это? Въ пакетѣ, который теперь въ моихъ рукахъ, онъ въ самомъ дѣлѣ говоритъ, что ежели вы не услышите о немъ прежде вскрытія этой бумаги, то можете считать его умершимъ.

Говоря это, молодой человѣкъ энергически сжималъ пакетъ, распечатанный въ присутствіи высоко-умнаго Бенсби.

— Господи помилуй! продолжалъ онъ съ одушевленіемъ. — Да вы все равно услыхали бы о немъ, если бы даже онъ умеръ! Кто-нибудь, по его желанію, непремѣнно бы написалъ къ вамъ, что вотъ въ такой-то день и въ такой-то часъ скончался въ моемъ домѣ подъ моимъ надзоромъ нѣкто Соломонъ Гильсъ изъ Лондона, оставившій сіе послѣднее воспоминаніе, или сію послѣднюю просьбу, или — что-нибудь въ этомъ родѣ.

Никогда до этой минуты капитанъ Куттль не взбирался на такую высоту вѣроятныхъ расчетовъ, и теперь онъ глубоко пораженъ былъ перспективой блистательной догадки молодого друга. Онъ глубокомысленно покачалъ головой и отвѣчалъ такимъ образомъ:

— Хорошо сказано, мой другъ, очень, оччень хорршо сказано!

— Я думалъ и передумывалъ объ этомъ во всю безсонную ночь, продолжалъ Вальтеръ съ большимъ одушевленіемъ: — и

признаюсь, теперь я почти совершенно убѣжденъ,что дядя Соль — благослови его Богъ — еще живъ и воротится домой. Сказать правду, меня отнюдь не изумляетъ его внезапный отъѣздъ, когда съ одной стороны принимаю въ расчетъ страсть къ чудесному какъ основную, преобладающую черту въ его характерѣ, а съ другой — его необыкновенную привязанность ко мнѣ, передъ которой уничтожались всѣ другія отношенія его жизни — кому знать объ этомъ лучше, какъ не мнѣ, который видѣлъ въ немъ нѣжнѣйшаго изъ отцовъ!...

Здѣсь голосъ Вальтера, чистый и громкій, понизился на цѣлую октаву, и глаза его безсознательно обратились на ближайшіе предметы.

— Къ тому же, продолжалъ Вальтеръ: — не разъ я слышалъ и читалъ, какъ нѣкоторыя особы, простившись съ родственниками или милыми сердцу, которымъ грозило вѣроятное кораблекрушеніе на морѣ, отправлялись кочевать на ту часть морского берега, гдѣ расчитывали скорѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ получить какія-нибудь вѣсти о пропавшемъ кораблѣ, или даже рѣшались иногда плыть вслѣдъ за кораблемъ къ той гавани, гдѣ ему назначено пристать. Мнѣ кажется, я и самъ поступилъ бы точно такъ же въ подобномъ случаѣ, и можетъ быть скорѣе, чѣмъ другой кто на моемъ мѣстѣ. Но отчего дядя Соль не писалъ къ вамъ, когда намѣренія его на этотъ счетъ были такъ ясны, или какимъ образомъ онъ умеръ въ чужихъ краяхъ, и вы объ этомъ не узнали черезъ его повѣреннаго, — вотъ этого я никакъ не возьму въ толкъ.

Капитанъ Куттль, качая головой, основательно замѣтилъ, что этого не взялъ бы въ толкъ и самъ Ванька Бенсби, всевѣдущій командиръ Осторожной Клары.

— Если бы дядя Соль былъ легкомысленный и вѣтреный молодой человѣкъ, способный попасть на удочку веселой компаніи, которая затащила его куда-нибудь въ питейный домъ съ тѣмъ, чтобы ободрать какъ липку и бросить середи дороги; или, если бы онъ былъ безпечный матросъ, высадившійся на берегъ съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ, — ну, тогда другое дѣло, я понималъ бы, какъ онъ могъ исчезнуть и не оставить по себѣ никакихъ слѣдовъ. Но какъ всѣ эти предположенія отнюдь не идутъ къ степенному старичку, признаюсь, у ме-

ня вовсе нѣтъ охоты вѣрить этому безслѣдному исчезновенію. Пропалъ безъ вѣсти, да и только : легко сказать!

— Чтò же, любезный другъ : какъ ты объ этомъ думаешь? спросилъ капитанъ, пристально озирая молодого человѣка, который между тѣмъ казался погруженнымъ въ глубокое раздумье.

— Я не знаю, чтò объ этомъ думать, капитанъ Куттль. Увѣрены ли вы, что Соломонъ Гильсъ дѣйствительно никогда не писалъ? Точно ли нѣтъ въ этомъ никакого сомнѣнія?

— Если бы, любезный другъ, случилось напримѣръ такъ, что Соломонъ Гильсъ написалъ, возразилъ капитанъ тономъ судейской аргументаціи : — то гдѣ же бы его депеша?

— Онъ могъ отдать письмо постороннему лицу, которое его забыло, спрятало, бросило или потеряло. Это предположеніе въ моихъ глазахъ вѣроятнѣе всякаго другого. Словомъ, капитанъ Куттль, я не могу и не хочу допустить мысли, чтобы дядя Соль дѣйствительно и навсегда пропалъ безъ вѣсти.

— Это, мой другъ, видишь ли ты, называется надеждой, сказалъ капитанъ, назидательнымъ и вмѣстѣ ученымъ тономъ: — надежда, любезный, великое дѣло, и она-то одушевляетъ теперь твое сердце. Надежда, то есть я хочу сказать, великая надежда была, есть и будетъ нечто другое прочее, какъ поплавокъ — справиться объ этомъ въ маленькомъ пѣсенникѣ, сантиментальный отдѣлъ, страница, — но ты найдешь безъ труда и положишь закладку. Только поплавокъ этотъ, любезный другъ, колышится себѣ поверхъ волны и нигдѣ не можетъ остановиться. При надеждѣ, какъ ты знаешь, всегда бываетъ якорь, но чтò теперь въ немъ толку, когда не сыщешь дна, куда бы его запустить?

Все это говорилъ капитанъ Куттль не то чтобы отъ своего собственнаго лица, а скорѣе отъ имени гражданина и домовладѣльца, въ качествѣ котораго онъ считалъ своей обязанностью удѣлить частичку мудрости для неопытнаго юноши. Но въ самомъ дѣлѣ его лицо уже пылало благотворнымъ свѣтомъ надежды, заимствованнымъ отъ Вальтера, и онъ въ заключеніе назидательной рѣчи ударилъ своего пріятеля по спинѣ и воскликнулъ съ энтузіазмомъ :

— Ура, дружище! Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ!

Вальтеръ съ веселой улыбкой поспѣшилъ возвратить привѣтствіе и сказалъ:

— Еще одно слово объ этомъ предметѣ, капитанъ Куттль. Дядѣ Солю, я полагаю, нельзя было отослать письма обыкновеннымъ путемъ, на пакетботѣ напримѣръ, или на кораблѣ....

— Конечно, мой милый, конечно, сказалъ капитанъ ободрительнымъ тономъ.

— И я полагаю еще, что вы какъ-нибудь проглазѣли это письмо, капитанъ Куттль.

— Господи помилуй! воскликнулъ капитанъ, обративъ на молодого друга глаза съ выраженіемъ упрека, близкаго къ строгому выговору. — Развѣ я не ожидалъ и не искалъ извѣстій объ этомъ ученомъ мужѣ, старикѣ Соломонѣ, твоемъ дядѣ, денно и нощно съ той поры, какъ потерялъ его! Развѣ сердце мое переставало когда-нибудь биться о немъ и о тебѣ, любезный пріятель! Дома и внѣ дома, во снѣ и на яву, развѣ я не стоялъ неизмѣнно на своемъ постѣ съ этимъ молодымъ мичманомъ, представителемъ и хранителемъ ввѣренныхъ моему надзору всѣхъ морскихъ инструментовъ! Господи владыко!

— Успокойтесь, капитанъ Куттль, возразилъ Вальтеръ, взявъ его руку: — я знаю, какъ много глубокой истины и чистосердечія во всемъ, что̀ вы чувствуете и говорите. Я никогда въ васъ не сомнѣвался точно также какъ вы теперь не сомнѣваетесь, что моя нога стоитъ при дверяхъ моего родного пріюта, и что я имѣю счастье держать эту минуту вѣрнѣйшую руку въ мірѣ. Такъ ли, капитанъ Куттль?

— Такъ, мой милый, такъ, отвѣчалъ капитанъ съ просіявающимъ лицомъ.

— Теперь конецъ моимъ догадкамъ, сказалъ молодой человѣкъ, съ жаромъ пожимая неуклюжую руку капитана, который въ свою очередь дѣлалъ тоже съ рукою Вальтера. — Мнѣ остается прибавить, что я ни за что̀ въ свѣтѣ не прикоснусь къ имуществу моего дяди, капитанъ Куттль. Все, что̀ онъ оставилъ здѣсь, останется подъ надзоромъ и подъ опекой вѣрнѣйшаго управителя и наилучшаго изъ людей, — и если имя его не Куттль, то нѣтъ у него никакого имени! — Теперь, дорогой мой другъ, пару словъ насчетъ миссъ Домби.

Обращеніе молодого человѣка мгновенно измѣнилось, когда онъ дошелъ до этихъ двухъ словъ, произнесенныхъ уже далеко

не съ той одушевленной искренностію, какая сопровождала его предшествовавшій разговоръ.

— Прежде чѣмъ миссъ Домби остановила меня, когда я заговорилъ вчера вечеромъ объ ея отцѣ, — вы помните, какъ она остановила?

Капитанъ Куттль очень помнилъ.

— Такъ прежде этого я думалъ, намъ предстояла трудная обязанность вступить въ сношенія съ ея родственниками и содѣйствовать къ ея благополучному возвращенію домой.

У капитана едва достало духу проговорить: — «Баста!» или «Держись крѣпче», или чтó-то въ этомъ родѣ, приспособленное къ важности случая. Во всѣхъ чертахъ его лица отразилось самое болѣзненное отчаяніе.

— Но эта статья кончена, продолжалъ Вальтеръ. — Я не думаю больше объ этомъ. Скорѣе соглашусь я опять носиться по бурному океану на корабельномъ обломкѣ и утонуть въ пучинѣ морской, чѣмъ позволить себѣ мысль о возвращеніи миссъ Домби къ ея родственникамъ.

— Ура, любезный другъ! заревѣлъ капитанъ, доведенный до изступленнаго восторга. — Урра! урра! уррра!

— И неужели ей, продолжалъ Вальтеръ: — молодой, прекрасной дѣвушкѣ, такъ нѣжно воспитанной и рожденной для такой завидной доли, суждено вступить въ мучительную борьбу съ этимъ безжалостнымъ свѣтомъ! Ужасно, ужасно! Но мы видѣли пропасть, отдѣлившую ее отъ прошедшей жизни, хотя еще и не знаемъ, какъ она глубока. Возвращеніе назадъ невозможно.

Капитанъ Куттль, не совсѣмъ понимая дѣло, одобрилъ мысль молодого пріятеля и замѣтилъ ободрительнымъ тономъ, что вѣтеръ дуетъ попутный.

— Ей конечно нельзя здѣсь оставаться одной, съ безпокойствомъ продолжалъ Вальтеръ: — какъ вы объ этомъ думаете, капитанъ Куттль?

— Я держусь того мнѣнія, отвѣчалъ капитанъ послѣ нѣкоторыхъ проницательныхъ соображеній: — что ей нехорошо оставаться здѣсь одной. Поэтому ужь ты, любезный, перемѣстись сюда, чтобы вамъ обоимъ было....

— Какъ это можно, добрѣйшій капитанъ Куттль! возразилъ Вальтеръ. — Миссъ Домби въ невинной простотѣ своего сердца

считаетъ меня своимъ братомъ; но могу ли я по совѣсти позволить съ нею братскую фамильярность? Было бы низко съ моей стороны забыть настоящія отношенія между мною и миссъ Домби.

— Это что-то мудрено, мой другъ, бормоталъ озадаченный капитанъ: — я собственно тѣхъ мыслей, что не одни братья позволяютъ себѣ короткое и, такъ сказать, дружеское обращеніе съ молодыми дѣвушками.

— Ахъ! неужели вы хотите, чтобы я навсегда потерялъ уваженіе прекрасной несравненной дѣвушки, воспользовавшись ея безпріютнымъ положеніемъ для того, чтобы отважиться на дерзость сдѣлаться ея любовникомъ! Какъ? Да вы первый изъ всѣхъ людей въ мірѣ должны бы всѣми силами противиться нелѣпой, безразсудной и низкой мысли!

— Вальтеръ, сказалъ капитанъ, очевидно приведенный въ отчаяніе: — ты, мнѣ кажется, забываешь, любезный, книгу, которую всѣмъ благочестивымъ людямъ надлежитъ помнить отъ доски до доски. Тамъ сказано въ одномъ мѣстѣ: буде нѣтъ причинъ или препятствій къ соединенію молодыхъ особъ въ одну душу и тѣло въ домѣ рабства (*) — слѣдуетъ пріискать этотъ текстъ и положить закладку — то я объявляю, что и хлопотать не о чемъ. Конецъ концовъ: нельзя ли тебѣ перемѣнить титулъ братца на что-нибудь другое?

Вальтеръ съ живостію сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Валли, милый другъ, бормоталъ капитанъ едва слышнымъ голосомъ: — ты запуталъ меня и забросалъ такъ, что я право совсѣмъ потерялъ голову. Только что́ касается до высокорожденной барышни-дѣвицы, уваженіе къ ней и почтеніе въ моемъ артикулѣ на первомъ планѣ, и слѣдовательно я соглашаюсь съ тобой во всѣхъ пунктахъ, будучи увѣренъ, что ты дѣйствуешь по правиламъ. — А все-таки, мой другъ, неужели нѣтъ другихъ титуловъ, кромѣ брата! заключилъ капитанъ, задумываясь надъ развалинами своего воздушнаго за̀мка, опрокинутаго неумолимыми предположеніями молодого человѣка.

— Теперь вотъ въ чемъ дѣло, капитанъ Куттль, началъ Вальтеръ, стараясь настроить разговоръ на веселый ладъ, что-

---

(*) Капитанъ переврâлъ немилосердно. Фраза — *holy bands of matrimony* (священныя узы брака) превратилась у него *in the house of bondage*, въ домъ рабства. *Примѣчаніе переводчика.*

бы разогнать тоску своего друга: — намъ, думаю я, нужно озаботиться насчетъ пріисканія миссъ Домби приличной собесѣдницы во время пребыванія ея у насъ. О ея родственницахъ нечего и думать: дѣло ясное, миссъ Домби знаетъ, что всѣ онѣ подчинены ея отцу. Куда дѣвалась Сусанна?

— Молодая женщина то есть? подхватилъ капитанъ. — Полагать надо, ее выслали изъ дому противъ воли и желанія высоко-рожденной барышни дѣвицы. Я уже было намекалъ насчетъ ея, но получилъ въ отвѣтъ, что молодая женщина уже давно выбыла изъ дому. Миссъ Домби о ней высокаго мнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Вальтеръ: — вы спросите миссъ Домби, куда она ушла, и мы постараемся ее отыскать. Солнце уже высоко, и миссъ Домби скоро встанетъ. Вы ея лучшій другъ. Ступайте къ ней наверхъ, а я буду хлопотать здѣсь внизу.

Ошеломленный капитанъ вздохнулъ изъ глубины души и поспѣшилъ выполнить приказаніе молодого друга. Флоренса была въ восторгѣ отъ своей новой комнаты, нетерпѣливо желала видѣть Вальтера и съ радостію представляла перспективу отыскать свою старую пріятельницу Сусанну Нипперъ. Но Флоренса знала лишь то, что она уѣхала въ Эссексъ, но куда именно, могъ сказать только одинъ мистеръ Тутсъ.

Съ этимъ извѣстіемъ задумчивый капитанъ возвратился къ Вальтеру и далъ ему уразумѣть, что мистеръ Тутсъ есть нечто иное какъ молодой джентльменъ, его искренній другъ и пріятель, притомъ очень богатый молодой джентльменъ, безнадежно обожавшій миссъ Домби. Далѣе разсказалъ капитанъ, какъ онъ сначала познакомился съ мистеромъ Тутсомъ, печальнымъ вѣстникомъ мнимой погибели Вальтера, и какимъ образомъ заключенъ былъ между ними торжественный договоръ, которымъ обязывался мистеръ Тутсъ никогда ни слова не говоритъ о предметѣ своей любви.

Спросили Флоренсу, можетъ ли она положиться на мистера Тутса, и когда Флоренса отвѣтила съ улыбкой: — о, да, отъ всего моего сердца, — пріятели стали хлопотать, какъ бы отыскать мѣсто жительства мистера Тутса. Флоренса не знала, а капитанъ забылъ. Впрочемъ бѣды нѣтъ, думалъ капитанъ, мистеръ Тутсъ скоро придетъ и безъ зову. Едва только была выс-

казана эта догадка, какъ мистеръ Тутсъ дѣйствительно явился собственной особой.

— Капитанъ Гильсъ, сказалъ мистеръ Тутсъ, безъ церемоніи вламываясь въ гостиную: — я пришелъ доложить, что мозгъ у меня горитъ, горитъ, горитъ и.... то есть, просто я съ ума схожу.

Мистеръ Тутсъ выпалилъ этими словами какъ изъ мортиры, и только тутъ замѣтилъ, что капитанъ былъ не одинъ.

— Извините меня, сэръ, сказалъ мистеръ Тутсъ, ударяя себя по лбу: — но вы ужь изволили слышать, что подъ черепомъ у меня пожаръ, а въ такомъ состояніи, вы понимаете, учтивость все равно, что къ стѣнѣ горохъ. Капитанъ Гильсъ, мнѣ нужно говорить съ вами наединѣ.

— Не зачѣмъ, пріятель, возразилъ капитанъ, взявши его за руку. — Мы только-что сами собирались васъ отыскивать.

— О, не шутите такъ жестоко, возопилъ Тутсъ: — на что̀, скажите на-милость, вамъ пригоденъ такой, съ позволенія сказать, преестественный скотъ, какъ я? Вы видите, я не брился, мое платье не вычищено, волосы всклокочены. Если бы Лапчатый Гусь задумалъ чистить мои сапоги, я бы его за ноги да объ уголъ. Вотъ что́!

Наружность мистера Тутса, бурная и дикая, вполнѣ оправдывала эти неистовыя обнаруженія взволнованной души.

— Видите ли, пріятель, сказалъ капитанъ: — этотъ молодой человѣкъ — Вальтеръ Гэй, племянникъ старика Соломона, тотъ самый, котораго мы считали погибшимъ.

Мистеръ Тутсъ отнялъ руку отъ своего лба и страшно вытаращилъ глаза.

— Боже милосердый! воскликнулъ мистеръ Тутсъ. — Какое чрезвычайное столкновеніе напастей въ одинъ и тотъ же день! Какъ ваше здоровье, милостивый государь? я.... я.... то есть, понимаете, я боюсь, не слишкомъ ли вымочились вы. Капитанъ Гильсъ, два, три словца наединѣ.

Онъ взялъ его за воротникъ и, выходя изъ гостиной, шепталъ:

— Неуж-то, капитанъ Гильсъ, молодой человѣкъ тотъ самый, о которомъ, помните, вы говорили, что онъ и миссъ Домби сотворены другъ для друга?

— Да, любезный, я былъ тогда при такихъ мысляхъ, отвѣчалъ неумолимый капитанъ.

— А теперь! воскликнулъ мистеръ Тутсъ, поднося опять руку къ своему челу. — Теперь! этого еще недоставало, — ненавистный соперникъ!... А впрочемъ за что же мнѣ его ненавидѣть, прибавилъ мистеръ Тутсъ послѣ минутнаго размышленія: — вѣдь если подумать хорошенько, онъ ни въ чемъ не провинился. Да, рѣшительно ни въ чемъ. Вотъ теперь-то, капитанъ Гильсъ, мнѣ слѣдуетъ доказать, что привязанность моя къ миссъ Домби была истинно безкорыстна!

Съ этими словами мистеръ Тутсъ юркнулъ въ гостиную и схватилъ Вальтера за руку.

— Какъ ваше здоровье, милостивый государь? Надѣюсь, вы не простудились. Мнѣ.... мнѣ.... да что тутъ толковать? мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Желаю вамъ какъ можно чаще возвращаться съ того свѣта. Честное и благородное слово, милостивый государь, я чрезвычайно радъ васъ видѣть, заключилъ Тутсъ, пристально озирая Вальтера съ головы до ногъ.

— Благодарю васъ отъ всего сердца, сказалъ Вальтеръ. — Я не могъ желать болѣе искренняго и радушнаго привѣтствія.

— Будто бы? вотъ какъ! сказалъ мистеръ Тутсъ, продолжая держать его руку. — Это очень любезно съ вашей стороны. Покорно васъ благодарю. Премного вамъ обязанъ. Какъ ваше здоровье? Надѣюсь, вы разстались дружелюбно со всѣми, кто остался на.... то есть я разумѣю собственно то мѣсто, откуда вы воротились, вы понимаете.

Вальтеръ поблагодарилъ опять.

— Капитанъ Гильсъ, продолжалъ мистеръ Тутсъ: — я бы желалъ не выступать изъ границы приличій; но я надѣюсь, вы позволите мнѣ намекнуть на извѣстное обстоятельство....

— Говорите, любезнѣйшій другъ, все, что вертится у васъ на языкѣ, смѣло и свободно.

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ Гильсъ, и вы, лейтенантъ Вальтеровъ, — знаете ли вы, что страшныя происшествія случились въ домѣ мистера Домби? Миссъ Домби оставила своего отца, который, по моему мнѣнію, продолжалъ мистеръ Тутсъ съ величайшимъ одушевленіемъ: — есть самый жестокосердый

человѣкъ. Нигдѣ не могли отыскать миссъ Домби, и никто не знаетъ, куда она ушла.

— Могу ли я спросить, какъ вы объ этомъ узнали? сказалъ Вальтеръ.

— Лейтенантъ Вальтеровъ, сказалъ мистеръ Тутсъ, который дошелъ до этого названія по логическому процессу мысли, свойственному только одному ему. Онъ вѣроятно перемѣшалъ христіанское имя съ ремесломъ моряка и предположилъ родственную связь между Вальтеромъ и капитаномъ, которая, по его понятіямъ, необходимо должна была распространяться и на ихъ титулы. — Лейтенантъ Вальтеровъ, я могу безъ всякихъ отговорокъ дать вамъ прямой и рѣшительный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что имѣя особыя причины интересоваться всѣмъ, чтó имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ судьбѣ миссъ Домби.... то есть, вы не подумайте, лейтенантъ Вальтеровъ, чтобы я имѣлъ въ виду какіе-нибудь своекорыстные расчеты — совсѣмъ нѣтъ! я очень хорошо знаю, что мнѣ давно бы слѣдовало сломить шею, такъ-какъ видите, лейтенантъ Вальтеровъ, плакать обо мнѣ никто не станетъ.... Ну вотъ, говорю я, интересуясь судьбою миссъ Домби, я получилъ съ нѣкотораго времени привычку дѣлать кой-какіе подарки — ничтожные разумѣется — камердинеру мистера Домби. Таулисонъ — его имя, препочтенный молодой человѣкъ, который ужь давно состоитъ въ услуженіи у этой фамиліи. Онъ вчера вечеромъ и увѣдомилъ меня, что вотъ, дескать, въ такомъ-то положеніи у насъ дѣла. Съ этого времени, капитанъ Гильсъ и лейтенантъ Вальтеровъ, я, съ вашего позволенія, просто сошелъ съ ума и всю ночь пролежалъ ничкомъ на софѣ, чортъ бы васъ побралъ.

— Мистеръ Тутсъ, сказалъ Вальтеръ: — мнѣ очень пріятно сообщить вамъ радостную вѣсть. Успокойтесь. Миссъ Домби жива и здорова.

— Милостивый государь! воскликнулъ мистеръ Тутсъ, вскакивая со стула и схватывая вальтерову руку: — вѣсть эта такъ необычайна, такъ неописанно пріятна, что если бы въ эту минуту сказали мнѣ, что миссъ Домби вышла за-мужъ, я бы, съ вашего позволенія, сталъ улыбаться, и даже хохотать, увѣряю васъ. Да, капитанъ Гильсъ, продолжалъ Тутсъ, обращаясь къ этому собесѣднику: — я, клянусь честью, сталъ бы хохотать, хотя бы черезъ минуту бросили меня въ омутъ съ пудовымъ

камнемъ на шеѣ. Покорно васъ благодарю, господа. Утѣшили, ей Богу, утѣшили!

— Такой благородной душѣ, какъ ваша, сказалъ Вальтеръ: — я могу конечно доставить еще бо́льшее утѣшеніе, если скажу, что вы можете оказать нѣкоторыя услуги миссъ Домби. Капитанъ Куттль, будьте такъ добры, проводите мистера Тутса наверхъ.

Капитанъ сдѣлалъ знакъ мистеру Тутсу, и они скорыми шагами пошли наверхъ. Черезъ минуту мистеръ Тутсъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, былъ введенъ въ новое убѣжище Флоренсы Домби.

Изумленіе и радость бѣднаго Тутса, при взглядѣ на владычицу своего сердца, были такого рода, что обнаруженіе ихъ необходимо должно было сопровождаться нѣкоторыми экстренностями. Онъ подбѣжалъ къ ней стремглавъ, схватилъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ, опустилъ внизъ, схватилъ опять, сталъ на колѣно, заплакалъ, захохоталъ и вовсе не обращалъ вниманія на опасность со стороны Діогена, который, подозрѣвая злодѣйскій умыселъ въ этихъ обнаруженіяхъ бурнаго чувства, забѣгалъ взадъ, впередъ и по бокамъ мистера Тутса, еще какъ-будто не зная навѣрнякъ, на какой пунктъ сдѣлать нападеніе, но твердо рѣшившись нанести отчаянное пораженіе страшному непріятелю своей госпожи.

— О, Діогенъ, неблагодарный, злой Діогенъ! Какъ я рада васъ видѣть, добрый, любезный мистеръ Тутсъ!

— Покорно благодарю, сказалъ Тутсъ. — Я совершенно здоровъ и премного вамъ обязанъ, миссъ Домби. Надѣюсь, и ваши всѣ здоровы, то есть я хочу сказать, вся ваша фамилія здравствуетъ.

Все это произнесъ добрый Тутсъ безъ малѣйшаго сознанія о то́мъ, что́ говорилъ. Онъ сѣлъ на стулъ и принялся смотрѣть на Флоренсу съ живѣйшимъ выраженіемъ восторга и отчаянія, которыя смѣнялись на его лицѣ съ неуловимою быстротою.

— Капитанъ Гильсъ и лейтенантъ Вальтеровъ говорили мнѣ, миссъ Домби, что я могу оказать вамъ какую-то услугу. О, если бы могъ я какимъ-нибудь способомъ смыть въ душѣ вашей воспоминаніе о томъ брайтонскомъ днѣ, когда я по злодѣйскому чувству велъ себя скорѣе какъ отцеубійца, чѣмъ владѣлецъ независимой собственности! — Бѣдный Тутсъ, въ страшномъ

порывѣ раскаянія, готовъ былъ обличить себя во всѣхъ возможныхъ душегубствахъ. — Повѣрьте, миссъ Домби, я сошелъ бы въ могилу съ неизреченною радостію!

— Сдѣлайте милость, господинъ Тутсъ, сказала Флоренса: — не желайте, чтобы я забыла какую-нибудь подробность въ нашемъ знакомствѣ. Повѣрьте, я не могу и не хочу забывать. Вы всегда были такъ добры, такъ обязательны, любезный мистеръ Тутсъ.

— Миссъ Домби, ваше снисхожденіе къ моимъ чувствованіямъ можетъ быть объяснено только ангельскимъ вашимъ характеромъ. Благодарю васъ тысячу разъ. Все это, повѣрьте мнѣ, трынь-трава!

— Теперь позвольте предложить вамъ нашу просьбу, сказала Флоренса. — Не знаете ли вы, гдѣ и какъ отыскать Сусанну, которую, помните, вы проводили до конторы дилижансовъ, когда видѣлись со мной послѣдній разъ.

— Навѣрное мнѣ трудно что́-нибудь сказать, миссъ Домби, отвѣчалъ Тутсъ послѣ нѣкотораго размышленія. — Я не помню въ точности мѣста, куда она отправилась изъ конторы, да притомъ она, кажется, говорила, что тамъ не будетъ останавливаться, а поѣдетъ куда-то дальше. Впрочемъ, миссъ Домби, если дѣло только въ томъ, чтобы отыскать ее и привести сюда, то я и Лапчатый Гусь беремся употребить для этой цѣли всевозможныя средства, какія только будутъ внушены необыкновенной смѣтливостью съ его стороны и безконечной привязанностью съ моей. Будьте спокойны, миссъ Домби.

Мистеръ Тутсъ былъ приведенъ въ такой восторгъ блистательной перспективой сдѣлаться полезнымъ для владычицы своего сердца, и безкорыстная искренность его благоговѣйной преданности была до такой степени очевидна, что было бы теперь истинною жестокостію ему противорѣчить или отказаться отъ его услугъ. Флоренса удержалась отъ всякихъ возраженій и только благодарила его отъ искренняго сердца. Мистеръ Тутсъ съ гордостію принялъ порученіе и оказалъ готовность немедленно приняться за работу при могущественномъ содѣйствіи Лапчатаго Гуся.

— Миссъ Домби, сказалъ мистеръ Тутсъ, съ жаромъ цалуя поданную ему руку и очевидно проникнутый безнадежной страстью, которая выражалась во всѣхъ чертахъ его добраго

лица: — прощайте! Позвольте мнѣ принять на себя смѣлость сказать, что ваши несчастія тяжолымъ бременемъ лежатъ на моей душѣ, и что вы вполнѣ можете довѣряться мнѣ какъ самому капитану Гильсу. Я очень хорошо знаю свои недостатки, миссъ Домби — они очень велики, покорно васъ благодарю — но вы можете на меня совершенно положиться, клянусь честью, миссъ Домби.

Съ этимъ мистеръ Тутсъ вышелъ изъ комнаты опять въ сопровожденіи капитана, который во все это время стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ собесѣдниковъ, держа подъ мышкой лощоную шляпу и поправляя желѣзнымъ крюкомъ волосы, въ безпорядкѣ падавшіе на его глаза. Когда дверь затворилась, свѣтъ жизни мистера Тутса снова покрылся мрачными облаками.

— Капитанъ Гильсъ, сказалъ Тутсъ, останавливаясь на послѣдней лѣстничной ступени и оглядываясь вокругъ: — сказать вамъ правду, я въ эту минуту далеко не въ такомъ расположеніи духа, чтобы мнѣ можно было видѣть лейтенанта Вальтерова съ тѣми дружелюбными чувствованіями, какія я желалъ бы сохранить къ нему въ своемъ сердцѣ. Мы не всегда можемъ владѣть своими чувствами, капитанъ Гильсъ, и я покорнѣйше прошу васъ объ одолженіи выпроводить меня въ боковую дверь.

— Пріятель, возразилъ капитанъ: — вы можете всегда итти вашимъ собственнымъ путемъ, и какой путь вы ни возьмете, онъ будетъ ровенъ, чистъ и гладокъ какъ у испытаннаго моряка, — въ этомъ я увѣренъ.

— Капитанъ Гильсъ, вы чрезвычайно добры. Ваше доброе мнѣніе служитъ для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Одна просьба къ вамъ, капитанъ Гильсъ, продолжалъ Тутсъ, останавливаясь на порогѣ подлѣ полуотворенной двери: — я надѣюсь, мы познакомимся и быть можетъ, при вашемъ содѣйствіи, подружимся съ лейтенантомъ Вальтеровымъ. Я вступилъ, какъ вамъ извѣстно, во владѣніе своимъ наслѣдствомъ и, сказать по правдѣ, не знаю что̀ съ нимъ дѣлать. Если бы я могъ быть какъ-нибудь вамъ полезнымъ въ финансовомъ отношеніи, то, — вы понимаете, я сошелъ бы въ могилу спокойно и даже съ нѣкоторой усладой для сердца.

Не сказавъ ничего больше, мистеръ Тутсъ выюркнулъ на улицу и самъ затворилъ за собою дверь, чтобы не слышать капитанскаго отвѣта.

Долго Флоренса думала объ этомъ добромъ созданіи съ нераздѣльными чувствами удовольствія и грусти. Онъ былъ такъ честенъ и младенчески добръ, что увидѣть его опять и увѣриться въ истинности его чувствъ въ эти бѣдственные дни было для нея и отрадой и утѣшеніемъ; но по этой же самой причинѣ, мысль, что она дѣлала его несчастнымъ и возмущала тихій потокъ его жизни, вырывала невольныя слезы изъ ея глазъ и переполняла ея сердце искреннимъ сожалѣніемъ. Капитанъ Куттль съ своей стороны очень много думалъ о мистерѣ Тутсѣ, также какъ и Вальтеръ. Когда наступалъ вечеръ и они собирались въ новую комнату Флоренсы, Вальтеръ осыпалъ его похвалами и, пересказывая Флоренсѣ его послѣднія слова при выходѣ изъ ихъ дому, представлялъ его идеаломъ благороднѣйшаго юноши, достойнаго всякой симпатіи и участія.

Мистеръ Тутсъ не возвращался сряду нѣсколько дней, и во все это время Флоренса, невозмущаемая новыми тревогами, жила на чердакѣ инструментальнаго мастера, спокойная какъ птица въ клѣткѣ. Но день ото дня она чаще и чаще опускала свою голову, съ грустію размышляя о покойномъ братѣ, котораго предсмертная физіономія безпрестанно носилась передъ ея умственнымъ взоромъ. Одинокая подлѣ окна своей комнаты, она невольно устремляла на небо свои заплаканные глаза, какъ-будто отыскивая того свѣтлаго ангела, о которомъ говорилъ онъ на своемъ болѣзненномъ ложѣ.

Флоренса была слишкомъ слаба и нѣжна въ послѣднее время, и выстраданныя ею волненія необходимо должны были произвести нѣкоторое вліяніе на ея здоровье. Но не тѣлесная боль мучила ее теперь. Она страдала душевно, и причиной этихъ страданій былъ Вальтеръ.

Искренній и радушный какъ всегда, готовый съ гордостію посвятитъ къ ея услугамъ всѣ минуты своей жизни, и дѣлавшій все для нея съ энтузіазмомъ и пылкостію своего характера, онъ однакожь избѣгалъ ея, и Флоренса видѣла это очень хорошо. Въ продолженіи цѣлаго дня онъ рѣдко, слишкомъ рѣдко приближался къ ея комнатѣ. Если она спрашивала его, онъ прибѣгалъ, усердный и пылкій какъ въ ту пору, когда отыскалъ ее ребенкомъ среди улицы; но вдругъ онъ становился принужденнымъ — Флоренса не могла этого не замѣтить — разсѣяннымъ, неловкимъ и скоро оставлялъ ее. Безъ зову онъ никогда не

приходилъ, во весь длинный день, отъ утра до вечера. Съ наступленіемъ вечера онъ неизмѣнно являлся въ ея комнату, и это было счастливѣйшимъ для нея временемъ, потому-что она начинала тогда вѣрить, что старый Вальтеръ ея дѣтскихъ лѣтъ не измѣнился. Но даже въ эту пору какое-нибудь пошлое слово, взглядъ, принужденное движеніе показывали ей, что произошло между ними какое-то раздѣленіе, котораго она никакъ не могла объяснить.

И она не могла не видѣть, что эти признаки великой перемѣны обнаруживались въ молодомъ человѣкѣ несмотря на его упорное усиліе скрыть ихъ. При безграничной внимательности къ ней, при усердномъ желаніи пощадить ее отъ всякаго безпокойства и сердечной тревоги, онъ, думала Флоренса, обрекалъ себя на безчисленныя жертвы. И чѣмъ больше молодая дѣвушка чувствовала важность этой перемѣны, тѣмъ чаще она плакала и грустила о такомъ непостижимомъ отчужденіи ея брата.

Добрый капитанъ — ея неутомимый, нѣжный, всегда ревностный другъ — видѣлъ также эту перемѣну, думала Флоренса, и это безъ сомнѣнія его безпокоило столько же какъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ теперь далеко не такъ веселъ и мечтателенъ какъ сначала, и часто съ рѣшительнымъ отчаяніемъ бросалъ украдкой взоры на нее и на Вальтера, когда они сидѣли втроемъ наверху.

Флоренса рѣшилась наконецъ переговорить съ Вальтеромъ. Ей казалось, она знала истинную причину его отчужденія, и она думала, ея сердцу сдѣлается легче и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднѣе для него самого, если сказать, что она понимаетъ настоящее положеніе дѣлъ, подчиняется своей горькой долѣ и ни въ чемъ не упрекаетъ молодого человѣка.

Было воскресенье, и оставалось около двухъ часовъ до обѣда. Вѣрный капитанъ въ накрахмаленномъ воротничкѣ, достигавшемъ до его ушей, сидѣлъ подлѣ Флоренсы въ ея комнатѣ и внимательно читалъ книгу, поправляя по временамъ огромные очки, закрывавшіе его ястребиные глаза. Длилось глубокое молчаніе, которое вдругъ прервала Флоренса такимъ образомъ:

— Не знаете ли, гдѣ Вальтеръ, любезный капитанъ Куттль?

— Онъ, я думаю, внизу, высоко-рожденная барышня-дѣвица.

— Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ поговорить, сказала Флоренса, поспѣшно вставая съ мѣста, чтобы итти въ гостиную.

— Не безпокойтесь, моя радость: я мигомъ прикомандирую его къ вамъ.

Сказавъ это, капитанъ съ веселымъ видомъ взвалилъ книгу на свои плечи и удалился. — Должно замѣтить, капитанъ считалъ своей обязанностью читать по воскресеньямъ не иначе какъ большія книги, отличающіяся сановитою наружностію. Съ этой цѣлію онъ за нѣсколько лѣтъ выторговалъ на толкучемъ рынкѣ огромный фоліянтъ, котораго заглавный листъ всегда приводилъ его въ рѣшительное отчаяніе, такъ-какъ невозможно было понять, о чемъ въ немъ говорилось. — Скоро призванный Вальтеръ пришелъ въ комнату Флоренсы.

— Капитанъ Куттль говоритъ мнѣ, миссъ Домби, что....

Но взглянувъ на нее, пылкій юноша не могъ продолжать начатой рѣчи.

— Вы нездоровы сегодня, миссъ Домби. Взоръ вашъ грустенъ. Вы плакали.

Онъ говорилъ такъ нѣжно и такимъ дрожащимъ голосомъ, что на глазахъ ея невольно выступили слезы при звукѣ его словъ.

— Вы правы, Вальтеръ. Я не совсѣмъ здорова и плакала много. Мнѣ нужно съ вами говорить.

Онъ сѣлъ насупротивъ молодой дѣвушки и вперилъ глаза въ ея прекрасное и невинное лицо. Онъ былъ блѣденъ, и губы его дрожали.

— Въ тотъ вечеръ, какъ я узнала, что вы спаслись, милый Вальтеръ, вы говорили — ахъ, что̀ я чувствовала въ тотъ вечеръ и чего надѣялась!...

Онъ положилъ свою дрожащую руку на столъ и продолжалъ смотрѣть на ея лицо.

— Вы говорили, что я перемѣнилась. Мнѣ тогда странно было слышать это отъ васъ, но теперь я понимаю, въ чемъ моя перемѣна. Не сердитесь на меня, Вальтеръ. Я была въ ту пору слишкомъ обрадована.

Она опять казалась ребенкомъ въ его глазахъ, — простосердечнымъ, любящимъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, котораго онъ видѣлъ и слышалъ многіе годы назадъ. Миссъ Домби въ эту

минуту отнюдь не была женщиной, къ ногамъ которой онъ готовъ былъ повергнуть богатства цѣлаго міра.

— Помните ли вы, милый Вальтеръ, наше прощанье съ вами предъ вашимъ отъѣздомъ?

Онъ положилъ свою руку на сердце и вынулъ маленькій кошелекъ.

— Я всегда носилъ его здѣсь, сказалъ онъ, указывая на грудь. Еслибы суждено мнѣ было не видѣть божьяго свѣта, онъ пошелъ бы со мной ко дну морскому.

— И вы опять станете носить его, милый Вальтеръ, ради меня.... ради прежняго нашего знакомства?

— До самой смерти!

Она подала ему свою руку съ такимъ невиннымъ простосердечіемъ, какъ-будто не прошло ни одного дня съ той поры, какъ юноша получилъ отъ нея прощальный подарокъ.

— Я рада, милый Вальтеръ. Я всегда буду рада думать объ этомъ. Помните ли вы, мысль объ этой перемѣнѣ могла притти намъ въ голову тотъ самый вечеръ, когда мы разговаривали съ вами?

— Нѣтъ! отвѣчалъ изумленный юноша.

— Да, Вальтеръ. Я даже въ то самое время была орудіемъ разрушенія вашихъ надеждъ и плановъ. Тогда я боялась такъ думать, но теперь я это знаю. Вы были тогда, въ своемъ великодушіи, способны скрыть отъ меня, что самимъ вамъ было это извѣстно, но вы не можете скрыть этого теперь, хотя и стараетесь съ такимъ же великодушіемъ какъ прежде. Благодарю васъ за это, Вальтеръ, истинно, глубоко; но стараніе ваше на этотъ разъ останется безплоднымъ. Вы слишкомъ много терпѣли собственныхъ несчастій, чтобы не обращать вниманія на невинную причину всѣхъ этихъ золъ и огорченій, вамъ нанесенныхъ. Вы не можете конечно забыть меня въ этомъ отношеніи, но конечно также мы не можемъ больше быть братомъ и сестрою. Но, милый Вальтеръ, не думайте, что я сѣтую на васъ. Мнѣ слѣдовало догадаться объ этомъ въ свое время, но нечаянная радость омрачила мою память. Одного надѣюсь, Вальтеръ: думайте обо мнѣ безъ внутренней досады, когда это чувство перестало быть тайной; одного прошу отъ васъ именемъ бѣдной дѣвочки, бывшей нѣкогда вашею сестрою: не приневоливайте изъ-за меня

вашихъ чувствъ, и не мучьте себя безплодными усиліями теперь, когда вамъ извѣстно, что я все знаю.

Въ продолженіи этой рѣчи Вальтеръ смотрѣлъ на нее съ такимъ безпредѣльнымъ изумленіемъ, которое уничтожало въ немъ возможность всякаго другого чувста. Теперь онъ протянулъ къ ней руки съ умоляющимъ видомъ и, взволнованный до глубины души, едва могъ отвѣчать:

— О миссъ Домби, возможно ли, чтобы я, страдая самъ такъ много въ борьбѣ съ глубокимъ сознаніемъ своихъ обязанностей къ вамъ, заставилъ вмѣстѣ и васъ переносить ужасную пытку, о которой вы говорите! Вы были всегда для моего воображенія ангеломъ чистоты и счастія, разцвѣтившаго мои дѣтскіе и юношескіе годы, и всѣ ваши соприкосновенія съ моей жизнью останутся для меня священными воспоминаніями, которыя не изгладятся изъ моего сердца до могилы. Опять увидѣть ваши взоры и опять услышать вашу рѣчь, какъ въ ту роковую ночь, когда мы съ вами разстались — о, это такое счастье, для котораго нѣтъ имени на языкѣ человѣка! Ваша сестринская любовь и довѣренность ко мнѣ какъ къ брату — небесный для меня даръ, который могу принять я не иначе какъ съ благоговѣніемъ и гордостію.

— Вальтеръ, сказала Флоренса, пристально всматриваясь въ него и постепенно измѣняясь въ лицѣ: — что̀ это за обязанности ко мнѣ, которыя требуютъ такихъ жертвъ съ твоей и моей стороны.

— Почтеніе къ вамъ, миссъ Домби. Уваженіе.

Краска исподоволь зарумянила ея лицо, и она робко удалила отъ него свою руку. Ея глаза неподвижно были устремлены на него.

— Для меня не существуютъ права брата, сказалъ Вальтеръ: — я оставилъ дѣвочку, и встрѣчаю женщину.

Краска быстро распространилась по всему ея лицу. Она сдѣлала невольный жестъ, какъ-будто умоляя его не говорить ничего больше. Ея лицо опустилось на ея руки.

Они оба молчали нѣкоторое время. Она плакала.

Мой долгъ — насильственно оторвать себя отъ этого сердца, столько чистаго, невиннаго, довѣрчиваго, добраго.... Какъ осмѣлюсь сказать, что это сердце моей сестры?

Она плакала.

— Если бы вы были счастливы, окружены любящими друзьями и всѣмъ, что̀ дѣлаетъ завиднымъ положеніе, для котораго вы родились, и если бы тогда, съ любовію обращаясь къ прошедшему, вы назвали меня братомъ, я отвѣчалъ бы на это имя съ своего далекаго мѣста, не опасаясь оскорбить невинность вашего чувства. Но здѣсь.... и теперь!...

— О благодарю васъ, благодарю васъ, Вальтеръ. Простите мою къ вамъ несправедливость. Мнѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Я совершенно одна.

— Флоренса, я слишкомъ поторопился высказать свои мысли, но за нѣсколько минутъ ничто не могло вырвать ихъ изъ моей груди. Если бы я былъ богатъ и славенъ, если бы по-крайней-мѣрѣ въ рукахъ моихъ были средства возвыситься современемъ до вашего положенія, я бы сказалъ: Флоренса, есть одно имя выше всѣхъ возможныхъ титуловъ, которое я могу принять съ тѣмъ, чтобы охранять и защищать васъ, и я достоинъ этого имени, потому-что люблю васъ безпредѣльно, и всѣ силы моей души давно принадлежатъ вамъ. Я бы сказалъ тогда, что съ этимъ именемъ соединено единственное право любить и покровительствовать васъ, и я считалъ бы это право драгоцѣннымъ залогомъ, передъ которымъ ничтожна цѣна моей жизни.

Ея грудь подымалась высоко, и голова опустилась. Она плакала.

— Флоренса, милая Флоренса!... О какъ часто я называлъ васъ этимъ именемъ, прежде чѣмъ могъ размыслить, какъ это дерзко и безразсудно!... Позвольте еще разъ, одинъ только разъ, назвать васъ этимъ драгоцѣннымъ именемъ и прикоснуться къ этой нѣжной ручкѣ въ доказательство, что вы какъ сестра забываете, что̀ сказалъ бывшій вашъ братъ.

Она подняла свою голову и начала говорить съ такою торжественностію во всей своей позѣ, съ такою спокойною, кроткою, лучезарною улыбкой и съ такимъ трепетнымъ колебаніемъ своего голоса, что въ немъ невольно пришли въ движеніе самыя внутреннія струны его сердца, и взоръ его покрылся туманомъ, когда онъ ее слушалъ.

— Нѣтъ, Вальтеръ, я не могу этого забыть. Я не хочу забыть этого ни за какія сокровища міра. Вы, Вальтеръ.... милый Вальтеръ, ты очень бѣденъ?

— Я не болѣе какъ странникъ, которому предстоятъ огромныя путешествія по морямъ. Въ этомъ теперь мое призваніе.

— Скоро ты опять уѣзжаешь, Вальтеръ?

— Очень скоро.

Съ минуту она сидѣла спокойно, не говоря ни слова, потомъ съ робостію взяла его дрожащую руку.

— Если ты сдѣлаешь меня своею женою, Вальтеръ, я буду любить тебя нѣжно. Если ты возьмешь меня съ собою, Вальтеръ, я поѣду на тотъ край свѣта безъ сожалѣній и безъ страху. Мнѣ нечѣмъ для тебя жертвовать, некого покидать изъ-за тебя; но вся моя любовь и жизнь будутъ посвящены тебѣ, и съ послѣднимъ дыханіемъ я передамъ имя твое Богу, если сохранятся мои чувства и память не оставитъ меня.

Онъ прижалъ ее къ своему сердцу, приложилъ свои уста къ ея щекѣ, и теперь, не отринутая болѣе, не отверженная, она плакала долго и плакала сладко на груди своего милаго любовника.

Благословенны да будутъ воскресные колокола, отзывавшіеся такъ спокойно въ ихъ восторженныхъ и счастливыхъ ушахъ! Благословенна да будетъ воскресная тишина, гармонирующая съ настроеніемъ ихъ душъ и освящающая самый воздухъ вокругъ нихъ! Благословенны да будутъ сумерки, распространившія на нее таинственную тѣнь, между тѣмъ какъ она, словно убаюканный ребенокъ, спокойно почиваетъ на груди своего милаго!

О священное бремя любви и младенческихъ упованій! Да, смотри Вальтеръ, нѣжно и гордо смотри на сомкнутые глаза своей красавицы, потому-что во всемъ мірѣ тебя только ищутъ эти очи, — тебя и никого болѣе!

Капитанъ оставался въ маленькой гостиной вплоть до самой ночи. Онъ занялъ стулъ, на которомъ до него сидѣлъ Вальтеръ, и смотрѣлъ на потолочное окно до тѣхъ поръ, пока свѣтъ дневной мало-по-малу потухъ и звѣзды заискрились на ясномъ небѣ. Онъ зажегъ свѣчу, закурилъ трубку, выкурилъ, еще закурилъ,

и дивился что̀ тамъ такое дѣлается наверху, и отчего такъ долго не зовутъ его къ чаю.

Когда наконецъ достигъ онъ послѣднихъ предѣловъ своего изумленія, подлѣ него очутилась Флоренса.

— Вы ли это, моя радость! вскричалъ капитанъ. — Ваши переговоры съ Вальторомъ тянулись долго, даже очень можно сказать долго.

Флоренса схватила своей ручкой одну изъ огромныхъ пуговицъ его камзола, и пристально смотря ему въ лицо, сказала:

— Любезный капитанъ, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, если вамъ угодно.

Капитанъ франтовски поднялъ голову вверхъ, собираясь выслушать высоко-рожденную дѣвицу. За тѣмъ онъ ловко отодвинулъ свой стулъ и съ нимъ вмѣстѣ самого себя, чтобы этимъ способомъ яснѣе и яснѣе разсмотрѣть физіономію Флоренсы.

— Какъ?! восторгъ моего сердца! воскликнулъ капитанъ, проникнутый съ ногъ до головы внезапнымъ восторгомъ: — неужто?

— Да! сказала Флоренса.

— Валли! супругъ вашъ! такъ ли? проревѣлъ капитанъ, бросивъ свою шляпу къ потолочному окну.

— Да! отвѣчала Флоренса улыбаясь и вмѣстѣ заливаясь слезами.

Капитанъ немедленно облапилъ ее, облобызалъ и, нахлобувшись лощенной шляпой, взялъ ее за руку и повелъ наверхъ, гдѣ предстояло ему торжественнымъ образомъ окончить великую шутку своей жизни. При этомъ лицо его пылало какъ раскаленная сковорода.

— Что̀, другъ мой Валли, что̀? не хотѣлось быть братцемъ, любезный? Вотъ какъ! Мы съ тобой себѣ на умѣ!

Эти и подобныя шутки весьма остроумнаго свойства повторялись за чаемъ по-крайней-мѣрѣ сорокъ разъ, при чемъ капитанъ усердно полировалъ свое радужное лицо рукавами своего камзола и еще усерднѣе колотилъ въ промежуткахъ свой лобъ жгутомъ изъ носового платка. Были однакожъ минуты серьёзной настроенности капитанскаго духа, когда онъ, обращаясь къ собственной особѣ, витійствовалъ такимъ образомъ:

— Дурачина ты, Эдуардъ Куттль, мореходъ ты великобританскій! лучше ничего ты не могъ выдумать во всю твою

жизнь, какъ передать свою собственность имъ обоимъ, — вкупѣ и влюбѣ.

ГЛАВА LI.

МИСТЕРЪ ДОМБИ И СВѢТСКІЕ ЛЮДИ.

Чтó же дѣлаетъ мистеръ Домби въ заколдованномъ зáмкѣ, между тѣмъ какъ дни проходятъ около него своей чередой? Думаетъ ли онъ когда о своей дочери и любопытенъ ли узнать, куда она ушла? или быть можетъ онъ смекаетъ, что Флоренса воротилась домой и ведетъ свою обыкновенную жизнь? Никто не можетъ отвѣчать за мистера Домби. Ключница боится передъ нимъ заикнуться о предметѣ, о которомъ хранитъ онъ такое упорное молчанье. Одна только особа еще смѣетъ его спрашивать; но повелительные жесты мистера Домби сковываютъ дерзкій языкъ.

— Милый мой Павелъ! восклицаетъ мистриссъ Чиккъ при входѣ въ его кабинетъ послѣ бѣгства Флоренсы. — Жена-то твоя, — ахъ! эта чопорная выскочка, эта гордянка, — ай, ай, ай! кто бы могъ подумать? неужели это правда? Вотъ и благодарность за всѣ твои благодѣянія, за твою безпримѣрную привязанность! Бѣдный Павелъ! А ты, я увѣрена, жертвовалъ ея капризамъ всѣми своими родственниками! Милый братецъ, бѣдный братецъ!

И при этой рѣчи, вдохновленной живѣйшимъ воспоминаніемъ неприглашенія къ обѣду, мистриссъ Чиккъ приставляетъ къ глазамъ свой батистовый платочекъ и бросается на шею къ своему возлюбленному братцу. Но мистеръ Домби холодно отталкиваетъ ее и усаживаетъ на стулъ.

— Благодарю тебя, Луиза, за вниманіе къ моимъ дѣламъ, говоритъ мистеръ Домби: — но желаю, чтобы разговоръ нашъ обратился на другóй предметъ. Если я буду горевать о своей судьбѣ или обнаружу чѣмъ-нибудь необходимость утѣшенія, тогда ты можешь, Луиза, утѣшать сколько тебѣ угодно.

Мистриссъ Чиккъ обходится нѣсколько разъ посредствомъ платочка, всхлипываетъ, откашливается и возводитъ свои очи къ небесамъ.

— Дорогой мой Павелъ, знаю я, очень знаю твой высокій, возвышенный духъ, и потому ни слова больше не скажу объ этомъ страшномъ предметѣ, который возмущаетъ душу, раздираетъ сердце, отъ котораго терзается вся моя внутренность.... При этомъ мистриссъ Чиккъ обнаружила выразительнымъ жестомъ самое жгучее негодованіе. — Но позволь спросить тебя, другъ.... хотя, признаться, я опять боюсь услышать убійственную вѣсть.... эта несчастная дочь, Флоренса....

— Молчать, Луиза! воскликнулъ братъ самымъ строгимъ тономъ. — Ни слова объ этомъ предметѣ!

Опять и опять мистриссъ Чиккъ обходится посредствомъ карманнаго платочка и съ глубокимъ чувствомъ стонетъ объ этихъ несчастныхъ созданіяхъ, которыхъ судьба по какой-то непростительной ошибкѣ возводитъ на степень Домби. Но въ какой степени Флоренса участвовала въ бѣгствѣ Эдиѳи, ушла ли она вмѣстѣ съ нею, или скрылась сама по себѣ, много она сдѣлала, мало, или ничего не сдѣлала, мистриссъ Чиккъ не имѣетъ объ этихъ вещахъ ни малѣйшей идеи.

Мистеръ Домби неизмѣнно и неуклонно сосредоточиваетъ всѣ свои мысли и чувства въ своей собственной груди и не дѣлится ни съ кѣмъ. Онъ не дѣлаетъ никакихъ поисковъ. Быть можетъ думаетъ онъ, что Флоренса пріютилась у сестры или живетъ подъ одной съ нимъ кровлей. Быть можетъ онъ думаетъ о ней постоянно или быть можетъ также вовсе о ней не думаетъ. Никакого обнаруженія внѣшней заботы, никакихъ распросовъ!

Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, мистеръ Домби никакъ не думаетъ, что онъ потерялъ свою дочь. Онъ отнюдь не подозрѣваетъ истины. Онъ жилъ слишкомъ долго заключеннымъ въ своей богдыханской гордости, чтобы имѣть какія-нибудь опасенія насчетъ бѣдной страдалицы, которая такъ долго съ безотвѣтнымъ самоотверженіемъ шла по своей скромной тропинкѣ. Невзгода судьбы подкосила его очень замѣтно, но еще далеко не поставила въ уровень съ землей. Корень широкъ, глубокъ, и съ теченіемъ годовъ его фибры распространялись безъ всякихъ препятствій, собирая пищу отъ всѣхъ окружающихъ предметовъ. Дерево подрублено, но корень еще цѣлъ.

Хотя онъ тщательно скрываетъ внутренній міръ своей души отъ міра внѣшняго, который, по его понятіямъ, имѣетъ въ эту

пору одну цѣль для своей дѣятельности, цѣль — слѣдить за движеніями и поступками господина Домби; однакожь ему никакъ не удается скрыть отъ міра этихъ буйныхъ слѣдовъ, вырывающихся наружу подъ формой впалыхъ глазъ, обрюзглыхъ щокъ, дикаго лба и пасмурнаго, задумчиваго вида. Непроницаемый какъ всегда, онъ однакожь измѣнился; неприступный и гордый какъ всегда, онъ однакожь значительно упалъ духомъ: иначе свѣтъ не видѣлъ бы этихъ зловѣщихъ слѣдовъ.

Свѣтъ. Чтó думаетъ о немъ свѣтъ, какъ на него смотритъ, чтó видитъ въ немъ и чтó говоритъ, — вотъ окаянный демонъ его души. Онъ преслѣдуетъ его всюду, куда онъ идетъ, и, чтó всего хуже, преслѣдуетъ даже тамъ, гдѣ никогда его нѣтъ. Лукавый духъ копышется между его домашней челядью и злобнымъ шопотомъ сопровождаетъ его приходъ и выходъ; онъ толкаетъ его по улицамъ взадъ и впередъ, забирается съ нимъ въ контору, глядитъ на него на биржѣ черезъ плечи богачей, манитъ его пальцемъ черезъ презрѣнную толпу и предупреждаетъ его на всѣхъ возможныхъ пунктахъ, занимаясь вездѣ и всюду его дѣлами. Въ полночь, когда мистеръ Домби засѣдаетъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, окаянный демонъ опять подымаетъ возню въ его домѣ, стучитъ для его потѣхи по мостовой, пляшетъ пó стѣнамъ, трещитъ и прыгаетъ въ каминѣ, кривляется на статуеткахъ и дѣлаетъ ему рожи изъ-подъ стола.

И это не призракъ разгоряченнаго воображенья. Сатана дѣйствительно обуялъ душою многихъ смертныхъ. Свидѣтель кузенъ Фениксъ, который нарочно прискакалъ изъ Баденъ-Бадена, чтобы переговорить съ мистеромъ Домби. Свидѣтель майоръ Багстокъ, который предлагаетъ дружескія услуженія кузену Фениксу.

Мистеръ Домби принимаетъ ихъ съ обычнымъ достоинствомъ, вытягиваясь во весь ростъ передъ каминомъ и величественно поправляя накрахмаленный воротникъ. Онъ чувствуетъ теперь, что демонъ смотритъ на него во всѣ глаза. Его харя обрисовалась на картинахъ, на поверхности бронзоваго Питта, усѣвшагося на книжномъ шкафѣ, и даже на всѣхъ точкахъ и фигурахъ географической карты, развѣшанной на стѣнѣ.

— Необыкновенно холодная весна, замѣчаетъ мистеръ Домби, чтобы отвлечь вниманіе свѣта.

— Дьяволъ меня возьми, судырь мой, отвѣчаетъ майоръ, согрѣтый пламенемъ дружескаго чувства: — вы хотите провести насъ, Домби.... наше почтеніе! Джозефъ Багстокъ, скажу я вамъ, собаку съѣлъ на эти штуки! Если вамъ угодно, Домби, подцѣпить на удочку своихъ друзей, совѣтую поискать карася не такого, какъ старикашка Джой. Эхъ, Домби, Домби! развѣ ты забылъ меня, пріятель? Нѣтъ, чортъ побери, стариканища Джосъ всегда былъ и всегда будетъ продувной бестіей, который, съ вашего позволенія, въ одно ухо влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ. Недаромъ его высочество герцогъ йоркскій удостоилъ меня титуломъ.... ну, заслуженно или незаслуженно, это другой вопросъ, — а онъ говорилъ тысячу разъ: если есть на свѣтѣ человѣкъ, на котораго въ крайнемъ случаѣ можно положиться, такъ этотъ человѣкъ — старикашка Джой, то есть майоръ Джозефъ Багстокъ.

Мистеръ Домби кланяется.

— Ну, Домби, продолжаетъ майоръ: — я человѣкъ свѣтскій, честь имѣю рекомендоваться. Пріятель нашъ Фениксъ.... если смѣю называть его....

— Сдѣлайте милость, отвѣчаетъ кузенъ Фениксъ.

— Ну, такъ видите ли, Домби: пріятель нашъ Фениксъ — тоже свѣтскій человѣкъ. Объ васъ Домби нечего и толковать: вы и подавно свѣтскій человѣкъ. Такъ исторія собственно вотъ какая: какъ скоро три свѣтскихъ человѣка сходятся вмѣстѣ, и какъ скоро всѣ они пріятели — вѣдь мы разумѣется всѣ пріятели: не правда ли? продолжалъ майоръ, обращаясь опять къ кузену Фениксу.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ кузенъ Фениксъ, дѣлая дружелюбнѣйшую мину.

— Нечего стало быть и хлопотать свѣтскимъ людямъ: рыбакъ рыбака видитъ издалека, и Джозефъ Багстокъ утверждаетъ напрямикъ, что вы оба, господа, очень хорошо знаете въ настоящемъ случаѣ мнѣніе свѣта.

— Безъ сомнѣнія, говоритъ кузенъ Фениксъ: — дѣла такого рода, словомъ сказать, очевидны сами по себѣ. Мнѣ весьма прискорбно, майоръ, обнаруживать въ присутствіи друга моего Домби мое великое изумленіе и душевное сожалѣніе, что моя любезная и совершеннѣйшая родственница, владѣвшая всѣми средствами и талантами составить счастіе своего мужа, забыла

въ настоящемъ случаѣ до такой степени свои обязанности въ отношеніи.... словомъ сказать, въ отношеніи къ свѣту.... что отважилась позволить себѣ такое совершенно, можно сказать, небычайное поведеніе. Съ этого рокового происшествія я, что́ называется, нахожусь въ демонски-непріятномъ состояніи духа, и не далѣе какъ вчера вечеромъ долговязому Сексби — верзила слишкомъ въ три аршина: другъ мой Домби разумѣется знакомъ съ нимъ — я говорилъ, что это приключеніе взволновало всю мою внутренность и сдѣлало меня, словомъ сказать, жолчнымъ. Невольно, что́ называется, призадумаешся надъ подобной катастрофой и самъ собою придешь къ заключенію, что все на семъ свѣтѣ происходитъ правильной чредой по премудро устроенному плану; ибо если бы почтенная моя тетка, мистриссъ Скьютонъ, имѣла несчастіе дожить до настоящаго времени, она, нѣтъ никакого сомнѣнія, сдѣлалась бы жертвой этого бѣдственнаго событія и съ печалію сошла бы въ могилу, — а вы знаете, милостивые государи, мистриссъ Скьютонъ была чертовски живущая и, что́ называется, двухжильная баба.

— Ну, Домби, что́ ты на это скажешь? восклицаетъ майоръ съ энергическимъ одушевленіемъ.

— Прошу извинить, прерываетъ кузенъ Фениксъ. — Еще нѣсколько словъ. Другъ мой Домби, само собою разумѣется, позволитъ мнѣ сказать, что если какое обстоятельство увеличиваетъ, что́ называется, нравственную пытку, въ которой нахожусь я по настоящему поводу, то это только очень натуральное изумленіе свѣта, что моя любезная и совершеннѣйшая родственница — вы конечно, милостивые государи, еще не осудите, что я называю ее этимъ именемъ — отважилась на такое необычайлое поведеніе съ человѣкомъ — словомъ сказать, у него бѣлые и въ нѣкоторомъ родѣ прекрасные зубы — съ человѣкомъ, говорю я, который по своему положенію въ свѣтѣ гораздо ниже ея супруга. При всемъ томъ, милостивые государи, я долженъ въ нѣкоторомъ родѣ требовать, и довольно настоятельно, чтобы другъ мой Домби, словомъ сказать, не отваживался обвинять мою любезную и совершеннѣйшую родственницу, пока ея вина не будетъ юридически утверждена и доказана на законномъ основаніи. Наконецъ я считаю своей обязанностью увѣрить друга моего Домби, что фамилія, которую я представляю и которая теперь почти исчезаетъ — демонски печальная и совершенно

безотрадная мысль, милостивые государи — эта благородная и древнѣйшая фамилія отнюдь не станетъ противопоставлять ему препятствій и съ радостію согласится на всякую форму процесса, какую только ему будетъ угодно назначить. Надѣюсь, другъ мой Домби отдастъ справедливость намѣреніямъ, какими я одушевленъ въ этомъ горестномъ дѣлѣ и.... словомъ сказать, я принужденъ, что̀ называется, безпокоить друга моего Домби еще нѣкоторыми дальнѣйшими замѣчаніями.

Мистеръ Домби кланяется не поднимая глазъ и хранитъ глубокое молчаніе.

— Ну, Домби, что̀ ты на это скажешь? возглашаетъ майоръ. — А я съ своей стороны признаюсь откровенно, — въ жизнь не слыхалъ оратора краснорѣчивѣе друга нашего Феникса, ей, ей же не слыхалъ, клянусь вамъ.... здѣсь майоръ, посинѣвшій какъ удавленникъ, схватилъ палку и въ порывѣ одушевленія началъ махать вокругъ своей головы.... Теперь, благодаря нашему другу, вы, Домби, понимаете очень ясно, что̀ относится собственно къ леди, а я съ своей стороны, какъ истинный другъ, долженъ два, три слова сказать насчетъ васъ самихъ, господинъ Домби. Свѣтъ, вы понимаете, судырь мой, продолжалъ майоръ, отфыркиваясь какъ надсаженная лошадь: — имѣетъ въ этихъ дѣлахъ свои мнѣнія, которыя должны быть удовлетворены.

— Знаю, отвѣчалъ мистеръ Домби.

— Конечно вы знаете, Домби, продолжаетъ майоръ.—Чортъ меня побери, судырь мой, если я не зналъ, что вы это знаете. Невѣроятно, чтобы человѣкъ вашего калибра не зналъ этихъ вещей.

— Надѣюсь, говоритъ мистеръ Домби.

— Домби! остальное вы угадаете. Я говорю напрямки, такъкакъ порода Багстоковъ, съ вашего позволенія, всегда говорила напрямки. Мало, судырь мой, мы выигрываемъ отъ этихъ вещей, да ужь такова наша натура: кутить такъ кутить, чтобы чертямъ сдѣлалось тошно. Разстоянія столько-то шаговъ и.... вы понимаете.... пуфъ, пафъ, бацъ въ бѣлые зубы. При васъ будетъ неизмѣнный другъ вашъ старикашка Джозъ и.... благослови васъ Богъ, Домби!

— Майоръ, благодарю васъ. Я не премину положиться на ваши руки, когда придетъ время. Но какъ время еще не пришло, я не считалъ необходимымъ заранѣе васъ безпокоить.

— Куда онъ дѣвался, Домби?

— Не знаю.

— Никакихъ извѣстій о немъ?

— Никакихъ.

— Домби, я поздравляю васъ. Я чертовски радуюсь за тебя, другъ ты мой Домби.

— Извините, даже вы, майоръ, извините, если я не войду въ дальнѣйшія подробности. Извѣстіе я имѣю, но весьма странное и полученное необыкновеннымъ путемъ. Можетъ изъ него ничего не выйдетъ, а можетъ и выйдетъ очень много. Больше ничего не могу сказать. Мое объясненіе впереди.

Сухой и довольно неопредѣленный отвѣтъ на пламенный энтузіазмъ майора; однакожь майоръ принимаетъ его граціозно и съ восторгомъ представляетъ, что мнѣнія свѣта въ скоромъ времени будутъ удовлетворены блистательнѣйшимъ образомъ. За тѣмъ кузенъ Фениксъ получаетъ свою долю признательности отъ супруга своей любезной и совершеннѣйшей родственницы, и наконецъ майоръ Багстокъ и кузенъ Фениксъ удаляются по своимъ мѣстамъ, оставляя опять мистера Домби въ добычу этому неумолимому свѣту, который преслѣдуетъ его и терзаетъ какъ злой демонъ, безъ милосердія и пощады.

Но кто это сидитъ и плачетъ въ комнатѣ ключницы, разговаривая вполголоса съ мистриссъ Пипчинъ? Это какая-то леди, грустная и томная, съ поднятыми на небо руками. Ея лицо почти совсѣмъ закрыто черной шляпой, которая очевидно принадлежитъ не ей. Это миссъ Токсъ въ костюмѣ своей горничной. Она тайно приходитъ такимъ образомъ съ Княгинина Луга, возобновляетъ знакомство съ мистриссъ Пипчинъ и распрашиваетъ о мистерѣ Домби.

— Какъ онъ, бѣдняжка, переносить свое горе?

— Ничего: онъ довольно спокоенъ, отвѣчаетъ мистриссъ Пипчинъ брюзгливымъ тономъ.

— Снаружи можетъ быть; а что́ у него внутри? продолжаетъ спрашивать миссъ Токсъ.

Оловянный глазъ мистриссъ Пипчинъ сдѣлалъ нѣсколько энергическихъ прыжковъ, прежде чѣмъ произнесла она свой отвѣтъ:

— Внутри? Ничего. Я увѣрена. Сказать тебѣ по правдѣ, любезная Лукреція, потеря для него не слишкомъ-то велика. Худая трава изъ поля вонъ. Мнѣ и самой, признаться, надоѣли здѣсь эти мѣдные лбы.

Должно замѣтить, мистриссъ Пипчинъ обращалась очень фамиліярно съ миссъ Токсъ, такъ-какъ ея первые педагогическіе эксперименты въ воспитательно-образовательномъ заведеніи обращены были на эту леди, когда она была еще худенькой и чахлой дѣвочкой нѣжныхъ лѣтъ.

— Ужь конечно у ней мѣдный лобъ: ваша правда, мистриссъ Пипчинъ. Оставить его, такого благороднаго мужчину!...

И миссъ Токсъ зарыдала горько.

— Благороденъ онъ или нѣтъ, я этого не знаю и знать не хочу, возражаетъ мистриссъ Пипчинъ, гнѣвно потирая переносицу: — но я вотъ чтó знаю весьма хорошо: когда искушенія посѣщаютъ насъ въ жизни, мы должны переносить ихъ равнодушно. Прахомъ бы васъ побрало! Да я сама натерпѣлась въ жизни побольше всякаго другого! Экія напасти, подумаешь! Ушла, такъ туда ей и дорога! никто, я думаю, не погонится вслѣдъ!

При этомъ намекѣ на перувіянскіе рудники, миссъ Токсъ встаетъ, раскланивается, и мистриссъ Пипчинъ звонитъ Таулисона, чтобы тотъ проводилъ ея гостью. Мистеръ Таулисонъ, неимѣвшій удовольствія давненько видѣть миссъ Токсъ, ухмыляется, привѣтствуетъ и надѣется, что она совершенно здорова, при чемъ замѣчаетъ, что давича онъ никакъ не могъ признать ее въ этомъ капорѣ.

— Благодарю васъ, Таулисонъ, отвѣчаетъ миссъ Токсъ. — Живу покамѣстъ Богъ грѣхамъ терпитъ; а вы, почтеннѣйшій, если этакъ еще когда увидите меня здѣсь, не говорите пожалуйста никому. Я прихожу сюда только къ мистриссъ Пипчинъ.

— Слушаю, сударыня.

— Большія у васъ непріятности, Таулисонъ?

— Очень большія, сударыня.

— Смотри же, Таулисонъ, я надѣюсь, мой другъ, что все это послужитъ для тебя урокомъ. — Миссъ Токсъ, занимаясь

воспитаніемъ фамиліи Туделей, пріобрѣла привычку дѣлать назиданія, соотвѣтствующія случаю. — Прощай, Таулисонъ.

— Прощайте, сударыня. Покорно васъ благодарю.

Казалось, мистеръ Таулисонъ погрузился въ раздумье относительно того, какой бы вывести для себя урокъ изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, какъ вдругъ мистриссъ Пипчинъ прервала его размышленія уксуснымъ восклицаніемъ:

— Что ты тамъ дѣлаешь, долговязый? Зачѣмъ не показываешь дверей этой леди?

И мистеръ Таулисонъ немедленно выпроводилъ миссъ Токсъ, которая, прокрадываясь на цыпочкахъ мимо кабинета мистера Домби, захлобучила всю свою голову огромной черной шляпой. И нѣтъ еще въ цѣломъ мірѣ ни одного существа, которое бы такъ искренно горевало о судьбѣ мистера Домби, какъ эта скромная дѣвица, закутанная шалью и бѣжавшая теперь изо всей силы въ свой уединенный пріютъ на Княгининомъ Лугу.

Но миссъ Токсъ не допускается въ общество свѣтскихъ людей мистера Домби. Каждый вечеръ приходитъ она въ его домъ, надѣвая калоши и прикрываясь зонтикомъ въ мокрую погоду; она переноситъ шутки Таулисона и брюзгливыя вспышки мистриссъ Пипчинъ, все пореноситъ, чтобы узнать, въ какомъ состояніи мистеръ Домби, но нѣтъ ей никакого дѣла и никакого участія въ свѣтскомъ обществѣ этого джентльмена. Міръ, взыскательный и строгій, идетъ безъ нея своимъ чередомъ, и она, миніатюрная звѣздочка, вращается въ своей маленькой орбитѣ въ углу другой системы, понимая очень хорошо свое относительное положеніе въ ряду яркихъ и блистательныхъ планетъ первой величины. И плачетъ миссъ Токсъ горько, и каждый вечеръ ходитъ скоро, и, право, ей отрадно въ ея горемычной долѣ, гораздо отраднѣе, чѣмъ этому міру, который такъ жестоко возмущаетъ спокойствіе мистера Домби.

Писаря и чиновники конторы разсматриваютъ бѣдственное приключеніе со всѣхъ возможныхъ пунктовъ, но главнѣйшимъ образомъ ихъ занимаетъ вопросъ: кто заступитъ мѣсто мистера Каркера. Преобладаетъ общее мнѣніе, что управительское мѣсто будетъ лишено значительныхъ привилегій, и тѣ господа, которые не имѣютъ на него никакой надежды, утверждаютъ довольно рѣшительнымъ тономъ, что имъ оно ненужно даромъ, и что они отнюдь не намѣрены завидовать смѣлому и счастли-

вому кандидату. Такой суетливости не бывало въ конторѣ со времени кончины маленькаго Домби; но всѣ эти волненія принимаютъ особый характеръ и ведутъ къ укрѣпленію связей товарищества и дружбы. При этомъ благопріятномъ случаѣ, утверждена на прочномъ основаніи мировая между первымъ признаннымъ острякомъ конторнаго заведенія и назойливымъ соперникомъ, съ которымъ былъ онъ въ смертельной враждѣ нѣсколько мѣсяцовъ сряду. Это счастливое событіе рѣшились съ общаго согласія отпраздновать въ ближайшемъ трактирѣ со всею торжественностію, свойственною политическимъ лицамъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Острякъ назначенъ президентомъ, назойливый соперникъ — вице-президентомъ. Немедленно послѣ послѣдняго блюда, убраннаго со стола, президентъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью:

— Милостивые государи, не могу скрыть ни отъ васъ, ни отъ себя самого, что въ настоящее время между нами отнюдь не могутъ имѣть мѣста частные раздоры и личные расчеты. Недавнія событія, которыхъ мнѣ нѣтъ надобности исчислять здѣсь передъ вами, но которыя однакожь уже были изложены со всѣми подробностями и колкими замѣчаніями въ нѣкоторыхъ воскресныхъ газетахъ (*) и даже въ одномъ ежедневномъ листкѣ — вы его знаете, милостивые государи....

— Знаемъ, знаемъ, знаемъ! раздалось со всѣхъ сторонъ вокругъ красноречиваго витіи.

— Эти печальныя событія, говорю я, приводятъ меня, точно также какъ и васъ, милостивые государи, къ размышленіямъ очень неутѣшительнымъ и даже въ нѣкоторомъ родѣ безотраднымъ.....

Здѣсь ораторъ остановился, вынулъ карманный платокъ, вздохнулъ, вытеръ наморщенное чело, и окинувъ собраніе проницательными глазами, продолжалъ такимъ образомъ:

— Понимаю, милостивые государи, и глубоко чувствую, что продолжать въ настоящее время мои личныя несогласія съ Робинзономъ значило бы однажды навсегда уничтожить или по-крайней-мѣрѣ поколебать доброе мнѣніе, какимъ всегда и во всѣхъ случаяхъ пользовались въ глазахъ свѣта всѣ безъ исключенія джентльмены, принадлежащіе къ знаменитому торговому

(*) Въ англійскихъ воскресныхъ газетахъ (*Sunday Papers*) всегда по большей части идетъ дѣло о семейныхъ дѣлахъ. Политика въ сторонѣ.

дому, который пріобрѣлъ громкую и прочную извѣстность на всѣхъ островахъ и континентахъ Европы, Америки и Азіи. Мой искренній другъ, почтенный Робинзонъ, надѣюсь, ничего не имѣетъ сказать противъ этихъ истинъ, ясныхъ какъ день для всякаго разсудительнаго джентльмена, обогащеннаго удовлетворительнымъ запасомъ опытности въ дѣлахъ свѣта.

Мистеръ Робинзонъ не замедлилъ отвѣчать въ такомъ же точно тонѣ и говорилъ долго, краснорѣчиво, говорилъ для удовольствія всей компаніи. Послѣ этой рѣчи президентъ и вице-президентъ подали другъ другу руки, обнялись и поцаловались какъ братья. За тѣмъ опять всходили на каѳедру болѣе или менѣе замѣчательные ораторы, и между ними особенно отличился одинъ джентльменъ, котораго собирались раза три выгнать изъ конторы за непростительные промахи по счетной части. На этотъ разъ осѣнило его внезапное вдохновеніе, и рѣчь его патетически началась словами:

— Да минуетъ на будущее время главу нашего дома сія горькая чаша, излившаяся съ такимъ бѣдственнымъ обиліемъ на его очагѣ!

И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Этотъ и многіе другіе періоды, начинавшіяся словами «Да минуетъ горькая чаша» удостоились всеобщаго одобренія, и ораторъ заслужилъ громкія рукоплесканія. Словомъ сказать, вечеръ былъ превосходный, и всѣ наслаждались вдоволь физически и нравственно. Только подъ конецъ повздорили немножко насчетъ Каркера два молодые джентльмена, начавшіе бросать другъ въ друга пуншевыми стаканами; но ихъ розняли вòвремя и благополучно вывели изъ трактира. На другой день поутру содовые порошки истреблялись дюжинами въ конторѣ Домби и Сына, и многіе изъ джентльменовъ были очень недовольны, когда трактирный мальчикъ явился къ нимъ со счетомъ, который очевидно былъ преувеличенъ.

Перчъ разсыльный между тѣмъ кутитъ въ эти дни напропалую. Онъ опять постоянно засѣдаетъ на прилавкахъ въ харчевняхъ и трактирахъ, гдѣ его угощаютъ и гдѣ онъ лжетъ безъ всякаго милосердія. Оказывается, что онъ встрѣчался со всѣми особами, запутанными въ послѣднемъ дѣлѣ, и говорилъ имъ: «милостивый государь», или «милостивая государыня» — смотря по надобности — «отчего вы такъ блѣдны?» При этомъ

особы дрожали всѣми членами, говорили: «охъ, Перчъ, Перчъ!» и, махнувъ руками, отбѣгали прочь. Угрызеніе совѣсти причиной или естественная реакція послѣ употребленія крѣпкихъ напитковъ, только мистеръ Перчъ возвращается вечеромъ на Чистые Пруды въ крайне-унылом расположеніи духа, и мистриссъ Перчъ начинаетъ безпокоиться, что довѣренность его къ женѣ очевидно поколебалась, и что онъ какъ-будто подозрѣваетъ, не собирается ли она убѣжать отъ него съ какимъ-нибудь лордомъ.

Въ эту же пору люди мистера Домби ведутъ разсѣянную жизнь и теряютъ способность ко всякимъ дѣламъ. Каждый вечеръ они угощаются горячимъ ужиномъ, бесѣдуютъ дружелюбно, курятъ и выпиваютъ полные бокалы. Къ десяти часамъ мистеръ Таулисонъ всегда подъ куражомъ и часто желаетъ знать, сколько разъ онъ говорилъ, что нечего ждать добра отъ угольныхъ домовъ. Вся компанія перешоптывается насчетъ миссъ Домби и недоумѣваетъ, куда бы она скрылась. Думаютъ вообще, что это извѣстно мистриссъ Домби, хотя мистеръ Домби едва ли знаетъ. Это обстоятельство наводитъ рѣчь на бѣжавшую леди, и кухарка того мнѣнія, что мистриссъ Домби величава какъ пава, но уже слишкомъ горда, Богъ съ ней. Всѣ согласны, что она слишкомъ горда, и по этому поводу возлюбленная Таулисона, дѣвица добродѣтельная, покорнѣйше проситъ, чтобы не толковали передъ ней объ этихъ гордянкахъ, которыя всегда подымаютъ голову кверху, какъ-будто ужь нѣтъ земли подъ ихъ ногами.

Вездѣ и всюду разсуждаютъ о дѣлахъ мистера Домби дружелюбной массой и хоромъ. Только мистеръ Домби пребываетъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, и не вѣдаетъ свѣтъ, что̀ творится въ его душѣ.

ГЛАВА LII.

ТАИНСТВЕННАЯ ВѢСТЬ.

Бабушка Браунъ и дочь ея Алиса держали въ своей хижинѣ тайное совѣщаніе. Это происходило въ первые часы вечера и въ послѣдніе дни весны. Уже нѣсколько дней прошло съ той

перы, какъ мистеръ Домби сказалъ майору Багстоку о своемъ странномъ извѣстіи, полученномъ весьма странными путями. Извѣстіе, разсуждалъ онъ, могло быть вздорное, а пожалуй, могло быть и очень не вздорное.

Мать и дочь сидѣли очень долго не говоря ни слова и почти безъ всякаго движенья. На лицѣ старухи было нацарапано тревожное и какое-то замысловатое ожиданье; физіономія дочери, проникнутая также ожиданьемъ, не выражала рѣзкаго нетерпѣнья, и въ облакахъ, собиравшихся на ея лицѣ, можно было читать недовѣрчивость и опасеніе неудачи. Старуха чавкала и жевала, не спуская глазъ съ своей дочери, и съ большимъ вниманіемъ прислушивалась ко всякому шороху.

Ихъ жилище, бѣдное и жалкое, не имѣло однакожь прежняго вида, когда бабушка Браунъ обитала здѣсь одна. Нѣкоторыя попытки на чистоту и опрятность обличали съ перваго разу присутствіе молодой женщины, несмотря на цыганскій и вовсе не поэтическій безпорядокъ, бросавшійся въ глаза изо всѣхъ угловъ. Вечернія тѣни сгущались и углублялись среди молчанія двухъ женщинъ, и наконецъ темныя стѣны почти потонули въ преобладающемъ мракѣ.

Алиса Марвудъ прервала продолжительное молчаніе такимъ образомъ:

— Угомонись, матка: онъ не придетъ.

— Придетъ онъ, придетъ, говорю тебѣ! съ нетерпѣніемъ возразила старуха.

— Увидимъ.

— Разумѣется, увидимъ его.

— На томъ свѣтѣ развѣ.

— Ты меня считаешь, Алисынька, набитой дурой, — спасибо тебѣ, дочка! Вотъ и дождалась на старости лѣтъ привѣту да почету. Но я еще не совсѣмъ выжила изъ ума, дѣтище ты неблагодарное, и онъ придетъ какъ Богъ святъ. Когда на этихъ дняхъ я поймала его на улицѣ за фалды.... ухъ! онъ взглянулъ на меня какъ на жабу, и господи Владыко! посмотрѣла бы ты, какъ скорчилась его рожа, когда я назвала ихъ по именамъ и сказала, что знаю, гдѣ они.

— Что? онъ осердился? спросила дочь, заинтересованная подробностями разсказа.

— Осердился?... спроси лучше, *охровенился* ли онъ. Осердился, — ха, ха, ха! Нѣтъ, живчикъ ты мой, продолжала старуха, подпрыгивая къ шкафу и зажигая сальный огарокъ, мгновенно освѣтившій нескончаемую работу ея губъ: — нѣтъ, когда ты вотъ о нихъ думаешь или говоришь, никто авось не скажетъ, что ты только осерчала.

И точно, Алиса въ эти минуты представляла истинное подобіе тигрицы, сторожившей добычу.

— Тсс! зашипѣла старуха торжественнымъ шопотомъ. — Чьито шаги! Такъ не ходитъ наша братья, и ужь наше почтеніе, это не сосѣдъ. Слышишь, Алисынька?

— Слышу. Ты не ошиблась, матка. Отвори двери.

Говоря это, Алиса поспѣшно накинула шаль на свои плечи и оправила волосы: старуха между тѣмъ, прихрамывая и припрыгивая, впустила мистера Домби, который, переступивъ черезъ порогъ, остановился у дверей и съ недовѣрчивымъ видомъ озирался вокругъ.

— Что, ваше благородіе? сказала старуха, дѣлая книксенъ. — Бѣдненько здѣсь для вашей милости? Ничего, баринъ ты мой добрый, ничего, красавецъ ты мой: никто тебя не укуситъ.

— Это кто? спросилъ мистеръ Домби, указывая на молодую женщину.

— Дочка моя, судырь, смирная дочка. Не бойтесь, ваше благородіе: она все знаетъ.

Мрачная тѣнь, пробѣжавшая по его лицу, выразительнѣе всякаго вздоха обнаруживала его мысль. «Ктожь этого не знаетъ?» думалъ мистеръ Домби, вперивъ глаза въ молодую женщину, которая въ свою очередь безъ всякаго смущенія смотрѣла на него. Тѣнь на его лицѣ сдѣлалась еще мрачнѣе, когда онъ отворотилъ свой взоръ, который впрочемъ черезъ минуту опять устремился на нее, какъ-будто прикованный къ ея смѣлымъ глазамъ, пробуждавшимъ въ его душѣ какое-то воспоминаніе.

— Женщина, сказалъ мистеръ Домби, обращаясь къ старой вѣдьмѣ, которая между тѣмъ ухмылялась и моргала изъ-подъ его локтя и, указывая на свою дочь, самодовольно потирала руками: — женщина, я позволилъ себѣ унизиться слишкомъ много при входѣ въ твою берлогу, но ты знаешь, зачѣмъ я пришелъ, и помнишь, что́ мнѣ обѣщала, когда остановила меня на

этихъ дняхъ среди дороги. Чтó имѣешь ты сказать относительно того, чтó мнѣ необходимо знать, и какъ случилось, что я могу найти разгадку тайны въ этомъ логовищѣ, послѣ того, какъ истощилъ я всю свою власть и средства, чтобы открыть ее другими путями? — Мистеръ Домби на минуту пріостановился и бросилъ вокругъ себя гнѣвный взглядъ. — Не думаю, продолжалъ онъ: — чтобы ты осмѣлилась шутить со мною или нахально вздумала меня обмануть; но если въ этомъ твое намѣреніе, я совѣтую тебѣ остановиться и ни шагу впередъ.

— Охъ, какой ты гордый, ваше благородіе! ухмыляясь мямлила старуха, мотая головой и потирая морщинистыя руки: — нечего сказать, сердит ты голова, мой баринъ степенный; а впрочемъ страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, ваше благородіе: ты будешь смотрѣть собственными глазами и слышать собственными ушами, — а не нашими, кормилецъ ты мой, и если примѣромъ будучи, ваше благородіе, попадете на ихъ слѣдъ, то сколько, такъ сказать, намѣренъ ты заплатить намъ, дорогой ты мой соколъ?

— Деньги, я знаю, производятъ иной разъ невѣроятныя вещи, возразилъ мистеръ Домби, очевидно успокоенный этимъ вопросомъ. — При деньгахъ становятся годными всякія средства. Да, за всякое полезное извѣстіе я готовъ платить; но надо напередъ, чтобы это извѣстіе дошло до моихъ ушей, иначе какъ же я стану судить о его цѣнности?

— Неужели, думаете вы, нѣтъ ничего могущественнѣе денегъ? спросила молодая женщина, не перемѣняя своей наблюдательной позы.

— Не здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, сказалъ мистеръ Домби.

— Не здѣсь? почему же? Найдутся, я полагаю, и здѣсь вещицы посильнѣе вашихъ денегъ. Чтó, напримѣръ, вы думаете о гнѣвѣ женщины?

— Я думаю, что у тебя дерзкій языкъ, сказалъ мистеръ Домби.

— Напрасно, отвѣчала Алиса спокойнымъ тономъ: — я говорю такъ для того, чтобы вы лучше съ нами познакомились и вполнѣ могли на насъ положиться. Гнѣвъ женщины столько же значитъ въ бѣдной хижинѣ, какъ и въ раззолоченныхъ хоромахъ богача. Я, рекомендуюсь вамъ, очень сердита, и уже давно.

Причины моего гнѣва, смѣю сказать, равносильны вашимъ, и предметъ его — одинъ и тотъ же человѣкъ.

Мистеръ Домби стремительно отпрянулъ съ мѣста и посмотрѣлъ на нее съ величайшимъ изумленіемъ.

— Да, милостивый государь, продолжала Алиса: — какъ ни велико между нами разстояніе, но я говорю правду. Какъ это вышло, нѣтъ надобности знать: это моя тайна, и я не навязываюсь съ своими тайнами. Мнѣ хочется поставить васъ съ нимъ на одну доску, потому-что я смертельно его ненавижу. Моя мать скупа, бѣдна, жадна и готова продать за деньги всякія вѣсти. Въ этомъ ея промыселъ. Можете платить ей сколько угодно, и пожалуй, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но я хлопочу тутъ не изъ-за денегъ, и для меня рѣшительно все равно, за что̀ бы вы ни купили этотъ секретъ. Довольно. Мой дерзкій языкъ не скажетъ больше ничего, хотя бы вы простояли здѣсь до утра.

Во время этой рѣчи, клонившейся къ уменьшенію ожидаемыхъ барышей, старуха обнаруживала ужасное безпокойство и безпрестанно подталкивала локтемъ мистера Домби, чтобы тотъ не обращалъ вниманія на ея дочь. Онъ попеременно смотрѣлъ на нихъ обѣихъ дикими глазами и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Говори же: что̀ ты знаешь?

— О, не будь такъ тороопливъ, ваше благородіе, отвѣчала старуха: — мы поджидаемъ человѣчка, котораго нужно напередъ скрутить, пощипать, навинтить....

— Это что̀ значитъ?

— Погоди немножко, ваше благородіе, каркала вѣдьма, положивъ свою когтяную лапу на его плечо: — погоди! мы знаемъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и ужь что̀ я сказала, то свято. Будетъ намъ пожива, голубчикъ ты мой. Если онъ заартачится малую толику, продолжала мистриссъ Браунъ, растопыривая свои пятерни: — мы съумѣемъ распилить его язычокъ!

Мистеръ Домби слѣдилъ ее глазами, когда она подпрыгнула къ дверямъ, и потомъ его взоръ обратился на ея дочь; но Алиса хранила глубокое, безстрастное молчаніе и не обращала на него никакого вниманія.

— Какъ я долженъ понимать тебя, старуха? сказалъ мистеръ Домби, когда фигура мистриссъ Браунъ, пошатываясь и

прихрамывая, отпрядывала отъ дверей.—Вы, кажется, еще кого-то ждете?

— Да!

— Человѣка, можетъ быть отъ котораго ты надѣешься вырвать ожидаемую вѣсть?

— Да, ваше благородіе.

— Я его не знаю?

— Тсс! прошипѣла старуха съ пронзительнымъ хохотомъ. — Зачѣмъ объ этомъ спрашивать, дорогой ты мой баринъ? Человѣчекъ вамъ знакомый; но онъ не долженъ тебя видѣть. Парнюга слишкомъ робокъ и не сказалъ бы твоему благородію ни словечка. Мы запрячемъ тебя за эту дверь, и ты будешь, если хочешь, смотрѣть во всѣ глаза и слушать обѣими ушами. Мы не требуемъ и не просимъ, чтобы ты повѣрилъ намъ на честное слово. Какъ? ваше благородіе, изволите сомнѣваться насчетъ этой комнаты за дверью? Загляните въ нее, если угодно.

Острый глазъ старушонки открылъ въ мистерѣ Домби невольное выраженіе подозрительности, которая на этотъ разъ была очень кстати. Она поднесла къ дверямъ сальный огарокъ, и мистеръ Домби увѣрился, что тамъ была порожняя комната. Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы огонь унесенъ былъ на свое мѣсто.

— Скоро ли придетъ сюда этотъ человѣкъ?

— Скоро, ваше благородіе. Вы потрудитесь посидѣть здѣсь минутъ десятокъ съ походцемъ.

Не сдѣлавъ никакого отвѣта, мистеръ Домби началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ съ нерѣшительнымъ видомъ, недоумѣвая, остаться ему или уйти назадъ. Но скоро походка его сдѣлалась медленнѣе и тяжелѣе, и суровое лицо приняло задумчивый видъ: было ясно, въ умѣ мистера Домби утвердилась рѣшимость дождаться окончательныхъ результатовъ своего страннаго визита.

Между тѣмъ какъ онъ ходилъ такимъ образомъ взадъ и впередъ, съ глазами опущенными въ землю, мистриссъ Браунъ снова усѣлась на свой стулъ и принялась слушать. Однообразіе его походки или дряхлый возрастъ были причиной, только старуха на этотъ разъ до того окрѣпла на ухо, что наружные шаги уже давно раздавались въ ушахъ ея дочери, и она нѣсколько разъ быстрымъ взглядомъ старалась предварить свою мать о приближеніи ожидаемаго человѣка. Но какъ скоро наконецъ ея вниманіе

было пробуждено, она стремительно вскочила со стула, прошептала «идетъ!» и, указавъ своему гостю на его наблюдательный постъ, поспѣшно поставила на столъ бутылку со стаканомъ и бросилась къ дверямъ, гдѣ уже появился Благотворительный Точильщикъ, котораго она встрѣтила съ распростертыми руками, обвиваясь какъ гіена вокругъ его шеи.

— Вотъ и мой голубчикъ! завопила мистриссъ Браунъ. — Наконецъ! его, его! какой ты милашка, сынокъ ты мой Робби!

— О, миссисъ Браунъ! отвѣчалъ озадаченный Точильщикъ. — Перестаньте пожалуйста! Развѣ нельзя любить парня, не царапая его шеи? Вотъ видите ли: въ рукахъ у меня клѣтка, со птицей клѣтка, миссисъ Браунъ!

— Птичья клѣтка для него дороже, чѣмъ я! вопила старуха, озираясь на потолокъ. — Изволь тутъ быть для него матерью! чего матерью? я бы должна быть для тебя милѣе всякой матери, разбойникъ ты безпардонный!

— Оно вѣдь такъ и есть, миссисъ Браунъ: я вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ несчастный Точильщикъ: — да ужъ вы слишкомъ ревнуете бѣднаго парня. Я вотъ и самъ люблю тебя, бабушка Браунъ, право люблю, а все же не душу. Зачѣмъ душить?

Точильщикъ говорилъ и смотрѣлъ такимъ образомъ, какъ будто противная сторона имѣла явныя подозрѣнія, что онъ радъ бы дождаться благопріятнаго случая отправить на тотъ свѣтъ свою названную мать.

— А и что вамъ клѣтка, миссисъ Браунъ? Развѣ бѣда какая, что я заговорилъ о клѣткѣ? Глянь-ка сюда: вѣдь эта клѣтка знаешь ты чья?

— Твоего хозяина, голубчикъ?

— Въ томъ-то вотъ и штуки! отвѣчалъ Точильщикъ, уставляя на столѣ огромную, завернутую въ простыню клѣтку и развязывая ее руками и зубами. — Это нашъ попугай.

— Попугай мистера Каркера, касатикъ?

— Да будешь ли ты держать свой языкъ на привязи, миссисъ Браунъ? Какое тебѣ дѣло до названья? Ты, ей Богу, съ ума сведешь бѣднаго парня! заключилъ Точильщикъ, ухватившись въ припадкѣ отчаянія обѣими руками за свои волосы.

— Что? ты вздумалъ колоть меня, неблагодарный скотъ? завизжала старуха въ порывѣ остервенѣнія.

— Да нѣтъ же, бабушка Браунъ, ей Богу, нѣтъ! возразилъ Точильщикъ со слезами на глазахъ. — Ахъ, ты Господи твоя воля, чтó это за.... Развѣ я не люблю тебя, миссисъ Браунъ?

— А и въ правду, Робинушка: ты меня очень любишь, цыпленочекъ ты мой!

И говоря это, мистриссъ Браунъ еще разъ заключила его въ свои нѣжныя объятія, изъ которыхъ вырвался онъ не иначе какъ послѣ продолжительной борьбы руками и ногами, при чемъ волосы его взъерошились и стали дыбомъ.

— Ну, признаться, говорилъ Точильщикъ, задыхаясь отъ крайней усталости послѣ продолжительной возни: — отъ этой любви бѣжи хоть на каторгу.... какъ ваше здоровье, миссисъ Браунъ?

— И не быть у меня цѣлую недѣлю, мошенникъ ты этакой! говорила старуха тономъ дружескаго упрека.

— Чтó съ тобою, бабушка Браунъ? Развѣ я не сказалъ, что приду къ вамъ черезъ недѣлю въ этотъ самый вечеръ. Вотъ я и пришелъ. Ну чтó, какъ твои дѣлишки, бабуся? Все ли этакъ того.... понимаешь? Не мѣшало бы тебѣ быть немножко поумнѣе, миссисъ Браунъ. Я право охрипъ, толкуя съ тобой, и мое лицо, я думаю, побагровѣло отъ твоей ласки.

Говоря это, Точильщикъ утирался рукавами, какъ-будто хотѣлъ стереть съ своего лица нѣжную полировку.

— Выпей винца, Робинушка, сказала старуха, подавая ему налитый стаканъ: — теперь тебѣ очень не мѣшаетъ.

— Да таки и правда, миссисъ Браунъ, — покорно благодарю. За твое здоровье, бабушка, многія тебѣ лѣта, и да будетъ у тебя на томъ свѣтѣ.... и прочая, и прочая.

Чего желалъ Точильщикъ, судить трудно, но на его лицѣ просвѣчивались не совсѣмъ счастливыя благословенія. За тѣмъ онъ обратился къ Алисѣ, сидѣвшей неподвижно, и которая какъ-будто устремила глаза на Точильщика, но на самомъ дѣлѣ смотрѣла позади его на лицо мистера Домби, выставлявшееся изъ-за двери.

— И за ваше здоровье, сударыня! Тысячу вамъ лѣтъ съ полтысячью да съ четвертью, — аминь!

Послѣ этихъ двухъ комплиментовъ онъ опустошилъ стаканъ и поставилъ на столъ.

— Ну, такъ дѣла вотъ какія, миссисъ Браунъ, началъ Точильщикъ. — Во-первыхъ, тебѣ прежде всего не мѣшаетъ малую толику поумнѣть, — а потомъ, ты вѣдь отличный знатокъ въ птицахъ и чуть ли не говоришь по-птичьи: это я знаю на свою бѣду.

— На бѣду! повторила мистриссъ Браунъ.

— На свои радости, бабуся, возразилъ Точильщикъ: — слушай хорошенько; тебѣ бы все ловить бѣднаго парнюгу. Что́ бишь я хотѣлъ сказать?

— Я знатокъ въ птицахъ, Робинушка, подсказала старуха.

— Ну да, — такъ вотъ видишь, на моихъ рукахъ этотъ попугай.... извѣстныя деньги, что́ приходились, получены сполна, извѣстное мѣсто уюркнуло, и я, что́ называется, теперь линяю, — поэтому, бабушка, ты ужь возьми подъ свое покровительство эту птицу, недѣли этакъ на полторы, и дай ей квартиру и столъ. Мнѣ вѣдь, чортъ побери, надобно же къ тебѣ слоняться, бормоталъ Точильщикъ съ отчаяннымъ лицомъ: — ну, такъ покрайности было бы зачѣмъ.

— Вотъ что̀! такъ тебѣ не зачѣмъ бывать у меня, разтрепельма ты окаянный! завизжала старуха.

— Что̀ ты опять взъѣлась, бабушка Браунъ? Я говорю: чтобы имѣть поводъ приходить къ тебѣ чаще, когда эта птица будетъ у тебя гостить. Я всегда радъ тебя видѣть, бабуся.

— Онъ не заботится обо мнѣ! Ему и дѣла нѣтъ до меня! визжала мистриссъ Браунъ, ломая костлявыя руки. — Какъ же ты хочешь, чтобы я заботилась о твоей птицѣ? Такъ и быть, мошенникъ ты этакой, ужь я стану за ней ухаживать.

— Спасибо, миссисъ Браунъ. И ужь пожалуйста, обходись съ ней осторожнѣй, говорилъ Точильщикъ вкрадчивымъ тономъ. — Все будетъ узнано, если этакъ даже погладишь ее не по шерсти.

— Будто онъ такъ проницателенъ, Робинушка!

— Ужь и не говори, бабушка: проведетъ и надуетъ самого чорта! Только объ этомъ не надо толковать.

Прервавъ себя такимъ образомъ, Точильщикъ бросилъ боязливый взглядъ вокругъ комнаты, налилъ стаканъ, выпилъ залпомъ, покачалъ головой и началъ разсѣянно барабанить по клѣткѣ, стараясь привести въ забвеніе опасный предметъ, котораго такъ неосторожно коснулся.

Старуха съ лукавымъ видомъ пододвинула къ нему свой стулъ и, взглянувъ на попугая, который въ эту минуту спускался съ своего вызолоченнаго купала, сказала :

— Безъ мѣста теперь, Робинушка?

— Ничего, миссисъ Браунъ, ничего, только помалчивай!

— А что, развѣ много далъ на харчи, касатикъ?

— Попинька! попка! говорилъ Точильщикъ.

Занятый этимъ обращеніемъ къ попугаю, Робинъ къ счастью для себя не замѣчалъ грозныхъ жестовъ и дикаго взгляда старухи.

— Отчего это онъ не взялъ тебя съ собой, Робинушка? сказала мистриссъ Браунъ вкрадчивымъ тономъ, который однакожь едва скрывалъ ея возрастающее негодованіе. — Хозяинъ-то твой, говорю я, почему бы ему не взять тебя съ собою?

Робинъ былъ такъ погруженъ въ разсматриваніе попугая и съ такимъ усердіемъ перебиралъ проволоки его клѣтки, что не могъ дать никакого отвѣта на этотъ повторенный вопросъ.

— Эй, Робинушка, касатикъ!

— Что́, миссисъ Браунъ?

— Я говорю, отчего бы этакъ хозяину-то не взять тебя съ собою?

— Попинька! Попка дуракъ!

Старуха сдѣлала движеніе, чтобы впустить свои когти въ его взъерошенные волосы, однакожь удержалась и подавляя негодованіе, еще разъ повторила свой вопросъ.

— Отвяжись пожалуйста, бабушка Браунъ, отвѣчалъ Благотворительный Точильщикъ.

Мистриссъ Браунъ мгновенно запустила когти своей правой руки въ его волосы, обхватила лѣвой лапой его горло и принялась душить своего любимца съ такимъ неистовствомъ, что лицо его почернѣло.

— Пустите, ой, пустите Бога ради! вопіялъ Точильщикъ. — Что́ ты дѣлаешь, миссисъ Браунъ? Молодица, ко мнѣ.... ай! миссисъ Брау — Бра—!

Но молодая женщина, неподвижная при этомъ обращеніи къ ней, оставалась совершенно нейтральною до тѣхъ поръ, пока наконецъ Робинъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, не высвободился кое-какъ изъ-подъ тисковъ своей непріятельницы. Забившись въ уголъ, онъ дышалъ какъ надорванный заяцъ, отго-

родившись собственными локтями, между тѣмъ какъ старуха, запыхавшаяся не меньше его, неистово топала ногами и повидимому собиралась съ новыми силами для отчаянной аттаки. При этомъ кризисѣ Алиса возвысила свой голосъ, но не въ пользу Благотворительнаго Точильщика:

— Хорошо, матушка, продолжай! Въ куски его, собаку!

— Какъ? вопилъ Точильщикъ: — неужели и вы противъ меня? Что я вамъ сдѣлалъ? За что меня въ куски, желалъ бы я знать? Зачѣмъ заманивать и душить парнюгу, который не сдѣлалъ вамъ ни малѣйшаго зла? Вотъ тебѣ и женщины! продолжалъ запуганный Точильщикъ, приставляя къ глазамъ свои обшлага. — Куда дѣвалась ваша женская нѣжность? ума не приложу!

— Песъ смердящій! шипѣла мистриссъ Браунъ: — сорванецъ безстыдный, забіяка непотребный!

— Чѣмъ я тебя обидѣлъ, миссисъ Браунъ? Взъѣлась какъ волчица чортъ знаетъ на что, а еще хвасталась, что любитъ меня какъ сына!

— Отдѣлываться отъ меня обиняками! взбрехивать на меня нахальными словами!... ахъ, ты, мошенникъ этакой, да за кого ты меня принимаешь, бестія! Вздумала пощупать его малую толику насчетъ его хозяина и этой леди, а онъ и давай со мною въ жмурки да въ горѣлки! Хорошо, щенокъ, ты припомнишь это: отольются кошкѣ мышкины слезки! Проваливай теперь, — ты мнѣ ненуженъ!

— Да развѣ я намекалъ, что хочу итти, миссисъ Браунъ? О, не говори этого, бабушка, пожалуйста!

— Я и вовсе не стану говорить, щенокъ ты паршивый! сказала мистриссъ Браунъ, растопыривая свои ногти, отчего Точильщикъ съежился въ углу и присѣлъ какъ напуганный заяцъ. — Ни слова теперь не сорвется съ моихъ губъ. Надо его прогнать. Пусть его идетъ! Я напущу на него ребятъ, которые споютъ ему славненькую пѣсню; они пристанутъ къ нему какъ піявки и вскарабкаются ему на шею какъ лисицы. Онъ ихъ знаетъ. Онъ знаетъ всѣ ихъ старыя забавы и залихватскія продѣлки. Если онъ забылъ ихъ, они съумѣютъ себя напомнить скоро. Пусть его идетъ, чортъ съ нимъ! Увидимъ, какъ онъ будетъ заниматься хозяйскими дѣлами и хранить хозяйскіе секреты въ этой забубенной компаніи сорванцовъ. Не увидимъ,

такъ услышимъ. Ха, ха, ха! Онъ поразгуляется съ ними ужь не такъ, какъ съ нами, Алисынька, чортъ съ нимъ! Пусть его идетъ, пусть его!

И старуха, къ невыразимому огорченію Точильщика, прыгала взадъ и впередъ какъ вѣдьма, махая вокругъ головы сжатымъ кулакомъ, неутомимо работая губами и безпрестанно повторяя: чортъ съ нимъ, пусть его идетъ!

— Миссисъ Браунъ, началъ умоляющимъ голосомъ Точильщикъ, выступая понемногу изъ своего угла: — зачѣмъ ты обижаешь такъ безжалостно невиннаго парнюгу? Подумай хорошенько, чтó-таки я тебѣ сдѣлалъ?

— Не болтай со мной, щенокъ! говорила мистриссъ Браунъ, продолжая неистово размахивать кулакомъ. — Пусть его идетъ, пусть его!

— Миссисъ Браунъ, продолжалъ измученный Точильщикъ: — я и не думалъ.... то есть, тутъ просто сломя голову идешь въ капканъ!... это вѣдь ужь моя обыкновенная поведенція, миссисъ Браунъ, не заикаться о немъ лишнимъ словцомъ, такъ-какъ, видишь ли, ему извѣстна вся подноготная. Ну да ужь такъ и быть, я увѣренъ, миссисъ Браунъ, никто не вынесетъ сору изъ этой избы. Малую толику изволь, я вовсе не прочь. Да пожалуйста не вертись такъ, миссисъ Браунъ, перестань, сдѣлай милость. Неужели вы не хотите замолвить словечка за бѣднаго парнюгу! говорилъ Точильщикъ, обращаясь съ отчаяніемъ къ молодой женщинѣ.

— Перестань, матушка: слышишь, чтó онъ говоритъ? сказала Алиса строгимъ голосомъ, дѣлая нетерпѣливое движеніе головой: — пощупай его еще, и если онъ не поддастся, можешь задать ему корачунъ.

Уступая этому нѣжному ходатайству, мистриссъ Браунъ смягчилась мало-по-малу и заключила въ свои объятія раскаявшагося Точильщика, который въ свою очередь принужденъ былъ обнять и ее. За тѣмъ онъ занялъ за столомъ свое прежнее мѣсто подлѣ мистриссъ Браунъ, которая одной рукой облапила его шею, а другою энергически начала пожимать его колѣни, давая такимъ образомъ знать, что она готова привести въ забвеніе понесенныя обиды. Точильщикъ не жаловался, не возражалъ, не шевелился, хотя въ чертахъ его лица обрисовывалась невыносимая мука.

— Ну что же, милашка, каковъ теперь твой хозяинъ? начала мистриссъ Браунъ, когда они, въ заключеніе мировой, выпили по стаканчику за здоровье другъ друга.

— Тсс! Пожалуйста, миссисъ Браунъ.... ты ужь этакъ — понимаешь?... надо говорить потише. Ничего, коли хочешь, онъ, я думаю, такъ себѣ, то есть, здоровъ слава Богу, покорно благодарю.

— Ты не безъ мѣста Робби? спросила мистриссъ Браунъ вкрадчивымъ тономъ.

— Не то чтобы безъ мѣста, и не то чтобы при мѣстѣ, лепеталъ Робъ. — Мнѣ — какъ бы это сказать да не сохвастать — жалованье мнѣ все еще идетъ, миссисъ Браунъ.

— За что же, Робинушка?

— Да такъ. Дѣлъ-то особыхъ, видишь ты, нѣтъ, — ну, а на всякой случай велѣно держать ухо востро.

— Хозяинъ за-границей, Робби?

— Ахъ, да что тебѣ! Пожалуйста, миссисъ Браунъ, давай толковать о чемъ-нибудь другомъ.

Мистриссъ Браунъ быстро поднялась съ мѣста къ великому отчаянію Точильщика, который, удерживая ее, лепеталъ:

— Да, миссисъ Браунъ, да, мнѣ сдается, онъ точно за-границей. На что это она такъ пристально смотритъ? прибавилъ Точильщикъ, указывая на дочь, которой глаза устремлены были на лицо, выглядывавшее изъ-за дверей.

— Не тронь ея, касатикъ, сказала старуха, прижимаясь къ нему тѣснѣе, чтобы онъ не оглянулся назадъ. — Это ужь у нея такой обычай, пусть ее. Ты говори со мной, Робинъ. Видалъ ты у него эту барыню, касатикъ?

— Какую бырыню, миссисъ Браунъ?

— Ну вотъ, будто ужь не знаешь, касатикъ?

— Право не знаю, бабушка, вопилъ Точильщикъ тономъ отчаянной мольбы.

— Барыню, которая къ нему ѣздила, мистриссъ Домби, что ли.

— Да, помнится, я видѣлъ ее одинъ разъ.

— Когда же, касатикъ? въ тотъ вечеръ, когда она уѣхала съ нимъ? говорила старуха, пристально всматриваясь въ измѣняющіяся черты его лица. — Ага! вижу по глазамъ, что въ тотъ вечеръ.

— Ну ужь такъ и быть, если видишь, миссисъ Браунъ: нѣчего стало быть запускать клещи въ бѣднаго парнюгу, чтобы развязать его языкъ.

— Куда жь они уѣхали тою ночью, Робинъ? По прямой дорогѣ, касатикъ? Какъ они уѣхали? Гдѣ ты ее видѣлъ? Смѣялась она? плакала? Разсказывай обо всемъ, лебедикъ, кричала старуха, прижимаясь къ нему ближе и схвативъ его за обѣ руки, при чемъ глаза ея прыгали и сверкали необыкновеннымъ свѣтомъ. — Ну, раскошеливайся! Мнѣ надобно знать обо всемъ. Впередъ, голубчикъ! Вѣдь мы съ тобой ужь давно мѣняемся нашими секретами, не такъ ли? Мы не выдадимъ другъ друга. Прежде всего, куда они поѣхали, Робинъ?

Злосчастный Точильщикъ вздохнулъ тяжело и остановился.

— Оглохъ, что ли, ты? спросила старуха сердитымъ тономъ.

— Погоди, миссисъ Браунъ, я вѣдь не такъ скоръ, какъ молнія. А желалъ бы, чортъ побери, сдѣлаться на этотъ разъ громовой стрѣлой, чтобы упасть на нѣкоторыхъ людей, которые, видишь ты, слишкомъ лакомы до чужихъ дѣлъ.

— Что ты говоришь? спросила старуха, прищуривая глазами.

— Я говорю, миссисъ Браунъ, что не мѣшало бы намъ съ тобой выпить по стаканчику настойки. Сердцу, знаешь, какъ-то веселѣй. — Ну, такъ куда они уѣхали, спрашиваешь ты? То есть, куда уѣхали онъ и она, — такъ, что ли?

— Да, да, касатикъ.

— Сказать по правдѣ, они никуда не уѣхали, то есть, оба-то они, вмѣстѣ-то, я разумѣю, никуда не уѣхали.

Вѣдьма приготовилась повидимому опять вцѣпиться въ его волосы и горло, но удержалась въ ожиданіи дальнѣйшихъ объясненій.

— Такъ-то, бабуся, продолжалъ отчаянный Точильщикъ: — ни одинъ чортъ тебѣ не скажетъ, куда они поѣхали, потому-что, видишь ты, они уѣхали различными дорогами, поодиночкѣ.

— Вотъ что! Смекаю, касатикъ: они назначили мѣсто, гдѣ должны съѣхаться? Такъ, такъ!

— То есть, если бы имъ не нужно было съѣхаться, они, я полагаю, остались бы дома, миссисъ Браунъ: не такъ ли?

— Правда, касатикъ, правда. Ну, что дальше? продолжай! говорила старуха, ухватившись крѣпче за его руки, какъ-будто опасаясь, какъ бы онъ не ускользнулъ.

— Да чегожъ тебѣ надобно, миссисъ Браунъ? Развѣ этого мало? возразилъ отчаянный Точильщикъ, терпѣвшій во все это время невыносимую пытку, какъ-будто съ каждымъ отвѣтомъ вытягивалась изъ него новая жила. — То есть еще смѣялась ли она въ ту ночь? Кажись, ты спрашивала, бабушка, смѣялась ли она?

— Или плакала? прибавила старуха, кивая головой.

— Не смѣялась и не плакала, сказалъ Точильщикъ. — Она была такъ тверда, когда она и я.... послушай, бабушка, тебѣ, я вижу, нужна вся подноготная. Такъ и быть! Только дай напередъ торжественную клятву, что ты никому объ этомъ не заикнешься.

Мистриссъ Браунъ, іезуитка отъ природы, немедленно поклялась всемогущимъ Творцомъ, прибавивъ, что въ случаѣ нарушенія клятвы, она готова провалиться въ преисподнюю, въ таръ-тарары. При этомъ она сдѣлала изподтишка лукавый кивокъ на мистера Домби.

— Такъ въ ту пору, говорю я, когда она и я пошли къ Саутамптону (*), она была такъ тверда, какъ гранитъ, продолжалъ Точильщикъ. — Такою же она была и поутру, миссисъ Браунъ. Когда на разсвѣтѣ она сѣла въ шлюпку и поѣхала — я какъ ея слуга стоялъ на берегу, чтобы видѣть, все ли благополучно — она ни въ чемъ и нисколько не измѣнилась. Теперь довольна ли ты, миссисъ Браунъ?

— Нѣтъ, лебедикъ, еще не совсѣмъ, отвѣчала мистриссъ Браунъ рѣшительнымъ тономъ.

— Вотъ навязалась старуха! Ахъ, ты Господи Твоя воля! визжалъ неутѣшный Точильщикъ, безполезно горюя о своей судьбѣ. — Да чего тебѣ еще надо, миссисъ Браунъ?

— Что сталось съ хозяиномъ? куда онъ дѣвался? спрашивала старуха, прижимаясь къ нему тѣснѣе и пронизывая его лицо своими кошачьими глазами.

— Ну, вотъ этого я, ей же ей не знаю, миссисъ Браунъ, отвѣчалъ Благотворительный Точильщикъ. — Лопни мои глаза,

(*) *Southampton* — одна изъ главныхъ частей Лондона на берегу Темзы, гдѣ есть перевозъ, называемый также *Southampton*. *Примѣчаніе переводчика*.

если я вѣдаю сколько-нибудь, что онъ тогда дѣлалъ, куда поѣхалъ или зачѣмъ поѣхалъ. Помню только, и хорошо помню, онъ сказалъ мнѣ на прощаньи, чтобы я держалъ свой языкъ за зубами; нето, прибавилъ онъ, я повѣшу тебя на первой осинѣ. И я скажу тебѣ, мистриссъ Браунъ, какъ искреннему другу, что если тебѣ вздумается проболтаться съ кѣмъ-нибудь насчетъ того, о чемъ мы съ тобой толковали, то ужь лучше ты взорви себѣ черепъ или спали себя вмѣстѣ съ этой избушкой, нето онъ догонитъ и захватитъ тебя въ самомъ омутѣ чертей. Ты и вполовину его не знаешь такъ, какъ я, миссисъ Браунъ. Не будетъ отъ него никакого спасенья, говорю тебѣ.

— Развѣ я не поклялась тебѣ, голубчикъ? возразила старуха тономъ упрека. — Небось, я умѣю держать клятвы.

— То-то же, смотри, миссисъ Браунъ, я надѣюсь, ты не захочешь погубить ни себя, ни меня.

При этомъ дружескомъ совѣтѣ онъ бросилъ на нее умильный взоръ и съ особеннымъ эффектомъ кивнулъ головою; но, не находя слишкомъ большой отрады при встрѣчѣ съ жолтымъ лицомъ и хорьковыми бѣлками старой вѣдьмы, прижавшейся къ нему еще тѣснѣе, онъ неохотно опустилъ глаза въ землю и сѣлъ переминаясь на свой стулъ, рѣшившись повидимому во что бы ни стало хранить упорное молчанie при всѣхъ послѣдующихъ вопросахъ. Старуха между тѣмъ, пользуясь этимъ случаемъ, подняла на воздухъ указательный паленъ своей правой руки, давая знать своему тайному наблюдателю, что вотъ теперь-то собственно онъ долженъ слушать обоими ушами.

— Робинъ! начала мистриссъ Браунъ самымъ вкрадчивымъ тономъ.

— Ну, да что еще, миссисъ Браунъ? сказалъ отчаянный Точильщикъ.

— Робинъ! гдѣ уговорился твой хозяинъ съѣхаться съ этой барыней?

Благотворительный Точильщикъ повернулся два-три раза на своемъ стулѣ, взглянулъ на полъ, взглянулъ на потолокъ, закусилъ ноготь большого пальца, перебралъ всѣ пуговицы на жилетѣ и, взглянувъ искоса на свою неумолимую мучительницу, окончательно сказалъ:

— Какъ я могу это знать, миссисъ Браунъ?

Старуха опять какъ прежде сдѣлала сигналъ своимъ указательнымъ пальцемъ.

— Пошевеливайся, любезный, пошевеливайся! Некчему было доводить меня до этого мѣста и бросить ни съ чѣмъ. Я хочу знать, и буду знать, во чтó бы ни стало!

— Да ты-таки посуди сама, неразумная ты женщина, какъ могу я выговаривать французскія имена городовъ?

— Ты могъ слышать, какъ ихъ произносили при тебѣ. Пошевеливайся, Робби!

— При мнѣ ихъ вовсе не произносили, миссисъ Браунъ.

— Ну, такъ ты видѣлъ, любезный, какъ ихъ писали, и теперь ты можешь ихъ сложить, быстро подхватила старуха, не спуская съ него глазъ.

Проникнутый невольнымъ удивленіемъ къ этой необыкновенной догадливости своего палача, Робинъ испустилъ не то чтобы стонъ и не то чтобы крикъ, и порывшись нѣсколько времени въ карманѣ своего жилета, вынулъ оттуда кусокъ мѣлу. При этомъ глаза старухи запрыгали съ изумительной быстротой, и она еще разъ дрожащей рукой подала свой таинственный сигналъ, когда Точильщикъ началъ отчищать на столѣ мѣсто, чтобы удобнѣе писать.

— Изволь, миссисъ Браунъ, напишу. Только ужь ты ни о чемъ больше меня не спрашивай: это было бы безполезно. Я ничего не знаю, и слѣдовательно ничего не могу сказать. Долго ли и зачѣмъ будутъ они ѣхать порознь, чтó и какъ станутъ дѣлать, когда съѣдутся, — все это мнѣ столько же извѣстно, миссисъ Браунъ, какъ и тебѣ, то есть я рѣшительно ничего тутъ не смыслю. Ты сама повѣришь, если скажу, какъ отыскалъ я это слово. Сказать, миссисъ Браунъ?

— Скажи, лебедикъ.

— Изволь, бабушка. Когда.... только чуръ ужь больше не спрашивать? говорилъ Робинъ, поворачивая на нее свои глаза, которые были теперь безсмысленны и сонливы. — Не станешь спрашивать?

— Не стану, касатикъ.

— Ну, такъ это случилось вотъ какимъ манеромъ. Оставивъ со мной эту леди, хозяинъ положилъ ей въ руку какую-то записку, сказавъ, что это на случай, если она забудетъ. Но она не боялась забыть, потому-что лишь только онъ отвернулся, она

изорвала бумагу въ клочки и выбросила за окно кареты. На бумагѣ было всего только одно слово — я это хорошо видѣлъ — и я поспѣшилъ подобрать клочокъ, на которомъ оно было написано. Это слово я пожалуй нарисую тебѣ, миссисъ Браунъ, да только смотри, помни свою клятву.

Мистриссъ Браунъ замѣтила, что очень помнитъ. Не имѣя больше никакихъ возраженій, Робинъ медленно и съ большимъ трудомъ началъ рисовать на столѣ мѣломъ:

— «Д»; старуха громко произнесла эту букву, когда Точильщикъ ее начертилъ.

— Да будешь ли ты молчать, миссисъ Браунъ? воскликнулъ Робинъ, съ нетерпѣніемъ обращаясь къ старухѣ и закрывая ладонью написанную букву. — Складывать вовсе не слѣдуетъ, иначе я перестану писать. Пожалуйста, бабушка, не шевелись.

— Ну, такъ ставь буквы подлиннѣе, касатикъ, отвѣчала старуха, повторяя свой тайный сигналъ: — мои глаза, ты знаешь, не хорошо разбираютъ и печать.

Проборматавъ что-то про себя, Точильщикъ съ неудовольствіемъ принялся за работу. Между тѣмъ какъ онъ нагнулъ свою голову, господинъ, для котораго онъ такъ безсознательно трудился, выдвинулся изъ-за двери не далѣе какъ на одинъ шагъ разстоянія отъ его плеча и принялся внимательно слѣдить за медленнымъ движеніемъ его руки. Въ тоже самое время Алиса, наблюдая его съ противоположнаго стула, шевелила губами при каждой буквѣ, не произнося ея громко. При концѣ каждаго штриха, она и мистеръ Домби быстро взглядывали другъ на друга, какъ-будто для подтвержденія своихъ мыслей, и такимъ образомъ они разомъ сложили: D. I. J. O. N.

— Вотъ тебѣ! сказалъ Точильщикъ, поспѣшно накусливая ладонь своей руки, чтобы стереть начерченное слово. Недовольный этимъ, онъ принялся съ ожесточеніемъ тереть по столу обшлагомъ своего рукава до тѣхъ поръ, пока не исчезъ самый слѣдъ мѣлу. — Ну, миссисъ Браунъ, теперь, надѣюсь, ты довольна!

Въ изъявленіе своего совершеннѣйшаго удовольствія, старуха выпустила его руку и погладила его по спинѣ. Утомленный продолжительной вознею и винными парами, Благотворительный Точильщикъ опустилъ локти на столъ, положилъ на нихъ свою голову и тутъ же заснулъ глубокимъ сномъ.

Убѣдившись, что онъ спитъ крѣпко и храпитъ громко, старуха оборотилась къ дверямъ, гдѣ стоялъ въ засадѣ мистеръ Домби, и пригласила его потихоньку выбираться изъ комнаты. Даже въ эту минуту она растопырилась надъ Робиномъ, готовая ослѣпить его своими руками или притиснуть къ столу его голову, если онъ подыметъ ее прежде чѣмъ прекратится послѣднiй шумъ таинственныхъ шаговъ. Но ея взглядъ, проницательно слѣдившiй за спящимъ юношей, еще проницательнѣе наблюдалъ бодрствующаго мужа, и когда мистеръ Домби, прикоснувшись къ ея ладони своей рукой, произвелъ на ней, несмотря на всю свою предосторожность, звонкiй, золотой звукъ, глаза старухи засверкали какъ у ворона и съ жадностiю впились въ полученный подарокъ.

Мрачный взглядъ дочери, провожавшiй его къ дверямъ, хорошо замѣтилъ, какъ онъ былъ блѣденъ, и какъ его ускоренная поступь обнаруживала, что малѣйшее замедленiе было для него невыносимымъ принужденiемъ, и какъ горѣлъ онъ жаждою дѣятелности; когда наконецъ дверь потихоньку затворилась, она оглянулась на свою мать. Подпрыгнувъ къ ней, старуха открыла ладонь, чтобы показать золото, и потомъ, сжавъ ее опять съ ревнивою жадностiю, прошептала:

— Что́ онъ станетъ дѣлать, Алисынька?

— Зло, отвѣчала дочь.

— Убiйство? спросила старуха.

— Онъ бѣшенъ теперь въ своей ужаленной гордости и готовъ пожалуй на все.

Больше онѣ ничего не сказали и усѣлись каждая на своей сторонѣ. Мать бесѣдовала съ своимъ золотомъ, дочь съ своими мыслями; ихъ взоры свѣтились во мракѣ слабо освѣщенной комнаты. Робинъ спалъ и храпѣлъ. Одинъ только попугай, на котораго не обращали вниманiя, былъ въ постоянной дѣятельности. Онъ рвалъ и клевалъ своимъ крючковатымъ носомъ вызолоченную клѣтку, карабкался подъ куполомъ, бѣгалъ по кровлѣ какъ муха вверхъ ногами, и кусалъ, и шатался, и шумѣлъ при каждомъ колебанiи проволоки, какъ-будто сознавалъ онъ опасность своего хозяина и хотѣлъ, насильственно вырвавшись изъ плѣна, предварить его объ угрожающей бѣдѣ.

ГЛАВА LIII.

ЕЩЕ ИЗВѢСТІЕ.

Одиноко и вдали отъ всѣхъ этихъ треволненій жили въ своемъ углу отверженные братъ и сестра преступнаго бѣглеца, но его вина обрушилась на нихъ гораздо болѣе тяжолымъ бременемъ, чѣмъ на человѣка, котораго онъ оскорбилъ такъ безжалостно и такъ жестоко. Неумолимый свѣтъ, при всей своей взыскательности и неотвязчивости, оказалъ мистеру Домби по-крайней-мѣрѣ ту услугу, что безпрестанно разжигалъ его господствующую страсть, кололъ и пришпоривалъ его гордость, сосредоточивая всѣ его мысли и чувства на одномъ предметѣ, который сдѣлался теперь единственною цѣлію его умственнаго и нравственнаго бытія. Вся упругость и чопорность его натуры, весь ея мракъ и суровость слились теперь подобно многимъ мелкимъ ручьямъ въ одну обширную и быструю рѣку, которая неудержимо покатила свои бурливыя волны въ океанъ тщеславія, гордости и надутаго самолюбія, проникнутнаго преувеличеннымъ сознаніемъ своей личной важности. Сказочный богатырь, доведенный до послѣдней степени геройства и свирѣпости своими мелкими врагами, былъ бы теперь кроткимъ агнцемъ въ сравненіи съ мистеромъ Домби. Лютый и взбѣшонный звѣрь, напущенный на стаю гончихъ, ровно ничего передъ этимъ чопорнымъ джентльменомъ въ его накрахмаленномъ галстухѣ, на которомъ нѣтъ ни малѣйшей морщинки.

Но самая взбалмошность его мысли уже замѣняла отчасти исполненіе ея на дѣлѣ. Покамѣстъ онъ не зналъ, куда укрылся его отъявленный врагъ, жажда мщенія отвлекала его умъ отъ собственнаго бѣдствія, и онъ надосугѣ потѣшался перспективой будущаго своего геройства. Но братъ и сестра его ложнаго любимца не имѣли такого утѣшенія: всѣ явленія въ ихъ исторіи, прошедшія и настоящія, придавали его преступленію значеніе самое гибельное для нихъ.

Сестра съ горестію думала иногда, что если бы она осталась при немъ вѣрной спутницей его жизни, быть можетъ онъ избѣжалъ бы преступленія, въ которое впалъ; но думая такимъ об-

разомъ, она отнюдь не жалѣла о томъ, что́ сдѣлала, и ни мало не возвышала цѣны своего самопожертвованія. Напротивъ, когда эта возможность представлялась ея заблудшему и раскаявшемуся брату, она падала на его сердце такимъ ужаснымъ бременемъ, которое онъ едва могъ выносить, и при этомъ ни разу не входила въ его голову мысль объ отмщеніи своему жестокому брату. Новое обвиненіе самого себя и глубокое сознаніе своего нравственнаго униженія, — вотъ единственныя размышленія, возникавшія въ его головѣ по поводу печальнаго событія.

Въ тотъ самый день, котораго вечеръ склонился на послѣдней главѣ, когда свѣтскіе люди суетливо занимались рѣшеніемъ разныхъ статей относительно похищенія мистриссъ Домби, окно комнаты, гдѣ братъ и сестра сидѣли за раннимъ завтракомъ, затемнилось неожиданною тѣнью человѣка, подошедшаго къ маленькой калиткѣ. Этотъ человѣкъ, съ вашего позволенія, былъ Перчъ Разсыльный.

— А я къ вамъ съ Чистыхъ Прудовъ, заголосилъ мистеръ Перчъ, довѣрчиво заглядывая въ комнату и вытирая о половикъ сапоги, на которыхъ впрочемъ не было грязи. — Раненько, изволите видѣть, да мнѣ, мистеръ Каркеръ, приказано вручить вамъ письмецо прежде чѣмъ выйдите вы сегодня со двора. Признаться, мнѣ слѣдовало бы притти сюда получасомъ раньше, да вотъ жена-то моя, — что́ станешь дѣлать? — чуть, чуть не потерялъ ея нынѣшнюю ночь.

— Мистриссъ Перчъ очень больна? спросила Герріэтъ.

— Она, вотъ видите ли, миссъ, сказалъ Перчъ, оборотившись напередъ къ двери, чтобы тщательно ее запереть: — слишкомъ принимаетъ къ сердцу всѣ эти обстоятельства, которыя повстрѣчались съ нашимъ Торговымъ домомъ. Нервы у нея очень нѣжны и удивительно какъ скоро разструниваются. А и то сказать, тутъ есть отчего перевернуться и желѣзнымъ нервамъ. Вы сами разумѣется очень разстроены, миссъ.

Герріэтъ подавила вздохъ и взглянула на своего брата.

— Я и самъ, милостивая государыня, развинтился въ эти дни такъ, что и вообразить не могу, продолжалъ Перчъ, энергически тряхнувъ головой. — Все это ошеломило меня такъ, какъ будто я пьянствовалъ цѣлую недѣлю, и право, сударыня, я каждое утро чувствую, что голова моя все равно какъ пустой барабанъ.

Наружность мистера Перча подтверждала самымъ дѣломъ несомнѣнную дѣйствительность этихъ симптомовъ. Лихорадочный видъ и очевидное разслабленіе всего его организма могли быть объяснены не иначе, какъ многочастными и многообразными возліяніями шнапсовъ, которыми каждый день угощали его на трактирныхъ прилавкахъ, гдѣ имѣлъ онъ обыкновеніе повѣствовать съ одушевленнымъ краснорѣчіемъ о послѣднихъ приключеніяхъ въ Торговомъ домѣ.

— Стало быть я могу судить, сказалъ мистеръ Перчъ, тряхнувъ опять головою и придавая серебристый отзвонокъ своей рѣчи: — чтó и какъ должны чувствовать особы, которыя сами нѣкоторымъ образомъ соприкосновенны къ этимъ печальнымъ дѣламъ.

Здѣсь мистеръ Перчъ поджидалъ обнаруженій дружеской откровенности, но не дождавшись никакой откровенности, кашлянулъ изъ-подъ руки. Такъ-какъ это ни къ чему не повело, онъ кашлянулъ изъ-подъ шляпы, и такъ-какъ это ни къ чему не повело, то онъ поставилъ шляпу на полъ и полѣзъ въ карманъ своей жилетки за письмомъ.

— Отвѣта, кажись, не велѣно дожидаться, сказалъ мистеръ Перчъ съ ласковой улыбкой: — но вы можетъ быть потрудитесь, сударь, пробѣжать его при мнѣ.

Джонъ Каркеръ разломалъ печать мистера Домби и, овладѣвъ содержаніемъ, которое было очень коротко, отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Отвѣтъ ненуженъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, позвольте пожелать вамъ добраго утра, сказалъ Перчъ, дѣлая шагъ къ дверямъ. — Я надѣюсь и даже увѣренъ, вы не будете слишкомъ огорчаться послѣднимъ печальнымъ обстоятельствомъ. Въ газетахъ разсказываются такія вещи, о какихъ вы и не думаете, сказалъ Перчъ, дѣлая отъ дверей два шага назадъ и обращаясь съ таинственнымъ шопотомъ къ брату и сестрѣ. — Одинъ воскресный газетчикъ....

Должно замѣтить, что Перчъ Разсыльный, по невѣжеству, свойственному англійскимъ лакеямъ, всѣхъ журналистовъ называлъ газетчиками, не умѣя различить писателя отъ разнощичика афишъ.

— Одинъ воскресный газетчикъ, говорилъ Перчъ: — въ синей шинели и бѣлой шляпѣ, не разъ собирался меня подкупить

и задобрить разными предложеніями, да только я всегда отдѣлывалъ его, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Вчера вечеромъ онъ часа четыре шлялся около нашей конторы, и я самъ видѣлъ, какъ онъ приставлялъ свой глазъ къ замочной щели. Другой газетчикъ каждый день вертится въ знакомомъ мнѣ трактирѣ. Разъ какъ-то на прошлой недѣлѣ сорвалось у меня съ языка два, три слова, — и чтожь бы вы думали? Онъ на другой же день оттиснулъ ихъ въ своей газетѣ, — да и какъ оттиснулъ, если бы вы знали! Уму непостижимо!

Мистеръ Перчъ полѣзъ въ свой карманъ какъ-будто съ намѣреніемъ вытащить клочокъ газеты, но, не получивъ никакого поощренія, вынулъ оттуда свои бобровыя перчатки, поднялъ шляпу и простился. Часа черезъ два всѣ его пріятели въ знакомой харчевнѣ уже знали, какимъ манеромъ миссъ Каркеръ, заливаясь горючими слезами, схватила Перча за обѣ руки и сказала: «охъ, Перчъ! милый, дорогой Перчъ, видѣть васъ — моя единственная отрада!» и какимъ способомъ мистеръ Джонъ Каркеръ, взъерошивая свои волосы, воскликнулъ строжайшимъ голосомъ: — «Перчъ, я отказываюсь отъ него. Никогда не называй его моимъ братомъ въ моемъ присутствіи!»

Оставшись одни, братъ и сестра сначала не говорили ни слова. Молчаніе прервала Герріэтъ.

— Что̀, милый Джонъ: дурныя вѣсти въ этомъ письмѣ?

— Да; но неожиданнаго нѣтъ ничего. Я вчера видѣлъ его.

— Его?

— То есть мистера Домби, который теперь ко мнѣ пишетъ. Онъ вчера два раза проходилъ по конторѣ, когда я тамъ былъ. Мнѣ нельзя было отъ него долѣе укрываться, и я очень знаю, что мое присутствіе должно казаться для него обиднымъ. Я это чувствую какъ нельзя лучше.

— Онъ ничего не сказалъ?

— Ничего; но я видѣлъ, что его взоръ остановился на мнѣ, и это заранѣе приготовило меня къ тому, что̀ должно было случиться. Мнѣ отказано отъ мѣста!

Сестра старалась по возможности казаться спокойною, но полученныя новости были слишкомъ печальны по многимъ причинамъ. Джонъ Каркеръ читалъ:

«Мнѣ конечно нѣтъ надобности объяснять, почему ваше имя съ нѣкотораго времени звучитъ въ моихъ ушахъ неестествен-

нымъ звукомъ и почему невыносимъ для меня одинъ взглядъ на человѣка, который носитъ вашу фамилію. Съ этого дня прекращается всякое обязательство между нами, и я требую, чтобы впредъ вы ни по какому поводу не старались притти или поставить себя въ соприкосновеніе съ моей фирмой».

— Вотъ и все, милая Герріэтъ, продолжалъ Джонъ Каркеръ. — При письмѣ вложенъ банковый билетъ, равносильный моему третному жалованью. Право, сестрица, мистеръ Домби поступаетъ со мной еще слишкомъ милостиво, если взять въ расчетъ все, чтó случилось.

— Да, очень милостиво, Джонъ, если справедливо наказывать одного за проступки другого, отвѣчала сестра.

— Мы сдѣлались для него какимъ-то зловѣщимъ отродьемъ, говорилъ Джонъ. — Нѣтъ ничего мудренаго, если онъ дрожитъ при одномъ звукѣ нашей фамиліи, и думаетъ, что въ крови нашей заключены проклятыя сѣмена, плодовитыя на несчастья всякаго рода. Я самъ не прочь отъ этихъ мыслей, если бы только не ты, Герріэтъ.

— Перестань, братъ. Если у тебя, какъ ты думаешь и часто говоришь наперекоръ моему личному убѣжденію, есть особыя причины любить меня, пощади мой слухъ отъ этихъ дикихъ выраженій!

Онъ закрылъ лицо обѣими руками, но сестра, подойдя къ нему, нѣжно взяла его за одну руку.

— Чтó ни говори, братъ, а получить отставку отъ единственнаго мѣста, съ которымъ ты связанъ продолжительной привычкой, вещь очень трудная для насъ обоихъ, особенно, если взять въ расчетъ несчастный поводъ къ этой непредвидѣнной бѣдѣ. Намъ должно позаботиться о средствахъ къ существованію.... впрочемъ чтóжь такое? Мы оба станемъ бороться съ нашей судьбой безъ смущенія и безъ страху, и я съ своей стороны увѣрена, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, если только присутствіе духа тебя не оставитъ.

Ободряя такимъ образомъ своего брата, она цаловала его въ щоку, и улыбка играла на ея губахъ.

— О милая сестра! Ты по своей собственной благородной волѣ соединила судьбу свою съ погибшимъ человѣкомъ, котораго имя осрамлено клеймомъ безславія! Не имѣя самъ ни одно-

го друга, я въ тоже время отнялъ и у тебя всѣхъ возможныхъ друзей!

— Джонъ! — Она поспѣшно положила руку на его губы. — Ради меня! Въ воспоминаніе нашей продолжительной дружбы! — Онъ молчалъ. — Теперь, мой милый, мнѣ надобно въ свою очередь сказать нѣсколько словъ. — Она спокойно сѣла подлѣ него. — Я, точно такъ же какъ и ты, готовилась исподволь къ тому, чтȯ теперь случилось съ нами, и была у меня тайна, которую время наконецъ открыть. Дѣло въ томъ, мой милый, что у насъ, сверхъ твоего чаянія, есть одинъ общій другъ.

— Какъ его зовутъ, Герріэтъ? спросилъ Джонъ съ грустною улыбкой.

— Право я не знаю; но однажды онъ весьма серьёзно увѣрялъ меня въ своемъ дружествѣ и объявилъ искреннее желаніе быть намъ полезнымъ. Я ему вѣрю.

— Герріэтъ! воскликнулъ удивляющійся братъ: — гдѣ живетъ этотъ другъ?

— И этого я не знаю, отвѣчала сестра: — но онъ знаетъ насъ обоихъ, и ему въ совершенствѣ извѣстна наша общая исторія. Вотъ почему между прочимъ, по собственному его совѣту, я скрыла отъ тебя, милый Джонъ, что онъ былъ въ нашемъ домѣ: тебя огорчило бы извѣстіе о такомъ человѣкѣ.

— Неужели, Герріэтъ, онъ былъ въ нашемъ домѣ?

— Да, въ этой самой комнатѣ. Разъ только.

— Чтȯжь это за человѣкъ?

— Не молодой. Его волосы сѣдѣютъ и скоро, какъ онъ говорилъ, совсѣмъ сдѣлаются сѣдыми. Но онъ великодушенъ, добръ и, я увѣрена, неспособенъ къ притворству.

— И ты видѣла его только однажды, Герріэтъ?

— Однажды въ этой комнатѣ, отвѣчала сестра, которой щоки въ эту минуту покрылись яркимъ румянцемъ: — но бывши здѣсь, онъ убѣдительно просилъ, чтобы я позволила ему видѣть себя разъ въ недѣлю, когда будетъ онъ проходить мимо нашего дому. Это должно было напоминать ему, что мы покамѣстъ не имѣемъ нужды въ его услугахъ, потому-что, когда онъ вызывался на эти услуги, я рѣшительно объявила, что мы не нуждаемся ни въ чемъ.

— И разъ въ недѣлю....

— Каждую недѣлю съ той поры одинъ разъ, и всегда въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, онъ проходилъ пѣшкомъ мимо нашего дому, всегда по одному и тому же направленію — въ Лондонъ, останавливаясь не болѣе какъ на минуту, чтобы раскланяться со мной и дать знать движеніемъ руки, что онъ помнитъ и заботится о насъ какъ добрый опекунъ. Онъ обѣщалъ эту аккуратность въ свое единственное свиданье со мной и выполнялъ обѣщаніе съ такою безпримѣрною отчетливостію, что если сначала я сколько-нибудь могла усомниться въ искренности его словъ, зато впослѣдствіи ни тѣни сомнѣнія не оставалось въ моей душѣ, и я всегда съ радостной увѣренностью дожидалась урочнаго часу, въ который долженъ былъ неминуемо появиться этотъ необыкновенный человѣкъ. Но въ послѣдній понедѣльникъ, слѣдовавшій за ужаснымъ событіемъ, онъ не явился, и я начинаю подозрѣвать, не имѣетъ ли его отсутствіе какой-нибудь связи съ тѣмъ, чтó случилось въ нашей фирмѣ.

— Какъ же это? спросилъ братъ.

— Я и сама не знаю: только одновременность происшествій навела меня на эту догадку, и я не старалась отдать въ ней яснаго отчета. Чувствую впрочемъ, что онъ непремѣнно долженъ воротиться, и если дѣйствительно воротится, позволь мнѣ, милый Джонъ, объявить ему, что я говорила наконецъ о немъ тебѣ, и что ты желаешь узнать его лично. Онъ, безъ сомнѣнія, откроетъ для тебя новый источникъ существованія, потому-что въ ту пору онъ именно просилъ позволенія позаботиться объ улучшеніи нашей жизни, и я должна была обѣщать, что если мы будемъ имѣть нужду въ другѣ, то я вспомню о немъ. Тогда, сказалъ онъ, и его имя не будетъ для насъ тайной.

Джонъ Каркеръ слушалъ все это съ большимъ вниманіемъ, и удивленіе его, казалось, возрастало съ минуты на минуту.

— Герріэтъ, опиши мнѣ этого человѣка. Я навѣрно долженъ же знать человѣка, который такъ хорошо знаетъ меня.

Его сестра живо нарисовала всѣ черты, станъ и платье своего таинственнаго посѣтителя; но Джонъ Каркеръ, потому ли, что не имѣлъ понятія объ оригиналѣ, или по какой-нибудь ошибкѣ въ ея описаніи, или просто отъ разсѣянности въ мысляхъ, не могъ угадать портрета, который она представляла передъ нимъ.

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе обоюднаго рѣшенія Джонъ Каркеръ долженъ былъ увидѣть оригиналъ при первомъ его появленіи. Послѣ этого уговора, сестра, успокоенная откровеннымъ объясненіемъ, принялась за свои домашнія дѣла; а сѣдой ея братъ, бывшій младшимъ между писарями въ купеческой конторѣ, началъ работать въ саду въ этотъ первый день своей небывалой свободы.

Была ночь. Братъ читалъ вслухъ какую-то книгу; сестра сидѣла за иголкой: внезапный стукъ въ дверь прервалъ ихъ занятія. Въ атмосферѣ необыкновеннаго безпокойства и страха, парившихъ надъ ними въ связи съ ихъ братомъ-бѣглецомъ, этотъ звукъ, необыкновенный самъ по себѣ, казался для нихъ почти возмутительнымъ. Братъ подошелъ къ дверямъ; сестра осталась на своемъ мѣстѣ и съ робостью прислушивалась. Чей-то голосъ спрашивалъ, и Джонъ Каркеръ, казалось, отвѣчалъ съ изумленіемъ. Промѣнявшись нѣсколькими вопросами и отвѣтами, оба вошли въ дверь.

— Герріэтъ, сказалъ братъ, представляя позднято посѣтителя: — мистеръ Морфинъ, джентльменъ изъ конторы Домби.

Сестра отпрянула назадъ, какъ-будто померещился ей призракъ. На порогѣ стоялъ ея таинственный другъ съ просѣдью въ черныхъ волосахъ, съ румянымъ лицомъ, широкимъ и открытымъ челомъ, съ глазами, полными огня, — тотъ самый другъ, котораго тайну хранила она столь долгое время.

— Джонъ! сказала она, едва переводя духъ. — Это тотъ джентльменъ, о которомъ я говорила тебѣ сегодня!

— Этотъ джентльменъ, миссъ Герріэтъ, сказалъ посѣтитель, входя въ комнату — онъ стоялъ нѣсколько минутъ на порогѣ: — джентльменъ очень радъ слышать отъ васъ эти слова: на пути къ этому дому онъ перебиралъ тысячи средствъ, какъ бы приличнѣе объясниться, и не остановился ни на одномъ. Мистеръ Джонъ, я здѣсь не совсѣмъ чужой. Вы съ изумленіемъ встрѣтили меня на этомъ порогѣ, и я замѣчаю, что въ эту минуту вы еще болѣе изумлены. Чтожь такое? Это совершенно въ порядкѣ вещей. Если бы всѣ мы не были исчадьями привычки, такъ никто бы изъ насъ не имѣлъ и половины причинъ къ обнаруженіямъ своего удивленія.

Говоря это, онъ радушно и вмѣстѣ почтительно привѣтствовалъ Герріэтъ, и усѣвшись подлѣ нея, скинулъ свои перчатки и бросилъ ихъ на столъ въ свою шляпу.

— Разумѣется, мистеръ Джонъ, удивительнаго ничего нѣтъ, если во мнѣ обнаружилось желаніе видѣть вашу сестрицу, и если я по своему выполнилъ то, чего желалъ. Чтóжь касается до аккуратности моихъ недѣльныхъ визитовъ.... то есть, я думаю, она вамъ говорила о нихъ.... необыкновеннаго и тутъ ничего нѣтъ. Эти похожденія обратились въ привычку, а мы, дѣло извѣстное, всѣ исчадія привычки, никакъ не болѣе!

Запрятавъ свои руки въ карманы и облокотившись на стулъ, онъ смотрѣлъ на брата и сестру, какъ-будто ему особенно интересно было видѣть ихъ вмѣстѣ.

— Привычка, съ вашего позволенія, дѣлаетъ все, говорилъ мистеръ Морфинъ съ нѣкоторою раздражительностію: — одни, по милости привычки, укореняются съ каждымъ днемъ въ люциферовой гордости и чопорности; другіе дѣлаютъ успѣхи въ низости и подлости, а бóльшая часть изъ насъ все по той же причинѣ равнодушно глазѣетъ на міръ и его чудеса, то есть, другими словами: привычка, какъ искусный ваятель, вырабатываетъ изъ глины нашего организма предиковинные болванчики, способные ко всякимъ впечатлѣніямъ и убѣжденіямъ. За примѣрами ходить недалеко, и я указываю вамъ на самого себя. Цѣлые годы я обнаруживалъ свое скромное участіе въ управленіи торговымъ домомъ, и я видѣлъ, мистеръ Джонъ, какъ вашъ братъ, — мерзавецъ первой руки.... миссъ Герріэтъ извинитъ меня за этотъ титулъ — какъ онъ распространялъ больше и больше свое вліяніе до тѣхъ поръ, пока контора и ея хозяинъ сдѣлались его подножнымъ мячикомъ; и видѣлъ я, какъ въ то же время вы каждый день работали за своей скромной конторкой; и я былъ совершенно доволенъ, что все вокругъ меня шло своей чередой, правильно и стройно, подобно огромной машинѣ, заведенной продолжительною привычкой, и былъ я очень радъ, что меня собственно никто не отвлекалъ отъ моихъ занятій. Мои вечера по середамъ приходили и уходили, квартеты наши устроивались дружно, мой віолончель былъ въ полномъ ходу, и все въ моемъ мірѣ обстояло благополучно, такъ-что, я думаю, никто бы не пожаловался на меня.

— Могу засвидѣтельствовать, сказалъ Джонъ Каркеръ: — что во все это время васъ любили и уважали болѣе чѣмъ другого кого-нибудь въ торговомъ домѣ.

— Э, полно-те, любезный другъ! Мой характеръ, видите ли, довольно мягокъ, податливъ можетъ быть, — вотъ и все тутъ, а главное: у меня была привычка для всей моей жизни. Привычка управляла главнымъ прикащикомъ, настроивала чопорное поведеніе его начальника, и она же шпиговала меня какъ нельзя лучше. Я дѣлалъ тихо и скромно то, что̀ досталось на мою долю, не спотыкался передъ ними и не падалъ, и былъ очень радъ, что занимаю теплое мѣстечко, необидное и незавидное ни для кого. Такъ бы и прошло все это своимъ чередомъ, если бы на бѣду въ моей комнатѣ не была слишкомъ тонкая стѣна. Вы можете сказать вашей сестрицѣ, что комната моя отдѣлялась отъ кабинета главнаго прикащика панельною перегородкой.

— Это двѣ смежныя комнаты, которыя сначала вѣроятно составляли одну, а потомъ раздѣлили ихъ такъ, какъ говоритъ мистеръ Морфинъ, сказалъ братъ, обращаясь къ Герріэтъ, чтобы сдѣлать ей это объясненіе.

— Я свистѣлъ, стучалъ, барабанилъ, наигрывалъ бетховенскія сонаты, давая знать господину Каркеру, что его могутъ слышать, но онъ не обращалъ на меня никакого вниманія. Рѣдко правда до моего слуха доходила какая-нибудь важная матерія, но какъ скоро доходила, я старался немедленно куда-нибудь уйти. Такъ, напримѣръ, я вышелъ изъ своей комнаты въ ту пору, когда между двумя братьями завязался разговоръ, котораго свидѣтелемъ былъ сначала молодой Вальтеръ Гэй. Впрочемъ въ мое ухо залетѣло слишкомъ много, прежде чѣмъ я вышелъ изъ дверей. Можетъ вы напомните вашей сестрицѣ, о чемъ тогда шла рѣчь.

— Мы говорили, Герріэтъ, о нашихъ родственныхъ отношеніяхъ и о нашемъ положеніи въ торговомъ домѣ.

— Матерія не новая, но она представлялась для меня въ новомъ свѣтѣ, и тутъ первый разъ повихнулась моя привычка думать, что все вокругъ меня идетъ отличнымъ манеромъ. Я живо припомнилъ исторію двухъ братьевъ и началъ понемногу вдумываться въ ихъ судьбу. Такое раздумье взяло меня едва ли не въ первый разъ въ жизни, и тутъ мнѣ по естественному ходу

вещей пришло въ голову, что всякой предметъ кромѣ лицевой стороны имѣетъ еще такъ называемую изнанку, отъ которой вовсе не слѣдуетъ отворачивать глазъ. Послѣ этого утра мнѣ сдѣлалось неловко, и я, что называется, вывихнулся изъ своей колеи.

Съ минуту онъ барабанилъ по столу, не говоря ни слова, и потомъ началъ скороговоркой, желая повидимому разомъ покончить свою трудную исповѣдь.

— Прежде чѣмъ узналъ я, что мнѣ дѣлать, между двумя братьями опять завязался разговоръ, въ которомъ упоминалось имя ихъ сестры. Тутъ уже я безъ зазрѣнія совѣсти навострилъ уши и вникалъ во всѣ подробности этой матеріи, считая ее своей собственностію. Чрезъ нѣсколько дней я присвоилъ себѣ право сдѣлать визитъ сестрѣ этихъ двухъ братьевъ. Первый разъ я остановился у садовой калитки подъ предлогомъ навести кое-какія справки насчетъ бѣднаго сосѣда; но скоро я своротилъ съ этой колеи, и миссъ Герріэтъ, думаю, не повѣрила мнѣ. Во второй разъ я попросилъ позволенія войти въ домъ; вошелъ и высказалъ все, что у меня было на душѣ. По причинамъ, которыхъ я не смѣлъ опровергать, ваша сестрица отказалась отъ всякой посторонней помощи; но я установилъ между нами средства сообщенія, остававшіяся ненарушимыми вплоть до послѣдняго понедѣльника, когда вдругъ нахлынули на меня важныя дѣла совсѣмъ другого сорту, — вы ихъ знаете.

— Какъ мало я подозрѣвалъ всѣ эти отношенія, сказалъ Джонъ Каркеръ: — между тѣмъ какъ я видѣлъ васъ каждый день, милостивый государь! Если бы Герріетъ могла угадать вашу фамилію....

— Сказать правду, Джонъ, перебилъ мистеръ Морфинъ: — я скрылъ свое имя по двумъ причинамъ, и прежде всего потому.... вотъ видите ли, сэръ, хвастаться добрыми намѣреніями никакъ не слѣдуетъ, и я рѣшился на всякой случай не открывать себя до тѣхъ поръ, пока не буду въ состояніи оказать дѣйствительную услугу. Во-вторыхъ, я расчитывалъ, что авось еще какъ-нибудь вашъ братъ смягчится къ вамъ обоимъ, а въ такомъ случаѣ, если бы человѣкъ съ его подозрительнымъ характеромъ провѣдалъ о моихъ тайныхъ сношеніяхъ съ вами, это было бы поводомъ къ новому и уже роковому раздѣленію. Поэтому я рѣшился лучше навлечь на себя самого его гнѣвъ —

тутъ еще не было бы бѣды — и, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, оказать вамъ услугу посредствомъ самого начальника фирмы; но различныя обстоятельства — смерть, волокитство, женитьба и домашнее несчастье — надолго оставили вашего брата единственнымъ представителемъ и властителемъ конторы. Лучше было бы для всѣхъ насъ, если бы мистеръ Домби выбралъ вмѣсто себя какого-нибудь бездушнаго болвана, заключилъ Морфинъ, понизивъ голосъ.

Послѣднія слова, казалось, сорвались съ его языка противъ воли, и ему сдѣлалось совѣстно. Протянувъ руку брату и подавая другую руку сестрѣ, онъ продолжалъ:

— Я сказалъ все и даже болѣе, чѣмъ хотѣлъ. Нѣтъ нужды высказывать дальнѣйшія мысли, которыя впрочемъ вы понимаете и безъ меня. Пришло время, Джонъ, неожиданное и несчастное время, когда я могу помочь вамъ, не сталкиваясь съ этимъ страшнымъ препятствіемъ, которое продолжалось многіе годы. Теперь поздно, и на этотъ разъ я не скажу ничего болѣе. Вы станете здѣсь хранить свое единственное сокровище, не совѣтуясь со мной и не думая обо мнѣ.

Съ этими словами онъ всталъ, чтобы итти. Джонъ Каркеръ казался слишкомъ разстроганнымъ и хотѣлъ что̀-то говорить.

— Идите прежде вы, Джонъ, со свѣчею, добродушно сказалъ мистеръ Морфинъ: — и не высказывайте покамѣстъ, что̀ у васъ на умѣ. Мнѣ надобно два-три слова сказать вашей сестрицѣ. Намъ ужь не въ первый разъ говорить въ этой комнатѣ, хотя разумѣется при васъ это было бы естественнѣе.

Проводивъ его глазами, мистеръ Морфинъ ласково обратился къ Герріэтъ и сказалъ ей тихимъ, но вмѣстѣ серьёзнымъ голосомъ:

— Вы желаете что-нибудь узнать отъ меня о человѣкѣ, который къ несчастью родной вашъ братъ?

— Я боюсь распрашивать, милостивый государь.

— Но вы смотрите съ такимъ безпокойствомъ и съ такою выразительностью, что я, кажется, угадываю вашъ вопросъ. Не взялъ ли онъ денегъ? Такъ ли?

— Да.

— Не взялъ.

— О, слава Богу, слава Богу! воскликнула Герріэтъ: — я радуюсь за Джона.

— Вы можетъ быть не будете изумлены, если услышите, что онъ слишкомъ злоупотреблялъ довѣренностью фирмы, замышляя весьма часто такія спекуляціи, которыя исключительно клонились къ его собственнымъ выгодамъ. Нерѣдко заставлялъ онъ фирму рисковать чудовищнымъ образомъ, и слѣдствіемъ такого риска были огромные убытки. Притомъ онъ всегда изо всѣхъ силъ раздувалъ и лелеялъ глупое тщеславіе своего хозяина, между тѣмъ какъ ему было очень легко содѣйствовать къ ослабленію въ немъ этой несчастной страсти. Онъ вступалъ въ колоссальныя предпріятія съ единственною цѣлью — увеличить до огромныхъ размѣровъ репутацію фирмы и поставить ее въ великолѣпный контрастъ съ другими торговыми домами, для которыхъ были слишкомъ очевидны гибельныя слѣдствія всѣхъ этихъ затѣй. Многочисленные переговоры и сношенія фирмы со всѣми частями свѣта сдѣлались настоящимъ лабиринтомъ, отъ котораго ключь находился исключительно въ его рукахъ. Не представляя никогда и никому подробныхъ отчетовъ, онъ ограничивался общими смѣтами и выводами, не исчисляя частныхъ случаевъ для окончательныхъ соображеній; но въ послѣднее время.... вы хорошо понимаете меня, миссъ Герріэтъ?

— О совершенно, совершенно! Продолжайте, ради Бога.

— Въ послѣднее время онъ употребилъ повидимому величайшія усилія, чтобы сдѣлать эти выводы и смѣты до того чистыми и ясными, что повѣрка ихъ дѣлается легко доступною при малѣйшей справкѣ съ частными отчетами, мастерски изложенными въ конторскихъ книгахъ. Какъ-будто хотѣлъ онъ однимъ разомъ открыть глаза своему хозяину и показать ему яснѣе солнца, до чего доведенъ онъ въ торговыхъ дѣлахъ своею господствующею страстью. А между тѣмъ никакого нѣтъ сомнѣнія, что самъ же онъ постоянно и подлѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ къ возбужденію этой страсти. Въ этомъ и состоитъ его главнѣйшее преступленіе въ отношеніи къ торговому дому.

— Еще одно слово, мистеръ Морфинъ, прежде чѣмъ вы уйдете. Во всемъ этомъ нѣтъ опасности?

— Какой?

— Я разумѣю опасность въ отношеніи къ кредиту торговаго дома, сказала Герріэтъ.

На это я не могу дать вамъ яснаго и вполнѣ успокоительнаго отвѣта, сказалъ мистеръ Морфинъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— О вы можете, право можете!

— Пожалуй и так. Я полагаю.... то есть я совершенно убѣжденъ, что опасности для торговаго дома въ строгомъ смыслѣ нѣтъ никакой; но есть затрудненіе, которое можетъ увеличиться или уменьшиться смотря по обстоятельствамъ, и только въ томъ случаѣ будетъ опасность, если представитель фирмы не рѣшится придать меньшаго объема своимъ предпріятіямъ и будетъ по прежнему думать, что Домби и Сынъ должны бросать пыль въ глаза всему торговому міру. Ну, въ такомъ случаѣ коммерческій домъ пожалуй пошатнется.

— Но можно ли этого ожидать?

— Послушайте, миссъ Герріэтъ: полуоткровенности между нами не должно быть, и я считаю долгомъ выразить вамъ прямо мою мысль. Мистеръ Домби недоступенъ ни для кого, и теперешнее состояніе его духа дошло до послѣдней степени раздражительности, гордости, самоуправства и безумной чопорности, при которой никакая внѣшняя сила не способна его образумить. Но это происходитъ отъ чрезмѣрныхъ потрясеній въ послѣднее время, и можно имѣть нѣкоторую надежду, что впослѣдствіи авось онъ образумится самъ собою. Теперь вы знаете все, и я, безъ всякихъ обиняковъ, представилъ вамъ лучшую и худшую сторону дѣла. На первый разъ довольно. Прощайте.

Съ этимъ онъ поцаловалъ ея руку и поспѣшно пошелъ къ двери, гдѣ стоялъ ея братъ со свѣчею въ рукахъ. Онъ хотѣлъ опять начать свою рѣчь, но мистеръ Морфинъ слегка втолкнулъ его въ комнату и сказалъ, что такъ-какъ они безъ сомнѣнія съ этой поры будутъ видѣться очень часто, то онъ можетъ, если угодно, объясниться въ другое время, а теперь уже поздно и некогда. Сказавъ это, ночной посѣтитель быстро вышелъ на улицу, куда до его ушей не могла доходить благодарность отставного конторщика мистера Домби.

Братъ и сестра усѣлись подлѣ камина и проговорили почти до разсвѣта. Сонъ бѣжалъ отъ ихъ глазъ передъ этимъ мерцаніемъ новаго міра, который такъ неожиданно открылся передъ ними, и они чувствовали себя въ положеніи двухъ моряковъ, заброшенныхъ бѣдственнымъ крушеніемъ на пустынный берегъ, гдѣ они пробыли цѣлые годы и потеряли наконецъ всякую мысль о возможности увидѣть третье человѣческое лицо, какъ вдругъ приплылъ къ ихъ жилищу спасительный корабль, гото-

вый снова ввести ихъ въ общество людей. Но когда такимъ образомъ они бодрствовали, ими овладѣло безпокойство другого рода. Тотъ самый мракъ, изъ-за котораго проглянулъ на нихъ отрадный лучь, сгустился опять надъ ихъ головами, и тѣнь ихъ преступнаго брата облегла печальный домъ, гдѣ ни разу не была его нога.

И не померкла эта тѣнь передъ яркимъ лучомъ восходящаго солнца. Утромъ, въ полдень, вечеромъ, особенно вечеромъ, она сгущалась больше и больше, становилась мрачнѣе и мрачнѣе, и не было отъ нея покою ни на минуту.

Джонъ Каркеръ вышелъ со двора по письменному вызову своего друга, назначившаго ему свиданье, и Герріэтъ осталась одна въ печальномъ домѣ. Она пробыла одна нѣсколько часовъ. Суровый вечеръ и туманныя сумерки всего менѣе способны были облегчить тучу ея сердца. Мысль объ этомъ братѣ порхала и кружилась вокругъ нея въ страшныхъ образахъ и фигурахъ. Онъ изнывалъ въ смертельной тоскѣ, страдалъ, жаловался, умиралъ, призывалъ ее къ себѣ, сердился, хмурился и страшно моргалъ впалыми глазами. Эти картины разстроеннаго воображенія были до того выпуклы и живы, что съ наступленіемъ сумерекъ она боялась поднять голову и заглянуть въ какой-нибудь уголъ, изъ опасенія потревожить чудовищнаго духа, укрывавшагося гдѣ-нибудь подлѣ нея. Разъ она рѣшительно увѣрила себя, что привидѣніе скрывается въ сосѣдней комнатѣ, и чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднымъ образомъ, она принудила себя встать съ мѣста и пойти. Напрасно! въ комнатѣ опять завозились злые духи, лишь только она ее оставила, и не было никакой возможности освободиться отъ этихъ неопредѣленныхъ впечатлѣній страха, какъ-будто они были каменные гиганты, приращенные къ землѣ всесильной волею волшебницы.

Уже смерклось, и миссъ Каркеръ сидѣла подлѣ окна, склонивъ голову на свою руку, какъ вдругъ, пораженная внезапнымъ распространеніемъ мрака, она подняла свои глаза и испустила пронзительный крикъ. Передъ окномъ выставилась блѣдная, истощенная фигура, сначала съ какимъ-то неопредѣленнымъ любопытствомъ, но потомъ глаза ея остановились на ней и засвѣтились яркимъ свѣтомъ.

— Впустите меня, впустите! Мнѣ надобно съ вами говорить; восклицала фигура, и рука ея сильно барабанила по стеклу.

Герріэтъ тотчасъ же угадала женщину съ черными длинными волосами, которую въ одну ненастную ночь она отогрѣла, накормила и напоила. Естественно испугавшись при воспоминаніи ея буйной выходки, она отступила отъ окна и остановилась въ тревожной нерѣшимости.

— Впустите меня! Позвольте мнѣ съ вами говорить! Я смирна — благодарна — спокойна — все, чтó вамъ угодно, только позвольте мнѣ съ вами говорить!

Энергическое предложеніе просьбы, серьёзное выраженіе лица, трепетаніе обѣихъ рукъ, поднятыхъ для умилостивительныхъ жестовъ, испуганный и почти замирающій голосъ, выходившій изъ ея высоко подымающейся груди, — все это слишкомъ подѣйствовало на Герріэтъ, и она немедленно отворила дверь.

— Войти мнѣ или я должна объясниться здѣсь? сказала женщина, схвативъ ея за руку.

Чтò вамъ нужно? чтò вы намѣрены сказать мнѣ?

— Очень немного, только позвольте мнѣ высказаться теперь же, или уже ничто въ свѣтѣ не вырветъ отъ меня этого объясненія. Я и безъ того порываюсь бѣжать, и какая-то адская рука отталкиваетъ меня отъ этого порога. Впустите меня, если только можете мнѣ вѣрить!

Обѣ женщины вошли въ ту самую комнату, гдѣ нѣкогда заморская скиталица отдыхала отъ труднаго пути и сушила свое платье.

— Садитесь, сказала Алиса, становясь передъ нею на колѣни: — и взгляните на мое лицо. Помните ли вы меня?

— Да.

— Помните ли, какъ я говорила, откуда пришла въ ту пору, хромая и въ лохмотьяхъ, при буйномъ вѣтрѣ и дождѣ, который хлесталъ въ мою шею?

— Да.

— Вы знаете, какъ я воротилась къ вамъ въ ту же ночь, какъ я бросила въ грязь ваши деньги, какъ я прокляла васъ и все ваше племя. Смотрите же теперь: я передъ вами на колѣняхъ. Думаете ли вы, чтó я шучу?

— Если вы хотите, сказала Герріэтъ ласковымъ тономъ: — просить у меня прощенья....

— О, совсѣмъ не то! возразила женщина, бросивъ на нее гордый взглядъ: — я прошу отъ васъ вѣры въ мои слова, и ничего больше. Размыслите, прошу васъ, можно ли мнѣ вѣрить, или нѣтъ.

Продолжая стоять на колѣняхъ, она устремила глаза на каминный огонь, бросавшій яркое пламя на ея погубленную красоту и ея черные волосы, которыхъ одна прядь, переброшенная черезъ плечо, обвилась вокругъ ея руки.

— Я была молода, прелестна, и нѣжныя руки ласкали этотъ локонъ, и страстныя губы впивались въ это чело — она съ презрѣніемъ ударила себя по лбу — родная мать не любила меня какъ родного ребенка, но обожала меня какъ смазливую дѣвчонку и гордилась мною. Она была скупа, бѣдна, жадна и устроила изъ меня родъ собственности. Никогда конечно знатная дама не распоряжалась такъ своею дочерью, никогда не поступала такъ какъ моя мать — такихъ примѣровъ не бывало, мы это знаемъ — и это показываетъ, что чудовищныя матери, замышляющія нравственную гибель своимъ дочерямъ, встрѣчаются только въ нашемъ скаредномъ быту. Нищета, Порокъ, Гибель — три родныя неразлучныя сестрицы.

Она задумчиво смотрѣла на огонь, теребила и обвивала вокругъ руки длинный локонъ своихъ волосъ и, забывая повидимому о своей слушательницѣ, продолжала мечтательнымъ тономъ:

— Чтó изъ этого вышло, нѣтъ надобности говорить. Несчастныхъ супружествъ не бываетъ для нашей сестры: на долю нашу достаются только униженіе и гибель. Проклятіе и гибель пали на мою долю.... на мою долю.

Она быстро отворотила задумчивые взоры отъ огня и впилась глазами въ Герріэтъ.

— Я теряю время, слишкомъ дорогое время.... а и то сказать, мнѣ бы не быть здѣсь, если бы я не вдумывалась въ эти вещи. Проклятіе и гибель, говорю я, выпали на мой пай. Сдѣлали изъ меня хрупкую игрушку, позабавились мной и потомъ.... потомъ вышвырнули меня за окно съ бóльшимъ равнодушіемъ, чѣмъ хрупкую игрушку. Чья рука, думаете вы, вышвырнула меня?

— Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? сказала Герріэтъ.

— А зачѣмъ же ты дрожишь? отвѣчала Алиса, обхватывая ее своимъ взоромъ. — И упала я глубоко въ этотъ бездонный омутъ проклятія и гибели, и вселился въ меня демонъ нравственной порчи, и скоро сама я сдѣлалась демономъ. Меня впутали въ кражу — во всѣ ея подробности, кромѣ прибыли — отыскали меня, судили и присудили къ ссылкѣ. Не было у меня ни друга, ни копейки за душой. Я была дѣвочкой нѣжныхъ лѣтъ, но скорѣе согласилась бы отправиться на тысячу смертей, чѣмъ итти къ нему за словомъ утѣшенія, если бы даже это слово спасло мою жизнь и честь.... Да, самъ дьяволъ могъ изобрѣсти для меня адскія пытки: я бы вытерпѣла ихъ, а не пошла къ нему. Но моя мать, жадная и скупая какъ всегда, отправилась къ нему моимъ именемъ, разсказала всю исторію моего дѣла и униженно просила милостыни — пустой милостыни, какихъ-нибудь пять фунтовъ, и даже менѣе. Чтóжь бы — думаете вы — сдѣлалъ этотъ человѣкъ? Онъ надругался надъ моею нищетой, позорно осрамилъ свою жертву и оставилъ меня даже безъ этого бѣднаго знака своего воспоминанія. Онъ былъ очень радъ, что его жертву отсылаютъ за моря, не растревоживая больше его. Кто же, думаете вы, былъ этотъ человѣкъ?

— Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? повторила Герріэтъ.

— А зачѣмъ же ты дрожишь? сказала Алиса, положивъ свою руку на ея плечо и пожирая ее своими глазами: — но я читаю отвѣтъ на твоихъ губахъ. Это былъ братъ твой — Джемсъ!

Герріэтъ затрепетала всѣми членами, но не отворотила своихъ глазъ отъ ея пожирающаго взора.

— Когда я узнала, что вы его сестра — вы помните, когда это было — я пришла назадъ, усталая и хромая, чтобы бросить въ грязь твой подарокъ. Я чувствовала въ ту ночь, что у меня, усталой и хромой, достало бы силъ итти на тотъ край свѣта, чтобы пронзить его въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ. Вѣрите ли вы теперь, что я не шучу.

— О, да, Господь съ тобою! Зачѣмъ ты опять пришла?

— Съ той поры, говорила Алиса, продолжая держаться за ея плечо: — я видѣла его. Я слѣдила за нимъ своими глазами среди бѣлаго дня. Если какая-нибудь искра ненависти задремала въ моей груди, она превратилась въ яркое пламя, когда глаза

мои остановились на немъ. Вы знаете, чѣмъ и какъ онъ оскорбилъ гордаго человѣка, который теперь его смертельный врагъ. Каково покажется вамъ, если скажу, что я доставила этому человѣку подробныя свѣдѣнія о немъ?

— Свѣдѣнія! повторила Герріэтъ.

— Что̀, если я отыскала человѣка, который знаетъ тайну вашего брата, знаетъ подробности его бѣгства, знаетъ, гдѣ теперь скрываются онъ и его спутница? Что̀, если этотъ человѣкъ, по моему принужденію, объявилъ обо всемъ передъ его смертельнымъ врагомъ, который не проронилъ ни одного слова? Что̀, если я, наблюдая этого врага, видѣла, какъ лицо его, при этомъ открытіи, измѣнилось до того, что едва остались на немъ признаки человѣческой фигуры? Что̀, если я видѣла, какъ онъ, взбѣшонный до послѣдней степени, опрометью бросился впередъ, чтобы, не теряя ни минуты, пуститься въ погоню? Что̀, наконецъ, если я знаю, что онъ летитъ теперь во всю мочь и быть можетъ черезъ нѣсколько часовъ настигнетъ вашего брата?

— Отодвинь свою руку! вскричала Герріэтъ. — Прочь съ моихъ глазъ! Твое прикосновеніе страшно!

— Вотъ что̀ я сдѣлала! продолжала женщина, не обращая вниманія на этотъ перерывъ. — Думаете ли вы, что̀ я говорю правду? Вѣрите ли вы мнѣ?

— Вѣрю. Отпусти мою руку!

— Еще минуту. Вы можете судить о силѣ моей мстительности, если она продолжалась такъ долго и довела меня до этого поступка.

— Ужасно, ужасно! сказала Герріэтъ.

— Стало быть, если я, продолжала Алиса хриплымъ голосомъ: — стою здѣсь спокойно передъ вами на колѣняхъ, прикасаясь къ вашей рукѣ и не спуская глазъ съ вашего лица, то вы можете убѣдиться, что въ груди моей совершилась не совсѣмъ обыкновенная борьба. Я стыжусь самой себя, но принуждена сказать, что я раскаяваюсь. Презирая самое себя, я боролась съ собою весь день и всю прошлую ночь: но жалость безъ всякой причины прокралась въ мое сердце, и я хотѣла бы загладить, если можно, все, что̀ сдѣлано мною. Я не желаю, чтобы они встрѣтились теперь, когда ослѣпленъ его врагъ и взбѣшонъ свыше человѣческой мѣры. Если бы вы сами видѣли его въ прошлую ночь, вы лучше понимали бы опасность.

— Чтó же мнѣ дѣлать? какъ предупредить ее? восклицала Герріэтъ.

— Всю прошлую ночь, безконечную ночь, мерещилось мнѣ — а я не спала — что онъ умираетъ окровавленный. Цѣлый день я видѣла его подлѣ себя, и мое сердце надорвалось отъ этихъ видѣній!

— Чтó мнѣ дѣлать? чтó мнѣ дѣлать? повторяла Герріэтъ дрожащимъ голосомъ.

— Пусть напишутъ къ нему, пошлютъ или поѣдутъ, не теряя ни минуты. Онъ въ Дижонѣ. Знаете ли вы, гдѣ этотъ городъ?

— Знаю.

— Извѣстите его, что онъ вовсе не понимаетъ человѣка, котораго онъ сдѣлалъ своимъ врагомъ, если надѣется снести его присутствіе. Скажите, что онъ въ дорогѣ — я это знаю! — и спѣшитъ изо всѣхъ силъ. Пусть онъ убирается куда-нибудь и какъ-нибудь, если еще не опоздано: встрѣча грозитъ позоромъ и убійствомъ! Мѣсяцъ времени произведетъ огромную разницу въ чувствахъ его врага. Пусть только не встрѣчаются они теперь и черезъ меня. Гдѣ-нибудь, только бы не тамъ! Когда-нибудь, только бы не теперь! Пусть его врагъ настигнетъ и найдетъ его самъ собою, но не черезъ меня! Довольно и безъ того позорной тяжести на моей головѣ!

Каменный огонь пересталъ отражаться въ ея черныхъ какъ смоль волосахъ и пламенныхъ глазахъ; ея рука спустилась съ плеча Герріэтъ, и на мѣстѣ, гдѣ она стояла, не было больше никого и ничего.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

ДОМБИ и СЫНЪ

РОМАНЪ ЧАРЛЗА ДИККЕНСА

ПЕРЕВОДЪ И. ВВЕДЕНСКАГО

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1848

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюля 31-го дня 1848 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*
Ценсоръ *Н. Елагинъ.*

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

ДОМБИ И СЫНЪ.

ГЛАВА LIV.

БѢГЛЕЦЫ.

Время — одинадцать часовъ ночи. Мѣсто — нумеръ во французской гостинницѣ съ полдюжиною комнатъ: темный и холодный коридоръ, передняя, столовая, гостиная, спальня и еще уборная или будуаръ — миніатюрная и совершенно уединенная комнатка. Все это запирается съ главнаго подъѣзда парою огромныхъ дверей, но каждая комната снабжена еще двумя или тремя своими особенными дверями, удобнѣйшими средствами сообщенія съ остальною частью комнатъ, или съ нѣкоторыми потаенными ходами въ стѣнѣ, откуда, въ случаѣ надобности, легко и удобно можно было спускаться, куда слѣдуетъ. Таинственные ходы — вещь самая обыкновенная и необходимая во французскихъ домахъ. Весь нумеръ расположенъ въ первомъ этажѣ огромнаго отеля, котораго всѣ четыре стороны, украшенныя стройными рядами оконъ, обращены на большой квадратный дворъ, испещренный множествомъ пристроекъ.

Въ комнатахъ вообще господствовало великолѣпіе, нѣсколько смягченное меланхолическимъ видомъ, но весьма достаточное, чтобы набросить на всѣ подробности яркій блескъ пышности и комфорта. Потолокъ и стѣны расписаны и раззолочены; полы выровнены, выглажены, вычищены, вылощены; малиновые занавѣсы развѣшены фестонами на окнахъ, дверяхъ, зеркалахъ; сучковытые канделябры, переплетенные наподобіе древесныхъ вѣтвей или бычачьихъ роговъ, выдавались съ удивительнымъ эффектомъ изъ стѣнныхъ панелей. Однакожь днемъ, когда прокрадывались сюда лучи солнца черезъ отворенныя ставни, повсюду сквозь этотъ комфортъ виднѣлись явные слѣды ветхости и пыли, копоти и дыма, обличавшіе постоянный недостатокъ жильцовъ, и всѣ эти игрушки роскошной жизни представлялись одушевленными плѣнниками, которымъ суждено исчахнуть и погибнуть въ безвыходной тюрьмѣ. Даже ночью, дюжины зажжоныхъ свѣчъ не исглаживали совершенно этихъ признаковъ, хотя общій блескъ набрасывалъ на нихъ приличную тѣнь.

Яркій свѣтъ, отражавшійся въ зеркалахъ и позолотахъ, ограничивался на этотъ разъ миніятюрною комнатою, назначенною для будуара. Изъ коридора, гдѣ слабо горѣла тусклая лампа, она представлялась черезъ темную перспективу отворенныхъ дверей сіяющимъ драгоцѣннымъ изумрудомъ. Посреди этого сіянія сидѣла прекрасная женщина — Эдиѳь.

Она была одна. Тотъ же гордый вызовъ, и таже гордая осанка во всей ея фигурѣ, хотя щоки немного впали, и глаза сдѣлались немного шире. Никакого стыда и никакого позднягo раскаянія на ея угрюмомъ челѣ. Величавая и повелительная какъ всегда, она ни на что не обращала вниманія и сидѣла спокойно, опустивъ въ землю свои черные глаза.

Она кого-то ждала. Не было въ рукахъ ея ни книги, ни женской роботы, и никакія занятія не сокращали для нея скучнаго времени. Зато мыслительная сила была въ полномъ ходу, и какое-то намѣреніе, казалось, проникало весь ея мозгъ. Ея губы дрожали, ноздри раздувались, и грудь отъ внутренняго напряженія подымалась высоко.

Такъ сидѣла и ожидала кого-то во французскомъ отелѣ мистриссъ Эдиѳь Домби.

Ключь въ наружной двери повернулся, и въ коридорѣ послышались шаги. Эдиѳь вскочила и вскричала:

— Кто тамъ?

Два человѣка, отвѣчавшіе по-французски, вошли въ комнату съ подносами готовить ужинъ.

— Кто приказалъ?

— Monsieur, занявшій эти покои. Monsieur остановился здѣсь проѣздомъ, en route, только на одинъ часъ, и оставилъ для Madame письмо. Madame изволила получить?

— Да.

— Mille pardons, Madame, продолжалъ лысый оффиціантъ, съ широкою бородкой, изъ сосѣдняго *ресторана:* — я былъ бы въ отчаяніи, если бы въ точности не исполнилъ данныхъ приказаній. Monsieur изволилъ сказать, чтобы ужинъ былъ приготовленъ къ этому часу, и я думаю, онъ предъувѣдомилъ Madame о своихъ распоряженіяхъ въ этомъ письмѣ. «Золотая голова» имѣла честь получить приказаніе, чтобы ужинъ былъ отличный. Monsieur изволитъ усмотрѣть, что «Золотая голова» умѣетъ высоко цѣнить лестную довѣренность почтенныхъ господъ.

Эдиѳь не сказала ничего и задумчиво смотрѣла, какъ накрывали столъ для двухъ персонъ и ставили вина. Потомъ вдругъ она встала, взяла свѣчу, прошла спальню и гостиную, гдѣ внимательно осмотрѣла всѣ двери, особенно одну, открытую на потаенный ходъ въ стѣнѣ. Она выдернула ключъ, повѣсила его съ наружной стороны и воротилась на прежнее мѣсто.

Накрывъ столъ, люди — другой лакей былъ жолчный коренастый малый въ сизой курткѣ, гладко выбритый и выстриженный какъ овца — почтительно остановились у стѣны и ожидали приказаній. Лысый оффиціантъ спросилъ: скоро ли, думаетъ Madame, изволитъ пожаловать Monsieur?

Madame не могла сказать. Ей все равно.

— Какъ все равно? *Mille pardons!* ужинъ пригоговленъ, и его надобно кушать сію же минуту. *Monsieur* (говорившій по-французски какъ люциферъ, или какъ французъ — чтó совершенно все равно) изволилъ съ большимъ жаромъ говорить о своей аккуратности. Ба! чтó за шумъ! Боже великій, *Monsieur* изволилъ пожаловать!

Дѣйствительно, въ эту минуту *Monsieur*, сопровождаемый другимъ лакеемъ, проходилъ черезъ анфиладу темныхъ комнатъ

съ своими блистательными зубами. Войдя наконецъ въ это святилище свѣта и цвѣтовъ, *Monsieur* обнялъ *Madame* и заговорилъ съ нею по-французски какъ съ своею очаровательною женою.

— Боже мой! *Madame* въ обморокѣ! Ей отъ робости сдѣлалось дурно!

Восклицанія принадлежали лысому оффиціянту съ широкой бородкой. Но *Madame* только вздрогнула и отпрянула назадъ. Прежде чѣмъ были произнесены эти слова, она уже стояла во весь ростъ, облокотившись на бархатную спинку креселъ. Черты ея лица были неподвижны.

— Франсуа побѣжалъ за ужиномъ въ трактиръ Золотой Головы. Онъ летаетъ въ этихъ случаяхъ какъ люциферъ или какъ птица. Чемоданъ *Monsieur* въ его комнатѣ. Все въ порядкѣ. Ужинъ явится сію минуту.

Излагая эти факты, лысый оффиціянтъ кланялся и улыбался. Ужинъ принесли.

Горячія блюда были на жаровнѣ; холодное поставили на столъ; принадлежности сервиза красовались на буфетѣ. *Monsieur* остался доволенъ этимъ порядкомъ. Люди могутъ поставить жаровню на полъ и итти. *Monsieur* сниметъ блюда собственными руками.

— *Pardon!* учтиво замѣтилъ плѣшивый оффиціянтъ. — Намъ нельзя итти!

Monsieur былъ другого мнѣнія. Онъ могъ обойтись безъ человѣка въ эту ночь.

— Но *Madame*.... замѣтилъ оффиціянтъ.

— У *Madame* своя дѣвушка, возразилъ *Monsieur*. — Этого довольно.

— *Mille pardons, monsieur!* Никакъ нѣтъ! При *Madame* нѣтъ дѣвушки.

— Я пріѣхала одна, сказала Эдиѳь. — Такъ мнѣ было нужно. Я привыкла путешествовать одна. Не надобно прислуги. Пусть онѣ идутъ и не присылаютъ никого.

Monsieur выпроводилъ людей въ коридоръ и заперъ за ними дверь. Лысый оффиціянтъ, оборачиваясь съ низкимъ поклономъ назадъ, замѣтилъ, что *Madame* все еще по прежнему стоитъ во весь ростъ, облокотившись рукою на бархатную спинку креселъ. Черты ея лица, какъ и прежде, были неподвижны, хотя она смотрѣла во всѣ глаза.

Когда звукъ отъ огромнаго ключа въ рукѣ Каркера, запиравшаго наружную дверь, раздавался въ пустыхъ комнатахъ и, умирая постепенно, достигалъ въ заглушенномъ видѣ до отдаленнаго будуара, бой соборныхъ часовъ, гудѣвшихъ полночь, смѣшался въ ушахъ Эдиѳи съ этимъ звукомъ. Каркеръ, дѣлая паузы, вслушивался повидимому также какъ она, и потомъ, тяжолою стопой пошелъ назадъ, запирая двери во всѣхъ комнатахъ. Эдиѳь на минуту оставила бархатную спинку креселъ, и рука ея пододвинула къ себѣ столовый ножикъ. Потомъ опять она остановилась въ прежней позѣ.

— Какъ странно, мой ангелъ, что вы ѣхали однѣ! сказалъ онъ при входѣ въ комнату,

— Что! возразила она.

Тонъ ея голоса былъ такъ суровъ, и гордая голова съ такою живостію повернулась къ нему, сверкая своими жгучими глазами, что мистеръ Каркеръ, со свѣчою въ рукахъ, остановился неподвижно, какъ-будто она приковала его къ мѣсту.

— Я говорю, началъ онъ наконецъ, поставивъ свѣчу на столъ и стараясь улыбнуться: — какъ это странно, что вы пріѣхали однѣ! Предосторожность совершенно лишняя! Вы могли нанять горничную въ Руанѣ или Гаврѣ: времени было слишкомъ много, хотя вы самая капризная и упрямая изъ женщинъ, которыя всѣ затмѣваются вашей красотой.

Ея глаза засверкали какимъ-то дикимъ блескомъ, но она стояла, не перемѣняя позы и не говоря ни слова.

— Никогда вы не были такъ прекрасны, какъ теперь, въ эту счастливую ночь. Даже картина, которую я всегда носилъ въ своей душѣ, любуясь на нее день и ночь въ тяжкую годину испытанья, самая слабая копія передъ очаровательнымъ оригиналомъ.

Ни одного слова въ отвѣтъ, ни одного взгляда. Поникшіе вѣки совсѣмъ закрыли ея черные глаза, но голова ея держалась гордо.

— Тяжолое было время! продолжалъ Каркеръ, начиная улыбаться: — но вотъ оно прошло, и мы тѣмъ безопаснѣе можемъ наслаждаться настоящимъ. Сицилія будетъ мѣстомъ нашего убѣжища. Въ беззаботной и очаровательнѣйшей странѣ Европы, мы станемъ, мой ангелъ, искать вознагражденія за продолжительное рабство.

Мистеръ Каркеръ рѣшительно повеселѣлъ и уже готовился съ отверстыми объятіями приступить къ своей красавицѣ. Но Эдиѳь быстро схватила ножъ и отступила шагъ назадъ.

— Остановись сказала она: — или я тебя убью!

Они оба безмолвно смотрѣли другъ на друга. Изумленіе и ярость отразились на его лицѣ, но онъ мгновенно подавилъ эти чувства и продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Тише, мой ангелъ, тише! Мы одни, и никто насъ не видитъ и не слышитъ. Неужели вы думаете запугать меня этою дѣвственною вспышкой!

— А развѣ ты надѣешься запугать меня, когда говоришь объ уединеніи этого мѣста? Думаешь ли ты отвратить меня отъ моихъ намѣреній, припоминая, что никто здѣсь меня не услышитъ, меня, которая нарочно пріѣхала сюда, чтобы стать съ тобой лицомъ къ лицу? Отважилась ли бы я на этотъ поступокъ, если бы существовала боязнь въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, робость не заставила бы меня явиться въ этомъ мѣстѣ и въ этотъ часъ, чтобы высказать тебѣ все, что̀ у меня на умѣ?

— А что̀ такое у васъ на умѣ, прекрасная упрямица? Право, *mon amour*, въ этомъ положеніи вы прекраснѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Говорите: я слушаю.

— Я ничего не скажу, возразила она: — до тѣхъ поръ, пока ты не сядешь на стулъ.... нето.... не подходи ко мнѣ! Ни шагу больше! нето, какъ Богъ святъ, я убью тебя!

— Развѣ вы принимаете меня за своего супруга? возразилъ мистеръ Каркеръ, стараясь — но весьма неудачно — улыбнуться.

Не удостоивая его отвѣтомъ, она протянула руку, указывая ему на стулъ. Онъ закусилъ губы, нахмурился, засмѣялся и сѣлъ съ пораженнымъ, нерѣшительнымъ, нетерпѣливымъ видомъ, котораго не могъ побѣдить. Одолѣваемый внутреннимъ волненьемъ, онъ съ досады кусалъ ногти и смотрѣлъ на нее изподтишка, представляя подобіе тигра, у котораго изъ самыхъ когтей вырываютъ добычу.

Она бросила ножикъ на столъ и, приложивъ руку къ своей груди, говорила:

— Лежитъ здѣсь вещь, увѣряю тебя, непохожая на любовный медальонъ, и если разъ ты осмѣлишься осквернить меня своимъ прикосновеньемъ, я испробую ее на тебѣ какъ на пре-

смыкающейся гадинѣ, которую ничего не стоитъ раздавить. Замѣть это хорошенько!

Онъ попробовалъ улыбнуться и попросилъ ее шутливымъ тономъ скорѣй окончить эту комедію, такъ-какъ ужинъ простываетъ. Но тайный взглядъ, брошенный на нее, былъ очень угрюмъ и неспокоенъ; его нога сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Сколько разъ, говорила Эдиѳь, склоняя на него свой мрачный взоръ: — твое безстыдное плутовство подвергало меня оскорбленіямъ и обидамъ? сколько разъ твои нахальныя слова и взгляды издѣвались надо мной какъ невѣстой и какъ несчастною женой? сколько разъ ты обнажалъ и разстравлялъ рану моей любви къ этой невинной и беззащитной дѣвушкѣ? Ты съ неумолимой злостью раздувалъ пламя, которое меня пожирало, кололъ и жалилъ меня со всѣхъ сторонъ и возбудилъ въ этой груди отчаянное мщенье, которое быть можетъ никогда бы не горѣло съ такою яркостію.

— Вы вели аккуратный счетъ всѣмъ этимъ матеріямъ, — надо отдать вамъ справедливость. Ну, сударыня, продолжайте. Впередъ, прекрасная Эдиѳь! Для вашего супруга это хоть куда: бѣдный Домби....

— Ты былъ его совѣтникомъ, льстецомъ и другомъ, и этого слишкомъ довольно, чтобы презирать васъ обоихъ, хотя бы всѣ другія причины роковой ненависти разлетѣлись вдребезги! сказала Эдиѳь съ такимъ гордымъ презрѣніемъ, отъ котораго онъ невольно затрепеталъ.

— Такъ неужели только для этого вы убѣжали со мной? спросилъ мистеръ Каркеръ, дѣлая судорожное движеніе.

— Да, и ужь это послѣдній разъ мы стоимъ здѣсь другъ передъ другомъ лицомъ къ лицу. Злодѣй! Мы въ полночь встрѣтились и въ полночь разстанемся. Ни одной минуты ни остаюсь я послѣ того, какъ выговорю свое послѣднее слово.

Онъ схватился рукою за столъ и бросилъ на нее свой безобразнѣйшій взглядъ, но не тронулся съ мѣста и не произнесъ никакой угрозы.

— Я женщина, закаленная въ униженіи и безславіи съ первыхъ лѣтъ моего несчастнаго дѣтства, продолжала Эдиѳь, выставляясь впередъ съ своими сверкающими глазами. — Меня выставляли напоказъ и отвергали, навязывали встрѣчнымъ по-

купщикамъ, продавали и оцѣнивали до тѣхъ поръ, пока душа зачахла отъ стыда и заклеймилась позоромъ. Не было во мнѣ природной граціи или пріобрѣтеннаго таланта, которые бы служили для меня утѣшеніемъ и отрадой: ихъ разбрасывали и вывѣшивали всюду, чтобы надбавить мнѣ цѣны, точь-вточь какъ дѣлаетъ съ своимъ товаромъ какой-нибудь площадной крикунъ. Мои бѣдные, гордые пріятели любовались мною и одобряли эти сцены, и всякая связь между нами замерла въ моей груди. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы на мои глаза стоилъ больше комнатной собаки. Я стояла одна во всемъ свѣтѣ и отлично понимала, какъ пустъ для меня этотъ міръ, и какъ, въ свою очередь, я пуста для него. Вы это знаете, милостивый государь, и понимаете, что мнѣ нечего было гордиться этой славой.

— Да, я воображалъ это, замѣтилъ мистеръ Каркеръ.

— И расчитывали на это, прибавила она: — и преслѣдовали меня. Хладнокровная ко всему на свѣтѣ и проникнутая совершеннѣйшимъ презрѣньемъ къ безжалостнымъ орудіямъ, истребившимъ во мнѣ человѣческія чувства, я не могла не знать, что супружеская связь, какая бы ни была, прекратитъ по-крайней-мѣрѣ этотъ постыдный торгъ, доступный для всякаго вѣтрогона, который нагло позволялъ себѣ браковать и безславить выставленную жертву. Вотъ почему въ свою очередь я сама согласилась на низкій торгъ, какъ презрѣнная женщина съ веревкою на шеѣ, которую пьяный мужъ продаетъ на какой-нибудь торговой площади среди бѣлаго дня. Вы это знаете.

— Да, сказалъ Каркеръ, выставляя всѣ свои зубы: — я это знаю.

— И ты расчитывалъ на это и преслѣдовалъ меня, повторила Эдиѳь съ бо́льшей выразительностію. — Съ первыхъ дней замужства на дорогѣ моей жизни очутился низкій извергъ, неслыханный и неожиданный, который опуталъ меня такимъ новымъ стыдомъ, что мнѣ невольно показалось, будто до той поры я еще не была знакома ни съ какимъ униженіемъ. Его преслѣдованія, прикрытыя змѣнной лестью, были до того безсовѣстны и наглы, что самыя низкія ругательства не могли болѣе унизить выбранной жертвы. Этотъ стыдъ — самъ супругъ утвердилъ за мною: онъ самъ погрузилъ меня въ него собственными руками и по собственной волѣ сотню разъ по-

вторилъ убійственныя условія моего позора. И вотъ — дикій съумазбродъ и его палачь растревожили меня разомъ на всѣхъ точкахъ моего покоя, затормошили меня, загнали, перебрасывая какъ мячикъ другъ отъ друга и наконецъ съ неумолимымъ варварствомъ выгнали меня изъ послѣдняго убѣжища любви и благородства, убѣжища, откуда, скрѣпивъ сердце, мнѣ слѣдовало удалиться подъ опасеніемъ сгубить окончательно невинное созданье, чуждое всѣхъ этихъ пронырствъ и лишонное всякой защиты и покровительства въ чудовищномъ домѣ. Мудрено ли, что я возненавидѣла обоихъ вмѣстѣ съ одинаковою силой.

Она стояла теперь въ полномъ торжествѣ своей негодующей красоты, и мистеръ Каркеръ наблюдалъ ее съ напряжоннымъ вниманіемъ. Она была рѣшительна, неукротима, и было ясно, онъ казался ея глазамъ не страшнѣе червяка.

— Должна ли я говорить о супружеской чести или о сознаніи своего долга? Зачѣмъ? Это пустой звукъ для твоихъ ушей, — пустой звукъ и для меня. Но если я скажу тебѣ, что малѣйшее прикосновеніе твоей руки леденитъ мою кровь антипатіей, что я возненавидѣла тебя съ первыхъ минутъ нашего свиданья, и отвращеніе мое возрастало съ каждымъ днемъ по мѣрѣ нашего знакомства; если скажу наконецъ, что въ настоящую минуту ты въ моихъ глазахъ самый омерзительный предметъ, которому нѣтъ ничего подобнаго между пресмыкающимися гадами: чтó изъ этого выйдетъ?

Каркеръ улыбнулся кое-какъ и сквозь зубы проговорилъ: — ну, моя королева, чтó изъ этого выйдетъ?

— Чтò происходило въ ту ночь, когда, ободренный домашней сценой, ты осмѣлился притти въ мою комнату и говорить со мною?

Каркеръ пожалъ плечами и улыбнулся опять.

— Чтò тогда происходило? повторила Эдиѳь.

— У васъ отличная память, мистриссъ Домби, и, я не сомнѣваюсь, вы это помните.

— Да, очень помню. Слушай же. Предложивъ тогда это бѣгство — то есть по твоему выходило, что это должно быть бѣгство — ты сказалъ мнѣ, что я погибла, ни больше, ни меньше, погибла потому, что ты былъ въ моей комнатѣ въ глухую полночь, что объ этомъ — стоило тебѣ захотѣть — тотчасъ же узнаетъ весь домъ, что и прежде не разъ оставалась съ тобой

наединѣ, что я призналась тебѣ сама въ страшной ненависти къ своему супругу, что наконецъ, однимъ словомъ, моя репутація въ твоихъ рукахъ, и ты можешь, при первомъ удобномъ случаѣ, оклеветать жертву.

— Всякія хитрости позволены въ любви, говоритъ старинная пословица, прервалъ Каркеръ улыбаясь.

— Съ этой роковой ночи, продолжала Эдиѳь: — разомъ и навсегда окончилась моя продолжительная борьба съ тѣмъ, что́ отнюдь не было уваженіемъ къ моему доброму имени — я и сама не знаю, что́ это было — можетъ быть отдаленная надежда пріютиться опять какъ-нибудь въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ, изъ котораго меня выгнали. Съ этой поры разъ и навсегда исчезли въ моей душѣ всякія чувства кромѣ гнѣва, ненависти и мщенья, и вотъ однимъ и тѣмъ же ударомъ я повергла въ прахъ твоего горделиваго владыку и привела тебя самого въ это поэтическое мѣсто, гдѣ ты смотришь на меня во всѣ глаза, понимая наконецъ, чего я добивалась.

Онъ вскочилъ съ своего стула съ ужасными проклятіями. Она опять приставила къ груди свою руку: ея пальцы не дрожали, и ни одинъ волосъ не шевелился на ея головѣ. Онъ и она стояли неподвижно: ихъ раздѣляли столъ и одинъ стулъ.

— Если я забываю, что этотъ человѣкъ — да проститъ меня Богъ! — прикасался къ моимъ губамъ своими гадкими губами и держалъ меня въ объятіяхъ въ ту роковую ночь, продолжала Эдиѳь, указывая на него: — если я забываю гнусный поцалуй, осквернившій мою щоку, это значитъ, супругъ мой, что я съ тобою развелась и хочу истребить изъ своей памяти послѣдніе два года своей жизни, хочу передѣлать что́ было сдѣлано и вывести тебя изъ заблужденія! Забываю и свою встрѣчу съ тобою, милая Флоренса, когда ты, въ простотѣ невиннаго сердца, простирала ко мнѣ свои объятія и хотѣла приставить свое личико къ этой опозоренной щекѣ, на которой еще пылалъ адскимъ пламенемъ гнусный поцалуй этого изверга: забудешь ли ты въ свою очередь этотъ роковой позоръ, которымъ черезъ мое имя покрылась твоя фамилія?...

Ея сверкающіе глаза, при этомъ послѣднемъ воспоминаніи, устремились кверху, но черезъ минуту опустились опять на Каркера, и ея лѣвая рука, въ которой были письма, протянулась къ нему.

— Смотри сюда! сказала она презрительнымъ тономъ. — Эти письма ты адресовалъ на мое вымышленное имя: одно получено здѣсь, другое на дорогѣ. Печати не сломаны. Можешь взять ихъ назадъ!

Она скомкала ихъ въ своей рукѣ и бросила къ его ногамъ. Теперь, когда она смотрѣла на него, на лицѣ ея была улыбка.

— Мы разстаемся сію же минуту, сказала она. — Вы слишкомъ рано, милостивый государь, расчитали на сицилійскія ночи и сладострастную нѣгу. Слѣдовало вамъ продолжить свою измѣнническую роль, поподличать, поласкаться и потомъ уже набить свой карманъ. Теперь вы слишкомъ дорого платите за свой усладительный покой!

— Эдиѳь! воскликнулъ Каркеръ, дѣлая угрожающій жестъ. — Садись, и ни слова объ этомъ! какой дьяволъ въ тебѣ поселился?

— Легіонъ имя ему! возразила она, выставляяеь впередъ всѣмъ тѣломъ, какъ-будто хотѣла его раздавить. — Ты и безумный властелинъ твой развели всѣхъ этихъ чертей, и они васъ доконаютъ. Фальшивый къ нему и къ его невинному дитяти, фальшивый вездѣ и во всемъ, ступай теперь впередъ, хвастайся, гордись, и пусть скрежетъ твоихъ зубовъ подтверждаетъ всюду, что ты безсовѣстный лжецъ!

Онъ стоялъ передъ нею въ угрожающемъ положеніи, озираясь кругомъ, какъ-будто отыскивая средства для укрощенія ея; но она противоположила ему тотъ же неукротимый духъ и ничѣмъ не измѣнила своей позы.

— Гордись и хвастайся, но будь увѣренъ, что я торжествую, и всякое проявленіе твоего безстыдства лишь увеличитъ это торжество. Выбираю въ тебѣ презрѣннѣйшаго изъ всѣхъ людей, какихъ только я знаю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ поразить и унизить гордаго безумца, при которомъ ты безъ устали расточалъ лесть своимъ подлымъ языкомъ. Хвастайся теперь и отмщай мнѣ на немъ! Ты знаешь, какъ прибылъ сюда въ эту ночь; знаешь, какимъ трусомъ стоишь передо мною; ты видишь себя во всѣхъ подлѣйшихъ краскахъ, въ какихъ я видѣла тебя всегда. Хвастайся, сколько хочешь, и отмщай мнѣ на самомъ себѣ!

Его ротъ покрылся пѣной, и холодныя капли поту выступили на его челѣ. Одна секунда разсѣянности въ ней, и онъ вцѣпился бы въ нее своими когтями; но она была тверда какъ ска-

ла, и ея сверкающіе взоры ни на мгновенье не сводились съ его лица.

— Мы этакъ не разстанемся, сказалъ онъ. — Я еще не оглупѣлъ и не обрюзгъ, чтобы не справиться съ бѣшеною бабой.

— Вотъ что́! Такъ не думаешь ли ты задержать меня?

— Постараюсь, моя милая, сказалъ онъ, дѣлая свирѣпый жестъ своею головою.

— Одинъ шагъ впередъ — и ты распрощаешься съ этимъ свѣтомъ!

— А что́, сказалъ онъ: — если съ моей стороны не будетъ никакого хвастовства и никакихъ попытокъ на ребяческое тщеславье? Что вы скажете, если я просто ворочусь въ Лондонъ и опять примусь за свои дѣла? Это очень возможно, мистриссъ Домби, не безпокойтесь.

И зубы господина Каркера еще разъ засіяли отъ торжественной улыбки.

— Перестаньте же, гордая красавица! продолжалъ онъ: — вамъ меня не перехитрить! Поговоримъ, потолкуемъ и условимся, нето я могу принять совсѣмъ неожиданныя условія. Садитесь, мистриссъ Домби!

— Можешь дѣлать что́ тебѣ угодно, отвѣчала Эдиѳь, сверкая своими огненными глазами: — но поздно было бы мнѣ перемѣнять свои планы. Моя честь и доброе имя брошены на вѣтеръ! Я рѣшилась выносить въ своей груди позоръ, которымъ до могилы покроетъ меня мнѣніе свѣта. Пусть съумазбродный мужъ не знаетъ наравнѣ съ тобою и не догадывается, что бывшая его супруга не подвергалась никогда новому стыду, которымъ его низкій льстецъ расчитывалъ запятнать непокорную супругу. Я могу умереть въ страшной пыткѣ, но ни слова не произнесу для своей защиты и не сдѣлаю ни малѣйшихъ усилій, чтобы смыть позорное пятно съ его имени. Вотъ зачѣмъ я встрѣтилась здѣсь съ тобою и выдала себя подъ вымышленнымъ именемъ за твою жену! Вотъ зачѣмъ смотрѣли здѣсь на меня эти люди и оставили меня здѣсь! Надѣюсь, ничто не можетъ спасти васъ, мистеръ Каркеръ.

Онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобъ пригвоздить къ полу эту неукротимую красавицу и овладѣть ея руками; но она была страшна для него въ этой неприступной позѣ, и онъ видѣлъ въ ней олицетвореніе несокрушимой силы. Ничто

въ свѣтѣ, казалось ему, не могло потушить ея адской ненависти, и она въ отчаяніи готова была на все. Ея рука, лежавшая на бѣлой груди, была, казалось, вооружена тою могучею волей, предъ которой цѣпенѣетъ всякая мысль о сопротивленіи.

Такимъ образомъ мистеръ Каркеръ не осмѣлился подойти къ ней и въ раздумьи пошелъ назадъ, чтобы запереть дверь, которая была за нимъ.

— На прощаньи, милостивый государь, не угодно ли вамъ принять отъ меня совѣтъ, сказала Эдиѳь съ презрительной улыбкой. — Будьте осторожны и держите ухо востро. Вамъ измѣнили, какъ измѣняютъ вообще всякому измѣннику. Дано знать, кому слѣдуетъ, что вы здѣсь или намѣрены быть здѣсь. Сегодня вечеромъ, какъ Богъ святъ, я видѣла на улицѣ господина Домби: онъ ѣхалъ въ каретѣ.

— Ты лжешь, негодница! вскричалъ Каркеръ.

Въ эту минуту раздался въ коридорѣ пронзительный звонъ колокольчика. Каркеру показалось, что Эдиѳь была волшебницей, по мановенію которой раздаются эти звуки. Онъ поблѣднѣлъ.

— Слышишь?...

Ему показалось, что она хочетъ итти, и онъ заслонилъ за собою дверь; но въ тоже мгновенье Эдиѳь по другому направленію прошла въ спальню, и двери за нею затворились.

Теперь, когда ея не было, Каркеръ почувствовалъ, что онъ могъ бы съ нею управиться. Ему показалось, что внезапный страхъ, произведенный ночною тревогой, укротилъ ея буйную волю. Немедленно онъ отворилъ дверь и пошелъ вслѣдъ за нею.

Но въ комнатѣ, холодной и темной, никто не откликнулся на его голосъ. Онъ воротился назадъ, взялъ свѣчу, вошелъ снова и осмотрѣлся во всѣ стороны, надѣясь отыскать ее въ какомъ-нибудь углу; но комната была пуста. Нерѣшительными шагами прошелъ онъ столовую, залу, гостиную, безпрестанно озираясь вокругъ, заглядывая подъ занавѣсы, подъ ширмы. Напрасный трудъ: Эдиѳь исчезла! Не было ея и въ коридорѣ, который можно было окинуть однимъ взглядомъ!

Между тѣмъ колокольчикъ продолжалъ заливаться пронзительной трелью, и снаружи начали стучаться въ дверь. Мистеръ Каркеръ поставилъ свѣчу на полъ и, подкравшись къ двери, насторожилъ уши. Снаружи происходила, казалось, большая сума-

тоха, и раздавались многіе голоса. Изъ двухъ джентльменовъ, говорившихъ по-англійски, Каркеръ слишкомъ хорошо угадалъ одного.

Онъ опять взялъ свѣчу и быстро пошелъ назадъ по всѣмъ комнатамъ, останавливаясь тамъ и сямъ въ смутной надеждѣ отыскать Эдиѳь, которая, думалъ онъ, не могла же провалиться сквозь землю. Въ спальнѣ онъ наткнулся на дверь, скрытую въ стѣнѣ, и которая была заперта съ другой стороны: между половинками двери торчала вуаль, которую обронила мистриссъ Домби.

Колокольчикъ дребезжалъ и — десятки рукъ и ногъ вламывались въ дверь.

Онъ былъ не трусъ; но эти адскіе звуки въ незнакомомъ мѣстѣ и въ полночный часъ, особенно если взять въ расчетъ происходившую сцену, способны были поразить паническимъ страхомъ и не такого героя, какъ мистеръ Каркеръ, которому притомъ представлялось совсѣмъ неожиданное наслажденіе встрѣтиться лицомъ къ лицу съ обманутымъ мужемъ и начальникомъ, готовымъ бѣшеной рукою сорвать маску съ подчиненнаго бездѣльника, закаленнаго въ продолжительномъ мошенничествѣ. Если бы еще удались замышляемые планы мистера Каркера и страстныя его желанія увѣнчались вожделѣннымъ успѣхомъ, мы не сомнѣваемся, хотя это довольно странно, — онъ былъ бы въ эту минуту смѣлъ и дерзокъ, несмотря на совершенное отсутствіе всякой посторонней помощи, между тѣмъ какъ теперь — вы понимаете, нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь мистеръ Каркеръ дрожалъ какъ осиновый листъ. Онъ пытался отворить дверь, гдѣ торчала женская вуаль, но безъ всякаго успѣха. Онъ открылъ одно изъ оконъ и взглянулъ на широкій дворъ черезъ венеціянскій ставень; было очень высоко, а внизу торчали безпощадные камни.

Звонъ колокольчика достигнулъ до *crescendo furioso*, и разбойники уже расшатывали дюжую дверь. Мистеръ Каркеръ, дрожащій, блѣдный и бѣлый какъ голландское полотно первѣйшаго сорту, вошелъ опять въ роскошную спальню и послѣ новыхъ нечеловѣческихъ усилій выломалъ наконецъ половину потаенной двери. Увидѣвъ маленькую лѣстницу и почуявъ запахъ ночного воздуха, онъ прокрался назадъ за шинелью и шляпой, приставилъ кое-какъ половинку двери и осторожно спу-

стился съ лѣстницы, которая вывела его на дворъ. Потушивъ и бросивъ за уголъ свѣчу, онъ вздохнулъ свободно и взглянулъ на сіяющія звѣзды.

ГЛАВА LV.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ТОЧИЛЬЩИКЪ ПОТЕРЯЛЪ СВОЕ МѢСТО.

При желѣзныхъ воротахъ, отдѣлявшихъ гостинницу отъ улицы, дворника не было: онъ ушелъ, безъ сомнѣнія, поглазѣть на суматоху и къ счастью не заперъ маленькой калитки. Тихонько приподнявъ защолку, мистеръ Каркеръ выползъ на улицу и, осторожно заперевъ за собою ворота, поспѣшилъ впередъ.

При лихорадочности безполезной и безсильной злобы, паническій страхъ овладѣлъ имъ совершенно и обуялъ его до такой степени, что онъ, въ крайнемъ случаѣ, рѣшился бы скорѣе отважиться на какой-нибудь отчаянный рискъ, нежели встрѣтиться съ человѣкомъ, о которомъ не далѣе какъ два часа онъ рѣшительно не думалъ. Его неожиданный приходъ, шумный и буйный, звукъ его голоса, ожиданіе близкой и неизбѣжной встрѣчи лицомъ къ лицу, — все это презрѣлъ бы зубастый джентльменъ послѣ перваго минутнаго потрясенія и, какъ опытный мошенникъ, смѣло и дерзко смотрѣлъ бы на свои продѣлки. Но теперь совсѣмъ не то. Подкопъ, такъ долго и такъ тщательно устроиваемый, взлетѣлъ на собственную его голову и вырвалъ съ корнемъ изъ его груди самонадѣянность и наглость. Такъ искусно и съ такимъ стараніемъ разставлялъ онъ шолковыя сѣти и обдѣлывалъ силки, уже совсѣмъ готовые заманить дорогую птицу; но вотъ его самого заманили въ западню и прихлопнули въ ту самую минуту, когда ничто, казалось, не могло бы вырвать захваченной добычи. Гордая женщина презрѣла его, осмѣяла, сорвала съ его лица тигровую шкуру, раздавила его какъ ползущую гадину, — и что̀ мудренаго, если теперь мистеръ Каркеръ унизился, смирился и бѣжалъ впередъ какъ робкій зайчикъ?

И когда бѣжалъ онъ такимъ образомъ по улицамъ чужого города, страхъ совсѣмъ другого рода, независимый отъ мысли о преслѣдованьи, пронзилъ его съ быстротою электрическаго уда-

ра, — страхъ непонятный, необъяснимый, произведенный какъ-будто дрожаніемъ земли подъ его ногами или ангеломъ смерти, который летѣлъ надъ его головою въ зараженномъ воздухѣ, отравляя его дыханье. Онъ вздрогнулъ, встрепенулся, отдохнулъ, чтобы дать дорогу фантастическому призраку; но не исчезло страшное видѣнье — его и не было — и смертный ужасъ продолжалъ цѣпенить его члены.

Онъ поднялъ свое грѣшное лицо, полное тревоги, къ ночному небу, гдѣ сіяли звѣзды, полныя мира, и пріостановился, чтобы подумать наконецъ, что́ дѣлать. Страхъ, что его застанутъ и захватятъ на чужой и далекой сторонѣ, гдѣ законы не могутъ ему оказать никакого покровительства, ему, который стоялъ теперь одинокъ въ этомъ свѣтѣ на развалинахъ своихъ плановъ; ужасная мысль, что его тамъ гдѣ-нибудь, въ Италіи, въ Сициліи, застигнетъ подъ угломъ какой-нибудь подкупленный злодѣй и пырнетъ ножомъ въ беззащитное горло, — всѣ эти и другія опасенія, имѣвшія болѣе или менѣе симпатическую связь съ разрушеніемъ его надеждъ, заставили его рѣшиться на возвращеніе назадъ и ѣхать въ Англію.

— Тамъ я безопаснѣе во всякомъ случаѣ, думалъ онъ. — Тамъ по всей вѣроятности этотъ сумазбродъ не будетъ меня преслѣдовать съ такимъ бѣшенствомъ, какъ здѣсь, въ чужихъ краяхъ, и ужь если нельзя избѣжать этой встрѣчи, я буду по-крайней-мѣрѣ не одинъ, какъ здѣсь, безъ пріятелей и безъ совѣтниковъ. Меня прикроютъ, защитятъ и не заведутъ въ ловушку наподобіе какой-нибудь крысы.

Онъ сжалъ кулакъ и пробормоталъ имя Эдиои. Пробираясь далѣе въ тѣни массивныхъ зданій, онъ выставилъ свои зубы и принялся накликать странныя заклинанія на ея голову, оглядываясь въ тоже время по сторонамъ, какъ-будто въ намѣреніи застигнуть ее подлѣ какого-нибудь забора. Наконецъ онъ добрался до воротъ постоялаго двора, гдѣ уже давно спали крѣпкимъ сномъ. На звонъ колокольчика скоро явился дворникъ съ заспанными глазами и съ фонаремъ въ рукахъ. Мистеръ Каркеръ отправился съ нимъ въ темный сарай, чтобы уговориться насчетъ найма лошадей.

Торгъ былъ очень короткій, и распорядились немедленно послать за лошадьми. Приказавъ коляскѣ догонять себя, гдѣ слѣдуетъ, онъ опять прокрался за ворота и скоро вышелъ за

городъ мимо старыхъ валовъ на большую дорогу, которая змѣилась какъ ручей по темной равнинѣ.

Куда течетъ эта рѣка, и гдѣ ея конецъ? Задумавшись надъ чѣмъ-то въ родѣ этого вопроса, онъ окинулъ взоромъ мрачную долину, гдѣ торчали чахлыя деревья, и опять призракъ смерти пронесся надъ его головой, стремительный и бурный, опять неизъяснимый ужасъ обуялъ его душу, мрачный и неопредѣленный какъ отдаленный край предстоявшаго пути.

Тихо и прохладно. Вѣтеръ не смѣлъ колыхать растрепанныхъ волосъ взволнованнаго пѣшехода, и никакой шумъ не возмущалъ таинственнаго безмолвія ночи. Городъ сокрылся вдали, и никакая башня не скрывала отъ глазъ свѣтозарныхъ міровъ, носившихся стройно и плавно въ безпредѣльномъ океанѣ; но еще можно было слышать бой часоваго колокола, и слабое замиравшее гудѣнье дало знать одинокому страннику, что миновало два часа за полночь.

Долго шелъ онъ впередъ, останавливаясь и прислушиваясь, пока наконецъ безпокойное и жадное ухо не разслышало дребезжанья извощичьихъ колокольчиковъ, попеременно слабаго и громкаго, то пронзительнаго, то вовсе не слышнаго при переправѣ черезъ дурную почву, и наконецъ превратившагося въ веселый звонъ, исполненный радушнаго привѣта. Дюжій ямщикъ, нахлобученный до самыхъ глазъ, сдержалъ четверку ярыхъ лошадей и поѣхалъ шагомъ.

— Кто идетъ? *Monsieur?*

— Да.

— *Monsieur* прошелся далеконько по этой темной дорогѣ. *Monsieur* любитъ гулять въ глухую полночь.

— Ничего. У каждаго свой вкусъ. Что, любезный, другихъ лошадей никто не нанималъ въ почтовомъ домѣ?

— Тысячи чертей! Другихъ лошадей? въ этотъ часъ? Никакъ нѣтъ, сударь.

— Послушай, любезный, я тороплюсь. Посмотримъ, какъ скоро бѣгутъ твои кони. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ больше на водку. Ѣдемъ! Пошевеливайся!

— Гэй! гой! гупъ!

Впередъ черезъ темный ландшафтъ съ быстротою вихря, разсѣкая пыль и грязь какъ морскую пѣну, впередъ и въ галопъ!

Движенье, стукъ и тряска завторили теперь вѣрнымъ и громкимъ эхомъ безпорядочнымъ идеямъ бѣглеца. Ничего нѣтъ яснаго снаружи, и ничего нѣтъ яснаго внутри. Предметы пролетаютъ мимо, погружаются одинъ въ другомъ, сливаются, мелькаютъ и скользятъ отъ глазъ въ исчезающемъ пространствѣ. За перемежающимися лоскутьями изгорода и фермы, юркнувшими посреди дороги, опять и опять пустота, мрачная и дикая. За фантастическими образами, мелькнувшими въ душѣ и вдругъ изглаженными невидимою силой, опять и опять мрачная картина ужаса и страха, намалеванная яркой краскою сознанія безсильной злобы. Вотъ пахнулъ воздухъ съ отдаленной Юры и на минуту освѣжилъ надорванную грудь; но вотъ въ тоже мгновенье передъ фантазіей бѣглеца адскій звонъ и стукъ тысячи враждебныхъ рукъ, готовыхъ растворить его вены и выцѣдить всю его кровь.

Потухшіе фонари на извощичьей каретѣ, пестрота лошадиныхъ головъ, энергическіе жесты кучера и даже колыханье его собственной шинели,– все это породило тысячи неясныхъ и смѣшанныхъ фигуръ, соотвѣтствовавшихъ его мыслямъ. Вотъ передъ нимъ цѣлыя группы знакомыхъ чучелъ, согнутыхъ въ-три-погибели въ лондонской конторѣ, а вотъ и самъ съумазбродъ, отъ котораго онъ бѣжитъ, и тутъ же подлѣ него мистриссъ Домби въ торжествующей позѣ: они говорятъ, смѣются, пляшутъ, прыгаютъ и вдругъ умолкаютъ всѣ и пропадаютъ отъ крутого поворота. Время и мѣсто, лица и предметы, мысли и грезы, дѣйствительность и полусонная мечта, прошедшее, будущее, настоящее, Лондонъ и дорожный чемоданъ, Парижъ и кучерская шляпа, родина, Сицилія, тюрьмы, — все это слилось, смѣшалось, оторопѣло, омрачилось, разстроилось и расползлось въ его душѣ, и все поддаетъ ему толчки для усиленнаго бѣгства. — Гэй! гой! Впередъ и въ галопъ черезъ темный ландшафтъ съ быстротою вихря, разсѣкая пыль и грязь какъ морскую пѣну! Лошади дымятся, фыркаютъ, прядаютъ, несутся, какъ-будто самъ дьяволъ взгромоздился на ихъ спины и въ бѣшеномъ тріумфѣ гонитъ ихъ по мрачной дорогѣ — въ самый тартаръ!

«Въ тартаръ» — звучитъ дребезжащій колоколъ въ его ушахъ! «Въ тартаръ», съ ревомъ повторяютъ колеса, и паническій страхъ овладѣваетъ бѣглецомъ съ новою силой! Свѣтъ и тѣнь какъ чертенята мѣняются и прядаютъ на головахъ вспѣ-

ненныхъ коней, и нѣтъ имъ отдыха ни на минуту! Впередъ и впередъ по мрачной дорогѣ — въ тартаръ!

Онъ не думалъ ни о чемъ въ особенности, и его умъ неспособенъ отдѣлить одинъ предметъ отъ другого. Ниспроверженный планъ наградить себя сладострастною жизнью за долговременное принужденье; подлая измѣна человѣку, который въ отношеніи къ нему всегда былъ справедливъ и честенъ, но котораго онъ презиралъ и ненавидѣлъ всѣмъ своимъ сердцемъ, расчитывая современемъ отмстить ему стократы за каждое грубое слово или гордый взглядъ, — вотъ главнѣйшія мысли, возникавшія въ его мозгу. Низкій, пресмыкающійся льстецъ, онъ вполнѣ сознавалъ мелкую роль, которую принуждалъ себя играть столь долгое время, и тѣмъ глубже вкоренялось въ немъ желанье поразить наповалъ чопорную чучелу, передъ которой онъ пресмыкался. Онъ думалъ о женщинѣ, которая такъ жестоко провела его и одурачила, пріискивалъ средства разстроить ея торжество и покрыть ее позоромъ; но всѣ эти думы, темныя и сбивчивыя, не достигали зрѣлости въ его мозгу и отскакивали одна отъ другой при первомъ энергическомъ толчкѣ. Была впрочемъ одна постоянная идея, преобладавшая въ разгоряченной гололѣ, идея — отложить обдумыванье всѣхъ этихъ плановъ до другого удобнѣйшаго времени.

Проносились передъ нимъ старые дни, предшествовавшіе браку мистера Домби. Онъ думалъ, какъ ревновалъ онъ къ молодому человѣку, какъ ревновалъ къ молодой дѣвушкѣ, какъ ловко отдалялъ всѣхъ незваныхъ гостей и какъ искусно очертилъ вокругъ своего властителя завѣтный кругъ, въ который не вступалъ никто кромѣ его самого.

— Для чегожь я пускался на всѣ эти продѣлки? спрашивалъ онъ, ударяя себя въ лобъ: — неужели для того, чтобы бѣжать какъ вору отъ бѣшенаго дурака?

Онъ зарѣзалъ бы себя за собственную трусость, если бы могъ спокойно обсудить, что́ онъ дѣлаетъ; но его парализированная мысль отстраняла возможность яснаго сознанья, и онъ смотрѣлъ на себя черезъ густой туманъ недавняго пораженія. Проникнутый безсильною злобою къ Эдиѳи, ненавистію къ мистеру Домби и презрѣньемъ къ самому себѣ; онъ ѣхалъ впередъ и ничего больше не дѣлалъ.

Опять и опять онъ прислушивался къ звукамъ экипажа, который будто ѣхалъ позади, и опять показалось ему, что этотъ звукъ раздается громче и громче. Наконецъ онъ рѣшительно увѣрилъ себя, что за нимъ погоня, и закричалъ: — «Стой!» Лучше думалъ онъ, потерять секунду времени, чѣмъ мучиться такою неизвѣстностію.

Это слово мгновенно остановило лошадей, коляску, кучера, среди дороги.

— Дьяволъ! вскричалъ кучеръ, оглядываясь черезъ плечо: — что́ тамъ такое?

— Слышишь? Чу!

— Что̀?

— Этотъ шумъ.

— Угомонишься ли ты, проклятый разбойникъ? Воззваніе относилось къ одному изъ коней, брянчавшему своими колокольчиками: — какой шумъ?

— Да позади. Развѣ за нами не скачутъ? Чу! Что́ тамъ такое?

— Какой чортъ тебя давитъ, окаянный? — Обращеніе къ другому коню, положившему морду на товарища, который расшевелилъ остальныхъ двухъ лошадей. — Ничего нѣтъ за нами.

— Ничего?

— Ничего, кромѣ развѣ вонъ ужь свѣтаетъ.

— Твоя правда. Теперь ничего не слышно. Ступай!

Экипажъ, полускрытый въ дымящемся облакѣ отъ лошадиныхъ спинъ, ѣдетъ медленно на первый разъ, потому-что кучеръ, остановленный безъ нужды на всемъ ходу, брюзгливо вынимаетъ изъ кармана ножикъ и навязываетъ новую нахлестку на свой бичь. Затѣмъ опять: гэй! гой! гупъ! и быстроногіе кони понеслись какъ вихри.

Но теперь звѣзды поблѣднѣли, замерещился день, и мистеръ Каркеръ, ставшій на ноги среди коляски, могъ, оглядываясь назадъ, различить слѣдъ, которымъ онъ ѣхалъ, и видѣть, что не было вдали никакой погони, никакого путешественника. Скоро сдѣлалось совсѣмъ свѣтло, и солнечный лучь заигралъ на виноградникахъ и обширныхъ нивахъ; одинокіе работники, покинувшіе свои каменныя постели, выступили изъ своихъ временныхъ лачугъ и принялись за работу на большой дорогѣ, уби-

рая мимоходомъ корки хлѣба. Мало-по-малу закопошились крестьяне, вызванные изъ своихъ хижинъ дневными работами; по мѣстамъ стояли у воротъ ротозѣи и съ глупымъ любопытствомъ смотрѣли на проѣзжавшій экипажъ. Вотъ и почтовой дворъ, завязшій въ грязи, съ своими помойными ямами и обширными полуразрушенными сараями; вотъ и каменный замокъ, огромный, старый, лишенный тѣни и свѣта, выглядывающій на этотъ лакомый проспектъ своими пирамидальными окошками, и сверху украшенный теперь зеленымъ дымомъ, который вьется и кружится около гасильниковъ на башняхъ.

Съежившись и скорчившись въ углу коляски, мистеръ Каркеръ постоянно имѣлъ въ виду одну мысль — ѣхать быстрѣе и быстрѣе, безъ оглядокъ, которыя однакожь онъ позволялъ себѣ всякой разъ, на открытомъ полѣ, гдѣ не глазѣли на него праздные зѣваки.

Раскаяніе, стыдъ и злоба терзали его грудь, и опасеніе быть настигнутымъ или встрѣченнымъ, врѣзалось гвоздемъ въ его разстроенный мозгъ: онъ, безъ всякаго основанія, боялся даже путешественниковъ, которые встрѣчались съ нимъ на дорогѣ. Тотъ же несносный страхъ и ужасъ, который забрался къ нему ночью, воротился и днемъ съ неистощимымъ запасомъ свѣжихъ силъ. Однообразный звонъ колокольчиковъ и топота коней, однообразіе безсильной злобы и душевной муки представляли однообразное колесо, которое онъ, палачь самого себя, вертѣлъ безъ устали и безъ пощады, раздираемый страхомъ, сожалѣніемъ, страстью. День, какъ и ночь, былъ для него фантастическою грезой, гдѣ только его собственная пытка была дѣйствительнымъ явленіемъ.

И вотъ мерещились ему длинныя дороги, которыя тянулись безъ конца въ безпредѣльный горизонтъ; дурно вымощенные города на холмахъ и долинахъ, гдѣ выставлялись у дверей и темныхъ оконъ разноцвѣтныя фигуры съ гримасами и безъ гримасъ, и гдѣ по длиннымъ, тѣснымъ улицамъ съ ревомъ, гвалтомъ и мычаньемъ гнали на продажу коровъ и быковъ, избрызганныхъ грязью, избитыхъ дубиной, изцарапанныхъ собачьими клыками. Мерещились мосты, кресты, магазины, анбары, лавки, церкви, почтовые дворы, новыя лошади, впрягаемыя насильно въ дышла, и старые кони съ послѣдней станціи, взмыленные, вспѣненные, съ понурыми головами и раздутыми ноздрями; сельскіе

погосты съ черными крестами, искривленными на могилахъ, обложенныхъ засохшею травою и увядшими цвѣтами; потомъ опять и опять длинныя, предлинныя дороги, выгнутыя змѣйками на долинахъ и холмахъ и протянутыя безъ конца въ безпредѣльный горизонтъ.

Грезитъ мистеръ Каркеръ утромъ, въ полдень, вечеромъ, ночью, при закатѣ солнца и новомъ восхожденіи солнца, и мерещится ему, будто длинныя дороги тамъ и тамъ остаются назади, смѣняемыя жосткой мостовою, по которой хруститъ, трещитъ, качается, ныряетъ и подпрыгиваетъ его коляска, вихремъ проносясь, между пестрыми жильями, на самый конецъ къ большой церковной башнѣ; будто здѣсь онъ выскакиваетъ самъ, закусываетъ на-скорую-руку и выпиваетъ залпомъ рюмку шнапсу, утратившаго для него горячительное и ободрительное свойство; будто затѣмъ виляютъ и финтятъ передъ нимъ — слѣпые калѣки съ дрожащими вѣками, ведомые нищими старухами въ скаредныхъ лохмотьяхъ; безсмысленныя, полунагія идіотки; хромые, изуродованные, исковерканные; будто все это прокаженное отребье нищей братьи окружаетъ его съ плачемъ,- воемъ, визгомъ, протягиваетъ къ нему руки, умоляетъ, грозитъ и отпрядываетъ прочь, разсыпаясь и выстрѣливая крупной дробью раздирательныхъ ругательствъ; будто наконецъ онъ опять взгромождается на свою обычную сидѣйку, съеживается, скорчивается и летитъ съ быстротою вихря по той же безконечной дорогѣ, замѣчая въ полу-снѣ, что луна бросаетъ слабый свѣтъ на мильные столбы, и оглядываясь по временамъ назадъ въ смутномъ страхѣ наткнуться робкимъ глазомъ на мнимую погоню.

И мерещится ему, будто не спитъ онъ никогда, и только дремлетъ съ открытыми глазами, вздрагивая и вскакивая тамъ и тамъ, чтобы прокричать громкій отвѣтъ на мнимый голосъ. Будто онъ рвется, мечется, кривляется, кружится и проклинаетъ самого себя за то, что напраено прискакалъ на измѣническое *rendez-vous*, что выпустилъ ее изъ своихъ рукъ, за то, что бѣжитъ теперь сломя-шею, что не посмѣлъ явиться на его глаза, чтобы сдѣлать ему безстрашный вызовъ, за то, что перессорился со всѣмъ свѣтомъ, безумно разорвавъ дружескія и родственныя связи, и за то, что нашелъ въ себѣ самомъ непримиримаго врага, пораженнаго нравственной проказой, отравляющей дыханье всякаго близкаго человѣка.

И видитъ онъ въ лихорадочномъ бреду картины прошедшей и настояшей жизни, сбивая и перепутывая ихъ съ настоящимъ мгновеньемъ бѣшеной ѣзды. Старыя сцены мелькаютъ передъ нимъ, незваныя и непрошенныя, между новыми предметами, которые насильственно втираются въ глаза. И бредитъ мистеръ Каркеръ о томъ, что̀ миновало и покончилось давнымъ-давно, не обращая повидимому никакого вниманія на встрѣчаемыя лица, которыя однакожь отуманиваютъ его голову и вдавливаютъ свои фигуры въ его разгоряченный мозгъ.

И видитъ мистеръ Каркеръ въ лихорадочномъ бреду буйныя и странныя сцены, за которыми опять монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ и никакого покоя. Фантастическими призраками мелькаютъ передъ нимъ города и деревни, почтовые дворы, лошади, холмъ и долина, свѣтъ и тьма, дорога и мостовая, лощина и гора, ведро и ненастье, тишина и буря, и опять тотъ же монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ, и никакого покоя. И видитъ онъ сквозь сонъ, что подъѣзжаетъ наконецъ шумными дорогами къ шумной столицѣ, вихремъ пробѣгая города и деревни съ ихъ рѣдкой стариною, скорчиваясь въ-три-погибели въ своемъ безпокойномъ углу и плотнѣе закрываясь толстою шинелью, чтобы не наткнуться робкимъ взоромъ на густыя толпы бурливаго народа.

Бредитъ мистеръ Каркеръ, и тѣмъ быстрѣе мчится впередъ, стараясь ни о чемъ не думать, и всегда колесуемый безпокойной мыслью. Мерещится ему, будто онъ не знаетъ, сколько часовъ пробылъ въ дорогѣ, и не умѣетъ сообразить точки мѣстностей на своемъ пути. Голова его кружится, въ глазахъ темнѣетъ, умъ, воображеніе и память парализированы въ своей дѣятельности, но нѣтъ ему остановки и покоя на трудномъ пути, — и вотъ наконецъ онъ въ Парижѣ, гдѣ мутная рѣка неудержимо катитъ свои быстрыя волны среди двухъ ревущихъ потоковъ движенія и жизни.

И мерещатся ему нескончаемыя улицы, набережныя, мосты, погреба, подвалы, водопроводы, фонтаны, своды, арки, крытые пассажи, густыя толпы черни, солдатъ, омнибусы, фіакры, барабаны, и опять монотонный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ и конскихъ копытъ, которыя теперь теряются во всеобщей суетѣ и суматохѣ. И вотъ смолкнулъ этотъ

гвалтъ, когда мистеръ Каркеръ въ другомъ экипажѣ очутился за парижской заставой; но въ его ушахъ опять однообразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ, и нѣтъ ему никакого покоя.

Разъ и еще разъ солнечный закатъ, длинныя дороги, ужасъ ночи, слабый свѣтъ фонарей, и опять однообразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ, лошадиныхъ копытъ, и никакого покоя. Разъ и еще разъ взошло жгучее солнце на высокомъ горизонтѣ, и бредитъ мистеръ Каркеръ, будто кони его съ большимъ трудомъ взбираются на верхъ горы, спускаются внизъ, будто вдругъ обдало его прохладной свѣжестью морского вѣтра, и онъ увидѣлъ утренній свѣтъ на краяхъ отдаленныхъ волнъ. Мерещится ему, будто при полномъ приливѣ онъ входитъ въ гавань, видитъ рыбачьи лодки на поверхности далекихъ волнъ и веселыхъ женщинъ съ ихъ дѣтьми на берегу. Будто тамъ и тамъ разбросаны рыбачьи сѣти вмѣстѣ съ платьемъ рыбаковъ, будто впереди кишатъ и снуютъ толпы матросовъ на самыхъ вершинахъ корабельныхъ мачтъ, и будто вся эта картина исчезаетъ во всеобщемъ блескѣ и колыханіи воды.

Берегъ дальше и дальше отъ глазъ, и грезитъ мистеръ Каркеръ, будто наблюдалъ онъ съ пароходной палубы, какъ рѣдѣлъ туманъ, исчезая въ солнечныхъ лучахъ, и какъ позолотилась наконецъ вся поверхность тихаго моря. Берегъ потемнѣлъ и скрылся отъ глазъ, но вотъ впереди, по другую сторону, мерещатся утесы, строенья, вѣтреная мельница, церковь, и все это подходитъ ближе и ближе, становится виднѣе и виднѣе. Новая гавань, новый шумъ и новыя лица съ радостными криками на новомъ берегу. Бредитъ мистеръ Каркеръ, будто съ новымъ паническимъ страхомъ онъ сходитъ съ пароходной лѣстницы, и вотъ его нога опять на родной землѣ.

И задумалъ онъ въ своемъ тревожномъ снѣ удалиться куда-нибудь въ знакомую деревню, успокоиться, отдохнуть, свести прошедшее съ настоящимъ и сообразить свои будущіе планы. Загроможденный безпорядочными грезами, онъ припомнилъ наконецъ какую-то станцію на желѣзной дорогѣ съ уединеннымъ и спокойнымъ трактиромъ, и туда рѣшился направить свой дальнѣйшій путь.

Съ этой цѣлію онъ пошелъ въ контору желѣзной дороги, взялъ билетъ, сѣлъ въ карету, закутался шинелью, притворился

спящимъ, и скоро паровой гигантъ съ быстротою стрѣлы умчалъ его отъ морского берега во внутренность континента. Прибывъ къ назначенному мѣсту, онъ тщательно осмотрѣлъ окрестность съ ея малѣйшими подробностями. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: это было совершенно уединенное мѣсто, на краю небольшого лѣса. Здѣсь стоялъ всего только одинъ вновь выстроенный домикъ, окруженный красивымъ садомъ; до ближайшаго маленькаго города было нѣсколько миль. Незамѣченный никѣмъ, мистеръ Каркеръ вошелъ въ трактиръ и нанялъ наверху двѣ уютныя уединенныя комнатки, сообщавшіяся одна съ другой.

Его главнѣйшимъ намѣреніемъ было успокоиться, привести въ порядокъ свои мысли и потомъ уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Разстройство его душевныхъ силъ, омраченныхъ злобой, достигло теперь до послѣдняго предѣла, и онъ скрежеталъ зубами, расхаживая по своей комнатѣ. Его мысли, не направленныя ни на что въ особенности, блуждали наудачу и кружили его голову. Онъ бѣсновался и вмѣстѣ чувствовалъ смертельную усталость.

При всемъ томъ онъ не могъ забыться ни на минуту. Его изнеможенный духъ утратилъ возможность терять сознанье, и, казалось, его чело было заклеймлено роковымъ проклятьемъ, которому суждено навсегда лишить его покоя. Онъ не имѣлъ никакой власти надъ собственными своими чувствами, какъ-будто они принадлежали другому постороннему лицу. Какая-то невидимая сила отталкивала его вниманье отъ настоящихъ образовъ и звуковъ и насильственно вторгала въ его голову всѣ смутныя видѣнія и призраки оконченнаго путешествія. Мстительная женщина въ своей гордой и грозной позѣ безпрестанно представлялась его умственному взору, и въ тоже время онъ продолжалъ летѣть сломя-голову черезъ города и деревни, по холмамъ и долинамъ, по горамъ и оврагамъ, по дорогамъ и мощенымъ улицамъ, въ дождь и бурю, въ ведро и ненастье, всегда и вездѣ оглушенный однообразнымъ звономъ колоколовъ, безконечнымъ стукомъ колесъ и лошадиныхъ копытъ, всегда и вездѣ осужденный на пытку безсильной злобы и мучимый презрѣньемъ къ самому себѣ.

— Какой нынче день? спросилъ онъ трактирнаго слугу, приготовлявшаго ему обѣдъ.

— День, сударь?

— Середа сегодня?

— Помилуйте, какая середа. Сегодня четвергъ, сударь.

— Ну да, я забылъ. А какъ идетъ время? Мои часы незаведены.

— Безъ четверти пять, сударь. Можетъ быть, сударь, вы долго изволили находиться въ путешествіи?

— Да.

— По желѣзной дорогѣ?

— Да.

— Безпокойно, сударь. Мнѣ, признаться, самому почитай не приходилось ѣздить, а вотъ всѣ господа говорятъ, что очень безпокойно.

— Много здѣсь проѣзжающихъ?

— Довольно, сударь, нечего жаловаться. Только сегодня почитай никого не было. Бываетъ, сударь, дѣла идутъ не такъ чтобы того. Плохо, сударь.

Не отвѣчая ничего, Каркеръ сѣлъ на софу, облокотился обѣими руками на свои колѣни и уставилъ глаза на полъ. Онъ ни на минуту не могъ овладѣть своимъ вниманьемъ, и оно, противъ его воли, обращалось на тысячи отдаленныхъ и смутныхъ картинъ. Сонъ рѣшительно бѣжалъ отъ его глазъ.

Онъ выпилъ послѣ обѣда рюмку вина, другую, третью, но безъ всякаго успѣха: никакія искуственныя средства не могли сомкнуть усталыхъ очей. Его мысли, безсвязныя и смутныя, волочили его безъ пощады по пятамъ дикихъ лошадей, какъ злодѣя, осужденнаго на мучительную пытку безъ отдыха и забвенья.

Какъ долго онъ сидѣлъ, преданный такимъ образомъ своимъ дикимъ мечтаніямъ, никто не могъ сказать съ бо̀льшею неправильностью чѣмъ самъ онъ. Однакожь было ему извѣстно, что сидѣлъ онъ долго и пилъ много при слабомъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, какъ вдругъ онъ вскочилъ съ своего мѣста и, пораженный внезапнымъ ужасомъ, началъ вслушиваться.

Не мечта обманула его. Земля дрожала, домъ трясся, воздухъ наполнялся дымомъ и ревомъ, и когда мистеръ Каркеръ, подходя къ окну, увидѣлъ причину всѣхъ этихъ явленій, его ужасъ не утихъ, и онъ отпрянулъ отъ окна, какъ-будто неувѣренный въ своей безопасности.

Проклятіе въ ушахъ его раздалось и прогремѣло по окрестной долинѣ, извергаясь въ искрахъ и клубахъ дыма. Одна минута, и смолкло все. Каркеръ почувствовалъ, что бѣшеный демонъ отведенъ въ свою обычную колею и зажалъ свою пасть; даже теперь, когда рельсы желѣзной дороги, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, были пусты и безмолвны какъ пустыня, онъ трепеталъ еще всѣмъ тѣломъ и едва переводилъ духъ.

И замерещилось ему, будто какая-то непреодолимая сила влечетъ его къ этой дорогѣ. Онъ вышелъ на свѣжій воздухъ и началъ бордить по ея краямъ, соображая недавній слѣдъ вагоновъ по искрамъ пепла, которыя еще лежали на пути. Пробродивъ минутъ тридцать по этому направленію, онъ воротился назадъ и побрелъ мимо трактирнаго саду, все-таки придерживаясь краевъ желѣзной лороги и съ любопытствомъ разсматривая на досугѣ мосты, сигналы и лампы. Ему хотѣлось видѣть, какъ промчится здѣсь другая машина, которой ждали съ минуты на минуту.

И вотъ она искрится, визжитъ, дымится и реветъ, изрыгая пламя, угли пепелъ и озирая красными глазами дрожащее пространство. Грузныя массы за ея хвостомъ, причаленныя и готовыя взлетѣть на воздухъ. Мистеръ Каркеръ дрожитъ и робкимъ, невѣрнымъ шагомъ идетъ къ воротамъ.

Еще и еще машина съ новымъ грузомъ и неистовымъ свирѣпствомъ. Мистеръ Каркеръ приходилъ и уходилъ, гулялъ, дожидался, наблюдалъ и глазѣлъ съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ, переходя отъ одной къ другой и удивляясь ихъ мѣднымъ лбамъ и массивнымъ колесамъ. «Какая въ нихъ гигантская сила! думалъ мистеръ Каркеръ: — что́, если подвернется кто подъ эти чудовищныя колеса? Уфъ! размозжится вдребезги!»

Отуманенный виномъ и продолжительною безсонницею, мистеръ Каркеръ чаще и чаще возвращался къ этимъ идеямъ, и онѣ гомозились въ его мозгу наравнѣ съ другими фантастическими призраками. Было около полуночи, когда онъ воротился въ свою комнату, но страшныя грезы отстраняли всякую возможность покоя, и онъ сидѣлъ, и думалъ, и мечталъ, и ждалъ съ какимъ-то судорожнымъ нетерпѣньемъ приближенія къ станціи новой машины.

Онъ легъ въ постель, почти безъ всякой надежды на сонъ, и насторожилъ свои уши. Заслышавъ черезъ нѣсколько минутъ колебаніе земли и дрожь своей спальни, онъ вскочилъ съ быстротою кошки, подбѣжалъ къ окну и принялся наблюдать съ напряженнымъ любопытствомъ страшнаго гиганта съ багровыми глазами и открытой пастью, изъ которой съ шумомъ, трескомъ, грохотомъ и ревомъ извергались пылающіе угли, дымъ и пепелъ, разсыпанный по ровной и гладкой стезѣ на далекое пространство. Потомъ, протирая глаза, онъ смотрѣлъ впередъ на дорогу, по которой думалъ ѣхать на солнечномъ восходѣ, такъ-какъ здѣсь уже нельзя было расчитывать на отдыхъ; затѣмъ ложился онъ опять, какъ-будто для того, чтобы яснѣе слышать уметвеннымъ ухомъ однобразный звонъ колоколовъ, безконечный стукъ колесъ и конскаго топа, впредь до прибытія на мѣсто новаго гиганта, который расшевелитъ и растревожитъ его вещественное ухо. Такъ продолжалось во всю ночь. Вмѣсто всякаго успокоенья и власти надъ собою, онъ утратилъ, казалось, и послѣднюю надежду обуздать встревоженныя чувства. Съ наступленіемъ разсвѣта онъ чувствовалъ невыносимую пытку разгоряченной мысли: прошедшее, настоящее и будущее волновались передъ нимъ въ смутныхъ образахъ, лишонныхъ всякой связи, и онъ потерялъ всякую возможность останавливать на нихъ свой взоръ.

— Въ которомъ часу, говорилъ ты, приходитъ паровозъ? спросилъ мистеръ Каркеръ человѣка, который на разсвѣтѣ пришелъ въ его комнату со свѣчою въ рукахъ.

— Въ четверть пятаго, сударь. Ровно въ четыре проходитъ, сударь, экстренная машина, но она здѣсь не останавливается никогда. Летитъ напроломъ, сударь.

Онъ приставилъ руку къ своей пылающей головѣ и взглянулъ на свои часы. Было около половины четвертаго.

— Кажись, сударь, никто съ вами не поѣдетъ, замѣтилъ слуга. — Есть тутъ два джентльмена, но они дожидаются лондонскаго поѣзда.

— Ты, помнится, говорилъ, что у васъ никого не было, сказалъ Каркеръ съ призракомъ своей старинной улыбки, назначавшейся для выраженія его подозрѣній.

— Это вчера, сударь. Два джентльмена прибыли ночью съ малымъ поѣздомъ, который останавливается здѣсь. Угодно теплой воды, сударь?

— Нѣтъ. Унеси назадъ свѣчу. Свѣтло и безъ огня.

Едва ушелъ лакей, онъ вскочилъ съ постели и подошелъ къ окну. Холодный утренній свѣтъ заступалъ мѣсто ночи, и небо покрывалось уже багровымъ заревомъ передъ солнечнымъ восходомъ. Онъ умылъ холодною водой свою голову и лицо, одѣлся на-скорую-руку, спустился внизъ, расплатился и вышелъ изъ трактира.

Утренній воздухъ повѣялъ на него прохладой, которая, какъ и вода, не имѣла для него освѣжительнаго свойства. Онъ вздрогнулъ. Бросивъ взглядъ на мѣсто, гдѣ гулялъ онъ прошлую ночь, и на сигнальные фонари, безполезно теперь бросавшіе слабый отблескъ, онъ поворотилъ туда, гдѣ восходило солнце, величественное въ своей утренней славѣ.

Картина прекрасная, великолѣпная, божественно-торжественная! Когда мистеръ Каркеръ смотрѣлъ своими усталыми глазами, гдѣ и какъ въ безпредѣльномъ океанѣ всплывало спокойное свѣтило, которое отъ начала міра съ одинаковымъ привѣтомъ бросаетъ свои лучи на добродѣтель и порокъ, красоту и безобразіе, — кто скажетъ, что въ его, даже въ его грѣшной душѣ не родилась мысль о другой, надзвѣздной жизни, гдѣ всемогущая рука положитъ несокрушимыя преграды распространенію зла? Если онъ вспоминалъ когда-нибудь о сестрѣ и братѣ съ чувствомъ нѣжности или угрызенія, кто скажетъ, что это не было въ такую торжественную минуту?

Но теперь не имѣлъ онъ нужды въ братьяхъ и сестрахъ. Рука смерти висѣла надъ нимъ. Она вычеркнула его изъ списка живыхъ созданій, и онъ стоитъ на краю могилы.

Онъ заплатилъ деньги за поѣздку въ то село, о которомъ думалъ, и до пріѣзда машины гулялъ покамѣстъ одинъ около рельсовъ, углубляясь по долинѣ и проходя чрезъ темный мостъ, какъ вдругъ при поворотѣ назадъ, недалеко отъ гостинницы, онъ увидѣлъ того самого человѣка, отъ котораго бѣжалъ. Мистеръ Домби выходилъ изъ двери, черезъ которую только-что онъ вышелъ самъ. И глаза ихъ встрѣтились.

Въ быстротѣ изумленія онъ пошатнулся и отпрянулъ на дорогу. Спутываясь больше и больше, онъ отступилъ назадъ

нѣсколько шаговъ, чтобы оградить себя большимъ пространствомъ, и смотрѣлъ во всѣ глаза на своего преслѣдователя, насилу переводя ускоренное дыханье.

Онъ услышалъ свистокъ, другой, третій — увидѣлъ, что на лицѣ его врага чувство злобной мести смѣнилось какимъ-то болѣзненнымъ страхомъ, почувствовалъ дрожь земли — узналъ въ чемъ дѣло — испустилъ пронзительный крикъ — наткнулся на багровые глаза, потускнѣвшіе отъ солнечнаго свѣта, — и огненный гигантъ сбилъ его съ ногъ, растиснулъ, засадилъ въ зазубренную мельницу, разорвалъ его члены, обдалъ кипяткомъ, исковеркалъ, измололъ и съ презрѣньемъ выбросилъ на воздухъ изуродованныя кости.

Оправившись отъ изумленія, близкаго къ обмороку, путешественникъ, угаданный такимъ образомъ, увидѣлъ, какъ четверо убирали съ дороги что-то тяжолое и мертвенное, какъ они положили на доску этотъ грузъ, и какъ другіе люди отгоняли собакъ, которыя чтó-то обнюхивали на дорогѣ и лизали какую-то кровь, подернутую пепломъ.

ГЛАВА LVI.

РАДОСТЬ ЗА РАДОСТЬЮ, И ДОСАДА ЛАПЧАТАГО ГУСЯ.

Мичманъ въ большой суетѣ. Мистеръ Тутсъ и Сусанна наконецъ пріѣхали. Сусанна безъ памяти побѣжала наверхъ; мистеръ Тутсъ и Лапчатый Гусь вошли въ гостиную.

— О, голубушка моя, миссъ Флой! кричала Сусанна Ниппeръ, вбѣгая въ комнату Флоренсы. — Дойти до такихъ напастей въ своемъ собственномъ домѣ и жить одной безъ всякой прислуги, горлинка вы моя, сиротинка безпріютная! Ну ужь теперь, миссъ Флой, не отойти мнѣ прочь ни за какія блага въ свѣтѣ: я не то чтобы какой-нибудь мокрый мохъ или мягкій воскъ, нó вѣдь мое сердце и не камень, не кремень, съ вашего позволенія!

Выстрѣливая этими словами залпомъ и безъ малѣйшихъ знаковъ препинанья, миссъ Ниппeръ стояла на колѣняхъ передъ своею госпожей и теребила ее на всѣ стороны своими крѣпкими объятіями.

— Ангельчикъ мой! кричала Сусанна. — Я знаю все чтó было, и знаю все чтó будетъ, и мнѣ душно, душно, миссъ Флой!

— Сусанна! милая, добрая Сусанна!

— Благослови ее Богъ! Я была ея маленькою нянькой, когда она была ребенкомъ, и вотъ выходитъ она за-мужъ! Правда ли это, горлинка вы моя, красавица моя, правда ли? восклицала Сусанна, задыхаясь отъ усталости и восторга, отъ гордости и печали, и еще Богъ знаетъ отъ какихъ противоположныхъ чувствованій.

— Кто тебѣ это сказалъ? спросила Флоренса.

— Силы небесныя, да это невинное созданье, мистеръ Тутсъ! отвѣчала Сусанна. — Я очень знаю, что онъ говоритъ сущую правду, и убѣжденъ въ ней какъ нельзя больше. Это самый преданный и невинный ребенокъ, какого съ огнемъ не найти среди бѣлаго дня. И будто горлинка моя миссъ Флой на самомъ дѣлѣ выходитъ за-мужъ? О, правда ли это, правда ли?...

Сусанна цаловала свою милую барышню, ласкала ее, клала свою руку на ея плечо, плакала, смѣялась, рыдала, и эти смѣшанныя чувства радости, состраданія, удовольствія, нѣжности, покровительства и сожалѣнія, съ какими постоянно она возвращалась къ своему предмету, были въ своемъ родѣ столько женственны и вмѣстѣ прекрасны, что немного подобныхъ явленій можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ.

— Перестань, моя милая! сказала наконецъ кроткимъ голосомъ Флоренса. — Тебѣ надобно отдохнуть, успокоиться, Сусанна.

Миссъ Нипперъ усѣлась при ногахъ своей госпожи вмѣстѣ съ Діогеномъ, который въ изъявленіе искренней дружбы уже давно вилялъ хвостомъ и лизалъ ея лицо. Поглаживая одной рукою Діогена и приставляя другую къ своимъ глазамъ, она призналась, что теперь гораздо спокойнѣе, и въ доказательство принялась рыдать и смѣяться громче прежняго.

— Я.... Я.... право, душечка моя, миссъ Флой, я въ жизнь не видала такого созданья, какъ этотъ Тутсъ. Да и не увижу никогда, никогда!

— Онъ очень добръ, сказала Флоренса.

— И очень смѣшонъ, прибавила Сусанна. — Послушали бы вы, какъ онъ изъяснялся со мной въ каретѣ, между тѣмъ какъ этотъ бѣшеный Гусь сидѣлъ на козлахъ!

— Насчетъ чего, Сусанна? робко спросила Флоренса.

— Да насчетъ лейтенанта Вальтерова, капитана Гильса, насчетъ васъ, миссъ Флой, и безмолвной могилы, сказала Сусанна.

— Безмолвной могилы! повторила Флоренса.

— Онъ говоритъ, продолжала Сусанна, разражаясь бурнымъ истерическимъ смѣхомъ: — говоритъ, что непремѣнно и безъ малѣйшаго замедленія сойдетъ въ могилу, благословляя вашу судьбу и желая всѣхъ возможныхъ благъ лейтенанту Вальтерову. Тутъ однакожь нечего тревожиться, милая моя миссъ Флой: онъ слишкомъ счастливъ чужимъ счастьемъ и будетъ жить на славу. Мистеръ Тутсъ не то чтобы Соломонъ — этого о немъ нельзя сказать — онъ и не будетъ Соломономъ; но въ томъ могу поручиться, что еще никто не видалъ на свѣтѣ такого честнаго, великодушнаго, безкорыстнаго добряка.

Сдѣлавъ эту энергическую декларацію, миссъ Ниипперъ продолжала хохотать до упаду, и едва собралась съ силами извѣстить, что мистеръ Тутсъ дожидается внизу, въ сладкой надеждѣ вознаградить себя лицезрѣніемъ Флоренсы за усердные труды, подъятые въ послѣднюю экспедицію.

Флоренса поручила сказать, что она надѣется имѣть удовольствіе благодарить лично мистера Тутса, и Сусанна, спустившись внизъ, немедленно привела этого молодого джентльмена, котораго наружность все еще была въ ужасномъ безпорядкѣ и обличала сильную взволнованность внутри.

— Миссъ Домби, началъ мистеръ Тутсъ. — Быть представленнымъ опять.... я нахожусь.... имѣя позволеніе.... относительно вашего здоровья.... то есть, я рѣшительно не знаю, что я говорю; но это ничего, миссъ Домби, ей-Богу, ничего!

Флоренса съ улыбкой подала ему обѣ руки, и на ея лицѣ заискрилась самая граціозная благодарность.

— Вы такъ много для меня сдѣлали, добрый мистеръ Тутсъ, что у меня недостаетъ словъ для выраженія вамъ своей глубокой признательности.

— Если бы вы, миссъ Домби, сказалъ мистеръ Тутсъ благоговѣйнымъ и какимъ-то страшнымъ голосомъ: — могли какъ-

нибудь, при своемъ ангельскомъ характерѣ, или по-крайней-мѣрѣ захотѣли проклясть меня, будьте увѣрены, отъ вашихъ проклятій было бы мнѣ не легче, чѣмъ отъ этихъ незаслуженныхъ выраженій благодарности и небесной доброты. Ваши слова дѣйствуютъ на меня.... такъ сказать.... но это собственно ничего, и не въ этомъ рѣчь.

На это разумѣется трудно было пріискать приличный отвѣтъ, и Флоренса ограничилась лишь тѣмъ, что поблагодарила его опять.

— Я бы желалъ, миссъ Домби, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы войти въ нѣкоторыя объясненія, разумѣется, если вы позволите.

— Сдѣлайте милость.

— Мнѣ слѣдовало имѣть удовольствіе привести къ вамъ Сусанну гораздо раньше; но во-первыхъ, мы не знали имени родственника, къ которому она уѣхала, а во-вторыхъ, оказалось, что она оставила домъ этого родственника и переселилась куда-то въ другое мѣсто. То есть, я вамъ скажу, если бы не Лапчатый Гусь, который уменъ какъ нельзя болѣе, то я бы никакъ не добился толку относительно мѣста жительства миссъ Ниппоръ.

Флоренса улыбнулась.

— Но не въ этомъ сущность дѣла, продолжалъ мистеръ Тутсъ. — Общество Сусанны, увѣряю васъ, миссъ Домби, было для меня утѣшеніемъ и отрадой въ этомъ проклятомъ состояніи духа, которое легче вообразить, чѣмъ описать. Путешествіе было для меня истинной усладой и, такъ сказать, вознагражденіемъ. Но не въ этомъ сущность дѣла. Миссъ Домби, я имѣлъ счастіе замѣчать вамъ и прежде, что я далеко не изъ числа людей, у которыхъ, что называется, мозгъ въ здоровомъ состояніи. Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Едва ли сыщется еще человѣкъ, который бы такъ отлично понималъ всю пустоту своей головы, какъ я, и если нѣкоторые люди называли меня безмозглымъ, то я нахожу, что они были въ этомъ отношеніи совершенно правы. Все это однакожъ, миссъ Домби, отнюдь не мѣшаетъ мнѣ представлять въ ясномъ свѣтѣ свои отношенія къ лейтенанту Вальтерову. Пусть, если можно, увеличится еще больше моя душевная пытка, я обязанъ сказать, что лейтенантъ Вальтеровъ прекрасный молодой человѣкъ и, по моему мнѣнію, достоинъ благословенія, которое нисходитъ на его.... на его чело. Дай Богъ

ему силу и возможность оцѣнить во всей полнотѣ неземное блаженство, котораго столько недостойнымъ оказался другой человѣкъ, несчастнѣйшій изъ всѣхъ животныхъ въ этомъ мірѣ! Но все-таки не въ этомъ сущность дѣла. Миссъ Домби, капитанъ Гильсъ, мой истинный другъ, и я не хочу сомнѣваться, что ему по временамъ было бы пріятно видѣть меня въ своемъ домѣ, точно также какъ я съ своей стороны всегда съ особеннымъ удовольствіемъ сталъ бы принимать у себя капитана Куттля. Мы понимаемъ и цѣнимъ другъ друга. Но я не могу забыть, что разъ въ своей жизни я велъ себя неприлично на одномъ изъ угловъ брайтонской площади, и если въ этомъ послѣднемъ отношеніи мое присутствіе будетъ вамъ казаться непріятнымъ, то я прошу только сказать мнѣ объ этомъ теперь, и будьте увѣрены, я пойму васъ совершенно. Я не огорчусь, не посѣтую, не приду въ отчаяніе: напротивъ, я почту себя счастливымъ и стану гордиться, что имѣлъ честь удостоиться вашей довѣренности. Вотъ въ чемъ сущность дѣла, миссъ Домби.

— Мистеръ Тутсъ, отвѣчала Флоренса: — вы мой старинный и вѣрнѣйшій другъ: какъ же пришло вамъ въ голову, что мнѣ было бы непріятно васъ видѣть въ этомъ домѣ? Встрѣча съ вами, будьте увѣрены, всегда доставитъ мнѣ большое удовольствіе, и только одно удовольствіе.

— Миссъ Домби, сказалъ мистеръ Тутсъ, вынимая платокъ изъ кармана: — если теперь я пролилъ слезу, то это — слеза радости. Будьте однакожь спокойны: это ничего, и я премного вамъ обязанъ. Послѣ того, что́ вы сейчасъ сказали, я считаю нужнымъ предъувѣдомить васъ, миссъ Домби, что я не намѣренъ впередь неглижировать своимъ костюмомъ и не обращать никакого вниманія на свою наружность, какъ это дѣлалъ въ послѣднее время.

Флоренса не безъ нѣкотораго смущенія должна была одобрить это намѣреніе.

— Относительно этого пункта, продолжалъ мистеръ Тутсъ: — я держусь собственно тѣхъ мыслей, что всякой порядочный человѣкъ, прежде чѣмъ опустится въ безмолвную могилу, долженъ вести себя приличнымъ и всегда нѣсколько изящнымъ образомъ. Поэтому съ этой поры я тщательно стану наблюдать, чтобы сапоги мои были вычищены и высвѣтлены самою лучшею

ваксой. Такое замѣчаніе, миссъ Домби, конечно не имѣетъ для васъ никакой важности, но я осмѣлился его сдѣлать въ вашемъ присутствіи первый и послѣдній разъ. Благодарю васъ отъ всего моего сердца. Если вообще я не имѣю той чувствительности, какую бы хотѣли во мнѣ видѣть мои искренніе друзья, зато могу увѣрить честнымъ и благороднымъ словомъ, я чувствую всегда во́-время и кстати, чего требуютъ приличія и любезность отъ всякаго порядочнаго человѣка. Если напримѣръ въ этомъ отношеніи мнѣ нужно выразить то, что́ я чувствую въ настоящую минуту, то я.... я уже давно понимаю, что мнѣ пора итти.

Раскланявшись какъ слѣдуетъ порядочному джентльмену, мистеръ Тутсъ, утѣшенный и успокоенный, сошелъ внизъ и отыскалъ въ магазинѣ капитана Куттля.

— Капитанъ Гильсъ, началъ мистеръ Тутсъ: — настоящая наша бесѣда съ вами должна быть прикрыта не иначе, какъ священною печатію довѣренности и совершеннѣйшей искренности. Это, собственно говоря, будетъ продолженіемъ того, что́ сейчасъ происходило наверху между мною и миссъ Домби.

— Начинай, дружище, начинай!

— Миссъ Домби, я полагаю, скоро будетъ соединена съ лейтенантомъ Вальтеровымъ? Такъ ли, капитанъ Гильсъ?

— Такъ, любезный другъ. Мы всѣ товарищи по этому дѣлу и причаливаемъ въ одну сторону. Валли и общая услада нашего сердца будутъ соединены, тотчасъ же послѣ того, какъ ихъ окликнутъ въ домѣ благодати, шепталъ ему на ухо капитанъ Куттль.

— Окликнутъ! повторилъ Тутсъ.

— Да, мой другъ, въ церкви, вонъ тамъ! сказалъ капитанъ, указывая своимъ пальцемъ черезъ плечо.

— Вотъ что́! охъ!

— А потомъ, продолжалъ капитанъ своимъ хриплымъ шопотомъ, разглаживая спину и плечи мистера Тутса: — за тѣмъ что́ послѣдуетъ? Наша услада, какъ залетная птичка, выпорхнетъ изъ родного гнѣздышка и отлетитъ далеко, далеко, за широкія моря! Они ѣдутъ въ Китай, пріятель!

— Великій Боже! воскликнулъ мистеръ Тутсъ.

— Да, любезный другъ. Корабль, принявшій его на свой бордъ, когда онъ носился по бурнымъ волнамъ, ведетъ торговлю съ Китаемъ, и Вальтеръ въ продолженіи своего путешествія

обратилъ на себя всеобщую благосклонность. Его полюбили на землѣ и на морѣ, такъ-какъ онъ, видишь ты, прекрасный и очень смышленый молодой человѣкъ. И вотъ, когда умеръ въ Кантонѣ суперкаргъ, то есть главный корабельный прикащикъ, то мѣсто его досталось Вальтеру, и теперь онъ станетъ завѣдывать въ этой должности другимъ кораблемъ, который принадлежитъ тѣмъ же владѣльцамъ. По этой-то причинѣ, любезный другъ, наша общая услада и поѣдетъ вмѣстѣ съ Вальтеромъ въ Китай.

Мистеръ Тутсъ и капитанъ Куттль разомъ испустили по глубокому вздоху.

— Что же дѣлать, любезный другъ? продолжалъ капитанъ. — Она любитъ его сердечно. Онъ любитъ ее сердечно. Тотъ, кто задумалъ бы ихъ разлучить и оторвать другъ отъ друга, былъ бы лютымъ звѣремъ, а не человѣкомъ. Когда она безпріютной и бездомной сироткой пришла сюда и упала на эти доски, ея израненное сердце было разбито, сокрушено. Я это знаю; я это видѣлъ собственными глазами, — Я, Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскій. Но теперь въ ея сердцѣ истинная, вѣрная, постоянная любовь, которую не сокрушатъ человѣческія силы. Если бы напримѣръ случилось такъ, что я не зналъ бы этого, и не вѣдалъ, что Вальтеръ ея истинный братъ и любовникъ, а она его сестра и первая любовь, я скорѣе отрубилъ бы здѣсь эти руки и ноги, чѣмъ допустилъ бы ее улѣтѣть за широкія моря. Но я знаю дѣла такъ, какъ они есть, — и чтожь такое? Пусть они ѣдутъ съ миромъ, и да будетъ воля Божія! аминь!

— Капитанъ Гильсъ, сказалъ мистеръ Тутсъ: — позвольте мнѣ имѣть удовольствіе пожать вашу руку. Вы говорите такъ хорошо, такъ хорошо, что невольно распространяется теплота по всему тѣлу, особенно когда вы произносите аминь. Вамъ извѣстно, капитанъ Гильсъ, что и я до безумія любилъ миссъ Домби.

— Развеселись, пріятель! сказалъ капитанъ, положивъ свою руку на плечо мистера Тутса. — Стой и держись крѣпче.

— Я и хочу развеселиться, капитанъ Гильсъ, и по возможности держаться крѣпче. Какъ скоро откроетъ свою пасть передъ моими глазами широкая могила, я приготовлюсь къ похоронамъ, но не прежде. Не имѣя въ настоящую минуту никакой

власти надъ собою, я покорнѣйше прошу васъ быть такъ добрымъ, принять на себя трудъ передать лейтенанту Вальтерову слѣдующій пунктъ.

— Пунктъ, пріятель, повторилъ капитанъ: — какой же?

— Миссъ Домби въ своемъ неизреченномъ снисхожденіи, продолжалъ мистеръ Тутсъ, вытирая глаза: — изволила сказать, что мое присутствіе можетъ ей доставить нѣкоторое удовольствіе, и я увѣренъ, что всѣ въ этомъ домѣ, со включеніемъ васъ, капитанъ Гильсъ, будутъ снисходительно смотрѣть на присутствіе безталаннаго горемыки, который очевидно рожденъ на свѣтъ по какой-то непростительной ошибкѣ. Поэтому, капитанъ Гильсъ, я ужь безъ церемоніи стану заходить сюда по вечерамъ, пока всѣ мы будемъ вмѣстѣ. Но просьба моя, собственно говоря, такого рода. Если, паче чаянія, мнѣ покажется когда-нибудь, что я не могу вынести взоровъ лейтенанта Вальтерова, и выбѣгу изъ комнаты, я надѣюсь, вы оба, капитанъ Гильсъ, будете считать это несчастьемъ, и отнюдь не преступленіемъ съ моей стороны, и будете убѣждены, что я ни къ кому не питаю въ своей душѣ злобы или ненависти, и всего менѣе къ лейтенанту Вальтерову. Надѣюсь также, вы оба примете на себя трудъ дѣлать по этому поводу замѣчанія, что я вышелъ вѣроятно прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, или, всего вѣрнѣе, посмотрѣть, какъ идетъ время на часахъ королевской биржи. Если, капитанъ, вы войдете со мной въ эти планы и дадите положительный отвѣтъ за лейтенанта Вальтерова, это будетъ величайшимъ облегченіемъ для моихъ чувствованій и такой отрадой, за которую я не постоялъ бы удѣлить значительную часть своей собственности.

— Любезный другъ, отвѣчалъ капитанъ: — ни слова больше. За какую бы веревку ты ни ухватился, я и Вальтеръ Гэй будемъ тянуть ее изо всей мочи.

— Капитанъ Гильсъ, благодарю васъ: утѣшили горемыку и сняли грузъ съ его сердца. Я желаю сохранить доброе мнѣніе обо всемъ и обо всѣхъ, хотя рѣшительно не знаю, какъ выразить свои чувства. На душѣ такъ полно, и ужь какъ-будто льется черезъ край, а захочешь высказаться, — языкъ ни съ мѣста, какъ-будто приклеили его къ зубамъ. Это все равно, если бы напримѣръ Борджесъ и компанія обѣщались своему за-

казчику сдѣлать какіе-нибудь необычайные панталоны, и потомъ не могли бы выкроить того, что́ у нихъ на душѣ.

Пояснивъ такимъ образомъ свою оригинальную мысль, мистеръ Тутсъ пожелалъ капитану Куттлю всѣхъ возможныхъ благъ и отправился восвояси.

Капитанъ Куттль, окруженный въ домѣ усладой сердца и Сусанной, былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ и наслаждался неподдѣльнымъ блаженствомъ, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось все больше и больше. Онъ почасту и подолгу производилъ глубокомысленныя совѣщанія съ миссъ Сусанной Нипперъ, которой необычайная премудрость и рѣшительное могущество служили для него предметомъ постояннаго удивленія, ибо никогда не забывалъ капитанъ Куттль, какъ сія дѣвица изъявила нѣкогда желаніе ополчиться противъ самой мистриссъ Макъ-Стингеръ, женщины экстраординарной и непобѣдимой въ своемъ родѣ. Послѣ одного изъ такихъ совѣщаній онъ явился къ Флоренсѣ съ докладомъ, что нѣкоторыя основательныя причины и частнѣйшія соображенія заставляютъ его желать, чтобы въ домѣ поселилась какая-нибудь женщина, всего лучше знакомая, которая бы по хозяйству имѣла верховный надзоръ надъ дочерью пожилой леди, засѣдавшей по обыкновенію подъ синимъ зонтикомъ на птичьемъ рынкѣ. Сусанна, вызванная подать свой голосъ, немедленно объявила, что, по ея мнѣнію, ничего не можетъ быть лучше мистриссъ Ричардсъ. Флоренса засіяла при этомъ имени, и совѣщаніе окончилось само собою. Въ тотъ же день послѣ обѣда, Сусанна отправилась къ жилищу мистера Туделя, навела необходимыя справки и вечеромъ съ большимъ тріумфомъ воротилась домой вмѣстѣ съ розовою, вѣчно цвѣтущею Полли, которая, при видѣ Флоренсы, обнаружила почти такія же экстренныя чувствованія, какъ сама миссъ Нипперъ.

Когда такимъ образомъ къ общему благополучію былъ устроенъ этотъ важный хозяйственный пунктъ, Флоренса начала вдумываться, какъ бы ей приличнымъ образомъ приготовить Сусанну къ ихъ неизбѣжной и уже скорой разлукѣ. Дѣло нелегкое и чрезвычайно щекотливое, ибо миссъ Нипперъ объявила наотрѣзъ, что она ни за что и никогда не разстанется съ своею госпожой, а извѣстно, что миссъ Нипперъ не охотница отставать отъ своихъ плановъ.

— Ну, а насчетъ жалованья вы не безпокойтесь, милая моя миссъ Флой, и не хлопочите о такихъ пустякахъ: у меня есть деньжонки въ сберегательной кассѣ и хватитъ надолго, а если бы не хватило, я не площадная торговка, чтобы продавать свою любовь. До денегъ ли теперь, горлица вы моя, ангельчикъ миссъ Флой! Пусть прахомъ поберетъ все, знать ничего не хочу, только бы вы были со мной! Съ той поры, какъ скончалась ваша бѣдная маменька, я неотлучно была при васъ, дѣлила съ вами радость и горе, и вы сами ко мнѣ привыкли во всѣ эти годы. Я не хвастаюсь, миссъ Флой, и не горжусь, а все-таки вы безъ меня не уѣдете, не должны уѣзжать и не можете уѣхать.

— Я ѣду далеко, милая Сусанна, очень далеко!

— Тѣмъ стало быть я нужнѣе для васъ, миссъ Флой. Боже ты мой, Боже, я не робкаго десятка, чтобы испугаться далекой ѣзды.

— Но я ѣду съ Вальтеромъ, милая Сусанна, и готова съ нимъ на всякія путешествія, на всякія опасности! Вальтеръ бѣденъ и я очень бѣдна: мой долгъ научиться помогать ему и помогать самой себѣ.

— Развѣ вамъ учиться помогать себѣ и другимъ, милая моя миссъ Флой! вскричала Сусанна, замотавъ головой и явно обнаруживая нѣкоторое нетерпѣніе.—Вы были благодѣтельною для всѣхъ, кто ни окружалъ васъ, и только Богу извѣстно, сколько перенесло страданій ваше благородное сердце. Дайте мнѣ переговорить самой съ господиномъ Вальтеромъ Гэемъ, и я непремѣнно устрою такъ, что вы не поѣдете однѣ.

— Одна, Сусанна? одна, говоришь ты? Какъ одна? А развѣ Вальтеръ не беретъ меня съ собою?

Какая свѣтлая, изумленная, восхитительная улыбка озарила ее! Молодой человѣкъ дорого бы далъ, чтобы быть свидѣтелемъ этого мгновенья.

— Надѣюсь, Сусанна, ты не будешь говорить съ Вальтеромъ, если я сама не попрошу тебя объ этомъ, прибавила Флоренса кроткимъ тономъ.

— Почему же нѣтъ, миссъ Флой? рыдала Сусанна.

— Потому-что, дѣлаясь его женою, я отдаю ему все свое сердце и рѣшаюсь жить съ нимъ вмѣстѣ и умереть. Если бы ты стала говорить съ нимъ также какъ теперь со мной, онъ могъ подумать, что я опасаюсь за свою будущность, и что ты въ свою

очередь боиться за меня. Что̀ дѣлать, милая Сусанна? Я люблю его!

И прекрасное лицо молодой дѣвушки озарилось тѣмъ животворнымъ свѣтомъ, которому суждено бросить свои лучи на весеннюю жизнь чистаго и дѣвственнаго сердца! И Сусанна Ниптеръ еще и еще разъ бросилась въ объятія своей милой барышни, заплакала, зарыдала и повторяла съ умилительнымъ эффектомъ: неужели ея горлинка летитъ изъ родного гнѣздышка на чужую, дальнюю сторону!

Но при такой женской слабости, миссъ Нипперъ была столько же способна обуздывать свои собственныя чувства, какъ и нападать на страшную Макъ-Стингеръ. Съ этой поры, не возвращаясь никогда къ этому предмету, она была весела, дѣятельна, суетлива и отважна. Впрочемъ однажды она объявила по секрету мистеру Тутсу, что она «храбрится» только до времени, и что ей никакъ не выдержать, когда миссъ Домби будетъ уѣзжать.

— Все тогда кончено, сказала она: — и я боюсь, что съ тоски совсѣмъ закружится моя голова.

Мистеръ Тутсъ объявилъ съ своей стороны, что онъ вовсе потеряетъ голову, и они усердно плакали вмѣстѣ, смѣшивая свои слезы; но никогда Сусанна Нипперъ не обнаруживала подобныхъ чувствъ въ присутствіи Флоренсы или въ предѣлахъ молодого мичмана.

Какъ ни былъ ограниченъ гардеробъ Флоренсы — какой контрастъ съ приготовительными церемоніями послѣдней свадьбы, въ которой принимала она участіе! — однакожъ все-таки довольно было дѣла, и Сусанна Нипперъ, засѣдая подлѣ своей барышни, работала во весь день съ озабоченнымъ усердіемъ пятидесяти швей. Удивительная дѣятельность капитана Куттля могла бы значительно подвинуть впередъ и распространить эту экипировку, если бы позволили ему съ полнымъ жаромъ предаться своей дѣятельности, и онъ уже начиналъ хлопотать насчетъ зонтиковъ, шолковыхъ чулокъ, синихъ башмаковъ и насчетъ другихъ весьма важныхъ статей, совершенно необходимыхъ для морского путешествія; но остальные члены компаніи убѣдили его, посредствомъ разныхъ хитростей, ограничить свое дѣйствіе рабочими ящичками и платяными коробками, за которыми онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ самый модный магазинъ,

гдѣ и выбралъ матеріи самаго широкаго свойства. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ двѣ недѣли сряду отъ утра до обѣда то-и-дѣло любовался на свою покупку, выбѣгая по временамъ на улицу, чтобы промыслить какую-нибудь новую дополнительную статью. Но его главнѣйшая, мастерская штука состояла въ томъ, что въ одно прекрасное утро ящикъ и коробка украсились двумя мѣдными дощечками, на которыхъ искусная рука вырѣзала сердце, пронзенное стрѣлою, и подъ нимъ красовалась надпись: Флоренса Гэй. Этимъ утромъ онъ разомъ одну за другою выкурилъ четыре трубки и ухмылялся во весь день.

Несмотря на безчисленныя хлопоты, Вальтеръ каждое утро забѣгалъ къ Флоренсѣ и проводилъ съ нею всѣ вечера. Передъ его приходомъ Флоренса спускалась внизъ изъ своихъ верхнихъ комнатъ, ожидала его въ маленькой гостиной, или, иной разъ, украдкой выходила за дверь, чтобы встрѣтить его съ открытыми объятіями. Въ сумерки они всегда были вмѣстѣ. О счастливое, благословенное время! О глубокій, неизчерпаемый источникъ любви, способный изливаться животворною струею на раны человѣческаго сердца!

Жестокое пятно еще было на ея груди. Оно лежало между нею и ея любовникомъ, когда онъ прижималъ ее къ своему сердцу. Но она забыла этотъ роковой ударъ. Когда его сердце билось для нея, и когда ея собственное сердце билось для него, звуки разстроенной музыки были для нихъ не слышны, и они оба теряли способность сознавать, что есть на свѣтѣ люди съ безчеловѣчными сердцами. Нѣжная и слабая, но сильная могуществомъ любви, она забывала все на свѣтѣ, и ея міръ, сосредоточенный въ объятіяхъ одного человѣка, былъ наполненъ видѣніями, которыя не могли болѣе тревожить любящей души.

Какъ часто старый домъ и старые дни проносились передъ ней въ эти часы сумерекъ, когда она искала убѣжища въ объятіяхъ прекраснаго юноши, гордаго ея любовью! Какъ часто въ этомъ счастливомъ убѣжищѣ проливала она слезы радости, встрѣчаясь съ этими глазами, которые наблюдали ее съ такимъ любящимъ и усерднымъ вниманьемъ! И чѣмъ крѣпче прижималась она къ этимъ объятіямъ, тѣмъ чаще возникалъ въ ея душѣ милый образъ покойнаго брата, и казалось ей, будто послѣдній разъ она видѣла его въ тотъ полночный часъ, когда онъ, оди-

нокій и больной, лежалъ въ своей спальнѣ, и она цаловала его лицо.

Смерклось. Молодые люди долго стояли другъ передъ другомъ, не говоря ни слова. Флоренса прервала молчаніе такимъ образомъ:

— Милый Вальтеръ, знаешь ли, о чемъ я думала сегодня?

— О томъ, какъ быстро идетъ время, и какъ скоро мы понесемся по широкому морю: не такъ ли, мой другъ?

— Нѣтъ, Вальтеръ, я часто объ этомъ думаю; но теперь не то у меня въ головѣ. Я думала, какое бремя ты нашелъ во мнѣ, милый Вальтеръ.

— Драгоцѣнное, священное бремя! Да, мой другъ, и я много разъ думаю объ этомъ.

— Ты смѣешься, Вальтеръ. Я знаю, что твои мысли заняты гораздо больше, чѣмъ мои; но я думаю собственно объ издержкахъ.

— Объ издержкахъ?

— О денежныхъ издержкахъ. Всѣ эти приготовленія, о которыхъ хлопочемъ мы съ Сусанной.... видишь ли, мой милый, я очень немного могла купить для себя. Ты былъ бѣденъ и прежде, а теперь со мною будешь еще бѣднѣе, милый Вальтеръ!

— Богаче во сто разъ, милая Флоренса!

Флоренса улыбнулась и покачала головой.

— Притомъ, сказалъ Вальтеръ: — за нѣсколько лѣтъ, отправляясь на корабль, я получилъ въ подарокъ маленькій кошелекъ, и въ кошелькѣ, моя милая, были деньги.

— Очень немного, мой другъ, слишкомъ немного! возразила Флоренса съ грустной улыбкой: — не думай однакожь, чтобы мысль объ этомъ бремени тяготила меня. Я даже рада, мой милый. Она положила руку на его плечо и съ невыразимой любовью смотрѣла ему въ глаза. — Я слишкомъ счастлива и не хотѣла бы ни за какія блага въ мірѣ быть въ какомъ-нибудь другомъ положеніи.

— Также какъ и я.

— Да. Но ты, милый Вальтеръ, никогда не можешь имѣть моихъ чувствъ. Я такъ горда тобою! Станутъ о тебѣ говорить, что ты женился на бѣдной, изгнанной дѣвушкѣ, которая искала здѣсь пріюта, у которой нѣтъ другого дому, нѣтъ друзей, ни-

чего нѣтъ, ничего! Мое сердце горитъ отъ восторга, милый Вальтеръ, и будь у меня милліоны, никогда бы не была я такъ счастлива, какъ теперь! Пусть за мною нѣтъ никакихъ сокровищь....

— А развѣ сама ты, милая Флоренса, не драгоцѣнное сокровище для меня? Развѣ ты ничего?...

— Ничего, Вальтеръ, кромѣ лишь — я твоя жена. — Нѣжная рука обвилась вокругъ его шеи, и мелодическій голосокъ раздавался теперь надъ самымъ его ухомъ. — Въ одномъ тебѣ — вся моя жизнь! Въ одномъ тебѣ — всѣ мои земныя надежды! Въ одномъ тебѣ — всѣ радости моего сердца, и сама по себѣ, безъ тебя, милый Вальтеръ, я ничто, ничто!

Бѣдный, бѣдный мистеръ Тутсъ! Хорошо бы ты сдѣлалъ въ этотъ вечеръ, если бы два, три раза выбѣжалъ на улицу, чтобы провѣрить свои часы на королевской биржѣ, или, всего лучше, поговорить съ банкиромъ, о которымъ ты вспомнилъ случайно!

Но покамѣстъ не отправлялся на эти экспедиціи мистеръ Тутсъ; онъ еще и не пришелъ. Прежде чѣмъ поданы были свѣчи, Вальтеръ сказалъ:

— Нагрузка нашего корабля, Флоренса, приведена почти къ концу, и вѣроятно онъ выйдетъ изъ Темзы въ самый день нашей свадьбы. Ѣхать ли намъ въ тоже утро и остановиться въ Кентѣ, чтобы черезъ недѣлю сѣсть на корабль, когда онъ прибудетъ въ Грэвзендъ?

— Какъ тебѣ угодно, могъ другъ: я вездѣ буду счастлива. Но....

— Чтó такое?

— Ты знаешь, Вальтеръ, на нашей свадьбѣ не будетъ никакого общества, и никто по платью не отличитъ насъ отъ другихъ людей. Такъ-какъ мы уѣзжаемъ въ тотъ же день, то не потрудишься ли ты, Вальтеръ, сходить со мною кое-куда рано поутру, прежде чѣмъ отправимся мы въ церковъ? Не будешь ли ты такъ добръ.

Вальтеръ, казалось, очень хорошо понялъ мысль своей любезной и подтвердилъ ея волю своимъ поцалуемъ, другимъ, третьимъ, двадцатымъ и такъ далѣе. И счастлива была Флоренса Домби въ этотъ вечеръ, тихій, спокойный, торжественный!

За тѣмъ въ спокойную комнату вошли Сусанна Ниплеръ, и свѣчи, и чай. Немного погодя явились капитанъ Куттль и мистеръ Тутсъ, который вообще проводилъ безпокойные вечера. Впрочемъ на этотъ разъ онъ велъ себя очень смирно, развлекая свою душу игрою въ пикетъ съ капитаномъ Куттлемъ, подъ верховнымъ надзоромъ миссъ Ниплеръ, которая безпрестанно помогала дѣлать ему необходимыя математическія соображенія. Это средство было нарочно придумано для успокоенія взволнованныхъ чувствъ мистера Тутса.

Лицо капитана въ этихъ случаяхъ представляло самыя любопытныя измѣненія, достойныя основательныхъ психологическихъ изученій. Его инстинктивная деликатность и рыцарскія отношенія къ Флоренсѣ дали ему уразумѣть, что теперь не время обнаруживать бурную веселость или выражать свое удовольствіе какими-нибудь экстренными знаками. За всѣмъ тѣмъ воспоминанія о «Любезной Пегги» безпрестанно вырывались наружу изъ богатырской груди, и случалось, добрый капитанъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи непростительные промахи. Въ другой разъ всѣ силы его души поглощались безмолвнымъ изумленіемъ къ Вальтеру и Флоренсѣ, когда эта прекрасная чета, исполненная любви и граціи, сидѣла въ отдаленіи, любуясь другъ на друга: капитанъ бросалъ карты и посматривалъ на нихъ съ блистательной улыбкой, ударяя себя по лбу носовымъ платкомъ, и эта забывчивость продолжалась до тѣхъ поръ, пока мистеръ Тутсъ не бросалъ въ свою очередь картъ, чтобы выйти на свѣжій воздухъ для переговоровъ съ своимъ банкиромъ. Тутъ только капитанъ Куттль приходилъ въ себя и, вновь овладѣвая своими чувствами, дѣлалъ себѣ строжайшіе выговоры за непростительную разсѣянность. Съ возвращеніемъ Тутса порядокъ возстанавливался, игра начиналась, и капитанъ Куттль, принимаясь за карты, мигалъ и кивалъ на Сусанну, дѣлая въ тоже время своимъ крюкомъ энергическіе жесты, дававшіе ей уразумѣть, что впередъ онъ уже не будетъ такъ забывчивъ. Слѣдовала за тѣмъ интереснѣйшая сцена: стараясь сгладить съ своего лица слѣды недавнихъ впечатлѣній, капитанъ смотрѣлъ на карты, на потолочное окно, озирался вокругъ, и его физіономія представляла весьма замѣчательную борьбу противоположныхъ чувствъ. Борьба, само собою разумѣется, скоро оканчивалась совершеннѣйшей побѣдой впечатлѣній, вызванныхъ вновь созерцаніемъ прекрасной пары,

и бѣдный мистеръ Тутсъ опять выбѣгалъ на улицу, чтобы навести кое-какія справки насчетъ Борджеса и компаніи. Стыдясь за свою слабость, капитанъ, впредь до новаго возвращенія Тутса, сидѣлъ какъ преступникъ, исполненный сильныхъ треволненій, и за отсутствіемъ правосуднаго судьи, дѣлалъ самъ себѣ неумолимые приговоры, скрѣпляя ихъ восклицаніями въ родѣ слѣдующихъ: — держись крепче, ребята! Дурачина ты, Недъ Куттль, повѣса безталанный! и прочая.

Но самое тяжолое искушеніе для мистера Тутса было еще впереди. Приближалось воскресенье, когда въ послѣдній разъ должны были окликнуть жениха и невѣсту въ той церкви, о которой говорилъ капитанъ. Господинъ Тутсъ выразилъ на этотъ счетъ свои чувствованія Сусаннѣ Нипперъ въ такомъ тонѣ:

— Сусанна, меня влечетъ къ этой церкви какая-то невидимая сила. Слова, которыя однажды на-всегда оторвутъ меня отъ дѣвицы Домби, я знаю, поразятъ меня какъ бомба или погребальный звонъ; но клянусь честью, мнѣ непремѣнно надо ихъ выслушать. Слѣдовательно, Сусанна, вы ужь потрудитесь завтра проводить меня въ Божій храмъ.

Миссъ Нипперъ изъявила свою готовность, если это доставитъ удовольствіе господину Тутсу, но во всякомъ случаѣ совѣтовала ему оставить эту идею.

— Сусанна, возразилъ мистеръ Тутсъ съ большою торжественностію: — прежде чѣмъ на моихъ щекахъ появились эти бакенбарды, я обожалъ миссъ Домби. Безсмысленный труженикъ и рабъ въ заведеніи у Блимбера, я обожалъ миссъ Домби. Когда я вышелъ изъ опеки и вступилъ, на законномъ основаніи, во владѣніе своею собственностію, я продолжалъ обожать миссъ Домби, и ни о чемъ больше не думалъ, какъ о ней. Слова, которыми вручится она лейтенанту Вальтерову, и которыя... мистеръ Тутсъ пріостановился, чтобы пріискать приличную фразу... которыя закабалятъ меня во мракѣ ада, будутъ страшны, ужасно страшны; но я чувствую, мнѣ надобно ихъ слышать. Чувствую, мнѣ непремѣнно должно узнать и увидѣть, какъ земля разверзнется подъ моими ногами и поглотитъ... однимъ словомъ, истребитъ всѣ мои надежды.

Сусанна отъ души соболѣзновала мистеру Тутсу и охотно согласилась исполнить его желаніе.

Церковь, выбранная Вальтеромъ для этой цѣли, старинная и ветхая, замкнутая и сплющенная въ лабиринтѣ тѣсныхъ переулковъ и дворовъ, окружалась небольшимъ кладбищемъ и сама была похоронена въ какомъ-то сводѣ, образовавшемся изъ сосѣднихъ домовъ. Это, собственно говоря, была какая-то странная громада изъ камней, покрытыхъ плѣсенью, гдѣ торчали высокіе старинные дубовые скамейки и столы, за которыми по воскресеньямъ исчезало десятка два усердныхъ прихожанъ, оглашаемыхъ голосомъ пастора и звуками разстроеннаго органа, сработаннаго опытною рукою мастера лѣтъ за полтораста назадъ. Недалеко отъ этой громады, по всѣмъ направленіямъ, еще стояли церкви въ такомъ множествѣ, что ихъ шпицы издали можно было принять за корабельныя мачты, которыхъ не пересчитаешь и въ нѣсколько часовъ. Почти въ каждомъ переулкѣ и на каждомъ дворѣ была особая церковь. Когда мистеръ Тутсъ и Сусанна, въ назначенное воскресенье, направили въ эту сторону свои шаги, смѣшанный звонъ колоколовъ услаждалъ ихъ уши мелодіей самаго гармоническаго свойства. Десятка два звонарей съ двадцати колоколенъ сзывали народъ Божій на обычное поклоненіе въ день воскресный.

Церковный сторожъ съ низкими поклонами поспѣшилъ встрѣтить двухъ означенныхъ заблуждшихъ овечекъ и отвелъ имъ удобное мѣсто, откуда онѣ, такъ-какъ было еще рано, принялись на-досугѣ считать другихъ, вслушиваясь въ тоже время въ протяжный благовѣстъ праздничнаго колокола. Мистеръ Тутсъ съ своей стороны, пересчитавъ всѣ широкія книги на церковныхъ налояхъ, шепнулъ Сусаннѣ, что онъ не понимаетъ, какъ и откуда будетъ сдѣлана окличка, на что Сусанна кивнула только головой и повела нахмуренными бровями, показывая, что теперь не время для такихъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, мистеръ Тутсъ оказался совершенно неспособнымъ отвлечь свои мысли отъ завѣтнаго предмета, и глаза его съ безпокойствомъ бродили по всѣмъ направленіямъ мрачнаго храма. Когда наконецъ наступило роковое время, бѣдный молодой джентльмеиъ затрепеталъ всѣми членами, и его волненіе отнюдь не уменьшилось отъ неожиданнаго появленія капитана Куттля въ переднемъ ряду галлереи. При появленіи дьячка, подавшаго пастору листъ бумаги съ именами жениховъ и невѣстъ, мистеръ Тутсъ, очевидно оконтуженный, уцѣпился

обѣими руками за перила, и когда пасторъ громогласно провозгласилъ: «Вальтеръ Гэй и Флоренса Домби», бѣдный юноша, не владѣя болѣе собой, опрометью бросился изъ церкви, безъ шляпы и безъ палки, въ сопровожденіи старосты, сторожа и еще двухъ джентльменовъ медицинской профессіи, которые къ счастью находились случайно въ церкви. Черезъ нѣсколько минутъ воротившійся сторожъ шепнулъ на ухо миссъ Нипперъ, чтобы она не безпокоилась, такъ-какъ опасности нѣтъ никакой, и джентльменъ велѣлъ сказать ей, что это ничего.

Миссъ Нипперъ, чувствуя, что глаза всѣхъ почтенныхъ зрителей и зрительницъ устремились на нее, пришла въ нѣкоторое затрудненіе отъ этого обстоятельства, тѣмъ болѣе, что капитанъ Куттль изъ передняго ряду галлереи безпрестанно махалъ своимъ желѣзнымъ крюкомъ и страшно моргалъ глазами, откуда и значилось, что онъ имѣлъ съ этою дѣвицей нѣкоторыя таинственныя сношенія. Необычайное безпокойство и, такъ сказать, буйная взволнованность мистера Тутса, рѣшительно компрометировали деликатное положеніе этой дѣвицы. Неспособный болѣе оставаться на кладбищѣ добычей мучительныхъ размышленій и, безъ сомнѣнія, желая засвидѣтельствовать свое уваженіе церковной службѣ, которую нѣкоторымъ образомъ онъ пріостановилъ, мистеръ Тутсъ внезапно воротился опять, но уже не на прежнее мѣсто, а на порожнее сѣдалище подлѣ самой паперти, гдѣ онъ расположился между двумя почтенными старушками, имѣвшими обыкновеніе получать отъ доброхотныхъ даятелей недѣльную порцію хлѣба. Оставаясь въ этомъ обществѣ, несчастный молодой джентльменъ не преминулъ обратить на себя вниманіе всей публики, которая невольно устремляла изумленные взоры на его растрепанные волосы и энергическіе жесты. Наконецъ онъ не выдержалъ и опять опрометью бросился изъ церкви. Не смѣя болѣе войти въ храмъ божій и однакожь желая принять нѣкоторое участіе въ богослуженіи, мистеръ Тутсъ время отъ времени выставлялъ свое отчаянное лицо въ какомъ-нибудь изъ окошекъ; а такъ-какъ было очень много окошекъ, доступныхъ снаружи для его наблюденій, и такъ-какъ съ другой стороны безпокойство его увеличивалось съ минуты на минуту, то слушатели, занятые теперь во время проповѣди исключительно этимъ джентльменомъ, сочли неизбѣжно-необходимымъ слѣдить за всѣми окошками разомъ, ибо невоз-

можно было опредѣлить, въ какой сторонѣ произойдетъ интересное появленіе фигуры мистера Тутса. Его движенія на кладбищѣ были до того стремительны и эксцентричны, что онъ опрокидывалъ вообще всѣ возможныя выкладки и соображенія своихъ наблюдателей и появлялся тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидали. Эти мистическія представленія становились тѣмъ забавнѣе, что ему было довольно трудно просовывать свою голову, и между тѣмъ какъ онъ былъ занятъ этой операціей, публика уже любовалась импровизированнымъ спектаклемъ. Замѣтивъ наконецъ, что глаза всѣхъ зрителей обращены на его фигуру, мистеръ Тутсъ оторвался отъ послѣдняго окошка, и этимъ окончилась послѣдняя сцена, которую съ такимъ искусствомъ разыгралъ онъ на потѣху всей компаніи.

Всѣ эти выходки мистера Тутса и чрезмѣрная бурливость капитана Куттля совсѣмъ разстроили дѣвицу Нипперъ, и она была очень рада, когда дождалась окончанія обѣдни. При выходѣ изъ церкви она бросила даже суровый взглядъ на господина Тутса и была съ нимъ строга во всю дорогу. Къ счастію впрочемъ бѣдный молодой человѣкъ не замѣчалъ своей опалы, и во всю дорогу былъ чрезвычайно краснорѣчивъ въ разговорахъ съ капитаномъ Куттлемъ, который услышалъ теперь въ послѣдній разъ, что мистеръ Тутсъ, оторванный однажды навсегда отъ владычицы своего сердца, не видитъ впереди ничего, кромѣ тѣсной и мрачной могилы, готовой поглотить его со всѣми блистательными надеждами и планами.

Быстро летѣли дни одинъ за другимъ, и наконецъ наступилъ послѣдній вечеръ передъ сватьбой. Общество собралось у деревяннаго мичмана наверху и заняло всѣ покои, такъ-какъ во всемъ домѣ не было теперь другихъ жильцовъ и мичманъ былъ единственнымъ владѣльцемъ этого апартамента. Всѣ были спокойны и серьёзны, представляя впереди утреннюю перспективу, и всѣ были умѣренно веселы. Флоренса сидѣла подлѣ Вальтера и доканчивала вышивать свой прощальный подарокъ капитану Куттлю. Мистеръ Тутсъ, подъ руководствомъ и верховнымъ надзоромъ дѣвицы Нипперъ, игралъ съ капитаномъ въ пикетъ. Миссъ Нипперъ, съ таинственнымъ и глубокомысленнымъ видомъ, заглядывала въ карты и дѣлала всѣ необходимыя соображенія относительно ходовъ и взятокъ. Діогенъ слушалъ очень внимательно и по временамъ разражался какимъ-то двусмы-

слезнымъ лаемъ, котораго, казалось, стыдился и самъ, сомнѣваясь повидимому въ основательности повода къ своимъ подозрѣніямъ.

— Тише, любезный, тише! говорилъ капитанъ Діогену. — Чтò съ тобой сдѣлалось? Ты, пріятель, кажется, сегодня не въ духѣ.

Діогенъ завилялъ хвостомъ, но тотчасъ опять насторожилъ уши и огласилъ компанію новымъ двусмысленнымъ лаемъ, въ которомъ поспѣшилъ извиниться передъ капитаномъ, положивъ свою морду на его колѣни.

— Я того мнѣнія, сказалъ капитанъ, разглаживая своимъ крюкомъ діогенову шерсть: — что твои подозрѣнія относятся къ мистриссъ Ричардсъ; но если ты разсудителенъ, какимъ всегда я тебя считалъ, ты долженъ перемѣнить свои мысли, такъ-какъ мистриссъ Ричардсъ женщина хорошая, и это ты могъ бы замѣтить по ея глазамъ. Ну, пріятель, продолжалъ капитанъ, обращаясь къ мистеру Тутсу: — если ты готовъ, такъ отваливай.

Говоря это, капитанъ погрузился весь въ свою игру, но вдругъ карты вывалились изъ его рукъ, глаза и ротъ отворились, ноги подкосились, и онъ растянулся въ своихъ креслахъ такимъ образомъ, что во всей его позѣ обнаружилось самое экстренное изумленіе. Оглянувшись вокругъ на всю компанію и видя, что никто не замѣчаетъ причины его столбняка, капитанъ перевелъ духъ, разразился страшнымъ ударомъ по столу, проревѣлъ громовымъ голосомъ: — «Соломонъ Гильсъ эгой!» и повалился въ объятія опустошеннаго непогодами камзола, который входилъ въ комнату, сопровождаемый Полли.

Еще минута — и Вальтеръ былъ въ объятіяхъ опустошеннаго непогодами камзола. Еще минута — и Флоренса была въ въ его объятіяхъ. Еще и еще минута — и капитанъ Куттль принялся обнимать мистриссъ Ричардсъ и миссъ Ниппёръ и свирѣпо пожимать руки мистеру Тутсу, восклицая: — «Ура, любезный другъ, урра!» — Ошеломленный этой непостижимой сценой, мистеръ Тутсъ, не зная самъ чтó дѣлаетъ, съ большою учтивостію отвѣчалъ:

— Безъ сомнѣнія, капитанъ Гильсъ, ваша правда, покорно васъ благодарю!

Опустошенный непогодами камзолъ, равно какъ шапка и дорожный шарфъ, не менѣе опустошенные бурей и дождями, отворотились отъ капитана и Флоренсы къ Вальтеру, и вдругъ изъ-подъ всѣхъ этихъ статей раздались звуки наподобіе старииковскаго плача, между тѣмъ какъ косматые рукава плотно обвивались вокругъ вальтеровой шеи. Во время этой паузы продолжалось всеобщее молчаніе, и капитанъ съ большимъ усердіемъ полировалъ свою переносицу. Когда наконецъ Флоренса и Вальтеръ сбросили съ неизвѣстныхъ плечь гороховый камзолъ со всѣми его принадлежностями, глазамъ общества представился во всей красотѣ разоблаченный инструментальный мастеръ, тощій, тонкій, изнуренный старичокъ въ своемъ прежнемъ валлійскомъ парикѣ, въ кофейномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами и съ непреложнымъ хронометромъ, который издавалъ умильные звуки въ полосатомъ жилетѣ.

— Бухта человѣческихъ познаній, палата широкаго ума! возопилъ лучезарный капитанъ: — Соль Гильсъ, Соль Гильсъ, гдѣ ты скрывался отъ насъ въ это долгое, долгое время, старинный мой товарищъ?

— Я слѣпъ и нѣмъ и глухъ отъ радости, любезный Недъ! отвѣчалъ старикъ.

— Самый его голосъ, теперь какъ и всегда, настоящая труба человѣческой науки! говорилъ капитанъ, озирая стараго друга съ неимовѣрнымъ восторгомъ. — Возсядь, Соломонъ, посреди своего винограда и смоковницъ и, какъ древній патріархъ, повѣствуй намъ, твоимъ гроздіямъ, о странствованіяхъ и чудныхъ приключеніяхъ на своемъ пути. Голосъ твой могучъ, и рѣчь твоя сладка. О голосъ, голосъ!... Помнишь ли, какъ пробуждалъ ты меня отъ глубокаго сна, когда я лежалъ утомленный на ложѣ праздности и нѣги! Воструби, Соломонъ, и да разсѣются впрахъ всѣ враги твои. Видѣхъ очима превозносящася, яко кедръ ливанскій, и мимондохъ, и се не бѣ; взыскахъ кости его, и обрѣтостася. Аминь. Пріискать въ книгѣ Товита и положить закладку.

Капитанъ сѣлъ на мѣсто съ видомъ человѣка, которому витіеватой рѣчью посчастливилось удачно выразить общія чувства всѣхъ и каждаго, но вдругъ вскочилъ опять, чтобы представить мистера Тутса, который во все это время былъ очень озадаченъ

прибытіемъ человѣка, неизвѣстно почему присвоившаго себѣ фамилію Гильса.

— Хотя, милостивый государь, лепеталъ мистеръ Тутсъ: — я не имѣлъ удовольствія пользоваться вашимъ знакомствомъ, прежде чѣмъ вы.... прежде чѣмъ....

— Потерялись изъ виду, оставаясь любезнымъ для памяти, тихонько подсказалъ капитанъ.

— Точно такъ. Благодарю васъ, капитанъ Гильсъ. Хотя я не имѣлъ удовольствія пользоваться вашимъ знакомствомъ, мистеръ.... мистеръ Сольсъ, продолжалъ Тутсъ, вспавшій на это имя по вдохновенію свѣтлой мысли: — прежде чѣмъ случилось то, чтó должно было случиться; однакожь, увѣряю васъ, я имѣю величайшее удовольствіе... ну, вы понимаете, съ вами познакомиться. Надѣюсь, милостивый государь, заключилъ мистеръ Тутсъ: — вы совершенно здоровы и благополучны.

Послѣ этого комплимента мистеръ Тутсъ покраснѣлъ какъ піонъ и подарилъ компанію самодовольной улыбкой.

Инструментальный мастеръ усѣлся въ уголку между Вальтеромъ и Флоренсой и, кивнувъ на Полли, которая въ эту минуту была олицетвореніемъ неподдѣльнаго восторга, отвѣчалъ капитану такимъ образомъ:

— Недъ Куттль, дружокъ мой, хотя я слышалъ кое-что о здѣшнихъ перемѣнахъ отъ прекрасной моей пріятельницы.... какое у ней доброе, пріятное лицо! сказалъ старикъ, потирая руками отъ полноты сердечной услады.

— Внимайте ему! пробасилъ капитанъ серьёзнымъ тономъ. — Женщина соблазняетъ весь человѣческій родъ. Припомни, любезный, исторію ветхаго завѣта, заключилъ онъ, обращаясь къ мистеру Тутсу.

— Постараюсь, капитанъ Гильсъ. Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ мистеръ Тутсъ.

— Хотя я слышалъ кое-что отъ нея о здѣшнихъ перемѣнахъ, продолжалъ инструментальный мастеръ, вынувъ изъ кармана очки и по прежнему надѣвая ихъ на свой лобъ: — однако онѣ такъ велики и неожиданны, и я до того обрадованъ свиданьемъ съ моимъ ненаглядным племянникомъ и съ.... взглянувъ на Флоренсу, которая потупила глаза, онъ не рѣшился докончить фразы.... что я.... сегодня ничего не могу сказать. Но почему же ты, милый Недъ Куттль, не писалъ ко мнѣ?

Изумленіе, отразившееся въ чертахъ капитанскаго лица, положительно устрашило мистера Тутса, и онъ не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ.

— Не писалъ! повторилъ капитанъ. — Писалъ, Соль Гильсъ!

— Ну да, продолжалъ старикъ: — отчего бы тебѣ не написать въ Барбадосъ напримѣръ, или въ Ямайку, или въ Демерару? Вѣдь я же тебя просилъ.

— Ты меня просилъ, Соль Гильсъ!

— Да, да, мой другъ! Развѣ ты не знаешь? Неужто забылъ! Я писалъ тебѣ каждый разъ.

Капитанъ снялъ лощеную шляпу, повѣсилъ ее на свой крюкъ и, разглаживая рукою затылокъ, глядѣлъ на все собраніе, представляя своей особой совершеннѣйшій идеалъ воплощеннаго удивленія.

— Ты повидимому не понимаешь меня, мой другъ! замѣтилъ старикъ.

— Соль Гильсъ, возразилъ капитанъ послѣ продолжительнаго молчанія: — ты меня сдрейфовалъ на самый экваторъ и пробилъ напроломъ. Удѣли, почтенный другъ, пару словъ насчетъ своихъ приключеній. Неужто Эдуардъ Куттль будетъ стоять на мели? заключилъ капитанъ, переминаясь и осматриваясь во всѣ стороны.

— По-крайней-мѣрѣ ты знаешь, милый Недъ, зачѣмъ я уѣхалъ отсюда. Вскрылъ ли ты мой пакетъ?

— Да, да, да, отвѣчалъ капитанъ скороговоркой. — Разумѣется я вскрылъ твой пакетъ.

— И прочелъ? сказалъ старикъ.

— Какъ не прочесть? отвѣчалъ капитанъ, изъявляя готовность отдать полный отчетъ въ содержаніи пакета. — Вотъ что́ писалъ ты: — «Милый мой Недъ Куттль, оставляя теперь Лондонъ для отправленія въ Вестъ-Индію, въ надеждѣ получить какія-нибудь извѣстія о миломъ племянникѣ».... баста! вотъ твой милый племянникъ, вотъ дорогой нашъ Вальтеръ! сказалъ капитанъ, какъ-будто обрадованный тѣмъ, что могъ остановить свои мысли на такомъ явленіи, которое по своей дѣйствительности не подлежало никакому сомнѣнію.

— Ладно, любезный другъ. Теперь остановимся на минуту. Первый разъ я писалъ къ тебѣ изъ Барбадоса, и если хорошо

ты помнишь, я говорилъ въ томъ письмѣ, что хотя еще далеко не прошло двѣнадцати мѣсяцовъ, я съ радостію уполномочиваю тебя вскрыть пакетъ, такъ-какъ въ немъ объяснена причина моего отъѣзда. Ладно, Недъ Куттль. Во второй, третій, а можетъ и четвертый разъ я писалъ къ тебѣ изъ Ямайки, подробно объясняя, что дѣла мои не подвинулись впередъ, что о Вальтерѣ нѣтъ ни слуху, ни духу, и что все-таки я не рѣшаюсь воротиться въ Лондонъ, пока не получу о немъ какихъ-нибудь извѣстій. Потомъ я, кажется, писалъ къ тебѣ изъ Демерары: не такъ ли, мой другъ?

— Онъ полагаетъ, что писалъ изъ Демерары — уфъ! воскликнулъ капитанъ, безнадежно озираясь вокругъ.

— Я говорилъ въ томъ письмѣ, что покамѣстъ все еще нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій, но что я нашелъ въ этой части свѣта многихъ изъ своихъ старинныхъ земляковъ, которые мнѣ оказали кое-какія услуги. Они принимали большое участіе въ моихъ странствованіяхъ и всѣ вообще жалѣли о моей судьбѣ. Въ ту пору начиналъ я думать, что мнѣ суждено до могилы скитаться по бѣлому свѣту, отыскивая слѣдовъ пропавшаго мальчика.

— Тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на рѣкахъ вавилонскихъ. Внимайте ему! замѣтилъ капитанъ глубокомысленнымъ тономъ.

— Воротившись опять въ Барбадосъ, я услыхалъ наконецъ, что мой племянникъ божіею милостію живъ и здоровъ и находится въ большомъ почетѣ на купеческомъ кораблѣ, который ведетъ чайную торговлю съ Китаемъ. Тогда и я, Недъ Куттль, не теряя времени сѣлъ на первый корабль, и вотъ, слава Богу, пріѣхалъ на родину благополучно и вижу свой счастливый домъ.

Капитанъ склонилъ голову съ великимъ благоговѣніемъ, поднялъ къ потолочному окну свой крюкъ и осмотрѣлъ одного за другимъ всѣхъ членовъ общества, начиная съ мистера Тутса и оканчивая инструментальнымъ мастеромъ. Потомъ онъ сказалъ съ большою важностію:

— Соломонъ Гильсъ! замѣчаніе, которое я намѣренъ предложить, способно разорвать паруса твоего летучаго разума, переломать всѣ снасти твоихъ догадокъ и перепутать всѣ канаты твоихъ размышленій. Ни одно изъ этихъ писемъ не было передано Эдуарду Куттлю. Ни одного изъ этихъ писемъ, повторимъ

капитанъ, придавая этой декларацiи соотвѣтственную торжественность: — не получилъ Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскiй, избравшiй по доброй волѣ и благому произволу мѣстомъ своего жительства городъ Лондонъ, столицу трехъ соединенныхъ королевствъ!

— И писалъ-то я ихъ собственно-ручно! И отправлялъ-то я ихъ собственно-ручно! Кирпичная Площадь, нумеръ девятый! воскликнулъ старикъ Соломонъ!

Багровая краска выступила на лицѣ капитана, и глаза чуть не закатились подъ лобъ.

— Соломонъ Гильсъ, любезный другъ! что̀ ты разумѣешь подъ нумеромъ девятымъ на Кирпичной Площади? спросилъ капитанъ.

— Какъ что̀ разумѣю? Твою квартиру, Недъ Куттль, — квартиру у мистриссъ.... какъ бишь ее зовутъ? Я иной разъ забываю собственное свое имя. Что̀ дѣлать? Я давно отсталъ отъ времени, ты это знаешь. Мистриссъ....

— Соль Гильсъ! возгласилъ капитанъ, какъ-будто собираясь сдѣлать самое невѣроятное предположенiе въ мiрѣ: — неужто у тебя на умѣ фамилiя мистриссъ Макъ-Стингеръ?

— Ну да, мой другъ, что̀жь тутъ удивительнаго? возразилъ инструментальный мастеръ. — Я адресовалъ свои письма на имя мистриссъ Макъ-Стингеръ.

Капитанъ Куттль отворилъ свои глаза до послѣдней степени возможной широты, испустилъ изъ своихъ устъ длинный-предлинный и пронзительный свистъ самаго меланхолическаго свойства и остановился среди комнаты, глазѣя на всѣхъ съ дикимъ и безмолвнымъ любопытствомъ.

— Поясни намъ еще разъ свою загадку, Соломонъ! проговорилъ онъ наконецъ.

— Всѣ эти письма, отвѣчалъ дядя Соль, барабаня правой рукою по столу съ такимъ вѣрнымъ тактомъ, который могъ бы сдѣлать честь даже непреложному хронометру въ его карманѣ: — всѣ эти письма писалъ я собственно-ручно, отправлялъ собственно-ручно и адресовалъ такимъ образомъ: «Капитану Куттлю, въ домѣ мистриссъ Макъ-Стингеръ, что̀ на Кирпичной Площади, нумеръ девятый.»

Капитанъ сдернулъ съ крюка свою лощеную шляпу, заглянулъ въ ея тулью, надѣлъ на голову и сѣлъ на стулъ.

— Други мои! сказалъ капитанъ, озирая изумленными глазами все собраніе: — я дезертировалъ и скрылся оттуда!

— И никто не зналъ, куда вы ушли? поспѣшно вскричалъ Вальтеръ.

— Помилуй тебя Богъ, любезный другъ! сказалъ капитанъ, покачивая головой. — Она бы никогда не допустила меня до этихъ предѣловъ, чтобы хранить и опекать собственность дяди Соломона. Ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать и укрыться. Господи помилуй! Ты ее видѣлъ во время затишья, а посмотрѣлъ бы ты, какъ она волнуется во время бурнаго своего гнѣва — уфъ! Замѣть это хорошенько!

— Я желала бы посмотрѣть! тихонько замѣтила миссъ Нипперъ.

— Будто бы, моя милая, будто бы? возразилъ капитанъ. — Это дѣлаетъ вамъ честь; но вы едва ли знаете, что нѣтъ на свѣтѣ лютаго звѣря, который бы превзошелъ ее своимъ свирѣпствомъ. Мой сундукъ выручен и принесенъ отъ нея такимъ человѣкомъ, который можетъ быть одинъ только и есть на бѣломъ свѣтѣ. Нѣтъ, не хорошо было отсылать письма на Кирпичную Площадь! Мистриссъ Макъ-Стингеръ, разумѣется, не приняла ни одного, и я еще не знаю, какъ раздѣлался съ нею бѣдный почтальонъ!

— Стало быть довольно ясно, капитанъ Куттль, сказалъ Вальтеръ: — что всѣ мы, и вы, и дядя Соль въ особенности, должны за свое безпокойство благодарить мистриссъ Макъ-Стингеръ.

Этотъ пунктъ относительно одолженія, оказаннаго всему обществу рѣшительною вдовою покойнаго мистера Макъ-Стингера, былъ самъ по себѣ до того очевиденъ, что капитанъ не счелъ нужнымъ дѣлать дальнѣйшихъ возраженій; но ему нѣкоторымъ образомъ было стыдно за свое положеніе, и его почтенное чело покрылось мрачными облаками, хотя никто болѣе не склонялъ бесѣды на щекотливый предметъ, и особенно Вальтеръ, помнившій свой послѣдній разговоръ насчетъ странной соломоновой судьбы. Мало-по-малу лицо капитана Куттля совершенно прояснилось: онъ стремительно вскочилъ съ своего мѣста и, обходя съ лучезарною улыбкой членовъ маленькаго общества, принялся съ большимъ усердіемъ каждому пожимать руки, и эта церемонія продолжалась около пяти минутъ.

Потолковавъ еще нѣсколько времени относительно опасностей и приключеній на морскомъ пути, всѣ члены общества, за исключеніемъ Вальтера, оставили комнату Флоренсы, и пошли въ гостиную. Черезъ нѣсколько минутъ присоединился къ нимъ и Вальтеръ, который сказалъ, что Флоренса немного нездорова и легла въ постель. Хотя они никакъ не могли потревожить ее своими голосами; однако всѣ послѣ этого начали говорить шопотомъ, и каждый, по своему, распространялся въ похвалахъ къ прекрасной молодой невѣстѣ Вальтера Гэя. Дядя Соломонъ, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, услышалъ о ней подробнѣйшій отчетъ, а мистеръ Тутсъ былъ просто на седьмомъ небѣ, когда Вальтеръ въ своемъ разговорѣ деликатно коснулся важныхъ услугъ, сдѣлавшихъ его присутствіе необходимымъ въ этомъ домѣ.

— Мистеръ Тутсъ, сказалъ Вальтеръ, прощаясь съ этимъ джентльменомъ. — Завтра поутру, надѣюся, мы увидимся?

— Лейтенантъ Вальтеровъ, отвѣчалъ Тутсъ, съ жаромъ ухвативъ его руку: — конечно я завтра буду, непремѣнно буду.

— Мы встрѣтимся съ вами въ послѣдній разъ и распрощаемся надолго, надолго. Человѣкъ съ вашимъ благороднымъ сердцемъ долженъ чувствовать, какъ много ему обязаны. Я увѣренъ, вы понимаете, что я навсегда останусь вамъ благодаренъ.

— Лейтенантъ Вальтеровъ, мнѣ весьма пріятно чувствовать, что вы имѣете причины говорить въ такомъ тонѣ.

— Нынѣшнимъ вечеромъ, когда вы оставили насъ однихъ, Флоренса, прощаясь съ своей дѣвической жизнью, просила меня сказать вамъ, что она чувствуетъ къ вамъ глубокое уваженіе....

Мистеръ Тутсъ облокотился на косякъ и приставилъ руку къ своимъ глазамъ.

— Флоренса говорила, что никогда не будетъ у ней друга благороднѣе, честнѣе, великодушнѣе васъ, и что она никогда не забудетъ вашего къ ней искренняго расположенія. Она просила сказать, что вспомнитъ о васъ въ своей молитвѣ въ этотъ торжественный вечеръ ея жизни, и надѣется, что вы будете по временамъ о ней думать, когда отправится она въ свою далекую дорогу. Долженъ ли я сказать ей что-нибудь отъ васъ?

— Скажите, лейтенантъ Вальтеровъ, что я стану думать о ней каждый день, и всегда съ чувствомъ моего душевнаго удовольствія, что она соединилась съ человѣкомъ, котораго она любитъ и который любитъ ее самъ. Скажите, я увѣренъ, что избранный супругъ достоинъ ея — даже ея — и что я радуюсь ея счастью.

Послѣдніа слова мистеръ Тутсъ произнесъ выразительно и ясно, не облакачиваясь на дверь и не отирая своихъ глазъ. Потомъ онъ съ большимъ жаромъ пожалъ вальтерову руку, пожелалъ ему спокойной ночи и скорыми шагами отправился домой.

Мистеръ Тутсъ ходилъ въ сопровожденіи Лапчатаго Гуся, котораго онъ въ послѣднее время бралъ съ собою каждый вечеръ и оставлялъ въ магазинѣ, изъ опасенія, какъ бы не повстрѣчались снаружи какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, въ которыхъ опытность и сила этого знаменитаго героя могли очень пригодиться юному мичману. На этотъ разъ Лапчатый Гусь былъ, казалось, очень не въ духѣ, и мистеръ Тутсъ, оглядываясь черезъ плечо въ ту сторону, гдѣ жила Флоренса, замѣтилъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, что его спутникъ бросаетъ косвенные взгляды, собираясь повидимому раздразнить и отколотить какого-нибудь пѣшехода. По прибытіи домой, профессоръ кулачнаго искусства проводилъ мистера Тутса въ его покои, но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же, по обыкновенію, убраться въ свою спальню, онъ остановился передъ нимъ, взвѣшивая обѣими руками свою бѣлую шляпу и дергая себя за носъ съ рѣшительнымъ видомъ неуваженія къ своему патрону.

Занятый собственными своими мыслями, мистеръ Тутсъ сначала не замѣчалъ всѣхъ этихъ движеній до тѣхъ поръ, пока Лапчатый Гусь, выведенный изъ терпѣнья, не произвелъ нѣсколькихъ хрупкихъ звуковъ своимъ языкомъ и губами, чтобы привлечь вниманіе разсѣяннаго патрона.

— Ну, хозяинъ, сказалъ Лапчатый Гусь угрюмымъ тономъ, уловивъ наконецъ взоръ мистера Тутса: — я желаю знать, кончится ли когда-нибудь этотъ демонскій триктракъ, или вы хотите остаться въ проигрышѣ?

— Объяснитесь: я васъ не понимаю.

— Тутъ нечего толковать, хозяинъ; я не бросаю словъ навзбалмошь. Итти, такъ итти на проломъ, — вотъ въ чемъ штука. Кому изъ нихъ поддать туза?

Предложивъ этотъ вопросъ, борзый боксеръ бросилъ свою шляпу, отступилъ на два шага, размахнулся и далъ правою рукою неистовый ударъ воображаемому непріятелю.

— Вотъ какъ, хозяинъ! воскликнулъ Лапчатый Гусь, франтовски повертывая головой. — Ну, чтожъ? На проломъ или въ разсыпную? какъ?

— Гусь, выраженія ваши грубы, и я не понимаю вашей мысли, возразилъ мистеръ Тутсъ.

— Какъ такъ? Я сказалъ что слѣдуетъ, и сказалъ не по-тарабарски. Вотъ что! А это съ вашей стороны низко, милостивый государь.

— Что такое низко? спросилъ мистеръ Тутсъ.

— А вотъ что! сказалъ Гусь, неистово потирая свой расплющенный носъ. — Хотите вы знать? Изволь, хозяинъ. Вамъ слѣдовало задать туза этому чопорному верзилѣ и перекосить его пополамъ, — а вы что? — Подъ именемъ верзилы очевидно неистовый боксеръ понималъ здѣсь мистера Домби. — Вамъ вмѣстѣ со мною можно было свернуть башку этому молокососу и раздавить всю его сволочь; а вы что сдѣлали? Что вы сдѣлали, мистеръ Тутсъ? Фуй! Это низко, гадко, заключилъ боксеръ презрительнымъ тономъ.

— Гусь! воскликнулъ мистеръ Тутсъ: — вы настоящій коршунъ! Ваши чувствованія злобны и звѣрски!

— Мои чувства, хозяинъ! Вотъ мои чувства: низости я не стерплю, не снесу, не спущу, и оторву голову самому чорту! Было бы тебѣ это извѣстно, мистеръ Тутсъ! Меня знаютъ и въ трактирѣ «Малаго Слона». Гдѣ же вѣдаютъ тебя, мистеръ Тутсъ? Нигдѣ. А почему? Потому, что ты низкій человѣкъ! Вотъ оно что!

— Послушай, Гусь! сказалъ мистеръ Тутсъ: — ты гадокъ въ моихъ глазахъ, и я тебя презираю.

— Ладно, хозяинъ! отвѣчалъ Гусь, надѣвая шляпу. — Вотъ мы стоимъ здѣсь съ глазу на глазъ. Чтожъ изъ этого? Ты ужь обижаешъ меня не первый разъ. Ну, была не была, пропадай мои труды и вѣрная служба: дай мнѣ завтра банковый билетъ

въ пятдесятъ фунтовъ, и разойдемся съ Богомъ! Я незлопамятенъ.

— Послѣ ненавистной злобы, которую ты высказалъ, мнѣ очень пріятно разстаться съ тобой на этихъ условіяхъ.

— И баста! Торгъ нашъ конченъ! Съ низкими людьми нашъ братъ не любитъ распространяться. Прощайте, мистеръ Тутсъ! Благодаримъ за хлѣбъ-за соль!

Съ этими словами онъ хлопнулъ дверью и, размахивая руками, пошелъ въ свою комнату, очень довольный плутовскою сдѣлкой.

Скоро мистеръ Тутсъ заснулъ спокойнымъ сномъ, и грезилась ему всю ночь счастливая Флоренса, которая въ свою очередь думала о мистерѣ Тутсѣ, какъ о лучшемъ своемъ другѣ, въ эту послѣднюю ночь ея дѣвичьей жизни.

ГЛАВА LVII.

ДРУГАЯ СВАТЬБА.

Мистеръ Саундсъ, церковный сторожъ, и мистриссъ Миффъ, смотрительница церковныхъ ложъ, рано присутствуютъ на своихъ обычныхъ постахъ въ грандіозной церкви, гдѣ вѣнчался мистеръ Домби. Жолтый старый джентльменъ изъ Индіи вступаетъ нынче поутру въ законный бракъ съ молодою леди, и православный людъ ожидаетъ у ограды шесть великолѣпныхъ каретъ, и мистриссъ Миффъ повѣствуетъ съ озабоченнымъ видомъ, что старый жолтый джентльменъ могъ бы, безъ малѣйшаго убытку, вымостить свою дорогу къ церкви изумрудами и яхонтами. Брачное благословеніе будетъ совершать достопочтенный, сѣдовласый пасторъ, и вручителемъ невѣсты будетъ Нѣкто, нарочно прибывшій изъ конной гвардіи, чтобы сдѣлать джентльмену этотъ экстраординарный подарокъ.

Мистриссъ Миффъ оказываетъ нынѣшнимъ утромъ большое нетерпѣніе и страшно негодуетъ на простой народъ. Ея мнѣнія на этотъ счетъ всегда проникнуты необыкновенной строгостію, и она рѣшительно объявляетъ, что бѣднякамъ никакъ не слѣдуетъ жениться. Мистриссъ Миффъ не изучаетъ политической экономіи, и по ея понятіямъ, всѣ эти экономисты — препустѣй-

кіе люди, и въ-добавокъ такіе же еретики, какъ анабаптисты, квакеры и такъ далѣе.

— Ну къ чему, скажите пожалуйста, эта сволочь хлопочетъ насчетъ женитьбы! восклицаетъ почтенная смотрительница ложъ: — вы извольте для нихъ суетиться, какъ обыкновенно, а они дарятъ вамъ шиллинги и пенсы на мѣсто червонцевъ, да еще ничего потомъ не хотятъ платить за свои мѣста?

Мистеръ Саундсъ гораздо снисходительнѣе и придерживается на этотъ счетъ филантропическихъ идей, потому можетъ быть, что ему нѣтъ никакого доходу отъ церковныхъ ложъ.

— Отчего же имъ и не жениться, матушка моя? отвѣчаетъ мистеръ Саундсъ. — Люди молодые, — пусть ихъ! Богъ грѣгамъ терпитъ! Къ тому же у насъ есть народныя училища, куда надобно учителей, и національное войско, для котораго нужны солдаты; а гдѣ ихъ взять, если не позволять жениться этимъ ребятамъ? Нѣтъ, матушка моя, пусть ихъ женятся.

Мистеръ Саундсъ засѣдалъ на ступеняхъ паперти, а мистриссъ Миффъ выметала пыль, когда вошла въ церковь прекрасная молодая чета въ простомъ и скромномъ костюмѣ. Сухопарая смотрительница ложъ сдѣлала крутой поворотъ, и въ головѣ ея сейчасъ родилась мысль, что молодые люди въ-бѣгахъ отъ своихъ родныхъ и хотятъ обвѣнчаться втихомолку. Но они пришли не вѣнчаться: имъ просто нужно походить вокругъ церкви, и когда молодой человѣкъ прозвучалъ щедрымъ комплиментомъ по морщинистой ладони мистриссъ Миффъ, ея уксусное лицо прояснилось, и скаредная шляпка заколыхалась во всѣ стороны.

Продолжая мести полъ и взбивать подушки для нѣжныхъ колѣнъ жолтаго джентльмена, мистриссъ Миффъ не спускаетъ своихъ рысьихъ глазъ съ молодой четы, которая бродитъ по церкви.

— Ну, голубчики! шепчетъ мистриссъ Миффъ, закашливаясь сухимъ кашлемъ: — если я не слишкомъ ошибаюсь, быть вамъ на этихъ дняхъ въ нашихъ рукахъ!

Они смотрятъ на мраморную доску въ стѣнѣ, воздвигнутую въ честь какого-то покойника. Они очень далеко отъ мистриссъ Миффъ, но ея прищуренный глазъ видитъ хорошо, какъ она облокотилась на его руку, и какъ онъ склонился надъ ея головой.

— Да, да, голубчики, вижу васъ насквозь, говоритъ мистриссъ Миффъ: — зрѣлая пара!

Ничего впрочемъ сантиментальнаго не было въ этомъ замѣчаніи смотрительницы церковныхъ ложъ. Она смотритъ на предметы съ коммерческой точки зрѣнія, и въ этомъ отношеніи зрѣлыя пары имѣютъ для нея такой же интересъ, какъ и выкрашенные гробы. Сухопарая, тощая, рыхлая и чахлая старушонка, она давнымъ-давно подавила въ себѣ человѣческія чувства, и никто изъ живущихъ на землѣ не пробуждалъ ея симпатіи. Мистеръ Саундсъ, мужчина толстый и мясистый, въ сюртукѣ коричневаго цвѣта съ искрой, имѣетъ совсѣмъ противоположную натуру. Когда они оба оставались на крылечныхъ ступеняхъ, наблюдая молодую чету при выходѣ ея изъ церкви, мистеръ Саундсъ замѣчаетъ, что у нея хорошенькое личико, но потомъ, разсмотрѣвъ ее ближе, прибавляетъ:

— Эта дѣвушка необыкновенная красавица: не правда ли, мистриссъ Миффъ? Вы, я полагаю, могли бы назвать ее розовымъ бутончикомъ: не такъ ли?

Мистриссъ Миффъ дѣлаетъ кивокъ своею скаредною шляпкой, но внутренно досадуетъ на вѣтренаго старика и шепчетъ про себя, что хотя бы мистеръ Саундсъ предложилъ ей золотыя горы, она не согласилась бы сдѣлаться его женой, будь онъ сторожемъ милліонъ разъ.

О чемъ же между тѣмъ поговариваютъ молодые люди при выходѣ изъ церковной ограды?

— Благодарю тебя, милый Вальтеръ! Теперь я спокойно могу оставить родину и вездѣ буду счастлива.

— А по возвращеніи назадъ, Флоренса, мы опять придемъ сюда и взглянемъ на его могилу.

Флоренса поднимаетъ заплаканные глазки на его доброе лицо и крѣпко пожимаетъ его руку.

— Еще рано, Вальтеръ, и улицы почти совершенно пусты. Погуляемъ.

— Но ты устанешь, мой ангелъ.

— О нѣтъ! Я слишкомъ устала первый разъ, когда мы гуляли съ тобою вмѣстѣ; но сегодня я не устану.

Такимъ образомъ Вальтеръ и Флоренса, раннимъ утромъ въ день своего вѣнчанья, гуляютъ рука объ руку по улицамъ пустого города.

Они теперь одни въ цѣломъ мірѣ, и даже въ ихъ первую прогулку дѣтскихъ лѣтъ свѣтъ не былъ столько удаленъ отъ нихъ, какъ въ этотъ торжественный день ихъ жизни. Но въ тѣ младенческіе годы земля подъ ихъ ногами далеко не имѣла такого очарованія, какъ теперь. Дѣтская довѣренность и любовь измѣняются, проходятъ и опять возобновляются во многихъ мѣстахъ; но женственное сердце Флоренсы, съ его нераздѣльными сокровищами, могло быть уступлено разъ, одинъ только разъ, и всякая перемѣна для него равносильна смертельному удару.

Они выбираютъ самыя тихія мѣста и отстраняютъ себя дальше и дальше отъ той улицы, гдѣ стоитъ ея отцовскій домъ. Прекрасное лѣтнее утро! Мрачный туманъ постепенно исчезаетъ, и солнце съ высоты горизонта привѣтствуетъ юную чету своими блестящими лучами. Сокровища не скрыты въ магазинахъ: драгоцѣнные камни, золото и серебро блестятъ на окнахъ ювелировъ; огромные дома бросаютъ на нихъ свою тѣнь, когда они проходятъ мимо. Но черезъ тѣнь и черезъ свѣтъ они идутъ вмѣстѣ, любуясь другъ на друга и не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающіе предметы. Ихъ земныя богатства заключены другъ въ другѣ, и ненужно имъ роскошныхъ палатъ для помѣщенія своихъ душевныхъ сокровищъ.

Мало-по-малу они зашли въ темныя, узкія улицы, гдѣ солнце, то багровое, то жолтое, виднѣется сквозь туманъ только на углахъ переулковъ и на малыхъ открытыхъ площадкахъ, гдѣ торчатъ чахлыя деревья, длинныя каланчи, ограды запустѣлыхъ садовъ, или гдѣ расположены бѣдныя кладбища съ почернѣвшими монументами и крестами. Полная любви и безпредѣльной вѣры, Флоренса идетъ впередъ черезъ узкіе дворы и тропинки по тѣнистымъ улицамъ, опершись на гордую руку прекраснаго юноши, который черезъ нѣсколько часовъ будетъ ея мужемъ.

Теперь ея сердце бьется сильнѣе, когда Вальтеръ говоритъ, что они весьма недалеко отъ своей церкви. Они проходятъ мимо большихъ анбаровъ, гдѣ стоятъ огромныя фуры и гомозятся крикливые ямщики — Флоренса ихъ не видитъ и не слышитъ. Еще и еще нѣсколько шаговъ, — воздухъ сдѣлался удушливъ, свѣтъ помрачился, — и Флоренса дрожитъ на церковномъ порогѣ.

Ихъ встрѣчаетъ низенькій косматый старичокъ, звонарь и могильщикъ вмѣстѣ, который бросаетъ на купель свою шляпу, такъ бы въ доказательство, что здѣсь онъ у себя дома. Онъ отводитъ юную чету въ старую, темную, пыльную, сколоченную досками ризницу, похожую на деревянный шкапъ съ разобранными полками.

Какъ прекрасна въ этомъ старомъ пыльномъ мѣстѣ молодая невѣста, для которой въ эту минуту обожаемый супругъ представляетъ всѣхъ ея родныхъ! Присутствуетъ здѣсь старый кистеръ, который содержитъ подъ низкимъ противоположнымъ сводомъ родъ газетной лавки съ огромными кипами бумагъ. Присутствуетъ старая пыльная смотрительница ложъ, которая содержитъ только самое себя, и находитъ, что это для нея слишкомъ довольно. Присутствуетъ старый пыльный сторожъ, знакомецъ мистера Тутса, который, собственно говоря, не имѣетъ никакого дѣла, и безмятежно проводитъ свою мирную жизнь въ будкѣ съ маленькимъ окномъ, куда ни разу не заглядывалъ глазъ любобытнаго смертнаго. Имѣются здѣсь пыльные деревянные планки и корнизы надъ алтаремъ, надъ ширмой, вокругъ галлереи и надъ надписью, сочиненною еще зиждителемъ храма сего въ тысяча шесть сотъ девяносто четвертомъ году. Имѣются старыя пыльныя звончатыя доски надъ каѳедрой и налоями, снабженными потребнымъ количествомъ пыльныхъ книгъ, истертыхъ рукою времени и перстами усердныхъ чтецовъ. Словомъ, собраны въ этомъ мѣстѣ всевозможные закромы для пыли.

Пришли дядя Соль, капитанъ Куттль и мистеръ Тутсъ. Пасторъ облачается въ ризы; кистеръ хлопочетъ около налоя; женихъ и невѣста стоятъ предъ алтаремъ. Нѣтъ при невѣстѣ никакой подруги, кромѣ Сусанны Ниппер, и никакого лучшаго отца, кромѣ капитана Куттля. Какой-то человѣкъ на деревяшкѣ, съ кускомъ яблока во рту и съ синей сумкой на плечахъ, заглядываетъ въ притворъ, озираетъ собраніе, но, не находя ничего назидательнаго, ковыляетъ вонъ изъ дверей, оглашая громкимъ эхомъ окружающее пространство.

Привѣтный лучь не падаетъ на Флоренсу, когда стоитъ она на колѣняхъ предъ алтаремъ, опустивъ свою робкую голову. Утреннее свѣтило не заглядываетъ въ эти мрачныя стѣны. Снаружи на чахломъ деревѣ чирикаетъ неугомонный воробей, и черезъ щель на потолкѣ черный дроздъ насвистываетъ свою безсмы-

сленную пѣсню, между тѣмъ какъ человѣкъ на деревяшкѣ продолжаетъ ковылять по дорогѣ.

Обвѣнчались молодые люди, подписали свои имена въ пыльномъ реестрѣ, пасторъ разоблачился и отправился домой. Въ темномъ углу темной церкви, Флоренса бросилась на шею Сусанны Нипперъ и зарыдала въ ея объятіяхъ. Глаза мистера Тутса красны и пухлы. Капитанъ полируетъ переносицу. Дядя Соль скинулъ со лба очки и направилъ свои стопы къ дверямъ.

— Благослови тебя Богъ, Сусанна, милая Сусанна! Если тебѣ придется когда свидѣтельствовать о моей любви и ея причинахъ, сдѣлай это, ради Вальтера! Прощай! прощай!

Они рѣшились не возвращаться въ предѣлы мичмана и отправиться прямо въ дорогу. Коляска ждетъ ихъ подлѣ церковной ограды.

Миссъ Нипперъ не можетъ говорить: она задыхается, рыдаетъ и крѣпко жметъ въ объятіяхъ свою милую барышню. Подходитъ мистеръ Тутсъ, старается пробудить бодрость отчаянной дѣвицы и овладѣваетъ ею. Флоренса подаетъ ему руку отъ полноты своего сердца, благодаритъ дядю Соля, капитана Куттля и повергается въ объятія молодого супруга.

Но Сусанна опомнилась. Она не можетъ перенести мысли, что ея госпожа уѣдетъ съ печальнымъ воспоминаніемъ о ней. Не такъ, совсѣмъ не такъ она думала распрощаться, и осыпаетъ себя сильными упреками за свою слабость. Отваживаясь на послѣднее усиліе, чтобы выдержать свой характеръ, она вырывается отъ мистера Тутса, летитъ впередъ, чтобы догнать коляску и вывести на свое лицо прощальную улыбку. Капитанъ Куттль, угадывая ея намѣреніе, спѣшитъ за нею самъ, считая равномѣрно своей обязанностью развеселиться, если можно. Дядя Соль и мистеръ Тутсъ остаются одни подлѣ церковной ограды и ожидаютъ возвращенія своихъ товарищей.

Коляска уѣхала; но улица узка, тѣсна, загромождена, и Сусанна не теряетъ надежды. Капитанъ бѣжитъ за нею изо всѣхъ силъ, махаетъ своей лощоной шляпой и дѣлаетъ самые неистовые жесты.

Сусанна обгоняетъ капитана, дѣлаетъ отчаянныя усилія и настигаетъ экипажъ. Она видитъ Вальтера, видитъ Флоренсу, кривляется, визжитъ и хлопаетъ руками.

— Миссъ Флой, голубушка! взгляните на меня! Мы всѣ теперь счастливы, всѣ, всѣ! Еще разъ прощайте, горлинка моя, прощайте!

Сама не зная какъ, Сусанна взбирается наверхъ коляски, обнимаетъ свою барышню, цалуетъ и надсажается изо всѣхъ силъ.

— Мы теперь всѣ, всѣ счастливы, такъ счастливы, милая моя миссъ Флой! говоритъ Сусанна съ подозрительными перерывами въ своемъ дыханіи. Вы... вы не сердитесь на меня теперь? не сердитесь?

— Сержусь, Сусанна?

— Да, да, да, вы не сердитесь, моя душечка, я знаю! А вотъ и капитанъ Куттль, вашъ пріятель — капитанъ! И онъ еще разъ хочетъ проститься!

— Ура, восторгъ моего сердца! баситъ взволнованный капитанъ. — Ура, Валли! Ура, дружище! Уръ-рра!

Что́ прикажете дѣлать съ молодыми супругами, когда ихъ осаждаютъ съ одной стороны капитанъ Куттль, а съ другой — Сусанна Ниппер? *Volens nolens* коляска подвигается впередъ, погоняемая сзади бурливымъ рокотомъ телѣгъ, кибитокъ, каретъ, между которыми вышла теперь небывалая путаница на узкой улицѣ. Но Сусанна Нипперъ храбро выдерживаетъ до конца свою трудную роль. На лицѣ ея веселая улыбка до послѣдней минуты, несмотря на досадныя слезы. Капитанъ Куттль въ свою очередь оглашаетъ воздухъ безконечными ура. Наконецъ, когда коляска скрылась изъ виду, онъ еще разъ прогремѣлъ — Уррра!

Дядя Соль и мистеръ Тутсъ терпѣливо сидятъ въ оградѣ на мшистомъ камнѣ, вплоть до возвращенія Сусанны съ капитаномъ Куттлемъ. Они не говорятъ, не дѣлаютъ распросовъ, но совершенно довольны другъ другомъ и составляютъ превосходное общество. По прибытіи въ квартиру маленькаго мичмана, вся компанія садится за завтракъ, но никто не дотрогивается до лакомыхъ кусковъ. Мистеръ Тутсъ послѣ завтрака говоритъ, что вечеркомъ зайдетъ опять, и, простившись съ добрыми друзьями, слоняется по городу во весь день, проникнутый неопредѣленнымъ ощущеніемъ, какъ-будто онъ двѣ недѣли не ложился въ постель.

Носятся какія-то странныя чары надъ домомъ и въ той комнатѣ, гдѣ они бесѣдовали вмѣстѣ, и откуда выбыло такъ много.

Чары увеличиваются, тяготѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространяютъ какую-то усладу на горечь роковой разлуки. Вечеромъ мистеръ Тутсъ объявляетъ Сусаннѣ, что во весь день онъ былъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но что однакожъ онъ свыкся съ своей грустью и не хотѣлъ бы съ ней разстаться. Оставшись съ мисс Ниппер, онъ вступаетъ съ нею въ самые откровенные разговоры и между прочимъ подробно излагаетъ исторію своихъ чувствъ и душевной муки послѣ того, какъ услышалъ отъ этой дѣвицы, что миссъ Домби никогда его не полюбитъ. Они бесѣдуютъ долго, плачутъ горько, и мистеръ Тутсъ предлагаетъ наконецъ, что не мѣшало бы имъ выйти со двора, чтобы купить что-нибудь на ужинъ. По изъявленіи согласія этой дѣвицей, они накупаютъ множество маленькихъ бездѣлокъ и, при пособіи мистриссъ Ричардсъ, изготовляютъ великолѣпный ужинъ, прежде чѣмъ капитанъ и старикъ Соломонъ воротились домой.

Капитанъ Куттль и дядя Соль ходили на корабль, чтобы помѣстить тамъ Діогена и поглазѣть на вальтеровы вещи. Они распространяются съ большимъ восторгомъ насчетъ популярности Вальтера и насчетъ комфорта, изготовленнаго для юной супруги въ его каютѣ, которую капитанъ Куттль называетъ не иначе какъ: «Чудо-заглядѣнье!» Оказывалось по всему, что молодой человѣкъ употребилъ большія старанья и облагороженный вкусъ для украшенія своего морского пріюта.

— Адмиральская каюта, восклицаетъ капитанъ: — просто трынъ-трава передъ этимъ Чудо-заглядѣньемъ: не правда ли?

Дядя Соль совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

Но главнѣйшее наслажденіе капитана состоитъ въ совершеннѣйшей увѣренности, что его драгоцѣнные часы, равно какъ чайныя ложечки и сахарные щипчики, находятся на корабельномъ борту. Онъ нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету и съ неизъяснимымъ восторгомъ повторяетъ:

— Дурачина ты, Эдуардъ Куттль, мореходъ великобританскій! лучше ничего ты не могъ выдумать во всю твою долгую жизнь, какъ передать имъ эту собственность *вкупѣ* и *влюбѣ!* Это дѣлаетъ тебѣ честь, мой другъ! заключаетъ капитанъ, разглаживая свои волосы желѣзнымъ крюкомъ.

Старый инструментальный мастеръ, противъ обыкновенія, туманенъ и разсѣянъ и слишкомъ принимаетъ къ сердцу по-

слѣднее прощанье. Однакожь общество его стариннаго однокашника, Неда Куттля, служитъ для него великимъ утѣшеніемъ, и онъ садится за ужинъ съ умиленнымъ сердцемъ и веселымъ лицомъ.

— Мальчикъ мой спасенъ и на хорошей дорогѣ! говоритъ дядя Соль, потирая руками. — Чтожь мнѣ дѣлать, какъ не благодарить Всевышняго Творца и молиться о его счастьи?

Капитанъ, еще не занявшій мѣста за столомъ, обнаруживаетъ какое-то безпокойство, посматриваетъ сомнительно на мистера Гильса и, взявшись наконецъ за спинку креселъ, произноситъ съ нѣкоторою торжественностію:

— Соломонъ! помнишь ли, мой другъ, въ подземныхъ департаментахъ имѣется у тебя бутылка старой мадеры: желательно бы употребить ее сегодня за здоровье Вальтера и его жены. Какъ ты объ этомъ думаешь, дружище?

Инструментальный мастеръ пристально взглянулъ на капитана Куттля, засунулъ руку въ боковой карманъ своего кофейнаго камзола, вынулъ записную книгу и при ней какое-то письмо.

— Мистеру Домби, отъ Вальтера, говоритъ старикъ, разсматривая адресъ. — Переслать черезъ три недѣли. — Я прочту.

— «Милостивый государь, я женился на вашей дочери. Она отправилась со мною въ дальнюю дорогу. Безграничная преданность, разумѣется, не можетъ оправдать моихъ требованій на нее или на родственную связь съ вашимъ домомъ: я и не оправдываюсь.

— «Но почему, любя ее выше всѣхъ земныхъ существъ, я рѣшился оннако же, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, подвергнуть ее опасностямъ и случайностямъ своей жизни, — этого я вамъ не скажу. Вы знаете, почему: вы ея отецъ.

— «Не упрекайте ея. Она никогда не упрекала васъ.

— «Не думаю и не надѣюсь, что вы когда-нибудь простите меня. Этого я всего менѣе ожидаю. Но если придетъ часъ, когда вамъ пріятно будетъ вѣрить, что Флоренса имѣетъ подлѣ себя человѣка, который поставилъ задачею своей жизни — стереть изъ ея воспоминаній глубокіе слѣды прошедшей грусти, я торжественно васъ увѣряю, чте въ тотъ часъ вы можете утвердиться въ этой вѣрѣ.»

Соломонъ бережливо кладетъ письмо въ свою записную книжку, которая отправляется опять въ боковой карманъ его кофейнаго камзола.

— Мы еще не станемъ пить послѣднюю бутылку старой мадеры, другъ мой Недъ! говоритъ старикъ задумчивымъ тономъ. — Не время!

— Не время, отвѣчаетъ капитанъ. — Да, еще не время.

Мистеръ Тутсъ и Сусанна такихъ же мыслей. Послѣ глубокаго молчанія они садятся за столъ и пьютъ молодое вино за счастье новобрачныхъ. Послѣдняя бутылка старой мадеры остается еще въ углу душнаго погреба подъ прикрытіемъ паутины и пыли

Прошло нѣсколько дней. Величавый корабль распускаетъ свои бѣлыя крылья и при попутномъ вѣтрѣ несется по волнамъ глубокаго моря.

Англійскіе матросы съ наивнымъ удивленіемъ всматриваются на палубѣ въ какую-то фигуру, прекрасную и нѣжную, граціозную и слабую, которая однакожь служитъ для нихъ порукой счастливаго пути. Это Флоренса.

Ночь. Вальтеръ и Флоренса сидятъ на палубѣ одни, наблюдая торжественную стезю свѣта, проведенную на морѣ между ними и землею.

Но вотъ на глазахъ ея слезы. Она кладетъ свою голову на его грудь и обвивается руками вокругъ его шеи.

— О Вальтеръ, милый Вальтеръ, я такъ счастлива!

Супругъ прижимаетъ ее къ своему сердцу, и они совершенно спокойны на широкомъ морѣ, и корабль весело несется на всѣхъ парусахъ.

— Когда я наблюдаю море и вслушиваюсь въ его волны, много давно минувшихъ дней проносится передъ моею мыслью, и я думаю....

— О Павлѣ, мой ангелъ. Это очень естественно.

О Павлѣ и Вальтерѣ. И морскія волны своимъ безконечнымъ журчаньемъ, напѣваютъ ей пѣснь любви, не ограниченной ни временемъ, ни мѣстомъ, — любви безпредѣльной и вѣчной, которая несется за моря, за облака, къ незримой обители свѣта и жизни.

ГЛАВА LVIII.

ВРЕМЯ ИДЕТЪ СЕРДИТОЮ СТОПОЙ.

Море приливало и отливало цѣлый годъ. Облака и вѣтры приходили и уходили; безконечная работа времени озарялась солнцемъ, омрачалась бурей. Цѣлый годъ приливы и отливы человѣческихъ дѣяній вращались въ своихъ опредѣленныхъ орбитахъ. Цѣлый годъ знаменитый торговый домъ подъ фирмой Домби и Сынъ сражался на жизнь и смерть противъ непредвидѣнныхъ событій, сомнительной молвы, безъуспѣшныхъ расчетовъ, неурочныхъ предпріятій и всего болѣе противъ обуялой слѣпоты своего представителя, который ни на шагъ не хотѣлъ отступить отъ своихъ плановъ и отнюдь не слушалъ благоразумныхъ внушеній, что корабль, имъ надорванный, уже слабъ и рыхлъ и не можетъ устоять противъ грозной бури, готовой переломать его мачты.

Прошелъ годъ, и торговый домъ пошатнулся.

Было лѣтнее утро. До году послѣ сватьбы въ извѣстной церкви оставалось нѣсколько дней. На королевской биржѣ шопотомъ толкуютъ о какомъ-то страшномъ подрывѣ страшныхъ затѣй. Извѣстный гордый джентльменъ не являлся туда нынѣшнимъ утромъ, и никто его не представлялъ. Еще день, — и на всѣхъ рынкахъ заговорили, что Домби и Сынъ остановился на всемъ ходу. Еще и еще день, — и весь торговый людъ съ изумленіемъ увидѣлъ въ спискѣ опубликованныхъ банкротствъ имя Домби и Сына, поставленное въ первомъ ряду на первомъ мѣстѣ.

Свѣтъ былъ теперь ошеломленъ, и вдругъ оказалось много дѣла для краснорѣчивыхъ языковъ. Это былъ до невинной пошлости легковѣрный свѣтъ, непостоянный, прихотливый, вѣтреный, непослѣдовательный. Не было въ немъ никакихъ другихъ банкротствъ, кромѣ банкротства извѣстныхъ богачей. Не было въ немъ и нѣтъ людей, которые смѣло и отважно торгуютъ на тлѣнныхъ прилавкахъ. Помилуйте — какъ это можно!. Свѣтъ дорожитъ лишь извѣстными билетиками, которые даютъ возможность жить, для удовольствія, безъ всякихъ процентовъ, и

не было въ немъ никакихъ недочетовъ и убытковъ, кромѣ недочетовъ въ звонкой монетѣ. Въ настоящую минуту свѣтъ былъ очень сердитъ, и особенно страшнѣйшее негодованіе обнаруживали люди, которые въ другомъ, нѣсколько худшемъ свѣтѣ, могли бы быть давнымъ-давно причислены къ несостоятельнымъ торговцамъ матеріями извѣстнаго сорту.

Кутитъ напропалую мистеръ Перчъ, разсыльный, и приводитъ въ отчаяніе свою беременную супругу.... Что прикажете дѣлать? Судьба вѣроятно опредѣлила этому джентльмену играть важнѣйшія роли на театрѣ суетнаго міра. Можно было подумать, что онъ лишь только вчера угомонился кое-какъ отъ треволненій послѣ удивительнаго похищенія супруги мистера Домби, — и вотъ непредвидѣнное банкротство выставило его на самое видное мѣсто и сдѣлало его просто политическимъ человѣкомъ. Онъ засѣдалъ теперь въ передней съ особенною важностію на своей красной полкѣ, наблюдая странныя лица счетчиковъ, оцѣнщиковъ и другихъ всякихъ людей, которые быстро смѣнили почти всѣхъ старыхъ писцовъ; и стоило ему только заглянуть на дворъ или, по самой дальнѣй мѣрѣ, пройтись до буфета «Королевскихъ Гербовъ», какъ начинали сыпаться на мистера Перча самые любопытные вопросы, и онъ могъ расчитывать навѣрнякъ, что послѣднимъ вопросомъ непремѣнно будетъ: — чего угодно выпить мистеру Перчу? — Въ этомъ случаѣ, мистеръ Перчъ, по обыкновенію, заводилъ свою длинную пѣсню насчетъ ужасныхъ страданій, которыя онъ и мистриссъ Перчъ терпѣли на Чистыхъ Прудахъ съ той поры, какъ впервые начали подозрѣвать, что — «дѣла идутъ плоховато». Мистеръ Перчъ пожималъ плечами и значительно понижалъ голосъ, какъ-будто трупъ отжившей фирмы лежалъ еще непогребеннымъ въ смежной комнатѣ. Онъ разсказывалъ, какъ его супруга первая вспала на эту мысль, подслушавъ его ночные вздохи и стѣнанія во снѣ, прерывавшіяся безпокойными восклицаніями: — «Двѣнадцать шиллинговъ и девяносто пенсовъ на фунтъ — охъ! Двѣнадцать шиллинговъ и девяносто пенсовъ на фунтъ — уфъ!» — Этотъ сомнамбулизмъ, говорилъ мистеръ Перчъ, обуялъ его съ того времени, какъ онъ началъ подмѣчать быстрыя перемѣны въ лицѣ мистера Домби. Далѣе повѣствовалъ мистеръ Перчъ, какъ однажды, улучивъ благопріятную минуту, онъ подошелъ къ господину Домби и сказалъ: — «смѣю

ли спросить васъ, милостивый государь, какое горе лежитъ на вашей душѣ?» — На это мистеръ Домби отвѣчалъ: — «мой вѣрный Перчъ.... но нѣтъ, — этого не можетъ быть!» — За тѣмъ мистеръ Домби ударялъ себя по лбу и прибавлялъ взволнованнымъ тономъ: — «Оставь меня, Перчъ, оставь!» Коротко и ясно, не было на свѣтѣ лжи, самой безсовѣстпой и наглой, на которую бы эффекта ради не отважился мистеръ Перчъ, пріучившій себя даже къ слезамъ, которыя, въ случаѣ надобности, обильными токами лились изъ его глазъ, ибо вѣрилъ мистеръ Перчъ, душевно вѣрилъ, что вчерашнія его выдумки, отъ частыхъ повтореній, пріобрѣли насегодня неоспоримое право истины, не подверженной ни малѣйшему сомнѣнію.

Всѣ эти конференціи мистеръ Перчъ заключалъ всегда умильнымъ и кроткимъ замѣчаніемъ такого рода:

— Ну, что̀ будетъ, то будетъ: противъ судьбы не устоять! Мое дѣло оставаться всегда вѣрнымъ своему господину, если нужно, до послѣдней капли крови. Измѣнники найдутся, спору нѣтъ, но Перчъ разсыльный не бывалъ и не будетъ измѣнникомъ! Вотъ что̀, милостивые государи!

И милостивые государи единодушно находили, что такія чувствованія дѣлаютъ честь мистеру Перчу, который такимъ образомъ оставлялъ послѣ себя самыя пріятныя впечатлѣнія.

Воротившись на свое красное сѣдалище, мистеръ Перчъ опять принимался наблюдать странныя лица счетчиковъ и оцѣнщиковъ, углубленныхъ въ тайны великихъ книгъ; или по временамъ подходилъ на цыпочкахъ къ порожнему кабинету мистера Домбя и раздувалъ каминный огонь; или иной разъ выходилъ за дверь, чтобы покалякать на свѣжемъ воздухѣ съ какимъ-нибудь пріятелемъ; или, всего чаще, дѣлалъ кое-какія маленькія угожденія главному счетчику, котораго считалъ нужнымъ задобрить въ свою пользу, надѣясь промыслить черезъ него теплое мѣстечко въ конторѣ страховаго отъ огня общества, какъ скоро совсѣмъ и безнадежно оборвется этотъ торговый домъ.

Для майора Багстока банкротство было совершеннѣйшимъ бѣдствіемъ. Само собою разумѣется, майоръ Багстокъ не имѣлъ особенной наклонности къ соболѣзнованіямъ о судьбахъ своихъ ближнихъ — его вниманіе было исключительно сосредоточено

на старикашкѣ Джоѣ — и нельзя сказать, чтобы онъ отличался особенной чувствительностію или воспріимчивыми впечатлѣніями, за исключеніемъ развѣ его безконечныхъ задыхательствъ и другихъ энергическихъ проявленій совершенно физическаго свойства. Но онъ всегда тщеславился въ клубѣ пріятелемъ своимъ Домби и всегда надсажался въ увѣреніяхъ и доказательствахъ, что Домби весьма богатъ и не можетъ обанкротиться. Клубъ, въ свою очередь неотличавшійся филантропическими видами, былъ теперь очень радъ позабавиться надъ майоромъ, и почтенные члены спрашивали его, съ видомъ искренняго участія, могъ ли онъ ожидать этого страшнаго удара, и какъ вообще пріятель его Домби переноситъ свою горькую судьбину. Майоръ пыхтѣлъ, синѣлъ, краснѣлъ, багровѣлъ и на всѣ эти вопросы отвѣчалъ такимъ образомъ :

— Свѣтъ, судырь мой, лукавъ, хитеръ, пронырливъ и надуетъ, кого угодно. Старикашка Джозъ довольно на своемъ вѣку слонялся по землѣ, и въ головѣ его имѣются коекакіе запасцы; но на этотъ разъ, судырь мой, онъ оглупѣлъ, рѣшительно и просто оглупѣлъ какъ ребенокъ. Если бы, примѣромъ будучи, передъ тѣмъ какъ Джой умчался съ этимъ Домби за-границу, чтобы рыскать съ нимъ по всей Франціи, гоняясь за этимъ трусомъ, — если бы, говорю, вы предсказали ему, что Домби на дорогѣ къ банкротству, я бы, судырь мой, вамъ не повѣрилъ. Чтó тутъ дѣлать? Провели старикашку Джоза, надули, судырь мой, проюртили ; но зато теперь онъ опять смотритъ во всѣ глаза и держитъ ухо востро. Пусть, примѣромъ будучи, выскочитъ изъ могилы старикашкинъ батька и скажетъ : — «Здравствуй, сынокъ! нѣтъ ли у тебя, любезный, пяти фунтовъ? Дай взаймы, — на недѣльку, — возвращу съ процентами!» — Не дастъ старикашка Джой, не дастъ, хоть растреснись и разсыпься. Нѣтъ, судырь мой, стараго воробья не обманываютъ на мякинѣ въ другой разъ! Онъ подозрителенъ, истертъ, истасканъ и жостокъ какъ кремень. Знаетъ онъ виды, судырь мой! Старикашка Джой имѣлъ счастье въ старые годы пользоваться личнымъ знакомствомъ ихъ королевскихъ высочествъ герцоговъ кентскаго и йоркскаго. Если бы сообразно было съ достоинствомъ стараго майора залѣзть въ бочку и жить въ ней, я бы, судырь мой, всю жизнь катался въ бочкѣ, чтобы показать свое презрѣніе къ людямъ!

Всѣ эти и другія подобныя варіяціи на тотъ же ладъ сопровождались ужасными раскатами головы, хрустѣньемъ суставовъ и такими апоплексическими признаками, что младшіе члены клуба серьёзно начали подозрѣвать, что майоръ Багстокъ положилъ свои деньги въ контору пріятеля своего Домби и потерялъ ихъ, хотя старые и болѣе опытные мужи, знакомые съ характеромъ Джоя, не хотѣли и слышать о такой догадкѣ. Несчастный туземецъ, не выражавшій никакихъ личныхъ мнѣній, терпѣлъ страшныя пытки не только въ своихъ нравственныхъ чувствахъ, которыя регулярно разстрѣливались майоромъ каждый день, но и въ своей чувствительности къ подзатыльникамъ, зуботычникамъ, пинкамъ и встряскамъ, приводившимъ въ сотрясеніе всѣ его фибры, вены и артеріи. Цѣлыя шесть недѣль послѣ банкротства на несчастнаго туземца упадали проливнымъ дождемъ ботфорты, банки, щотки, чубуки и другія болѣе или менѣе могучія орудія гнѣва.

Въ головѣ мистриссъ Чиккъ, по поводу страшной катастрофы, возникли три замѣчательныя идеи. Во-первыхъ, она не могла этого понять. Во-вторыхъ, ея братъ не сдѣлалъ усилія. Въ-третьихъ, если бы пригласили ее на обѣдъ въ день перваго семейнаго празднества, этого бы не случилось. Впрочемъ, прибавила мистриссъ Чиккъ, этого надобно было ожидать.

Но само собою разумѣется, людской говоръ не останавливалъ хода событій, не улучшалъ ихъ и не дѣлалъ хуже. Было ясно для всѣхъ, что дѣла торговаго дома ревизуются коммерческимъ порядкомъ, что мистеръ Домби благородно передалъ все, что́ имѣлъ, и не просилъ ни отъ кого никакой пощады, никакого снисхожденья. О возобновленіи торговли нечего было и думать, такъ-какъ мистеръ Домби отказался отъ всякихъ переговоровъ и услугъ, какія ему предлагали, и отнюдь не хотѣлъ расчитывать на экстренный кредитъ, которымъ онъ могъ бы еще пользоваться какъ человѣкъ, уважаемый въ коммерческомъ мірѣ. Одни говорили, что мистеръ Домби умираетъ, другіе — что онъ сошелъ съ ума; но всѣ согласно утверждали, что мистеръ Домби пропащій человѣкъ.

Конторщики и писаря задали великолѣпный обѣдъ въ ближайшемъ трактирѣ, и распрощавшись дружелюбно, разошлись въ разныя стороны. Одни заняли мѣста въ заграничныхъ кон-

торахъ, другіе перешли въ англійскіе торговые домы, третьи напечатали въ газетахъ предложенія своихъ услугъ; нашлись и такіе, которые вдругъ припомнили милыхъ и достолюбезныхъ родственниковъ, готовыхъ принять ихъ съ отверстыми объятіями въ своихъ скромныхъ жилищахъ. Во всемъ заведеніи остался одинъ, и только одинъ мистеръ Перчъ, продолжавшій засѣдать на своей красной полкѣ и дѣлать маленькія угожденія главному счетчику, который наконецъ-таки обѣщалъ ему разсыльническое мѣсто въ страховой конторѣ.

Опустѣли конторныя заведенія Домби и Сына и утратили свою сановитую важность. Степенный продавецъ собачьихъ ошейниковъ и виндзорскаго мыла, присутствовавшій на углу площадки, не рѣшился бы теперь приставить указательный палецъ къ полямъ своей шляпы, если бы мистеръ Домби прошелъ мимо. Витіеватый разнощикъ афишъ, засунувъ руки подъ свой бѣлый передникъ, по цѣлымъ часамъ премудро разглагольствовалъ насчетъ пагубныхъ слѣдствій заносчивой амбиціи, которая — говорилъ онъ — въ англійскомъ языкѣ не напрасно рифмуетъ съ благозвучнымъ словомъ — пердиція (perdition — гибель).

Мистеръ Морфинъ, сѣро-глазый холостякъ, съ просѣдью въ волосахъ и бакенбардахъ, былъ можетъ быть въ атмосферѣ торговаго дома — за исключеніемъ разумѣется его представителя — единственный человѣкъ, который былъ сердечно и глубоко огорченъ роковымъ несчастьемъ. Онъ многіе годы оказывалъ мистеру Домби истинное уваженіе и преданность, но никогда не надѣвалъ маски на свой личный характеръ, не унижался, не подличалъ и не раздувалъ господствующей страсти своего хозяина изъ видовъ интереса. Стало быть въ его сердцѣ не было пріюта для личной мести, не было натянутыхъ струнъ, которыя теперь слѣдовало опустить. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ постоянно корпѣлъ и рылся въ конторскихъ бумагахъ, и всегда, по первому требованію, готовъ былъ объяснить все, что̀ требовало объясненій. Онъ по возможности щадилъ мистера Домби отъ непріятныхъ переговоровъ и, просидѣвъ въ своей комнатѣ до вечера, возвращался на свою квартиру въ Ислингтонѣ, гдѣ, передъ отправленіемъ въ постель, услаждалъ унылую душу отчаянными мотивами своего віолончія.

Однажды онъ проѓудѣлъ такимъ образомъ цѣлый рядъ фантастическихъ сонатъ и, казалось, готовъ былъ приняться за новыя аріи меланхолическаго свойства, какъ вдругъ его хозяйка — къ счастію глухая и совершенно равнодушная ко всякимъ музыкальнымъ тонамъ — доложила о прибытіи какой-то леди.

— Леди въ траурѣ, добавила она.

Мистеръ Морфинъ, пріостановленный на самомъ поэтическомъ мѣстѣ, съ отеческою нѣжностію положилъ свой віолончель на софу, и сдѣлалъ знакъ, что поздняя гостья можетъ войти. За тѣмъ онъ вышелъ самъ и встрѣтилъ на порогѣ миссъ Гэрріетъ Каркеръ.

— Однѣ! сказалъ онъ. — Въ такую пору! Джонъ былъ здѣсь поутру. Не случилось ли чего, моя милая? — Но нѣтъ, прибавилъ онъ: — ваша физіономія не предвѣщаетъ бѣды. Совсѣмъ напротивъ, если не ошибаюсь.

— Быть можетъ, мистеръ Морфинъ, вы читаете на моемъ лицѣ неумѣстную откровенность, эгоистическую конечно; но такъ и быть: я все-таки пришла.

— И прекрасно: эгоизмъ къ вамъ очень бы шелъ, миссъ Каркеръ, и былъ бы интересенъ; но бѣда въ томъ, никакой хиромантикъ не открылъ бы эгоистическихъ линій въ вашихъ чертахъ.

Говоря это, онъ ставилъ стулъ для своей гостьи и самъ усаживался насупротивъ нея. Віолончель уютно покоился между ними на софѣ.

— Джонъ ничего вамъ не сказалъ о моемъ визитѣ, и вы, надѣюсь, не будете изумлены, что я пришла одна, когда узнаете зачѣмъ. Объяснитъ вамъ причину поздняго визита?

— Сдѣлайте милость.

— Вы не заняты?

Онъ указалъ на віолончель, лежавшій на софѣ, какъ-будто нѣмой инструментъ могъ отдать за него полный и совершеннѣйшій отчетъ.

— Я былъ занятъ во весь день, миссъ Гэрріетъ. Свидѣтель — мой віолончель, которому я повѣряю всѣ свои заботы.

— Фирма раззорилась въ конецъ? спросила Герріетъ серьёзнымъ топомъ.

— Раззорилась окончательно и радикально.

— И никогда не возобновитъ торговыхъ операцій?

— Никогда.

Свѣтлое выраженіе ея лица ни мало не омрачилось этимъ словомъ. Мистеръ Морфинъ, казалось, замѣтилъ это съ нѣкоторымъ изумленіемъ, и повторилъ опять:

— Никогда. Припомните, что я вамъ говорилъ. Не было во все это время никакихъ средствъ его образумить; невозможно было разсуждать съ нимъ, и даже, иной разъ, невозможно было къ нему подойти. Случилось то, что должно было случиться. Домъ обрушился, упалъ, и никакая сила его не подниметъ.

— И мистеръ Домби лично раззорился?

— Раззорился.

— Онъ не оставитъ для себя никакого частнаго имѣнья? Никакого?

Какая-то особенная живость въ ея голосѣ и выраженіе глазъ почти веселое, казалось, изумляли его больше и больше. Онъ забарабанилъ по столу правой рукой, покачалъ головой и, взглянувъ на нее внимательно, сказалъ:

— Мнѣ еще неизвѣстны въ точности всѣ источники доходовъ мистера Домби. Они велики, спору нѣтъ; но и обязательства его огромны. Мистеръ Домби благороденъ и честенъ въ самой высокой степени. Многіе конечно на его мѣстѣ рѣшились бы, для собственнаго спасенія, устроить нѣкоторыя сдѣлки; но въ такомъ случаѣ незамѣтно, почти нечувствительно, могли бы возрасти до огромныхъ процентовъ убытки домовъ, которые имѣли съ нимъ долговременныя торговыя связи. Мистеръ Домби этого не сдѣлаетъ. Онъ рѣшился платить всѣмъ и каждому до истощенія послѣднихъ средствъ, которыя въ его рукахъ. Онъ сказалъ: пусть берутъ и очищаютъ все; домъ погибнетъ, но мои кредиторы потеряютъ немного. Гордость мистера Домби представляется теперь въ благопріятномъ свѣтѣ.

Она слушала его спокойно и почти безъ всякой перемѣны на своемъ лицѣ. Казалось, ея вниманіе было занято отчасти собственными мыслями. Когда онъ пересталъ, она спросила его торопливымъ тономъ:

— Видали вы его въ послѣднее время?

— Онъ недоступенъ ни для кого. Когда вслѣдствіе этого кризиса въ своихъ дѣлахъ, ему необходимо выходить изъ дому, онъ выходитъ одинъ и по возвращеніи запирается въ своемъ кабинетѣ, не допуская къ себѣ никого. Онъ писалъ ко мнѣ

письмо, отзываясь въ самыхъ выгодныхъ выраженіяхъ о нашей прошедшей связи, и прощаясь со мною. Неделикатно было съ моей стороны навязываться теперь, такъ-какъ я и въ лучшія времена не имѣлъ съ нимъ частныхъ переговоровъ; однакожь я попробовалъ. Я писалъ, заходилъ въ его домъ, просилъ, умолялъ. Все напрасно!

Онъ продолжалъ ее наблюдать, въ надеждѣ пробудить въ ней большое участіе къ этому предмету. Онъ выражался съ одушевленіемъ и чувствомъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на свою слушательницу; но не было въ ея лицѣ ни малѣйшей перемѣны.

— Ну, миссъ Герріетъ, сказалъ онъ съ огорченнымъ видомъ: — объ этомъ, кажется, распространяюсь я не кстати. Вамъ конечно не совсѣмъ пріятно слышать эти исторіи. Перемѣнимъ разговоръ. У васъ на душѣ какія-то веселыя мысли: начните, и я постараюсь войти въ вашъ предметъ.

— Вы, ошибаетесь, мистеръ Морфинъ, возразила Гэрріетъ съ быстрымъ изумленіемъ: — моя голова занята тѣмъ же, чѣмъ и ваша. Неужто вы думаете, что я и Джонъ не разсуждали въ послѣднее время обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ? Онъ служилъ такъ долго мистеру Домби, который теперь, по вашимъ словамъ, доведенъ до ужасной крайности, между тѣмъ какъ мы разбогатѣли!

Теперь только мистеръ Морфинъ, сѣро-глазый холостякъ, замѣтилъ, что лицо его собесѣдницы озарено какимъ-то лучезарнымъ восторгомъ. Сначала ему казалось, что она просто весела, въ хорошемъ расположеніи духа, и больше ничего.

— Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, продолжала Гэрріетъ, опустивъ глаза на свое черное платье: — отчего и какъ перемѣнились наши обстоятельства. Вы конечно не забыли, что братъ нашъ Джемсъ, въ тотъ страшный день, не оставилъ никакого завѣщанія, и у него нѣтъ другихъ родственниковъ, кромѣ Джона и меня.

Ея лицо на минуту отуманилось отъ грустныхъ воспоминаній, но скоро мистеръ Морфинъ замѣтилъ на немъ тотъ же лучезарный восторгъ.

— Вы знаете нашу исторію, — исторію двухъ братьевъ въ связи съ несчастнымъ джентльменомъ, о которомъ вы говорите съ такимъ искреннимъ, благороднымъ участіемъ.... Теперь,

послѣ жизни, какую вели мы въ продолженіи столькихъ лѣтъ, я и мой братъ не имѣемъ никакой нужды въ деньгахъ, между тѣмъ какъ доходы наши слишкомъ огромны. Понимаете ли, о чемъ я хочу васъ просить?

— Нѣтъ, моя милая миссъ, не совсѣмъ!

— Нечего мнѣ говорить о моемъ покойномъ братѣ. Если бы покойникъ зналъ, что́ мы намѣрены сдѣлать.... но вы понимаете меня. О живомъ братѣ считаю нужнымъ сказать только то, что онъ, по собственной волѣ и по глубокому сознанію своего долга, рѣшился выполнить намѣреніе, которое требуетъ вашего неизбѣжнаго содѣйствія.

Миссъ Гэрріетъ опять подняла глаза, и мистеръ Морфинъ сдѣлалъ новое наблюденіе, что она была прекрасна въ своемъ лучезарномъ восторгѣ.

— Милостивый государь, это дѣло требуетъ глубокой тайны. Ваша опытность и познанія укажутъ на необходимыя средства. Можно, напримѣръ, навести мистера Домби на догадку, что неожиданно спасены какіе-нибудь непредвидѣнные источники его доходовъ, или, что ему, какъ честному человѣку, оказываютъ этимъ невольную дань уваженія торговые дома, съ которыми онъ велъ продолжительныя связи, или какой-нибудь заимодавецъ вздумалъ уплатить ему свой старый долгъ. Средствъ много, и я увѣрена, вы изберете самыя лучшія. Въ этомъ-то и состоитъ одолженіе, о которомъ я пришла васъ просить. Вы будете такъ добры, что не станете говорить объ этомъ Джону, который именно хочетъ, чтобы всѣ эти распоряженія были сдѣланы тайно, и безъ малѣйшихъ одобреній, которыя бы относились собственно къ нему. Мы сберегаемъ для себя весьма незначительную часть этого наслѣдства, предоставляя его мистеру Домби, который въ такомъ случаѣ будетъ счастливъ и спокоенъ на всю свою жизнь. Позвольте быть увѣренной, что вы не станете объ этомъ часто говорить даже со мною, и что наша общая тайна будетъ погребена въ вашемъ сердцѣ.

Слезы радости достойнымъ образомъ заключили эту рѣчь, внушонную благороднѣйшимъ сердцемъ, какое когда-либо существовало на землѣ. Ея братъ смываетъ навсегда позорное пятно, которымъ заклеймилъ свою жизнь: какъ же не радо-

ваться его сестрѣ? Вотъ почему лучезарный восторгъ озаряетъ прекрасное чело дѣвицы Каркеръ.

— Милая Гэрріетъ, сказалъ Морфинъ послѣ продолжительнаго молчанія: — я вовсе не былъ приготовленъ къ этимъ рѣчамъ. Вы желаете, если не ошибаюсь, отстранить и собственную часть отъ наслѣдства, которое досталось на вашу долю: такъ ли я васъ понялъ?

— О да, какъ же иначе? Мы такъ долго жили вмѣстѣ, раздѣляя радость и горе, труды и заботы. Наши мысли, надежды и желанія всегда были общія, и мы все дѣлили пополамъ. Какъ же мнѣ отказаться отъ удовольствія быть его соучастницей въ этомъ великодушномъ поступкѣ?

— Избави меня Богъ оспоривать ваше намѣреніе!

— Стало быть мы можемъ положиться на вашу дружескую помощь? конечно, конечно, я не сомнѣвалась.

— Миссъ Гэрріетъ, я былъ бы дурной человѣкъ.... то есть, я дурной и теперь, но былъ бы еще хуже, если бы не поспѣшилъ отъ всего моего сердца предложить полную готовность къ вашимъ услугамъ. Да, я принимаю всѣ ваши условія и клянусь честью, ничто въ свѣтѣ не вырветъ у меня вашей тайны. Итакъ, если мистеръ Домби дѣйствительно будетъ доведенъ до крайности, неизбѣжной въ его положеніи, то я съ полною охотой принимаю на себя привести въ исполненіе великодушный планъ, на который вы и братъ вашъ Джонъ рѣшились съ общаго согласія.

Она подала ему свою руку и поблагодарила.

— Миссъ Гэрріетъ, сказалъ онъ, удерживая ее: — говорить вамъ о достоинствѣ великой жертвы, или, правильнѣе, самоотверженія, на которое вы рѣшились, было бы дѣломъ празднымъ и большою дерзостію съ моей стороны. Совѣтовать вамъ внимательнѣе осмотрѣть и обдумать свой планъ было бы опять безразсудно и дерзко. Я не имѣю никакого права останавливать или ограничивать великій конецъ великой исторіи неумѣстнымъ представленіемъ своихъ собственныхъ соображеній и расчетовъ. Смиренно склоняю голову передъ вашей довѣренностью, счастливый и довольный сознаніемъ, что она происходитъ отъ высшаго и чистѣйшаго источника вдохновенія. Скажу только одно: — я вашъ вѣрный управитель, и если бы мнѣ предоста-

вили выбирать свое положеніе въ свѣтѣ, я бы хотѣлъ только остаться избраннымъ вашимъ другомъ, и ничѣмъ болѣе.

Она поблагодарила его опять отъ чистаго сердца и пожелала ему спокойной ночи.

— Вы ѣдете домой? сказалъ онъ: — позвольте мнѣ проводить васъ.

— Очень вамъ благодарна, мистеръ Морфинъ. Я не прямо домой. Мнѣ надобно еще сдѣлать визитъ. Не угодно ли вамъ пожаловать завтра?

— Съ большимъ удовольствіемъ, завтра я приду. А между тѣмъ я подумаю, какъ лучше взяться за ваши дѣла. Вы конечно сами будете думать о нихъ, милая Гэрріетъ, и.... и.... могу ли надѣяться, что въ связи съ ними подумаете немножко и обо мнѣ?

Онъ проводилъ ее до кареты, стоявшей у воротъ. Не будь его хозяйка глуха какъ тетеревъ, она непремѣнно услыхала бы, какъ мистеръ Морфинъ, взбираясь къ себѣ наверхъ, бормоталъ про себя, что всѣ мы исчадія привычки, и что самая скверная привычка — оставаться до старости холостякомъ.

Онъ взялъ віолончель, лежавшій на софѣ между двумя стульями, и усѣлся на свое прежнее сѣдалище, не спуская глазъ съ порожняго стула, который стоялъ передъ нимъ. Чудный инструментъ не замедлилъ издать звуки, нѣжные, патетическіе и сладостные до чудовищной степени совершенства; но эта музыкальная экспрессія ровно ничего не значила передъ выраженіемъ, которое мистеръ Морфинъ сообщилъ своему лицу, умиленному и разнѣженному до того, что онъ не разъ принужденъ былъ прибѣгать къ обычному врачеванію капитана Куттля и растирать свой носъ рукавомъ изношеннаго сюртука. Но мало-по-малу лицо его прояснилось, глаза осмыслились, и віолончель началъ издавать гармоническіе звуки одной изъ національныхъ пѣсенъ, гдѣ важнѣйшую роль играетъ такъ называемый «гармоническій кузнецъ», который нѣсколько сроденъ камаринскому мужику. Эта пѣсенка повторилась нѣсколько разъ сряду, и віолончель, въ связи съ порожнимъ стуломъ, оставался до глубокой полночи единственнымъ товарищемъ стараго холостяка.

Когда Гаррієтъ оставила жилище мистера Морфина, кучеръ ея наемной кареты принялся разъѣзжать по грязнымъ переул-

камъ и закоулкамъ одного изъ лондонскихъ предмѣстій, пока наконецъ не выѣхали на какую-то площадку, гдѣ торчило нѣсколько старыхъ домовъ, расположенныхъ между садами. Здѣсь онъ остановился у одной садовой калитки, и Гэрріетъ, очевидно привыкнувшая къ этимъ путешествіямъ, вышла изъ кареты.

Вскорѣ на звонъ колокольчика явилась женщина пожилыхъ лѣтъ, съ унылымъ и болѣзненнымъ лицомъ, съ глазами, поднятыми наверхъ, и съ головою, опущенною внизъ. При видѣ Гэрріетъ, она сдѣлала болѣзненный книксенъ и черезъ садъ провела ее въ домъ.

— Здравствуйте, мистриссъ Виккемъ. Какъ ваша больная? спросила Гэрріетъ.

— Плохо, матушка, плохо. Я ужасно боюсь. Она, видите ли, сударыня, съ нѣкоторыхъ поръ напоминаетъ мнѣ Бетси Джанну моего дяди, заключила мистриссъ Виккемъ, испуская болѣзненный вздохъ.

— Въ какомъ отношеніи? спросила Гэрріетъ.

— Да во всѣхъ, матушка. Разница лишь та, что Бетси Джанна умирала ребенкомъ, а эта ужь большая.

— Но вы сказали мнѣ прошлый разъ, что ей гораздо лучше. Стало быть еще можно надѣяться, мистриссъ Виккемъ.

— Не говорите, матушка. Надежда хороша для тѣхъ, кто не видалъ кручины въ своей жизни; а я на своемъ вѣку довольно натерпѣлась и наглядѣлась всякой всячины, сударыня моя. О, вы еще не знаете, что такое всякая всячина: это, съ позволенія сказать, такая подлая вещь, что Боже упаси!

— Вамъ надобно стараться быть веселѣе, мистриссъ Виккемъ.

— Благодарю васъ, матушка. Если бы еще и гомозилась такая веселость въ моей головѣ — вы извините, что я откровенничаю — такъ я потеряла бы ее въ одни сутки въ этомъ скаредномъ мѣстѣ. Скука такая, хоть бѣги изъ дому! Впрочемъ я никогда не видала красныхъ дней. Одно житье въ Брайтонѣ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, укоротило, я думаю, моей жизни на цѣлый десятокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это была та самая мистриссъ Виккемъ, которая въ старые годы замѣнила бѣдную Полли въ званіи няньки маленькаго Павла, и которая подъ благодатней кровлей мистриссъ Виккемъ дѣйствительно натерпѣлась всякой всячины.

Превосходная старая система, утвержденная на древнѣйшемъ похвальномъ обычаѣ удалять отъ общества скучнѣйшихъ и безполезныхъ членовъ, назначая имъ весьма комфортныя должности филантропическаго свойства, доставила мистриссъ Виккемъ возможность утвердиться и усовершенствоваться въ званіи сидѣлки и вмѣстѣ няньки, въ званіи, которое какъ нарочно изобрѣтено для ея особы.

Склонивъ голову на одну сторону и поднявъ свои глаза къ потолку, мистриссъ Виккемъ провела ночную посѣтительницу наверхъ въ чистую, опрятную комнату, смежную съ другою, гдѣ стояла постель, освѣщенная тусклою лампадой. Въ первой комнатѣ безсмысленно сидѣла грязная, безобразная старушонка, глазѣвшая на улицу черезъ открытое окно. Во второй лежала на постелѣ фигура, или, точнѣе, тѣнь той фигуры, которая нѣкогда въ зимнюю ночь презрѣла дождь и бурю, чтобы, послѣ продолжительнаго путешествія, бѣжать въ отдаленное предмѣстье для изъявленія своего бѣшенаго негодованія. Невозможно было бы угадать въ ней ту же самую женщину, если бы не черные длинные волосы, разбросанные по безцвѣтнымъ и мертвеннымъ щекамъ.

Къ чему и зачѣмъ выразительные, жгучіе глаза на этой слабой головѣ, которая можетъ повернуться не иначе какъ съ величайшими усиліями на своей подушкѣ? Однакожь она повернулась, и довольно быстро, въ ту сторону, откуда вошла Гэрріетъ.

— Не поздно ли я пришла, Алиса? сказалъ кроткій голосъ посѣтительницы.

— Поздно какъ всегда, но слишкомъ рано для меня.

Гэрріетъ сѣла подлѣ постели и взяла ея руку.

— Вамъ теперь лучше?

Мистриссъ Виккемъ, стоявшая насупротивъ какъ безотрадное привидѣніе, рѣшительно и самымъ отрицательнымъ способомъ покачала головой.

— Какая до этого нужда! отвѣчала Алиса, стараясь улыбнуться. — Лучше или хуже, все равно. Можетъ быть одинъ день разницы, не болѣе.

Мистриссъ Виккемъ, какъ серьёзный характеръ, поспѣшила выразить свое полное одобреніе болѣзненнымъ стономъ. За тѣмъ, ощупавъ ноги своей паціентки, вѣроятно въ надеждѣ найти ихъ окаменѣлыми, она поковыляла къ столу и завони-

ла цѣлебными пузырьками и бутылками, какъ-будто желая сказать: — такъ и быть, дадимъ еще микстуры для проформы.

— Нѣтъ, шептала Алиса своей посѣтительницѣ: — нужда, труды, порокъ, угрызенія совѣсти, буря внутри и буря снаружи истощили мои силы, и желѣзное здоровье разстроилось въ конецъ. Мнѣ не долго жить.

Говоря это, она приподняла руку и положила ее на свое лицо.

— Я здѣсь лгу иной разъ, думая, что мнѣ хотѣлось бы еще немного пожить для того только, чтобы показать, какъ я умѣю быть благодарной. Это конечно слабость, и она скоро проходитъ. Пусть будетъ такъ, какъ есть. Лучше и для васъ и для меня.

Это ли та женщина, которая нѣкогда въ ненастный и бурный вечеръ сидѣла подлѣ камина, вызывая на бой судьбу со всѣми ея ужасами? Злоба, мщеніе, отвага, буйство — прощайтесь съ своею жертвой: наступилъ ея конецъ!

Мистриссъ Виккемъ, назвонившись вдоволь около медицинскаго стола, достала наконецъ какую-то микстуру. Затѣмъ, подавая пить, она завинтила свой ротъ, прищурила глаза и покачала головой, выражаясь такимъ образомъ опредѣлительно и ясно, что никакія пытки не заставятъ ее проболтаться насчетъ безнадежнаго положенія паціентки. Потомъ, окропивъ комнату холодною жидкостію съ видомъ гробо-копательницы, разсѣевающей пыль и пепелъ на своемъ пути, мистриссъ Виккемъ удалилась внизъ, чтобы принять участіе въ погребальныхъ яствахъ, приготовленныхъ ея собственнымъ искусствомъ.

— Сколько прошло съ той поры, сказала Алиса: — какъ я приходила къ вамъ послѣдній разъ извѣстить о погонѣ, которую я устроила?

— Слишкомъ годъ, отвѣчала Гэрріетъ.

— Слишкомъ годъ! повторила Алиса задумчивымъ тономъ. — И прошли цѣлые мѣсяцы, какъ вы перенесли меня въ это мѣсто?

— Да.

— Перенесли силою своей доброты и великодушія. Перенесли меня! говорила Алиса, закрывая рукою свое лицо. — Ваши женственныя слова и взоры, ваши ангельскіе поступки сдѣлали меня человѣкомъ!

Гэрріетъ наклонилась надъ нею и старалась ее успокоить. Немного погодя, Алиса, продолжая закрывать рукою свое лицо, изъявила желаніе, чтобы позвали къ ней ея мать.

Гэрріетъ вскричала нѣсколько разъ; но старуха была такъ углублена въ созерцаніе ночной темноты черезъ отворенное окно, что не слыхала ничего. Гэрріетъ подошла къ ней, пробудила ея вниманіе и привела ее въ комнату дочери. Алиса устремила на посѣтительницу глаза, исполненные нѣжности и любви, и только движеніемъ пальца привѣтствовала вошедшую старуху.

— Мать, скажи ей, что́ ты знаешь.

— Сегодня, моя лебедушка?

— Да, мать, отвѣчала Алиса слабымъ, но вмѣстѣ торжественнымъ голосомъ: — сегодня!

Старуха, взволнованная повидимому угрызеніемъ, безпокойствомъ или печалію, приковыляла къ постели по другую сторону отъ Гэрріетъ, стала на колѣни, чтобы привести свое чахлое лицо въ-уровень съ одѣяломъ, и, протянувъ свою руку къ дочернину плечу, начала:

— Дочка моя, красотка....

Великій Боже! Что́ это былъ за крикъ, вырвавшійся изъ груди старухи, когда она взглянула на развалину тѣла, лежавшаго на этомъ болѣзненномъ одрѣ!

— Перемѣнилась твоя красотка, матушка, давно перемѣнилась! сказала Алиса, не обращая на нее своихъ глазъ. — Безполезно тужить объ этомъ теперь.

— Дочка моя, продолжала старуха: — скоро оправится, встанетъ и пристыдитъ ихъ всѣхъ своими прекрасными глазами.

Алиса обратила грустную улыбку на Гэрріетъ, пожала ея руку, но не сказала ничего.

— Встанетъ она, говорю я, повторяла старуха, дѣлая на воздухъ грозный жестъ своимъ кулакомъ: — и пристыдитъ ихъ всѣхъ своими прекрасными глазами — вотъ что́! Пристыдитъ, говорю я, и всѣхъ ихъ.... — да-съ!

Еще и еще нѣсколько разъ она повторила эту фразу, какъ будто стоялъ подлѣ постели невидимый оппонентъ, который ей противорѣчилъ!

— Оттолкнули мою дочку, отринули, вышвырнули, загнали; но есть у ней родство — охъ, какое родство! — и она могла бы имъ гордиться, если бы хотѣла! — Да, славное родство! Тутъ не было пастора и обручальныхъ колецъ, но родство заключено, и не сломать, не уничтожить его злымъ людямъ! Покажите мнѣ мистриссъ Домби, и я вамъ укажу первую двоюродную сестрицу моей Алисы!

Жгучіе глаза больной, обращенные на Гэрріетъ, подтвердили истину этихъ словъ.

— Какъ? кричала старуха, страшно мотая головой, которая хотѣла какъ-будто выскочить изъ грязнаго туловища. — Я стара теперь, безобразна, видите ли, а бывали встарину праздники и на моемъ переулкѣ! Состарили меня не годы, а всего больше эта проклятая жизнь и привычки. Но и я была молода, хороша была, и посмотрѣли бы вы, какъ ласкали меня въ старые годы! Во всей деревнѣ не было дѣвки краше и увертливѣе — ой, ой, ой! Втѣпоры прибыли въ нашу сторону отецъ мистриссъ Домби и его братъ, веселые джентльмены, залихватскіе господа — оба они умерли, Господь съ ними! охъ, какъ давно умерли! Братъ, который былъ отцомъ моей Алисы, умеръ прежде. Втѣпоры они заѣзжали къ намъ изъ Лондона, и нечего сказать, весь народъ любовался на нихъ, а они любовались на меня — вотъ какъ бывало въ старые годы!

Она приподняла немного свою голову и обратилась къ дочернину лицу, какъ-будто воспоминанія молодыхъ лѣтъ привели ее невольно къ воспоминанію о своей дочери. Потомъ вдругъ, приложивъ къ постели свое лицо, она сдавила голову обѣими руками и завертѣлась страшнымъ образомъ.

— Они оба были похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды, кричала старуха: — однихъ лѣтъ, одинакого праву, и разницы между ними, если не ошибаюсь, былъ только одинъ годъ. О, если бы вы видѣли, какъ моя дѣвка втѣпоры сидѣла рядкомъ съ дочерью другого джентльмена — я эта видѣла, и никогда не забуду! Онѣ были точь-вточь какъ родныя сестры, несмотря на разницу въ своихъ платьяхъ и привычкахъ. О, неужто прошло это сходство! Неужто моя дѣвка, только одна моя дѣвка, измѣнилась и пропала!

— Всѣ мы, матушка, измѣняемся и пропадаемъ, каждая въ свою очередь, сказала Алиса.

— Очередь! Зачѣмъ же такъ рано пришла очередь моей дѣвки, а не ея! Ея матка измѣнилась, это правда, и превратилась, съ позволенія сказать, въ такую же хрычовку, какъ я, прости Господи; но и она была красавицей встарину. Чтожъ такое я сдѣлала противъ нея? Неужто она *дурила* меньше, чѣмъ я? Не меньше и не лучше, а вотъ только моя, одна только моя дочка захворала и зачахла.

И вдругъ, испустивъ пронзительный крикъ, она бросилась въ ту комнату, откуда пришла, но немедленно воротилась опять, подковыляла къ Гэрріетъ и сказала:

— Вотъ все, о чемъ Алиса просила меня сказать вамъ. Все до тла. Я провѣдала о ней въ одно лѣтнее время, когда слонялась по Уорвиксъширу, гдѣ и она втѣпоры проживала съ своей маткой, съ той хрычовкой, видите ли, которая все бѣлилась да румянилась. Все я провѣдала. Но такія родственницы, сказать по правдѣ, для меня не годились. Онѣ не дали мнѣ ни полушки. Если бы этакъ я заикнулась передъ ними насчетъ деньжонокъ для моей Алисы, которая ей двоюродная сестра, онѣ, я думаю, придавили бы меня какъ лягушку. Вотъ и дочка-то моя, сказать по правдѣ, горда пожалуй еще больше чѣмъ она, продолжала старуха, съ робостію прикасаясь къ лицу Алисы. — Теперь она присмирѣла, касатушка моя; но дайте-ка ей встать: она пристыдитъ ихъ своими прекрасными глазами и осрамитъ такъ, что имъ не собрать костей. Не правда ли, моя лебедка: ты вѣдь осрамишь ихъ?

Старуха захохотала, и этотъ хохотъ былъ гораздо отвратительнѣе, чѣмъ ея крикъ, и гораздо страшнѣе, чѣмъ зарыдъ безсильнаго воя, которымъ онъ окончился. Она встала, вышла изъ комнаты и опять усѣлась на прежнее мѣсто, чтобы глазѣть на темноту ночную черезъ открытое окно.

Глаза Алисы во все это время были устремлены на Гэрріетъ, которую она продолжала держать за руку. Теперь она сказала:

— Мнѣ казалось, я буду нѣсколько спокойнѣе, когда вы узнали эту исторію. Она, думалось мнѣ, объяснитъ вамъ отчасти крайности разврата, который меня сгубилъ. Мнѣ слишкомъ часто толковали, что я нарушаю свои обязанности, и я въ свою очередь невольно утвердилась въ мысли, что другіе люди не исполнили своихъ обязанностей въ отношеніи ко мнѣ. Сѣмя какъ

посѣяно, такъ и взошло. Дочери богатыхъ, но дурныхъ матерей могутъ въ свою очередь сбиваться съ прямой дороги, но путь ихъ никогда не можетъ быть такъ гадокъ, какъ мой. Теперь все прошло. Все это представляется мнѣ какимъ-то сномъ, котораго теперь не могу я ни хорошенько вспомнить, ни отчетливо понять. И этотъ сонъ видѣлся мнѣ каждый день съ того времени, какъ вы начали сидѣть здѣсь и читать для меня. Пересказываю его вамъ, сколько могу помнить. Не потрудитесь ли вы еще почитать для меня?

Гэрріетъ тихонько отстранила свою руку, чтобы открыть книгу; но Алиса удержала ее опять.

— Вы не забудете моей матери? Я простила ей все, въ чемъ, по моему, она виновата. Я знаю, что она прощаетъ меня, и слишкомъ тужитъ обо мнѣ. Вы не забудете ея?

— Никогда, Алиса!

— Еще минуту. Положите мою голову такъ, чтобы я могла на вашемъ добромъ лицѣ видѣть слова, которыя вы станете читать.

Гэрріетъ исполнила ея желаніе и принялась читать. Она читала ей ту книгу, въ которой недужный, страждущій, удрученный человѣкъ всегда находитъ утѣшеніе и вѣчную отраду для измученнаго духа. Она читала, какъ одна женщина, слѣпая, хромая, прокаженная, оскверненная всякими недугами души и тѣла, получила прощеніе и такую награду, которой не отниметъ отъ нея никакая человѣческая сила.

— Завтра поутру, Алиса, сказала Гэрріетъ, закрывая книгу: — я приду какъ можно раньше.

Свѣтлые глаза сомкнулись на минутку, но при этихъ словахъ открылись опять. Алиса съ набожнымъ благоговѣніемъ поцаловала руку своей благодѣтельницы.

Тѣже свѣтлые глаза слѣдили за нею къ дверямъ. Въ ихъ блескѣ и на спокойномъ лицѣ промелькнула прощальная улыбка.

Глаза сомкнулись и уже больше не открывались никогда. Она положила свою руку на грудь, произнесла священное имя своей читательницы, — и жизнь сбѣжала съ ея лица, подобно исчезающему свѣту.

На мѣстѣ, гдѣ была Алиса, лежалъ бездыханный трупъ.

ГЛАВА LIX.

ЧАСЪ ПРОБИЛЪ.

Опять перемѣны въ большомъ домѣ, на длинной, скучной улицѣ, гдѣ Флоренса проводила свое одинокое дѣтство. Это все тотъ же огромный домъ, надежный оплотъ противъ непогоды и вѣтровъ, безъ проломовъ на кровлѣ, безъ разбитыхъ оконъ, безъ продавленныхъ стѣнъ; но тѣмъ не менѣе онъ — развалина, и крысы бѣгутъ изъ него.

Сначала мистеръ Таулисонъ и компанія никакъ не хотятъ вѣрить злой молвѣ, которая распространяется вокругъ нихъ. Кухарка говоритъ рѣшительно и прямо, что подорвать нашъ кредитъ, благодаря Бога, не такъ легко, какъ другихъ богачей; а мистеръ Таулисонъ положительно утверждаетъ, что пожалуй станутъ послѣ этого болтать, будто подорвался Англійскій банкъ или взлетѣли на воздухъ всѣ сокровища лондонской башни. Но скоро приходитъ газета, и съ нею мистеръ Перчъ, въ сопровожденіи своей почтенной супруги, которая пришла на кухню покалякать и провести пріятный вечеръ.

Какъ скоро темное дѣло приведено въ извѣстность, мистеръ Таулисонъ главнѣйшимъ образомъ безпокоится насчетъ убытка и полагаетъ, что оный круглымъ числомъ простирается покрайней-мѣрѣ до сотни тысячъ фунтовъ. Мистеръ Перчъ убѣжденъ съ своей стороны, что пожалуй не покрыть его и сотнею тысячъ фунтовъ. Женщины, подъ предводительствомъ мистриссъ Перчъ и кухарки, часто съ благоговѣйнымъ удовольствіемъ повторяютъ: — «Сотня тысячъ фунтовъ!» — какъ-будто передъ ихъ глазами лежали самыя деньги. Горничная, не опуская глазъ съ мистера Таулисона, изъявляетъ желаніе имѣть хоть бы сотую часть этого капитала, чтобы наградить имъ любимаго человѣка. Мистеръ Таулисонъ, проникнутый, какъ извѣстно, непримиримою ненавистью къ иностранцамъ, держится того мнѣнія, что достанься эти деньги какому-нибудь сухопарому французу, онъ бы не зналъ, бестія, что̀ съ ними дѣлать, развѣ только профинтилъ бы ихъ на усы и свою треклятую бороденку. При этомъ горькомъ сарказмѣ, горничная хохочетъ до упаду и удаляется на свѣжій воздухъ.

Скоро однакожь она возвращается опять, ибо кухарка, издавна пользовавшаяся репутацiею расторопной и умной дамы, говоритъ, что теперь-то собственно имъ надо держаться другъ друга: не такъ ли, Таулисонъ? Вѣдь еще неизвѣстно, скоро ли имъ придется разойтись на всѣ четыре стороны.

— Мы видѣли, продолжаетъ кухарка: — въ этомъ домѣ похороны, видѣли свадьбу, и при насъ же скрылись эти бѣглянки. Пусть не говорятъ о насъ добрые люди, что мы не могли ужиться въ это несчастное время. Станемъ жить по прежнему тише воды, ниже травы, не выноситься сорники изъ этого дому: не такъ ли, Таулисонъ?

Мистриссъ Перчъ приведена въ трогательное умиленiе этой рѣчью и открыто замѣчаетъ, что кухарка настоящiй ангелъ. Мистеръ Таулисонъ отвѣчаетъ, что онъ, съ своей стороны, всего менѣе способенъ противорѣчитъ такимъ благороднымъ чувствамъ, и въ доказатетьство.... онъ беретъ горничную за руку, шепчетъ ей нѣсколько словъ, и становясь съ этой юной леди среди комнаты, торжественно извѣщаетъ всю кухонную компанiю, что онъ и Аннушка рѣшились наконецъ сочетаться законнымъ бракомъ и завести на оксфордскомъ рынкѣ въ травяномъ ряду свою собственную лавку, куда въ свое время будутъ имѣть честь покорнѣйше проситъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Это объявленiе принято съ превеликимъ восторгомъ, и мистриссъ Перчъ, прозирая душою въ будущее, торжественно шепчетъ на ухо кухаркѣ: — «разведутъ дѣвчонокъ!»

Фамильное несчастье, само собою разумѣется, въ этихъ нижнихъ областяхъ, безъ пиршества обойтись не можетъ. На этомъ основанiи кухарка изготовляетъ для ужина два горячихъ блюда съ лучкомъ и перцемъ, а мистеръ Таулисонъ, для той же гостепрiимной цѣли, сочиняетъ раковый салатъ на огромномъ блюдѣ. Даже мистриссъ Пипчинъ, взволнованная этой рѣдкой оказiей, звонитъ отчаянной рукой съ высоты своего покоя и посылаетъ сказать, чтобы ей пологрѣли къ ужину сладенькiй пирожокъ и прислали на подносѣ стаканъ крѣпкаго глинтвейну съ хересомъ пополамъ, такъ-какъ она чувствуетъ себя довольно нездоровой.

Поговариваютъ насчетъ мистера Домби, но весьма немного. Главный предметъ разсужденiя состоитъ собственно въ томъ, смекалъ ли этотъ джентльменъ, какъ идутъ дѣла, и давно ли

началъ подозрѣвать, что ему не миновать банкротства. Кухарка выражаетъ свое мнѣніе такимъ образомъ:

— Я готова присягнуть, что онъ готовился къ этому цѣлые годы; и если сказать всю правду, его прикащикъ бѣжалъ именно тогда, какъ ужь ничего нельзя было поправить.

Обратились къ мистеру Перчу, и вышло, что мистеръ Перчъ такихъ же мыслей. За тѣмъ предстоялъ другой, не менѣе важный вопросъ: — что̀ станетъ дѣлать мистеръ Домби, и выпутается ли какъ-нибудь изъ своей бѣды? — Таулисонъ полагаетъ, что не выпутается, и основательно заключаетъ, что мистеръ Домби удалится въ какую-нибудь богадѣльню, устроенную для джентльменовъ.

— Вотъ что̀! восклицаетъ кухарка жалобнымъ тономъ. — Тамъ вѣроятно будетъ у него маленькій садикъ, и онъ станетъ разводить весною сахарный горохъ!

— Именно такъ, подтверждаетъ Таулисонъ: — притомъ, думать надо, его причислятъ къ разряду какихъ-нибудь братій.

— Всѣ мы братія, говоритъ мистеръ Перчъ, выпивая свою рюмку.

— Только ужь никакъ не *сестрія*, остроумно замѣчаетъ мистеръ Перчъ, поглядывая съ лукавымъ видомъ на всю веселую компанію.

— Вотъ какъ падаютъ сильные міра сего! восклицаетъ кухарка съ трепетнымъ благоговѣніемъ.

— Гордецы падали всегда и будутъ падать: туда имъ и дорога! съ негодованіемъ говоритъ горничная, невѣста мистера Таулисона.

Нельзя было достойнымъ образомъ надивиться дружелюбію всей этой компаніи и тому твердому единодушію, съ какимъ она переносила ужасный ударъ судьбы. Разъ только было растревожено блаженное состояніе почтенныхъ душъ, и это случилось такимъ образомъ. Въ обществѣ между сочленами присутствовала молодая, черноглазая дѣвчонка, судомойка ремесломъ, ходившая всегда въ черныхъ чулкахъ и затасканномъ передникѣ. Долго сидѣла она съ разинутымъ ртомъ, желая очевидно принять участіе въ назидательной бесѣдѣ, и вдругъ неожиданно разразилась слѣдующими словами:

— А что̀, если намъ не заплатятъ жалованья?

При этой выходкѣ всѣ почтенные члены остались безъ языка, какъ-будто невидимая сила поразила ихъ нѣмотою. Кухарка оправилась первая.

— Какъ тебѣ нестыдно, сказала она: — обижать благородную фамилію, которая тебя кормитъ и поитъ, такими безчестными подозрѣніями? Неужто, думаешь ты, найдутся на свѣтѣ окаянные люди, которые захотятъ отнять послѣдній кусокъ хлѣба у бѣдной прислуги? Стыдись, прощалыга ты этакая! Съ этакими чувствами, я не знаю, право, гдѣ ты отыщешь себѣ другое мѣсто.

Мистеръ Таулисонъ тоже не зналъ, и никто не зналъ. Бѣдная дѣвочка въ свою очередь не смыслила ничего и принуждена была забиться въ темный уголокъ, оконтуженная градомъ безпощадныхъ упрековъ.

Черезъ нѣсколько дней какіе-то странные люди начинаютъ заходить въ этотъ домъ и назначаютъ одинъ другому свиданья въ большой столовой, какъ-будто они здѣсь и жили. Между ними особенно бросается въ глаза джентльменъ іудейской породы, толстый и курчавый, съ массивными часами въ карманѣ. Онъ похаживаетъ и посвистываетъ въ ожиданіи другого джентльмена, у котораго за пазухой всегда перья и чернила, а между тѣмъ, для препровожденія времени, обращается къ мистеру Таулисону съ какимъ нибудь вопросомъ, напримѣръ:

— Не знаешь ли ты, любезный, какую фигуру имѣли первоначально эти малиновые занавѣсы, когда ихъ только-что купили? Ты вѣдь здѣсь старый пѣтухъ.

И названіе стараго пѣтуха, неизвѣстно ради какой причины, навсегда утвердилось за камердинеромъ мистера Домби.

Эти визиты и свиданья въ большой столовой день ото дня становятся все чаще и чаще, и каждый джентльменъ имѣетъ повидимому въ своемъ карманѣ перья и чернила. Наконецъ проносится слухъ, что дѣло идетъ о продажѣ съ аукціона, и тогда вламывается въ домъ цѣлая группа серьёзныхъ джентльменовъ, сопутствуемая отрядомъ странныхъ людей въ странныхъ шапкахъ, которые начинаютъ стаскивать ковры, стучать мебелью и дѣлать своими туфлями тысячи разнородныхъ оттисковъ на лѣстницахъ и въ коридорѣ.

Между тѣмъ кухонный комитетъ постоянно засѣдаетъ въ своемъ нижнемъ департаментѣ и отъ нечего дѣлать кушаетъ и

пьетъ отъ ранняго утра до поздняго вечера. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, мистриссъ Пипчинъ потребовала къ себѣ всѣхъ членовъ и адресовалась къ нимъ такимъ образомъ:

— Вашъ господинъ находится въ затруднительномъ положеніи. Это конечно вы знаете?

Мистеръ Таулинсонъ, какъ председатель комитета, даетъ за всѣхъ утвердительный отвѣтъ.

— Всѣмъ вамъ, каждому и каждой, не мѣшаетъ позаботиться о собственномъ рылѣ, продолжаетъ перувіянская вдовица, окидывая собраніе своимъ сѣрымъ глазомъ и качая головой.

— Также, какъ и тебѣ, мистриссъ Пипшинъ! восклицаетъ пронзительный голосъ изъ арріергарда.

— Это ты такъ думаешь, безстыдница, ты? кричитъ раздражительная Пипчинъ, приподнимаясь во весь ростъ, чтобы яснѣе разглядѣть дерзкую грубіянку.

— Я, мистрисъ Пипшинъ, я, съ твоего позволенія! борзо отвѣчаетъ кухарка, выступая впередъ.

— Ну, такъ ты можешь убираться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Надѣюсь, я не увижу больше твоей гадкой рожи.

Съ этими словами храбрая вдовица вынимаетъ изъ сундука полотняный мѣшокъ, отсчитываетъ деньги и говоритъ, что она можетъ получить свое жалованье вплоть до этого дня и еще впередъ за цѣлый даровой мѣсяцъ. Кухарка расписывается въ домовой книгѣ, и съ послѣднимъ почеркомъ пера ключница бросаетъ ей деньги. Эту хозяйственную формальность мистриссъ Пипчинъ повторяетъ со всѣми членами кухонной компаніи до тѣхъ поръ, пока всѣ и каждый сполна получили свое жалованье, съ прибавкой даровой мѣсячной награды.

— Можете теперь итти на всѣ четыре стороны, говоритъ мистриссъ Пипчинъ: — а у кого нѣтъ мѣста, тотъ можетъ прожить здѣсь еще недѣлю, больше или меньше. А ты, негодница, сейчасъ же долой со двора, и чтобы твоего духу здѣсь не пахло! заключаетъ раздражительная Пипчинъ, обращаясь къ кухаркѣ.

— Иду, матушка Пипчинъ, можешь быть спокойна, отвѣчаетъ кухарка. Счастливо тебѣ оставаться и кушать во сонъ грядущій сладкіе пирожки съ горячимъ глинтвейномъ.

— Пошла вонъ! кричитъ мистрисъ Пипчинъ, топая ногой.

Кухарка удаляется съ видомъ высокаго достоинства, которое приводитъ въ отчаяніе старуху Пипчинъ, и черезъ минуту присоединяется въ нижнемъ департаментѣ къ остальнымъ членамъ комитета.

Тогда мистеръ Таулисонъ говоритъ, что теперь, прежде всего, не мѣшаетъ чего-нибудь перекусить и пропустить за галстухъ, а потомъ онъ будетъ имѣть удовольствіе предложить нѣкоторые совѣты, необходимые, по его мнѣнію, для всѣхъ сочленовъ благородной компаніи. Выпили, перекусили, еще выпили и еще закусили, и когда наконецъ эта предварительная статья была приведена къ желанному концу, мистеръ Таулисонъ излагаетъ свои мнѣнія такимъ образомъ:

— Служба наша оканчивается съ этимъ днемъ. Всѣ мы, каждый и каждая, можемъ отъ чистаго сердца говорить, что во все время своего нахожденія въ этомъ домѣ мы служили вѣрой и правдой, несмотря на безтолковыя и безсмысленныя распоряженія взбалмошной бабы, какова мистриссъ Пипчинъ...

Общее негодованіе. Нѣкоторые изъ почтенныхъ сочленовъ перемигиваются и смѣются. Горничная апплодируетъ.

— Много лѣтъ мы жили дружелюбно и единодушно, не выставляясь впередъ и не выскакивая другъ передъ другомъ, и если бы хозяинъ этого несчастнаго дома благоволилъ когда-нибудь удостоить своимъ вниманіемъ наше общее согласіе, нѣтъ никакого сомнѣнія, каждый и каждая изъ насъ удостоились бы не такой награды, какую, словно голоднымъ псамъ, бросила жадная старуха Пипчинъ.

Общіе вздохи. Судомойка обнаруживаетъ безсмысленное удивленіе. Горничная всхлипываетъ.

Кухарка приходитъ въ сильнѣйшее волненіе и, озирая быстрымъ взоромъ почтенное собраніе, неоднократно повторяетъ: — Слушайте! слушайте! Мистриссъ Перчъ, упоенная и упитанная по горло, проливаетъ горькія слезы. Таулисонъ продолжаетъ:

— Итакъ, мое мнѣніе и мой душевный, искренній совѣтъ состоитъ собственно въ томъ, что, вслѣдствіе обиды, нанесенной всѣмъ намъ въ лицѣ почтенной изготовительницы господскихъ блюдъ, мы всѣ, безъ малѣйшаго изъятія, должны удалиться изъ этого неблагодарнаго дому сейчасъ же, и куда бы то ни было. Идемъ, бѣжимъ отсюда безъ оглядки, отряхая прахъ отъ ногъ нашихъ, и пусть узнаетъ свѣтъ, что бѣдные слуги, тамъ, гдѣ

нужно, не менѣе господъ умѣютъ поддерживать свое достоинство, если требуютъ этого честь и совѣсть!

— Вотъ что̀ значитъ быть благороднымъ человѣкомъ! восклицаетъ горничная, отирая слезы. — О Таулисонъ, милашка Таулисонъ, какъ я люблю тебя, мой розанъ!

— Я съ своей стороны особенно должна благодарить васъ, мистеръ Таулисонъ, говоритъ кухарка съ видомъ высокаго достоинства. — Надѣюсь впрочемъ, кромѣ комплиментовъ мнѣ, у васъ были и другія побужденія говорить съ такимъ благороднымъ одушевленіемъ.

— Само собою разумѣется, отвѣчаетъ Таулисонъ: — были и другія. Признаться, если сказать всю правду, такъ, по моему, не совсѣмъ-то благородное дѣло оставаться въ такомъ домѣ, гдѣ идетъ продажа съ публичнаго торгу.

— Именно такъ, душечка Таулисонъ, подхватываетъ горничная. — По моему, жить среди этой суматохи, значитъ рѣшительно не имѣть никакой амбиціи. Мало ли, какого народу тутъ насмотришься? И все такіе грубіяны, такіе нахалы! Недалѣе какъ сегодня поутру, одинъ сорванецъ вздумалъ было меня поцаловать!

— Какъ?! заревѣлъ во все горло мистеръ Таулисонъ. — Гдѣ этотъ нахалъ, гдѣ онъ? Да я расшибу его вдребезги, да я...

И, не докончивъ фразы, мистеръ Таулисонъ стремительно вскочилъ съ своего мѣста и бросился вонъ съ очевиднымъ намѣреніемъ казнить обидчика; но дамы, къ счастію, во̀время ухватили его за фалды, успокоили, уговорили, заключая весьма основательно, что гораздо приличнѣе совсѣмъ убраться изъ этого скандалезнаго дому, чѣмъ заводить въ немъ непріятныя сцены. Мистриссъ Перчъ, представляя это обстоятельство въ новомъ свѣтѣ, осторожно намекаетъ, что даже, въ нѣкоторомъ родѣ, деликатность къ самому мистеру Домби, постоянно запертому въ своемъ кабинетѣ, требуетъ, чтобы они немедленно удалились.

— Ну, скажите, на что̀ это будетъ похоже, говоритъ мистриссъ Перчъ: — если онъ какъ-нибудь провѣдаетъ, что и бѣдные слуги перестали его уважать?

Всѣ согласились, что это точно ни на что̀ не будетъ похоже, и кухарка была такъ растрогана этой сентенціей, что въ порывѣ душевнаго умиленія нѣсколько разъ обняла и поцаловала дорогую мистриссъ Перчъ. Итакъ рѣшено — единодушно и единогла-

сно — выбираться сейчасъ же, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Чемоданы увязаны, сундуки уложены, телѣги наняты, навьючены, и къ вечеру этого достопамятнаго дня не остался въ знаменитой кухнѣ ни одинъ изъ членовъ дружелюбнаго сейма.

Огроменъ домъ мистера Домби, крѣпокъ и надеженъ, но тѣмъ не менѣе онъ — развалина, и крысы бѣгутъ изъ него.

Странные люди въ странныхъ шапкахъ гремятъ и шумятъ по всѣмъ комнатамъ, перебирая и опрокидывая мебель; джентльмены съ перьями и чернилами важно бесѣдуютъ другъ съ другомъ и дѣлаютъ подробную опись. Они распоряжаются всѣмъ и хозяйничаютъ такъ, какъ никогда бы не хозяйничали у себя дома. Они сидятъ на такихъ мѣстахъ, которыя никѣмъ и никогда не предназначались для сидѣнья; пьютъ и ѣдятъ трактирныя порціи на такихъ предметахъ мебели, которые никогда не предназначались для обѣденныхъ столовъ, и это присвоеніе страннаго употребленія дорогихъ вещей повидимому доставляетъ имъ душевное наслажденіе. Изъ перестановокъ мебели сооружаются самыя хаотическія комбинаціи. Матрацы и постельные приборы появляются въ столовой; хрусталь и фарфоръ отправляются въ консерваторію; большой обѣденный сервизъ красуется въ парадной гостиной на длинномъ и широкомъ диванѣ; лѣстничныя проволоки, измятыя и скомканныя, украшаютъ мраморныя полки камина. Наконецъ, въ довершеніе эффекта, вывѣшено съ балкона огромное печатное объявленіе, и такими же добавочными прелестями украшены всѣ половинки наружныхъ дверей.

Потомъ, во весь день, стоятъ передъ домомъ длинные ряды каретъ, тарабановъ, колясокъ, кабріолетовъ, и цѣлыя стада жадныхъ вампировъ снуютъ и бѣгаютъ по всѣмъ комнатамъ, стучатъ по зеркаламъ щиколками своихъ пальцевъ, выбиваютъ нестройныя октавы на фортепьяно, вырисовываютъ мокрые пальцы на картинахъ, дышатъ на черенки лучшихъ столовыхъ ножей, взбиваютъ грязными кулаками бархатныя подушки на креслахъ и диванахъ, тормошатъ пуховыя постели, отпираютъ и запираютъ шкафы и комоды, взвѣшиваютъ серебряные ножи и вилки, вглядываются въ самыя нити драпри и полотенъ, — и все бракуютъ, все отбрасываютъ прочь. Нѣтъ въ цѣломъ домѣ ни одного неприкосновеннаго и неприступнаго мѣста. Слюнявые незнакомцы, пропитанные табакомъ и пылью, заглядываютъ подъ кухонныя рѣшотки

съ такимъ же любопытствомъ, какъ и подъ атласныя одѣяла. Дюжіе джентльмены въ истертыхъ шляпахъ самодовольно выглядываютъ изъ оконъ спаленъ и пересыпаются презабавными шуточками съ своими пріятелями на улицѣ. Спокойныя, расчетливыя головы, съ каталогами въ рукахъ, удаляются въ уборныя комнаты, чтобы дѣлать на стѣнахъ математическія замѣтки кончиками своихъ карандашей. Два оцѣнщика пробираются даже черезъ трубу на самую кровлю дома и любуются окрестными видами. Возня и стукотня, сумятица и гвалтъ продолжаются нѣсколько дней сряду. «Превосходная Новѣйшая Хозяйственная Мебель» — и прочая, подвергается ревизіи.

Затѣмъ учреждается въ парадной гостиной родъ палисадника изъ столовъ и кушетокъ, и на испанскихъ обѣденныхъ столахъ изъ краснаго дерева, перевернутыхъ вверхъ ногами, воздвигается каѳедра аукціонера. Его обступаютъ толпища жадныхъ вампировъ, слюнявые незнакомцы, пропитанные табакомъ и пылью, дюжіе джентльмены въ истертыхъ шляпахъ и широкихъ шараварахъ. Все это садится гдѣ ни попало, — на косякахъ, тюфякахъ, комодахъ, письменныхъ столахъ и даже на каминныхъ полкахъ. Начинается торгъ. Комнаты душны, шумны, пыльны во весь день, и при этой духотѣ, тѣснотѣ, быстротѣ говора и движеній, во весь день неутомимо работаютъ голова и плечи, голосъ и молотокъ аукціонера. Странные люди въ странныхъ шапкахъ, подъ хмѣлькомъ и съ красными носами, бросаютъ жребій, кричатъ, толкаютъ одинъ другого и опять бросаютъ по мановенію неугомоннаго молотка. Иногда по всей комнатѣ раздается смѣшанный гвалтъ и хохотъ. Такъ продолжается во весь день и въ слѣдующіе три дни. Превосходная, Новѣйшая, Хозяйственная мебель и прочая — продается съ аукціона.

За тѣмъ появляются опять шарабаны, коляски, кабріолеты, и за ними длинный рядъ фуръ и телегъ съ цѣлымъ полчищемъ носильщиковъ, навьюченныхъ узлами. Во весь день странные люди въ странныхъ шапкахъ развязываютъ и привязываютъ, винтятъ и развинчиваютъ, отдыхаютъ цѣлыми дюжинами на лѣстничныхъ ступеняхъ, согбенные подъ тяжолымъ грузомъ, или сваливаютъ съ своихъ плечъ на фуры и телѣги цѣлыя громады изъ красныхъ и черныхъ деревъ всякаго рода и вида. Здѣсь цѣлый рынокъ всевозможныхъ ломовыхъ колесницъ отъ огромныхъ

фуръ до мелкихъ двухъ-колесныхъ таратаекъ и тачекъ. Постельку маленькаго Павла увезли на ослѣ, впряженномъ въ одноколку. Около недѣли, Превосходная, Новѣйшая, Хозяйственная ебель и прочая — развозится по мѣстамъ.

Наконецъ все разъѣхалось, и все увезено. Остались около дому разорванныя бумаги каталоговъ и счетовъ, грязные клочки сѣна и соломы и цѣлая батарея оловянныхъ кружекъ на дворѣ и въ коридорахъ. Странные люди въ странныхъ шапкахъ подбираютъ свои винты, канаты и веревки, складываютъ въ кучи, взваливаютъ на плечи и убираются вонъ. Одинъ изъ джентльменовъ, съ перьями и чернилами въ карманѣ, въ знакъ послѣдняго вниманія, еще разгуливаетъ по опустѣлымъ комнатамъ, выбрасывая за окна лоскутки трактирныхъ счетовъ и запирая ставни. Наконецъ выходитъ и онъ вслѣдъ за странными людьми въ странныхъ шапкахъ. Нашествіе окончилось.

И огромный домъ мистера Домби превратился въ развалину, и крысы бѣгутъ отъ него.

Апартаменты мистриссъ Пипчинъ, вмѣстѣ съ запертыми комнатами въ нижнемъ этажѣ, гдѣ всегда опущены сторы, пощажены отъ общаго опустошенія. Въ продолженіи этой суматохи мистриссъ Пипчинъ пребывала въ своей комнатѣ, спокойная и важная, или по временамъ заходила на аукціонъ посмотрѣть на распродажу и похлопотать собственно для себя на-счетъ какого-нибудь спокойнаго креслица. Мистриссъ Пипчинъ большая охотница до спокойныхъ креселъ, и теперь, когда приходитъ къ ней мистриссъ Чиккъ, она засѣдаетъ на своей собственности.

— Каковъ мой братъ, мистриссъ Пипчинъ?

— А я-то почему знаю? Онъ никогда не изволитъ разговаривать со мной. Ему приносятъ ѣсть и пить въ ту комнату, чтò подлѣ кабинета, и онъ кушаетъ, когда никого тамъ нѣтъ. Иной разъ онъ и выходитъ, да никому не говоритъ. Нечего меня объ этомъ спрашивать. Я знаю о немъ не больше того южнаго чучелы, который ожогъ свой ротъ холоднымъ габеръ-супомъ съ изюмомъ и коринкой.

Такъ отвѣтствовала уксусная мистриссъ Пипчинъ, проникнутая очевидно сильнѣйшимъ негодованіемъ противъ домовладыки.

Да чтòжь это такое? говоритъ мистриссъ Чиккъ. — До которыхъ поръ это продолжится, желала бы я знать? Если братъ

не сдѣлаетъ усилія, что̀ изъ него выйдетъ? Ну, какъ вы думаете, мистриссъ Пипчинъ, что̀ таки изъ него выйдетъ?

— Что̀ выйдетъ, то и выйдетъ: намъ какое дѣло? сухо отвѣчаетъ мистриссъ Пипчинъ.

— И добро бы еще онъ не видѣлъ примѣровъ на своемъ вѣку, продолжаетъ мистриссъ Чиккъ, припрыгивая на своемъ стулѣ. — Ато, вѣдь если сказать правду, почти всѣ бѣды въ его семействѣ произошли именно оттого, что не умѣли въ свое время дѣлать усилій. Пора бы образумиться. Бѣда, право, совсѣмъ бѣда!

— Ахти вы, Господь съ вами, мистриссъ Чиккъ! восклицаетъ мистриссъ Пипчинъ, дергая себя за носъ. — На всякое чиханье не наздравствуешься, говоритъ пословица, и вотъ ужь тутъ-то, по моему, бѣды нѣтъ никакой. Потерялъ свою мебель: экая важность! Бывали добрые люди и до него, которые разставались съ своимъ имѣньемъ, да не тужили, не запирались въ свою берлогу.

— Мой братъ, скажу я вамъ, престранный человѣкъ! продолжаетъ мистриссъ Чиккъ съ глубокимъ вздохомъ: — то есть онъ такой въ своемъ родѣ оригиналъ, какіе едва ли еще найдутся на бѣломъ свѣтѣ. Вообразите, мистриссъ Пипчинъ, кто бы могъ повѣрить!... да это, право, такая исторія, что даже страшно и разсказывать.

— Ну, и не расказывайте, если страшно.

— Да нѣтъ, мнѣ все-таки хочется съ вами подѣлиться. Вотъ видите ли: когда онъ получилъ извѣстье о замужствѣ и бѣгствѣ этой своей чудовищной дочери... ну, еще слава Богу, я могу утѣшать себя по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что никогда не ошибалась въ этой дѣвчонкѣ. Не выйдетъ изъ нея пути, говорила я, не выйдетъ и не выйдетъ. Что̀ дѣлать? не хотѣли меня слушать... Такъ вотъ, говорю я, кто бы могъ повѣрить, что мой-то любезнѣйшій братецъ вздумалъ послѣ этой штуки отнестись ко мнѣ, да еще съ угрозами! Я, говоритъ, думалъ, что она живетъ въ твоемъ домѣ, что ты, говоритъ, за нею смотришь, что это, говоритъ, было твое дѣло! Каково? Признаться, я вся задрожала и едва собралась съ духомъ. — «Павелъ, говорю я, любезный братецъ, или я просто съ ума сошла, или я вовсе не понимаю, какимъ это способомъ дѣла твои пришли въ такое состояніе.» — Вотъ только я и сказала. А онъ-то? Кто бы могъ повѣрить, что онъ подскочилъ ко мнѣ какъ съумасшедшій и сказалъ напрямикъ, чтобы я не смѣла

показывать ему глазъ, покамѣстъ онъ самъ меня не позоветъ; Каково?

— Жаль, возражаетъ мистриссъ Пипчинъ: — что ему не привелось имѣть дѣла съ перувіянскими рудниками: они бы повытрясли эту спѣсь изъ его головы!

— Вотъ такъ-то! продолжаетъ мистриссъ Чиккъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчанія мистриссъ Пипчинъ. — Чѣмъ же все это окончится, желаю я знать? Что̀ станетъ дѣлать мой братъ? Разумѣется, онъ долженъ же что-нибудь дѣлать. Нѣтъ никакой надобности запираться въ своихъ комнатахъ и жить медвѣдемъ. Дѣла не придутъ къ нему сами. Никакъ нѣтъ. Ну, такъ онъ самъ долженъ къ нимъ итти. Хорошо. Такъ зачѣмъ же онъ не идетъ? Онъ знаетъ куда итти, я полагаю, такъ-какъ онъ всю жизнь былъ дѣловой человѣкъ. Очень хорошо. Такъ почему же онъ не идетъ? Вотъ что̀ я желаю знать.

Молчаніе. Мистриссъ Чиккъ очевидно удивляется этой могучей цѣпи умозаключеній, которую она съ такимъ искусствомъ выковала.

— И притомъ, слыханое ли дѣло — оставаться у себя взаперти во время всѣхъ этихъ страшныхъ непріятностей? Упрямство непостижимое! Какъ-будто ужь ему некуда было головы преклонить! Ахъ ты, Боже ты мой Боже, да онъ могъ итти прямо въ нашъ домъ! Онъ знаетъ, я полагаю, что онъ у насъ какъ у себя. Мистеръ Чиккъ, признаться, даже надоѣлъ мнѣ, да и сама я говорила собственными устами: — «Павелъ, любезный братецъ, ты не думай, что мы ужь какіе-нибудь этакъ.... вотъ ты теперь въ крайности: ну, и приходи къ намъ, такъ-таки и приходи. Развѣ ты полагаешь, что мы такъ себѣ, какъ и всѣ люди? Никакъ нѣтъ. Мы всегда твои родственники, и домъ нашъ къ твоимъ услугамъ! — Такъ нѣтъ, прости Господи, сидитъ себѣ какъ байбакъ и хоть бы словечкомъ заикнулся! Ну, а если предположить, что домъ вздумаютъ отдать внаймы: тогда что̀?... Что̀ тогда, мистриссъ Пипчинъ? Вѣдь ему нельзя же будетъ здѣсь оставаться. Никакъ нѣтъ. Иначе его поневолѣ выживутъ, заставятъ уйти, и онъ долженъ будетъ уйти. Такъ зачѣмъ ужь лучше онъ не идетъ теперь, чѣмъ тогда? Не придумаю, право, не придумаю. Какъ же вы думаете, мистриссъ Пипчинъ: чѣмъ все это окончится?

— Я знаю только то, возражаетъ мистриссъ Пипчинъ: — чѣмъ все это кончится для меня. Этого и довольно. Я убираюсь отсюда на кондицію.

— На́ что́, мистриссъ Пипчинъ?

— На кондиціи.

— И прекрасно, мистриссъ Пипчинъ, ей-Богу! Лучше вы ничего не могли выдумать. Я ни сколько не осуждаю васъ за это. Никакъ нѣтъ.

— Еще бы! отвѣчаетъ сардоническая Пипчинъ. — Мнѣ впрочемъ все равно, если бы вы и осуждали. Во всякомъ случаѣ я ухожу. Оставаться мнѣ нельзя. Умрешь со скуки въ одну недѣлю. Вчерашній день я принуждена была сама жарить свои котлеты, а къ этому, съ вашего позволенія, я не привыкла. Не такъ воспитана, да и здоровье-то мое не на ту стать. Притомъ въ Брайтонѣ у меня отличное заведеніе. Одни маленькіе Панки доставляли мнѣ каждый годъ около восьмидесяти фунтовъ чистаго барыша. Нельзя же мнѣ все это оставить. Я писала къ своей племянницѣ, и она ждетъ меня съ часу на часъ.

— Говорили вы объ этомъ моему брату? спрашиваетъ мистриссъ Чиккъ.

— Да, это очень легкое дѣло говорить съ вашимъ братцемъ, возражаетъ мистриссъ Пипчинъ. — Доберешься до него, держи карманъ! Вчера, правда, я заходила къ нему и сказала, что не мѣшало бы послать за мистриссъ Ричардсъ, такъ-какъ мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Онъ прохрюкалъ что́-то себѣ подъ носъ, и былъ таковъ. Я распорядилась и безъ него. Прохрюкалъ; а какъ онъ смѣетъ хрюкать, желала бы я знать? Онъ не мистеръ Пипчинъ, я надѣюсь. Нѣтъ ужь, съ вашего позволенія, тутъ лопнетъ и дьявольское терпѣнье!

Съ этими словами, неустрашимая дама, зачерпнувшая такъ много мужества и добродѣтели въ глубинахъ перувіанскихъ рудниковъ, встаетъ съ своей мягкой собственности, чтобы проводить мистриссъ Чиккъ къ дверямъ. Мистриссъ Чиккъ, оплакивая до послѣдней минуты странный и загадочный характеръ своего брата, удаляется безъ всякаго шуму, занятая исключительно своею собственною проницательностію и необычайной остротою своей головы.

Вечеромъ того же дня, мистеръ Тудель, по окончаніи своихъ занятій, привозитъ сюда Полли и сундукъ, оставляетъ ихъ.

даетъ имъ звонкій поцалуй къ коридорѣ пустого дома и наполняется назидательными чувствами при взглядѣ на окружающій мракъ и пустоту.

— Вотъ что́, Полли, душа моя, говоритъ мистеръ Тудель:— такъ-какъ я попалъ теперь въ машинисты и зажилъ хорошо на свѣтѣ, то пожалуй мнѣ бы и не слѣдовало пускать тебя на такую скуку, если бы не прошлая хлѣбъ-соль. Прошедшихъ благодѣяній, мой другъ, забывать не должно. Притомъ, у тебя такое радушное лицо, и авось ты развеселишь немного добрыхъ людей. Поцалуй меня еще разокъ, душа ты моя; вотъ такъ! Ты сдѣлаешь доброе дѣло, я знаю; а ужь я какъ нибудь промаячу безъ тебя. Прощай, Полли!

Между тѣмъ мистриссъ Пипчинъ увеличиваетъ вечерній мракъ своимъ бомбазиновымъ чернымъ капотомъ, черной шляпой и шалью. Ея личная собственность упакована, и спокойныя креслица — послѣднія любимыя кресла мистера Домби, проданныя съ аукціона — стоятъ подлѣ уличной двери. Мистриссъ Пипчинъ ждетъ съ минуты на минуту спокойнаго экипажа, который нанятъ довезти до Брайтона ея особу вмѣстѣ со всею собственностію.

Пріѣзжаетъ спокойный экипажъ. Гардеробъ мистриссъ Пипчинъ отправляется первый и занимаетъ теплое мѣстечко; затѣмъ шествуютъ спокойныя кресла и располагаются въ спокойномъ углу между охапками сѣна — любезная дама имѣетъ намѣреніе сидѣть на креслахъ въ продолженіи своего путешествія. За тѣмъ шествуетъ сама мистриссъ Пипчинъ и угрюмо занимаетъ свое сѣдалище. Змѣиный блескъ въ ея одинокомъ сѣромъ окѣ, и крокодилова улыбка на устахъ: содержательница воспитательно-учебно-образовательнаго заведенія очевидно мечтаетъ о поджареныхъ хлѣбцахъ съ масломъ и сметаной, о горячихъ котлетахъ въ связи съ молодыми ребятами, которымъ она будетъ задавать горячія бани, о бѣдной миссъ Беринтіи, хранительницѣ вѣчнаго дѣвства, которую она будетъ тазать отъ ранняго утра до поздняго вечера, и о другихъ не менѣе вожделенныхъ утѣхахъ своей одинокой и безпомощной старости. Обложенная подушками на своемъ спокойномъ креслѣ и закрытая чернымъ бомбазиномъ, мистриссъ Пипчинъ чуть не хохочетъ отъ полноты душевнаго восторга, когда ретивые кони сдвинулись съ мѣста.

И домъ мистера Домби превратился въ такую развалину, что всѣ крысы изъ него разбѣжались и теперь не осталось ни одной.

Одинока и печальна мистриссъ Ричардсъ въ опустѣломъ домѣ, и не съ кѣмъ отвести ей свою душу, такъ-какъ мистеръ Домби не говоритъ ни съ кѣмъ и вѣчно сидитъ съ поникшей головой въ своихъ запертыхъ покояхъ. Недолго однакожъ она остается одна.

Ночь. Мистриссъ Ричардсъ сидитъ за работой въ комнатѣ ключницы, стараясь забыть унылую пустоту и печальную исторію огромнаго дома. Вдругъ раздается громкій звонъ по всему пространству пустого коридора. Полли отворяетъ дверь и черезъ минуту возвращается съ какою-то женскою фигурой въ черной шляпкѣ. Это, вы угадали, миссъ Токсъ, и глаза у миссъ Токсъ красны и пухлы.

— Сію минуту, Полли, говоритъ миссъ Токсъ: — я покончила уроки съ дѣтьми и привела въ порядокъ хозяйство, которое ты оставила на мои руки. Теперь я свободна и пришла тебя навѣстить. Ну, чтó, здѣсь никого нѣтъ кромѣ тебя?

— Ни души!

— Ты видѣла его?

— Благослови васъ Богъ, отвѣчаетъ Полли: — какъ это можно? Его не видалъ никто сряду нѣсколько дней. Мнѣ сказали, что онъ никогда не оставляетъ своей комнаты.

— Развѣ онъ боленъ?

— Никакъ нѣтъ, матушка: это я знаю. Боленъ развѣ душевно. Бѣдный джентльменъ, должно быть онъ очень печаленъ!

Миссъ Токсъ соболѣзнуетъ до того, что не можетъ говорить. Годы и безбрачная жизнь не очерствили ея и не ослабили ея силъ. Ея сердце очень нѣжно, состраданіе очень наивно, уваженіе истинно и глубоко. Несмотря на свой медальйончикъ съ рыбьимъ глазомъ, который всегда у нея на груди, миссъ Токсъ очень достойная дѣвушка, и ея мягкая душа снабжена такими качествами, которыя способны устоять противъ всякихъ треволненій міра сего.

Долго сидятъ миссъ Токсъ и мистриссъ Ричардсъ, разговаривая о разныхъ разностяхъ касательно человѣческой суеты. Наконецъ Полли беретъ свѣчу, озаряетъ темныя лѣстницы,

спускается внизъ, провожаетъ свою гостью, запираетъ дверь тяжолымъ засовомъ, возвращается въ свою комнату и ложится спать. На другой день послѣ полудня идетъ она робкимъ шагомъ въ завѣшанныя комнаты, разставляетъ на столѣ припасы собственнаго издѣлья, приготовленные по совѣту извѣстной особы, удаляется опять въ свое мѣсто, и сидитъ, и работаетъ, и не смѣетъ вплоть до завтрашняго утра вступить въ предѣлы завѣшанныхъ комнатъ. А тамъ есть и колокольчики, и сонетки, но никто не звонитъ въ нихъ, и только изрѣдка слышна тяжолая поступь страннаго затворника, отчужденнаго отъ свѣта.

Миссъ Токсъ регулярно приходитъ каждый день. Съ этой поры главныя занятія миссъ Токсъ на Княгининомъ Лугу состоятъ почти исключительно въ приготовленіи кое-какихъ лакомствъ, для перенесенія ихъ въ извѣстныя комнаты. Къ этимъ занятіямъ она возвращается каждое утро, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Къ полудню ея корзинка наполняется вафлями, бисквитами, сухарями и пирожками самаго утонченнаго свойства; сверхъ того, въ особомъ узелкѣ, на оберточной бумагѣ, бережно и симметрически укладываются: жареная курица, бычачій языкъ, порція холоднаго поросенка, порція телятины, и такъ далѣе. И все это миссъ Токсъ, нахлобученная черной шляпой, благовременно относитъ въ тотъ развалившійся домъ, откуда разбѣжались крысы. Здѣсь она сидитъ до поздняго вечера и бесѣдуетъ съ розо-цвѣтною Полли, раздѣляя съ нею всѣ свои блага. Она вздрагиваетъ при каждомъ звукѣ и отпрядываетъ въ темный уголъ какъ уличенная преступница. Ея единственное желаніе — сохранить до гроба вѣрность падшему предмету своего удивленія. И не знаетъ этого мистеръ Домби, — никто не знаетъ, кромѣ одной, бѣдной и простой женщины.

Майоръ однакожь знаетъ, но отъ этого не легче никому, хотя ему собственно гораздо веселѣе. Майоръ, въ припадкѣ любопытства, поручилъ туземцу заглядывать въ опустѣлый домъ и провѣдывать, что станется съ этимъ Домби. Когда туземецъ представилъ донесеніе насчетъ вѣрности миссъ Токсъ, старичина Джой чуть не задохся отъ пронзительнаго хохоту. Съ этого часу онъ синѣетъ больше и больше, вытаращиваетъ свои раковые глаза все шире и шире и постоянно свищетъ самому себѣ:

— Сударь мой, да эта женщина просто идіотка отъ природы!

Чтó же дѣлаетъ самъ раззоренный капиталистъ? Какъ проводитъ онъ свои одинокіе часы?

«Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы!» Онъ припомнилъ, и тяжело отъ этого стало на его душѣ, гораздо тяжелѣ, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ ударовъ рока.

«Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы! Проливной дождь крупными каплями падалъ на кровлю, вѣтеръ дико завывалъ вокругъ пустыннаго дома, — дурные признаки! «Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы!»

Онъ припомнилъ это. Одинокій въ своей комнатѣ, добыча страшныхъ призраковъ разстроеннаго воображенія, на разсвѣтѣ тревожнаго утра, въ бѣдственный полдень, въ томный вечеръ, въ тоскливые сумерки и въ проклятую глухую полночь, чреватую духами ада, видѣніями тартара, — онъ думалъ объ этомъ всегда и вездѣ; онъ припомнилъ это съ угрызеніемъ, печалью, отчаяніемъ, съ томительнымъ страданіемъ гордаго ума, изнуреннаго всѣми ужасами предсмертной пытки!

«Папà! папà! поговори со мною, милый папà!» Онъ опять услышалъ эти слова и опять увидѣлъ это страдальческое лицо. Вотъ, вотъ она, эта отверженная дочь, на колѣняхъ передъ нимъ, съ растрепанными волосами, съ трепещущими руками, съ замирающимъ сердцемъ: онъ видитъ ее, и ясно, слишкомъ ясно слышитъ, какъ вырывается изъ ея груди болѣзненный, протяжный, постепенно-замирающій крикъ страшнаго отчаянія!

Онъ палъ, однажды навсегда, и никакая сила не поставитъ его на ноги. Для бурной ночи его рокового паденія въ мірѣ не было и не могло быть отраднаго солнечнаго утра; для позорнаго пятна его семейнаго стыда не было впереди никакого очищенія, и ничто, благодареніе небу, не воззоветъ къ жизни его умершаго сына. Отчаяніе впереди и на пройденныхъ слѣдахъ прошедшей жизни! А между тѣмъ въ свое время такъ легко было измѣнить это прошедшее, такъ легко, и отрадно было бы водворить благословеніе въ себѣ и вокругъ себя, — и не было бы теперь этой горькой отравы можетъ быть послѣднихъ часовъ злоупотребленной.... да, слишкомъ злоупотребленной жизни! Вотъ о чемъ думаетъ мистеръ Домби! Вотъ чтó теперь и грызетъ, и рветъ, и терзаетъ его сердце!

О да, о да! Онъ припомнилъ это! Проливной дождь, падавшій въ ту пору крупными каплями на кровлю, буйный вѣтеръ, который тогда дико завывалъ вокругъ всего пустыннаго дома, — были точно зловѣщими предзнаменованіями, и теперь они сбылись! Часъ пробилъ, и знаетъ мистеръ Домби, зачѣмъ. Часъ пробилъ, и знаетъ мистеръ Домби, что онъ самъ накликалъ его на свою голову. Часъ пробилъ, и знаетъ онъ, собственнымъ опытомъ знаетъ, что̀ значитъ быть покинутымъ и отверженнымъ. Было время, онъ самъ, по собственной злой волѣ, изсушилъ одинъ за другимъ всѣ любящіе цвѣты въ невинномъ сердцѣ отринутаго дѣтища, — и вотъ они падаютъ теперь горячимъ пепломъ на его голову, поникшую и низкую, голову, притиснутую къ самой землѣ не столько роковымъ ударомъ судьбы, сколько собственнымъ съумазбродствомъ.

Онъ думалъ о ней, какою она была въ тотъ вечеръ, когда онъ и его новобрачная воротились домой. Онъ думалъ о ней, какою она была при всѣхъ событіяхъ и перемѣнахъ въ покинутомъ домѣ. И онъ видѣлъ — теперь только видѣлъ — что изъ всѣхъ окружающихъ лицъ только она одна никогда не измѣнялась. Его сынъ исчахъ и сталъ прахомъ, его гордая жена погрязла въ безстыдствѣ, его льстецъ и другъ превратился въ пресмыкающагося червя — какимъ впрочемъ онъ всегда былъ; его богатство взлетѣло на воздухъ, самыя стѣны, которыя еще даютъ ему пріютъ, приняли новыя и странныя формы: она одна, теперь какъ и всегда, обращала на него свой кроткій и нѣжный взоръ. Да, одна она до послѣдней минуты, и послѣдняя изъ всѣхъ. Она никогда не перемѣнялась къ нему, точно также какъ и онъ — увы! — никогда не перемѣнялся къ ней. И нѣтъ ея теперь!

И когда всѣ эти образы прошедшей жизни — умершій младенецъ, погибшая жена, подлый другъ, исчезнувшее богатство — постепенно одинъ за другимъ проносились передъ его напряженнымъ воображеньемъ, — какъ яснѣлъ и постепенно прочищался густой слой тумана, тяготѣвшаго надъ его душою! Въ какомъ чистомъ и яркомъ свѣтѣ видѣлъ онъ теперь это невинное созданье, полное безпредѣльной любви и готовое ради его на всякія жертвы! О, почему бы ему не любить ея такъ, какъ любилъ онъ своего сына! И почему бы — о Боже мой! — по-

чему бы ему не потерять ихъ вдругъ и не положить вмѣстѣ въ одной и той же ранней могилѣ!

Свѣтъ бѣжалъ отъ него, и гордый старикъ — онъ все еще былъ гордъ — махнулъ на него рукой безъ ненависти и презрѣнья. Не имѣлъ онъ нужды ни въ сожалѣніяхъ людей, ни тѣмъ больше въ равнодушіи ихъ: въ томъ и другомъ случаѣ онъ самъ бѣжалъ отъ свѣта, гдѣ не было приличной для него роли. Никто бы не могъ сочувствовать ему или быть товарищемъ его несчастья, — никто кромѣ единственной особы, которую онъ самъ же удалилъ отъ себя. Какъ и о чемъ бы онъ сталъ съ нею разсуждать въ эту тяжкую годину нищеты или какъ бы она стала его утѣшать, онъ не зналъ, онъ не старался знать; но въ томъ былъ онъ убѣжденъ, что ея вѣрность и любовь не могли утратить живительной силы. Убѣжденъ былъ мистеръ Домби, что теперь-то именно, больше чѣмъ когда-либо, она любила бы его всѣми способностями всей души: это было въ ея натурѣ, и видѣлъ мистеръ Домби натуру своей дочери также ясно, какъ видѣлъ небо надъ своею головой. И онъ сидѣлъ, и мыслилъ, и гадалъ, по днямъ и по ночамъ, и съ каждымъ часомъ просвѣтлялось тусклое око его души.

Этотъ переворотъ, сначала тихій, медленный и едва замѣтный, началъ возникать въ немъ еще съ той поры, какъ онъ получилъ письмо отъ ея молодого супруга, и увѣрился, что больше нѣтъ ея въ доступныхъ для него предѣлахъ. И между тѣмъ онъ былъ еще такъ гордъ на развалинахъ своей финансовой славы, что если бы онъ заслышалъ ея голосъ въ смежной комнатѣ, онъ не вышелъ бы къ ней навстрѣчу. Если бы онъ увидѣлъ ее на улицѣ и подмѣтилъ ея взоръ, только одинъ взоръ, исполненный однакожъ безпредѣльной любви, онъ прошелъ бы мимо нея съ своимъ холоднымъ, неприступнымъ лицомъ, и ни за что — по-крайней-мѣрѣ первый — не рѣшился бы заговорить, хотя бы послѣ его сердце надорвалось отъ печали. Но какъ ни были сначала бурны его мысли, какъ ни страшенъ былъ его гнѣвъ по поводу ея замужства, — теперь все кончилось, все прошло, и онъ даже пересталъ негодовать противъ ея супруга. Онъ думалъ исключительно о томъ, что̀ могло быть, и чего однакожъ не было вслѣдствіе злоупотребленной жизни. Страшная дѣйствительность заключалась въ одномъ: мистеръ Домби рвется отчаяніемъ и тоскуетъ объ отверженной дочери.

И онъ чувствовалъ теперь, что въ этомъ домѣ родились два его младенца, и что между нимъ и этими голыми стѣнами была связь, печальная, но слишкомъ трудная для разрыва, такъ-какъ она скрѣплялась двойнымъ дѣтствомъ и двойною потерей. Онъ зналъ, что ему должно отсюда итти, хотя неизвѣстно куда. Онъ думалъ оставить этотъ домъ вечеромъ того дня, когда это чувство впервые протѣснилось въ его грудь; но онъ рѣшился еще провести здѣсь ночь, и послѣдній разъ, во мракѣ глухой полночи, обойти всѣ эти опустѣлые покои.

Ударилъ часъ полночный, и мистеръ Домби, со свѣчою въ рукахъ, выступаетъ изъ своей кельи. Лѣстницы затоптаны, грязны, и милліоны человѣческихъ слѣдовъ переплетаются одинъ съ другимъ какъ на обыкновенной улицѣ. Пусто и тихо. Нѣтъ въ раззоренномъ домѣ этихъ рыночныхъ гостей, этихъ опустошителей чужихъ сокровищъ, но мистеръ Домби еще видитъ ихъ и слышитъ чуткимъ ухомъ, какъ они толкутся, жмутся, кричатъ и давятъ одинъ другого словно на грязномъ толкучемъ рынкѣ, доступномъ для жадной и голодной черни, — слышитъ все это мистеръ Домби и не можетъ понять, какъ онъ перенесъ эту злую, насмѣшку судьбы, онъ, который еще такъ недавно былъ недоступенъ ни для кого въ своемъ раззолоченномъ чертогѣ! Удивительно, непостижимо! А гдѣ же, въ какомъ углу міра, носится теперь легкая поступь невиннаго созданья, которое тоже въ бывалое время ходило взадъ и впередъ по этой парадной лѣстницѣ? — Мистеръ Домби идетъ впередъ, — идетъ и плачетъ.

Но вотъ онъ почти видитъ эту легкую поступь дѣтской ноги. Онъ останавливается, обращаетъ взоръ на потолочное окно, — и вотъ она, вотъ эта дѣтская фигура съ его младенпемъ на рукахъ, котораго несетъ она наверхъ, услаждая свой и его путь колыбельною пѣснью. Еще мгновенье, — и опять таже фигура, но уже одна, съ болѣзненнымъ лицомъ, съ растрепанными волосами, съ отчаяніемъ въ заплаканныхъ глазахъ: тихо и нерѣшительно взбирается она, среди ночного мрака, на крутую лѣстницу, оглядываясь назадъ въ тщетной надеждѣ уловить сострадательный взоръ отца! Впередъ, мистеръ Домби!

И долго блуждалъ онъ по этимъ комнатамъ, которыя еще недавно были такъ роскошны, а теперь и наги, и печальны, и пусты. Все перемѣнилось, думаетъ онъ, даже объемъ и фигура

его чертога. Здѣсь какъ и тамъ, вездѣ и вездѣ, слѣды человѣческихъ ногъ, вездѣ и вездѣ сумятица и давка, которую еще слишкомъ ясно слышитъ мистеръ Домби своимъ чуткимъ ухомъ. Впередъ, мистеръ Домби!

Но теперь онъ началъ серьёзно бояться за свой мозгъ, и кажется ему, что между его мыслями потеряна всякая связь, какъ и между этими безчисленными слѣдами, что онъ путается больше и больше въ лабиринтѣ фантастическихъ видѣній, что онъ, однимъ словомъ, сходитъ съ ума. Ничего, мистеръ Домби, впередъ и впередъ!

Онъ не зналъ — даже этого не зналъ — въ какихъ комнатахъ она жила, когда проводила здѣсь свое одинокое дѣтство. Онъ поднялся выше однимъ этажомъ. Въ одно мгновенье тысячи разнородныхъ воспоминаній зароились въ его отуманенной головѣ, но онъ оторвалъ свой умственный взоръ и отъ измѣнницы — жены, и отъ фальшивыхъ друзей, — отъ всего оторвалъ, чтобы видѣть и слышать только своихъ двухъ дѣтей. Впередъ, мистеръ Домби!

Онъ поднялся на верхній этажъ. Здѣсь, какъ и тамъ, вездѣ и вездѣ безчисленные слѣды человѣческихъ ногъ. Варвары не пощадили даже старой комнаты, гдѣ стояла маленькая постель, и онъ едва отыскалъ чистое мѣсто, чтобы броситься на полъ подлѣ стѣны. И онъ бросился, бѣдный, несчастный мистеръ Домби, и слезы рѣкою полились изъ его глазъ. Немудрено. Бывало и прежде время, когда онъ, пожимая плечами и склонивъ на грудь опущенный подбородокъ, приходилъ въ эту же комнатку въ глухой полночный часъ и проливалъ горькія слезы. Тогда, какъ и теперь, онъ бросался на голыя доски, удрученный лютою тоскою. Тогда гордый человѣкъ стыдился за свою слабость, и помилуй Богъ, если бы кто-либо изъ смертныхъ провѣдалъ, что доступны до него человѣческія чувства! А теперь? Плачь теперь, гордый человѣкъ, вдоволь плачь, ибо никто не видитъ и не слышитъ твоихъ рыданій! И онъ плакалъ, и стеналъ, и ужасны были эти слезы и стенанія гордаго человѣка, злоупотребившаго своею жизнью! Назадъ, мистеръ Домби!

Съ наступленіемъ дня онъ удалился на свою половину. Онъ думалъ сегодня оставить этотъ домъ, но, разъ забравшись въ свои комнаты, не имѣлъ силъ оторваться отъ могучей цѣпи, которою былъ прикованъ къ этимъ стѣнамъ. Онъ отлагалъ намѣ-

реніе до-завтра. Наступало завтра, и онъ опять отлагалъ свое намѣреніе до другого дня. Каждую ночь, невѣдомо ни для одной человѣческой души, онъ выбирался изъ своей засады и блуждалъ какъ привидѣніе по опустѣлому дому. На разсвѣтѣ каждаго дня онъ останавливался съ своимъ блѣднымъ лицомъ подлѣ завѣшаннаго окошка и думалъ о своихъ дѣтяхъ. Уже теперь не одно только дитя занимало его. Онъ соединялъ ихъ въ своихъ мысляхъ, и они никогда не являлись порознь передъ его умственнымъ взоромъ. О, почему онъ не могъ соединить ихъ въ своей прошедшей любви? Почему онъ не могъ похоронить ихъ разомъ въ одной и той же ранней могилѣ!

Сильное умственное раздраженіе было для него не новостью даже передъ этими послѣдними страданіями. Крѣпкія упрямыя натуры могутъ слишкомъ долго бороться противъ всякихъ искушеній; но какъ-скоро разъ подорванъ фундаментъ, зданіе можетъ рухнуть въ одну минуту. Организмъ мистера Домби былъ такой же развалиной, какъ и его домъ.

Наконецъ онъ началъ думать, что ему нѣтъ никакой надобности итти. Онъ можетъ оставить за собой, что̀ пощажено его кредиторами, — они пощадили бы больше, если бы онъ самъ этого хотѣлъ. Нѣтъ, разорвать связь между нимъ и этимъ опустошеннымъ домомъ – тоже, что̀ разорвать и другое послѣднее звено....

Онъ принимался ходить взадъ и впередъ, и тяжолая походка слишкомъ ясно была слышна въ послѣдней комнатѣ ключницы, но слышна какъ страшная поступь выходца съ того свѣта. Такъ по-крайней-мѣрѣ казалось мистриссъ Ричардсъ.

Свѣтъ былъ очень занятъ и слишкомъ безпокоился о немъ. На биржѣ перешептываются, смѣются, клевещутъ, сплетничаютъ. Всѣ и каждый болтаютъ о немъ всевозможныя небылицы. Все это приходитъ въ голову мистера Домби, и онъ измученъ до крайности. Предметы начинаютъ темнѣть въ его глазахъ. Все тускло и сѣро. Нѣтъ болѣе Домби и сына, нѣтъ дѣтей. Объ этомъ должно подумать хорошенько — завтра.

И онъ думалъ объ этомъ завтра. Неподвижный въ своемъ креслѣ, онъ время отъ времени заглядывалъ въ зеркало, и страшная картина высовывалась на него изъ этого стекла.

Это была фигура блѣдная, изможденная, страшное подобіе его самого, фигура дикая, съ полу-ясною мечтою, съ полу-сон-

нымъ бредомъ. То поднимаетъ она свою голову, разсматривая линіи и впадины на своемъ лицѣ,—то опускаетъ ее опять, и снова бредитъ. Фигура поднимается, встаетъ, шагаетъ, проходитъ въ смежную комнату и возвращается опять, положивъ на грудь какую-то вещь съ уборнаго стола. Теперь она угрюмо смотритъ на полъ по направленію къ дверямъ и думаетъ.

— Чтó, если?... Уфъ!

Если бы, думаетъ она, потекла по этой дорогѣ кровь, дальше и дальше, здѣсь и въ коридорѣ, — уфъ! — какъ долго она бы текла! Вотъ тутъ была бы лужа, тамъ струя, а тамъ опять маленькая лужа, и бѣдный раненый человѣкъ умиралъ или былъ бы трупомъ, если бы отыскали его по этому слѣду. Долго объ этомъ думала она и, вдругъ поднявшись съ своего мѣста, начала вышагивать взадъ и впередъ, не отнимая отъ груди своей руки. Мистеръ Домби взглянулъ на нее еще разъ и подмѣтилъ, что рука ея терялась.

Теперь она думала опять! О чемъ она думала!

Вотъ она опять усѣлась на прежнее мѣсто и потонула въ бездонномъ омутѣ тусклой мысли. Въ комнатѣ сверкнулъ лучь, солнечный лучь. Фигура не замѣтила его. Вдругъ она вскочила опять съ ужаснымъ лицомъ. Въ это мгновенье раздался крикъ — дикій, громкій, пронзительный, любящій, восторженный крикъ — рука остановилась, и мистеръ Домби увидѣлъ у своихъ колѣнъ собственную дочь!

— Да, это не призракъ, не мечта, не видѣнье, — это собственная дочь мистера Домби, на колѣняхъ передъ нимъ, съ умоляющимъ взоромъ! Она зоветъ его, липнетъ къ его рукамъ, колѣнямъ, рыдаетъ, плачетъ!

— Папà! милый папà! прости меня, пощади, помилуй меня! Я пришла просить на колѣняхъ твоего прощенья! Я никогда не могу быть счастливой безъ него!

Ни въ чемъ не измѣнилась. Одна она въ цѣломъ свѣтѣ не измѣнилась. Тоже лицо, тотъ же умоляющій взоръ, какъ въ давно минувшую, бѣдственную ночь. И еще на колѣняхъ передъ нимъ! и еще вымаливаетъ *его* прощенья!

— Папà, о милый папà! не смотри на меня такъ странно! Я никогда не хотѣла тебя оставить, и не думала объ этомъ, ни прежде, ни послѣ! Я слишкомъ была напугана тогда, и сама не знала, чтó дѣлаю. Папенька, я теперь совсѣмъ перемѣнилась!

Взгляни на меня: видишь, я раскаяваюсь! Я знаю свою вину! Я теперь лучше понимаю свои обязанности! О папенька, не отринь меня, или я умру у твоихъ ногъ!

Онъ задрожалъ и зашатался на своихъ креслахъ. Онъ чувствовалъ, какъ ея руки обвились вокругъ его шеи, какъ ея лицо прильнуло къ его лицу, какъ ея мокрая щека прижималась къ его впалой щекѣ; онъ чувствовалъ, о, какъ глубоко онъ почувствовалъ....

И на сердцѣ, едва не сокрушонномъ, лежало теперь дикое лицо мистера Домби. Флоренса рыдала.

— Папенька, милый папенька, я уже мать. Мой ребенокъ скоро будетъ звать Вальтера именемъ, которымъ я тебя зову. Когда онъ родился, когда въ моей груди забилось материнское чувство, я поняла, милый папà, чтó я сдѣлала, оставляя тебя. О, прости меня ради всего, чтó есть святого на землѣ! Скажи, милый папà, что ты благословляешь меня и моего младенца!

И онъ сказалъ бы это, если бы могъ; но уста его онѣмѣли, языкъ не шевелился. Онъ самъ поднялъ руки съ умоляющимъ видомъ, и крупныя слезы на его глазахъ яснѣе солнца говорили, чего хочетъ старый отецъ-сирота!

— Мой ребенокъ родился на морѣ, папà. Я и Вальтеръ молились Богу, чтобы Онъ пощадилъ насъ, и чтобы я могла воротиться домой. Лишь только мы вышли на берегъ, я бросилась къ вамъ. Теперь мы больше не разстанемся, милый папà, никогда не разстанемся, никогда!

Его голова, теперь сѣдая, опуталась ея рукой.

— Ты пойдешь къ намъ, милый папà, и взглянешь на моего ребенка. Мальчикъ, папá. Зовутъ Павломъ. Я думаю.... я надѣюсь.... онъ похожъ....

Рыданія заглушили ея голосъ.

— Милый папà, ради моего младенца, ради имени, которое мы ему дали, ради меня самой, прости Вальтера! Онъ такъ добръ, такъ нѣженъ ко мнѣ. Я такъ счастлива съ нимъ. Это не онъ, а я виновата, что мы обвѣнчались. Я такъ любила его!

Она прижалась къ нему плотнѣе, и ея голосъ былъ теперь проникнутъ торжественною важностію.

— Онъ любимецъ моего сердца, милый папà. Я готова умереть за него. Онъ будетъ любить и почитать тебя также, какъ и я.

Мы оба станемъ учить нашего малютку любить и уважать тебя; и какъ скоро онъ будетъ понимать, мы скажемъ ему, что былъ у тебя сынъ, котораго также звали Павломъ, что онъ умеръ, и ты слишкомъ горевалъ о его смерти. Мы объяснимъ, что онъ теперь на небѣ, гдѣ всѣ мы надѣемся его увидѣть, когда наступитъ наша общая череда. Поцалуй меня, папенька, въ доказательство, что ты помиришься съ Вальтеромъ, съ моимъ обожаемымъ супругомъ, съ отцомъ моего малютки. Вѣдь это онъ присовѣтовалъ мнѣ воротиться къ тебѣ, онъ, милый папа!

И когда она еще плотнѣе прижалась къ нему, онъ поцаловалъ ее въ губы и, поднявъ свои глаза, сказалъ:

— Прости меня, великій Боже! О, я слишкомъ, слишкомъ нуждаюсь въ твоей благодати!

Съ этими словами онъ опять опустилъ свою голову, и рыдалъ, и стеналъ, и ласкалъ свою обрѣтенную дочь, и неслышно было во всемъ домѣ ни малѣйшаго звука долгое, долгое время. Они были заключены въ объятіяхъ другъ друга, и солнечный лучь озарялъ ихъ своимъ благодатнымъ свѣтомъ.

Онъ одѣлся на-скорую-руку и машинально поплелся впередъ за своею путеводительницею, оглядываясь съ невольнымъ трепетомъ на комнату, въ которой такъ долго былъ онъ запертъ, и гдѣ въ послѣднее время наблюдалъ онъ въ зеркальномъ стеклѣ страшную фигуру. Они вышли въ коридоръ. Не останавливаясь и не оглядываясь, изъ опасенія пробудить непріятныя воспоминанія, Флоренса прильнула къ своему отцу, впилась глазами въ его лицо, обхватила рукою его шею и поспѣшно вышла съ нимъ на улицу, гдѣ у подъѣзда дожидалась ихъ наемная карета.

Тогда миссъ Токсъ и Полли вышли изъ своей засады и предались необузданному восторгу. За тѣмъ онѣ принялись съ большимъ стараніемъ укладывать его книги, платья, бумаги и такъ далѣе, и все это въ тотъ же вечеръ по принадлежности отправили къ Флоренсѣ, которая прислала нарочнаго за вещами своего отца. За тѣмъ обѣ дамы въ послѣдній разъ усѣлись за чайный столикъ въ опустѣломъ домѣ.

— Вотъ оно и вышло по моему. Неисповѣдимы судьбы твои, Господи! воскликнула миссъ Токсъ: — кто бы могъ подумать, что отъ Домби и Сына останется только дочь!

— И прекрасная дочь! воскликнула Полли.

— Справедливо, совершенно справедливо. Ты подружилась съ ней еще тогда, какъ она была ребенкомъ, и это дѣлаетъ тебѣ честь, любезная Полли. Иначе впрочемъ и не могло быть, потому-что ты предобрѣйшая женщина. Робинъ!

Воззваніе относилось къ огромно-головому молодому человѣку, который сидѣлъ забившись въ отдаленный уголъ, принимая повидимому довольно серьёзное участіе въ судьбахъ дѣйствующихъ лицъ. Было ясно, что онъ не въ духѣ и о чемъ-то горевалъ. Когда онъ выступилъ впередъ, передъ дамами во всей красотѣ явился Благотворительный Точильщикъ.

— Робинъ, сказала миссъ Токсъ: — я вотъ говорю, что мать-то твоя предобрѣйшая женщина. Слышалъ ты это?

— Слышалъ, сударыня, покорно васъ благодарю. Вы говорите правду истинную.

— Очень хорошо, Робинъ, продолжала миссъ Токсъ: — я рада отъ тебя слышать эти вещи. Вотъ ты теперь, мой милый, будешь въ моемъ домѣ, и я съ охотой принимаю твои услуги для того единственно, чтобы пріучить тебя къ почтительности и разсудительности. Надѣюсь, Робинъ, ты будешь помнить, что у тебя есть и была всегда предобрѣйшая мать, и поэтому ты станешь вести себя такъ, чтобы служить ей утѣшеніемъ и отрадой: такъ ли?

— Такъ, сударыня, ей-Богу: вы угадали мои собственныя мысли. Я, что называется, прошелъ сквозь огонь и воду, и если какой-нибудь парнюга....

— Стой, Робинъ! Никогда не произноси этого слова: замѣни его чѣмъ-нибудь другимъ.

— Покорно благодарю, сударыня. Я говорю, если какой-нибудь мальчуганъ....

— Погоди, Робинъ, и это нехорошо. Говори: индивидуумъ.

— Индивидуй, сударыня?

— Ну, да, это гораздо лучше. Читаешь ты книги, Робинъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

— Напрасно, мой другъ. Тебѣ надо пріучаться къ хорошему и благородному разговору, такъ-какъ ты, я вижу, малый смышленый; а въ благородныхъ книгахъ, при порядочномъ разговорѣ, всегда употребляется слово: индивидуумъ. Замѣть это хорошенько.

— Слушаю, сударыня. Такъ я говорю: если какой инди....

— .... видуумъ, подсказала миссъ Токсъ.

— .... видуй натерпѣлся разныхъ непріятностей и бѣдъ, такъ ужь это конечно я, Робинъ Тудель. Я состоялъ въ услуженіи у человѣка, который употреблялъ меня для всякой всячины, и теперь я вижу, что эта всякая всячина основывалась на самомъ низкомъ пронырствѣ. Притомъ меня и прежде еще испортили разные индивидуи, съ которыми я гонялъ голубей. Однимъ словомъ, сударыня, общество у меня всегда было дурное.

— Тѣмъ больше ты долженъ благодарить Бога, что теперь попадаешь въ хорошее общество, замѣтила миссъ Токсъ.

— Я и благодарю, сударыня. Исправляться никогда не поздно, и я съ своей стороны употреблю всѣ силы, чтобы, при вашемъ содѣйствіи, сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Надѣюсь, въ скоромъ времени, и матушка, и батюшка, и братцы, и сестрицы увидятъ, какъ я ихъ люблю и душевно почитаю.

— Хорошо, мой другъ, хорошо. Очень рада отъ тебя слышать это. Теперь покушай немного хлѣбца съ масломъ и выпей съ нами чашечку чайку.

— Покорно благодарю, сударыня, отвѣчалъ Точильщикъ—и тотчасъ же принялся убирать съѣстные и питейные припасы съ завиднымъ аппетитомъ индивидуума, который нѣсколько дней состоялъ на самой строгой діэтѣ.

Когда миссъ Токсъ нахлобучилась черной шляпкой и окуталась шалью, Робинъ обнялъ свою добрѣйшую мать и отправился за своею новой госпожой, къ неизъяснимому удовольствію Полли, у которой въ эту минуту завертѣлись и запрыгали въ глазахъ вдругъ нѣсколько индивидуевъ, представлявшихъ ея заблудшаго и обрѣтеннаго сына. За тѣмъ Полли загасила свѣчу, заперла наружную дверь, передала дворнику ключь и скорыми шагами отправилась домой, восхищаясь заранѣе при мысли, какой чудный эффектъ произведетъ ея неожиданный приходъ въ обители машиниста желѣзной дороги.

И опустѣлый чертогъ мистера Домби, нѣмой и глухой ко всѣмъ страданіямъ и перемѣнамъ, которыя въ немъ происходили, стоялъ теперь на скучной улицѣ подобно нахмуренному гиганту, и на челѣ его выставлялась грозная надпись: «сей домъ продается и внаймы отдается.»

ГЛАВА LX.

СУДЬБА — ВЕРЕВКА.

Около этого времени, благополучно и по всѣмъ классическимъ формамъ, совершилось великое полу-годичное торжество, которое, по обычной синтетической методѣ, устроили въ своемъ заведеніи докторъ Блимберъ и мистриссъ Блимберъ. Молодые люди, имѣвшіе счастіе получать образованіе подъ ихъ просвѣщеннымъ руководствомъ, благовременно, какъ и слѣдуетъ, получили литографированные билетики съ покорнѣйшею просьбой пожаловать въ такой-то день на вечерній балъ, который, по обыкновенію, откроется кадрилью въ половинѣ восьмого часу по полудни. За тѣмъ всѣ джентльмены, переполненные схоластическою мудростію, должны были разъѣзжаться по домамъ, чинно и важно, не обнаруживая никакихъ слѣдовъ буйнаго веселья, свойственнаго невоспитанной черни. Мистеръ Скеттльзъ, регулярно каждый годъ отправлялся на каникулы за-границу, чтобы придавать новую красу заведенію своего достопочтеннаго родителя сэра Барнета Скеттльза, который этимъ временемъ пріобрѣлъ дипломатическое назначеніе при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ, къ великому наслажденію своихъ степенныхъ земляковъ и даже землячекъ. бывшихъ въ необыкновенномъ восторгѣ отъ популярности сэра Барнета и супруги его леди Скеттльзъ. Мистеръ Тозеръ, молодой джентльменъ, статный и дородный, былъ теперь до того переполненъ классическою мудростію, что могъ, при случаѣ, не заикаясь пересчитать всѣ древнѣйшія, среднія и новѣйшія изданія Цицерона и Сенеки съ варіянтами и аппендиксами, и ужь само собою разумѣется, имѣлъ о современной Европѣ вообще и объ Англіи вособенности такія же познанія, какъ природный римлянинъ временъ Траяна и Веспасіана. Мистеръ Тозеръ имѣлъ похвальное обыкновеніе каждую фразу скрѣплять классической цитатой изъ любимаго писателя, и трудно было бы передать наивный восторгъ его сердобольныхъ родителей, не слышавшихъ подъ собою земли, когда ученый юноша лелеялъ барабанчики ихъ ушей полновѣсными гексамет-

рами и ямбическими виршами самой звучной и темной натуры. Точно также нельзя изобразить тлѣннымъ перомъ тоскливой грусти батюшки и матушки бѣднаго мистера Бриггса, котораго познанія походили на дорожный багажъ, уложенный такою неискусною рукою, что при случаѣ нельзя было въ немъ доискаться самой необходимой вещи. Вообще этотъ джентльменъ немного полакомился древомъ классическаго знанія, и плоды, имъ собранные, были горьки и кислы. Господинъ Байтерстонъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень счастливъ, и, если сказать правду, едва ли не счастливѣе самого мистера Бриггса: положенный подъ прессъ классическаго станка, онъ, съ необыкновенной быстротою, выдавливалъ изъ своего мозгу самыя благовонныя испаренія, которыя однакожь съ такою же быстротою исчезали невозвратно, какъ скоро переставалъ на него дѣйствовать форсированный аппаратъ. Теперь господинъ Байтерстонъ ѣхалъ въ Бенгалію, и можно было держать пари какое угодно, что морской воздухъ совершенно освѣжитъ его голову, и онъ, еще не доѣзжая до мѣста, рѣшительно забудетъ, что есть на свѣтѣ вещь, которую зовутъ латинской граматикой.

— Милостивые государи, наши лекціи имѣютъ теперь начаться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ двадцать пятаго числа.

Эти слова докторъ Блимберъ провозгласилъ утромъ того счастливаго дня, который долженъ былъ окончиться классическимъ баломъ. На этомъ однакожь, сверхъ всякаго чаянія, докторъ Блимберъ не остановился. Бросивъ на собраніе самодовольный классическій взоръ, онъ продолжалъ такимъ образомъ:

— Милостивые государи, почтенный другъ нашъ Цинциннатъ, по достославномъ окончаніи военныхъ и гражданскихъ подвиговъ на службѣ отечеству, удалился изъ сената на свою скромную мызу съ тѣмъ, чтобы въ спокойствіи и мирѣ наслаждаться сельскими занятіями. Это вы знаете, милостивые государи. Равномѣрно вамъ не безъизвѣстно, что Цинциннатъ, изъ среды гражданъ, не представилъ сенату ни одного римлянина, котораго онъ счелъ бы нужнымъ удостоить титуломъ своего преемника. Но вотъ, милостивые государи, вотъ благородный римлянинъ, говорилъ докторъ Блимберъ, возложивъ руку на плечо господина Фидера, магистра всѣхъ искусствъ: — *adolescens imprimis gravis et doctus*, мужъ нарочито важный и ученый. Милостивые государи, будущія ваши занятія, какъ я сказалъ,

начнутся въ слѣдующемъ мѣсяцѣ двадцать пятаго числа, подъ наблюденіемъ господина Фидера, магистра всѣхъ искусствъ.

Эта рѣчь вообще принята была съ глубоко обдуманнымъ классическимъ восторгомъ, и докторъ Блимберъ, объяснившій напередъ свои распоряженія родителямъ благородныхъ питомцевъ, наслаждался эстетически и раціоналистически въ эту счастливую минуту своей жизни. Мистеръ Тозеръ представилъ доктору отъ лица всѣхъ массивную серебряную чернилицу, и это представленіе мистеръ Тозеръ сопровождалъ удивителвно витіеватою рѣчью, въ которой находилось пятнадцать цитатъ латинскихъ, и семь греческихъ, съ весьма незначительною порціею англійскаго текста. Такая необычайная ученость президента возбудила во всѣхъ другихъ джентльменахъ очень непріятное чувство зависти и досады, и они основательно дѣлали по этому поводу замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: — «о! а! видишь, какой выскочка этотъ старый Тозеръ! Изволилъ отличаться на наши денежки! Развѣ мы для него собирали подписку-то? Кто его просилъ сочинять эту рѣчь? Такъ нѣтъ, пойду, дескать, на отличку. Какъ-будто чернилица-то *его!* Покупай пожалуй на свои деньги, и говори хоть двадцать рѣчей. О! а!» — Множество и другихъ подобныхъ упрековъ сыпалось на краснорѣчиваго витію, и должно согласиться, всѣ эти упреки были сколько справедливы, столько же и остроумны.

Ни словами, ни намеками молодые джентльмены не были извѣщены о чемъ-нибудь въ родѣ того, что въ скоромъ времени имѣетъ совершиться бракосочетаніе господина Фидера, магистра всѣхъ искусствъ, съ прекрасною Корнеліею Блимберъ, единственною дщерію доктора всѣхъ наукъ. Докторъ Блимберъ не преминулъ бы притти въ необычайное изумленіе, если бы какой дерзновенный заикнулся передъ нимъ объ этой матеріи. За всѣмъ тѣмъ молодые джентльмены постигали въ совершенствѣ настоящую субстанцію этого вульгарно-хозяйственнаго пункта, и потому, передъ отъѣздомъ къ своимъ роднымъ, они свидѣтельствовали мистеру Фидеру глубочайшее почтеніе и преданность.

Итакъ, романтическія грезы мистера Фидера, во славу Юпитера и Аполлона, готовы были осуществиться на самомъ дѣлѣ. Достопочтенный содержатель классическаго заведенія рѣшился сдать свои дѣла и вмѣстѣ съ дѣлами сдать прекрасную миссъ

Корнелію Блимберъ, перестроивъ заново домъ и выкрасивъ его новой классической краской. Перестройка началась въ самый день отъѣзда молодыхъ джентльменовъ, и вотъ наступило наконецъ вѣнчальное утро, — и се! лѣпообразная Корнелія, въ новыхъ синихъ очкахъ, готовится итти яко горлица изъ отчаго дома и шествовать съ подобающимъ тріумфомъ къ алтарю гименея.

Докторъ Блимберъ съ своими учеными ногами, и мистриссъ Блимберъ въ сиреневой шляпкѣ, и мистеръ Фидеръ, магистръ искусствъ, съ своими длинными щиколками и щетинистыми волосами, и братъ мистера Фидера, Альфредъ Фидеръ, баккалавръ теологіи и философіи, готовившій совершить бракосочетаніе, собрались въ гостиную и пребывали въ благоговѣйномъ самосозерцаніи. Черезъ нѣсколько минутъ величественно вошла Корнелія, очаровательная какъ всегда, увѣнчанная померанцовыми цвѣтами и окруженная своими подругами. Торжественная тишина и классическое спокойствіе. Но вдругъ дверь отворилась, и подслѣповатый малый громкимъ гласомъ возопилъ:

— Мистеръ и мистриссъ Тутсъ!

Немедленно за этой прокламаціей вошелъ мистеръ Тутсъ, значительно пополнѣвшій и потолстѣвшій, и подъ руку съ нимъ черноокая леди, очень недурная и весьма прилично одѣтая.

— Мистриссъ Блимберъ, сказалъ мистеръ Тутсъ: — позвольте мнѣ представить мою жену.

Мистриссъ Блимберъ была очень рада принять супругу господина Тутса. Мистриссъ Блимберъ не отличалась большою снисходительностію, но была очень добра.

— И такъ-какъ вы меня знаете издавна, говорилъ мистеръ Тутсъ: — то ужь за одно, позвольте васъ увѣрить, что моя супруга презамѣчательнѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ женщинъ.

— Милый! возразила мистриссъ Тутсъ.

— То есть, я вамъ скажу, что это именно такъ, продолжалъ мистеръ Тутсъ: — увѣряю васъ, мистриссъ Блимберъ, она, что̀ называется, самая экстраординарная женщина.

Мистриссъ Тутсъ засмѣялась отъ полноты души, и мистриссъ Блимберъ подвела ее къ Корнеліи, которая въ эту же минуту не замедлила получить достодолжные комплименты отъ мистера Тутса. Между тѣмъ докторъ Блимберъ повторялъ:

— Браво, Тутсъ, браво! Вотъ и вы поклонникъ гименея и достойный гражданинъ. Браво!

Раскланявшись такимъ образомъ съ незабвеннымъ начальникомъ, мистеръ Тутсъ поспѣшилъ къ магистру Фидеру, стоявшему въ углубленіи окна. Магистръ Фидеръ, парившій отъ восторга на седьмомъ небѣ, залился прегромкимъ смѣхомъ.

— Вотъ оно какъ, старый буршъ! говорилъ мистеръ Фидеръ: — вотъ какъ! Всѣ мы забрались на эмпиреи вмѣсто Олимпа, не такъ ли?

— Фидеръ, возразилъ Тутсъ: — поздравляю тебя! Если ты также блаженъ и счастливъ на порогѣ къ супружеской жизни, какъ я, то тебѣ нечего больше желать.

— Я, вотъ видишь, не забываю *своихъ* старыхъ друзей, сказалъ мистеръ Фидеръ. — Я ихъ приглашаю на *свою* сватьбу. Вотъ что̀, любезный Тутсъ!

— Фидеръ, любезный другъ, сказалъ Тутсъ: - было много обстоятельствъ, которыя мѣшали мнѣ вступать съ тобою въ сношенія до окончанія моей сватьбы. Наша сватьба происходила почти втихомолку: не было никого, кромѣ общаго нашего друга, который служитъ капитаномъ въ пол... я, право не знаю, въ какомъ полку, да это, разумѣется все равно. Послѣ сватьбы, я и мистриссъ Тутсъ, какъ и водится, ѣздили за-границу, и передъ этой поѣздкой я писалъ къ тебѣ обо всемъ, что̀ случилось. Этого, говорю себѣ, довольно для моихъ пріятелей, и добрый Фидеръ не обидится.

— Любезный Тутсъ, другъ ты мой сердечный, я вѣдь только пошутилъ, сказалъ мистеръ Фидеръ, пожимая его руки.

— Фидеръ, я желалъ бы знать, что̀ ты думаешь насчетъ моей женитьбы.

— Исполать тебѣ, Тутсъ! подцѣпилъ на-славу!

— Спасибо, Фидеръ, да еще вѣдь вотъ какая исторія: тебѣ никогда не узнать, что̀ это за экстраординарная дама.

Мистеръ Фидеръ изъявилъ желаніе освѣдомиться поподробнѣе, но мистеръ Тутсъ отрицательно кивнулъ головой.

— Короче, мой другъ, сказалъ мистеръ Тутсъ: — какъ ты полагаешь, что̀ мнѣ особенно было нужно въ моей женѣ?

Мистеръ Фидеръ недоумѣвалъ.

— Деньги у меня есть, продолжалъ Тутсъ: — не такъ ли?

— Денегъ у тебя куры не клюютъ, пояснилъ мистеръ Фидеръ.

— Ладно, пріятель, ладно. Ну, а насчетъ мозгу-то какія у тебя понятія? То есть, я хочу знать: есть ли у меня мозгъ?

— Вдоволь и мозгу, отвѣчалъ мистеръ Фидеръ.

— Ну, оно можетъ и вдоволь, да только проку-то въ немъ нѣтъ. Ума-то, видишь ты, не хватаетъ въ немъ малую-толику. Короче сказать, подъ этимъ черепомъ слишкомъ мало здраваго смыслу, любезный другъ, заключилъ мистеръ Тутсъ, ударивъ себя по лбу.

— Вотъ и неправда, пріятель. Ты всегда отличался здравымъ смысломъ: въ этомъ я готовъ увѣрять всѣхъ.

— Полно, Фидеръ, ни слова больше. Я себя отлично понимаю и всегда готовъ признаться, что голова моя таки-довольно пуста. Ну, а зато моя жена... то есть, я тебѣ скажу, преобширнѣйшая палата ума и здраваго смыслу, продолжалъ мистеръ Тутсъ, протягивая руку къ своей супругѣ. — Родственниковъ у меня, ты знаешь, нѣтъ никакихъ, и стало быть ни съ чьей стороны я не встрѣтилъ препятствій. Совѣтоваться ни съ кѣмъ я не хотѣлъ. Можно было пожалуй поговорить объ этомъ съ моимъ старымъ опекуномъ, но ты знаешь, Фидеръ, вѣдь опекунъ-то этотъ хуже корсара: стало быть нечего было и спрашиваться его.

— Конечно, конечно, подтвердилъ мистеръ Фидеръ.

— И выходитъ, любезный, что я дѣйствовалъ по собственной своей волѣ. То есть, я тебѣ скажу, я не могу нарадоваться, что никто въ ту пору не перекосилъ моей дороги. Послушай, Фидеръ, только я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ могу судить о необыкновенныхъ способностяхъ своей жены. Если когда-нибудь англійскія женщины вздумаютъ вступиться за свои права, то ужъ наше почтеніе, безъ моей жены имъ ничего не сдѣлать, тогда-какъ съ ея могучимъ и крѣпкимъ умомъ онѣ сломаютъ хоть кого. — Сусанна, не надсажайся, моя милая! круто заключилъ мистеръ Тутсъ, выставляясь изъ-за гардинъ.

— Ничего, мой другъ, я только разговариваю, отвѣчала мистриссъ Тутсъ.

— Но тебѣ надобно остерегаться, мой ангелъ, сказалъ мистеръ Тутсъ. — Къ чему ты такъ надсаживаешься? Она, видите ли, ужасно горяча, говорилъ Тутсъ, обращаясь къ мистриссъ

Блимберъ: — и какъ скоро одушевится, медицинскіе совѣты ей ни по чемъ.

Мистриссъ Блимберъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, распространилась насчетъ необходимости буквально выполнять предписанія врачей, но въ эту минуту мистеръ Фидеръ, магистръ искусствъ, подалъ ей руку и привелъ ее къ длинному ряду каретъ, готовыхъ ѣхать къ церкви. Докторъ Блимберъ провожалъ мистриссъ Тутсъ. Мистеръ Тутсъ провожалъ прекрасную невѣсту, вокругъ которой порхали какъ мотыльки двѣ газовыя дѣвушки, ея вѣнчальныя подруги. Братъ мистера Фидера, Альфредъ Фидеръ, баккалавръ теологіи и философіи, отправился немного прежде, чтобы приготовиться заранѣе къ совершенію священнослуженія.

Все, слава Богу, окончилось благополучно, и торжество сопровождалось отмѣннымъ великолѣпіемъ. Корнелія, въ своихъ синихъ очкахъ и маленькихъ кудряхъ, выступила чинно и важно какъ юная пава, и докторъ Блимберъ вручилъ ее какъ человѣкъ, заранѣе совершенно обдумавшій всѣ стороны великаго дѣла. Газовыя дѣвушки волновались повидимому больше всѣхъ. Мистриссъ Блимберъ тоже была растрогана, но весьма немного. При выходѣ изъ церкви, мистриссъ Блимберъ замѣтила Альфреду Фидеру, что теперь ей остается только познакомиться и поговорить съ Маркомъ Тулліемъ Цицерономъ въ его прелестномъ Тускуланумѣ, и она спокойно закроетъ глаза, ибо тогда свершатся всѣ желанія ея счастливой жизни.

За тѣмъ для немногихъ гостей былъ завтракъ, великолѣпный, классическій завтракъ. Мистеръ Фидеръ, магистръ искусствъ, былъ чрезвычайно изворотливъ и веселъ, и его остроуміе до такой степени подѣйствовало на впечатлительную душу мистриссъ Тутсъ, что почтенный ея супругъ не разъ принужденъ былъ дѣлать черезъ столъ энергическія замѣчанія: — Сусанна, дружокъ мой, не надсажайся, сдѣлай милость! — При окончаніи стола, мистеръ Тутсъ, несмотря на телеграфическіе сигналы своей супруги, счелъ съ своей стороны неизбѣжно необходимымъ произнести приличную рѣчь, которая могла бы достойнымъ образомъ завершить великолѣпное торжество. Для этой цѣли, мистеръ Тутсъ первый разъ въ жизни поднялся на ноги и говорилъ такимъ образомъ:

«Прошло много лѣтъ, какъ въ этомъ домѣ удручались.... ничего, собственно говоря... я хотѣлъ кое-что замѣтить насчетъ умственной пытки, или, такъ сказать, ломанья головы; но это вздоръ, трынъ-трава.... я никого не обвиняю. Я былъ почти свой у Блимбера въ семействѣ и даже цѣлый годъ имѣлъ въ учебной комнатѣ свою собственную конторку, за которой упражнялся.... но это не идетъ къ настоящему дѣлу. Въ настоящій торжественный день другъ мой Фидеръ.... Фидеръ....

— Сочетался бракомъ, подсказала мистриссъ Тутсъ.

«При этомъ, милостивые государыни и государи, не лишнимъ считаю замѣтить, что моя жена самая экстраординарная изъ всѣхъ возможныхъ женщинъ, и если бы теперь на моемъ мѣстѣ говорила она, нѣтъ сомнѣнія, ея рѣчь, что́ называется... ну, разумѣется, вы понимаете, что она, точно также какъ и я, или, такъ сказать, я вмѣстѣ съ нею не могу допустить, чтобы другъ мой Фидеръ, сочетавшійся бракомъ.... бракомъ....

— Съ миссъ Блимберъ, подсказала мистриссъ Тутсъ.

— Нѣтъ, мой ангелъ, съ мистриссъ Фидеръ, возразилъ мистеръ Тутсъ, дѣлая коротенькое отступленіе въ пользу своей супруги.—Итакъ, милостивые государыни и государи, моя мысль собственно та, что: «ихъ же соедини....

— Богъ соединилъ, поправила Сусанна.

— Вотъ это такъ, душенька, совершенно такъ. — «Ихъ же Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ.» Слѣдовательно, въ настоящую минуту, я никакъ не могу допустить, чтобы другъ мой Фидеръ, сочетавшійся законнымъ бракомъ съ мистриссъ Фидеръ, не позволилъ мнѣ.... что́ называется... предложить тосты за ихъ здоровье. Итакъ, заключилъ мистеръ Тутсъ, устремивъ глаза на свою супругу, какъ бы надѣясь вдохновиться ея взоромъ: — да горитъ факелъ гименея подобно радостному маяку, и да будутъ цвѣты, разсыпанные нами сегодня на ихъ торжественной стезѣ, да будутъ, говорю, сіи цвѣты, разрушителями и.... и.... и, что́ называется, сокрушителями мрака!

Докторъ Блимберъ, отличный знатокъ метафоръ и фигуръ, удостоилъ милостивымъ одобреніемъ витіеватую рѣчь своего бывшаго питомца, и потирая руками, сказалъ:

— Очень хорошо, Тутсъ! Право, Тутсъ, очень хорошо!

За тѣмъ мистеръ Фидеръ произнесъ въ отвѣтъ комическую рѣчь, проникнутую весьма замѣчательнымъ юморомъ. Господинъ Альфредъ Фидеръ, баккалавръ теологіи и философіи, благоволилъ изъявить въ приличномъ тонѣ душевный восторгъ по поводу вожделеннаго родства съ почтенной фамиліей Блимберъ. За тѣмъ докторъ Блимберъ, звучнымъ голосомъ, изложилъ нѣсколько афоризмовъ и сентенцій въ легкомъ пастушескомъ стилѣ, относительно камышей, цвѣтовъ и пчелъ, которыми отнынѣ онъ и его супруга будутъ окружены въ своей сельской, пастушеской хижинѣ. Вскорѣ послѣ того глаза у доктора Блимбера запрыгали весьма замѣчательнымъ образомъ. Скромная мистриссъ Блимберъ поспѣшила распустить собраніе, и немедленно, куда слѣдуетъ, отправила въ каретѣ свою дочку съ другомъ ея сердца.

Мистеръ и мистриссъ Тутсъ удалились въ Бедфордъ, гдѣ мистриссъ Тутсъ проживала въ бывалое время подъ своимъ старымъ дѣвичьимъ именемъ Сусанны Ниппѳръ Выжиги. Здѣсь подали имъ письмо, которое мистеръ Тутсъ читалъ, вертѣлъ, перечитывалъ и перевертывалъ до того, что его супруга рѣшительно испугалась.

— Сусанна, дружокъ мой, сказалъ мистеръ Тутсъ: —испугъ еще гораздо хуже надсады. Успокойся, сдѣлай милость.

— Отъ кого письмо? спросила мистриссъ Тутсъ.

— Отъ капитана Куттля, мой ангелъ. Пожалуйста не горячись. Лейтенанта Вальтерова и миссъ Домби ожидаютъ съ часу-на-часъ.

— О нѣтъ, мой милый, не старайся меня обмануть, съ живостію возразила мистриссъ Тутсъ, быстро вскочивъ съ своего мѣста. — Вижу по твоимъ глазамъ, что они уже пріѣхали: не такъ ли?

— Поди вотъ и проведи ее! воскликнулъ мистеръ Тутсъ въ порывѣ глубочайшаго изумленія. — Ты угадала, мой ангелъ: они ужь въ Лондонѣ. Миссъ Домби видѣлась съ отцомъ, и они помирились.

— Помирились! вскричала Сусанна, хлопая руками.

— Сусанна, другъ ты мой милый, сдѣлай милость, не надсажайся. Развѣ забыла, что̀ говорилъ докторъ? Капитанъ Гильсъ пишетъ.... то есть, онъ этого прямо не говоритъ, но я догадываюсь.... что миссъ Домби перевезла своего отца изъ стараго

дому на квартиру, гдѣ они живутъ съ лейтенантомъ Вальтеровымъ. Мистеръ Домби ужасно боленъ, чуть ли не при смерти, и миссъ Домби не отходитъ отъ его постели.

Мистриссъ Тутсъ заплакала навзрыдъ.

— Сусанна, радость моя, припомни, сдѣлай милость, что говорилъ докторъ. Ну, если не можешь припомнить, такъ и быть, это ничего, да все-таки плакать-то ненужно.

Мистриссъ Тутсъ оправилась быстро, и еще быстрѣе подскочила къ своему супругу, заклиная его всѣмъ священнымъ отправить ее немедленно къ ея безцѣнной горлинкѣ, ненаглядной милой барышнѣ, къ ея сизой голубушкѣ, и такъ далѣе. Мистеръ Тутсъ былъ далеко не такой человѣкъ, чтобы оставаться хладнокровнымъ къ этимъ энергическимъ проявленіямъ женственнаго сердца. Немедленно они согласились ѣхать вмѣстѣ и представитъ собственныя особы въ отвѣтъ на капитанское письмо.

Теперь, по неисповѣдимымъ судьбамъ всесильнаго рока, оказалось такъ, что въ этотъ чреватый событіями день самъ капитанъ Куттль принималъ весьма дѣятельное участіе въ одномъ сватебномъ поѣздѣ, гдѣ былъ онъ дополнительнымъ, впрочемъ довольно важнымъ, дѣйствующимъ лицомъ. Это произошло совершенно случайнымъ образомъ, вотъ какъ:

Повидавшись съ Флоренсой и взглянувъ съ неизреченнымъ наслажденіемъ на ея ребенка, капитанъ Куттль, послѣ продолжительныхъ разговоровъ и совѣщаній съ Вальтеромъ Гэемъ, вышелъ погулять, — не ради чего другого прочаго, а единственно для того, чтобы предаться на свободѣ уединенному размышленію относительно коловратности человѣческихъ дѣяній, и обсудить съ возвышенной точки зрѣнія паденіе мистера Домби, къ которому онъ чувствовалъ теперь живѣйшее влеченіе. Капитанъ вышагивалъ медленно, съ разстановкой и понуривъ лощеную шляпу, но какъ-скоро передъ умственнымъ его взоромъ являлся младенецъ Флоренсы, въ одно мгновенье онъ весь съ головы до ногъ проникался самымъ эксцентрическимъ восторгомъ, смѣялся на всю улицу и высоко бросалъ надъ головой свою лощеную шляпу, къ назиданію любопытныхъ пѣшеходовъ, которые останавливались невольно, чтобы полюбоваться, съ какою ловкостію помѣшанный чудакъ ловитъ на воздухѣ свой головной снарядъ. Быстрыя перемѣны свѣта и тѣни, которымъ подвергали капи-

тана эти два противорѣчащіе предмета глубокой думы, чрезвычайно расшевелили жизненную его дѣятельность, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже выступалъ самымъ скорымъ шагомъ, увѣренный, что вотъ теперь-то именно ему надобно погулять да погулять. Увлекаемый всесильнымъ вліяніемъ рока, капитанъ Куттль, самъ не зная какъ, выбралъ сценой этой прогулки свой старый кварталъ, куда, внизъ по теченію Темзы, и направились его шаги мимо корабельныхъ мачтъ, веселъ, блоковъ, смоляныхъ бочекъ, доковъ, каналовъ, висячихъ мостовъ и такъ далѣе, все по направленію къ корабельной площади.

Всѣ эти завлекательные предметы, со включеніемъ каланчей и пожарныхъ трубъ, имѣли на капитана такое успокоительное дѣйствіе, что онъ мало-по-малу пришелъ совершенно въ нормальное состояніе и уже затянулъ, для препровожденія времени, отрывокъ изъ баллады «О любовныхъ похожденіяхъ Пегги», какъ вдругъ, при поворотѣ за уголъ, онъ, совершенно неожиданно, наткнулся на тріумфальную процессію, которая шла прямо на него. Капитанъ обомлѣлъ.

Въ главѣ процессіи... да, да, капитанъ не ошибался... была безпардонная мистриссъ Макъ Стингеръ, и на челѣ мистриссъ Макъ Стингеръ явственными знаками была вычеканена самая неумолимая рѣшимость. На ея лонѣ возлежали массивные серебряные часы, принадлежащіе — можете вообразить! — командиру Бенсби, и ея выя была украшена длинною-предлинною бронзовою цѣпью. Эту даму велъ подъ руку никто другой, какъ самъ Бенсби, командиръ Осторожной Клары, и лицо этого мудреца — можете представить! — было проникнуто совершеннымъ отчаяніемъ, какъ-будто онъ попался къ дикимъ на неизвѣстный островъ, и его то-и-гляди изжарятъ на мелкомъ огнѣ. За ними веселымъ хоромъ выступали маленькіе Макъ-Стингеры, прискакивая и припрыгивая отъ полноты душевнаго восторга. За ними двѣ страшныя леди, угрюмыя и чорствыя, вели подъ руку коротенькаго джентльмена въ высокой шляпѣ. Процессію заключалъ вертлявый юнга съ корабля Бенсби съ двумя огромными зонтиками подъ мышкой. Все, казалось, было устроено по обдуманному плану, и одинъ взглядъ на разфранченную компанію, независимо отъ безпардонной неустрашимости дамъ, достаточно убѣдилъ капитана Куттля, что это была процессія роко-

вая, убійственная, и что обреченной жертвой былъ не иной кто, какъ самъ командиръ Осторожной Клары.

Первымъ побужденіемъ капитана было — бѣжать со всѣхъ ногъ и безъ оглядки. Это же, казалось, было первымъ побужденіемъ и Бенсби; но вдругъ компанія огласила воздухъ радостнымъ крикомъ нечаяннаго свиданья, и Александръ Макъ-Стингеръ подбѣжалъ къ капитану съ отверстыми объятіями. Капитанъ Куттль приросъ къ землѣ.

— Вѣдь вотъ подумаешь, человѣкъ съ человѣкомъ, не то что гора съ горой, всегда какъ-нибудь да столкнутся, начала мистриссъ Макъ-Стингеръ. — Здравствуйте, капитанъ! Все ли вы живете-можете? Я ужь на васъ давно не сержусь, *кептенъ* Куттль, и право нечего вамъ меня робѣть. Я иду къ Божію алтарю, и надѣюсь, вы поймете, въ эту минуту я простила всѣмъ своимъ лиходѣямъ. — Мой *упругъ*, *кептенъ* Куттль! заключила мистриссъ Макъ-Стингеръ, указывая на обреченную жертву.

Безталанный Бенсби не смотрѣлъ ни направо, ни налѣво, ни на невѣсту, ни на друга, но его отчаянное око устремлено было въ безпредѣльный горизонтъ и не останавливалось ни на какомъ предметѣ въ особенности. Когда капитанъ протянулъ руку, Бенсби машинально протянулъ и свою, но ни слова не сказалъ въ отвѣтъ на дружеское привѣтствіе капитана Куттля.

— Если вы, также какъ и я, отложили вашу закоснѣлую вражду, сказала мистриссъ Макъ-Стингеръ: — и хотите при такомъ торжественномъ случаѣ быть полезнымъ вашему единственному другу, то мы, *кептенъ* Куттль, готовы съ удовольствіемъ причислить васъ къ нашему обществу. Идите съ нами въ часовню. Вотъ эта леди, рекомендую, моя свадебная подруга, и она съ удовольствіемъ принимаетъ покровительство капитана Куттля, заключила мистриссъ Макъ Стингеръ, указывая на одну изъ храбрыхъ дамъ.

Коротенькій джентльменъ въ высокой шляпѣ, бывшій по видимому супругомъ другой леди, очевидно пришелъ въ восторгъ отъ неожиданнаго присоединенія новаго сочлена и поспѣшилъ передать ему свою даму. Облапивъ капитана Куттля, неустрашимая леди замѣтила, что времени терять не должно, и скомандовала, чтобы процессія подвигалась впередъ.

Капитанъ сначала струсилъ собственно за свою неприкосновенную личность, подозрѣвая злой умыселъ женить его самого

на мистриссъ Макъ-Стингеръ; но, какъ разсудительный человѣкъ, онъ благовременно припомнилъ, что въ этихъ случаяхъ рѣшается судьба человѣка утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ пастора: — «Согласенъ ли» и такъ далѣе, и потому въ критическихъ обстоятельствахъ онъ заранѣе рѣшился отвѣчать безъ околичностей: — «Не хочу.» Мало-по-малу это подозрѣніе, какъ ни на чемъ не основанное, совершенно исчезло, и добрый капитанъ уже исключительно боялся за командира Осторожной Клары, — до того боялся, что холодный потъ началъ пробиваться крупными каплями съ его чела, и онъ нѣкоторое время былъ рѣшительно неспособенъ внимать бойкимъ рѣчамъ своей прекрасной дамы. Успокоившись нѣсколько отъ душевной тревоги, капитанъ узналъ, что его леди — вдова нѣкоего мистера Бокума, служившаго при таможнѣ, — что она, мистриссъ Бокумъ, — закадышная пріятельница мистриссъ Макъ-Стингеръ, которую любитъ и уважаетъ, какъ совершеннѣйшую представительницу прекраснаго пола; далѣе, что она частенько слыхала о капитанѣ Куттлѣ, и надѣется, что теперь почтенный капитанъ Куттль, безъ сомнѣнія, оставилъ свою прежнюю одинокую жизнь; далѣе, что мистеръ Бенсби удостоивается теперь небеснаго благословенія, которое впрочемъ онъ едва ли оцѣнитъ надлежащимъ манеромъ, такъ-какъ мужчины вообще народъ вѣтренный, и прочая, и прочая.

Капитанъ Куттль очень явственно замѣтилъ, что мистриссъ Бокумъ во все это время не спускала глазъ съ жениха, и всякой разъ, какъ свадебное общество проходило черезъ какой-нибудь сквозной дворъ или узкой переулокъ, представлявшій благопріятные случаи къ побѣгу, она вытягивалась во весь ростъ и ускоряла шаги, изъявляя очевидную готовность въ случаѣ надобности задержать дезертера на-первыхъ-порахъ. Другая леди, также какъ ея супругъ, коротенькій джентльменъ въ высокой шляпѣ, держали съ своей стороны ухо востро и слѣдовали по пятамъ обреченной жертвы; притомъ, сама мистриссъ Макъ-Стингеръ до того завладѣла командиромъ Осторожной Клары, что всякая мысль о спасеніи посредствомъ бѣгства становилась рѣшительно невозможною. Всѣ эти штуки были очевидны даже для праздношатающихся уличныхъ зѣвакъ, и они очень весело и вовсе недвусмысленно подтрунивали надъ храброй невѣстой, сопровождая весь кортежъ крикомъ и гвалтомъ. Мистриссъ

Макъ-Стингеръ была убійственно равнодушна ко всему, а женихъ ея утратилъ повидимому всякое сознаніе.

Капитанъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ передать философу свои мысли односложными звуками и сигналами, но безъ всякаго успѣха, такъ-какъ подвижная гвардія слѣдила за каждымъ движеньемъ. Да и трудно въ какое бы то ни было время пробудить вниманіе командира Осторожной Клары, ибо онъ не имѣлъ привычки всматриваться въ ближайшіе предметы. Такимъ образомъ они благополучно прибыли въ часовню, помѣщенную въ довольно опрятномъ зданіи, которое недавно нанялъ достопочтенный Мельхиседекъ Гоулеръ, жаркій представитель секты рентеровъ.

Между тѣмъ какъ достопочтенный Мельхиседекъ, ломаясь и кривляясь на каѳедрѣ, импровизировалъ учоное слово, соотвѣтствующее важности случая, капитанъ Куттль воспользовался удобнымъ случаемъ присосѣдиться къ самому уху командира Осторожной Клары.

— Дружище, сказалъ онъ: — какъ идутъ дѣла?

— Предурно! отвѣчалъ мистеръ Бенсби, совершенно забывши о присутствіи достопочтеннаго Мельхиседека, чтó натурально могло быть извинено только отчаяннымъ положеніемъ, въ какомъ онъ находился.

— Ванька Бенсби, шепталъ капитанъ: — по своей ли ты волѣ на этомъ мѣстѣ?

— Мистеръ Бенсби отвѣчалъ: — Нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ же ты причалилъ сюда, другъ ты мой, Ванька Бенсби? спросилъ капитанъ неестественнымъ голосомъ.

Бенсби, теперь какъ и всегда, смотрѣвшій съ неподвижнымъ лицомъ на противоположный конецъ міра, не далъ никакого отвѣта.

— Отчалимъ, любезный! сказалъ капитанъ.

— Э?

— Отчалимъ, говорю я.

— Чтó толку? возразилъ удрученный мудрецъ. — Она меня настигнетъ у самыхъ полюсовъ.

— Ну да попытайся, любезный другъ. Ободрись, и маршъ налѣво кругомъ. Еще есть время. — Ну же, ну! Отчаливай, Ванька Бенсби!

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться благимъ совѣтомъ, Бенсби пробормоталъ болѣзненнымъ шопотомъ:

— Все это началось отъ твоего проклятаго сундука: помнишь?

— Эхъ, окаянная баба! Подцѣпить человѣка съ твоими мнѣніями!

Мистеръ Бенсби испустилъ подавленный вздохъ.

— Ну же, любезный! говорилъ капитанъ, толкая его локтемъ. — Пора! отчаливай живѣй, а я прикрою тебя сзади. Время летитъ. Бенсби, утекай! Вѣдь дѣло объ избавленіи, другъ ты мой милый! Ну, хочешь — разъ!

Бенсби оставался неподвиженъ.

— Да слушай же команды, Ванька Бенсби! Ну, — вотъ тебѣ два!

Бенсби не шевелился.

— Ванька, объ избавленіи идетъ дѣло! Слушай, — вотъ тебѣ три! Ну, ну, утекай! Теперь или никогда!

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ обстоятельствъ этой церемоніи для капитана Куттля было необыкновенное участіе, которое принимала въ ней миссъ Юліана Макъ-Стингеръ, вылитый портретикъ своей матушки. Она повидимому сосредоточила всѣ свои способности на томъ, что̀ совершалось передъ ея глазами, и капитанъ, съ замираніемъ сердца, видѣлъ въ ней плодовитый зародышъ безконечныхъ западней и ловушекъ, которыя современемъ, въ продолженіи цѣлыхъ поколѣній, будутъ на корабельной площади разставлены для честныхъ моряковъ, лишонныхъ всякой способности защищать свою личность противъ сухопутнаго коварства. Зрѣлище поразительное и даже экстраординарное въ своемъ родѣ, ибо миссъ Юліана Макъ-Стингеръ затмѣвала собой и мистриссъ Бокумъ съ ея желѣзной волей, и коротенькаго джентльмена съ его высокой шляпой, и даже самое Макъ-Стингеръ съ ея отчаянной и свирѣпой непреклонностію. Маленькіе Макъ-Стингеры весьма немного смыслили въ этихъ дѣлахъ, и главнѣйшимъ ихъ увеселеніемъ, въ продолженіи церемоніи, было — путешествовать по ногамъ джентльменовъ; но зато тѣмъ поразительнѣе выставлялся контрастъ этихъ невинныхъ малютокъ съ миссъ Юліаной, воплощавшей въ себѣ будущую безпардонную даму съ всѣми ея принадлежностями. Какихъ-нибудь два, три года, думалъ

капитанъ, и горе несчастному, который вздумаетъ пріютиться подъ одною кровлею съ этой дѣвицей.

Церемонія заключилась шумнымъ ликованіемъ юныхъ птенцовъ благопріобрѣтенной фамиліи мистера Бенсби, которые всѣ бросились на шею къ милому папашѣ и просили у него деньжонокъ на бонбошки. Когда кончились эти изліянія нѣжнѣйшихъ, трогательныхъ чувствъ, процессія готова была выступить изъ церкви, но вдругъ, на нѣкоторое время, пріостановилъ ее неожиданный восторгъ со стороны Александра Макъ-Стингера. Этотъ милый птенецъ, взглянувъ на могильные памятники подлѣ часовни, ни съ того, ни съ сего забралъ себѣ въ голову, что его маменьку хотятъ будто зарыть въ свѣжей могилѣ, и она съ нимъ распрощается навсегда. На этомъ законномъ основаніи онъ завизжалъ съ изумительною силой, и его младенческое личико даже почернѣло отъ надрыва. Но какъ ни были трогательны эти умилительные знаки сыновней любви, маменька его была отнюдь не такая дама, чтобы позволить въ своемъ присутствіи терпѣть подобную слабость. Послѣ безполезныхъ попытокъ образумить малютку подзатыльниками и щелчками, она выволокла его на свѣжій воздухъ, поставила на мостовую, и вскорѣ свадебная компанія имѣла удовольствіе слышать громкіе апплодисманы, которые раздавались по спинѣ и плечамъ юнаго Александра.

Когда все пришло въ стройный порядокъ, процессія, съ приличнымъ торжествомъ, двинулась опять на корабельную площадь, при громкихъ свисткахъ и рукоплесканіяхъ праздно-шатающихся зѣвакъ, которые, скидывая шляпы, униженно кланялись мистеру Бонсби и поздравляли его съ благополучнымъ пріобрѣтеніемъ красавицы. Капитанъ проводилъ компанію до дверей девятаго нумера, но дальше итти не хотѣлъ, несмотря на великолѣпный пиръ, который былъ приготовленъ для счастливыхъ гостей. Во-первыхъ, мистриссъ Бокумъ, свободная теперь отъ исполненія своей трудной обязанности — плѣнникъ натурально вырваться не могъ — обратила все свое вниманіе на капитана и засыпала его отчаянными любезностями; а во-вторыхъ, честный капитанъ слишкомъ мучился угрызеніями совѣсти при мысли, что онъ самъ нѣкоторымъ образомъ завелъ своего пріятеля въ эту западню, хотя конечно ему никакъ не могло притти въ голову, чтобы мудрый Бенсби, совершеннѣйшій зна-

токъ человѣческой натуры, допустилъ такимъ образомъ свернуть свою шею. Поэтому капитанъ Куттль, не входя въ брачный домъ, учтиво раскланялся съ своей дамой и отправился назадъ, обѣщавшись впрочемъ воротиться опять не позже какъ часа черезъ два.

Капитанъ усталъ, растерялся, былъ взволнованъ, но ему однакожь ничего не стоило въ этотъ же день завернуть на часокъ къ мистеру Домби, хотя квартира этого джентльмена была теперь за городомъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ лондонскихъ предмѣстій. Туда онъ и направилъ свои шаги, не заходя даже къ старику Соломону въ предѣлы деревяннаго мичмана.

Сторы были опущены, и въ домѣ такая тишина, что капитанъ сначала не рѣшался постучаться въ дверь; но скоро почти надъ самымъ его ухомъ раздались голоса, и когда онъ постучался, мистеръ Тутсъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Тутсъ и его супруга были уже здѣсь. Они заѣзжали напередъ къ маленькому мичману, и тотъ сообщилъ имъ подробный адресъ.

Тотчасъ же по прибытіи въ этотъ домъ, мистриссъ Тутсъ схватила на руки чьего-то ребенка, усѣлась съ нимъ на лѣстничной ступени и принялась его лелѣять, цаловать, миловать и няньчить съ необыкновеннымъ, истинно материнскимъ восторгомъ. Флоренса была тутъ же съ потупленною головою, и трудно было сказать, кто былъ милѣе для мистриссъ Тутсъ, мать или ребенокъ, или кто изъ нихъ былъ нѣжнѣе, Флоренса къ мистриссъ Тутсъ или мистриссъ Тутсъ къ Флоренсѣ, или обѣ онѣ къ невинному младенцу. Маленькая группа любви и сердечныхъ изліяній, достойная художнической кисти.

— Папенька вашъ очень боленъ, душечка миссъ Флой? спросила Сусанна.

— Очень, очень боленъ, сказала Флоренса. — Сусанна, другъ мой, пожалуйста не называйте меня моимъ старымъ именемъ. А это что? воскликнула Флоренса, бросивъ изумленный взглядъ на ея костюмъ. — Старое платье, моя милая? старая шляпка, букли, все старое?

Сусанна залилась слезами, и засыпала поцалуями маленькую ручку своей безцѣнной, несравненной горлинки, миссъ Флой.

— Позвольте вамъ объяснить, въ чемъ дѣло, милая миссъ Домби, сказалъ мистеръ Тутсъ, выступая впередъ. — Моя же-

на, чтó называется, самая экстраординарная дама, и ужь я право не знаю, кто поверстается съ ней на эту стать. Еще прежде чѣмъ мы обвѣнчались, да и послѣ, она говорила тысячу разъ, что, когда бы вы ни воротились домой, она будетъ приходить къ вамъ не иначе, какъ въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ вы привыкли ее видѣть. Она, видите ли, боится, какъ бы вы не стали меньше ее любить, если она перемѣнитъ свой костюмъ. Да и то сказать, это платье къ ней отлично идетъ, и я ее обожаю въ немъ. Милая миссъ Домби, пусть она будетъ опять вашей горничной, нянькой, всѣмъ, чѣмъ была прежде, какъ будто въ ея жизни не случилось никакихъ перемѣнъ. Да только вотъ чтó, Сусанна, заключилъ мистеръ Тутсъ, говорившій съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ: — объ одномъ прошу тебя, мой ангелъ: помни, сдѣлай милость, докторскій совѣтъ, и не надсажайся слишкомъ много!

ГЛАВА LXI.

КУЗЕНЪ ФЕНИКСЪ.

Слишкомъ нуждалась въ посторонней помощи Флоренса Гэй, и присутствіе въ ея домѣ старой подруги было для нея безцѣнной отрадой. Ея отецъ былъ боленъ. Смерть стояла у его изголовья. Потрясенный страшными воспоминаніями прошедшей жизни, старикъ не выдержалъ разнородныхъ ощущеній и въ самый день пріѣзда въ домъ своей дочери слегъ въ постель. Съ этой поры мистеръ Домби не поднималъ головы, и съ этой же поры руки Флоренсы были постоянно къ его услугамъ.

Она всегда была съ нимъ, и онъ вообще ее зналъ, хотя нерѣдко, томимый бредомъ, смѣшивалъ обстоятельства, при которыхъ съ нею говорилъ. Такъ иной разъ казалось ему, будто его сынъ только-что умеръ, и онъ говорилъ, будто видѣлъ, какъ его маленькая дочь, не смыкая глазокъ, день и ночь покоила и лелеяла умирающаго ребенка. Видѣлъ это мистеръ Домби, и стоналъ, и плакалъ навзрыдъ, и прижималъ къ подушкѣ свою отчаянную голову. Иногда онъ къ ней самой обращался съ вопросомъ:

— Гдѣ Флоренса?

— Я здѣсь, папенька, здѣсь я.

— Я не знаю ея, вопилъ измученный старикъ. — Мы такъ давно разстались, что я не угадываю моего собственнаго дѣтища!

И Флоренсѣ стоило большихъ трудовъ успокоивать взволнованнаго старика, и осушать его слезы. Случалось, мистеръ Домби цѣлые часы бродилъ по сценамъ своихъ старыхъ занятій, и Флоренса въ такихъ случаяхъ обыкновенно теряла изъ виду нить его размышленій. Онъ повторялъ наивный вопросъ своего сына младенца: «что̀ такое деньги?» и размышлялъ и обдумывалъ, и разсуждалъ съ самимъ собою болѣе или менѣе связно, пріискивая основательный отвѣтъ, какъ-будто до той минуты никогда и никто не спрашивалъ его объ этой важной статьѣ. За тѣмъ, продолжая вдумываться, онъ двадцать тысячъ разъ повторялъ титулъ своей старой фирмы и при каждомъ разѣ повертывалъ на подушкѣ свою усталую голову. Случалось также, онъ считалъ своихъ дѣтей — разъ — два — стой; разъ — два — стой, и повторялъ эту прогрессію до безконечности.

Но все это происходило при особенно разсѣянномъ состояніи его духа. Во всѣхъ другихъ фазахъ своей болѣзни, онъ постоянно обращался къ Флоренсѣ, и вотъ что̀ всего чаще дѣлалъ мистеръ Домби: онъ припоминалъ ту ночь, когда Флоренса приходила въ его кабинетъ, воображалъ, что его сердце сокрушилось отъ тоски, что онъ пошелъ за нею слѣдомъ, и безполезно отыскиваетъ ее въ пустыхъ и раззоренныхъ комнатахъ огромнаго дома. Смѣшивая это время съ послѣдними днями своей дикой и отчужденной жизни, онъ дивился безчисленнымъ слѣдамъ человѣческихъ ногъ и старался между ними разглядѣть поступь своей дочери. Вдругъ мерещились ему въ зеркалахъ какія-то страшныя картины дикихъ людей съ орудіями смерти на груди. За тѣмъ виднѣлся слѣдъ Флоренсы. Вотъ она подходитъ ближе и ближе, и мистеръ Домби снова начинаетъ считать лужи, взбираясь наверхъ какой-то огромной башни съ безчисленными билліонами ступеней.

Однажды мистеръ Домби спросилъ, не слышалъ ли онъ на этихъ дняхъ голоса Сусанны.

— Да, папенька, Сусанна здѣсь. Угодно вамъ ее видѣть?

Мистеръ Домби отвѣчалъ, что очень угодно, и Сусанна, не безъ нѣкотораго страху, явилась у его постели.

Взглядъ на эту особу, казалось, доставилъ ему большое удовольствіе, и онъ просилъ ее не уходить.

— Прощаю тебя, мой другъ, за все и во всемъ, говорилъ мистеръ Домби, очевидно еще не знавшій блистательной перемѣны въ судьбѣ этой дѣвицы. Останься съ нами. Флоренса и я, ты видишь, совсѣмъ перемѣнились, и мы очень счастливы. Посмотри на насъ!

И говоря это, мистеръ Домби цѣловалъ маленькую головку, лежавшую на подушкѣ подлѣ него.

Такъ продолжалось нѣсколько недѣлъ. Мистеръ Домби представлялъ на своей постелѣ слабое подобіе человѣка, говорившаго такимъ тихимъ голосомъ, что его можно было разслышать не иначе, какъ прислонившись устами къ его губамъ. Мало-помалу онъ успокоился. Его очевидно начинало забавлять, что онъ лежитъ здѣсь подлѣ открытаго окна, смотритъ поутру на лѣтнее небо и деревья, любуется вечеромъ на захожденіе солнца и наблюдаетъ съ какою-то симпатіей тѣни облаковъ и листьевъ. Это въ самомъ дѣлѣ забавно: свѣтъ и жизнь никогда ему не представлялись съ этой точки зрѣнія, и было ясно, мистеръ Домби возрождается къ новому бытію.

Онъ началъ теперь показывать, что усталость Флоренсы его безпокоитъ, и часто, подозвавъ ее къ себѣ, говорилъ:

— Ступай, моя милая, отдохни, погуляй. Свѣжій воздухъ для тебя необходимъ. Ступай къ своему доброму мужу!

Однажды, когда Вальтеръ былъ въ его комнатѣ, онъ подозвалъ его къ себѣ и, крѣпко пожимая его руку, увѣрялъ, что можетъ умереть спокойно, такъ-какъ ему извѣстно, что Флоренса съ нимъ всегда будетъ счастлива.

Разъ вечеромъ, на закатѣ солнца, Флоренса и Вальтеръ сидѣли въ его комнатѣ, такъ-какъ онъ привыкъ ихъ видѣть вмѣстѣ. Флоренса няньчила своего ребенка и, убаюкивая его, запѣла ту самую пѣсню, которую такъ часто слышалъ отъ нея умершій братъ. Мистеръ Домби не выдержалъ: онъ протянулъ къ дочери трепещущую руку и просилъ перестать; но на другой и въ слѣдующіе дни онъ самъ просилъ ее повторять какъ можно чаще этотъ романсъ, и онъ вслушивался въ голосъ дочери, отворотивъ отъ нея свое лицо.

Флоренса сидѣла у окна съ своей рабочей корзинкой, между тѣмъ какъ Сусанна, ея неразлучная спутница, расположилась

противъ нея съ своимъ шитьемъ. Мистеръ Домби заснулъ. Былъ прекрасный лѣтній вечеръ, и еще два часа оставалось до сумерекъ. Флоренса задумалась. Ей пришли въ голову тѣ минуты, когда отецъ первый разъ представилъ ее своей прекрасной невѣстѣ. Въ комнату вошелъ Вальтеръ.

— Послушай, душенька, сказалъ онъ, слегка дотрогиваясь до ея плеча: — съ тобой хотятъ поговорить.

— Не случилось ли чего, мой другъ? спросила Флоренса, испуганная, какъ ей показалось, встревоженнымъ видомъ своего мужа.

— Нѣтъ, мой ангелъ, ничего! Пришелъ одинъ джентльменъ, и я говорилъ съ нимъ. Ничего не случилось. Хочешь къ нему выйти?

Флоренса встала и поспѣшила итти внизъ за своимъ мужемъ, оставивъ отца на попеченіе черноокой мистриссъ Тутсъ, обратившей въ эту минуту всѣ свои способности на иголку и наперстокъ. Въ гостиной нижняго этажа, обращенной окнами въ садъ, сидѣлъ какой-то джентльменъ, который, при видѣ Флоренсы, хотѣлъ итти къ ней навстрѣчу, но, задержанный нѣкоторыми принадлежностями своихъ ногъ, остановился подлѣ стола.

Флоренса припомнила кузена Феникса, котораго съ перваго разу не угадала въ тѣни листьевъ. Кузенъ Фениксъ взялъ ея руку и поздравлялъ съ благополучнымъ бракомъ.

— Я очень жалѣю, говорилъ кузенъ Фениксъ, усаживаясь на стулъ, между тѣмъ какъ Флоренса заняла свое мѣсто: — очень жалѣю, что прежде не удалось мнѣ къ вамъ явиться съ моими искренними поздравленіями; но въ нашей фамиліи, словомъ сказать, произошли такія непріятныя случайности, или, въ нѣкоторомъ родѣ, многочисленныя столкновенія, что я, какъ говорится, находился въ демонскомъ состояніи духа и потерялъ всякую способность посѣщать общества. Единственнымъ обществомъ во все это время была, такъ сказать, моя собственная личность, и вы понимаете, какъ должно быть огорчительно, въ нѣкоторомъ родѣ, замуравитъ себя въ опредѣленныхъ границахъ, тогда-какъ въ душѣ чувствуемъ этакую.... понимаете?... ну, словомъ сказать, безпредѣльность.

Флоренса понимала только то, что кузенъ Фениксъ имѣлъ очевидное намѣреніе сдѣлать ей болѣе важныя открытія, но ка-

кія именно, это скрывалось во мракѣ неизвѣстности. Безпокойный взглядъ Вальтера подтверждалъ ея догадку.

— Я имѣлъ честь упоминать другу моему мистеру Гэю, если только могу называть его этимъ именемъ, продолжалъ кузенъ Фениксъ: — что мнѣ, такъ сказать, неслыханно пріятно получить вѣсть насчетъ теперешнихъ обстоятельствъ друга моего Домби, который, вы понимаете, на дорогѣ къ выздоровленію. Я никакъ не думаю, чтобы другъ мой Домби опустилъ, въ нѣкоторомъ родѣ, крылья, по поводу этакой какой-нибудь, словомъ сказать, потери всего имѣнья. Самъ я не пробовалъ, или, правильнѣе, не испыталъ чего-нибудь въ родѣ такого радикальнаго раззоренья, такъ-какъ мое имѣнье никогда не простиралось до такихъ колоссальныхъ размѣровъ; но все же и я, въ своей жизни, потерялъ все, что́ могъ потерять, и при всемъ томъ, понимаете, никогда, по-крайней-мѣрѣ слишкомъ, не жаловался этакъ на какую-нибудь несправедливость судьбы, или, правильнѣе, слѣпого рока. Я знаю, другъ мой Домби почтенный джентльменъ, и конечно ему отрадно думать, что это, такъ сказать, всеобщее чувство. Даже Томми Скрьюзеръ, — мужичина удивительно жолчный: пріятель мой Гэй вѣроятно знакомъ съ нимъ, — ничего не можетъ сказать въ опроверженіе этого факта.

Флоренса чувствовала, больше чѣмъ когда-либо, что за этимъ длиннымъ вступленіемъ должно послѣдовать какое-нибудь важное открытіе. Ея взоры, лучше всякаго отвѣта, выразили живѣйшее нетерпѣнье. Кузенъ Фениксъ продолжалъ:

— Дѣло въ томъ, что другъ мой Гэй, точно также, какъ и я, разсуждали сейчасъ относительно исходатайствованія милости, которая, собственно и даже исключительно, находится въ вашихъ рукахъ, и я, что́ называется, радъ, что другъ мой Гэй согласился хлопотать за меня, — при чемъ мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что онъ удостоилъ меня совершеннѣйшей откровенности, за что́ я ему обязанъ. Не могу нарадоваться, что любезнѣйшая и совершеннѣйшая дочь пріятеля моего Домби имѣетъ чувствительную натуру, и конечно не потребуетъ съ моей стороны слишкомъ обширныхъ и подробныхъ разсужденій; но все-таки я очень счастливъ, что мое ходатайство будетъ опираться на вліяніи и одобреніи друга моего мистера Гэя. Это отчасти напоминаетъ мнѣ мое старое парламентское время, — шумное время, когда этакъ, знаете, не

проходило ни одного засѣданія, которое бы не имѣло чисто политическаго характера. Разсуждали въ ту пору, понимаете, о торговлѣ неграми, о Наполеонѣ и французахъ — шумное время! — и я, что̀ называется, принадлежалъ къ партіи самыхъ бойкихъ застрѣльщиковъ. Если бывало скажетъ кто, что его мнѣніе, какъ онъ надѣется, найдетъ отголосокъ въ душѣ Питта, мы, что̀ называется, просто выходимъ изъ себя, и во всей залѣ, понимаете, буря рукоплесканій. То есть, если сказать прямо, Питтъ былъ великій политикъ и ораторъ, очертившій вокругъ себя магическій кругъ, изъ котораго, понимаете, никто не вырывался. Случалось, и очень часто, вовсе бывало не понимаешь и не догадываешься, о чемъ рѣчь, но какъ скоро впутано сюда имя Питта, матерія, знаете, принимаетъ такой видъ, что поневолѣ соглашаешься и аплодируешь. Это, знаете, подало даже поводъ къ забавнымъ шуткамъ, и мистеръ Браунъ — четырехъ-бутылочный верзила съ шишкой на носу: отецъ моего друга Гэя вѣроятно былъ знакомъ съ нимъ — обыкновенно говаривалъ, что если бы этакъ вздумалъ кто сказать, что онъ съ крайнимъ сожалѣніемъ извѣщаетъ парламентъ, что одинъ изъ почтенныхъ членовъ томится въ ближайшей комнатѣ въ страшныхъ судорогахъ, и что имя почтеннаго члена есть Вилльямъ Питтъ, рукоплесканіе, понимаете, было бы общее, и всѣ, такъ сказать, наудачу, не преминули бы одобрить это мнѣніе Вилльяма Питта.

Это загадочное отступленіе больше и больше безпокоило Флоренсу, и она съ возрастающимъ волненіемъ смотрѣла то на Вальтера, то на кузена Феникса.

— Ничего, мой другъ: будь спокойна, сказалъ Вальтеръ.

— Ничего, мистеръ Гэй, будьте спокойны, повторилъ кузенъ Фениксъ: — я право чрезвычайно огорченъ, что сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, причиной вашего безпокойства. Позвольте васъ увѣрить, что дѣйствительно ничего, то есть, словомъ сказать, ничего непріятнаго быть не можетъ. Единственная милость, о которой я осмѣливаюсь просить.... но это, видите ли, должно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, казаться удивительно страннымъ, и я былъ бы чрезвычайно обязанъ другу моему Гэю, если бы онъ самъ принялъ на себя трудъ изложить сущность дѣла, заключилъ кузенъ Фениксъ.

Флоренса съ своей стороны, доведенная до послѣдней степени безпокойства, также обратилась къ своему мужу. Вальтеръ сказалъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ, моя милая. Тебѣ надобно ни больше, ни меньше, какъ ѣхать въ Лондонъ съ этимъ джентльменомъ, котораго ты очень хорошо знаешь.

— А другъ мой Гэй — прошу извинить — развѣ не поѣдетъ? прервалъ кузенъ Фениксъ.

— Поѣду и я. Въ Лондонѣ ты должна сдѣлать визитъ....

— Кому? спросила Флоренса, окидывая взоромъ обоихъ собесѣдниковъ.

— Если вы будете такъ добры, мистриссъ Гэй, что согласитесь до времени не получить отвѣта на этотъ вопросъ, то я осмѣливаюсь покорнѣйше васъ просить объ этомъ.

— *Ты* знаешь, Вальтеръ? сказала Флоренса.

— Да.

— И по твоему, я могу ѣхать?

— Да. Я совершенно убѣжденъ, что ты не будешь раскаяваться. Но то правда, что до времени тебѣ лучше не распрашивать о подробностяхъ этого визита. Увидишь сама.

— Если папенька все еще спитъ или проснувшись можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, я сейчасъ ворочусь.

И съ этими словами Флоренса поспѣшно вышла изъ комнаты, бросивъ совершенно спокойный и довѣрчивый взглядъ на своего супруга. Когда она воротилась, уже совсѣмъ готовая отправиться въ путь, Вальтеръ и кузенъ Фениксъ, съ большою важностію, разговаривали у окна, и Флоренса не могла надивиться, какой предметъ могъ такъ хорошо познакомить ихъ въ такое короткое время.

— Я оставлю карточку для друга моего Домби, сказалъ кузенъ Фениксъ: — и буду искренно увѣренъ, что онъ съ каждымъ часомъ станетъ укрѣпляться въ силѣ и здоровьи. Другъ мой Домби, я надѣюсь, благоволитъ считать меня такимъ человѣкомъ, который проникнутъ удивленіемъ къ его возвышенному характеру относительно.... словомъ сказать, съ благородной роли британскаго негоціянта и, просто, честнаго джентльмена. Моя усадьба и деревенскій домъ, пришли, что́ называется, въ плачевное состояніе разрушенія и ветхости; но если другу моему Домби потребуется перемѣнить воздухъ и

поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, могу увѣрить, что во всей Англіи нѣтъ такого свѣтлаго и совершенно здороваго воздуха, хотя, словомъ сказать, нигдѣ еще не найти такой скуки. Если другъ мой Домби страдаетъ тѣлесными недугами, я бы желалъ порекомендовать ему рецептъ, который былъ для меня чрезвычайно полезенъ во многихъ обстоятельствахъ моей жизни, а должно замѣтить, жилъ я очень свободно и даже, такъ сказать, нараспашку, когда, въ нѣкоторомъ родѣ, всѣ люди жили нараспашку. Этотъ рецептъ, собственно говоря, состоитъ въ яичномъ желткѣ, который надобно взболтать въ стаканѣ хересу съ мушкатнымъ орѣхомъ и сахаромъ и принимать каждое утро съ кускомъ сухой поджаренной булки. Джексонъ, содержавшій въ Бондъ-Стритѣ нумера для боксеровъ, — человѣкъ отмѣнныхъ талантовъ, и другъ мой Гэй разумѣется знакомъ съ нимъ — Джексонъ совѣтуетъ вообще въ экстренныхъ случаяхъ замѣнять хересъ ромомъ; но я лучше другу моему Домби рекомендую хересъ, такъ-какъ, при его состояніи, ромъ могъ бы броситься въ голову и произвести, словомъ сказать, воспаленіе.

Отъ всего этого кузенъ Фениксъ разгружался съ весьма значительными затрудненіями, и физіономія его обнаруживала очевидное разстройство. Когда онъ всталъ съ мѣста, чтобы итти къ дверямъ, его ноги изъявили рѣшительное желаніе двигаться къ саду, и владѣлецъ ихъ едва побѣдилъ такое заносчивое упрямство. Наконецъ кузенъ Фениксъ подалъ руку Флоренсѣ и вышелъ съ нею къ подъѣзду, гдѣ стояла карета, въ которую, вмѣстѣ съ ними, сѣлъ и Вальтеръ.

Они ѣхали семь или восемь миль, и были уже сумерки, когда экипажъ катился по скучнымъ и церемоннымъ улицамъ западной части Лондона. Флоренса этимъ временемъ крѣпко держала вальтерову руку, и безпокойство ея повидимому увеличивалось всякой разъ, какъ они въѣзжали въ новую улицу. Наконецъ карета остановилась въ Брукъ-Стритѣ, передъ тѣмъ самымъ домомъ, гдѣ ея отецъ пировалъ свою несчастную сватьбу.

— Чтó это значитъ? спросила Флоренса. — Кто здѣсь живетъ?

Вальтеръ не отвѣчалъ ничего и только пожалъ ея руки. Окинувъ взоромъ фасадъ, Флоренса увидѣла, что окна во всѣхъ этажахъ закрыты наглухо, какъ-будто домъ былъ необитаемъ.

Между тѣмъ кузенъ Фениксъ вышелъ изъ кареты и предложилъ ей руку.

— Ты не выйдешь, Вальтеръ?

— Нѣтъ, я останусь здѣсь. Не бойся, мой другъ: сейчасъ ты увидишь, что страхъ твой напрасенъ.

— Знаю, Вальтеръ, бояться мнѣ нечего, когда ты такъ близко; но....

Дверь тихонько отворилась, безъ стуку и безъ звонка, и кузенъ Фениксъ вошелъ съ своей спутницей въ душный и скучный домъ. Казалось, онъ ни разу не отворялся со времени несчастной сватьбы и служилъ съ того времени постоялымъ пріютомъ для мрака затхлой атмосферы.

Флоренса не безъ страху взошла наверхъ по темной лѣстницѣ и остановилась подлѣ гостиной. Кузенъ Фениксъ отворилъ дверь и, не говоря ни слова, сдѣлалъ знакъ, чтобы она вышла, и попросилъ ее итти впередъ, между тѣмъ какъ онъ останется за дверью. Флоренса повиновалась.

Въ углубленіи комнаты, за столомъ, при тускломъ свѣтѣ лампы, сидѣла какая-то леди, вся въ черномъ, съ перомъ или карандашомъ въ рукѣ. Флоренса нерѣшительными шагами подвигалась впередъ и вдругъ остановилась, какъ-будто прикованная къ мѣсту. Леди поворотила свою голову.

— Великій Боже! сказала она. — Чтó это значитъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Не подходите!... вскричала Флоренса, отпрядывая назадъ, когда леди встала съ своего мѣста. — Маменька!

Онѣ обѣ были неподвижны съ глазами, устремленными другъ на друга. Гнѣвъ и гордость изборороздили лицо этой особы; но все же она — Эдиѳь, прекрасная и величественная теперь, какъ и всегда. Лицо Флоренсы, изумленное и робкое, выражало сожалѣніе, грусть, благодарную нѣжную память. На томъ и другомъ лицѣ въ живѣйшихъ краскахъ изображались удивленіе и страхъ. Обѣ женщины, неподвижныя и безмолвныя, смотрѣли одна на другую черезъ мрачную пропасть непреложныхъ событій пройденной жизни.

Флоренса измѣнилась первая. Слезы градомъ полились изъ ея глазъ, и она сказала отъ полноты сердца:

— О мама, милая мама! зачѣмъ мы встрѣчаемся такъ? зачѣмъ вы были всегда такъ добры ко мнѣ, когда еще ничѣмъ не подготовлялась эта встрѣча!

Эдиѳь стояла передъ ней, безъ движенія и безъ словъ. Ея глаза были устремлены на ея лицо.

— Я не смѣю объ этомъ думать, говорила Флоренса: — я только-что оставила болѣзненный одръ своего отца. Мы теперь неразлучны и впередъ не разлучимся никогда. Если вы хотите, милая мама, чтобы я просила за васъ прощенія, — я буду просить, и почти увѣрена, что онъ не откажетъ просьбѣ своей дочери. Богъ пошлетъ утѣшеніе вашей страждущей душѣ!

Эдиѳь не отвѣчала.

— Вальтеръ.... я за-мужемъ, и у насъ есть сынъ, сказала Флоренса робкимъ голосомъ: — Вальтеръ у воротъ, и я пріѣхала съ нимъ. Я скажу своему мужу, что вы перемѣнились, продолжала Флоренса, бросивъ на нее грустный взоръ: — и Вальтеръ, я увѣрена, будетъ говорить вмѣстѣ со мною нашему отцу. Хотите, чтобы я это сдѣлала?

Эдиѳь, неподвижная какъ статуя, прервала молчаніе глухимъ, тихимъ, но выразительнымъ голосомъ:

— Пятно на вашемъ имени, пятно на имени вашего мужа, вашего ребенка! Развѣ это прощаютъ, Флоренса?

— Вѣрьте намъ, милая мама, что мы все забыли; останемся неразлучны съ вами, и это для всѣхъ насъ будетъ утѣшеніемъ. Но вы ничего... ничего не говорите о моемъ отцѣ, лепетала Флоренса: — значитъ ли это, вы хотите, чтобы я просила за васъ? Ну да, конечно, конечно!

Эдиѳь не отвѣчала.

— И я буду просить усердно, чтобы онъ простилъ мою милую мама, и добрый отецъ мой не откажетъ просьбѣ своей дочери, и я принесу вамъ слово примиренія, и тогда можетъ быть мы разстанемся совсѣмъ не такъ какъ встрѣтились теперь. О! уполномочьте, ради Бога, уполномочьте меня на это ходатайство! Я отступила отъ васъ, милая мама, совсѣмъ не потому, что боюсь васъ, и совсѣмъ не потому, что не надѣюсь на вашу благосклонность: нѣтъ! я желаю только выполнить свою обязанность къ моему отцу. Онъ меня любитъ, и я его люблю отъ всего моего сердца. Но я никогда не могу забыть, что вы были такъ добры ко мнѣ. О, молитесь Богу, восклицала Флоренса,

падая на ея грудь: — молитесь Богу, чтобы онъ простилъ вамъ весь этотъ грѣхъ, и простилъ бы мнѣ, если я не могу забыть....

Рыданія заглушили ея слова. Эдиеь, какъ-будто подавленная тяжестію ея прикосновенія, упала на колѣни и обвилась руками вокругъ ея шеи.

— Флоренса, ангелъ благодатный! Прежде чѣмъ опять я сойду съ ума, прежде чѣмъ гордость и упрямство опять поразятъ нѣмотою мой языкъ, вѣрь мнѣ, Флоренса, я невинна, клянусь тебѣ въ этомъ моею душою!

— Маменька!

— Преступна во многомъ — такъ! — и вѣчная преграда будетъ раздѣлять меня отъ всего, что̀ есть чистаго и невиннаго въ жизни, — раздѣлять отъ васъ, отъ всей земли....

На колѣняхъ передъ ней, она подняла свои обѣ руки и клялась.

— Флоренса, вѣрь мнѣ, я невинна! вѣрь въ этомъ женщинѣ, которая видитъ въ тебѣ чистѣйшее и благороднѣйшее изъ земныхъ созданій, и которая никогда бы не упала въ эту бездну, если бы твое присутствіе охраняло цвѣтущіе годы ея жизни! Позволь мнѣ еще разъ, послѣдній разъ прижать твою милую голову къ этому отчаянному и сокрушонному сердцу!

Она плакала, и ея грудь сильно волновалась. Какъ была бы счастлива она теперь, если бы такія сцены чаще повторялись въ ея старые дни!

— Ничто въ свѣтѣ не могло бы вырвать отъ меня этого признанія и этой клятвы, — ни любовь, ни ненависть, никакія надежды, никакія угрозы. Я сказала: умру въ пыткѣ, и не произнесу ни одного слова, не сдѣлаю никакого знака, и это было бы такъ, а не иначе, если бы мы не встрѣтились съ тобою, Флоренса.

Надѣюсь, сказалъ кузенъ Фениксъ, дѣлая въ дверяхъ довольно неправильные зигзаги, такъ-какъ его своевольныя ноги обнаруживали очевидное намѣреніе оставаться за порогомъ: — надѣюсь, моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница извинитъ маленькую стратагему, которою я воспользовался, чтобы устроить эту встрѣчу. Не могу сказать, что до сихъ поръ я отвергалъ рѣшительнымъ и настоятельнымъ образомъ возможность несчастнаго соединенія моей любезнѣйшей и совершеннѣйшей родственницы съ этимъ бѣло-зубымъ покойникомъ;

ибо замѣчено издавна, что случаются въ этомъ мірѣ весьма странныя и непостижимыя сочетанія этого сорту, превышающія, такъ сказать, всякіе соображенія и расчеты въ экономическомъ смыслѣ. При всемъ томъ, я имѣлъ честь напоминать другу моему Домби, чтобы онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, не отваживался обвинять мою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу до тѣхъ поръ, пока криминальность ея поступковъ не будетъ утверждена на юридическомъ основаніи. Моя тетка была живущая женщина, это извѣстно всѣмъ, но можетъ быть не всякой знаетъ, что она не совсѣмъ хорошо выполняла свои обязанности, раздѣляя вѣроятно въ этомъ отношеніи общую участь всей нашей фамиліи, которая, словомъ сказать, не отличалась яснымъ сознаніемъ своего долга. Поэтому было бы, въ нѣкоторомъ родѣ, безразсудно и даже, такъ сказать, безсовѣстно, если бы, въ настоящемъ случаѣ, мы не обратили своей посильной заботливости на нашу любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу, которая, думалъ я, должна быть поставлена въ непріятное положеніе послѣ того, какъ этотъ зубастый джентльменъ былъ, такъ сказать, растиснутъ ужаснымъ манеромъ. Вотъ почему я счелъ своей обязанностью отыскать во Франціи свою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу и предложить ей свое слишкомъ, такъ сказать, скромное и незавидное покровительство. Тѣмъ больше мнѣ пріятно было услышать отъ моей любезнѣйшей и совершеннѣйшей родственницы, что она считаетъ меня, въ своемъ родѣ, добрымъ малымъ, и потому безусловно поручаетъ себя моему покровительству. Я всегда обязанъ вспоминать не иначе какъ съ удовольствіемъ о ея усердной заботливости обо мнѣ въ тѣ минуты, когда сотрясеніе всѣхъ моихъ членовъ доходило, словомъ сказать, до безпримѣрнаго градаціона.

Эдиѳь, сидѣвшая съ Флоренсой на софѣ, сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница, продолжалъ кузенъ Фениксъ, выдѣлывая въ дверяхъ свои обыкновенные зигзаги: — надѣюсь, извинитъ меня, если я для моего и ея удовольствія, равно какъ для удовольствія мистера Домби и его любезнѣйшей и совершеннѣйшей дочери, которой несравненнымъ талантамъ мы всегда удивлялись и.... словомъ ска-

зать, я полагаю, что я могу, для общаго нашего удовольствія, дополнить окончательно эту длинную нить моихъ наблюденій. Прошу обратить вниманіе на то, что ни она, ни я, со времени нашего свиданья, никогда не заикались о предметѣ ея страннаго и загадочнаго похищенія. Я всегда держался мысли, что была вѣроятно въ этомъ дѣлѣ такая тайна, которую объяснитъ она сама, если захочетъ. Но моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница имѣетъ, въ нѣкоторой пропорціи, непонятно-упрямый и рѣшительный характеръ, и потому, съ теченіемъ времени, я основательно убѣдился, что отъ нея, такъ сказать, никакое краснорѣчіе не вырветъ ни одного слова. Впослѣдствіи однакожь усмотрѣлъ я, что она весьма охотно распространялась насчетъ своей необыкновенной нѣжности къ совершеннѣйшей дочери друга моего Домби, и потому, по естественному совокупленію идей, пришло мнѣ въ голову, что если бы этакъ, словомъ сказать, устроить свиданье, неожиданное съ обѣихъ сторонъ, дѣло могло бы повести къ весьма счастливымъ результатамъ. Проживая теперь въ Лондонѣ, совершенно, такъ сказать, на приватной ногѣ, я рѣшился открыть мѣстопребываніе друга моего Гэя — прекрасный молодой человѣкъ, откровенный и внушающій уваженіе: моя любезнѣйшая и совершеннѣйшая родственница вѣроятно съ нимъ знакома — и вотъ мнѣ удалось имѣть вожделенное счастье привести сюда его милую и любезную супругу. Скоро мы отправляемся въ южную Италію, чтобы поселиться тамъ на вѣчныя времена, или, правильнѣе, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ роковой часъ удалиться въ тѣ вѣчныя жилища, которыя.... словомъ сказать, это пробуждаетъ весьма непріятныя мысли въ людяхъ съ разумною и чувствительною душою. Стало быть, заключилъ кузенъ Фениксъ съ истиннымъ одушевленіемъ: — теперь-то, или никогда, я долженъ умолять свою любезнѣйшую и совершеннѣйшую родственницу не останавливаться на половинѣ дороги, а исправить, по возможности, все то, что́ ею испорчено, — не потому, что этого требуетъ ея фамилія, ея собственная репутація, или какія нибудь изъ тѣхъ свѣтскихъ отношеній, которыя уже болѣе, такъ сказать, не существуютъ: очаровательная мысль для человѣка съ чувствомъ! — но потому, что благородный человѣкъ всегда обязанъ уничтожать зло.

Съ этими словами кузенъ Фениксъ сдѣлалъ джентльменскій

поклонъ и вышелъ изъ дверей, побѣдивъ не безъ труда упрямство своихъ ногъ.

Нѣсколько минутъ обѣ дамы сидѣли безмолвно, одна подлѣ другой. Наконецъ Эдиѳь, снимая съ груди запечатанный пакетъ, прервала молчаніе, тихимъ, но трогательнымъ голосомъ:

— Я могла умереть скоропостижно или вслѣдствіе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ: тайна въ такомъ случаѣ была бы унесена въ могилу, и никто бы ея не открылъ изъ живущихъ на землѣ. Этого я не хотѣла, милая Флоренса, — не хотѣла для васъ. Возьмите этотъ пакетъ: для васъ онъ написанъ, и для васъ изложены въ немъ всѣ подробности моей тайны.

— Могу показать его папенькѣ?

— Можете кому угодно: онъ ваша неотъемлемая собственность. Но пусть знаетъ мистеръ Домби, что другими путями онъ не получилъ бы отъ меня никогда и ничего.

Продолжительное молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Эдиѳь сидѣла съ глазами, опущенными въ землю.

— Маменька, онъ потерялъ все свое имѣніе. Онъ былъ на краю могилы. Онъ страдаетъ, и жестоко страдаетъ, даже теперь. Неужели ничего больше, ни одного слова, я не должна ему сказать отъ вашего имени?

— Правда ли, Флоренса, что онъ очень тебя любитъ?

— Правда, милая мама̀, правда! отвѣчала Флоренса пронзительнымъ голосомъ.

— Скажи ему, я очень жалѣю, что судьба свела насъ въ этомъ мірѣ.

— И ничего больше?

— Скажи ему, если спроситъ, если онъ точно измѣнился....

Она остановилась. Было что́-то въ безмолвномъ прикосновеніи руки Флоренсы, что́ ее остановило.

— .... но такъ какъ онъ сдѣлался теперь другимъ человѣкомъ, скажи ему, Флоренса, что этого не было бы никогда, и я жалѣю, что это было.

— Могу ли я сказать, что его несчастія васъ огорчаютъ?

— Нѣтъ. Современемъ онъ самъ, Флоренса, будетъ благодарить судьбу за этотъ урокъ.

— Вы желаете ему добра, вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ! О, позвольте мнѣ чаще и чаще повторять передъ нимъ желанія моей милой мама!

Черные глаза Эдиѳи, исполненные тоскливой мысли, были, казалось, обращены на окружающій мракъ. Она не отвѣчала ничего до тѣхъ поръ, пока Флоренса не повторила вопроса.

— Если теперь, при своей измѣненной жизни, найдетъ онъ поводъ жалѣть о прошедшемъ, скажи ему, Флоренса, я просила его объ этомъ. Если теперь, при своей измѣненной жизни, найдетъ онъ поводъ думать обо мнѣ безъ горечи и безъ желчи, скажи, я просила его объ этомъ. Мы умерли одинъ для другого и никогда уже не встрѣтимся по эту сторону гроба; но скажи ему, онъ знаетъ, есть одно общее чувство между нами, которое еще соединяетъ насъ на землѣ.

Ея суровость уступила мѣсто трогательному умиленію, и слеза сверкнула на ея черныхъ глазахъ.

— Впрочемъ я почти надѣюсь на его мысли обо мнѣ. Чѣмъ больше полюбитъ онъ Флоренсу, тѣмъ меньше будетъ ненавидѣть меня. Въ то время буду раскаяваться и я — пусть онъ это знаетъ — и, соображая обстоятельства своей жизни съ тѣми причинами, которыя довели его самого до того, чѣмъ онъ былъ, я попытаюсь простить ему его долю въ моемъ позорѣ. Пусть тогда попытается и онъ простить свою несчастную супругу!

— О мама, милая мама! Какъ отрадно для моего сердца слышать эти слова даже при этой печальной встрѣчѣ!

— Странныя слова для моихъ собственныхъ ушей, сказала Эдиѳь: — странныя слова для звуковъ моего собственнаго голоса! Но если бы даже я была тѣмъ несчастнымъ созданьемъ, какимъ онъ имѣетъ право меня считать, я въ свою очередь имѣла бы право однажды навсегда высказать эти мысли, какъ скоро дошло до моего слуха, что вы дороги и милы другъ для друга. Пусть знаетъ онъ, что подъ условіемъ его отеческой любви я готова думать о немъ снисходительно, безъ всякой затаенной злобы въ моемъ сердцѣ. Вотъ это послѣднія слова, которыя я ему посылаю! Теперь, прощай, моя жизнь!

Она крѣпко сжала ее въ своихъ объятіяхъ и, казалось, разомъ вылила изъ своей души всѣ сосредоточенныя чувства нѣжности и любви.

— Этотъ поцалуй для вашего младенца! Эти поцалуи вмѣсто благословеній на голову моей Флоренсы! Прощай, мой другъ! прощай, мой ангелъ благодатный!

— До свиданья! воскликнула Флоренса.

— Никогда! никогда! Какъ скоро разъ ты переступишь за порогъ этой мрачной комнаты, думай, что ты оставила меня въ могилѣ. Но я любила тебя, мой ангелъ небесный, и тебя только одну во всю мою жизнь: помни это!

И Флоренса оставила ее, сопровождаемая до послѣдней минуты ея объятіями и поцалуями.

Въ столовой, куда проводилъ ее кузенъ Фениксъ, Флоренса упала на плечо своего супруга, и плакала долго, горько плакала!

— Я очень огорченъ, сказалъ кузенъ Фениксъ, поднимая наиневиннѣйшимъ образомъ и безъ малѣйшей утайки рубашечные рукавчики къ своимъ глазамъ: — я очень огорченъ, что любезнѣйшая и совершеннѣйшая дочь друга моего Домби и прекрасная супруга друга моего Гэя имѣетъ слишкомъ чувствительную натуру, и что настоящее свиданье, въ нѣкоторомъ смыслѣ, взволновало всѣ силы ея нѣжной души. Я надѣюсь однакожь и увѣренъ, мои стратегическія распоряженія привели всѣхъ насъ къ самымъ удовлетворительнымъ результатамъ, и почтенный другъ мой Домби, безъ всякаго сомнѣнія, радъ будетъ слышать объ открытіяхъ, которыя здѣсь совершились. Чрезвычайно сожалѣю, что другъ мой Домби, чрезъ соединеніе съ нашей фамиліей, попалъ, словомъ сказать, въ омутъ запутанныхъ случайностей и недоразумѣній; но я твердо держусь того мнѣнія, что дѣла могли бы имѣть совсѣмъ другой, то есть, довольно сносный оборотъ, если бы не этотъ мерзавецъ съ бѣлыми зубами. Что̀ касается до моей родственницы, получившей обо мнѣ необыкновенно доброе мнѣніе, я могу увѣрить прекрасную супругу друга моего Гэя, что она можетъ на меня вполнѣ положиться какъ.... словомъ сказать, какъ на своего отца. А что̀ касается до общихъ перемѣнъ и случайностей человѣческой жизни, въ которой иной разъ всѣ мы ведемъ себя самымъ экстраординарнымъ манеромъ, то я могу повторить только то, что̀ уже давно сказалъ другъ мой Шекспиръ — человѣкъ

созданный для всѣхъ временъ и вѣковъ: другъ мой Гэй разумѣется знакомъ съ нимъ: — тѣнь и сонъ — вотъ наши дѣла!

ГЛАВА LXII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Узрѣла наконецъ дневной свѣтъ знаменитая бутылка, скрывавшаяся такъ долго въ душномъ погребѣ подъ защитой паутины, пыли и песку. Золотое вино игриво струится въ огромныхъ бокалахъ на кругломъ столѣ.

Это послѣдняя бутылка Старой Мадеры.

— Вы совершенно правы, господинъ Гильсъ, говоритъ мистеръ Домби: — это очень рѣдкое и отличное вино.

Капитанъ Куттль, непремѣнный членъ круглаго стола, сіяетъ радостію и восторгомъ. Лучи животворнаго свѣта падаютъ съ его чела на далекія пространства.

— Мы всегда обѣщались другъ другу, то есть Эдуардъ и я.... замѣчаетъ Соломонъ Гильсъ.

Мистеръ Домби киваетъ на капитана, который еще больше лучезаритъ отъ неизреченныхъ наслажденій.

— .... обѣщались пить это вино, рано или поздно, за благополучное возвращеніе Вальтера домой, хотя никто изъ насъ не могъ воображать такого дома. Если вы, сэръ, не имѣете ничего сказать противъ этой старой нашей фантазіи, то — первый бокалъ за здоровье Вальтера и его жены!

— За здоровье Вальтера и его жены! говоритъ мистеръ Домби и цалуетъ Флоренсу, которая подлѣ него.

— За Вальтера и его жену! восклицаетъ мистеръ Тутсъ.

— За Вальтера и его жену! басить капитанъ Куттль.—Ура!

И когда при этомъ капитанъ изъявляетъ желаніе чокнуться своимъ бокаломъ, мистеръ Домби предупредительно протягиваетъ свою руку. Другіе немедленно слѣдуютъ благому примѣру, и въ комнатѣ раздается веселый звонъ, какъ-будто отъ свадебныхъ колоколовъ.

Другое вино старѣетъ въ душномъ погребѣ подобно знаменитой мадерѣ, достославно окончившей свой вѣкъ, и густая паутина съ пылью и пескомъ караулитъ новыя бутылки.

Мистеръ Домби посѣдѣлъ какъ лунь, и на его лицѣ тяжолые отпечатки страданій и заботъ; но это уже слѣды грозной бури, которая окончилась однажды навсегда, оставивъ за собою спокойный и ясный вечеръ.

Честолюбивые планы не волнуютъ мистера Домби. Его гордость исключительно обращена на дочь и ея супруга. Онъ спокоенъ, молчаливъ, нерѣдко задумчивъ, и Флоренса всегда подлѣ него. Миссъ Токсъ частенько навѣщаетъ счастливую семью и радушно предлагаетъ ей свои услуги. Ея удивленіе къ своему патрону, еще недавно такъ величественному на поприщѣ финансовой славы, получило платоническій характеръ со времени рокового утра на Княгининомъ Лугу, когда извѣстная особа поразила ее неожиданнымъ ударомъ. Миссъ Токсъ не измѣнилась.

Ничего не уцѣлѣло отъ обломковъ колоссальнаго богатства, кромѣ ежегодной пожизненной суммы, которая приходитъ неизвѣсто какъ и неизвѣстно откуда. Мистера Домби убѣдительно просили не дѣлать никакихъ розысковъ и увѣрили, что это какой-то старый долгъ. Онъ совѣтовался, по этому поводу, съ своимъ старымъ конторщикомъ, и тотъ положительно убѣжденъ, что сумма высылается какимъ-нибудь торговымъ домомъ, съ которымъ мистеръ Домби имѣлъ встарину коммерческія связи.

Мистеръ Морфинъ окончательно убѣдился, что изъ всѣхъ привычекъ самая скверная — оставаться до старости холостякомъ, и на этомъ основаніи вступилъ въ законный бракъ съ сестрою Джона Каркера. Она посѣщаетъ иногда своего стараго начальника, но рѣдко и неохотно. Есть въ исторіи Джона и еще болѣе въ его фамиліи такія обстоятельства, при которыхъ подобные визиты неумѣстны, потому особенно, что Джонъ и мистеръ Морфинъ, какъ близкіе родственники и друзья, живутъ теперь въ одномъ домѣ. Вальтеръ навѣщаетъ ихъ по временамъ, Флоренса тоже, и въ этихъ случаяхъ скромный домикъ оглашается дуэтомъ изъ фортепьяно и віолончеля.

Но какъ поживаетъ деревянный мичманъ въ эти измѣненные дни? Ничего, собственно говоря, онъ все тотъ же храбрый юноша-морякъ съ правою ногою впередъ и съ оптическимъ инструментомъ передъ правымъ глазомъ. Онъ даже повеселѣлъ и

вновь помолодѣлъ, такъ-какъ его недавно покрасили яркой краской, отъ трехъ-угольной шляпы до самыхъ башмаковъ съ щегольскими пряжками, и подъ его головой блистаетъ золотая надпись : *Гильсъ* и *Куттль.*

Не измѣнилъ юный мичманъ и характера своихъ коммерческихъ занятій ; но поговариваютъ на Птичьемъ Рынкѣ, тамъ, гдѣ засѣдаетъ извѣстная леди подъ синимъ зонтикомъ, что мистеръ Гильсъ разбогатѣлъ, значительно разбогатѣлъ, и не только на этотъ счетъ не отсталъ отъ времени, но даже опередилъ его, несмотря на валлійскій парикъ, смѣнившій его сѣдые волосы. Дѣло въ томъ, видите ли, мистеръ Гильсъ положилъ когда-то свои деньги въ какой-то торговый домъ, и теперь только оказалось, что капиталъ его пошелъ въ ходъ и быстро возрастаетъ до огромныхъ процентовъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ увѣряетъ леди подъ синимъ зонтикомъ. Достовѣрно то, что мистеръ Гильсъ не думаетъ больше объ отсутствіи покупщиковъ съ кручиной и тоской. Веселый и довольный, съ очками на лбу и съ хронометромъ въ карманѣ, онъ бодро стоитъ при дверяхъ магазина въ своемъ кофейномъ камзолѣ, и рѣдко туманная мысль набѣгаетъ на его чело.

Его другъ и товарищъ по торговлѣ, капитанъ Куттль, живетъ и цвѣтетъ такою коммерческою фантазіею, которая во сто кратъ лучше всякой дѣйствительности. Капитанъ несомнѣнно убѣжденъ, что юный мичманъ имѣетъ обширнѣйшее вліяніе на торговлю и мореходство всей Великобританіи, и ни одинъ корабль не можетъ оставить лондонскую гавань безъ его могучаго содѣйствія. Его наслажденіе при взглядѣ на свое собственное имя, которое красуется надъ дверьми магазина, доходитъ до высочайшей степени поэтическаго восторга. На день двадцать разъ перебѣгаетъ онъ широкую улицу, чтобы полюбоваться на золотыя буквы съ противоположной стороны, и при каждомъ изъ этихъ случаевъ неизмѣнно повторяетъ :

— Эдуардъ Куттль, другъ ты мой сердечный, если бы матушка твоя вѣдала да знала, что изъ тебя выйдетъ такой ученый человѣкъ, быть бы ей отъ радости на седьмомъ небѣ, право!

Но вотъ мистеръ Тутсъ съ буйной быстротою забирается въ предѣлы юнаго Мичмана, и лицо мистера Тутса рдѣетъ и пылаетъ, когда онъ вламывается въ маленькую гостиную.

— Капитанъ Гильсъ и мистеръ Сольсъ!... охъ, какъ я счастливъ, господа! Мистриссъ Тутсъ сдѣлала приращеніе къ нашей семьѣ.... охъ!

— Это дѣлаетъ ей честь! восклицаетъ капитанъ.

— Поздравляю васъ, мистеръ Тутсъ! говоритъ старикъ Соломонъ.

— Покорно благодарю, отвѣчаетъ мистеръ Тутсъ: — премного вамъ обязанъ. Я зналъ, что вы обрадуетесь до-нельзя, и прибѣжалъ къ вамъ самъ. Мы успѣваемъ, что̀ называется, не по днямъ, а по часамъ. Флоренса, Сусанна и еще маленькій человѣкъ, гость этакой, вы знаете....

— Человѣкъ женскаго рода! спрашиваетъ капитанъ.

— Ну да, капитанъ Гильсъ, и я ужасно радъ. Нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы такъ экстраординарна, какъ моя жена. Это я имѣлъ честь повторять вамъ тысячу разъ. Кто другой, а Сусанна не ударитъ въ грязь лицомъ.

Обращаясь къ мистеру Тутсу, капитанъ восклицаетъ: — Во здравіе, спасеніе, долгоденствіе и благоплодородіе мистриссъ Тутсъ!

— Очень вамъ благодаренъ, капитанъ Гильсъ, говоритъ восторженный мистеръ Тутсъ: — моя обязанность вторить благимъ чувствамъ. Если, господа, при настоящихъ обстоятельствахъ, я никого не обезпокою, то мнѣ хотѣлось бы, знаете, закурить трубку.

И краснорѣчіе полилось потокомъ изъ откровеннаго сердца, когда трубка прикоснулась къ устамъ мистера Тутса.

— Вотъ что̀, господа: мнѣ бы не пересчитать безчисленныхъ случаевъ, при которыхъ обнаруживался необыкновенный умъ моей жены; но всего удивительнѣе въ ней совершенство, съ какимъ она поняла мою привязанность къ миссъ Домби.

— Вы разумѣется знаете, что мои чувства въ отношеніи къ миссъ Домби никогда не измѣнялись. Я на этотъ счетъ теперь такой же, какъ и прежде, какъ и всегда. Миссъ Домби, въ моихъ глазахъ, блистательное видѣніе, радужный призракъ, точь-вточь какъ еще до знакомства съ лейтенантомъ Вальтеровымъ. Когда я и мистриссъ Тутсъ начали разсуждать объ этой.... ну, вы знаете, объ этой нѣжной страсти.... Такъ вотъ, говорю я, когда мы первый разъ распространились объ этихъ предметахъ,

я объяснилъ, что меня въ ту пору можно было назвать... ну, вы понимаете, увядшимъ цвѣткомъ.

Фигуральный оборотъ очень нравится капитану Куттлю, и онъ держится тѣхъ мыслей, что никакой цвѣтокъ не увядаетъ такъ скоро, какъ роза. Очень хорошо.

— Но вообразите мое изумленіе, продолжаетъ мистеръ Тутсъ: — она уже совершенно постигала мои чувства, лучше даже, чѣмъ я самъ! И оказалось, что мнѣ нечего было ей разсказывать. Она одна въ ту пору была единственнымъ въ мірѣ существомъ, которое стояло между мной и безмолвной могилой, и мнѣ никогда не забыть, съ какимъ чуднымъ искусствомъ она удержала меня надъ самой бездной. Она знаетъ, что изъ всѣхъ созданій въ мірѣ я ставлю выше всего миссъ Домби. Знаетъ, что нѣтъ на землѣ такой вещи, на которую я бы не отважился ради миссъ Домби. Она знаетъ, что я считаю миссъ Домби прекраснѣйшимъ, очаровательнѣйшимъ ангеломъ изъ всѣхъ созданій ея пола. И какъ бы вы думали: что́ она замѣтила на счетъ всѣхъ этихъ вещей? Да вотъ что́: — «вы правы, мой милый: я сама такъ думаю!»

— И я такъ думаю! говоритъ капитанъ.

— И я! вторитъ Соломонъ.

Мистеръ Тутсъ снова набиваетъ трубку, и лицо его сіяетъ самодовольнымъ восторгомъ.

— И выходитъ стало быть, что нѣтъ на свѣтѣ женщины наблюдательнѣе моей жены. Какой умъ! какая проницательность! какія—Господи твоя воля!—какія соображенія! Не далѣе какъ вчера вечеромъ, когда мы сидѣли вмѣстѣ, наслаждаясь супружескимъ блаженствомъ... клянусь честью, это слово еще слишкомъ слабо выражаетъ мои чувства... не далѣе, говорю, какъ вчера вечеромъ, она сказала: «какъ замѣчательно теперь настоящее положеніе друга нашего Вальтерова! Вотъ онъ послѣ перваго продолжительнаго путешествія — это все говоритъ моя жена — совсѣмъ расквитался съ опасностями мореплаванія» — вѣдь это справедливо, мистеръ Сольсъ?

— Совершенно справедливо! отвѣчаетъ старый инструментальный мастеръ, потирая руками.

— «И вотъ, лишь только онъ расквитался съ этими морскими опасностями», — это все, знаете, говоритъ моя жена: — «тотъ же торговый домъ удостоилъ его величайшей довѣренно-

сти, назначивъ для него самый высокій постъ въ своей главной лондонской конторѣ. Всѣ и каждый видятъ въ немъ достойнаго молодого человѣка, и онъ быстро пойдетъ впередъ по коммерческой дорогѣ. Его любятъ, уважаютъ, и дядя слишкомъ кстати подоспѣлъ къ нему на помощь съ своимъ непредвидимымъ богатствомъ» — вѣдь это такъ, мистеръ Сольсъ? Вы разбогатѣли? Моя жена не ошибается никогда.

— Точно такъ, любезный другъ. Мои потерянные корабли, нагруженные золотомъ, благополучно прибыли домой, отвѣчаетъ Соломонъ, улыбаясь и подмигивая капитану. — Ничтожная помощь, мистеръ Тутсъ, но все же она кстати для молодого человѣка.

— Именно такъ, говоритъ мистеръ Тутсъ. — Вы видите, моя жена не ошибается никогда. Такъ вотъ въ такомъ-то замѣчательномъ положеніи поставленъ теперь счастливый другъ нашъ, лейтенантъ Вальтеровъ. Чтожь отсюда слѣдуетъ? Ну, что слѣдуетъ? Вотъ теперь-то, господа, я покорнѣйше прошу васъ обоихъ обратить все свое вниманіе на неизмѣримую проницательность моей жены. Вотъ что говоритъ мистриссъ Тутсъ: — «на самыхъ глазахъ мистера Домби, подъ его наблюденіемъ и совѣтами, основывается новое... новое зданіе» — именно такъ она выразилась — «зданіе, которое, возвышаясь постепенно, современемъ быть можетъ даже превзойдетъ знаменитый торговый домъ, котораго такъ долго былъ онъ представителемъ. Такимъ образомъ — это все говоритъ моя жена — изъ нѣдръ его дочери съ тріумфомъ явятся... нѣтъ, она сказала, кажется — возникнетъ, — такъ точно: — съ тріумфомъ возникнетъ на свѣтъ новый «Домби и Сынъ», который будетъ процвѣтать цѣлыя сотни лѣтъ и доживетъ до самаго отдаленнаго потомства!

И мистеръ Тутсъ, съ помощію своей трубки, чуднымъ образомъ приспособленной къ ораторскимъ эффектамъ, придаетъ такую торжественность сентенціи своей жены, что капитанъ, въ чаду изступленнаго восторга, бросаетъ на воздухъ свою лощеную шляпу и провозглашаетъ густымъ басомъ:

— Соломонъ Гильсъ, мужъ совѣта и разума, старый мой товарищъ! помнишь ли ты исторію Виттингтона, великаго лорда мера въ городѣ Лондонѣ?

— Помню, друъ мой, очень помню, отвѣчаетъ старый инструментальный мастеръ.

— Такъ вотъ чтó я намѣренъ сказать, старый мой товарищъ, говоритъ капитанъ, облокачиваясь на стулъ и настроивая горло къ гармоническимъ аккордамъ: — я пропою теперь отъ начала до конца балладу «о похожденіяхъ любезной Пегги», а вы оба, други мои, держитесь крѣпче и подтягивайте хоромъ!

Другое вино старѣетъ въ душномъ погребѣ подобно знаменитой мадерѣ, достославно окончившей свой вѣкъ, и густая паутина съ пылью и пескомъ караулитъ новыя бутылки.

Прекрасные осенніе дни. На морскомъ берегу часто гуляютъ сѣдой джентльменъ и молодая леди. Съ ними, или подлѣ нихъ, двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка. Старая собака — неразлучный ихъ спутникъ.

Сѣдой джентльменъ гуляетъ съ мальчикомъ, разговариваетъ съ нимъ, помогаетъ ему играть, ухаживаетъ за нимъ, караулитъ его, какъ-будто бы онъ былъ единственнымъ предметомъ его жизни. Если мальчикъ задумчивъ, старикъ тоже. Иногда ребенокъ сидитъ подлѣ него, смотритъ ему въ глаза и распрашиваетъ; сѣдой джентльменъ беретъ маленькую ручку, любуется и забываетъ отвѣчать. Тогда мальчикъ говоритъ:

— Чтò, дѣдушка? неужели я такъ похожъ на моего бѣднаго маленькаго дядю?

— Да, Павелъ. Но твой дядюшка былъ слабъ, а ты очень силенъ.

— О да, я очень силенъ.

— И онъ лежалъ въ маленькой постели на этомъ берегу, а ты умѣешь бѣгать.

И въ доказательство своего умѣнья, мальчикъ прыгаетъ, рѣзвится, бѣгаетъ и ускользаетъ отъ объятій старика, который его догоняетъ.

Но никто, кромѣ Флоренсы, не знаетъ, до какой степени простирается привязанность старика къ ея дѣвочкѣ. Есть между ними какая-то таинственная связь, которую чувствуетъ даже само дитя. Онъ лелѣетъ ее на своей груди, прижимаетъ къ сердцу, не можетъ равнодушно видѣть ни малѣйшаго облачка

на ея лицѣ, не можетъ вынести ея отсутствія ни на одну минуту. Случается, онъ встаетъ иной разъ въ глухую полночь и на цыпочкахъ подкрадывается къ ея постели, чтобы посмотрѣть, спокойно ли дитя. Ему нравится, когда она сама поутру вбѣгаетъ въ его спальню и будитъ его своею маленькою ручкой. Его безпрестанно тревожитъ мысль, — ошибочная мысль, что за этимъ ребенкомъ ухаживаютъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Однимъ словомъ: сѣдой джентльменъ влюбленъ въ нее всѣми силами, всѣми способностями своей души. Часто они играютъ и бесѣдуютъ одни, и ребенокъ спрашиваетъ по временамъ:

— Милый дѣдушка, отчего ты плачешь, когда цалуешь меня?

— Маленькая Флоренса! маленькая Флоренса!

Вотъ все, что отвѣчаетъ сѣдой джентльменъ, разглаживая локоны на лицѣ обожаемой малютки.

КОНЕЦЪ.

Отъ Переводчика. Романъ Диккенса: «Домби и Сынъ», началъ издаваться въ Лондонѣ небольшими ливрезонами съ сентября 1846 и оконченъ авторомъ въ нынѣшнемъ 1848 году двадцать четвертаго марта. До сихъ поръ онъ не переведенъ вполнѣ ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ. Русскій переводъ могъ бы быть оконченъ гораздо ранѣе, если бы въ свое время были получены въ Петербургѣ послѣдніе ливрезоны оригинала. Переводчикъ считаетъ не безполезнымъ замѣтить, что «Домби и Сынъ, напечатанный въ Современникѣ, есть еще первый романъ Диккенса, переданный по-русски въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній.

Иринархъ Введенскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ДЕСЯТАГО ТОМА.

I.
СЛОВЕСНОСТЬ.

II.
НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

III.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

IV.

СМѢСЬ.

ІЮЛЬ.

V.

МОДЫ.

DURAND-CRAGER (Henri). Sainte-Hélène. Translation du cercueil de l'empereur Napoléon à bord de la frégate la Belle-Poule; histoire et vues pittoresques de tous les sites de l'île, se rattachant au Mémorial de S-te. Hélène et à l'expédition du prince de Joinville. Un beau volume grand in-fol. contenant 30 planches lithographiées avec soin. 30 rbls.

FREYCINET (Louis de). Voyage autour du monde sur les corvettes l'Uranie et la Physicienne pendant les années 1817—1820,

Historique du Voyage. 4 tomes in-4. et atlas de 120 planches in-fol. 57 rbls.

Zoologie. 2 vol. in-4. et atlas de 96 planches in-fol. 50 rbls.

Botanique. 1 vol. in-4 et atlas de 120 planches. 35 rbls.

Navigation, hydrographie, pendule, magnetisme terrestre. 4 volumes et 22 cartes in-fol. 25 rbls.

GAIMARD (Paul). Voyages en Islande et en Groenland exécutés pendant les années 1835 et 1836 sur la corvette la Recherche. 6 vol. grand in-8. accompagnés de 250 planches in-fol. dont 70 coloriées. 140 rbls.

——— Voyages en Scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et aux Ferôe pendant les années 1838 à 1840. Cet ouvrage formera 20 vol. in-8. accompagnés de 510 planches in-fol. qui paraîtront en 86 livraisons.

Il a paru 24 livraisons de planches à 3 rbls. 60 c.

et 8 livraisons de texte à 1 rbl. 60 c.

FLANDIN et **COSTE**. Voyage en Perse pendant les années 1840 et 1841. Recueil d'architecture ancienne, bas reliefs, inscriptions cunéiformes et pehlvis, plans et vues. Cet important ouvrage formera trois volumes grand in-fol. composés de plus de 350 planches d'architecture, de sculpture, d'inscriptions, plans et vues pittoresques; il sera publié en 70 livraisons à 20 fr. 5 rbls. 70 c.

Les 31 premières livraisons sont en vente.

LABORDE (Léon de). Voyage en Orient, avec près de 400 vues des monuments et des sites historiques de l'Asie Mineure et de la Syrie, dessinées d'après nature par l'auteur, accompagnées d'un texte explicatif et de recherches sur l'état ancien et moderne de ces contrées. 36 livraisons grand in-fol. à 4 rbls. 30 c.

MELLING et **CERVINI**. Voyage pittoresque dans les Pyrénées françaises et dans les départements adjacents, ou Collection de 72 gravures représentant les sites, les monuments et les établissements les plus remarquables du Pays Basque, de la Navarre, du Béarn, du Bigorre, des Comtés de Comminges et de Foix et du Roussillon. Un beau volume in-fol. relié. 60 rbls.

PACHO. Voyage dans la Marmarique et la Cyrénaïq. Un volume grand in-4 de texte et un atlas de 100 planches in-fol. dont plusieurs coloriées. 40 rbls.

TCHIHATCHEFF. Voyage scientifique dans l'Altaï Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine. Un volume in-4 de texte avec atlas in-4 et in plano. 43 rbls.

TERNAUX-COMPANS. Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique, publiés pour la première fois en français. Cette intéressante Collection se compose de deux séries formant ensemble 20 vol. in-8. 50 rbls.

TEXIER. Description de l'Asie Mineure faite par ordre du gouvernement français de 1833 à 1837 et publiée par le Ministère de l'instruction publique. Il a paru 40 livraisons. Chaque livraison renferment six planches grand in-fol. exécutées avec le plus grand soin coûte 5 rbls. 70 c.

WALDECK. Voyage pittorespue et archéologique dans la province de Yucatan (Amérique centrale) pendant les années 1834 et 1836. Un volume grand in-fol. avec planches. 25 rbls.

Пьесы для всего оркестра.

CLAPISSON. Ouverture de l'opéra: Gibby la Cornemuse . . . 5 р. 15 к.
GUNG'L. Illustrirte Polka op. 65. Waffen-Ruf, Marsch op. 66. (3 р. 43 к.). Ideal und Leben, Walzer op. 67. (3 р. 43 к.). Hanseaten-Marsch op. 70. Matrosen-Polka op. 71. (2 р. 85 к.). Nord-Deutsche Weisen, Walzer op. 72. 3 р. 43 к.
KALLIWODA. Douxième ouverture de concert op. 145. . . . . 3 р. 43 к.
LABITZKY. Sträusschen am Wege, Walzer op. 143. (2 р. 85 к.). Winterblüthen, Walzer op. 144. (2 р. 85 к.). Gruss an Paris, Drei Polkas op. 145. (3 р. 15 к.). Frühlingsgrüsse, Walzer op. 146. (2 р. 85 к.). Colombinen-Galop op. 147. (1 р. 43 к.). Amalien-Walzer op. 148. (2 р. 58 к.). Orion-Quadrille op. 149. 1 р. 72 к.
STRAUSS. Schwedische Lieder, Walzer op. 207. (2 р. 85 к.). Die Schwalben, Walzer op. 208. (3 р. 15 к.). Kathinka-Polka op. 210. (1 р. 72 к.). Quadrille aus der Oper: Des Teufels Antheil. (2 р. 85 к.). Marien-Walzer op. 212. (3 р. 72 к.). Feldbleameln-Walzer op. 213. (2 р. 85 к.). Nador-Koer, Palatinal-Tanz, Quadrille. (2 р. 85 к.). Martha-Quadrille op. 215. (4 р. 29 к.). Die Adepten, Walzer op. 216. (2 р. 85 к.). Schäfer-Quadrille op. 217. (2 р. 85 к.). Tanz-Signale, Walzer op. 218. . . . . 2 р. 85 к.

Новыя пьесы для фортепіано.

BEYER. Huit airs populaires Américains en rondinettos op. 95. № 1 à 8. (Chaque 72 к.). Six morceaux élégantes op. 96. № 1 à 6. (Chaque) . . . 72 к.
BERNARD. Trois romances de Warlamoff. № 1. Тяжело не стало силы. № 2. Ты скоро меня позабудешъ. № 3. Я люблю смотрѣть въ ясну ноченьку, transcrites en pièces de salon . . . . 1 р.
CHOPIN. Trois mazurkas. op. 63. (1 р. 15 к.). Trois valses op. 64. . 1 р. 72 к.
DOEHLER. La Dansante. Grande valse op. 67 . . . . 85 к.
MUENTEN. Fleurs des bois op. 159. № 1. L'épine blanche, valse. № 2. La boule de neige, Polka. № 3. L'accacia rose, Rondo. (Chaque 72 к.). Fantaisie sur l'hymne à Pie IX, thême de Rossini op. 160. (1 р. 15 к.). La boucle blonde. Grande valse op 161 . . . . 1 р. 15 к.
LISZT. Grande paraphrase de la marche du Sultan Abdul-Medjid-Khan 1 р. 43 к.
MAYER. Ch. Valse sentimentale op. 108. (1 р. 29 к.). Ma petite barque. Romance op. 109. (1 р.). Impromptu op. 110. (1 р.). La sicilienne-Tarantelle op. 111. (85 к.) Souvenir de Pologne. Mazurka op. 112. . . . . . . 1 р. 15 к.
MEYER (L. de). Tableaux caractéristiques. Le quatuor dansé à Londres par Taglioni, Carlotta Grisi, Cerrito et Fanny Elsler op. 54. . . . . . . 1 р. 72 к.
PRUDENT. Nocturne sur un motif de l'opéra Lucrezia Borgia . . . 72 к.
ROSELLEN. Fantaisie brillante sur l'opéra Guillaume Tell op. 100. (2 р.). Fantaisie brillante sur l'opéra Robert le diable op. 102. (1 р. 72 к.). Rêverie op. 103. 85 к.
THALBERG. Fantaisie sur l'opéra: La Gazza ladra de Rossini. Decameron № 6. 1 р. 43 к.
VOSS. A ma belle blonde. Valse-caprice op. 84. (1 р. 15 к.). Douze études en style moderne op. 85. liv. 1. 2. Chaque . . . . 1 р. 29 к.
WILLMERS. Un rêve d'amour, Nocturne op. 55. (1 р. 15 к.). Rêverie du soir. Rhapsodie op. 58 . . . . 1 р. 72 к.

Новыя пьесы для фортепіано въ четыре руки.

BEYER. Les délassements. Recueil de petites leçons à quatre mains op. 85. Liv. 1. 2. (Chaque 1 р. 15 к.). Les deux élèves. Six petits duos instructifs. Liv. 1 à 6. (Chaque) . . . . 72 к.

BRUNNER. Deux divertissements sur des motifs de l'opéra: La Clemenza di Tito de Mozart op. 105 № 1 (1 р. 58 к.). № 2 . . . . 1 р. 43 к.

CZERNY. Les trois amateurs. Fantaisie brillante à six mains op. 741. № 1. 2. (Chaque) . . . . 2 р. 29 к.

GUNG'L. Genrebilder. Potpourri à quatre mains op. 69. . . . . . 2 р. 29 к.

MARKS. Potpourris des meilleurs opéras à quatre mains: La Part du Diable d'Auber. La Sirène, Beatrice di Tenda, Montecchi ed i Capuletti, Puritani, Sonnambula de Bellini. Adelia, Don Pasquale, Dom Sébastien. La fille du Régiment, Linda di Chamounix, Lucia di Lammermoor, Maria di Rohan, Les Martyrs de Donizetti. La Juive de Halevy. Elena de Feltre, La Vestale de Mercadante. Saffo de Pacini. Guillaume Tell de Rossini. Ernani, Nabucodonosor de Verdi. (Chaque) . . . . 2 р. 29 к.

MOZART. Simphonies à quatre mains. Douxième série № 13 (1 р. 72 к.). № 14 (1 р. 43 к.). № 15 (1 р. 43 к.). № 16 (1 р. 43 к.). № 17 (1 р. 15 к.). № 18 . . . . 1 р. 43 к.

WOLFF. Les jeunes pensionnaires Six duos faciles op. 147 № 1 à 6. (Chaque) 1 р.

Любимые Русскіе романсы для пѣнія.

АЛЯБЬЕВА. Я пережилъ свои желанья. Романсъ (50 к.) Сирота. Чехская пѣсня 40 к.

ВАРЛАМОВА. Весной передъ пышною розой. Романсъ (50 к.). Испанская пѣсня «Спишъ ли ты моя дѣвица» на два голоса (1 р.). Я люблю смотрѣть въ ясну ночевьку (50 к.). Ты скоро меня позабудешь (50 к.). Соловьемъ залетнымъ. Романсъ (50 к.). Съ тайною тоской (50 к). Баркаролла. «Выйдемъ на берегъ, на два голоса . . . . 70 к.

ГУРИЛЕВА. Сердце. Романсъ (40 к.). Оправданіе. Романсъ слова Лермонтова (50 к.). Я говорилъ при разставаньи (40 к.). Съ тоской на радость я гляжу (40 к.). Матушка Голубушка. Пѣсня (40 к.). Воспоминаніе. Романсъ (40 к.). Горько птичкѣ сидѣть въ клѣткѣ (50 к.). Её здѣсь нѣтъ. Романсъ . . . . 40 к.

ДЕРФЕЛЬДТА. Воронъ, пѣсня (40 к.). Завѣщаніе, романсъ . . . . . 50 к.

РОМАНУСЪ. Погубили меня, пѣсня (40 к.). Я сирота . . . . . . 50 к.

ОСИПОВА. Черноокой, романсъ. . . . . 40 к.

ЯКОВЛЕВА. Когда душа просилась ты, элегія (новое изданіе) . . . . 30 к.

Вотъ на пути село большое. Цыганская пѣсня пѣтая съ большимъ успѣхомъ въ концертахъ Московскихъ цыганъ . . . . 40 к.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер. пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы и объявлены въ какомъ либо каталогѣ.

Въ овомъ же магазинѣ вышла восьмая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: *Rosellen*, Rêverie. — *Friedrich*, La Fiancée morte. Pensée fugitive — *Prudent*, Le Couvre feu. — *Hofmann*, Etude à la valse. — *Swoboda*, Mélodie-Polka. — *Strauss*, Schäfer Quadrille. — *Burgmüller*. Bouquet de l'Infante. Valse favorite. — *Brunner*, Rondo alla polacca. — *Варламова*, Богъ съ тобой. Романсъ. — *Arnaud*, Le croira qui voudra! Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе. № 8 (Годовая цѣна подписки 10 рублей сер., а съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.).

Гг. желающіе подписаться на Нувеллистъ на 1848 годъ получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.